СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ

Книга

2

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ

ДНЕВНИКИ



Сергей Иванович
ВАВИЛОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА

АРХИВ



НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана
академиком С. И. ВАВИЛОВЫМ в 1948 г.

Возобновлена в 1980 г.

МОСКВА НАУКА
2012

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 35

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ

ДНЕВНИКИ
1909–1951

В двух книгах

Книга 2

1920, 1935–1951

Ответственный редактор
доктор экономических наук В.М. ОРЕЛ

Составитель и хранитель личного архива
академика С.И. Вавилова
В.В. ВАВИЛОВА

Редактор-составитель Ю.И. КРИВОНОСОВ

МОСКВА НАУКА
2012

УДК 53(093.3)
ББК 2
В12

Рецензенты:
доктор философских наук Б.И. КОЗЛОВ,
доктор физико-математических наук В.П. ВИЗГИН

Вавилов Сергей Иванович

Дневники, 1909–1951 : в 2 кн. / Сергей Иванович Вавилов ; сост. В.В. Вавилова ; редактор-составитель Ю.И. Кривоносов ; отв. ред. В.М. Орёл. М. : Наука, 2012. – . – (Научное наследство ; Т. 35 : в 2 кн.). – ISBN 978-5-02-037639-7.

Кн. 2 ; 1920, 1935–1951. – 2012. – 605 с.: ил. – ISBN 978-5-02-037640-3.

Материалы дневников являются уникальными документами: в них содержатся сведения о значительных исторических событиях, встречах С.И. Вавилова с руководителями государства, видными учеными, сотрудниками институтов, деятелями искусства, простыми гражданами, а также материалы, отражающие период пребывания С.И. Вавилова на посту Президента Академии наук СССР. Особый интерес представляют записи, повествующие о внутреннем мире этого выдающегося ученого и организатора отечественной науки.

Для историков и читателей, интересующихся событиями нашего прошлого.

ISBN 978-5-02-037639-7
ISBN 978-5-02-037640-3 (кн. 2)

“Если книжку не сожгут, не выбросят, не изорвут, и она дойдет до человека с душой и умом – он, наверное, кое-что из нее поймет относительно трагедии человеческого сознания”.

С.И. Вавилов. Дневник, запись от 16 ноября 1943 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дневники Сергея Ивановича Вавилова (1891–1951), выдающегося ученого-физика, Президента Академии наук СССР (1945–1951), организатора и историка науки, оригинального мыслителя, тонкого ценителя искусства охватывают почти всю первую половину драматичного для России XX в. Дневники много лет хранились в семейном архиве Вавиловых, и только в конце прошлого века появилась возможность их опубликования. По решению сына С.И. Вавилова – Виктора Сергеевича его супруга Валерия Васильевна Вавилова начала необходимую подготовительную работу, в которую позднее включился Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук.

Вторая книга дневников С.И. Вавилова включает записи, сделанные в 1920 г. и с 1935 по 1951 г. Дневниковые тетради и блокноты, в которых делались записи, в определенной мере дают дополнительную информацию об обстоятельствах написания дневников.

Дневник 1920 г. – блокнот размером 17,5 × 11 см в светло-коричневом кожаном переплете с «карманом» на внутренней стороне обложки и пистоном для карандаша или тонкой ручки. Он очень похож на блокноты, в которых делались военные записи – 1914–1916 гг. Все записи, что не характерно для дневников, даже писавшихся в военные годы, сделаны карандашом. Первая запись 14/1 апреля[1] начинается словами: «Опять я принялся за дневник. На то есть причины...». Вероятно, возобновляя прерванные записи, С.И. предполагал, что будет вести дневник регулярно, как в предшествовавшие годы – с 1909 по 1916 г.

Однако было сделано только шесть записей – четыре в апреле и по одной в мае и июне. Понять некоторые записи этого дневника можно только зная, что это были месяцы, когда С.И. принимал важнейшее для себя решение о женитьбе на Ольге Михайловне Багриновской. В завуалированном виде он передает свои чувства, переживания и колебания при принятии окончательного решения. В последней записи от 8 июня 1920 г. читаем: «...Последний нынешний денечек справляю я с самим собой...» Уже 25 июня состоялось венчание, и, вероятно, потребность в дневнике как единственном близком собеседнике отпала[2]. Пройдет еще 15 лет прежде чем С.И. вновь обратится к

---

[1] Все даты в этом дневнике приведены С.И. в новом и старом стилях.

[2] См.: Из воспоминаний Ольги Михайловны Вавиловой-Багриновской // ВИЕТ. 2004. № 2. С. 45.

ведению дневниковых записей. В самом блокноте 1920 г. часть незаполненных страниц использовалась для каких-то других целей, они были вырваны, при этом пострадали заполненные страницы в нижнем срединном углу, что затрудняло прочтение некоторых фраз.

В 1935 г. ведение дневника вновь возобновилось. Толчком к этому послужила последняя зарубежная командировка С.И. Дневник поездки велся регулярно и использовался затем при подготовке официального отчета о командировке[3]. Дневниковые записи этой поездки заносились в стандартную «Общую тетрадь» в твердом переплете объемом 132 стр. На титульной странице запись: «Дневник путешествия за границу. Май 1935 г.». Одновременно С.И. начал делать записи в большом толстом блокноте в синем коленкоровом переплете размером 21 × 15 см, сделанном специально по его заказу в издательстве Академии наук (см. запись от 16.11.1943). По всей видимости, вначале он предназначался для научных заметок. Уже после заполнения блокнота на внутренней стороне обложки, судя по цвету чернил, С.И. указал его содержание и пронумеровал страницы:

1. Научные записи 1935–1943 гг. стр. 1–383.
2. Дневник 1936–1942 гг. стр. 385–609.
3. Из книг 1940–1943 гг. стр. 610–640.
4. Дневник 1942–1943 гг. стр. 641–706.
5. Написано в Йошкар-Оле стр. 707–708.
6. Читал 1940–1943 стр. 709–715.

В разделе «Научные записи»[4] первая из них сделана в Париже 1 июля 1935 г., затем 24 июля в Берлине и последующие записи в сентябре–ноябре в Ленинграде. В 1936 г. первая запись относится к 24 июля, когда С.И. отдыхал в Крыму в Доме отдыха в Бати-Лимане. Одновременно примерно половину блокнота С.И. отводит для дневника и делает две первые записи 26 и 28 июля. Через год там же в Бати-Лимане дневниковые записи возобновляются, их уже три – 23, 25 и 27 июля. И в последующие три года 1938–1940 гг. записи делались в основном во время отдыха или болезни – Бати-Лиман, Алибек (Тиберда, Карачаево-Черкесия), Поречье (под Звенигородом), Кремлевская больница, санатории «Барвиха», «Узкое» (Москва), «Железо» (Ленинград). Однако уже с сентября 1940 г. записи становятся более регулярными, они ведутся и в Москве и в Ленинграде. В связи с наиболее важными для себя событиями С.И. делает в дневнике вклейки или вставляет между страницами письма. Так, после записи 7 апреля 1938 г.: «Матушка умерла в ночь с 4 на 5 апреля…» на стр. 392–395 вклеены пять ее фотографий – три в больнице, одна – на смертном одре и одна, вероятно, за несколько месяцев до болезни. На стр. 396 и 397 вклеены письма от жены – Ольги Михайловны в связи с болезнью матери – Александры Михайловны. Из одного из них явствует, что фотографии были сделаны Олегом Николаевичем Вавиловым, сыном Николая Ивановича, который жил с бабушкой. Между страницами

[3] Отчет о поездке за границу. АРАН. Ф. 596. Оп. 2. Д. 30.

[4] Анализ материалов «Научных записей» см.: *Погребысская Е.И.* Сергей Иванович Вавилов и его Научные записи. 1935–1943 гг. // Исследования по истории физики и механики. 2006. М.: Наука, 2007. С. 78–85.

449–450, вслед за записью от 3 апреля 1940 г. о смерти сестры Александры Ивановны вложены письмо от жены Ольги Михайловны и записка от сына Виктора. Между страницами 483 и 484 после записи от 13 августа об обыске у брата Николая вложено письмо С.И. на имя В.А. Веснина, президента Академии архитектуры, мужа сестры О.М. Вавиловой-Багриновской, с просьбой обратиться к Сталину или Молотову в связи с арестом Н.И. Вавилова, датированное 24 августа 1940 г. Тексты писем приведены в приложениях.

На страницах 518, 519, 520 вклеены вырезки из газет «Правда», «Известия», «Московская Правда» с фотографиями из зала заседаний IV сессии Верховного Совета РСФСР, на которых в первом ряду у прохода запечатлен депутат Сергей Иванович Вавилов. На стр. 572 между записями от 25 и 28 декабря 1941 г., сделанными в Йошкар-Оле, вклеена фотография кладбища немецких солдат, вырезанная из газеты «Известия».

Еще одна вырезка из газеты «Известия» от 15 октября 1942 г. № 243 (указано С.И.) – фрагмент статьи под названием «Фронтовой дневник» Евгения Петрова – вклеена на стр. 516.

В тексте статьи чернилами выделен абзац, посвященный использованию светящихся гнилушек для обрамления дорожек между палатками в военном лагере, что помогало ориентироваться в ночное время. Несомненно, именно это обстоятельство вызвало интерес С.И. к заметке.

Между страницами 702 и 703 вложена вырезка из газеты «Известия» с фотографией президиума торжественного заседания «Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы в ноябре 1943 г. Товарищ И.В. Сталин делает доклад». Ближайшая запись к этой дате сделана в дневнике 9 ноября в Йошкар-Оле.

На стр. 473 в правом верхнем углу нарисовано человеческое лицо с парящей над ним шляпой. Судя по тексту, вероятно, так представлял себе С.И. сказочника Гофмана.

В дневнике имелись записи, которые С.И. по каким-то причинам изъял. Так, после стр. 466, на которой сделана запись от 24 июня 1940 г., оторвано ¾ страницы, причем оставшаяся четвертушка помечена номером 467.

На стр. 574 отрезана нижняя часть страницы с концом записи от 31 декабря 1941 г., сделанная в Йошкар-Оле. Последняя запись в этом блокноте, или как именует его С.И. «траурной книге», сделана 16 ноября 1943 г. в Йошкар-Оле.

Для продолжения дневниковых записей С.И. использовал блокнот в темно-синем жестком переплете размером 20 × 13 см с внутренней вставной частью. В блокноте 100 ненумерованных страниц. Записи делались в Москве, Ленинграде, Казани, Йошкар-Оле. Первая запись сделана 19 ноября 1943 г. в Казани, а последняя 24 января 1945 г. в Йошкар-Оле.

Одновременно с дневником в стостраничном блокноте такого же цвета чуть меньшего формата С.И. продолжил вести «Научные записи», первая из которых помечена 17 декабря 1943 г. Когда закончилось место в предыдущем дневниковом блокноте, С.И. продолжил записи в этом блокноте со стр. 43, оставив место для продолжения научных записей. Первая дневниковая запись сделана 28 января 1945 г. в Москве. Когда закончилось место, отве-

денное для дневника, С.И. использовал незаполненные страницы раздела «Научных записей» и вернулся для продолжения дневника на стр. 21.

Правда, до этого он использовал две, вероятно, случайно пропущенные страницы 84 и 85. (Текст записи 22 июля, начатый на стр. 84, перескочил на стр. 86, и эти две страницы вначале оказались незаполненными.) Таким образом, продолжение записи на стр. 100 перешло на стр. 84, а запись на стр. 85 продолжена на стр. 21.

Последняя запись от 31 декабря 1945 г. сделана на стр. 42, и блокнот оказался полностью заполненным.

Продолжение дневниковых записей в 1946 и 1947 гг. осуществлялось в специальной тетради в коричневой твердой обложке размером 23,5 × 18 см. В отличие от большинства предыдущих записей в этой тетради они делались только с одной стороны страницы. Страницы не нумерованы, всего их 173.

В записи от 27 октября 1946 г. страница вырезана внизу с частью текста.

После дневниковых записей в конце тетради несколько страниц отведено для записей: «Прочитанные книги. 1946 г.» (по месяцам), затем «Написанное. 1946 г.» и «Написанное в 1947 г.» и вновь: «Из книги. Москва, 26.11.46», «Прочитанные книги. 1947 г.» (7 страниц) и выписки «Из книг», «Лгр. 24.III.1947», затем «Узкое. 1 августа 1947 г.».

Дневниковые записи 1948 и 1949 гг. сделаны в аналогичной тетради в твердом темно-коричневом переплете. На внутренней стороне обложки сделана надпись:

«С.И. Вавилов
Москва
Дурновский пер. 1 б. кв. 2
Ленинград. В[асильевский] О[стров]
Биржевая Л[иния] 4. кв. 5.

Страницы не нумерованы. Всего в тетради 184 стр.

На обороте первой страницы с датой «1948 г.» вклеена вырезка из газеты с видом зимнего Ленинграда, на которой С.И. сделал надпись: «Лен. Правда 13.I.48. Рис. Полякова».

К записи от 27 июня 1948 г. «Мозжинка. Воскре[сенье]... нашел редкостную «тройную» землянику»: сделана зарисовка этого цветка.

На стр. 61 над записью: «29 авг[уста]. Мозжинка, воскр[есенье] утро» – помещен рисунок, занимающий верхнюю половину страницы, сделанный цветными карандашами, – вид из комнаты дачи на балкон и открывающийся пейзаж с соснами на первом плане, полем и рекой.

В месте окончания записей 1948 г. и начала записей 1949 г. вырезана страница с оставлением узкой полосы шириной 3 см как разделителя между годами.

В записи от 13 июня 1949 г., начатой на 118 странице, на следующей 119-й отрезана нижняя половина страницы. На обратной ее половине нарисованы два «сухопальцевских» дома – одноэтажный в 1917 г. и двухэтажный в 1949 г.

В тетрадь было вложено письмо от Б.Ф. Васильева, фамилия которого неоднократно упоминается в дневниках, соученика С.И. по коммерческому училищу, с пометкой на конверте «Лично», датированное 14.IX.1946 г.

Последние дневниковые записи 1950 – начала 1951 г. – в блокноте размером 12,5 × 17 см в темно-коричневом кожаном переплете, сделанном по заказу С.И. Вавилова. На обложке в нижнем правом углу оттиск «С.И. Вавилов». На внутренней стороне обложки традиционно указано: «Сергей Иванович Вавилов» и московский и ленинградский адреса. В отличие от предыдущего блокнота указаны номера телефонов: Москва – Г1–50–67, Ленинград – 81–45.

Последние две записи датированы Вавиловым 21 января 1951 г. в 5 ч. и в 12 ч. вечера.

В конце блокнота после незаполненных страниц сделано несколько записей: «Из книг», «Работы за время отпуска 1950 г.» и «1951 г.», «Прочитанные книги 1950 г.» (по месяцам) и «1951 г. январь».

* * *

Тексты дневниковых записей С.И. Вавилова приводятся без каких-либо изъятий. Нераспознанные слова отмечены ⟨нрзб⟩. В квадратных скобках помещены раскрытия авторских сокращений. Слова, расшифровываемые неоднозначно, отмечаются в подстрочнике. В подстрочнике же помещены переводы иностранных слов и текстов. Орфография и пунктуация за редкими исключениями приведены в соответствие с действующими в настоящее время правилами.

Научно-справочный аппарат содержит комментарии и примечания, а также именной указатель.

Книга 2 подготовлена к изданию при непосредственном участии доктора химических наук В.В. Вавиловой, хранителя личного архива С.И. Вавилова. В.В. Вавилова внесла определяющий вклад в осуществление издания дневников, провела поиск и анализ материалов архива, первичную расшифровку некоторых текстов, подбор фотографий, хранившихся в архиве семьи Вавиловых, и некоторых документов, включенных в публикацию.

Подготовка рукописных дневников С.И. Вавилова к публикации, их текстологический анализ, расшифровка трудночитаемых текстов и слов, осуществление переводов с иностранных языков, составление примечаний, комментариев и указателей проведены рабочей группой, созданной Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. Руководитель группы – Ю.И. Кривоносов (дневник 1920 г., предисловие, краткий биографический очерк «Сергей Иванович Вавилов», подбор фотографий и документов, примечания, архивные изыскания в АРАН, редактирование); члены группы – И.М. Адуло (дневники 1935–1943 гг., именной указатель, переводы); А.В. Андреев (дневники 1943–1947, 1949 гг., примечания и комментарии и именной указатель); Е.И. Погребысская (дневники 1935, 1948 гг., переводы текстов и редактирование, примечания, именной указатель); К.А. Томилин (дневник 1950–1951 гг., комментарии, именной указатель, окончательная сверка текстов с оригиналом); Б.А. Старостин (основные переводы текстов, написанных на иностранных языках). Компьютерная подготовка рукописи осуществлена К.А. Томилиным при участии Т.М. Гавриловой.

Примечания и комментарии, материалы именного указателя готовились в основном расшифровщиками соответствующих разделов текста, но и в значительной мере стали результатом коллективной работы.

В 2006–2007 гг. работа выполнялась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 06-03-00058а, руководитель проекта – ответственный редактор данного издания В.М. Орёл.

Особую помощь рабочей группе по подготовке дневников С.И. Вавилова оказала кандидат исторических наук Н.В. Бойко, ученый секретарь серии «Научное наследство». Ее методологические рекомендации, конкретное участие в расшифровке трудночитаемых слов, сверке текстов с подлинниками, постоянное консультирование, организационные и редакторские советы ускорили ход работ.

Принципиальное значение имели решения, принятые на начальной стадии организации работы и ее финансирования бывшим в то время директором ИИЕТ РАН доктором экономических наук В.М. Орлом, в настоящее время советником РАН, который и в дальнейшем на всех этапах работы обеспечивал ее проведение.

Постоянное внимание и необходимую помощь в работе по подготовке издания оказывал директор Архива РАН кандидат исторических наук В.Ю. Афиани.

Мы также признательны старшему научному сотруднику Архива РАН, заведующей читальным залом И.Г. Таракановой за постоянную помощь в поиске и подготовке архивных документов.

Выражаем также признательность сотрудникам сектора истории физики и механики ИИЕТ РАН Н.В. Вдовиченко, В.П. Визгину, А.В. Кессениху за неоценимую помощь при подготовке материалов к изданию.

Наша глубокая благодарность и признательность академику В.С. Мясникову, поддерживавшему работу по изданию дневников С.И. Вавилова на всех ее этапах.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ
(краткий биографический очерк[1])

Сергей Иванович Вавилов родился 12(24).03.1891 г. в Москве в семье крупного текстильного предпринимателя, давшего своим детям хорошее образование и возможность заграничных поездок, которые Сергей Иванович использовал для глубокого знакомства с мировой и особенно любимой им итальянской культурой и искусством.

После окончания в 1909 г. коммерческого училища он, сдав дополнительный экзамен по латинскому языку, поступил в Московский университет.

Еще во время учебы в Московском университете (1909–1914) он начал принимать участие в работе физической лаборатории знаменитого ученого П.Н. Лебедева, где окончательно сформировался его глубокий интерес к фундаментальным проблемам физики и возможностям их практического решения.

По окончании университета С.И. Вавилов был призван как вольнонаемный в армию. Став участником начавшейся вскоре Первой мировой войны, прошел всю войну, служа вначале в саперных, а затем в радиотехнических войсках; попал в плен, совершил удачный побег, познал все тяготы солдатской службы.

С 1918 г. началась его исследовательская и преподавательская деятельность. Он работал в отделе физической оптики в Институте физики и биофизики, которым руководил ученик П.Н. Лебедева академик П.П. Лазарев, читал лекции в Московском университете, Высшем техническом училище, Московском высшем зоотехническом институте, получил профессорское звание.

В 1926 г. С.И. Вавилов был направлен Институтом физики и биофизики на полугодовую научную стажировку в Германию, где работал в лаборатории ведущего в то время специалиста по люминесценции П. Прингсгейма.

В 1931 г. С.И. Вавилов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1932 г. академиком.

С 1932 г. он, переехав в Ленинград, возглавил физическую лабораторию, а с 1934 г. – образованный на ее основе Физический институт Академии наук,

[1] Поскольку дневники С.И. Вавилова издаются в двух книгах (1909–1916 и 1920, 1935–1951), которые к читателю могут попасть по отдельности, составители посчитали целесообразным в дополнение к биографии С.И. Вавилова, помещенной в первой книге, включить во вторую книгу краткий биографический очерк, имеющий непосредственное отношение к событиям и годам, описываемым в дневниках этого периода.

выделившийся в самостоятельное учреждение из Физико-математического института. По предложению С.И. Вавилова Физический институт стал носить имя П.Н. Лебедева. По инициативе основателя Государственного оптического института (ГОИ) академика Д.С. Рождественского в 1932 г. С.И. Вавилов был назначен научным руководителем этого института.

Его деятельность на этом посту была чрезвычайно плодотворной и на многие годы предопределила структуру и главные направления работ этого крупнейшего научного центра, охватывавшие все основные проблемы оптики, включая приготовление оптического стекла, разработку сложнейших оптических приборов и решение огромного комплекса важнейших прикладных научных задач, а также теоретических вопросов оптики.

Одним из собственных направлений научных исследований С.И. Вавилова были проблемы физической оптики и ее важного раздела – люминесценции. В ГОИ им была создана специальная лаборатория, которой он руководил многие годы, даже после того как из-за огромной нагрузки по другим работам был вынужден отказаться от научного руководства институтом.

После перевода в 1934 г. Академии наук из Ленинграда в Москву Физический институт, также перебазированный в Москву, под руководством С.И. Вавилова быстро превратился в крупнейший многопрофильный физический научный центр. Главной заботой С.И. Вавилова в процессе развития ФИАНа было привлечение высококвалифицированных научных кадров. В институт были приглашены выдающиеся физики – Л.И. Мандельштам, Г.С. Ландсберг, Н.Д. Папалекси, И.Е. Тамм, Н.Н. Андреев, Д.В. Скобельцын и др. Особое внимание С.И. Вавилов уделял подготовке молодых кадров в различных направлениях физической науки. Среди представителей молодого поколения физиков довоенного призыва, прошедших фиановскую школу при С.И. Вавилове, можно назвать будущих членов Академии – И.М. Франка, В.Л. Гинзбурга, П.А. Черенкова, Е.Л. Фейнберга и др. В ФИАНе трудами С.И. Вавилова была создана выдающаяся школа исследователей в области физической оптики и, в частности, люминесценции. В числе его учеников были В.В. Антонов-Романовский, В.Л. Левшин, М.А. Аленцев, М.А. Константинова-Шлезингер, А.А. Черепнев и др.

Одним из важнейших результатов работ С.И. Вавилова, его научного предвидения и глубокого понимания физических процессов было открытие эффекта Вавилова–Черенкова. За это открытие С.И. Вавилов и его сотрудники в 1946 г. были удостоены Государственной премии, а в 1958 г., спустя 7 лет после смерти С.И. Вавилова, П.А. Черенков, И.М. Франк и И.Е. Тамм получили Нобелевскую премию. В своей Нобелевской лекции И.Е. Тамм сказал: «...Мы в СССР употребляем наименование “Вавилова–Черенкова излучение” вместо “Черенковское излучение” с целью подчеркнуть определяющую роль покойного профессора С. Вавилова в открытии этого излучения».

П.А. Черенков в своей книге о Сергее Ивановиче Вавилове отмечал, что «это открытие могло осуществиться только в такой научной школе, как школа С.И. Вавилова, где были изучены и определены основные признаки люминесценции и где были разработаны строгие критерии различения люминесценции от других видов излучения. Не случайно поэтому, что даже в

такой крупнейшей школе физиков, как парижская, прошли мимо этого явления, приняв его за обычную люминесценцию».

Научное предвидение С.И. Вавилова позволило ему уже в первые годы существования ФИАНа организовать исследования в области ядерной физики. Из-за отсутствия подготовленных специалистов он сам до 1938 г. возглавлял отдел физики атомного ядра и тщательно подбирал ученых для работы в этом направлении.

В 1938 г. по докладу С.И. Вавилова Президиум Академии наук создал Комиссию по ядерной физике под его председательством, в которую входили А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатов, А.И. Алиханов, В.И.Векслер, И.М. Франк. Впоследствии сотрудники теоретического отдела института В.Л. Гинзбург, А.Д. Сахаров, И.Е. Тамм, рекомендованные С.И. Вавиловым, сыграли ведущую роль в развитии ядерного направления в ФИАНе и создании водородного оружия.

В годы Великой отечественной войны, несмотря на эвакуацию институтов, которыми руководил С.И. Вавилов, в разные города – ГОИ в Йошкар-Олу, где он жил, а ФИАНа в Казань, он продолжал работать в обоих институтах. И это при том, что ему приходилось преодолевать невероятные трудности при постоянных переездах между этими городами. В 1943 г. С.И. Вавилов был назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны по оптической промышленности. Круг его обязанностей и объем исследовательских, прикладных и внедренческих работ, которые ему пришлось организовывать, еще более расширился, как и необходимость участившихся переездов, особенно в треугольнике Йошкар-Ола–Казань–Москва.

В результате работ, проводившихся в ГОИ, для нужд армии были созданы новые образцы дальномеров, стереотруб, приборов для аэрофотосъемки, разработаны специальные методы светомаскировки военных объектов. Продолжались работы по вычислительной оптике, созданию новых видов оптических стекол, разработка методов спектрального анализа для оборонных заводов и многих других прикладных направлений.

Большие работы оборонного значения велись под руководством С.И. Вавилова и в ФИАНе. О результатах этих работ он говорил, что без всякого принуждения лаборатории изменили свои темы так, чтобы они помогали Красной Армии, военной промышленности, госпиталям. Институт помог в Казани запустить производство светящихся составов постоянного действия, разработал и внедрил в производство методы приготовления керамической массы для радиоконденсаторов, создал и передал в промышленность дефектоскопические приборы, для госпиталей был сделан новый рентгеновский стереоприбор. Теоретики института участвовали в работах по борьбе с магнитными и акустическими минами.

Прозорливость С.И. Вавилова нашла отражение и в том, что в 1941 г. он организовал эвакуацию библиотеки ФИАНа, и она оказалась единственной академической библиотекой, которой пользовались все институты, находившиеся в Казани.

За работы оборонной направленности в 1943 г. С.И. Вавилов был награжден Орденом Ленина и ему была присуждена Государственная премия.

В 1943–1945 годах С.И. Вавилов руководил возвращением ФИАНа, а затем ГОИ в Москву и Ленинград, приложив огромные усилия для восстанов-

ления институтской инфраструктуры и возобновления нормальной научной работы.

В июле 1945 г. в связи с болезнью и по «личной просьбе» был освобожден от поста Президента АН СССР В.Л. Комаров и на этот пост был избран С.И. Вавилов. Перед ним встали новые огромные проблемы, связанные с необходимостью ускоренного развития науки в обескровленной войной стране. В одном из выступлений в начале своей деятельности по руководству Академией наук С.И. Вавилов сформулировал «ряд условий, совершенно необходимых для правильного и быстрого роста науки...». К этим условиям он относил:

1) кадры, т.е. большое число хорошо обученных людей, умеющих вести научную работу, владеющих техникой специальных областей;

2) большие удобные институты и лаборатории, иногда с весьма специализированными помещениями;

3) разнообразное научное оборудование,.. хорошие специальные библиотеки, в которых представлена мировая научная литература по данной области знания;

4) вспомогательные мастерские...;

5) широкое и своевременное внедрение научных работ технического значения и возможность быстро публиковать научные результаты, не составляющие секрета;

6) правильную систему научно-исследовательских учреждений;

7) бытовую обеспеченность ученого, возможность для него сосредоточить свою энергию и знания на решении научных задач.

Несмотря на труднейшую обстановку послевоенной разрухи С.И. Вавилову удалось последовательно осуществить выполнение намеченных задач, организовать восстановление и строительство многих новых научных институтов, обсерваторий и горных станций по изучению космических лучей, крупных установок, в числе которых синхроциклотрон ФИАНа, первый ядерный реактор и многие другие. Обладая выдающимися способностями организатора науки, С.И. Вавилов создал систему связей региональных научных центров и республиканских академий наук и возглавил Совет по координации научной деятельности академий союзных республик. Он способствовал развитию исследований в наиболее важных в то время новых научно-технических направлениях, связанных с использованием ядерной энергии в народном хозяйстве и с развитием ракетной техники. При Президиуме Академии наук был создан специальный Ученый совет по распространению методов ядерной физики в различных сферах науки и техники, который возглавил С.И. Вавилов.

Еще с 1933 г. С.И. Вавилов возглавлял комиссию по изучению стратосферы; в послевоенные годы диапазон исследований расширился, проводились работы по изучению верхних слоев атмосферы, а затем космического пространства. При участии С.И. Вавилова при Президиуме АН была создана комиссия по космосу, в которую входили академики С.П. Королев, М.В. Келдыш и др., а под председательством С.И. Вавилова проводились специальные совещания, обеспечивавшие координацию усилий различных академических организаций, привлекавшихся к этим исследованиям.

Широкий диапазон интересов и высокая культура сделали С.И. Вавилова признанным авторитетом в области истории и философии науки и техники. Знание иностранных языков позволило ему осуществить переводы и написать оригинальные научные исследования о деятельности выдающихся мыслителей прошлого – Лукреция, Ньютона, Галилея, Эйлера, Ломоносова. Им были написаны работы по философским проблемам современной физики, в частности, книга «Экспериментальные основания теории относительности».

Особая заслуга принадлежит С.И. Вавилову в развитии издательского дела в Академии наук, им были основаны новые серийные издания «Классики науки», «Научное наследство», «Литературные памятники», он возглавлял редактирование «Материалов и биографий ученых», был главным редактором нового издания «Большой Советской Энциклопедии».

С.И. Вавилов придавал большое значение популяризации научных знаний и успехов в развитии науки и техники. Им был написан ряд блестящих научно-популярных работ, включая ставшую классической книгу «Глаз и солнце», отмеченную Государственной премией.

Параллельно с огромной научной и организаторской работой на посту Президента Академии наук СССР С.И. Вавилов проявил себя и как выдающийся общественный и государственный деятель. При его участии и по его инициативе было организовано Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний, которое он возглавлял с момента создания.

Большую работу он выполнял как депутат Верховного Совета, вначале РСФСР, затем СССР, председатель и член многих академических и общественных комиссий и комитетов. Причем это не было формальным членством, во все дела, в которых ему приходилось участвовать, он вносил свой весомый вклад.

Деятельность С.И. Вавилова на постах руководителя двух крупных институтов и особенно на посту Президента АН СССР проходила в сложной политической обстановке, под постоянным идеологическим прессом, в годы репрессий и разгула политико-идеологических кампаний. В 1940 г. был арестован и погиб в 1943 г. в тюрьме любимый брат Сергея Ивановича, выдающийся ученый-генетик, организатор сельскохозяйственной науки в стране Николай Иванович Вавилов. И то, что Сергей Иванович ушел из жизни в день очередной годовщины гибели брата, не просто роковое совпадение, а подтверждение того, что в его памяти эта самая большая для него утрата, бессмысленная и жестокая, не давала ему покоя, лишала жизненной энергии. Арестам и преследованиям подвергались и ближайшие сотрудники из лаборатории С.И. Вавилова, и академики – руководители ряда академических институтов.

Неимоверные моральные страдания и осознание собственного бессилия причиняли Сергею Ивановичу идеологические процессы наподобие печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. и последовавшие за ней спровоцированные властью другие негативные явления в науке. С большим трудом здоровые силы в физическом сообществе при непосредственном участии С.И. Вавилова предотвратили идеологический погром в физике. В этих условиях С.И. Вавилову приходилось идти на компромиссы, искать пути

минимизации отрицательных последствий политико-идеологического диктата власти, находить возможности помощи ученым – жертвам политических репрессий.

Публикуемые дневники приоткрывают нам внутренний мир этой неординарной личности, мир, который остался практически неизвестным даже его ближайшим сотрудникам и окружению разных уровней – от высших руководителей страны до простых посетителей депутатских приемов и лаборантов институтов, с которыми он постоянно взаимодействовал. Трудно представить, как человек, после ареста брата постоянно мечтавший о тихом уходе в небытие, мог выполнять такую титаническую научную и организационную работу на благо своей страны. В дневниках содержатся и резкие высказывания о положении дел в Академии наук в различные периоды, а также в отношении отдельных известных деятелей науки. Будучи человеком высочайшей порядочности и честности, С.И. Вавилов остро реагировал на проявления отклонений от этических и моральных норм даже в тот тяжелейший период в жизни науки и страны. Несомненное влияние на восприятие окружавшей его действительности и поведение отдельных людей оказала трагедия брата Николая Ивановича Вавилова, ощущение которой постоянно присутствовало и в памяти, и в действиях С.И.

В истории отечественной науки С.И. Вавилов остается выдающимся ученым и руководителем научных коллективов и Академии наук в целом, который смог, подавляя свои внутренние трагические переживания, постоянный моральный прессинг, внести неоценимый вклад в развитие науки, основать свою научную школу, способствовать развитию новых научных направлений, воспитать учеников и последователей.

ДНЕВНИК

1920

Москва, 14/1 апреля

Опять я принялся за дневник. На это есть причины[1]. Хотя можно ли и стоит ли об этом писать? И для кого? Опять письма к самому себе. Дело в том, что я, кажется, собираюсь выскочить из Spiegel-Existenz'a*. Для меня совершенно неис[п]ытанные ощущения, четвертое измерение – хотя для других и всех заштампованные и старые, как люди, слова. Вот и написать их не хочется, или храбрости не хватает. И не полетит [ли] к черту все остальное и не начать ли бороться пока еще [есть] время?

Сестра больна – не знаю, еще в живых ли? И физика моя.

Весна. Закружилась моя несчастная голова, и нет уже прежней ледяной вершины. Вот почему и писать начал. Во мне – революция.

17/4 апреля

Из стадии воображения все это пока еще не выходит.

Но зато и воображение-то стало совсем новым, мне незнакомым, моloденьким и наивным. Пожалуй, жить проще и веселее стало. Но vivremo vedremo*, от этого веселья до сугубой меланхолии очень недалеко и во всяком случае все не от меня зависит.

Старый мой демон – объективизм в самые хорошие, плохие, трогательные и отвратительные минуты остался и лукаво с ядовитой улыбкой на меня посматривает, ну да пускай его смотрит. Живет-то не он, а «я», совсем не объективный.

Прежний вопрос остался, не начать ли бороться. Нет, пожалуй, лучше быть побежденным. И опять лукавая fatality[2*] выглянула – сегодня на коллоквиуме в речи П.П.[1] о Helmholtz'е. Но главное – пока все только воображение и, может быть, пустые мечты.

24/11 апреля

Все это очень тонко и, в конце концов, malgré moi*. Не знаешь, верный шаг делаешь или споткнешься. Бессознательное лукавство и дипломатия.

---

* Вероятно, имеется в виду «зазеркалье», зазеркальное существование (*нем.*).

* Поживем – увидим (*лат.*).

[2*] Неизбежность, фатальность (*англ*).

* Вопреки мне (*фр.*).

И по-прежнему нет уверенности, ее даже меньше прежнего. Но из колеи я выбит. Может быть, это к добру.

Сегодня весьма циничная (с моей стороны) беседа с Предводителевым[1] о моем Standpunkt'e[2*], или моей лестнице, по которой очень умело поднимаюсь и опускаюсь, смотря по обстоятельствам. Да я без точки опоры, но вот это, это новое тянет безудержно помимо всех ступенек и лесенок.

Когда-то ждал я всяких Wendepunkt'ов[3*] смертей и воскресений... теперь жизнь всюду одинакова, но новое тянет и, главное, malgré moi. В этом, может быть, и спасение. Т.е. какое уж тут спасение?

<u>26/13 апреля</u>

Печально. Я да мать и тишина в доме. Она не может без меня, я без нее. А в голове у меня хаос, и тянет меня совсем к новому. Да, вот теперь-то развалилось наше старое пресненское житие. Ходит старушка да плачет, что у нее зеркало [разбилось], да третьегодняшняя просфора лопнула, не к добру, примета нехорошая. На это похоже. – А рядом в детском саду голосят «Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки»[1].

«У гробового входа
младая будет жизнь играть
и равнодушная природа
красою вечною сиять»[2].

Нехорошая только эта молодая жизнь, бездушная, не люди, а камни, кирпичи для будущего коллектива.

Что же осталось? Физика (но это игрушка), да это новое еще, только начинающееся (а может быть, и оканчивающееся), да, пожалуй, еще «охота к перемене мест» без смысла, но и без ос[та]новки. Ну а еще мыло с веревкой? Бог?

<u>9 мая н.ст. воскресенье</u>

Началось с Нескучного сада, потерянного Einstein'a[1], моей чудной пробной лекции, а кончилось нелепой акустической какофонией за Пресненской заставой. Вот уже 6 часов рвутся снаряды где-то на Хорошевских складах[2]. Почему? Бог весть. Старое впечатление ураганного огня, но бессмысленного, самопроизвольного. На Пресне это третье событие на моей памяти. Сначала Ходынка[3], потом декабрь 1905 г.[4], а вот теперь эта какофония. События пошли резче, и я чувствую себя способным [соверш]ить Salti mortali[*].

[2*] Статус (*нем.*).
[3*] Поворотный пункт, перелом, кризис (*нем.*).
[*] Смертельные номера, рискованные шаги (*ит.*).

<u>8 июня н.с.</u>

Spiegel ist zerbrochen? Oder noch nicht? Was weiss ich heute Morgens ist der fatale Schritt, oder wieder Halbschritt gemacht. Schwindel im Kopfe, noch niemals empfundene Stimmung. Neugeboren oder tot![*]

Последний нынешний денечек
Справляю я с самим собою[1].

Aber trotzdem möchte ich mit einer Hand an Trümmer meines Spiegels festhalten[2*].

А будь что будет, плыви, мой челн, по воле волн[2]. Прыгать в окошко не ст[ану] во всяком случае.

---

[*] Зеркало разбито? Или еще нет? Я знаю, что сегодня утром сделан роковой шаг, или опять полшага. В голове сумбур, еще никогда не испытанное мною чувство. Заново родился или умер! (*нем.*).

[2*] Но, несмотря на это, я хотел бы одной рукой удержать осколки моего зеркала (*нем.*).

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ЗА ГРАНИЦУ

1935[1]

19 мая

В Варшаве очутился около 10 ч. вечера, на вокзале меня встретили A. Jabłoński, I. Bóbr и pr. Pier Kowski. Устроился в гост[инице] Polonia на Иерус[алимской] аллее. Был со всеми тремя в кафе, где наметили три доклада – в у-те, физ[ическом] об[ществе] и conversatorium[1]. Предварительно говорил с J[abłoński] о люмин[есцентных] делах.

На Иер[усалимской] аллее освещение плохое. Высокие старые фонари (может быть, оттого, что завешены крепом по случаю смерти Пилсудского). Много рекламных газосветных ламп, в том числе с зеленым светом, которого у нас не получают.

20 мая

Утром был в посольстве. Видел и говорил с полпредом Довтяном. Часа 2 ходил по Иер[усалимской] аллее и Маршалковской[1]. По улицам – Торгсин[2]. В 3 ч. опять в полпредстве. Затем до 9 часов в Физическом И-те. Новое здание, очень хорошее, с прекрасным двором, но внутри необычайно провинциальное. Убогий общий практ[икум] шаблонного типа. Ни одной своей задачи. Спец. практикум тоже очень слаб и, вернее, похож на часть общего. Научные работы дипломантов, которые видел до сей поры (штук 10), необычайно ординарны и скучны, хотя оборудование скучное. Затем заседание польск[ого] Физ. О-ва – это Казань какая-то! Вечером с J[abłoński] и B[óbr'ом] в каком-то дешевом ресторанчике пообедал индюшкой и немного поговорил. Варшава уютна, но что-то над ней провинциальное и невеселое.

21 мая

Утром 21-го ездил с Яблоньским на машине pana rectorza*, т.е. Пеньковского, в Вилланов. Дворец Собесского очень уютен, но скромен и не очень красив. Под дождем походили по аллеям со сплошными лиственными стенами. Затем заказывал очки у Gerlach'а, пошли с Я[блоньским] на Старо Място. Это – совсем хорошо, но опять не очень красиво, но уж очень исторично и настоящая Старая Польша. После обеда (а кушают здесь здорово) пошел в Физ[ический] И-т. Осматривал работы. В И-те 40 спектрографов! Чистота – как на параде, дисциплина тоже больничная, но духа живого никакого. Из тем: строят «пушку» с электроно-вольтами, как везде собираясь разби-

* Пана ректора (*польск.*).

вать атомы (Солтык). Великолепные кенотронные установки. Эталонирование расс[еяния] экранов по заданию межд[ународной] комиссии поляризации флуоресценции в парах. Флуоресценция каких-то сложных орг[анических] соед[инений], изготовляемых в Кракове, с целью определения структуры молекул. Установка флуорометра (Кессель). Анизотропия рассеяния в парах ртути (игра на эфф[екте] Допплера). Fein Struktur[2*]. По жидкой флуоресценции мало и что-то никчемное (завис[имость] интен[сивности] антрац[ита] в растворе от температуры). У самого Пеньковского попытка изучать рассеяние (Рамановское)[3*] при наложении поля в CS_2 (но мешает ректорство). Структура дерева по рентгенограммам по заданию авиации (кажется, единственная техн[ическая] задача), строение стекла по рентгенограммам. Мастерские маленькие. Великолепный стеклодув. Работы без идей. Вообще в И-те, за исключением Яблоньского[1], идей никаких, только чистота, дисциплина и много приборов. Вечером Пеньковский возил за город в «Константин». Дачное место не особо приглядного вида. Сидели в каком-то ресторанчике без всякого вдохновения.

22 мая

Утром ходил к Герляку за очками, заплатил за них 55 зл[отых]. Затем пошел к Свентославскому в Политехникум. У него интересная лаборатория по эббул[и]ометрии[1], колориметрии, тепловым эталонам. Есть идея, голова, увлечен идеей реорганизации польской науки по русскому образцу. Обедал у брата Бобровны (занятные люди, хорошие картины на стенах), помесь польских патриотов с эмигрантами. Оттуда к Бялобржецкому[*] в И-т теор[етической] физики. Не И-т, а игрушка, zierlich-manierlich, чистота, блеск, взяли спектрографы, на 5 человек 6 штук. Занимаются Fein Struktur (Мрозовский). Велик[олепные] снимки. Hoffman Stösse[2*] по электропроводности (электрометрии) (приспособлен микрофотометр Молля для регистр[ации]). «Теоретическая мастерская» с 1 станком и 1 верстаком. Чисто и скучно. Вечером у Свентославского. Картины Новаковского[2]. Опять помесь Москвы с Польшей.

23 мая

Утром готовил доклад о флукт[уациях] для У-та. Потом с Яблоньским из Физ[ического] И-та пошли в У-т. Сидел с деканом Мазуркевичем, снимали. Присутствовала вся «казанская» профессура. Торжественно. Читал по франц[узски] (очень скв[ерно]), но доклад-то был интересный[1]. Едва ли поняли. Feci quod potui[*]. Далее обед у Пеньковского. Дома. Письма. Ходил ужинать. Дождь.

[2*] Тонкая структура (*нем.*).

[3*] Здесь между строк С.И. Вавиловым вставлена фраза: «Решетки две Вуда и ⟨нрзб.⟩ (не знаю, что будут делать)».

[*] Вавилов ошибочно транскрибировал фамилию Ч. Бялобжеского.

[2*] Стопа Гофмана (*нем.*).

[*] Я сделал, что мог (*лат.*).

24 мая

Рано утром в комнату ввалились двое, Штелльман – просится в СССР как еврей, которому здесь ни работы, ни хода не дают, и сотрудник Вертенштейна. Есть тут при Вольном У-те (Towarzystwo Naukovo) маленькая радиоакт[ивная] лаборатория, [в] свое время состоявшая под покровительством Кюри. В лаборатории – на чердаке – 4 сотрудника, нет денег, но кое-что делают: Ферми-эффект, теплота конденсации эманации, 2-й Ферми-эффект в тяж[елой] воде, влияние электр[ического] поля на Ферми-эффект. Потом философически-полит[ический] разговор в кафе с Б[обром]. Не могут они понять коллект[ивного] сов[етского] духа и того, что все мы, несмотря на все фокусы, живем для других. Ясна грызня между здешними физиками, антисемитизм, глубокий провинциализм и в среднем бесталанность.

В ресторане опять убедился в колоссальных размерах польских порций.

В № пришел визитер проф. Przyborski – старичок, когда-то был в Харькове. Жалуется на угнетение полурусских поляками, на то, что сыну его, физику, плохо живется. Странная это сторонушка.

К вечеру пошел в Zalelad, немного говорил с Jablonskim насчет поляризации, а затем вместе с ним и Bobrown'ой пошли в Teatr Narodowy смотреть Judaszá z Kariot[h]a Rastworowskiego[1]. Иуда – бывший лавочник, трус и патриот[2]. Обычная польская пафотическая пиеса, в сущности довольно наивная и пустая. Поставлено очень недурно, в общем отлично играют, особенно старик Solski (80 лет). Последняя сцена по Сапа Леонардо[3].

25 мая

Зашел утром сотр[удник] проф[ессора] Вольфке докт. Мазур и повез в Политехникум. У Вольфке смотреть почти нечего. Мазур занимается сомнительными скачками теплопроводности в орг[анических] жидкостях («эффекты» ищут). Вольфке спекулирует относительно нейтронов. Смотрел физич[еский] практикум – старое и бездарное. Был потом в аэродин[амическом] И-те Политехн[ики]. Хорошая труба, труба для изучения штопора – вид крайне чистый и дельный. Повезли в ресторацию и накормили и напоили по первому разряду. Сразу после этого на co[n]versatorium к jego magnifezenzii* в немного веселом состоянии. Однако сделал благополучно два доклада: один об ударах второго рода и об оптическом институте[1]. После этого почти без пересадки поехали с Пеньк[овским], Ябл[оньским], Капуч[иньским] в Mąndrallin – здешнее «Узкое»[2] на 11 персон.

26 мая

В Mąndralline. Длинные разговоры с J[ablonskim], с Bjalobysshim[1] e tutti quanti*. Знакома[я] польская природа – пески. Сосны и печально-сладкая память о 1914–1915 гг.

---

* Его магнифиценция (титул ректора университета) (*польск.*).

* И всеми остальными (*ит.*).

27 мая

Утром вернулся из Mąndrallin. Был у Довтяна – разговор довольно длинный, но пустой. Походил по улицам, чувствуя себя крайне неловко и в костюме и [в] пальто. Хочется казаться поляком, чтобы внимания не обращали. В 7 ч. последний доклад в Физ[ическом] О-ве[1] в присут[ствии] генералов. Доклад сошел хорошо (доклад на самом деле хороший), была дискуссия, потом были в ресторации (скромн[о]). Проводили меня до отеля. Завтра рано утром еду в Вену. В отеле за все время заплатил 150 зл[отых] + [нрзб.] зл[отых] 30.

28 мая

Рано утром в полном благополучии перешел через улицу на Dworzec Glowny*, Bobrowna меня провожала. Дорога через Петраков, Ченстохов – словно старые негативы из памяти вынимаешь. Бредут кобеты[2*] в полосатых допотопных накидках, пейзажи уютные, южная зелень, дубы, буки. Но видишь умершего – себя. Чехословакия как с немецкой картинки, все чистенько, уютно, не особенно эффектно, но отделано на ять. Говорят, поляки не любят чехов. Сосед – польский еврей. Опять безысходный разговор о польском антисемитизме. На австрийской границе весьма невежливо спросили, не собираюсь ли вести большевицкую[3*] пропаганду. В Вене, куда добрался в 9 ч. вечера, неожиданно встретил проф. Марк на вокзале, повез к себе на квартиру ужинать. Узнал венский interiour, вплоть до того, как дети Марка спят. Потом он же повез на гору Кобенцл над Веной, откуда видны ее огни, посидели с Марком, его женой и сотрудниками в каком-то развеселом Локале[4*]. Потом в отель Meissl и Schadn – уютный и почтенный.

29 мая

Утром зашел с сотр[удником] Марка в его хим[ический] институт в У-те (обстановка довольно убогая). Заехали за вдовой Wegscheider и пошли на скучнейшее торж[ественное] заседание Венской Ак[адемии] Наук. Не излагаю – прилагаю газетную вырезку[1]. Наша Академия в сравнении с этой нудной штукой – идеал жизни и инициативы. Засим обедал в Rathaus-Keller'е*, обратившемся в совершенно демократическое учреждение, где обедают рабочие и крестьяне. Был у Рейхерта относительно флуоресценц-микроскопов и наконец вечером попал к проф. Haschek'у в Физ[ический] И-т, где много говорил о физиол[огической] оптике. В 10 ч. отходил поезд в Италию. Оказалось, что Марк заплатил за меня в отеле – это уже слишком. Доплатил за спальное место и поехал в Италию.

---

* Центральный вокзал (*польск.*).

[2*] Женщины (*польск.*).

[3*] Так у Вавилова.

[4*] Трактир (от *нем.* das Lokal).

* Погребок в ратуше (*нем.*).

30 мая (Милан)

Опять ощущение воскресшего покойника[1]. Мимо несутся Венеция, Падуя, Брешиа, Верона, Виченца – каждый город помню, хотя это было так давно, и в Италии опять так хорошо. Грязновато, исчез чешский и венский лоск. Старина, вылезающая из пейзажа. Италия – мой край родной[2]. В Милане попал (привез такси) в какой-то подозрительный отельчик около Duomo[*] под названием «Albergo[2*] Moderno», погулял по улицам, которые в середке такие же, как в Вене. Лиры летят. Купил отвр[атительное] перо, которым сейчас и пишу. Пил кофе, ел мороженое. Сегодня праздник Ascensione[3*]. С языком заплетаюс[ь]. Звонят по-старинному колокола. Duomo. Чернорубашечные «пионеры» с музыкой[3] и простоватые итальянцы. Cosi' sa va'[4*]. Смотрел на витрины Salmo Iraghi[4] – это и вся сегодняшняя оптика. Устал, спать хочется.

31 мая (Милан)

Часа 3 утром провел в торгпредстве. Бестолково и не очень дружелюбно. По телефону известили Ronchi о моем приезде. К вечеру поехал к А.А. Эйхенвальду на конец города. Несчастное существование. Полуэмигрантское существование разбило жизнь[1]. Усталый рано улегся спать, а кругом Италия после военной пелены прекрасная, но что-то могильно грустная.

1 июня (Милан)

Утром до 12 опять в торгпредстве, добыл soggiorno[*]. Зашел на ½ часа в миланский Собор. Не очень люблю я его, не совсем это итальянское. Обедал у Эйхенвальда. Вернулся в город к 6 часам. Бродил. Посидел у Castello[2*]. Разговор с custodó'м[3*] Panettone[4*]. Завтра утром еду во Флоренцию, но хочу заехать в Парму.

2 июня

Классический туристский день, но очень интересный. Утром выехал из Милана. Чудесные стены из роз на станциях, мак в посевах, старина. По своей старинной привычке вылез в Парме. Город маленький, каменный, словно его из скалы высекали, чистый, сытый, конечно, с Duomo XI в., конечно, со «своим» художником Corregio[1]. Novanta centesime per un caffe![*] [затем] фашистское приветствие и затем «Maestá»[2*]! Это по адресу duce (Старик в

---

[*] *Зд.* кафедральный собор (*ит.*).

[2*] Гостиница (*ит.*).

[3*] Рел. Вознесение (*ит.*).

[4*] Таковы дела (*ит.*).

[*] Пребывание; *зд.* – вид на жительство (*ит.*).

[2*] Замок (*ит.*).

[3*] Хранитель (*ит.*).

[4*] Панеттоне – миланский рождественский или пасхальный кулич.

[*] 90 чентесиме за чашечку кофе.

[2*] Величество – титул (*ит.*).

кофейной). Уютный трактир с великолепными тартеллями с сыром и шпинатом. Идиотский памятник Верди. Потом через Болонью во Флоренцию. Опять обретение собственной мумии. Флоренция не понравилась на первый взгляд. Торговля стариной. «Савонарола» на Piazza Синьория[2], и хорошо и плохо. Карабиньеры рядом. Giovinezza[3*]. Шляпу не снял, чуть не скандал. Трибуны курят.

3 июня

Утром созвонился с Ронки, бродил немножко по Флоренц[ии]. В 3 ч. заехал инж[енер] Брускальони, поехал в И-т. 3-х час[овой] разговор с Ронки. Парнишка[1] толковый, многое узнал. Кино Notti moscoviti[*].

4 июня

Прежде всего про Ронки. Был и сегодня там часа четыре. Их опт[ический] и-т [–] это комб[инация] вычислителей и нашего опт[ического] сектора. Многое, очевидно, скрывают. Показали:

1) Издания И-та и оптич[еской] ассоциации.

2) Выч[ислительное] бюро (проф. Джотти) обучаем[а]я молодежь. Часть бюро перешла в промыш[ленный] маленький архив. Там же алгебраист и тригонометристы.

3) Проверка оп[т]ич[еского] стекла (очень чистого) иммерс[ионным] методом.

4) Метод Ронки для испытани[й] фотогр[афических] объективов (демонстр[ировали] сначала с микроскопом в присутствии цилиндр[ической] линзы, затем при наличи[и] решетки, резкий наклон интерф[еренционных] полос).

5) Резольвиметр, очень простой, говорят, что с этим резольвиметром многие прежние врач[ебные] диагнозы пришлось пересмотреть.

6) Прибор И-та для поверки качества биноклей. Срав[нение] бинокля Цейсса и бин[окля] San Giorgio[1]. Монохроматор своей конструкции, монохроматор повернутый.

7) Интер[ференционный] прибор Хильгера для измерения метра по методу Фабри.

8) Спектрограф с решеткой Джамомини с Маунт-Вильсон[2].

9) Объектив диам[етром] 30 см, f = 1 м с одной асфер[ической] поверхн[остью] для инфракр[асных] лучей (фотографирования).

10) Ящик с оптическ[ими] принадлежностями (стоят дальномеры).

11) Ginori – только предприниматель, у котор[ого] много борной кислоты, не знаю, пустит ли в И-т[3]. Ронки говорит, что в их о[птическом] с[текле] около 80% выхода, что стекло почти без свилей, от плавки к плавке сохран[яется] 5-й знак, а внутри одной плавки сохраняется 6-й знак. Видел я в И-те всего

[3*] Юность (*ит.*). *Зд.* – название официального гимна фашистской партии Италии с 1924 по 1943 г.

[*] Московские ночи (*ит.*).

человек десять[4]. Потом пошли в астр[ономическую] О[бсерватор]ию рядом (дом, где умер Галилей, теперь живут англичане), монастырь, где жила дочь Галилея[5], теперь там монахи. Дир[ектор] Об[серватории] Giorgio Abet[t]i собирается на сол[нечное] затм[ение] 1936 г. в Россию. В обсер[ватории] совсем плох[и] И-ты за исключе[нием] солн[ечной] башни, с велик[олепной] дифф[ракционной] решеткой Джамомини, посеребр[енные] зеркала, великол[епный] спектрог[раф], микроф[отометр] типа Киппа своей конструкции. Копия первой трубы Галилея, 4 сотрудника. Места райские, отсюда, казалось бы, научное вдохновение рекой должно было разливаться. Оттуда отвез Брускальони на машине через Piazzale Mich[el] Angelo. Утром ходил в мон[астырь] С[ан] Марко (там с огнем Козьм[а] и Дамиан), потом прошелся через Ospedale* и т.д. Ночью у меня жар и бред.

5 июня

На Италии печальная печать Crise*. Все полиняло, обеднело (мне ведь приходится сравнивать с тем, что было ¼ века назад). Мои «Giubbe rosse»[2*] из первоклас[с]ного кафе обратились в нищенский бар. Пьют «caffé» (1/4 чашки за лиру). Нет banda militare[3*], иностранец ходит бедный. Утром пошел в Uffizi[2]. Среди этого насыщенного раствора красоты блуждал как слепой. Все чуждо, даже Леонардо, даже Giorgione. Окаменел и душевно умер. После обеда Ronchi повел в Museo della Storia della Scienze. Connochiale[4*] Галилея, Торричелли и др. (вел. пол.), приб[о]ры Меллони, ⟨нрзб.⟩, алх[имическая] лаб[оратория] герц[ога] Леопольдо [Медичи]. Но наряду с ценнейшими вещами – пустяки. Поехали потом через Piazzale M[ichel] A[ngelo] в Физ[ический] И-т в Арчетри к Оккиалини. Ядерная лаборатория. Обычная физич[еская] обстановка и грязь.

Разговор о Гамове и Капице. Строят кам[еру] Вильсона с больш[им] затя[гиванием] (по типу Фриша), счетчики и камеры с усилителями, космические лучи[5*]. Потом у Ронки. Довольно откров[енный] разговор. Данные: бюджет 500 000 лир, жалованье Ронки 4000 л[ир], Брускаль[они] 2000. Промышл[енность] дает 20%, остальное от мин[истерства] просвещ[ения]. Денег дают сколько хочешь, дело оправдывает. Ронки рассказывает, что ему пришлось объявить войну всем физикам, что он был один, поддерживал только Гарбассо. Главная задача – обучение оптике инжен[еров], уже оконч[ивших] высш[ую] школу, берут их нарасхват (один сделался главны[м] вычислителем и теперь – техн[ический] директор San Giorgio). Вечером зашел Occhialini, пошли в trattoria. Странная фигура, мало итальянская. Совсем русский интеллигент. Знает наизусть стихи Блока и Есенина. Говорит о неизбежном fallimento[6*] Италии, физиков здесь держат впроголодь, живут как следует только в Риме – под солнышком. Говорит, что Ферми – отврат[ительный] экспериментатор, который тотчас же под самый неверо-

---

* Госпиталь, больница[6] (*ит.*).

* Кризис (*фр.*).

[2*] «Красные фраки»[1] (*ит. флорент.*).

[3*] *Зд.* военный духовой оркестр (*ит.*).

[4*] Правильно: Cannochiale – подзорные трубы (*ит.*).

[5*] Так у Вавилова.

[6*] Банкротство (*ит.*).

ятный опытный результат подводит теорию. Жалуется, что итальянцы не умеют divertirsi[7*], не танцы. На всю Флоренцию одно какое-то весьма подозрительное танцевальное заведение «Chez moi». Расспрашивает о России, чувствуются явные симпатии. Опять о Гамове (инфантилизм, знаток игр), потом о Капице. Сидели часа 4.

6 июня

Утром зашел в S[anta] Croce. Буонаротти, Галилей, Данте...[1] такое у них на каждом шагу валяется. Потом, как по часам, – искал trattori'ю и обедал, вечером бродил где-то около S. Lorenzo (берегу лиру), а потом готовил доклад, который надо завтра читать. Где-то попался францисканец с погонами (кажется в S. Croce). Погода – итальянское[*], а настроение убивают денежные трудности.

7 июня

Получил утром первое письмо из Москвы от своих и от Гребенщикова. Витяга[1] – молодец. Скандал с выборами, не выбрали Герасимовича[2]! Wo liegt der Hund begraben[*]. После письма какую-то связь с миром почувствовал. Зашел в S. Maria Novella. Я ее больше всего любил раньше во Флоренции (жил рядом в «Минерве», хотел и на этот раз, да мест не оказалось). Доминиканцев больше нет – монастырь занят школой усатых carabinieri, тоскливо и ненужно все смотрит. Sic transit Gloria mundos[2*]. Невесело на душе стало. Из-за доклада «на последнюю копейку» решил купить abito nero[3*], купил отврат[ительную] дрянь за 230 лир. Мне как-то трагически не везет с этими вещами. После обеда Galleria della Belle Art. Окаменелый Давид и Prigionieri[4*] Микель-Анджело[3]. Мыслей никаких не пробуждается (думаю, вернее, стараюсь думать совсем о другом). Золотистые сланцы и фло[ре]нтийские примитивы, рядом греческая (а может быть русская?) икона XIII века, она глубже и лучше. Купил на развале книжку о Ньютоне[4] (это очень приятное воспоминании[е] о Флоренции).

В 10-ом часу надел свое «abito nero», выглядывая в нем, как кукла, и пошел с Ronchi и подвыпившим Abet[t]i в зал Associazion Ellettrotecnica Italiana на Via delle Belle Donne (!?), где и читал по-итальянски о флуктуациях[5].

Если они что-нибудь поняли – должны бы понять, что вещь важная и интересная, конечно, аплодировали, расспрашивали. Инженеры как инженеры в обстановке novecento[5*]. Познакомился с директ[ором] Officine Galileo[6*] Martinez'ом. Похож на Трофимова. После доклада с Ronchi и Abet[ti] ели gelato[7*] на Piazza V[ittorio] E[mmanuel].

[7*] Развлекаться (*ит.*).

[*] Так у Вавилова.

[*] Вот где собака зарыта (*нем.*).

[2*] Правильно: Sic transit Gloria mundi – так проходит земная слава (*лат.*).

[3*] Черный костюм (*ит.*).

[4*] Узники, рабы (*ит.*).

[5*] XX столетие (*ит.*).

[6*] Завод им. Галилея (*ит.*).

[7*] Мороженое (*ит.*).

8 июня

В 9 ч. заехал инж[енер] ⟨нрзб.⟩ Spondone на машине и доставил в Officine. Показывали мех[анический] цех (машины не итальянские), обработка труб для перископов (морских) и дальномеров до 8 метров. Гидравлические испытания перископов. Фотометрии перископов – нет. Трубы обрабатываются тут же на громадных станках. Для испытания дальномеров есть компл[ексная] установка, как и у нас, но предпочитают испытывать с башни, благо это так легко. Завод занимается одновременно всем, строит звукоулавливатели, изоляторы для высоковольтной передачи для ж.д., есть хорошее отделение радиоприборов (измерители и контроллеры частоты, прецизионные емкости, генераторы и пр.). Вычисл[ительное] бюро с Giotti во главе по виду очень скромное, много с ними говорил о методах, знают работы Слюсарева. Делают всевозм[ожные] научные приборы: большой Литтровский спектрограф, монохроматоры, микроскопы, осветители к ним (Koristka[1]) (так, чтобы свет не мешал), школьные приборы. Рабочих всего 1200, инженеров около 300. Предприятие – частное. Говорят, что делают в 5 раз меньше того, что могли бы делать, из-за кризиса. Обстановка чуть ли не как в S. Marco. Окошки раскрыты, за окнами giardino* с розами, огород, рабочие – солидные, страшно симпатичные (наиболее симп[атичная] часть завода). Все страшно тихо, как-то медленно, не верится, что это завод, впечатление института. Много им сам рассказывал. Опт[ическим] И-ом довольны, главным образом потому, что он поставляет инженеров. Послезавтра утром поеду в Officine 2-й раз.

После обеда с неизбежным меню: quarto di vino rosso, tartellini, vitella и fragoli[2*], решил пойти в Cascine[2]. Насладился, сидя на зеленом бережку Arno. Конечно, сам по себе пейзаж не лучше, чем на берегу Москвы-реки или Охты. Но там вдалеке фиолетово-красный купол S. Maria Del F[i]ore[3], который вот-вот раскроется, как бутон, в красную лилию, но знаю, что в Arno купался и Леонардо и Данте и Галилей, и так как человек – вся история вместе взятая, то пейзаж звучал так, что еще раз запомню его до конца жизни. В 9 часов решил пойти в Giardino Boboli[4] на Alceste Глюка[5], благо представляли со скидкой. Вот после таких вещей можно захотеть жить. На естественном фоне зеленой высокой стены, с лиственницами, каштанами, кипарисами, статуями цезарей и Аполлонов, под покровом звездной, лунной ночи развертывается чудесная музыка Глюка. Как обернешься [–] купол Duomo и башня Palazzo Vecchio. Идти через Ponte Vecchio[6]. Благодарю небеса за этот чудесный вечер.

9 июня

Воскресенье, звонят, звонят, во Флоренции всегда звонят. Неопределенный день. Зашел в архаический Баптистерий[1], там крестят, золотятся мозаики XIII века, века переплелись, связались и говорят о силе человека. Duomo – служит епископ, китайская церемония с облачением. Внутри церкви неуютно, как-то руки сильной, наводящей порядок не чувствуется. На стене Данте перед флоренц[а]ми и адом. Сел на трамвай и решил загля-

* Сад (*ит.*)

[2*] Четверть красного вина, бутерброды, телятина и земляника (*ит.*).

нуть в Settignano. Один из холмов, городишк[о] – деревня, с испугавшимися старушками в кофейной. Уютно, тихо, снова вид на Del Fiore. Скоро вернулся. Обед с неизбежным меню. Потом Giardini Boboli с жесткой зеленью, вид на Флоренцию и счастьем Флоренции*. Вечером кино, куда пошел, чтобы посмотреть цветное кино «Natalità»[2*]. Потом думал на свободе.

10 июня

Утром Officina Galileo. Оптический цех. Центрировка линз, простое испытание (по биению изображения), центрировка от руки, серебрение химическим методом и аллюминирование. Лаборатория и цех непрерывно связаны. Интерферометр Тваймэна[1] в цеху. Нанесение шкал фт[ористо]-вод[ородной] кисл[отой], механически при помощи «_ _»*, фотографически и впеканием (проф. Фернандец не был). Фотоэлементы – таллофиды. Цеха небольшие. Лаборатория и цех перемешаны так, что не узнаешь. Громадное влияние Опт[ического] И-та, который дал инженеров и присматривает все время. Разговор с Мартинецом (директор, похожий на Трофимова). Полное понимание научной стороны. Урок для нашей промышленности. Прямая антитеза нашим заводам. Оптиков мастеров всего 65. Цветы, цветы.

После обычного обеда (письмо Свешникова)[2] заехал Ronchi. С ним сначала заезжали в Хим[ический] И-т насчет редких земель. Потом трибуна[3*] Галилея, получил в подарок ценные книжки об Acc[ademia] del Cimento[3] (очевидно, посетитель бывает раз в год). Учреждение непонятное, видно, что никто этим не занимается. Потом в Опт[ическом] И-те. Разговор с Ронки. Книжки от него. На минуту у него в квартире, декорация под cinquecento[3*], дом старый, стены больше трех веков, жил Donati. Поехали на машине. Autostrada с изумительными зелеными полями. Мираж воды. Жара. Проехали до Пратто, а потом двинулись по colli[4*] в Montesenario. Высоко, леса, похожие на наши, здесь могут быть и fragole[5*]. Деревушки с виллами. Parocco[6*] с pendolino[7*] предсказывают, кто будет – мальчик или девочка, воду, сокровища etc (по образованию меди[к]и). Ужин в деревенском ресторанчике с неизбежным итальянским репертуаром. Подвыпили. Разговор часа 3, почему сделались оптиками, свернули на политику, по Ronchi, quasi nessuna differenza[8*], пришлось указать, что differenza в том классе, на котором стоит режим. Опять о борьбе физиков с оптиками. Поездка вниз, огоньки Флоренции. Потом маленькая прогулка по старым улицам. Почти что «Verweile doch, du bist so schön»[4]. Как жалко уезжать из родной Флоренции.

---

* Так у Вавилова.
[2*] Рождество (*ит.*).
* Так у Вавилова.
[2*] Кафедра (*ит.*).
[3*] *Зд.* XV век (*ит.*).
[4*] Шеи (так называют в Италии извилистую дорогу) (*ит.*).
[5*] Земляника. (*ит., мн. число*).
[6*] Приходской священник. (*ит*).
[7*] Отвес. (*ит.*)
[8*] Почти никакой разницы (по-видимому, речь шла о режиме в Италии и СССР) (*ит.*).

11 июня

Из Firenze надо уезжать. Чудесный город, несмотря ни на что не скидывающий своих старинных одежд, к ним приспособляющий, строющий «экономику» на этой стороне. Фиолетово-темно-красный и серый, как голуби или старые гимназические куртки. Когда вчера заходил на квартиру к Ronchi, сразу почувствовал этот stile fiorentino. Голые стены, мадонны с тусклым золотом, скамейки орехового цвета. Просто, наивно, но совсем свое.

Утром сходил в Лауренцианскую библиотеку рукописей около С. Лоренцо. Тексты Данте, Гомера, подлинник Унии в 1439 во Флоренции. Потом бродил. Вечером опять Cascine. Уныло за самого себя. Глупое кино.

12 июня[1]. Рим

Утром забежал на Piazza Signoria*, посидел у челлиниевского Персея и в 11 ч. утра выехал. По дороге опять тоскански[е] нежные холмы с виноградниками. Стогами. «Пупырушки» П[ь]еро деи Франческо. Поклонился пролетевшему мимо Ареццо, в 3 ½ был здесь. Остановился, как ¼ века назад, в Albergo Santa Chiara. Все осталось почти тем же, кроме лифта и теплой воды. Многое забыл, но многое помню. Пошел по Corso Vittorio Emmanuele. Вид невзрачный и провинциальный. Весь Рим какой-то золотисто-желтый, это совсем ясно после серой Флоренции (кстати, во Фл[оренции] я жил рядом с Canto dei diavoli). Добрел до Castello S. Angelo, а потом и до S. Пьетро. Походил по этим сияющим белым мрамором и золотом громадам – до чего холодно, неуютно и похоже на зал во дворце Вильгельма II. Каким способом эти крылатые padri и frati[2*] еще заставляют быть религиозными. Сидел на подножиях колонн, курил, мечтал, грустно и за себя и за других. Пошел на Corso мимо Piazza Venezia, где обретается Duce. Здесь явное желание «пыжиться». Какая-то особа на меня весьма подозрительно посмотрела. Дал тягу. Разыскал Piazza Colonna. Разыскал свой фонтан, ⟨нрзб.⟩ с бочкой. Много воды за это время из его бочки выте[к]ло. Если считать, что в минуту по 200 куб. см, то получается отчаянная цифра.

Совсем иное, чем во Флоренции [настроение], строгое, деловитое и пугливое. Пугают фашисты, пугают монахи. Заглянул к Gesu[2] к какой-то padré с жестами начинающего адвоката. Говорил не очень умную проповедь. Ел gelato. Устал, 25 лет т[ому] н[азад] под окнами Albergo Santa Chiara распевали «La donna é mobile»[3*], а сейчас насвистывают что-то меланхолическое.

13 июня

Есть совершенно объективная меланхолия в современном Риме, она – в отсутствии веселых bande militare, стад соломенных шляп, заполонявших в прежние времена Piazza Colonna и главные улицы, в тоскливых выражениях padri и frati, боящихся остаться без дела.

---

* Площадь Синьории.

[2*] Священники и монахи (*ит.*).

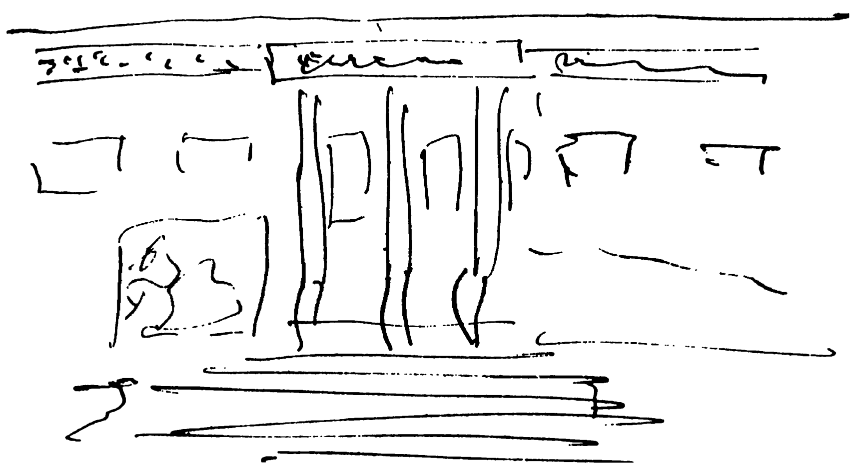
[3*] «Непостоянная» (*ит.*).

Утром на автобусе доехал до Piazza Indipendenza, а оттуда на Via Gaeta в наше посольство. Говорил и с полпредом, и атташе Пав[лом] Ив[ановичем] Петренко и наконец поймал миланского торгпреда Беленького. Пробыл там до 1 ч.

3 часа перерыва, обедал в своей S. Chiara, писал письма, двинулся искать физический Институт. Нашел, но Ферми только что уехал в Америку[1], Рассетти занимается биологией, вообще с отъездом Ферми вся компания, т.е. Amaldi, D'Agostino, Fermi, Pontecorvo, Rasetti и Segré, разваливается. Нашел Segré, он поводил по и-ту, показал сначала обычные вещи, счетчики без счета, камеры Вильсона, ионизац[ионные] камеры (3 атм CO_2 и ал[юминиевая] обол[очка] в 1/10 мм), прибор для перекалки радона. Интересен был только новый опыт с термич[ескими] скоростями нейтронов. Диск диам[етром] около 80 см, 1500 об[оротов] в минуту, на периферии две пластинки, напри[мер] Manqunese. Источник нейтронов.



Рядом большое кольцо, заполненное парафином. Измер[ение] эффекта иск[усственной] радиоактивности на обеих пластинках при вращении диска дает разницу в 10%. Организ[ационный] разговор с Сегре. Даются деньги на приборы, оборудование. «Ma non c'è posti, non c'è uomini»*. Сегре собирается уезжать в Америку, остальные тоже разбегутся. Amaldi повез меня показывать здание нов[ого] физ[ического] И-та в Citta Universitari[o][2*]. Стиль Novecento, как везде, как в Москве. Palazzo universitario более или менее красиво, но это «novecent'ецкая» стилизац[ия] классики.



Физический И-т достаточно нелеп. В разработке плана ни Ферми, ни Корбино не участвовали. За всех старался Лосурдо. Аудитория на 500 персон, никаких спец[иальных] комнат. Впечатление, как Бог на душу приведет. Стройка не особо казистая а ля Лившиц. Рим только в окраске – желтый кирпич для облицовки. Перед центр[альным] зданием зеленая Минерва достаточно страшного вида. Потом часа 1 ½ Амальди возил меня по Риму.

---

* Но ни места, ни людей (*ит.*).

2* Университетский городок (*ит.*).

«Знакомые печальные места»[2]. Колизей, форумы, где теперь Муссолини разбивает роскошные променады (Via del Impero Romano), холм Яникул[3] с Гарибальди и недавно поставленной его супругой. Золотистый Рим снизу, серьезный, бюрократический, надуто-церковный. Потом просил завезти на Piazza di Spagna, Via Condotti, café Greco[4] (И.Е.[5] все вспоминаю). Новая вилла Warts с павлинами, monte Pincio, Piazza del Popolo. Все узнаю.

Где-то около Пьяцца Колонна распростился со спутником. Двинулся на обещанное свидание с торгпредом в Ambasciat'у[3*]. Но как полагается соотечественникам, с Миланом он не переговорил еще, и я пошел не солоно хлебавши есть Cassute на Piazza Colonna, где тихо и грустно. Вот и все.

14 июня

Полпредские товарищи плохо ценят чужое время. Был сегодня там 2 раза, всего часа 3 и оба раза без толку. Слышал только разговор о том, как устраивать ужин после подписания торгового договора, à la russe или all'italiano.

Утром пошел в Ватикан. Вход в музей теперь совсем с другой стороны, чем прежде, пришлось обогнуть чуть ли не все стены Ватикана и убедиться, за какой твердыней почивает папа.

Выстроено новое здание пинакотеки, безобразное по внешнему виду, но великолепно освещенное, картины страшно выиграли. На картины теперь гляжу совсем другими глазами, чем раньше – почти как на крашеные стены, только очень немногое глубоко задевает. Страшно понравился Donato Creti (1671–1749) Osservazioni astronomici[*] – 6 небольших полотен. Хорошо бы раздобыть фотографию. Совсем неожиданен оказался Federigo Fiori (Barocci) «Il riposo in Egitto»[2*] (1528–1612). Глубока и оригинальна Pi[e]tà[3*] Giovanni Bellini. Giorolamo – Леонардо – мимо. Русские иконы, но им кто-то очень плохое подсунул.

Потом пошла бесконечная сокровищница Ватикана. Стены с фресками Пинтуриккио, комнаты Борджиа, шкафы, набитые сокровищами. Это – почти километрами. В Ватиканской библиотеке свернул на деловую почву, пробрался в каталог, говорил с бородатым монсиньором о капуцине François Marie (Capucin de Paris). Искал его книжку с началом метода гашения. Нет. Узнал только ее точное заглавие и то, что она есть в British Museum за № 537a. Заглавие такое: François Marie (Capucin de Paris) Nouvelle découverte sur la lumière pour la mesurer et en compter les degrées. Paris. 1700[1] 12°. Очень доволен, что хоть ½ ч[аса] побыл в этом хранилище рукописной и печатной схоластики. Можно же создать гору премудрости из ничего. Ходят

[3*] Посольство (*ит.*).

[*] Астрономические наблюдения (*ит.*).

[2*] «Остановка в Египте» (*ит.*).

[3*] Пьета, картина, изображающая снятие Иисуса с креста («Оплакивание Христа»).

попики с тонзурками, frati и штатские и перелистывают фолианты. Задворками Ватикана выбрался наружу. Туда пойду еще раз. Торопился из-за полпредства. После обеда пошел на современную громадную выставку «Secondo quadriennale d'arte nazionale»[4*]. Грустно – умеют все, в каком угодно духе и с основательным мастерством, но гения и [в] Италии и на грош нет. Все это можно написать, где угодно. Перед ка[р]тиной нельзя просидеть больше 5 минут. Схема, плакат. Насколько же бесконечно глубоки старики (в этом их чудо!). Глубина не в сюжете, не в тщательной выписке, но вот в уловлении чего-то такого, как у Корреджо, как у этого Barocci, которого сегодня видел – что ясно свидетельствует о гениальном глазе и руке. Скучны и тошнотворны эти многие сотни полотен.

Затем опять заходил в полпредство. Оттуда пробрался на Piazza di Spagna, мимо Caffeé Greco (пожалуй, самое романтичное место в Риме) и попал в глупое кино. Пора начать думать и работать.

15 июня

Опасаюсь я этой Piazza Venezia, стараюсь обходить. Обходным путем попал сегодня в Капитолий. До жуткости точное и эстетическое умение воплощать формы. Нежелание заглядывать в недра, но полное, бесконечное знание формы. Это же знание! Самое настоящее, которое, конечно, могло быть повернуто куда угодно. Мрамор на этих оранжевых стенах под римским солнцем живет – в наших музеях необходима работа светотехников. Понять религиозное содержание скульптурного формализма никак не могу. Капитолийская Венера – не порнографическая статуя, но и не «божество», какая-то «чистая эстетика». Вновь увидел ошеломляющий ансамбль дворика со статуей Нила – фонтаном, спокойно журчащим под палящим белым светом, над ним барочные колонны и дальше S. Maria Aracoeli с мозаичной синей иконой. Века, культуры, режимы и изменяющийся человек. От пинакотеки мало впечатления. Портрет Веласкеса, в который в старое время влюбился, теперь совершенно безразличен. Ужасаюсь своему окостенению. Доска капитолийская с именами Маркони, Нобиле и дуче. Марк Аврелий – зеленый, с облетевшей позолотой.

В полпредстве от Беленького наконец получил 1500 лир.

Вечером разъезжал куда глаза глядят на автобусах. (S.Trinita с женским мон[астырем], откуда [на] Monte Pincio). Попал на знакомое Campo dei Fiori, где сожгли Бруно. Живописно и ужасно – тут римская подоплека, вся беднота, юродивые, уроды. Оранжевые облака обращали все это совершенно в картину Гойи. Италия, как и весь капиталистический мир, живет на вулкане. Попал опять в кино. Одурманивающая картина, превосходно разыгранная "Anna e Elisabeta" с чудесами ясновидящей. Затем второй дурман – глупенькое варьете, из которого и четверти не понял. Наводят сатиру на novecento.

[4*] Вторая квадриенале национального искусства, т.е. выставка, устраиваемая раз в четыре года (*ит.*).

Piazza Signoria, реставрированная alla novecento, с Козимо Медичи в виде Гориллы на велосипеде, Давидом – Гориллой с дубиной, паллацо Веккио с кубистической башней и т.д.

16 июня

Зря проехался к [римскому] папе, сегодня воскресенье и папа не торгует. С горя решил [измерить] собственными ногами периметр Ватикана. Обошел холодные мрачные стены под солнечным пеклом минут в 40, из-за стен видна только папская радиостанция, да обсерватория. Отдохнул под прохладой колоннады S. Pietro. Пообедав по надоевшему репертуару с неизбежными fragoli, позвонил Д-ру Rossi и в 3 часа он зашел за мной в Albergo. Пробыл с ним почти до 12 ч. Каково испытание моему ит[альянскому] языку, тем не менее выдержал. Их понимал на 80% и они меня понимали. Удивительно! Росси – типичный итальянский интеллигент, социалист, хорошо знал Bombacci, главу ит[альянских] коммунистов. Его мнение, что фашисты захватили власть не потому, что смогли, а потому – что другие группы покончили самоубийством. Римля[н] считает «придворными» cortegiani*, которые любят праздник, церемонии, шествия, аплодируют кому угодно – папе, королю, дуче, не любят работать (южный неаполитанский характер). Идеал их сделаться impiegato[2*] – чиновником, приказчиком, учиться не желают, специалистов нет. Итальянская академия – дутая. Levi Civitta – папский академик, по мнению дуче, лучше анти-фашист, чем ebreo[3*][1]. Volterra тоже не в академии. Поехали с ним к Cecilia Metella[4*] на Аппиевую дорогу. Опять «знакомые печальные места» с акведуками, старой римской дорогой, мужиками, ребятами, которые во фьяски[5*] собирают «aqua Santa» из какой-то лужи. Лошадки в пестрой упряжке. Милый римский народ! Двинулись в Trastevere[2]. Грязные вонючие переулки, разбитые окна. Попали на церковную процессию по случаю S. Antonio di Padova. Карабиньеры, попы, старушки, хлопающие в ладоши «Viva Sant Antonio», музыка, свечи, девчонки в белых платьях, пенье, воздушные шары, трехцветные флаги. Sacristan с юмористическими мордами, закусывающие на ходу. Живая иллюстрация к мнению Росси. Картина совсем неаполитанская. И жалко их и милы они вместе с тем.

Поднялись на Gianicolo. У Гарибальди с памятника, оказывается, сняли масонские знаки. Опять серо-оранжевый Рим, Castelli на горизонте. Зашли к Росси на квартиру. Неуютно – novecento. Пошли с ним и его женой в остерию демократическую: пляска, гитара, гармошка, где-то фейерверк, Луна. Классический итальянский ужин с неизбежным репертуаром, домой добрался в 12-ом часу. Ночью жар.

---

* *Зд.* льстецы (*ит.*).

[2*] чиновник (*ит.*).

[3*] Еврей (*ит.*).

[4*] Речь идет о гробнице святой Чечилии Метеллы.

[5*] Фляга (*ит.*).

17 июня

Забыл, еще вчера утром забрел в Колизей и на Форум. Мысли – никаких, одна романтическая меланхолия. Задаюсь практическим вопросом: если красиво – надо восстановить, если только история, то сфотографировать и кончить. Большое впечатление от старой базилики S. Maria Antiqua с фресками VIII века. Это совсем не Gesu и S. Pietro.

Утром сегодня опять в Ватикане: скульптура, Sistina и Stani Рафаэля. Аполлон, Антиной[1] Адриана – действительно сверхчеловеческое. Гений человеческий неизмерим, его надо только уметь направить. Надпись на 3-х языках, послужившая ключом Шампольону. Систина, как и раньше, оставила холодным, только обратил внимание на фрески Боттичелли, они, вопреки тому, что думал раньше, прекрасны. В станцах по-прежнему только Scuola d'Atene[2], к которой так привык.

После обеда получил извещение, что могу попасть в Laboratorio di Precisione d'arti[g]l[i]eria[*], поехал на такси. Приняли прекрасно. Военная лаборатория, оказывается, давно уже освоила оптическое стекло. Одна большая печь, нагреваем[ая] газом $CO + H_2O$. Горелки: большие, кило на 200, при мне разбили горшок. Ящики для перемешки шихты. Моллирование[3]. Электрические печи для опытных плавок. В помещении для горшков свыше 30 новых горшков кило по 200. Ясно, что могут дать стекла сколько надо. Выучились у Пара-Мантуа[4] ⟨нрзб.⟩. Renato Moretti. Прессование (призмы и линзы). Огромные склады готового стекла. Иммерсионный метод для суждения о свилистости. Выход в среднем 15–20%. Иногда 30%. «Частников», т.е. Ронки и O[fficine] G[alileo], не любят, отзываются о них довольно презрительно. Мотивы мне не совсем ясны. В физич[еской] лаборатории – спектрометр для абс[олютных] изм[ерений] показ[ателя] прел[омления], спектрограф с решеткой и призмой для определ[ения] спектр[ов] поглощения светофильтров (с[пектро]ф[отометрическим] методом не пользуются). Тот же прибор Ронки для испытания биноклей, опять хвастались итальянским биноклем, характеристики лучше, чем у Лейтца[5]. Переходят в новое здание. Вообще, учреждение почтенное. Очень доволен, что попал. Работающих видел человек 5.

Вечером поехал смотреть цветное кино «Maschera di cera»[2*] (американское), дефектов много, но впечатление огромное, это необычайно оживляет кино и приближает его к театру. Потом наивнейшее варьете, даже с русскими плясками. Кино в citta nuovo, на Piazza ⟨нрзб.⟩ da Rienzi, квартал с прямыми улицами, обсаженными деревьями, очень бойкий. Публика в кино аплодирует, свистит, поет.

На обратном пути истощенная фигура безработного. «Oggi non ho mangiato»[3*].

---

[*] Лаборатория точной артиллерии (*ит.*).

[2*] «Восковая маска» (*ит.*).

[3*] Сегодня я не ел (*ит.*).

18 июня

Месяц странствований. Пора приниматься за мысли и планы. Здесь – то же неиссякаемое солнце, те же оранжевые тона, романтический уют Piazza Santa Chiara с книжными лавками на каждом шагу, оперным дон-Базилио и монахами, церковным звоном, Пантеоном, Обелиском со слоном. Утром в Ambasciat'у. Разговор с Гельфондом, довольно бестолковый, мало они понимают, что нам нужно. У Ambasciat'ы итальянские сыщики в серых костюмах, подозрительно на меня озирающиеся, что-то мол часто повадился. Потом набрался храбрости, купил лезвия для бритв и первый раз за месяц сходил к Barbiere*.

Al pomeriggio[2*] пошел в Фарнезину, теперь Accademia d'Italia. Эффектные кустоды[3*], никого, кроме меня, и одуряющая прелесть фресок Фарнезины. В Риме, пожалуй, это – самое красивое. Галатея с лицом перуджиновских мадонн, эти телесно-голубые бледные тона, пейзажи тусклые, ликующий цикл Амура и Психеи – концентрация римского идеала far niente[4*]. Куда сильнее скульптуры живопись и не в рамах, а живая на стене. Повезло же римским академикам. Под предлогом поисков François Marie решил посмотреть, что же за штука сама Академия. Увидел еще во втором этаже прелестные залы с фресками Джулио Романо и Содомы (фрески почти переходящие в ковры), добрался до vice-president Signor'a Volpe. Академия – по-видимому, образец ненужного учреждения, существующего только для декорума, библиотеки своей нет, собираются для торжественных случаев в Капитолии в присутствии Re[5*] и Duce, приняли очень любезно и направили по соседству с кустодом в Palazzo Corsini, в Acc. Dei Lincei. Я иногда делаюсь шустрым и попадаю в такие места, о которых не мечтаю. Опять трубящее палаццо со статуями, галерееей, старой библиотекой, долго говорил с ними, но François Marie, конечно, не нашел. Но я его все-таки найду.

Дальше passegiata[6*] no Via Veneta, теперешний Kurfürstendamm[1] Рима, с новыми пухлыми отвратительными дамами, жирными буржуями. Плюнул и пошел прочь к Santa Chiara.

Вечером ужинал у Rossi. Был опять разговор об архитектуре. Говорит, что novecento итальянского происхождения, заимствованное Европой и теперь возвращающееся в Италию. Был у них часа 3.

А в Тибре, как у нас, купаются мальчишки и все просто в старом торжественном Риме. Но пора отсюда уезжать.

19 июня

Начинается период самокритики. Это очень нужно, но и мучительно. Смотришь римские чудеса и совесть мучит, живая нужная мысль заснула. Перед тем как сделать еще один визит в полпредство, забежал в Термы Диоклетиана и национальный музей. Рядом бойкая площадь вокзала и это делает развалины и музей похожими на лавку. Неуютно. Глазам не веришь, сколько

---

* Парикмахер (*ит.*).
[2*] После полудня (*ит.*).
[3*] Хранители, охрана (калька с ит. – custodo – хранитель).
[4*] Безделье (*ит.*).
[5*] Король (*ит.*).
[6*] Прогулка (*ит.*).

же наследства оставил древний Рим. Сколько усилий было затрачено на преодоление мраморных глыб, чтобы высечь из камня этих Аполлонов, Венер без конца, сколько знания, ловкости сконцентрировано было только на этом. Зачем? Не ясно. Все можно было бы сделать проще, скорее, дешевле. Безголовая Венера национального музея – несказанное чудо обработки мрамора и красоты. На фотографии – это просто живое тело. Статуи без голов, без рук стоят километрами и приходишь в панический ужас. Наверху музея римская техника: разнообразные весы, замки, циркули, клещи, костыли. Римские корабли из озера Неми, в дереве то[р]чат костыли. Все умели делать и могли бы создать нашу технику 2000 лет тому назад. Куда направить человека? Цветное стекло, изумительных оттенков, пестрое, а кроме того работа времени – интерференционные цвета. Ничто не ново под луной (хотя и глупо, но верно). По колоссальным термам бегают и спят кошки.

В полпредстве длинный разговор с Пав[лом] Ив[ановичем] Петренко (Лунин) о посещении L[aboratorio] di P[recisióne d'artiglieria], а затем глупая беготня по городу, кафе. Попытка думать и лень, тяжелая меланхолия. Послезавтра обязательно уезжаю.

Жизнь надо упорядочить и организовать, плохо умею.

20 июня

Фраскати. Трамвай около Аппіевой дороги. Капелла, врастающая в тратторию, поля пшеницы, которую начинают жать, развалины, темно-синие Албанские горы, виноградники. Само Фраскати с жестколиственной флорой, озерами, обросшими кипарисами, principe*, затухающими в своих виллах. Прогулка по villa Falconiere, разговор о философии. Трактирчик, сколько у них названий, trattoria, osteria, cantina, bottiglieria[2*], выпили бы доброго вина asciutto[3*] (приняли за tedeschi[4*]), сам[и] предпочитают pastoso[5*], послаще. В городе процессия Corpus Domini[6*]. Веселый балаган с ребятами, разодетыми в пажей, герольдов, ангелов, с фашистами в дурацких фесках, карабинерами во фраках с красными нашивками и треуголках, с оркестрами, воздушными шарами, «соловьями», «курами», со стаями голубей, выпускаемых в самый торжественный момент, с бесконечной вереницей монахов и попов. Все это так же теряет содержание, как Аполлоны и Венеры, заполняющие Рим.

Вечером зашел в Cinema. Дурацкая, но очень милая, настоящая итальянская фильма Questi due[7*], из которой все качества итальянские выпирают.

Вот и все, и завтра надо ехать. Звонко раздаются шаги по узкому проулочку под окнами Santa Chiara, замирает римская жизнь. Addio Roma puo darsi per sempre[8*], а, может быть, и а rivederci[9*]. Кто знает. Думаю, что здесь легче умирать, чем где-либо, непрерывная вековая линия так ясна.

* *Зд.* – хозяин (*ит.*).
[2*] Osteria – остерия, таверна, харчевня, cantina – погребок, bottiglieria – винный погреб.
[3*] Сухое (*ит.*).
[4*] Немцы (*ит.*).
[5*] Сладковатое (о вине) (*ит.*).
[6*] Католический праздник тела Христова (*лат.*).
[7*] «Эти двое» (*ит.*).
[8*] Прощай Рим, навсегда (*ит.*).
[9*] До свидания (*ит.*).

Под окном, как 25 лет тому назад, «La donna é mobile». Если бы скинуть эти 25 лет, а может быть, лучше, что они уже прожиты.

21 июня. Милан

К сожалению, Милан. После Флоренции и Рима здесь почти нестерпимо. Город лавочников, существующих для того, чтобы копить и есть, город, на котором вдобавок тяжелой тучей навис многолетний кризис, заставляющий всех только о том и думать, где бы дешевле поесть и как бы не остаться без работы. Большие буржуи куда-то попрятались, а мелочь ходит напуганная и невеселая. Настоящая, перспективная жизнь советских городов выступает на таком фоне особенно резко. Здесь явная агония капитализма, какими бы муссолиниевскими допингами его ни поддерживали.

Ехал из Рима 8 часов. Первые часы совсем хорошо, под музыку исторического итальянского пейзажа. Города известковые, вырастающие как скалы с башнями, стенами и черепичными крышами. Зелень, собранная в резкие зеленые точки, раскиданные по желто-зеленым худосочным холмам, мягкая линия холмов, зеленые реки и озера, виноградники. Но потом нестерпимо жарко, в купе семейство, там же дама, грязь, не думается.

Здесь поселился в том же Albergo Moderno на Via Carlo Alberto. Поздно вечером читал наивности про Леонардо.

22 июня. Милан

Утром в торгпредстве, где начальства нет, говорил с т[оварищем] Григорьевым, и наметил посещения Koristka и Salma Iraghi на понедельник. Разыскал отличный дешевый ресторан за La Scala. Заходил в Insituto Lombardo в библиотеку, все в поисках за неуловимым François Marie, конечно, не нашел, но приятно ходить по этим старым коридорам какого-то палаццо «за домом». Забежал в S[an] Maurizio около S[anta] Maria delle Grazie[1]. Со стен смотрят леонардески[2], леонардовские профили и улыбки без леонардовского смысла. Можно ли что-нибудь еще понять в Леонардо? Иногда мне кажется, что в нем самое главное, что притягивает, не понято, а притягивает, конечно, осуществленная связь искусства и науки, погубившая то и другое. Леонардо – воплощенная трагедия коллизии жизни искусства и науки. Поэтому и такие отблески притягивают.

Ну а затем после долгих колебаний и размышлений в предвидении Парижа покупал пиджак. Бррр! Зашел в кино, смотрел насквозь фальшивую картину l'Apoteosi*. Итальянская война 1915–1918 гг., кончающаяся могилой неизв[естного] солдата, дуче etc. После такой картины и кризиса кругом дикая бессмысленность войны становится очевидной. Похолодало, небо в облаках.

23 июня

Воскресенье. Первая половина дня совсем туристская. По остаткам миланской старины S. Ambrogio, Maria della Grazia, Castello[1] можно легко представить себе, какой был Милан во времена Леонардо, вероятно, он был по-

---

* «Апофеоз» (*ит.*).

хож на Верону. Как не догадаются до сей поры устроить в Милане выставку Леонардо. На первый взгляд незаметно, но город заполонен Леонардо. Был сегодня в трех музеях Poldo-Pezzoldo[*], Brera и Ambrosiana, все они интересны, главным образом по Леонардо, по леонардескам, которых здесь без конца. Поразительная, неповторявшаяся фигура. Каждое произведение – загадочная картина. Sfumato[2*], обращающее все в неопределенность. Жесты, позы. Рисунки уродов и не-уродов. Ученый? Но ничего доведенного, понятного до конца нет. Художник? Но, конечно, Рафаэль, Боттичелли и даже Луини дали больше. Инженер-практик, не создавший ничего?! Но тогда почему же тянет к себе и тянет непреодолимо? В музеях – все остальное для меня Schmucksachen[3*], эстетика, здесь же что-то говорящее из самой глубины. По-видимому, Леонардо – воплощенная человеческая трагедия, все может и не видит смысла в доведении до конца. Наиболее совершенное живое, кончающее именно поэтому самоубийством. Я не знаю другого человека, столь же полноценного, как Леонардо, и потому, вероятно, всегда к нему буду возвращаться. Леонардески – только отражение живого гения. Иногда, прелестны (мадонны ⟨нрзб.⟩, Содомы, Луини), но всегда пусты, всегда маски. Эти леонардовские маски всюду во всех церквах, палаццо и виллах, у C. Abrogio, у S. Vittore. Луини написал километры все тех же формально леонардовских голов, очень красиво и очень пусто.

Очень интересно в Poldo-Pezzoldo. Внутри отделка музея безобразна, но здесь столько маленьких неожиданностей. Пьеро деи Франчески (ученый, но совсем без леонардовской трагедии и загадок), Гварди, Тьеполо, леонардески. Брера колоссальна, но как-то бездарна, несмотря на всех Тицианов, Веронезов и Тьеполо. Интересен только Луини и другие леонардески. В Амброзиане из леонардовских комнат не уйдешь. Но в Леонардо разобраться нужно, это – живая диалектика науки и прочего.

Часов 5 писал деловые письма Фабри, Прингсхейму, Мартинецу, Тихомирову, на 4 языках и на всех скверно. Вечером опять кружился вокруг Duomo и заходил в кино, и это все.

24 июня

Утром поехал «барином» на такси к Koristka. Viale Eginardo 29. Принял Ing[egnere] Landini – здешний доктор Dapertutto[1], один инженер на 300 рабочих. Начали с механического цеха, где обделывается литье для штативов микроскопов (своей литейной нет), делаются бинокулярные препаровальные лупы нового образца, очень удобные (загадочные части для каких-то военных телеобъективов). Далее фотооптика для военной авиации. Расспрашивал о процессе сборки, конечно, прежде всего тщательно проверяют стекло, выполнение линзы, особой правки от руки не делают, задания от расчетчиков строгие. Военные микроскопы. Делают 1 12-кратный бинокль (вес 5 кило),

[*] Правильно: Poldi-Pezzoli.
[2*] Размытый, расплывчатый (*ит.*).
[3*] Драгоценности (*ит.*).

пока 1 экземпляр по требованию морского ведомства. Максимальное поле зрения 4°, миним[альное] 1,5°. Сами смотрят на это громадное сооружение иронически. Показывали 4-кр[атные], 6-кр[атные] и прочие бинокли, для проверки тот же прибор ⟨нрзб.⟩ Опт[ического] И-та. Надоело! Потом сборка и центрировка микрообъективов (на мастике). Отличные мастера, все на них и держится. Поляриметры трех типов, черная отделка. Универсальный микроскоп с удобным выдвижением конденсора. Микроск[опические] линзы выверяются на пробных стеклах по интерф[еренционным] цветам. Никакой физикой на заводе не пахнет, сам Landini, очевидно, плохо разбирается, например, в поляризац[ионной] оптике. Рассказал ему и техникам о наших работах, о чудесах Линника[2]. Рот разинули. На всем заводе кроме интерферометра Тваймэна, машины для проверки фотообъективов и прибора для проверки биноклей да одной оптической скамьи ничего лабораторного нет. Расчеты, проверка, все делается во Флоренции. Работают много, но только на Италию (за последнее время количество потребляемых биноклей увеличилось вдвое). Делают тут же весы Сарториуса по контракту с Сарториусом и по его указаниям. Завод хороший, но держащийся только на квалиф[ицированных] рабочих и техниках. Это тем более странно, что Koristka – один из создателей современной микроскопии. По словам Landini, несчастие Италии в том, что бросают многое по меркантильным соображениям по дороге, сидят на одном месте, хотя и могут многое. По его словам, микроскопы совсем не хуже Цейссовских. Оптическое стекло все немецкое (Большой беск[онечный] винт, более метра – мастерство).

После обеда в A.B.C., за Scala из торгпредства на машине поехал к Salmo Iraghi. Это учреждение более пышное, коммерческое и, по-видимому, привыкшее к очковтиранию. Начали с проверки геодезических и морских инструментов, секстантов (коллиматор), искусст[венное] Солнце, громадная точность, вращающийся уровень в теодолитах, фототеодолиты. Все это, по-видимому, действительно первоклассно. Чудесные делительные машины, источник – круг около 1 м д[иаметра], разделенный от руки, по нему две круг[овые] делит[ельные] машины, работающие ночью. Очень хороший народ товарищи пролетарии – свой брат. Потом попали в оптич[еский] цех к жуликоватому Dott[ore] Ing[egnere] Salvatore Giaquinta (Via Privato Asti, 12. Milano). Я сделал вид, что все это уже хорошо знаю, завел в инженерский закуток и начал расспрашивать, рассказал о ГОИ, о нашей промышл[енности], об опт[ическом стекле], о работах Гребенщикова[3] – глаза вытаращили. Явился Sign[ore] Ing[egnere] Bellini, помощник самого Senatore. Пошли осматривать очки. Пуниталь. Задал вопрос, почему дорого, когда процесс почти тот же. Ответ, что в форме помещается всего 12 штук, а обыкн[овенно] 80. Бифокальные очки различ[ных] сортов с исчезающ[ей] чертой раздела, ⟨нрзб.⟩ торические очки, нанесение цветного слоя. Потом, конечно, неизбежные надоевшие бинокли с обычной похвальбой. Прожекторные зеркала. Стекла от St. ⟨нрзб.⟩, серебрят и, наконец, очень крепкий защитный лак. Методы испытания, метод S[almo] I[raghi], видоизмененный* метод

---

* У Вавилова видоизменна.

Чиколи[2*] . Большой механ[ический] цех. Рабочих около 500. Затем повели к самому Senatore, 82-лет[нему] старику, похожему на Курнакова. Я ему рассказал про наши дела. Все хорошо, только вот не покупаете (это в ответ на компли[ме]нты по адресу самого C.I.)[3*] Интересуются очень нашим опт[ическим] стеклом, по коммерч[еским] соображениям. Предприятие бойкое и, конечно, первоклассное, но с инерцией и очевидной ленью. Можем, да не хотим думать. Вернулся домой на машине с привозившим инженером и каким-то ammiraglio[4*]. Инженер вылез, а Ammiraglio вдруг стал изредка выпускать русские фразы: «Пожалуйста, не беспокойтесь», «Третий Сибирский корпус», Куропаткин и проч., оказалось, был на японской войне. Потом отдыхал в кофейне за gelato. Жалко с итальянцами расставаться. За 3 месяца я мог бы совсем объитальяниться, настолько это простой и «свой» народ.

25 июня

Попал с утра в торгпредство. Сговорился относительно поездки к San Giorgio завтра. Обедать заходил к Сучкову, жена которого собирается ехать в Париж, но все разлетелось прахом. Швейцарцы, как и полагается благородным швейцар[ц]ам, визы не дают из-за того, что у французов указан бельгийский транзитный пункт. Schauderhafte Geschichte[*], которую придется расхлебывать завтра. После обеда поехал на Corso Sempione, 23 к Allocchio Bacchini[1], думал увидать что-нибудь интересное. Увы, водили меня много, но толку никакого. Стрелочные гальванометры чув[ствительность] 10^{-7}, фонометр на принципе изменяющейся емкости, катодный осциллограф обычного типа, все это и у нас делается. Затратил 2 часа, раскланялся, заказал каталоги и Ciao[2*]. Очень неудачный день, к вечеру совсем раскис да еще жара.

26 июня

Все еще в Милане. Жара нестерпимая, ночью 30°. Утром двинулся к франц[узскому] консулу, но sans succès[*]. Необычайно трудно заговорить по-французски. Пришлось разговаривать по телефону с парижским нашим посольством, что выйдет, не знаю. С горя поехал в Геную. Путешествие экзотическое. 2,5 часа в поезде и столько же обратно, 3 часа на заводе да полчаса на

[2*] Фамилия распознана неуверенно.
[3*] Правильно S.I. (Salmo Iragi).
[4*] Адмирал (*ит.*).
[*] Ужасная история (*нем.*).
[2*] До свидания (*ит.*).
[*] Без успеха (*фр.*).

автомобилях в Sestri и на вокзал. Всего 9 часов, видел только задники генуезских декораций да море. Дорога, как везде, милая. Очень хорошо около Павии, сама Павия с башнями, Duomo и прочими кирпичными аксессуарами, а около нее уютный зеленый пейзаж с рекой, рощами, лугами, дальше горы, тоннели, преддверие морских красот, которых так и не увидал.

Сан Джорджио, оказывается, очень большой завод, всего около 3000 рабочих. Оптиков-механиков около 1200, инженеров чел[овек] 15. Завод совсем иного характера, чем ранее виденные, более молодой (25 лет существует). Осматривал только оптику, хотя занимаются всем, тяжелой электротехникой (трансформаторы и пр.), радио, механикой (весы для лавок) и вообще универмаг, как почти всегда в Италии. Оптика насквозь военная. Дальномеров без конца, вплоть до 16-метровых, для выверки а) спец. станки; 2) коллиматоры, гораздо менее совершенные, чем у нас; 3) по пейзажу, благо кругом благодать, а завод[2*] высокий. Много разговаривал по поводу влияния температуры. Говорят, что добились почти полного отсутствия темп[ературных] влияний, показывали графики, меньше 2–3 теор[етических] ошибок. Говорят, что пробовали, как и у нас, с успехом наружное алюминирование, показывали прекрасные образцы. Пробовали также заменять зеркальные отражатели металлическими, говорят, успешно. Великолепные термостаты с симметричным обогревом. Трубы дальномеров закрывают плохопровод[ящими] тепло материалами. Перископы также испытывают в термостатах, говорят, влияния незначительные. Перископы делают с иллюминаторами для определения расстояния (новость). Операция сборки у них не вызывает никаких особых сомнений. Хорошее стекло, хорошее выполнение, хороший расчет и опытные рабочие. Опять бинокли, опять разговор об их высоких качествах. Поверка биноклей по разрешающей силе, говорят, что целая серия биноклей, проверенная методом Флор[ентийского] Оптич[еского] И-та, дала совершенно одинаковые результаты. Причины хорошего качества: безупречное стекло, совершенно без свилей, расчет «с запасом» на качество, хорошее выполнение и сборка. Проверка каждого экземпляра двойная, помимо приемщика. Прожекторов не делают. Прицелов и фотообъективов мне не показывали. В оптическом цеху обратил внимание на полировку призм серии. К гипсу чего-то подбавляют, получаются цвета, как у канифоли. Чего прибавляют, не сказали. Шкалы гравируют, но применяют и фотогр[афический] метод с послед[ующей] прокраск[ой] (алюм[иниевыми] квасцами?). Шкалы показывали действительно хорошие. В цехах, когда нет оптич[еской] работы, занимаются лавочными весами. На дела не жалуются, собираются расширяться. В цехах грязновато. Хороший мех[анический] цех, много автомат[ики]. Спец[иальной] лаборатории нет, но есть инженеры, занимающиеся только исследованием. С директором еще в качестве «наблюдателя» ходил молоденький морской офицер, с которым я и поехал на вокзал. Итог – завод солидный, слишком коммерческий, но снова не инициативный. При заводе школа учеников. Проездил 80 лир, ездил в 3-ем классе, публика 3-его класса такая хорошая, рабо-

[2*] Так у Вавилова. Видимо, надо: забор.

чие, синьорины, не ел до 10 ч. вечера. Приехал, умылся, побежал обедать на старую площадку около Duomo, напоминающую Флоренцию.

Жара нестерпимая, а положение пиковое.

Черт их знает, когда итальянцы спят. В 12 ч. ночи ⟨нрзб.⟩ на площади попивают и площадь, как на балу, а в 5 ч. утра уже все ходит.

27 июня

Положение совсем глупое. Фр[анцузский] консул никаких вестей из Парижа не имеет, и я сижу на мели, с тающими лирами. Programma è esaurita[*], жара нестерпимая, город совсем непривлекательный. Утро прошло в разговорах в полпредстве, затем ходил по антикварам в поисках книжки L. Beltrami[1]. Это не хуже охоты. В конце концов к вечеру книгу поймал и путем, неожиданным для самого хозяина лавки. Вчера у него был аукцион, и Beltrami остался непроданным на аукционе. Это – единственная удача, хотя и связанная с новым истощением лир.

Ходил в Castello. Реставрация сделала его мало поэтичным и вдохновительным. Приятно было походить по прохладным комнатам с римскими остатками, по картинной галерее, не Бог весть какой, но имеющей опять десятка два загадочных и увлекающих леонардесков. От самого Леонардо только один прелестный рисунок головы Леды. Занятны вариации Мадонны в скалах, в них многое от Леонардо, иногда даже сгущенного.

Кто же Леонардо? Усидчивый Gelehrt[2*], записывавший все что ни попадется из книг, из наблюдений? Загадочный художник в неопределенности своего sfumato, делавший все загадкой? Количество леонардесков (а я здесь их видел сотни) показывает, что, пожалуй, ни один художник не имел такого громадного влияния на свое время, вернее его обожествляли, но не понимали, стремились к нему, но не достигали. Для меня Леонардо самое интересное в Италии, иногда затмевающее весь ее образ.

28 июня

Простился с Италией. Утром получил визы и у французов и у швейцарцев, зашел в прохладный необъятный мрак Duomo, и все. В 5 часов сел на поезд. На прощанье замелькали озера, опять с замками, с итальянскими городами, вырастающими из скал, и все. В купе развеселая итальянская артистка из <нрзб.> и певец. Жалуются на плохие дела, пьют кьянти с водой, за которой бегают по русскому обычаю под кран, ночью бутылка опрокинулась и залила все купе. Честные швейцар[ц]ы с точно восковыми Fräulein, хорошими папиросами и шоколадом. Мошенники французы, обирающие при обмене денег.

Увижу ли еще Италию? Грустно, если нет.

Это страна талантливой наивности и красоты. Недаром в ней столько памятников сохранилось. Любили красоту, вот и сохранили. Большие дети,

---

[*] Программа исчерпана (*ит.*).

[2*] Ученый (*нем.*).

но не кретины и недоросли, а талантливые дети. Живым себя в Италии чувствуешь. Увожу из нее еще более глубокое чувство, чем раньше. Несмотря на комедиантство Муссолини и эту глупую фашистскую комедию, совсем не подходящую к Италии, она себя сохранила.

29 июня. Париж

Утром в вагоне совсем, совсем другие пейзажи, зелень свежая, мягкая, иногда похожая на подмосковную. Франция – у нее хороший зеленый крестьянский тыл. Серый Париж, нарочито небрежный, нарочито старающийся не наводить берлинского лоска, после Италии понятно, как здесь много итальянского. Поселился в Hôtel Foyots около Palais de Luxemburg, почтенного, серого, но совсем не вдохновенного. Район прекрасный. Institut[1], книжники, тихо. Утром, порядочно помаявшись с непривычки по автобусам и метро, добрался в полпредство, где уже, кажется, слишком надоели гости из С.С.С.Р. Получил письмо от Fabry. Получил три письма на почте, а от своих нет ничего. Unheimlich*. Очень трудно говорить по-французски, путаю с итальянским. Немножко побродил по дороге, а вечером Фрадкин из торгпредства направил в Folie Berger[2]. Отвратительная голизна и иногда остроумные политические шпильки. Талантливы французы во всем, но об этом в другой раз, спать пора.

30 июня

Воскресенье и очень неудачное. Пришлось выступать в роли гида для жены Сучкова, дамочки, находящейся в состоянии культурного ликбеза. Пошли в Лувр, и мне пришлось быть tutor'ом*, объясняющим Рафаэлей, Веронезов и т.д. А дамочку тянет все к «nue»2*, ко всяким Амурам и Психеям. Бррр! Ну, вот расскажи ей, что такое Джоконда, св. Себастьян Мантеньи, она, конечно, купила открытку с Себастьяном Перуджино, распрекрасным Антиноем из Folie-Berger. Для себя-то почти ничего и не осталось. А между тем со стен опять заулыбались луинивские леонардески (здесь они, конечно, первого сорта). По-новому увидел Крестителя Леонардо, и Джоконда, когда увидал ее настоящую, ожила, руки, руки стали настоящими и ее поразительный такт во всем [–] в позе, в улыбке, в пейзаже [–] стал понятным опять. Ясно, что колорит Дж[оконды] совсем испорчен, все позеленело, не могло быть у Л[еонардо] этого зеленого неба. С нее бы снять лак. Но замечательно, кроме Леонардо и леонардесок, никто не трогает – Schmucksache3*. Любовался только Мейсонье. Каждая картина целый уютный рассказ!

С той же дамой, говорящей «у их» и т.д., пришлось обедать и везти в Bois de Boulogne4*, где давка, Grand-Prix, бега, ноги гудут. Возвратился в свой почтенный Foyot, в книжный quartier5*. Дене[к] пропал.

---

* *Зд.* тревожно (*нем.*).

* Наставник, опекун (*англ.*).

2* Ню (*фр.*).

3* Красивые вещи (*нем.*).

4* Булонский лес.

5* Квартал (*фр.*).

1 июля

И сегодняшний [день] пропал. Утром пошел в торгпредство, звонил Fabry, Monsieur может принять только Vendredi*, т.е. через 3 дня! У него examen! С горя пошел покупать пальто, так как небо в тучах, даже слегка моросит, а в моем небесном пальто показаться немыслимо. Дальше обед без супа. Зашел домой, а потом трехчасовая прогулка по бульварам. Замечательно естественно они живут – у них все выходит как следует. Уменье жить поразительное. Париж совершенно не красив. Все эти Palais, начиная с Лувра, огромны, роскошны, но ужасно не талантливы. Куда же в архитектурном отношении Парижу до Ленинграда! Но в этой некрасоте – естественность и страшная ловкость. Завидно! Вечером читал газеты. Как они ловко, остроумно скроены! Сам я poverino[2*]. Хожу как фотографическая камера, вижу, замечаю, но нет выводов, и я устал от этого состояния, созерцательского, творчества хочется, работы. Скорее бы добраться до физиков. Париж как-то нехорошо складывается, и писем из дома нет.

2 июля

Утро в полпредстве. Анкеты для виз, письмо для [Bibliothèque] Nationale. Много эминентов*, Винтер, Александров, Шатэлен, Толстой. Все в отношении друг к другу reservé[2*]. «Здравствуйте» и «прощайте». После обеда пошел в B[ibliothèque] N[ationale]. Нужны карточки. Осмотрел выставку по случаю 300-летия Academie Française. Это выставка академических людей, эффектных портретов, книг в марокене[1] (каков Лукреций!), автографов. Смысла Академии совершенно не видно. Не было бы ее, были бы люди. Опять парижский блеск Вольтеров, Франсов, Ростанов. Я еще в Париже не разобрался, но формула его ощущается. Мне он не подходит. Совсем я другого склада. Вечером пошел в Odeon. Пустой теат[р]. Генрих III Dumas-Per[e]'a. Безобразные декорации и превосходная игра – совсем Дюма, такой треск и пафос, что любо-дорого. Завтра, по-видимому, [примусь] за настоящие дела.

3 июля

Утром путанными путями, застряв где-то в Chatelet, добрался до Bibl[iothèque] Nat[ionale]. Отцы библиотекари в Ватикане напутали, Fr. Marie в каталоге библиотеки есть, и я его выписал. Сначала и здесь напутали, дали какую-то астрологию. В 12 ч. пришлось на такси ехать в полпредство для участия в dejeuner*. Dejeuner состоялось в каком-то шикарном ресторане на Елисейских полях. Присутствовали Mason, Dayez и другие какие-то старички и не-старички, почти все прекрасно говорящие по-русски. Был Потемкин, Луппол, а вот Langevin'а не было и единственный смысл dejeuner, что бесплатно хорошо пообедал (в Париже это еще первый раз). Разговоры совсем пустяковые «на тему о ⟨нрзб.⟩». Французы, конечно, не разделяют эмигран-

---

* Пятница.

[2*] Бедняк, убогий (*ит.*).

* Важный (*фр.*).

[2*] Осторожный, сдержанный (*фр.*).\

* Завтрак (*фр.*)

тов и не-эмигрантов и одинаково козыряют и Милюковым и Бенуа. С dejeuner прямо в библиотеку. Наконец Fr. Marie в руках. Маленькая книжонка 12° в 70 стр[аниц]. Прочел ее сразу в ½ часа. Разочаровала значительно. О «пороге» честной отец понятия не имел, а просто считал само собой разумеющимся, что при достаточном коли[че]стве поглощающих стекол ничего проходить не будет. Но был прибор. Правильно поставлена фотом[етрическая] задача и для истории книжка ценная, заказал ее фотографическую копию. В общем этим доволен.

Из библиотеки вернулся домой, получил телеграмму от Олюшки о хороших письмах. Сразу легче стало. Потом хорошая прогулка по Парижу: по бульварам от Одеона через Concorde к Madeleine и Opera, оттуда на Metro к Chatelet мимо освещенной Notre dame, мимо закрытых книжных ларей по набережной домой.

4 июля

Ходил утром и в полпредство, и в торгпредство, а после этого на итальянскую выставку. С одной стороны – это ужасно: собрана квинтэссенция, все кумиры, в одной зале 6 полотен Леонардо, 4 настоящих Джорджоне, Пьеро деи Франчески, Мантенья и смотришь как на раскрашенную стену. Не текут эти таинственные струи. Все равно, что видел, что нет. Без новых мыслей, как камень. С другой стороны (объективно), это – потрясающее событие, которое неумело совершенно поднесли. Разве можно это показывать в кафе-шантанном Petit Palais, от которого в восторге парижане? Разве можно развешивать картины, как на базаре. Разве можно пускать эти стада людей, мешающих друг другу? В Париже, кажется, нет зала, достойного развески этих capolavori*. Через неделю пойду еще, еще раз – реакция на самого себя. Дуче, конечно, на этом зарабатывает политический капитал.

После выставки и обеда Bibl[iothèque] Nat[ionale], где рылся в Ньютонах, сравнивая разные издания. Нашел кое-что новое[1].

Вечером почти неожиданно для себя попал в Grande Opera на Фальстафа[2]. Парадный спектакль, «демонстрация итальянско-французской дружбы». President, кирасиры с шашками наголо, фраки, белые жилеты, цилиндры. Duchess'ы[2*], маркизы, прямо как у Дюма. Поют итальянцы по-итальянски. Перед спектаклем великолепно сыгранные Giovinnezza и Марсельеза. Опера для меня совсем новая и неожиданная. Но о музыке писать трудно. Хорошо и basta, и пели и играли – доволен. После Opera дамы в бальных туалетах и мусье во фраках возвращались по случаю кризиса в метро, правда, «в первом классе».

5 июля

Boulevard Paster. Institut d'Optique. Fabry, очень симп[атичного] вида, но которому надоели иностранцы, конгрессы, экзамены. С ним разговор об алюминировании стекол для интерферометров, комплименты разные. Водил по И-ту Arnulf. Сначала к M. Godeau (!) по издат[ельским] и библ[иотечным]

---

* Шедевры (*ит.*).

[2*] Герцогиня (*фр.*).

делам. Библиотека не больше, чем в Г.О.И. И-т главным образом учебный, но по пути ученья всякие работы практического свойства. Наверху школа для рабочих, проходят все операции оптич[еского] цеха, обучается около 40 чел[овек]. Всех берут нарасхват. Arnulf жалуется на грязь (это воспитывает плохого оптика). В комнатах, которые мне показали, 1) установка для показ[ателя] прел[омления] по Физо с фотографической регистрацией полос 2) Pulfrich своей конструкции, 2 цифры в 6-ом знаке 3) Инфракр[асный] спектрограф с термоэлементом и фотогр[афической] записью (период прерывный) для поглощения стекол 4) большой спектрофот[ометр] с большой дисперсией и чистотой и светосилой, с малым количеством поверхностей (искривл[ения] призмы) 5) Спектрограф[ическая] установка de Gramont для спектр[ального] анализа (ничего примечательного) 6) Работа M-lle Klein (?) измен[ение] показ[ателя] преломления при комн[атной] (почти до 100°) температуре (в параллель работе Тудоровской) 7) Работа Arnulf'а по «видимости», о значении контраста в мирах (4 наблюдателя), качество изображения 8) Нечто вроде практикума со спектрограф[ами] Jobin, Fery, спектрометрами (маленькими) 9) Астр[ономический] и[нструмен]т Ритчи ни к чему не нужный, без дела 10) зеркальная установка для направл[ения] солнечного света в помещение 11) Комната для испытания фотогр[афических] объективов, линзы примитивного устройства 12) фотометр для фотометрии приборов. Мелькнул маленький дальномер, но о военных приборах не говорили. И-т учреж[дение] частное, госуд[арственная] только школа для рабочих. Жалуются, что военные и морские ведомства не дают заказов. Постоянный штат 3 человека. Секретничают явно. Опт[ическое] стекло разное для очков и для точных оптич[еских] приборов. Скептический разговор о Ронки. Длинный разговор о качестве изображения. Рассказывал о Г.О.И. Пробыл часа 3 ½. Пошел обедать в Café «A l'Instutut d'Optique».

Оттуда опять в Bibl[iothèque] Nat[ionale], где снова часа 2 сидел над Ньютоном и нашел новые места.

Затем дома, письма. Прогулка по бульварам. Неуютно, темно, проститутки. Вернулся к себе.

6 июля

Просидел утром «битых» 3 часа в полпредстве и торгпредстве. Разговор о том, что никого не прислали на фотографический и астрономический конгрессы. По-видимому, ничего не сделаешь и получается очень конфузное положение. Затем был в Bibl[iothèque] Nat[ionale], где закончил сравнение I-го и III-го англ[ийского] издания «Оптики» Ньютона с первым латинским изданием.

Вечером пошел к M-r Boyer на обед, где были французы, говорящие по-русски. Разговоры – на русские темы. Нам завидуют [:] «У вас – идея, у нас никакой, живем, чтобы жить, не видя ничего впереди». Долго объяснял им, что у нас нет капиталистов, несмотря на то, что платят во многих случаях хорошо. Не могут этого понять. Помимо материального кризиса в Париже, действительно, ясно чувствуется taedium vitae*. Жить, правда, уме-

---

*Отвращение к жизни (*лат.*).

ют, пожалуй, лучше, чем кто-либо на свете, но в конце концов запрыгались на одном месте.

<u>**7 июля**</u>

Воскресенье. Существование у меня здесь совсем одинокое. Двинулся в Musée Cluny – огромная антикварная лавка, от которой, в конце концов, такому посетителю, как я, грозит только головная боль. Интересно только во всем, в каминах, стульях, гобеленах, эмалях и т.д., постепенное переплетение немецкого и итальянского, пожалуй, только в XVI в. появляется совсем свое крепкое французское искусство. Но и немцы и итальянцы впитывались по-своему и препарировались во французской кухне шампанского, льющегося языка и поверхностного скептицизма.

После Cluny и обеда сидел дома, а к вечеру пошел в кино смотреть цветную фильму, глупенький фарс, но необычайно действующий своими красками. Смотрел по-обывательски, не зная способа, по-видимому аддит[ивный] метод (3 пленки). Иногда очень скверно. Изделие французское (Paris-Color-Films, Procédé Francita). Вечером – прескверное настроение по поводу даром убитого времени.

<u>**8 июля**</u>

Утром, немножко проспав, на такси поехал на Rue de Clichy на открытие фотографического конгресса. Пустая вступ[ительная] речь Fabry, пустое приветствие на нем[ецком] языке Luther'a et c'est tout*. Наши, несмотря на 20 представленных докладов, блистают отсутствием. С заседания вместе с Fabry поехал в I[nstitut] d'O[ptique]. Разговор о формах связи с лен[инградским] О[птическим] И[нститутом]. Предложил 1) печатание рефератов о наших работах в Revue d'Optique 2) съезд 3) командировки наших в Париж. Неприятный разговор о переводе книги Фабри Гершуном без его разрешения[1].

Затем на основании приглашения пошел в Сорбонну к M. Le Doyen Maurain'y[2*]. Разговор о стратосферных делах (он специалист по геофизике) и «о вообче», пошли к Cotton, который обещал показать Grand Aimant[3*], о котором я и без того все знаю.

На заседание Академии не пошел, хотя и звали. Заходил в B[ibliothèque] N[ationale] взять отпечатки Fr. Marie (теперь он у меня в руках на 100%)[2]. Затем бестолковый 1 ½ часовой разгов[ор] в торгпредстве опять о конгрессе и об изобретателях, прогулка по набережной Сены, мимо букинистов и потихоньку домой, где сижу и меланхолически размышляю, отказавшись от вечерней прогулки.

Начинаю любить узки[е] французские переулки с их искривленными домами и своеобразными крышами. Французы хороши, только совсем не по мне.

---

* И все (*фр.*).
[2*] Декан Морен.
[3*] Большой магнит.

9 июля

Утром пошел на Конгресс, где безо всяких дискуссий, бестолково шли доклады о сенситометрии на разных наречиях. Бестолковщина полная, секретарь конгресса с длинной бородой хлопнул по столу, чуть не плюнул и сказал «Je n'en sais rien»*. Безуспешно затем пытался поймать Перрэна на Rue Pieree Curie, ловил по 4-м И[нститут]ам. Dejeuner у какой-то m-elle, которая был[а] у Boyer. Замечательны парижские настроения. Интеллигенция готовится к коммунизму. Конгресс писателей[1] прошел так, что слушали во все уши и поучались. Иначе никаких идеалов. Мы дома и не подозреваем[,] насколько взрыхлена здесь психологическая почва. Побаиваются Quatorze Juillet[2*].

После обеда двинулся опять на Rue Pierre Curie и поймал Fr. Perrin во дворе с женой и дочкой. Водил по И-ту de Chimie Physique. Видел 1) Установку Кокрофта[2], с которой, как и везде, пока ничего не сделано, 2) Установка со счетчиками Auger[3] на крыше для космич[еских] лучей, изучение наиболее проникающей слагающей 3) характеристической X-излучение газов со спектрограф[ом] без щели 4) установка Гавиолы, вместо конденсатора Керра пьезо-кварц, результатов пока нет. 5) Изучение электролюмин[есценции] поверхн[остного] слоя с ламповым электрометром и установление связи его с поверхностным натяжением. Мастерские с 2 механика[ми] и 4 станками. 6) Полярископ Савара с двоякопрел[омляющей] призмой вместо николя. Разговор о плат[ино]-син[еродистых] солях (по сл[овам] Перрена, очень сильное свечение в серной кислоте). Это кажется и все.

В И-те очень чисто, установки основательные и богатые. На дворе повстречался Perrin papa. Повел в И-т Ротшильда физико-химико-биологический. Здесь 1) разговор с Перренн[ом]-отцом о метаген[етических] лучах[4] – говорит, что они, как и итальянцы, ничего не нашли, сравнивает с *N*-лучами[5]. 2) разговор с Muronesco, заним[ающимся] действием ультразвуковых волн на фотогр[афическую] пластинку. Симп[атичный] паренек, надо ему послать оттиски. 3) Разговор с Wurmser'ом о работах по ассимиляции. Адиабатный колориметр, по колор[иметрическим] измерения[м] колич[ества] газа, выделяющегося в процессе. И-т роскошен. Маленькая столовая, великолепный конференц-зал. В комнатах цветы, поразительная чистота – совсем не институтская картина. Наука Ротшильда. Разговори[лся] с очень симпатичным молоденьким Эренфестом.

Вечером пошел на демонстрацию снимков и фильм[ов] на конгрессе. Приятно, но совсем старо. Фотографии Парижа 90-х годов. Хорошие автохромы (Hachette)), снимки миниатюр и манускриптов, цветных стекол в старых церквах. Весьма скучные и скверно снятые на автохроме пейзажи. Цветные фильмы немецкие и голландс[кие] (Гаспар и Филлип). У немцев совсем хорошо. Но это не натура, а только цвета. Вообще конгресс-то в кавычках.

Когда возвращался около 12 ч. ночи по Rue de la Seine, чуть-чуть не попал в участок. «Vos documents. Ronde de police»[3*], какие-то личности в

---

* Я ничего не знаю об этом (*фр.*).

2* 14 июля (национальный праздник Франции) (*фр.*).

3* Полицейский патруль (*фр.*).

партикулярном платье. Паспорта у меня не было – в полпредстве на предмет визы бельгийской. Выручила визитная карточка со всеми чинами и орденами. Пропустили. Это все 14 Juillet беспокоит. Призрак ходит по Европе.

10 июля

Устаю от пеших хождений. Сегодня вышел из отеля в 9 ¾, а вернулся в 9 ¼ , почти 12 часов хождения, прерываемого «программой». А программа – такая. Rue Grenelle с полпредством, почти без толку, встретил Щусева и Иофана. Торгпредство – здесь хотя [бы] получена телеграмма из Москвы о деньгах на покупку приборов. Отсюда по метро (уж и изучил это самое метро, стал специалистом) на Rue Froideveau 4 на dejeuner к Fr. Perrin. Были Joliot и m-ell Cauchois, помимо жены и неизвестных мне персон. Сначала политические разговоры. Настроения здесь розовые, надеются, что коммунисты помогут победе демократического фронта, попросту говоря, настроения мелкобуржуазные, попользоваться коммунистами, а потом от них отойти. Сговорился с Joliot завтра быть у него в лаборатории, нашел следы ксенона и редких земель. С Фр. Перреном поговорил о командировке Левшина, с Joliot – Добротина. Разговаривал с Фр. Перреном о флуктуациях и это почти все. От Перренов опять по метро – в Bibl[iothèque] Nat[ionale], где разыскал две книги H. Fabri по оптике[1], весьма занятные, критика Гримальди. Но по-латыни и не все понимаю, но доволен, что нашел, завтра опять пойду. Из библиотеки, купив по дороге рубашку и выпив пива, пошел на итальянскую выставку второй раз, надеясь что в 7-ом часу не будет народ. Опять – толпы. Но все-таки посмотрел окончательно и больше уже не пойду.

Выставка напрасно велика, излишне много декоративного. Для меня попрежнему на выставке только Леонардо и Джорджоне. Лица и пейзажи того и другого – думают, перед ними стоишь без конца и именно думаешь, но нарисована не мысль, не «идея», а процесс мысли, мысль в зрителе возбуждается – совершенно (в точном смысле) музыкальное впечатление. Так думается под музыку Бетховена и Баха. Разве можно думать под красивого Рафаэля, более тонкого красивого Корреджио (ведь вот у этого так близко к Леонардо, но sfumato и улыбки растекаются только в нежность и почти эротика) или примитивно красивого Луини (Луини-то особенно доказателен, потому что внешность леонардовская). А кроме этого что же у Леонардо. Краски Св. Анны просто отвратительны (небо грязно-зеленое и все скверное). Очень слабы оба Благовещения. Джорджоне достигает совершенно леонардовского эффекта, его мысли только более конкретные, земные. Но это опять подлинная музыка – создаваемая не «гаммами красок», не рисунком, а крайней многозначительностью лиц и жестов. Тут совсем не прямая живопись. Лучше всего Юдифь на выставке, здесь она блещет всем – и мыслью, и краской. А остальное – как будто бы и не видел. Хорош только портрет Романино. Почти незаметно для себя пошел по Champs Elysées до Place d'Etoile. Это Петровский парк большого масштаба. Совсем некрасивый, бездарный, а как бездарны эти дворцы на Champs Elysées.

11 июля

День не с такой усталостью, но достаточно пустой. 1 ½ часа утром на фотогр[афическом] конгрессе, где чувствую себя крайне неловко в роли «стороннего наблюдателя». Доклад Belliot «о теории скрытого изображения» не очень доказательный. Захватил оттиски всех докладов и это хорошо. Визит в полпредство – до сих пор нет бельгийской визы. Обед в каком-то малюсеньком трактирчике, где очень весело и здорово кормят. Затем был у Jolliot. Лаборатория почти пустая, начинаются каникулы. Jolliot в горе, залили маслом основную трубу в высоковольтной установке до мил. вольт, с которой он мог имитировать 500 гр. радия, испортилось все это перед самыми основными опытами. Водил по И-ту. Мастерская с 3 механиками и отличными станками. Целый ряд вполне оборудованных камер. Камеры, позволяющие работать при ничтожных давлениях (одни пары воды). Освещение и дуговое и искровое. Кинамо[1]. Магнитное поле. Другая камера для огромных давлений до 30 атм. Камера из немагн[итных] материал[ов], позвол[яющая] получать поля (в уст[ановке] Cotton) до 20 000 гауссов. Огромный постоянный магнит с феррокоб[альтовыми] наконечниками, позволяющий в большом объеме совершенно постоянно иметь 400 гауссов. Ben[e]detti от Rossi повторяет со счетчиками опыты Скобельцына – без успеха. Занимаются тщательным изучением распределения энергии в спектре непрерывного β-излучения. Ведут колориметрические измерения энергии радиоакт[ивных] превращений с адиабат[ическим] колориметром Свентославского. Конечно, искусств[енная] радиоактивность (с химич[еской] лабораторией). Есть установка Коккрофта (сам не видал). И-т первоклассный, конечно, работают, видно, здорово и хорошо. Засим отправился в B[ibliothèque] N[ational] заканчивать своего Fabri. Нового ничего не нашел, даже не ясно, что же для него свет – corpus, motio*. Одна qualitas[2*]. Добрался до дома. Утомительно и скучно такое житие.

12 июля

Жизнь здесь стала для меня совсем стереотипной. Утром на метро на Rue de la Ville Evêque в торгпредство, где наконец пришли приглашения на заводы. Потом в банк за деньгами. Опоздал в Интурист, пришел после 12. Неизбежный dejeuner. Забежал (или вернее заехал) в отель, опять в Интурист, заказал билет через Брюссель на Берлин и Негорелое. В Интуристе толстая «вице-директорша» Эрмитажа Лиловая. Сел на taxi и поехал в Arceuil к Ivon. Шофер – русский, очевидно, судя по выправке бывший капитан. Sic transit Gloria mundis*. У Ivon – мастерская человек на 50 рабочих. Фирма старая, еще от Soleil. Делают прекрасные вещи. Длинный разговор с Ivon. Совершенно убил его нашим шпатом и флуоритом. У него глаза разгорелись. Показывал не очень много. Станок для шлифовки астр[ономических] зеркал, типа Ричи, почти такой же, как у Максутова. Громадный светосильный монохроматор (один экз[емпляр] делается, очевидно, по заказу ВИМС'а[1]). Новый кварцевый спектрограф, небол[ьшой] светосилы, с алюм[иниевыми]

---

*Тело, движение (*лат.*).

[2*] Качество (в лат. яз. qualitas существительное женского рода) (*лат.*).

*Так проходит земная слава (*лат.*).

зеркалами с выпрямл. полем. Спектрофотометр Ivon. Говорил об анализаторе Chaumont – цена 24 000 фр! Лучше сделаем сами. Скептически относится к светос[ильному] спектрографу Kipp'a[2]. Говорит, что изготовление поляризац[ионных] пластинок для него одна филантропия. Вычислитель – один, да сам Ivon. Рассказал об Опт[ическом] И-те, о с[вето]ф[ильтре] Брумберга, мало ли о чем можно рассказать. Заказал каталоги и до свидания. Пошел через Arceuil к Porte d'Orleans. Рабочий квартал, кепки, вид знакомый и приятный.

Живу в центре и получается обманное впечатление, что нет бедноты, на самом деле здесь территориальное разделение. Вся беднота на периферии Парижа. Ivon – стяжатель и несмотря на то, что «дока», думает только о франках. Когда видишь вот таких Ivon'ов, понимаешь всю грандиозность происходящего у нас. У нас деньги стали третьим делом.

Вечером пошел в кино. Надвигалась гроза, молнии. Завернул у Madeleine[3] в какой-то cinema «Edu[a]rd VII», страшно дорого 15 фр. Но очень сильная и велик[олепно] сделанная картина, эпизод из мессопотамской войны. Страшно умелое доказательст[во] "stupidité"[2*] войны, своеобразия психологии солдата. Прекрасно снято, звук также великолепен. Впечатление огромное. Вернулся в очень меланхолическом настроении.

13 июля

Предпраздничный и очень бестолковый день. Самое существенное – наблюдения за городом, за лицами, за газетами. Несомненно, что Париж – перед революцией. Это чувствуется, главным образом, в тревоге буржуазии. Народа здесь в центре не видно или не слышно, или он попросту начинает танцевать как будто бы ни в чем не бывало. Революция предопределена безысходностью, находящей вопиющее выражение в идиотском «кризисе», и советским примером. Дело не в наших индустриальных успехах и не в наших громадных недостатках, а в том, что в самом деле привилегированных у нас не осталось, что у нас деньги просто несерьезный вопрос, что у нас безбрежное море впереди веселой работы. Завтра едва ли что-нибудь случится, так все газетные писаки предсказывают, но они же почесывают в затылке, предвидя будущее и, главное, не имея ничего возразить. Это – самое замечательное. Надеются только на «авось пронесет». Невеселый праздник у парижского буржуа с его похудевшими франками. Я вспоминал сегодня, мотаясь по улицам, 14 июля 1913 г. Было сытое буржуазное веселье, густо висели флаги – всех стран, собранные в розетки. А сейчас минор на богатых улицах. Иллюминация, флаги только французские, а на сердце кошки скребут. Это – впечатления дня, а самый день такой. Прежде всего забежал в И-т Ротшильда поговорить с Champetier о редких землях. Urbain нет, и дело кончилось сомнительным обещанием. Затем полпредство – бельгийской визы все еще нет. Торгпредство, разговор с Гольдовским (ну и представитель на фот[ографическом] конгрессе!) о чепухе на конгрессе. Пошел в банк, после обеда закрыт. С горя пошел на современную итальянскую выставку. Лучше бы они не срамились. Только Сегантини да Канова. Почему это случилось с

[2*] Глупость (*фр.*).

итальянцами после Тьеполо и Гварди, понять не могу, но в самом деле срам. Писать умею[т] на любые манеры, но все – глухая провинция.

Иностранцам предложено в демонстрации не мешаться. Походил, походил до 9 ¼. Посмотрел, как начали танц[е]вать, да и повернул домой, отдыхать. Жарко нестерпимо и грустно.

14 июля

Для меня томительный день. Праздник на чужой улице. Распоряжение о том, чтобы «иностранцы» (т.е. конечно русские) никуда носа не совали, заставляло все время оглядываться и побольше сидеть дома. Летали весьма стройно и очень высоко 600 аэропланов, видел хвосты войск, возвращающихся с парада. Все это совсем обычно и скучно. В центре народ просто отдыхает. Удят рыбу, сидят на скамеечках, играют в теннис. После обеда кой-где видел taxi, из которых раздавались боевые клики и развивались маленькие красные флажки. Хотел было вечером посмотреть иллюминацию на Pont Neuf*, уселся на ступеньках ярко освещенного Institut de France, вокруг которого очень живописно расположились парижане, но на каждого гражданина было по полицейскому, солдату с винтовкой и «штатскому». Решил от греха уйти подальше. Только мне вслед грохотала по узким улицам музыка фейерверка. На мостовых, как полагается, танцевали и даже весело.

Утром пошел в Notre Dame. Церковь уютная, романтичная, но совсем провинциальная. Изумительно глубоко играл орган. Подымался на башни посмотреть серые парижские громады – они довольно бездарны и мало красивы. Чудища действительно милы – это постоянная талантливая улыбка французов над самими собой. Писал много писем и думал. Вот и все.

15 июля

По тем газетам, которые попали в руки, 14 июля прошло спокойно, но даже в них проскальзывает, что было слишком много полиции. Во всяком случае, подходя сегодня к Метро у Одеона, вновь наскочил на наряд нац[иональной] гвардии в полном снаряжении, а в магазинчиках взволнованно переговаривались, о чем точно не знаю, слышал только слово «communists». Жара нестерпимая, а тут еще праздничное настроение, закрытые лавки. До обеда (из отеля для уборки комнаты надо было уйти) не знал что делать. Ездил зря по метро, повидал злосчастное Трокадеро[1]. Надо же доказать теорему, что Париж архитектурно во многих своих частях безобразен.

Вторая половина дня – деловая. Пошел на астрономическую выставку в Centre Berthelot на Rue St. Dominique. Выставка чрезвычайно интересная и в оптическом и в астрономическом отношении. Масса образцов алюм[иниевых] зеркал. / Зеркало на расстоянии 16 см. Распыляли алюм[иниевую] проволо[ку] 350 Amp при 4 V, длительность 3 сек., коэфф[ициент] от[ражения] 80,5%. Диффр[акционная] решетка (Hilger[2]), нарезанная в Nat. Phys. Laboratory 8 × 5 см. 567 штрихов на мм. Огромный светосильный спектрограф (F/0,7) для спектров ночного неба. Шестидесятиград[усная] призма высотою ~ 7 см.

---

* Новый мост (*фр.*).

Астигматический спектрограф Couder с наклонной линзой (строили Chalog и Vassy). Ртутн[ые] лампы большой интенсивности Dunoyer. Снимки пепельного света неба обсерватории Flamarion. Дальнейшему осмотру помешал Герасимович, с которым часа три разговаривал и по научным делам, а главным образом по поводу тяжелой истории с его провалом в Ак[адемии] Наук. Обедали вместе. Оттуда пошел в Сорбонну «Reunion de l'Inst d'Opt»* под председательством Фабри. Baldet рассказывал о новой объективной призме для фотографирования спектра комет с прекрасными результатами. Couder рассказал о новом принципе астигмат[ических] спектрографов (астигматизм используется) с наклоненным объективом. Чрезвычайно интересная идея. Chalonge о реализации астигмат[ического] спектрографа на этом принципе. M-me Herman об объективн[ой] призме с наклоненным зеркалом (очень простая идея с хорошими результатами). Arnulf о новом спектрографе с большим отверстие[м] для у[льтра]ф[иолета]. Чрезвычайно толковое заседание. Молодцы.

Второй день хотя и праздник, но иллюминаций нет, на Люксем[бургском] дворце ее погасили и часы опять стали вызванивать своим приятным старинным звоном.

16 июля

Мне очень надоели заводы. Но сегодня был на двух. Boyer на Boulevard Arago. Очень симпатичное и даже трогательное établissement*. Во главе супруги Levy, очень милые, искренние, по недоразумению буржуи. Она – оптик, была раньше учительницей математики, потом выучилась в Опт. И-те у Фабри. Сама рассчитывает все системы, притом иногда занятные. Он поскромнее (она – хозяйка), механик. Заводишка грязненький, рабочих человек 25, смотреть в нем в сущности нечего, кроме операций сборки линз (в одной оправе два стекла), но делают, судя по всему, отличные объективы светосильные для кино, авиационные (принятые в армии) с прекрасным ахроматизмом (снимки в и[нфра]кр[асных] лучах и видимых при одной и той [же] mis[e] au point[2*]). Очень хорошее впечатление [от] такой кустарной мастерской, какие нужны. После обеда забежал в банк за казенными деньгами (5250 фр.) и затем на такси поехал [на] Rue Curiol около Porte de la Vilette, у черта на куличках к Barbie Bénard et Turenne (Etabl[it][3*] Krauss). Приняли весьма почтительно, но показали немногое. Бинокли, действ[ительно] хорошие, с большим увеличением и полем. Делают прожект[орные] зеркала, видел процесс шлифовки и полировки (ничего нового), обработка отдельных колец линз Френеля. Громадная линза. Лаборатория для испытания примитивного вида. Делают фотообъективы авиационные и житейские. Перископы не показали. Конечно, разные прицелы. Большое конструкторское и расчетное бюро. Рассказывал о нашей промышленности и о ГОИ. Рот разевают, как везде. Вот и все, от посещения толку мало. Оттуда на метро двинулся снова на астроном[ическую] выставку. Разговор с Arnulf, с Dufay о спектрах

---

* Общество оптического института (*фр.*).

* Заведение (*фр.*).

2* Установка на фокус (*фр.*).

3* Основал (*фр.*).

ночного неба и о его спектрографе с Cojon (конструкт[ор] спектрогра[фа]), с Chalonge, жалующимся, что в Сонья не пустили. Встретили В.Г. Фесенкова, разговор в кафе о стратосф[ерной] комиссии, о злосчастных выборах в А.Н.[1], о судьбе Пулковской Обсерватории. Впечатление очень нехорошее, дик и глуповат. Предстоят, очевидно, неприятности. Вечером немножко погулял по бульварам. Настроение плохое, ничего творческого.

17 июля

День хлопотливый с вечерней меланхолией. Начался с очередного визита [на] Rue Grenelle относительно визы. Пришлось самому ехать в бельгийское посольство и наконец раздобыть злосчастную визу. После этого – торгпредство, разговор с Крицманом, очень милым человеком, но страшно беспорядочным. Так до двух часов. После обеда поехал (или пошел, уже не помню) к Люмьеру на Rivoli, покупать разные автохромные вещи на казенные деньги. Манежили часа 2, купил на 650 фр. Было поздно, на такси двинулся по эффектному зелено-серому Quai* d'Orsay в Société «L'air liquide»2* за ксеноном и криптоном. Почтенное учреждение почти не французского, а немецкого типа. Поломались, взяли клятву, что ксенон пойдет только для научной работы (боятся использования для газосветных ламп) и слупили за литр 5000 франков! Так все мои академические деньги и израсходовались. Вечером побрел поужинать [к] Одеону, побродил по Б[ульвару] С[ен] Мишель, позавидовал студентам, бродящим по ночным книжным лавкам, сидящим по ресторанчикам и кафе. Комбинация зелени бульваров и ярких огней газосветных ламп – одна из прелестей Парижа. А вернулся в меланхолии. Причины понятны – творческой работы никакой.

18 июля

Утро опять полпредство и торгпредство – будь они и т.д. На этот раз собирал деньги. Так до обеда (т.е. ½ дня!). Потом бродил по магазинам и тратил франки на всякую мелочь. Это вторая половина дня. Вечером ужинал у Opera, прийдя последним, пришлось давиться, чтобы окончить. Опять бродил по бульварам и думал о Париже и французах. Французский (вероятно, скорее парижский) modus vivendi* очень своеобразен. Поверхностная ирония, поверхностная, но очень легкая красота и примитивная практичность. Ирония и elegance заменяют философию. У французов не могло появиться, конечно, ни Ньютона, ни Гете, ни Достоевского, ни Бетховена. Основательность только в сугубо практических делах. Все остальное «essays», взгляд и нечто. В музыке Гуно, в философии – Вольтер, в литературе Мюссе, в науке – Френель (да, именно он). В сущности, это самые практичные люди на свете, философия их иронической элегантности – простейший способ обосновать практицизм. Но перенять французскую манеру – нельзя. Все пробовали и все осеклись. Но во всех, в частности в русских верхах, французских штрихов (заимствованных, или естественных?) очень много. Иногда французам очень завидно.

---

* Набережная (*фр.*).

2* Общество «Жидкий воздух».

* Образ жизни (*лат.*).

19 июля. Париж

Прошло два месяца. Последний день в Париже. Сплошь в разговорах. Повез книги (с полпуда) в торгпредство. Разговор с Гольдбергом и Штаммрейхом – рассказ об оптическом институте. Обед с Герасимовичем – разговор на темы астрономические. Второй разговор с Гольдбер[г]ом – будем его приглашать в Ленинград, на Rue Pierre Кюри. Разговор [с] Ферингер и M. Marie о Tables annuaires* – вот и все. Маленькая прогулка на Boul. S. Michel – на прощанье – порылся в книгах. Везут арестованных во время демонстрации des fonctionnaires2* у Opera. Протесты с трамваев. Наряд полиции. Уборка вещей и все.

20 июля. Woluwe St. Lambert

Живу у Прингсхейма. Проехал через тихие уютные пейзажи северной Франции, где прошумела война. В купе попик, все время перелистывающий молитвенник. На вокзале в Брюсселе встретил P[ringsheim] и повез к себе. Разговоры обо всем, о физике, о политике, географии. Положение P[ringsheim] очень трудное. Вечером поехали на межд[ународную] выставку. Бедно и провинциально. По оптич[еской] части натр[овые] лампы (освещение зелени), телевидение, жалкая выставка оптики у французов. Вся выставка – совершенно ясная попытка устроить что-то вроде всемирного балагана (вплоть до католического павильона с колокольным звоном и огромной пивной) с целью немножко поправить финансы. Пошел дождь, сорвался фейерверк. Ехали по зеленому, красивому, но провинциальному мокрому Брюсселю.

21 июля

Воскресенье. Прингсгейм повез в Гент и Брюгге с какой-то родственницей Grethe, торгующей картинами. Путешествие пронзительное. Почти вся дорога от Брюсселя до Брюгге обставлена прижавшимися друг к другу двухэтажными фламандскими уютными домиками. По дороге маленькие города, Aalst с изящными готическими церквами (готика здесь своя настоящая кружевная, искренняя, наивная). Забежали в Генте в собор – знаменитый триптих Ван-Эйков. Холодно от него, трудолюбие, ювелирное искусство, отвратительные голые люди, словно срисованные в бане. Ансамбль Гента с ратушей, собором, церквами, старыми домами. Здесь вот можно отдыхать. Брюгге совсем сказка, я не ожидал, что он так уютен, что в нем так много подлинной старины, зелени, каналов. Здесь можно красиво умереть. Колокольная музыка. Позолоченная готика. Фламандская культура ни на что не похожа, ни на французов, ни на немцев. Музей Мемлинга в госпитале. Но и от Мемлинга в душе ничего не остается. Красиво, тонко, мастерство… но и все. Музей с роскошным Ван-Эйком, еще Мемлингом. Мадонна Микель Анджело в Notre Dame. Совсем необыкновенное лицо у мадонны, заставляющее думать, от-

---

* Календари (*фр.*).

2* Профсоюзные деятели (*фр.*).

крывающее душевные сложности. В городе собачье состязание. Говорят – северная Венеция. Совсем непохоже.

Вернулись в Брюссель, ходили вечером по городу. Сегодня здесь «fête Nationale»*, но, конечно, только карикатура парижского. Площадь в Брюсселе чудесная, наивная. Но все без притязаний и потому хорошо. Странная страна без настоящих социальных стимулов, националистического империализма, социального пафоса. Но, по-видимому, и не индивидуалисты. Живут «вообще» культурно, уютно и скучно.

22 июля

С 10 ч. утра до 7 был с Прингсгеймом в Физич[еском] И-те Университета. Сначала разговоры о моей классификации видов люминесценции[1]. Пока еще не убежден в правильности его возражений. Сам он с Душинским занимается довольно пустяковыми делами (кодом). Душинский просится в С.С.С.Р. Подробно рассказывал я о своих работах. Он почувствовал себя сконфуженным (у нас ведь сделано много). Ходили по И-ту. Электронный микроскоп для биологических задач. ⟨Нрзб.⟩ тоже просится в С.С.С.Р. Лаборатория Errerà. Дебаевские моменты, т.е. диэл[ектрические] постоянные различными методами. Инфракр[асные] спектры – строение молекул. И[нфра]к[расные] длинноволнов[ые] до 50 μ (остат[очные] лучи), изучение CS_2. Керр-эффект в коллоидах. Разговор о вязкости с Заком. Errerà – барин.

Простился с Прингсгеймами. Проводили меня на вокзал, носильщиков нет. Спальный вагон. Один в купе. Почти никакого осмотра. Регистрация денег. Германия.

23 июля

Берлин. Почтенный, некрасивый, серый, знакомый Берлин. Остановился в роскошном отеле Central на Friedrich Str. Первый визит за деньгами. Второй за визой в полпредство. Третий в торгпредство, где шумно, оптическая промышленность, организую свое дальнейшее пребывание. Все помню. На улицах портреты Führer, голо-коленные беловолосые арийцы. В витрине отвратительные антиеврейские карикатуры и аншлаги*, напоминающие «Вече»[1]. Почта. Вечером в кино, где видал несуразную фигуру Führer'а и прескверного «Графа Монте-Кристо». Оставило одно либретто[2*].

24 июля

В общем, я здесь ни к чему. Утром побрел по Фр[идрих]штр[ассе], потом сел в метро и добрался до торгпредства. Здесь разговоры о деньгах, о поездке к Цейссу, о заказах, звонок к Черни, к А.Э.Г.[1] Здесь же пообедал. Начинаются наркомтяжевские коридоры. В 1 ½ поехал с каким-то инженером от A. E. G., говорящим по-русски, в физ[ическую] лаб[ораторию] A. E. G. Разговор с Brüche об электр[онном] микроскопе. Разрешающая сила еще не перегнала оптическую. Помехи – неоднороднос[ть] электр[онного] пучка и

---

* Национальный праздник (*фр.*).

* Афиши (от *нем.* Anschlag).

[2*] Так у Вавилова.

внешние поля. Электронным микроскопом занимается почти вся лаборатория. Линзы магнитные по преимуществу, но иногда и электрически[е]. К теоретическому расчету почти не прибегают, удачные формы линз находят эмпирически. Работают как с электронами накала, так и фотоэлектрическими. Видел в работе по крайней мере 6–7 электронных микроскопов. Картина восхитительная. С электронами накала получается на фосф[оресцирующем] экране почти ослепительная картина электрического состояния катода, удивительно резкая и четкая. Видел работу с изучением торированного катода. Во время перемещения тория. Показывали и переходя сразу с накала к фотоэлектричеству. Очень доволен, что повидал живой электронный микроскоп. С Wirkungsquerschnitt'ом* работать почти перестали, говорил с ⟨нрзб.⟩. Теоретически запутано (поляризация), экспериментально не интересно. Опыты Рамзауэра с высокими температурами (с выстрелом) тоже не продолжаются. Zeitdehnen[2*] – до 100 000 снимков в секунду! (главная трудность в механ[ической] части). Мухобойка – электрическая. Много разговоров. С моим сопровождающим пили пиво у Фридрихбан в Franziskner Bräu[3*], где не был 25 лет.

Вечером пошел посмотреть старые места. Wittenberg-Platz, Kurfürstendamm, K.D. по первому взгляду Boulevard des Italiens. Но, увы, совсем мертвый, жирный и противный. Зашел в кино. Великолеп[ный] фильм о мухоядн[ых] растениях. Прекрасная хроника UFA – никто лучше не делает. А потом антисемитская фильм[а] «Petterson и Bendel». Противно. Зашел к Ашингеру, да и на покой.

25 июля

Утро. Тиргартен. Как будто бы и ничего не произошло. Прелестный парк. Уютные старички и старушки на скамейках. Нелепый Рейхстаг, Бисмарк, истуканная Sieges Allee. В 11 ч. пошел в Phys. Institut к Черни. Говорили часа 3. Институт совсем разорен и не работает. Что-то вроде директора Венельт. Ортман – «общественная нагрузка по партийной линии». Сам Черни целый год не работает. В И-те работает 8 докторантов вместо прежних 40. Студенты вместо ученья маршируют и занимаются партийной работой. Показать мне ничего не мог – нечего показывать, кроме 2-го практикума. О политике говорить боится. Антисемитизм так и прет. Ужасная картина разорения. Коллоквиум по средам совсем завял (Венельт боится ходить – слишком специально, и ассистентам запрещает). Черни прямо неловко было рассказывать про все это. Разговаривали долго о флуктуациях, он относится к нашей работе очень одобрительно, я очень рад, что возможные приоритетные недоразумения устранены[1]. Он повторял часть наших опытов, нашел подтверждение. Показывал свою простую установку, но очень хорошую по рациональному отсчету гальванометра. Это единственное, что мог показать. Говорили очень

* Эффективное поперечное сечение (*нем.*).
2* Правильно: Zeitdehnung – ускоренная киносъемка (*нем.*).
3* Францисканская пивоварня (*нем.*).

искренно и хорошо. «Мне все здесь на память приходит былое»[2]. Ужасно! Рассказывал о борьбе за науку. Пришлось, оказывается, доказывать, что и наука помимо техники нужна. Это в Германии-то!

От этой жуткой картины направился в торгпредство. Обед, разговор с Хозяиновым и Черниковым. Больше всего в A.E.G. им понравилась мухобойка. Не знаешь, чем угодишь. Вечером поехал к Fräul[ein] Rosenberg в Wannsee. Попал не на тот поезд Stadtbahn* и объехал зря кругом весь город. Wannsee совсем приятное место, с настоящей хорошей зеленью и водой. Вилла у Розенберг чудная, с отличным густым садом. Внутри geschmackvoll[2*] и богато. Грустнейший разговор об антисемитизме. Настроение у нее убийственное. Побыл часа 1 ½ и приехал домой, съел Paar Bier ⟨нрзб.⟩ у Aschinger'а. У Ашингера оркестр наверху как ни в чем не бывало нажаривал «Смело товарищи в ногу». Этак можно упечь и Ашингера и оркестр в два счета.

26 июля

Почти весь день провел в Иене у Цейсса. Уехал в 8 ч. утра, а вернулся в 12-ом ночи. Германия, конечно, сильна своей уютной провинцией. Километров за 50 после Берлина начинаются пшеничные поля со сжатыми скирдами, кудрявая зелень, совсем не похожая на итальянскую, по этим холмам, дорожкам уютным должны были ходить Вертеры и Шиллеры, мечтая у ручейков о белокурых арийках Гретхен и в то же время откладывая на черный и даже не на черный день талеры и марки, прекрасно зная ремесло u.s.w*. Успокоительно, уютно, отдыхаешь от этих пейзажей, тихого вежливого народа. Иена – чуть ли не Флоренция – внутри холмистого пояса с краснокрышими белыми домиками, замками. Жителей около 20 000, из них больше трети – цейссовские. На вокзале встретил меня Herr Leonhardt (кто он у Zeiss'а, Бог его знает), повез на машине. Секретничают глупо и до смешного. Показывали только Ausstellung[2*] и некоторые лаборатории. Немецкая напористость все превозмогает. Опять очень много нового по микроскопии, малосущественного, но очень удобного. Новый статив [рисунок], где все винты перенесены к основанию, удобные формы освещения от лампочки накаливания, со стеклом, пропускающим И.К. лучи (уменьш. нагрева), великол[епный] препоровальный бинок[улярный] микр[оскоп] и лупы с громадным расст[оянием] от объекта, с досочками для того, чтобы рукам опереться, наклоненные окуляры, венок окуляров, переход от обычн[ых] микр[оскопов] к бинокулярным, проекционные аппараты для зарисовки объектов. Освещение различными цветами (применение сразу и Dunkelfeld-Beleuchtung[3*] и проходящего света, кр[асного] на зел[еном] фоне и обратно). У Köhler, старичка, видел люминесц[енц]-микроскоп, устроенный, правда, почти безо всяких фокусов, уг[ольная] дуг[овая] лампа, кварц[евые] линзы, кварц[евое] предм[етное] стекло. Получается хорошо, но ничего осо-

---

* Городская железная дорога (*нем.*).
[2*] Со вкусом (*нем.*).

* И так далее (*нем.*).
[2*] Выставка (*нем.*).
[3*] Затемненное поле – освещение (*нем.*).

бенного. Есть и другая форма, с освещением через объектив. У него же кварц[евый] микроскоп обычного типа, как в Г.О.И. Придумал он разрядник с вращ[ающимися] дисками. Рассказал ему, что в Москве у Ландсберга это давно сделано. Вообще, самому рассказывать пришлось много о ГОИ, о своих работах, о Гребенщикове, о с[вето]ф[ильтре] Брумберга. Ну, далее что. Новые микрокамеры, с матовым стеклом для установки. Рефрактометры все старые, никаких изменений. Проекц[ионные] аппараты, хорош Schreibtisch[4*], позволяющий писать на целлул[оидной] фильме. Много проекц[ионной] дряни нам продают. Замечат[ельные] вещи для авиац[ионной] фотографии. Теодолит отсчит[ывает] до десятых долей секунды (двойные штрихи)! Спектрографы – два для Р.Э. ½ с тремя призмами – прекрасные, Hansen показывал очень внимательно, другой кварц 1/11 для спек[трального] анализа – тоже хорош (у меня есть проспекты). Новые формы микрофотометров. Забежал к Шотту. Тоже только Ausstellung и разговор. Ничего замечательного, все почти у нас есть: цв[етные] стекла, стекл[янные] фильтры, ⟨нрзб.⟩ и пр. Унив[ерситетский] опт[ический] И-т так и не показали, там новый нач[альник] Kühl, очевидно из Nazi, и, по-видимому, такой же кавардак, как в берлинском Физ[ическом] И-те (Kühl занимается физиол[огической] оптикой). Пульфрихофен фотометры. Секрет Zeiss'а теперь в прекр[асном] штате, обеспеченности заказами (говорят по крайней мере, что заказов столько, что некоторых образцов не осталось даже для выставки) и немец[кой] аккуратности. Научного вдохновения что-то не видно.

Кормили меня, поили, ухаживали, и все-таки – только торгаши.

Я совершенно простужен, кашель, насморк. Глупейшие, тупые немецкие газеты.

27 июля. Берлин

Обстановка все больше и больше начинает напоминать Москву. Утром был в Интуристе по билетным делам – обычная наша бестолковщина. Потом часа три в торгпредстве. Разговор с Биренцвейгом о возможности посылки Линника. Денежные дела. В 3 часа опять Интурист. Чинный немецкий обед с пивом у Franziskaner. Поехал по Stadtbahner в K.D.W. покупать подарки. Накупил всякой дряни. В 9 ч. в советском клубе мой доклад об оптике у нас и заграницей. Доклад неподготовл[енный], скучный, 2 ½ часа, неудачный.

Разговор с Орловым, атташе, бывшим начальником У.В.П.[1] Вернулся домой во 2-ом часу ночи. Питаюсь немецким изящным аспирином. Уезжаю послезавтра.

28 июля

Воскресенье. Туристский день. Несмотря на Führer и всю теперешнюю чепуху немцы – хороший народ. У них чувствуешь себя спокойнее всего, все предусмотрено, как у папаши с мамашей. Воскресное благочиние, не торгу-

[4*] Письменный стол (*нем.*).

ют, колокола звонят. Часа 3–4 провел в музеях, которые истоптал 9 лет тому назад[1]. Музеи, известно, хорошие, только ощущение в них как в гимназическом учебном кабинете. Все чинно расставлено под стеклушками, на лестнице какой-то генерал-лейтенант увековечен в римских латах и босиком в мраморе. Стали немцы мыть картины, засияли, например голландцы, препестрыми красками, по совести говоря, мало гармоничными. Понятие о тонах и гаммах красочных оказалось совсем относительным. Краски почти такие же, как и теперь. По-настоящему увидал в музеях то, что и раньше видел. B.F.M. Franciabigio, Giorgione (на этот раз он остался все же очень немым), Пан[2] Синьорелли, Вермеер. Как не стыдно приписывать «Воскресение» Леонардо. Бездарно, безо всякой музыки. Леонардески здесь тоже совсем не музыкальные. Но «Флора» все-таки, вероятно, от maestro. В археологическом музее по-прежнему только Amarna[3], доказывающая еще раз, что люди меняются мало. Проскочил в ужасе мимо бесконечных статуй, ваз, мумий, мимо иероглифов с немецким желтым крестом и черным орлом. Уютно обедал. Разбирал бумаги. Вечером преглупое кино, от которого ничего не осталось.

1936

26 июля 1936 г. Бати-Лиман[1]

Сознание, возрастающее, опирающееся на тело, расширяется беспредельно. Открываются другие, общество, мир. Активное, «предназначенное» для «борьбы за существование[»], становится пассивным и объективным. Теряется биологическое назначение сознания, оно переходит в свою противоположность, становится врагом своего носителя – тела.

Бесконечны «системы отсчета» сознания: точка зрения биологического организма, борющегося за самосохранение, за потомство; социологического организма, класс, нация, государство; научное сознание, где виден весь мир в своей подвижности, бесцельности, игре. Самое простое – одна крепкая система координат, самое ужасное – постоянные переходы, блуждания. «Интеллигент», существо с блуждающей системой отсчета. Приспособить все остальные системы на службу одной? Можно ли это? И какая же система начнет претендовать на звание «абсолютной». Но релятивизм сознания [–] одновременно его грядущая гибель. Такие мысли приходят, когда спишь под открытым небом, когда движется под ногами море, а на берегах следы гигантских каменных катастроф, а на пляже голые профессора рассуждают о Демокрите, судебно-медицинских казусах, квартирных декретах, почках и болезнях.

28 июля. Бати-Лиман

Естествознание не одна из бесчисленных человеческих специальностей, ремесел. Это – приобретенная способность прочно и конкретно владеть «космической» системой координат. По-видимому, эта система не всегда мирно уживается со всем набором других систем. Во всяком случае, «выучиться науке», стать естественником – это огромный шаг для человека с развитым сознанием. Удивительно, что из этого до сих пор мало делается практических выводов. Сознание, очевидно, не созревшее.

Само сознание, конечно, самая интересная задача для естественника. Надо оглянуться на историю. «Доисторический человек», питавшийся, плодившийся, с примитивным сознанием, с одной биологической системой координат. И затем начинается история, создание общества, перестройка

природы (жилища). Этот великий момент [–] резко ли он отмечен? История, в самом деле, кажется, не насчитывает больше 10 000 лет! Надо посмотреть первых историков, Геродота и других. Следующий великий этап – создание большой техники (примерно XVI–XVII вв.) Система координат все общее и шире. Дальше? Универсальная позиция физика-философа. Не конец ли это, не самоуничтожение ли это сознания? До этого еще очень далеко. Это только одиночки.

Но верно ли все это, нет ли тут другого, совсем особого решения?

1937

23 июля 1937 г. Бати-Лиман

О площадной истине. Читая «Жизнь Маркоса де Обрегон» Висенте Эспинеля (1550–1624), нашел следующее место[:] «Доктор Сагредо получил приглашение из одного города Старой Кастилии на большое жалованье, от которого он не смог отказаться, так как нуждался в нем. Это давало ему также лучшую возможность применять на практике то, что он изучил, ибо ни величие ума, ни постоянное изучение не делают человека ученым, если у него отсутствует опытность, так как именно она дает созреть школьному обучению, умеряет болтливость, делающую ум доверчивым к многословиям диалектики, и действительно, мы не можем сказать, что обладаем полным познанием науки, пока не знаем причин и следствий, чему нас научает опыт, ибо с ним начинается познавание истины. Больше знает человек опытный без теории, чем книжный ученый без опытности» (стр. 60. В. Эспинель. Жизнь Маркоса де Обрегон, 1935). Первое издание появилось в 1618 г. в Мадриде.

Ср[авнить:] Бэкон, Леонардо, Галилей, Ньютон.

25 июля. Бати-Лиман

О стимулах жизни.

Думается, что их четыре[:]

1) Биологический (т[ак] н[азываемое] самосохранение и пр.).

2) Самомнение, уверенность в себе, в том, что «горы сдвинешь». Стимул спортивный и очень сильный.

3) Гипноз идеи (патриотизм, честь рода и пр.).

4) Гипноз религиозный.

Непрерывная цепь от природных формаций до самых тонких изощрений разума человеческого. Глаза животных, светляки, электрический уг[о]рь, летательные приспособления птиц, летающие рыбы, мимикрия и так без конца. Дальше: техника дикаря: топор, телега, пламя, «бессознательное», «полусознательное» использование свойств природы, приводящее к чудесным совершенствам. Дальше: работа ученого. Все эти implicite*, неосознанные аксиомы Эвклида, Ньютона, т[ак] н[азываемая] «интуиция». Так создалась вся наука и иногда, например, теория эволюции или органическая химия –

* Неявные (*лат.*).

с поразительным успехом при наличии огромного количества положений «implicite». Как будто бы создается наука «физика», стремящаяся к беспримесному[2*] «explicite»[3*]. Так ли это, и возможно ли это.

Совпадение «законов природы», «биологической эволюции» и хода человеческого ума – что это такое?

27 июля – Бати-Лиман

Смотришь на хаос каменных глыб, разбросанность и вычурные формы можжевельников, беспорядочность звезд, бестолковщину погоды и морских движений – и статистичность явлений выступает необычайно резко и навязчиво.

Наоборот, как мало стройности, упорядоченности «музыки сфер»[1] – только движение Солнца, Луны и звезд. Поражаешься возможности создания механических теорий. Как это было трудно! И как, пожалуй, противоестественно.

Можно ли свести эту статистику к одному основному (Ungenauigkeits Relation?[*]) или факторов много? Напр[имер], статистичность начальных условий, особенности живого.

После чтения романа Wells'а Мистер Блетсуорти[2]. До чего нелепа рефлексия. Ничего ни у кого не выходило. Нужна хотя бы вполне произвольная цель, задача. Как шахматы, это заполнит жизнь и время. Цена рефлексии нулевая, потому что она построена на безграничном количестве ложных предпосылок и, конечно, circulus vitiosus[2*].

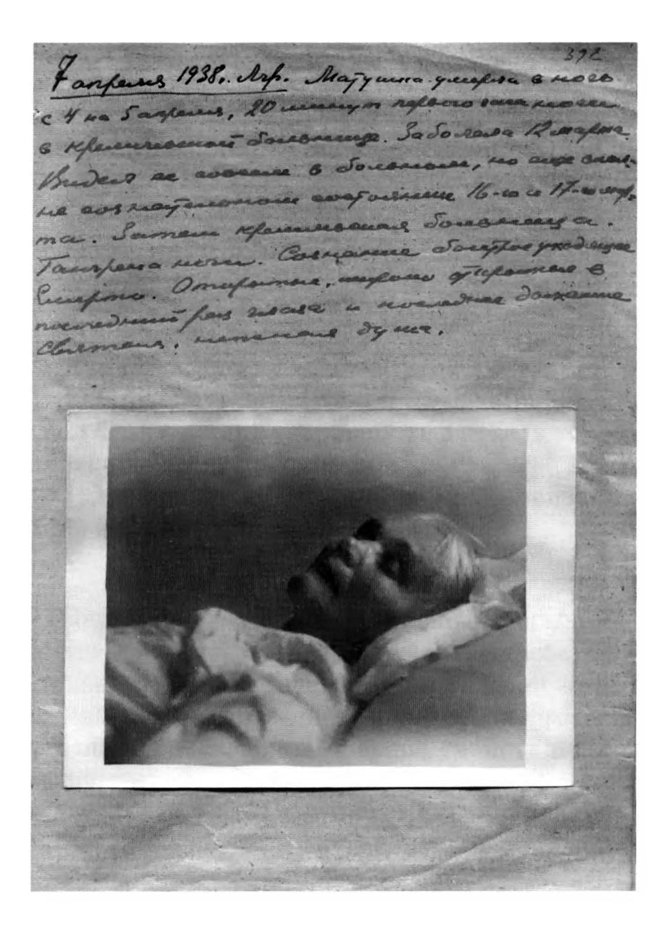
[2*] Так у С.И. Вавилова.
[3*] Развернуто, ясно (*лат.*).
[*] Принцип неопределенности (*нем.*).
[2*] Порочный круг (*лат.*).

1938

7 апреля 1938 г. Л[енин]гр[ад]

Матушка умерла в ночь с 4 на 5 апреля, 20 минут первого часа ночи в Кремлевской больнице. Заболела 12 марта. Видел ее совсем в больном, но еще вполне сознательном состоянии 16-го и 17-го марта. Затем Кремлевская больница. Гангрена ноги. Сознание быстро уходящее. Смерть. Открытые, широко открытые в последний раз глаза и последнее дыхание.

Святая, нежная душа[1].


372
7 апреля 1938. Лгр. Матушка умерла в ночь с 4 на 5 апреля, 20 минут первого часа ночи в Кремлевской больнице. Заболела 12 марта. Видел ее совсем в больном, но еще вполне сознательном состоянии 16-го и 17-го марта. Затем Кремлевская больница. Гангрена ноги. Сознание быстро уходящее. Смерть. Открытые, широко открытые в последний раз глаза и последнее дыхание. Святая, нежная душа.

Бати-Лиман, 29 июля [19]38

Наблюдал вчера за «наездником», большим подобием крылатого муравья. Тащил он здоровенную зеленую умерщвленную гусеницу, в которую, как в питательную среду, положит яички. «Наездник» выкопал глубокую норку, осторожно запрятал туда гусеницу и начал закладывать отверстие мелким гравием, удаляя большие камешки в сторону. Техника – животного мира, из той же группы явлений, как построение гнезд птицами, пчелиные соты, паутина и пр. Техника, вырастающая помимо науки, помимо просто сознания. Есть над чем задуматься. Не так просты взаимоотношения науки и техники. Первая – всегда продукт

сознания, вторая – да разве можно предположить у «наездника» и «паука[»] мало-мальски развитое сознание.

Эту бессознательную технику надо, конечно, сопоставить с «изобретательством» природы – устройством глаза, светляками, электрическим угрем и пр.

А сознание повторяет бессознательные технические пути природы.

Автоматизм сознания? Реплика естественного природного пути?

Бати-Лиман, 31 июля [19]38

Давно следовало написать на тему об «Errare humanum est»* в области науки. Идолопоклонства перед ученым, превращающегося в «низвержение идолов», таким образом, можно было бы избежать.

Галилей – плагиат телескопа, нелепая теория приливов и комет, Декарт – сплошная ошиб[к]а, Ньютон – смехотворная первоначальная теория капиллярности, «теория» двойного лучепреломления, отрицание разнообразия дисперсии, не говоря уже о «Толкованиях на апокалипсис» и пр. Эйлер – ужасное забвение и непонимание принципа Гюйгенса, Ломоносов – совершенно ошибочная теория света, незнание литературы, Менделеев – «более чем странная» (как говорят) теория газа при малых давлениях и «попытка понимания мирового эфира», постоянные ошибки Эйнштейна, Майкельсона и так без конца.

Это нужно твердо усвоить – на ошибках вырастает наука.

Б[ати-]Л[иман], 31/VII [19]38

Из книги А. Цвейг[а]: «Воспитание под Верденом»[1].

«Сила сопротивляемости человека ограничена. Правда, иногда проходит много времени, прежде чем он сам отдает себе в этом отчет; большею частью это раньше бросается в глаза другим. Некоторые типы людей, в характере которых еще с детства сохранилось нечто вроде подвижничества, могут при случае поразить мир, как мученики и герои выносливости. Но когда эта выносливость иссякает, она иссякает окончательно, внезапно, незаметно, все умственные и душевные силы оказываются утраченными».

Б[ати-]Л[иман] 5/VIII [19]38. Из X.B. Saintine «Picciola»[1]

«C'est là un des pires inconvénients de l'excès dans les sciences humaines: on ne trouve plus personne a son niveau; ceux même qui en savent autant que vous ne le savent pas comme vous. Du faite où l'on est monté, on voit les autres, au dessous de soi, misérables et petits. Dans la hiérarchie de l'intelligence comme dans celle du pouvoir, l'isolement naît de la grandeur[»]*.

---

*Человеку свойственно ошибаться (*лат., поговорка*).

*«Здесь это один из худших эксцессов в гуманитарных науках; мы не находим никого на его уровне; это то же самое, что, зная столько же, сколько Вы, не понимаю этого, как Вы. По существу, когда мы подняты, мы видим других жалкими и маленькими. В этой иерархии понимания, как и в иерархии силы, уединение рождает величие» (*фр.*).

Б[ати]Л[иман] 5 августа [19]38

Схема дарвинизма, как представляю я себе, такова:

1) Данными предполагаются в живом организме наследственность и изменчивость. Н[аследственность] – сильная, настойчивая тенденция к воспроизведению, изменчивость – результат воздействия среды.

2) Изменения подчиняются в основном ф[изико]-х[имическим] закономерностям и никакого отношения не имеют к тенденции сохранения вида.

3) Если изменения оказываются хорошо соответствующими условиям среды, индивидуум имеет в итоге борьбы за существование большие шансы на выживание.

Und so geht's*. Генетика как будто бы доказала «квантовый» характер изменчивости, не затрагивая дарвиновской схемы.

В этой машине, насколько понимаю, загадочна наследственность.

Меня интересует параллель с человеческим изобретательством.

1) Наследственности в деятельности человеческого (и даже родового) мозга соответствует <u>память</u>, изменчивости те флуктуации мысли, наблюдения, опыта, из которых рождается всемирное тяготение, радиоактивность, галактики и пр.

2) Флуктуации мысли, наблюдения и опыта – явление не изученное. Т.н. «вдохновение», с которым хорошо знаком и которое трудно заманить намеренно.

3) Соответствие условиям среды, «борьба за существование» в мире научных идей вещь обычная. Открытия интерференции, дифракции, поляризации лежали 1 ½ века неиспользованными. «Народно-хозяйственное значение», «актуальность» из той же области.

Und wieder so geht's.[2*]

Схема аналогичная, а по результатам иногда совпадающая.

6 августа, Б[ати-]Л[иман]

Переход для человека от «естественной истории» (дарвинистского развития) к истории – это и есть возникновение науки, «искусственной» переделки самого себя и общества. Скачок действительно поразительный, которого у других животных нет. Пауки и пчелы могут вести себя изумительно «остроумно», оставаясь «манекенами», человек изобретает пушки, радио, железную дорогу и пр., идя «по природным путям», но выбирая эти пути среди множества возможных. Homo sapiens, explorans* не так уж долголетен.

В Москве и Ленинграде вновь оторвешься от этой вековечной темы, которая имеет какое-то решение. Здесь, среди можжевельников, дубов, камней, моря, насекомых все это опять встает.

---

* И так идет (*нем.*).

[2*] И опять так идет (*нем.*).

* Человек разумный, исследующий (*лат.*).

1939

8 июля 1939 г. Алибек[1]

Прочел «Madame Curie» [–] биографию, написанную ее дочерью Евой[2]. Среди научных биографий – книга на редкость интересная, нужная и важная. История о человеке, притом женщине, с поразительным стремлением учиться, с прекрасной памятью, настойчивостью, прилежанием, систематичностью и умом. Могло естественнее всего кончиться после окончания Сорбонны возвращением в Варшаву и рядовым учительством. Но встреча с П. Кюри и случайно-счастливый выбор темы для докторской тезы – продолжение опытов Беккереля над странными действиями урана. Этот выбор + замечательные свойства М. Склодовской и определили дальнейшую объективную ценность жизни и работы М. Кюри. Самое удивительное с «человеческой» точки зрения – полная незаинтересованность во внешнем успехе, умение оградиться от этого успеха и удовлетворенность в себе самой. Это очень редко, особенно с такой силой и определенностью; Ньютон, Галилей.

Это совсем другое. Здесь исполнение какого-то «предначертания», непонятного для самого ученого.

Хочется вернуться к моей старой-престарой теме «Фауст и Леонардо», собрав в ней то, что за жизнь узнал из истории наук, из жизнеописаний людей, наукой занимающихся. «Madame Curie» – необходимое звено для этой будущей статьи или книги, будет ли время?

9 июля, Алибек

Вчера вечером для увеселения по случаю мокрой, холодной погоды фокусник очень искусно показывал разные кунстштюки*. Вероятно, за этим и «школа», и искусство, и остроумие никак не меньше, чем в хорошей диссертации. В чем разница? В общественной пользе? Это еще вопрос, от многих весьма остроумных и основательных ученых исследований и диссертаций общественной пользы меньше, чем от этого фокусника. До чего все странно и непонятно.

А кругом шумят горные реки, темно зеленеют по горным скатам ели, по очереди погибая (средний возраст едва ли больше 50 лет), ходят ученые люди, презрительно поглядывая друг на друга и за спиной сплетничая. Фокусник куда симпатичнее.

---

* Ловкая штука, фокус (в рус. яз. принято написание кунштюк) (*нем.*).

10 июля, Алибек

Кончилась городская суета, машинное существование. В природе. Горы, снег, ели, снежные вершины и снова прежнее непонятное: на пути от камней и облаков до Ньютона какой-то резкий скачок. Существование без сознания на одном конце и резкий свет сознания на другом и переделка природы.

Поезда, аэропланы, туннели, вот-вот соберут уран и освободят энергию атомного ядра. По-прежнему непостижимо. А вместе с тем не чудо. Воспитанный дикарь, недалеко отошедший от камня, начинает думать и становится Ньютоном. Что-то заложено и ждет вскрытия.

Почему-то тянет думать, думать, обобщать, догадываться. Для чего? Для «славы» – чепуха, цена ей грош ломаный, без нее спокойнее и счастливее. Для других, для общества, для мира, для вселенной. Мир закручивается в один неразрывный клубок, и Эйнштейн догадывается только о том, что в нем заложено.

Вероятно, если остановиться, сосредоточиться и думать-думать, мир, жизнь можно перевернуть. Все открытия post factum так просты.

11 июля, Алибек

Главное движущее начало (оставшееся) [–] творческий стимул (противно сказать «зуд»). Часы, прожитые без новых мыслей, без чего-то сделанного, написанного, списанного, склеенной рамки или уложенных на полке книг, кажутся преступно прожитыми. Не люблю поэтому прогулок в обществе, творческая мысль выключена. С другой стороны, страшная досада на часы в одиночестве, когда, как вот сейчас, шумят горные реки, солнечный свет погибает в темном бархате елей на горных склонах, а «вдохновения» нет, нет нового, строящего, изменяющего. Из машины превращаешься в творца, можешь превратиться, а на самом деле сломанная, неподвижная машина, лежащая в сарае.

Старая схема – «созерцание и творчество», угадал ее двадцать с лишним лет назад вполне верно. Просто стремления «жить» чрезвычайно мало. Созерцательство тоже мало радует. Творчество, оно нужно, и с таким трудом дается. А только творчество «патент на благородство». В творчестве самое главное в загадке сознания и самый главный исторический поворот.

Сознание просто в жизни едва ли загадочнее закона тяготения при падении камня.

12 июля, Алибек

Читаю «Madame Curie», «Tartaráin sur les Alpes»[1], «Пространство Эвклида» Петрова-Водкина[2] – так легко, хорошо, лучший отдых. Кажется, так просто. На самом деле концентрированный творческий труд – но воспринимаемый пассивно. Созерцание, а не творчество. Кажется, в Вашингтоне в библиотеке написано «Тише, здесь мертвые беседуют с живыми». В большинстве случаев это неверно: живые пассивно слушают, а мертвые говорят. Творческая активность только с одной стороны. Обычные беседы такие пустые – просто протягивание времени.

Суметь чтение превратить в творчество редко удается. А вместе с тем чтение – самый лучший отдых (для меня). Пассивное творчество. Также почти действует тихое смотрение – вот на берегу Теберды* под солнцем, с горами, убегающими вдаль и разделенными разными ступенями дымки. Не менее сильны картины, полные мысли и смысла (такие как Леонардо).

13 июля, Алибек

*Об искусстве**. Изобразительное искусство иногда вплотную подходит к науке. Фиксация частного и общего в живописи, в литературе – это в худшем случае сырой материал для науки, а иногда – это сама наука, только непричесанная, с ошибками и со страшными просветами. Иногда материал, иногда синтез. В Леонардо туго перепутался клубок искусства и науки.

Но, конечно, изобразительное искусство – самое простое. А музыка, шкаф красного дерева, орнамент – по-видимому, здесь ничего общего с наукой. Совсем другое назначение, такое же, как платье и носовой платок. Неизобразительное искусство предмет науки – истории, развития человека.

Методы изобразительного искусства как науки следовало бы изучать. Для сложных явлений человеческой психологии, общества изобразительное искусство дало и может дать очень многое.

«Ненаучная наука», которой очень много, которая создала телеги, сохи, знание земли, неба, знахарство и очень многое другое, и наука искусства, вероятно, очень родственны. Насколько знаю, это совсем неисхоженная тропа истории науки.

14 июля, Алибек

«Теория познания» до сих пор носит слишком абстрактно философский характер. Между тем следовало бы построить практически нужную и необходимую «теорию познания».

Огромные материалы в истории науки и не меньше в наблюдениях над самим собой.

Поразительны сны. В одно мгновение достигается такая глубокая, пронизывающая характерис[ти]ка предметов, людей, поступков, явлений – которая выше того, что делали Пушкины, Леонардо и Росси в бодрственном состоянии. Очерк человека, его внешности, его психология, архитектура – лучше, чем что-либо я видел на самом деле (например, грандиозное воплощение новогородского стиля). Во сне вскрываются те подсознательные залежи обобщенных наблюдений и выводов, которые так трудно в большинстве случаев извлечь наружу и воплотить словом, мыслью, рисунком в бодрственном состоянии.

Просыпаясь, первый момент, когда иногда еще довольно живо помнишь сон, остаешься потрясенным его талантливостью, искусством схватывать быка за рога.

---

* У Вавилова – Тиберды.

* Здесь и далее то, что у Вавилова в тексте подчеркнуто волнистой чертой, мы воспроизводим как курсив.

Помню, когда-то мне приснилось хорошее заглавие для книжки: «Глаз и Солнце», определившее весь характер книжки.

Как создаются эти подсознательные обобщения, концентрированные фото-экстракты? Кто же это знает! Это задача практической теории познания. Сам я думаю, что из этого подсознательного источника в науке и искусстве родилось самое большое и интересное.

Есть, таким образом, что-то вне сознания, лежащее как клад, создающееся диковинным путем, конечно, бессознательным анализом и синтезом ощущений, что вдруг проявляется, как изображение на снятой пластинке, облитой проявителем.

Поднимался сегодня медленной, медленной, философической походкой один на Домбайскую* долину и любовался ишаком. Вспоминал шпенглеровское «Preussentum und Socialismus»[2*]. Спокойная обреченность в выполнении социальных функций, никаких размышлений, четкое выполнение дела. Такой ишак символ и даже эквивалент очень многого.

Сегодня 14-ое июля, 150-летие взятия Бастилии. До сих пор мир трясется от этого взрыва.

15 июля. Алибек

Все содержимое мозга, все эти обобщенные наблюдения, сознательные и несознательные – итог ощущений. Натурфилософ в четырех стенах – чепуха, в лучшем случае одна математика. Связь с миром, увеличение запаса ощущений – необходимое условие познания. Нелюдимость, отрыв от опыта, отрыв от природы – настоящая трагедия.

Троица: жизни, созерцания и творчества [–] необходима для здоровой науки. Она, по-видимому, была у Леонардо, не было ее у Ньютона. Три типа людей: больше всего просто живущих, немало созерцателей, есть творцы, но для последних в большинстве случаев необходима большая порция жизни и созерцания.

Лет пятнадцати я писал трактат «О мировоззрении», о «цели жизни» etc., вдохновившись, главным образом, Мечниковым и воспевая науку. Сейчас 49-й год «и дурак ожидает ответа»[1]. Мыслима такая фантазия: такое развитие сознания, знания и овладения, оседлывания природы, что в конце концов общество человеческое (не один человек), коммуна человеческая станет полной владелицей природы. Живи, как хочешь, и умирай, как хочешь.

По существу экстраполяция вполне позволительная и [дело] не безнадежное: одно овладение внутриядерной энергией и исследование живого су-

---

* У Вавилова – Дамбайскую.

2* «Пруссачество и социализм» (1920).

лит перспективы необъятные. Человечество – бог. Хватит ли только времени для осуществления плана, не разлетится ли прежде шар земной с этими богами. Но, вероятно, они водятся в других местах вселенной.

16 июля, Алибек

Свойство мира – развитие, эволюция (это не вычитанная фраза, а живое ощущение). Одно из проявлений этой эволюции в живом – сознание, наука, техника; проявление это самое замечательное и самое важное. Живое с самолетами, поездами, радио, с начинающейся только биологией, с возможностями ядерной физики может совершенно трансформироваться. Скачок от существующего живого к будущем[у]. Живое не нарушает «законы природы», но оно вполне в состоянии осуществлять пространственно-временные сочетания в спокойной, спящей, медленно изменяющейся природе немыслимые. (Примеры: концентрация радия, соединение меди и всякой дряни в радиоприемник, аккумуляция 50 тонн урана в одном месте). Наука только что началась, предоставьте людям тысячи лет таких же темпов, как в современной Европе и Америке, и, конечно, появятся homunculus'ы*, разрешится проблема энергии, миры объединятся, смерть может перестать быть неизбежной, никакого запрета пока всему этому нет. Личное человеческое – громадный фактор, но его надо подчинить задачам коммунистического общества. А само общество должно понять свою основную задачу – ускорения эволюции, трансформацию природы. С личной точки зрения, может быть, все это безжалостно, но все же Гейневский «дурак» как будто бы получает вполне определенный оптимистический ответ. Цель есть – грандиозная, умопомрачительная. Вот Grundgedanke[2*] для «Фауста и Леонардо».

А самое главное [–] этой цели помогает и сама природа (вне сознания). Напоминаю сны. (Кстати, сегодня совершенно гениальный сон – свидание с Екатериной Второй. Вот это сон!)

17 июля, Алибек

Два потока: увеличение энтропии и эволюция. Компенсируют ли они частично друг друга? Разумеется так, но для определенного места и времени. Можно ли определить эволюцию как местное уменьшение энтропии? Фактическая возможность практической компенсации увеличения энтропии раскрытием новых необъятных запасов энергии.

Тенденция в эволюции. Энтропия – наиболее вероятный путь, эволюция – маловероятный, но фактический, осуществляемый путь. В этом физику следует очень и очень разобраться. Путь Европы, накопившей за века энергетические богатства, путь не энтропийный.

Изучить направленность эволюции. Какое же направление превалирует. Почему? В принципах естествознания чего-то не хватает, или все построе-

* Гомункулус, человек (*лат.*).

[2*] Основная (руководящая) мысль, идея (*нем.*).

ние разваливается на кусочки. Как внести в естествознание принцип перманентной эволюции? Или эволюция только местная, а в целом все вертится по Ньютону, как заведенная машина? Все это неразобранное и, может быть, самое важное.

18 июля, Алибек

Какая угодно и этическая, и политическая, и натуралистическая задача – поддержание оптимизма у сознающего. В неживом об этом заботиться не придется. В живом тоже во многих случаях – природа берет свое. У взрослого человека с хорошо развитым сознанием это труднейшая задача. А между тем здесь исток подлинной эволюции. Чувство личности, самолюбие – могущественный двигатель эволюции и в этом же чувстве главное препятствие и надежда только на «большие числа», на статистику.

Выход? Он ясен, это – наличие временных частичных, удачно разрешаемых задач, наличие удачливого творчества. Поддержание такого удачливого творческого состояния для сознающего человека это, по-видимому, единственный рецепт оптимизма, а не в кислом молоке и долголетии Мечникова.

Но идея эволюции через живое, через человека необходимо связана с астрономическими следствиями. Земля – недостаточная платформа и нужно либо суметь с нее перескочить на другие места – либо продолжить эволюцию суждено не земным жителям, а кому-то другому. Во всем этом столько еще тумана, непонятного и даже таинственного, что нужно много думать, наблюдать. Ясны пока отрывки идеи, касательные к начальным частям кривой.

19 июля, Алибек

Дождь, ночью и днем, холодно, сыро. Окончил мрачный, премрачный роман *L. Guilloux. Le sang noir**. Через 2 дня надо уезжать. Схемы, как всегда, лопаются и эволюция обращается в непродум[а]нный сон перед резкими личными ощущениями.

M. Merlin[1] – представитель сознания и гущи провинциальной грязи, но вполне реальной и неизбежной.

Думается, что в конце концов работа в поле и у станка, Principia[2], теория относительности и «Критика чистого разума»[3] – «всё проявленье стихии одной»[4], т.е. имеет направленность, а не часть «цикла».

Повторяю еще раз: в современной физике этого нет, есть обратное: возрастание энтропии. В физике – цикличность, если не говорить о лемэтровских гаданиях на кофейной гуще. Следовательно, что-то упущено и сейчас нахождение этого упущенного, вероятно, самая большая задача.

---

* Л. Гийу. «Черная кровь» (*фр.*).

20 июля, Алибек

Вечер, дождь, гроза, опять фокусник. Почему-то очень тяжелое настроение, может быть в связи с отъездом и с перспективой всей сложности. Опять думы об эволюции. Наличие сознания, творческого сознания – необходимое условие эволюции. Вернее, в результате эволюции сознание, по-видимому, возникает, ускоряет эволюцию и дает ей смысл. Таким образом, понятие об эволюции как природном явлении неразрывно связано с сознанием, а следовательно, [с] личностью. Мыслимо ли сознание без личного. Так все это глубоко и неожиданно переплетено.

Схема получается чрезвычайно широкая, поглощающая самые разнообразные взгляды и представления.

Слепая бессознательная эволюция, постепенно порождающая зрение и сознание, освещающие эволюцию.

По-прежнему, основное для естествознания освоение великого скачка – перехода бессознательного в сознательное.

Намотался огромный клубок, который надо и интересно постепенно разматывать. Не окажется ли эволюция случайной гипертрофией? Но мыслима ли в природе гипертрофия?

21 июля, Алибек

Свежий хороший воздух, спокойный пе[й]заж, температура – по желанию, то холодно, то жарко, то совсем температуры незаметно (т.е. самое лучшее), и вырастают думы. Так вот, остановившись, начинаешь понимать, сколько еще не продумано и сколько можно было бы сделать.

Завтра надо ехать. Опять водоворот «плыви мой челн по воле волн»[1], а хотелось бы прожить последние годы жизни медленно и мудро.

Жить в обычном смысле слова не умею и никогда не умел. Нужна обстановка для творческого созерцания. Удовлетворенности никогда не будет – но хаос последних лет невыносим.

Чередование работы по физике и «философии» и немножко тихой жизни со своими – вот что требуется. Но как же это все сделаешь?

Для других, для общества делаю много, но редко есть сознание, что это и для самого себя. Отсутствие такого синтеза и составляет трагедию, а иногда вырождается в тупое безмыслие (состояние самое тяжелое). Мысль не идет сама собой, ее понукать приходится.

31 июля, Москва

10 дней и все смело без остатку, ни творчества, ни созерцания, ни философского спокойствия, ни Леонардо, ни Фауста. Жизнь, путанная, трудная, без мысли.

Стадии эволюции: сначала: движение мира – темное без сознания. Затем появление сознания, эгоистического. Умирающий человек, для которого мир кончается со смертью, «apres nous le deluge»*. Развитие коллективного

---

* После нас хоть потоп (*фр.*).

сознания: сознание, понимающее личность как эволюционное звено – самоотречение личности и, наконец, возникновение почти всемогущего сознания, меняющего мир. Вполне понимающего мир, творческого, создающего. Не метафизика ли все это? Но без этого – черт знает что. Очень мал мир без сознания.

И потом снова – не случ[ай]ная ли флуктуация – эволюция? Гипертрофия, болезнь, анекдот? Chi lo sa?[2*]

1 августа, Москва

Дарвинизм; эволюция как приспособление к наличным условиям среды методом борьбы за существование. Но опять свойства живого: размножение себе подобных, инстинкт самосохранения – свойства, используемые в эволюции. Как они возникали, как они могли возникнуть? И наконец сознание, переводящее естественный отбор в искусственный? Именно этот переход естественности в искусственность, бессознательного в сознательное и есть проблема.

3 августа, Москва

«И покуда не поймешь[:]
Смерть – для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На Земле суровой [»]
(*Гёте*)[1]

8 августа, Поречье (Звенигород)[1]

Всю жизнь время от времени возникают эти места, неглубоко, поверхностно, мимолетно, но систематически. Сначала (в возрасте 3–4 лет) смутные рассказы о глаголевской даче[2] на берегу Москвы-реки с покосами, с коровами, с молоком, на котором мы выросли на Пресне. Затем поездки на лошадях, на тройках в монастырь[3]. На велосипеде. Монастырская гостиница с громадными циклопическими блюдами. Веселые монахи с гитарами, в дупле бутылка водки с колбасой. Внизу «монастырская слобода» с монашьими женами. Дютьково, обрывы, холодная Разварня с купальней иеромонаха Исайи, расписанной и обвешанной иконами. Суковатая палка Исайи, с угрозой нам, раздевшимся в его купальне, дипломатические переговоры, а потом мирный разговор и рассказ о том, как в 1905 г. забастовавшие монахи выволокли Исайю на снег в одном белье. Но не тут-то был[о], спасла тренировка Исайи, купавшегося круглый год в Разварне. После революции – лето на б[ывшей] глаголевской даче, мокрое, премокрое. Потом в Марьине в 1935 г. в грязной избе. Теперь бестолковый «дом отдыха Академии наук». Тихая мелкая маленькая река. Ленивые пейзажи. Купающееся человечество. Нет тишины, неприятное московское négligé с combaroko[*]. Опять ни творчества,

---

[2*] Кто это знает? (*ит.*).

[*] Небрежность в сочетании с вычурностью (*фр.*).

ни созерцания, а довольно нудная жизнь, с болезнью желудка, ненужными дипломатическими разговорами, безмыслием. В таких условиях жизнь становится непонятной и проще и спокойнее стать деревом, скучным маленьким подмосковным деревом, во мху, около окурков и сора.

11 августа, Поречье

Ходил вчера с Виктором в Звенигород, в монастырь. Не люблю я пустые натурные ландшафты, «как во времена Владимира Святого», куда доходчивее исторический пейзаж, следы работы человеческой, следы культуры, следы эволюции. Саввинский монастырь – хорошая отметка эволюции и, сидя на ступенях старого собора XV в., чувствуешь себя участником исторического процесса. Дубы и вязы кругом зеленого холма монастыря, дерева лет по семисот, единственные, сохранившиеся в округе, тоже «патент на благородство», свидетельство сознательной эволюции. Жалко, что все это так заброшено и загажено. А рядом город Звенигород – отвратительная дыра с «кафе-рестораном Волга», хуже всякого допотопного трактира. С невылазной пылью, которая при первом дожде обратится в гоголевскую грязь. Вот в этом городке никакой эволюции не чувствуется.

А в общем прегрус[т]но. Творческого стимула нет, анабиоз и меланхолия, особенно потому, что здесь в Звенигороде «читаю жизнь мою».

16 августа, Поречье

Время во многом заполняется чтением, «легким», бессмысленным. Что-то вроде жвачной резины. Так вот прочел сегодня «Восстание ангелов» А. Франса. Это очень странный процесс мозговой активности-пассивности. Остаться без чтения – становится скучно, хорошо, если клонит ко сну. Мозг сам автоматически развертывает сонные «представления», иногда увлекательные, занятные и зачастую намного более талантливые, чем прочитанные «легкие» книги. Но если нет сна, то из книг «мертвые беседуют с живыми», ведут вроде нянюшкиных сказок. Небольшая собственная активность в виде фиксации буквенных знаков, сочетания из них слов, фраз и мыслей, перевертыванием страниц рождает такую «нянюшкину сказку». Иногда это очень успокоительно, бодрит и оживляет, иногда, наоборот, усыпляет. Во всяком случае, это опасно, потому что может отвлекать от настоящей мозговой активности.

Но вот писать такие книги! Странное искусство! Вроде дурацкой болтовни старого Франса в «Восставших ангелах». Нужно уменье и охота. Все же такое чтение лучше пустых разговоров и безрезультатного напряжения мозга, когда ничего не выходит и не получается иного результата, кроме головной боли.

18 августа, Поречье

Все собралось в безрадостный фокус. Усталость, безмыслие, бесперспективность, жизненная атрофия и тщетное стремление к творческой активности и созерцательному спокойствию. На глаза попадают раздражающие

книги. Прочел «Записки В.Н. Ламздорфа» за 1891–92 гг.[1] 1891 – год моего рождения. Удушливая атмосфера, глупо, серо и дико. Необходимость революции доказывается как простая геометрическая теорема. Вырисовываются главные действующие лица того, что затем сам видел, «наследник», Сер[гей] Ал[ександрович] и tutti quanti*. Главное, потрясающе серо, бездарно и без всякого проблеска сознания. «Мемуары Ллойд Джорджа»[2] в том же роде. Дурацкий роман «Капитан Конан» Роже Верселя о конце войны – тоже.

Смотрю на звезду ночью. Светящаяся точка. Ну, что же, я знаю, что это целое Солнце, что в центре этого Солнца миллионы градусов и прочее – на деле все человек и светящаяся точка. Беспомощное знание и сознание.

А как подумаешь об ожидающем колесе в Ленинграде и Москве – оторопь берет. Как изо всего этого выскочить?

---

* И все другие, остальные (*ит.*).

1940

<u>1940 г.</u>
<u>Москва</u>. <u>Кремлевская больница</u>
10 марта

С августа до марта роковая цепь. Война[1] с ее неизбежностью, бессмысленностью и странными формами, непонятными до сих пор. В связи с перебоями в ж[елезно]д[орожном] движении, мобилизацией автомобилей, рано наступившими холодами первый раз в жизни длительно заболел, какой-то поганой неотвязчивой легочной болезнью. Маленькое воспаление легких, бронхит, плеврит, потеря аппетита, похудание, слабость. И так «по синусоиде» уже полгода. Случайно попал в больницу, где уже 12 дней. Убедился, что мало разницы между больницей и тюрьмой. Главное, из субъекта становиш[ь]ся объектом, «Versuchskaninchen»*. Предстоит еще санатория. Тоже вроде тюрьмы. Олюшка тоже больна все время, Виктор – призван, 5-й месяц[2].

Так за это время все распалось, рассыпалось и очень тревожно, надо опомниться и взять себя в руки. Жизнь должна быть заслужена.

<u>12 марта, Москва. Больница</u>

На днях, рассматривая на рентгеновском экране мои кишки и прочее, один врач выразился: «да у него вообще стиль готический». Вполне правильно и не только в отношении скелета, кишечника и общей конституции, но и гораздо глубже. Средние века, Фауст, разноцветные витражи, алхимические бредни, «жил на свете рыцарь бедный»[1] – все это есть. Верно, стиль – готический.

И вот этому стилю такой безжалостный диссонанс обстановки больницы – материализм как факт. Материализм как философия, в нем столько же романтизма и готики, сколько и в идеализме. Но материализм уколов, горшков, мочи – обращаешься в камень, стул. Отсюда и настроение.

Ощущение «вороны в павлиньих перьях»[2] или того хуже, когда и большинство окружающих «павлинов» по существу вороны. Мерзко.

Вот и живи с такими мыслями, ощущениями и наблюдениями.

---

* Подопытный кролик (*нем.*).

15 марта, санат[орий] «Барвиха»[1]

Учреждение очень странное. Отопление здешних холлов и коридоров, содержание огромного штата служащих, какие-то странные конструктивные выдумки – обошлись и обходятся, вероятно, в огромные денежные суммы – а на больных, находящихся здесь, это почти не сказывается. Искусственное увеличение энтропии.

Люди едят, молчат, боятся разговаривать. Эминенты*, артисты Худ[ожественного] театра, Корчагинцы[2], садовцы[3]. А когда такие люди вместе – они самые скучные и трафаретные. Им нужно изображать то, что о них говорят и пишут.

Начинается весна. Снег проваливается, грязнеет, радостно каркают между сосен вороны. Но вспоминается почему-то Ваганьковское кладбище.

Голова совсем пустая, мозговые колеса ни за что не зацепляются. А между тем это необходимо, чтобы выбраться из беспросветного пессимизма, апатии, автоматизма и безразличия, в котором нахожусь давно, давно. Болезнь это или нормальное состояние?

13-го мир с Финляндией[4].

16 марта, «Барвиха»

Человеческая «рефлексия» как белка в колесе, тысячелетия, все те же вопросы, все те же выводы. «Жизнь коротка и бесплодна подобно летучему дыму» и «дурак ожидает ответа». Поэтому и не хочется повторять этой безнадежности и писать о ней – не есть ли это «ау, ау» ребенка, а настоящее не понять, для этого нужно выше себя прыгнуть.

Есть, правда, один метод. Вся «безнадежность» – мужской вывод, мужская философия. Нужно узнать, что думает женщина. Она устроена совсем иначе и не смотрит с других точек зрения и понимает многое совсем поиному. Припоминаются строки из «Камоэнса»

«Женщина – маяк самим
Зиждителем зажженный,
Чтоб мы в пути житейских
Бурь не сбились».

Это сравнение выводов, наблюдений, логики должно же что-нибудь открыть.

Впрочем, вот А. Франс думает нехорошо. Читал здесь Sàndor Kémeri Promenades d'Anatole France (Paris. C. Levy, 1927)[1]. По ее словам, А. Франс (стр. 156) говорил так. «L'être humain, homme ou femme, est un composé des éléments les plus divers, les plus dissemblables, changeants, opposés, se combattant les uns les autres; composé déconcertant, inconcevable. Il faut le considérer sous

---

* От франц. eminent – выдающийся.

des angles divers. La femme surtout qu'il est si malaisé de pénétrer; il est, pour ainsi dire, impossible de voir clair en elle. Elle est fine et complexe. Elle ne dit jamais la vérité, même pas quand elle a l'intention d'être sincère... . Peut-être en a-t-elle parfois le désir, mais elle ne sait pas être vrai.... . Et s'il lui arrive d'y réussir, c'est peine perdue, caron ne la croit pas. Son mensonge seul trouve credit auprès de nous. Est-ce sa faute ou celle de l'homme? Énigme à déchiffrer»*.

Трогательная картина. В пустых, холодных, никому не нужных холлах санатория пяток нянек тщательно протирают тряпками от пыли отдельные листочки пальмы.

---

17 марта, Барвиха

По поводу франсовских соображений «Elle ne dit jamais la verité»*. Ну, а мужчина-то говорит ли когда-нибудь [правду], и «что есть истина?» Вот, пожалуй, можно отличить искренность от неискренности, но у женщины искренности, вероятно, в среднем много больше, чем у мужчины. И не опасна ли искренность и «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»[1].

Это совсем не остроты и не умничание, а страшный клубок, в котором переплетены жизнь, наука, политика.

Ну, бог с ними. Пускай люди ошибаются, но что-то они делают. На тысячелетия остаются Парфеноны, железные дороги и радио меняют жизнь, ленинская воля и напор изменила совсем жизнь многих десятков миллионов. И опять прихожу к эволюции, о которой размышлял в Алибеке. Никто вот об этом не подумал, никто не написал. А это самое главное.

Люди кругом бездарные и ⟨нрзб.⟩[2*], начиная с меня.

19 марта, Барвиха

Едва ли кто-нибудь поверит, что одна из главных причин, задерживающая в Ленинграде, несмотря на сутолоку и нелепость жизни между двумя

---

* Человеческое существо, мужчина или женщина, это комплекс самых различных элементов, весьма различных, весьма непохожих друг на друга, постоянно меняющихся, противоречивых, сражающихся друг с другом; комплекс, приводящий в замешательство, непостижимый. Необходимо рассматривать его (человеческое существо) под разными углами зрения. В особенности трудно проникнуть в душу женщины. Невозможно ясно разглядеть, чем, так сказать, является эта женщина. Она тонкая и сложная. Она никогда не говорит правду, даже если в ее намерения входит быть искренней... Быть может, она этого желает иногда, но у нее это не получается... И даже если ей это удается, то ее усилия были напрасны, т. к. ей никто не верит. Только ее ложь вызывает у нас доверие. Виновата ли была она или мужчина? Вот загадка, которую предстоит разрешить (*фр.*).

* «Она никогда не говорит правду» (*фр.*).

2* Манерные – наиболее вероятное прочтение слова.

городами, – общий облик Питера, главное – его архитектура, эти упорядоченные просторы, благородная старина. Подумают, что это манерничание и жеманство, а на самом деле это так. Расстаться с этим питерским обликом – до слез жалко. Этого никак не скажешь о Москве и вот, наприм[ер], об этой самой Барвихе – современная архитектура, объемы, стеклянные стены, мебель – хвост сзади, спереди какой-то чудный выем*. Такой архитектуры, такого облика совсем не жалко, несмотря на комфорт.

Вчера медицинская сестра, ставя банки, стала ругать Москву и москвичей, приводя в пример тактичность ленинградцев. «До сих пор остатки купеческой Москвы. При первой встрече ахи, объятия, душу изливают, а потом оказываются мерзавцами». Пытался возражать, что, мол, в теперешней Москве, по крайней мере, ¾ пришлые люди, точно так же как и в современном Питере. Но на самом деле, несмотря на то, что может быть и больше 75 проц[ентов] пришлые, «на всем московском есть особый отпечаток»[1]. Люди приобретают какую-то особенность, наследуя традиции старой, нелепой, гулящей, торговой Москвы. Каков механизм? Это очень интересный вопрос. Традиции, передаваемые по наследству и почему-то не умирающие, действие вот этих переулочков-закоулочков и двориков. Не берусь сейчас на вопрос ответить, но для историков, для этнографов важное это дело. Можно ли вообще перестать быть москвичом? Очевидно, можно, но уехав из Москвы, и, наоборот, можно стать москвичом в нас попавши. Человек себе не хозяин. Пешка ты пешка и почему бы тебе не превратиться в полено, отпали бы все проблемы.

Ходил через морозное, снежное, сияющее на солнце поле на станцию «Барвиха». Мне все здесь на память. Идут люди хорошо одетые, сытые, довольные. Революция сделала такое потрясающее дело, которое до сих пор адекватной оценки не получило; казенные «ура-патриотические» восторги газет и писателей. За настоящее, главное не цепляются. А между тем… Вот в этом дворцеобразном санатории сидят, отдыхают люди по заслугам – садовцы, Москвин, Качалов. Раньше отдыхали бы рантье, толстые карманы. Вот видно Архангельское – оно спасено и пользу приносит, тоже дом отдыха. О если бы не гримасы, Лысенки и прочая дрянь, можно бы мир действительно повернуть. Революция-то на самом деле сделана, и в железных она руках и стоит она прочно-препрочно. Но вот культурный гений нужен. Гете, Леонардо, Ньютоны. Нужней всего вдохнуть благородную душу в это всемогущее тело.

21 марта, Барвиха

Люди встают, едят, рассматривая сами себя как Versuchskaninchen*, которое нужно в меру напитать, заботятся, чтобы проанализировали их мочу, кал, мокроту, высиживают часами у докторов, «спасают себя». Разговоры

---

* Так у Вавилова.

* Подопытные кролики (*нем.*).

примитивные, как на приеме у доктора. Ну что же, надо ставить точку над i. Человек – скоропортящаяся машина, в своих высших проявлениях вполне понимающая, что он машина, которая рано или поздно сломается и попадет на кладбище или в крематорий. Почему же тогда такая нежная забота о собственной сохранности? Она, эта забота, у разных людей разн[ая]. У многих, даже у громадного большинства сильны всякие жизненные стимулы, связанные, вероятно, с разными секрециями. А с другой стороны, немногие, такие, как я. Осталось так мало этих стимулов. Жадный интерес «понять мир» и сделать это обязательно самому[2*], научно-философское спортсменство, привязанность к немногим своим – и, кажется, все.

Вот такой примитив. И наверное это не так. Чего-то самого главного не знаем, не поняли. И неужели не удастся перескочить от неживого к живо[му], от живого к сознанию? Запреты? Ungenauigkeits Relation[3*]. Боровское «Нельзя физически понять живого» или скачки диалектического материализма «переход из количества в качество»?

Люди не сделали пока самого большого.

А все же не могу подыскать эквивалента думам, сверлящим в больнице и санатории каждый день.

Даже архитектура «zweckmässige Architekturs»[4*] санатория наводит на эти беспросветные, механические мысли. Мейендорфовский «замок»[1] по другой стороне пруда, в бесталанном стиле средневековья восьмидесятых годов, и тот полон поэзии и романтики в сравнении с этой прозой.

Людям совершенно необходимо разыскать «абсолют», не религиозный, а какой-то совсем иной. Кто найдет его, спасет человечество. Иначе жизнь только за счет внутренних секреций, но не с воли и соизволения сознания.

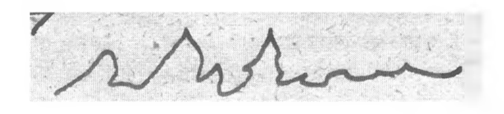
---

22 марта, Барвиха

Астрономическая весна. На солнце действительно просто жарко. А по утрам бывает до –20° С. Вот тебе и жаворонки прилетели. С точки зрения элита[*], переживающего otio cum dignitate[2*] в кремлевской санатории, такая экзотическая комбинация весеннего горячего солнца и крепкого 20-градусного снега, конечно, очень одобряется. Но что это, в конце концов, вызовет в привычном лике земном! Борьба метеорологии и астрономии – статистическая и динамическая закономерности.

[2*] Слова «и сделать это обязательно самому» вписаны над строкой.
[3*] Соотношение неопределенностей (*нем.*).
[4*] Целесообразная архитектура (*нем.*).
[*] С.И. употребил родительный падеж от слова элит в ед. ч. м.р.
[2*] Досуг с достоинством (Цицерон) (*лат.*).

Старый-престарый, но основной вопрос для науки и метеорологии в особенности. Прежде всего – хаос погоды есть ли только результат действия очень большого числа причин, вызывающий кажущийся беспорядок чередования всех этих циклонов, антициклонов и пр.? По существу же явление является вполне «классическим» и «динамически» рас[с]читываемым. Или же в этом хаосе – статистика по существу не сводима ни к какой регулярности?



Вернее, конечно, первое, но всегда затруднительно понять хаос начальных условий. Можно ли вообще решить этот вопрос? Думается, если число определяющих погоду элементов не слишком велико, то в кажущемся хаосе должна раскрыться регулярность. До сих пор этого сделать не удается.

Интересная и важнейшая задача для физиков, метеорологов и статистиков.

Но по поводу теперешних «методов долгосрочного прогноза»: если соответствующая кривая имеет вполне хаотический характер, то как не разбивать ее на гармоники. Толку быть не может. Найдите настоящие закономерности и с ними оперируйте.

---

23 марта. Барвиха

Читаю всякую дребедень, от которой ничего не остается. Для чего такое чтение, не понимаю. Похоже на жвачку резины. Заполнение времени, убегание от самого себя. Но читаю. Таков (или почти таков) «Шевалье д'Арманталь» Дюма. Сначала казалось совсем новым, но потом вспомнилось, читал когда-то и вот почти ничего не осталось. Итак – не остается для других, не остается для себя самого. Я, это изменяющееся от рождения до смерти, фикция, существующая только сейчас. Страшное горе, смерть близких через некоторое время сглаживается и даже совсем исчезает. Память о прошлом – кажется единственная связь этого «я», дающая какую-то видимость существования. Отсюда жизнь для других. «Лучше не жить, чем не оставить следа своего существования» (слова Наполеона). Что из этого следует? Пока не знаю. (Ответ, вероятно, тоже эволюция.)

Вчера переселился в новую комнату, в которой есть радио. Впервые в жизни послушал «Иоланту». Оказывается – оптимистическая опера. Опера о зрении и свете, гимн зрению и свету. Человек без зрения – какое огромное духовное содержание отнято! Т.е. опять про то же «О, нашей жизни обольщенье, ты человеческое «я»»[1]. Из чего это «я» составлено. Память, свет, регуляторы, самолюбие, страх. Надо из этого круга мыслей выскочить.

Опера Чайковского много слабее темы. Какой же это гимн свету! – «Кто может сравниться с Матильдой моей?»[2].

Да, или жить не раздумывая, как большинство живет, или жить для других, для мира, для превращения человека в «бога», в творца природы.

Жить для эволюции.

24 марта, Барвиха

Вчера прочел длинного «Napoleon'а» E. Ludwig'а (Berlin 1931). Книга честная, много материала, но дело не в Людвиге, а в Наполеоне.

В целом – это чудо, хотя каждый шаг как будто бы понятен, иногда элементарен и «очевиден». Человек, заставивший двинуться и двигаться целую Европу, соединивший удивительную отчетливость, бухгалтерскую (Людвиг это называет «математикой») в грандиозной фантастике своего дела. Н[аполеон] – почти доказательство нам непонятной еще тенденции природы к эволюции. Человек, в определенной плоскости ставший выше десятков миллионов людей, направлявший их, изменявший, создававший «Соедин[енные] Штаты Европы». Знал ли Н[аполеон] для чего нужны эти С.Ш.Е.? Кодексы? Все что он делал? По-видимому, нет. Философом, «идеологом» ему ненавистным он не был. В нем, конечно, повторение и Александра В[еликого] и Чингис-Хана, несмотря на его огромные знания, поразительный ясный ум. Наполеон – действие, биологическое явление, воплощение в одном природной эволюционной воли. Фаталистическое бесстрашие, самоочевидное преимущество надо всеми. Наполеон никак не укладывается в примитивно медицински-биологическое понятие человека. В нем сконцентрирован коллектив и эволюция. Наличие Наполеонов укрепляет уверенность в небессмысленности человеческого бытия.

Наука... Наполеон понимал, ценил ее силу, но как-то слишком прозаически «Ach wenn dieser Fulton mit seinem Dampfschiff wirklich recht gehabt hat, ich wäre Herr der Welt geworden! Aber diese Dummköpfe von gelehrten haben seine Erfindung verspottet, genau wie bei der Elektrizität. Und doch steckt in beiden eine ungeheu[e]re Macht»*. (Напол[еон] на о. Св. Елены. Ludwig. стр. 636). Без науки эволюция неосуществима.

Личное. «Двуногих тварей миллионы»[1], а Наполеонов так мало и хочется быть Наполеонами. Самолюбие, зависть – все сильные, движущие стимулы.

Эти самолюбие и зависть – положительны с эволюционной точки зрения. Я и мир сливаются. Самое скверное состояние «навоза», удобряющего почву для грядущих поколений.

Волей-неволей, высиживая, вылеживая и выгуливая в санатории, сопоставляешь метеорологию и медицину. Крутые морозы в марте и проваливающиеся медицинские диагнозы роднят две науки. Обе они – цыганские. Так же вот как цыганки гадают. Угадала правильно – успех, деньги, не угадала – спряталась, Бог простит! Так же вот астрология жила-была, да и вообще там, где статистика, такие псевдонауки во[з]можны. Надо бы это посерьезнее обдумать. Для людей это огромно. А сейчас больше самогипноза, чем дела.

---

* «Ах, если этот Фултон со своим пароходом действительно был прав, я стал бы владыкой мира! Но эти глупые ученые головы высмеяли его изобретение, как и в случае с электричеством. Однако и в том, и в другом заключена чудовищная сила» (*нем.*).

25 марта, Барвиха

О себе самом. Сегодня начинается 50-й год жизни. Уверенности, что до него доживу, не было, даже совсем недавно. И от этого не впадал в меланхолию, даже спокойствие какое-то приобреталось. Давно уже жизнь стала «службой». Лямку тяну и дожидаюсь «отпуска». Каждый прожитый год – не приближение к смерти, а «выслуга лет».

Как будто бы есть какой-то санаторий, в который можно выскользнуть после тяжелой работы. Ощущения жизни для себя совсем нет, исполнение «эволюционных обязанностей».

А вместе с этой тяжестью жизни до сих пор мальчишеские ощущения начинаемой, почти не начатой жизни. Каждый день готов начать «vita nuova»*. Удовлетворенности прожитым нет.

Нет установившейся «маски». Люди все в масках, люди все артисты и все кого-то изображают. Вот «правду матку режет», острит в раблэ[зи]анском духе, говорит петровским стилем – А.Н. Крылов (а за этим обыкновенная, не очень хитрая животная хитрость, «страх») – но в целом нужное дело, для коллектива, для эволюции, корабли, математика, история. Читаю сейчас Б. Челлини. Как будто маски совсем нет. Храбрость, шпаги, вранье и громадное искусство. Это – гениальный примитив. Все остальное, жизнь [–] борьба за маску, часто почти добровольно принятую – хочется на этих страницах говорить без маски, об абсолюте. Но можно ли это?

Умереть хотелось бы понявши.

Кончаю день. По радио патетическая соната Бетховена. А искусство в моей схеме? Оно огромно, оно совсем не входит в примитивную физиологическую схему?

26 марта, Барвиха

Я благодарен прожитым 49 годам за то, что я узнал настоящее, подлинное, великое искусство. Я видел и понял Пестумские храмы, San Pietro, Виченцу, Джорджоне, Леонардо, Сегантини, я слышал и понял Баха, Россини, Моцарта, Бетховена, я знаю Пушкина, Гете, Тютчева, я знаю Рим и Петербург, Давида Микель Анджело и безголовую римскую Венеру. Когда вспоминаешь об этом – тихая радость и удовлетворенность, как ни от чего другого.

Почему это так? Во мне, человеке абстрактного склада! Красота? Нет. Меня значительно меньше трогает красота в природе, горы, море, но вот следы культуры, развалины вместе с природой, итальянский «культурный» пейзаж – это волнует всегда. Человеческое творчество. Именно творчество «Sicut Dei»*. Победа над природой. Цель эволюции [–] превращение твари в творца. В искусстве на своеобразном участке это давно достигнуто. Думаю, что в этом дело.

---

* Новая жизнь (*итал.*).

* Подобно Богу (*лат.*).

И странное творчество. Вот сейчас слушаю вальс из «Лебединого озера». Акустическое творчество, играющее на каких-то неведомых мозговых нитях. И некогда все это додумать до конца. А так важно.

Барвиха, 27 марта

Должна существовать наука «анализа «я». «Я» слагается из ощущений, т.е. наличия ощущающего центра и внешнего мира, памяти, самолюбия, «анализа ощущений».

Барвиха, 28 марта

Прочел сегодня Бенвенуто[1]. За санаторские дни второй итальянец, первым был Наполеон. Несомненные родственники. Люди действия, не страдающие рефлексией, творящие коллективное дело, один в области искусства, другой – общественного строя. «Неистовые», неудержимые, слепые, не понимающие, что они творят, орудия эволюции. Разбойник, развратник, лгун Бенвенуто (конечно, он был таким на самом деле) – творец, да притом бескорыстный, всех этих печатей, солонок, Персеев. Конечно, Бенвенуто микро-Наполеон. Какие же нужны еще доказательства наличия чего-то повыше простой борьбы за существование, эволюционного фактора совсем другой категории.

Сегодня дождь и мокрый снег и какая-то прострация с пониженным потенциалом.

Взял телефон от радио: разговор Сатина с бароном о Луке[2] и его философии, что человек живет для лучшего, для других. Это ведь почти то же, о чем я думаю, только недодуманное. Почему для других? Почему для лучшего?

Барвиха, 30 марта

Заезжал вчера В.А. Фок, оставил записки лекций Л.И. Мандельштама; «Теория косвенных измерений» (некоторые основные вопросы волновой механики). Проглядел. Какой изумительно тонкий ум, вызывающий восхищение и в то же время чуждый (потому что трудно идти по его следам). Но в то же время инструмент только для «полировки», а не для «шлифовки». Из-за деревьев иногда леса не видно. Человеческая рефлексия разнообразна: от полной отчужденности, от общих «абстрактных вопросов», до полного забвения конкретного. Кто прав? и что лучше?

Сегодня приезжали в санаторий Капица и Лёвшин. Встала жизнь «во всей красе» и напугала. Здесь в санатории тишина, лес, отчужденность, «сам в себе» и вдруг опять этот непостижимый хаос – борьба самолюбий, бессмыслица. Через 12 дней придется в нее окунуться. Страшновато!

Барвиха, 31 марта

Когда-то на войне сам себя называл «военным корреспондентом», не воякой, а наблюдателем. Оказывается и вообще на белом свете я оказался таким «репортером». Появился «с того свету» не для того, чтобы активно ввязаться в запутанную эволюционную драму с апофеозом, а для того, чтобы только на нее посмотреть, понять и разузнать в чем дело. И это я очень давно понял, в старых моих военных дневниках 15-го–16-го года это есть. «Созерцание» и «Творчество». Активное участие в жизни хочется только как творчество*, а для этого нужны такие качества, которых порой не хватает. Это уж совсем другой вопрос, которого здесь почти не касался, связанный с неумением, самолюбием и прочими дрязгами бытия.

Март кончается, а на воле по-прежнему зима.

Барвиха, 1 апреля

Вполне отчетливо и ясно одно. Чтобы спокойно и покойно дожить жизнь, нужна каждый день творческая работа, своя, остающаяся, фиксированная. Нужно выделить хотя бы 1–2 часа каждый день на эксперимент, на писание книг, статей, мемуаров, заметок. Это для меня сейчас очевиднее всяких медицинских рецептов и по возвращении к пенатам нужно провести это неуклонно.

Барвиха, 2 апреля

Сегодня наши семейные именины: мать, сестра, я. Именины траурные: мать два года в могиле, сестра в больнице, я в санатории. Вспоминаю старину, года 43 тому назад. Мать рано утром будила, шли с нею к утренней обедни к Николе Ваганькову. В пустой великопостной церкви кроме нас именинников пяток старух-богаделок. Стоять скучно. Потом заздравный молебен, просвирка. Дома подарки: книжки, солдаты, крепость. В окна маленького дома в Никольском переулке обыкновенно светит уютное весеннее солнце. А к вечеру гости, не ко мне, конечно, расфуфыренная «Саша-завитушка», Александра Никитишна и прочие. Малюсенькие комнаты, мыслей в голове еще никаких, одни наблюдения да жадность. Все исчезло, вот только жадность эта, теперь в виде творчества, осталась. А раньше этот именинный день казался самым загадочным, мистическим. Но и сейчас один я его не забыл. Я и никто не знает про психику камня, дерева и кошки, но у человека она сильна, она центрирована вокруг острого «я». Это не воображение, а наиболее несомненная реальность.

День грустный, опять плохие сведения о сестре.

---

* Так у Вавилова.

3 апреля, Барвиха

Александра Ивановна вчера в 2 ч. дня умерла в Боткинской больнице. Недаром вчера ночью плакал о матери. Семья совсем сузилась. Я да брат. Она тогда 23–27 февраля бегала ко мне, вероятно, простудилась. Как хорошо бы умереть самому, поскорее и незаметнее. И какая мистика чисел! Вчера ее именины.

Смерть совсем не страшна, но зато жизнь кажется такой бессмысленной в эти минуты.

После того, что прожил и передумал за последние месяцы, этот страшный факт становится очевидным, и я хожу разбитый, но спокойный. Гуляю, был даже в здешнем кино «Петр I». Странный «эволюционировавший до бога» человек, которого можно уничтожить без следа гриппом. Пустота, бездомная скучная пустота. Ненужные камни на ненужном песке. Как мухи, которых можно давить полотенцем, ладонью и сапогом.

А она меня спасала, суетилась, бегала по морозу. Старое, его много. Вот комнатка в доме на Никольском, отгороженная ширмами, за ней она живет гимназистка, учится аккуратно. Серебряная медаль. Классная дама. В 1905 г. женитьба. Святки. Ряженые. Гладковы. Помню, ходили нанимать квартиру для молодоженов. Потом Ростов. Война, а после Костин, Алабовск, Пресня. А как просто умирать.

Пусть, еще один раз, живем не для себя. А[лександра] И[вановна] для многих оставила многое; классная дама, потом врач, сыпной тиф, малярия, бактериология, и семья. Была в ней могучая энергия и умерла она безжалостно рано.

4 апреля, Барвиха

Меня страшит собственное спокойствие. Смерть так проста, так нужна и так не страшна, вроде укола шприцем, а между тем она кончает иногда сложнейший клубок самолюбивых противоречий, трагедий всякого рода, разрешает все эти огромные литературные и философские горы, нагороженные людьми. Раз… и человек превращается в родного брата камню и стулу, да еще с несравнимо меньшей прочностью. Неужели на самом деле это так просто? Неужели весь сложнейший аппарат памяти разлетается, как дым от этого… раз? Странная прерывность, ни на что в природе не похожая. Исчезает… субъективное. Но не объективнее ли или, вернее, несомненне[е] это субъективное всего объективного?

За месяцы болезни я закалился как никогда по отношению к смерти. Этот последний удар отскочил как от панцыря.

Ездил сегодня в Москву (сказали, будто бы сегодня похороны). Стоял у гроба, смотрел на ее совсем еще молодое, решительное лицо. В ней была вавиловская решительность, энергия сообразительности (помню 18-ый год) и умение работать на других.

Читаю снова, не знаю в который раз, но первый раз систематически «Современную историю» Франса. Когда [-то] лет 16[-ти]–17[-ти] для меня Франс был кумиром, образцом скептика-эпикурейца, с зубоскальством внимающе-

го равнодушно добру и злу. Лет десять тому назад я Франса возненавидел. Показался пустым, ломакой, «пархатым старикашкой», надуманным снобом и эстетом с дешевой политикой (особенно возмутило Revolte des anges*). Читаю сейчас с большим интересом (куда с бо́льшим, чем Дюма и Конан-Дойля). Это уже показательно. Да, зубоскальство по всякому случаю, иногда очень ум[н]ое, иногда поверхностное. Философия Бержере[1] [:] жизнь на нашей планете есть «болезненное явление, язва, словом что-то отвратительное, чего не бывает у здоровых и хорошо устроенных звезд».

Так – что же зубоскалить? Или все же что-то искать? Язва и гниение, или главный орган эволюции?

Так же как и миллиарды людей до меня я не сказал ничего разрешающего. «Мертвый в гробе мирно спи – жизнью пользуйся живущий»[2]. Ничего больше. Какое бессилие! Столько дум, самых сосредоточенных, самых тягостных и все то же, что во дни египетских фараонов.

Барвиха, 5 апреля

Прошло. Похоронили. Старая, более 40 лет знакомая дорога на Ваганьковом. Носили по ней и бабку Домну Васильевну и Илюшу и два года тому назад матушку. Мистика чисел, Илюша умер 24 марта (6 апреля) 1904 г., матушка 5 апреля, сестра 2 апреля, а Лида, могила которой тут же, именинница сегодня 5 апреля. «Мартовские иды». Весело текут барашки по синему небу, на них рисуются тонкие весенние скелеты берез, собирающиеся воскреснуть. Врачи санитарного Института, в котором сестра работала, говорят о ней у гроба.

Энергия, воля, работать, во что бы то ни стало. Потом собрались у Тани, там и молодежь: Олег с женой. «Над павшим строем свежий строй ряды смыкает»[1].

Вернулся в санаторий и, чтобы забыться, пошел смотреть вторую ч[асть] Петра I[2]. Кстати. Вихрь смертей Полтавского боя, Гангута, но смертей ликующих, победоносных, смерть Алексея. В жертву будущего, в жертву России, в жертву эволюции отдаются эти десятки тысяч жизней. Преодоленная смерть.

Смотрел Петра, ведь в Ал[ександре] Ив[анов]не немножко тоже Петра было, вот эта самая «энергия, воля, работать во что бы то ни стало».

А все же, вот сейчас опомнился, родного человека нет и слезы опять и опять. И понятно все это только родному. Сознание, заглядывающее в чужое сознание.

Гамма родных смертей. Сначала бабка. В памяти осталась заунывность «Со святыми упокой», дым кадильный, старинные камилавки*.

Потом смерть Илюши, которая потрясла меня необычайно. Горе [–] и детская доверчивая религиозность улетела. Потом весть на войне под грохот

---

* «Восстание ангелов» (*фр.*) – роман А. Франса (1914).

* Камилавки – наиболее вероятное прочтение слова.

пушек под Краковом о смерти Лиды. Смерть отца в Свердловской больнице, смерть мамы и теперь смерть сестры.

Эту гамму следовало бы подробно и аналитически изложить. Это сама по себе история жизни человеческой.

Прощай, милая Саня, больше никогда тебя не увижу.

<u>Барвиха, 6 апреля</u>

Доживаю здесь последние дни. Должен сознаться, что никогда в жизни я еще так не отдыхал, как здесь. Отсутствие разговоров, тишина, «все предусмотрено». Собеседник – один В.П. Никитин, совсем не похожий на собеседников Бержере. Я сам немного на Бержере похож. За недели, проведенные здесь, многое стало ясным, а смерть сестры еще прояснила эту ясность.

<u>Барвиха, 8 апреля</u>

Отсюда и хочется уйти и не хочется. Впереди опять путаница, усталость, хаос жизни. Здесь заведенное однообразие, которое может выноситься только при наличии внутреннего, творческого огня.

«Современная история» Франса – странная толстая книга. Читать ее можно и спереди назад и сзади наперед, т.е. нет стержня и архитектуры. А между тем книга читается увлекательно. В разговорах Бержере наряду с филологическими снобизмами, политической журналистикой, потерявшей через 40 лет всякое значение, попадаются мысли необычайно острые и нужные. Вот, например, рассуждения о благотворительности. «В действительности одариваешь только тогда, когда отдаешь свой труд, свою душу, свой талант. И этот великолепный дар всего себя людям обогащает в равной мере как даятеля, так и общество». «Над будущим надо работать, как работают искусные ковровщики над своими гобеленами, не видя его». «Изобилие плоти и отсутствие внутреннего содержания делали ее общительной» и т.д. Из «С[овременной] И[стории]» можно бы составить полновесный сборник афоризмов. Остальное… никому ненужная порча бумаги, рассказы об адюльтерах толстых евреек, исторические подделки, публицистика. А когда это выбросишь, остается скептицизм и спокойствие Бержере, которые могут служить правилом жизни. Но Бержере не хватает гения.

<u>Барвиха, 9 апреля</u>

Строгонова сказала сейчас по телефону, что немцы заняли Копенгаген. Si non è vero è bene trovato*. С эволюционной точки зрения трудно понять, что лучше [–] мировая потасовка или «мир» с пожирающими силы военными бюджетами.

---

* Если это и не правда, то хорошо придумано (*ит. поговорка*); изречение Дж. Бруно в его «Ili eroici furori (П., 1585).

По Бору, дать физическую интерпретацию жизненных явлений до конца нельзя, потому что физические методы наблюдения убийственны. Рассуждение странное. Можно (до пределов, допускаемых соотношением неопределенностей) изучить атомы, молекулы. Чем определяется жизнь? Атомными или молекулярными связями или внутриатомными явлениями. Как будто бы первыми. Но тогда при чем «убийство» при наблюдении?

Барвиха, 10 апреля

Небо серое, давление, очевидно, низкое, настроение поэтому минор с раннего утра. Копенгаген и Норвегия оказались совсем не «trovati»*, а несомненное происшествие. Немецкой Überraschung's[2*] наглости конца нет. Но чувствительность совсем притупилась и свое, близкое чувствуется куда важнее, острее и больнее.

Вчера вечером здесь кино «Мои университеты» Горького. Опять это вековечное толчение воды в ступе «На проклятые вопросы ты ответы дай прямые» и... «Дурак ожидает ответа»[1]. По-видимому, все же Бор прав (хотя не понимаю как) и в вопросе жизни имеется «Ungenauigkeit's Relation».

Барвиха, 11 апреля

Послезавтра собираюсь уезжать из санатории. Как-то беспокойно и страшно из этого монастырского бытия снова нырнуть в нелепую ленинградско-московскую пучину. Опять полезли скопом невеселые мысли.

Люди умирают основательно и почти всегда забываются ganz und gar*. У нас на Руси только одного Пушкина стараются восстановить, берегут каждое его слово, каждый его шаг, создают искусственное бессмертие. Остальное проваливается и неизбежно будет проваливаться без следа. «Вечная память» такая же глупая насмешка, как «вечная любовь».

Нужна полная переделка психологии сознательного человека в сторону какого-то гармонического диалектического соединения преимуществ эгоизма и индивидуализма с явно коллективным предназначением. И главное, нужно это ввести в сознание. Кто это сумеет?

День весенний, сухие дороги, свежий прохладный воздух и горячее солнце. Вспоминаю предпасхальные и пасхальные дни детства.

Читаю «Петербург» Белого во втором варианте. Зачем читаю, не очень понятно. Читал 25 лет тому назад в 1-ом варианте этот мучительный кривлический[2*] бред с гениальными пятнами. Много я прочел за 1 ½ месяца в больнице и санатории. Но во всех случаях неудовлетворенность. Во всех случаях срыв и у Heller'a, у Eyth'a, Бенвенуто, Дюма, Конан-Дойля, Франса, Сенке-

* Выдумки (*итал.*).
[2*] Нанесение внезапного удара (*нем.*).

* Совершенно (*нем.*).
[2*] Кривлячеcкий – наиболее вероятное прочтение слова.

вича, Чапыгина; нигде не нашел полного напряжения гения, везде ремесло. Хотел бы это развить, но рука не подымается.

«Преодоленная бездарность». Да преодоленная ли?

Слова митр[ополита] Евгения относительно гр[афа] Уварова (президента Академии): «Во всех государствах случается, что жалуют в чины и не по заслугам, а в одной России жалуют даже и в ум и в знания без ума и знаний».

(Русс[кий] Арх[ив] 1889, кн. 11, стр. 358).

<u>12 апреля, Барвиха</u>

Хожу по здешним тропинкам, мимо последнего снега, по оживающей траве, обогреваемой солнцем, и как всегда, грустно и жалко уезжать. Хочется протянуть. Уехать – что-то похожее на умирание. Догадываюсь, в чем дело. Привычка, повторяющиеся наблюдения и ощущения последнего времени* составляют наиболее сильную часть «я». Сначала новые наблюдения и ощущения встречаются «я» в штыки как чужое, затем врастают в него и создают это самое «я». Память о прошлом – это самое тонкое и нежное в «я», а вот эти ощущения последних часов, дней и недель, конечно, фундамент. Потому-то так жалко от них уходить. Этот уход – замена «я» последнего времени новым, т.е. что-то вроде смерти, в которой, правда, нет замены.

Носиться по белому свету, рвать браки, людские отношения, иметь «короткую» память – вот средство совсем избавиться от неприятных ощущений смерти.

Читаю напоследок статью С. Дурылина в «Литер[атурном] наследстве» о русских знакомствах Goethe[1]. Какая злоба, клевета по отношению к людям; несмотря на большой новый материал, читать противно.

Смотрю газеты, слежу за развертывающейся мировой драмой. Ясно, что конец буржуазного мира. В этом огне сгорит и Гитлер, и Чемберлен и прочие. Победит коммунизм.

<u>Москва, 13 апреля</u>

Уехал из санатория. Очень тяжело. Тишина, чистота, простота, оторванность от внешнего мира, тихие сосны, последний снег и собственные не торопящиеся думы, иногда мрачные и безнадежные, иногда покойные – все кончилось. Хаос искусственных систем координат. Все искусственно, ненужно и не знаю, надолго ли меня хватит? Вымытой душе очень нехорошо в этом грязном, путаном болоте.

---

* Слова «последнего времени» вписаны над строкой.

Москва, 15 апреля

Сколько людей! Сколько вещей! Обман, фальшь, надувательство взаимное. Прошедший месяц кажется сном. Неужели невозможно вылезти из этой тины?

Ленинград, 19 апреля

Ленинградская тина не лучше московской, характер только другой. Нужно героическое усилие, чтобы ото всего оторваться. Каждую минуту «игра», а там я был самим собою. Усталость и никакой работы. Во что бы то ни стало надо с этим покончить.

Ленинград, 24 апреля

Много смертей за эти дни, Бонч-Бруевич, Чернышев, позавчера, возвращаясь из Оптич[еского] Института, умер Аполлон Павл[ович] Афанасьев. Взгляд и настроения санатории укрепляются. Все так просто и холодно. Такое же событие, как «уехал на дачу». Наоборот, вся суета и «жизнь» кажется коротким спектаклем и маскарадом, притом очень скверного качества зачастую. Оделся да ушел. Из головы не выходит картина роя мух в комнате. Летают, мечутся, а «хозяин» время от времени избивает их полотенцем. Пока есть силы, «инстинкты», от сознания независящие, все идет благополучно, как у птиц. У женщин это держится всегда до конца, жизнь их неизмеримо легче и проще. Но кончаются эти внесознательные стимулы и для жизни нужны «идеалы» – вера в общество, в бога, в эволюцию etc. Без этого можно существовать, в лучшем случае, только «репортером».

Ленинград, 1 мая

Парад на Дворцовой площади. Солнце, теплый день. Громадный оркестр гремит Интернационал под грохот пушек с кораблей на Неве. Солнце просвечивает, пронизывает красные знамена и флажки, обращая их в языки огня. На этом параде печать законченного финского похода[1] и великолепная шестерка Росси с Победой на Колеснице над аркой Генерального Штаба – мчится как живая. Командующие – все еще мужики в мундирах, но силища непреодолимая.

Пугает здесь количество вещей, людей, книг. За все хватаешься. Все незакончено и с печалью вспоминаю о простоте и элементарности санатории.

Ленинград, 18 мая

Опять поползли немцы, вдохновляемые, в конце концов, неизвестно кем, на Европу. Вчера Гаага и Амстердам, сегодня Брюссель, французское правительство в Париже собирает чемоданы. Сила несокрушимая. Самоотречение отдельных Мюллеров и Шульцев – во имя чего? Гитлера? Это невероятно у современного немца. Или «alles ist Dressur»![*]

---

[*] Все – дрессировка (*нем.*).

А здесь опять похороны. Умерла О.А. Тудоровская. Стало так это обычно и привычно. Вылечивать и особенно спасать от смерти медицина не умеет. Не лучше ли ей заняться другим. Разработать способы подготовки смерти. Сделать ее незаметной, даже приятной.

Такие способы, вероятно, изменили бы образ жития человеческого.

Десятки тысяч, умирающие на танках, на пикирующих бомбардировщиках, парашютах со страшным желанием жить хотя бы во имя Гитлера – а с другой стороны, миллионы тяготящихся жизнью и не умеющих подойти к смерти.

Предложение мое относительно медиков – практическое и едва ли такое страшное, как может сначала показаться.

Сегодня ночью, когда ехал в «Стреле» из Москвы, первый раз в жизни видел музыкальный сон: слышал большую глубокую симфоническую пиесу, рядом с которой возникали зрительные картины какого-то снежного, морозного леса, ночных птиц, чего-то жуткого. Потом сон архитектурный, романтические развалины, и грусть о них. Где-то в недрах живет эта красота и н[и] во что воплотиться не может.

Какая бессмыслица. Вспоминаю август 1914 г. Опять все снова. Кому это нужно?

Москва, 30 мая

Болезнь, смерть А[лександры] И[вановны], санаторий, больница, трагедия в Европе во многом меня изменили. Спокойная безнадежность, холодное отчаяние. Н[и] за что уцепиться не могу, все кажется преходящим, ненужным, пустяком и вместе с тем нет раздирающего пессимизма.

Сейчас еле освободился от сумасшедшего «изобретателя» Деккенбаха. Совершенно ободранный, живет не то в Ялте, не то в Москве или Ленинграде. Будто бы потомок какого-то гвардейского офицера. Бормочет, помесь совершенно гениальных фраз с чистыми идиотизмами. Живая иллюстрация соседства гения и безумия. Сознание, оторванное от бытия.

Ленинград, 24 июня

Французская катастрофа. На глазах она вырождается в отвратительное прозаическое обывательское болото насмешек, разговорцев про гадя-*

* Далее часть страницы утрачена (вероятно, отрезана автором).

Ленинград, 28 июня

25-го июня Д.С. Рождественский застрелился, выстрелив себе в сердце из мелкокалиберной винтовки. Сегодня его хоронил на Волковом кладбище. Самоубийство было давно подготовлено, все дела были приведены в полный порядок, вплоть до заказа цветов на могилу на июль, заказа мраморной плиты для памятника, планированная смерть.

Ленинград, 29 июня

Эта искусственная смерть с заготовкой памятника, весельем прощаний в течение недели, кучей писем, деталировкой имущества, смелым выстрелом в сердце – странная смесь резкого материализма с несомненным мистицизмом. Особенная душа, большой силы, но большой искусственности.

На свете беспринципная свалка Homo homini lupus est*. Слепая, но создающая история. Как перекатывание каменных глыб и скал во время землетрясения. Бессмысленно, случайно, до крайности грубо, а потом это основа всего. К чему сознание? Разве затем, чтобы устраивать себе планированную смерть?

Совершенно очевидных для меня правил: 1) план на каждый день, 2) 1–2 часа творческих ежедневно, 3) ежедневно хотя часа мечтания по набережной, в белую ночь – выполнить не могу. Задерган мелочами, устаю, бессилен.

Узкое, 10 июля

Страшная зима прошлась своею косою по лесам. Повсюду замерзшие дубы, ели, яблони. На многих деревьях жизнь борется со смертью: листья прямо вырастают из толстых стволов. Как будто бы так: внешние слои ствола и ветви промерзли и умерли, но жизнь осталась в глубоких внутренних слоях и через омертвевшую ткань жизнь пробивает себе дорогу в виде листьев к свету и воздуху.

Узкое, 11 июля

Я здесь один из самых молодых. Остальные старики: Вернадский, Курнаков, Миткевич e tutti quanti morituri*. Неприятно видеть науку, воплощенную в ее умирающих носителях.

Не хватает искренности, жизни, веселья, таланта. Вообще очень грустно, бесталанно и бездарно.

---

* Человек человеку – волк (*лат.*).

* И все остальные, идущие на смерть (*лат.*).

Узкое, 12 июля

Дубовый и липовый свежий зеленый лес с белыми грибами, с овсяными полянами зеленовато-серого цвета – он все сглаживает, успокаивает. Сохранилась еще какая-то тайная связь человека с этой подлинной природой, ему близкой. Не природой звездного неба, каменных глыб, безграничных водных просторов, а вот этой простенькой, ограниченной черными стволами и зелеными купами. И совсем это не... обезьянье родство, оно очень тонкое, сантиментальное и нежное, и его не заменишь камином и домашним уютом. Эта тяга к лесу, успокаивающее, родное действие леса мне мало понятно.

Узкое, 14 июля, Воскресенье

Quatorze Juillet...* Такого не было 150 лет «Nous Petain, marechal de France»![2*] Во что все выльется? Немецкий разгром 1918 г., казалось, вел мир к социализму. Через 22 года – фашистская Европа. И каковы наши русские судьбы? Удастся ли устоять? Все неясно. Несомненно одно: неустойчивость фашистских систем и их временность. Коммунизм должен победить, но как и в каких условиях?

А здесь на зеленом фоне травы, среди лип и дубов ходят morituri восьмидесятилетние старики, академики, одуревшие, поженившиеся на мошенницах-секретаршах. Канкан у гроба. И сама русская наука, воплощенная в этих эминентах, кажется очень неприглядной.

Возвращаюсь к лейтмотиву этой книжки[1]. Сознание и мир. Как будто бы верхи сознательного человечества, ученые эминенты, а все de facto скатывается к желчному цеплянию за жизнь, мелкому-премелкому карьеризму (через президиум), опереточным женитьбам на секретаршах и умственному отупению. Д.С. Рождественский – гигант среди этих пигмеев. А, может быть, наоборот (да это и, наверное, так), они более приспособленные, более живучие. Выживут и оставят наследников, а Рождественские будут стреляться.

В конце концов, эти попытки перескочить сознание[м] за жизнь не история ли о бароне Мюнхгаузене, вытаскивающем себя самого за косу из болота? И не проще ли, не «мудрствуя лукаво», применять сознание для «дела», для обдувания[3*] ближних, для решения технических задач, для получения чинов и орденов, для женитьбы на секретаршах. Такое сознание будет биологически применимо правильно, будет орудием борьбы за существование, а не орудием борьбы против существования, как у Рождественского.

---

* 14 июля 1789 г. – день взятия Бастилии, национальный праздник Франции (*фр.*).

[2*] Мы, Петэн, маршал Франции! (*фр.*).

[3*] Так у Вавилова.



Прочел «Повелителя блох». К Гофману тянет, а вместе с тем это так нелепо. Смесь немецкой уютности, аккуратности, церемонности с сумасшедшими прыжками Гофмана, вероятно, и определяет его притягательность. Повелитель блох – сон, нелепый, но уютно и обстоятельно рассказанный. Пока есть Гофманы, жить еще на свете можно.

Узкое. 15 июля

Вчера ходили в Ясенево, километра 3 отсюда, б[ывшее] имение Бутурлина, кажется. Печальные руины, сожженный помещичий дом, на остатках которого пасутся козы, оставшиеся службы с колоннами, загаженный парк. Перед домом громадный ясень лет 200–250, замерз этой зимой. Стало быть, два века не было такого мороза. На каком узком интервале условий возможна жизнь! И как легко эти узкие условия перейти.

Узкое. 16 июля

Все яснее и рельефнее становится биологическое или социологическое назначение сознания. Смотрю как с птичьего полета на мурав[ь]иное шевеление человеческих самолюбий и страстей – все назначено, все на благо следующей социологической ступени: сохранению рода, строению общества, т[ак] н[азываемой] «культуре». Просто – один из методов и путей эволюции.

Снова подхожу к прошлогодней громадной теме. Но не может же эта эволюция происходить механически, автоматически, как бессмысленное колебание маятника, неизвестно зачем и кем щелкнутого пальцем.

Эволюция на земле в случайных условиях! Кому это нужно.

Сегодня ходили в Голубино (в 3-х км от Узкого). Говорят «Салтычихина усадьба». Заброшено все и заросло травой забвения, пруды, громадные ду[б]ы, липы, аллеи. Вариации на тему «Вот мельница – она уже развалилась»[1]. Бездарно и бесталанно все это.

Узкое. 20 июля

Четыре дня моросящего дождя, закрытого неба, холода. 18-го ездил в Москву.

Заглянул на несколько часов на это «поприще» предстоящей снова работы и совсем испугался. Здесь среди зелени, грибов – тихое философское

времяпрепровождение à la Descartes*. Там – каждый шаг как будто бы что-то означает, вихрь, люди, надувательство, «борьба за существование», усталость, злость и каждый день ощущение зря прожитого дня. Не хочется туда.

Сознание. Безотчетное стремление к пониманию природы, у меня оно появилось давным-давно, лет с 9–10. Помню, варил из розового мыла алхимические эликсиры на спиртовке лет десяти, затем в первом классе – попытка писать учебник географии, задумчивые шатания по лесам летом на даче. Потом, вместе с братом, увлечение химией, взрыв. Полка с химикалиями. Чтение тимирязевских книг, Менделеев. Посещение «народного университета». Первая попытка научной работы – желто-зеленые цветы (молочаи, лютики), опыты с лягушками. Лет 16[-ти] философское сочинение «Мое мировоззрение» (это начитавшись Мечникова). Чтение, чтение, большой доклад о строении атомов в Коммерческом Училище. Бессознательный туман сознания. Многого из этого не вышло, могло бы и должно бы выйти много больше.

24 июля, Узкое

Ольгин жаркий день. Сижу под деревьями на берегу пруда, скрываясь от прямых солнечных фотонов. Считаю диполи-квадруполи[1]. Занятие вроде щелканья орехов. Настроение спокойное, не восторженное, но и не подавленное. Никто не дергает, в тени кондиционированная температура, от квадруполей не жду никаких неприятностей. Но знаю, что это на час – не больше. Стоит встряхнуться и все заколышется, появится тревога безотчетная. В мире, т.е. на земле, что-то большое творится. К хорошему или к плохому? Умерли близкие, настоящие свои мама, сестра, Д.С. [Рождественский]. Мир (мой мир) оголел.

Сын оторван. В себе полная неуверенность и жить хочется, только что-то создавая. По-прежнему созерцание и творчество, остальное неизбежный, иногда очень тяжелый крест.

Читал статьи Достоевского, [написанные] в год освобождения крестьян [,] «Разговоры о «народе». Вопрос этот и теперь надо ставить. Есть, конечно, простой социальный вопрос: бедные и богатые; случайно или умом нажившиеся. Этот вопрос решают революции. Совсем другой вопрос – человек живущий, размножающийся, пекущийся сознательно и бессознательно о сохранении рода (это все и любовь, и посевы, и войны), и человек, у которого сознание из служебного становится господствующим. Народ – это, прежде всего, живущие, биологические, ему можно противопоставить интеллигенцию в высшем смысле – понимающую и творящую. Ясно, что одно может переходить в другое. Что нужнее?

Конечно, в «высоких планах» и «народ» и «интеллигенция» исполняют одну и ту же функцию. Для неведомой цели умножают и укрепляют род

---

* Подобно Декарту (*фр.*).

человеческий. Но вместе с тем и различие ясно. Такой конец, как у Д.С. [Рождественского], – разительный тому пример. А выпрыгнуть совсем из собственной биологии, конечно, нельзя.

Узкое, 29 июля

Старики: Вернадский, Курнаков здесь и многие другие в Академии. Грустно и обидно за ними наблюдать. Жизнь совсем кончилась. Ушли силы, ушла память, ушел ум. Сплошная борьба с разными недомоганиями, глухотой. Человек дал то, что мог, остался разбитый, испорченный сосуд, не нужный ни себе, ни людям. И такими были все, и Ньютон и, вероятно, Гете. Этот последний десяток лет жизни, вероятно, невыносим. Не потому, что смерть ждет, что человек болен, главное – это психическая немощь, страшное ослабление сознания и ума. Человек еще жив, [иногда] даже здоров (недавно был у Н.А. Морозова, которому 85 лет и который вполне как будто бы «бодр» и «здоров»), но потухающее сознание делает все бессмысленным.

Узкое, 1 августа

Почему-то тяжелое, мрачное и безысходное настроение. Кажется все случайным и никому ненужным, как лужи, отдельные цветы, деревья. Была Франция [:] какое-то стечение случайностей, не дотянули линии Мажино, поверили в сохранение бельгийского нейтралитета и «ужасающая катастрофа». Франции нет и над ней толстый зад Гитлера. Но ведь это, вероятно, также случайно, как появление нового кратера на лунной поверхности. Там это тоже катастрофа.

То, что казалось незыблемым, прочным надолго, десятки миллионов людей, культура – рухнуло за месяц.

Сейчас читаю «Дни» В. Шульгина[1]. О том же повести, о России февраля 1917 г.

Последние дни работал и писал о мультиполях. Казалось центром и оправданием. Сейчас кончил и кажется никому ненужным пустяком, как писать вилами на воде.

Пребывание в Узком кончается. Впереди опять хаос дел, опять эта нерешенная задача: Ленинград – Москва.

Ясно, что надо и хотелось бы жить так, чтобы от каждого дня что-то осталось.

Но опять мысли о случайности луж, деревьев. Конечно, быть деревом и бараном куда лучше, чем человеком.

Эволюция!? Когда все это растирается в пыль и прах случайно наступившим каблуком.

Искать спасения в статистике! Наоборот. Тому, что делал Больцман, который флуктуациями спасал от «тепловой смерти». Придется считать все нелепости вроде произошедшей с Францией флуктуациями, отклоняющими от эволюционного пути. Одним словом, ave Caesar, morituri te salutant[*, 2].

---

[*] Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя (*лат.*).

3 августа, Узкое

На свете еще очень многое интересно, возбуждает любопытство. Развертывающаяся странными путями история, искусство, природа, наука. Хочется многое прочесть, передодумать, посмотреть. Все потому, что думается, что могу на этой основе сделать что-то важное. Почти атрофировались обычные житейские стимулы.

Как странно это желание сделать нужное и важное! Знаю, что даже посмертные лавры Ньютона такая мелочь. А между тем, это желание держит и твердо держит в жизни. И так хочется просмотреть самого себя, найти наиболее ценное и направить его в нужную сторону.

5 августа, Узкое

Чуть остановишься, мысль теряет всякую активность. А между тем, многое нужно и хочется передумать. Все кажется, что если вот так, не торопясь, пропустишь весь мир* через голову – найдешь пути, дороги, станет все ясным и для самого и для других.

Надо, наконец, решать затянувшуюся шестилетнюю задачу, где же мне быть [–] в Ленинграде или в Москве. Знаю, что сосредоточившись на одном деле, сделал бы, вероятно, еще многое. Но положение осла Буриданова тянется и тянется. В Ленинграде тянет сам город, странные прямолинейные и золотисто-серо-розовые чары Петрова города, тянет оптика, которая, в конце концов, сделалась моим основным делом, притягивает определенность и фундаментальность дела Оптического Института. Отталкивает[2*].

7 августа, Узкое

Вчера во время бритья у здешнего парикмахера очутился в бессознательном состоянии на несколько минут. Стошнило. Пришел в себя. Потом целый день понос. Касторка и пр. Очевидно, чем-то отравился. Поразил обморок. Как отрезало. И как это просто.

Заплетающимися ногами хожу на прощанье по аллеям парка и по лесу. Слушаю и смотрю «зеленый шум», зеленые струи на ветвях берез и странную тихо-шумную музыку, создаваемую ничтожной акустикой каждого из миллионов листиков. Смотрю на кучевые облака, быстро меняющи[е] свой цвет из снежно-белого в грязную сепию[1]. Почему это происходит? Потому ли что в одном случае солнечные лучи, главным образом, падают en face*, а в другом «насквозь»? Кем меняются размеры капелек?

---

* Слова «весь мир» вписаны над строкой.

[2*] Так у Вавилова.

* На лицо (*фр.*).

Железо[1], 13 августа

За эти дни столько перемен и самое жестокое несчастье. У брата Николая 7-го на квартире был обыск. Сам он сейчас во Львове. Значит, грозит арест, значит рушится большая нужная жизнь, его и близких! За что? Всю жизнь неустанная бешеная работа для родной страны, для народа. Пламень работы, вся жизнь в работе, никаких других увлечений. Неужели это было не видно и не ясно всем! Да что же еще нужно и можно требовать от людей! Это жестокая ошибка и несправедливость. Тем более жестокая, что она хуже смерти. Конец научной работы, ошельмование, разрушение жизни близких. Все это грозит.

Эта записная книга выходит книгой горя: смерть матери, сестры, теперь ужас, нависший над братом. Думать о чем-нибудь [другом] не могу. Так страшно, так обидно, и так все делается бессмысленно.

Хорошо, что мать умерла до этого, и как жаль, что сам я не успел умереть. Мучительно все это до невыносимого.

Железо, 14 августа

Последние жуткие дни. 12-го ехали через Детское с[ело]. Машина потонула в грязи. Эта черная грязь напомнила мокрую черную грязь Ленинградских кладбищ. Гатчина: высокие худосочные березы на узеньких тротуарах и булыжных мостовых, а за березами красно-белые казармы. Прошлое – кладбище. Здесь дикие, дикие места, на десяток километров ни одного селения. Худосочные сосны, мох, вереск, болото, песок, мухоморы всюду, даже на дорожном песке. Печальная Луга. Ото всех печалей и безысходностей хочется убежать в эти непроходимые болота к мхам и мухоморам, или утопиться в Луге с ее темной зеркальной гладью. До чего же люди глупы, бестактны. Тяжело, и отдых только во сне, когда сознание выключается.

Железо, 15 августа

Хожу с Олюшкой по лесам. Леса из мелких сосен, елей, берез, на болоте, покрытом седым мхом с кочками с полками мухоморов. Все наивно и мило как давняя сказка про лешего и бабу-ягу. Эти прогулки, сон – вот и спасенье от ужаса. Все остальные интересы замерли, замерзли.

Железо, 18 августа

Когда забудешься... Ездил сегодня в Натальино, в детскую здравницу Балт[ийского] Флота, рассказывал им о дне авиации. Какое это великое дело детские лагеря и здравницы в глуши лесов на речке, с дисциплиной и культурой. Но, конечно, как всегда корова есть – подойника нет, бюрокр[атиз]м, отсутствие денег, у каждого сменяющегося начальства собственная точка зрения на вещи.

«Железо» тоже. Ведь нашли секрет сохранить прелесть усадебного быта и передать его многим (таково Узкое, Железо, да и многие другие дома отдыха и санатории). Но, конечно, кто-то там, в Наркомздраве, уже размышляет о том, а не закрыть ли «Железо», и бедный директор, как на иголках, не знает, какую же вести политику, «за здравие» или «за упокой».

О Николае вестей новых нет и на сердце так тяжело и так обидно.

«Железо», 20 августа

Никогда еще не было так грустно и так мучительно. А перед другими, здесь «отдыхающими», приходится скрывать эту муку и грусть.

Дождь, тоскливый осенний мелкий дождь. Вспоминаются все жизненные несчастья. Случай с Николаем хуже всего, он хуже смерти. Энергия, намерения, планы, желание работать – ничего нет.

А кругом меланхолический, гниющий пейзаж петербургской природы. Худосочные сосны и ели на мшистых, болотистых кочках чахлы*, как чахоточные березы, траурная темная лента Луги.

Все это было до создания Петербурга. И на самом городе, на его архитек[т]уре, на людях, на меланхолических перспективах и просторах, на геометрической правильности лежит налет смерти, раскрываемой лопатами на петербургских кладбищах.

Хочется вскочить, протереть глаза и закричать страшным голосом, что я жив еще и могу многое нужное для людей сделать. Но, как во сне, крикнуть не могу.

«Когда я буду погибать» ... о ниспади передо мной и захлестни своей волной Италия, мой край родной»[1] – читаю хотя и бездарные, но итальянские «Pilgerfahrten in Italien» von O. v. Ge[r]stfeldt und E. Steinmann[2*].

Ленинград, 1 сентября

Оцепенение жуткое продолжается, а с ним растет мертвящий агностицизм. Человеку выше себя не прыгнуть. Чем-то, для чего-то заострены у человека самосохранение, самолюбие, желание размножиться, стремление к работе, чувство социальное. Сознание – просто орудие всего этого и вроде бензина в автомобиле. Сверхчеловеческие возможности сознания – иллюзия.

Иллюзия все философские системы. У науки, конечно, только практические цели и, в конце концов, бесмысленен спор об «основах».

Руки опускаются. Город с его домами, памятниками, петербургскою красою кажется гробом повапленным[1], а люди мертвецами, еще не успевшими залезть в гроба.

---

* Чахлы – наиболее вероятное прочтение слова.

[2*] «Паломничества в Италию» Ольги фон Герштфельдт и Эрнеста Штейнмана (*нем.*).

Сегодня год войны. Она кажется такой же неизбежностью, как осенний дождь и сентябрь. Как трудно, как тяжело жить и как хотелось бы незаметно и сразу умереть.

Ленинград, 13 сентября

Смотря в стекло на письменном столе, в своем отражении узнаю Николая. Словно привидение. Так это страшно.

Уставши от бесконечных ненужных совещаний, пытаюсь читать «La fin du monde»* Фламмариона. Но, в конце концов, этот fin не страшнее конца одного человека, по крайней мере, для него самого.

Хочется в болотный лес, где нет людей, а медведи, брусника и мухоморы и по-прежнему лучше всего тихо умереть.

18 сентября, Москва

В эти жуткие дни я отчетливо ощутил, что старею. До сих пор почти всегда казался себе самому почти мальчишкой.

Старею, чувствую полное оскудение творческих стимулов, беспомощность, бездарность и слабость.

Люди кажутся манекенами, мало отличными от кузнечиков и автомобилей, война не ужасней обвала и грозы. Одервенение, окаменение. Сам для себя превращаюсь в предмет неодушевленный. При таких условиях жить – трудная задача.

22 сентября, Л[енин]гр[ад]

Вчера был в Архиве Академии, смотрел рукописные остатки Рождественского. Вот это попадание в архив и есть псевдо-бессмертие. Может быть, десятки и сотни лет будут лежать эти записные книжки, письма, пока какому-нибудь архивному юноше не понадобится сделать диссертации «по неизданным материалам». Кости на кладбище, нечитаемые статьи в библиотеках, да вот эта архивная коллекция – все, чем можно заманивать. Да и это в немногих случаях. Для уничтожения последних следов есть бомбы с аэропланов, как в Лондоне, или обыск, как у брата.

В осеннем городе сквозь клодтовских коней, колонны адмиралтейства и петропавловский шпиль узнаю первородное лесное болото, как в «Железе», с гнилой черной землею, «дух» города сливается с сладковатым гнилым запахом ленинградских кладбищ, люди кажутся временами актерами, шагающими как куклы между небытием до рождения и небытием после гроба. А люди… одни и те же жесты, те же слова, и разница между ними и камнями не такая большая. Поэтому смерть совсем не страшна и похожа на укладывание кукол после петрушечного представления.

---

* «Конец мира» (*фр.*); перевод на рус. яз. издавался под названием «Светопреставление».

17 октября, Москва

Бегут, бегут дни. Третий месяц со дня ареста Николая. Вчера хоронили Е.В. Милановского, умер от неудачной аппендицитной операции, лет 48–50. Как это просто и неизбежно и разрешительно для всяких узлов и трагедий.

На свете надо жить твердо, всерьез, веруя в абсолютность эфемерных отношений, договоренностей, условностей между людьми, или самому создавать их. А вот положение стороннего наблюдателя, называющего эфемеры эфемерами, обрывающего все лепестки луковицы в надежде найти несуществующую абсолютную сердцевину – положение несносное и обреченное.

Способность и страсть к обобщениям, к общим формулам, к «философии», у меня появившаяся давным-давно – в детские годы, подорвала многое, а жизнь сделала и для других и для себя очень часто несносной.

14 ноября, Москва

Как однозвучная длинная, длинная нота, ужасная, безысходная тянется все то же. Жить, «изображать» жизнь трудно и мучительно. Исчез и пафос, и самолюбие. Как никогда чувствую себя предметом, объектом, как тумба, стол, в лучшем случае, живое дерево. Такая объективизация, конечно, от многого спасает. Тумбам и столам все равно. В частности, очень низкая самооценка. Вместо самолюбия не самооплевание, а отношение к себе самому как к камню.

Спасти может только увлекающая работа, творчество. Его нет; отупение, мучительное раздирающее созерцание. Для чего пон[а]добилась эта органическая эволюция? Неужели случайно создалось такое разрывающее душу и тело состояние?

Нет, конечно. Выстрел Дмитрия Сергеевича – это притязание на большее, чем положено, чем тебе, право, дано. Сознанию можно верить только до определенной границы.

Москва, 21 ноября

Конференция по атомному ядру. И в зале, и в коридорах Дома Ученых тоскливая выставка и борьба самолюбий. Из этого вырастает наука и техника. «И я, и я», «мое, мое», а в зале завистливый хохот, змеиные улыбки. Но в итоге – наука идет вперед. Так все.

По радио «Валькирия»[1]. Многозначительная, серьезная, задумчивая «мужская» музыка. Минутами серьезно веришь в Брунгильд, Зигмундов, но туман быстро разлетается, и остаешься прежней чуркой.

Людей боюсь, а без людей не могу, и хочется умереть быстро, незаметно, безо всякого следа. Только ночные часы под одеялом – спокойствие, подобие смерти.

Заметил несколько раз: во сне вспоминается то, что видел во сне. В бодром состоянии это не вспоминалось. Странная двойная жизнь. Две памяти.

В эти месяцы, небывало тяжелые и жуткие, как насмешка, начал толстеть, «поправляться» (вероятно, потому, что бросил курить, не курю с того момента, когда сестра отвезла в больницу. Эта последняя папироса проектируется на ее смерть). Не хватало еще этого балагана психофизического антипараллелизма.

Ленинград, 25 ноября

В Science News Letter (21 Sept. 1940) статья Энштейна «Personal God Concept Causes Scien[c]e-religion conflict»*. Верх плоскости и наивности. Неужели мозг так быстро, безнадежно и безотрадно вянет?

Ленинград, 29 ноября

Постепенно подымаюсь до леденящих высот безысходного объективизма. Отсюда все факты начинают казаться такими же, как полет пера из вороньего крыла, поднятого порывом ветра. Никому до этого дела нет, и скучно, и бесцельно.

Москва, 5 декабря

Лейтмотив прежний: леденящий объективизм. Постепенно исчезает самолюбие и эгоизм. Безо всякого удивления безошибочно угадываю и вижу эгоизм окружающих, желание меня «использовать» и к этому эгоизму отношусь совершенно снисходительно как к биологической неизбежности. Прочитываю пятый том Lenotre'a «Vielles maisons, vieux papiers»* и нахожу совсем ту же картину, на которой и воспитывается объективизм и безразличие. Такого состояния никогда еще не испытывал, но в таком состоянии очень легко умирать.

Сегодня купил на Арбате M. Guyau Vers d'un philosoph[e] 1881[1]. Вот строфы из грустных стихов «L'analyse spectrale»[2*]

«Quand il a fui la terre en un essor suprême,
Notre oeil retrouve encore d'autres terres là-haut.
Partout à nos regards la nature est la même:
L'infini ne contient pour nous rien de nouveau.
. . . .
Nous aurions beau sonder la profondeur muette,
Nous envoler au loin dans son obscurité,
Qu'y découvririons-nous? L'univers se répète...
Qu'il est pauvre et stérile en son immensité!

---

* «Понятие (идея) личного Бога ведет к конфликту науки и религии» (*англ.*).

* Ж. Ленотр. «Старые дома, старые бумаги (рукописи, документы)» (*фр.*).

[2*] «Спектральный анализ» (*фр.*).

. . . .
Puisque tout se ressemble et se tient dans l'espace,
Tout se copie aussi, j'en ai peur, dans le temps;
Ce qui passé revient, et ce qui revient passé:
C'est un cercle sans fin que la chaîne des ans»[3*].

19 декабря, Л[енин]гр[ад]

Николин день[1].

Музыка «Пиковой дамы»[2] – у графини, в начале, когда Герман один – вот эта музыка ближе всего передает настроение последних месяцев. Ночью в темноте, когда один, во сне какое-то частичное разрешение.

30 декабря, Л[енин]гр[ад]

Сложная мозаика фактов, мыслей, мимолетных впечатлений.

Приехал из Москвы. Из квартиры Д.С. Рождественского вывозят шкафы, стулья, картины в золоченых рамах – прошло «юридических полгода». Имущество берет Собес. На этих вещах, конечно, отпечаток «души» Д.С. и О.А.[1], хотя Д.С. и не любил вещей, из квартиры ушло последнее. Человека больше нет.

Депутатский прием. И горе, и обман. Элементарное несчастье, настоящие и фальшивые слезы.

В Москве разговор с Комаровым. «Надежда Викторовна говорит[:] одного нет, не будет и тебя»[2]. Какое позорище!

Около часа ночи. В радио меланхолия Шопена, ноктюрны, этюды, погребальные мазурки.

[3*] Когда наш смелый взор расстанется с землею
И к небу, высоко направив свой полет, –
Другие земли он увидит пред собою:
В природе нового нигде он не найдет.
. . . .
В пучинах вечности нам незачем теряться,
Нам нечего искать во мгле ее ночей!
Что там откроем мы? Мир будет повторяться!
Он жалок, – беден он в безбрежности своей.
. . . .
Нет! Мир всегда один; нет случая такого,
Чтоб в мире сотни раз не повторился он:
Что было – будет вновь, что будет – минет снова...
Так в бесконечный круг сомкнулась цепь времен!
(*М. Гюйо. Стихи философа. СПб., 1901, с. 114, 116. Пер. И.И. Тхоржевского*).

Головокружительный том итальянский, Leonardo da Vinci[3]. Какие бездны и глубины в одном человеке. Чем может быть человек.

Странные прозрения. Глаза от мысли становятся рентгеновскими.

До сих пор как будто ничего не понимал, теперь понимаю, спокоен, холоден и вполне готов умереть.

31 дек[абря], Ленинград

Кончается год, который был для меня самым тяжелым до сих пор в жизни. Тяжелым по безысходности, по нелепой безжалостности и по отсутствию сопротивляемости у меня. Развивающийся с каждым месяцем все сильнее «материалистический объективизм» спасает от последнего отчаяния и самоубийства. На будущее начинаю смотреть так же просто, спокойно и хладнокровно, как «смотрит» камень на пыльной дороге, или Луна. Окаменение, окостенение – это результат года и самозащита.

1941

5 января, Ленинград

1) Разница со стадом невелика.

2) Психология моя особенная. Хочется жить, чтобы знать, чтобы узнать ход мира и его смысл. Философский лейтмотив. Остальные все стимулы есть, но не сильные. Кругом лиц с такой психологией очень мало, просто не знаю.

3) Читаю понемногу огромного Леонардо. У него тоже наблюдение и творчество. Было ли остальное? В очень малой степени. Рукописи Л[еонардо] – это дневники и несомненный свидетель отсутствия остального. Но для чего все фиксировалось, записывалось?

4) Знаем мы еще очень мало и не только в деталях, но и в принципиальном. Это не об атомном ядре, а о живом и, прежде всего, о человеке.

Москва, 9 января

«Заседал» в раззолоченых креслах Нескучного Дворца[1] на РИСО. Атмосфера версальских антишамбр*. Науки не бывало. На председательском кресле испуганный рамоли[2*] Комаров.

Ощущение «живого» как заведенных машин все неотвязчивее. Машины с ощущением, с резкой реакцией «удовольствие» и «неудовольствие». Такое восприятие мира, конечно, предельное отчаяние. Дальше опускаться некуда, это – самоотречение.

7-го января читал лекцию «Главные пути современной физики» в Смольном, в Горкоме[2].

Сегодня ехал в купе с П.А. Тюркиным, бывшим Наркомпросом. Как он не похож на наркома (не по виду, а по мыслям, мелок, без горизонта).

В «Правде» сегодня странный фельетон «Марко Нечай», явная история Николая и Лысенко[3]. К чему?

---

* Передняя, прихожая (*фр.*).

[2*] От *фр.* ramoli – немощный, впавший в слабоумие человек.

19 января, Ленинград

Одна за одной обрываются все нити. Родных почти не остается: отец, мать, сестры – на том свете, брат на этом, но лучше ли это? Сомнение в себе, «самокритика». Почти десять лет как непосредственно сам не вижусь в лаборатории – теоретизирование, руководство, статьи, статейки, администрация – не то, не то, экспериментатор оторвался от природы.

Изоляция, боюсь людей. Скольжение глазами по книгам.

В лес, в глубокое кресло, под лампу с абажуром, без общего света.

И все зреет «объективизм», превращение субъектов в объекты. На человека начинаю смотреть как на 70 кило мяса с кур[ь]езом «сознания». Непривычно тяжело и безнадежно.

20 января, Л[енин]гр[ад]

Понемногу выхожу в тираж. Пошел сегодня на военный переучет, в юсуповский дворец на Мойке. Зеркала в раззолоченных рамах, холодные расписные потолки, синие с золотом штофные обои и в окно блистающая морозным снегом Мойка, в которой топили Распутина. В голом виде сижу на юсуповских креслах, чувствуя омерзение к собственным телесам. Врачи, как манекены, щупают, тыкают. В итоге – не годен и снят с учета. 28 лет военной службы (с 1914 г.) в том или ином виде. Помню, как стоял в голом таком же виде в городской думе в июне 1914 г. в Москве. Молодость, прощай по-настоящему. Это снятие с учета первый шаг в вечную дремоту могилы. Грустно и радостно сразу.

Все, все происходящее кажется таким же случайным пустяком, как рой мух на случайно пролитой лужице молока на базаре. Придет дворник с метлой, сметет молоко, исчезнут мухи.

Ленинград, 31 января

Смерть Озе Ибсена, Грига[1] передача по радио. Вспомнил мать и самому хочется – чтобы кто-то рассказал сказку о Святом Петре и так вот домчаться до дверей рая. Незаметно и невозвратно. Слезы и все равно.

Вчера вернулся из Москвы. Две лаборатории [–] там и здесь. И тут и там маленькие самолюбия и их борьба. Очень мало чувства «испытателей природы», «философии», просто одно из возможных ремесел, как игра на бирже, сцена и что угодно другое. Где они, большие ученые, у которых широко открыты глаза на вселенную. Мелкие торгаши, даже те, кому «повезло»,

т.е. удалось сделать хорошее в науке. Сильное и отвратительное впечатление.

Трагедия Николая как непрерывная marcia funebre*.

Ленинград, 5 февраля

Вечер после депутатского приема. Слезы, квартиры «реабилитированные». А завтра – полгода несчастия Николая. Какая бессмыслица и безжалостность. Жизнь – сплошная сутолока около науки, о науке, только о ней одной и вот тюрьма!

У Пахомовых умерла собачонка Топси. Позавидовал этой смерти неразвернувшегося сознания. Сознание как способ в борьбе за существование, как биологический признак вроде когтей и рогов, вдруг вырастает, перерастает все (вплоть до самоубийства – диаметрально противоположного борьбе за существование[)]. Уравновешенное сознание зверей и гипертрофия человеческого сознания! Природа, выскакивающая из самой себя.

Ужасная самокритика и не менее ужасная мизантропия. Жить заставляют какие-то тонкие, как паутинки, надежды.

Москва, 10 февраля

Похоже на правду, что широкое сознание такая же неудача кухни природы, как ихтиозавры и птеродактили, и оно, по-видимому, рано или поздно исчезнет. Но все же удивительно, что такая гипертрофия мозга могла произойти и, следовательно, может существовать несравнимо большая гипертрофия – сознание, обнимающее несравнимо больше и несравнимо иначе.

Л[енин]гр[ад], 18 февраля

Не нахожу места. Мысль и то, что около мысли (все эти догадки, «интуиции», инстинкты и пр.), рвется за человеческие пределы, за биологию, за самого себя. Траги-комическая история о бароне Мюн[х]гаузене, пытающемся вытащить себя самого за косу из болота? Или что-нибудь иное.

Нужна ясность или, по крайней мере, установление пределов возможной ясности прежде, чем придется умирать.

Мысли вырываются, скользят, подходя к самой замечательной задаче сознания.

Переход от неживого к живому, по-видимому, определяется только сознанием. Все остальное, до размножения можно, вероятно, имитировать.

* Похоронный марш (*итал.*).

В любой архи-материалистической системе сознание несомненно, наиболее несомненно, единственно несомненное: «cogito ergo sum»[*], и никак уже: sum ergo cogito.

Но «спектр» сознания чрезвычайно растяжим. От сознания бациллы до сознания настоящего философа расстояние очень велико. Главное есть качественное различие. Сознание как совершенно явное орудие самосохранения, борьбы за существование вдруг превращается в независимое, отрывающееся, стремящееся заглянуть на себя самого независимо ни от какой борьбы. Сознание Аристотеля, Ньютона, Лобачевского.

Пока единственное, мало-мальски на что-то похожее «объяснение» сознания – признание, что оно хотя бы в каких-то необычайно элементарных проявлениях имеется везде и неразделимо свойственно существующему, как энергия и масса.

Мысль материалистов, но которая, пожалуй, может и не довести до материалистического добра.

Это ведь та же мысль Ньютона о вездесущии сознания – божества в каждом элементарном объеме. При такой интерпретации из «элементарных сознаний» рождается сознание организма и, в конце концов, мудреца, весящего килограмм 70. Но также принципиально возможно сознание земного шара, спиральных туманностей, вселенной в целом. Так ли это chi lo sa[2*], но, во всяком случае, основной концепции неразрывной связи сознания с материей это не противоречит.

Это гетевский пантеизм, обоснованный самым современным материализмом.

Что другое? Сознание как что-то внешнее, «вкладываемая душа», но это противоречит всему, прежде всего градации сознания. Возможное другое – реальное бытие сознания и призрачность остального. Но это слишком сложно, надуманно и напутано.

Мыслящая материя, переделывающая себя самое?

В каких пределах возможны эти переделки? По-видимому, в необъятных. Можно создавать бесконечное разнообразие химических соединений, изменять атомные ядра. Создавать новые живые организмы (мутации искусственные, физическая генетика). В конце концов, мыслимо склеивать миры.

Чего же делать нельзя? Разрушать электроны, протоны. Нарушать постоянство h, c и пр.[2] Не уверен и в этом. Может быть, и на этом пути допустимы изменения.

«Естественная история» – история без сознания и до сознания. Мыслимо заменить ее искусственной историей, создавая новые элементы, новые соединения, новые живые организмы, новую биологию, новую химию и, может быть, даже новую физику (или настоящая физика – единственно неизменяемое?)

Сейчас радио – 5-ая симфония[3], и мысль летит неустанно до человека-бога, изменяющего мир по желанию и произволу и самого родившегося в этом мире. Но – Мюнхгаузен и, боюсь, что эта фантазия где-то ошибочна и лопается.

---

[*] «Мыслю, следовательно, существую» (*лат.*)[1].

[2*] Кто его знает (*итал.*).

«О человеческое я, ты нашей мысли обольщенье»[4]. Мыслимо ли сознание без я и возможно ли я, сливающееся с миром. (Гремит 5-ая). И кажется возможным, «Все во мне и я во всем»[5].

Но валишься вниз, где несчастный Николай, где смерть «своих[»], где пошлость, примитив, тюрьм[а].

Что же сознание мудреца. Гипертрофия? Но с чьей точки зрения?

Ясно пока одно, что мир куда сложнее, мудренее, благороднее, чем о нем думают.

А 5-ая гремит.

Л[енин]гр[ад], 21 февраля

Расширяющиеся мысли обо всем, уходящие за пределы всего, мысли, охватывающие все. И знать, что все это построение зависит от концентрации кислорода, белков и пр. В мыслях все это мелочь, но от этой мелочи живет и погибает какая угодно мысль. Колеса ломового размозжили голову Кюри. Сознание грека и римлянина было в mero mens sana in corpore sano*. Дальше, теперь – гипертрофия.

Депутатский прием. Комнаты, комнаты. Людское горе в промокших, провонявших стенах. Горе без работы, горе высланных, но все-таки это горе живое.

Москва, 27 февраля

Юбилей. Год тому назад, примерно об эту пору, в одиннадцатом часу вечера попал в Кремлевскую больницу. Отвезла сестра, Александра Ивановна. И началось что-то совсем новое в жизни.

Больница [–] тюрьма. Весенний снег в Барвихе. Смерть сестры и катастрофа брата.

За это время стал совсем другим человеком. Может быть, тут физиология. Ровно год не курю (это после 25-летнего курения, начиная с 1914 г.). Растолстел, как никогда в жизни, «поправился». А психически совсем наоборот. Никогда не было такого отчаянного холодного пессимизма, пронзительного «рентгеновского» умения прорываться духовным взглядом через внешние оболочки слов, привычек и видение безотрадной, безнадежной основы. Самокритика и самопо[ни]мание, доведенные до отчаянных глубин.

---

* Здоровый дух в здоровом теле (*лат.*).

Ленинград, 9 марта

По-прежнему переживания мухи, попавшей в паутину, расставленную жизнью, путаницей собственного сознания, причудливой игрой обстоятельств, которые кажутся иногда фаталистическими. Пытаешься вырваться, но застреваешь еще больше, как Мюнхенгаузен*, извлекающий себя из болота. Непостижимая «Ungenaugkeit's Relation»[2*]. Сознание растет, ширится за счет вещественных процессов и начинает изменять их (радио, «уран», поезда и пр.). Но от малейшего толчка с их стороны все может полететь прахом, как голова Кюри, раздавленного тяжеловозом, или вся земная культура от хорошего болида, Гитлера или землетрясения.

Вчера вечером «юбилей» Б.Г. Галёркина. Чем больше живешь, тем яснее, что между театральным представлением и их «действительностью» не много разницы. «Короли», «феи», «злодеи», «ангелы» – все условно, все результат добровольного соглашения между участниками. Ну, а что же «безусловно» – вещественные комбинации? Но их тоже можно менять. Можно комбинировать атомы и молекулы в «бронзовую медаль с портретом», в «вазу с портретом юбиляра» и т.д. Можно даже разложить ядра, превратить часть электронов в фотоны. Где же «безусловное»? «*h*», «*c*», законы сохранения и пр.? Что-то сомнительно.

И так вот Николай [из] «привилегиро[ва]нной системы отсчета»! Перескакивает с одной системы отсчета на другую – все равноправны, но все условны и театральны.

В этом и есть та страшная паутина, в которой завязаешь на каждом шагу.

Гипертрофия сознания – состояние ужасное и во что бы то ни стало надо превращаться в нормального актера, вполне уверовавшего в свою роль.

Ленинград, 16 марта

Вернулся из Москвы со страшной подавленностью и тяжестью сознания. Собственно нового большего ничего не случилось, но бесконечные мелочи людских отношений (травля Лёвшина в Физ[ическом] И-те в Москве, «Христосик» – Иоффе, обиженные премиями, диапазон научных оценок) с неизбежностью вырастают в отчаяние, в просвечивание безразличного, деревянного, холодного костяка во всем. Не хочется двигаться и от такой нирваны не далеко до смерти.

Никогда не думал, что так можно оторваться от жизни. Смотрю очень часто на происходящее как посетитель зоологического сада на происходящее в клетках. На самом деле и я обитатель одной из клеток.

---

* Так у Вавилова.

[2*] Соотношение неопределенностей (*нем.*).

Очень хорошо понимаю, что разные внешние приманки и факты, затрагивающие меня, могли бы вырвать из этого ужаса. Но ничего нет.

Ленинград, 17 марта

Один вполне искренний голос: строгая музыка. «Шестая» Чайковского, «Пятая» Бетховена, Бах, Шопен. Искреннее всего, глубже всего, роднее всего. И конечно, pro captu* слушателя. Объективно: колебание струн, иногда препаршивая личность пианиста и никакого соответствия между тем, что слушатель чувствует, и тем, что думает этот пианист. Внешние акустические импульсы как-то влияют на структуру человеческую, что в итоге возникает самое глубокое.

Ленинград, 20 марта

Оглядываюсь на уютный шкаф красного дерева в столовой с философско-историческими старыми и новыми книгами на фоне синей стены с перспективой Невского над ней и становится жалко жизни, Übermensch* сменяется антикваром. Так вот и скачут точки зрения, желания, взгляды, настроение и всему этому грош цена.

Вырваться из такой Ungenaugkeit's Relation, по-видимому, никак нельзя. Не ухватишься ни за какой абсолютный крючок.

Старики умирают, Тищенко, Курнаков. И без конца цинизм в этих смертях.

Ленинград, 23 марта

Знаменитые мартовские иды. Все рождения и смерти в семье в эти сроки. А в голове помимо того сплошной похоронный марш. Прострация, паралич и безнадежность. Готов ко всему и, прежде всего, к собственной аннигиляции.

А на самом деле следовало бы все это сбросить и жить по-настоящему до конца. Так было бы лучше и для других и для себя. Но силы и воли нет.

Поддерживает стройность, широта и уютная старинность петербургских просторов, висящие перед глазами акварели Венеции и Рима, охота за книжками, кой-какие скудные научные мысли, да семья.

Москва, 27 марта

За эти дни было жалкое подобие «юбилея». Письмо президиума на квартиру – украдкой. Поздравления в Институте за закрытыми дверями и пр.

Во всяком случае, несомненно, что полвека я на Земле прожил. В сущности все ясно. Во-первых, выше себя не прыгнешь. Во-вторых, мир людей отвратителен.

---

* С точки зрения (*лат.*).

* Сверхчеловек (*нем.*).

Сегодня на Общем Собрании Академии отчет за 1940 г. Жалкий фальшивый лепет и нельзя понять, в каком же состоянии наука, в хорошем или плохом – настолько каждое слово фальшиво.

Полная оторванность здесь в Москве. Позвонил Весниным[1]. Видимо, все и всё им наскучило и рады поскорее отвязаться. У Олега голова Бог знает чем занята, у Тани Ипатьевой тоже – одна механическая генетика. Только там в Питере Олюшка да сын. Это и все, что осталось. Остальное чужое, холодное, расчетливое, корыстное.

<u>30 марта, Москва</u>

Воскресенье. Солнце и мороз. С крыш капает и на косорылых московских улицах впечатление грязи и сала, блистающих под солнцем. Бродил по книжным лавкам в Камергерском пер[еулке] на Петровке, присматривался к московским улицам и людям. В лавках купил «Переписку Блока и Белого» и статьи В. Иванова. Для душевного следопыта – sat*.

А Москва на солнце и без снега по-прежнему пор[а]жает своей корявостью, неопрятностью, отсутствием всякой стройности и закона. И главное в этой корявости какая-то препротивная мелкота, некультурность, мещанство, отсутствие «большого стиля». Люди, по сравнению с Питером, более «разбитные», наглые, сытые и веселые. Питер, ведь, явно город меланхолический и задумчивый.

Из таких замечаний ничего не выжмешь. Так есть, а почему и хорошо ли это или плохо – не скажешь.

<u>Москва, 1 апреля</u>

Сессия Верх[овного] Совета Р.С.Ф.С.Р. Справочник Академии Наук на 1941 без Николая. Завтра именины мамы, сестры, мои, смерть сестры. Чувство собственного бессилия, как перед нависшей громадной скалой. Хотя бы все это поскорее рухнуло и придавило.

<u>Москва, 2 апреля</u>

Пятидесятые именины. Был на кладбище. Из тайников памяти все опять выглянуло наружу. Больше 40 лет хожу по этим печальным гнилым дорогам кладбища. Вспоминаю похороны бабушки Домны. Поминки с кутьей и медом в доме около кладбища, потом грустнейшие похороны Илюши. Гиацинты, запах которых навсегда связался с его смертью. Фотографическая лавочка у Заставы. Покупал бумагу и пластинки, чтобы проявить и отпечатать снимки Илюши в гробу. Похороны Баумана[1]. Потом мама, потом сестра. Прошлогодний разговор с Николаем, кому из нас кого раньше хоронить придется. На кладбище все одряхлевшее, разваливающееся, но наиболее резко напоминающее старую Россию. Дряхлый грязный поп, седой, ищет, кто бы взял отслужить панихиду. Старые памятники. Только здесь свои и остались. Вечером была молодежь [–] Олег, Татьяна – каменные, ничего не понимаю-

---

* Довольно (*лат.*).

щие. И захотелось скорее навсегда перейти в это тепло[-]холод «своих» на кладбище. Мистицизма никакого, но грусть смерти такая тихая и успокаивающая.

Так вот и праздновал тройственные именины.

Москва, 3 апреля

Тяжелое, нервное состояние. Могу взорваться и наделать глупости на каждом шагу. Пошел вечером в «Первое кино» посмотреть цветную «Майскую ночь»[1]. Жалостная бездарность. На экран[е] нет света, отвратительный цвет, нестерпимый звук и невыносимая пошлость, похожая на Гоголя, как обертка карамели похожа на Джоконду. В зале кругом и сзади радостное гоготание, нравится, «дошло». Сзади кто-то задыхающимся голосом поясняет своей даме все перипетии Левко, Головы, панночки. На каждом шагу модное словечко «обратно» (вместо «опять»). «Чудеса» вызывают общий хохот и гиканье. А в голове вчерашнее Ваганьково кладбище с седым клочкастым трясущимся попиком, которому самому не сегодня-завтра суждено умереть. А в голове странная переписка Блока и Белого. Ведь это были талантливейшие умнейшие люди времени. Откуда взялся этот мистический язык, на который теперь, через 25–30 лет, все могут смотреть только как на глупость, невежество или мистификацию? Люди, большинство, среда, «социальный фактор» определяет и мысль и «мировоззрение».

«Odi profanum vulgus»* и «мы мудрецы и поэты»[2] – неосуществимые.

4 апреля, Москва

Из мыслей на заседании. Робинзон на необитаемом острове без Пятницы должен был затратить все усилия, чтобы вернуться к людям, иначе ему оставалось бы самоубийство. Дальше Евгений из «Медного Всадника» с бессильной угрозой «Добро Строитель Чудотворный – ужо тебе». Т.е. жить надо «на людях», для людей, для «человечества» и вся задача в установлении резонанса между «своим», между «душой», стремлениями etc. и общим.

Сидя на депутатском стуле, чувствую эти десятки миллионов человеческих жизней, создающих что-то совсем, совсем новое. Эти десятки миллионов на глазах вырастают, одеваются культурой и великая загадочная «эволюция» человека становится ясно слышной. Нужна настоящая бе[т]ховенская музыка для этого процесса, а не дунайская свистулька.

6 апреля, Ленинград

История о воробье, раздавленном грузовиком. Катится страшная махина истории. Гитлер полез на сербов и греков. Того гляди последует война U.S.A. с Германией, за ней Япония etc. А отсюда это смотрится и слушается как кино и увес[е]лительное радио. Повернул ручку: дурацкий немецкий марш, повернул еще [–] речь Риббентропа о начавшейся войн[е], повернул еще –

---

* Презираю и прочь гоню невежественную (*лат.*) (Гораций. «Оды», III, I, 1–4).

Шопен. И все одинаково. Это – воробей, летающий около грузовика. Но вот тот же воробей под машиной и весь мир для воробьиного сознания рушится, трескается, исчезает. А, в конце концов, совершенно несомненно, что с точки зрения кого-то или чего-то цена этому воробью и его сознанию грош. Погибает один, родится десяток. Воробьиное племя в целом для чего-то нужно, развивается, играет роль в «борьбе за существование», какой-то шпынь в эволюционной машине.

Для преодоления ужаса и противоречия воробьиного сознания и машинной безучастности необходимо, чтобы воробей понял свою эволюционную роль и преодолел свое обиженное сознание.

Но сама эта «эволюция» может окончиться подобно воробью. Фламмарионовские кометы, бол[и]ды etc. А тогда? Апелляция к следующей инстанции и т.д.?

13 апреля, Ленинград

Все больше убеждаюсь в огромном нашем невежестве в области биологических и социальных явлений. Несомненна только математика, физика и техника. История – ничуть не лучше исторических романов. Биология – один мистический гипноз естественного отбора что стоит! Социальные знания во времена Гитлера становятся сказками старой няни.

Сумеют люди построить настоящую науку? Но ведь это заколдованный круг. Понять все это, по-видимому, значит уничтожиться.

Проще всего жить не философствуя, лучше всего это выходит у женщин. А, стало быть, мужчинам в силу какой-то биологической необходимости надо философствовать и отрешиться, понять бытие.

Ленинград, 15 апреля

Материализм без материальных побуждений и движений. Это – почти самоубийство.

Перелистывал биографию Д.С. [Рождественского.] Когда все кончено, с горы вниз видно, что вся такая жизнь была направлена на подъем рода человеческого. Это было идеальное звено общественной машины. А это так плохо понимали.

Из кучи протонов, нейтронов и электронов склеены и Д.С., и я, стол и куча грязного тающего снега. Во всем этом какая-то страшная неправда.

Ужас судьбы Николая висит как зловещее страшное облако надо всем.

Ленинград, 16 апреля

Сознание доходит до саморазложения и нужен какой-то опиум для возвращения его на нормальный уровень «житейских интересов», для которых сознание, очевидно, биологически и развилось.

Многие ли это сознают? Об этом никогда не говорят и никогда не пишут. Потому что дискуссия этого – конец всему.

Ленинград, 20 апреля

Вернулся сегодня из Москвы, был там три дня. Прежний мрак.

Старость и смерть нужны уже потому, что все равно развивающееся сознание одного человека привело бы, вероятно, к смерти.

Мне с каждым днем становится все яснее и понятнее и кажется вот-вот мир будет постигнут во всей его неприглядности. Этого «вот-вот» не случается, в последнюю минут[у] соскальзываешь и ловишь себя на обычных обывательских интересах. Но все же пробыть в состоянии «пятидесятилетнего» лет пятьдесят без помех – обозначало бы, вероятно, такое постижение мира, которое неизбежно стало бы самоотрицанием.

Перенос знаний и выводов о мире и обо все[м] от одного к другому и в особенности от старого к молодому очень несовершенен. Самое глубокое и основное, по-видимому, не передашь ни в словах, ни в формулах: «Другому как понять тебя»[1]. Вот эта невозможность и спасает человечество от самоуничтожения. Гибнут люди, а не человечество. А от человека к человеку, повидимому, могут передаваться только «биологически полезные» знания.

Куда лучше у женщин. Среди женщин самоубийцы – редкость. βίωσ[*] побеждает.

Сознание вращается в определенных рамках. У зверей еще ограниченнее, еще проще – а потому жизнь так проста и естественна.

Ленинград, 28 апреля

Память. В ней одной необходимое условие сознания. Как осуществляется память – полная загадка. Разбирал книги – попался Moeller van den Broech. Die italienische Schönheit[*]. С этой толстой книгой переходил через Альпы итальянскую границу в 1912 г. Она при всей ее нелепости определила всю дальнейшую итальянскую философию. Или вот вышитая польская лента[2*] – Кельцы начала 1915 г. Война. Жизнь связывается памятью. Вместо разорванных мгновений настоящего цепь событий, фатум, история.

Ленинград, 29 апреля

Как плесень на березе. Кругом несчастья. У Гребенщиковых умирает сын, Л.А. Пантелли заболела дифтеритом, у Максутова семейный раз-

---

[*] Жизнь (*греч.*).

[*] Итальянская красота (*нем.*).

[2*] У Вавилова «ленты».

вал. Не говорю уже о себе. И вот из этой плесени, подвергнутой всем напастям самой нелепой статистики, должна рождаться мировая эволюция: «Seid umschlungen Millionen»*. Чувствовать себя каждую минуту элементом статистики – страшная гадость и вместо гармонии кажешься себе да, вероятно, и другим ненужной случайной плесенью на дереве.

Но и само дерево того гляди срубят, устроят из него березовые дрова и сожгут. И так дальше, потому что и лес, в котором росла береза, «по случаю» превратят в пашню или стройплощадку. Наконец, сама матушка-Земля вместе с плесенью, березой, лесом и прочим имеет шансы развалиться от какого-нибудь столкновения с кометой.

От человека слишком многое требуется: глубокое сознание при полном ощущении своей «статистичности». Трагедия неизбеж[н]а, отсюда все Шекспиры. Природе следовало бы разыгрывать эволюционные представления без привлечения сознания.

<u>Ленинград, 5 мая</u>

Люди, по-видимому, до сих пор не поняли самого главного о мире и о себе самих. Три мировоззрения: примитивный материализм, религиозная схема, полностью проектирующая человеческие отношения на вселенную, и скептический агностицизм, отказ думать о мире, приводящий либо к безудержному опусканию на дно, либо к самоубийству. Другого, в сущности, не было, много только претензий и ярлыков других.

Но как же выпрыгнуть из этого непонимания? Или попытки выпрыгнуть все равно что ст[р]емление прыгнуть выше самого себя?

А пока что безнадежная тоска, опускающиеся руки, трагическая судьба Николая, ни минуты не выходящая из головы и парализующая все.

Мировая трагедия «Neue Ordnung»*.

Гитлериада где-то на заднем плане и кажется иной раз пустяком.

<u>Москва, 8 мая</u>

На душе нехорошо. Предчувствия и предугадывания самые грустные. На дворе холод, снег. В физическом Институте рассказы об очередной свистопляске Тимирязева с шайкой, вероятно, почуявших падаль[1].

* «Обнимитесь, миллионы» (*нем.*); начало «Оды к радости» Шиллера (звучит в финале 9-й симфонии Бетховена).

* «Новый порядок» (*нем.*).

Ленинград, 12 мая

Чтобы не забыть. В Москве 10 мая на заседании Высш[ей] Аттест[ационной] Комиссии разбиралось дело о каком-то ботанике, поляке из Львова об утверждении его профессором и доктором. Секретарша читает... тогда-то получена степень доктора философии. Хриплый, гнусный голос светила «Какой такой философии... ботаник». Разъясняют, что такое «доктор философии». Недоумение светила продолжается. Хрип «философии, философии, а может быть идеалистической философии». Sapienti sat*. Это к истории науки.

За себя страшно. Длинная, самая пестрая мозаика дел, дел, дел, небрежно, на ходу делаемых, отзывы о рукописях, диссертациях, советы по работам, филантропия депутатская и не депутатская. Некогда остановиться. Усталость, себя самого не видно. Полная неудовлетворенность.

17 мая, Ленинград

Понимаю полную неразгаданность жизни, понимаю, что моя физика за нее и не цепляется. А остальное так мелко и не интересно. Для этого остального надо спуститься на несколько биологических ступеней ниже.

А вместе с тем хотелось бы тихой, покойной жизни с раздумьем, писанием, лабораторией по силам (вот то, что было у Ньютона).

Вырваться от телефонных звонков, невыносимых разговоров, зрелища самолюбий и всего прочего.

18 мая, Ленинград

Слова Репина на вопрос «Что такое счастье?» «Довольство жизнью, блаженное настроение. Оно приобретается только полезным трудом на миру – "на миру и смерть красна". Не может быть счастья у эгоиста, у разбойника, у вора; не может быть счастлив ницшеанец, ... так как их самоуспокоение только толстая "полуда"[1] своей совести» («Жизнь для всех[»] 1914, №1, стр. 94).

Хочется в гроб.

Был у А.Н. Крылова по поводу издания переводов Гаусса. Были Идельсон, Каврайский, Субботин. Плоская полированная математизированная механика и астрономия. Как мало на свете людей, с которыми можно разговаривать по-настоящему, так, чтобы тебя понимали и тебе не приходилось упрощать и популяризировать.

28 мая, Москва

Все время стоит необычайно холодная погода. Не только лета, даже весны не видно. Сижу, завернувшись в драповое пальто Николая, сиротливо его здесь дожидающееся.

---

* Для понимающего достаточно (*лат.*).

Сессия Академии. «Борода» – Шмидт самый чувствительный и безинерционный флюгер и термометр, моментально реагирующий на московские флюиды, показывает в отношении ко мне, насколько могу судить, явную непогоду.

30 мая, Москва

Читал на Общем Собрании доклад «Люминесцентные источники света» с демонстрациями и написанный как популярная лекция.

Об уровне почтенного собрания можно судить по вопросам. Акад. Шенфер (электротехник!) спросил, не влияет ли наличие ультрафиолетовых лучей на окраску видимого света!!! Пришлось напомнить Ньютона.

Акад. Авербах (известный врач-окулист!) спросил, а не будет ли опасным для глаз белый свет, возникший из ультрафиолетовых лучей, не сохранит ли он в себе злостных качеств у.ф.?!! Пришлось успокоить. А что же говорить о прочих, имен которых не называю.

Редакция «Правды» пожелала печатать доклад, но потом, очевидно, спохватившись, отказалась от этого намерения[1].

Догадываюсь, что дела Николая неважные.

4 июня, Москва

Никогда у меня не были сильны жизненные позывы. Сейчас они почти атрофировались, остался quantum satis* самолюбия – а остальное почти объективное созерцание. Смотрю вроде бога на другой день после творения. Многое понимаю, многое не понимаю.

Земля с жизнью, с людьми кажется такой же ничего не значащей случайностью, как рассыпанный сахар, на который слетелись мухи. Кто-нибудь сметет веником, не останется ни сахара, ни мух. И такой кажется вся «история», Гитлеры, не говоря уже о людях, об Иван Ивановичах.

А вместе с тем совсем не ясно, почему вся галактика важнее и интереснее этого рассыпаного сахара с мухами. И галактика эта, по-видимому, такая же случайность.

Кровавый балаган, разыгрывающийся сейчас над миром, с самолетами, заготовленными за 7 лет, и танками, больше чем что-либо другое убеждает в случайности бытия. Как неожиданные холода и морозы теперешней весны и лета.

Если нет болезненных ощущений, то жить даже интересно, вернее, смотреть интересно и слушать вроде «Дон Жуана» Моцарта. Но и только, не больше не меньше.

Либо есть что-то совсем неоткрытое и замкнутое от нас. Но от него никаких признаков и следов.

---

* Достаточное количествоо (*лат.*).

Если бы время сейчас и тихий покой, мог бы написать моего «Леонардо» – т.е. мысли о жизни и вселенной, который подвел бы, вероятно, итоги почти всему, что можно и что известно.

Ленинград, 12 июня

За немногими строчками записей факты бесчисленные и разнообразные, неустанная работа и усталость. А все кажется преходящим случайным пустячком, как налетевшее облако, или пролитое молоко с мухами. Рождения, смерти, споры, ссоры, холодная погода, гитлериада с Критом и Сирией[1] – всего этого могло бы и не быть. Никчемные флуктуации бытия.

А что же остается? Не очень знаю. Вернее, просто не знаю. Солнечная система. Тоже случайная флуктуация. Может быть, то же самое и вся галактика u.s.w.* И все и вся слепая случайная флуктуационная игра.

Наверное, это не так. А что не так [–] никто не отгадал. Разговоры и философствования об эволюции (включая и дарвинизм) [–] только слова. Вместо эволюции пока только увеличение энтропии, просто и однозначно изо всего вытекающее и охватывающее всякие флуктуации.

Всамделишняя эволюция, ее механика и смысл, а затем сознание – все даже и не затронуто, и на этих путях будущее естествознание, вероятно, более радостное, чем теперешнее.

Со времени смерти мамы, сестры, ареста Николая и стукнувших 50 лет вполне ясно почувствовал старость, понял, что осталось немного. И вот, несмотря на весь ужас, чувство, что «многое осталось сделать».

Ленинград, 15 июня

Воскресенье. Вернулся из Москвы. Все настойчивее мысль о том, что все попытки прорваться сознанием через шаблон, через скорлупу условностей и трафарета – напрасные и похожи на самовытаскивание барона Мюнхгаузена из болота.

В этом, в частности, убеждает вот что: если взять за 2000–3000 лет сознательного существования человечества, общие мысли самых умных, общие и Эмпедоклу и Ньютону и Эйнштейну – эти мысли оказываются плоскими, примитивными и «внутрискорлупными». Очень важно было бы просто заняться сопоставлением этих «общих мыслей» самых глубоких и отвлеченных умов.

Меняется обстановка, среда, человек воспитывается, изменяется, и мысли его изменяются. Сознание даже самое философское определяется бытием. Теперешний даже самый средний студент без труда преодолевает философию Галилея и Ньютона и возвышается над ней.

Война 1914–1918 гг. выпестовала усилительные лампы, а на них выросло учение об атомном ядре, вся рафинированная сегодняшняя физическая философия. Так из грубости пушек вырастают finesse'ы* мысли, превращающиеся в свою очередь в грубость пушек и самолетных конструкций.

---

* Сокр. от und so weise – и так далее (*нем.*).

* Тонкость, проницательность, острота ума (*фр.*).

Стенка, скорлупа расширяется, но не мыслью, а durch Tat[2*].

Опять эволюция, и человеку надо долго ждать и развиваться прежде чем он до многого догадается о том, [от] чего теперь он мучится.

Одним словом, «смирись, гордый человек»[1] и «бытие определяет сознание»[2]. Сама по себе мысль не многое может.

<u>22 июня. Л[енин]гр[ад]</u>

Гитлер начал войну с нами.

<u>29 июня. Л[енин]гр[ад]</u>

Прошла неделя. Опять воскресенье. Вчера я вернулся из Москвы, а сейчас ходил по ленинградским антикварным книжным лавкам. Я хорошо помню июль 1914 г. в Москве, а потому очень поражен. Если бы мне не сказали, что началась страшная война, если бы в Москве и в Ленинграде окна не были заклеены бумажками от бомб, я никак не догадался бы о происходящем. Люди идут не торопясь, в магазинах обычная «мирная» картина без всякой толкучки. Что это? Выражение очевидной уверенности в том, что все кончится хорошо? Дисциплина? Такое спокойствие народа поражает больше всего.

А по городу вдалеке слышны пушечные выстрелы.

На железной дороге полный порядок, на станциях продают все, что продавали месяц назад. Мобилизованных не отличишь сразу от других пассажиров. Только время поездов затянулось. Туда 17 ч[асов] вместо 12, оттуда 21 вместо 12.

В силу народную верю. В такие дни проще и легче быть на фронте и там в случае нужды умереть, несмотря на все нерешенное.

<u>Л[енин]гр[ад], 3 июля</u>

Широта и загадочная бледность белоночного города. Шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости, на которых отражается медленный розовый закат. Ритмы растрелливских на Зимнем. Мягкая сырость и прохлада широчайшей Невы. Похожая на Пестумские храмы биржа, с которой из-за возможности зажигательных бомб содрали леса. Ободранная, но величественная.

Ростральные колонны с ползающими по ним мальчишками из ремесленного училища. Петербургские силуэты этих колонн на фоне зари, Петр в лесах и обложенный мешками [с песком] от бомб.

В Архиве Академии прячут и укладывают рукописи Кеплера, Эйлера, Ломоносова.

Живет старый город своей особой душой, на его фоне разыгрывается великая историческая трагедия.

Вот так кажется человеку и ленинградцу. А sub specie aeternitatis?[*]

[2*] Через поступок (*нем.*).

[*] С точки зрения вечности (*лат.*).

<u>Л[енин]гр[ад]. 6 июля</u>

Сегодня две недели начала войны и 11 месяцев Николаевой драмы. Опять воскресенье, опять ходил по пустым книжным лавкам. Город застыл, ископанный блиндажами со снятыми лесами с Зимнего, Штаба, Биржи, где производился ремонт. Идут без шапок добровольцы. Жители медленно движутся.

Оцепенение, недоумение. Стреляют по одиночкам, залетающим разведчикам.

Военные вести пока невеселые, бои под Островом.

<u>Л[енин]гр[ад]. 7 июля</u>

The time is out of joints*. Распадаются самые прочные связи. Эвакуируют детей. Дети уходят добровольцами. Был в Эрмитаже у Орбели. Рассказ о том, как заколачивали ночью со слезами мадонну Литту и проч[ие]. Удары молотков, словно на похоронах. Дни жаркие, не работа, а только желание работать, распадается все.

Вечером опять прогулка по Тучковой набережной, по скверу около биржи с невскими широтами, облезшими дворцами. Менделеевская линия заполнена матерями, заглядывающими через решетку сада в университетские окна, где сидят их дети-добровольцы.

За день четыре «[воздушные] тревоги». Мысль парализована и почти не движется.

Сколько страшных событий на этих страницах!

<u>Л[енин]гр[ад]. 14 июля</u>

Сегодня в 3-ем часу утра добрался домой из Москвы.

Нелегкое это дело. Поезд шел 25 часов, жара нестерпимая, в купе не меньше 32°. За весь день еле удалось достать стакан теплой воды. Нагрузка вагона 4-кратная. По дороге всюду следы немецкого авиационного разбоя, мелкие воронки, упавший немецкий аэроплан и пр. Приехал во 2-ом часу ночи вместо 8 вечера. С ночным пропуском шагал по пустынному все еще белоночному Невскому и Набережной. Разведенный Дворцовый мост.

Страшная жажда, усталость, разбитость.

У Гребенщикова умер Сережа. Так ясна вся статистичность жизни. Все случайно. Случайные благополучия и несчастья. Все статистические флуктуации – все только «вероятно».

Собираемся уезжать из города с Институтом, бросать установившу[ю]ся жизнь. Страшно, грустно и нестерпимо горько.

<u>Л[енин]гр[ад]. 18 июля</u>

Ощущение закапываемого живым в могилу. Разор, разборка Института, отъезд в казанские леса[1] не известно на что, бросание квартиры с книгами –

---

* Время свихнулось, распалась связь времен – слова Гамлета (*англ.*).

в молодости это показалось бы только неприятной авантюрой. Сейчас это почти самопогребение.

Л[енин]гр[ад], 20 июля

Ощущение совершенно разорванной жизни. В И-те заколоченные ящики, которые отвозят на вокзал. Впереди странные перспективы казанских лесов. Чувство горечи, беспомощности, бесперспективности и разорванности всех связей.

Сегодня воскресенье – четвертое после гитлеровского 22-го. По инерции побрел на Литейный. Книжные лавки пусты, как могилы. Попал в «тревогу», которая длилась 1 ½ часа. Сидел под лестницей чьего-то дома на Невском, пытался читать только что купленного Gaboriau. Сидящий рядом еврей, по-видимому, заподозрил во мне «парашютиста», задал несколько вопросов о моих знаниях языков, а потом ядовито отметил особенности моего произношения. Я ему сообщил, что являюсь коренным москвичом. Под лестницей во время тревоги толстая тетка бойко торговала мороженым.

Но все это мелко и всколь[зь]. Моя жизнь разрушена.

Казань, 9 августа

Десять дней волочения из Северной Пальмиры в вонючую грязную Казань. Через Ярославль, Рыбинск, Муром. Сначала ж.д. пути, усеянные немецкими злобными и систематическими воронками, кой-где разбитыми составами, затем грязные, забитые поездами станции вроде Мурома, где стояли 1 ½ суток, погрязая в помойной яме не чистящихся путей и собственного навоза. Ехали по-барски в академическом эшелоне, в мягком вагоне. Каждый день часа по три в купе приходил старик Крылов А.Н. и рассказывал со вкусом и умением про старое и бывалое, про министров, Гос[ударственную] Думу и пр.

В пути исполнилась годовщина исчезновения Николая.

О войне ничего толком не знаем. Завтра собираюсь в Йошкар-Олу. До чего еще убога Россия!

Виктор остался в Питере. А здесь неевклидова геометрия на почве казанской грязи и пыли. Может быть, потому она здесь и появилась как реакция этой гнили, как торжество духа[1].

А питерская стройность, невские широты и перспективы и белые ночи далеко позади.

Ощущение нескладёхи, случайности, флуктуационности, ненужности сильнее, чем когда-либо, не за что зацепиться.

Казань, 16 августа

Приехал сюда два дня тому назад из Йошкар-Олы, т.е. Царевококшайска. Йошкар-Ола, если бы в ней не было понаехавших эвакуантов, была бы настоящей берендеевкой[1]. Марийцы (марь?)* в лапотках, в белых чистеньких

---

* Так у Вавилова.

паневах, какие-то монахини, мужики, как с билибинских картинок. Начальство местное (Совнарком и прочие), видимо, много старались. Есть и большие дома и гостиницы, все это в зелени, все покрашено белой краской. Народ простой, безобидный, добрый и в меру вежливый.

Нахлынувшие «гости», конечно, скоро эту берендеевку изомнут и уничтожат. Начальству приходится буквально заниматься харакири, уничтожая школы, больницы, музеи и отдавая их наехавшим. Картина ужасающего роста энтропии.

Оптический Институт с Чехматаевым в качестве командора разбирает ящики, которые два дня мокли на дожде. Голова почти не работает. Живем казармой в гостинице. Полное, безвыходное taedium vitae[2*]. Знакомые люди кругом, как каменные столбы и статуи с их трафаретными мыслями, фразами, остротами.

В Казани Шмидт со своей бородой и обтекаемыми фразами. Академическое холуйство, придво[р]ный тон, лауреатские дипломы в качестве основного имущества. Нигде подлинного научного восторга, энтузиазма и сумасшествия. Чиновничество от науки.

На фронте, по-видимому, положение очень тяжелое.

О Николае сведений никаких, и все становится мрачнее и страшнее и «одно на целом свете верно то, что сердце сердцу говорит в немом привете»[2]. Помимо Олюшки ничего больше не осталось. Готов рухнуть в любую бездну.

Йошкар-Ола, 24 августа

Живу здесь две недели. Переселились на квартиру «урам[*] Волкова 91», две крохотные ком[н]аты, окна по колена, свиньи в стекла заглядывают, купили на тысячу рублей в здешнем Универмаге стандартной мебели, которая сейчас по лицу земли родной стоит всюду одна и та же, некрасивая, косолапая, с нелезущими ящиками, отвратительным «модерном» будто бы украшений; расставили жалкие остатки ленинградских благ, привезенные сюда, и начинаем vita nuova[2*].

Сегодня опять вернулся из Казани, где пробыл 1 ½ дня. Там – козни, Вул de facto желает директорствовать. В результате стоны и опасность серьезного распада в Институте. Оптический Институт еще устанавливается, будущее совсем не ясно.

От Йошкар-Олы сохраняется впечатление берендеевки, примитивной, наивной, переходящей и сливающейся с лесами, в которых живут медведи, филины и рыси.

О фронте и войне мало что известно, чувствуется только тревога.

У меня слабость, апатия, отсутствие мыслей и перспективы и судьба Николая, да всей нашей семьи вообще и больше [–] людей и мира, из головы не выходят.

[2*] Отвращение к жизни (*лат.*).

[*] Улица (*марийск.*).

[2*] Новая жизнь (*ит.*).

Й[ошкар-]О[ла], 29 авг[уста]

Тяжело невыносимо. Во сне видел Николая, исхудавшего, с рубцами запекшейся крови. Голова бездейственна. Чувствую страшный отрыв. Случайность, вздорность, ненужность, ошибочность бытия.

Й[ошкар-]О[ла], 30 августа

Первый раз за последний месяц по радио слышна настоящая музыка – Моцарт [–] и сразу обретается человеческое достоинство.

Сегодня, кажется, два года как была нажата кнопка мировой катастрофы.

Мысль об эволюции мира – единственное абсолютное, за что еще можно держаться сознанию. Остальное все рассыпается в прах, случайно и не нужно.

Й[ошкар-]О[ла], 7 сентября

Царёвококшайская пастораль продолжается. Вчера опять вернулся из Казани, в которой пробыл три дня. Если бы уметь эпически спокойно излагать все виденное и слышанное, получились бы записи немаловажные для будущего историка. Но, во-первых, не умею я это делать, а, во-вторых, слишком уж ясно я представляю себе этих «будущих историков», судя по настоящим, вот вроде академика Тарле, выворачивающих* на все возможные манеры в зависимости от показаний барометра и термометра.

О том, что происходит на фронте, известно мало. В течение целой недели стереотипная фраз[а] «бои на всем фронте». Из Лгр. в Казань приехал Иоффе, Семенов и пр. со всеми «Бусями Гольдманами». Нелепые старания Вула и прочих милитаризовать каждое движение физиков. Выходит из этого мало толку и вспоминается злополучная «борьба на оборону против воинской повинности» во время прошлой войны. Посещение военного госпиталя, разговоры с раненым кап[итаном] Алексеевым, танкистом, в почтенном обществе Чудакова и Рамзина. Рассказы совсем невеселые. Танки наши хорошие, пехота хорошая, слабо с авиацией, отсутствие согласованности в действиях, а в итоге немецкие удачи. Какие-то неясные вести о Николае, о том, что он попал в Самару.

Вонючая Казань, концентрация физиков такая, что склоки, сплетни и драки неизбежны. Кавардак на вокзале при отъезде из Казани. Здесь сегодня воскресник, прокладка кабеля.

О самом себе: душевная опустошенность, апатия, усталость, бессилие, мало читаю, мало пишу, мало думаю, мало работаю. Зато яснее, чем когда-нибудь, механичность жизни, ее автоматическая сторона и флук[ту]ационность, случайность, ненужность.

---

* У Вавилова – выворащивающих.

Йошкар-Ола, 16 сентября

Мрачная безотрадность. Руки писать не подымаются. Причины и во вне и в себе самом. Резкий диссона[н]с грозных событий на фронте и фальшивой пошлятины, от которой тошнит и никуда не спрятаться, а вместе с тем постепенное собственное одервенение, улетучивается спасавшее творчество, остается пассивное, холодящее и умертвляющее созерцание.

Быть движущимся камнем совсем не хочется. Если бы под руками был яд, возможно, давно бы не стало на свете.

Йошкар-Ола, 19 сентября

Мрачные новости о Николае. Немцы около самого Киева. Холодный, осенний дождь и царевококшайская глиняная грязь.

Silentium*. И сил нет, никаких следов творческого напряжения, поддерживавшего в жизни.

Йошкар-Ола, 22 сент[ября]

Заболел, температура, бронхоэктазы, нарыв на ноге, сижу дома вместо Казани. Взят Киев. Странное молчание из Ленинграда. Очень тяжело. Самый настоящий и безысходный пессимизм. Никакой надежды на себя, на творческий расцвет. Ненужность, случайность. Холодная дождливая погода. О Николае вестей дальнейших нет. С какой бы радостью незаметно «асимптотически» сошел на нет – умер.

Последовательные удары: смерть мамы, собственная болезнь, смерть Ал[ександры] Ив[ановны], война, арест Николая и новая страшная фаза войны – все это за три года. Слишком много.

Йошкар-Ола, 24 сент[ября]

Опять сижу дома с насморком и прочим. За окном холодно, мокро и хмуро. Стоят пиленые дрова и сарай. Мне 51-й год. Жить осталось недолго и не хочется. Чем дольше живу, тем яснее автоматичность всего, в том числе и сознания.

Все несомненнее становится гипотеза о полной связанности сознания с материей. «Думающий камень». Почему бы камню не думать, когда он падает, и не лежать и почему бы этим думам и этому «сознанию» камня не совпадать с действительно происходящим. «Лечу вниз потому, что этого хочу» – это в системе координат сознания камня. «Летит вниз под действием гравитационных сил» – это в системе координат наблюдателя. «Тот счастья полного достиг, кто дух судьбы своей постиг»[1]. Так называемое счастье и Wohlgefühl* – это совпадение субъективных желаний и происходящего. Сознание, «я» – очень вероятно один из «фокусов» природы для развертывания происшествий и событий. Вероятно, правильно, что «свобода воли» на самом деле какая-то модификация объективной «Ungenauigkeit's relation». Все

---

* Безмолвие (*лат.*).

* Ощущение благополучия (*нем.*).

психическое, сознательное, индивидуальное, с этой точки зрения, обращено, в конце концов, на самого же себя, существует только для себя и ровным счетом ничего не меняет в объективном мире.

Такая философия, в лучшем случае, стопроцентный фатализм. Что ни сделай – иначе быть не могло (конечно, с осложнениями «Ungenauigkeit's relation»).

Противоречия между сознанием и миром. А может быть, это фикция и мошенничество. На самом деле мир – как раз в данном случае и есть это противоречие?

Фатализм флуктуаций! Nonsens это, или вполне разумное дело? Изо всего этого никак не выбраться, и Мюнхгаузен, вытаскивавший себя за косу из болота, – врал.

А чего же людям хочется. Да большему большинству, в сущности говоря, ничего особенно. Так вот и жалуют[ся], воют и пр. Потому что так надо.

Й[ошкар-]О[ла], 25 сент[ября]

Продолжение вчерашней темы

Первая возможность. Сознание в системе, полностью подчиняющейся и существующей на основании обычных природных закономерностей. Такое сознание, не могущее ничего изменить на иоту, – чисто созерцательное и совершенно не творческое.

Вторая возможность. Сознание, имеющее возможность свободных решений в некоторых пределах (разумеется, без нарушения природных законов). Сознание стало быть творческое, влияющее на ход процессов. Осуществима такая творческая деятельность сознания только при наличии чего-то вроде соотношения неопределенностей. Если такого простора для выбора нет, то сознанию делать нечего, и оно обращается в простого «подпевалу».

Третья возможность (совсем метафизическая). Вмешательство сознания, нарушающее законы природы. К этим законам относятся и статистические законы, вроде второго начала.

Так вот, факт эволюции (как будто бы существующий) н[и]как не укладывается в I, не укладывается и в II, так как «свобода воли», определяемая чем-то вроде Ungenauigkeit's Relation – фиктивная, вроде как у комптоновского электрона. Как будто бы остается только III, т.е. метафизика, если есть эволюция.

От такой метафизики все же не легко и не легче, потому что и в ней индивидуальное только фикция и все для «мировой гармонии».

Природа ли, Бог ли [–] все равно «я», «сознание» – только материал вроде бензина в эволюционной машине.

Поправка. В результате деятельности людей, хотя бы самой умной и эволюционной второе начало нарушиться никак не может [Gedanken Experiment* с ящиком, в котором заперты самые умные инженеры]. Демоны Максвелла[1]

* Мысленный эксперимент (*нем.*).

должны быть молекулярных размеров, а, кроме того, заниматься сортировкой молекул без затраты энергии.

Й[ошкар-]О[ла], 29 сентября

В своей походке, жестах, движении, голосе, интонациях узнаю Николая. Трагическая метемпсихоза[1].

«Бои продолжаются на всем фронте», холод. Вчера был снег, а сегодня утром все замерзло. Насколько это ускорит конец гитлериады?

К проблеме свободы воли. Пусть летит в мировом пространстве ракетный воздушный корабль. Если даны все детали конструкции и «начальные условия», траектория определится с очень большой точностью. Но если на ракетном корабле находится человек, то предсказать траекторию нельзя при наличии всяких конструктивных данных и «начальных условий». У разных персон корабль пойдет различным образом и [у] одной и той же [персоны] на разные манеры. Оттого ли это, что «начальные условия» в разных случаях разные (состояние нервной системы, желудка персоны etc.)? Или от того, что в самом деле есть некоторая «свобода воли»? Несомненно одно, что если продолжать эксперимент с тысячами однотипных людей, то статистика траектор[и]й уложится сравнительно в узкое русло за исключением отдельных «чудаков», выкидывающих «фортели». Но, может быть, отличия в отличи[и] «начальных условий»?

Й[ошкар-]О[ла], 3-е октября

Тоска. Физическое бессилие, легкая усталость. Простудное состояние и удивительное, редко бывавшее прежде отсутствие творческого если не подъема, так зуда. И фальш[ь] безысходная, в которой тону, как в топкой трясине.

Й[ошкар-]О[ла], 12 октября

Мороз, снег, хотя по старому календарю еще сентябрь. Мрачные военные вести. Бои где-то, вероятно, около Бородина. 10-го вернулся из Казани, где пробыл дней шесть. Академия превратилась в противный клубок интриг, угодничества перед начальством. Абрам Иоффе в ролях чорт знает кого; разыгравшееся, безудержное, но и беззубое самолюбие. Здесь тоже в этом роде.

Печальные, безнадежные мысли. Ни одной точки опоры. Философия сплошной ненужной случайности, флуктуационности. «Плесень на планете» или «плевок в луже». Не живу, а доживаю. И кругом по-прежнему фальш[ь], фальш[ь] и почти ни одного настоящего живого отзвука, кроме Олюшки. Камнем быть лучше, чем человеком.

В Казани смотрел страшные, черные, исковерканные «трофейные» немецкие танки. В некоторых, по словам показывавшего майора, при разборке

находили немецкие ноги и руки сгоревших танкистов. Черная с белым крестом стилизованная машина с оптическими прицелами, радио, фосфоресцирующими составами – реализовала образ страшной войны. Но понятие о страшном само становится бессмысленным. Машина, автоматика, а психика со страхом только часть машины.

Опять триада: фальш[ь], истина, искренность. Фальши не выношу, а ею все полно, словно музыка. Сплошь какофоническая.

Целый день читаю детективный роман «L'homme aux cent masques» E.Wallace'a[1]. Удивляет тонкость психологии, меткость замечаний и глубокая культурность. Это в бульварном романе! В этом страшная сила и слабость западной культуры.

13 октября, Й[ошкар-]О[ла

Сегодня узнал из письма Е[лены] И[вановны] о печальной и мрачной участи Николая. Страшно и грустно безгранично. С какою бы радостью завтра не проснуться и умереть хотя бы от фугасной бомбы. Никогда я этого не забуду*.

Подожди немного
Отдохнешь и ты.

18 октября, Й[ошкар-]О[ла

Военные вести почти катастрофические, впрочем, официальные сообщения настолько коротки и неопределенны, что, может быт[ь], на самом деле не так уж плохо.

Николай, война, сын; оторванные от*, исковерканная жизнь, и[2*] нескончаемая ф.[3*] Жить на редкость трудно.

Холодно. Снег. События? Никаких. Чувствую старость, усталость.

Й[ошкар-]О[ла], 25 октября

Необычайно тяжело и холодно становиться на «сверхпланетную» точку зрения. С нее, с этой т[очки] з[рения] вся история человеческая также случайна и незначительна, как облако с его случайными формами, размера-

---

* У Вавилова – «не не забуду».

* Так у Вавилова.

[2*] Так у Вавилова, перед «и» зачеркнуты слова «а главная».

[3*] «Ф.» – возможно, «фальшь».

ми и положением. Такова же и вся «естественная история» с ее эволюционной лестницей. Знакомые, родные, радости, горе, счастье, несчастия – как случайные всплески на пруду, или на море. Все это наивно и примитивно, основное несомненно не понято: живое, эволюция, человек. Но очень трудно вырваться и это «будь к земному без участия»[1] неотвязное.

А история шумит и растет. Вчера вернулся из Казани, мрачной, холодной, затемненной. В холодных, темных коридорах Казанского Университета, заваленных ящиками академических институтов, бродят, как на бирже, академики, профессоры, и пр. и пр., которых судьба закинула сюда отовсюду. Интрижки, сплетни, зависть. Надо всеми «борода» со всеми повадками Кречинского, «безбородый»[2], впрочем, также не далеко ушел. Волна из панической Мос[к]вы. 16-ое октября[3]. Все полно рассказов о кавардаке и хаосе. Шпольский с 50 рублями в кармане. Деятели М.Г.У., странствующие куда глаза глядят. В эпоху теперешнего всплеска истории у «интеллигентских» профессий отнимается raison d'être*. Испуг у людей, тревога за завтрашний день.

Пугает собственное бессилие и пессимизм.

<u>30 октября, Й[ошкар-]О[ла]</u>

В шесть часов утра в темной комнате деревянного дома над головой раздается хрип радио и слышно «Информбюро» с его печальными новостями. Так каждый день и получается грустный лейтмотив на все сутки. Нет электричества и на исходе керосин. Институт [ГОИ] старается, работает, но что впереди?

Кругом безразличие и холод. Что же это такое?

Дни проходят так: с 8-ми утра до 5½ в Институте, затем часа 1½ перевод «Lectiones Opticae»[1] (это + валерьяновые капли). Немножко дум, немного книг и в 10 ч. спать. Интермеццо – ужасные поездки в Казань.

Письма от сына. О Николае ничего больше не слышно.

<u>2 ноября, Й[ошкар-]О[ла]</u>

Совсем не трудно находить такие точки зрения, с которых наибольшее несчастие человеческое мало чем отличается от наибольшего счастья. Для Гитлера это, например, несомненно так, и миллионы его солдат – это только неизбежная часть механизмов танков и аэропланов. Собственное суждение, в значительно меньшей степени суждения и ощущения самых близких людей, матери, жены, детей, друзей. А дальше это, конечно, почти так же для всех. Машинки, которые выбрасываются за ненадобностью.

Оцепенение, безразличие и бесперспективность.

Следовало бы писать подробные исторические и бытовые записки. Может быть, люди хоть что-нибудь научатся понимать в так называемой «истории».

---

* Смысл существования (*фр.*).

Космически и биологически – это, конечно, какие-то обрывки «эволюции», но обрывки статистические.

7 ноября, Йошкар-Ола

Сейчас нужен бы был глазастый и умный Нестор-летописец, который «добру и злу внимая равнодушно» описал бы происходящее, рассказы, слухи. Я этого делать не умею и не знаю, делает ли кто?

Вчера вечером при луне, в 9 ч. вечера вернулся из Казани. Поездки мучительны, совсем 1918–1919 гг. В купе человек 25, сидят на полу, на верхних полках, в неописуемых лохмотьях, которые, казалось бы, только выдумывают в театрах. Смесь татар, советских деловых людей типа «главрыба», солдат, марийцев. Оттуда – в вагоне поезда, который еле-еле двигался, в вагоне московские ополченцы, только что надевшие солдатские шинели на гражданские пиджаки. Помесь интеллигентов, рабочих и каких-то случайных людей. С ними комиссары.

Вагонные разговоры о базарных ценах и житейских «случáях», по возможности подальше от войны и политики.

В Казани, в помещении Университета продолжается прибыль уходящих, уезжающих и убежавших из Москвы. Заняты все коридоры, спят на столах. В квартирах Вула, Тумермана, Ландсберга и пр. население родственников выросло за все дозволенные пределы. Академия везет историков в Ташкент, астрономов в Алма-Ату. Московский У-т передвигается в Ашхабад.

Индивидуальное состояние и психологию людей представить нетрудно. Со многими в отдельности такое случалось и раньше и по другим причинам. Но сейчас это все, или великое множество, и «количество переходит в качество» – в очень тяжелую атмосферу обнаженной примитивной физиологии, недостатка продуктов, холода, голода и пр. Серо и тоскливо.

О Николае дурацкие радужные вести из Питера, от «прилетевших».

По-прежнему кажду[ю] минуту с удовольствием бы незаметно «через сон» перешел бы в небытие.

12 ноября, Й[ошкар-]О[ла]

Мороз почти 20-градусный со скрипучим снегом и ясным звездным небом. И на душе мороз. Почти механическое занятие «Lectiones Opticae», нестерпимая радиомузыка, которая, кстати, тоже со вчерашнего дня прекратилась. Поиски «хозрасчетной» тематики. Газетный треск. Полная неясность и немота с Николаем. От сына тоже вестей нет.

24 ноября, Йошкар-Ола

22-го вернулся из Казани. Мучительное путешествие, как в 1918 г., но еще страшнее, с толпой, боящейся проронить слово. В Казани пробыл 6 дней. Мороз, сверкающие, алмазные ночи затемненного города. Голодный, грязный город. Академические сплетни и интриги. Отшивание, канонизация «Арапа Федоровича», как прозвали Иоффе. О Николае ни слуха, ни духа.

Здесь тише, но души нет ни у кого, и у меня она улетает. Застыл ум, воображение, хочется замерзнуть, заснуть и не просыпаться.

25 ноября, Й[ошкар-]О[ла]

Плоскость, отсутствие всякой тайны, или, может быть, полное неумение и неспособность ее заметить.

И творчество, и созерцание, по-видимому, ни к чему.

27 ноября, Йошкар-Ола

Сегодня день рождения Николая, ему сегодня 54 года. Этого я не забыл.

28 ноября, Йошкар-Ола

О фальши и лжи. В жизни не хватает абсолютного, точки опоры, за которую можно было бы удержаться. Не хватает тайны и нет искренности, без которой так трудно, противно и больно. Фальш[ь] крикливая, самая грубая, некультурная, от которой спрятаться некуда. Жизнь вместо пестрой, странной, сложной, тонкой, приветливой и искренней какая-то отвратительная казарма, в которой приходится маршировать и кривляться и фальшивить, фальшивить. Потому каждый раз, заснув, хочется не проснуться.

30 ноября, Й[ошкар-]О[ла]

Какой-то просвет на фронте. Наше контрнаступление у Ростова. Обратное взятие Ростова.

Но хочется «стушеваться», незаметно перейти в небытие, потому что не за что больше зацепиться. Читаю «Вечера на хуторе [близ Диканьки]»[1]. Никакого творчества, никакой физической фантазии. Медленное умирание. И на прошлом хочется крест поставить, оно кажется серым, серым.

7 декабря, Йошкар-Ола

Вчера вечером вернулся из Казани. В вагонах (и туда и обратно) концентрат здешней «матушки-России». Полу-рабочие, полу-солдаты, распивание «пол-литров», лейтена[н]т на верхней полке, всю дорогу тянувший эти «пол-литра», сначала мертвецки пьяный; из-под него с третьей полки «текло». Врачиха в штанах и сапогах на полке с каким-то гражданином. Расспросы ее о том, как гражданин с женою спит, лицом к ней, или отвернувшись. Свесившиеся с верхней полки надо мною ноги в онучах и лаптях. И никаких разговоров о войне – как будто бы нет ее. В вагонах четверной комплект и двинуться нельзя.

В Академии оба вице-прези[де]нта дуумвира, с бородой и без бороды[1] манкируют, «больны». Ставший придворным академиком Капица рас-

сказывает почтительным голосом о благоволении к Академии в Куйбышеве[2]. Странное mixtum compositum*. С одной стороны, несомненно остроумный конструктор-физ[и]к, оригинально и здорово и до конца решающий самые трудные вещи, а с другой – аморальность, бестактность, глупость и наивность. Противоречия-то тут нет, но все же сочетание маловероятное.

О Николае вести от Шидловского. Кто-то ему написал из Куйбышева, что Николай скоро приезжает в Казань. Во всяком случае, непонятно, кому это надобно выдумывать легенды? А между тем кто[-то] несомненно их выдумывает.

В отношении себя в Казани чувствую стремление отпихнуть это во всех «сферических» людях. По сути дела для меня это хорошо. Но знаю причину и потому злюсь и говорю иногда очень резкие колкости.

Морозы совсем крещенские. Голова по-прежнему совсем пустая, никакого творческого порыва или позыва.

Гипнотизирует страшно рельефное ощущение случайности всего [–] и собственного и чужого бытия и «истории» в целом.

«Свобода воли» человеческой, флуктуации ума и способностей приводили к разным зигзагам истории, могут привести к овладению шаром земным, Луной, другой планетой, но все это sub specie aeternitatis[2*] мелочи, ни для чего ненужные, если принять во внимание необъятность бытия и вселенной. Много вероятнее этого эволюционного, направленного воздействия флуктуаций человеческой воли – крушение шара земного со всеми его гениальными и негениальными обитателями.

А вместе с тем чувствую, что такие рассуждения слишком примитивны, элементарны и неверны. Если бы удалось понять и найти эту ошибку – вероятно бы, можно было во многом облегчить существование и своего и чужого человеческого сознания.

9 декабря. Й[ошкар-]О[ла]

Опять письмо от Елены Ивановны со страшными подробностями о Николае. Выход один вижу, от жизни уйти. Сделать ничего нельзя, и так бессмысленно дико и обидно до последнего атома.

21 декабря. Й[ошкар-]О[ла]

Самый темный день в году, день тьмы. Вчера вечером вернулся из Казани, где пробыл 5 дней. На душе тяжесть по-прежнему необычайная. О Николае вестей нет. «Арап Федорович» милостиво обещал поговорить по этому вопросу в Куйбышеве. В Казанской Академии ажиотаж, интриги и фокусы по поводу сталинских премий. Опять темные коридоры мрачного здания, холод, от которого никуда не спасешься, грызня около грязных столов коммерческой столовой. Ни одного «философа», все одни зверьки, интриганы, готовые на что угодно из-за подачек, супов с гусем или премий.

Чувствую страшное понижение творческих способностей. Исчезает память, вспышки мысли все реже и реже. Думаешь только о том, как бы спря-

---

* Сложная смесь (*лат.*).

2* С точки зрения вечности (*лат.*).

таться поскорее от этой человеческой мерзости, физического холода и собственного бессилия под одеяло, заснуть, заснуть.

23 декабря. Й[ошкар-]О[ла]

Мучает ледяной объективизм. Смотрю на все как будто из другой звездной системы. Все пустяки и случайность и могло бы не быть, например, Земли около Солнца, или само[го] Солнца. Что же говорить о реках, людях, городах, событиях, все случайно, как пролетевшая мимо муха. Умирать с таким выводом и результатом?

Когда был маленьким, мир был с Богом, полным чудесного, многозначительного. Все имело смысл и было необходимо.

Затем «отряхнул прах с ног»[1] – завоевание «научное мировоззрение»*. Воинствующий, восторженный материализм.

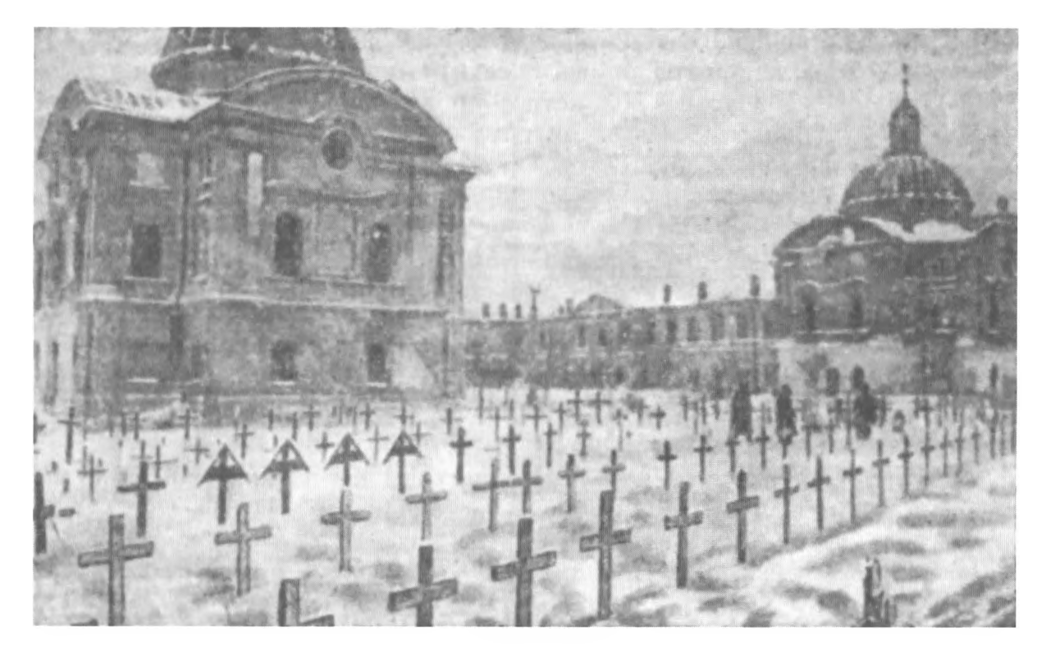
А следующая стадия [–] ощущение мирового холода, ужас, бесцельность, случайность всего. Хотелось бы тайны, многозначительности, но их уже не притянешь.

Зачем же все это так нелепо?

Городиш[к]о утонул в пургах, метелях, заст[ыл] в морозах.

25 декабря. Й[ошкар-]О[ла]

Фотография из газеты: немецкие могилы в Калинине. Чинно расставленные кресты над гниющими трупами Müller'ов, Schulz'ов. Холодно, страшно и случайность всего еще ясней.



---

* Так у Вавилова.

А здесь пушистая зима, с расписными санями, мужиками в тулупах, лошаденками, шустро взрывающими бразды пушисты. Белый, белый снег, розовые закаты. Луна, как в опере. А на душе лед, ужас и пустота.

28 декабря, Й[ошкар-]О[ла]

«Медный всадник» с его основной темой.

Наивысшая возможность для сознания только уйти от жизни, когда хочется и когда нужно. Не больше.

Сойти с космической точки зрения не могу. Люди кажутся зверями, а все вместе взятое паноптикумом д-ра Коппелиуса[1]. Слова, жесты, чувства, ощущения. Красота, наука, все, все.

Что тут. Красивый белый снег с утренними туманами, розовые вечерние зори. Уборные, которые неизвестно как чистить – лошадей нет.

Жить так, что многие годы ни одной большой радости, а над головою мрачнейшие тучи, оказывается можно.

И, конечно, выхода никакого, кроме смерти. Она-то совсем не страшна и, наоборот, куда естественнее и проще жизни.

Йошкар-Ола, 31 декабря

Перевернул прошлогоднюю запись за это же число и приходится снова повторить, что кончился год, самый тяжелый в жизни. И этот страшный ледяной как мороз градусов в 30 с ветром «объективный материализм» – как настроение и отношение. И даже огромный том Leonardo опять со мною здесь в ci-devant* Царевококшайске.

А между тем война переменила знак, Гитлер на глазах трещит и, вероятно, скоро кончится как «умирающий черт».

А между тем – чистый снег глубокой провинции. А между тем есть Олюшка, только и удерживающая на свете.

Но страшная, безжалостная и обидная до последнего атома судьба Николая.

Встрепенуться бы и прожить последние годы жизни так, чтобы было радостно и нужно другим[2*].

---

* Бывшем (*фр.*).

2* Далее в оригинале вырвана страница.

1942

3 января, Йошкар-Ола

Ночью 42° мороза. Кровь стынет. Морозы, начисто разрушающие все гитлеровские планы. Замерз. Онемела правая рука и хочется замер[з]нуть совсем до статуи и трупа.

12 января, Й[ошкар-]О[ла]

Позавчера приехал из Казани, больной, с температурой и онемевшей рукой. В физ[ическом] институте холодно, как в ледяном дом[е]. По дороге по-прежнему рваная и грязная толпа со вшами. Нашел вошь и на себе. В Казани Тарле, Ландсберг и проч[ие] собираются после победы над немцами рассеять их за их зверства, так же как были рассеяны евреи.

Казанские герои те же. Шмид[т]-Кремлевский, Арап Федорович[1], князьки* Академии, по поводу которых[2*] Введенский сказал: «Я же говорил, что нельзя академиков одним горохом кормить».

16 янв[аря], Й[ошкар-]О[ла]

Мороз, больная рука и беспросветная безысходность личного бытия.

В детстве не мог читать Майн-Рида, что-то отталкивало, читал Дюма и Эмара. А сейчас прочел «Охотников за черепами». Схематизированные до последней черты люди, мало чем отличающиеся от бизонов, коней и антилоп. Краснокожие скальпируют бледнолицых так же, как волки загрызают лошадей и буйволов. Голос расы, голос пола. Все совершенно случайно, и убийство людей так же просто и естественно, как дождь; совсем современный и, пожалуй, самый «глубокий» писатель, в смысле угадывания настоящего и постановки точек над «i». Гитлеризм в миниатюре. Флуктуационизм и материализм. И роман совсем не фантастический, а куда правдоподобнее «Анны Карениной» и «Бесов».

Для жизни нужен какой-то искусственный допинг, иначе не знаю, как я ее дотяну. Не за что зацепиться.

---

* Слово расшифровано неуверенно.

[2*] У Вавилова «котору».

19 января, Й[ошкар-]О[ла]

По-старинному сегодня Крещенский Сочельник. В памяти как нежные акварели оставшиеся картинки. 7-ое января, именины отца, апогей семейных торжеств. Все в земле, все умерло, все далеко и развеяно и, вероятно, без следа. Бесследность – самое страшное. Все ни к чему. Да может ли оно и быть к чему это свое, семейное, бытовое, уютная традиция, с ними легко жить и умирать, но следа не остается. 50 лет жизни, две войны, революция и ничего не осталось.

Где же остающееся? Техника? Наука? Может быть, если позволит случай, эта техника с наукой позволит за что-нибудь большое зацепиться, за другую планету, другой мир? И тогда какое участие в эволюции? Но путь совсем невероятный, раньше разлетимся вместе с Солнцем, и в электроны и кванты разлетится все научное наследие! Ну что же, остается наивная ни для чего не нужная, а главное, мучительная игра. И это, конечно, не верно. Либо одной физики мало, либо физика должна быть другой.

Физика знает как многое можно разрушить. Развалить звезды, кристаллы, разложить молекулы на атомы, атомы на электроны, протоны etc. Сами эти электроны и протоны, по-видимому, можно превратить в фотоны. Где же субстанция, кроме растяжимого, размытого, бесформенного; материя, энергия? Ни одна форма не постоянна, не вечна и есть ли эволюция? Метафизика, спаси меня от безнадежной физики!

Мороз 39°. У печи, у красно-золотых углей. Перевожу Lectiones Opticae[1]. Неужели и они бесследно исчезнут.

Йошкар-Ола, 22 янв[аря]

Морозы стоят сорокаградусные. Вчера было 46°, сегодня 40°, все немеет и обращается в чурбаны.

Философия, не выпускающая из когтей и окрашивающая все, стара как мир, была она у Эмпедокла («Жизнь коротка и бесплодна подобно летучему дыму»)[1], у Лермонтова и у несчетного числа людей. Сейчас у нее как будто бы несомненная «научная» основа. Но это не так. Факт жизни, совсем не понимаемый биологами, а тем меньше физиками, настолько замечателен и настолько не похож на все остальное, что есть в «науке», что несомненно настоящая наука о жизни еще и не начиналась.

На этом надо сосредоточить все внимание, это самое важное. Нельзя себя каждую минуту чувствовать листком, сорвавшимся с ветки и носимым черт знает кем и куда и неизвестно для чего.

Надо изыскать способ выскочить за стандартные научные рамки. Они ведут к бессмыслице и к самоуничтожению жизни.

Йошкар-Ола, 7 февраля

Болею две недели, или больше. Вероятно, воспаление легких, температура подымалась выше 41°. Бездарное полубредовое состояние, большая сла-

бость, совсем тупая и пустая голова, никаких признаков творчества. Страшно. Переход в состояние полена.

Накаленная печка, за окном сорокаградусные морозы и «некому руку подать»[1].

Й[ошкар-]О[ла], 10 февраля

Сижу по-прежнему дома. Духовное опустошение продолжается. Флуктуационность бытия, истории совершенно гипнотизировала. Наступает прострация и нирвана. Днем спал и видел Николая. В этом сейчас оставшийся фокус жизни.

Й[ошкар-]О[ла], 12 февраля

По-прежнему «добаливаю» дома. На дворе три дня вьюга, которая замела весь двор. «Масленица».

Жуткие «философские» выводы, к которым можно было бы прийти давно, но которые проявляются только вследствие бытия, определяющего сознание.

1) Пока есть независимые жизненные стимулы: самолюбие, любовь, голод, любовь к вещам, собственничество – жизнь идет сама собой, а «философия» – только тоненькое облачко, мигом разлетающееся от жизни. Но вот сейчас у меня страшное. Постарел, все умерли, Николай хуже, чем умер, остались Олюшка и Виктор. Честолюбие испарилось и так ясна его пустозвонность, прочие «инстинкты» совсем замерли и вот я лицом к лицу с «философией» с очень ясным и широким сознанием.

2) Кристаллически ясна статистичность, флуктуационность жизни и моей и общества, и государств, и даже планет.

3) Может быть, в этой статистичности есть средняя тенденция – «эволюция», «excelsior»*? Но когда посмотришь насколько велика вероятн[ость][2*] конца Земли и Солнечной системы прежде чем результаты такой эволюции могли бы отразиться на вселенной – то кажется это невозможным, похоже на больцмановские флуктуации около «тепловой смерти». С этой точки зрения для сознания полная безнадежность, ненужность. Развитое сознание только истязание самого себя.

4) Но сознанию не доверяю, оно тоже не независимо, результат бытия, тоже подвергнуто статистике и флуктуациям. А что же помимо него? Круг завершен и снова у разбитого корыта. А жить нужно, и для жизни сознательной стимулы нужны.

Боже, хотя бы увлечься какой-нибудь задачей и получить хотя бы мираж цели и стимула!

Й[ошкар-]О[ла], 14 февраля

Сегодня первый раз выходил после 2½ недель перерыва в Институт. Грустные это были дни. Одиночество становится страшным. Так сильно ду-

---

* Движение к высшему (*лат.*).

[2*] У Вавилова «вероятна».

шевное опустошение. Сейчас вечером дома снова один и совсем жутко, так близко от самоубийства.

Й[ошкар-]О[ла], 22 февраля

Утро, воскресенье, по православному кончилась первая неделя Великого Поста. Мелькает видение старого Царевококшайска с дюжиной приземистых церквей, черемисской этнографией, постными блинами.

Завтра 24-летие Красной Армии. Все ждут по радио победных сообщений. Целый месяц не было определенного. Немцы, по-видимому, надтреснули смертельно.

Ночью сны необычайно отчетливые и детальные: голодные, умирающие ленинградцы, а потом антикварный магазин, где покупал какую-то роскошную книгу о Царском Селе в марокене[1] и «Речи и статьи» Менделеева.

На улице по-прежнему мороз, а Й[ошкар-]О[ла] похожа на золотоискательские поселки в Аляске (видел их в кино «Goldrausch» с Чаплиным[2]) засыпанные снегом с деревянными временными бараками.

Очень трудно с деньгами и с едой. Такова мгновенная фотография.

Душа в том же парализованном состоянии. Прочел «The soul of the Universe» G. Strömberg'a[3]. Попытка спастись от бездушности мира, явлений куда угодно [–] в теорию относительности, квантовую механику, генетику, телепатию, гипноз. Попытка явно неудачная и помимо прочего просто бездарная.

По радио сейчас первая часть 5-ой симфонии Бетховена. К настроению самое подходящее.

25 февраля, Й[ошкар-]О[ла]

Вчера умер от сыпного тифа архитектор Оптич[еского] И[нститу]та Бор[ис] Сол[омонович] Ребортович. Эпизод смерти опять встал во всем своем цинизме, непреклонности и простоте перед глазами. Человек, бревно, таракан – одинаково. Укусила поганенькая вошь на поганом Казанском вокзале – и готово. И все мечтания об эволюции и прочем «высоком и прекрасном» оказываются время[пре]провождением. Либо надо жить, не мудрствуя лукаво, и также умирать, подчиняясь всем биологическим велениям и воле начальства, или же надо сознательно, возможно скорее и безболезненно умереть. Говорят, хороший способ самоубийства – съездить в Казань и заразиться с[ыпным] т[ифом].

Смерть очень разительна и страшна для самых близких (месяца на два), ее действие необычайно быстро затухает с удалением и со временем.

Холодно, ветер.

Й[ошкар-]О[ла], 26 февраля

Хоронили Ребортовича. Так вот и чудится: сидит перед тобою человек и может мигом обратиться в гниющую тушу. Просто, страшно, противно и

совсем не понятно. Избранные личности, Гитлеры, Муссолини и прочие занимаются с успехом этим ремеслом обращения в туши. Вероятно, с сентября 1939 г. на белом свете сверх нормы и на фронте и в тылу убыло сверх нормы миллионов 20. Sub specie aeternitatis, впрочем, это только 1% населения земного шара. Нет, в самом деле, людям, может быть, было бы проще всем сразу добровольно уничтожиться, чем способствовать «эволюции» таким способом.

Й[ошкар-]О[ла], 2 марта

Собираюсь в Казань, как на танковую атаку.

Йошкар-Ола, 15 марта

Вчера вернулся из Казани, пробыл там дней 11. О Николае по-прежнему ничего, словно умер. А может быть и умер?

Появляются в Казани, как тени из загробного мира, несчастные ленинградцы. Скелеты, обтянутые кожей, еле двигающие ногами. Если судить по расска[за]м об учреждениях (Библиотека Академии, Астрон[омический] И[нститу]т, Ботанический И[нститу]т), то перемерло от истощен[и]я к 19 февраля от 20 до 30 процентов, т.е. четверть населения, около миллиона! По-видимому, это самая страшная трагедия сознательного человечества за всю его историю. Виктор в письмах бодрится, что на самом деле, угадать трудно. На нашей квартире в д[оме] № 4 на Биржевой л[инии] от голода умер Миша Хвостов. По городу неубранные трупы, нет воды, света и транспорт[а]. Città mort*.

Прочел в Казани книгу Н. Пинегина «Казань в прошлом и настоящем»[1]. Грустно и тяжело. Какая уж это «эволюция»! Нелепые флуктуации вокруг какого-то неопределенного наклонения. Сначала какие-то булгары, не оставившие никакого следа, затем татары, тоже неизвестно почему и для чего. Вонючие тухлые озера Казани, запах, грязь вся как при булгарах – до сих пор. Иван Грозный, штурм Казани, Лобачевский – случайные статистические отскоки от серого грязного среднего.

Бродил в воскресенье по вонючим (даже в мороз) кручам Казани, пустым лавкам, в тщетных поисках зубной щетки и порошка и думал – какое же это укрепление идеи эволюции. Гнием до тех пор, пока под действием космических и прочих сил окончательно не сгнием.

Сумасшедший К.В. Никольский с «психиатрической квантистикой»[2]. Похудевшие физики с разговорами о пайках, столовых, брынзе и картофеле, о сталинских премиях. «Классовая борьба» академиков, «членов-корреспондентов», докторов, профессоров и просто научных (и не научных)

---

* Мертвый город (*ит.*).

работников за места в столовой и за пропитание. Работают много и хорошо по техническим задачам. Дойдет ли это все до места? Организаторы во всяких НИИ и ведомствах такие, что слишком много шансов за то, что все останется на полках, своих, или чужих.

Докладывал в ф[изико]-м[атематическом] отделении «о квантовых зрительных флуктуациях». Ничего не поняли. Об стену горох.

Прочел в Казани «Москва и Москвичи» Гиляровского. Совсем, совсем другой мир. Разница как между живым человеком и гипсовой статуей.

Весны совсем еще нет. Третий день метели. Начались «мартовские иды» по новому и старому стилю, столь страшные для нашей семьи. Zahlenmystik[2*].

В Казани опять затемнение. Сегодняшняя военная сводка «Ничего существенного не произошло».

Йошкар-Ола, 21 марта

Завтра астрономическая весна, а на дворе каждый день 30° морозы. Постоянные разговоры о недостающей еде, об огородах. Похудевшие люди. Возвращающиеся ленинградские тени. Радио: «ничего существенного не произошло». Интеграл невеселый. О Николае по-прежнему ничего. Смерть Миши Хвостова на Биржевой линии, в роковом доме № 4 прошла, как одно из бесчисленных несчастий. И все же люди живут и на смену миллиону умерших питерцев остаются миллионы живых. Ледяной объективизм и безразличие цифр. Хотелось бы незаметно оледенеть, заснуть и обратиться в неорганический прах.

24 марта, Йош[кар]-Ола

Вчера письма от Виктора из Ленинграда и панические письма Озерецких. Становится страшно. Так вот под ударом единственные нити, удерживающие еще жизнь.

Позавчера стандартный «антикварный» сон. Видал их и на войне 1914 г. и позднее. Книжная лавка на несуществующей теперь стороне Моховой в Москве. В лавке предприимчивый хозяин современного типа жулика и блатмейстера[1]. При магазине колоссальный зал книжного аукциона, на который почему-то собирается народ совсем не «книжного» вида. Антиквар Фадеев. Все детально, все с интереснейшими живописными и психологическими подробностями, как прекрасный роман, написанный сразу Франсом, Толстым и Достоевским, или полотно, сразу исходящее из рук голландцев, Маковского и импрессионистов. Как это все уложено в мозгу? Это же чудо из чудес,

[2*] Мистика чисел (*нем.*).

бесконечное обилие тонких наблюдений, мыслей и высочайшего искусства. Человек обнаруживает значительно меньше, чем он может.

А на улице по-прежнему безотрадный мороз и в сводках «ничего существенного».

25 марта, Й[ошкар-]О[ла]

Прожил 51 год. Страсти, инстинкты поулеглись, и жизнь как жизнь понятна и готов с ней расстаться каждую минуту. Игра не стоит свеч.

26 марта, Й[ошкар-]О[ла]

Из Казани сообщили об отставке Шмидта[1]. Sic transit[*,2]. А вообще страшная гадость.

28 марта, Й[ошкар-]О[ла]

Представляется Николай, живой, страдающий, с разбитой жизнью.

29 марта, Й[ошкар-]О[ла]

«Wer darf das Kind beim rechten Namen nennen?
Die wenigen, die was davon erkannt,
Die thöricht g'nug ihr volles Herz nicht wahrten,
Dem Pöbel ihr Gefühl, ihr Schauen offenbarten,
Hat man von je gekreutzigt und verbrannt»[*].

30 марта, Й[ошкар-]О[ла]

На себя оглядываюсь. Всегда бессознательная тяга к «тайному» «колдовскому». Детские годы 10–12 лет: алхимия с колбами с кипящим розовым брокаровским маслом. Любовь к «чудесным» книжкам – вроде «Волшебной лампы Алад[д]ина»[1]. Помню воскресенье у Кудряшевых – кузенов, после прогулки по Пресне, после того как насмотрелись через решетку на катанье на коньках в Зоологическом Саду. Игры в русалок, колдунов и какое-то сладкое чувство «тайны», непонятное и сейчас. К «Фаусту» прилип с ранних лет, привлекла его колдовская, магическая сторона. Этот «фаустизм» всю жизнь тянется. А вместе с тем ясность естественника.

Университет, физика. Как это совмещается – не знаю и понять не могу. Но всегда это было и никогда от этого не избавиться. Гофманн[*], Фауст,

---

[*] Sic transit [gloria mundi] – так проходит мирская слава (*лат.*).

[*] «Кто верным именем младенца наречёт?
Где те немногие, кто век свой познавали,
Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,
С безумной смелостью к толпе навстречу шли?
Их распинали, били, жгли...»
(*И.В. Гёте*. «Фауст», пер. с нем. Н. Холодковского)

[*] Так у Вавилова.

Парацельс. Что это такое? Псевдонаука? Или подлинно научное стремление? Совсем это не «мистика» с гнилью ее и гадостью, а какая-то тяга к знанию мира без всякого интереса к овладению им. Собственно, из этого магического Drang'a[2*] ясно, что с ранних лет тяготело «созерцание и творчество»[2] и не было интереса к жизни.

Страшно, однако, понимать себя только на закате.

3 апреля, Йошкар-Ола

Вчера грустные именины. Мокрая вьюга. Фальшивые голоса по радио. Прочел «Подростка»[1] (не знаю в который раз). Картина человеческого хаоса, бестолковщины и статистики. И зачем быть таким людям? Кругом смерти. В Ленинграде умерли многие сотни тысяч, вероятно, перевалило за миллион, здесь умирают от сыпного тифа и чужая жизнь становится таким пустяком. А с этим и своя жизнь, хотя из-за ее сохранения – все пакости. Нет, лучше поскорее занавес и finita la comedia*.

4 апреля, Йошкар-Ола

В Оптич[еском] Институте еще покойник, умер Б.Н. Москвин (от сыпного тифа).

Здесь тоже война, вместо осколков снарядов и мин ползают сыпнотифозные вши, размноженные войной. Вести о смертях воспринимаются просто и без реакции и умирают просто:

La sotto i giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non duole*, [1].

Одушевленное замерзает в неодушевленное. Мир окостеневает, жизнь и сознание кончается и все становится очень простым.

5 апреля, Й[ошкар-]О[ла]

С 1938 г. 5 апреля – траурный день. То смерти, то на кладбище. Сегодня хоронил Москвина на ужасном здешнем кладбище, верстах в трех, среди чистого поля без единого дерева, в глине. Упаси Боже от такого кладбища, он[о] еще больше увеличивает неуютность смерти. Как просто бы и хорошо всем умереть сразу.

19 апреля, Йошкар-Ола

С 6-го по 16 апреля был в Казани. Началась, наконец, грязная весна.

В Казанской Академии разыгрывается трагический водевиль. Обезумевший рамоли* Комаров, разъедаемый честолюбием, около него несколько Остапов Бендеров, дергающих за нитку полумертвого старика. Поверженный Шмидт, предстоящее «общее собрание» в Свердловске на предмет «вы-

---

[2*] Натиск (*нем.*).

* Комедия окончена (*итал.*).

* «Там, где дни туманны и кратки / Родится народ, которому не больно умирать» (*ит.*).

* См. прим.[2*] к записи от 9 января 1941 г.

боров» нового президиума. Пока что все расшаталось. При чем тут наука и вообще что при чем, кроме самой примитивной собачьей зоологии?

Второе – сталинские лауреаты. Среди них Гальперин и Б.Г. Кузнецов!

Кругом сыпнотифозные покойники. Приезжают, как выходцы с того света, ленинградцы. Как хочется тихо и незаметно убраться тоже на тот свет!

Яснее чем преж[д]е никчемность, случайность, кавардак всего происходящего, бес[с]мысленность, ненужность. Не проще ли миру развалиться на протоны, нейтроны, электроны и прочую мелочь.

Страшно холодно стало на белом свете, почти не за что зацепиться. Не с кем поговорить по-настоящему. Один – в самом себе.

Пробуждение по утрам. Обычная устрашающая ясность, глубина и дальность, которые хорошо знаю еще с самых ранних детских лет. Словно рентгеновыми лучами пронизывается окружающее и… ничего, все гладко, все стремит и катит к уничтожению.

По радио все русские песни. Говорим с Олюшкой о полной бес[с]мысленности слов многих таких песен. «Калина-малина», «Вниз по матушке по Волге», «Во поле березонька стояла». Большое чувство, музыка, но мысль и не ночевала. Невеселое размышление.

22 апреля, Й[ошкар-]О[ла]

Чувство полной случайности, отсутствия всякой опоры все крепнет. Что не случайно? Самая солнечная система и вся галактика – флуктуации, которых могло бы и не быть. Что же говорить о Земле, жизни, людях, мне самом и, наконец, пресловутой «истории» будто бы с закономерностями. Это все равно, что разыскивать законы выигрыша в картежной игре. Во всем, что знаем, может быть не случайны элементарные частицы, электроны, протоны, нейтроны, да и то сомнительно. Вывод старый-престарый: «Вся наша жизнь – игра»[1]. И, в сущности, во власти человека одно сильное средство, возможность и право – кончить в любой момент по собственному желанию с этой игрой, т.е. самоубийство. Все остальное только воображение и самообман.

«Сотвори себе кумира» в противоположность библейской заповеди – один и[з] главных столпов устойчивости людского существования. Вера в кошек и крокодилов, в мощи, в несуществовавших святых, в идиотических, но полных воли вождей вроде Гитлера. До того безумно, слепо, а тем не менее именно эта вера, эти кумиры объединяли массы, превращая энтропийный хаос в стройное движение! То, что кажется безумным с каких-то других более высоких точек зрения – самое умное и нужное. А самый ум – может быть величайший порок рода человеческого. Порок потому, что кажется безапелляционно верным, а между тем во имя «эволюции» вера в кошек и вождей куда более верна и действенна.

Весна, царевококшайские лужи, но так душно, так тяжело дышится и жизнь человеческая и своя и чужая стала такой дешевой.

26 апреля, Й[ошкар-]О[ла]

Завтра придется ехать в Свердловск на шутовское действие Общего Собрания Академии[1]. Dance macabre*.

На войне зловещая тишина, вызываемая разливами. Что-то будет к концу мая?

Настроение ломовой лошади, которую кормят и гоняют на работу. Хочется стать homo sapiens со всеми его требованиями и свойствами.

Тревога за сына. Трагический Ленинград.

17 мая[1], Йошкар-Ола

Вернулся из Свердловска 15-го мая. Образцы свердловских записей:

Свердловск, 3 мая

Остапы Бендеры, устроившие все Vergnügungsreise*, Гальперин, Кузнецов растолстели раза в два по сравнению с нормальным состоянием. Это в то время, когда все прочие отощали и иногда обратились в скелеты. Такое же увеличение объема у приехавших из Москвы преуспевающих в последнее время «методологов» Александрова, Юдина и Митина.

Прибывших задобривают роскошной по нынешним временам кормежкой. Когда вспомнишь о Ленинграде, Москве, Казани, Й[ошкар]-О[ле] – грустно становится.

Поразительное отсутствие настоящей доброты, самый примитивный зоологический эгоизм. Грустное зрелище от соседей по ж.д. вагону, Гребенщикова, Линника, Теренина. Может быть, и сам таков и это неизбежно?

Тупые, трафаретные «обтекаемые» разговоры, несмотря на страшное время, на то, что давно не видали друг друга. Все боятся друг друга, не доверяют и презирают. Настоящего развитого сознания с широким умом, гением, добротой и отсутствием зоологии нет ни у кого.

Город несколько лучше, чем ожидал. Плоский, шероховатый, уж очень неровный. Нет ни одной ровной линии. Успокаиваешься на отдельных домах старого Екатеринбурга. Город красит собор XVIII в., хотя и с обломанными главами и некрасивый, но импозантный и высокий.

Ничего не делаем. Вечером «Майская ночь» сладенькая, надоевшая, и не очень талантливая. Организаторы – Остапы, очевидно, тщательно продумали, чем заткнуть наше время.

Свердловск, 4 мая

Вчера вечером в кафетерии на банкете опустившийся Комаров, помесь рамоли и клоуна, подносил подслащенную банкетной обстановкой пилюлю

---

* Пляска смерти (*фр.*).

* Увеселительная поездка (*нем.*).

с новым составом Президиума, с Лысенкой, Образцовым, «Савостьянычем»[1] и другими 85-летними старцами. Судьба (а может быть кто-нибудь и намеренно) посадила со Шмидтом. Пустопорожние речи, опьяневший, глупый и подлый Сперанский, Лысенко, не знающий «что должен делать академик». Правда, от Комарова неожиданный реприманд: «Кто не знает, что ему делать как академику, тот не академик».

Скучно, тошно, не чувствуется и следа Академии. Сборище кем-то, за что-то выдвинутых случайных людей.

7 мая, Свердловск

Самое тяжелое – все люди чужие, всем до себя, «жрецы минутного, поклонники успеха»[1] и жизнь моя кажется такой эфемерной чепухой и никому не нужной флуктуацией.

Вчера светлое пятно, признак того, что «категорический императив» нравственный[2] в академическом сборище не совсем умер. На выборах в Президиум Лысенко «за» было подано 32 голоса, «против» 28. Я был в счетной комиссии, юридически «за» было 36, «против» 24, но из 36 «за» вместо плюсов имели минусы. Правда, эта пощечина дана по полену, но, может быть, кто-нибудь об этом узнает. Тень Николая для меня все заслонила.

8 мая, Свердловск

Для финала разговор с Комаровым о Николае. «Страшно нужен, без него ничего не сделаешь с агрономической наукой». «А что-же делать». «Писать». «Боюсь, посадят, я страшно испугался при выборах Лысенки». Господи, какое убожество, низость, трусость. Для чего такие люди живут?

В Казани теперь господствует А.Ф. Иоффе, он же Абрам II (это после дисграсированного[1] Деборина).

А весна здесь круто заменилась летом. Жарко, открыты окна. На фронте – первые аккорды начинающегося страшного. Бои у Керчи и у Харькова.

Усталость, в голове пусто и бездарно и по-прежнему «некому руку подать»[2].

Воскресенье. Жарко. Пошли в рощу за Кокшагой. Запоздалая, но страшно быстро развертывающаяся весна. В роще весь весенний репертуар: соловей, кукушка, фиалки, лягушки, черемуха.

Вспоминаю. Природу, настоящую развертывающуюся весну я узнал очень поздно впервые, лет [в] 10, когда в первый раз поехали на дачу в Богдановку. Произвело это впечатление потрясающее и во мне сразу проснулся естественник, homo sapiens, человек стремящийся узнать. Один – философ и ученый – ходил я по лесам и рощам, смотрел за растениями и впитывал в

себя «природу». Первая «работа» – подбор желтых цветов, хлорофилл, ксантофилл[3]. Тимирязевская «Жизнь растений»[4] казалась лучше всех сказок в мире (подумать только, потом Аркаша Тимирязев и потом комбинация Тимирязева с Лысенкой). Детские опусы по «мировоззрению». От соприкосновения с природой возникал «ученый». У меня на эту профессию есть подлинное право. Но вышло много меньше, чем думалось. Жизнь, начавшаяся с 1914 г., все сломала и сбила.

19 мая, Йошкар-Ола

Душно. Жарко. На фронте что-то странное. Усталость и бездарное безмысл[и]е у меня.

20 мая, Й[ошкар-]О[ла]

Утренняя ясность ума (при пробуждении). Словно покрывало снимается, какие-то мозговые лучи Рентгена. Все насквозь видно во всей обнаженности. Но может быть, это действительно только Х-лучи и от людей остаются только скелеты – без тела и души? Нет, по-видимому, не так. Прозорливость всеобъемлющая.

24 мая, Йошкар-Ола

Весеннее воскресенье, Троицын день, на столе нарядный букет черемухи. За окном вскопанные огороды, взмокшие от ночного дождя. Солнце. По радио этюды Шопена, а часом раньше оставление Керченского полуострова. Опять тревога.

Музыка с людьми разговаривает особым, потусторонним языком, неразумным, но пробуждающим разум.

Грустный результат осколков мыслей последних месяцев – бес[с]мысленная статистичность жизни, при которой не за что уцепиться и во всем теряется всякий смысл. Остается холодное созерцательство до могилы. Давно сорвался с обычных человеческих координат, какие-то надмирные высоты, а в то же время усталость, ослабление памяти – умирание. Так, вероятно, всегда бывает, это предел жизни.

Бездарная, ничего не пронизывая, немая, слепая, глухая тоска.

28 мая, Йошкар-Ола

Следовало бы заняться развитием знания и методов его, а также сознания в целом у детей. Вероятно, это дало бы очень реальную основу настоящей теории познания, не меньше чем история науки. Также нужно бы обратить внимание на особенности женского знания. Оно, несомненно, отлично.

Сейчас здесь одно яйцо стоит 6 рублей, а постричься и побриться стоит 2 рубля.

29 мая. Й[ошкар-]О[ла]

Другие люди, чужие сознания, их взаимоотношение. Это, по-видимому, забывают и игнорируют почти все философские системы. В теории познания разбираются отношения сознания и объектов, но я ничего почти не знаю об отношениях сознаний, т.е. сознание, становящееся из субъекта объектом! Вероятно, философию придется заново переписать, если заняться такой задачей.

В Ленинграде умер К.Б. Паншин.

Другие – это вся область этики и морали и совсем новая форма познания.

Й[ошкар-]О[ла], 31 мая

Жара июльская. Ходили с Олюшкой в здешние болотные леса, наполненные сейчас ландышами и комарами. На рытье коллективного картофельного огорода, километрах в 5, от солнечного удара умер начальник секретного отдела Института А.К. Макарихин.

Надо смириться и жить как люди. Не сумею я этого, прорвался через какую-то оболочку и больше не могу.

Й[ошкар-]О[ла], 11 июня

Со 2-го по 9-ое июня был в Казани. Там неуютная суетня по темным коридорам Университета, невыносимая вонь дворов и постоянное чувство, что занимаюсь совсем не тем, чем надо.

На себе с полной ясностью понимаю безысходную трагедию живого вещества. Срываю и сорвал [с] себя многие житейские путы, физиологию, зоологию, куда-то поднялся. Но дальше нельзя. Нечеловеческое сознание, понимание мира, понимание всего, та одуряющая рентгеновская ясность, которая бывает по утрам, при пробуждении, уже на грани с сумасшествием. Понимаю, что если пойду по этому пути дальше, то сумасшествие (т.е. излом, крушение сознания) неминуемо.

Каждый день и в Казани и здесь щелчки самолюбию, главному единственному свойству, оставшемуся от «зоологии». Стычка с глупым и наглым Капицей в «ньютоновской» комиссии. Человек без всякого чувства истории, зверь-изобретатель. Движущийся и автоматически рассказывающий анекдоты, но de facto умирающий А.Н. Крылов, у которого был на Энгельгардтовской Обсерватории под Казанью[1].

Для чего все это пишется? Какая-то, очевидно, самому неясная надежда на то, что кто-нибудь прочтет, и так ускользнуть со всеми несчастиями своими на некоторое время от разрушения?

А в общем тяжко, тяжко. В голове исчезает ясность и память и пора бы незаметно и безболезненно умереть. Это-то я заслужил.

Й[ошкар-]О[ла], 12 июня

Творческое знание – единственная сверхчеловеческая и надприродная черта у человека. Все остальное[:] даже любовь к родным, к своим, чувство прекрасного, доброта, не говорю уж о прочем – все человеческое. Знание не для создания дубины, сокрушающей ближнего, знание не для еды, а знание из чистого любопытства, творчество [–] из того же чистого источника. Это надмирное, божеское.

Война как будто бы затихла, но, по-видимому, исход ее с крахом гитлеровской авантюры ясен.

Й[ошкар-]О[ла], 14 июня, воскресенье

Может быть, «все прочее» у человека бессознательно только для знания. Оно одно идет последовательно выше и выше. Сейчас гимназист знает больше Эвклида и Ньютона. Это замечательное свойство знания. Все остальное обращается вспять, флуктуирует. А здесь excelsior*. Если бы Земля до времени не сгорела и не развалилась, если бы удалось зацепиться за что-то другое и передать научное наследство дальше… Тогда нашелся бы смысл у мира.

Сознание у человека, собаки, мухи, амебы, молекулы, электрона. Но если можно вниз все к более простому и элементарному, то неужели нет подъема кверху от человека – выше. Тогда все понятно, мир одухотворенный с единой душой. А наши флуктуации и несчастия – это подстригание ногтей, волос, насморки.

О Николае ничего. Мертвая стена.

Й[ошкар-]О[ла], 21 июня (воскр[есенье])

Чувствую въявь элементы, из которых слагается сознание. Вот слабеет память, а с ней все обобщается, тускнеет, живые люди обращаются в схему, помн[и]шь только внешние очертания лица, забываешь имя и живого человека. Проходит время, родные умершие, мать, [все] забылось, ушло в даль. В самолюбии отпало почти все внешнее, но оно, к несчастию, осталось и

* Все выше (*англ.*).

удерживает на земле. Душа вроде луковки, лепесток за лепестком опадает*, а в середке ничего не остается.

Ограниченность сознания, знания, логики, всего естествознания, их внутренняя замкнутость в человеческом становятся все яснее. Выше себя не прыгнешь.

Завтра год войны. Прошлогоднее 22 июня помню во всех подробностях. Встал рано, собираясь дописывать доклад для люминесцентной конференции. Умывшись (часов в 7 утра), включил радио на английскую станцию и сразу узнал все. Наше радио почти до 12 часов продолжало передавать гармошку, лекции о сеянии картофеля по Лысенке, «народные песни и пляски». Позвонил Чехматаеву – уехал на прогулку. Так до 12 часов и не мог оповестить Институт. Мировое сумасшествие в полном разгаре. Гитлер, конечно, лопнет, но в результате энтропия земной поверхности, по-видимому, возрастет до геркулесовых столбов.

Читаю «Праведников» Лескова. Это из самых больших русских книг. Человек больше суммы молекул.

Йошкар-Ола, 1 июля

Вчера вернулся из Казани, пробыл там неделю обычным суетливым, утомительным и бестолковым академическим житием. Тяга в Москву, все желают туда ехать якобы по очень боевым мотивам. В действительности почти всегда на поверку опасения за оставшуюся квартиру и имущество и желание забежать вперед – это, конечно, выражение стихийного военного оптимизма «General anti-draping», как прозвали в Казани это течение. Он столь же благоразумен, как и прошлогодний октябрьский General drapping[1].

Многие в Казани ходят на краю могилы, скелеты с сухожилиями, обтянутые кожей. Питаются по чину. Лёвшин, Фромм, Строгонова. Больших людей и больших идей нет, все однообразное, стандартное. Трафаретные комментарии радио и газет, разговоры о ценах на рынке, о столовых, о казанской грязи и об академическом хаосе. Где же они, большие люди?

Сессия физ[ико]-мат[ематического] отделения прошла шиворот на выворот. Доклад «Принципы спектрального преобразования света», к которому я долго готовился, вышел как об стену горох, безо вс[я]кой реакции. Жирный каплун Капица – спал, и другие в том же роде.

А у самого меня полная безотрадная ясность в голове – morir non duole*. Все ни к чему, осталось научно-спортсменское самолюбие. Живу как последние дни где-нибудь в чужом городе; вот-вот уеду и все станет ненужным

---

* У Вавилова «оппадает».

* Умирать не больно (*итал.*) (см. примеч. к записи от 4 апреля).

и далеким. Совсем отучился говорить о житейских делах как о серьезном деле.

Самое большое впечатление за эти дни «Праведники» Лескова, «Очарованный странник», «Левша» и пр. Обнаруживается коренастое, основное и скрытое русских ген[ов]. Очень многое люди еще не знают, и вот, может быт[ь], из-за этого еще интересно жить.

4 июля, Й[ошкар-]О[ла]

Вчера пал Севастополь. Восемь месяцев осады. Достойная страница русской истории.

5 июля, Й[ошкар-]О[ла] (Воскр.)

Мокрое, холодное, гнилое время; такая погода стоит недели три. Немцы всюду наступают, в Крыму, под Харьковом, Курском, Калининым, на Волхове, в Египте. Обывательские настроения колеблются от безудержного оптимизма до глубокого отчаяния.

Я стал чувствовать, что старею и что до конца осталось совсем не долго. Страшно жалко, что за последние годы отстал совсем от эксперимента. Опыт неизмеримо сложнее, умнее и интереснее человеческого ума. Как хорошо бы бросить эти нелепые «директорства» в Академии и в Оптическом Институте и спокойно сесть в рабочую комнату с лаборантом. Кажется, что напоследок натолкнулся бы на многое нежданное и умирать было бы приятнее и легче.

А душевные перспективы делаются день ото дня все элементарнее и скучнее. Обращение человека в мыслящий чурбан. Ищу якорь спасения. Неужели гипертрофия сознания только отвратительная плесень? Каждый день, просыпаясь, с отвращением смотрю и ожидаю нового дня.

9 июля, Й[ошкар-]О[ла]

В берендеевской Й[ошкар]-О[ле], ci-devant* Царевококшайске в эти летние дни много уютного и примиряющего. Зеленые улицы с деревянными домиками, досчатые панели, после дождя похожие на свежевымытые полы в избе, русские и черемисские бабы и мужики (положим, мужиков сейчас почти не видно) в белых рубахах, с вышитыми подолами, в чистеньких лаптях. Не хватает только церквей, да колокольного звона. Земляника на базаре. На заседании Ученого Совета в Оптическом И-те в окно высовывается голова, предлагающая купить молока. Здесь жить легче, легче и умирать.

На фронте опять тревога. Обывательские настроения прыгают от шапкозакидательства до глупого отчаяния.

---

* Бывшем (*фр.*).

«Аполлон и Дионис» Вересаева, «Человек из зеркала» Верфеля[1]. Философические прыжки, новые версии «Фауста», но с таким же отсутствием результата. Вопль, слова, говорящиеся несколько тысяч лет, и ничего нового.

А о Николае ничего.

11 июля, Й[ошкар-]О[ла]. Петров день.

После месячного перерыва первый жаркий день. С фронта вести невеселые, но отношение совсем иное, не паническое.

Абстракционные способности человека очень ограничены. Можно представить мир пустым, но это и все, всякие дальнейшие фантазии только вариации на темы, в изобилии имеющиеся кругом. Настоящая фантазия возможна только путем «математической экстраполяции», но и то она ограничена: что-то нужно обобщать, а это «что-то» берется тоже из окружающего, из опыта; понятия, определения, величины математики – все экспериментальное, обобщать и экстраполировать можно только данное на опыте. Вот почему философия бесплодна. Все равно выскочить за природные стенки не удается.

А между тем как странны эти атомы, фотоны, протоны, h, g, c и пр.![1]

Человеку (философу) хотелось бы быть Богом, чистым могущественным сознанием, понимающим и создающим все от начала до конца. На самом деле – мразь и, видимо, надо покорно жить, как живут вот черемисские скромные лошаденки, выполняющие все свои обязанности и тихо околевающие вовремя.

Сознать себя винтом в природной машине и ни на что больше не претендовать.

Конечно, в мире происходит какое-то грандиозное эволюционное действие, неведомо почему происходящее. Развитие сознания – едва ли случайный лишай и «болезнь», вероятно, это важнейшее звено эволюции. Пусть Земля сгорит, погибнет вместе с людьми, культурой, библиотеками, могучим сознанием. Но, конечно, есть еще миллионы Земель с развивающимся сознанием. Если сознанию суждено каким-то способом вырваться за пределы и границы, то статистически оно победит и станет чем-то вроде Бога.

Все это слишком примитивно и это может быть совсем не ясно.

Жить разучился, а мысль останавливается.

В том-то и дело, что люди для чего-то живут, но это «для чего-то» совсем не совпадает с индивидуальными стремлениями, так же как личные желания курицы или петуха не совпадают с намерениями хозяина. Сознание играет большую роль в намерениях хозяина, но курице оно принесло бы только

горе. Вдобавок совершенно статистический взгляд на вещи у хозяина. А в статистике индивидуальное не при чем.

19 июля, Й[ошкар-]О[ла] (Воскр[есенье])

Вернулся сегодня из Казани. Третьего дня около Университета, рядом с памятником Лобачевского увидал сына Виктора, только что приехавшего из Л[енин]гр[ада] поступать в Военно-Воздушную Академию. На ближайшие месяцы судьба его ясна.

Позавчера сон, сильный, резкий. Какое-то явно враждебное общество с[ельско-]х[озяйственных] людей и вот Николай, шепчет, что свободен, в каком-то полуарестантском одеянии защитного цвета. «Весь мой труд сосчитали сорными травами». Необычная острота чувства во сне.

Вчерашняя ночь – какой-то странный сон с револьвером в крови. Итак [,] явь и сон. И, несмотря на радость, очень тяжело и грустно.

Хочется передать действительное психическое мое состояние, но не удается, неуловимо. Устрашающий объективизм, ницшеанский объективный человек, а вместе с тем острое болезненное «я».

В Казани в бюро ф[изико]-м[атематического] Отделения подготовка к академическим «выборам». Иоффе проводит свою когорту. Ну Бог с ним. Сидел над Галилеем. Saggiatore[1] – прекрасен. Соединение научного и художественного так прекрасно и нужно. Тысячи мелких дел, усталость.

Военные вести за последние [:] дни повеселее под Воронежем.

22 июля, Й[ошкар-]О[ла]

Тоска по эксперименту. Рефлексия, копание в себе самом. Мало этого. А жизнь такая, и так все глупо устроено, что до экспериментального стола не дотянешься.

Виктор здесь, но нет Николая и несчастие становится еще глубже. И снова деревянный материализм и превращение человека в мягкую машину, в забор, в камень и хочется самому скорее окаменеть.

Ходят черемиски в своих вековечных белых платьях-рубах с расшитым подолом, в чистых лаптях и онучах, похожие на свежие белые грибы, на белые березы. А рядом представительницы эволюции – советские дамы и девицы с «бубикопфами»[1], чулочками a lá bebé*. Что это, естественная история и история или норма и декаданс?

27 июля, Й[ошкар-]О[ла]

Ольгин день. Холодно. С фронта совсем печальные новости о Цимлянской, Новочеркасске, Ростове. Вчера переехали на новую квартиру (Комсомольская ул. 74). Трехэтажный кирпичный дом между Совнаркомом и Кино.

---

* А ля бэби, ребенок (*фр.*).

Стиль – сплошное «inachevé»*. Потолок не оштукатурен, замков нет, сараев нет.

Странное дело «статистическое милосердие, человеколюбие, филантропия», т.е. пожалеть, любить помочь не Ивану Ивановичу, а человеку вообще, статистически среднему человеку. Это уже не милосердие, а совершенно беспримесный расчет. А между тем это – стиль эпохи.

29 июля, Й[ошкар-]О[ла]

Во времени, то что отмечаю, касается только очень небольшой части жизни. Бо́льшая часть – это институты, бесконечные «деловые» разговоры с людьми, лаборатории, заседания. Ужасно, что в этом слишком много «службы». Сейчас это участь громадного числа людей. Для ученого это трагедия, а для философа еще больше.

На войне совсем тяжело, но есть убежденность, что немецкий удар последний или предпоследний. Впрочем, все непонятно, вне сферы влияния, велико и страшно, как природа.

Silentium*.

Чувство бессилия, старости и страшного морозного объективизма. Иной раз все события кажутся происшествием в растоптанном муравейнике с точки зрения человека или еще более далекой и высокой. Обыкновенное «броуновское движение», флуктуации. На самом деле едва ли так, вернее, и так и не так, потому что на эти флуктуации накладывается большой процесс, начавшийся в 1917 г. Тоже флуктуация, но много бо́льшего периода.

2 августа, Й[ошкар-]О[ла]

Автоматизм. Люди, дети, сам действуем как заводные куклы. Дух живой ускользает. Писал биографию Лазарева. Что бы мог сказать и написать и что на самом деле написал. Но Лазарев сам был необычайно автоматичным. Неужели так вот не за что схватиться?

9 августа Йошкар-Ола[1]

Шесть дней пробыл в Казани. Сегодня вернулся. Нестерпимая, мучительная мозаика дел, разговоров, наблюдений, сплетен. На фронте целая трагедия (Армавир), а у всех полное безразличие. У исхудалых, страшных на вид людей мысли о дровах, картофеле, деньгах и семьях. Да и как же иначе! Усталость страшная.

По дороге и в Казани перечитывал «Преступление и Наказание». Не читал, может быть, лет 25 и впечатление потрясающее. Это как художество и глубина сна. И совсем современное. Повесть о немногих благодетелях, захвативших право вертеть котлетную машину истории.

---

* Незаконченное (*фр.*).

* Молчание (*лат.*).

Сдал биографию П.П. Лазарева. Вышло фальшиво. Человек он был мелкий, зачем-то и почему-то поднятый на башню, с которой его сбросили. В сущности, его деятельность – тяжелая и даже жуткая страница из истории нашей науки. 6 августа – 2 года ареста Николая. Целый день ходил сам не свой. Приехавшие из Москвы рассказывают, что будто бы американский посол, приехав в Москву, первым делом обращался с просьбой о его освобождении. Тоже жуткая страница из истории науки, да и просто людей.

Дождь, на базаре исчезает малина.

14 августа. Й[ошкар-]О[ла]

На фронте что-то малопонятное: Минеральные воды[1]. Но люди спокойны и безразличны. Прочел «Преступление и наказание». Это – кусок души, совсем не похоже на «художественное произведение» – живой, подлинный документ. Дневник проникновеннейшего человека. Дневник о человеке огромного сознания и с потерянным ощущением жизни. В этом и разница Раскольникова с «Наполеонами». У Раскольникова осталось одно сознание, без жизни, без морали. Эпилог совсем ни к чему, это – декорация и мистификация. П. и Н. – страшная вещь.

Хочется в лабораторию, к творческому опыту. Искать и находить новое.

18 августа. Й[ошкар-]О[ла]

Опять холодный, объективный, как микроскоп, пессимизм, особенно когда просыпаюсь. На несколько минут при этом как будто происходит резкая фокусировка этого ужасного микроскопа.

«Преступление и наказание» не идет из головы. Это и «Фауст» и великолепный детективный роман. Раскольников действительно человек чистого сознания, по этому самому сорвавшийся с осей и сходящий с ума.

А можно жить покойно, вроде А.Н. Крылова. В Казани вышли его «Воспоминания». В прошлом году А.Н. читал их нам в вагоне при переезде из Ленинграда, да и до этого с десяток раз многое слышал. Анекдотцы, рас[с]казанные умным человеком и прекрасным языком. Выпить, да еще Fachtätigkeit*. Вот и все.

На фронте глухо, но, по-видимому, очень грустно. Ушли из Майкопа. Пустопорожняя болтовня методолога Александрова по радио.

---

* Профессиональная деятельность (*нем.*).

В воскресенье купил новое издание «Диалектики природы» Энгельса за 3 р. 15 коп. А огурец на базаре (это в августе!) стоит 4 руб. Поистине – диалектика природы.

23 августа, Й[ошкар-]О[ла]

Лето кончилось, оно было на редкость холодным, десяти дней по настоящему жарких за все лето не было. Сейчас совсем холодно. Состояние тоскливо безразличное. Люди кажутся мухами. Так же просто родятся, живут и умирают.

25 августа, Й[ошкар-]О[ла]

Сегодня должен опять ехать в Казань. Двигаться не хочется. Надо куда-то под одеяло, к печке. Не в порядке живот. Ухо, губы. Люди, как плохие грибы на дороге, которые кто-то иногда собирает, а иногда отшвыривает с презрением носком сапога или лаптя. Мировая гармония. Сейчас эти люди изменяются как каучуковый шар. Поедут в Москву, в казенную командировку – немножко растолстеют, попадут в Казань – на глазах тощают как «умирающий черт». Вся человеческая «материя» на глазах дышет.

Опять серо, холодно и невыносимо тоскливо. В конце концов радуюсь, что мне шестой десяток и что скоро естественный конец. Количество предстоящих гадостей становится все меньше и меньше.

30 августа, Й[ошкар-]О[ла]

Из Казани вернулся сегодня рано утром. Холодно, лес насквозь покраснел и пожелтел. Щемящая и сладкая осенняя грусть, словно перед незаметной «асимптотической» смертью.

В Казани: у всех несчастия. Олега с Лидой[1] обокрали. Дурацкий казанский дом, в котором раньше помещалась здешняя «хитровка», описанная Горьким. Со двора третий этаж, а сзади подвал. Вынули стекло, украли штаны, платья etc. Сейчас это целое несчастье. У Лиды начался туберкулез. Но молодежь без философии – Kurzsichtigkeit*. Ночью, около 11 часов, в лунную ночь уходил от них. Наверху из рупора голос «В последний час... Дней пятнадцать тому назад...[» –] и давнее наступление на Ржев. По улице в лунном сумраке militaire'ы[2*] с барышнями и прочие ночные ходоки. Остановились, слушают, молчание, люди стали индифферентными.

Фонвизинский «Фронт» Корнейчука в «Правде» с открытиями, что Волга впадает в Каспийское море[2].

Люди издерганные, голодные, с несчастиями, на которые другие не реагируют. «Надрывной» разговор с полусумасшедшим Черепневым относительно «фосфóров».

В Свердловске заседал Президиум Академии. Из Комарова, кажется, весь песок окончательно высыпался, «1-й вице-президент» Байков А.А. –

---

* Близорукость, недальновидность (*нем.*).

[2*] Военные (*франц.*).

действующая пескоструйная машина. Иоффе по-прежнему без всякой надобности заметает следы лисьим хвостом, хотя и из него начинает сыпаться песок.

А внутренний материалистический Рентген становится совсем сжигающим. Люди кажутся каркасами, мало остроумными скелетами, обросшими мясом, которые в свое время превратятся в нефть вроде окатышей.

Но начинает изредка прорываться мысль, что самое великое открытие человека, действительно прорывающее все рамки и спасающее его – мысль о боге, хотя бы в самой примитивной форме. Стандартные «теории» возникновения религии ничего не стоят. На этом пути людям предстоит еще и необходимо сделать снова величайшие открытия.

31 августа, Й[ошкар-]О[ла]

Почему-то необычно тяжело. Материалистический Рентген обнажает людей кругом до бесстыдства. Читаю Сали[а]са и завидую людям, жившим лет 70–80 назад.

7 сентября, Й[ошкар-]О[ла]

Вчера воскресенье. Теплый солнечный осенний день. Пошли с Олюшкой за Кокшагу в лес за грибами. Поляна, разложил пальто, оперся головой о пень и тихо радуюсь лесной тишине. Весь спектр! Темнокрасные листья, кровавая рябина, желтые стволы и листья, зелень всех оттенков до синевы, небесная лазурь, темнофиолетовый ствол двухсотлетней сосны, недавно поваленной ураганом. Вдобавок белые облака. Человеческая машина устроена так, что вот такая обстановка вызывает максимальное равновесие и покой. И когда вспомн[и]шь, что творится за пределами таких полян, то хочется незаметно и скорее умереть на этой поляне.

Эволюция? Как будто бы нет в природе ненужного и без надобности страшного, вроде зубной боли. Думается, что гипертрофия сознания – просто зубная боль, неудача природы. Природа ошиблась. Какая уж это эволюция!

Что происходит на войне понять трудно. Предсказывать, все равно что гадать на кофейной гуще. Сталинград – Новороссийск – Моздок[1].

А о Николае ничего.

14 сентября, Й[ошкар-]О[ла]

Еду в Казань. Холодно, настоящая осень начинается. В душе все сморщилось. Вдобавок ко всему смотрю сам на себя со стороны и страшно

неприятно быть таким. Сегодня утром снова вспомнил, что Николая нет уже 3-й год.

Война... По-прежнему уверен, что Гитлер сломает шею, но дальше [–] ни в чем.

Вот даже написать ничего не могу. Пишу совсем не то, что хотелось бы, руки и мысли дряблые, безвольные, бессильные.

20 сентября. Йошкар-Ола

Только что из Казани вернулся. Поездка туда: в чемодане Эддингтон «Philosophy of physical science»[1] и романы Салиаса. Эддингтон рвется за пределы человеческих рамок и кажется: вот-вот вырвется. Вся физика, по Э[ддингтону], – «селективный субъективизм», основные законы вплоть до «универсальных констант» определяются «человеческим» [разумом]. И, насколько мог понять, сознание – это как раз абсолютное и сверхчеловеческое. Что-то вроде кантиантства на современной физической основе. Но вырваться все же не удается, а в конце концов остается довольно жалостная и едва ли верная абстракция. Салиас и многие вместе с ним чувствуют себя в тенетах как дома, не помышляют об их существовании и, конечно, не думают о возможности их разорвать (разве только на религиозно-магической основе).

В Казани – холод. Визит к Деборину. Жалостно нелепая фигура, запуганная, трусливая, без единой мысли, импотент во всех смыслах – почему-то «академик», которого даже силком выбирали. И вместе с тем добродушное существо из Fliegende Blätter[2], несомненно с зачатками этики и честности. Разговор о галилеевском сборнике[3].

В Физ[ическом] И[нститу]те кто в лес кто по дрова. Андреев на Черном море, Сухаревский в Москве[4], но центробежные силы очень велики и боюсь за целое. Впрочем, чувство случайности и флуктуационности стало таким отчетливым, что не удивляюсь и не удивлюсь, если десятилетние усилия создать Институт, несмотря на Иоффе и многих других вроде Ландсберга, приведу[т] к нулю.

Канонизированный Иоффе – Beatus* в сиянии белоснежных волос вокруг лысины. Старая лиса, лисящая без всякой надобности, по привычке. Странная фигура с величайшим эгоизмом, загримированным под величайшую филантропию, со способностями Geschültmacher'ства[2*], но без таланта.

Организатор, но совсем не творческий человек в физике, наделавший с большим добром немало злого. К нему странна[я] repulsion[3*]. Сообщает новости о всяких предстоящих благах земных для академиков (3000 руб. вместо 1000, выдача отрезов). Сейчас в деньгах и пище господствует больше

---

* Счастливый, блаженный (*лат.*).

[2*] Опытный делец, закулисный руководитель (*нем.*).

[3*] Антипатия (*англ.*).

чем когда-либо принцип чеховский: «Не тычь вилкой в омары, для генерала поставлено»[5]. Генералы охотятся за «завтрашним» в темном коридоре, доказывая, что они именно «генералы», идут в столовую на Комлева[6], где угощают «булочками» из сырой муки.

Сессия физ[ико]-мат[ематического] отделения. Смотрины будущих академиков и чл[енов]-корреспондентов Академии: Александров, Френкель, Лебедев, Векслер, Обреимов, Гринбер[г], Давыдов. Много хорошего и даже большого, но совсем нет «grand' art»[4*] Ломоносова, Менделеева, Рэзерфорда, Фарадея. Куда оно делось это большое искусство? Philosophy of physical science? Иоффе, конечно, по мере сил пакостит «фиановцам» (Векслеру). Почему? Скорее всего, по старой привычке.

Война. Бои под Царицыным и Грозным. Затяжная. Большое хороше[е] сопротивление с нашей стороны. А кругом измученность и тупое безразличие, обывательские гадания о «втором фронте».

О Николае ничего. Может быть, нет на свете, это совсем не плохо. Хорошо вовремя и незаметно уйти. В лучшем случае статистическая эволюция с индивидуальными глубочайшими отрицательными флуктуациями не утешительна. Есть люди активные слепые (в большинстве случаев) деятели этой эволюции и пассивные созерцатели (это зрячие). Тем и другим нехорошо.

Встретился за эти дни с «историками» А.И. Андреевым, Дебориным, Тарле, Тихановой М.А. Какая же это наука. В «честном» случае сборник «случáев» или произвольных схем, в нечестном [–] просто способ проституировать. Историки, видимо, даже не имеют понятия о флуктуациях и статистике. Каждый выбирает флуктуации, подходящие под его схему. Представить себе, что так бы делали, например, изучая броуновское движение!

По приезде в Й[ошкар]-О[лу] тщательная поверка документов, ищут дезертиров. Пропускают только с седыми бородами.

Й[ошкар-]О[ла], 2 октября

Увяз в биографии Ньютона. Интересно, пожалуй, никому не нужно и почти механическая работа. Если так потрошить архив и всякие случайные материалы о человеках, то можно создать колоссальную псевдонауку. Людям, очевидно, надо падать, умирать, как осенним листьям, а на их месте должно вырастать совсем новое. Память, история – «полезное орудие производства» и только, во всяком случае, с биологической точки зрения. А мы пользуемся отбросами и смакуем их.

[4*] Большое искусство, поиски философского камня (*фр.*).

На фронте вот уже недели две: бои под Сталинградом и Моздоком. Приближается зима.

13 октября. Й[ошкар-]О[ла]

Осенняя утренняя темь, дождь. Неопределенность с поездкой в Москву. Олюшке прислали повестку на трудовую повинность. Возня с биографией Ньютона. Планы и влезающая помаленьку простуда. Ощущение как перед гробом.

17 октября. Й[ошкар-]О[ла]

Ясность совершенно замораживающая. Так очевидно* понимаю, что так называемая «душа человеческая» – условный обман, предполагаемый в этой механической игрушке, бегающей по деревянным грязным панелям Йошкар-Олы на службу, за едой, в кино. Сам также механически пишу «Ньютона». Читаю детективные романы, сплю. Переход в труп совсем не удивителен.

18 октября (Воскресенье). Й[ошкар-]О[ла]

Боюсь, что балансирую на грани с сумасшествием. Усталость. Бессилие. А кругом все в глазах разлагается на составные части, дома на кирпичи, люди на кишки, желудок и прочие физические и психические атомы. Держаться, зацепляться совсем не за что. Нужен бы (а кому собственно нужен?) длительный санаторий вроде Флоренции. Там бы, конечно, ожил. Но не яснее ли сейчас все больше чем когда-либо?

Наряду с этим разложением и расшифровыванием окружающего – убеждаюсь в собственной бездарности – страшная вина перед родными. Николай. Как все это невыносимо. И война, обращающая жизнь при помощи гитлеров в котлетную машину. Эволюция? Будущие поколения, будущее мира и, с другой стороны, Après nous le déluge*? Совсем все неясно. И загадки не разрешить. Иногда хочется быть духом бесплотным, летающим всюду и на все смотрящим. Осталось еще любопытство. Но если всюду одно и то же, разница только во флуктуациях, сглаживающихся в среднем? Тогда и любопытству делать нечего.

Вот только музыка (сейчас слушал патетическую сонату) – в ней, кажется, есть абсолютное в отличие от всего прочего (от людей, слов, картин, мыслей).

Грязная мокрая осень. В городишке пройти трудно. Из вечернего сумрака мальчишки голосят: «Смелого лужа боится, смелого грязь не берет»!

На войне Сталинград, упорство с обеих сторон и пока еще нет выхода.

* Слово «очевидно» вписано вместо зачеркнутого слова «ясно».

* После нас хоть потоп (*фр.*).

25 октября, Й[ошкар-]О[ла] (воскр[есенье])

Сегодня вернулся из Казани. Утомительная пестрая и тошная мозаика мелких дел. Чего-чего нет. История с фосфо́рами, которые молодцы из Л.Ф. Т.И. украли у меня, Лёвшина, а теперь – реванш. Глупая-преглупая история, как на Смоленском рынке. Донос В.Д. Кузнецова из Томска Кафтанову на физиков-теоретиков, будто бы занимающихся только мезонами, протонами, нейтронами. А в конце концов боязнь Кузнецова как бы в Академию не выбрали вместо него теоретика-ядерника[1]. Добывание калош (для чего пришлось в течение 6 месяцев околачиваться по членам президиума, техснабовцам и пр.). Наивная информация какого-то полковника о тактике современной войны (полковник осведомлен настолько, что считал прорыв у Горлице, происходившим в 1915 на Западном фронте[2] – каково мне-то было слушать, когда сам я когда-то был на нашем левом фланге этого прорыва). Перегодки у сотрудников[3]. Беганье по столовым, где кормят мокрым тестом. Нетопленые вагоны. Разговоры с издательскими людьми о «Докладах», о «Биографии Ньютона», об «Оптике в военном деле»[4]. Дома, в Казани у Сибгатуллиных, хозяин Назиб Хайрулович делает зубной порошок, спички и свечки, а супруга Марго Камаловна – пела месяца 2, вернулась с медом, маслом. Дома кот сразу потолстел. Идут на концерт, на Камаловне роскошное провинциальное лазурное бархатное платье с боа. А дома сырость, грязь, как в ночлежном доме. – Вот часть казанской мозаики. А я? Автоматизм. Острое сознание случайности, флуктуационности происходящего. Как в броуновском движении, отдельные прыжки, выскоки – это и есть реальность. А между тем история, эволюция – смазывающие [скачки] средние [линии]. Но они в свою очередь, вероятно, оказываются статистическими. Чувствовать себя броуновской частицей, которую бессмысленно носит во все стороны – очень грустно. От такой жизни остается только среднее серое. Вообще жизненные стимулы тают и тают и жить все тяжелее.

Война обращается в громадный, медленный процесс, текущий помимо воли человеческой по линии неслыханного возрастания энтропии на поверхности Земного шара.

Так вот и не могу написать адэквата себя самого на сегодняшний день. Получается совсем не то, много элементарнее и мельче. Устаю.

Каждый человек, чем бы он ни занимался, всегда актер (бессознательно). Исполнение определенной роли (экспромтное) – это необходимый признак социального человека. Только человек на необитаемом острове не актер, да и то когда отучится от социальных актерских привычек. В это нужно вдуматься самым серьезным образом.

1 ноября, Йошкар-Ола

Вернулась Катюшка, после шестилетних лагерей[1].

Надо ехать в Казань, в Москву, в Свердловск. Тепла[я] солнечная погода.

О философии и писать невозможно, настолько она грустна и безнадежна.

7 ноября, Йошкар-Ола

2, 3, 4 был в Казани. Юбилейный доклад «25 лет советской физики и Физический институт»[1]. Еще два юбилейных заседания. Спешка. Нужно ехать в Москву, Свердловск. На сердце страшная Benommenheit*. Холод, сегодня ночью 16 градусов. По вечерам нет света. У Олюшки болит голова. Очень тяжело.

10 ноября, Йошкар-Ола

Завтра еду в Свердловск, оттуда в Москву.

Йошкар-Ола, 25 декабря

Для чего и кому нужны эти записи? Сейчас это кажется просто писанием вилами на воде. Страшная грусть, посеянная историей с Николаем, полная разуверенность в себе самом и в своих силах и способностях и, наконец, «философия» самая холодная, ледяная и флуктуационная. Это сейчас (т.е. последние месяцы) основа.

Ездил почти 1½ месяца. 11 ноября уехал в Свердловск, оттуда в Москву. С 23 ноября по 17 декабря был в Москве, с 18 по 23 в Казани. Устал и телом и душой и сейчас нужней всего, пожалуй, был бы недельный отдых. Это совсем невозможно.

В поезде в Свердловск в купе: Иоффе, Капица, Семенов. Бездарные «благочестивые» разговоры. Капица на вершине фаворитизма. Смесь неинтеллигентности с хитростью, ловкостью и полной беспринципностью. Талантливый автомат. У Иоффе трудно выразимая нравственная нечистоплотность, отсутствие настоящего дара, вид жирного банкира. Семенов, при всех способностях, невыносимая поганенькая нравственная блудливость. В купе было трудно дышать.

Свердловск – плоский город без лица, какой-то большой фабричный поселок и люди такие же фабричные. Академическая сессия с докладами о 25 годах по содержанию бесталанно скучная, казенная. Разговоры с людьми, академическими и прочими – стандартные, обтекаемые. Люди – заводные игрушки. Центр интересов «выдачи» прикладов[1], валенок, парфюмерии[и], съедобного*. Жранье в Доме Красной Армии. Продажные мысли, слова. Николая, кажется, выбрали в Королевское Общество[2].

Почти месяц в Москве. Первое впечатление после ½ годового перерыва [–] как за границу приехал. Это после Йошкар-Олы, Казани, Свердловска. О войне здесь не думают и не говорят, хотя немцы в 150 км. Все идет так, как

---

* Оцепенелость (*нем.*).

* У Вавивало съездобного.

будто бы война кончена и только мелочи доделываются. От Кудринской до Триумфальной площади насчитал около десятка разбитых бомбами домов, среди них старенький гагаринский особняк[3]. Город наполнен аферистами, ловящими рыбу в мутной воде. Пользуются тем, что в тылу, на востоке люди, учреждения, хозяева. Захватывают имущество, квартиры, места, кафедры.

Каждый день ходил по генералам, адмиралам, замнаркомам, главным инженерам. Заседания по светомаскировке, маскировке. Толкотня по улицам, метро, трамваям, троллейбусам. Усталость бесконечная. Люди, люди, бездарные, автоматичные.

Концерт органный Баха (Гедике). Словно голос Бога. Но в огромном зале Консерватории мороз, люди в шубах. Улететь бы с этой музыкой в небытие. «Три Сестры» в Художест[венном] театре. Улетал на машине времени в свое сложное, живое прошлое. Со всей его нелепостью, красотой, смыслом, человечностью, душой. А в зале люди с другой планеты. Гогочут в самые трагические минуты. Для новых людей – Чехов тарабарщина. А он на самом деле гениален.

Вернулся и погибаю в сложности мелочей. Прежде всего, хочется отдохнуть и потом незаметно умереть и уйти от других и от себя.

Когда 25 лет тому назад в Двинске – елка с офицерскими погонами и поясами, только что снятыми. Позор, грустный конец войны. Сейчас как будто победа. Немцам, как понимающим шахматным игрокам, в пору сдавать партию.

Йошкар-Ола, 27 дек[абря]. (Воскр[есенье])

Мороз, чистый снег, черемисские оборки на юбках, дым. Похоже опять на Берендеевку[1], особенно после Москвы.

Но из городка уходят соки. Ходил сегодня по лавкам книжным*, «Динамо», «Универмагу». Продают только велосипедные звонки да крокетные молотки, портреты вождей. Сравнение даже с декабрем прошлого года совсем невеселое.

В людях исчезает индивидуальное. Выполнение животных функций, и дальше заводная машина. По радио все то же, полтора года все то же. Новая техника с радио, телефоном, автомобилями, железными дорогами, самолетами создает из государства механическое целое.

А я устал, голова не работает и можно бы незаметно уйти с Земли.

Йошкар-Ола, 31 дек[абря]

Посмотрел прошлогоднюю запись. Очень похоже. Нет только морозов. В душе туман, грусть, безнадежность. Бессилие. Работа рядовая, мыслей нет. Хочется отдыхать, спрятаться от людей в какой-то санаторий, монастырь.

В течение года очень много писал, но и в этом никакой радости. Сейчас опять разверну Leonardo. Не подскажет ли он что-нибудь.

---

* У Вавилова книжной.

1943

Йошкар-Ола, 3 января

Писать не хочется. Ни к чему. Кому нужны эти преходящие тоскливые настроения без фактов. А факты?

Мягкая зима. Мало снегу. На фронте грохот побед, из которых должна определиться ближайшая история. Пишу про Ньютона. Утомительно это и скучно стало. В Академии, очевидно, трудами Арапа Федоровича «отшивают» и меня и Институт. Кому и к чему это нужно? Здесь «новогодние визиты» и визитеры. Гребенщиков И.В. молчаливый и грубый, как дуб, мистические провинциалы Слюсаревы, «графья» – сын А. Толстого Никита и иже с ним с поверхностными снобическими литературными разговорами. Радио с осточертевшим принудительным набором. Институт работает, но в науке так трудно сказать, что на пользу и что на ветер.

Настроения? Ледяные, тоскливые. Как нарочно, читаю C. Martha о Лукреции[1], с его, в сущности, совершенно гробокопательской философией. Америки, которые открываю, открыты тысячелетия назад. Ясно, что людям либо придется добровольно умереть, либо опуститься в животный примитив, умерив сознание, либо пробить стену этих страшных трех измерений и что-то за ними увидать.

А сейчас люди кажутся скелетом, обросшим мясом, говорящими жирными молекулами, вообще гадостью.

Йошкар-Ола, 17 января

По-прежнему не пишется.

На фронте вполне очевидный немецкий разгром и начало конца гитлериады. Прошлое воскресенье вернулся из Казани, где был 5 дней. В Физ[ическом] И-те совсем неладно. Тактика «отшивания» дает себя знать. Из-за меня страдает Институт. А мои напасти из-за чего?

Крещенские морозы, позавчера было 40°. В комнатах стынем. Апатия. Желание незаметно аннигилироваться.

Йошкар-Ола, 18 января

Знобит. Сижу в шубе около горящей печки. По радио слышу указ о производстве в маршалы Жукова и Воронова. Читаю «Черные стрелы» Стивен-

сона. Завтра нужно читать лекцию о Ньютоне. Противно. И больше ничего в голове нет. Сегодня крещенский сочельник.

Очень ясно чувствую, что стал стариком. Сразу скачок почти из юношества в старость. Даже самолюбие исчезает, лишь бы не трогали и незаметно для себя и других [уйти] в небытие.

Й[ошкар-]О[ла], 22 января

3-й день лежу. Обычная история с легкими. Мокрота, маленький жар, боль в боку и отвратительное состояние озноба и лихорадки. Вероятно, от этой гадости и умереть придется и, как все наши, – в марте. Скорее бы.

Й[ошкар-]О[ла], 23 января

Пишу лежа. В левом боку боль, масса мокроты. Голова плохо работает. На улице утром мороз, около 30°.

Весь жизненный интерес на вопросах развивающегося сознания. Люди, «просто живущие», исполняющие «предначертания», находятся в зоологической плоскости. Незоологические люди – Леонардо, Бетховен, Ньютон. Вероятно, sub specie aeternitatis* такие Ньютоны и Бетховены тоже выполняют зоологические функции, только редкостные. А, может быть, и не так, может быть, иногда удается пробиться через твердую оболочку «зоологического сознания» и заглянуть вовне и на себя самих.

Иногда под звуки радио, песни Солвейг, «Фантазии» Глинки и вспоминается было[е], на бестелесных санках с безбрежных высот спускается мама, Илюша, Лида, Александра Ивановна и, кажется, Николай.

Музыка – тоже голос оттуда.

Йошкар-Ола, 27 января

Гитлер разбит вдребезги на Волге и в Африке. По всем «объективным» показателям: положению на фронте, нефтяному вопросу, американским ресурсам и прочему несомнен[ен], как 2×2, результат: полный провал гитлериады. Выше моего понимания: упорство, упрямство и отсутствие капитуляции. Не собирается же Германия устроить себе «харакири»?

А [я] по-прежнему в нудном состоянии больного, с небольшой болью в левом боку. Изучил за время болезни «мушкетерный» вопрос. Прочел «Мемуары д'Артаньяна» сочинения какого-то графомана XVII-го в. Марто, потом «Трех мушкетеров» и, наконец, «Les vrai mousquetaires»*. Ясно, что в XVII в. жил настоящий д'Артаньян, не Казанова, не Декарт, умный, честный,

* С точки зрения вечности (*лат.*).

* «Настоящие мушкетеры» (*фр.*).

веселый, храбрый, с ясным чувством общественного долга. Может быть, это идеальный вид людей наиболее нужных и к жизни способных?

Йошкар-Ола, 30 января

Удивительно бездарно проходят дни болезни. Голова пустая. Настроение грустнейшее. Никакого приступа научной фантазии. Читаю пустые французские романы. Жить так нельзя.

Йошкар-Ола, 4 февраля

Насколько могу судить, шансы Гитлера спустились до нуля, начался разгром. Если во всем этом [есть] хотя бы какие-нибудь следы разума и расчета, то в ближайшее время надо ждать немецкой капитуляции, потому что действительно шансов не осталось.

Четвертый день хожу в Инстит[ут]. Но состояние уставшей статуи. Прострация, безразличие, усталость, бездарность. Если жить, то надо из такого состояния выбираться и возможно скорее.

Становится ясным ужас жизни в провинции. Дрова. Замерзающие трубы. Сплетни.

Дочитываю «Люди сороковых годов» Писемского. Сто лет тому назад. И опять меланхолия и беспросветность. Так не хотелось бы жить, но и так тоже. Один выход.

Йошкар-Ола, 7 февр[аля] (воскресенье)

«Смирись, гордый человек»[1]. Пора понять ограниченность и обусловленность сознания. Выше себя никак не прыгнешь. Сознание надо усмирять, подчинять его чисто практическим задачам, выдвигаемым обществом и биологией. «Полеты» сознания за пределы предельные – мнимые, невозможны. Нормальные люди, по-видимому, только в деревне. «Наше дело маленькое» – природе виднее, а я такая же гайка, как лошадь, собака, корова. Делай свое дело и не мудри.

За последнее время случайный подбор книг: «Отцы и дети», «Люди сороковых годов» Писемского, К. Чуковский: «О шестидесятниках»[2]. Получается биологическая страница о служебном переключении сознания. Ни логики, ни эстетики, ни благородства, и тем не менее побеждающий поворот. А наши предки любых сословий совсем взбалмошные люди инстинктов, спинного мозга, аффектов и пр. Где же там сознание с логикой?

Завтра собираюсь [в] Казань. Противно подумать, до того неуютен этот Университет [–] холодный, с наваленными ящиками, вонючей уборной, ака-

демическими сплетнями, интригами и чиновничеством, татарская квартирка, сырая, грязная, необходимостью просыпаться темным утром и тянуться в Университет. Поезд еле двигающийся. Пробираться по горбатым, неровным, вонючим, темным казанским улицам.

В связи с немецким поражение[м] на Волге и на Кавказе вижу, что за 25 лет с нами произошло огромное. Исчезли классовые причины, и необычайно выросла магнетизирующая сила государства: дисциплинированная сотня миллионов. Сознание, поставленное в рамки и на службу.

Йошкар-Ола, 14 февр[аля] (воскр[есенье])

В Казань не ездил. Позвонили, что нет начальства, из сотрудников половина разъехалась и т.д.

Сегодня первый раз вышел немного пройтись по белоснежным улицам. Жизнь, как зимовка за полярным кругом, и городишко с деревянными безликими домами похож на заполярный поселок.

Жизнь необычно для меня томительна, тягуча, бездарна. Если бы была удобная форма уничтожиться, вероятно, давно бы это сделал.

Раздумываю об истории науки. Она совсем отлична и даже противоположн[а] обычной истории общества, а тем более «естественной истории». История науки – это история редкостных флуктуаций мысли и научной работы, вовсе не усредняющихся общей статистикой. Наоборот, именно статистическая средняя бездарных бесцветных научных работ почти не имеет никакого значения. Редкие необыкновенные флуктуации вроде Архимеда и Ньютона становятся исходным пунктом дальнейших флуктуаций и т.д. Т.е. история науки – это история редчайших флуктуаций, развивающихся одна из другой и направленных в одну сторону. Это совсем не похоже на всякие прочие истории. История искусства – это тоже история флуктуаций, но только не цепляющихся друг за друга – без развития и без направленности. Кто лучше Пракситель или Роден, Бах или Бетховен.

История людей, общества тоже содержит немного от селективного выбора флуктуаций, но только очень немного. В основном флуктуации усредняются и возникает обычная историческая схема.

Наконец, естественная история. В эволюции, конечно, основное значение имеют флуктуации. Но только чрезвычайно редко они «идут впрок», в основном все усредняется и получается почти устойчивый мир.

Это важно бы продумать до конца.

Й[ошкар-]О[ла] 26 февраля

Вернулся сегодня из Казани. В Академии развал. По примеру вице-президентов начинают всеми правдами и неправдами диффундировать в Москву, поодиночке, группами, лабораториями. Вовсе не из-за патриотических

порывов, а для охраны собственных квартир, захвата зданий, теплых мест. В результате в Казани в академических институтах работа почти прекратилась, хлопочут о вагонах, билетах, пропусках, упаковываются и все нервозно дрожат, как бы их не обогнали.

Положение Физ[ического] И-та совсем дурацкое. Благодаря Шмидту и Иоффе злосчастное здание на Миуссах захвачено Электропромом, а потому нервозность у «фиановцев» больше, чем у других. Придется ехать в Москву. Но больше для того, чтобы совесть была чистой, сделать что-нибудь не надеюсь и перспективы мрачные.

В Казани празднования XXV-л[етнего] юбилея Красной Армии, разговоры с ранеными. Явно «перегнутый» и переборщенный юбилей Ньютона.

Ясны пустые времена. Ходишь, живешь и часами, днями в голову и в действиях ничего не прибавляется. Кому нужна такая жизнь. Печка, горящая в чистом поле.

Ясны слабости связей с другими людьми и с самим собой. Нужна какая-то большая радость. Иначе не знаю, как быть и как доживать.

Й[ошкар-]О[ла] 27 февраля

Три года тому назад начались несчастья. Сестра проводила в больницу, а сама умерла, а потом Николай и т.д. Три года тому назад кончил курить. Страшно тяжело жить. Если бы был какой-нибудь порошок вроде аспирина уничтожительный – давно бы не было на свете.

Й[ошкар-]О[ла] 28 февраля (Воскресенье)

Теплая вьюга. Начинается масленица. По снежной улице игрушечные фигуры мариек. В книжной лавке симфонии Шостаковича и масляные пейзажи.

Умереть не хочется раньше, чем не узнаю, чем же отличается мертвое от живого. Превращение в труп, в полено! Зарождение жизни из полена? Если все это так просто, то можно и нужно скорее умереть. Если же нет – надо подождать.

Й[ошкар-]О[ла] 2 марта

Память. Без нее сознание, я, ум теряют всякий смысл. Беспамятной душе не нужно никакое бессмертие. А между тем память слабнет, бледнеет – это и есть прямой и самый простой переход к смерти, притом полной, абсолютной, без всякого бессмертия.

Начало весны. Оттепель. С холодным ветром. Мартовские иды. Надо ехать в Москву. На фронте как будто бы затишье. Полонез.

Йошкар-Ола, 28 марта

Воскресенье. Вернулся из Москвы через Казань. В Москве был с 10-го по 24-ое. Из Казани в Москву – 4 ночи в поезде, обратно 3 ночи. Вообще за три недели путешествия, около недели – в поезде.

Медленно наступающая весна. На фронте, то сей, то оный на бок гнется[1] и по-прежнему непонятно почему немцы медлят с капитуляцией, когда все карты биты. Неужели надеются на раздоры?

В Москве тяжелые, безрезультатные хлопоты о здании Физ[ического] И-та на Миуссах. По словам Шмидта О.Ю., он, видете ли, ошибся, передав здание в июле 1941 г. Электропрому. Несчастное здание, помню его еще в 1916 г. в кирпиче, в лесах. Потом арест Лазарева, Лукашевский И-т спецзаданий, теперь этот Электропром. Не знаю, с какой стороны начать. И грустно за дом, как за живого человека.

Непостижимое «разрешение» Академии реэвакуироваться в Москву. В итоге академические институты заняты только переездными делами.

Предстоящие «выборы» в Академии с ограниченными специальностями.

Получил 2-ю сталинскую премию. Среди получивших Шелест, Образцов и пр. В Физ[ическом] И-те в Казани вчера митинг по этому случаю. Наговорили много хороших слов, как над покойником.

---

21 марта пошел на Ваганьковское кладбище, такое знакомое и родное, хожу туда лет 45. Та же церков[ь] с рядом простых грубых домов, развалины «гостиницы», в которой когда-то «поминали». Крест с надписью «Великий архидиакон Розов» около церкви. Совсем сгнившие дома духовенства. У нас прочная ограда, за два года дожди смыли надписи с крестов матери и Ал[ександры] Ивановны. Бросил через загородку еловый венок. Мартовский фатализм. Оказывается, пришел к могиле как раз в день 50-летия Лиды, она родилась 8/21 марта 1893 года. Память, я, самое крепкое.

На обратном пути к Казани, в километрах ста от Казани к остановившемуся поезду нашему вышел медведь, его подст[р]елил солдат из винтовки. Медведь ушел.

Где дом? 4 квартиры. Ленинград, Москва, Й[ошкар-]О[ла], Казань. ⟨Нрзб⟩ «я» расплывается. Пожалуй, роднее всего этот четыре[х]угольник на кладбище. Все свои. По-настоящему дома.

В голове никакой сосредоточенности. Николай?

В Москве народ голодный. В ГТТИ разбухший Кольченко, разговоры только о еде. Несчастная, голодная Ек[атерина] Ник[олаевна]. В президиуме Академии появившиеся бутерброды и пирожки мигом исчезли. Жирный Митин, в руках пирожок.

Й[ошкар-]О[ла] 1 апреля

Умер Рахманинов. Радио заговорило музыкальным голосом. Завтра – именины. Прошлое. Мама, Ал[ександра] Ивановна. Все на кладбище.

Й[ошкар-]О[ла] 4 апреля (воскр[есенье])

Мокрая снежная вьюга. Кокшага тронулась. Ранняя весна.

Тупое безразличие. Мысль притупилась. Механизм и материализм окружающего ничем не прикрыт. Прошло рождение Олюшкино и мое, прошли именины, годовщины матери, сестры, Лиды, и все мимо, без следа, без зацепки. Славословие в ГОИ по случаю премии. Пьяный банкет, возвращение домой черной ночью с опасностью утонуть в царевококшайских лужах.

Память. Ею держится душа человеческая, человеческая гордость. Содержание души пропорционально памяти. Начало потери памяти – начало реальной смерти. Кругом у людей память в лучшем случае практическая – помнят номера телефонов, трамваев, нужные лица. А память о деталях, «худо[же]ственная» память почти отсутствует. Люди без души. Историзм [–] выражение настоящей душевности. Хотелось бы поразмыслить о памяти.

Й[ошкар-]О[ла] 8 апреля

Сегодня еду в Казань. Отвратительная перспектива.

Страшная ясность утром, в постели, когда просыпаешься. Чувство скелета в мешке с жиром, который надо целый день представлять на житейской сцене.

Й[ошкар-]О[ла] 16 апреля

Вернулся из Казани. Все время чувство сорвавшегося с предуста[но]вленной орбиты. Жизнь, складывающаяся из принятых условностей, привычек, разбита. На каждого и на самого себя смотрю как на актера, стараясь разгадать настоящее, не актерское. Но этого настоящего не оказывается. Соскакиваю с одного образа на другой. То «мешок с костями», то «чистая душа». Сознание… Иногда вдруг что-то как будто начинаю понимать, но соскальзываю, забываю. Подняться выше себя самого не удается и падаешь в безнадежности. А до конца жизни хотелось бы понять, разбить эту границу и сказать другим. Не удается, убегает, ускальзывает.

В Казани хаос, сумбур, отсутствие всякой стройности. Готовятся в Москву. Война еще продолжается. Даже в Казань на рассвете, часов в 5 утра 13-го числа прилетал немецкий разведчик. Правда, немцы вою[ю]т, управляясь теперь больше спинным, чем головным мозгом. Как курица, которой голову срезали, продолжает еще бегать (помню это с детства).

Что выйдет из этого Drang nach Mockau*, не знаю.

Грустное поминальное заседание о П.П. Лазареве. Накануне спрашивает Я.И. Френкель: «Зачем устроили эту скукотищу?»

[«]Когда Вы умрете, Я[ков] И[льич], то и по Вас, вероятно, устроят такую же скукотищу. Это – только об академиках, о членах-корреспондентах не будут». Абрам Иоффе ничего не нашел что сказать, только два раза «почтил вставанием». Подлинно «Sic transit»2*. Если бы П.П. знал, что так будут подведены ему итоги.

Предвыборные гадости. Вул – желающий сделаться академиком, Сифоров – пишущий отзывы о самом себе. Обиженный Лёвшин, Ржевкин. Зоология во весь рост.

Настоящего нет, родного, глубокого. И, несмотря на теплую весну, хочется кончиться.

17 апреля. Й[ошкар-]О[ла]

Настоящая искусственная эволюция есть: она выражена прежде всего большой техникой: жел[езными] дорогами, авиацией, радио. Это действительно меняет лик земли или, по крайней мере, может изменить. Сам человек? Позавчера в Казани на диссертации А.С. Яковлева «К теории радиоактивного распада» слушал, как этот невзрачный скуластый парнишка из рабочей семьи говорил об уравнениях в спинорной форме. Все тонкости экстраполяционной математической физики. Стало быть, совсем на сырую почву, по существу едва ли биологически отличную от того, что было при Рюрике, упали эти декадентские научные семена. Растет, как будто бы так и надо. Эволюция произошла в книжных шкафах, а не в самом человеке.

По наследству этого не передашь. Вывод удивительный: развивается общество, социальный организм, а человек в отдельности остается приблизительно прежним. Современный студент вовсе не умнее Ньютона, но теперешние библиотеки совсем не то, что при Ньютоне.

На фронте «ничего существенного не произошло». Почему-то мне вспоминается март 1917 г.

---

* Натиск на Москву (*нем.*).

2* Так проходит мирская слава (*лат.*).

20 апреля, Й[ошкар-]О[ла]

Пустые, выжатые, бездарные дни. Особенно ясно чувствую себя заводной игрушкой, безмысленной.

Весна, Кокшага давно двинулась.

21 апреля, Й[ошкар-]О[ла]

Вчера вечером часов в десять сидел у окна, закрытого черной бумагой (маскировка). Через два стекла и бумагу проскочила пуля в полуметре от меня, между мною и Виктором. Стрелял пьяный или мальчишка? Ночью визиты по этой причине уг[оловного] розыска, НКВД и т.д. Все нотабли* Йошкар-Олы.

24 апреля, Й[ошкар-]О[ла]

«Покушение» производили мальчишки по 17 лет из ремесленного училища, пробовали пистолет собственного изделия. По городу уже легенды создаются, что покушались де на лауреата из-за денег.

Утром на рассвете сегодня стрельба. Не залетели ли немцы и сюда в отместку за Инстербург[1]?

Сегодня Великая Суббота. Никакого следа в городке. 12 церквей давно сломаны, собор превратился в «Пивсобор» с отломанным крестом. В голове холодная, назойливая пустота, жить и умереть одинаково, постепенно обращаюсь из человека в колоду. Память, образы, родные, стремления, самолюбие – все, все растаяло.

25 апреля, Й[ошкар-]О[ла]

Пасха. Олюшка сделала из сухарей подобие кулича со цветом, акварелью раскрасила яйца, устроили жидкую пасху. Трогательные попытки удержать уют старого.

⟨Нрзб.⟩*, плоскость существования, безнадежность попыток прорваться за «биологическую» перегородку. Единственная «мистика» жизни – таинственная эволюция, в которой приходится играть роль кирпича, укладываемого чужими руками.

Завтра еду опять в Казань расхлебывать академическую кашу. Как всегда перед Казанью – противно.

2 мая, Йошкар-Ола

Вернулся сегодня. Благодаря идиотической забывчивости Курусова (коменданта общежития Академии в Казани, избалованного и развращенного чаевыми человека) просидел в Казани два лишних дня без дела, с пустой головой и словесными ругательствами.

---

* От *лат.* notable – именитые люди.

* Возможно – «прозаизм».

В Казани отправка двух вагонов с оборудованием – легкий авангард «реэвакуации» в Москву, нервозно[с]ть фиановцев. Очень мало науки.

Отвратительное объективирование себя самого: распоряжающийся директор, кушающий с «ответственными работниками» в запрятанном закоулочке в подвале, без мыслей, без творчества. Лошадь как лошадь. При таком существовании не жалко превратиться в кирпич. Творчество, создание новых духовных ценностей (тоже не свое, но оправдывающее для меня существование).

Грустная тень Николая, всюду как фон.

Вижу яснее, чем раньше, страшную силу революции, превратившую народ в могучий таран, сейчас разбивающий немецкую сталь. Большевики сумели повернуть все «элементарные магнитики» в одну сторону. Из людей можно сделать силу могучую.

Первое и второе мая – непрерывный теплый дождь. Деревья зазеленели.

Страшнее и утомительнее всего отсутствие творческого подъема. Сам себе противен, обращаюсь в скота двуногого.

В Казани выступал в госпитале и в Институте. Люди без ног, без рук, а им все время подается трескучий военный трафарет.

4 мая, Й[ошкар-]О[ла] (утро)

Вдруг стал перед фактом, что уже лет 12-13 я не экспериментирую своими руками. Очень это тяжело. Создалась или сам создал такую обстановку, что нет времени. Отрыв от природы.

5 мая, Й[ошкар-]О[ла]

Чувство полной духовной пустоты (отсутствие творчества).

Олюшка говорит, что здесь, в Й[ошкар-]О[ле] ей живется лучше, чем в Питере. В этом много правды.

Солнце, копают землю, готовимся к третьей зиме в Й[ошкар-]О[ле].

9 мая, Й[ошкар-]О[ла] (Воскресенье)

Тунис, Бизерта[1]. На улице пахнет свежей зеленью, даже жарко. А на душе пустыня и потому жить не хочется. Оскудение творческого потенциала и житье кажется бессмысленным.

11 мая, Й[ошкар-]О[ла]

Сегодня немножко взялся за опыт (с шаром, зависимость выхода свечения кристаллических фосфоров от λ). Сразу живым духом природы повеяло.

Завидно себе самому, нужно бы все бросить, засесть тихонько в лабораторию с книгами, рукописями, картинами, хорошей музыкой и хорошими своими людьми, добрыми, умными, интересными и так бы прожить последние годы жизни.

Странная судьба философии. Гегель, Кант, Соловьев – столько труда, мысли, трудно читаемых и понимаемых книг и ни за что это не зацепилось. В естествознании даже микроскопические мелочи становятся кирпичами, на которых растет техника, наука, все входит в жизнь. В философии в лучшем случае судьба хороших художественных произведений.

Ни для кого они не обязательны. Одна эстетика. Что же это – псевдонаука? Чистое логизирование вроде шахматной игры? Неужели нельзя построить философию общеобязательную: как естествознание и математика? По-видимому, нельзя, за 3000 лет этого сделать не могли.

Собирал сегодня комиссию по изданию юбилейного сборника ГОИ (по случаю предстоящего 25-летия). Чувствуют люди, что прошлое уходит совсем, память исчезает с людьми и, кроме того, кругом полное непонимание историзма. Городишко, живущий почти 4 века, построенный при царе Иване. Ничего не осталось, как будто вчера на целине построили! Теряется смысл и мечты, житья и рода и расы и государства.

Много читаю, но так мало остается. R. Schneider. Rome [–] заинтересовали страницы о Camera delle signature* в Ватикане с рафаэлевскими «герметическими» фресками. В радио – Бах. Тихо[е] музыкальное умирание.

14 мая, Й[ошкар-]О[ла] (1 мая, по-старому)

Жарко, как в хорошее лето. Напротив – того гляди распустится сирень. В Африке покончили с Гитлером и Муссолини, подсчитывают взятых солдат и генералов. Если у гитлеровцев головной мозг еще в ходу – то они должны со дня на день полностью капитулировать.

Но, может быть, еще долго продолжится агония курицы с отрезанной головой, руководимой спинным мозгом.

О Николае ничего и жутко подумать.

16 мая, Йошкар-Ола (Воск[ресенье])

Первая весенняя прогулка в рощу за Кокшагу, на круглую поляну «чертову куличку». Тепло, ветер, в болоте черемуха, за которой лезть можно только босиком, засучив штаны. Хотел было записать «лесные мысли», да заглянул в прошлогодние записи, почто ровно год тому назад думалось почти то же. Тогда эти первые встречи с лесом были полны тайны и восторга «естествоиспытателя». Казалось, вот-вот всмотрюсь и разрешу кипячением в пробирке

---

* Комната в Ватикане, в которой подписью и печатью скреплялись папские указы.

вытяжек [из] зеленых листьев и цветов тайну жизни. Настоящая была романтическая наука, как у Новалиса, Гёте. Вместо этого «квалифицированный ученый», которому пошел 6-й десяток, с книжками, сотней «оттисков», искушенный в жизненных путях и интригах и, главное, совсем оторвавшийся от живой природы. Последние дни совсем урывками сажусь за лабораторный стол и словно попадаю на машину времени, возвращаюсь к детству и веселому философическому романтизму 12-14 лет.

Сейчас задним числом вижу, что жизнь моя сложилась совсем особенно. Не во внешних происшествиях дело, они как у многих других, ее действительное содержание всегда было «творчество и смотрение (созерцание)»[1]. Самому «жить» всегда было скучно, повинность, охота и настоящее было только к творчеству и смотрению. Это действительно так и это у немногих. А, главное, было это с самых ранних лет и по сегодняшний день.

Предстоит ехать в Казань и Москву. Тоска, тоска.

18 мая, Й[ошкар-]О[ла]

Еду сегодня в Казань, оттуда в Москву. Зачем, не особенно известно. Казанские остряки говорят, что Академия «тронулась» в обоих смыслах. Ехать тяжело, не хочется отрываться от своих, от Олюшки и Виктора, единственного что осталось. Дома нет больше. Разве на Ваганьковском.

30 мая, Москва (Воскресенье)

Безысходная и неотвязчивая тень смерти, полной, невозвратной. Прошлое воскресенье – тетки Олюшки, Ольга Павловна, и Ек[атерина] Павловна, старухи-скелеты, смерть беспутного Сережи Алексеева где-то в Сибири. Дальше пахомовские скелеты. Сегодня скелет Ек[атерины] Николаевны. Разговоры об еде. А на каждом шагу память о прошедшем.

Стул, купленный отцом в 1905 г. на Пресне, фотографии Лиды, записные книжки Николая. На Патриарших прудах – дом, в котором в 1917 г. жил П.П. Лазарев и где началась его академическая карьера.

Ясно, что «матери природе» сознание нужно как легкое эволюционное понукательное средство. А для нас, для меня сознание – все. Сделать так, чтобы камень «сознательно» падал куда надо, а бревно раскалывалось «по доброму желанию». С точки зрения природной механики это замечательно, но до чего же мучительно сознание.

Вчера был на «Школе злословия». Смотреть и думать, не делая. Это – одно. Второе – творчество. Кроме близких своих, Олюшки, Виктора, смотрение и творчество – единственная зацепка в жизни.

Москва – чистая, даже прилизанная, но совсем без души. Душа только в тихих разговорах старух по углам.

Война ясно кончается.

Как хотелось бы прожить последние годы жизни со своими, свободно смотря и творя.

Москва, 6 июня (Воскресен[ье])

Самое острое – отсутствие вблизи своих – Олюшки и Виктора. Люди, жизнь все больше просвечиваются. Вижу насквозь общую механику: самолюбие, голод, природой продиктованную любовь, любовь к детям. Взгляды, слова, жесты [–] все механизируется. Чувствую общество, вырастающее на трупах и костях людей. Если дальше продолжится такая рентгенизация, то жить станет совсем трудно. Surhomme'ом* все равно не станешь, выше себя не прыгнешь, а перестать быть человеком можно.

4-го июня вечером (в 11 ч.) попал в метро в тревогу. Народу тысяч 20. По-московски щеголеваты. Метро, асфальт, высокие дома, широкие улицы чему-то научили. Но эти 20 тысяч молчат! Манекены с выхолощенными душами.

Каждый день часов 10 движусь, как машина, пешком, на метро, троллейбусах, трамваях. Устаю, толку мало. Маленков, вызвавший сюда, еще не принимает. Версализм. Несчастный ФИАН в диспергированном состоянии. Я запутался в бесконечности дел и хочется тишины, сосредоточия мысли, своих, лаборатории и книг. Хочется творчески дожить жизнь.

Ходил по книгам. Единственная страсть, с ней умру.

Компаньон А.А. Лебедев нем, как рыба, с таким товарищем, как со стулом.

Москва 12 июня

Вчера был с Севченко у маршала Ворошилова. В 2 ч. ночи. Шли через «тревогу», продолжавшуюся 4 часа, все время со стрельбой зенитных пушек. Вернулись в 4 ч. утра из Воспитательного Дома.

Москва, 20 июня

17-го июня, наконец, принял Маленков. Не сумел отказаться от важных поручений[1].

Чувствую, что могу упасть в пропасть и буду раздавлен страшным грузом.

---

* Сверхчеловек (*фр.*).

Автоматизм, машинизм всех кругом не выходит из головы. Переход в небытие кажется совсем простым делом. Читаю бездарные автоматически – заказные «Хождения по мукам». Видел бездарную переделку «Мертвых душ» и «Пушкина» Булгакова. Душно.

Йошкар-Ола, 4 июля (воскр[есенье])

Сегодня вернулся из Москвы и Казани. Здесь тихо, солнце, земляника, картофельные огороды.

Йошкар-Ола, 5 июля

Страшная телеграмма от Олега о смерти Николая. Не верю. Из всех родных смертей самая жестокая. Обрываются последние жизненные нити. Невменяемость. Все равно, что стегать море или землю. Проклятое сознание. Реакция правильная одна, самому поскорее умереть любым способом. Не за что удержаться. Бог рассеялся, только свои, родные, но они готовы к тому же.

А Николаю так хотелось жить и умел он это делать. Господи, а может все же это ошибка?

Йошкар-Ола, 6 июля

Не забуду никогда вчерашнего Олюшкина крика, плача, когда сказал ей о Николае. Это было то, что нужно. А у меня замерзшая, окаменевшая душа, почти переставшая жить. Реакция одна – хочется самому умереть и если бы под рукой был револьвер или яд, может быть, вчера бы меня и не было. Работаю, живу, как автомат, зажав мысль. Спасаюсь опять итальянской книгой A. Maurel: Un mois a Roma*. Когда Николая арестовали, читал Pilgerfahrten in Italien[1]

«Когда я буду погибать
. . . .
Тогда волшебной пеленой
Ты ниспади передо мной
Италия, мой край родной».

Лет 30 [назад] писал это. И так оно и есть. Сейчас так хочется тихой, быстрой, незаметной смерти.

Йошкар-Ола, 8 июля

Цепляюсь за надежду, что телеграмма ошибочная. А мысль и жизнь отравлена. В это же время надо работать, надо лететь в Москву.

Все это такое растаптывание единственного, что осталось, что о чем же думать кроме смерти.

---

* Месяц в Риме (*фр.*).

Но, конечно, опять пройдет время, опять забудется. Противно на себя самого, на всех.

Москва, 11 июля (воскр[есенье])

На фоне подавленности, горя и усталости вчерашнее воздушное путешествие из тихого, зеленого, провинциального Царевококшайска в Москву. Стараюсь писать, а в душе тупое отчаяние и слезы к горлу подступают.

Накануне, 9-го[1] узнал от обкомовца Маракулина, что из Москвы «нажимают» и что я должен быть в Москве на антифашистском митинге. Целый день несчастный Маракулин метался в поисках средств сообщения: поезда нет, бензина нет, да на машине вообще в Казань не проедешь. К вечеру сказал, что я могу лететь в 5 ч. с Павловского военного аэродрома на П2, пикир[ующем] бомбардировщике. По отвратительной деревянной дороге добрались до аэродрома. Олюшка провожала. Опоздали, а потом майор и полковник отказались вести, опасаясь за «драгоценную жизнь академиков». По телефону сговорились с гражданским аэродромом, наблюдающим за лесными пожарами. Съездили туда и договорились лететь рано утром в субботу.

Вот так и летели с Гершуном на двух У2 с местными царевококшайскими летчиками, которые как будто бы и в Казани-то никогда не бывали. Новые люди, сильные, без всякой рефлексии, простые, по-видимому, смелые. Прохладное утро с туманом, роса, зелень. Жеребец нежится с кобылой.

Полетели над дикими черемисскими лесами, над гнилыми реками и бездорожьем.

В Казани чудом через полчаса пересели в огромный Дуглас в жаркую кабину, вроде автобуса, где воняло резиной и ехали генеральские жены и дети. До Москвы начало закачивать. Через окно пейзажи сверху, как у Пьеро делла Франческа. Вот совсем новая Москва с громадами каменных ящиков, поставленных, как игрушечная Троица. Сверху эта Москва чистая и аккуратная. На аэродроме какая-то милосердная генеральская жена перекисиводородного цвета довезла до дома на машине.

Ну а потом дрязги, «дела», сплетни, фальш[ь] и подлинный ужас. Митинговая речь, из которой выскоблили все, что в ней своего было.

Николай – пытаюсь говорить, что не верю, а между тем это почти несомненно. Наглое выступление Капицы. Как бы хорошо разбиться на самолете. Так тяжело. Никакого творчества, ничего не хочется видет[ь], повода к жизни нет.

Трагедия Николая забыться не может. Это страшнее и несправедливее Галилея и Лавуазье. Был Олег, ему сказали, что Николай будто бы умер 11-го июня, месяц назад.

А я в положении ridi pagliccio[*, 2]. Митинг на фоне сицилийской фигуры умолчания[3], без подъема. Даже по радио не передавали.

* «Смейся, паяц» (*ит.*).

Москва, 14 июля

Опять ridi pagliaccio. Получение диплома[1]. Я должен был говорить первым.

Из человека можно сделать манекен.

Москва, 16 июля

Странное ощущение исчезновения души из окружающего. Дети, старушки, солдаты, служащие ясны, просты и элементарны как гайки и винты громадного Левиафана. У себя самого чувствую порчу машины, трудно переключать сознание, быстро реагировать. Холодно, страшно на душе и предчувствие конца.

Завтра хочу уехать. Временное бегство. Там тоже. Фальш[ь]. К чему? Бог, душа, великое-прекрасное, настоящая любовь. Природа слишком жестока, прибегая к сознанию как средству.

Йошкар-Ола, 21 июля

В Казань из Москвы приехал 18-го ночью и вчера вернулся сюда. Олюшка получила от Елены Ивановны из Саратова телеграмму, что Николай умер в саратовской тюрьме 24 декабря 1942 г.

У меня отрезана добровольно-сознательная часть жизни. Существую автоматом. Потух всякий творческий и наблюдательный порыв. Кричать и бить кулаками тоже не могу, слишком много видел, знаю и понимаю, и нет энергии.

Как умирал Николай? Из семьи остался я один. Остальное – младшее поколение, на нас непохожее.

Йошкар-Ола, 25 июля

Все идет так, как будто бы ничего не случилось. С 8 до 6 часов в Институте. Инфракрасные дела, глупые «отеческие» разговоры в лаборатории с Севченкой, Свешниковым и прочими. Усталось. Прихожу домой, лежу, как пласт, с романами. Напыщенная скучнейшая дребедень радио. За исключением Олюшки говорить не с кем. Не с кем говорить о Николае. Вчера Олюшкины именины, Кравец с анекдотами, мелкие, пустые разговоры.

В голове оскудение. Ни физики, ни метафизики. Бездарное, страшное житье. Сегодня 23 года нашей свадьбы.

Йошкар-Ола, 1 августа, Воскр[есенье]

Лето перед осенью. Малина. Грибы. Отставка Муссолини, обывательские разговоры вокруг этого. В Институте непрекращающаяся череда разговорных дел. Визит С.Г. Суворова из ЦК – три дня. Тяжелая усталость. Страшная тень Николая начинает в памяти затуманиваться. Через неделю надо опять в Москву.

Тянущаяся жизнь без гения, без желания. С полной ясностью понятно, что бóльшая часть прожита, пора готовиться к концу, который совсем не пу-

гает. «Земля и в землю отыдеши»[1], и очень хорошо. Пусть завянет ужасный цветок сознания, небольшая боль и страдание – какие пустяки в сравнении с пережитым. Людям для жизни нужен зам[еститель] Бог[а].

O lasciatemi morire!*

Ходили с Олюшкой в лес. В лесу, как дома, родное свое, для чего родился. Грибы, много красных осиновиков – белый один нашел. Раньше считал хорошей приметой. Малина, костяника, остатки земляники. И опять теперешняя постоянная мечта. Сесть на пень, забыться, заснуть среди леса, лесных запахов, грибов, ягод, и не проснуться.

Й[ошкар-]О[ла] 3 августа

Стоит осенняя холодная дождливая погода. Илья пророк на себя не похож.

Вспомнил сегодня утром, как мы с Николаем в Богдановке клубнику воровали в имении у Басовой.

Й[ошкар-]О[ла] 5 августа

(По поводу Муссолини.) Эти люди считают, что они действительные благодетели человечества.

Война продолжается. Советские войска вошли в Орел, просвещенные мореплаватели бомбят Неаполь, и смысл этого (даже разбойничий) совсем утерялся. По правилам всякой логики Гитлер войну проиграл, а она продолжается. Опять в голове картина курицы, бегающей с отрезанной головой. Спинной мозг.

А у меня надо всем Николаева тень. Жить стало очень трудно.

Й[ошкар-]О[ла] 6 августа

Три года тому назад в этот день был арестован Николай. Теперь он умер. Говорить я ничего не могу.

Й[ошкар-]О[ла] 8 августа, воскресенье

Завтра опять надо в Казань, в Москву. Опять люди, сплетни, усталость и безысходность. Жарко, болит голова и перед взором холод, ужас и безысходность механического мира с утерянной душой.

Москва, 15 августа

В Москву приехал 12-го.

В сущности с полным сознанием, правильнее, именно от этого сознания, я умираю. С каждым днем яснее автоматизм и механичность людской истории. Заведенные куклы, размножающиеся (отсюда любовь, красота, эстети-

---

* О, пусть я умру! (*лат.*).

ка, вероятно, мораль), питающиеся, требующие воздуха, света (отсюда все, война, политика). Ясна беспомощность сознания за определенными пределами, невозможность вытащить самого себя за волосы. Голодающая, обезумевшая Екатерина Николаевна, ставшая испортившимся автоматом. Веснины, искусственно пытающиеся построить «уютную жизнь», отпихивающиеся от ее страшного. Исчезающая память о Николае.

Отпадают, ослабевают, атрофируются жизненные двигатели. Не хочется есть, слабеет самолюбие. Какие-то остатки научного любопытства, охоты к книгам. Двигаюсь, как лунатик, и от первого толчка могу полететь. Твердо вижу, что узнал о жизни больше Ньютонов и Кантов и «почтительно мой билет возвращаю»[1]. А вот написать все это не могу, срывается «Ungenauigkeit's Relation»*.

Москва накануне конца войны. Гитлеровское безумие кончается, так же как оно кончилось в 1918 г.

Сижу часами в Электропроме. Бертинов психологически очень похож на Ольберта. Дергание, кавардак.

Что происходит кругом? Не пишется. Все равно что описывать отдельные камни булыжной мостовой, броуновское движение отдельных пылинок.

Йошкар-Ола, 22 августа

19-го уехал из Москвы с А.А. Лебедевым, молчаливым, как камень. Разберись-ка в таком человеке.

День в Казани. Бьюсь за ФИАН, при такой конъюнктуре он может распасться. Это тоже вроде смерти.

Сегодня воскресенье. Из Казани повернул в деревенскую болотную зелень здешних мест. Деревня [–] и как будто родное. Но через неделю опять надо в Москву «выбирать» академиков.

Привез «лимитные продукты», деньги. Гадко припасаться. Холодно, тяжело, устало.

Й[ошкар-]О[ла], 26 августа

Во сне Николай, в состоянии полумертвеца. Жалко, страшно и хочется поскорее превратиться в камень без сознания.

В голове пусто, нет интересных книг. Впереди тоскливое путешествие в Москву.

Для того чтобы жить, нужно изрядно придушить сознание, оставив его только как жизненный регулятор «на потребу». (Смотря на ребят во дворе, как они жизни радуются.) Мне совсем ясно, что гипертрофия сознания обязательно приведет к трагедии.

На Милан за полчаса сброшено 1000 тонн бомб. Вот те и Duomo и Cena[1].

---

* Соотношение неопределенностей (*нем.*).

Москва, 5 сентября

Прошлое воскресенье выехал с Олюшкой и Н.Н. Качаловым через Казань в Москву. Усталая, замученная душа, переставшая отзываться на внешнее, замолкшая внутри. Мало разницы с трупом в гробу, перевозимым в гробу.

Слегка задевает начавшаяся осень, желтые и багряные листья, как седина, появившаяся в лесах и кустарниках. Казань, Б. Красная улица, грязная лачуга в доме, в котором когда-то жил Толстой. Марго Камаловна – квартирная хозяйка. Показываю Олюшке в темноте, под накрапывающий дождик Казань, бюст Лобачевского, казанскую провинциальную старую грусть.

В понедельник – Физический Институт, пустующий Казанский университет, из которого выбирается ошалевшая Академия. В ФИАНе грустно. Неуверенность в завтрашнем дне. Явное отсутствие оживляющего «фавора». Мало людей и страшно чувствовать, что у людей одна надежда на тебя. Словно малые дети. О науке говорить мало приходится.

Полтора суток в поезде. Молодой подполковник партиец с фрон[т]а со свободными и свежими словами. Летят мимо Сергачи, Канаши, Арзамасы с молоком, помидорами, огурцами. Читаю «Les Demoiselles de Verrières» G. Maugras[1], в которых с наивностью и простотой отразился переход человека снова к «бестии» после Ньютона и Декарта. Разница между кошками и котами и этими персонами de dixhuitieme siècle* совсем небольшая.

1-го сентября в Москве. Опять хаос неопрятных, неточных зубчатых колес сложной машины. Академия, Электропром и пр., неполадки с машинами, шоферами. Не освобождаемый злосчастный Физический Институт на Миусах. Н.Н. Андреев, желающий вывес[и]ть знамя «Акустического Института». Пайки, лимиты, выборы, сплетни. Очере[д]ной сумасшедший предвыборный ход конем В.В. Шулейкина (письмо в бюро ф[изико-]м[атематического] отделения). А душа пустая, окаменевшая. Тень Николая. Жить совсем не хочется.

13 сентября, Москва, понедельник

Прошла еще одна московская неделя. Бесконечное колесо разговоров и дел. Телефоны, посетители с 8 ч. утра до 12 ч. ночи. Днем – Электропром, ламповый завод, ВЭИ, несчастный ФИАН в Харитоньевском переулке, Академический «Версаль», ставший совсем глупым придворным рамоли. Отдыхаю только в постели. Положим, нет: был с Олюшкой на буффонаде: «Пиквикского Клуба».

Себя самого совсем не вижу, осталось «деловое» сознание, как у автомата. Стало холодно. Кругом победные настроения. Итальянцы, капитулируя перед немцами и союзниками сразу, по-видимому, нашли способ выйти сухими из воды. Почему еще вою[ю]т немцы, понять не могу, война проиграна ganz und gar*.

В пестроте и множестве лиц, сведений теряю всякую чувствительность[:] умерла А.Н. Лебедева, появлялся Б.Н. Татаринов с фрон[т]а. По[ч]ти перестаю быть человеком.

---

* XVIII века (*фр.*).

* Совсем, всецело (нем.).

Москва, 10 октября

Не писал почти месяц: все в Москве. Состояние и настроение как перед последней трагедией. Балаган академических выборов. Замкнутые «экспертные комиссии» по специальностям, не общающиеся одна с другой, не допускавшие академиков даже для разговоров. Ограниченные специальности, вычеркнутая теоретическая физика. Особые рекомендации Курчатова. Выборы «во что бы то ни стало» Курчатова, проваленного два раза на отделении. Выбрали Иванова (55 голосов из 95), Корнейчука (52 из 95). Максимов выбран. Академия кверх ногами, переходящая в свою противоположность. Коллективность Академии только на тоскливом банкете. Морально свалившийся на дно Арап Федорович и сколько других.

Жалкие расспросы о Николае, чтобы сразу перейти к другим темам.

Война за Миусский Институт, искаженный, изуродованный, исковерканный. Бесконечные звонки по вертушкам и другим телефонам к Бергу, жалостные разговоры с Бертиновым, нервная трепка. Сейчас только звонил Олег, что вывозят шкафы ФИАНа. Пришлось «рычать» по телефону.

Заседательство, поездки на завод, ВЭИ, в роли по «уполномоченным делам[»].

Сложный переплет ГОИ, ФИАН, ВЭИ, 2-го Управления, Электропрома.

Дела издательские: ньютоновский сборник, комиссия популярной литературы, РИСО у Комарова в купеческом особняке на Пятницкой, отталкивающий полутруп Комарова с версализмом, сервелизмом, подмигиваниями Б. Шуйского, секретарями-холуями, супругой, претендующей на значение.

Чехматаев, хлопочущий об юбилейных орденах. Кравец, превеликими усилиями протолкнутый в члены-корреспонденты.

Олег из Саратова приехал. Николай умер 26 января 1943 г. До 20 апреля в камере смертников. Смерть, вероятно, от цынги.

Теплая осень. Падающие последние листья. Мечтаю о какой-нибудь медицинской таблетке, которая быстро бы и незаметно отправ[и]ла на тот свет.

Науки целый месяц нет. Холодно. Хожу в Николаевом пальто. Читаю В. Розанова, Радищева, По Э.

Кончается война. По-прежнему не понимаю, почему немцы не капитулируют.

Москва, 17 октября

Опять отрыв от условностей, слов, жестов, привычек. Безнадежная попытка надчеловеческой точки зрения. Люди кажутся машинами, мало отличными от трамваев, автомобилей. Едят, любят, умирают, под давлением государственного аппарата работают, движутся, заполняют мозг трафаретными словами, мыслями, песнями. Сами государства тоже движутся силами, мало отличающимися от сил, определяющих ссоры, склоки, дружбы и союзы в коммунальных квартирах. К чему-то все стремятся. Эволюция. Ясно, что «я» – только нефть и бензин в эволюционной машине. Направление и цель эволюции совсем не ясны.

И снова – сознание. Сильное эволюционное орудие, но гипертрофированное и в конце концов самоуничтожающееся.

Мира не знаем, но незнание, может быть, и есть единственное подлинное знание. Не высидишь из себя «und sehe dass wir nichts wissen können»*.

Таковы клочки философи[и]. Ничего нового, старая безнадежность.

Ну а теперь житейское. Мучительная неделя. Каждый день просыпаюсь в сырой, холодной московской комнате, с ужасом предвидя Миуссы, Электропром, Харитоньевский переулок. Переехавший из Казани Институт в ужасном состоянии. Люди устали, здание разорено. А мне, как вечному жиду, надо мчаться в Царевококшайск.

Каждый миг чувствую над собой груз невыполненных дел. Смертельная усталость. Невыносимая тоска трафаретных разговоров в доме ученых. У всех притупились мысли, мо[з]г. Слова одни и те же. На трамваях homo homini lupus[2*].

Хорошая осень. Мало дождей, довольно тепло. Немцы снова напоминают мечущуюся курицу с отрезанной головой.

А тут же свежие №№ за 1943 г. Comptes Rendus, Nuovo Cimento, Physikalische Zeitschrift.

Николай. С ужасом смотрю на себя в зеркало, узнавая его жесты и черты. Хожу в его пальто.

Завтра в Йошкар-Олу.

Господи, как бы хотелось остановиться и побыть в философской нирване, или попросту умереть.

Казань, 20 октября

Поезд. В купе отпущенный сержант-мариец, наивный как безобидный зверек, голодный. Хитрый железнодорожник-тамбовец, разъезжающий по каким-то контрольным заданиям. Все видит, все примечает, боится начальства, но намеками подмигивает. Лесковская фигура.

В Казани несколько часов. Завернул на пепелище Казанского университета. К Ботвиннику. Вечером ходил по печальным стогнам[1] Казани. После Москвы и академического разъезда, да особенно осенним октябрем слышится грусть и Казани жалко. На самом деле здесь все же жить лучше, чем в Москве, по крайней мере, людям моего склада.

Татарские хозяева встречают приветливо.

Йошкар-Ола, 21 октября

Голова кружится. Надо отдыхать. Почти камень, никакой ясности сознания.

Трафаретные слова.

Йошкар-Ола, 24 октября. Воскресенье

Деревенская свежесть. Черемисы наивные, как дети и зверьки. Ближе к естеству, к тому, «для чего природа нас на свет произвела»[1].

---

* и вижу, что мы ничего не можем знать (*нем.*).

[2*] Человек человеку волк (*лат.*).

После Москвы тягостное чувство усталости и духовного опустошения. Нужно бы сделать многое, а не могу. Нужна тишина, одиночество, спокойствие, сосредоточие.

Оглядываюсь на себя, как на винт эволюционной машины. Ведь ясно, что только для этого нужен, по крайней мере, людям. Но – мелочь, можно бы обойтись и не лучше бы убраться, не мучая себя и не мешая другим. Со стороны богов сознание – чудовищно зверское орудие. Можно бы обойтись звездами и облаками с их безучастьем к земному. Отвратительное желание – прыгнуть выше себя и сознание невозможности этого.

Возможно, что людям когда-нибудь удастся найти способы не стареть, жить произвольно долго, манипулировать в индивидуальном сознании гораздо больше, чем это удавалось Аристотелям, Ньютонам и прочим. Будет ли качественный скачок, удастся ли подойти к божескому «eritis sicut dei»*. Ничего верного сказать не могу, но печальное сомнение одолевает. Черемисы к богу ближе.

Взят Мелитополь. Война на закате. Радио, Шостаковича первая симфония. По-прежнему вытягивание одной ноты. В лучшем случае декадентский рисунок, а не музыкальная глубина – живопись.

В поисках абсолютного. И пока ничего кроме сохраняющейся энергии и заряда. Все остальное растекается, гибнет, исчезает.

Й[ошкар-]О[ла] 26 октября

С утра снег идет. Чувство тихого умирания. Словно лежу в открытой могиле и засыпает снежным одеялом.

Получил приглашение в здешнее НКВД. Пришла бумага относительно Николая о его смерти 26 января в Саратове. Прочел и расписался. Последняя тоненькая ниточка надежды оборвалась. Надо понять полностью, Николай умер.

Й[ошкар-]О[ла] 31 октября

Дня три лежит снег, небольшой мороз. Зима пришла сразу после сухой осени.

В небольшие урывки «домашнего» времени, усталый, ни к чему не способный читаю «Les diaboliques» B. d'Aurevilly[1]. Книга талантливая, страшная, французская и на 100 процентов безнадежно атеистическая. Материализм на практике. Действительно дьявольский хохот над людьми, запутавшимися в сознании, приличии, морали и зверском элементарном существе. Впрыснут эликсир самолюбия, любви, получается буйная человеческая машина. Иссякли эти эликсиры [–] и человеческое сознание перед страшным разбитым корытом. Ему надо исчезать.

Когда подумаю о Москве, жутко становится. А как-то надо доживать.

---

* Будете как боги (*лат.*).

На свете осталось только искусство, вернее, только музыка. Она (конечно, безголосая только) отрывает и переносит в 4-ое измерение.

Йошкар-Ола, 9 ноября

Прошли два дня праздника. Мороз без снега. Демонстрация в Й.О. Выступал на митинге. Вчера с Олюшкой пошли в лес, к священной или чертовской «кулижке». Виктор вернулся из лесу, два дня в тщетных поисках за медведем и лосем. Как хорошо в лесу и как хотелось бы там незаметно для себя и других умереть на этом легком морозе, среди последней зелени, седого инея. Проснулся сегодня, роясь во сне в портфелях Николая и даже во сне удивляясь его «петровской» энергии, направленности, воли, умению работать.

Й[ошкар-]О[ла] 14 ноября

Опасаюсь, что сойду с ума. Смерть Николая поставила последнюю точку в той пронзительной, безотрадной картине на людей, которая постепенно создавалась за последние страшные годы. Сознание, оторвавшееся от его прямого биологического назначения. Это, вероятно, и есть начало сумасшествия. В попытках подняться все выше и выше, наконец, крутой обвал вниз почти прямо к смерти. Природа еще бережет от этого. Каждое новое «открытие», новый печальнейший простор, открывающийся перед сознанием, почти всегда тотчас же срывается, забывается, опять обволакивает жизнь, «человеческое». «Открытия» не велики, но совершенно безнадежны.

Здесь мягкое начало зимы. Снег, почти тающий. На фронте – немецкая агония, взятие Киева, Житомира.

Постепенная потеря всего: Бога, близких, людей, природы и только остающееся печальное сознание.

То, что заполняет дни: просыпаюсь в 6 ч. утра: радио над головой вместо будильника. И сразу при переходе от сна к бодрости «рентгеновская» ледяная ясность. В 8 ч. в Оптическом Институте. Писание, разговоры, заседания, очень мало творческого. 7 дней подряд заседал Ученый Совет с планами 1944 г. В 2 ч. забегаю пообедать. В 6 ч. вечера совсем усталый, еле ноги двигаю. Читаю какой-нибудь роман. В 11-ом ложусь спать. Так бездарно день за днем. Усталос[т]ь, раздраженность, бездарность.

По радио: «спальня графини» из Пиковой дамы – самый подходящий аккомпанемент к собственному погребению.

Только музыка одна «понятным сердцу языком твердит о непонятной муке»[1].

Й[ошкар-]О[ла] 16 ноября

Послезавтра надо в Москву. Не хочется двигаться. Надо побыть самому с собой. Кажется, засесть бы тихо в лабораторию, за книги, за рукописи и дожил бы до конца спокойно.

На самом деле предстоит московская рвачка, мозаика «дела».

Холодно, бесстрастно, тяжело.

Кончается книга. На ней остались следы целой эпохи 1935–1944 г. От Парижа до Царевококшайска. Книгу когда-то переплел в И[здательст]ве Академии И.М. Эйзен.

Замена убегающей памяти. Жалкий призрак надежды поймать уходящее.

Если книжку не сожгут, не выбросят, не изорвут и она дойдет до человека с душой и умом – он, наверное, кое-что из нее поймет относительно трагедии человеческого сознания.

Книга вышла страшная. Книга смертей. Умерли самые близкие: мать, сестра и, наконец, самое страшное – Николай. Застрелился Д.С. Рождественский, умер П.П. Лазарев.

Война, ленинградский ад.

Внутреннее опустошение. Смертельные холодные просторы. Полное замирание желания жить. Остались только Олюшка да Виктор.

Начинал книгу совсем иначе.

Вышла – траурная книга.

Казань, 19 ноября*

В вагоне. Жду прицепки к опаздывающему московскому поезду. Мороз. Вчера на час опоздали, пришлось ночевать на Б. Красной. Отчетливый, запомнившийся сон: сначала книжная антикварная лавка, медленное перелистывание фолиантов в пров[и]нции. Какие-то находки. Потом ресторан, столовая. Вул. И вдруг из тумана исхудавшее лицо Николая. Маленький, в сапогах. «Как, но сказали, что ты умер...» Ответа не помню. Вижу, как он голодный набрасывается на кофе, яйца, говорит о какой-то диете. Вул в испуге и негодовании выпучил глаза. Я – тоже и говорю дерзкие вещи... Сейчас живое ощущение, как будто бы в самом деле видел и говорил с Николаем. И какая разница между сном и «на самом деле». Последнее время они у меня иногда сливаются.

Москва, 21 ноября

С опозданием часов на 5 вечером вчера приехали в Москву. В вагоне марийский нарком в соответствующем синем облачении и почему-то галифе. Нарком земледелия, угощает марийским медком, рассказывает о том, как

* С 19 ноября С.И. Вавилов вел записи в новой тетради.

медведь охотника марийца понес в озеро топить, но шустрый мариец уцепился медведю в шерсть и утопил медведя (либо с тем произошел разрыв сердца). Лицо у наркома, как у коненковских скульптур.

Сразу с вокзал[а] в Дом ученых, новости, сплетни. По дороге читал фантастический роман K.A. von Laffert. Flammen aus dem Weltenraum[1]. На многое открывает глаза, несмотря на примитивность, а может быть, благодаря примитивности. Хорошо рассуждение диктатора: Feinde muss man töten, oder belohnen lassen*. Вообще, угад[а]но все верно. Чувствуется Гитлер – хотя роман написан в 1927 г.

Философия моя совсем отчаянная. Понимаю марионеточность жития, не хочу быть марионеткой. Штамп, одни и те же слова (а за ними и мысли) совсем убивают. Вижу с рентгеновской отчетливостью яснее, чем раньше, что всюду homo homini lupus est[2*]. Надевают овечьи шкуры, притворяются, но смысл один – перебежать другого, ухватить раньше другого. В Москве это все вполне ясно.

Москва, 28 ноября

Собрать обрывки мыслей и наблюдений за неделю не могу. Получается бесцветный, ненужный интеграл. По утрам каждый день часа по 4 на Миуссах. Несчастное здание, построенное для [П.Н.] Лебедева, после его смерти видевшее несчастия Лазарева, самоубийство Ольги Александровны[1], дикарство Лукашева[2] и теперь это слепое, нелепое разорение двумя электропромовскими заводами. Содранная проводка газа, воды, тока, увезенные раковины, линолеумы, грязь, выбоины. Конечно, виноватых нет – «не ведают бо что творят»[3].

После Миусс поездки на 632[-ой] завод, ВЭИ, Электропром[4], обед в Доме ученых. Усталость, неудовлетворенность, ничего остающегося. Рассыпается личность.

А вчера день рождения Николая[5], ему было бы 56 лет.

Москва, 5 декабря

Еще московская неделя. Непрерывно кручусь и действую как колесо странной, невидимой машины. Каждое утро просыпаюсь с ужасом mit Herzbeklommenheit* перед тем, что предстоит за день. Разорение, нескладуха на Миуссах, технически-дипломатическая фальш[ь] в ВЭИ, чиновничество в Электропроме, прогнившее холуйство в Нескучном[1], ученые говорящие куклы за обедом в Доме ученых и усталость, усталость. Сознание, что не успеваю сделать 9/10 того, ч[т]о надо. Тень Николая, трусливо-жалостные расспросы о нем. Окончательно овладевшее чувство механических марионеток кругом. Автоматы с легкими подрагиваниями и флуктуациями, которые и выдаются за душу и свободу воли.

---

* Врагов нужно оставлять мертвыми, или награждать (нем.).

[2*] Человек человеку волк (*лат.*).

* С душевным беспокойством (*нем.*).

Позавчера смотрел «Дядюшкин сон»[2]. Совсем новость. Великолепная петрушка, в конце которой вдруг раздается трагический голос подлинной души, появляясь, как статуя командора в «Дон Жуане».

Вырваться бы изо всего и пожить немного философом, с маленькой своей лабораторией, свежей головой и книгами. Побыть божественным homo sapiens. А сейчас, как и все, петрушка.

На улице целую неделю мокрый снег, густо падающий ночью и утром и образующий мерзкую черную грязь днем. На фронте естественная задержка. Ошалевшие немцы сопротивляются без всякого смысла.

Главное – творчество совсем замерло.

Седьмого собираюсь опять в Йошкар-Олу. Мучительное путешествие впереди.

Йошкар-Ола, 12 дек[абря]

Ночью в поезде из Москвы 7-го декабря заболел, жар, тошнота, упал в обморок. При помощи добрых людей добрался 9-го сюда и вылеживаю в мутящем головокружительном состоянии. По-видимому, комбинация обычных легочных неприятностей с чем-то вроде отравления. Голова тяжелая, пустая. Читаю дурацкие немецкие фантастические романы, написанные в 20-ых годах, и снова мечтаю о незаметном переходе в небытие.

14 дек[абря], Й[ошкар-]О[ла]

Больная волынка тянется. Дома. Безголовая голова. Читаю Dominik'a Das Erbe der Uraniden[1]. Книга довольно умная, только немцы и наука* переоценены. Наука еще не так глубоко и радикально вошла в жизнь особенно природы. Война, сейчас происходящая, с точки зрения вмешательства науки совсем мало примечательна. Конструктивные фокусы, погоня за масштабами, серьезного, нового, большого не было. По радио сейчас был Бах. Это всегда радость, как будто слетаешь с земли и переносишься в средневековый рай.

Здесь трагикомические хлопоты с 25-летием ГОИ.

Грус[т]ь. Пустая голова. Безнадежность.

15 дек[абря], Й[ошкар-]О[ла]

Метель. Мягкая, заволакивающая, дурманящая. Хочется в нее завернуться и не просыпаться.

Старая музыка XVIII века. Душа с душой говорит вполне понятным меланхолическим языком.

А мир страшен, и хочется сойти на нет. А радио в том же старинном концерте – вариации на «Ça ira»[1] – с такой же легкостью и грацией, как бержеретты[2]. Кровь издалека превращается в нежное пятно.

---

* Слова «и наука» вписаны над строкой.

«Das Erbe der Uraniden», если снять с книги всю приторную шелуху романа для широкой публики, да еще немецкой – по существу роман на самую большую тему, о реальном смысле сознания и бытия человеческого. Прилет на Венеру людей из другой солнечной системы, полет людей с Земли на Венеру – это торжество сознания, покоряющее разрушение планет и солнечных систем. Покорение вселенной побеждающим мудрым сознанием. Почти что создание Бога в мире.

Все это разбавлено немецким пивом с сосисками.

Сижу в Николаевом пальто у окна с бушующей метелью.

18 дек[абря], Й[ошкар-]О[ла]

Дома по-прежнему, хотя болезнь выходит. Осталась слабость да мокротный кашель.

Душевная температура? По-прежнему полное безразличие к смерти. С радостью сошел бы асимптотически на нет.

Исчезла великая тайна. Мир кажется простым, бесконечно холодным и безразлично – рассыпаться ли на атомы, или жить бездарным органическим куском, как сейчас.

22 дек[абря], Й[ошкар-]О[ла]

Самый темный день. Вчера торжествовали 25-летие Оптич[еского] И[нститу]та. Заседание в зале марийского Верховного Совета. Я в полулихорадочном состоянии, доклад, по-видимому, ни до кого не дошедший. Банкет в читальном зале городской библиотеки. Обиды на получивших ордена, на приглашенных на банкет, на заседание.

Этика исчезла. Категорический императив, вероятно, передавался с религиозными традициями. Мотивы социальных объединений: любовь, взаимная польза. Страшно.

Сижу все дома. Музыка прорывает окна в прошлое. Вальс «Фауста»[1]: первый образ готических домиков, средневековой тайны, чертовщины, уюта – там навсегда и оставшихся. «Вот мчится тройка удалая» – «Гусева полоса»[2], Борис Васильев, леса с белыми грибами, мальчишеские философски-ученые блуждания по лесам в 14 лет. Была же какая-то фаустовская тайна во всем. И сейчас* смутно-горестные воспоминания, пустой, не творческий мозг, материалистический холод вещей и людей. Реальное желание незаметно умереть.

27 дек[абря], Й[ошкар-]О[ла]

Болезнь все еще не отстала. Состояние вялое, нерабочее, мозг почти не поворачивается, никаких новых мыслей. Бесплодно проживаемое время

* У Вавилова «сейчасть».

как, вероятно, у свиньи и коровы. Англичане утверждают, что они разрушили 60% строений Берлина. Ничего не может быть противней не творческой жизни.

28 дек[абря], Й[ошкар-]О[ла]

Утро. Кабинет в Институте с великолепным письменным столом из Мариинского Дворца. Лампа с оранжевым абажуром, словно апельсин.

Странное состояние. Ни одной интересной книги. Нет творческого импульса. Все время ощущение усталости, от людей, от самого себя. Нет перспектив.

Мягкая зима. Очень трудно дышать. Пройду от Института до дом[а], 5 минут по ровному месту, задыхаюсь до боли в дыхательных путях. Сломанная человеческая машина.

31 дек[абря], Й[ошкар-]О[ла]

Надо или примириться, признать себя скотиной, кем-то, кто умнее и шире нас, разводимой, или кончить эту мучительную волынку.

1943 год. В этом году вдруг прояснились холодные, немые кругозоры. Сплошная арктика. Надо замерзать. Смерть Николая была последним ударом.

Вместе с этой ясностью непреодолимая усталость и умственная и физическая.

Для «примирения», вероятно, нужен конец этой усталости.

А главное – «некому руку подать в минуту душевной невзгоды»[1]. Насквозь просматриваю этих глупо-эгоистичных, трусливых, подлых окружающих. Никого, кроме родных, Олюшки, да Виктора.

Хочется к родным могилам, в беспробудное небытие. Никто от этого не пострадает. Соберется когда-нибудь вещество в похожую конъюнктуру и заживет так же и тем же самым. Только будет не «я», а кто-то другой.

Примириться – значит от «я» отказаться, жить для людей, земли, мира, вселенной. Это я понимаю и мог бы. Но нестерпимая фальш[ь] вокруг гонит скорее к смерти.

Для жизни мечтаю о какой-нибудь новой большой научной мысли или находке. Она бы поддержала жизнь и закрыла бы плотной занавеской все остальное.

Нужен большой, особенно большой творческий импульс. А сил нет, оскудение, немота, бессилие.

На войне большое продвижение под Киевом и по-прежнему непостижимо для чего же немцы продолжают войну, если головной мозг еще цел. Если они хотят жить, то почему же эта бессмыслица.

1944

Йошкар-Ола, 1 января

Надо ясно понять свое место во вселенной и честно выполнять эту «вселенскую» роль. Обычных жизненных стимулов почти не осталось. Есть еще увлечение творчества, надежда разыскать большое и важное, есть красота природы, картин, книг, есть доброта и самоотверженность людей, оправдывающие жизнь. Есть немногие свои.

Первый день года. Новый год встречали тихо в случайном обществе Никиты Толстого, Лозинского и Линников. Без мыслей и пафоса.

Днем считал ослабление поляризации при затухании, читал в конце концов скучную «Die Fahrt ins Nichts»[1].

Вчера взят Житомир. Сегодня салют в Москве.

Йошкар-Ола, 9 января

Воображаю письмо, которое написал бы Олюшке, Виктору напоследок.

О сознании люди ровным счетом ничего не знают, кроме того, что знает каждый «про себя». Философия, психология ничего не добавили, кроме наукообразного размазывания тривиального. Кое о чем физики стали догадываться через Ungenauigkeit relation*, но и то неясно все это.

Живая память о вещах и людях, о жестах, словах, живущая многими десятками лет в человеческой голове. Память с тончайшими деталями, соединяющая великолепный интеграл с детальнейшими дифференциалами. Художественность, могущество живописи и «литературы» снов. Кто же это понимает? И почему же не сохраниться памяти – сознания матери, брата.

Не знаю. Неизведанное море психического, памяти, сознания, снов. Умирать буду, сознавая, что знаю очень мало.

Послезавтра надо ехать в Москву. Опять как на казнь. Страшное это ощущение – отсутствие дома. Превращаться из человека в учреждение.

Зима мягкая. Все время 3–4 градуса, много снега. Стараюсь восстановить в уме старый Царевококшайск с громадным базаром, церквами, монахинями.

---

* Соотношение неопределенностей (*нем.*).

Война идет к стремительному поражению немцев, заслуженному ими в полной мере. Немецкий фронт стал совсем гнилым, всюду сразу протыкается. Но люди – оторопелые, тупые, бесперспективные. Совсем иначе было в ту войну.

Оцениваю себя в науке. Совсем мало и слабо. И другие тоже. Весь Оптический институт добротный, но без большого таланта. Когда оглядываешься на «эталоны» – Ньютона, Вуда, Френеля – пигмеи. Грустно. Хочется сделать больше. Это одно сильное чувство, которое еще осталось.

Москва, 26 января

Сегодня год со дня смерти Николая. Как он умирал? Ничего не известно. Наверное, страшно и невыразимо грустно. Память, остающееся сознание, душа. «Думой века измерил, а жизнь прожить не сумел»[1]. Нужно и хотелось бы писать, но руки ослабли. На похоронах сестры в 1940 г. говорили с ним, кому из нас кого хоронить придется? Прощай, Николай. Я скоро туда же…

В Москве с 14-го января. Обычный страшный вихрь людей, желающих «утилизировать», сплетен, дел. А серьезно не за что зацепиться. Кругом усталые, бездарные, подгоняемые охотой за премиями, орденами.

Немцы разбиты под Ленинградом. Очищено Царское [село], стоим под Гатчиной. Опять тень Николая, его коллекции, книги. Душа ушла и что же осталось? Закрыть глаза, не думать. Лима, лима, совахвани[2].

30 января, Москва

Тоже. Третьего дня во сне видел Николая, одно мгновение, но с таким живым рельефом, отчетливостью и страшной грустью. И опять один вопрос «Ведь ты умер?»

Необычайная гнилая зима. Каждый день отвратительный тающий снег. Так осрамились и «крещенские морозы». За две недели почти ни одного мало-мальски морозного дня.

Освобожденная октябрьская дорога, нужно думать о возвращении в Ленинград. Впереди что[-то] невыразимо грустное и снова тень Николая.

Устал, но бездарности*. Пишу со страшным напряжением и бездарностью доклад «Ленин и современная физика»[1].

Ни одного живого «душевного» человека.

* Так у Вавилова.

2 февраля, Москва

Не знаю как вырваться из путанной сетки дел, больших, малых, сыплющихся отовсюду. Каждое мгновение чувствую, что что-то забыл, что-то не сделал, ощущение грешника, преступника, не выполнившего важное. Усталость, растерянность.

После возвращения из плена в феврале 1918 г. в Москву[1] началась совсем другая жизнь. 26 лет, но до сих [пор] кажется, что это только интермедия, что жизнь еще начнется.

Ночью. Светлое пятно: был в Большом. «Шопениана», «Іоланта»[2]. Словно заглянул в четвертое измерение. Шопен, помноженный на философский танец. Музыкальная поэзия света и зрения. Иоланта. Еле удерживался от слез. Искреннее, совсем не фальшивое, доходящее до душевного дна – только музыка. В Большом не был, кажется, с переезда в Ленинград. Все то же и тени старые встают 1912, 1913-го года. В ложах, кажется, сидят старые московские буржуи, профессора, ищу капельдинеров в чулках и красных камзолах. Память, память. Но все-таки люди – деревянные солдатики и только музыка некоторым что-то говорит.

7 февраля, Москва

После непрерывной оттепели в течение многих дней какие-то призраки мороза. Простудился. Чувствую обычные легочные симптомы.

В Охотном Ряду смывают пеструю маскировочную окраску с большого дома С.Н.К.[1] Полная уверенность в конце войны. Позиции немцев попрежнему аналогию можно найти в курице с отрезанной головой.

Мучился над докладом для Общего Собрания [Академии наук]. Это дей[с]твительно мука.

Виктор в Йошкар-Ола 23[-го] января убил лося, одного мяса 15 пудов.

Нимврод, совсем не в меня[2].

Сейчас, задыхаясь и тяжело подымая ноги, тянулся пешком из Дома ученых (обед) домой по обледенелым скользким тротуарам и мостовым. И так хотелось скорее, скорее умереть, уйти в пустое небытие без памяти, без дел, без я, без забот. «Идеже несть ни печаль, ни воздыхание»[3].

Тень Николая крыльями своими все закрывает.

17 февраля, Москва

Отвратительный, непрерывный клубок «дел», без остановки, со страшной усталостью и безо всякого творческого удовлетворения.

И никакой точки опоры. Дома нет. Здесь какой-то временный piccolo terra*, в Йошкар-Ола эвакуационный шалаш, в Питере разоренная квартира. Некогда остановиться, раскрыться, подумать. Утром Миусский ободранный,

---

* Малая земля (*итал.*).

загаженный институт, бесконечные трудности по преодолению всяких глупостей. Штаты. Кого взять: Фока или истопника[1]? Самолюбия. Работа вхолостую. Несмотря на чины, звания и квалификацию, совсем нет идей.

Сессия Академии. Мой доклад, очевидно ставший «гвоздем»[2], хотя я говорил в нем то, о чем уже не раз писал. Видимо, поразила свежая струя в застоявшемся «топор повиснет». Не знаешь, чем угодишь. А до этого докладывал в Институте на семинаре о миграции возбуждения в явлениях флуоресценции. Едва ли что поняли.

Нет спокойствия, нет мысли. А главное, все яснее и яснее человеческий автоматизм. Автоматы. «Я», «свободной воли» на копейку и больше «на закраску». Так понятна смерть таких людей.

Хочется бежать в Й[ошкар]-О[лу], но 1 марта сессия В[ерховного] С[овета] РСФСР.

Зима проходит, только на Сретенье какое-то подобие морозов, градуса в четыре.

Усталость и так без пересадки. Все время скрытая простуда. Где-нибудь на дороге свалюсь.

26 февраля, Москва

Стоит ли записывать? Так ясна кукольная игра всех кругом. Манекены с примитивными движениями, словами, чувствами, стремлениями. Живая, развивающаяся душа, особая, неповторяемая не видна нигде ни у кого.

Встаю в 7 ч. утра. Ухожу [в] 8 1/2. Целый день по 4-5 местам. Устаю. Задыхаюсь. И целыми днями почти ни одного настоящего физического разговора, ни одной физической мысли.

Сегодня в метро, вталкиваясь и выталкиваемый, встретился с С.И. Фингаловым, однокашником Николая. Спрашивает о Николае. Жив ли Иван Ильич? Где-то застывшая и живая человеческая память.

В воскресенье 20-го утром был с Олюшкой в Худ[ожественном] Театре на «Синей птице»[1] на 1003[-ем] представлении. Лет 35 тому назад был на 3-ем. Тихая платоновская мысль и музыка. Страна воспоминаний – из памяти совсем изгладилась. Осталось только почему-то «Прощайте, прощайте, пора нам уходить»[2]. А сейчас это так желаю, так завидно. За этим туманным тюлем[3] так хотелось увидеть мать, отца, Лиду, Николая.

Только какая плохая, жалостная световая техника!

Академия Наук. На кормежке в Доме ученых. Леон Орбели с лампасами, с опустошенной усталой головой и с полным безразличием и наведенным величием. Академик «несмотря ни на что». И.В. Курчатов – директор мистической лаборатории № 2[4] с отрощенной для внушения бóльшего уважения

бородой, как у рыночного фокусника. Похабный, нахальный белорусский академик Акулов[5]. Ни жизни, ни науки, чиновники от науки.

Несчастный Физ[ический] Институт на Миуссах все еще обезображенный, занятый сверху заводом.

Электропром с Бертиновым, которого часто по слиянию* называю «Леопольдом Аркадьевичем»[6]. Отдает очень сильно[2*] Остапом Бендером, несмотря на шустрость, быстрое схватывание.

Со Сретенья, то есть с 14-го по сегодняшний день – наконец зима, не лютая, градусов на 10°, но все же зима.

Странный, противный вихрь.

Война по-прежнему. Сегодня взят Порхов и немцы все ближе к своим границам. Почему они воюют. И кем воюют. По газетам, кончают жизнь самоубийством, но не сдаются.

4 марта, Москва

У Олюшки мигрень. Ворвалась младшая сестра Екатерины Николаевны[1] с жалобой на Олега, с какими-то претензиями ко мне. Олег взбалмошный, невоздержанный и глупый парень толканул тетку Веру Ник[олаевну] так, что та разбила себе голову.

Сегодня кончилась сессия Верх[овного] Совета РСФСР. Четыре дня. Соседи по скамейкам: М.М. Литвинов в сером дипломатическом одеянии с погонами, занятый все время решением кроссвордов, и Дунаевский. Сегодня наблюдал за Буденным. Ковыряние в носу, затем рассматривание извлеченного из носа. Затем симметричное движение обеих рук по разглаживанию усов. Так все время. Какие события! Ленинград, Сталинград. Здесь бы Гомер нужен был, а вместо этого нанизывание трафаретных казенных слов. О таких вещах надо говорить живым, человеческим языком.

Прочее то же. Миуссы, застрявшие в своем разорении. Электропром с Бертиновским стилем. Академия, обратившаяся в бюро по торжественным сессиям, похоронам и кормежке.

В голове пустота, ничего творческого, усталость. А тут еще Олег. И попрежнему хочется умереть скорее.

---

* Так у Вавилова.
[2*] У Вавилова «сильным».

8 марта, Москва

Все еще в Москве из-за комитета по сталинским премиям. Дома в комнате нестерпимая жара. Болит голова. Полное отсутствие всего творческого. Бездарная и болезненная усталость. Хватаюсь за десяток книг, накупленных по воскресеньям у здешних букинистов. Все не то. Либо скучно, либо бездарно.

12 марта, Москва

Все еще в Москве. Не по себе. В теле опять какая-то простуда. Легкий жар и озноб. Кашель. Целыми днями нелепый клубок мелочей: попытки выгнать завод из миусского института, добывание железа, сурика, хлопоты о номере для «Виллиса». Дипломатия с Бертиновым. Туча лиц и разговоров, не запечатлевающихся, забываемых через полчаса. Одни и те же печальные бесталанные лица в Доме Ученых. К вечеру усталость и отсутствие интересных книг, несмотря на постоянную охоту за ними.

Самое тягостное отсутствие творческой жизни, превращение в автомата, раздражающегося, устающего.

«Событий» никаких (для меня лично, конечно).

На фронте постоянное победное движение вперед. Но немцы живы. И это совсем непонятно, на что опирается их надежда.

Жизненные возможности как будто исчерпываются. Все ясно. Ничего нет. «Сознание» – орудие производства, вовсе не для меня предназначенное, а только меня использующее. «Знание» отпущено природой тоже в меру, по мере практических надобностей, неужели и дальше надо быть слепым орудием в руках слепой природы?

Для жизни нужен творческий импульс. Нет его.

19 марта, Москва. (Воскресенье)

Премиальный комитет начал заседать 14-го. Кафтанов, Лысенко, Капица, Иоффе, Абрикосов, маршал Шапошников e tutti quanti*. В комитет подано более 1200 работ от 3500 желающих стать лауреатами. Настоящего общественно-научного мнения о большинстве работ нет. Сидят адвокаты знакомых или своих учрежденских, а в остальном рулетка, основанная на разных случайных характеристиках. В течение 4 дней каждый день часов по 6 без перерыва и все еще не кончено. Поэтому безнадежно в Москве. Олюшка почти в истерике, а я, уставший и бездушный, еле волочу ноги: скелет, обросший мясом.

Вчера вечером еще два салюта. Какая-то старушка на Спиридоновке благодарила Бога, что так светло пробираться при свете ракет по переулку.

На комитете выступил в защиту прав Мандельштама и Ландсберга[1]. За меня выступали Митин, Лысенко, Бардин, Тарле и пр., а против Капица и Иоффе. А дело, кажется, ясное.

---

* И прочие (*итал.*).

Весна. Мартовские дни. Минувшее – мать, сестры, Ваганьковское кладбище. Прошлое воскресенье ходили с Олюшкой на цветного «Багдадского вора»[2]. В этом двухчасовом сказочном сне и хотелось бы навсегда остаться, не просыпаясь, не возвращаясь к жизни.

Война принимает какой-то совсем иррациональный характер. Оцепенение Америки и Англии. Нелепая и непостижимая сопротивляемость немцев.

А наука вот совсем замерла.

25 марта, Йошкар-Ола

Сложнейшее путешествие из Москвы сюда с Олюшкой и 80-летней Верой Павловной. Постоянная боязнь, что не подадут машины, бесконечные на чай. Сегодня добрались, и чувствую бесконечную усталость.

Опять спуск из громадной, суетливой и в сущности страшной Москвы в провинциальную Казань и, наконец, в деревенский Царевококшайск.

Мне сегодня 53 года. И совсем все равно. Могу умереть, могу жить. Чувствую себя бездарным, ненужным и совершенно выпотрошенным.

Наблюдаю за старушкой Верой Павловной. Живое умирание при веселом характере и постоянном старческом болтании. Это умирание на глаз[ах], испарение памяти, потеря ощущения происходящего, среды. Очевидное и бесспорное опровержение всяких чаяний бессмертия души. Чему же сохраниться, не умереть?

Сваливается на голову ворох дел Оптич[еского] института, ворох интриг. Хочется покоя, тишины, мысли, творчества. А для чего [–] неизвестно.

26 марта, Йошкар-Ола. (Воскресенье)

Как зафиксировать состояние элегическое душевного опустошения?

В окно снег, кирпичная красная стена, марийцы и русские бегут на базар. На стене бледно-сине-зеленый пейзаж берега Кокшаги и Олюшкина акварель с вариациями «Лебединого озера». Дальше акварель San Giorgio Maggiore[1]. Светло. Пыль на книгах. Собираюсь готовить для печати перевод ньютоновских Lectiones Opticae[2].

Из сознания не уходит звериная московская борьба самолюбий, пайки, лимиты, квартиры, и ни одной души, с которой можно бы говорить совсем о другом. А здесь эта старушка с упрощающимся, испаряющимся сознанием. Душа разлагается на атомы и также непостоянна, как цветок и стул.

По радио – на всю Россию! – трафаретная барабанная дробь, набившие оскомину слова и музыка.

Ньютон, Гете, Пушкин, Леонардо – неужели случайные флуктуации? Хочется закричать на весь мир «Караул» и умереть.

27 марта, Й[ошкар-]О[ла]

Наша армия дошла до румынской границы. Исход войны ясен слепому. Чем объясняется продолжение немецкого сопротивления?

Вчера вьюга, выпал новый большой снег, который и сегодня здесь блиста[е]т целый день такой ослепительной белизной, что без темных очков больно ходить по улицам.

30 марта, Й[ошкар-]О[ла]

Снег. Вьюга. Мороз. Занята Коломыя, наши у Черновиц. Черчилль собирается в отставку.

Душевная пустота, усталость продолжается. Жить трудно. Николай, обратившийся в ничто.

Похороны отца Чехматаева по яркому Царевококшайскому снегу. Которые это по счету похороны? И так просто улетает, в ничто исчезает сознание, оставляя бездарные атомы и молекулы.

2 апреля*, Й[ошкар-]О[ла]

Двадцатое марта[2*]. Именины. Мать и сестра в могиле. Я один. Это двадцатое марта – как особый день длилось лет восемь-десять. Скоро конец настоящий. Ясно стало, что их совсем уже нет, матери, сестры, отца, Николая, Лиды совсем, совсем. Какие-то отрывки памяти у меня, еще у немногих. А затем настоящее, полное небытие.

С этой точки зрения сейчас невольно смотрю на все, на себя, на своих, на всех. Жизнь, как поездка в метро. Из небытия вошел, в небытие вышел. А главное: сомнение в эффективности Beitrag'a[3*] в эволюцию мировую. Боюсь, что и весь род человеческий в совокупности – никчемная флуктуация.

А на дворе солнце, сверкающий снег, запоздалый мороз.

Надо подготовлять к печати Lectiones Opticae, хотелось бы к финалу заглянуть поглубже в природу, увидеть что-то свое очень важное и передать людям. Не вижу, туман, неясность. Жизнь дергает по мелочам. В Опт[ическом] И[нститу]те хождение по лабораториям, разговоры, а в итоге усталость.

Да, пожалуй, это единственное, что осталось, что поддерживает жизнь. Стремление узнать что-то новое и важное.

---

* Ошибочно написано и зачеркнуто «марта».

[2*] По старому стилю.

[3*] Вклад (*нем.*).

6 апреля. Й[ошкар-]О[ла]

Страшные минуты, обыкновенно после дневного сна, когда все начинает просвечиваться: люди кажутся механическими игрушками – скелетами, кем-то заведенными, даже доски и камни в глазах распадаются на атомы и электроны. В такие минуты хочется скорее отвязаться от сознания. Ничего, ничего, за что бы ухватиться в мире.

8 апреля. Й[ошкар-]О[ла]

Entzwei, entzwei*! Мир условный, люди, слова, жесты, понятия, законы, привычки распадаются на глазах, как в театре после представления, после опущенного занавеса и разошедшихся зрителей. Все – случайно случившийся случай, плесень на случайно свалившемся комке вещества, именуемом Землей.

Извольте быть актером и дальше. К чему? Аплодирующие зрители – тоже переодетые актеры, и аплодисменты их актерские, условные, сонные.

А как уютно было (и, вероятно, есть у других) без гипертрофированного сознания, без науки, прежде всего. Мир – полный тайн, за который я не отвечаю, могучий, способный сделать все. Чувство ребенка, ходящего на поводу у матери, ни за что не отвечающего.

Так вот извольте жить и эволюционировать, чувствуя и сознавая каждое мгновение трагический балаган.

Надо для спасения, для тихого доживания остатков жизни глубоко зацепиться за науку, как за шахматную игру.

Кончающаяся медленно зима. Разговоры и неопределенность о возвращении в Ленинград. Каждый день усталость. Просыпаюсь в 6 ч. утра под звуки радио со стандартными словами. Добиваемые немцы, воюющие спинным мозгом.

15 апреля. Й[ошкар-]О[ла]

Пугливо начинающаяся, мокрая, грязная, холодная царевококшайская весна. Даже вербы нет, вместо нее ива. Сегодня Великая Суббота. Дома пытаются делать кулич. А я соскакиваю с одной системы координат на другую, не удерживаясь ни на одной. Их очень много, этих координатных систем:

1) Чистое сознание «к земному без участья»[1]. Вселенная – эволюция. Физические просторы познания

2) Человек 1944 г. в России в Царевококшайске, в Академии, в Оптическом Институте, депутат, с массой обязанностей, уставший

3) Человек семьи, своих. Олюшка, Виктор, память о Николае, матери, всех.

Все это страшно противоречиво. Переходы мучительны.

Ясно понимаю, что выше себя не вскочешь, не перепрыгнешь за границы познания и сил. Быть ребенком, воображающим себя Цезарем, не хочу.

---

* Надвое, пополам (*нем.*).

Надо все же жить и сделать что-то остающееся, не зная для кого и для чего. А вместе с тем сознаю малость свою, малость моей науки. Знаний, способностей, сил.

Прочел Г. Буасье, про Рим эпохи Цезарей[2]. Философия Сенеки.

18 апреля, Й[ошкар-]О[ла]

На редкость тяжелое и мрачное настроение, несмотря на весеннее солнце, освобождение Крыма.

Комбинация усталости, беспомощности и отчаяния. Надо ехать опять в Москву – juif errant*, везти Веру Павловну. В перспективе бесчисленные московские дрязги, сплетни, псевдо-дела.

Напоследок хотелось бы тишины, сосредоточенности и творческого вдохновения, так, чтобы другим что-то осталось.

19 апреля, Й[ошкар-]О[ла]

Мучительная самокритика. Все сделанное кажется маленьким, провинциальным. Угнетает, что вот уже лет 14, как перестал сам экспериментировать. Кругом большие возможности, а у меня нет времени, либо устал, либо как в параличе. Поверхностными кажутся знания мои и умения, не до конца, «не конкретно», какие-то croquis*, начатки мыслей.

Й[ошкар-]О[ла] 28 апреля

За месяц снег стаял совсем. Приехали в сугробах. Но сейчас морозные утренники, Кокшага разлилась.

В Институте начинают заколачивать ящики, собираясь в Ленинград.

Я, как на иголках, с московской поездкой. Залез по уши в ньютоновские «Лекции по оптике», хочу их кончить и отвезти в Москву. 3 года работы. Нужна ли она кому-нибудь кроме меня?

Может ли существовать сознание без «я», со всеми его фокусами? Сознание, разлитое во всем, никогда не исчезающее, как электроны. Не «я» электрона, а совсем другое.

Смотрю на свои фотографии, в зеркало. Поседел, отяжелел. Совсем не тот, что совсем еще недавно, лет 5 тому назад был. Пора подводить печаль-

---

* «Вечный жид» (*фр.*).

* Эскиз, набросок (*фр.*).

ные итоги. По мере отрастания «материалистического» пессимизма растет ясность. Многое начинаю понимать и [за] десять лет спокойной жизни без дергания, вероятно, я что-нибудь людям и сказал бы совсем новое. Некогда и нет сил додумывать.

Й[ошкар-]О[ла] 1 мая*

Кислая дождливая погода. Предполагался парад и демонстрация. Но в дождь здесь потонешь – отменили.

Собираюсь в Москву. Душевное смятение. Опять отрыв от своих, опять в другой дом.

«О человеческое "я", о нашей жизни обольщенье»[1] – оно формируется и определяется всем. В безбожном обществе даже богомольные старушки теряют Бога. Вот эта страшная философия людей-машин, от которой не могу освободиться, она тоже ведь результат воздействия.

Во сне Николай, совсем на себя не похожий, маленький, с перебитыми ногами, с кудрявой путанной рыжей бородой, в пресненском домике, выросшим до размеров громадных зал с красивыми расписными потолками и лестницами.

Сижу над «Лекциями» Ньютона.

Казань, 4 мая

Еду с Верой Павловной (ей 80 лет) в Москву. Солнце, холодно. В голове нестерпимый винегрет мыслей, намерений, грусти, испуга, холода. Казань кажется бездарной, глубоко провинциальной, скучным унавоженным местом, на котором изредка появлялись белые грибы вроде Лобачевского.

Эфемерность, случайная роль сознания вполне ясна.

Как будто бы сегодня уедем.

Зашел в университетские коридоры. Ленинградская часть академии еще здесь[1]. Поэтому – придворный дух, холуйство, сплетни и безо всякого сожаления гляжу на стены, в которых протянулись три года. В академии есть сейчас что-то до глубины развращенное.

Походил здесь по книжным лавкам, купил Маколея, Dumas[2]. Стоит бедный Лобачевский на своем столбе. Люди еще совсем не научились тянуться в вышину, плоские, горизонтальные пласты.

Поезд, под Арзамасом[,] 5 мая

Солнечный весенний день. Едва пробивается трава, на деревьях слабый зеленый туман. Серые, как грибы, деревни на фоне черной земли и грязи. Обломанные церковные купола, заржавевшие и провалившиеся церковные

---

* Перед словом «мая» ошибочно начато и зачеркнуто «апр».

крыши. Безмыслие и, как всегда, безотчетная тревога. Везу Веру Павловну, для которой, несмотря на 80 лет, «все к лучшему в этом лучшем из миров»[1].

Москва, 6 мая

Сразу на все клавиши. Завез старушку Веру Павловну к Весниным[1]. Затем домой к другой старушке Жозефине Осиповне. Везде грусть – предвестие смерти, безнадежной, окончательной. Потом Миуссы невытанцовывающиеся, милые, на которых чувствую свою вину и ответственность. В.А.К. – чиновники Кафтанов, наглый Образцов. Нитки марионеток. Отсутствие настоящей науки. Дальше Электропром с Бертиновым и его фокусами. Дом Ученых с непривычным после йошкар-олайской картошки с капустой обедом. Книги, книги. Голова пухнет. По телефону Фрейберг. ГОИ не пускают в Ленинград. И сейчас сижу, голова крутится, болит, совсем я для всего этого не гожусь. В келью, к книгам, к лабораторному колдовству, к тихому раздумью.

Москва, 9 мая

Московская жуть. Заседал вчера в редакции «Под зн[аменем] марксизма», в кабинете Федосеева в Ц.К. Провалившиеся на 3-ем томе «Истории философии» лидеры Юдин, Митин и прочие[1], отъевшиеся, но с поникшими главами. «Редакция» – боятся слово лишнее сказать, как на допросе или на международной дипломатической конференции. Причем тут Кант, Фихте, Гегель?

По соседству в «Деловом дворе»[2] Электропром. Бертиновский проект постановления. Просят, просят, просят, а, к несчастью, дается мало. Незадачливое ВЭИ.

Неопределенность с Ленинградом. Власти не хотят быстрого возвращения Оптического Института.

Старушка Жозефина норовит тихонько надуть.

А мне 54-й год. Всегда тень Николая. Последние годы жизни хотелось бы оставить что-то остающееся. Но это тоже так относительно, случайно. Несчастное человеческое сознание. Гипертрофия природы. Природа, зашедшая в тупик и самоуничтожающая[ся]. Самое умное изобретать безболезненные незаметные средства к самоубийству.

Здесь в Москве ходят вокруг меня тени. Лида, мать, Александра Ивановна, отец, Николай – зовут домой. А дом – Ваганьковское кладбище.

Сознание – временная комбинация материи, разрушающаяся, как сны, как облака. Неразрушимая материя и эфемера сознания... Как хотелось бы перед смертью хоть чуточку заглянуть за завесу загадки сознания. У меня нет большого желания жить, но есть большое любопытство.

«Я» – обращающееся в тухлую груду.

Такие грустные мысли накануне падения Севастополя. Страна в целом растет, делается гигантской и несокрушимой, а облака вроде моего больного[*] сознания разлетаются и совсем бесследно разлетятся.

---

[*] Слово «больного» вписано над строкой.

Москва, 12 мая

Вчера экстренное заседание комитета по сталинским премиям, опять по поводу падения философских ангелов (Александрова, Митина и пр.)

История науки – самое острое, что есть в культуре: соединение человеческой истории – эволюции с вечным – естествознанием. De facto к истории науки прилипают те, кому больше делать нечего, неудачники.

Инженеры... В Главке, в стал[инском] комитете, в Электропроме. Жестокость, примитивность, явное намерение скрыть, обжулить. Это тоже смешение жизни с наукой, но самое отвратительное. Смесь гориллы с радио.

На днях, вероятно, еду в Питер. Жутко.
Холодно. Устаю и совсем один.

Взят Севастополь. Нужны бы колокола, солнце, непрерывные пушки.

Ленинград, 19 мая (вечер)

Почти через три года. Острое, трогательное, болезненно-жалостное чувство и к городу, и к себе. Призрак стал еще более исхудавшим заманчивым скелетообразным призраком.

Дорога... Полное безлюдье в полууничтоженных избах вдоль полотна. Помпея почти что на всем пути от Москвы до Ленинграда. От Чудова до Колпина* страшное поле войны. Трупы убрали, но сожженные леса со сбитыми верхушками. Развалины станции «Любань», окопы, укрепления – страшный след великого сумасшествия или глупости Гитлера.

А вместе с тем так же спокойно стоят люди на станциях, как три года назад. Так же иду по Менделе[е]вской линии, подымаюсь по елисеевским[1] ступенькам Оптического институ[та]. Снаряд, рикошетивший в лаборатории Гассовского. Пустые комнаты. Ленинградская стройность, обветшалость, облезлость. Людей не видно. Помпея. Пустые дома – кирпичный переулок. Николаева тень[2]. Могила отца на кладбище Александро-Невской лавры.

И я с неотвязным материализмом, безысходной грустью, отчаянной безнадежностью в этой печали белых ночей измученного страшного и замечательного города.

> Красуйся, град Петров,
> И стой неколебимо, как Россия[3].

---

* «Колпино» вписано вместо зачеркнутой «Любани».

Слезы и какая-то странная грустная радость. Вот здесь, не уезжая обратно, хотелось бы умереть с голоду, как умирали сотни тысяч людей здесь.

Боже мой, Боже мой. Лима, лима, совахвани[4].

Ленинград, 20 мая. Утро

Остановился в «Астории». Опустившееся отельное великолепие. Неработающие уборные. Комнаты без ключей. Грязный ресторан.

В окно Исакий со всей своей серо-черно-красной чугунно-каменной солидностью и красотой. Ночью начерченный силуэт на фоне белоночного петербургского неба. Утром – опрятный на асфальтовом полу с марширующими солдатами. Вместо сквера засевают картофель. На площади – бывший дворец, где помещался институт Николая. Гранитное немецкое посольство по-прежнему.

Если бы в эти стены и людей вновь вселить душу и бога – все было бы понятно. Сейчас нет. Призрачный, внутренне противоречивый организм. «Материалистический призрак».

Ходил около квартиры, но в ней еще не был. Жутко. Где же дом?

Тяжелая невосп[р]иимчивость, нечувствительность. Смотрю такое удивительное: почти воскресение из мертвых. Нева, Исакий, Александровская колонна, дали, шири, плоскость, бледность, белые питерские ночи... и почти нет реакции. Словно переворачиваешь бесчисленные страницы старого, примелькавшегося журнала. Такая нечувствительность близка к смерти. Из живого превращаюсь в неживое.

Ленинград, 21 мая (утро, воскресенье)

Вчера до вечера хождение и езда (в «ЗиСе» и в «душегубке»-пикапе) по поводу переселения Оптического Института обратно сюда. Люди с теми же фразами, секретарши с повелительным тоном, машины, телефоны «вч»[1] и пр. Смольный с мало изменившимися церемониями. Обуховский завод «Большевик» залечивает бесчисленные раны обстрела. Новые пушки.

На трамваях, на улице много улыбок. Солнце, кончившаяся мука постоянного риска смерти.

Вечером при помощи коменданта и топора попал на несколько минут в свою квартиру на Биржевой л[инии]. Как вход в могилу Тутанхамона после раскопок. Краснодеревянные шкафы, стулья, вещи. Книги, книги без конца, запыленные, наваленные. На стене портреты композиторов – следы о Мише Хвостове, умершем здесь с голода. Восковой Ньютон на стене. Тарелки, стулья и несомненно распроданные носильные вещи.

До того примирился с мыслью, что все это отрезано, этого нет, что смотрю, как на найденный клад. Печаль и радость. Но все же где же дом?

Стены, стройность, река, шпили, бледное небо, белые ночи и совсем другие люди, постепенно все это наполняющие, и все же формирующиеся по-петербургски. Город заставляет жить по-своему.

Вечером прошел по улице Гоголя. В квартире Николая светится лампа с оранжевым абажуром.

Вечером

Израненный, искалеченный город. Почти нет ни одного дома без повреждений. А из-за ран и рубцов, нанесенных революционными годами и немецкой блокадой, смотрит одно из замечательных человеческих чудес – старый, стройный, величественный и загадочный Петербург.

На фоне и в атмосфере этих благородных руин люди кажутся совсем другими – искусственными из блоковского балаганчика[2]. Вспоминаются питерские кладбища. Бобок Достоевского[3].

Ленинград, 23 мая

Первые впечатления пугают. Исакий, вывороченные дома, осыпавшиеся стены, трава на трамвайных путях кажутся привычными и само собой разумеющимися.

Вчера утром по темным (затемненным) коридорам Опт[ического] И[нститу]та. Потом Академия со своей вечной нескладностью, бряцанием грамотами XVIII века и действительными его следами. Коридор со[в]сем пустой (от людей, посетителей), библиотеки с отсыревшими миллионами книг.

Книги в питерских лавках грош! Вещь, потерявшая всякую ценность. (За два тома трудов Франц[узского] Физич[еского] О[бщест]ва в хороших переплетах заплатил 4 рубля, а одно яйцо на рынке здесь стоит 30 рублей, хотя голода нет).

Вечером в кино (б[ывший] Сплендид-Палас, теперь «Родина»). «Джунгли» цветные[1]. Почти предел и идеал кинотехники, не хватает только стереоэффекта. Шер-хан. Его уничтожение Маугли. Добрые звери. Отвратительные люди. Эта отвратительность, к несчастью, результат гипертрофии сознания. Шер-хан страшен, но не отвратителен. Страшен, как нависший камень над горной дорогой. Если бы этому Шер-хану немножко сознания, то и вышли бы людские чудовища.

Ленинград, 24 мая

Холодно, и в прямом, и в переносном смысле. Вчера был Б.А. Остроумов. Немногое настоящее[*] просвечивало из рассказов о его деятельности: «Люди увидали друг друга такими, какие они есть». (Мои комментарии:[2*] С необходимостью есть, с двойным страхом, с очевидной относительностью ценности всего прочего.) Настоящих, понимавших ценность и относительных ценностей оставалось немного. Но они-то и спасали город.

---

[*] Слово «настоящее» вписано над строкой.

[2*] Слова «Мои комментарии» вписаны над строкой.

Сейчас: старая питерская вежливость, новый цинизм людей-материалистов, недавно видевших смерть. Отсутствует (или не заметен) гений.

Про себя: довольно бездарное и безрезультатное существование. Пора ехать в Москву.

Вечером

Поразительно сохранившиеся асфальтовые мостовые и целые зеркальные стекла окон! Несмотря на бомбы, обстрелы, обрушивание домов.

Следы Николая: его квартира, тоже с сохранившимся зеркальным окном, хотя рядом обрушился дом, закрытый сейчас декорацией. «Департамент земледелия» на Исаакиевской площади. Строгановский дворец.

Ясно, что этот магический город формирует людей на свой лад. Люди здесь становятся совсем иными, петербуржцами, ленинградцами. Так точно «я» формирует вещество в мозгу, сохраняя десятки лет память, несмотря на то, что все молекулы и атомы сотни раз полностью изменились.

Ленинградцы – ушедшие от смерти, словно выходцы с того света. Хочется их пожалеть, помочь, как больным. Даже в кино идешь с неловкостью, не отнимаешь ли место у такого выходца.

В кино второй раз «Багдадский вор»[1] с Джаффаром, Джинны. А все-таки воспоминание об Алад[д]ине и волшебной лампе сильнее, сложнее и магичнее этого цветного шедевра.

«Публика» – матросы, офицерики, старающиеся «держаться», девицы, реагирующие на весну, все веселые, сдержанные, не ругающиеся, без толкучки, но и без всякого пафоса. Перед «Вором» пустили «Государственный Гимн»[2], хорошо сделанный и предназначенный для возбуждения зрителей, аплодисментов и пр. Аудитория не реагирует совсем, «народ безмол[в]ствует».

На стенах «прописные» надписи: «Пожар легче предупредить, чем потушить», или не в ладу с грамотой: «при артобстреле эта сторона наиболее безопасна».

Ленинград, 26 мая

Вчера заходила Пантелли. Еще рассказ о страшных днях, о заваленных разрушенными домами, о трупе женщины на сквере у Петропавловской крепости с рыжими волосами, у которой постепенно отрезали части тела,

о папаше, жена которого боялась оставить дома ребенка, как бы не съел... В райсов[ет]е, райкоме тоже рассказы, рассказы. Но, конечно, кривляния и идиотизмы жизни. Остававшиеся в городе иногда встречают в штыки возвращающихся: «Удрали, шкуру спасали, да теперь еще имущество спрашивают». Возвращающиеся в долгу не остаются: «Оставались – Гитлера ждали, ишь, морды отрастили». В общем, пожалуй, самое грустное, что во всем этом нет бога, в самом широком смысле – души, эволюции, великих целей, любви друг к другу. Все люди в масках, из-за которых смотрит примитив. Петербургские камни – чем же вы созданы – душой, богом, или лицемерным чиновничеством?

Носится под холодным ветром пыль праха разрушенных и разоренных зданий[,] каменеет Исакий, покоится под песчаным песком* бронзовый идол Николая I, заливаются водой василеостровские подвалы и не может исчезнуть образ питерских могил с водой. Отец на Александро-Невском кладбище... Душа Николая. Горбыль Дворцового моста, из-за которого смотрит Зоологический музей Академии.

Война, конечно, еще не кончилась. Немцы в 40 км. По словам Гоничева в Райкоме, пустили недавно три снаряда на Голодай[1].

Теперешнее пребывание в Л[енин]гр[аде] похоже на 1932 г., когда жил у Николая.

Ленинград, 27 мая

Сегодня должен уехать. В результате хождения к Басову в Смольный, предста[ви]тельства замнаркома Рябикова и пр. Оптическому Институту, повидимому, разрешили полное возвращение в ближайшее время.

В городе 1/6 прежнего, довоенного числа жителей[1]. В райкоме говорят, что в 1944 г. решено довести цифру до 1100000 человек. Пустыня.

Холодное, печальное, а вместе с тем свое и дорогое.

Сюда захватил сборничек из «Новых идей в философии» «Существует ли внешний мир?»[2] Это очень подходящая проблема на фоне фата-морганы Питера.

Хочется еще посмотреть на мир. Подумать, поискать, не найду ли ключа к главным загадкам, и незаметно, тихо умереть, здесь вот, на Васильевском.

Москва, 29 мая

Вчера, через мертвую полосу вокруг Ленинграда без людей, без зверей, со взорванными станциями, изуродованными лесами и землей, вернулся в

---

* Так у Вавилова.

Москву. Густая, сальная, вязкая с массой людей, наглых, самодовольных, в неприятном солнечном блеске. В Доме Ученых сразу погрузился в дела и делишки. У Весниных также масса сплетен, обиженных самолюбий и хочется либо в царевококшайскую глушь, либо в бледно-голубую печальную философию Ленинграда.

Москва, 5 июня

Совсем запутался в отвратительной мозаике здешних дел. Безуспешные усилия выгнать завод из [здания] Миусского Института. Разговоры с Бертиновым. Академические сплетни, заседания. Предстоящая «лекция». Книги. Бездарнейшая «Хроника Малевинских» А. Виноградова[1] (про Менделеева). Полное отсутствие мыслей и творчества. Машинное существование. Надо скорее отправляться в Йошкар-Олу. Из жизни улетают последние следы метафизики, надежды, пафоса. Мысл[я]щий, пост[е]пенно портящийся автомобиль, вполне сознающий свою участь.

Как будто бы взят Рим.

В поезде под Москвой. 9 июня

Хирургически выбрался из раскрасавицы Москвы. Последние дни совершенно задохся от дел, делишек и вообще московского Бедлама. 6-го читал лекцию в Колонном зале (полупустой зал). Вчера поймал Фрейберг и заставил экспромтом докладывать на Техническом совете НКВ[1] о «Главных направлениях работы ГОИ». Ну и докладывал раззолоченным генералам. Не ⟨нрзб.⟩* без конца. Чувствую себя уставшим, истаскавшимся преступником. А в голове торичелл[и]ева пустота, никаких творческих следов.

6-го высадка англичан и американцев[2].

10 июня, в поезде, за Арзамасом

Тревожное бездумье. Дурацкий французский спиритический роман. В купе косорылая соседка с набором яств, которые теперь дают высокопоставленным.

Лето, жарко. И совсем безн[а]дежно.

Нет веры ни в себя, ни в других.

11 июня, Йошкар-Ола

Огромный тяжелый багаж с продовольствием из Москвы. Со скандалом, [по] случайности ввалился в мягкий вагон. И вот опять этот тихонький, бездарный городок, который скрашивает толь[ко] глушь, зелень, природа и безлюдье.

По-прежнему восприятие «истории» как случайного плевка вселенной. В этом плевке размножаются, дерутся, стр[о]ят, эволюционируют по Дарви-

---

* Возможно, «высыпаюсь».

ну – но до первого «сапога» вселенной, который разотрет, разобьет плевок со всей ее* историей. Флуктуационность безо всякой надежды за что-нибудь зацепиться. Безжалостные расчеты «Природы», вероятно, статистические: миллиарды миллиардов таких плевков, раскиданных по «Землям» бесконечной вселенной. Где-нибудь случится, что в результате эволюции, гениальной флуктуации, мир сам себя перестроит, разумные гениальные существа по мере надобности начнут переноситься из одной солнечной системы в другую и в конце концов «синтезируют» – реализуют Бога. В самом деле, экстраполяция умственного и технического прогресса делает возможным, что где-то во вселенной наконец зародится бог или боги, управляющие вселенной и превращающие ее в такую, на которую надеется религиозный человек. Практически бессмертное существо, всемогущее, всеведущее и вездесущее. Синтезированный Бог, порожденный самой природой... А может быть, он уже существует, а мы (а может быть, не мы, это случайность, статистика) только к нему стремимся.

Все это совсем «nicht ausgeschlossen»[2*] и, кажется мне, может поставить вопрос о религии, о цели бытия совсем по-новому.

(На этих страницах у меня программа большого и революционного трактата, может быть, способного вдохновлять людей).

20 июня, Йошкар-Ола

К удивлению, целая неделя нудного утомительного существования. «Главковская конференция», «краснодиректорские» тягучие и тяжелые обеды. Усталость, пустая голова и полная неудовлетворенность.

Вчера утром «Пионерская зорька» по радио передавала о замечательных путешествиях акад[емика] Н.И. Вавилова. Что это?

Лето, лесная мистика, и все же хочется незаметно умереть.

24 июня, Й[ошкар-]О[ла]

Выдавли[ва]ю из себя статью о Ломоносове[1].

Начался четвертый год войны. Буднично, несмотря на полную уверенность в полной победе.

Нервная раздраженность. Ссорюсь по глупым поводам с Олюшкой. Обозлил дикий Собакевич – Гребенщиков.

Жарко. Отсюда Ленинград совсем кажется серо-голубым призраком.

Полная атрофия научного подъема. Бог нужен людям, как хлеб и вода. Без этого отвратительные живые мясные туши.

4 июля, Йошкар-Ола

Механическая работа, довольно изнуряющая, каждый день: статьи о Ломоносове и Лебедеве[1], редактирование книги Seabrook'а о Вуде (которую

* Так у Вавилова.
[2*] Не исключено (*нем.*).

переводил Виктор[2] и, надо сказать, очень хорошо, в современном ухарски американско-комсомольском стиле).

Во мне есть вудовские элементы, фантазия, экспансивность, умение подойти к делу совсем неожиданно. Но эта жизнь, когда за 15 лет нет трех часов подряд, чтобы спокойно, не думая ни о чем другом, сесть в лаборатории. Сейчас иногда буквально завидую Севченкам с tutti quanti, которые могут сидеть в лаборатории.

Именно сейчас, когда все так ясно, когда знаю, что важно, что нет – как бы хорошо спокойно, весело поработать в лаборатории, подойти к природе не через книги, не через вторые руки, а прямо. После войны, если будет хотя бы какая-нибудь уверенность в равновесном житье, надо бросить «сиденье наверху» и запереться в лабораторию.

Но пока... Целые дни за письменным столом, притом почти с пустой головой, усталостью, отсутствием жизни.

Дождливые сырые дни. На фронте сплошная виктория: Витебск, Минск, Полоцк, Шербург. Снова вопрос – что за сумасшедший дом в Германии – почему они не капитулируют? Это уже биология и почти геология.

На днях опять в Москву. С каким отвращением.

6 июля, Йошкар-Ола

Чувствую, как окостен[е]ваю. Людских обычных стимулов, заставляющих жить «как птицы», почти не осталось. А сознание «сверхчеловеческое» стало тупым, бесталантливым. И вот каждую минуту, и в хорошую и в плохую, одна затаенная, невыговари[вае]мая мысль: как хорошо бы сразу незаметно умереть.

А нового ничего. Стараюсь работать, и как только перестаю, наступает taedium vitae*.

Холодное солнце. Бездарные плоские царевококшайские постройки. Люди опустились, примирились, окучивают картофель и, в сущности, довольны. Отъезд в Ленинград в неопределенности. Как это глупо.

На фронте взятые Молодечно, Сморгонь. Вспоминаю былое, 1916 г. И все тени, призраки, которые исчезнут со мною. Пришло в голову, что вот «вавиловские» воспоминания только у меня в голове, со мной они исчезнут.

По радио Вивальди: «Четыре времени года». Снова думаю о загадке музыки. Физически слишком уж элементарно. Мозг – звуковые колеба-

---

* Отвращение к жизни (*лат.*).

ния, условной символики, как при разговоре, как будто бы никакой. В чем же дело? Почему такое глубокое впечатление? Иногда как вино, как лекарство, до слез, до успокоения и примирения с чем хотите! Притом действие только на развитой интеллигентный мозг. Надо думать, все дело в памяти. «Отпечатки», деформации мозга под действием определенных сочетаний звука приходят в те состояния, которые и сопровождаются слезами и пр. Значительно в меньшей степени то же от красок, от живописи. Вот и все. Скучно!

11 июля, Казань

В Москву. Не везет с самого начала. В купе, а затем всюду компаньон Обреимов, которого я переношу с большим трудом. Странная смесь сентиментальности a la Чуковский, с детскими ка[п]ризками, непрерывными разговорами о детях – с явным нахальством под видом якобы непонимания, что это – нахальство. Ну да Бог с ним. Неопределенность с билетами, поезд в 4 ч. утра и пр., и пр.

Побродил по Казани. Разрослись густые, запущенные казанские сады. Цветут липы. Грусть. Повалившиеся заборы, разваливающиеся дома.

А в душе нет больше желания жить. Начинаю на самого себя смотреть сверху вниз, критически, вижу бесконечную череду своих недостатков. Каких угодно, и моральных, и научных – как-нибудь об этом надо написать.

Бог людям необходим, именно в той фазе, когда у них развивается сознание.

14 июля, Москва

Приехал вчера.

Опять на всероссийской бирже. Сразу хаос неприятных вещей. У старушки Жозефины Осиповны украли заборную продуктовую книжку[1]. По нынешним временам это равносильно посадке на пищу Св[ятого] Антония[2] многих родных и близких. Шустрый секретарь Капицы принес письмо академиков к Молотову по поводу несчастных физиков Моск[овского] Университета[3]. Влезать в эту жуткую кашу распаленных самолюбий противно так же, как в кучу навоза. Из миусского И[нститу]та «оккупанты» еще не выехали и пр. Издательские склоки. Надо куда-то бежать в тихую келью настоящей работы и мысли.

Зависть, лесть, клевета и простые гадости [–] воровство, взятки, доносы – всего этого кругом здесь сколько угодно.

А впрочем, как должен себя вести средний человек, не гипнотизируемый евангелиями, категорическими императивами и пр.?

На войне непрерывная виктория. Вчера взята Вильна[4]. Война, если бы у немцев оставалась хотя бы капля мозга, должна бы кончиться завтра.

17 июля, Москва

Приглядываюсь к себе самому. Совсем не похож на остальных. Все в сознании. Обобщения. Старание от жизни оторваться. Все это очень давно. Сохранилась у меня тетрадь моего докла[да] в Коммерческом училище в 7-ом классе (лет 17?) об атомах, электронах, радиоактивности и пр. Вся философия – налицо.

Все время сознание релятивизма относительно себя самого. Для себя – чуть ли не все, центр, узел мира, солипсизм. Для семьи тоже центр, но совсем иного характера. Для институтских – третье. Для государства еще одно. Для людей на белом свете – другое. Для марсианина, арктурца – атом, электрон и пр. И что же «на самом деле»? По-видимому, невозможна эта постановка о «самом деле» даже в таком вопросе, как человек и душа человеческая.

Грустно. Душно. Тяжело. Без души. И по-прежнему желание незаметно и быстро умереть.

19 июля, Москва

В форточку затемненного окна на Спиридоновке грохот пушек по случаю прорыва южнее Острова.

Позавчера по московским улицам, по раскаленному июльскому асфальту шли десятки тысяч «серых» замаскированных немцев во главе с худосочными, меланхолическими генералами[1]. Бог знает, какая философия в их оглушенных головах? Гитлериада кончается каким-то невиданным психозом всего немецкого народа.

23 июля, Москва

Нестерпимое дергание: ночлежниками и гостями на Спиридоновке (Слюсарев, Мазуров и пр.), по телефону, на улице. Негде сосредоточиться на 2–3 спокойных философских часа. Только утром на пути от дома на Миуссы, да вечером от Никитских ворот до дома. Какая-то ходячая «распределительная доска». Как же с этим кончить в такой сумасшедшей установке?

Немцы, по-видимому, разваливаются полностью. Покушение на Гитлера. Путч. Русское наступление. Вчера в 2 ч. ждали по радио несостоявшегося «правительственного сообщения».

Хочется побыть самим собой. Думы, писания, лаборатория для себя, без Севченок.

<u>24 июля, Москва</u>

Холм, Люблин. Как 30 лет тому назад. В Холме начинал в 1914 г. войну. Опять оглядываюсь – страшно грустно за прожитое.

<u>30 июля, Москва</u>

Позавчера взяли Перемышль (теперь и в марте 1915 г.) По-видимому, умирает Кравец[1] в Йошкар-Оле. Вопрос о переезде в Ленинград застыл. Каждый день усталость безумная. Голова болит. Полное отсутствие «творческой инициативы». Люди, люди. Заболеваю. Хочется быть со своими и незаметно умереть.

Только на улице, по дороге со Спиридоновки на Миуссы как-то мелькнула мысль, хорошо бы постепенно написать «Леонардо и Фауст», где оставить живым «плоды горестных размышлений обо всем». Не похож я совсем на других и было бы это нужным наследством и Beitrag'ом* в эволюцию.

Эволюция – это постепенное «создание бога».

<u>3 августа, Москва</u>

Ваганьковское кладбище. Похороны А.И. Бачинского. Церковь, которую знаю лет 45, тусклые, ободранные иконы, запах ладана. Гроба, гроба без конца. В гробу обросшее небритое [с] бородой лицо, ужасно-босые ноги (башмаки, туфли теперь не по средствам), хоронят почти голым. Но не в этом дело. Самое страшное в механике, одервенении. Отлетела психика, тайна и с церкви, и с кладбищенских крестов, и с трупа в гробу. Все так просто, элементарно. Родился, умер – случайно случившийся случай, никому не нужный. Похоронили, завтра забудут и опять самому захотело[сь] тоже скорее в гроб.

Опт[ическому] И[нститу]ту отказывают пока в возвращении в Ленинград. Хожу, звоню по наркомам, вертушкам. На Миуссах выгоняю завод. Устал. Грустно. Ничего творческого.

Помню Бачинского в воскресенье на Сухаревском книжном базаре (лет 35 назад). В клетчатой крылатке и котелке (декадентство!). Потом ex libris на его книги: из края ex libris'а «в усах» и с папиросой шагает Бачинский,

---

* Вклад (нем.).

навстречу ему скелет (Todtentanz*). Это случилось теперь, когда Бачинский стал давно слепым, почти голодным и совсем разбитым.

У меня страшно тяжело на душе.

Война в состоянии немецкой агонии.

Москва, 10 августа.

Отказали Опт[ическому] и[нститу]ту в пере[е]зде в Питер. Очень это тяжело. Верчусь, хлопочу, стараюсь попасть к Жданову, письма, телеграммы, кручение «вертушки». По-видимому, все бесполезно.

Встреча старых знакомых. Eudoxia Молодая, Alexis Успенский. Постарели, похудели, готовые кандидаты в гроб, даже чудно, что они разговаривают (особенно Alexis), а не лежат, как Бачинский, под простыней, босиком, в гробу. Связей человеческих с ними почти не осталось, как чужие, даже хуже, чем чужие (чувствуешь внутреннее шарахание).

Я в сущности совсем подготовлен к смерти, оторвавшись почти ото всего за исключением Олюшки и Виктора и «общего дела» – пользы человечества, эволюции и пр.

Москва, 12 августа

Пребывание в Москве все несноснее. По радио московский диктор провозгласил о переходе союзников через «Лауру»[1]. В National Geographical Magazine американцы в натуральных цветах любуются Madonna Alba Рафаэля в Вашингтонском музее[2].

А творческая мысль об одном. О сознании и я. Что-то хватаю, но сразу ускользают и снова «на общем уровне». Ungenauigkeitsrelation – по-видимому, есть выражение элементарного сознания и Я у электрона. А память у сложного организма – остающийся след «свободного выбора» (результат действия «усилителя»).

Москва, 19 августа

По-видимому, уеду сегодня в Й[ошкар-]О[лу]. Не солоно хлебавши (с отказом возвращения Опт[ическому] И[нститу]ту в Л[енин]гр[ад], с необходимостью писать доклад Маленкову, с разоренным И[нститут]ом на Миуссах). С тяжелыми чемоданами, одна мысль о которых в ужас приводит*. Но там свои, там последние зацепки за жизнь. А она совсем невыносима. Несмотря

---

* Пляска смерти (*нем.*).

* У Вавилова «приходит».

на американцев под Парижем. Читаю «Марину Мнишек» Hirschberg'а. Хаос картежной игры и тогда и сейчас. Ужасно чувствовать себя объектом мировой рулетки. Холодно, дожди.

Йошкар-Ола, 21 августа

Сегодня рано утром приехал со своими тяжелыми тюками. За время моего отсутствия еле начавшееся лето успело превратиться в ясную осень. Здесь в царевококшайской глуши так ясно слышен острый приятный, но, в сущности, кладбищенский запах осенних огородов и садов. Вместо нелепого московского большого вихря с флуктуационными идиотизмами здешний маленький провинциальный вихрь, не менее изводящий и тягостный.

Й[ошкар-]О[ла], 26 VIII

Холодная ранняя осень. Военная агония немцев. Англичане и американцы под Парижем, капитуляция Румынии.

Страшная усталость. Телесная и душевная.

Резкое чувство беспорядочности, случайности всего происходящего. Никогда не любил юристов и «право», но с птич[ь]его полета «право» – искусственные законы человеческого общества, выполняемые силою государственного аппарата, вместе с религией и наукой – самое большое человеческое достижение. И вот «право» треснуло по всем швам. Сплошная флуктуация, азартная игра, рулетка.

В этой медвежьей берлоге сейчас, пожалуй, лучше, чем где-нибудь.

Й[ошкар-]О[ла], 1 сентября

На столе в стакане рубинового стекла огнем горит настурция в лучах заходящего солнца. Как это красиво! Сегодня в лаборатории искал, не прибавляется ли к этому оранжевому рассеянию и флуоресценция. Действительно, синие и у[льтра]ф[иолетовые] лучи возбуждают оранжевое свечение. Но очень оно мало.

Советские войска в Бухаресте, союзники в Реймсе, а немцы продолжают затянувшуюся трагедию курицы с отрезанной головой.

Й[ошкар-]О[ла] 7 сентября

Завтра опять [в] Москву. Колебательное состояние «вечного жида» продолжается. Снова так противно.

Хотелось бы тихо спать среди здешней глуши, осенних утренних заморозков, желтых листьев, спать до могилы.

Работаю, как автомат. За три недели написал большой (но скверный) доклад для люминесцентной конференции[1], отредактировал 2-е издание «Ньютона»[2] и пр. и пр. Но никакой удовлетворенности от работы нет.

Чувствую, что делаю много ошибок. И затем – к чему все это. Жизнь – рой сновидений и кошмаров, когда-то круто обрывающихся. Эволюция и пр. – тоже отрывки сновидений.

Иногда мелькнет из прошлого какой-нибудь глубокий и трогательнейший образ. Вот вспомнил на днях темную-темную столовую дома в Никольском переулке. Образ Самона и Авива[3], написанный дедом, перед ним горящая* лампадка из красного стекла. Глубокий, успокаивающий свет «свете тихий»[4]. В окно густой сад с вишнями, жасмином (от сада и темно в комнате). Диван. За дверью сундук с первыми моими книжками (толстый Пушкин). Бабушка Домна Васильевна[5] за чаем с вареньем. Суббота после возвращения с дачи в конце августа. Звонят колокола. «Свете тихий». А надо всем мать, через которую и держался за жизнь.

Немецкая агония продолжается. Освобождение Франции, Бельгии. Румыния. Болгария[6].

18 сентября, Москва

Через вонючую (на этот раз особенно) Казань опять в ажиотаж Москвы. Привезли Кравца. Бестолковщина Савостьяновой[1]. Целый день разговоров, хлопот. Дождь. Душно. Голова болит. В Доме ученых разгов[ор]ы о Николае. Чувствую, что этот приезд в Москву будет особенно мучительным.

21 сентября, Москва

Машинное существование. Утром Физ[ический] И[нститу]т с ремонтом, мелкими делишками, Zeitraubend*, от которых остается головная боль. Заседания в Академии, Ц.К., Электропроме. Ночные поездки в ВЭИ на полигон. Склоки людские, дрязги. Кравец в клинике. Тупые разговоры, ни за что не задевающие. Усталость. Чувство ослабевающей памяти. Резкое, резкое чувство машинообразности человеческой. Так все ни к чему. Существование ломовых лошадей. Жить действительно ни к чему и умереть готов всегда. Не за что зацепиться. Все – плохой театр. Ужасно ходить и ездить с таким рентгеновским фонарем, все анатомирующим.

Дела без конца, но итог [–] ощущение безрезультатности.

23 сентября, Москва

Общее taedium vitae (Олюшка, Лифшиц С.Я.[1], да вообще все, кого ни встретишь). Бесперспективность, сегодняшний день.

---

* У Вавилова «горячая».

* Отнимающий (требующий) много времени (*нем.*).

Сейчас только с дурацкого заседания Президиума Академии. Доклад Абрама[2] о планах ad infinitum* по физ[ико]-мат[ематическому] отделению. Детские, домкомовские[2*] выступления Байкова, Образцова и пр. Теперешняя Академия – бюро похоронных процессий, юбилеев и богадельня для ramoli[3*].

24 сентября (воскресенье) Москва

За окном осень. В окно смотрит «вальте[р]-скоттовский» псевдоготический особняк Морозовой-Рейнбот[1], в котором теперь дефилируют Лавали, Риббентропы, румыны, финны поочередно. Чувство собственной Minderwertigkeit*. Настоящего, большого в жизни сделать не удалось и вполне можно бы не существовать с любых точек зрения. Скоро пойду охотиться за книгами. Так мало осталось книжных лавок и так мало в них интересных книг.

Иной раз кажется, что будет у меня свободный год, когда мне бы не мешали и не дергали – я написал бы по меньшей мере интересные мемуары о себе, о людях, о мире в целом с зорким взглядом, со своей философией. Но когда же найти это время. Задерганный, усталый, без перспективы.

7 октября, Москва

Усталость, почти ни часу свободного. Люминесцентная конференция на Миуссах, столько хлопот и такая бездарная. Люминесцентные лампы на потолке. В усталой голове ничего талантливого и творческого. Чувствую, слышу, догадываюсь о пересудах. Опять спрашивают – жив ли Николай. Так недалеко и до самозванца дойти.

Начинается зима. Ослабевающая память. Бездомность. Общая автоматика, бездушность. Жизнь действительно всякий смысл теряет. Все фальшивое, кроме драк, вообще скотского*. Хочется убежать в Йошкар-Олу, к ее лосям и марийцам. С Питером совсем неопределенно и безнадежно.

8 октября, Москва (воскр[есенье])

Следовало бы, конечно, лечь под одеяло и читать детективные романы под звук осеннего дождя и в том лихорадочном аспиринно-стрептоцитовом состоянии, в котором я сейчас нахожусь. На самом деле вытягиваю из себя еще одно «вступительное слово» для завтрашнего заседания конференции.

---

* До бесконечности (лат.).

2* У Вавилова «домкомовский».

3* Одряхлевший, маразматический; (разг.) рамоли, старческий расслабленный, близкий к слабоумию человек (*франц.*).

* Неполноценность (*нем.*).

* Так у Вавилова.

Нет ни Бога, ни природы, вообще ничего нет, кроме создания никому не нужного, бездарного и повторяющего «несуществующую» природу.

15 октября, Москва (воскр[есенье])

Еще неделя. Теряю голову. Без перспектив в водовороте московской фальшивой чепухи.

По утрам пешком тянусь на Миуссы. Нелепая широчайшая асфальтированная Садовая, по которой тянут еще огромные баллоны с водородом для наполнения аэростатов заграждения, тянут тетки в сапогах с погонами, с прическами a la «отец дьякон». Просторы Садовой такие, что всегда видна дымка, смягчающая силуэты противоположной стороны, как на петербургских площадях и Неве.

Люминесцентная конференция более чем с тремястами охотников до люминесценции. Выключенный ток. Последнее заседание начал при восковой свечке.

Комаровский насквозь фальшивый юбилей[1] с пышными свер[х]-словами, сверх-награждениями, сверх-банкетом и полной пустотой, когда речь заходит за что же... За собирание гербария, причем из этого собирания ничего особого не вышло. Хитрый старик, лгущий и перед смертью. Фальшивые его слова о Николае. Ведь это совсем другая фигура. Действительно большая, настоящая и без фальши. Хожу в Николаевом пальто и иногда с такой отчетливостью его в себе ощущаю.

В Москве Черчил[л]ь. Приемы на Спиридоновке в вальтер-скот[т]овском замке Морозовой. А война все же не[*] кончается.

На комаровском банкете вчера рядом с А.Е. Арбузовым (умный, толковый примитив химический), с другой стороны теперешний rector magnificus[2*] М.Г.У. И.С. Галкин, пытается меня перетянуть на Моховую[2]. Не пойду, не хочу, почему-то с давних пор (еще дореволюционных) не люблю Моховой.

В голове нет мыслей. А хотелось бы последние годы жизни спокойно провести в маленькой лаборатории, за книгами, приборами, со своими мыслями. Я и вселенная.

Страшно чувствовать собственное умирание.

Охочусь за книгами. Их мало и дрянь. И вообще, так мало хороших книг.

---

[*] У Вавилова не не.

[2*] Почетный титул ректора университета (*лат.*).

Здесь мечтаю об Йошкар-Оле. Она сейчас все же больше всего походит на дом. Больше дома нет.

Неужели эта война не перевернет мира. И снова эта тупость, злоба, сумасшествие и смердяковщина.

21 октября, Москва

Позавчера разбился насмерть на советском Виллисе мой электропромовский шофер Катков Александр Вас[ильевич]. Здоровый, высокий парень 29 лет, без Бога, без идеологии. Разбился вместе [с] электропромовским агентом, с каким-то молоденьким капитаном 21 года. О Каткове, вероятно, никто больше не вспомнит. Потому и записал. Вроде «вечной памяти». Фигура современная без нити традиции. «Wir fahren hier, wir fahren hen, wir haben keine Heimat mehr»*.

Необычно тяжелы эти московские дни. Со страшным трудом их вытягиваю. Ослабленное сознание. Автоматизм.

Олюшка уехала в Й[ошкар-]О[лу]. Вчера уехал Черчилль из Москвы. Меня знобит. И ужасное чувство отсутствия дома, своего, себя самого. Растворяюсь. Но лучше бы это сразу.

22 окт[ября] Москва

Каткову я завидую. Такая неожиданная, моментальная, механическая смерть. Оглядываюсь, зацепляться не за что. Ни Goethe, ни Шекспир, ни Ньютон, ни Достоевский, ни Эйнштейн – никто не нашел этой зацепки. Чем дольше эволюция, тем яснее, что ее нет. Смерть так же проста и ясна, как хождение по улице, падение камня. Пока действуют молодые физиологические двигатели, перед сознанием туман и обман. А в старости (особенно такой средней, как 53–54 года) все особенно страшно. Физиология отпадает, сознание еще ясно.

Меня задергали до невыносимости. Записка «о физических кадрах». Записка об «убытках». Издательские дела. Безобразные дела с университетской физикой[1]. Академическая бестолковщина. Разрываюсь, устаю. Озноб, температура и спасение только во сне, когда ото всего отрываюсь и забываю.

29 октября (воскр[есенье]) Йошкар-Ола

Из Москвы уехал 27-го в 5 часов. Путешествие отвратительное и мучительное. Огромный тяжелый чемодан, на московском вокзале нет носил[ь]-

---

* «Мы едем здесь, мы едем сюда, у нас больше нет никакой родины» (*нем.*).

щиц. «Международный вагон» оказался ископаемым, нетопленным и разбитым 90-ых годов. Поезд еле успел в Казань к отходу йошкар-олинского экспресса. А этот жесткий, нетопленный. В Й[ошкар-]О[ле] встретили с опозданием и т.д.

Опять беглые наблюдения над пассажирами и жизнью. Разговоры, слова, мысли у людей опростились и стандартизировались до тошноты. Наперед знаешь, что спросят и о чем говорят. Цены на базарах, ужасная нескладеха на ж[елезной] д[ороге], которую вслух боятся критиковать почему-то. Благочестивые комментарии к газетным статьям. Голый, грубый флирт. Погода. Это и все.

Читал P. Benôit. Le dejeuner de Sousceyrac (1931)[1]. Рассказ об отсутствующей совести и универсальном обмане. Потом начал Le Roy. О философии Бергсона[2]. Весь Бергсон – по-видимому, примитив и очевидное, но еще раз выбивается всякая система координат, без руля и без ветрил.

Замерзая и закутываясь в Николаево пальто, просматриваю урывками содержание собственной головы. Ничего большого, и так это грустно. Единственная остающаяся зацепка.

Попал в натопленную комнату царевококшайскую, с горячими лепешками, бураками, рынком. Но бесчувственен, как будто так и надо, как перенесенный камень. Притупление чувств и мыслей. Плохой признак.

По дороге иногда снег. Война в совершенно загадочной фазе безумия большой немецкой страны.

3 ноября. Й[ошкар-]О[ла]

Неужели действительно это так: мир – эпикуровский, пустой с летающими атомами. Или верен только свой собственный мир со снами, мечтами. Яснее ясного – мозг, сознание биологически понадобились для создания самолетов, снарядов и прочего, а вовсе не для размышлений о бытии, смысле и прочем. Эти размышления просто болезнь и сумасшествие. С ними никуда кроме воображаемых мистических конструкций не спасешься. Вывод безотрадный.

События? Нет их тут в Й[ошкар-]О[ле]. Разве вот Виктор – кандидат[1]. Вести о трудностях в Ленинграде. По-прежнему не дома. Даже нельзя помечтать о месте для могилы. Голова бессильная. Ничего верного и большого. Критика самого себя сверху донизу.

Сухое, пока бесснежное время перед зимой.

На европейской карте пошла широкая шахматная игра не без ноздревских гамбитов.

Хотелось бы полного покоя, интересных книг и отдыха.

Тяжелое чувство невозможности экспериментировать. Кажется, что это – единственный путь у меня к жизни. За него хвататься нужно, если вообще еще жить. Опыт, опыт – прямо к природе, а не только через голову.

8 ноября, Й[ошкар-]О[ла]

Дома. Слишком натоплено. Скверная голова и острое чувство отсутствия творческого подъема и добротной, спорящейся работы.

В поезде читал письма Гершензона[1] к брату и дневники А.Н. Островского[2]. Жалкие следы жизни. Вовсе не хотелось бы такой же. Или умирать, или что-то непрерывно создавать.

Перечел Д.О.Ю. Толстого[3]. Написал он это лет [в] 25. Несмотря на трудность [–] исключительность, гениальность и напряженность сознания, оставшаяся до конца жизни.

А кругом жизнь бездарная и нелепая до смешного и анекдота в своей нелепости.

Вижу, что я из вечных работников. Подчиняюсь. Если не умирать, то работать, но интересно и творчески. Боже, как грустно!

9 ноября, Й[ошкар-]О[ла]

Красное солнце. Снега нет.

Яснее ясного «утилитарность» всех человеческих знаний и философствований. «По сути» ничего не знаем и совсем не ясно, есть ли эта «суть». Снова история о бароне Мюнхгаузене, пытающемся извлечь самого себя за косу из болота.

12 ноября, Й[ошкар-]О[ла]

Сон о Николае. Безысходное горе и хочется самому туда же.

Очень низко себя оцениваю. И все вместе так грустно, так страшно. Читаю Белого «На рубеже двух столетий»[1]. Серенькая профессорская Москва моего времени, и я в таком же роде. Совсем не большая Европа.

22 ноября, Й[ошкар-]О[ла]

Жизнь на одной гнилой нитке. Так легко с ней расстаться при первом же сильном ударе и при наличии простой «механики».

Морозы. Снег. Выключенное электрическое освещение (дров в городе нет – это среди лесов). Нудные заседания Ученого Совета Оптич[еского] И[нститу]та, без всякой искры Божьей. Безнадежность в вопросе с переездом в Питер. Да и что там будет?

Читал мрачные воспоминания Л. Толстого и А. Белого. So ist das Leben*.

Занимаюсь с большим трудом законом Стокса. В И[нститу]те кругом мало прикрытые уязвленны[е] самолюбия и совсем мало творческого гения. Вижу как кругом стареют: Гребенщиков, Кравец, Тудоровский, Линник, Лебедев и я вместе с ними.

Фронт затих. Крупная, запутанная политическая и дипломатическая игра.

24-го опять, как вечный жид, должен в Москву. Усталый, мрачный с перспективой отвратительного и неопределенного путешествия.

Хотелось бы отдыха, небольшой радости, покоя и творческого подъема напоследок.

25 ноября, Казань, в вагоне на вокзале

Уехал вчера из Й[ошкар-]О[лы]. Два раза на вокзал – опоздал поезд. Настроение, как всегда при таких поездках, тяжелое, словно на похоронах.

Здесь ночевал около вокзала в «агитпункте» – грязнейшая ночлежка (притом 15 рублей за кровать) со страшной «уборной». Вспомнилась ночевка в Семиречье у интендантов, так как здесь тоже ночевали какие-то «гуртовщики» в погонах.

Поезд опаздывает часов на 10. «Подлизываясь» к проводницам, попал в вагон и жду. И это счастье, на улице мороз. Болят зубы, и в общем паршиво-препаршиво.

28 ноября, Москва

В Москву добрался ровно в полночь 26-ого. Поезд опоздал на 16 часов.

Вчера страшные новости. Умер вчера же в 3 ч. дня Л.И. Мандельштам – пожалуй, самый замечательный человек среди ученых, которых я в России знал. Сверхчеловеческая тонкость физического мышления. Редчайшая моральная честность в самых тяжелых условиях с добротой и добродушием и общая культура настоящего homo sapiens. Еще пустыннее стало.

Умерла еще милая Вера Ивановна Федорова (около 20 ноября).

---

* Такова жизнь (*нем.*).

А кругом – московский нелепый вихрь с оттепелью и мокрым снегом.

Вчера был день рождения Николая[1]. Забегала почти сумасшедшая Екатерина Николаевна.

<u>**29 ноября, Москва**</u>

Похороны Мандельштама. Мокрый желтый снег и туман. Мрак. Новодевичий монастыр[ь]. Я говорил на могиле. Самое поразительное мое простое и совсем спокойное отношение ко всему: «Почил безмятежно зане совершил в пределе земном все земное»[1]. Гроб с трупом, как ящик с дровами. Улетевшая душа и совершенное дело. Жаль только, что ушел единственный человек, с которым можно было говорить о[бо] всем при понимании с пол[у]слова. Таких не осталось.

Если смерть таких людей, как Л.И. (подлинные сверхчеловеки), так проста и переход от сложнейшего и тончайшего одушевленного к этому мешку с костями не поражает – то что же сказать о прочих смертях?

Вот такая шофе[р]ша – Валя Зеленкова[*] в тулупе, рассматривающая фотокарточки[2*] на памятниках. От этой простоты может быть один шаг к платоновскому миру.

Машины, машины. Завтра опять вертеться, а так просто и приятно сразу умереть.

<u>**3 декабря, Москва (Вечер)**</u>

Мандельштам сейчас гниет в промерзшей земле Ново-Девичьего монастыря. А он был, конечно, самым умным, самым тонким человеком в Москве. Прошлое воскресенье я собирался к нему за термодинамическими разъяснениями по поводу закона Стокса. Кругом трупа Мандельштама злобное сведение интересов всяких людей и людишек.

Вчера с визитом у президента В.Л. Комарова в его купеческом особняке на Пятницкой. Удушливая сцена. В присутствии двух [пар] недреманных очей, секретарей Чернова и Шпаро. Совершенно разваливающееся существо. Притом трусливое и спрятавшее мораль куда-то на самое дно. Несвязные выкрики: «Дерзайте!». Не то насмешка, не то глупость, как у него всегда. Разговор о странном 220-летнем юбилее Академии, об орденах и прочей чепухе[1]. Зрелище отвратительное. Символ теперешней Академии.

Стоит ли все это записывать. Мир полон друг друга пожирающих, и лучше пулю. Скорее – не видеть.

---

[*] Неточность Вавилова, правильно: Зеленина.

[2*] Начало слова («фото») вписано над строкой.

Сейчас пойду за книгами. Кажется, что это устойчивое. Чепуха. Разница между замаранным бумажным листком и книгами – небольшая.

10 дек[абря] Москва

Тяжело. Совсем безрадостно. И только сам с собою 2-3 часа перед сном, когда возвращаюсь после мутных нелепых дел. Задергали. Статейки – очевидно, получил реноме «писатель» – из «Пионерской правды», «Известий», «Большевика» и Бог знает откуда еще. Отвратительная фальшь в Университете. Вчера сидел вечером на научной конференции МГУ с докладом Александрова «Сто лет марксистской философии». Лина Штерн, Суворов, благочестиво записывающие великие мысли т. Александрова и тут же засыпающие от скуки и пошлости. В ВАК'е мерзкое выступление Акулова против несчастного Вульфсона[1].

Каждый день что-то тяжелое и фальшивое. Хочется либо незаметно умереть, либо запереться в лаборатории, сесть за письменный стол – и так до конца.

Все же страшно. «И, как преступник перед казнью, ищу кругом души родной»[2]. Никого кроме Олюшки, да немного Виктора.

Иногда вспоминаю об уюте старой Москвы, о ее снеге, церквях, колоколах, веселье, людях, откровенных, простых. Люди стали совсем машинами.

Москва, 17 дек[абря] (Воскр[есенье])

Трудно переносится усталость. На меня нагрузили, или сам на себя нагрузил столько, что иногда совершенно раздавлен. Идиотский водевиль с автомобилем. Шофер[ш]а, катающая «налево» и на которую нет никакой управы. Еле хожу, задыхаясь, по морозной, скользкой Москве.

Свистопляска вокруг заседания памяти Мандельштама. Капица, обливавший помоями Л.И. в Сталинском Комитете[1], теперь в виде рыцаря, действующего через А.Н. Крылова.

Нелепые двухнедельные конференции Академии, Университета. Вчера выступал с докладом в Физ[ическом] И[нститу]те Университета с кратким обзором моих работ по природе света. Для понимающих это могло быть интересным. Но, вероятно, все всуе. Знакомые стены – знаю их лет 40 – физическая Москва. Есть какой-то уют, но ничего гениального. Бюст Ньютона, старый раскрашенный спектр. Когда-то сидел на скамейках, болезненно складывая длинные ноги.

Все раздражает. Живу на стрептоциде.

Читаю Gaston Leroux. Le fantôme de l'opera. 1910[2]. Это, вероятно, последняя книга, которую читал Л.И. [Мандельштам]. Растянутый Гофман.

А сколь у многих сейчас философия «премудрого пескаря» из сказки Салтыкова.

Москва, 19 декабря

Стал хмурым, нелюдимым, мизантропом. Не бывает веселья и порыва.

Молодежь кругом только животная жизнерадостность. «Идейности», «идеологии» нет. Все вместе грустная зоология.

Думал об этом вчера на заседании памяти Мандельштама в мрачном, неосвещенном зале Физ[ического] И[нститу]та.

Усталость. Дергание. Простуда. Отсутствие мыслей иначе как по заказу.

Война затягивается.

Москва, 24 декабря

Кому это нужно? Бесконечная усталость, меланхолия, траурный материалистический флер надо всем. Кому это нужно? Даже самому себе не нужно.

Заседания, заседания. Техснаб, президиум, ВЭИ, памяти Л.И. М[андельштама]. Часами, длинными часами в холодных помещениях, без света. Скандалы с машиной. Шоферша – «гаражная Кармен». Никакого творчества. Непреодолимые трудности в Институте (скамейки, свет, тепло). И опять никакого творчества.

А каждый человек кажется скелетом в мясном мешке. И скелет в свое время развалится, в пыль, в атомы.

Что я могу еще сказать? Собираюсь 26-го или 27-го в Йошкар-Олу, содрогаясь от перспектив поездки по ж[елезной] д[ороге]. Путаница, совсем ничего не понятно, что же будет с переездом ГОИ в Ленинград?

Старушка Жозефина, наевшаяся, по-видимому, викторо[во]й «свиной тушонки» и стонущая от запора и болей в животе. А на столе кеплерова «Weltharmonik»[1].

Сейчас особенно ясно вижу, что с Мандельштамом ушел человек поистине замечательный. Таких других я не видал.

Москва, 26 декабря

Завтра, по-видимому, уеду в Йошкар-Олу. Автоматизм. Бессилие. Безнадежность. Безразличие.

Казань, 29 декабря

Застрял на два дня в Казани по причине поезда, запоздавшего на 10 ч[асов] и прочей ж[елезно]д[орожной] вакханалии.

В поезде теперешние люди «без души», автоматы.

По казанским горам, задыхаясь, в 8-ом часу утра добрался до Сибгатуллиных[1]. Сам Насыб делает стеклянные елочные украшения.

В Казани какая-то особая вонь, даже зимой, не то навозом, не то кониной*.

---

* Слово «кониной» прочитано неуверенно.

В поезде много лежал, но в голове несвязные отрывки и никаких мыслей. Главное, совсем нет физики. Опустошенная, уставшая душа и ум. К гробу совсем готов.

И все кругом так материализировалось и механизировалось. Автоматизм. Философия, как у шоферши Вали. Грустный конец года.

<u>**Казань, 30 декабря**</u>

Постепенно исчезают «эвакуированные». Казань все яснее становится самой собой, провинцией, помирившейся со своей грязной, пахучей судьбой, примитивом, лохмотьями. Диапазон условий, в которых может жить человек, растяжим безгранично. Вот и привыкли и живут. Все – третьего сорта. Кто виноват? Сами, конечно.

Затемнения здесь нет, наконец. Вечером в окна видна жизнь «там внутри». Иногда остатки прежнего благополучия, ширмы, кресла, шкафчики 90-х годов, а почти всегда – горьковская ночлежка.

В Университете остатки Академии. Несколько комнат со сваленной мебелью, поварихи и барышни и заправилы-хозяйственники. Ботвинник, Матвеев – хмурые, не уверенные, что их возьмут в Москву, или Ленинград. Своего рода «Вишневый сад», только наизнанку.

Ходил по книжным лавкам. Книги здесь попадаются много более интересные, чем в Москве, и дешевле намного.

Кончается год. Заглянул на страницы, написанные год назад, и почти нечего прибавить. В Москве из меня стараются сделать pulcinello[1], но из этого ничего не выйдет. Я всегда самим собою оставался. С десяти лет по крайней мере был «философом», пытающимся пробраться к основам и очень мало думавшим о человеческих делах и фокусах. Так что не переделаешь.

Для того, чтобы жить, мне нужно перейти скорее к опыту, в лабораторию, без помощников, лаборантов, с самим собой, без самонадеянности и самолюбия. Напоследок еще раз прикоснуться к природе. Это самое главное и самое интересное.

Жизнь на Земле сейчас отвратительна.

Вечером. Жарко натоплено. В 10 ч. надо идти на вокзал через город. Днем долго ходил по Казани, высматривая в ее нищете и убожестве остатки старых уютных церквей, солидные ампирные и николаевские дома и просто купеческие особняки времен Николая II. Словно руины древнего Рима. И никто этого не понимает.

Йошкар-Ола, 31 декабря. Воскресение

Почти в бесчувственном, сонном состоянии доехал в маленьком мягком вагоне. Здесь все же дом. Елка. Окна, разукрашенные морозом, и вообще уши заткнуты от внешнего мира.

Новой жизни в 1945 г. начинать не собираюсь. Чувствую явную старость. Из мальчишки прямо в старики. Хотелось бы спокойной экспериментальной работы и чего-нибудь нового и хорошего для физики. Это все.

А остальное сейчас кажется понятным и грустным.

1945

Йошкар-Ола, 1 января

День тихий, совсем безмысленный, читаю ловко написанный, но бесцельный Le fauteuil hanté. Leroux[1].

Способ врезать в память человеческую: выразить стихами, а затем еще музыкой.

Й[ошкар-]О[ла], 2 января

Влезаю снова в эту жизнь, совсем отличную от Москвы. Все притасовано, все известно, «без трения». А я пустой совсем.

Й[ошкар-]О[ла], 3 января

Оскудение сознания и творчества. Тянет ко сну. В Институте сплетни Севченко, диссертация Суйковской.

Неотвязная мысль: сознание – биологический фокус природы. Для чего-то нужна борьба за собственное существование, размножение, эволюция и пр. Этому великолепно способствует сознание. Обман, как будто для себя, а на самом деле для семьи, общества, Земли, вселенной. Кто-то это ловко и остроумно выдумал.

Йошкар-Ола, 5 янв[аря]

После московской суетни и бессмысленной усталости – здесь бездарное оцепенение. Делаю институтские «дела». Но за этим пустота, заполняемая соединительной тканью французских романов, вроде Le Roux и Deuxe Prisoniers[1].

Неотвязчивое самоуничижение. Трудно разобраться, объективное или субъективное. Не вижу перед собою хороших больших целей. Прошедшее кажется маленьким, ненужным. А главное, и сам, и другие – скверные автоматы для неясных задач.

В лаборатории и смешная, и трагичная склока Севченков, Свешниковых за микро-приоритеты. Нищие из-за клюки и сумы подрались.

Хочется катиться по определенной и ясной дороге. На самом деле бездорожная, снежная ночная пустыня. Иди – куда хочешь, все равно.

Й[ошкар-]О[ла], 6 января (Вечер, суббота)

Старый сочельник. Я один в натопленной комнате. Олюшка пошла в церковь (недавно здесь открытую вместо завода). Событий нет. В душе тяжело и пусто. Никакого творческого подъема. Ничего не могу найти по душе для чтения.

8 янв[аря], Й[ошкар-]О[ла]

Несносно чувствовать себя все время предметом (себя и других), плохой машиной. Дýши куда-то улетели, стали воображением.

11 янв[аря], Й[ошкар-]О[ла]

7 ч. утра. Еще совсем темно. Вчера Виктор прислал Олюшке письмо, что решил жениться. Для нас это значит – удаление родной души. Станет еще холоднее, еще жестче, еще механичнее, еще бездушнее. Процесс, начавшийся лет 7 тому назад, все идет глубже, все ближе к математической точке «самому себе», т.е. к ничто, к смерти. Очень мрачно и грустно – «ищу кругом души родной»[1].

Война затягивается. Немцы, вероятно, реально надеются на разрыв между Россией, Англией, США, только в этом может быть причина их упорства. Жуткие перспективы самоуничтожения мира.

12 янв[аря] Й[ошкар-]О[ла]

Вчера в Опт[ическом] И[нститу]те нелепый семинар с нелепым докладом М.В. Волькенштейна «Физика и философия» по Джинсу. Наивность, трусость, малая грамотность. А дело [–] в основном. «Нормальное» существование (без философии), т.е. исполнение полагающихся физиолог[ических] функций, служба, полагающиеся в данную* эпоху, в данной стране людские отношения, мысли, разговоры, все это еще почти «бессознательное» по повелению природы, почти что «спинным мозгом[»]. Философия – это и есть попытка настоящего сознания (другое дело, может ли эта попытка удасться), попытка подняться выше себя самого, заглянуть поверх себя. «Метод математической экстраполяции» в сущности один из способов это сделать. Кончится ли это, как у Мюнхгаузена, или удастся выскочить «за собственную орбиту» – не знаю.

У меня все настойчивее чисто биологическая точка зрения, кажется она мне единственно возможной. Сознание с наукой и философией [–] только биологические «приспособления» наряду с глазами, ушами и прочим.

---

* У Вавилова «данной».

«Непонятности» в микро- и макромире [–] потому, что полезли, куда природа не предназначала. Положение мало веселое и едва ли из него выскочишь. Если, конечно, ⟨нрзб.⟩ на бога.

Мороз, иней. И совсем безнадежно.

14 янв[аря], Й[ошкар-]О[ла] (Воскр[есенье])

Иногда кажется, что вот-вот еще одно усилие и завеса прорвется, станет ясным мир, человек, происходящее, я. Но всегда кончается ничем, в прежнем собственном заколдованном кругу и выше себя не подымаешься.

Что нужно мне для спокойного существования до конца? 1) Творчество (новые мысли, новые факты, новые формы) 2) Хорошие интересные книги 3) Умные, добрые, честные, нетрусливые люди кругом 4) Свои: Олюшка, Виктор (так мало своего осталось, остальное на кладбище) 5) Уверенность в возможности всегда умереть спокойно, незаметно, через сон.

Сейчас тупик. В голове – пусто, надо искать настоящей работы. Нет нужных интересных книг. Вываливается из рук французская болтовня (V. du Bled – La société française du XVI siécle au XX-e siécle), E. de Roberty, F. Nietzsche[1], немецкая в конце концов пустая тяжеловесность (Novalis, Fragmente[2], Ostwald. Abhandlungen und Vorträge[3]). Не человек – а ледяная сосулька.

В окно – мороз, бегут царевококшайцы на рынок. По радио – сплошная пошлятина. Хочется заснуть и проснуться лет через пять – поближе к смерти.

16 янв[аря], Й[ошкар-]О[ла]

По радио: вчера взяли Кельцы. Тридцать лет. Прошлое кажется такой романтикой в голубом тумане дали. Корчнова, Хенцины[1], епископский дворец. Весеннее келецкое солнце, блуждание по храмам. Фауст[*, 2]. И вот жизнь приближается к концу.

Пусто. Ни за что не цепляюсь. Бездарные письма Толстого[3], Крамского[4]. А рядом загадки Novalis'а, которые и сам он не понимал.

18 янв[аря], Й[ошкар-]О[ла]

Утро. Белый снег, которого в Москве и Питере не увидишь. Идут ребята в валенках, размахивая сумками, в школу. Сосуды, которые можно наполнить

---

[*] Слово «Фауст» вписано над строкой.

самым разнообразным содержимым. Стараюсь представить себе старый, дореволюционный Царевококшайск с церквами, монастырями, тулупами, черемисами, базаром. Была ли скука? Для нее нужно городское (московское или питерское сознание). Такого сознания не было, не было потому и скуки. Жили уютно, как зайцы, медведи, лоси.

Вчера взята Варшава. Опять все знакомые места, Радом, Зволень и пр.

21 янв[аря] Й[ошкар-]О[ла] (Воскр[есенье])

На фронте общее наступление. Кажется, что это, наконец, конец. Что будет с людьми после войны? Постепенное распространение коммунистического строя? Новая война с ракетами и урановыми бомбами?

Я без толку читаю. Нет ничего творческого, сосредоточенного. Чувство неустойчивости, как на станции в ожидании поезда. Никаких «ускорений». Движение по инерции даже с замедлением.

Кругом нет «душ», нет талантов, и «все равно живу, умру ль»[1].

24 янв[аря] Й[ошкар-]О[ла]

Завтра должен уезжать в Москву. 20-градусный мороз с солнцем.

Докончил Фауста (начал в 1942 г.) Действительно неразлучный спутник. Совсем новыми глазами увидал финал Ф[ауста] – пятый акт. Здесь мысль и смелость больше всего и сюда придется еще вернуться.

Война приняла совсем новый финальный оборот, советские войска почти всюду в Германии вроде октября 1914 г.

Москва, 28 января* (Воскр[есенье])

Утром в 8 ч. добрался до Москвы, опоздав ровно на сутки. Снова изводящая пересадка в Казани, с доказательствами, «что ты не верблюд», психологическими и простыми взятками. Гадость, гниение, в вагоне благочестивые разговоры, пьянство, или спанье с клопами (в мягком вагоне). Уехал 25-го, т.е. пробирался из Й[ошкар]-О[лы] почти ровно трое суток. И при таком транспорте на фронте головокружительные победы, отрезанная Восточная Пруссия и явная немецкая агония.

В голове моей какие-то пессимистические и ультра-материалистические осколки, безо всякой связи логики и творчества. Жить совсем трудно.

На вокзале встретил Виктор, с которым и ехал на метро. Парень в полном расцвете сил, но ум – совсем практический, безо всякой философии. Наверное, это к лучшему.

Здесь мягкий мороз и снег, и сразу тонкий удушающий запах современного Вавилона.

Москва, 1 февраля

Война: окончательное раздавливание немцев, непонятная инертность англо-амер[иканских] войск. Мир переживает сейчас важнейшую фазу своей

---

* Продолжение записей с 28 января 1945 г. С.И. Вавилов вел в новой тетради.

истории. Коммунизм на всей Евразии в ближайший десяток лет несомнен[ен] для меня.

У меня обычное суетливое, утомительное московское житье. Очень мало науки, добывание мебели, безуспешные хлопоты о переводе Опт[ического] И[нститу]та в Ленинград, «220-летний юбилей» Академии (очень малограмотный). Проекты постановлений. И пустая, бесталанная голова. Занимаюсь печальной ретроспективной самооценкой.

А люди все больше превращаются в автоматов. Механика, штамп, стандарт, почти никогда мало-мальски новой мысли или слова. Трафарет. Бездушие. Только в книгах что-то.

Удивляюсь, изобретают и из-под полы продают гашиш и прочее. Но никто не продает какой-то химии для безболезненного путешествия на тот свет.

Москва, 6 февраля

Москва заглатывает. Вчера: 1) Физ[ический] И[нститу]т; 2) 2-ой Главк[1]; 3) НКЭП; 4) у Кафтанова (юбилей Попова[2]); 5) ВОКС (пустопорожне[е] заседание «ученой» секции[)]; 6) Дом Ученых. Сегодня: 1) ФИАН; 2) Ламп[овый] завод; 3) Ц.К. комсомола (Ломоносовские лекции); 4) НКЭП; 5) И[нститу]т философии (руководство отделом философии естествознания); 6) Дом Ученых. В результате отупевшая голова, ослабшая память, усталость и потеря ориентации.

А главное – плоское обращение всего в кирпичи, винты, поленья – механизация. Homo homini lupus est*. Подавляющая, беспросветная бесталанность. Трусливость. Цинизм. Сознание для раскрытия и сознательного применения этого цинизма.

Немецкая агония. Новый патриарх[3]. Оттепель. А у самого пустая, бесталанная голова и невозможность ни за что приняться серьезно.

Москва, 10 февр[аля] (Воск[ресенье])

В Москве ровно 2 недели. В московских тенетах, кажется, погибаю, делаю faux pas*, завязаю в новых обязанностях, в угрызениях совести о неоконченных делах. Вчера: утром в ФИАН заседание комиссии по оборудованию академ[ических] учреждений, дальше ВАК – с акуловским красноречием, против меня (защищавшего Вульфсона) выступали единым фронтом Акулов, Образцов, Лысенко, Колмогоров[1]. Дальше у наркома НКЭП И.Г. Кабанова – заседание по поводу элект[ро]-опт[ического] Инст[ит]ута – нелепое-пренелепое, и я оказываюсь в роли чуть ли не автора этого и[нститу]та. Потом в Доме Ученых – комиссия по научно-поп[улярной] литературе. Так до 10 ч. вечера. Без обеда. Усталость. Пустая, тупая голова и чувство «несделанных дел».

---

* Человек человеку волк (*лат.*).

* Ложный, неверный шаг (*фр.*).

Мечтаю о доме, о семье, об Олюшке, о философском одиночестве, о лаборатории, где никто бы не мешал экспериментировать (только из опыта могу получить что-то новое). Но как все это сделать?

Немецкое безумство погибающих продолжается.

Москва, 18 февраля (Воскр[есенье])*

Кажется, что ясность полная, «и нет в творении творца, и смысла нет в мольбе»[1]. Люди механизировались, как автомобили и паровозы, с Земли улетает последняя дымка загадки, подлинной глубокой поэзии. А потому вполне безразлично, живу, умру ль[2].

Странное пристрастие к записям. Самое вероятное, их сожгут, не читая. Да и вся Земля, со всеми архивами, Данте, Пушкиными, Ньютонами развалится и исчезнет. Опять надежда на выходцев, которые перелетят на другие миры, там расплодятся и так дальше. Инстинкт эволюции через посредство самолюбия, самосохранения.

За неделю то же метание, без творчества, без острой своей мысли. Нетопленый, мрачный (без света) миусский институт. Взбалмошная шоферша Валя, коверкающая всякое расписание. Притягательные силы премиальных пирогов. Фальшь всюду. Введенский – типовая фигура. «220-летний юбилей». А свои, Олюшка, Виктор далеко. Задыхаюсь.

Москва, 24 февр[аля] (Воскр[есенье])

Опять воскресенье. Дни летят, как осенние листья с дерева. Кругом умирают люди, С.А. Зернов-старик, А. Толстой – от рака легких. А разбитые «ЗиСы» и «М1» мчатся по скользким мостовым. Некогда, некогда. «Душ» у людей не осталось, живые манекены. Холодная, жестокая, неуходимая истина. Ни себя, ни других, ни близких, ни далеких (если говорить о душе) не осталось.

Завяз и погибаю в ненужных, эфемерных делах. Корректуры 2-го издания «Ньютона»[1]. Статейка для «Правды». Доклад о Ломоносове для комсомольцев[2]. Хлопоты об юбилее, кулисы сталинского комитета, «высиживание» в НКЭП с телефонами, вертушками, инженерными чиновниками. На дело, на настоящее творческое дело времени нет совсем. В сущности погибаю.

Война не кончилась. Начало нового громадного людского – мирового процесса. Вероятно, осуществятся стихи, когда-то печатавшиеся в 1914 г.

«Только вешними лучами
Солнце вскроет лед долин
Будет русскими войсками
Взят заносчивый Берлин»[3].

---

* У Вавилова описка. Надо: понедельник.

Москва, 1 марта

Начинается мартовская мистика смертей, рождений, именин.

Я почти потерял сознание в бесконечном дерганьи Москвы. Дела мелкие, крупные так и сыпятся. 2–3 часа дома с полной усталостью. В институте холод, темнота, отсутствие ремонта, работа. Академическая тупость, бездушие, «версализм», дух придворных коридоров. До сих пор не решен вопрос о возвращении Опт[ического] И[нститу]та в Питер. Люди умирают, удары (Хлопин, Крылов[1]). Материализм. Вихрь. Бессердечие. Бесперспективность «и все равно, живу, умру ль»[2].

Москва, 5 марта (Понед[ельник])

Вчера воскресенье. Опять по Тверской и Камергерскому за книгами. Москва неприятная, безликая, моветонная. Пережила революцию, войну, бомбежки, сокрушение Сухаревки, Боголюбской, разрушение гагаринского дома на Новинском[1]. Мраморы подземного метро, облезлые, покосившиеся дома.

Так ясно, что жить осталось недолго. Совсем никакого «страха смерти». Ощущение, как у постояльца скверной гостиницы, знаешь, что скоро уезжать надо. Ничего остающегося, про[ч]ного, вечного.

В пятницу и субботу заседания в палаццо Комарова на Пятницкой. Фальш[ь], «комарилья» – и какая же тут наука с Дебориными и Волгиными. Фальшивая монета. «Мушкетеры» – Б.Г. Кузнецов, Т.И. Райнов[2]. Игра в И[нститу]т истории естествознания[3]. Подготовка места для дармоедов.

В субботу банкет у Капицы[4] с Козловским (самым моветонным тенором), Хенкиным и Менделевичем. Ни одного умного, искреннего слова. Опять фальш[ь] и моветон.

Купил Анненкова биографию и письма Н.В. Станкевича[5]. Словно житие святого. Мир другой.

Москва, 12 марта (Понед[ельник])

Пишу для того, чтобы хотя [бы] немного опомниться, оглянуться на самого себя, вспомнить свою душу, «я». Прошлая неделя – непрерывное мучительн[о]е дергание. Звонки по вертушкам к Н.А. Вознесенскому, Кабанову, Рябикову и пр., заседание в зале Политбюро с Маленковым, саперная война в сталинском комитете, борьба с шофершей, изурод[ов]авшей машину. Переезд Опт[ического] И[нститу]та, дела ВЭИ, юбилей Академии, ужасное положение миусского И[нститу]та, сталинский комитет и так без конца. Не вижу себя, автомат, забыл науку.

А на свете, в сущности, апокалипсис. Лондон и Париж – груды кирпича. Искалеченная Европа от Атлантического океана до Волги. Сейчас «око за

око». Болгары, румыны, с королями над комм[унистическими] правительствами.

Все еще мороз. Но есть что-то особенное в весеннем воздухе, даже в крутой мороз, острое, как вино.

Москва, 18 марта (Воскр[есенье])

Сломали вчера в трамвае ручку. Без нее, как без рук. Словно руку сломали.

Совсем торопею перед новыми людьми. Шоферша Зеленина Валя, гаражная Кармен, верх бесстыдства, наглости, обмана. Посадили совсем скромного солдата Дмитриева. Через три дня угнал машину, сломал ее, напился, побил людей и пр. Устраненный «категорический императив». Размножение, еда (в широком смысле), немного близких – вот все, что осталось. Биология.

Я утопаю в «популярных» опротивевших мне делах и напоследок хочется на высоту, в настоящую науку и философию. Заглянуть и умереть.

Кругом – ни одного человека. Все чужое. Заседание в Ц.К. Комсомола с секретарем Михайловым, Потемкиным, учительницами по поводу моей Ломоносовской лекции. Примитив, фальш[ь], боязнь.

Москва, 25 марта (Воскр[есенье])

Вчера или сегодня (пересчет на старый стиль) мне 54 года. Старик. Бездушные, механические дни. Задерган до невозможности. На столе интересные книги – до которых некогда дотронуться. Писание фальшивой «Истории физики в Академии»[1], корректура «Ньютона», дурацкое представление с «Ломоносовым». И совсем нет новых научных мыслей. Не человек, а облако, движущаяся мумия самого себя.

Вчера вечером визитер Н.Е. Успенский. Выходец с того света[2]. Бледные тени Никольского переулка, Пресни, старины лет 40 назад. Мать, Лида, Николай, Александра Ивановна – тени, тени, и сам я тень. Куда-то надо на настоящий свежий воздух, где души есть. Здесь механический кукольный театр, кто-то дергает, кто-то тоже кукла, и так дальше. Что же делать?

Москва, 1 апреля (Воскр[есенье])

Себя не вижу совсем. Подконфеченная лекция о Ломоносове в Политехн[ическом] Музее. Подготовка к академическому юбилею со всеми кулисами взяточничества, самолюбий, невежества и глупости. Вдобавок температура, житье на стрептоциде и аспирине.

Только что прочел P. Jordan. Die Physik und das Geheimnis des organ[ischen] Lebens[1]. Это похоже на правду, но написано бездарно тягуче и тошно.

«Философы» – грустное скопище. Неужели люди не найдут себе другой специальности.

Пугает предстоящий переезд в Питер.

Все больше убеждаюсь в пакостной натуре человеческой. Обман – основное средство существования. Боже мой, как мало настоящих людей, как мать, Олюшка, [Л.И.] Мандельштам!

Чувство «машинности», что ты [–] большая молекула (хотя бы и с Ungenauigkeitsrelation*), так тяжело, но неотвратимо. Ничего вечного, остающегося, за что можно было бы удержаться.

Нет физики и хочется к ней убежать хотя бы на время, прежде чем умереть.

Москва, 11 апреля (среда)

Зубы. Температура. Стрептоцид с аспирином. Хочется уехать в последний раз в Й[ошкар]-О[лу], возможно, что послезавтра.

Философия – ужасающее просвечивание механической сущности всего происходящего. В самых высоких словах или действиях у всех – страх, самолюбие, ⟨нрзб.⟩. Общественные отношения – взаимный обман, из которого, правда, что-то выходит, но перескакивающее через сознание отдельного человека. Молекулы на двух ногах, с руками и с кажущейся свободой воли, определяемой статистикой чего-то похожего на Ungenauigkeit's Relation. Эта «самодвижущаяся вселенная» совсем не соблазнительна. А, может, все это ошибка, которая никогда никому не станет ясной. Впрочем, погибая, борясь, рождаем сверхчеловека, бога, который, вероят[н]о, поймет больше нас.

Я совсем утонул в «халтурных» писания[х] о Ломоносове, академических юбилеях и прочем. Плохо –*

Москва, 13 апреля

Сегодня, кажется, уеду. Жизнь стала совсем механической. Умер Рузвельт. Все крупное, все мелкое одинаково. Нужна душа.

Казань, 16 апреля

Железнодорожные злоключения. На два дня застрял в Казани. Опять Сибгатуллины и примерно все здесь, как и было, с весенней казанской грязью. Вечером татарский балет «Шурэле»[1] («Леший») – совсем неплохой. Но хочется домой, хотя там свое дерганье начнется.

Йошкар-Ола, 18 апреля

Приехал вчера. Надо думать – последний рейс в Йошкар-Олу. Снег. Волга еще не тронулась. Кокшага прошла, но все здесь полно грязи и снега. В Оптическом Институте все сложено и почти подметено, хотя вагонов для отъезда еще нет. Начинается новая полоса жизни. Тревожная, тяжелая.

Вчера ходил в безмысленном, совсем уставшем состоянии. И здесь вижу бездушный скелет всех людских действий и слов. У человека, как у мухи.

---

* Соотношение неопределенностей (*нем.*).

* Так у Вавилова.

Йошкар-Ола, 20 апреля

Сложенные ящики. В ожидании вагонов. Но вовсе нет любопытного волнения перед vita nuova*. Пугают новые сложности, трудности. Перспектив нет.

Война кончается. Союзники взяли Лейпциг, наши не сегодня-завтра под Берлином.

На улице мороз[н]о, лед, солнце. Неуютно.

Голова безыдейная. Читаю вывизг Андрея Белого «Начало века»[1].

Йошкар-Ола, 22 апреля, Воскр[есенье]

Вспоминаю прошлое, детские годы, университет, войну. Была жизнь, было недовольство, нехорошо, но жизнь как основное, несомненное жила*. Сейчас нет, люди – примитивные машины, прикрывающие жалкими лохмотьями общих фраз и лжи то же, что есть у кошек и собак. Механика смерти, механика жизни – «и все равно, живу ль, умру ль»[1].

Заколачиваем ящики с книгами – в Ленинград. Подъема нет, несмотря на весну. Нужна душа, нужен Бог – ничего нет.

Вчера разговор с ошалелым Брумбергом и аспиранткой Пекерман. Хотят закидать бомбами покоренных немцев и рассеять их по лицу земли, как евреев (разговор в связи с тем, что «Эренбург упрощает»).

А в голове пусто – никакого творческого подъема. Пустая графомания.

Йошкар-Ола, 25 апреля

Читаю А. Белого: «Начало века». Бессвязные снимки Лейкой, внешние, которым цена грош, у какого какие усы, язык высовывается, плюется. Не человек – Лейка[1].

Вчера с сыном [смотрели] кино «Серенада солнечной долины». Американское слабительное с джазом и архипримитивом для бесхвостых обезьян. 99% людей еще в этом состоянии, и даже, пожалуй, не еще, а уже.

Медленная весна. По ночам еще вода замерзает.

В сложенном состоянии. Начало погрузки. Хитрость Возд[ушной] Академи[и][2], борьба за вагоны.

Голова совсем безмысленная. На авось. Нужна внутренняя мобилизация на остаток жизни. Самому еще раз попробовать всмотреться в мир и людям что-нибудь еще оставить. Хотя нужен ли я. Последнее время кажусь выжатой тряпкой, никому не нужной и ото всего отставшей.

---

* Новая жизнь (*итал.*).

* Так у Вавилова.

Наши в Берлине. Взят Тегель, Schlesischer Bahnhof[3]. Опровержение ТАСС о том, что американские патрули 13-го апреля были в Берлине.

Йошкар-Ола 26 апреля

Город, жизнь, как тело без души, механизированный труп.

Вчера вечером «прощание» в кабинете Чехматаева с Ф.Д. Навозовым и прочими местными деятелями и магнатами. Прорывались отдельно живые слова о «грусти», о мягкости и поэтичности марийцев, но тонуло в водке, капусте, грибах, обещаниях и требованиях.

Был на погрузочной платформе. Опять «vita nuova»[*] и не проще бы сразу в Лету.

В институте делать нечего, дома тоже все убрано. Странный «дом отдыха» без отдыха, несмотря на весну.

Изобрести Бога людям совершенно необходимо и, может быть, моя теория эволюции человека в Бога – treffend[2*]. В конце концов каждое «начальство» содержит уже в себе «божественные» элементы. Материалистическая теория Бога.

Йошкар-Ола, 27 апреля

Идет уборка, погрузка. «У праздника». Весна (хотя холодная) победы. Война асимптотически замирает, но, полагаю, начинается совсем новая человеческая история.

Вместо НЭПа – взяточничество.

Йошкар-Ола, 28 апреля

Завтра, по-видимому, уеду с Олюшкой сначала в Москву, а затем в Питер, круг завершается.

Йошкар-Ола с ее тишиной, лесами, настоящей провинциальностью и дикостью[*] не только силы поддержала, но сделано здесь, конечно, много больше, чем сделал бы в нелепой суетне Москвы и Ленинграда. Поэтому, вероятно, Й[ошкар]-О[ла] откристаллизуется в памяти хорошим образом.

---

[*] Новая жизнь (*итал.*).

[2*] Меткий, точный, верный (*нем.*).

[*] Слова «и дикостью» вписаны над строкой.

Жить осталось немного. Узнал и понял себя самого и больше всего сделал бы, вероятно, где-нибудь во Флоренции среди книг, старины и благородной красоты.

Привезли 90-летнего Пэтена в Париж. Поймали Бенито Муссолини на La[r]go di Como или где-то в этом роде. Сумасшедшая Европа. Жизнь таких людей, как Муссолини, – целая проблема.

Йошкар-Ола, 29 апреля (Верб[ное] воскресенье)

Сегодня должен уехать.

Вчера последний сантиментальный рейс по серым кособылым улицам городка. «Пивзавод» на месте собора, воскреснувшая церковь на здании со сломанной маковкой. Старушки с пучками верб – ко всенощной. Запоздалый второй разлив Кокшаги до рощи. С[г]нившие, провалившиеся доски панелей. Цветущие кактусы на окошках. Из города вынута его «фольклорная» душа – серый невеселый трафарет теперешний.

Все-таки, вероятно, Й[ошкар]-О[ла] спасла. Николай. Война. Дерганье. Сижу сейчас последние минуты в кабинете, в котором еще три дня тому назад стоял величественный петербургский письменный стол из Гос[ударственного] Совета, ковры, занавески, китайская роза и пр. Сейчас стандартный советский письменный стол, за которым сидят советские чиновники, стулья и деревянный деревенский пол. Светит солнце. Весна как будто бы начинается.

Боже мой, прожить бы хотя бы несколько лет в тихом спокойствии. Как будто бы начинается новый этап.

Гиммлер предлагает капитуляцию. Фариначчи расстрелян. Все кончается быстрее и элементарнее, чем думают обыватели в стиле Эренбурга и Тарле*.

Не лучше [ли] быть лосем, зайцем и жить в марийских лесах и болотах [?] «Средь тьмы лесов и мохи блат»[1] жизнь естественная.

Москва, 1 мая

С 29-го на 30-ое ночь в Казани, в ночлежке Агитпункта, на стуле. С грехом пополам и с трениями, с поездом, пришедшим и ушедшим раньше времени – очутились в вагоне. В окна тусклая природа, когда снег почти сошел, но холодно. Никаких красок, сплошная сепия. Пейзаж иногда осенний – с прошлогодними желтыми листьями. Грязные остатки снега на этом бесконечно серо-коричневом фоне образуют безотрадный «высокогорный» ландшафт.

В вагон ввалилась божия старушка с ведрами с яйцами, маслами, творогом. Толковая, живущая припеваючи с домиком, тремя коровами, малыми сыновьями. «Кулачка».

---

* Это предложение («Все кончается ... и Тарле».) вписано между строк.

Здесь солнечный день, красные флаги, по радио маршевая музыка, в газетах красный флаг над Берлином, расстрел Муссолини.

А в голове одурь, пустота и полная неясность.

<u>**Москва, 4 мая**</u>

Взятие Берлина, самоубийство Гитлера и прочих, Сан-Франциско[1].

Здесь юбилейный котел. Юбилей для ремонта. Надо готовиться к Питеру.

Все сильнее и яснее становится мысль об особом условном психологическом, символическом мире, на который до сих пор внимания не обращал.

Холодно и «некому руку подать»[2].

<u>**Москва, 6 мая (Пасха)**</u>

Да, новая мысль. Вернее, не мысль, а сильное чувство значения «образов» слов, понятий. Жизнь современного городского человека – это взаимодействие таких образов, слов, понятий о других людях, об их намерениях и пр. Трудно представить себе человека, выросшего в полном одиночестве. Что составит его жизнь. Его «образы» слова, понятия? Безóбразная жизнь – движение, физиология – совсем другое. Начинается угадывание чего-то.

Послезавтра в Ленинград. Страшно. Голова, душа пуста. Нужна «великая научная идея».

Война почти кончилась. Русские в Берлине, немцы частями капитулируют. Начинается новая эра на свете.

<u>**Ленинград, 9 мая**</u>

День победы. Об этом узнали на Ленинградском вокзале. А в международном вагоне «Стрелы» – восьмидесятилетний М.А. Шателен едет с серого поповского торжества[1] и рассказывает питерские сплетни. В окна унылые пейзажи запоздавшей весны с неубранными танками, разобранными немецкими гатями, восстанавливаемой Любанью.

Остановились с Олюшкой в Астории. Холодно. Добрались до Биржевой. Квартира, старые красивые вещи, но все стало относительно, условно, себя чувствую тоже предметом. Сел в мягкое, кожаное старое кресло и почти ушел в небытие. Действительно, какая-то сонная голубая паутина, призрак через 4 года. Сейчас разможженные, капитулирующие немцы – когда уезжали, немцы брали Лугу. Победа, на улицах холод, холодные штампованные поздравления. Цилия Иоффе в Оптическом Институте. Прохожу мимо Кирпичного переулка. Оторопь[2]. Блистательная победа, поворот исторических судеб. Нужны силы на помощь людям, родной стороне и после этого умереть. Отрава физического объективизма, делающая все условным, эфемерным, как картина на бумаге, или восковая статуя, «Человек, потерявший

координаты» – это довольно правильно определяет мое состояние последнее время.

Ленинград снова и снова удивляет своей красивой искусственностью в отличие от Москвы с ее корявой естественностью и почвой. Действительно, призрак. Новые люди в старом замечательном серо-голубом распластавшемся скелете.

Победа.

Ленинград, 13 мая

Йошкар-Ола, Казань, Москва, да и сам Ленинград [–] все проходящий мимолетный туман. Сегодня прибыл весь Оптический Институт. Разгрузка. Машины. Спирт. Трафаретные фразы. Ни одного большого человека. И чудесный феномен петровского города.

Пробежал по книжным лавкам. Книг здесь много и они раз в пять дешевле Москвы. Грустный признак.

Получил радиоприемник. Только что наладил, послушал Америку, но либо испортилась одна из ламп, либо случилось что-то иное. Бездействует. Очень грустно. С этим и спать ложусь. В квартире каждый момент делаю находки.

Л[енин]гр[ад] 14 мая

Разгадываю в сотый раз петербургскую загадку. Ни на кого не похож этот город, ни в России, ни на Западе. Действительно, призрак, распластавшийся, геометрический и всегда с дыханием смерти. Страшные дни блокады и раны на зданиях еще больше увеличили некропольский характер. В городе жизнь и, пожалуй, больше бодрости, чем у москвичей, но, конечно, в Москве жизнь коренастая, где забыли о кладбище, а в Питере – эфемерное, и на фоне всего смерть. У меня – отец, Николай. Узнаю его в своих жестах, лице, словах. Чужая жизнь в себе. Трудно сказать это кому-нибудь другому.

Сейчас в моей комнате, как будто четырех лет не было. Книги, замечательные книги. Как жалко, что с ними, умирая, придется расстаться навсегда. Афиша несостоявшегося концерта Миши Хвостова в декабре 1941 г. Он умер с голода в этих комнатах. Фото[г]рафия букинистов на Сене в Париже. Вид Santa Maria del Fiore[1] и всей Флоренции.

В Академии бабы мочалками и керосином отмывают ломоносовскую Полтавскую баталию[2].

Кто-то украл старую акварельку с видом замка, рисованную дядей Н.М. Постниковым. Эту картинку помню около себя с тех же пор, как себя помню. Кто-то польстился.

Беспомощно блуждаю среди девяти ламп СВД-9[3] и не могу заставить приемник работать.

Что же воскресение? Или первые шаги к могиле?

Хотелось бы застыть на месяц-два, одуматься и последние годы прожить так, как должен бы жить Человек – назначение которого построить Бога.

18 мая. В поезде (Любань*)

Опять в поезде. Петербургскую загадку так и не разгадал, но гипнотизирует Ленинград совсем мистически своими камнями, плоскостью, шпилями, серою голубизной и странной искусственностью.

Но все временно, условно, временные комбинации, как сны и облака. И люди, и дома, и мысли. Это – сейчас наиболее навязчивая мысль (вернее строй). Длительность? 10^{-9}, секунда, минута, год, четыре года Йошкар-Олы, жизнь, несколько поколений? На квартире в Л[енин]гр[аде] украли старенькую акварель с замком и ручьем, рисованную дядей Колей[1]. Знал ее лет 50. Казалось вечностью.

Последние дни убирал книг[и]. Институт пустой, мрачный, сырой. Везут ящики. Дождь.

Ведь кончилась война, захватившая все. Победа. А здесь в Любани разрушенные дома. Холодный косой дождь. 17-летний солдат, прижавшийся к стенке.

Читаю биографию А.О. Ковалевского[2]. До чего далеки от меня описательные науки. Не могу понять, как этим можно увлечься. Жизнь так коротка, и столько случайной пестроты, а хочется приблизиться к божескому состоянию. – Поезд тронулся.

Москва, 20 мая. Воскр[есенье]

После Л[енин]гр[ада] Москва показалась особенно бездарной, бескрылой, моветонной. И сразу сердце захолонуло от множества моих здешних обязанностей.

Снова о длительности, в ней, в человеческих настроениях и этической философии все дело. Бренность бытия. Ценность вещей. Желание устроить дом. «Остающиеся» вещи – статуи, бронза, стекло, картины. (Об этом думал, убирая ленинградскую квартиру). Масштаб длительности, почти равной вечности, практически 2-3 жизни. Вещи, переходящие к детям, «завещания». Чувство, что не умираешь даже в вещах. Чувство собственности. Капиталисты.

Война кончилась. Огромная победа. А кругом будни. Бездарное радио и газеты. Обывательские анекдотцы о генеральшах. Серая проза и забвение прожитого.

Ходил за книгами. Их много и завидно, что нет времени.

А в самом себе увядание творческого потенциала. С завистью смотрел мягкий, хороший и умный фильм об Эдисоне[1].

Ленинград, 29 мая*

Приехал 25[-го]. Опять мимо воронок, заполненных весенней водой, мимо колпинского поля боя.

---

* Слово «Любань» написано поверх зачеркнутого «М. Вишера».

* В дневнике описка – «29 июня».

Сияющая сине-белая столовая с краснодеревными шкафами. Борюсь с книгами, отделяя ненужное и стараясь сделать видимым и доступным нужное.

Борьба с приемником. Вчера победили, за 4 года холодной сырости[2*] «сгнил» блокировочный конденсатор.

В Академии подготовка к странному юбилею[1]. Голова у меня пустая. Физическая усталость. Так можно жить и умирать, как дерево.

Холодно. В воскресенье на Литейном. Опять книги, продаваемые за грош. Но все кажется таким преходящим, минутным.

В Москве 24-го был на кремлевском приеме. Блистающий георгиевский зал, не красивый, но блистающий. Чиновные гости, около тысячи. Громки[е] победные туши. Замечательные сталинские слова о русском народе[2]. Концерт [–] помесь Улановой с хором Пятницкого. Гомерическая еда и манекенные примитивные люди. Прошел по подчищенному Кремлю, мимо великого Успенского Собора, немецко-русского тоновского кремлевского дворца. Эфемерность всего «si fugge tutta via»[3*, 3].

Абсолют в собственном духе, когда остановишься?

И опять доминирует условная жизнь слов, понятий, времени, «истории». А наряду с ней безусловная объективная естественная история.

Хочется философской тишины, одино[че]ства, сосредоточе[ния].

Ленинград, 3 июня (Воскр[есенье])

Странность города резче, чем раньше. Раны на стенах, выковыренные снарядами кирпичные воронки, обуглившийся Гостиный [Двор], разбитые, фанерные окна. И широта барская XVIII и XIX в. Полное несоответствие теперешних обитателей и этого старого барского скелета, этой северной природы, на которой есть какой-то отпечаток Скандинавии. Чужие люди в чудесном гробу.

Копаюсь в комнате, вот уже недели две, в книгах и бумагах, убеждаюсь в падении памяти. Завидую книгам, которые некогда просмотреть, задыхаюсь в пыли. Никакого пафоса в этой разборке. Существование так эфемерно, так флук[ту]ационно. Это собирание и устанавливание книг – детская игра. Сколько погибло сейчас книг и следов человеческой мысли и рук у нас, в Италии. Больше, чем когда[-либо] раньше, чувствую себя пешкой, с которой могут сделать что угодно.

В Питере провинциальная заседательская чепуха. Третьего дня в клубе Козицкого[1] водолей ректора У[ниверсите]та Вознесенского. Вчера юбилей «Палаты» в филармонии[2] – тихий, провинциальный, без основания, без пафоса.

[2*] Далее зачеркнутое начало слова «проби[ло]».

[3*] Спешит на убыль каждый час (*ит.*).

Опт[ический] Институт разбирается. Ящики. Доски. Пока ни работы, ни мысли. Сегодня надо в Москву – сессия Верх[овного] Сов[ета], «юбилей» на Миуссах. Опять этот вулкан. Здесь много лучше. Хотя самое печальное, что осталось – мысль, творчество [–] совсем замерло и пока ничего нет.

Москва, 8 июня

Совсем задергали. В Москве с понедельника, 4-го. В вагоне с ленинградскими депутатами на Сессию Верх[овного] Сов[ета] РСФСР. Здесь вакханалия юбилейная. Нелепейшая история с отсутствием портрета Лебедева на пригласительном билете ФИАН на юбилей. Волнения по поводу портретов Бюльфингера, Крафта[1] и пр.

Вместо дела время пожирается этими идиотизмами.

Сессия. Сталин на первом заседании. Соседи прежние: Литвинов, Дунаевский, Черкасов. Заседание в Кремлевском Дворце. Тонновские красоты.

Никаких мыслей. Началось лето. Разрываюсь между Питером и Москвой. Йошкар-Ола, война в далеком тумане. Без такого постоянного ощущения прошедшего превращаешься из человека в предмет.

Москва, 17 июня (Воскр[есенье])

Самое несомненное, становящееся час от часу очевидностью [–] человеческий автоматизм, манекенство. Люди – предметы с костяными, скелетными шарнирами, желудком и пр. частями. Сознание, «свобода воли» – хитрая механика, приложенная к обычным автоматам, наполняющая их самолюбием, самосохранением. По каким-то неведомым причинам или для каких-то неведомых целей живые автоматы должны сохраняться, размножаться. Эволюция – получение автоматизированного Бога с урановыми бомбами и другими чудесами.

Или я ошибаюсь? И автоматизм – мираж? Верны платоновские идеи? Совсем не похоже.

Началась юб[илейная] сессия Академии. Толчея, манекенизированные иностранцы, скука, челядь. Хулиганские слова на пьяном банкете Столбова. Усталость и душа пуста как никогда, а в ее наполнении единственная приманка бытия.

Солнце, сирень, свежая зелень, но некогда на это смотреть. Ощущение мыльного пузыря, который вот-вот лопнет и знает об этом.

Сегодня в Кремле с французами. Поверхностный «гидовский[»] ⟨нрзб.⟩ визит. Успенский собор, в котором не был 27 лет. Все замер[л]о, окаменело, душа улетела, по-видимому, навсегда. Безыскусная роскошь кремлевского дворца. Все это с Оже, Фр[енсисом] Перреном и прочими.

Вчера на заседании на сцене Большого театра. Сзади наркомы – Шахурин в генеральском одеянии и какие-то другие. Разговор между ними о Капице,

который провозглашает «приветствие». «Жук». [«]Жук-то жук, да* плюс ученый[»]. «Ну, значит "ученый жук"[»].

Сегодня на улице, девицы рассуждают «Что ты сгорбился, как научный работник».

Москва, 20 июня

Три дня в театре: «Сусанин», «Три сестры», «Жизель».

В Художественном Театре появляюсь 45 лет. Серый занавес с чайкой, мягкие ковры, медленно потухающие лампы, старое фойе, по которому когда-то ходил с матушкой, с темными скамейками и фотографиями. И самый спектакль – конец XIX века. Искусственное бессмертие.

Раздирающая по безнадежности чеховская музыка «Трех сестер». Если разглядеть – видны пропасти. Доброта без Бога, вершининский примитив эволюции. Бессмысленное житье, еда, любовь, работа. Мне кажется все настойчивее, что «кто-то» заставляет разыгрываться эту эволюцию, Дарвиновский отбор. Для этого нужно и размножение, и смерть, и самосохранение, и еда, и борьба, и образование классов, сообществ, государств. Искусство – Nebenprodukt* полового чувства, наука – Nebenprodukt борьбы за самосохранение. В эти скобки все входит. Остается понять переход от бессознательного к сознательному.

Мистика балетной красоты. Уланова. И тут же толстый самодовольный, завистливый Качалов Н.Н. с супругой Елизаветой Ивановной (это в антракте Большого Театра).

О Николае по-прежнему неумирающие легенды. Видели в Симферополе[1]. Иностранцы спрашивают. От ответов ускользаю. И так это грустно и незаслуженно.

Москва, 25 июня

Парад на Красной площади по случаю победы. Все время проливной дождь. Серые «Торговые ряды» перед глазами. Страшный вихрь, пролетевший над землей, кончился таким парадом. Жуков, Рокоссовский. Немецкие знамена, склоненные перед трибуной.

Сегодня еду в Ленинград. У меня не осталось души. Не вижу себя и начинаю себя ненавидеть. Нужна тишина, спокойствие, мысли, книги, вдохновение и творчество.

Эта юбилейная жратва в Доме Ученых, вчера в польской Амбасаде*, плоские площадные слова. Боже мой, так не хочется жить и хочется смысла.

---

* Далее зачеркнуто начало слова «учены».

* Побочный продукт (*нем.*).

* От ambasada (*польск.*) – посольство.

Ленинград, 27 июня

С 25-го здесь. Странный город с его тонкой morbidezza*. Следы снарядов, надпись на улице, что эта сторона во время обстрела опаснее другой. «Лебединое озеро», голубой[2*] Мариинский. Выставки со следами питерской культуры. А я из субъекта стал объектом. Ни мыслей, ни чтения, нет самого себя. Да, может быть, это и хорошо. До того безнадежно и безотрадно.

Вчера заседание в филармонии. Философические разговоры с Тарле. Концерт, «Франческа» Чайковского[1]. Мравинский. Белые ночи. Серый шпиль Петроп[ав]ловской крепости. Густая зелень Менделеевской линии. Запоздавшая весна. Еще цветет сирень и каштаны.

Москва, 29 июня

Как стул, чемодан – везут. Опять на Спиридоновке. Потеряна сила впечатления, чувствительность. Объект вместо субъекта.

Юбилей продолжается. Концерт в Большом в стиле московской солянки: Шостакович* и Уланова вместе с ансамблем песни и пляски, украинские танцы и пр.

Улетевшая душа, сознание, наука, философия – ничего нет. Запутался в делах. Необходимо остановиться.

Москва 1 июля

Ящик для деловых конвертов. Так я сейчас. Вчера вечером опять прием в Кремле, в Георгиевском зале. Речи бесцветные, ничего не задевающие. Концерт опять в стиле московской солянки. Непрерывный дождь.

В поезде, Клин, 4 июля*

Странное и страшное чувство освобождения от условных символов, образов, слов. Они сильны – во сне и наяву. И вот – победивший вполне материализм, люди-машины, зелень, лазурь, солнечные лучи, все как декорации и костюмы на театральной сцене. Можно ли так дальше жить? Или надо сверлить, сверлить и наконец просверлить оболочку, заглянуть наружу? Кажется мне, что я понял больше всех. Так легко понимать в сторону безысходного пессимизма.

Сегодня наконец летний день. В международном вагоне душно. Золотистая, жирная пыль. А кругом, и здесь, и в Москве, и в Л[енин]гр[аде], ни одной талантливой души искренней, может быть кроме Олюшки.

---

* Мягкость (*итал.*).

[2*] Слово «голубой» вписано над строкой.

* У Вавилова «Шестакович».

* У Вавилова описка: «июня».

Нужно почаще обращаться к естественному, к природе, к биологии. Источники моей «науки», стремления к созерцанию, обобщению, разгадкам загадок – самое дивное – лет с десяти[2*].

Л[енин]гр[ад], 8 июля (Воскр[есенье])

Прохождение через город лен[инградского] Гвардейского корпуса[1]. Солнце. Нева, Зимний, Штаб, а люди так скверно организовали. Груднично, серо. Пустопорожние речи с трибуны. А на самом деле такое большое происходит.

Разбираю свою комнату. «Минувшее проходит предо мною»[2]. Фотографии матери, отца, Николая, Лиды больше 45 л[ет] назад. Осколок шрапнели, упавший во время усмирения вооруженного восстания в 1905 г. на Пресне и чуть не убивший мать. Снимок 1916 г. – мать, я в отпуску – прапорщиком, Николай, на стене портрет Илюши.

Память самое великое в человеке, архивы, книги, история – коллективная, вековая, тысячелетняя память – тонкая нить ничтожной вероятности людей сделаться богами.

Ужасает полное отсутствие научного напора, вдохновения, творчества. Неужели умирание? Слишком рано.

Среди книг, предметов, завидую самому себе, не могу все это взять, усвоить.

Жарко. Виктору – 24 года. Боже мой, как людям нужен Бог.

Москва, 11 июля

Приехал сюда сегодня по вызову Маленкова.

Москва, 14 июля

События такие. Вечером 12-го после опереточных приключений старушки Жозефины, опоздавшего шофера, не тех кремлевских ворот, был в Кремле у В.М. Молотова и Г.М. Маленкова. Предложено стать академическим президентом вместо В.Л. Комарова[1]. Нечу[в]ствительность, развившаяся за последние годы, вероятно, как самозащита, дошла до того, что я не очень удивился этому предложению. Оно совершенно разрушает мою жизнь и внутреннее естество. Это значит ужас современной Москвы в самом концентрированном виде [давит] на меня. Это значит расстаться с Ленинградом. Это значит исчезнет последняя надежда опять вернуться к своему прямому опыту.

[2*] Слова «лет с десяти» дописаны более светлыми чернилами, такими же, какими начинается следующая дневниковая запись.

А сумею ли я что-нибудь сделать для страны, для людей? Повернуть ход науки?

Неуютно, смутно, тяжело. Вчера вечером 3 часа в ЦК у Александрова и Суворова. Сам не свой.

Похолодало.

Москва, 15 июля

Чувствую, как улетает от меня личное, свое, настоящая душа. Биологический идеал сознания, очевидно, его полный резонанс с бытием. Сегодня утром с Виктором ходили в кино. Цветная мультипликация Диснея «Бэмби»[1] про оленей, зайцев, птиц и полную гармонию сознания их с бытием. Второй родившийся «Бэмби» вполне заменяет первого.

Свое, что было у меня до сих пор, было совсем не то (по крайней мере, в тенденции). Попытка посмотреть на все свыше бытия. Мое созерцание, творчество. Где же все это останется?

Ездил сегодня с Виктором и шофером Сашей Чайкиным на дачу к Весниным за 60 км в разбитый Ново-Иерусалим. Уютные зеленые задумчивые поля и леса. Такой контраст с ужасом на моей душе. Иногда приходит мысль о самоубийстве.

Москва, 18 июля

Вчера выбрали. 92 голоса из 94. Что на самом деле думали про себя эти академики и настоящие, и липовые – конечно уже растаяло в вечности. Сегодняшний день не повторяет вчерашний.

Еще до выборов погружение в сплетни, пересуды, «мушкетерство», окружавшее В.Л. Комарова[1]. Накануне выбо[ров] ездил с А.Г. Черновым на Николину Гору к Комарову. Тяжелая картина старческого распада, нелепого цепляния за призрак власти, за должности, обида неизвестно на что. «Юношеская энциклопедия», «Институт истории естествознания»[2].

Начало нового препротивного существования, еще дальше удаляющего от себя самого, превращение в манекен, дергаемый ниточками.

Ленинград, 22 июля (Воскр[есенье])

Приехал 20-го. В купе с А.Ф. Иоффе. Разговоры простые, физические, дружелюбные. На вокзале букеты, частью обрадованные, частью перепуганные «встречатели». 20-го сначала дома. Олюшка рада, хотя по сути дела плакать надо, настолько все это несвойственно, чуждо, удаляет от самого себя. Себя больше нет. Потом Опт[ический] И[нститу]т, отказ от «заместительства»[1]. Маленький разговор в лаборатории. Чувствую начало отмирания. Митинг на зеленом дворе. Много хорошего и по существу правильного сказано. Вечером у Федосеева, осматривал малый конф[еренц]-зал и обозлился. Вчера – главным образом Пулково, Г.Н. Неуймин, Максутов. С ними ездил на трагический пулковский* холм. Надо сделать все, чтобы Пулково воскресло. Нельзя терять такое. Человеческое достоинство требует.

---

* В этом месте две страницы были случайно пропущены и заполнены позднее записями 7-го и 14-го октября, когда в дневнике не оставалось места.

Потом опять Федосеев, Князев в архиве. Вечером одолели посетители (Радовский, Зильберштейн, Лихтенштейн, Пантелли, Остроумов). Душа и голова пуста.

Единственно радует золоченая статуя Ко[л]леони[2] на шкафу – Олюшкин подарок. Да еще бесконечные цветы. Боже мой, Боже мой!

Ленинград, 26 июля

Сегодня надо ехать в Москву, как на казнь. Страшная тоска и грусть и Herzbeklommenheit*. Отрыв от науки, от книг, от себя. В сущности умирание, смерть. Тысячи новых дел, холопское почтение. Ну зачем же это все. Хотелось прожить последний десяток лет в ретроспекции на мир и на себя. Опять нет дома, нет себя. Эфемерность всего. Da mihi punctum![2*] (Продолжение назад –)[3*].

Москва, 28 июля гост[иница] «Москва»

До чего это несносно, фальшиво и противно!

На квартире – ремонт. Два маляра «в частном порядке» сделали бы все это в два вечера. Здесь 10 дней – 15 человек и черт знает что.

В «роскошной» гостинице до 9 ч. утра нельзя получить чаю.

Вчера опять к В.Л. Комарову. Опять фальш[ь]. «Окружение». Молчалины. Супруга. Ни одного настоящего слова.

Какой-то другой этаж бытия.

Москва, 29 июля гост[иница] «Москва». (Воскр[есенье])

Огромный номерище из трех комнат, неуютный, нелепый. В таком номере легко осуществить самоубийство. Стоячие лампы-модерн. Отвратительные рамы. Чайник без стаканов.

Умственный паралич. Понять случившегося не могу. Совсем не по мне. Желают стандартного патриарха, а я совсем не стандартен и совсем не патриарх. Zo to bendie*?

Вроде умирания. Исчез прежний «я».

Завален грудой бумаг, «поздравлений», и так хочется своего, настоящей науки.

Охота за книгами. Но со странным чувством, что все это ни к чему, перетаскивание предметов с одного места на другое. Все погибнет, все временно. Собственная смерть так ясна и несомненна. Да не только собственная, а всего.

---

* Сердечная тоска (*нем.*).

[2*] Дайте точку опоры (*лат.*).

[3*] По всей видимости, слова в скобках – напоминание себе: относятся к отмеченному выше пропуску разворота, однако записи новыми более светлыми чернилами продолжаются дальше обычным образом.

* Правильно: Co to będzie (*польск.*) – что-то будет.

В гостинице словно турист и иностранец. Но пренеприятный город, даже некуда выйти. А кроме того, каждую минуту ощущение, что о чем-то забыл, чего-то не сделал. И главное – научная пустота.

Москва, 2 августа (Гостиница)

Как будто бы сегодня отсюда перееду на квартиру на Спиридоновку, которую П.П. Резников «отделал» по собственному вкусу.

Мое обескровленное «представительное» существование продолжается. Некогда подумать. Усталость. Старое ясно – творчество и созерцание* – но их совсем нет.

Москва, 7 августа

Вчера ночью радио – об урановых бомбах[1]. Начало совсем новой фазы человеческой истории. Смысл человеческого существования. Возможности необъятны. Перелеты на другие миры. Гораздо даль[ш]е Ж. Верна. Но неужели горилла с урановой бомбой? Ум, совесть, добродушие и такт – достаточно ли всего этого у людей.

В такой момент я в Академии. Просто страшно. Наука получила такое значение, о котором раньше писалось только в фантастических романах. Eritis sicut Dei[2].

Что делать. Прежде всего, усиление ядерного исследования.

А вместо этого В.Н. Образцов, Академпродснаб и пр.

Москва, 13 августа

Завтра в Ленинград. Неприятное чувство, что не думаю и не делаю главного. Теперь для Академии, для науки. Каждую минуту чувствую, что делаю мелочи, а не главное. Как преступник.

Надо перестроить жизнь, думы.

Ленинград, 15 августа

Город, из которого смотрит разум и душа.

По радио узнал о японской капитуляции, вызванной, по словам микадо, атомными бомбами. Физика, наука в качестве арбитра окончательного.

Снова мысль о человеке, становящемся богом, благодаря разуму своему. Но это, пожалуй, настоящее единственное доказательство бытия Божия.

Разум, сознание, охватывающее материю.

Ленинград 17 авг[уста] (утро)

Урановая бомба – вполне реальная, несомненная, не условная вещь, и она, вероятно, определит дальнейший ход мира.

---

* Далее зачеркнуто: «только дл».

Мертвенно-чахоточная красота города, из этой красоты просвечивает тоскующая, взыскующая душа. Пушкин и Достоевский. Поэтому хочется умереть здесь. На каждом шагу тени: Рождественский, отец, трагедия блокады. Крысы.

Сегодня месяц академического ярма. Каждый день просыпаюсь с ужасом и отвращением. Чувствую, что я совсем не то, что надо. Малое мешаю с большим. Вероятно, очень скоро окажусь не ко двору.

Не оставляющее чувство умирания, недолговечности людей, вещей, памяти. Проходящие сны. Вынут сдерживающий стержень. А люди кругом примитивные. Мыслей почти некому передать. В пустыне.

Пугает отсутствие научного творчества и подъема.

Жарко. Комары, мухи. Со ступеней Академии красоты Невы и ее берегов. Хочется иной раз сказать «Verweile doch, du bist so schön»*. А все проходит. Послезавтра опять в Москву.

19 авг[уста] Ленинград (Воскр[есенье])

Сегодня – в Москву. Грустнейшее чувство временности, краткости всего. Уезжаю от книг, от улиц, от Коллеони, Менделеевской ул[ицы], Невы. Книги нетронутые, нечитанные. Возможный пожар. Атомная бомба, все приводящая в пыль. Остается момент и неуловимое сознание.

Узкое, 25 августа (суббота)

Совсем странная жизнь. С понедельника 20-го до четверга 23-го в Москве. Часа по два в Физ[ическом] И[нститу]те, часов по 6 в Нескучном, по часу в Электропроме. В голове мозаика больших дел, просто дел, делишек и мелочи. Ко мне прилипло что-то внешнее, павлинье оперенье, совсем со мной не связанное. Не чувствую никакого соответствия и своего. Словно актер, изображающий президента. Каждую минуту нужны решительные решения. Делаю, по-видимому, много ошибочно не comme il faut*, невпопад. Вот, например, с атомными бомбами что-то в этом роде.

С четверга в Узком, но только утром, да вечерами. Жратва. Здесь хорошо, но кругом Москва со всеми своими прелестями, ужасами, механикой. Поэтому ощущение, как под одеялом «политика страуса».

Уставшая голова, отсутствие творческих мыслей, а они нужней больше, чем когда-нибудь.

А когда хожу мимо лип, у падающих церквей – опять эфемерность и игрушечность происходящего.

Узкое 30 августа (четверг)

Началась кристальная осень с холодными утренниками, холодным солнцем, великолепными помещичьими липами, рыжиками и груздями. Но на все это можно взглянуть только мимолетно.

---

* «Остановись, мгновенье, ты прекрасно» (*нем.*).

* Комильфо, прилично, как подобает (*фр.*).

Вчера высидел целый день в Узком, в Москве не был. Накануне 8 часов непрерывного заседания (Президиум и фин[ансово]-штат[ная] комиссия). Но в комнате – у Олюшки мигрень, на прогулке каждую минуту встречи с деловыми разговорами (Папалекси, Коштоянц, Порай-Кошиц, Карамурза). Работа «Наук[а] в восстановительной пятилетке» для «Известий»[1].

Просвет кроме лип [–] плохенький фр[анцузский] роман «d'Artagnan contre Cyrano de Bergerac»[2]. В голове постоянные опасения о сделанных faux pas* и ни крошки науки.

Узкое, 3 сентября

Дождь и холодно. В радио опротивевшие фокстроты. Наспех читаю Лукреция вперемежку с подделкой под «Мушкетеров». На сердце холодно, ужас и отвращение.

Каждый день просыпаюсь с ужасной мыслью о предстоящем «президентском» дне. Улетучивается содержание жизни – наука. От нее остается скелет самолюбий, склок. Хочется поскорее умереть, выхода я все равно не вижу.

Громадина Академии, с которой не знаю, что делать. Нужно дать условия для появления и роста настоящей науки. А вместо этого кругом ловкачи и почти ничего не слышно о настоящем, гениальном.

Церковь перед* въездом в усадьбу. Странный остаток старины. Старая Россия.

Сегодня празднуется победа над японцами. Вспоминаю Порт-Артур, Цусиму.

Узкое, 9 сентября (Воскр[есенье])

Противное чиновничье существование. Испаряется наука. «Сверху» становится все таким простым и бессовестным. Боюсь, что кончится все это катастрофой. Ко мне это совсем не подходит. Мелкие и крупные интриги. Наука, припасовывающаяся* ко всем дуновениям политических ветерков. Люди без квартир, без штанов. Усталые.

Вчера высидел здесь. Осень. Холодно. Грибы. Читал Лукреция – тоже страшно холодно – это 2000 лет тому назад. Застарелая болезнь.

Узкое, 10 сентября

Понедельник. Осенний дождь. Тоска. Надо ехать в Москву.

Пять лет тому назад, здесь в Узком 6 августа – обморок. Как тяжело жить и куда проще и ле[г]че умереть.

Узкое, 16 сентября (Воскр[есенье])

Пишу ручкой, привезенной из Вены в качестве «репарации натурой» и мне поднесенной в виде «борзого щенка». Ручка – плохая.

---

* Ложный шаг (*фр.*).

* Далее зачеркнуто слово «входом».

* Так у Вавилова; по смыслу – приспосабливающаяся.

Осенний непрерывный дождь. Ходили с Олюшкой утром под дождем за грибами. Грибов мало. Много мокроты.

Дело – посещение Кафтанова, Вознесенского. Почти нет науки в голове. Просыпаясь, каждый день чувствую, что должен выполнять не свою роль.

Сегодня приснились «живые фотографии», держу лист с отпечатком, а в нем движение. Во сне думал, как это сделать. Хоть какой-то признак научной живости.

Йошкар-Ола мерещится как парадиз.

Москва, 19 сент[ября]

Вчера переехали из Узкого. Напоследок за 15 минут до отъезда – белый гриб в березовой аллее. Здесь – хаос, постоянно теряю руль и вообще не понимаю своего положения.

Сегодня в б[ывшем] музее Ал[ександра] III[1] – Сикстинская мадонна без рамы, «Венера» Джорджоне – тоже без рамы, это море картин, рисунков, фарфора – почти превратившихся в простые тонны. Ум отупел и даже эта сильнейшая доза – почти без впечатления. Страшно.

В Нескучном румынский посол Иордан, которого занимал Тарле.

Ленинград, 21 сент[ября]

Странное соединение Петра, Пушкина и Достоевского, усложненное годами блокады. Опять – сильное чувство души у этих старых стен, деревьев (не у людей, они другие, чем в Москве, но все же не адекватные городу).

Виктор заболел (ангина с какой-то гадостью, стоматитом). У меня полное оцепенение и завидую собственной лаборатории, что-то делающей.

Л[енин]гр[ад], 22 сент[ября]

Хотел бы умереть в этом осеннем дождливом Ленинграде с его странной грустью. Не Италия это совсем, где из каждого угла высовывается гений. Здесь все среднее, нередко чужое, но вместе эта музыка, лучше которой найти трудно.

Вспоминается осень 1940, когда я почти умирал. Жалею, что меня не было здесь в годы блокады. «Лукрецианские» настроения.

Л[енин]гр[ад], 23 сент[ября] (Воскр[есенье])

Виктор болеет, стрептококковая ангина. Забастовала Наташа. Олюшка во взбалмошном состоянии. Так что дома неуютно и остается только завернувшись в пальто дремать днем на спасителе-кресле.

Наконец во все нервы и во все уголки сознания пролезает «лукрецианизм», на свете становится страшно холодно и хочется скорее умирать.

Собираюсь через 1/2 часа на Литейный.

Л[енин]гр[ад] 25 сент[ября]

Вчера ездил в Пулково, Царское, был в И[нститу]те Литературы. Между городом и Царским картина римской Компаньи с кирпичными руинами и чертополохом. Дождь. Осень. Израненный, изуродованный Екатерининский дворец. Ходил по темным коридорам лицея без рам, без дверей. Это все делали люди, а не снаряды. Александровский дворец[1], ограбленный. Пушкин[и]стки-богомолки. Осень. Дождь. Дож[д]ь. Царское Село. Пушкин. Хочется сесть на какую-нибудь скамейку и незаметно заснуть в вечность. По-видимому, сочетание материи когда-то где-то снова приведет ко «мне». Будет ли это [через] 10^{13} лет – безразлично, меня не будет. Да Бог с ним со мною. Лучше навсегда умереть такой петербургской мокрой осенью.

А в И[нститу]те Литературы много красного дерева[2], но, по-видимому, не осталось или наверх не показывается живая мысль.

Л[енин]гр[ад] 26 сент[ября]

Старые каменные плиты на Менделеевской линии. Зеленые липы университетского сада. Петровская старина университетского здания. Просвет на Неву на бироновский дворец. Черно-серое клочкастое небо с дождем. Голос ушедшей души. Очень хочется как-то запечатлеть эти глубокие питерские пейзажи, настроения, мысли. Так не хочется отсюда уезжать. Сидеть бы в здешних библиотеках, вдыхая* запах старины, и незаметно отойти в небытие. Какое-то совсем новое кладбищенское очарование Ленинграда. Здесь свое. В Москве совсем чужое. Завтра надо ехать.

Сегодня был в Радиевом И[нститу]те. Странное сочетание циклотрона, удивительных ждановских фотографий[1] и клоповника.

А от меня самого ничего не остается.

Москва 28 сентября

Неприятный город, ставший далеким с тех пор, как нет матери, сестры, Николая. Осталось только Ваганьково. Но теперь к Москве опять привязан академической цепью. Даже выбрать времени часов 2–3 в одиночестве с самим собой нельзя.

(дальше стр. 84)*

7 октября, Москва

Если регистрировать как «Лейка», то можно писать целыми днями. Но в душе – паралич, как восковая фигура в паноптикуме. Смотрюсь в зеркало, толстею, «поправился». Противно, потому что в душе почти отчаяние.

Дня четыре тому назад – в Кремле, в СНК, бюро СНК, Берия, Маленков, Вознесенский, Каганович – об академических делах. В «кулуарах», как в Охотном ряду во времена оны. Толстые, в два обхвата наркомы, замнаркомы,

---

* В тексте «вздыхая».

* Указание автора в конце дневника перейти к пропущенному и оставшемуся пустым развороту.

хлопающие друг друга по животу, отпускающие площадные охотнорядские усмехи, старающиеся надуть друг друга, с толковым купеческим практическим смыслом. Между этими объемистыми фигурами движутся совнаркомовские и наркомовские клерки с папками, в пиджачках и сравнительно худосочные.

В Академии бьюсь как рыба об лед со строительством, квартирами. Всего меньше науки.

В Физ[ическом] И[нститу]те тихая прострация и очень мало науки.

Вчера с Зубовым, Бруевичем и персонами из Моссовета целый день ездил в поисках места для дач: Перхушково, Юдино, Поречье. Нашел последний белый гриб. Тихая, уютная, родная природа – от которой теперь так далеко.

В голове и душе пустота и писать почти не о чем.

Сегодня во сне живой Николай, появившийся в Академии Наук.

Холодно, дождь. Механические голоса из немецкого радиоприемника.

14 октября, Москва

Воскресенье. Грязный снег. Предстоит идти с визитом к В.Л. Комарову по случаю дня рождения.

На душе тревога, грусть и безнадежность. Тревога по случаю громадной, неуклюжей Академии, с которой справиться трудно и не всегда удается отличить хорошее от плохого, мудрость от глупости, истину от обмана. Грусть потому, что чувствую иссяканье творческих сил, удаленность от своих, от Олюшки и Виктора,

(Дальше стр. 21)*

продолжение
14 октября 1945 г. Москва

безнадежность – потому что ясен лукрецианский характер мира. Вспоминаю, как начиналась жизнь. С твердой верой в людей, в Бога! Твердо стоял обеими ногами на земле. Домики в Никольском переулке, церковь Николы Ваганькова, Прохоровская лавка, «гора» – все казалось извечным. Сейчас сама земля [–] пустяковая пылинка, на которой кипят пустяковые страсти.

Кругом совсем нет больших настоящих людей, много больше прочих. Олюшка. А сам я разбивающееся, или разбитое корыто.

20 октября, Москва

Бездарные дни. Тоска, тоска. Без близкого сердца. Олюшка с Виктором в Питере.

Сегодня мне в качестве президента-патрона показывали на Миуссах фильм «Солнечное племя» про жизнь пчел[1]. Страшная картина. Уютные стро-

---

* Указание автора в конце пропущенного ранее разворота перейти к чистым страницам дневника.

ители сотов, убийцы трутней и маток оказываются в конце концов совершенно невменяемыми машинами. Операции, как будто бы свидетельствующие о доброй воле, уме, эстетике, все оказывается машиной. Экстраполяция на нас совершенно очевидна. Страшная картина, так же, как поэма Лукреция.

А, может быть, в этом ничего страшного нет? Чем худо быть летящим камнем, сознающим, созерцающим свое падение и не способным его изменить?

Вот это единственное сильное впечатление за неделю. Остальное: с 9 до 11 Миуссы – без большого эффекта, с поучениями, с постоянным горьким чувством, что кругом небольшие люди (сам я тоже очень небольшой). С 12 часов до 6 – Версаль с раззолоченными креслами, портретом Лобачевского, Менделеева, звонками вертушек, ученым-Скалозубом Бруевичем, бездарными академиками. И, как всегда, хочется совсем нежданно умереть и кончить это никчемное дело.

23 октября, Москва

Вчера в 4 ч. был у Молотова В.М. в Кремле. Лейтмотив моего доклада, нашей науке нужна очень большая помощь. Это было сделано в 18-ом году, нужно еще раз. Разговор длился 1 ½ часа.

26 октября, в поезде. Клин

Еду в Ленинград. Сегодня в 4 ч. утра умер Крылов А.Н., на 83-ем году. Коренастый, крепкий, как белый гриб, земляной, классический был человек. Безо всякого «барокко». Новую физику называл «комариной плешью», а умер, узнавши про урановую бомбу.

Я совсем перестал быть самим собою. Нет у меня ни самомнения, ни самоуважения, известны мне мои недостатки, знаю, что я совсем по существу не «эминент»* – а потому неловко и противно это низкопоклонство. Чувствую себя раскрашенной куклой и вороной в павлиньих перьях.

Румынский посол в Нескучном, вчера до 2 ч. ночи в Кремле у Махнева. Сегодня еще избежал опереточного фарса – двух «салон-вагонов» – в одном я в одиночестве, в другом В.Л. Комаров с мушкетерами.

Болит голова, тошнит и никаких следов творчества и настоящей науки.

Эфемерность из головы не выходит. Какой-то плевок божества. Или люди чего-то настоящего еще не поняли?

Ленинград, 28 октября

Похороны А.Н. Крылова. Адмиралы, маршал Говоров, лафет, залпы и пушечные выстрелы на могиле, шестьдесят венков. Я в качестве церемониймейстера. Неизменившийся А[лексей] Н[иколаевич] в гробу, с достоинством

* От eminent (*англ.*) – выдающийся.

присутствующий на этом последнем параде. Хмурый, серый, петербургский октябрьский день.

И страшное чувство отсутствия души. Помню похороны, когда мне было 7–10 лет. Тайна, печаль, непонятное, ладан, ризы «Со святыми упокой». А сейчас все ясно: Крылов кончился, нет его, никогда больше не будет, и наше бытие – это комбинация «автоматики и механики», объединяемое* странностью «я». Два лица, два близнеца, похожие друг на друг[а] до неразличимости, живущие совершенно одинаково и... разные «я». Даже противоречивые. Значит данное «я», по-видимому, не простое следствие комбинации атомов в определенном сочетании. Отсутствие «взаимозаменяемости» в отличие от частиц элементарных, которые не различимы, надо полагать, до «я» включительно, неясность в этом, непонятое – только еще оставляет какую-то жалкую ниточку.

А то – развалившиеся памятники на Волковом кладбище. Кладбищенская церковь с обгрызанными крестами. Памятник[2*] Павлова с украденным медальоном. Д.С. Рождественский, подобно фараонам, оказался предусмотрительным. Огромные мраморные камни на его могиле и Ольги Антоновны[1] – целы и, вероятно, простоят столетие. Но день, столетие, тысячелетие – разница – условная. Очевидно, критическое τ – жизнь человеческая, около века. Что больше века, то практически вечно.

«Я», вечность – все, по-видимому, пустые слова. Алексей Николаевич, по-видимому, никогда о таких вещах не думал. Умер с эпикурейской улыбкой.

Сижу в своей комнате на Биржевой л[инии]. Думаю, что она стояла пустая годами в 1942, 1943 г. под выстрелами, с выбитыми стеклами, эта тишина, без людей. Душа комнаты.

Опять острое чувство петербургской души. Вот такие комнаты, серый Невский в октябре, оживающий Зимний в зелено-белой окраске, желто-белый Генеральный штаб. Не хочется отсюда уезжать в жирную, наглую Москву, бездушную.

Во время похорон заглянул на Литейный. Опять книги. Жадность. Интерес. Но мне 55 лет. Нет времени и «я» скоро закроется.

В поезде в Бологом ночью в моем международном вагоне некий теперешний капитан Копейкин, который «кровь проливал», стрелял в вагоне из нагана, три раза, одна пуля около моего купе. Везет мне на такие близкие, но не попавшие пули. Их было около пяти.

Как я мечтаю о спокойствии, радости и творчестве. Этого нет ничего.

---

* Так у Вавилова.

[2*] У Вавилова «память».

Ленинград, 31 октября

Завтра опять в Москву. Вечный Жид. Без остановки.

Опять питерские непонятности. Взглянул от Опт[ического] И[нституть]та через Невку. На фоне серой тучи свеже-выкрашен[ная] белая церковь (петербургская на Петербургской стороне) с голубыми крышами, красные лабазы, тихая Невка. Красота несказанная.

И.А. Орбели позвал в Эрмитаж. Возвращающийся. Вытаскивают, развешивают Рембрандтов, Веронезе. Поставили Вольтера. Золото. Из Берлина Пергамон, Нафтарет[1]. В платяном шкафу у Орбели без рам «Юдифь» джорджоновская, Мадонна Бенуа, Мадонна Литта, Мадонна с безбородым Иосифом. Держу в руках. Все так просто и эфемерно. Двор Зимнего дворца с сохранившейся старой темно-красной окраской. Наматывается это в мозг, как пленка, постоянно потом раскрывающаяся.

Мелочи дел. Академические института* «⟨нрзб⟩» и пр. в книжной пыли, красном дереве, а надо всем атомная бомба.

Людям снова надо изобретать и открывать душу. Это она спасла и донесла древний Египет, Джорджоне и Леонардо. Надо ее искать. Вероятно, отыщется.

Москва, 6 ноября

Сейчас вернулся из Кремлевского Дворца с Олюшкой. Речь Молотова. «Атомная бомба будет и у нас». Сейчас это самое главное. Переменится жизнь земли, а потом, может быть, и вселенной. Создание богов из людей. Смысл – жизни или, наоборот, ее конец?

Москва совсем затянула. Не успеваю на себя оглядываться и могу погибнуть. Только сегодня занялся Ломоносовской и Эпинусовской латынью по поводу «ночезрительной» трубы[1].

Надо сосредоточиться и понять, как же на Руси создать большую науку, свою и обгоняющую все.

Для этого нужна тишина и вдохновение. Но как же это найти?

Вот музыка – радио. Все же это большое счастье. Строгая музыка. Свои мысли и чужие умные. Душу в мире найти нужно и можно. Но хватит ли жизни? И не лучше ли сразу ее кончить, души не найдя?

Москва, 8 ноября

Вчера утром – парад на Кр[асной] площади, а вечером прием у В.М. Молотова (напротив на Спиридоновке). Послы в лентах и звездах. Генералы и

* Так у Вавилова.

маршалы. Много света. Купеческий особняк Морозовой-Рейнбот[1]. Приветствующие наркомы, а, главное, разговор с Молотовым о бомбах. В позавчерашнем докладе в Кремле фраза «будет и у нас атомная бомба и многое другое», сказал мне Молотов при всех, обходя гостей*, имелся разговор со мною, а относительно «другого», т.е. своего, оригинального – надежда на нашу инициативу. Почу[в]ствовал всю тяжесть своего теперешнего положения. Состояние физики в целом. Русская физика с ее особенностями и слабостями. Физика и инженерия. И наконец я, совсем не инженер. Но надо делать. В теперешнем состоянии наука совсем не то, что искусство и футбол. Ее роль такая же, как армии. Жутко. Сегодня дома в отуманенном состоянии.

Москва, 16 ноября

Вчера вечером органный концерт Гедике, Бах и Вагнер. Совсем другое измерение и так хорошо бы сойти на нет под органную фугу.

День ото дня становится невыносимей моя теперешняя бесконечная, грустная мозаика: квартиры, оборудование, строительство, предложения новых институтов по соображениям главным образом житейских удобств, сплетни, кляузы. Бррр. И все дальше отходит настоящая наука. А без нее я ничто, глупая ворона в павлиньих перьях. Давно не было такой грусти, в самые трудные минуты жизни спасался за науку, а теперь все дальше отхожу от нее. Надо как-нибудь спасаться, если хочу жить.

Все чаще приходит в голову мысль о полной замкнутости человеческого сознания. Это и грустно, и утешительно, и, по-видимому, верно.

Дни темнеют, зима. А на душе тяжелейшая осень.

Москва, 18 ноября (Воскр[есенье])

Вчера 80-летие Д.Н. Прянишникова в Доме Ученых. По существу, так грустно. Завтра вторые похороны П.П. Лазарева. Шустрая вдова привезла гроб на самолете из Алма-Аты. Надо выступать с речью. А память о Петре Петровиче у меня не очень хорошая. Совсем средний человек. Очень ошибся П.Н. Лебедев.

Сегодня опять за книгами. Не[о]бычный мороз. Память – единственное подобие бессмертия человеческого. Дом Мос[ковского] Совета[,] бывш[ий] губернаторский дворец. Переделали, теперь высокое, довольно неплохое здание. Поворачиваю в Леонтьевский пер. С ним связаны хорошие, уютные воспоминания. На извозчике через Леонтьевский ездили в театры. Кустарный музей с игрушками. Матушка. Антикварная лавка Черномордика. «Deutsche Moskauer Zeitung»*. Блеклые тени, в мозгу память и мог бы написать, кажется, целую книгу об одном этом переулке. Но... Москва. Наглые, примитив-

---

* Уточняющие слова «при всех, обходя гостей» вписаны Вавиловым между строк.

* «Немецкая Московская Газета» (*нем.*).

ные люди. Угнетает отсутствие творческого движения. Хочется в Ленинград, в кабинет, в лабораторию. Но безнадежно, даже подумать некогда.

Москва, 23 ноября

В радио непрерывные разговоры об атомной бомбе и дипломатическая склока вокруг этого. Люди еще настолько слепы, что не понимают, по-видимому, что дело идет о существовании правых и виновных.

А вокруг этой глухо-грохочущей за тучами страшной действительности вторые похороны П.П. Лазарева в цинковом гробу, привезенном веселой вдовой из Алма-Аты вместе с мозгом и яблоками, «Золушка» Прокофьева в Большом театре (в грубоватой роскошной московской постановке).

Для сосредоточенной мысли остались жалкие урывки. И противное, грустное ощущение себя и других, живых и покойников как мешка с костями и мясом. Дунуть и ничего не останется.

Ленинград, 25 ноября (Воскр[есенье])

Приехал сегодня. На зеленом удобном кресле. Книги – Леонардо. Бронзовый Ко[л]леони. Восковой Ньютон. По радио орган. Краснодеревные кресла. Знаю, что за дверью тихая Биржевая линия. Невка. Дворец Бирона. И так хотелось бы здесь незаметно, асимптотически сойти на нет.

Синяя столовая с красными шкафами. За окнами – двенадцать коллегий. Словно попал совсем на другую планету или уехал на машине времени.

Здесь удивительно проста и элегична смерть. Отец на Александро-Невском. Д.С. Рождественский с Ольгой Антоновной на Волковом. В Москве это лукрецианская механика.

Ленинград, 28 нояб[ря]

По сравнению с Москвой – санаторная жизнь. Утром – Оптич[еский] И[нститу]т, где еще очень темно, холодно, какие-то склоки и те же фигуры Севченко, Брумберга, Свешникова. Ходил по академическим хоромам. И[нститу]т теоретической астрономии – как в эвакуации, словно в Казани. Хлам, неубрано, холодно. Разве так можно строить большую науку?

Читаю M. Billard, Les tombeaux des rois sous la terreur[1] – разлетающиеся в прах, в атомы реликвии истории, тысячелетия. Дикий хохот, все пустяки. Вот так и смотрю на вещи кругом. Сон. Сегодняшний день.

Тень Николая всюду. Рукописи. Люди работали у него.

Сегодня должен докладывать в Университете «О резонансных переходах в растворах»[2].

Ленинград, 2 дек[абря] Воскр[есенье]

Сегодня надо уезжать. Опять тяжело и грустно, вроде умирания. И снова очевидная, но непонятная разница Л[енин]гр[ада] и Москвы. Старина, до-

рогие могилы, поэзия кладбища, душа, культура, человеческое достоинство в главном – здесь. Не в людях, а в ступенях каменных, колоннах Академии, освещенных окнах двенадцати коллегий, в зеркале Невы. В Москве жирная жизнь, тяжелая. Здесь свои.

Что делал. Два семинара с дурацкими выступлениями Севченки, мой доклад в У[ниверсите]те, депутатский прием с человеческими безысходными несчастьями. Сегодня в качестве свадебного генерала на научной конференции Воздушной Академии.

Меланхолия. Прямо с Дюрера. Так бы и заснул незаметно. Для воскресения нужна бы большая мысль, открытие. На это сейчас надежды меньше, чем когда-либо. Если бы вспомнить о всех покойниках, о Николае, матери и о всем хаосе – проинтегрировать – то разве можно было бы жить. Лукрецианский пессимизм. Дурацкая ошибка природы с гипертрофией сознания. Куда лучше лошади и корове, а еще лучше волку в лесу, или просто камню, или разреженному газу в межзвездном пространстве.

Москва, 3 декабря

В поезде: клочки мыслей, лиц, слов. Без связи. Где же «я», связи никакой. Ни воли, ни хотения. Усталость это, что ли?

Здесь: разговоры на ходу, подписывание разнообразных бумаг, разговоры по телефону, «вертушке», прерываемые посетителями, и наоборот.

Сейчас: один на Спиридоновке, но голова усталая, безо всякой линии, творчества.

Людям нужна душа и Бог. Без этого они скоро сойдут на нет, от атомной бомбы, или чего-нибудь иного.

Москва, конечно, как всегда тошная, и след[а] нет величественной меланхолии, красоты, задумчивости и благородства питерского.

Москва, 4 дек[абря]

Все мысли в образах, словах – ничего отвлеченного. Это особенно очевидно в снах. Сегодня какие-то блуждания по Москве. Просто замечательные по силе «архитектурные» образы Москвы с ее купеческими завитушками, недоделанными образцами «современной архитектуры», бестолковщиной узких грязных, горбатых улиц и бесцельными площадями.

Москва, 5 декабря (День нерабочий)

Ночью умер Комаров. Сразу от удара. Ему, насколько знаю, этого совсем не хотелось. А я с радостью представляю себе возможность такого внезапного конца. Кажется, что мир понят в основном, в том, в чем его можно понять, и дальше от меня ничего не получишь.

Лукрецианские очки. Смотрю на человека, перебегающего перед машиной, и насквозь вижу его нагнувшийся скелет. Покойники, покойники и между жизнью и смертью давно для меня протянулся знак равенства. На свете все смертно, даже электроны и протоны. Временная флуктуация.

Москва, 9 декабря (Воскр[есенье])

Вчера похороны Комарова. Все по теперешнему comme il faut*. В искаженном и уменьшенном виде повторение церемонии, которая происходила 6000 лет тому назад при погребении Хеопса, вплоть до земляной пирамиды, только совсем маленькой. Люди не могут освободиться от некромантской мистики даже при коммунизме. Давно пора уничтожение трупов сделать чисто технической процедурой без участия родственников и близких, и безо всяких церемоний. Это же недостой[но] человека.

Сейчас выдавливаю из себя «Физику Лукреция»[1] и «Советская наука на службе родины»[2]. В голове, парализованной похоронами, юбилеями, строительством, склоками (атака физико-химиков против Фрумкина–Семенова), уставшей, мало что есть, кроме тяжелого квиетизма и пессимизма. Нет творческого стимула, который только и поддерживает существование. Да и то, надолго ли?

Москва, 16 дек[абря] (Воскр[есенье])

Утро. Радио. Бетховен, Глинка и вдруг почти истерический припадок. Слезы, мать, Николай, Лида и все настоящее на фоне фальши.

Времяпровождение свадебного и похоронного генерала. Вчера вечером собрание памяти Крылова, позавчера 40 лет МЭИ. Дома выжимаю из себя статью для агитационной брошюры о науке. Подумать и стать собою некогда. Боюсь каждого звонка, визитера, гостя. Из субъекта стал объектом.

Москва, 23 дек[абря] (Воскр[есенье])

Оттепель. Грязные скользкие мостовые. Иду на охоту за книгами. Люди грязные, пьяные. Базар около Тверского бульвара. Ободранные, голодные. Девицы, разговаривающие на тему, что в Иране на приеме[1] одно* из двух, либо платья выше колен, либо до полу. Еда, похоть, стандартизованные удовольствия. Ужасно тяжело.

Иду и думаю на самую важную тему для человека, об эфемерности, о смерти. Разница между «фантомом», «сном», кинокартиной и «действительностью» совсем небольшая. Основная разница в длительности. Фантом быстро исчезает, Мария Петровна остается. Но и она фантом, она тоже исчезнет. Исчезнет даже Хеопсова пирамида, Земной шар, Солнце и т.д. Различие между театром и «действительностью» и того меньше.

Потом о смерти. Она всегда трагична, коротка ли, длинна ли жизнь. Трагичен конец, переход в небытие. Но он будет всегда при длинной и короткой жизни. Стоит ли поэтому удлинять жизнь? Можно только делать переход асимптотически незаметным. Природа это через старость сделает. Но и это можно сделать при любой длительности. Ergo[2*] – все равно. Современному

---

* Комильфо, прилично, как подобает (*фр.*).

* В тексте – «одну».

[2*] Следовательно (*лат.*).

интеллигенту (в хорошем смысле) нужно какое-то откровение для того, чтобы он продолжал жить с удовольствием.

Завтра, по-видимому, уеду в Л[енин]гр[ад].

Ленинград, 25 дек[абря]

Мороз под 30°, туман, снег. Хорошо, что тело дома. Снег на фоне краснобелых 12-ти коллегий. Слабые силуэты Исакия и Адмиралтейства через туман. Приехал, как очумелый, сначала в перетопленном, потом в замерзающем вагоне. Читал G. Bianquis. Faust a travers quatre Siècles[1] – дамское произведение и старался ни о чем не думать. Здесь уютно и тепло, и как будто бы нет мира. Надолго ли.

Ленинград, 27 дек[абря]

Ищу тишины, отдыха, одиночества, сосредоточенности. Нет. Стал чувствовать «доживание». А эфемерность всего все яснее. Сегодня был у Евг[ении] Ник[олаевны] Моисеенко[1]. Хотела жечь архив отца А.Н. Крылова. Зачем, к чему? Может быть, права. Ну, вот зачем, например, эти записи?

Ленинград, 30 дек[абря]

Вчера юбилей ЛФТИ. Банкет в Доме Ученых. Поднесение Иоффе шкуры белого медведя «на этот раз действительно убитого», как и было сказано.

Чувствую себя ряженым чучелом. Никакого соответствия между «положением» и чувствами и мыслями.

Полное отсутствие новых мыслей. Усталость.

Сегодня доклад – отчет перед избирателями на В[асильевском] О[строве]. И даже не видно ленинградской души.

Ленинград, 31 дек[абря]

Сводка:

«So bin ich aus mir selbst hinausgesperrt,
Und stets geneckt von Zweifeln und gezerrt,
Ein Fremdling ohne Ziel und Vaterland,
Indem ich schwindelnd, strauchelnd fort mich quäle
Zwischen dem dunkeln Abgrund meiner Seele
Und dieser Welt verschlossner Felsenwand,
Auf des Bewusstseins schmalem, schwankem Stege»[*, 1].

---

[*] Я потерял себя в исканьях, / Всегда в сомненье и в страданьях. / Без родины, без цели, всем чужой, / В мученьях я бреду своей дорогой / Между стеной – вселенной мрачно строгой / И черной бездной – собственной душой. / Мой путь: тропинка узкая сознанья (*нем.*).

1946

Ленинград, 1 января

Дневники, записи вел почти непрерывно лет с 15, правда, с перерывами. Зачем? По-видимому, бессознательная попытка осуществить «Non omnis moriar»*, [1], повторение Хеопсовой пирамиды в микромасштабе.

Сейчас это больше условный рефлекс. Привык. Польза некоторая: иногда можно на себя оглянуться. Мне скоро 55 лет. У меня большое «историческое» чувство. Всегда гляжу назад, хотя ясно вижу всю случайность, флук[т]уационность человеческой истории, земли, меня самого. Как случайный камень на дороге, свалившийся с дороги. Так комар мог бы писать историю маленькой лужи, образовавшейся после дождя. Сознаю все это, а вот все же люблю архивы, старые книги, старые вещи, воспоминания. Как будто бы это большое.

Президентство свое до сих пор ощущаю как павлинье оперенье, совсем ко мне не пристающее. И тем не менее надо сделать то, что в моих очень небольших силах, чтобы упорядочить Академию. Прежде всего надо приучить выделять больших по-настоящему талантливых людей. Знаю, что их очень мало, но без этого ничего не сделаешь. А далее для середняков нужна хорошая среда, институты, приборы, квартиры. Четыре главные науки сейчас: физика, химия, геология, биология.

О себе: Все яснее эфемерность жизни и сознания: «О, нашей жизни обольщенье, ты – человеческое я»[2]. Кажется иной раз, что яснее всех и спокойнее просмотрел мир. Но, вернее, дело в том, что другие давно это знают, но молчат, потому что говорить об этом – конец. Если бы сейчас спихнуть с себя бесконечную цепь дел, делишек, вероят[н]о, я еще успел бы сделать что-нибудь довольно большое в науке. Но надежды на это мало. Вчера получили № «Природы» со своей статьей: «Об элементарных процессах излучения и поглощения света»[3] – сводка, из которой видно, что в оптике я сделал остающееся.

Я философ и уверен [–] в спокойной хорошей обстановке записал бы для других нужны[е] вещи.

Мечтаю о том, чтобы в 1946-ом году писать 1) «Флуоресценцию растворов», 2) «На стыке физики, философии и истории» 3) «Интерференцию света». Хотелось бы хоть час в день – без других, одному сидеть в лаборатории и экспериментировать.

---

* «Не весь умру» (*лат.*) (сл. Горация).

Все это так. А на душе тяжело. Кругом смерти, несчастья, в мире исчезла «душа» и «все равно, живу ль, умру ль»[4]. Тень Николая и постоянная тонкая, прелестная, но безнадежно грус[т]ная элегия Ленинграда. Завтра надо ехать в Москву.

С миром связывает семья, Олюшка и Виктор. Для остального я не я, а «учреждение».

Москва, 6 января. Воскр[есенье]

Вернулся 3-его, сразу попал в страшное московское колесо. Кандидат в депутаты В[ерховного] С[овета] СССР[1], в первый же день две речи. Тайны «мадридского двора» с предстоящей сессией. На другой день окружное предвыборное собрание. Ночью в Кремле по поводу приборостроения. Вчера ВАК, юбилей Байкова. А кроме того, Физ[ический] И[нститу]т и бесконечная академическая мелочь. Меня попросту нет. Олюшка со мной приехала, сегодня опять вспыхнула, как порох, по поводу какого-то моего неудачного слова. Слезы. И это тяжело. Пытаюсь писать «Физику Лукреция»[2]. Где же мое настоящее я? Противная, сановная Москва.

Москва, 10 января

Улетучивание души. Утром – диссертация Прохорова[1] на Миуссах, потом президиум, закрытое заседание с вице-президентами и «генералами» о будущем президиуме. Вчера и позавчера у Маленкова. Предвыборные собрания. Надо переезжать в Дурновский переулок[2]. Статья о Николае в «Nature». Онемение. Рок. Книги, книги – интересные – читать некогда и никакой большой мысли, или плана.

Москва, 13 янв[аря]. (Воскр[есенье])

На Дурновском пер[еулке], на новой квартире, переехали 11-го. Бывшая квартира В.И. Вернадского. От него осталась прислуга – старушка «кадетского» воспитания[1] стиля «Русских Ведомостей». Внизу жил акад[емик] Надсон, которого арестовали, кажется, в 1937 г., говорят, что он умер в тюрьме[2]. Потом жил внизу А.А. Борисяк, а за ним разные люди, в том числе из комаровских «мушкетеров» Б.Г. Кузнецов.

Квартира «отделана» и похожа пока на номера в гостинице «Москва».

Из меня делают скверного «свадебного генерала». Подготовка нового президиума. Неудача моего ясного плана «делового президиума». Опять – старики, Лысенко etc. В голове туман, неясность, самого себя из рук потерял.

Москва, 21 января

Провел сессию Академии. Выборы президиума[1]. Лукреций. Мой доклад «Физика Лукреция»[2]. Люди, люди, люди. Остановившаяся мысль. Надо задуматься о себе самом. Без дома. Дом ни в Москве, ни в Ленинграде. Жить

осталось недолго. И неотвязчивая лукрецианская философия. Сознание, возникающее при сложном сочетании атомов и молекул. «Дома и люди – все гроба»[3]. Выборы в В[ерховный]С[овет]. Предстоящие митинги. Сегодня траурное ленинское заседание [4]. Доклад Александрова. Сталин. В конце пели: «Интернационал». Пели по-настоящему. Видел, как пел Молотов, Жданов и др. А нужна мне сейчас лаборатория и кабинет – одному на несколько месяцев. Я убежден, что мы очень мало знаем.

А здесь в Дурновском какая-то чудная жизнь, похоже на гостиницу.

25 января, Москва

Предвыборный митинг. Кремль. Прием у И.В. Сталина. Молотов. Берия. Я вот замечаю, что в нужные моменты я очень смелый. Это всегда было. И[осиф] В[иссарионович] сделал самые серьезные указания о расширении науки, о серьезной базе для нее. Одобрил физико-химическое направление. «Гениев не бывает, их выдумали, влияет обстановка, условия». Очень скептические отзывы об Орбели. Разговор очень важный для Академии.

Я совсем мученик. Себя не вижу, не знаю. Завтра три года смерти Николая. Вчера была Л.В. Теребихина. Старые пресненские тени. Душа прошлого.

27 янв[аря], Москва. Воскресенье

Митинг предвыборный. Сталинские премии. Олюшку в Ленинград провожал. Радиокомитет, выступления по-русски, -французски и -итальянски. Звонки. Себя чувствую говорящим автоматом. Ничего в голове. Не человек.

3 февраля, Москва

Неделя митингов. Вчера «годичное собрание». Делаю попытки восстановить хорошие традиции. Академики дикие невежественные, к концу заседания стали расползаться, так как никаких банкетов и раутов не было. Был только хороший «инструментальный» характер. Вообще, как это страшно – почти не с кем говорить «по-настоящему», все упрощаешь и «популяризируешь». Позавчера прием у румынского посла, глупенький. Они, румыны, сейчас на задних лапах ходят. Сегодня у Тарле дипломатический five o'clock* с норвежским послом. Подходит мне все это, как корове седло. Накупил книг на 800 рублей, а голова усталая, пустая, безо всякой свежести.

Умирать в сущности безразлично когда (со своей личной корыстной точки зрения). Смерть всегда будет казаться неприятной и «будущее» после опыта всегда тяжелой «службой».

10 февраля, Москва

Сегодня выборы в Верховный Совет СССР. Вчера был в сияющем краснозолотом Большом театре. Речь Сталина итогово-перспективная. Прямые

---

* Five o'clock [tea] (*англ.*) – чаепитие.

«тяжело-индуст[р]иальные» экстраполяции в будущее. Полная уверенность и удовлетворенность и прошлым, и будущим. «Тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой»[1]. Очень ясное указание на необходимость нового роста науки, «догнать и перегнать» в науке[2]. Нелегкое это дело. Но, думаю, справиться можно, потому что на самом деле «не боги горшки обжигают».

На квартире в Дурновском все еще как в гостинице «Москва». Разношерстна[я] мебель. Казенные стулья канцелярского типа с «дерматином», роскошные «наркомские» советские кресла и диваны с жесткой, туго натянутой кожей, на которых холодно, неуютно и пахнет «бюрократией», и, наконец, питерские поломан[н]ые «красные дерева». Дома (если исключить спанье) бываю часа три. Т.е., в сущности, дома нет. Олюшка и Виктор в Ленинграде – дом там.

Морозы, хотя и не очень большие.

Главное – в голове нет научного творчества. Это невозможно, и нужно сейчас же прекратить, если жить хочу.

12 февраля, Москва

Опять катастрофа. Нелепый плевок природы. На Домбае[*] (над Тибердой) где-то в снежной лавине погиб Олег Вавилов, сын Николая, на 28-ом году[1].

Третье поколенье трагических смертей. Возвращение отца в Л[енин]-гр[ад] и смерть на глазах в 1928 г.[2] Потом Николай 26 янв. 1943 в тюрьме в Саратове, теперь Олег.

Идиотический флу[к]ту[а]ционизм. Случай. Опять смерть. Распад вещества, уничтожение сознания. Лукреций.

И вчера же вручение депутатского удостоверения в Райкоме. Банкетик, на котором я долже[н] был казаться радующимся. В душе концентрированный Гамлет. To be or not to be[2*] с такою легкостью скатывается к последнему.

16 февраля, Москва

Олег. Мальчишеский труп дерзкий[*] там где-то мерзнет сейчас над Домбаем[2*, 1]. Детская игра жизни. Из этих случаев, нелепостей должна будто бы пробиваться эволюция «excelsior»[3*]. «На трупах, на костях, неведомо к чему».

Такое страшное непрерывное горе. А в это время депутат, лауреат, президент. Банкеты, поздравления. И каменная философия «Nil admirari»[4*].

Может быть, сегодня уеду в Ленинград.

17 февраля, Ленинград

Фон – Олег. Опять у жизни выбита опора. Задумчивый город в снегу. Петровские двенадцать коллегий[1] красно-белые, дерево в инее. Синяя комната. Книги, книги.

---

[*] У Вавилова «Донбае».
[2*] Быть или не быть (*англ.*).

[*] Так у Вавилова.
[2*] У Вавилова: «Донбаем».
[3*] Все выше (*лат.*).
[4*] Ничему не удивляйся (*лат.*).

Думаю вот о чем. Материалистически совпадение одних и тех же материальных* обстоятельств должно привести к тому же сознанию, психологии, к тому же «я». В бесконечно повторяющейся вселенной, построенной сотообразно, должен повторяться где-то и Николай, и Олег. Вообще, ничто не умирает на свете совсем. Обязательно воскреснет.

Если два совершенно совпадающие существа отличаются своими «я», то нужно совсем другое, и открываются иные возможности.

19 февраля, Ленинград

Дома, небо, Нева, снег, следы снарядов и бомб – это и создает прелестную, грустную элегию, morbidezza* города. А люди – посторонние, мелкие, провинциальные, запуганные, боящиеся московского начальства и забытые им.

Перебиваю простуду и температуру стрептоцидом с аспирином и с такою радостью засну[т]ь, не проснуться. Каждый день вхожу в жизнь с трудом и мукой.

Здесь стараюсь быть только со своими – Олюшкой, Виктором да Наташей[1]. Да книги, картины, старина.

Мороз. Солнце. Снег чистый, белый, как в Йошкар-Оле.

24 февраля, Ленинград

Сегодня надо ехать в Москву. Жизнь все больше механизируется, чувство жизни исчезает постепенно: летящий камень, ощущающий свой полет. Сидеть истуканом в виде свадебного генерала на «физиологическом Павловском совещании»[1]. По снежным улицам Васильевского под светом пестрых ракет и прожекторов (вчера день Красной Армии). Болит голова и ни одной свежей, живой мысли. Кругом несчастия и сам сплошное несчастие.

А жизнь: кто-то нарисовал мелом на доске, да стер.

Что делать? Нужна сосредоточенность. Но как же ее устроить? А перед глазами покойники: отец, Лида, Ал[ександра] Ивановна, мать, Николай, Олег.

Спасти может только творческий подъем, которого нет.

26 февраля, Москва

Вчера вернулся. Московский безумный водоворот. У Олюшки мигрень. У гроба В.П. Потемкина. Нескучный с версальскими настроениями. Квартира – как номер в гостинице с собственным мил[и]ционером.

А голова пустая. Мысль только все разлагает на атомы и между трупом в гробу и живым человеком разница исчезает.

Кажется: жить осталось немного. Все книги, люди, мысли, законы: тени, которые скоро исчезнут. Игра в настоящее, в «неизменное», а на самом деле πavτα ρει*, и зацепиться, кроме как, разве, за «все» – не за что.

Кругом интересные книги, но времени и сил не хватает.

---

* Слово «материальных» вписано над строкой.

* Мягкость (*ит.*).

* Все течет (*греч.*).

3 марта. Москва

Как будто бы никогда так грустно не встречал «своего», «нашего» месяца – марта. Смерть Олега наложила последнюю тупую печать на перспективы и надежды. Все равно, камень, человек, Земля, Сириус, сложные органические молекулы и нейтроны, «я» и остальное. Безучастность и страшная усталость, физическая, умственная, моральная.

Мороз, солнце, мартовский утренник, но никого нет, ни матери, ни Николая, ни Лиды, ни Ал[ександры] Ив[ановны], и от себя самого «засохшая мумия» – машина, делающая много, но без внутренней зацепки.

Но полностью надежды не утерял. Все еще верую в «зацепку».

Грустно. Виктор уезжает в Л[енин]гр[ад], Олюшка, по-видимому, мечтает о веселье, которого я не в состоянии дать.

Вышел бы на открытое место и закричал страшным криком на всю вселенную.

Все мудрецы кажутся наивными и все надо начинать сначала. Но эта ясность начинает пробиваться только сейчас.

Гипертрофия сознания самая страшная болезнь, но мир ей несомненно заболел.

13 марта, Москва

Машинная жизнь продолжается. Атрофируется живое острое сознание. Механические ответы и решения, опирающиеся на «условные рефлексы», на прежний опыт. Дерганье на Миуссах, в Нескучном, вечером в Кремле. 2–3 часа в изможденном состоянии усталом дома. Квартира вроде гостиницы с чужим «красным деревом». Мебельщики, столяры, маляры. «Блины» у Тарле с анекдотцами и официальными разговорами. Очень мало читаю, думаю, некогда. Осатаневшие газетные статейки, депутатские страшные письма о квартирах. Вчера началась сессия В[ерховного] С[овета] в Кремле.

22 марта, Москва

Завтра, вероятно, в Ленинград. Из жизни постепенно уходит научное творчество, всегда спасавшее. Остаются заседания, разговоры по вертушкам. Несносные банкеты, как вчера в Московском Совете. Словно человек среди медведей ласковых и свирепых, но медведей. Мозаика. Страшное чувство невыполненного. И нет творчества, оправдывающего жизнь.

Сессия. Ерническая фигура Л. Леонова рядом. Dürer's Zeichnungen* – 4 тома. Замечательная, загадочная фигура. Устал, ни к чему не способен. Трудно даже эти строки писать.

Весна запаздывает. Вьюга. Март. Вспоминаю своих.

24 марта, Ленинград

Сегодня приехал. Поздравляют с рождением, хотя я привык его праздновать 25-го. «Борзые щенки» – стаями. Портфель, ⟨нрзб.⟩ сочинения Ньютона.

---

* Рисунки Дюрера (*нем.*).

А в душе полное отсутствие стимулов к дальнейшему существованию. Даже солнце на Невском, и то не спасает. Может спасти только научное творчество настоящее, а его нет. Да как же оно может быть, когда для него не остается ни минуты. Все время на людях. Чужие, механические мысли. При таких условиях «morire non duole»* и не за что зацепиться. И не читаю почти ничего. Не успеваю. Устаю.

25 марта, Ленинград

Оптический Институт. Самолюбия. Отсутствие научного гения. Дома. Несколько свободных часов. Но так отвык. Болит голова, а не знаю*, за что взяться. И все время боязнь, что чего-то не делаю. Кругом книги, на которые смотрю безо всякой любви. Все проходит на свете.

29 марта, Ленинград

Наполовину мертвец. Куда-то отлетел творческий дух живой. Отяжелел. Безразличие – космическое.

Медленная грязная, холодная весна. Город неприглядный. Год назад объяснялось войной, блокадой. Сейчас неумением, неумение, апатия. Людям хочется растянуться на кресле и спать.

И странное чувство без дома. Ни тут, ни в Москве. И так мало своих. Олюшка, да Виктор. Остальные все чужие. Так вот и обращаешься в ничто.

31 марта, Ленинград

Сегодня в Москву. Без творческого заряда, с усталостью и совершенно космической безнадежностью. Сознание, материя, непонятно и безжалостно. Сознанием с физической точки зрения пора заняться.

Резко обострилось чувство временности всего: самого себя, земли, домов, дворцов, солнца. Надо избавляться от чувства консервативности – самосохранения и сохранения.

В Ленинграде: каждый день в Опт[ическом] И[нститу]те по лабораториям. Даю мысли, действительно куда-то верно указываю, и так жаль, что сам не могу сидеть за прибором. Семинары (правда, бездарные). Каждый день в Академии, здешней, «провинциальной» с квартирными, семейными делами и пока без большего*. Все время в простудном состоянии на стрептоциде и аспирине. Состояние бездарно-сомнамбулическое.

2 апреля, Москва

Приехал вчера. Сегодня «20-е марта», день именин[1]. С утра тяжело. Ни родных, ни друзей. Чиновничьи отношения. А в голове космическая безнадежность. В поезде прочел «What is life» Schrödinger'a[2]. Книжонка (без большого нового смысла) еще больше навела грусть. Не могу писать о том,

---

* Умирать не больно (*итал.*) (см. примеч. к записи от 4 апреля 1942 г.).

* В тексте слово «знаю» повторено дважды.

* Возможно – «большого».

что кругом. Кажется все мелочью, случайность[ю], условными человеческими отношениями, разлетающимися от малейшего щелчка.

Днем «работа», т.е. разговоры, решения, бумаги, «вертушка», все время противное ощущение невыполненного. Усталость. Притупление чувств. Ослабевающее зрение. Мало читаю, больше скольжу. Некоторую радость дало бы хорошее творчество – нет его. Как надоело ныть! Для кого, к чему!

8 апреля, Москва

Похороны А.А. Байкова. Старик умер безо всякой подготовки, лучше не придумаешь. После смерти Олега – так все кажется просто, безнадежно, держаться не за что. Солнце, грязь на Новодевичьем – декорация.

Трудно вообще кому-нибудь рассказать – не поверят – насколько никакой зацепки. Ни люди, ни предметы. Смотрящая душа, как будто внеземная и неизвестно какая.

А так все крутится. Никакого творческого дела. Пишу, как старый поп, «надгробные слова», слово по случаю 350-летия Декарта[1], рассуждение о вовлечении разных наук в связи с ураном.

Усталость. Простуда. Стрептоцид с аспирином. Вчера мокрый снег. Воскресенье. Книги. Иногда очень хорошие, но времени так мало и силы слабнут.

Лима, лима, совахвани[2].

Москва, 14 апреля

Воскресенье. Один в квартире на Дурновском. Синие стены. Пиранези с пестумскими храмами на стене на[д] краснодеревным диваном. В радио – не то Гендель, не то Гайдн. В окно солнце. Запоздавшее начало весны. На синем фоне желтые внутристенные шкафы.

Вчера Ек[атерина] Ник[олаевна] принесла Николаев альбом 1902 г. с записями (каллиграфическими) стихотворений в Коммерческом Училище. Альбом помню. Почти 45 лет назад. Все было впереди, казалось тверд[о]каменно-несокрушимым. И вот только память в чужом сознании, которая тоже скоро уйдет.

Никто не понимает, что такое сознание и как оно связано с веществом (но ведь и электрический заряд не понимают). Несомненно только, что сознание – важнейший фактор в эволюционном процессе. В каких-то небольших пределах «свобода воли» нарушает второе начало [термодинамики]. В целом и здесь нарушения грубого второго начала нет. Только микрообласть флуктуационных нарушений передвигается на значительно высший порядок. И потом становится возможным отбор флуктуаций (полупроницаемая перепонка, развитие науки всегда вперед). В этом очень много таинственного и для человека самого интересного. Но ухватиться за должное никто не

умеет. Получается что-то вроде Мюнхгаузена, вытаскивающего себя самого за косу из болота.

Давит «лукрецианизм» и отсутствие научного подъема. Нет времени. Заседания. Похороны (Байков). Юбилеи (Зелинский, Грабарь), заседания (Сталинский комитет, президиум), произв[одственные] совещания, люм[инесцентная] комиссия. Усталость, усталость. И страшное – Николай, Олег. Пушкинские слова в голову приходят.

Москва, 21 апреля (Пасха, Воскр[есенье])

В очень тяжелом запутавшемся положении. Гипнотизирует, полностью владеет лукрецианская мысль. Все кругом – предметы. Сознание только у себя, и то совсем обманчивое «эволюционное средство». Человек читает газету – строю принципиальные линии автомата, делающего то же самое. Страсти, стихи, наука, картины [–] все «объективизируется», машинируется. Это тысячи лет назад людям в голову приходило. Но у меня болезненная «одержимость», не могу отвязаться, стать на привычную систему координат человеческих интересов определенного времени и места.

Сознание. Ничто ли это, или все? Или промежуточное? Сознание, конечно, никакого прямого отношения к Ungenau[i]gkeit's Relation* не имеет. Сознающим может быть и камень, падающий по самым строгим мех[аническим] законам. С другой стороны, U.R. не может быть само по себе прототипом «свободы воли». Факты, связанные со св[ободой] воли, приводят к нарушению статистической беспорядочности, а U.R. полностью с нею связан.

Значит, какая-то связь Сознания с U.R. Это – элементарные факты, т.е. сознание и U.R.

Выход пока такой – неизвестно пока что-то самое главное и фундаментальное. Физическая попыт[к]а перенести основы сознания и U.R. на сам атом – электрон, протон, фотон и т.д., по-видимому, ошибочна принципиально. Нужно исходить из целого – «мира». Но как это воплотить? Эйнштейновские попытки? Примитив. Смириться? Ignorabimus?2* Умереть с сознанием, что самого главного не знаю?

Странно, как-то никто не скажет, что «король-то голый». Во всяком случае, лукрецианство надо бросить – может быть, легче и проще будет жить.

Жизнь мучительная. За эту неделю иногда по 12-14 часов в день почти сплошь заседательских (сталинский комитет, президиумы, И[нститу]т), совсем больная, ни к чему не способная голова. Ломятся «кузены», племянники, письмами, по телефону, в натуре. А у меня никаких сил не остается.

И угнетающее чувство отсутствия творческой, удовлетворяющей работы.

---

* Соотношение неопределенностей (*нем.*).

2* Не узнаем (*лат.*). Часть латинского выражения «Ignoramus et ignorabimus» – «Не знаем и не узнаем».

Медленно приближающая[ся] московская грязная весна. Ободранные фасады бывших особняков на Молчановке, Собачьей Площадке. Кособокие, косорылые, косолапые люди – несчастные. Вот только Моцарт из радио.

24 апреля, Москва

Завтра намереваюсь в Ленинград. Кругом то же. Отчаянно запутанный клубок дел. Элементарные самолюбия и дикарство кругом.

«И как преступник перед казнью
Ищу кругом души родной»[1].

Весна. На спинке дивана напротив меня играет солнце красным деревом. Главная вина во мне самом. Затух творческий импульс (пусть обманчивый), но заставлявший жить. Сейчас усталый, раздраженный, недовольный на себя, на всех.

Вчера в музее изящных искусств[2]. Джорджоновская Венера. Вермеер – но ведь на все это хочется не только смотреть. Создавать надо – философия, новые мысли excelsior*. А только тупой восторг. Даже атомная бомба и та стала серыми буднями.

27 апреля, Ленинград

Вчера приехал в компании Л.А. Плоткина. Т.е. опять ни на минуту сам с собой. Солнце. Петербург. Олюшка, Виктор, собирающийся жениться. Синяя комната. Цветы.

Коллеонни[1]. И так пусто и грустно на душе.

Ловят на перекрестке – утилизировать. Потому что всем очень трудно. Город, неудержимо падающий в провинциальное состояние, и попытки удержаться.

1 мая, Ленинград

Дома. На парад не пошел. За окном грохочут пушки. Вспоминается война и годы, когда нас тут не было.

В маленьком тесном кабинете, заваленный книгами, вещами. С уставшей мыслью, котора[я] «напоследок» может еще проснуться. С полной ясностью, что главного люди не знают и знать не могут. Все-так[и] не боги.

Преходящее все. На столе миниатюра начала прошлого века. Великолепно сделанная чья-то приказчичья физиономия, лохматая, плохо бритая, с жабо. Кто он? Все забыли. Давно сгнил на кладбище. Все кончилось, «я» сделало свое дело и конец. Конец ли?

Выжимаю из себя статью о резонансной миграции для ЛГУ[1].

Хочется большой радости. Спокойствия, уверенности, и тогда можно бы кончить. Ничего нет.

---

* Все выше (*лат.*).

Романтизм Питера, в тумане, с разбитыми, исцарапанными домами, без гения, но с поразительным своеобразием особой тонкой красоты (не гениальной, не римской и венецианской). Morbidezza*. Разваливающийся Гваренги.

А на мне страшная тяжесть обязанностей и так мало сил.

3 мая. Ленинград

Сегодня – в Москву с Олюшкой. Дом все же здесь. В Москве раззолочен[н]ая клетка. Боже мой, как все это грустно. Когда постепенно оборваны все лепесточки Семьи, бога, истории и осталась плохая машина.

Хмурая погода. Без дождя, но серо и грустно. Вчера ходили вечером с Олюшкой по Петроградской. Разорено. Меланхолично, но сквозь все это петербур[ж]ская тихая пронзительная музыка начинающихся белых ночей.

5 мая. Москва, Воскресенье

Вернулись вчера. Сразу мозаика, всякий стержень потерян. Без руля и без ветрил[1]. Здесь в синей комнате на диване привезенная из Питера картина возрожденской дамы, играющей на виолончели с амуром, держащим ноты на голове. Полотно, видимо, хорошего, большого мастера. Великолепный «венецианский» колорит. От кроваво-красного через оранжевое, желтое к темно-зеленому. И музыка в картине. Сюжет для Гофмана. В окно первая зелень в американском посольстве. Американский садовник. Тяжесть какая-то в воздухе. Корректура со статьей Олега.

Философия? Прежняя. Случайность, бренность, ненужность. Даже отсутствие ощущения, что ты «винтик в мировой машине».

А перед глазами итальянская картина в золотой раме на синей стене, в ее красно-оранжево-зеленых тонах и с музыкальным звучанием. Красота еще держит на свете.

Пойду, вероятно, за книгами. Так все тяжело делается.

9 мая, Москва

День Победы. Год назад в этот день с Олюшкой приехали в Питер. Кончилась эвакуация. Я не предполагал, что начнется для меня такая странная, мне совсем несвойственная «представительная» жизнь. Но так вышло.

С ужасом читаю в «Вестнике Академии» в каждом № свои председательские, загробные речи, газетные статьи. Где же моя душа? Где мое «творчество и созерцание».

Ездил сегодня с Олюшкой на нелепом ЗИС 110 в «Узкое»[1]. Весна только начинается. Развертываются березы. Туман. Дождь. Холодно. Но в природе вдруг как-то слетает «представительство».

17 мая, Москва

Жизнь летит, оставляя очень мало <u>во мне</u>. И память слабнет, многое совсем не остается и улетучивается почти мгновенно, да и самые события вне меня.

---

* Мягкость (*итал.*).

Думы только на ходу, почти целиком практические, тактические, административные. Научная, философская мысль – редкость и большая радость, когда она есть. Жизнь протекает мимо. Вчера хоронили А.Н. Баха в крематории, на 90-ом году. Бывшая старая русская церковь со сводами с отвратительными электрическими арматурками, с католическим органом. Трафаретные речи (больше 20). Истерическое выступление бывшей комсомолки, напомнило 1917.

После угрожающего долгосрочного прогноза о холодах в мае и июне наконец начались теплые дни. Зазеленело. В Москве стало пыльно и душно.

Люди приходят только с целью что-нибудь попросить. Сделать в большинстве случаев ничего нельзя и так грустно.

А сам становлюсь элементарной пустой машиной. «Жизнь коротка и подобна летучему дыму».

Москва, 19 мая

Что-то вроде того что отравился. Второй день мутит, тошнит, жарит.

5-й день жарко. Умер К.И. Шенфер.

Ездил сегод[н]я в «квёлом» состоянии с Олюшкой в Звенигород на Мозжинку.

Москва, 25 мая

Всю неделю полуболел. Руки отваливаются. В работе чистый автоматизм. Философия прежняя, неотвязное чувство, что «дома и люди все гроба»[1].

Начинающееся лето. Ослабевающая память и так мало радости. Одолевают родственники с напастями. Сделать ничего не могу, но считаюсь «магнатом».

Ленинград, 2 июня

Сегодня приехал с Олюшкой. Сияющий светлый, даже пестрый Невский с прямотой и Адмиралтейской иглой на конце. Вот что выкристаллизовалось от старой, дореволюционной России. Тогдашняя манекенная, бесплодная, ленивая аристократия, быстро жиревшие дельцы и нирванический народ. Теперь? Ни то, ни другое. Первое впечатление чего-то независимого. Души города, будто бы переходящей в вечность.

Я? Но меня просто нет. Растаял в калейдоскопе московских дел, делишек, происшествий, смертей, болезней, юбилеев.

Ни на чем немыслимо сосредоточиться. А «я» только в сосредоточении. И пересадка из Москвы в Ленинград почти то же, что перевоз вагона из одного города в другой.

Нужно ли кому-нибудь это «я». Или лучше еще сильне[е] раствориться?

Солнце. Июньский Питер. Через час поеду на Литейный за книжками.

Ленинград, 6 июня

Может быть, сегодня придется обратно – вызывает по каким-то делам Кафтанов. При общей усталости и грусти – так это нескладно. Вообще,

чувство пребывания на палубе корабля, который носит и крутит. Дожди. Опт[ический] И[нститу]т с его дрязгами. Лен[инградский] Совет в подновленном Мариинском Дворце – вдруг style Alexandre I – Штакеншнейдер. Очередной покойник в Ак[адемии] Наук – Маслов. Чувство полной случайности, беспорядочности, хаоса, бессмысленности особенно живо. Ну к чему же сознание здесь с его целью и регулярностью?

Ленинград, 7 июня

Отъезд на день смещается. Еду сегодня, вызывают в прав[ительственную] комиссию по сталинским премиям.

Вчера ездил в Пулков[о] и Ц[арское] Село смотреть академическое строительство. Тут и там такая страшная, безысходная меланхолия. Запах тления, конца, который всегда здесь чувствовался, – сейчас так силен, так неотвратим. Разбитое Царское без всякой надежды подняться. Александровский дворец с провалившимися потолками, прогнившими балками, страшным запахом сырости. Жалкие остатки «дворцовых фондов» в ящиках. А кругом – разбито все, и только зелень по-прежнему в опустевшем городе.

Дома нет. Москва, Ленинград? Олюшку тянет сюда. Виктор жениться собирается. Не то едет в Америку, не то демобилизуется[1]. Все неясно. А мне надо ехать.

В голове нет совсем науки. Не за что цепляться. И так грустно, что самому хочется среди этих смертей и умирания скорее умереть, кончить совсем, провести черту. Так тяжело.

8 июня, Москва

Жалкие остатки питерских впечатлений. Почему-то вспоминаются «мины», на глазах еще взрывающиеся в Пулкове[1].

А здесь сразу омут. Глаз разбегается. Мальчики кровавые в глазах[2]. Министерские заседания по поводу сталинских премий. Дома вертушечные звонки. На свете на одной ниточке.

14 июня, Москва

Машинность, механика и сознание, душа, Я, только «пилот», теряющий свое собственное содержание. «Дела», нелепость строительств, люди – по пяти министров в Нескучном по микроскопическому делу (600 метров площади для химиков-аналитиков). Заседания, люди, разговоры, газеты, радио. Виктор, может быть, поедет в Америку. Нашли труп Олега на Кавказе. Выжимаю из себя доклад для Royal Society «Атомизм Ньютона»[1]. Жарко. Олюшка капризничает. Сейчас утром один (вернулся вчера во 2-м часу ночи от Вознесенского – заседание по поводу сталинских премий). Дочитал «Il discepolo ignoto» Perri[2] – в конце до слез. Улетающая душа и так неуютно на свете.

16 июня «Узкое»

«Июньский день горит и пышет». Зеленый дубовый лес с нескошенными колокольчиками, поющими зябликами, соловьями и иволгами. Ржаные поля

с жаворонками. Маленький островок под Москвой. А недалеко эта сумасшедшая громадина. Часов 5 с Олюшкой по лесам гуляли. Дописал доклад «Атомизм Ньютона» (начерно). Жара. Немножко отошел.

23 июня «Узкое»

Опять на день в «Узком». Неделя непрестанного машинного существования. Президиум, ФИАН, ВЭИ, вызовы вечером. Писание доклада «Атомизм Ньютона». Третий день сессии Верх[овного] Совета РСФСР. Здесь июнь в полном разгаре. Утром дожд[ь]. Опять дубовый лес. Нашел большой белый гриб. А за несколько километров Москва. Гуляли с Олюшкой часов 5. Разговоры о материалистическом, воскресении[и] и о том, что люди станут «как боги». Мне ясно, что надо себя проанализировать. Найти, что же в человеке, несмотря на сознание, «не-машинное».

30 июня «Узкое»

На воскресенье в «Узком». Последний июньский день. Завтра академическая сессия. Жаркое лето. Гуляли с Олюшкой. Мне 56-ой год, облетели все наивные картины «природы», как у немецких романтиков. Знаю современную физику. Позитивизм. Сенсуализм. Материализм. «Und sehe ich, ich armer Tor, dass ich bin klug als wie zuvor»*. Неясно и печально все. Кончил книгу Weizsäcker'а «Zum Weltbild der Physik»[1] и согласен, что «An einem Tage, von dem heute noch niemand sagen kann, ob er nah oder fern ist, wird vielleicht ein neuer Mensch die Augen öffnen und sich mit Erstaunen einer neuen Natur gegenübersehen»[2*]. А возможно, что и другое, людей просто сметет с земли ветер какой-нибудь атом[ной] бомбы – на этом деле кончится и физика, и метафизика.

Мучительная неделя адм[инистративной] работы. Письма без конца, которые не успеваю прочесть и тем более на них ответить. Заседания, заседания. Подготовка доклада на тему «о вообще». Головная боль какая-то странная. Жар. Жара. Татьяна Ипатьева попала в какое-то приключение[2]. Люди. Д[е]ла. Сосредоточиться, подумать некогда и, думаю, скоро обращусь в ничтожество.

А перед смертью хотелось бы еще раз как следует протереть глаза, посмотреть на мир и подумать о нем.

Сейчас шумит гроза, хотя и небольшая. Но жизнь бездарная.

Узкое, 7 июля (Воскр[есенье])

Неделя еще. Время пролетает очень быстро, и дни облетают, как желтые листья на деревьях.

Прошла сессия Академии[1], мой доклад о пятилетнем научном плане[2]. Пестрая эмпирика без центральной жесткой оси. Нужно бы остановиться, думать, думать. Тогда, может быть, и придумался бы план. Все наспех. Даль-

---

* И вижу я, бедняк, что я не умнее, чем прежде (В. Гёте «Фауст») (*нем.*).

[2*] Однажды, сегодня еще нельзя сказать, произойдет ли это раньше или позже, новый человек, возможно, посмотрит вокруг и с изумлением обнаружит перед собой новую природу (*нем.*).

ше доклады обо всем, об ядре, белках, хорезмийской археологии, а на финал «Ромео и Джульетта» Прокофьева в Большом театре. Собираюсь с сегодняшнего дня начать «отпуск». Поэтому вчера бесконечная колонна бумаг. В дни отпуска придется остановиться и оглянуться кругом и на самого себя.

Вчера улетел в Америку Виктор. Vita nuova*. Что-то из него выйдет? По-видимому, инженер. Оглядываюсь теперь на 56-ом году на себя и вижу, что «задатки» стали ясными лет в 8–10. «Философом» дразнил отец, когда мне было лет 10–11. Абстракция, книги, алхимия с глицериновым мылом Ралле. Дань «жизни» очень небольшая. Главное – от нее отвязаться. Вышло, как мне кажется, из меня меньше, чем следовало бы ожидать по такому началу. А Виктор – совсем другой.

Но страшно. Полетел. Долетел ли? Погиб Олег, Николай, все, даже с Татьяной Ипатьевой дурацкое злоключение. Рок. Но философия «все равно». «Все чередой уходит в Лету».

Дни пошли дождливые, холодные. Липы медленно расцветают.

«Узкое», 10 июля

«Отпускные» дни, но вялые и тупые. «Горизонт» в голове застлан густым туманом. Ничего не вижу. Как будто бы нет городской жизни. Может быть, это бессознательная «самозащита». Но как-то страшно, словно ослеп.

Здесь въявь умирание дряхлых академических стариков. Жуткая картина. Перед обрывом. Бога давно нет, но нет и наследников, «дома», нормальной семьи. Ослабление памяти, ума, сил.

Здесь зеленый остров, цветущие липы, дубы, березы, орешник – но за 10 километров московская жуть. Самообман.

Умственная жвачка. Читаю бесконечный роман H. Allen'а [«]Anthony Adverse[»][1], составляю статью о ломоносовской «ночезрительной трубе»[2].

Узкое, 14 июля (Воскр[есенье])

Нет вестей от Виктора, была только телеграмма из Парижа. После Олега – страшно. Но сам готов умереть каждую минуту.

Старею. Дни кажутся летящими чересчур быстро. Хочется сосредоточиться. Не успеваю. – Ночезрительная труба Ломоносова, возражения на возражения При[н]гсгейма[1]. – Мои филос[офско]-истор[ически]-физ[ические] статьи. Все время тревога за то, что творится в Москве.

Дожди, грозы, туманы. Тяжелая голова. Усталость от разговоров.

Узкое, 15 июля

Утром в лесу. Липа отцвела. Просвечивающие на солнце дубовые листья. В лесу нашли дистанционную трубку и воронки авиационных бомб. По-видимому, следы зенитной батареи 1941 г. Грозы. Художник С.Ф. Соколов. Портрет. Сижу над статьей против Прингсгейма, хотя далеко не уверен,

---

* Новая жизнь (*ит.*).

что я прав. Все время усталость. Даже в отдыхе. Больная голова. Ни минуты свежести и свободы.

Узкое, 17 июля

Год выборов. Сделал ли что-нибудь? Не очень много. Строительство Академии на бумаге. Улучшение бытия научных работников. Пятилетний план. Много начинаний, но сделанного мало.

И все время ощущение «вороны в павлиньих перьях». За год погиб Олег, Виктор уехал, сейчас не то в Париже, не то летит в Америку, а я перестал понимать себя самого.

В окно зелень лип, освещенных солнцем, и мечта о хорошем настроении.

Узкое, 19 июля

Неприятное чувство: возражать на возражения Прингсгейма. Нет уверенности, что я прав, и все же какие-то силы, связанные с «я», заставляют писать и волноваться.

Вчера целый день дождь, перемежающийся с солнцем. Вечером с Олюшкой гуляли по березовой аллее. Чудной красоты радуга. Полный полукруг, яркий, блистающий. С одной стороны радуга опиралась на ясеневскую церков[ь] (скелет церкви), с другой – на какой-то кирпичный красный завод на фоне зелени. Чудесное, мистическое зрелище. Как же оно действовало на мыслящих до Декарта и Ньютона? В мире бывает столько красивого, т.е. находящегося в резонансе с «я».

Кончил громадный роман Allen'a: [«]Anthony Adverse». Все то же: Иов и можно бы не рождаться.

Сегодня утром с Олюшкой в лесу. Вместо грибов нашли две мины, кого-то до сих пор подстерегающие. Сидел под дубом и с грустью думал о себе. Большого не дал. Все мелочи. Не было большой идеи, как у Лобачевского, Менделеева, Дарвина. Сейчас искать эту идею и, главное, ее осуществить? Не поздно ли.

Самое интересное, что хотелось бы хотя [бы] немного начать перед смертью: вопрос о сознании. Есть ли его начатки в малом, в электронах, протонах и нейтронах, или это что-то свойственное только сложному?

Как странно, что об этом, самом главном, науки нет.

Узкое, 24 июля

Олюшкины именины. В лесу, признаки грибов. Зеленые овраги с липами лет по 200–300. При выходе из лесу, на опушке, на виду Узкого и Ясенева со скелетами церквей тургеневская встреча. Человек лет за 50 с вязанкой нащипанной руками травы. Сейчас этим промыслом все занимаются, от Москвы до Кисловодска. Некошеная трава сохнет в лесах и на полях, а косить без разрешения нельзя. Вот и щиплют рукам[и]. Человек в опорках, в кепке, демобилизованный. Вздыхает о развале, и не только* о неумении воспользо-

* «И не только» вписано над строкой.

ваться благами, но еще об искусстве растоптать эти блага. «Могли бы жить все под золотыми крышами». А вот «глупость, злоба, самолюбие». Цитаты из Некрасова. Поговорили о «кривой», которая вывозит, раскланялись да разошлись.

Вчера был в Москве. Неуютно и скорее хочется в могилу, на вечный покой.

Виктор, кажется, долетел до Нью-Йорка.

Узкое 28 июля

Грустно, тревожно и бесперспективно. «Узкое», лето скоро кончается и si comencia l'avventura*. Здесь я работал. «Возражения Прингсгейму», «Ночезрительная труба Ломоносова»[1], но никакого удовлетворения. Кажусь себе таким маленьким. Но не это главное. Смотрю на облака, деревья, умирающих стариков, исчезающие государства и так ясна эфемерность всего, и вот руки опускаются.

Отдыха мало. Каждый день художник С.Ф. Соколов, мучительные пустопорожние разговоры часа 3 и для него, и для меня. Вчера С.Г. Суворов из ЦК. Академия, совсем не ясно, что это такое, и должна ли она существовать.

Вчера заложенные уши. Врачи. Чувствую, как старею. Неужели перед смертью не удастся сделать большего.

6 августа, Узкое

Семь лет[1]. Тогдашний обморок в Узком после прогулки в лес. Вчера был у Л.П. Берия: Капица. Трагическое дело[2].

Дожди. Каждый день езжу в Москву. Сегодня также. Послезавтра надо возвращаться. Мир стал серым и грустным. Разуверился вполне в себе самом. Все мои работы с какими-то дырами, ошибками, которые не замечал, как слепой. Как у Ломоносова.

7 августа, Узкое

Завтра возвращаемся в Москву. Впрочем, каждый день езжу в Москву. Сегодня грустная прогулка с Олюшкой, серые дождливые тучи, холодно. Вспомнились прогулки в «Железе» в 1939 г. после 6 августа[1].

Только что прочел трагическую историю Геркуланума и Помпеи Conte Corti. Так ясна бессмысленность бытия с личной точки зрения. Нужно величайшее открытие какой-то мировой души, бога, чтобы поддерживать жизнь в таких, как я. Ясен фантом вещей, людей. Все кратковременные сочетания, как во сне. Не нужно самолюбия, не нужно «я». Что же остается[?]. Погибающие рано или поздно атомы, электроны, постоянное «все», энергия? Это так пусто и бессодержательно.

Кажется, что в философском отношении атомизм – коренная ошибка. Не «все» из атомов, а наоборот, атомы из «всего», и у нас ни малейшего представления о сущности и смысле сознания. Как будто бы это никогда не узнаем? Так ли? И не на этом ли пути важнейшее открытие, нужное людям,

---

* Начинается приключение (*ит.*).

как воздух. С ним можно будет жить и умирать. Люди только всегда желали этого. Может быть, это можно и сделать? А жить так... Не хватает воли для передвижения ноги. И нужен непрерывный опиум «дел», дел московских, чтобы забыть об этом.

Но ведь есть что[-то] живое, свое в зеленом лесу, и так хорошо бы здесь незаметно асимптотически умереть. Как жаль, что не умер тогда зимой 1941 г. в Йошкар-Оле.

Москва, 12 авг[уста]. Понед[ельник]

Из «Узкого» вернулись 8-го вечером. Сразу звонок в «вертушку», академическая вермишель, голова кружится. Преследу[ю]щее чувство временности, неустойчивости всего. Кроме того, сознание своей Minderw[e]rtigkeit*. Нет большого хорошего, своего крюка, за который мог бы держаться последние годы жизни. Люди тоже кругом средние. «И некому руку подать»[1].

Вчера с утра Звенигород: «Поречье», «Мозжинка», «Егерево». Печальные трехсотлетние березы на тракте у монастыря, отживающие свой век. Последние дубы, видавшие Савву Звенигородского[2]. Неубранные на полях и дорогах пулеметные бетонные гнезда. Родной и свой лес, в который тянет, и чувствуешь в нем «настоящее». Разваливающееся «Поречье», которое никак не могут привести в порядок. Егерево с дачей на песчаном обрыве, вернее, с археологическими остатками дачи, как в Помпее.

Хочется остаться на месяцы без людей, с одной Олюшкой, с книгами, лабораторией и своей головой. Чувство обреченности.

Москва, 18 авг[уста] (Воскр[есенье])

Как хотелось бы написать хотя бы одну веселую страницу!

Все назойливее в «мысленных экспериментых» встает фигура вроде Anthony Adverse[1], родившегося неизвестно где и носящего в своих генах смешение разнообразных национальностей, классов*, без Бога, доброго, умного, просматривающего все насквозь. Такому нужен «смысл» существования, который никак не может определиться «любовью», «родными» (которых нет), «родиной» (которая неизвестна), «родом, племенем» (которые неопределенны), «классом» (который меняется). Остается – Бог, или человек → Бог, совершенствующий, преодолевающий естественные границы, заглядывающий в самое нутро природы, перелетающий на другие созвездия, повелевающий звездами, становящийся постепенно – всемогущим, всеведующим, вездесущим! Это – единственная задача, в разрешении которой (если цепь не оборвется) будут участвовать тысячи поколений, конечно, со мной никак не связанных. Внять голосу этого будущего Бога – прокладывать ему дорогу, в этом и смысл бытия. А отсюда – все прочее.

Снится мама, то в гробу, то живая, но с последними следами жизни.

---

* Неполноценность (*нем.*).

* Слово «классов» вписано над строкой.

Записывать, что за неделю? Так много. Скверное – «Вдовы», Н.В. Комарова с жалобой, что «забывают» В.Л., К.А. Морозова, желающая пользоваться его имением, лошадьми и посевом, дочка Гамалеи, желающая вылечить 90-летнего старика, чтобы проехаться в Париж. Страшная история Капицы[2]. Тупорылый Курочкин. «Розарий» у Цицына[2*]. Стройка на Миуссах. Так хочется многое сделать и так мало времени [и] сил. Рвут, ловят «записочки».

Ленинград, 25 августа (Воскр[есенье])

Чувство такое, как будто бы заглянул во что-то очень прошлое – не был здесь 2 1/2 месяца. Иной воздух, иная погода, иная эпоха и сам в своей квартире – иной.

Заснувшие на полках, в шкафах книги, предметы. Чувство тихой, спокойной, уютной могилы. Почему-то вспоминается кладбище Волково, Смоленское, Александро-Невское. Это чувство начинается с Любани.

Москва с тропической жарой, пылью и людской жутью. Через неделю туда надо возвращаться.

С Олюшкой ездили по книжным и антикварным магазинам. Езда на машине времени. Картины голландцев, философы, Леонардо.

Хочется в последние годы жизни оставить на земле что-то людям для «эволюции», и в этом городе со сфинксами, Петром и Исакием это легче сделать, чем в Москве. Угнетает оскудение моего творческого научного потенциала и иногда обнаруживаю какие-то нелепые «слепые пятна».

Хочется прорвать какие-то завесы напоследок, увидеть то, чего не видел никто, и передать это людям, а силы слабнут. И «человеческое», все постепенно отпадает. Материализм. Скептицизм. Один, один.

Л[енин]гр[ад], 26 авг[уста]. Утро. Понед[ельник]

Такое пустое настроение осеннего кладбища. Тяжелые дождливые облака. Тени в комнатах. Оставлены[е] комнаты без людей. Вчера разговоры о Николае, и весь город с его стариной – невская Венеция.

Л[енин]гр[ад], 30 августа

Все дни густое облачное грязное небо, то с дождем, то без дождя, темнозеленая разросшаяся зелень на Менделеевской л[инии]. Каменные плиты тротуаров. Кой-где неубранные амбразуры. Вчера – Пулково и Ц[арское] Село. Быстрый геологический разрез через историю: Петр, Елизавета и пр[очие], модерн Александровского дворца времен Николая II, советское время. Немцы, испанцы. Вчера в подвалах Александровского Дворца нашли испанский молитвенник (Madrid, 1942) для солдат. На стенах огромные самоувеков[е]чивающие надписи каких-то прятавшихся испанцев. Дом Энгельгардта около Лицея. Все проходит, проходит, и эта тонкая ария тихой смерти, как колыбельная песня всюду здесь. От этого чувства никак избавиться не могу.

[2*] Правильно: Цицин.

И люди, которые как будто совсем иные в Москве, здесь становятся тенями странного острова Мертвых. Может быть, эта тишина Биржевой л[инии] и всего этого конца В[асильевского] О[строва] влияет? Кто знает. Это совсем не логика, а неотвязная интуиция.

Здесь словно завернулся одеялом и спрятался от мира на несколько часов. Хотелось бы умереть мне в Питере и здесь в здешних болотах хорониться.

Л[енин]гр[ад], 1 сентября

Сегодня обратно в Москву. Мучительно. Вчера вечером прибежала Мария Абрам[овна] Линник с новостями и сплетнями о Иоффе, о Капице в Томске, о заметке в Mathematical reviews относительно Мальцова[*].

Опять «петербургское небо слезилось дождем»[1] и квартира на Биржевой л[инии] кажется своим, родным телом, с моим старым письменным столом, осколком шрап[н]ели, разорвавшейся в декабре 1905 г. на Пресне и чуть не убившей мать, со старыми книгами, которых не видел лет 35, с дневниками, тишиной, памятью о блокаде.

Жить для мира, для всех надо не только на 75 процентов, как у меня было до сих пор, но на все сто. Самого себя надо полностью в себе истребить. Тогда, вероятно, будет легко прожить оставшиеся годы.

Собираюсь на Александро-Невское кладбище, на могилу отца. Минувшее все бледнеет, гаснет, становится схематичнее.

Затребовал из БАН книжку Л.Н. «Этюды», которую читал в 1915 г. зимой в Замирье, на войне. Около каждой книги, предмета, открытки кристаллы воспоминаний, которые уйдут со мной.

Мир таинственен и, очевидно, мы знаем только то, что нам следует знать по биологическим соображениям.

Впереди – Москва.

Москва, 3 сентября

Сегодня – праздник, конец войны[1]. Вернулись вчера. Высохшая, желтозеленая листва. Море бумаги. Основные академические дела совсем не движутся.

Сейчас поеду с Олюшкой на московское кладбище, к матушке. В голове пусто и тревожно.

Два кладбища, Александро-Невское и Ваганьковское, Петербург и Москва. Мрачная темная зелень, заросший канал, черный мрамор, петербургская мистика, смешанная с виц-мундиром: «сын протоиерея Никольского всея артиллерии собора». Здесь призрак старой Москвы, жуликоватой даже у могил, все посветлее, попроще. Стало, конечно, страшно грустно, слезы навертывались, а вместе с тем спокойствие. Как это просто. Исчезают памятники, могилы – ничего. Как облако бесследно расходящееся. Или ошибаюсь?

---

[*] Правильно: Мальцев.

Далеко от Хеопса люди не ушли в желании сохранить могилы. А не проще бы полное ничто. Тела – больше нет. А вместо этого странные парки концентрированного горя и фанаберии даже за гробом.

8 сентября, Москва

Грязно-зеленые, сгоревшие летом и теперь осенне желтеющие листья московских тополей за окном. Осенняя погода.

Последние дни почему-то очень тяжело. Запутываюсь в громаде академической машины. Неимоверное количество задач.

Мало настоящих людей. Путаница и неразбериха условий. С тревожным сердцем уезжаю на работу, с не меньшей тревогой и неудовлетворенностью возвращаюсь. Нет свежего творческого научного порыва в голове. Усталость. Скольжу по научным журналам. Организационные разговоры. По утрам читаю «Этюды» Л.Н. (в первый раз читал в Замирье в 1915 г.). Навевание идеалистических психо-снов. А на самом деле материалистическая основа всего ясна совсем и навсегда. Даже говорить и лепетать об этом не хочется. Убегают в пове[р]хностные аналогии. Прячут голову от действительности в собственное оперение. Ключ к правильным философским выводам, по-видимому, надо искать в биологии, в эволюционной лестнице. Все иные пути – попытка вытаскивать самого себя за волосы из болота.

15 сентября, Москва

Ясное чувство свиста пролетающего времени. Старею сам. Все основные родные умерли. На столе в урановом стекле вянут розы. Дома, словно в номере гостиницы, из которого скоро надо уезжать. И в этом непрерывном изменении остающееся, странное «я», объединяющее неизвестно что. Конечно, во «мне» все атомы переменились с тех пор, как в 1896 г. была Ходынка, которую я отчетливо пом[н]ю сейчас. Эта уверенность в том, что «я» – тот же и определяет все радости и невзгоды. И вот придет смерть, постоянно изменявшееся и остающееся «я» – кончается? Давно уже подозреваю, что «я» и сознание – биологический фокус природы «для организации материи в целях эволюции». Но как это происходит? И не слишком ли мучителен такой фокус природы?

События? Надвигающаяся осень. Бесконечная мозаика академических и институтских дел. Иной раз как рыба об лед. Помещения, деньги. Мало науки. Смерти – раздавленный сын Д.Н. Прянишникова[1]. Бои на мирной конференции. Две демократии. Усталость. Отсутствие творческих мыслей.

22 сентября, Москва (Воскр[есенье])

Назад на машине времени. Письмо от Бориса Васильева, которого не видал больше 35 лет. А с ним связаны светлые детские воспоминания, Гусева Полоса[1], сидение на опушке на скамейке, философически[е] прогулки по лесу. Первое пробуждение естественника и философа. Так я хотел, чтобы

Боря стал постоянным товарищем и другом, ничего не вышло*. Теперь на старости должен с ним встретиться. Вероятно, будет жестокое разочарование: «О витязь, то была Наина!»[2]

Как это странно «Что прошло, то будет мило»[3]. Даже самые грустные, страшные моменты жизни в обратной перспективе приобретают элегическую красоту.

В Академии трудно и, главное, за трудностями с помещениями, стройкой, штатами, деньгами, предвыборными интригами и грязью заволакивается туманом наука.

Анализ ничего не оставил от «я». Это лучше. И все-таки не знаю, как жить после того, как все маяки оказались блуждающими огнями, рули поломаны и ладья летит просто по законам природы. Сознание становится бесстрастным и беспомощным свидетелем этого странного процесса.

26 сентября, Москва

Был Боря Васильев. Действительно, на два часа ездил назад на машине времени в старину, на Пресню. Удивительно, то же лицо, только облысел. Словно какой-то живой элексир в душу попал, хотя Боря корректен, reservé*, никаких чувств и сантиментальностей. А я забыл и о президентстве, и прочем. – «Жива душа моя». Хотя ему 57 лет.

27 сентября, Москва

Встреча с Борей не идет с головы. Словно небытие стало бытием. Оглянулся на какое-то таинственное зеркало и увидал, что мой мир живет еще и в другой голове. Давно не было такого сильного чувства. И, главное, с этим умирать будет куда легче.

Сегодня в Нескучном визит Mr. Prilty, рыжего, лысого, красного, из Пиквикского клуба.

Разговор со Скобельцыным. План лаборатории. Хлопоты о Викторе. Смерть Веденеева. У Тани Ипатьевой умер годовалый ребенок[1].

29 сент[ября]. Москва. Воскр[есенье]

Из Лондона по радио* – орган. На стене St. Cecilia Domenichino играет на виолончели. Светит осеннее солнце в окно. Воспоминание о встрече с Борей. Короткий момент не радо[с]ти, но душевного покоя, более всего нужного, с этим покоем – легко умирать под музыку органа. Мгновение резонанса сознания и бытия.

---

* Слова «ничего не вышло» вписаны над строкой.

* Сдержанный (*фр.*).

* У Вавилова «радiо».

2 окт[ября]. Москва

Собираюсь сегодня с Олюшкой в Л[енин]гр[ад]. Фон мыслей попрежнему связан с «платоновским» миром воспоминаний, ставшими совсем реальными с появлением Бори Васильева. Просто чудо.

Вчера президиум – с и[нститут]ом экономики, «Природой», «Наукой и жизнью», дипломатическим единогласием с Лысенкой. Депутатский прием с несчастием и безысходностью.

4 окт[ября]. Ленинград

Приехали вчера с толпою: Зубов, Скобельцыны, Грековы. Остановившаяся мысль. Механические слова.

Здесь суетня, какие-то доклады, квартиры. Золотят куполы Исакия. Красивые осенние деревья, несмотря на мороз.

Разбираю старые дневники, негативы. Нашел записи 1909 г. о Б. Васильеве.

На душе неуютно, тревожно.

5 октября Л[енин]гр[ад] (1-й час ночи)

Утром в Опт[ическом] И[нститу]те мой доклад «Фотолюминесценция и термодинамика»[1]. Оказался на редкость удачным. Во время самого процесса доклада многое прояснилось, что ранее казалось непонятным.

Потом – план на 1947 г. и «пятилетка».

В Академии – обнаглевшие академические вдовы, требующие себе благ земных.

Зоологический музей – в котором был 40 лет назад с Ив[аном] Евсеевичем [Евсеевым]. Затвердевший трафарет. Старики-систематики с чучелами. Совсем не в моем стиле наука.

Визит в Мариинский дворец на Исакиевской площади (к Лазутину). Через дворцовые окна штаке[н]шнейдеровской роскоши площадь – как салон с серо-черным и заново позолоченным Исакием, с памятником Никола[ю] I, покрытым зеленой патиной блокады, со зданием ВИР'а[2], б[ывшим] немецким посольством. Питер, старый Питер – остался твой царственный скелет. И опять как надежда совсем живой образ прошлого через Бориса. Себя чувствую преходящим, тающим облаком, которому скоро предстоит навсегда исчезнуть с воспоминаниями, с памятью. Платоновские идеи.

6 окт[ября]. Л[енин]гр[ад]. (Воскр[есенье])

Все время на людях. Эрмитаж с новыми французскими залами в роскоши и легкости гобеленов. Старое физическое барахло.

Потом* академическая лавка на Литейном, комиссионный магазин. Покупал бронзовые часы для Москвы.

Обед с Грековыми и Зубовым. Пустопорожний. А потом усталость и пустая голова.

---

* У Вавилова «потому».

9 окт[ября]. Л[енин]гр[ад]

Надо обратно сегодня. Juif errant*. Нигде покоя. Туго набитые дни, страшная усталость и издерганность. В понедельник утром семинар в ГОИ. (Свешников, наши работы о тушении посторонними веществами, воспроизведение их Дебаем и американцами). Потом – поездка, несчастный «Дворец Советов» на Московском шоссе – 60 000 кв. метров. 150 артиллерийских попаданий и при новом плане города полная бессмысленность. Предлагают Академии. Потом Пулково со строителями – жуликами поневоле. Царское – Юсуповское «шале» в стиле кафе-шантанного рококо, где собираемся устраивать в будущем дом отдыха. Конечно разбитое, разоренное донельзя. Солнце, холод, последние осенние запах[и], ковер кленовых желтых листьев. Кладбище.

Вечером визит к П.С. Попкову по академическим делам. Здесь не торопятся, разговорчивые. Провинция.

Вчера утром – Опт[ический] и[нститу]т. Вроде телефонного автомата: должен без промедления отвечать на какие угодно желания и вопросы. Одурел. Брумберг[2*] [–] самоиндукция собственной гениальности. Нехорошо. Потом архив. Строители. Депутатский прием. Трубочист, напустивший дыма в президентский кабинет – XVIII век! Потом ньютоновский доклад в большом конференц-зале[1]. Дергание. Валюсь с ног. Сегодня тоже целая программа и надо ехать. Исчезает человек, остается скверная автоматическая машина.

13 окт[ября]. Москва. Воскр[есенье]

Снег. Дома натоплено. Простуда. Тяжелая голова. Ездил за книгами. За обедом Веснины, рассказы о Карлсбаде и Праге. На столах интересные книги, но когда же их прочесть? Москва, как всегда после Питера, непереносима.

20 окт[ября]. Москва

Неделя заседаний, усталости. Вечное чувство, что перед кем-то виноват. А главное, проблема духа, сознания. Ясно начинаю чувствовать духовный обман, закрывающий атомы, ядра, молекулы etc. Или наоборот? Все же никто ничего не знает. Это – последняя истина.

Пишу дурацкую, никому не нужную статью, от которой голова гораздо больше пухнет, чем от настоящего дела. Опять много хороших книг. Опять болит голова и никакой ясности.

27 октября, Воскр[есенье]. Москва

Время свистит мимо. Еще неделя. И ни одного часа удовлетворения. Все не то. Бесконечная мозаика академических дел. Если бы мог я «бытописательствовать», заполнил бы толстые тетради фактами, сплетнями, анекдотами. Все это на тревожном фоне теперешней международной кухни. Жизнь на вулкане из атомных бомб и «многого другого».

---

* Вечный жид (*фр.*).

[2*] Далее зачеркнутые буквы «инд».

Фиксировать выводы, «философию» так трудно. Все это ускользает почти сразу же, как появляется. Агностицизм? Как это удивительно, что наука осторожно обходит сознание и все с ним связанное. Психология – разве это наука, в теперешнем ее виде? Атомы, волны. Далеко это не все.

Для себя ясно одно. Спокойная подготовка к концу. Ничто не постоянно. Картины, атомы, электроны, человек, только «т» разное[1]. Сознание биологически ловко придумано, как нечто будто бы абсолютное. Природа «надувает» живое.

⟨...⟩*

6 ноября. Москва

Дни, наполненные «делами», заседаниями, писаниями статей для газет. Я похож совсем на телефонный автомат, а в итоге тяжкая неудовлетворенность. Свое творчество нужно как воздух, без него все теряет смысл.

Иногда, урывками, упрямые мысли об «я». Ощущение обязательно требует «я». И всякий «рудимент», или что-нибудь похожее должно имет[ь] похожее на «я». Если по Эпикуру, Лукрецию, Бору и прочим нечто похожее на ощущение есть в любом атом[е], ergo*. «Аннигиляция» атома [–] переход в свет. Что с сознанием? Das unbegreifliche hier ist getan[2*].

2-го ноября опять был Боря Васильев. Он, по-видимому, еще не понимает, что значит его «воскресение» для меня. Мир получил какую-то душу. Он сжимается, боится, по-видимому, попасть в шутовское положение чеховского тонкого перед толстым, ставшим тайным советником. Только за столом как-то раз взглянули друг на друга и, по-видимому, он многое понял.

Сегодня Большой Театр. Речь Жданова[1]. Сижу усталый, в прострации.

8 ноября. Москва

Дома. От непривычки болит голова и тошнит. Не умею я писать «по-житейски» и, вероятно, не смогу написать мемуаров, если и попытаюсь. Выйдет полу-философское что-нибудь. А быта, анекдотов для мемуаров сколько угодно. Вчера – парад на Кр[асной] площади с глинковским «Славься», который исполнял духовой оркестр солдат в тысячу. А на конец страшные зеленые танки, закрывшие черным дизельным дымом всю площадь. Вечером «прием» на Спиридоновке у Деканозова[1] за отсутствием прочего начальства. Английские генералы в великолепных красных шотландских мундирах. Кто-то в голубых. Египтяне в фесках. Длинный концерт ни к чему с медвежьим рыганием Михайлова[2] и барабанным боем модных пианистов. Очень скудное «a la fourchette»*, вокруг которого началась борьба фесок, мундиров и пр.

Но все это как картинка, перевернул, и исчезло из головы. Главное – неясные мысли, попытки прыгнуть выше самого себя. Вывод грустный, в области философии люди, по-видимому, ни за что не зацепились и едва ли можно за что зацепиться. Зацепилась только наука, но она совсем не касается пока

---

* Конец страницы – примерно 6 см – отрезан.

* Следовательно (*лат.*).

2* Здесь исполнено это непостижимое (*нем.*).

* «А ля фуршет» (*фр.*).

сознания. Неужели же нельзя создать настоящей психологии, непедагогического типа?

10 ноября. Москва

Половина девятого утра. Воскресенье, но рабочее. В окно ноябрьский сумрак. Бедная Олюшка мучится со своей больной головой. В комнатах нездорово тепло. Тяжелая голова. Предстоят «заседания» – обычное колесо. Все неясно. На стене Св[ятая] Цицилия Доменикино. Приглушенное радио. Тяжело и без перспективы. Виктор страждет в Нью-Йорке. (Моментальная фотография.)

18 ноября. Москва (Понед[ельник])

[С]наружи все вертится, а заглянуть в себя самого некогда. Отвратительная суетня с выборами[1]. Перманентные заседания: малого президиума, экспертной комиссии, у меня дома в субботу (биологи с Лысенкой), Ц.К. Лучше и прямее всего в Ц.К., комиссия Жданова.

В ВАК скандал Ноздрева-Акулова, Беленького и Иваненко. Не выдержал я, ушел с заседания. Похороны Бурденко. Его необычайно назойливая и настойчивая вдова Мария Эмильевна, штурмовавшая вчера квартиру с намерением «поговорить в тишине». Юбилей Бруевича с «Царским Селом» Бенуа[2]. В газетах именуюсь «главой советской науки». Глупое издевательство или сервилизм. Наука тем и хороша, что ни в какой общей голове не нуждается, нужна только своя собственная глава на плечах. Противно. Виктор еще не возвращается. Олюшка все время в нервозном волнении. А во мне, повторяю, ничего не прибавилось.

22 ноября. Москва (Четв[ерг])
Утро

Мороз 18°, иней, солнце в тумане. Через 10 минут надо в «рыдван» – неуклюжий ЗИС 110 и si commincia l'av[v]entura[*].

Последние дни у меня особенно тяжкие. «Выборы в Академию». Часов ежедневно[2*] пустопорожние разговоры с людьми, в Нескучном, на квартире, в Ц.К. Чувствую, как обрастаю лакированной коркой и превращаюсь в живой автомат. В голову ничто не прибывает, голова вроде центральной станции автоматического телефона. Таких автоматических людей пропасть, кругом, и это совсем не соблазнительно. Жить так меньше всего стоит. Только иногда удастся поймать по радио Гайдна или Баха и несколько минут живешь человеком. Боже мой, когда же это кончится и как избежать этой автоматизации?

Сегодня вернулся из Ц.К. в 3-ем ч[асу] утра. На квартире милиционер ломом закрыл железную калитку и я уподобился Нине из «Ж[изни] з[а] Ц[аря]»[1], стучал в дверь в «енотах», пока наконец Олюшка не отворила.

---

[*] Начинаются приключения (*ит.*).
[2*] Так у Вавилова.

24 ноября, Москва (Воскр[есенье])

Из Англии по радио Гендель. Самое тяжелое в том, что даже грусть кажется искусственной, выдуманной все тем же искусственным «я». И обращенным только к нему же. Остается просто отвратительная боль, а не меланхолия и грусть. Саморазоблачение. Но как всегда ясен заколдованный круг попытки выпрыгнуть из себя самого. И остается покорный агностицизм: «мы люди темные».

Каждый день в нижней квартире совещания с академиками по отделениям по поводу выборов. Картина грустная, в основном средние бесталанные люди, знающие свой участок, и уже совсем не Фаусты или Прометеи, просто Вагнеры среднего сорта[1].

Оторванное от людей искусство: музыка Генделя по радио из Лондона. На стене Доменикино (или старая копия с него), написанная лет 300 тому назад. Sant[a] Cecilia. В нем какие-то летающие идеи Платона, обнаруживаемые при встрече с резонирующим человеком.

1 декабря, Москва

Вне: сессия Академии, выборы со всеми дрязгами (пощечина Колмогорова, Лузина[*, 1], истерика с Артоболевским), каждый день головные боли. Вернулся Виктор из Нью-Йорка, но уже уехал в Л[енин]гр[ад]. На меня он очень мало похож, совсем по-другому реагирует на все, а открывшийся целый мир как будто бы так и надо. Сегодня для сессии в Большом Театре «Шопениана» и «Жизель». Уланова действительно воплощенная душа, психея в балете.

А внутри: отрыв сознания от жизни.

8 декабря. Москва. Воскр[есенье]

Очень тяжело отсутствие творчества. Странные головные боли. Прострация после выборной сессии с ее противной людской борьбой. Завтра[*] в Ленинград. Но там опять дергание и так без конца.

Прочел биографию Дягилева[1]. Как странно! Появился, исчез и огромный след культурный. Новый пример временных функций сознания. Сделал свое дело, можешь исчезать.

А в целом: тяжело, грустно, тревожно и апатия безо всякого творческого подъема. Обращаюсь в живую куклу.

10 декабря, Ленинград

Вечером в воскресенье поссорился с Олюшкой по глупейшему пустому делу. У Олюшки странная головная боль. У меня совершенно истерическое состояние. Этого еще не хватало.

---

[*] Так у Вавилова.

[*] Слово «завтра» написано дважды.

Приехал в Л[енин]гр[ад] один. Головная боль. Тяжелое чувство, и город не действует как бывало. Виктор с молодой женой. Желаю им счастья.

Блокадный Питер куда-то улетел.

Романтика пейзажа на Невке.

15 декабря, Ленинград, Воскр[есенье]

Олюшка приехала и все успокоилось. В Питере как в Нирване. Библиотека, архив: ларец* с вензелями Екатерины Второй со странными подарками Академии (дамские перчатки, чулки, подушка[2*, 1] и итальянская книжка о раковинах в разукрашенном переплете). Семинары в ГОИ. Каплан-Ингель со всякими портретами и бюстами[2]. Бесснежный мороз. Зимняя засуха. Сегодня на деревьях иней, и город такой красивый. Книжные лавки. На Невском в комиссионном магазине: не то старая копия с Гольбейна, не то сам Гольбейн за 200 руб.[,] какой-то деревенский пейзаж венециановских времен. Нет гостей. Пауза. Антракт перед Москвой.

Дома: молодые, я себя вдруг почувствовал настоящим стариком. На Литейном с Олюшкой сегодня были в Некрасовской квартире. Из окна – «парадный подъезд». Бороды шестидесятников, карикатура искры. Странная еще непонятная эпоха.

А в себе: по-прежнему чувство, что мало сделал, мало значу, что «ворона в павлиньих перьях» и тоска о мыслях, о глубокой работе. Хочется напоследок сделать что-то остающееся для людей. А так страшный атеизм и бездушие себя самого и мира и в лучшем случае: нельзя прыгнуть выше себя самого.

Кабинет с Коллеонни[3], глубоким креслом, книгами – почти небытие.

Ленинград, 17 дек[абря]. Вторник

Сегодня обратно. Еду один. Олюшка остается. Вчера депутатское выступление, «лебединая песня» на В[асильевском] О[строве]. Скоро новые выборы, и я перестану быть в[асилье]о[стровским] депутатом[1].

Меланхолия непреходящая. И днем, и ночью. По утрам каждый день в Опт[ическом] И[нститу]те. Люди тихо работают, куда лучше, чем в Москве, но очень большого ни у кого. Думаю о русской науке и о русских людях.

Тупая головная боль. Умер Г.Н. Неу[й]мин, дир[ектор] Пулковской обсерватории.

Как всегда, грустно уезжать из города. Здесь же остается Олюшка, Виктор. Душа ищет широты и истины, которая, по-видимому, совсем невозможна.

Москва, 18 дек[абря]

В дороге с И.В. Зубовым. По приезде скоро Кремль по поводу сталинских премий. Министры в антишамбрах*. Разговор a part[2*] с Вознесенским по поводу кандидатов для поездки в Индию.

---

* Слово «ларец» вписано над зачеркнутым словом «ящик».

[2*] Возможно, «подушки».

* Передняя (*фр.*) (*устар.*).

[2*] Отдельно (*фр.*).

На столе какой-то профессор, или патер гольбейновской школы. Настоящая притягивающая старина. Груда интересных книг на столе. Беспомощность, и главное, отсутствие большой идеи. Это угнетает больше всего. Ясно чувствую, что живу на конце и хотелось бы выглянуть в окошко. Сознание (наука!) [–] это окно, через которое природа смотрит на себя самою[3*]. Особенно глубоко, по-видимо[му], не заглянешь, и окно в большинстве случаев (по крайней мере по Эддингтону) на самом деле оказывается зеркалом[1].

Олюшка с Виктором в Ленинграде.

22 дек[абря]. Москва (Воскр[есенье])

Вытащил тетрадь и взялся за науку почти автоматически. Не думая сохранить моментальную фото[графию] с души.

Тупая головная боль. Недовольство самим собой. Отсутствие и невозможность настоящей большой научной работы, «взрывающей подземные ключи». Каждый день силы тратятся, дробятся на бесконечную и безумную мозаику. И все время чувство времени, просвистывающего мимо вихрем.

Один. Олюшка и Виктор в Ленинграде. Один на этом пике, на котором так холодно, так много видно и так безнадежно. Постепенно сваливаются все обманывавшие оболочки, как чешуйки с луковицы, но, увы, помимо них, по-видимому, ничего нет. Или так кажется?

За окном голые деревья, 5° мороза, мало снега и безотрадная Москва.

24 дек[абря]. Москва

В радио со всего мира – сочельник, а здесь ничего. По-прежнему один.

Сегодня в Доме учены[х] на конференции истории науки читал «Ночезрительную трубу Ломоносова»[1].

Самая простая мысль: через пятьдесят лет «я» будущего философа и физика будет намного умнее теперешнего. Мое собственное «я» сорок лет тому назад и теперь – небо и земля. Что же остается? Ни души, ни тела. «Я» – совершенная фикция, ловко «придуманная» природой для эволюционных целей.

25 дек[абря]. Москва, утро

Воображение. Призраки. Радио из Англии, рождественские гимны, колокола, орган. Здесь ничего. Помню старое московское рождество лет 40 назад. Оно было во всех и на всем – явление природы. Где же граница между этими призраками и реальностью? Впереди тяжелый день и так нужен просвет. Он возможен только на пути творчества. А уж какое тут творчество.

29 дек[абря]. Москва, Воскр[есенье]

Воскресенье – рабочее. Зарабатывают праздник – Новый Год. Устал и превратился в очень плохую машину без всего оригинального и только мечтающего о творчестве.

[3*] Сначала было написано «саму», затем исправлено на «самою».

Кругом интересные книги. Но видит око[, да] зуб неймет.

Завтра, по-видимому, буду вызываться начальством.

Читаю об иезуитах[1]. Это поразительно. Вера с дисциплиной делали чудеса.

30 дек[абря]. В поезде около Клина

Еду на 1 1/2 дня. В вагоне почти полный мрак. Но вот сейчас вдруг появился свет. Не нахожу покоя ни в Москве, ни в Питере. Так ясна эфемерность. Спектакль, декорации, актерство. А есть ли что-нибудь настоящее? Порой кажется, что все: Платон, Эвклид, Декарт, Менделеев, Эйнштейн [–] только «детали». Главного, самого интересного, касающегося сознания не понял никто. И можно ли вообще понять? Я потерял платформу и все время в неустойчивом полете. Отсюда недалеко до сумасшествия, а после этого в сущности кончается все. Человек – только «в своем уме».

Один в купе. В соседнем купе голоса пьяных генералов и адмиралов. Клин. Тени Чайковского, Блока, немцев. Неужели память, история только отбросы, а нужно только «сейчас»?

Да, невесело быть человеком, выскочившим из орбиты.

31 дек[абря]. Ленинград 7 ч. веч.

Первый день за два года – сбежал, не заходя в «присутствие».

Уютный, провинциальный теперешний Питер. Народа мало на Невском и в магазинах немного. Наконец начался снег. Под городом совсем голо.

Ходил с Виктором по комиссионным магазинам и книжным лавкам. Покупал всякую чепуху.

Сижу сейчас на мягком старом зеленом кресле, и прошедший год в полном тумане. Как-то ничего не осталось. Только общий грустный вывод о временности всего. Мир из кусочков, атомов, электроно[в], нейтронов, сочетание которых, по Демокриту и Эпикуру, дает звезды, людей, понемножку разваливающихся и потом опять возникающих, как в детских игрушках вроде «⟨нрзб.⟩». Так ли это, или может быть еще хуже, ничто не повторяется. «Я» – фиктивный абсолют, будто бы всегда остающийся. Конечно, это надувательство природы. По-видимому, все летит, все меняется и остающегося нет ничего (вероятно, даже энергия, заряд и пр.). Это, по-видимому, основной вывод философии 1946 г.

Завтра опять в Москву.

Мои итоги? Очень мало работы. Много усталости. Ничего большого, удовлетворяющего меня самого. Оторванность от настоящего творчества и стремление к нему больше, чем раньше.

Помог ли другим[?] Много копеечной лести, глупого злопыхательства, и где же она, правда[?] То же улетающее облако, которого, может быть, и не было, нет. «Что есть истина?» Этим пилатовским вопросом и кончу.

1947

1 января (среда). Ленинград

30 лет тому назад ровно вернулся в Луцк из отпуска. В Питере только что на Мойке убили Распутина[1], и было ясно, что Россия перед грозой.

Отгремело тридцать лет этой грозы, больше полжизни, гроза не унялась. Повергнуты все прежние кумиры. Совсем другое, другие люди, другие идеалы и надежды.

У меня ясное чувство, что основное, главное в моей жизни прожито. Доживаю остатки. Кажется (по-видимому, это ошибка), что достигнута страшная рентгеновская ясность, что будто бы понял все, что понять можно. Вернее – агностицизм. По-прежнему непонятен «фокус» сознания. Но строить действительно научную психологию, по-видимому, безнадежно. Надо делать и сделать возможно больше. В этом единственный смысл оставшейся жизни. Выпрямить Академию, разбудить в ней гений и действительно сделать из нее русскую научную голову.

Для себя самого: люминесценция стала казаться мелочью и я еще не нашел новой нити, нового пути для себя. Но необходимо найти. Хоть час в день – в лаборатории, думать, писать, читать. Подвести итоги. Дело есть.

Так ясно теперь на конце 56-го года жизни, что я всегда был «обобщителем» – философом и мой путь где-то между экспериментальной физикой, философией и историей.

Близкие, их так мало настоящих осталось: Олюшка, Виктор, да вот Борис на горизонте.

Мало сил. Страшный релятивизм, отсутствие абсолюта, точки опоры. Усталость. Тени прошло[го]. Мать, Николай, отец, Олег, Лида, Ал[ександра] Ив[ановна], Ив[ан] Евс[еевич].

Хорошо, что начинаю год в Питере. Странный, романтический город с чудным скелетом прошлого, теперешним тихим провинциальным бытом. Никто еще не разобрал, как произошло это превращение «твердыни власти роковой»[2] николаевского, казенного Петербурга в современную романтику, еще более засиявшим после блокады, страшных человеческих утрат и каменных ран. Душа, Психея народа, культура народа только здесь.

Сегодня назад в Москву.

2 января, Москва

Опять [в] Москве. Голова к вечеру почти в обморочном состоянии. Уж не конец ли это[?] Сам не свой. Кругом – вещи, а душа своя – головная тупая боль.

12 янв[аря], Москва, Воскр[есенье]

Происшествия? Странное происшествие с выборами в Верх[овный] Совет УССР. Получил две телеграммы дать согласие выставить мою кандидатуру. Потом оказалось недоразумение. Целую неделю стремился поговорить по телефону с Г.М. Маленковым относительно И[нститу]та 801[1]. Удалось только вчера. Дома совершенно один, прихожу усталый и безо всякого подъема. Угнетают отсутствие творчества и какая-то каждодневная неуверенность за день грядущий. В Академии запутался в вопросах о помещениях и прочем. Прошел год и вся Академия все же не сделала ничего «bahnbrechendes»*. Это жутко. Философия? На днях предстоит экзекуция Г.Ф. Александрова[2]. А у меня безбрежный релятивизм, неизмеримо шире всяких Коперников. Не за что уцепиться.

Кругом очень много несча[с]тных людей, у которых цель [–] уйти от этого несчастья. Развалившиеся дома. Снег. Мороз. Статья в «Discovery» с низкой оценкой нашей науки (1 ноб[елевская] премия на Россию за 50 лет!)[3]

Я бы мог сейчас написать самого страшного «Фауста» на свете. Фауст – это трагедия слишком широкого гипертрофированного сознания.

18 января, Ленинград. Суббота.

Приехал сегодня. Олюшка совсем больна. Был в Опт[ическом] И[нститу]-те. В лаборатории работают хорошо, и мне завидно собственной лаборатории.

Оттепель. Нева оттаяла. В ней отражаются питерские огни. Сияют необычным золотом купола Исакия. Дома страшная жара. Болит голова. Какое-то растерянное состояние. В Москве хирургически оторвался – безд[н]а неоконченных дел. Здесь совсем без идеи. А люди все кажутся – облаками, временно собравшимися – и сам такое же облако. Материализм, доведенный до конца.

В Москве «чистка» Александрова[1]. Сталинский комитет. Столетний юбилей Н.Е. Жуковского[2] – с С. Городецким. В вагоне – сосед, В.П. Савич, воплощенный научный сухарь, собирающий лишаев без всякой мысли. Служака. Чиновник от науки, хотя и хороший чиновник.

19 янв[аря]. Ленинград. Воскр[есенье]

Странное чувство. Все люди как призраки во сне, «облака». «Я» становится мелочью, а с ним все [–] жизнь, вещи. Неужели только и остается, что философия Омара Хайяма.

Сегодня говорил с сыном. Такое все простое. Совершенно мальчишеское и на меня совсем не похожее. Центр – жизнь, а мысли, наука, философия – служба. Потом ездил по книжным и комиссионным магазинам. Странное чувство. Как будто все питерцы начинают понимать суету и призрачность вещей. Громадный Barrochio «Nativita»[1] за 600 руб., прекрасные книги, которые никому не нужны.

---

* Новаторский; пролагающий новый путь; открывающий новую эру (*нем.*).

А голова моя пустая и так хочется заполнить ее большим творческим научным делом. В комнатах невыносимая жара. Болит голова.

22 января. Ленинград

Весь день дома. Корректура биографии Ломоносова[1], отзывы о диссертации Зелинского и Текучева. Вешал «Рождество» Barrochio. Гребенщиковы. Елена Ивановна[2]. Виктор вернулся вечером с охоты из-под Чудова с тетер[е]вом. Завтра надо ехать.

23 янв[аря]. Ленинград. Утро

Грустные рабочие утра. Как всегда, с раннего детства, пронизывающая «рентгеновская», холодная ясность. Вижу насквозь, слетают условности, слова и выступает мороз бытия. В темное питерское утро это еще грустнее. Почему-то мерещатся питерские мокрые кладбища, постепенно пустеющий и спускающийся в провинцию гордый стройный город. Сам себе кажусь совсем бесконечно-малым. Казалось бы, во мне есть основы для какого-то неосуществ[л]енного grand oeuore*. Но нет его, распадается все на бесчисленную мозаику мелочей всякого рода, научных, организационных, бытовых. Одним словом, старые строки, написанные еще в Кельцах 32 года[2*] назад:

Шар земной ничтожный и презренный
Неизменный совершает путь
И оков таинственных вселенной
Не дано навеки разомкнуть.

Люди кажутся без души и все мираж, облака, сон и затем ничего. Это пренеприятная трагедия «я». Вне «я», конечно, все в порядке, но порядок-то ни для кого не нужен.

Обложился книгами Бошковича и о нем. Сегодня с Олюшкой едем.

26 янв[аря]. Москва. Воскр[есенье]

Вернулся в пятницу. Бездонная мозаика дел, в глазах рябит и нет сил справиться. Вчера, конечно, юбилей: Г.М. Кржижановский. Рядом с Н.А. Морозовым. Это добрый восторженный революционер, по-видимому, совсем негодный для революции, но зато живая совесть. Милый, добрый, умный, фантастический и нереальный человек. Вчера вернулся в 2 ч. ночи с юбилея*.

У меня антикварно-книжный ажиотаж. На стене чудесный, отреставрированный Кориным М. Лютер из мастерской Л. Кранаха. В Ленинграде «Nativita» Бароччио Федоричо, «законный» оригинал которого в Мадриде. Опять прорва купленных книг.

Приехал Виктор с молодой женой. Какие-то чудные, американизованные. На улице зима, градусов 15°, а в голове совсем пусто.

Четыре года, как умер Николай.

---

* Большого труда (*фр.*).

[2*] Исправлено, вначале было: «30 ле[т]».

* Строка дописана позднее.

2 февраля, Москва

Полное отсутствие научной свободы. Полностью захвачен паутиной заседаний, «генеральских» советов, академической мозаикой квартир, юбилеев. Совсем машинная жизнь и машинная усталость. Завидую наивным старикам и молодым людям. Противно существовать режиссером, знающим все закулисные секреты и истинную цену происходящего.

Отдыхаю на музыке (радио), на Доменикино и Кранахе на стене – [на]-против. Неужели нельзя вылезти из трясины и последний десяток лет жизни прожить так, что вышел бы настоящий толк для людей.

В доме Виктор с молодой женой Соней.

На улице легкий мороз. А атмосфера московская прокислая, бесталанная, мещанская.

Кругом – книги. Столько книг, которые хотелось бы прочесть. Но в большинстве случаев – разочарование. И нет времени. Муки Тантала.

Вчера – годичное собрание Академии. Опять – «вступительное слово»[1] на тему «папашу надо слушать».

4 февраля, Москва

Вчера совсем неожиданно умер Н.Д. Папалекси. Сегодня похороны. Рядом с Л.И. Мандельштамом. Мерз у могилы. Всем страшно, всем грустно. И не знают, как примирить[ся]. Что-то страшное и вопиющее этот конец «я». Как его понять? Как «разлетание облака»[?] Но тогда весь спектакль ни к чему. Или и надо смотреть как на спектакль (по-видимому, единственно «проводимое» до конца). А другое – «улетевшая душа». Сейчас на кладбище – ни бога, ни души. Бессмысленные камни. И так вот, как всегда на бесчисленных похоронах, никакого решения.

Сегодня годовщина смерти Олега, обрушившегося где-то у Алибека.

Ехал из Академии в «ЗИС»е и казалось, что тоже вот-вот умру, как Папалекси, за шахматами.

А в радио – оперетки. «Прекрасная Елена»[1].

Где же якорь спасения? Почему-то вот только тянет «Лютер» Кранаха на стене. Так жалко его потерять.

5 февраля, Москва

Очень простая истина: сознание не может быть без «я». Но может быть в ней и все дело.

16 февраля, Москва Воскр[есенье]

Мороз (18°). Солнце. Позади нудные дни с лекциями, повторяющими мое старье, с высиживаниями в Нескучном, с постоянным сознание[м] невыполненного. Впереди* то же.

Вчера вечером был Боря Васильев. Элегический туман прошлого. Ясное чувство кончающейся жизни.

---

* У Вавилова «Спереди».

Русская наука. О ней так часто приходится говорить на офиц[иальных] выступлениях всякого рода. Она, конечно, была, есть, и, может быть, в размерах и качествах совсем других, чем теперь. Но действительно ей надо всячески помочь [–] и деньг[ам]и, и всем, и особенно правильным выбором. На одного Ломоносова попадаются десятки Никит Поповых[1]. Надо очень серьезно учиться, выбирать людей и тратить много денег и всего. А делается все в малой степени.

Трудно мне дышать. Болит голова и некогда заглянуть в бездны природы и себя самого. Так вот к смерти и приближаюсь. Апатичное, совсем не вдохновенное состояние.

А Москва – невыносима. Хочется в Питер. Кругом несчастия, нищета.

23 февраля, Москва, Воскр[есенье]

Остановка после тягучей, тяжелой недели. Странные лекции на тему «о вообще», о советской науке, в Кремле в Свердловском зале для служащих Сов[ета] Мин[истров], в Моск[овском] Ком[итете ВКП(б)] для секретарей горкомов. Утомительно и неприятно. Сессия Верх[овного] Совета – бюджет, на скамьях Лихачев, Леонов, ⟨нрзб.⟩. Мелочи и большие дела. Жду вызова в Кремль. Сегодня наконец потеплело. Прощеное воскресенье. Конец масленицы.

Странные головные боли. Усталость и чувство, что не делаю самого для себя главного и интересного. Удастся ли уехать в Ленинград на днях, еще не знаю.

Москва, 28 февраля

По-видимому, сегодня уеду в Л[енин]гр[ад]. Вчера 13 непрерывных заседаний и такая тоска. Полное отсутствие творчества. Сегодня полная усталость. За окном мороз и солнце. В голове нет больших мыслей. Так ясна человеческая служебная роль и полная фикция «я». А для чего служба – неизвестно.

Ленинград, 1 марта

Странное чувство отрыва ото всего и всюду. Как будто бы природа готовит к концу. Смотрю на неубранные на полках книги, их много, читать большинство из них и даже трогать больше не придется. Какая-то отмирающая плоть. Питер, Академия с уходящей стариной.

Сам я растолстел и наконец начинает пропадать то чувство молодости и мальчишества, которое так долго не покидало.

Здесь чистый воздух. Ходят люди наискось через Неву, от Академии к Петру. Этого давно не было. Последние лет 20 Нева по причине заводов и фабрик, выпускающих теплую воду, перестала замерзать. Сейчас следы войны далеко еще не прошли, и Нева замерзла основательно.

Был в Опт[ическом] И[нститу]те. Совсем, совсем иная атмосфера, чем в Москве. Куда же это ближе к науке.

Ленинград, 2 марта, Воскр[есенье]

9 ч. вечера. По телефону отбиваются от Мичуриной-Самойловой, желающей говорить со мною. Ездил с Олюшкой по комиссионным магазинам и книжникам. Удач немного. Стало теплее, в комнате жарко. Завтра обратно в Москву. А так хочется остановиться, на месяц, на полгода. Но все яснее «облачность» «я» и полная подчиненность ветрам. Самое тяжелое – некогда сосредоточиться. Нет настоящего дела, работы.

Ехал по снегу набережной Невки. Почему-то вспоминался старый Петербург, совсем неуютный. В городе остался волшебный, колдовской скелет, а люди бездарны, провинциальны.

Москва, 5 марта

Вернулся вчера. Забыл в ленинградском столе эту книжку и по телефону просил привезти И.В. Зубова. Здесь – сталинский комитет. Уровень работ в большинстве случаев очень невысокий. Меня совсем гнетет мысль о бессили[и] помочь Академии. В США для роста науки «землю роют». Тяжелое чувство. Кончилась война, но какие-то престрашные тучи свинцовые.

Москва, 6 марта. Утро

Надо же когда-нибудь написать о хорошем. Сейчас передо мною синяя стена, на ней в старых золотых рамах Santa Cecilia Domenichino, Лютер – Л. Кранаха, «Фауст» – гравюра псевдо-Рембрандта. Чечилия переливается старинными итальянскими красно-оранжево-желтыми колерами. Лютер и Фауст – немецкая загадка. На этой стене – дух человеческий на самых вершинах. Красота, глубина, ум, история (старина). Человеком себя чувствую. И так хорошо просидеть хоть 10 минут перед этой стеной. А за окном все еще холодно. Идет снег.

Москва, 7 марта. Утро

Вчера в Л[енин]гр[аде] умер А.С. Орлов. Старый московский циник, последний (из тех, кого знаю), понимавший всю остроту и искусство и глубину настоящего русского языка. Ко мне неотвязно привязался образ людей как облачек, собирающихся и разлетающихся. Ничего не было в начале, ничего не осталось в конце. Это страшно, когда думаешь о могилах на Ваганьковом, обо всех, кого знал, с кем жил за 56 лет. Все разлетелось бесследно, как облака. Случайные обрывки памяти, бумаги, письма, портреты. Но все это может сгореть, исчезнуть и ничего! Игра мировой статистики. Из миллиардов случаев кто-нибудь зацепится и перетянет нить к другим мирам и т.д. Цепь* – эволюции. Непонятной.

Заседательство (Стал[инский] комитет). Усталость, меланхолия, холодный, снежный март.

---

* Возможно прочтение «цель».

9 марта, Москва. Воскр[есенье]

Воскресенье. Утро перед походом за книгами. Остановка. Один. Радио – орган. На стене перед глазами то же трио: Лютер, Цецилия, Фауст. Все от земли – неизвестно куда.

Мучительно это дело – на конце жизни сознавать, что «Ich bin Klug als je zuvor»*. Прежнее чувство барона Мюнхгаузена, пытающегося извлекать себя за косу из болота. Знания, понимания даны или развились только в пределах, необходимых для борьбы за существование. Дальше этого не прыгнешь. Тьма, седьмое измерение. Приходится покориться и с этим умирать. Ничего не знаем. Или наоборот, знаем, что ничего?

В Москву съехались Бевин, Маршалл etc.

Пишу статью о люминесценции и длительности[1]. Выходит так длинно и нехорошо.

16 марта, Москва. Воскр[есенье]

Вчера наконец таяло. Сегодня еще не начинало. Над головой протек потолок. За окном серо.

В газетах волна после речи Трумэна[1], показывающей нам кулак.

Сталинский комитет. Сутол[о]ка с Курчатовым.

У меня усталость, меланхолия. Тяжелое, урывочное писание «Люминесценции и длительности». Дома один. Олюшка в Питере.

Совсем отлетела загадочная душа мира. Все просто, прозаично, не нужно, или нужно какому-то недоступному хозяину.

Вчера слушал Aze's Tod* Грига[2] – матушку вспомнил.

Был вчера у Фрумкина в институте[3]. Все это среднее и серое.

20 марта М[осква]

Вчера ночью звонил И.В. Сталин, на 10 ч. вечера я вызван сегодня к нему. Собирался сегодня уезжать в Ленинград, но, конечно, отставил.

Вернулся из Кремля. Заседание Политбюро[1]. Сталин, Молотов, Берия, Маленков, Косыгин, Вознесенский и пр. 1 1/2 ч. Груда академических вопросов, все разрешены положительно. Завтра еду.

23 марта, Ленинград. Воскресенье

Приехал вчера. В вагон[е] с И.Е. Стариком из Радиевого Института. Вчера устал до изнеможения. Сначала Опт[ический] И[нститу]т, «Чтения имени Д.С. Рождественского» о влиянии концентрации на свойства флуоресценции растворов[1]. Почти два часа. Потом бесконечные просьбы людей. Только что пришел домой, склочное дело с Лен[инградским] Домом Ученых. Был М.М. Калоушин. Люди не могут не кусать друг друга. Помои противные. Потом визит с Олюшкой, Виктором и Соней к Теренину. Сегодня утром чувство человека, остановившегося после длительной, хаотической

---

* Я мудрее, чем прежде (*нем.*).

* Смерть Озе (*нем.*).

пляски. Ночью удивительный сон: в Ленинграде над Дворцовой площадью поднимается вверх гигантская бронзовая статуя Св[ятого] Петра. Достигнув огромной высоты, велением какого-то мрачного голоса бронза начинает стремительно низвергаться вниз. На полдороге тот же повелительный голос, ее останавливающий. Голос указывает, что Св[ятой] Петр может принести пользу и действительно статуя начинает вести сверху антирелигиозные речи. Потом снился Петер При[н]гсгейм, гостиницы и прочая сонная чепуха. «Питерский» сон.

А в голове заседание у т. Сталина. Напугивания Ф.П. Малышева перед отъездом относительно космич[еских] лучей. История с греческим эпиграфом Лурье. Склока врачей в «Узком». В этом беспорядочном кино впечатлений, мыслей, наблюдений трудно остановиться. Кружится голова.

В радио – Шуберт.

Собираюсь на охоту за книгами. А в душе отлагаются кристаллы философии совсем материалистической и совсем печальной, потому что и «я» стало временным облачком.

25 марта, Ленинград

Вчера или сегодня день рождения. 56 лет. Подарки. Механика гостей. На душе усталость и черствость. Запаздывающая весна. Сегодня таяло, но облака, туман. 11 часов непрерывной работы. Головная боль. В комнате сверх меры натоплено. Надо писать очередную площадную статью, не знаю, как и о чем.

Картины, книги, цветы (тюльпаны), конфеты. Старые фотографии, но скольжу по ним, как по старой пустой бумаге.

Утром ходил по лаборатории в ГОИ. Свежая голова. Были мысли, а потом машина. Завтра, вероятно, уеду с Олюшкой.

26 марта, Ленинград

Мокрый снег, по Васильевскому пройти нельзя. Утром ГОИ, потом архив (Князев, Модзалевский). Потом Академия. Попков П.С. об академ[ических] зданиях, о Доме Ученых. Сегодня ехать. Гол[о]ва – шкаф. Своего ничего не прибавилось.

30 марта, Москва, Воскр[есенье]

Четвертый день в Москве. Пролетающие без следа дни. Бесконечная мозаика дел. Некогда остановиться. На улицах отвратительный тающий снег. Весна хмурая, неприятная.

2 апреля, Москва

Бывшее 20 марта. День ангела. По-прежнему в памяти давнишняя картина, когда мне было года 4. Комната в Никольском пер[еулке], рядом с кухней, с дощатыми некрашеными полами. В окно сад с вишнями и сиренью. Я в кроватке с веревочными решетками. Старое мартовское солнце играет на пологе кровати. Подходит матушка, целует, поздравляет. Потом (в позднейшие

годы) ходили с нею к ранней обедне к Николе Ваганькову[1] служить молебен. Церковные поздравители. Просфора. Потом подарки.

Сейчас за окном серо и мрачно. Я – президент, «но счастья нет измученной душе»[2]. Задерган. Больная голова. Мелочи. Кругом несчастные люди (вчера депутатский прием). Некогда по-настоящему подумать, нет совсем больших мыслей. Машина. Трата времени, вероятно, что-то государству приносящая, но где я почти машина.

В нашей красивой (за счет питерских вещей) квартире цветы, азалии, ландыши (выращенные когда-то в Потсдамских оранжереях).

6 апреля. Воскр[есенье]

За окном опять снежная вьюга. Третьего дня похороны А.А. Рихтера. Как будто так и надо. Столько похорон за жизнь! Как именины и официальный визит. Опять теор[и]я «тающего облака». Растаяло и нет ничего. Вчера отвратительные споры с Ноздревым–Акуловым в ВАК'е относительно докторской степени для Брумберга[1]. До чего это паршиво!

Почти каждый день заседания в Кремле по поводу строительств, помещений. Третьего дня с 9 ч. вечера до 3 ч. ночи – в приемной, когда дошла очередь до нашего строительного дела. Ясно стремление помочь Академии. Позавчера выступление на студенческой конференции – на тему «вообще». Изматываются силы, идет время. А кажется иногда, что вот сосредоточиться, и откроется что-то великое. И, наверное, совсем это не так – просидишь дураком. Хотелось бы сделать что-то очень большое. В этом и смысл бытия, и оправдание. Ведь не для себя же, а для людей этого хочется.

А за окном все метель. По радио бездарная симфония какого-то Чуваки. Кругом много-много хороших книг, которые некогда читать. А сейчас все же пойду на охоту за новыми. И так до катастрофы.

13 апреля. Москва. Воскр[есенье]

Пасха. Отвратительная погода со снегом. Прошедшая неделя – мучительная. Высиживания в Сов[ете] Мин[истров] по большим и мелким делам, заседания в ЦК, в Академии, в Институте – без конца. Шпильки, трудности. Главное чувство снижения собственного качества. Слабеет мозг, знания, память, творчество, здоровье. И вместе с тем так многое хотелось бы сделать и в лаборатории, и на бумаге, и в жизни для науки, для Академии.

Дома (не считая спанья) бываю 3–4 часа. Усталость. Ненужная трата времени. Увеличение энтропии вселенной. Постоянное чувство неразгаданной загадки.

Забытое прошлое. Мама. Николай. Отец. Лида, Ал[ександра] Ивановна. Все совсем исчезло. Надо бы писать воспоминания. Когда?

И еще – кругом нехорошо.

16 апр[еля]. Москва. Утро

Позавчера вечером – 7 часов непрерывно Ученый Совет Моск[овского] У[ниверсите]та: о физиках. Боже мой, какое страшное и отвратительное

охотно-рядское зрелище[1]. Корень [–] постаревший и еще поглупевший и опустившийся Аркадий Несчастливцев-Тимирязев[2]. Потом сорвавшиеся с цепи несостоявшиеся гении Акулов–Ноздрев[3], просто сумасшедший Власов, помесь малограмотности, наглости, московской купеческой хитрости и кабацкого жаргона. На этой основе, в этом болоте должны расти физики. Нужно быть очень большим человеком, чтобы выйти отсюда здоровым и крепким. В итоге вчера 15 часов непрерывной «работы».

Вчера визит Первухина в ФИАН[4]. Злоключения Векслера. Депутатский прием.

20 апр[еля]. Москва. Воскр[есенье]

Так ясно становится, что прошлое – это то, чего больше нет и не будет. Это о покойниках, о воспоминаниях, почти о[бо] всем содержании сознания.

Всюду, на квартиру, в Академию, в И[нститу]т рвутся люди, знакомые, родственники, просто люди за помощью, деньгами, записками. Живется страшно трудно и в этой нашей относительной «роскоши» не по себе. Лучше бы в Йошкар-Олу. В большем было бы соответствии.

Вчера опять снег. У Олюшки страшная мигрень. Доктор с пиявками.

У меня машинная жизнь. «Вступительные слова» на заседаниях, юбилеях, похоронах. Заседания. Звонки по вертушкам. Бумаги. Всякие неприятности по работам в Физ[ическом] И[нститу]те. Для творчества совсем жалкие урывки времени.

Опять книги, книги. Больная голова.

25 апр[еля]. Москва

Собирался сегодня уезжать в Ленинград, но на 10 ч. вечера назначено заседание Сов[ета] Министров с рассмотрением пятилетнего плана Академии. Должно было состояться вчера, но кончилась неудачная конференция Совета министров[1], банкет в Кремле. Сегодня разъезжаются. Через окно вижу, как с заднего крыльца второвского особняка[2] на только что высохшем заднем дворе еще со следами грязного снега, подают грузовики. На них грузят американские чемоданы. Возвращаются за океан. А моя машинная жизнь с бесконечными уколами большими и малыми становится труднопереносимой.

27 апр[еля]. Москва (Воскр[есенье])

Не уехал. Бюро Сов[ета] Министров перенесли на субботу на 10 ч. вечера. Олюшка уехала одна, а я, по-видимому, [уеду] сегодня. Вчера приняли в С[овете] М[инистров] пятилетний план[1].

Жизнь и сознание становится шкафом с полками, на которые укладываются «дела», иногда в порядке, а иногда кое-как – «впропих».

Совсем отчетливо понимание человека, в том числе себя, как временного очень хитрого механизма, выполняющего какие-то неведомые «задания» «природы». Das unbegreiflich hier ist getan*. Вообще, чем старше, тем яснее

* Это непостижимое здесь сделано (*нем.*).

понимаю это «смирись, гордый человек»[2]. Знаешь ты то, что тебе дано знать, и как ни старайся, [всего] не узнаешь. И дело вовсе не в тебе, не в твоем «я»: временная комбинация на шахматной доске природы. Хочется иногда заглянуть «в щелку», но, по-видимому, это совсем глупое занятие, вроде барона Мюнхгаузена с болотом и косой.

Читаю вторую книгу о Леонардо[3] за последние дни. Стародавняя мечта, которой лет 35 от роду, написать книгу о нем. Страннее, тоньше, глубже и созвучнее образа в истории не знаю. Когда-то мальчишкой натолкнулся (по-видимому, через Мережковского) и с тех пор узнаю о нем больше и больше. Знания, искусство, глубина – все обращенное внутрь – не для других. Для других устройство фестивалей, крепостей. Отсутствие желания кончить что-либо. Загадочные улыбки и поднятые руки «Que sais-je?»[2*]. Великолепнейшая причуда природы – «облако», из которого дальше ничего не вышло. Не зацепилось! Важнейшее звено в эволюционной лестнице – без последствий. Трагедия природы, ее тайных замыслов. Куда же далеко было Ньютону до Леонардо. А от Ньютона – прямая дорога к атомной бомбе, а от Леонардо? Надо написать книгу-дневник о Леонардо.

28 апреля, Ленинград

Здесь с какой-то тревогой, усталостью, бесталанностью.

Странное чувство жалости к городу. К чему? К людям, здесь живущим? К зданиям? К прошлому. Двух лет не прошло, как с Олюшкой приехали сюда 9 мая 1945 г.

30 апреля, Ленинград

В маленьком кабинетике. Кругом пыльные книги и оттиски, которые кроме меня никто не умеет приводить в порядок – а мне некогда. Нет главного – сосредоточенной работы с ясным чу[в]ством удачного творчества. Усталость, отупение, бездарность.

Облезлый Питер. Тело ушедшей совсем иной души. Сейчас morbidezza[*].

Чувствую убегающее время, а дни проходят бездарно (субъективно).

1 мая, Ленинград

Холодный день, но с солнцем и без дождя. На трибуне, парад и демонстрация. Рядом с[о] здешними властями. Военный парад – механизированные человеческие массы. К несчастью, нельзя вот так стройно в одну сторону выровнить и направить человеческую мысль, побороться с энтропийностью психики человеческого общества.

Четыре часа стоял на трибуне, лицом к россиеву штабу[1] и Александровской колонне. Люди, полмиллиона людей. Русские, мягкие, бесформенные лица. Столько труда, столько трудностей, но человек – «сходящееся и расходящееся облако».

Сейчас – один. Ясно чувствую, что жить недолго, и хочется прожить каждый день полнее и нужнее. Это хотение – приказ природы через «я».

[2*] Что знаю я? (*фр.*).

[*] Мягкость (*итал.*).

И вот груст[н]о, так мало подъема. Мысли мелкие, сегодняшнего дня, работы тоже. Хочется подняться. Сосредоточиться и дать очень большое.

3 мая. Л[енин]гр[ад]. Утро

Вчера целый день был дом[а], безвыходно. Самонаблюдения. Поразила собственная усталость, исчерпанность, пустота. Брался от романа к роману, бросая, не зацепляясь. Разговоры тупые, а голова тщательно избегает всего трудного. Грустно это.

Вечером

Днем поездка в город. На Неве ладожский лед. Холодно. Милый город, на линиях Васильевского, в переулках. «Милость», конечно, в старине и в кажущемся бессмертии петровского, ломоносовского, пушкинского города. И красиво, и грустно. Белые статуи в Летнем саду, совсем еще черном, зелени нет. Статуи через решетку. Широта Невы – maistoso*.

Бессилие и беспомощность, как и утром. Странно и, по-видимому, противоестественно уходить от «я» – автообъективация. Но она у меня все сильней и сильней.

Виктор мытарится над вариационным исчислением. При больших способностях Drang'a[2*] в науку у него нет.

Ленинград, 4 мая (утро)

Последний день здесь. Холодная, кристаллическая перспектива. Herz Beklommenheit*. Не за что зацепиться. Вспоминается Д.С. Рождественский и его добровольный конец.

Москва, 6 мая (утро)

Вернулся вчера. Водопад дел, делишек, большею частью неприятных, который сбивает с ног. Н.А. Вознесенский недоволен термином «база», ну что же, придумаем другой. В «Правду» пишут письма по поводу моего «идеализма» («математическая экстраполяция»). О[бщест]во распространения политических и научных знаний[1] – новая тяжелая нагрузка, а по существу важнейшее дело. Но разве можно поручить это все тому-то человеку! Ужас. Какие-то подводные потоки в Академии, столкновения между Зубовым и Бруевичем. В квартире тихо. На синей стене Лютер и Доменикино, за окном чуть-чуть начинают зеленеть деревья. Но все это только декорация бумажная.

Москва, 9 мая

Праздник. День победы. Два года тому назад вернулись в холодный изранен[н]ый, но родной Питер. Сегодня один. Целый день дописывал

---

* Величественная (*итал.*).

[2*] Стремление, влечение (*нем.*).

* Сердечная тоска (*нем.*).



вымученную статью «Люминесценция и ее длительность». Это – концентрат, но без всякого вдохновения.

Совсем тепло, даже жарко. Наконец по-настоящему зазеленели деревья. Перед входом подснежники, которые Олюшка посадила в прошлом году.

На мне совершенно страшный груз дел, о котором страшно и думать. Поэтому каждая минута – ощущение преступника, не выполняющего свои дела.

Но господствующее чувство – мысль: «человек-облако». Мысль, совершенно освобождающая, но до бездонности безнадежная.

Москва. 11 мая. (Воскр[есенье])

Опять праздник, опять дома один. Полная изоляция. Я и книги. Книг много, но как мало настоящих. Деревья зеленеют. Между рамами запутался глупый шмель, тыкающийся в стекло. Ездил «по книги», зачем-то купил инкунабельного Августина[1]. Наклейка ex-libris'ов, которые осуществились лет через 38 (деревянная гравюра Валлотона).

Девять десятых жизни заняты совсем не тем, о чем здесь пишется. Каждый день часа три в Физ[ическом] И[нститу]те. Но малоприятно. Строительство. Затруднения у Векслера. Личные самолюбия и склоки и мало большого, нового. Пафоса научного нет. Потом часов 6 каждый день в Академии, мозаика, калейдоскоп, звонки вертушек, обо всем, ясное ощущение себя диспетчерской машиной. Потом часов 7 сна, со странными образами, которые всегда поражают не тем, что они видны, но своей отчетливостью во всех деталях.

Москва. 13 мая. (Утро)

Проснулся, как всегда теперь, с больной тяжелой головой и с мыслью об идеальном человеке, совершенно забывшем о себе, настоящем «святом». И в памяти нашел только матушку. Сейчас ее уже давно нет. Умерла она вовремя, не пережив Ал[ександры] Ив[ановны] и Николая. Я не знал другого человека, в такой степени отбросившего себя самого: постоянный труд. Помню старое время, лет 45 назад. Ходит часа в 4 утра с керосиновой лампой по дому, хозяйничает – для семьи, для других. Дети. Бог. Кладбище. Такое ясное и простое отношение к другим. Никогда никаких пересудов, сплетен. Ее жизнь – непрестанный, всегдашний труд для других. Никогда отдыха.

И смерть, в сущности, такая легкая, такая естественная. Других таких людей не встречал. Это и есть разрешение всех «мировых загадок». Во мне так мало это[го] осталось.

18 мая. Москва. Воскр[есенье] (полночь)

Сегодня утром в «Узком». Первая зелень, начинают развертываться липа и дуб. Соловьи. В лесу, как дома. Человек попал на свое место. Москва невыносима. Душно, грязно, поломано. Потом книги, очень много их, и, как всегда, досадно, что так мало времени.

В радио сейчас итальянцы, тоже родные, вроде леса.

19 мая. Москва (полночь)

Сегодня в Академию заходил Боря Васильев. Словно весенним лесным воздухом повеяло. Родное, свое, хотя и не виделись почти 40 лет. Как это жалко, что основная жизнь прошла врозь. Сейчас старики. Ему 58-ой, а мне 57-ой.

У веселой вдовы П.П. Лазарева. Распродажа вещей, книг Петра Петровича. Книги, которые он едва ли читал. Бесталанные портреты. Фотография К. Тимирязева с какой-то благорасполагающей подписью и веселая вдова, старающаяся всучить «борзого щенка».

25 мая (Воскр[есенье])

Духовное окостенение. За неделю столько кругом. «Общество»[1], заседания в Сов[ете] Мин[истров] по строительству, Ц.К. (университет). Скандал с Леонтовичем, который, как всегда, у меня лежит на сердце отвратительной тяжестью. Жизнь может разыгрываться только между нормальными до какой-то степени людьми. Усталость, бездарность и становится уже жарко.

А самое главное – философия «сходящихся и расходящихся облаков» (в сущности – Лукреций). Прошлого – нет, умерших – нет. Неужели это – жалкий итог.

Слишком высоки высоты, на которые задираюсь «для себя». С этой точки зрения жизнь возможна, но не для себя.

Сейчас пойду за книгами.

26 мая. Москва (утро)

За окном мрачно. Тучи. Но дождя давно нет. В давно прошедшие годы (не весной, а осенью) такое небо, такой зеленый шум напоминал о конце лета, о том, что пора за работу. И жизнь казалась впереди бесконечной. Сейчас ясно, что – доживаю. Остался обрывок жизни. Со стены в золотой раме на голубом фоне чернеет кранаховский Лютер – вот его почему-то особенно жалко. Как это глупо!

Читаю Шеллинга. «Ideen zu einer Philosophie der Natur»[1]. Несчастное барахтание барона Мюнхгаузена в болоте.

Через час опять «включаться». Институт с тысячами трудностей. «Версаль» нескучного. «Общество». Лима, лима, совахвани[2].

29 мая, Ленинград

Вчера «вырвавшись с мясом» уехал с Олюшкой. Холодно, но солнце, свежая, еще совсем не развернувшаяся питерская зелень. И опять все как на картине, на хорошем старинном архитектурном пейзаже. Акации, дом Кваренги с б[ывшей] квартирой Ольденбурга. Кажется, что попал в какой-то город «милых чудаков» (это после Москвы).

Опять, где дом, в Москве, здесь? Нигде. Теория облаков. Эфемерность. Спектакль, потушат свечи, актеры снимут бороду и нет ни «Гамлета», ни «Жизели».

Сегодня: отделение физ[ико-]мат[ематических наук]. Потом Федосеев, Зубов, Каплан etc. Потом ГОИ. Дома – звонок из Москвы с идиотским требованием – привл[ечь] Жданова читать лекцию.

В голове много мелкого хорошего и правильного и нет крупного.

А здесь в Питере, как всегда, элегический минор. Вероятно, он и тянет.

1 июня, Ленинград

Вчера ездил в Пулков[о] и Ц[арское] Село на стройку. П[р]одвигается все крайне медленно и картина невыразимо грустная и жуткая, особенно в Царском и особенно на фоне расцветающих сирени и яблонь. По-прежнему встает «петербургская загадка». В чем особенность и колдовство этого города. Думаю, что в конце концов [в] том же, [в] чем* в Риме, Венеции и Флоренции. За сто лет примерно (1720–1820), концентрируя все силы и средства из России, из-за границы, цари, не понимая того, создали такое же чудо, как Рим и Венеция. Особый петербургский стиль? Он, вероятно, определился широтой Невы, общей равниной и необыкновенным, «искусственным» происхождением города. Его искусственно и рационально создавали. Отсюда широта, прямизна, стройность расчлененных архитектурных плоскостей.

Но, конечно, платье теперь не по плечу. У просторов и величия отнят деловой смысл. Осталась археология и меланхолия о том, что «fugit invida aetas»[1].

Сам я в оцепенении от постепенно[го] «самоохлаждения». Все – чужое, преходящее. Не нужен сам себе. Умереть готов каждую минуту. И как будто бы все так ясно, противно ясно. А на самом деле не так это. Главного люди, по-видимому, совсем еще не поняли. Оно кроется в науке, в искусстве, в наших особенностях. Никто еще за все это не уцепился, ни материалисты, ни мистики. Мир загадочен, как в первый день творенья.

3 июня, Ленинград

Уезжаю сегодня один. Олюшка на несколько дней остается. Солнце. Холодно. Ленинград – роскошный гроб.

* В тексте – «тем-же чем».

5 июня, Москва

Вчера приехал из Л[енин]гр[ада] в отвратительную погоду со снегом и холодом. Начиная с Клина к Москве поля покрывались новым снегом. Снег в июне (правда, еще ст[арого] стиля) помню в 1904 г. в Богдановке.

Здесь обычное: не успел приехать, вызыва[ю]т в Кремль (оказалось, по пустому делу), горы бумаг, и в нашей хорошей квартире словно за потенциальным барьером, который вот-вот расшибут.

8 июня, Москва (Воскр[есенье])

Три дня мучительных. Домой возвращался часов в 11, усталый и ни к чему не годный. Мелкие, крупные, досадные дела. Так дальше продолжаться не может. Чувствую, что свалюсь и без толку, и глупо.

Сегодня утром встречал Олюшку на вокзале. Жарко. Потом за книгами. Среди букинистов паника – собираются закрывать антикварные лавки, вернее, «централизовать». Грустно это, и зачем нужно – уму непостижимо. Вечером ездили с Олюшкой в лес, в Узкое. Зеленые поляны, дубы, соловьи. Заходящее солнце. Но смотрю, как на картину, непонимающим, потухшим взором.

К чему эти записи «про себя». Кому они нужны?

15 июня, Москва (Воскр[есенье])

Неделя непрерывных заседаний. В понедельник в 1-ом упр[авлении][1] с руготней Векслера. Потом в С[овете] М[инистров] у Берии. Потом в «Бюро О[бщест]ва»[2]. Общее собрание. «Вступительное слово»[3]. Статья для «Правды» о сталинских лауреатах. Выжимал из себя доклад для нового понедельника о люминесценции и ее применениях в технике. В итоге – головная боль и полное ощущение машинности. Личность, я, свое совсем исчезли. Даже удивительно. Как солдат, готовый, что вот убьют.

Гонения на антиквариев[4]. Декрет от 8 июня о запрещении печатать научные незаконченные работы[5]. Вчера просился к В.М. Молотову получить разъяснения.

Воскресенье, на столе ландыши цветы. Ходил за книгами. Канарейки (или соловьи) у кого-то щелкают в клетке около Арбатской площади. Но отдых никако[й]. Собираюсь ложиться спать. Болит голова. Радио из Рима.

22 июня, Москва (Воскр[есенье])

Сегодня опять воскресенье, как 6 лет назад, 22 июня 1941 г. Волны ходят, мир не унимается, трудно сказать, что случится. К счастью, нет сумасшедшего Гитлера.

Еле вытягиваю дни. Это значит, каждый день от 10 до 14 [часов] непрерывного напряжения. Светотехническая конференция с моим докладом[1]; «философская дискуссия» (на bis) по поводу книги Александрова под председательством Жданова[2]. Заседали уже 20 часов – сколько будут заседать еще, неизвестно. Я был один раз, 4 1/2 часа. «Перечень сведений, состав-

ляющих гос[ударственную] тайну в науке»[3]. Ожидание приема у Молотова. Люди, бумаги, диссертации, депутатские дела. Вдобавок температура и отвратительное состояние (вывозит, как всегда, комбинация стрептоцида с аспирином – собственное изобретение).

Чувствую, что «свое», «я» постепенно исчезает, остается машина, вполне «объективная», с которой можно сделать что угодно. Вчера вечером был Борис. Так хочется «перемахнуть» через сорок с лишним лет, но не выходит. Но он на редкость хороший человек – как тогда мальчишкой его угадал.

Хочется новой научной мысли, творчества, еще какого-то окна в вечность. Но [это] только желания.

26 июня, Ленинград

Приехал сегодня, но позвонил «генерал» Малышев и надо обратно в Москву. Какой-то пролет бреющим полетом над город[ом]. Здесь зеленее, свежее, прохладнее, но свои склоки, грязь, страхи.

За последние дни умер молодой теоретик физик Н.С. Крылов, «комбатант» Павел Иванович Вяткин – «старый солдат», акад[емик] Пичета.

А у самого меня ясное чувство растворения, исчезновения «я». Осталась скверная, надломленная, измученная машина.

28 июня, Ленинград

Три ночи подряд в «Стреле». Вчера был в Москве для заседания у Л.П. Берия, которое, несмотря на специальный вызов, все же не состоялось. Жара. Духота вагона. Проти[в]ное спанье, когда через редкую занавеску то смотрит белая ночь, то солнце, меняющее окраску от красного к желтому, потом к белому. Пустые вагонные разговоры, летящее время. Приехал сюда: Виктор с Соней уехали в Москву. В квартире одна Наташа, неразобранные книги. У Гершуна от родов умерла жена Анна Даниловна. Смерть кажется таким простым делом, как насморк. «Я» – такой пустяк, как зоря, как проигравшая музыка.

В Академии приходится менять здешнее начальство, Федосеева, Логашева. Нева в гранитной набережной, как наполненная ванная. Зеленая, зеленая густая Менделеевская линия.

Иду по ней устало и грустно.

Л[енин]гр[ад] 29 июня, Воскресенье

Остановка. После трех поездных ночей переночевал на элегической питерской квартире. Для меня она настоящая элегия. Смерть Рождественского. Ужасное злоключение Николая. Помню, я стоял на площадке перед дверью и думал, не броситься ли вниз в лестничный пролет, чтобы кончить сразу все. Потом уход Виктора на военную службу в 1939 г. Война, 22 июня 1941 г. Смерть Миши Хвостова здесь в феврале 1942. Его концер[т]ная «посмер[т]-ная афиша». «Могила Тутанхамона» в 1944, когда приехал сюда. Потом этот

вынужденный переезд в Москву, «президентство». Прекрасный город – грустная элегия, несмотря на Неву, зелень и дворцы.

Сейчас здесь один. Все в Москве. Каждый день умирают люди. Я затасканный, задерганный, противно потолстевший, непохожий на себя.

И хочется повторить «эксперимент» Дмитрия Сергеевича. (Наверное, когда Д.С. нажимал курок ружья, с улыбкой думал об «эксперименте»)[1].

Сейчас оглядываюсь: «этическая философия»:

За жизнь еще зацепляют:

1) Свои, Олюшка, Виктор. Но их так мало осталось, настоящих «своих». Появился Борис, который должен бы быть «своим», но сейчас уже поздно: старики «под шестьдесят».

2) Красота культуры и природы. Книги, картины, здания, «Петербург», дубовый лес с грибами, но не очень сильно все это.

3) «Спорт» – желание доводить «дело» до конца всюду: в науке, в организации Академии, при разборке книг. Это, по-видимому, sub specie aeternitatis* и суть главное. Для государства, для человечества, для «природы» в целом (т.е. для чего-то, чего мы не знаем). В «спорт» попадают и не слишком сильные остатки моего самолюбия. Остается «дым» вообще без личности, без самого себя.

Для «смысла бытия» нужна большая мысль. Ее сейчас нет.

А все вместе – элегия. И грустно, и красиво.

Скоро пойду на Невский и Литейный по «антиквариям».

30 июня. Москва

Опять Москва. «Стрела», артист Н.К. Черкасов в точности с теми же «душевными» разговорами, которые он вел со мною в четверг (по-видимому, актерская привычка).

Жара. Сейчас надо ехать на заседание 1-го Упр[авления]. Si comincia l'a[v]ventura*.

6 июля. Москва (Воскр[есенье])

Опять мучительная неделя. 1-ое управление с докладами о косм[ических] лучах, общеакадемические клубки, институтские, «Общество». Покойник – Н.Г. Чеботарев. Отъезд Виктора с Соней в Крым. Жара. Каждый день 10–12 часов непрерывной мозаичной, перескакивающей, несосредоточенной работы.

И главное – отсутствие творческого стержня, и более чем лукрецианская философия. Изуродованное раком тело Чеботарева в гробу, в Математическом Институте. Проза, механика, сочетание атомов. От человека остается не больше, чем от актера, изображавшего Цезаря или Фауста. Грим снят и «гения череп – наследье червей»[1]. Особенно бес[с]мысленны – самолюбие, собственность, выпирающее «я». Чистейшая биология. Природа заставляет разыгрывать спектакль для непонятной эволюции.

---

* С точки зрения вечности (*лат.*).

* Начинается приключение (*ит.*).

Приятна сейчас, как всегда, тишина в воскресенье. Синяя стена перед глазами с М. Лютером, Цецилией и Фаустом в золотых тусклых рамах. Красное дерево дивана. Золоченая бронза чернильницы (в сущности, собственного изделия) а l'Омар Хайам. В радио финны богу молятся.

Мне сегодня придется ехать на обед к сербскому послу. Кукольная комедия.

13 июля, Узкое (Воскр[есенье])

На воскресенье вчера приехал сюда. Несмотря на все старания садоводов сухое лето без дождей мертвит природу. Хотя здесь куда легче дышится, и становишься больше человеком.

Неделя: Съезд «Общества», «вступительное слово» в Большом театре. 4 целых дня. Космические лучи. Печатание на иностранных языках. Миллион терзаний. Несчастные люди кругом. Ек[атерина] Ник[олаевна] Вавилова с сумасшедшими письма[ми]. Каждый день сотни каких-то бумаг, скандалов, слез, трудностей. Устал, устал, устал. И самое страшное – внечеловеческая, сверхлукрецианская философия «разоблаченной» природы, играющей (непонятным пока способом) в игрушки «я».

Ходили с Олюшкой в лес. Так хорошо, просто с цветущей липой, дубами, как будто бы так и надо.

Читаю здесь вперемежку Платона и Габорио.

15 июля, Москва

Вчера опять в Москве. День мучительный. Задерган совершенно. Жара и внутренняя опустошенность. Трудно обратно «вочеловечиться».

17 июля, Узкое

Два года «на престоле». Постепенное превращение в общественный инструмент, отмирание личного. Остались довольно слабые остатки самолюбия и так ясно, что человек только «леса», потребляемые для постройки чего-то. В сущности «петрушка», исполняющая роль, но очень сильно автоматизированная. При том автоматизация тончайшая, использующая ощущение, сознание и вообще все психологическое, чего до сих пор совсем не поймала наука.

Сознание атомизируется, расчленяется, разделяется, душа возникает из психических атомов, как дом из кирпичей. По-видимому, это так, и современный материализм должен быть таким. Физический атом надо наделить элементарной «душой», так же, как массой, зарядом и спином.

Понять или уверовать в атомизм своего сознания, это и значит понять временный, преходящий, служебный характер «я».

Но, может быть, все это ошибка, или, вернее, не все, и есть психофизический параллелизм и физическим атомам соответствуют объективные платоновские идеи?

Таковы размышления в начале третьего года. После отчаянной мозаики московской жизни, усталости, неуверенности, тревожности, абсурдов и пр.

здесь сижу, как одурелый, и пока не могу опомниться, глядя на серое бездождное небо, зелень и черные стволы.

19 июля, Узкое

Ездил сегодня в Москву (часов 7). Постановление о запрете журналов на ин[остранных] языках[1]. Холод. Ветер. Неуютный город. Олюшка осталась в Москве, едет завт[р]а к Вере Павловне на веснинскую дачу. Сейчас один. Читаю Degringolade Габорио[2], первую часть читал в поезде во время эвакуации из Ленинграда в 1941. Полностью читаю теперь. Заполнение головы трухой. Отдых? Может быть. А вообще, все эти дни состояние оглушенного, очнувшегося где-то. По-настоящему жить еще не начал. Да и в состоянии ли?

20 июля, Узкое (Воскр[есенье])

Один. Олюшка на веснинской даче. Утром часа два ходил по парку. Дождь. Выжидал и промокал под дубом и липой, немножко размышляя. Весь день – «La degringolade». Это вроде умственной американской резины. Спасаюсь от дум. Но такая жизнь пустая и так не прожить. Надо открывать головны[е] краны.

Кругом зеленые липы, да дубы. Людей не видно. Газеты как отвратительная микстура.

27 июля, Узкое, Воскр[есенье]

За неделю ездил в Москву: Институт, хождение по стройке, муки с машиной Векслера, потом Нескучный – «проблема Веселовского–Буслаева». Покупки подар[к]ов* Олюшке [–] testimonium paupertatis[2*] московских комиссионных магазинов: «московское жалкое нутро» – по сравнению с Питером. В пятницу ездил на Мозжинку и в Поречье. Строится дача – придется ли в ней жить? И кроме того, это еще одна ненужная тягость, которую надо вывозить. Сверху мыса, на котором стоит дача, звенигородские высоты, синие леса, река. Но теперь за всей этой декорацией видно безотрадное человеческое нутро.

Здесь: хождения по лесам, это хорошо, становишься самим собой. Чтение про немецких художников-романтиков, Луку Кранаха. Немецкая готическая сущность, она во всем, и в жизни, и в науке, и в музыке, и в литературе. Странно, что этим занимаются только в поверхностно-публицистической плоскости. Это вопрос глубокий, вопрос природы – естествознания.

Пишу «юбилейные» статьи – принудительное наказание.

Философия: все крепнет уверенность, что вырваться из заколдованного круга философских споров за тысячелетия можно только через биологию. Биология [–] «сравнительная биология» [–] раскрывает секретные замыслы «природы» в отношении сознания, ума, познания и прочих философских аксессуаров.

---

* Слово «подар[к]ов» вписано над строкой.

[2*] Свидетельство (о) бедности (*лат.*).

Ходить здесь по парковым дорожкам тяжело. Грустные встречи и разговоры с Д.Н. Прянишниковым, Волгиным, Парнасом и tutti quanti[3*]. Какое-то преддверие к кладбищу.

Прянишников сказал, что видел Николая во сне, бодрого, веселого, крепкого.

<u>31 июля, Узкое</u>

Очень ясно слышу пролет времени. Жизнь как выполнение кем-то поставленной задачи. Так же, как у пчелы и воробья. Подсознательно изменяется, развивается «философия», нигде не фиксируемая и создающаяся сама собой. Сначала (лет до 13–14) твердо знал то, что вложено в голову дома мамой, нянькой. Бог, черти, ведьмы, другие люди, весь мир (все довольно просто и вполне естественно). Затем (14–22 года) разрушение этого мира и «научное мировоззрение» без бога с большим (правда, всегда органическим) демократизмом. Мистический агностицизм (23–50). Теперь безрадостный (тоже довольно агностический) материализм, совершенно ясное ощущение эфемерности, временности и служебной роли «я». Вся эта философская эволюция вовсе не результат раздумья и «изучения». Все происходит «само собой».

Был Виктор здесь несколько дней, ходили по лесам, один раз сильно заблудились.

Очень мало сосредоточенности, почти ничего не сделал (гораздо меньше, чем в прошлом году). Вероятно, усталость.

<u>1 августа, Узкое</u>

Утром ходил по лесу один. Солнце, не жарко. Сидел под старыми дубами, думал. Только в лесу – вполне дома. Свое ничто не фальшивит. Хочется незаметно заснуть в этой зелени и никогда не проснуться. Это одна природа. Другая природа Солнца, спиральные туманности, звездные безмерности с невыносимым жаром и холодом – это совсем чужое.

<u>3 августа, Узкое (Воскр[есенье])</u>

Завтра уезжаем в морозовский «Борок»[1]. Сомнительная авантюра. Ничего хорошего не жду. Вчера прочел платоновского Теэтета. Впечатление тяжелое, как почти всегда от философских сочинений, мюнхгаузеновская попытка вытащить самого себя за косу из болота. Платон, Аристотель, Спиноза, Декарт, Лейбниц, Кант, Гегель и tutti quanti – ни за что не зацепились реальное, ничего не изменили. В каком же потрясающем различии в сравнении с ними естествознание! Философию пора вывести из этого состояния мертвого хода и, думаю, это случится.

Ясно, холодно. Ходили по лесу, но бездумно. Поэтому прогулки как будто и не было. След только в ногах. Голова «незаряженная», пустая. По небу аэропланный шум. Авиационный праздник.

[3*] И все остальные (*ит.*).

«Пустой» день, когда не сделано ничего, кажется преступлением. А с другой стороны, к смерти преграда только неприятная боль, как при взятии пробы крови (это вот в такие «пустые» дни).

4 августа

Речная яхта* «Казань»

Между Дмитровом и Б[ольшой] Волгой[1].

Весьма странное Vergnugungsreise[2*] на яхте, теперь находящейся в распоряжении министра речного флота. Когда-то на ней будто бы Никола[й] II-й ездил в Казань. Тягучее путешествие по шлюзам. Тихие однообразные русские берега. Приходится развлекать экипаж. Несмотря на простор, присесть и подумать негде. Совершенно опустошенная голова. Не субъект, а объект.

«Борок», 5 августа (Вт[орник])

День пестрый, несвязан[н]ый. Пароходик «Казань». Все залито водой. Углич, в котором был лет 40 назад, теперь стоит несчастный с облупленными и обезглавленными церквами и монастырями рядом с циклопическими каналовыми сооружениями. По дороге привычные старые русские пейзажи, тихие, ни на что не претендующие. Повсюду, как болезнь, полуразбитые, ободранные церкви и монастыри. Вода, вода, разлившаяся по надобности и без надобности. Из воды торчат гибнущие деревья. Добрались на «Казани» до «Борка». Помещичья Берендеевка. Березы, ели, амбары, тишь, глушь, старина. Начинаю разбираться.

Борок, 6 авг[уста]. Среда

Вроде «Затерянного мира» Конан-Дойля. Дореволюционная усадьба, старенькая, скромная, с серыми двадцатью служебными постройками, барским домом и домом, заросшим березовым и еловым парком. Маленький дом Н.А. Морозова с «фонариком», зав[е]шанным картинками лунной поверхности, газетами с солнечным затмением, старыми фотографиями, полки с книжками, еврейским словарем и другими морозовскими аксессуарами. Могила Н.А. Окно в прошлое. Завидно этой жизни «философа» среди природы, берез, елей, сов, волков, недавно разорвавших какого-то «Шарика», лосей.

Хочется спрятаться сюда с книгами, лабораторией и незаметно исчезнуть в лесу, как умер Н.А.

Примерно 150 лет жизни предков Н.А. ясны здесь. Отдых, усталос[т]ь, безмыслие и грусть об остальном, уходящем и прочем.

Борок, 7 авг[уста]. Четверг

Москву и все словно отрезало. Но просыпаюсь с грустно-трогательным чувством и тревогой. Прошлое, усадьба, старый высокий дом, пруд – виш-

---

* Слово «яхта» написано над зачеркнутым словом «катер».

[2*] Развлекательное путешествие (*нем.*).

невый сад наяву. И уходящая природа. Ходили сегодня по большому еловому лесу. Моховой зеленый ковер, малина, громадные муравейники, гнилые еловые пни всюду, развороченные медведями в поисках муравьев, малина. Сегодня редкий в этом году жаркий день.

Прочел философствования Ф. Франка[1]. Мах, позитивизм, логический эмпиризм – все это производит странное мертвенное впечатление. Как будто бы и так, а на самом деле наука никогда так не развивалась и не будет развиваться. Забыто живое сознание, состоящее не [из] ощущений, а из образов, понятий, представлений, слов. То, что Франк и пр[очие] называют метафизикой, на самом деле составляет все содержание жизни. Конечно, кинокартину можно представить как простр[анственно]-временное чередование темных и светлых пятен, для которых можно выв[е]сти всякие логически-эмпирические соотношения, но на этот раз ясно, что у этих соотношений есть свой совсем особый смысл.

Борок, 9 авг[уста]. Суббота

Как будто бы все, что нужно для восстановления душевной тишины и появления творческих стимулов. По утрам (дни стоят хорошие) в парке насвистывают иволги, какая-то смесь соловьиных трелей с кошачьими вздохами. Старые деревья, березы, сосны, рябины, видавшие XVIII век. Живая археология старой средней усадьбы. Грустно, что все это как-то проходит мимо, не задевается мысль и чувство. Книги: Ph. Frank, биография Ламеттри, А. де Мюссе – все это мрачное, безнадежное, лукрецианское. По-прежнему чувство исчезающего, растворяющегося «я». Ничего не остается, кроме «атомов», или объективных «ощущений». «Философствовать» хочется больше, чем когда-либо.

Осматривал сегодня с А.П. Шенниковым Стационар. Бедно, напоминает Зоотехнический Институт. Надо вмешаться. На такой почве могли бы Дарвины расти. Был в усадебной бане. Последний раз в такой бане был в 1915 г., после того, как перешли Буг.

Виктор с утра до вечера пропадает за утками и тетеревами. Под самой усадьбой идет непрерывная ружейная стрельба. Бедные утки.

Очень я собой недоволен. Усталос[т]ь. Прострация. Бездарность.

10 августа, Борок (Воскр[есенье])

Вечером на закате у опушки усадьбы, на «барской» дороге к старому Борку. Небо, расписанное и серыми, и белыми полосами. Желтые пшеничные и ячменные поля, зелено-пурпуровый картофель. Серые деревни, вдали «медвежий» лес. Тишина. Не холодно, не жарко, и хочется расплыться незаметно и [и]счезнуть, как облако.

Прочел книжку Порицкого о Ламеттри[1]. Воплощение самого отвратительного. «Машина» похабная, объ[е]вшаяся фазанового паштета[2] и превратившаяся в ничто. Но чем лучше «логические эмпирики»?

11 августа, Борок (понед[ельник])

Сегодня с утра часов пять ездили по берегу «Рыбинского моря» (Дяконово, Григорово, Б. Заломы, Веретея, Дубровы, Домница, Дубецкая Дача). Quer-

schnitt* через деревню. Впечатление хорошее, спокойное. Ярославская Русь. Основательные изукрашенные избы с садами, крепкими заборами, старыми березами, екатерининский тракт с 150-летними березами и весь зеленый, словно покрытый ковром. Здоровые, толсты[е] девки и дети, мужиков мало.

Вечером ходили с Олюшкой по парку. Разговоры о Н.А. Морозове. Собирали «лисички» около его могилы.

Но протираешь глаза и вспоминаешь, что впереди Москва, и берет оторопь.

13 августа, Борок (Вт[орник*]). Утро.

Только что встал. Сижу на терраске. На решетке стоит «махотка» с васильками и ящики с настурцией. Мягкое пятнистое солнце на траве, кустах и старых березах. Посвистывают (по радио) иволги. Виктор с Соней со вчерашнего дня где-то на охоте. Спится здесь в этих робинзоновских островных условиях совсем особенно, не знаю, почему. Каждая ночь. Сложные, неизвестно почему возникающие сны, длинные, с мелкими подробностями, то предстоящий прием у Екатерины II в качестве президента Академии (разговор по телефону с Царским), то в антишамбрах[2*] у Николая II. Разговор с адъютантом о форме. Всплывает во сне старая фронтовая кожаная куртка. Издатели, книжники etc. Человеческая память совершенно поразительная вещь, хотя, по-видимому, молекул в мозгу хватит, чтобы запечатлеть все и в достаточных деталях.

Вчера маленькая гроза. Потерял бифокальные очки, искал почти весь день, нашел вместо этого один белый гриб (первый в этом сезоне).

Читаю книжки Теренина[1] и Пурталеса. У Теренина много основательности и важных мыслей, Пурталес – поверхностная дрянь. Чем отличается Лист от Лизы Гилельс, понять трудно.

14 августа, Борок (среда*)

Начались холодные дни с небольшими дождями. Утром 3 1/2 часа ходили в «медвежий» лес с огромными елями и молодняком, с зеленым моховым ковром. Начали появляться грибы. Вечером с Олюшкой опять ходили по парку, и опять грибы.

Остановило чувство жалости и сочу[в]ствия к живому, к лошади, у которой ребра видны, к кошке, к уткам, к березе. Такого чувства к камням, звездам нет. Это инстинктивное чувство чужого страдающего «я» замечательно.

Прочел биографию Листа Пурталеса. Неужели такая жизнь – актерская игра?

От Москвы за эти дни отгородился непрон[и]цаемой стеной.

* Здесь: наискосок (*нем.*).

* У Вавилова описка. Надо: среда.

[2*] Передняя (*устар.*) (*фр.*).

* Надо: четверг.

15 августа. Борок (четв[ерг*])

Сегодня вроде чичиковского путешествия по мертвым усадьбам вдоль по берегу «рыбинского моря», на юг от Борка. «Пристань» Борка с умным чухонцем «Васильевичем» с одинокой избушкой на берегу, с разложенными сетями и убитой цаплей. Бывшая усадьба Шебеко, от господского дома, как на форуме[1], остались три несчастные колонны и ступен[ь]ки. Красивые обрывы. Голландец-садовник «Василий Иванович», живущий здесь, кажется, лет 40 и до сих пор плохо говорящий по-русски. Капитан, ведущий заключенных, работающих в совхозе. Дальше усадьба Волконского с нелепейшим бывшим господским домом, от которого осталась, по-видимому, треть с колоннами, странной башней. К этому остатку пристроен громадный деревянный ящик. Грязно, неуютно, заброшенно. Вышка лагеря заключенных. Затем б[ывшая] усадьба деда[2*] Н.А. Морозова «Нескучное», в котором этого деда с бабкой взорвал камердинер. Деревянный большой ящик на обрыве. Красиво. Дальше космодемьяновская церковь с колоннами начала XIX в. и с колокольней в русском стиле, пристроенной при Николае II. Элегическое кладбище. Рассказы про несчастную попадью, которую грабители заперли в сундук. По дороге секретарь райкома, возвращающийся на Виллисе из Ярославля. Разговоры о грабежах. «Пошаливают».

Погода тихая, прохладная. Красиво, уютно и безнадежно грустно. Впечатление забытого кладбища, заросшего «травой забвения». Князь Волконский, милосердная супруга (гр[афиня] Паскевич[3*]) по 5 рублей за мордобой. Князь, увязший в глине кирпичного завода в погоне за девками с хлыстом. «Пока не отойдешь», не вытащим. Батюшка в подряснике с расшитым поясом в Никульском.

17 августа, Борок (Воскр[есенье])

Второй день сплошной осенний дождь. Здешние воды поднялись. Все хмуро, темно, прокисло. Редактирую перевод «Storia della luce» Ronchi[1]. Вчера вечером один ходил по мрачному парку. Колышутся и гудят по[д] ветром огромные березы. Сиротливая могила Н.А. Морозова. Почему-то очень трудно и больно было дышать.

Борок, 19 авг[уста]. (Вторник)

Завтра должны уехать в сопровождении нескольких здешних и полуздешних людей.

Вчера солнце, ясный, голубой день. Ходили четыре часа с Олюшкой по «медвежьему» мелеховскому лесу. Напали на грибное место, под одной елкой около десятка белых. Хотя грибов в этом году совсем мало.

Вечером вчера научное собрание «борокской станции» в старом доме, докладывал А.П. Шенников о травах и Д.Д. Кузнецов о гидрохимических измерениях. Это хорошо, придает смысл и разум здешней глуши.

---

* Надо: пятница.

2* «Деда» вписано над зачеркнутым словом «отца».

3* Фамилия «Паскевич» расшифрована неуверенно.

Сегодня опять за грибами в «медвежий» лес, очень много людей и очень мало грибов. Сначала было хмуро. Потом прорвалось солнце.

Голова затихла, как будто все там в Москве закрылось туманом. Пестрые сложные сны с деталями и без забот. Но послезавтра всему опять конец. Надо включаться в государственную машину.

Пароход «Казань» 20 авг[уста]

Прощания по стандарту. Жалко природы, старины. Вероятно, вернуться сюда не придется. Ясный день. На пароходике довольно большое общество и совершенно пустые разговоры. Некуда деться от людей. Так бежит «avida aetas». В Москву возвращаюсь невеселым и заснуть и забыт[ь] обо всем хочется.

21 августа, Москва

Вернулись. Неожиданное происшествие, на пароходе часов в 5 утра почувствовал боли в животе. Сейчас подташнивает и трясет, пытаюсь вылечиться своим лекарством «стрептоцид + аспирин». Давно не болел. Лежал на постели, спал часа два, завернувшись (лихорадило). Борковские* сны. Огромные березы. Зеленый притоптанный ковер перед домиком. Горизонты, с полями, «медвежьим лесом», серыми деревнями. Здесь в провонявшей Москве все кажется парадизом. В окно тополь со двора Смита[1], немецкие розы на столе, самые вычурные (красное лицо, желтая подкладка) – все, как сделанное.

Просмотрел около сотни газет. Пароль [«]самопрославление». Не нравится мне это и не так культура завоевывает мир.

Сойдя с парохода в «Химках», прежде всего узнал о смерти С.С. Смирнова, сравнительно молодого академика-геолога. Хочется самому заснуть навсегда в лихорадочном сне, видя Борок, природу милую.

24 августа, Москва

Сегодня в Ленинград. Два дня погружался в московский омут и оторопь берет. Не знаю, выдержу ли. Становишься бесконечно ответственной и юридически и нравственно точкой, но во многом совсем бессильной. Нужна образцовая организация, которой нет.

Город совершенно давит и удушает, в домах, в учреждениях, на стройках, на улицах.

Перед отъездом как-то подавлен, без перспектив, без мыслей, усталый, больной. Все кажется миражом.

Ленинград, 25 авг[уста]

Зеленая Менделеевская линия, вся заросшая, в цветах. Из зелени смотрят петровские коллегии. Постоянное, каждый раз повторяющееся питерское колдовство.

---

* У Вавилова «Барковский».

Медвежья и утиная глушь Борка. Чад, вонь и отрава Москвы и здешняя закристал[л]изовавшаяся старина. Но все три – дороги в небытие, только совсем разные.

А со мной что-то нехорошее делается. Усталость непреодолимая (после «отпуска»!).

Ленинград, 26 августа

Оптический институт: Севченко, Ф.М. Пекерман, новый свежеиспеченный химик Трофимов. За всеми разговорами малоприятные авторские самолюбия, отсутствие идей и любви к науке.

Пулково, Царское Село. Трагическая картина, городу не подняться и за десятки лет. По дороге Питер. Сколько стройных, старинных достойных домов. Величественные прямые улиц[ы], каналы. Настоящая и стройная зелень. Все это, несмотря на бедность, на блокаду, на бездарных людей. Этот город – чудо. Визит в Смольный к Я.Ф. Капустину о Федосееве. Придется гнать.

Вечером дома с Виктором и Соней. Виктора понять не могу, куда его тянет и что выйдет. Грустно и странно.

Еще один покойник ак[адемик] П.И. Степанов – геолог.

28 авг[уста]. Ленинград

Сегодня уезжаю. Как всегда, грустно и тоскливо. Herz Beklommenheit*.

В поезде

Странный город. Соединение империалистической строгости, стройности и сверхчеловеческой государственности зданий, проспектов, шпилей, Невы, предметов в комиссионных магазинах с грустным, элегическим провинциализмом, наивностью. Как и из Борка, из Ленинграда грустно уезжать.

Бездомность. Вечный лейтмотив проходящего, а самое тяжелое – не поднимающегося. Так juif errant[2*].

Объективное и субъективное. В «себе» пустота, томление духа, а вне колоссальное и непонятное.

31 августа, Москва Воскр[есенье]

Два дня входил в дела. Ужасает это ничем не ограниченное море. Вчера вечером у Весниных, которые приехали из Карлсбада. Викушины портреты. Сегодня: выжимание из себя московской юбилейной статьи (800 лет)[1]. По случаю юбилея красят в спешном порядке дома и почему-то печные трубы (очевидно, для оправдания «белокаменности»). Купил скверную фарфоровую берлинскую Минерву, за которую ругает Олюшка.

А в голове пустынно, тоскливо, бесперспективно и жутко.

---

* Сердечная тоска (*нем.*).

* Вечный жид (*фр.*).

7 сентября, Москва, Воскр[есенье]

Московское 800-летие. Сияющая погода, подмалеванные московские дома, флаги, портреты. Толпы народа на Тверской. Выступал на закладке памятника князю Юрию.

Суетливая московская неделя с «ночными бдениями» безрезультатными в Москве, с заседаниями в юбилейной комиссии. Каждый день строительство на Миусской, надоевшее свыше меры.

Из газеты присылают письма читателей, обвиняющих меня во всяких «антимарксистских» грехах. Каждый день к вечеру головные боли. Творческого порыва никакого. От отпуска и помина не осталось. Жить трудно и тяжело.

В газетах таскают Жебрака, обижаясь за Лысенку[1].

Хочется творческой тишины и глубины. Это одно осталось.

14 сент[ября]. Москва (Воскр[есенье])

Еще неделя. Два банкета у Попова[1]. Один с приехавшими на юбилей иностранными мэрами и пр. Сидел рядом с итальянцем Марио де Чезаре. Разговоры грустные. Несчастная Италия после идиотской авантюры Муссолини, по-видимому, еле дышит. Второй банкет вчера по случаю получения Москвою ордена. Невыносимый трафарет, испорченный желудок. Заседанья, разговоры, строительство, усталость, полное сомнение в себе, «самокритика» в полной мере. Кажусь себе вороном в павлиньих перьях. Вчера вечером был Боря Васильев, сегодня ездили к нему, потом гуляли по лесу за грибами. Боже, как это грустно [–] встречаться через 40 лет. Старики. У Бориса остались какие-то элементарные слова только. А когда-то меня к нему так тянуло и он казался лучшим. Желтые, красные листья, запах осени всюду и это «но, рыцарь, то была Наина»[2]. Остаток жизни хочется прожить для других, для страны, для народа, принести ясную пользу. Но как это сделать. Слабнут силы и выходит совсем не то.

18 сент[ября]. Москва

Олюшка уехала в Ленинград. Один. И по вечерам в полночь, как сейчас, так пусто. Никого, ничего. Одна механика. Плохой винт в машине. Автоматы.

22 сент[ября]. М[осква] (понед[ельник]). Утро

Кончилось бабье лето. В окно солнце, которое сейчас как раз попало на puttino[*], рядом Santa Cecilia[2*] против меня на синей стене.

О чем же писать? О том, что кругом, или о себе? Руготня Маршалла с Вышинским[1]. Явное начало хорошей осени. Отвратительное строительство. Это форменна[я] трагедия и фиаско. Вымучивание юбилейной статьи. Надо идти к «начальству». Усталость. Полный упадок творческой инициативы.

А про себя: духовная пустыня. Вспоминаю о себе, когда было 10, 15, 20, 25 лет. Сначала мир полон духовного. Бог, черти, лешие, все живое, мир ды-

---

[*] Амур (*итал.*).

[2*] Святая Цецилия (*ит.*).

шет, в нем опасно, но радостно жить. Потом «научное мировоззрение»: Мечников, Геккель, Тимирязев, Бюхнер, еще поз[д]нее Мах. Вдохновение критики и разрушения, первые шаги Эпикура и Лукреция. Потом на войне, смерть Лиды, и хочется назад к первоначальному миру, как в «сон». И вот теперь полная безотрадная ясность выстраданного материализма.

В душе еще какие-то остатки самолюбия, глупых страстей, но это легко стряхивается и остается холодная осенняя ясность, преддверие гроба.

Опять книги без конца, но как мало настоящих.

26 сент[ября]. Москва

В среду 24-го был у В.М. Молотова по академическим делам 1 1/2 часа. Как будто бы было все в порядке.

Сегодня – в Ленинград. Болит голова.

27 сент[ября]. Ленинград. Суббота

Желто-красно-зеленая осень на Менделеевской линии. Полная Нева, как в гранитном корыте. Блистающие, начищенные купола Исакия. Смотрю на громадные гранитные основания колонн здания Академии, их не меняли 150 лет. А люди... Город живет сам по себе, без людей.

Печальное чувство «деперсонификации». Совсем почти «меня» не осталось. Ходящая автоматическая машина вроде телефона-автомата, реагирующая на события, немножко хранящая их в памяти. Мне так ясен становится пере[х]од от тумбы и колонны к человеку. Да, сознание только обманный фокус природы. Близкие, прошлое, свое, как отлет[е]вший сон, как расплывшееся облако, о котором никто не помнит, несмотря на все истории, дневники, фотографии.

28 сент[ября]. Ленинград. Воскр[есенье]

Книжные лавки, комиссионные магазины без больших находок. Вежливые, тихие люди. Если бы они еще были счастливыми!

Выжимаю юбил[ейную] статью. Тяжелая голова и никакого вдохновения.

30 сентября. Ленинград

Уезжать собираюсь завтра. Вчера и сегодня разговоры в ГОИ, в Академии, длинные. Усталость. Болит голова и неотвязно. Много неприятного. Увольнение Федосеева. Сплетни Севченко. Дождь. Сырость. И Ленинград пахнет кладбищем.

Самое тяжелое – отсутствие всякого творческого подъема. Усталость. Работаю через силу. Задыхаюсь, когда иду, и даже, когда сижу. Не за что зацепиться.

1 октября. Ленинград

Через час надо ехать. Сижу усталый и, главное, с трудом дышу. Я наконец начал понимать, что старею. Погода лихорадочная, солнце, холодный

дождь и даже снег. В ГОИ и в Академии бесконечные люди. Голова переключается как в телефоне-автомате.

О чем же писать? И кому все это нужно? Никому. Разве для загромождения архива.

5 октября. Москва. Воскр[есенье]

Выжимание юбилейных [статей] из себя. Ощущение запутавшегося банкрота. По инерции ходил за книгами. Приношу, некогда посмотреть. По радио – взволнованное море. Возобновление интернационала.

Духовная пустыня. Вакуум.

12 октября. Москва. Воскр[есенье]

У меня нет времени вдумываться, составлять «систему». Задерган совсем. До изнеможения, до глупого [состояния], до непрекращающейся головной боли. Но само собой «malgré moi»*, как фон, стоит такая «философия». Сознание, «я» – «фокус» природы, выполняющий функцию наиболее эффективного использования куска вещества {«для чего»? или «почему» – мне неизвестно}. Этот «фокус» возникает при определенной комбинации вещества и разлетается как дым в момент смерти. От сознания и «я» ничего не остается. Псевдо-бытие чужого сознания в виде памяти о нем других, писем, фотографий, дневников и т.д. иногда полностью разлетается. Не остается или не останется скоро ничего: «Великий Цезарь ныне прах и им замазывают щели»[1]. Если достигну[т]ь резонанса «желаний неведомых природы» и тенденций сознания – то жизнь идет так, как надо, «как задумала природа». Если этого нет – трагедия и она – распространенное явление в интеллигенции.

Это один возможный сугубо материалистический вывод философии «сознания как фокуса природы». Другой – агностицизм, невозможность Мюнхгаузену вытащить себя за косу из болота. Живи и дожидайся, что из этого выйдет. Все может быть.

Реальный результат дум такого рода в этом году: полная уверенность в «биологической» доказательности того, что сознание – не просто дубликат физических явлений, что это фактор, как-то воздействующий на физику, т.е. и сам физический (это следует с очевидностью из развития сознания, его утоньчения и усложнения в природе, к которому «природа» не стала бы стремиться «зря»). Неисповедимыми путями, может быть, природа физически действует и на сознание, и тогда круг замкнется. Думаю, что самое интересное, глубокое и неожиданное для физика в будущем в изучении сознания.

Сейчас. На улице 0°. В окно солнце мимо фаянсовой немецкой Минервы с копьем, купленной на Арбате, между двумя горшками с азалиями (тоже немецкими, из потсдамских оранжерей). Солнце на урановом стакане с Шиллером, привезенном Весниными из Карлсбада. В стакане последние мелкие

* Независимо от меня (*франц.*).

красные розы из сада и белые шарики (название забыл). Солнце играет на бронзовой золоченой чернильнице (почти своей работы). Чернильницы в виде сфер – земной и небесной, в середке полуодетая дева с астрономической сферой в руках. Золотые пятна и рефлексы. Кварцевые печатки. На синей стене красновато-оранжево-желтая Чечилия Доменикино, Лютер и Фауст. Краснодеревный диван, два питерских шкафчика для бумаг. – Вещи. Но надо же где-нибудь жить, и лучше с ними.

Мучительная неделя выжимания газетных статей, заседаний. Больная голова. Мозаика, мозаика отвратительная. Улетает память. От прошлого какая-то слабая паутина. Динамика без остановки.

В Радио – Бах из Швейцарии.

Вот воскресная картинка одного из сознаний.

25 октября, Москва, Суббота

В неурочное время дома. Отвратительный насморк, слезящиеся глаза.

Идет сессия Общего собрания[1] – юбилейная, но особого торжества не выходит. Мне все время [приходится быть] в активной роли – Выборы суда чести[2] – доклад. Открытие сессии в Большом театре – длинное вступительное слово. Вчера «Люминесценция и ее длительность»[3]. Подготовка. Люди, люди, люди. Усталость. Постоянное ощущение чего-то вроде нависшего над головою меча.

Философия? Ясное ощущение себя машиной, на которой «кто-то» работает. «Я», сознание – обман и пустота.

Москва, 2 ноября, Воскр[есенье]

Вчера кончилась академическая сессия. Бесконечная. Тысяча людей в зале. Болел в эти дни, но на сессии. В результате усталость, апатия и усугубление «философии».

Сегодня – банкет. Новое мучительство. История, социальный процесс. В это время так мучительно иметь ясное сознание.

Москва, 5 ноября, Утро

Телефон-автомат. Машина. Навязные, механические одни и те же слова. Выдавливание из себя «статей» для газет, ни одной новой мысли. Закончившаяся сессия. Банкет с подпившим Н.Н. Семеновым, делавшим какие-то намеки на то, что я де себя не про[я]вляю. Торжественные вечера. Олюшка уехала в Питер. Один. Неужели так и дальше придется доживать, как скверная портящаяся машина?

Хочется тишины, творчества, напряженности. Кажется, что вижу и понимаю много больше, чем другие, хотя все больше убеждаюсь, что выше себя не прыгнешь.

Москва, 8 ноября

Первый день отдыха после трех недель: выборы в суд чести, сессии, праздников 30-летия. Дней пять подряд торжественные заседания, банкеты, сидения в президиумах. Одна и та же музыка. Невыносимые певцы, скрипачи,

Ойстрахи, Флиеры. Вчера на приеме на Спиридоновке. Вчера во время концерта рядом Лысенко. Рейзен пел «Блоху» Мусоргского. Живая иллюстрация.

Утром вчера на параде и демонстрации. День холодный, дождливый, серо-грязный. Последние дни читал о. Пирлинга[1] III том – Смутное время. Россия со стороны, с точки зрения умного иезуита.

20-летний план развития науки. Согласовывать с Кафтановым, Лаврище[вы]м, Бруевичем.

«Nativita» Barroc[h]io, реставрированная Кориным (вернее, просто промытая). По-прежнему Лютер Луки Кранаха на стене. Белая фарфоровая Минерва с копьем на белом окне. За окном деревья, покрыт[ы]е снегом, с прилетевшими опять воронами. Ворона и проблема сознания.

30 лет в личной жизни. Двинск. Остров. Опять Двинск. Пресня. Отец. Мама. Николай. Алекс[андра] Ивановна. Ленинград. Москва.

В душе мозаика. Усталость. Вороны на оснеженных ветках. Олюшка в Ленинграде.

Нужно начать наконец писать большое, втягивающее.

Приобретение, или признак страшного недуга. Сверхличная точка зрения на все.

По радио «Экстаз» скрябинский. Когда-то слушал его первое исполнение в Благ[ородном] Собрании. Ничего не понял. Шел с концерта с И.Е. Евсеевым и А. Габричевским и ругался (в Георгиевском* пер.). Теперь понимаю глубину этой музыки. Это экстаз умирания, той эпохи перед 1914 г. Непрестанный крик, стон сознания, сжигающего себя самого.

<u>Ленинград, 13 ноября</u>

Приехал вчера вместе с И.В. Зубовым. Дома – начинающаяся новая жизнь у Виктора и Сони. Тихо, уютно, словно на старинной швейцарской картине. Предметы – так, как перед войной. За окном столовой – 12 коллегий петровских. Снег на крыше.

ГОИ – за месяц лаборатории. Успехи небольшие. Много самолюбий, но мало настоящего углубления в природу и подлинной в этом заинтересованности.

Академия наук – страдания молодого Вертера И.А. Ванина на месте Федосеева. Филантропическая дребедень.

Вечером лекция в Конф[еренц]-зале Академии. Опять «30 лет сов[етской] науки».

Настроения и «философия» самые грустные и самые безнадежные. Растекание личности, полная эфемерность прошлого. Все кажущееся ценным – сон и мираж. Верна только мгновенная эстетика, смысл которой тоже пустой.

<u>Ленинград, 14 ноября</u>

В городе считают за «свадебного генерала», которого надо заманить на всякие юбилеи, заседания, торжества. Надоело отбиваться от этих назойливых глупостей.

---

* У Вавилова – Георгiевском.

Утром в ГОИ, собеседования с лабораторией. Духа живого мало.

В 6-ом часу вечера вчера в Эрмитаже: Петровская галерея. Прошло двести лет, и что же осталось? От Петра сохранили все, что можно, вплоть до внешнего облика «персоны» растреллиевской. И живет импульс, пинок, данный им давно России. Этот пинок не иссяк, это и есть живой Петр. Это все? Мало? или много? Опять злополучное «я», растекающееся облако, фокус природы.

Страшно недоволен сам собой. Никакого творчества, свежей мысли. Усталость. Отупение. С трудом дышу. Толстею. Сам на себя не похож. А иногда казалось, что я мог бы подняться до высот, с которых все видно. На самом деле все тянет вниз.

Хожу, сижу, а неустанно перед глазами собственная и общечеловеческая трагедия. Сейчас темное питерское утро. Сижу в зеленом кресле в красно-желтом кабинете, как в темной могиле.

Ленинград, 15 ноября

Вчера 12 часов непрерывного таскания из одного места в другое. Фотогр[афическая] лаборатория ГОИ с треками толстослойных пластинок. Семинар лаборатории. Визит к Чехматаеву. Академия – разговоры с Зубовым, пушкинистами. Смольный – Капустин, Бадаев. Комиссия по истории ф[изико]-м[атематических] наук[1]. Конференция ЛГУ с докладом по люминесценции. В итоге разболевшаяся, распухшая голова. Тяжело дышится. И куда же, и как спасаться?

Ленинград, 16 ноября, Воскр[есенье]

Я с ужасом замечаю, как постепенно обрываются связи мои с жизнью, с людьми, событиями, предметами, прошлым, будущим. Родные, знакомые начинают казаться призраками, тенями, изменяющимися, исчезающими. Все, все в движении, расплывается, совсем не вечно, люди, как актеры*, вещи, как картины, быстро выцветающие и распа[да]ющиеся. Судорожные попытки музеев, архивов, библиотек спасать прошлое – случайны, фальсифицированы, да и не достигают в сущности ничего.

Для дальнейшего существования при такой ясности нужно понять, полюбить и полностью войти в динамику, в подвижность до конца, до полного растворения «я»: это пытаюсь делать, но это противоестественно. «Я» – главный фокус природы, и растворить его – это покончить с фокусом.

Вчера опять целый день хождений, заседаний. Оптич[еский] И[нститу]т, лаборатория. Библиотека Академи[и], выставка. Строители в Академии. Ломоносовское заседание, о телескопе, о его доме на Мойке (живая иллюстрация отлетевшего навсегда и жалкой попытки реконструкции).

Сегодня – по комиссионным магазинам, по антикварным книжным лавкам. Погоня за прошлым. Нужна большая творческая увлекающая мысль, которая оторвала бы от этой безнадежности.

Снег, но тает. Питер во всей красе с дерев[ь]ями в снегу. Завтра надо ехать.

---

* Слова «актеры» написано вместо зачеркнутого: «картины».

Москва, 23 ноября, Воскр[есенье]

Вернулись 18-го, во вторник. Физически чувствую себя скверно. Одышка (эмфиземная?) даже на ровном месте и в сидячем положении. Какая-то гадкая головная боль.

Дни заполнены пестрейшей мозаикой, составленной из чего угодно: дележа дач между академиками, чертогонный запой А.Ф. Щеголева, ракеты, ругательства со строителями, «философия» с новым директором Г.Ф. Александровым, огромная фарфоровая ваза Дмитровского завода, которую надо было ездить смотреть, разговоры с Аленцевым о своей научной работе (поглощение света на расстояниях между молекулами < λ), отбивание атак о лекциях и статьях, «общество распространения[»], откуда надо выгонять людей. Выдвижение кандидатуры в городские депутаты. Заседания президиума, депутатские письма, снабжение бэбэ* оптическими деталями для проекционного фонаря, люминесцентный семинар[1]. Дома часов в 9 с больной усталой головой, в 12 надо засыпать. Странная механическая жизнь.

На свете крупная шахматная игра (пока шахматная).

«Самодвижущаяся материя», нет даже утешения в природе, которая задумала какой-то фокус. Надо настроить в полный резонанс сознание, я с этим самодвижением.

На дворе 3–4 градуса мороза. Немного снега.

30 ноября, Москва

Болит сердце. По Москве финансовый переполох, предполагается что-то вроде девальвации[1]. Все стремятся истратить деньги. Странное что-то.

Неделя заседаний, усталости, незаконченных дел. Голова лопается. Никакой сосредоточенности. А самое тяжкое: никаких зац[еп]ок. Скептицизм, агностицизм, релятивизм – что угодно. «И нет в творении творца, и смысла нет в мольбе»[2]. Расплывание личности и это боль личности. Вчера был Боря с женой. Ничего от прошлого. Так скучно и так просто умирать. Сегодня опять книги, но они задержива[ю]т на 1–2 часа.

Болит сердце, голова. Скверная «зима-осень» с тающим снегом. Впереди столько неприятного.

5 декабря. Москва

Ясно понимаю, что проживаю последние годы состояния человека, которым он быть должен. Дальше, если придется жить, начнется явное умирание на собственном виду, потеря памяти, сил. И вот на вершине горы страшно холодно, одиноко и безразлично.

Жизнь кругом: весь земной шар пузырится, хаотически кипит. Все хорошие слова, принципы перевернуты вниз головою. Все позволено. Человеческое сознание как будто бы дошло до тупика.

«Шар земной, ничтожный и презренный, неизменный свой свершает путь»[1] и на нем всяк[и]е макро- и микростатистические процессы. «Все уто-

---

* Возможно, Бонч-Бруевич.

пить[2]». Рушится надежда на человеческую волю, выстраивающую людей к одной увлекательной цели, на волю, оседлывающую земной шар.

«Я» – давно понял его фиктивность, его вспомогательную сущность в природной машине.

Собственные силы, возможности, планы не велики, чувствую увеличивающуюся слабость и «самокритику».

Но, по-видимому, самое правильное – отбрасывать эту безнадежную рефлексию и ясно чувствовать и действовать как звено в общественной машине, в которую попал. Выше себя не прыгнешь. Агностицизм.

А все вместе взятое – грустная мизантропия, из которой хотелось бы вырваться, пока – человек.

Читаю биографию Эйнштейна, написанную Ф. Франком[3]. Обывательская книга, да и в самом Эйнштейне, по-видимому, порядочно обывателя, хотя его научный метод и полученное им – сверхчеловеческое.

На дворе 3-й месяц погода пляшет около нуля. Мокрый снег, дождь. Гадость. Уличная финансовая паника перед предстоящей девальвацией или сменой денег. Покупают все, вплоть до гробов. Экономическая зоология.

7 декабря, М[осква] (Воскр[есенье])

Дни проходят наполненные, но каждый день чувство несделанного самого главного, всегда чувство виноватого.

Сегодня в гололедицу съездили с Олюшкой в «Узкое». Чистый снег, чистый воздух. В Москве черный снег, и ходишь, словно по дну помойной ямы. Потом книжная лавка. Единственное место, где сейчас еще можно покупать. И тут полки пустые.

Трудно дышать, но трудно и думать.

14 дек[абря]. М[осква] (Воскр[есенье])

Прошла еще тяжелая неделя. Каждый день вытягивал с трудом. На людях и всегда надо «изображать» персону. Несколько усталых часов сам с собою. Полное отсутствие творческой работы. Для финала вчера вечером визит к чешскому послу Торелу по случаю отъезда пражского профессора Рыпки. Посольская квартира на М[алой] Никитской с берлинской мебелью. Разговоры о красотах Праги, которую я не видал.

Самое тяжелое: прочно угнездившаяся, и сознательная, и бессознательная философия: 1) Эфемерность «я», 2) полная условность человеческих отношений, слов, мыслей и даже снов, 3) в сущности, вся человеческая деятельность – актерская. При такой философии не мудрено «соскочить с орбиты» в небытие и сознательно кончить с сознанием.

Последние дни: на улицах снег и какое-то подобие зимы. Сегодня объявили о финансовых реформах и отмене карточек.

21 декабря, Москва. Воскр[есенье]

Один. Олюшка уехала в Л[енин]гр[ад]. По случаю местных выборов лавки закрыты. Не ходил поэтому и в город. Только на выборы в сопровождении кинооператоров.

Тяжелая неделя, с головной болью, с перманентными заседаниями Президиума, Совета по координации, РИСО, Президиума, с визитами к Вознесенскому, в Ц.К., где вместо Суворова появился Жданов junior[1].

Философия портящегося телефонного автомата, а вернее, философа, понявшего, ч[т]о выше себя не прыгнешь.

Кругом печальные денежные трагедии и комедии. А.В. Щусев, вынувший сколько-то сотен тысяч старых бумажек, уборщицы, потерявшие последнюю тысячу.

Обращаюсь в резинового болвана, в который вставлен граммофон и которого возят в ЗИС'е 110.

Нет людей для работы. Нет людей, с которыми можно говорить по-настоящему. Только одна Олюшка. Кругом фальшивое актерство.

На улице наконец мороз 10° и снег. По радио из Англии рождественская оратория Баха.

Прочел о космологических фантазиях П. Иордана. Мир, начинающийся миллиард лет тому назад из точки и растущий с рождающимися звездами. Снова, по-видимому, попытки Мюнхгаузена вытащить себя самого за волосы.

25 декабря. Москва. Утро

Радио: коляды, рождественские гимны по-фински, по-чешски, по-польски, по-английски. «Все выраженье стихии одной»[1], стихии, пробудившейся бог знает когда, когда стали праздновать победу Солнца над тьмой. Зерно всего этого еще совсем не понято. Это – явление природы, так же, как перелет птиц и зимняя спячка. Следует философам оглядываться не только на собственную голову и «природу», но и на человеческую историю и modus vivendi*. В этом оказывается от философов скрытое.

Первый мороз за зиму –15°.

Жизнь нестерпимая. Совсем задерган. Телефонный автомат. Собираюсь завтра в Л[енин]гр[ад]. Не знаю, удастся ли?

Начинается день. «Заряженная» голова, которая могла бы вонзиться и разобрать многое. На самом деле «заседания» впереди, со скукой, ненужными словами, скукой, больной головой и постоянным чувством, что не сделал 90 проц[ентов].

26 дек[абря]. Москва

По улице идет двуногое в московском одеянии сороковых годов XX века. В его голове какие-то намерения, планы, «философия». В более или менее определенное время он ест, занимается обратным делом, спит и т.д. Таких по земному шару бродят миллиарды. У каждого из них «я». Мир для него. Если бы в его руках была кнопка, после нажима которой мир мог бы исчезнуть, вероятно, это «я» в минуту отчаяния нажало бы кнопку. Узнать по лицу и походке о чем в точности думает это «я», невозможно, но приблизительно,

* Образ жизни (*лат.*).

статистически установить это возможно. Все было бы крайне просто, если бы такая фигура делала в точности то же самое, что она и на самом деле делает, но у нее отсутствовало бы «сознание» и «я». Все «несчастия» человеческие проистекают только из «я». Иначе войны, пожары etc. были бы ничем не хуже любого парадиза. Надо думать, что сознание есть condition sine qua non* жизни. А отсюда миллионы следствий, новая наука и новое мировоззрение. Об этом я думал летом в «Узком», но сейчас почему-то особенно это настойчиво.

Собираюсь сегодня ехать в Л[енин]гр[ад]. Кругом очень тяжело, неприятно, утомительно, загон в рай дубиной.

27 декабря. Ленинград

Такая усталость и затасканность, что вот сейчас сижу на Биржевой л[инии], глаза скользят безразлично по книжным полкам, по бронзовому Коллеони[1], по старому моему студенческому письменному столу, который когда-то купила мамаша на Смоленском, по восковому Ньютону, пережившему здесь блокаду.

Чувство словно болезнь, разрешающая полное изнеможение и полное безразличие.

Оптический Институт с темными коридорами и лестницами. Лаборатория, сделавшая за два месяца очень мало. Старый дом академический, разговоры с Ваниным, который начинает входить в академический стиль.

А во мне процесс деперсонификации с постепенной потерей всех жизненных стимулов. А кругом уютный, ставший провинциальным, Питер. Блистающий золотом петропавловский шпиль, который недавно вычистили после маскировочной грязи. Дома уютное семейство Виктора. Что-то с ним будет дальше?

28 декабря, Ленинград. Воскр[есенье]

Праздник комканый. Лен[инградское] Отделение Общества Распространения знаний в Доме Ученых. Я «открывате[ль]». Ушел. По книжным лавкам и антикварам, после пролетевшего две недели назад девальвационного шквала. Пустые полки и стены.

Сегодня дома жарко. Болит голова и противная taedium vitae*. Город в тумане. На морозной Неве днем через туман золотой начищенный петропавловский шпиль с сияющим ангелом. День бездарный, бездарный.

30 декабря, Ленинград

Объективизация себя самого. Вчера разбирал старые негативы за сорок с лишним лет, несколько сотен. Вся жизнь, котенок, снятый лет 45 назад, школа, университет, война, родные, близкие. Мимо, мимо, глаза скользят, не задевая. Ни чувств, ни страстей. Смотрю на себя в зеркало. Что-то толстое,

---

* Необходимое условие (*лат.*).

* Отвращение к жизни (*лат.*).

тяжело дышащее, совсем не то, что представляю, думая о себе. Видимо, пора скидывать «я» и поступать в общий «котел». Грань пессимизма? Но, может быть, из нее скачок в самый радостный оптимизм?

Мозаика Оптического Института, питерской провинциальной Академии с остатками прежней роскоши. Мороз на улице.

31 декабря, Ленинград. Вечер.

Год кончился. Пестрый и сложный. На свете тяжело и душно, может быть, перед войной с атомными бомбами и самоубийством человечества.

Академия расширялась, строилась, работала, но великого во всей этой махине за год сделано не было. Это очень грустно.

Со мной нехорошо. Мозаичная суматоха дел. Ни одного дня полного удовлетворения. Все время сознание, что не сделал 90 проц[ентов]. Словно преступник. Днем на людях 10–12 часов ежедневно. Потом больная голова, бегание от людей. Спасенье [–] книги, картины, музыка, тишина. Страшная философия объективизации, пробирающаяся внутрь помимо меня. Мир без сознания, без души. Прошлого нет. Нет мамы, Николая и всех. Нет навсегда и полностью.

И все же кончаю надеждой. Брезжится доказательство сознания в мире. Начинаю понимать вселенскую роль живого, людей, самого себя. И хочется сделать большо[е] в науке на прощанье, перед концом, который на самом деле не будет концом.

Сегодня: утром с половины десятого в Оптическом Институте. Семинар, Свешников правильно критикует Тумермана. Нелепые планы Севченко. Разговоры с А.А. Лебедевым и «умирающим лебедем» – Линником. Архив, в котором кипят страсти: идеальный директор архива Г.А. Князев, полный архивного, исторического пафоса. Хорошая и трогательная фигура. Воюет с Модзалевским (которому до нег[о] далеко). Елисеев – словно из XVIII века, из начальных лет Академии, полный чинопочитания и усердия (по крайней мере, в присутствии начальства). Новая рукопись о ночезрительной трубе. Издание «Истории Академии»[1]. Страхи «низкопоклонства перед Западом». В Академии Каплан–Ингель с портретами какого-то пастора XVIII века, стул[ь]ями, наполеоновскими креслами и прочим «красным деревом». Потом легкий экскурс за книгами, на Большой [проспект] на Петроградской стороне Корреджо (в Москве, стало быть, старая копия с Корреджо).

Сейчас в маленьком кабинете на Биржевой, с Коллеонни, книгами, с небольшой головной болью, с радио. Я – не я, а окно, через которое мир смотрит на самого себя.

1948

1 января, Ленинград (четверг)

Нужно ли возвращать крепкость, уверенность, цепкость в жизни, которые были в молодые годы? Сейчас все кажется временным, преходящим, случайной комбинацией случайных элементов – сходящиеся и расплывающиеся облака. Уцепиться как будто бы не за что.

Держат две идеи: эволюция и сознание. Эволюция мира – вплоть до расширяющейся вселенной и эволюция живого вплоть до человека. Есть что-то впереди, чего не знаю, что, может быть, произойдет через миллиарды лет. Но годы только форма. Другое – очевидность сознания и его безусловная действенность (не только психо-физический параллелизм). За загадкой эволюции и сознания – неизвестное, которое поддерживает жизнь.

Иначе: все ясно и даже в самом высшем проявлении Праксителя, Ньютона, Пушкина, Леонардо, недостаточно велико и не в состоянии удержать прояснившее холодное объективирующее сознание.

В жизни остались наука, философия, искусство, жалость к людям и немногие свои, почти сливающиеся с «я».

Сижу один в темном, сумрачном кабинетике на Биржевой. Олюшка, Виктор, Соня ушли гулять. Читаю «Огненного ангела»[1] преодоленной (по-видимому, не преодоленной) бездарности.

Беру с полок книги. Много интересного. Жалко с ними расставаться. Завтра надо ехать. Бездомная жизнь, еще больше распыляющая, смазывающая «я». Настроение – элегическое.

В пышном скелете царского города идет своя тихая провинциальная жизнь. Впечатление как от развалин колонн, уютно заросших кустарником и цветами.

Сомнительный собственный план[2] на 1948 г.

А. Экспериментальная работа

1. Осуществление опыта с поглощением света при расстояниях источника света от поглощающих молекул $< \lambda$[3]

2. Фосфороскопический метод определения слабых длительных свечений в вязких средах

В. Научное писательство

Лекции по люминесценции

С. Научно-поп[улярные] книги

1. Новое издание «Глаз и Солнце»[4]

2. Статьи по философии и истории физики (!)



D. Переводы
1. R. Boscovich. Diccertatio de lumine
2. E. Мысли и воспоминания о пережитом[5]

Конечно, все будет не так.

4 января. Москва (Воскр[есенье])

Вчера приехал с Олюшкой. Сразу водоворот. Большие и мелкие неприятности со всех сторон. Вознесенский Н.А. позвонил о том, [что] план строительства Академии ограничивается 120 милл., т.е. почти вдвое меньше того, что хотели[1]. Глупое письмо Капицы, обижающегося на то, что вильсоновскую камеру Вильсона с магн[итным] полем я приписываю ему, а не Капице. Неизвестно почему арестован Тумерман[2]. Промок кабинет в ФИАН. Уезжает на две недели Бардин. Собирается болеть Бруевич. Олюшка принесла идиотскую анонимку. Завтра надо заседать в 1-ом Упр[авлении][3] и т.д.

Накладываясь на общую усталость и меланхолию, все это обращает жизнь в большую тяжесть. На улице 7°–8° мороза. Ездил за книгами. Мало и как-то непонятно, зачем я их покупаю.

11 января. Москва (Воскр[есенье])

С большим трудом и тяжестью прожитая неделя. «Сколачивание» документа о космических лучах[1] с разношерстной комиссией из М.Г. Первухина,

Н.А. Борисова, И.В. Курчатова, А.П. Александрова, Алиханьяна, Флерова. С одной стороны, непонимание науки, чем она дышит и как растет[2], с другой – скрытые склоки физиков между собою. А над ними странная «истина». Заседания по ночам, звонки.

Скандалы в Физ[ическом] И-те, А.Н. Щеголев – запой, скандалы в пивных. Какие-то страсти роковые в Версале[3] между Бруевичем и Зубовым. В чем дело, не знаю. Мелочи, сотни дел, сразу забываемых. Отвратительное чувство, что что-то забыл.

В ночь с 9-го на десятое дождь и какое-то странное полыхание неба. Молнии? Или быстро исчезающие северные сияния. Максимум солнечных пятен. Отчего бы Солнцу не начать разрываться. И всему бы конец. Так это просто. С этим и засыпали.

Нет сейчас у меня большой мысли, большого начинания. Все в бесчисленных мелочах. Не люблю и не могу так жить. Нужна притягательная цель, которая бы и заставила все забыть.

Душевное равновесие только когда слышу музыку Баха или Бетховена. Это – родная сфера. В чем дело? Не знаю.

На стене передо мною две новые итальянские загадочные картинки, нарисованные на меди. Что-то вроде джорджонесков[4] (может быть, и подделки). Аполлон, убивающий Пифона[5], и второй, пока мне не известный мифологический сюжет. Глядя на них, тоже «уравновешиваюсь». Тоже вроде органа.

Прекратили торговлю в воскресные дни. Нарушилась еще одна отдушина. С десяти лет в воскресные дни ходили на охоту за книгами («Сухаревка»).

18 января, Москва (Воскр[есенье])

Грустны[е] и даже жуткие путешествия в прошлое. Вчера вечером, вместо того чтобы присутствовать на приеме на Спиридоновке [1] по случаю прибытия польского премьера, поехали с Олюшкой в Малый театр на «Горе от ума». Старый театр, старые кресла, на сцене старая фамусовская Москва. А сегодня поехали на Ваганьково, на пресненские могилы[2]. В снегу. Шекспировские старухи-нищенки. И от[ч]аянное, жуткое собственное безразличие. Потом поехали по Никольскому пер[еулку] мимо нашего маленько[го] дома с садом[3], где теперь совсем чужие люди. Напротив ободранная Николо-Ваганьковская церковь, когда-то богатая, блиставшая золотом, гремевшая звоном по праздникам. «Парадный ход в маленьком доме – 50 лет назад. Вишневый сад. Рядом лабзовский дом, с другой стороны глаголевский дом[4]. Все развалилось, все такое маленькое. И всего прошлого нет. Надо воскресить хотя бы для себя это прошлое – писать. Это отпадание прошлого почти смерть, а вместе с тем освобождение «я» от себя самого.

Прошедшая неделя опять тяжелая и безотрадная, и снова совсем без творчества. Виноват сам, и надо брать себя в руки. Бесконечная цепь мелочей и ничего большого. Сегодня целый день разбираю книги.

22 января, Москва (Четв[ерг])

Дома. Один. Олюшка уехала вчера в Лгр. На дворе тает: «крещенские морозы». Разбираю книги. Пытаюсь читать необъятного «Платона» Виллья-мовица[1]. Завтра целый калейдоскоп.

25 янв[аря]. Москва (Воскр[есенье])

Моск[овский] Совет. Совет Министров. Общество. Ни минуты покоя. Сегодня пишу вступительные слова для Общества[1]. Пришел Зубов И.В., собирающийся в отставку, жалуется на Бруевича. Помои. Болото. И людей жалко и тошно. Тяжелое воскресенье. Урывками заглядываю в «Платона». Смерть Сократа. Как все просто и ясно, и почему-то кажется, что пора «укладываться» на тот свет.

Смотрю на вещи кругом. Они живут многие жизни. На окне фарфоровая Паллада из Берлина, из какой-то немецкой квартиры. Две азалии из потсдамских оранжерей. На стене М. Лютер Луки Кранахского 1533 г. Со сколькими людьми он жил? Странные «аполлоновские» картины из Питера, они, конечно, жили, вероятно столько же, сколько и Лютер. Краснодеревный диван александровских времен, николаевские шкафчики. Они живут много дольше человека. Куда-то эти вещи пойдут отсюда. Их жалко, с ними сжился.

На улице легкий мороз.

1 февраля. Москва (Воскр[есенье])

Когда[-то] под Радомом, весной 1915 г. писал что-то в таком роде:

«Объятый ширью одиночества
Внимаю тайнам тишины
И отдаленные пророчества
В мечту немую вплетены».

Настроение сейчас такое же. Одиночество – это и есть «я» (оно возможно только по воскресеньям). Чувствую, как это «я» расплывается, исчезает, теряет свою биологическую основу. И становится «все равно» (а главное – жизнь и смерть, еще читал на днях о смерти Сократа).

А прошедшая неделя снова мучительная, заседательская: Общество, Институт. Верх[овный] Совет. Домой возвращался в двенадцатом часу ночи. Почему-то трудно дышать. Передвигаюсь с трудом по ровному месту.

В И-те очень хочется экспериментировать, но остаются буквально минуты. Видит око да зуб неймет. Вчера был Борис[1]. Так хотелось говорить по душам (несмотря на усталость), перекинуть нити в прошлое, но, как и сорок лет назад, душа не раскрывается. Грустно.

Читаю Платона ядовитыми материалистическими глазами, весь туман разлетается.

Когда оглядываешься на все сказанное и сделанное людьми, Платоном, Ньютоном, Лобачевским, Эйнштейном, Бором – видишь, что главное не сказано и не найдено: соотношение вещества и сознания [–] философская болтовня ничего не дала.

Летят министры: Калашников, Храпченко, дай боже, чтобы и мне слететь. Жить стало бы легче.

Отвратительное убийство Ганди[2]. Глупою мерзостью полна земля и как мало «философов».

8 февраля, Москва (Воскр[есенье])

Утро. Третий день мороз. Солнце на бронзовых сферах чернильницы, на Аполлоне, убивающем Пифона, на лакированных шкафчиках. На деревьях иней. Из радио: немецкое богослужение с проповедью и Себастьяном Бахом. Один.

Голова больная и тревожная с утра. Ясно, что завяли и отпадают последние нити, связывающие «как природой положено» человек[а] с жизнью. Остались: философия и красота. Можно сбрасывать тела и улетать в платоновские высоты, или, проще говоря, исчезать.

Что сохраняется, что исчезает? В физ[и]ке сохраняются элементы (вернее, сейчас и они не сохраняются) и исчезают их сочетания. В платоновской метафизике сочетания живут как «идеи». Физическое «сохранение» может оказаться фикцией. По-видимому, [для] каждой «субстанции» (вроде электрического заряда) существует в мире партнер с противоположным знаком (отрицательная масса и отрицательная энергия) и в равном количестве. Попросту в целом оказывается, что количество каждой субстанции в мире в целом равно нулю (иордановские идеи). При таком положении дела о «сохранении» можно не беспокоиться. А что же сказать о сохранении «сочетаний». Разве только, что они в бесконечной вселенной в бесконечное время должны повторяться и возвращаться.

Два дня заседаний по поводу «ускорителей». Кабанов, Алексеенко[2] etc. Странное отношение к физике. Господствует афоризм: «идея – только 2 процента, остальное техника». Пришлось сказать, что, к сожалению, остальные 98 проц[ентов] без этих двух ничего не в состоянии сделать.

Неделя заседаний. Верх[овный] совет, ускор[ительные] заседания, диссертации. Усталость. Минор. И какое неотвязчивое чувство туч над головой.

Читаю бесконечного Willamo[w]itz'a. Все это можно и следовало сказать в объеме, в десять раз более коротком.

Надо садиться составлять «вступительное слово» к годичному заседанию Академии[3].

15 февраля, Ленинград. Воскресенье

Ехал с Мещаниновым. Можно же быть таким плоским и безликим. Уезжал с какой-то тревогой, печалью и Herzbeklommenheit*. Не нравится, как у меня идет дело, угасание творчества. Миллион терзаний, мелочей, скандалов (Зубов, Бруевич, переезд институтов в Ленинград, нападки на Академию и далее без конца).

Здесь тихо и словно отрезаны от мира. Синие стены столовой со старыми картинами, уютным книжным шкафом. Соня, ожидающая на днях младенца. Виктор со станком и студенческими интересами, Олюшка совсем далекая от всего. Роюсь в своем архиве: осколки прошлого. Призраки.

---

* Сердечная тоска (*нем.*).

Ездили с Олюшкой на пушкинскую квартиру на Мойку. Жилет со следами крови. Скромный, обшарпанный стол Пушкина, маска, портрет Натальи Александровны, отражающей лицо отца. Вероятно, жизнь была полна перед смертью всем и прежде всего домашними и петербургскими дрязгами. И что же осталось? Снова раздирающая трагедия «я» на фоне этого красного дерева, гравюр, литографий и книг.

Питер[ские] решетки на Мойке, старые петербургские дома «империалистические», александровские. Подвал пушкинской квартиры. А над миром страшные, странные вихри.

Конечно, на поверку объективирую свое собственное настроение. Но как же выйти из самого себя. Человек слишком высокого мнения о себе.

Нет времени. Нет сил. Нет резонанса.

Ленинград, 16 февраля. Понед[ельник]

Чистый снег, мороз, Нева, Исакий. Это со ступеней Академии.

Когда вижу себя в зеркале, не узнаю. Совсем не то, что-то толстое и чужое.

Ленинград, 19 февраля, 12-й час ночи

Конвейер дел. Себя не вижу, 17-го был в Пулково и Царском Селе. Мороз. Солнце. Двенадцатидюймовый снаряд в фундаменте главного здания, не знают, как вытащить. Строят медленно и плохо. Александровский дворец, по-видимому, процесс необратимый[1]. Рушат гнилые балки, заменяя железными. Валится декаданс царицы. Руины. Все прошло. Не вернется. Ни людей, ни идей. Меланхолия руин и катастроф. Какой-то сплошной Forum Romanum[2] и притом без поэзии, а с холодным материализмом. В лаборатории большого нет. Сегодня Архив, у людей псевдобытие прошлого. Дочка Менделеева с претензиями по поводу издания сочинений Д.И. Вечером доклад в ГОИ все на ту же тему: «Развитие и значение советской науки». Совершенно усталый читал два часа.

Хрустальные подвески, украденные с люстр Главного здания Академии. Потом в комиссионном магазине на Морской. Весь теперешний Питер на диссонансе величия былой северной Пальмиры и провинциального теперешнего состояния.

Творчески голова совсем пуста. Нет времени, усталость, грустно. Как будто бы все ясно, это, конечно, не так.

Ленинград. 20 февр[аля]. Утро

Опять ехать. Опять один. Опять международный вагон в стиле «модерн». У Олюшки болит голова. В Москве водоворот неоконченных дел, в котором совсем легко утонуть. Такая тяжесть это «я», когда оно расстраивается и выходит из резонанса с миром. Хочется, чтобы в этом узком, маленьком, темном кабинете с восковыми Ньютоном и Франклиным и бронзовым Коллеони, тихо, незаметно перейти в небытие и покончить с ненужным «я».

Либо надо встряхнуться и поглядеть на все совсем иначе, чем до сих пор.

В «Стреле». Любань

Один в купе. Не жарко и пр[и]ятно, что можно хотя на несколько часов оторваться от людей, вертушек и постоянных дерганий.

В И[нститу]те материальной культуры (бывшем физическом И[нститу]те) показывали сегодня результаты раскопок где-то около Семипалатинска: скифско-монгольский Тутанхамон[1]. Вышитые цветные чепраки, бесчисленные катаные петухи, голова царя и царицы, пролежавшая в вечной мерзлоте, а потом высушенная Вологдиным в высокочастотной печи. Жалкие остатки сочетания атомов, когда[-то] комбинировавшиеся в могучего царя с царицей. Улетело все, навсегда, ничего не осталось от самого главного, от царева я. У меня последнее время все чаще ощущение, что я уже в состоянии такого замороженного и разогретого высокой частотой царя.

22 февраля. Москва (Воскр[есенье]). Утро

Вчера почти с поезда в ЦК. Заседание у Жданова по поводу «менделеевской» и «горьковской» премии. Потом Академия, запутавшаяся и застывшая, боюсь, перед бедой.

Сегодня «передышка». За окном сад «американского» особняка[1] с несчастным бюстом Бетховена, вынесенным на мороз. Солнце на бронзовой чернильнице. Опять на синей стене в тусклой раме Аполлон с Пифоном. В столовой прелестная фарфоровая ваза с «венециановскими» пейзажами, вероятно, из какого-то дворца. Как приросла к красному дереву. Это – маленькие радости, непонятные, впрочем. Хорошо знаю, что не chef d'oeuvre'ы[*], куплены за копейки. Но вот нужно почему-то, чтобы были «свои». Хотя ясно знаю, что скоро в могилу, ничего этого не возьму и снова все это сгинет или попадет в комиссионную лавку.

Читаю Н. Страхова: «Мир как целое». Книга удивительная и стоит очень многих других, русских и иностранных. Ум ясный, непутанный и «свой»[2].

Пугает и угнетает мысль, что fugit invida aetas[2*], а у меня совсем иссякло творчество. Оглядываюсь на свое прошлое и «объективно» вижу, что я всю жизнь был «уродом», не похожим на других, с философской абстракцией и заинтересованностью и глубиной. Всю жизнь, до школы, когда почему-то вникал в печатные церковные проповеди, брошюровал их, занимался «алхимией» на основе брокарного мыла[3]. Школа, с первого же класса влечение к предметам искусства (статья о выставке), школьные учебники по физической географии. И т.д. Об этом следовало бы написать. Это очень чудно и интересно. Но вот жизнь явно загнулась и скоро конец. Чувствую, что должен бы был сделать и оставить людям что-то совсем большое. На самом деле все рассыпалось, развалилось в дребедень и крошки. Не знаю, как ухватиться и взяться и сделать что-то напоследок.

---

[*] Образцовое произведение, шедевр (*фр.*).

[2*] Жизнь проходит зря («время ж завистное мчится» – Гораций) (*лат.*).

Потому тени: мама, Николай, отец, Лида и сотни других. Неужели все ушло необратимо.

24 февраля, Москва (втор[ник]). Утро

Вчера опять красно-золотой Большой театр. По случаю 30-летия Армии. Сталин во втором ряду президиума. В партере иконостасы толстых генералов. Опоздание на час. Красная Армия за войну выросла в силу бóльшую, чем армия Александра и Наполеона. Страна может жить совершенно спокойно.

Вернулся домой, говорил с Олюшкой по телефону. Тревожные вести о Викторовой жене, Соне, с родами. Олюшка в смятении.

Вспомнил прочитанную книгу Страхова. Главное не понято: психическое, связанное с веществом. «Душа», сознание, появляющееся в организованном скоплении вещества и исчезающее с разрушением организма. Для этого призрака вся история, вся жизнь. Без него непонятно, чем груда камней хуже людской семьи. Естествознание развивается правильно, но в теперешнем виде оно явно не все и ограничено загадкой сознания. Как просто бы представить природу без сознания. Все было бы более менее понятно und im grossen und ganzen* исчерпано. На самом деле остается человеческое. По объему это бесконечно-малое во вселенной, но не может ли это бесконечно-малое переделать бесконечно-большое? Вещество, эволюционным путем превращающееся в могущественного бога, обладателя ядерной энергии и прочего? Надо же говорить о сознании полным голосом, не ограничиваясь пустозвонными фразами, что это де проявление высокоорганизованной материи. Здесь что ни слово, то непонятное. В радио – Бах. За окном снег и 10° мороза. На душе смутно и тревожно. Сейчас поеду в Институт.

25 февраля, Москва (среда) ночью

У Виктора и Сони сегодня рано утром в 5 ч. в Питере родился сын.

29 февраля, Москва (воскр[есенье])

Человек как гигантская, сложнейшая «молекула», награжденная для большой эффективности сознанием. Кем награжденная? «Самодвижение»? Или фокус «природы»? Мир вполне замкнутый, выпрыгнуть из себя, даже при сотрудничестве двух миллиардов прочих людей, нельзя. В итоге при ослаблении прочих стимулов к существованию – мучительная драма.

В радио (кстати или некстати) как аккомпанемент Andante cantabile Чайковского. Неделя мозаики, дробящей сознание, не дающей возможности творчески работать. Каждый день с половины дня тупая головная боль. В Академии какие-то подземные интрижные движения Курочкиных, Борисовых, Никитиных и tutti quanti*.

Во внешнем мире: Греция, Чехословакия, Китай, Финляндия. И, может быть, опять война.

---

* И в общем и целом (*нем.*).

* И всякие другие (*ит.*).

На окне, в которое врывается солнечный свет, белая фарфоровая немецкая Паллада с копьем между двух зеленых не цветущих азалий.

Внук в Ленинграде. При благоприятных обстоятельствах может дожить до 21-го века. Что-то будет с миром? Сейчас необычайно тяжело.

Жизнь веду странную. Дома (помимо спанья) 3–4 часа, которые пребываю в одурелом состоянии «транса». Хотелось бы напоследок дать большое и настоящее и в физике и в философии, но, как во сне. Лететь хочется и не могу. Полная скованность.

Через час поеду за книгами. Но читать некогда. Тоже вроде танталовых мук.

Вчера вечером был Б.М. Себенцов. Больной, работает и, видимо, im grossen und ganzen[2*] доволен. Не дошел до рефлексионной гипертрофии, как у меня.

7 марта, Москва Воскр[есенье]. 11 ч. 15 м

Еще неделя. Снова тяжелая, тревожная и мучительная. В понедельник – в 1-ом управлении, по поводу векслеровских дел, потом отставка Зубова, споры с Бруевичем. Нелепое заседание «Совинформбюро»[1] с братьями – писателями, Эренбургом, Вишневским, дуэтом Образцовых, отцом и сыном. Вчера у Л.П. Берия по косм[ическим] лучам. Письма и телеграммы Скобельцына. Тревоги в Ленинграде, затяжные последствия родов у Сони. Все время немного больная голова, простуда, усталость. Хлебные очереди. По радио пахнет войной. Преждевременная весна. Все тает. Солнце. Отсутствие творчества, да и времени для него.

Интеграл всего этого – тревожное, грустное и бесперспективное настроение. Читаю маленькими глотками совершенно бездарного Хлендовского: «Рококо в Италии»[2]. Не могу представить себе, как можно писать столь бездарно. Можно умереть от скуки. Ни одной живой мысли.

Это все же нестерпимо. Похож на автомобиль, летавший неделю и сейчас в воскресенье поставленный в гараж «на отдых».

Люди кругом. Либо прячутся внутри себя, либо невыносимо скучны и трафаретны, в полном «резонансе» с жизнью.

Выпадение из резонанса очень мучительно и скорее бы конец. Либо надо всеми силами стараться попасть в резонанс. Еще творческая активность, она спасет.

9 марта, Москва, утро

Гнилая зима. Снег – 1 октября и с тех пор маленькие флуктуации около 0°. Во мне сидит простуда, которую умиряю аспирином со стрептоцидом.

В Ленинграде дома как-то все тревожно. Соня все еще в больнице и по голосам Олюшки и Виктора чувствую тревогу.

Ушел или «ушли» Зубова.

Глупый разговор с А.И. Опариным на тему «What is life»[1].

А в общем почему-то чувство каких-то туч над головою.

И по-прежнему творческая немочь.

В политике пахнет порохом и плохим.

[2*] В общем и целом (*нем.*).

14 марта, Ленинград, Воскр[есенье]

Во вне: Солнце. Тает. Настоящий март. Колонны Адмиралтейства, ангелы на углах Исакия. Провинциальный Питер. Книжные лавки, в которых немного хорошего.

Олюшка грустная. Соня была на границе гибели вместе с младенцем.

А мне внутри тяжело и не по себе. Никаких зацепок, никаких крючков. Люди внешние тупые. В «Стреле» Л. Орбели, Гассовский.

На столе фото: мама, портрет мамы, Николая, на стене фото Илюши. Ничего больше нет. Все прошло. Надо смотреть только в будущее. Воспоминания, люди кругом, вещи, книги. Все это отнять. Останется ли что-нибудь? Сегодня сон в поезде философский: пространство, из которого взяли все вещество, всякие «поля», и казалось, что будто бы что-то осталось. Чепуха!

Хотелось бы остаток жизни прожить стройно, творчески и умереть удовлетворенно, а не так.

16 марта, Ленинград

Сегодня дома принесли внука, приехала и Соня. Положение еще, по-видимому, тревожное. Начинающаяся жизнь. Так же загадочно, как смерть.

Опт[ический] Институт. Большего ничего. Академия. Пустопорожные ламентации В.М. Алексеева. Бюст Франклина (по-видимому гудоновский). Расслабление. Отсутствие новых мыслей.

Почти смерть. Провинциальный Питер. Внешнеполитический пороховой смрад.

18 марта, Ленинград (утро)

У Олюшки нестерпимая мигрень с истерикой и почти обмороком. Соня больная. Дома беспорядок. Небо хмуро. В квартире темно. Речь Трумэна с мобилизационными угрозами. Душно и хочется скорее из жизни.

Вчера был в Ботаническом Институте. Тихая, бездарная пристань. Развалины столыпинской дачи, памятник на месте взрыва дачи. Развалины оранжерей от бомбежки. Шумит «история», а около тихие люди с гербариями, со скукой, склокой и сплетнями.

Опять: недоброе задумала природа со своей выдумкой сознания. Или что-то самое главное не понято.

По-прежнему творческий паралич. Может быть, это тяжелее всего.

19 марта, Ленинград

В Москву. Теснота дач. Домашняя суматоха. Олюшка – больная голова. Соня больная. Внук. Бесконечная мозаика глуповатых дел и ни минуты для сосредоточенности. Самоисчерпание. Переоценка всех ценностей. Вернее, обесценивание всех ценностей.

21 марта, Москва. Воскр[есенье]. Утро.

Солнце. Небольшой мороз. На синей стене раззолоченые рамы словно церковный иконостас. Через радио «серьезная музыка» из Стокгольма.

Вчера с поезда [в] московский омут. Разговор по в.ч.[1] с Попковым насчет Общества, насчет смет. Потом поток «заграничных» дел, публикации. Академические сплетни. Физ[ический] И-т. Исламов, какая гадость! Бумаги, телефоны, люди. Строительство. Б[ольшая] С[оветская] Э[нциклопедия]. Депутатские письма. Несчастная голова.

Сейчас на короткий миг одинокая тишина. Поеду за книгами. Это вроде пьянства. А надо бы за стол, свежую голову и острую мысль. Надо выполнить свою задачу на свете.

Тревога за внука Сережу и Соню продолжается. Вчера говорил Виктор по телефону, что-то невеселым голосом.

А я сейчас без руля и без ветрил. В возрасте 57 лет, все время в ожидании чего-то грустного и тяжелого.

Спасение только в хорошей творческой работе. Так это ясно, но усталость давит.

25 марта, Москва

Не то вчера, не то сегодня исполнилось мне 57 лет. Я давно уже привык благодарить судьбу за каждый прибавляемый год. Ближе к концу «оброка» и «барщины». Чувство странное, но вполне реальное и невыдуманное.

В вавиловской семье я пережил все младшее поколение.

Жизнь моя совершенно механизированная. Заседания. Деловые разговоры de visu или по телефону. Сегодня с утра изобретатель с Днепрогеса Клюев, вызванный С[оветом] М[инистров], 2 часа нелепого разговора вместе с В.С. Емельяновым. Президиум с переаттестацией ст[арших] сотрудников и с Вышинским. Потом бюро Отделения с разговорами об истории ф[изико]-м[атематических] наук. Впервые комитет по 125-летнему юбилею Островского с Яблочкиной, Рыжёвым, Тархановым, Дурылиным. Спас М. Ордынку, которую хотели переименовать в «Островскую».

Машина, машина.

28 марта, Москва (Воскр[есенье])

Внутренне ничего не прибавилось и не изменилось. За неделю голова забивается бесконечной чередой малых и больших, нужных и нелепых дел. И почти все незакончено. Чувство всегда виноватого, всегда должника и даже преступника.

Кругом на свете страшное и странное. Сегодня сумрачно. Голова тяжелая и совсем не изобретательская. Чувство отрыва от мира и в то же время ясное ощущение фиктивности сознания. Года два после рождения человек в состоянии телефона-автомата. Потом постепенно возникает и развивается сознание, сначала самое грубое как выражение эгоизма. Сознание как работающая полезная часть живого при исполнении им природных функций. Дальше – гипертрофия сознания, настоящая философия, с ее парадоксальным отрицанием «я». Все вместе непонятно.

А в конце концов: просто расклеившаяся машина, сделать что-нибудь конкретное трудно.

2 апреля. Москва (пятница) вечер

Бывшее 20-е марта[1]. Мама и Ал[ександра] Ивановна в могиле, а сам с радостью отсчитываю каждый уходящий год.

Такой материалистической ясности, как сейчас, не знал никогда. Одуряющая и омертвляющая ясность. И сам и каждый человек машинизировался. Если только верны предпосылки, а они, наверное, не верны.

И по-прежнему усталость, бездарность, автоматизм. Надо стать опять живым творческим человеком.

Не хочется ничего писать. Кому это все нужно.

7 апреля. Москва

Похороны П.И. Лебедева-Полянского. Казенный чиновничий холод. Даже у могилы не прорывается живое. Проза, ужас и безнадежность. Хотя бы один человек сказал об общем, о человечестве, о вселенной. Для чего это все. Ведь мы люди. И с этой точки зрения подходим.

Весенняя грязь. Чудесная колокольня Новодевичьего монастыря с провалившимся куполом. Сегодня Благовещение.

11 апреля. Москва (Воскр[есенье])

Утро. Солнце. Из радио бездарная музыка Крейна. Болит голова. Впереди неясно, путанно и так просто перейти в предмет, в небытие душевное.

Дни без стержней, автоматические. Встаю [в] половине восьмого, всегда с тяжелой мыслью и перспективой включаться и тянуть лямку. Автоматическое умыванье, бритье, чистка зубов по хронометражу. Автоматических два яйца, кофе – силком, без всякой охоты. Успокаивают немного картины, краснодеревные шкафы с книгами. Нирвана черного кожаного дивана с попытками поймать вдохновение, новую хорошую мысль. В 9½ машина, Кабанов*, разговоры об обваливающихся на Садовой домах, об очередях. Московская грязь и бездарность улиц. Миусский Институт, разросшийся, с кучами новых людей, теряющий лицо. Да и было ли оно когда-нибудь. Директорский кабинет с креслами и шкафами 30-ых годов, остатками Якоби, Лебедева.

Предметы старого мира. Две-три лаборатории. Редко-редко талантливая мысль. Косность, середне. Бухгалтера, пьянствующий Щеголев, жирная дубина Чуприн, встревоженные евреи[1], серый, осевший Лёвшин. Часа три в Институте. Нескучный Версаль. Вертушечные звонки. Академики с квартирными делами все больше. Соглядатаи. Фельдфебели в Вольтерах. Сделки с совестью. Пестро, трудно. Растекается. Заседания: Охрана памятников, растения и радиации, Борок[2], скандал у химиков. Чехи. Выборы в «почетные»[3] по принципу «место красит человека». Туман. Мозаика. Головная боль.

Читаю биографию Сведенборга[4]. Грустная история. Снова о бароне Мюнхгаузене, извлекающем себя за косу из болота. Человек находит всюду самого себя. Проза, немецкая скука и длиннота. «Карл Иванович с очками на носу и с книгой в руке»[5] в роли пророка и провидца.

---

* У Вавилова Кабанков.

Для остатка жизни нужно одиночество, тишина и свежие хорошие мысли, творчество. Без этого трудно будет жить.

Бренность всего на свете, начиная от атома и кончая вселенной. Все проходит и уходит и глупо цепляться за несуществующее постоянство. «Тот счастья полного достиг», у кого машинное существование в полном резонансе с машинным сознанием.

Бывают моменты, когда на свете совсем жутко и конец сознания кажется счастьем.

18 апреля, Москва, Воскр[есенье].

Совершенная ясность в служебном значении «я», в его подчиненности и нужности для общего. Беда в том, что все понятия и слова – человеческие. Служить кому-то, подчиняться кому-то, быть нужным кому-то. Но, как писали анархисты на вывесках в 1920 г. в Москве, «нет ни бога, ни природы»[1]. Есть сознание (cogito ergo sum*) и через него объективированное «все». Человек, несмотря на Платона, Леонардо, Ньютона, не может выскочить со своей орбиты, ни перестать существовать (по-прежнему трагедия Мюнхгаузена, извлекающего себя за косу из болота). Гипертрофия сознания. В жизни оно должно быть в резонансе с нею и, по крайней мере, с нею вместе развиваться, обогнать нельзя.

Тяжелая неделя заседаний в удушливом президентском кабинете Академии (охрана памятников, секр[етные] заседания[2], сочинения Лазарева[3], общедоступная энциклопедия, президиум etc). Чувствую, что академическая махина расплывается из-под пальцев в этой сложнейшей обстановке. Иногда просто головокружение. Совсем забыл, что такое сосредоточенная реальная работа. Каждый день 10–12 часов непрерывно. Усталость, подозрительная головная боль. У А.А. Жданова, разговор об и-те истории, втором томе Лукреция[4], дискуссиях.

Сегодня с Олюшкой ездили в Ильинское и Архангельское. Ранняя весна сухая. Солнце. Тишина в зелени елей и старых сосен. Старая липовая аллея. Остатки ильинской церкви. Прошло четверть века. Архангельский дворец – элизиум теней[5], архитектурной, природной, предметной красоты. В искусстве так ясно изменение социальной энтропии в таких местах.

Старею, и жизнь все время сбивает на жалкую мозаику.

Книги о Леонардо. Чудный это образ.

25 апреля, Москва. Воскр[есенье]. Утро

Солнце, но холодно, –3°. «Философское состояние» драматическое. С одной стороны, высокая «надмирность» «с птичьего полета». Сознание, поднявшееся «выше Солнца и планет»[1]. С другой – полная, органическая убежденность в том, что сознание в элементарных формах есть основное неотделимое свойство материи, такое же как масса и энергия. Проявления сознания такой же факт, как падение камня, и всякое движение, субъективно воспринимаемое как выражение моей воли, объективно оказывается таким

---

* Я мыслю, следовательно, существую (*лат.*).

же, как прочие явления природы. «Развитое сознание» такой же продукт дарвиновской эволюции, как крылья птиц. А отсюда это «выше Солнца и планет» становится подозрительным и мюнхгаузеновским.

Пишу об этом, потому что мысли в таком роде не отстают нигде, ни на заседаниях, ни в автомобиле, ни во сне, ни на яву.

Неделя заседаний. Сталинский Комитет[2]. Душная комната. Непрестанно больная голова. Какие-то тревоги. Академические «версальские интриги». Неврастенические скандалы в Институте у Векслера. Еврейский вопрос. Чтение «благонамеренных» философских писаний А.Ф. Иоффе. Олюшка в Питере. По-прежнему паралич творчества, вернее и точнее, полное отсутствие времени. Дома остаются в распоряжении всего 2–4 «бодрствующих» часа, в которые надо умственно отдохнуть и опомниться.

Хорошо одно: ясно, что цена сознанию, «я», личности небольшая и так просто, уверенно и спокойно можно уйти в небытие, когда где-то с большой вероятностью подобное же сочетание атомов повторится. «Мне» и «миру» от этого ни тепло ни холодно. И «я» и «мир» фикция. А что же остается, что же есть?

28 апреля, среда. Москва около полуночи

Когда сам с собою – отлет сознания вверх «выше солнца и планет». Отлет, конечно, кажущийся, на самом деле вырваться, по-видимому, нельзя. А весь день, на людях, опять влезаю в тело. Актер, игра, условность, слова, люди, дома, история, искусство. Выскакивать вверх так трудно.

Это все самое главное и самое интересное. Остальное как сон.

День за днем: сталинский комитет, почти игра в рулетку, столько случайностей по 8–9 часов ежедневно. Это кроме института и Академии. Больше ничего нет.

Завтра собираюсь в Ленинград.

Побаиваюсь, не сойду ли с ума с такими мыслями. Нужна бы конкретность. Жизнь во времени и в пространстве.

30 апреля, пятн[ица]. Ленинград

Жалко петровский город, людей. Несмотря на все усилия и даже успехи прикраситься, принарядиться все яснее переход в положение провинциального города. В этом особенность Ленинграда, соединение провинции с «империализмом» прямых улиц, колонн, решеток.

Marcia funebre*. Приехал, устал (в купе с И.В. Гребенщиковым). Олюшка. Виктор. Соня, внук, начинающий улыбаться. На стене синей столовой огромное зеркало в золотой раме, купленное за 300 руб., изменило всю комнату. ГОИ, «открытия» Севченки. Академия. Каплан со старьем и Ломоносовым. Morbidezza2* питерских стен. С Олюшкой по антикварным магазинам и книжникам. Пусто и безрезультатно. К вечеру холодный дождь. Завтра и послезавтра дома.

---

* Похоронный марш (*ит.*).

2* *Зд.* размытость (*ит.*).

1 мая. Суббота. Ленинград. Полночь

Весь день дома. Копанье в книжках. Статья Шрёдингера о самом главном, но ничего не сказано. Заслуга только в честности.

Ночью с Олюшкой пошли по Менделеевской и по набережной, до сфинксов. Колокола звонят и с Петроградской стороны и из города. Пасхальная заутреня.

На Неве военные суда с обычной лампочной иллюминацией. Теплынь, ночью 15°. Идут курсанты военные, матросы с девицами. На старых зданиях новые портреты, в том числе и мой. Угнетает отсутствие творческого подъема. Постарел, потолстел, устал.

2 мая. Воскр[есенье]. Ленинград

Пасха. Петербургская меланхолия. Смотрю на старые портреты, перебираю старые книги, которых не касался с войны. Рядом в комнате внук Сережа, два месяца. Постепенно появляется душа. Превращение из телефона-автомата в «cogito ergo sum». Виктор вернулся с охоты с двумя тетеревами. Тепло и сумрачно.

Ездили с Олюшкой по городу. Открыт Летний Сад. Через чудесную решетку просвечивает серо-серебряная Нева под черными облаками. Голые стволы. Старые барочные Минервы, Венеры. Летний дворец – желто-коричневый. Крылов со зверьем[1]. Чужой, старый, ушедший мир. Путешествие в царство мертвых. Опять меланхолия. Почему-то грустно и тревожно.

6 мая. Четв[ерг]. Ленинград

Сегодня собираемся уехать. Несмотря на тепло и солнце в эти дни невесело. Опт[ический] Институт. Деловые люди, более дисциплинированные, объинжинеренные, чем в Москве в Физ. И-те. Опять самолюбия. Вчера ездил в Пулково и Ц[арское] Село. Медленное восстановление развалин. Сегодня визиты к Попкову и Лазутину, семинар в ГОИ. Люди. Поезд.

Внук Сережа. К отъезду разболелся у меня живот. Творчества никакого.

9 мая. Москва (Воскр[есенье])

Сознание соткано из впечатлений, слов, привычек, внушенных и полученных со дня рождения, из действий собственного тела и внешней среды. Отнять это все, ничего не останется, или, вернее, то индивидуальное, что при том же материале дает Ньютона и Пушкина. Но это – «организующее начало». Само по себе ничто. Как луковка, у которой оборваны все лепестки. Никто еще не понял и не придумал как возникает сознание и как оно связано с материей. Удастся ли людям ворваться в эту «запретную зону». Естествознание без этого не полно. Эпикур и Лукреций были мудрые люди. Эти верные, но тривиальные мысли – внутренний фон существования.

Приехали с Олюшкой 7-го. Калейдоскоп. Люди. Телефоны. Бумажонки. Громадина Академии и так мало настоящих людей, большой науки. Раньше времени все зазеленело. Было даже жарко.

16 мая. Москва (Воскр[есенье]). Полночь

Все яснее грубый примитив человеческого мышления. Могучее орудие, приводящее к поездам и аэропланам, но совершенно не годящееся для самооглядки. Это даже уничтожение прямого задания. Звери куда гармоничнее и правильнее. У человека (современного) болезненная гипертрофия, как рак и слоновья болезнь. Надо смиряться и не стремиться прыгать выше себя. А между тем это уже поздно. Не смиришься.

Неделя по-прежнему усталости, заседаний, людей-телефонов (несмотря на отсутствие вертушки) и невеселого пессимизма.

А кругом хорошая, зеленая, теплая весна. Ведь только в зелени, в лесу – дома, свое и так легко умереть.

23 мая. Москва. Воскр[есенье]. 8 ч. вечера

Прошедшая неделя почти полностью пошла на люминесцентную конференцию[1], 6 дней, по два заседания каждый [день]. Было приятно смотреть, как почти из ничего выросла большая наука, притом своя наука. Сотни две людей, живые разговоры и много интереса. Так вот человек должен бороться с энтропией.

Цветет сирень. Запах напоминает мальчишеское время, экзамены, лето 1916 г. перед брусиловским прорывом: весенняя гроза, ветер, еду верхом в легкой гимнастерке, промокая насквозь и вдыхая радостный сиреневый ветер. Было все нипочем, все впереди. 32 года назад. Сейчас: философский квиетизм[2]. Понято свое место и, главное, эфемерность «я».

На несколько дней переселила[сь] Вера Павловна, 84 года. Жизнь почти ушла. «Я» почти не осталось. Стушевалось.

30 мая. Москва. Утро. Воскр[есенье]

Весна торопится. Сирень отцвела. Белые грибы. По небу грозовые тучи. Но где же тут оборачиваться на природу. Только вот на старинных картинках перед глазами. Аполлон, убивающий Пифона на зеленом пейзаже (что-то венецианское, cassone[*]?). Посещение пустынника Павла Антоние[м] Падуанским. Уютный немец XVI в., холодновато-синий, словно из Гофманна. Скалы, синяя даль. Природа, проецированная из головы.

Каждый день измытаренный, каждую минуту перем[ен]а системы координат. Брань с пушкинистами. Сталинская премия Иваненко. Шмальгаузен и Лысенко. Отвратительные склоки в академическом аппарате. Помесь Смердяковых (⟨нрзб.⟩) с Ваньками-Каликами. Олюшка на даче. Сейчас туда поеду. С.Н. Бернштейн отказывается от дачи. Пришлось пояснять.

Вчера совещание у А.А. Жданова. Несмеянов, Кафтанов, Жданов jr[2*], Шепилов, сначала Тамм, потом любезно отпустили.

В голове куски «разбитого вдребезги», а жизнь бежит и чувствуется невыполненная обязанность передо «всем». Чувство себя, как части, все сильнее и яснее. Коштоянц вчера в машине, по дороге в Ц.К., изрек, что Бериташвили

---

[*] Ларь; антич. – гробница (*ит.*).

[2*] Младший (*лат.*).

попал в ересь, утверждая, что сознание нельзя объяснить физиологически. До чего же доходит невежество. Сегодня, вероятно (все так неустойчиво), уеду в Питер.

31 мая (понед[ельник]). Ленинград

Дома внук Сережа, которому 3 месяца с 6 днями. Чуть-чуть просыпающееся сознание. Узнавание своих. Улыбка. Великая тайна рождения сознания. Естествознание с его «железным занавесом» от сознания одновременно очень мудро и вместе с тем очень далеко от истины.

Солнечный, зеленый город, с петровскими, екатерининскими, александровскими прямыми улицами и стройными домами. Измайловский проспект, Лиговская широкие, прямые. Совсем иная геометрия, чем в Москве, и волей-неволей душа другая. Олюшка в Москве и здесь как-то один и грустно, несмотря на внука.

Я почему-то безысходно печален и «ahnungsvoll»*. Может ли вообще полное сознание быть не печальным?

Иду по Васильевскому. Каждый шаг прошлое. Кунсткамера. Петр. Дашкова. Менделеев. Квартира Рождественского. Его самоубийство. В своей квартире смерть Миши Хвостова в начале 1942 г. На столе фото, матушка, Николай, я – прапорщиком. Коллеони. Калиостро.

Симфония прошлого. Грустная. А сам я себе – прошлый такой же чужой, как другие.

2 июня, Ленинград. Среда, утро

Неотвязчивое чувство, что «дома и люди – все гроба»[1], случайные образования, как трава, растаптываемая ногой прохожего, которого в свою очередь может кто-то съесть и уничтожить. И само «я», вокруг которого вертится активность каждого человека – такая пустышка, так в ней мало «особого». Большею частью вложенное из газет, книг, разговоров, да естественный зверь.

Жарко. Градусов 30°. Солнце. Густая зелень. Каштаны. Без денег. Чувство провинциального укрытия, не дергают центральные нити.

Дома внук, понемногу развертывающийся из ничто в человека, в которое каждое мгновение окружающие вкладывают свои слова, свои навыки.

И какая-то странная грусть. Всюду [–] и в кабинете с книгами, которые мало кто трогает, и по каменным плитам Менделеевской линии, зеленой, казалось бы, такой приветливой, старенькой. Все об одном, о том, что все проходит.

Дергание со всех сторон не дает возможности ни на чем сосредоточиться. Завидно себе самому. Многое мог бы продумать, написать – долг перед страной и вселенной. Как бы проснуться, развернуться и сделать все, что мог бы сделать!

3 июня, четверг. Ленинград

Вчера В.А. Махнев по В.Ч. – надо в Москву. Сегодня на вершине строющейся через 200 лет после пожара башенки на Кунсткамере. Питер. Море.

---

* Полон предчувствий (*нем.*) (неологизм Вавилова).

Зеленое пят[н]о Летнего Сада. Си[я]ющие шпили Петропавловского собора и Адмиралтейства. Блистающий Исакий (вблизи, говорят, видно, как растрескался). Вчера был в И-те Иоффе[1]: «секреты». Оттуда мимо мостов Литейного, Троицкого, Дворцового. В тысячу первый раз в восторге от перспективы набережной, стройного кружева решетки Летнего сада, грозди колонн (в перспективе) Зимнего [дворца], сада Мраморного [дворца]. Нева, Биржа. Солнце. Жара. Странно [:] великая форма, формующая людей в ленинградцев-петербуржцев, помесь пушкинского Питера, Достоевского и теперешнего. Найти «формулу» все же не могу. Что-то очень большое. Никем в отдельности не придуманное, и создавшееся помимо людей, а вместе с тем искусственное, нарочитое. Вышло что-то вроде Греции[?] Как? Почему?

Мозг совершенно издерган. Научные советы в лаборатории. Чувствую глухую подземную борьбу самолюбий. В Академии – старина, от которой никуда не денешься. Совсем нет стройной тишины, направленности. Человеческого во мне почти не осталось.

6 июня. Москва. Воскр[есенье]. Утро

Стоит непривычная для этого времени жара. В Москве после Питера в жару невыносимо. Два дня вихревого бытия: разговоры с Махневым и Первухиным, склоки с Бруевичем, спец. комитет, Белинский[1], поток бумаг и ни минуты, чтобы остановиться и по-настоящему подумать. Дача на Мозжинке, боюсь, что окажется новым жерновом на шее. Сейчас ждем Соню со внуком.

Растериваю все «абсолюты» и не хорошо так на свете существовать.

9 июня. Москва, среда. Утро

Стоит африканская жара. С 8 ч. утра 24 °С. В это время Президиум, сессия Академии (Белинский), сотни людей. Склоки, скандалы. Обиженная Штерн, Беритов. Дирижер Элиасберг, опоздавший на концерт. Взвинченные нервы и могу обругать человек[а] ни за что. Олюшка с внуком Сережей и Соней на даче.

13 июня. Мозжинка. Воскр[есенье]

На дареной даче. Приехал вчера в 10-ом часу вечера. Финский домик, выкрашенный в белую краску. Внутри немецкие печки «в стиле Гамсуна». На участке ели, орешник. Стоит дача красиво на мысу, над рекой с перспективой. Похолодало. Утром дождь.

Мысли и чувства застыли. От усталости и многого невеселого не хочется заглядывать ни назад ни вперед. Ясно и явно: сознание, соскочившее с житейских рельс и движущееся как-то поодаль, сверху. Не то изнутри, не то «с птичьего полета», но, во всяком случае, смотрю не оттуда, откуда положено природой.

Вчера противное столкновение с Лысенкой, который, пытаясь протащить в доктора на ВАК'е какого-то азербайджанца, говорил черт знает что и складывал «как человек» температуры. Пришлось сказать, что он все же человек,

не знающий, что такое температура. Противно вспомнить, 4 дня сессии на неделе. Тяжелое чувство дирижера, которому плохо помогают.

Так досадно: усталость и все время куда-то отвлекаешься. Немыслимо подумать, сосредоточиться.

Здесь зелень, даль и иногда наедине сам с собою. Читаю Contessa[1], почти гофманновские рассказы. Немецкая рома[н]тика. Помесь маленького сумасшествия, насмешки надо всем и отчаянных поисков тайн и романтического. Жизнь – это все-таки сознание впечатления, декорация. В некоторых рамках ее можно сделать по заказу, такой, какой хочется.

17 июня, Москва, четв[ерг]. Утро

Эти старые картины на стенах, написанные лет четыреста, триста, двести назад – живое колдовство. Совсем гофмановская атмосфера. Они живые. Так ясно, что какой-то благочестивый немец в XVI веке, католик, писал уютных стариков Антония и Павла в скалах, с пергаментными книгами, чернильницей, песочными часами, лесом вдали и вороном с небесной булкой. Как будто это вчера, и я с ними. Репродукция не в состоянии вызвать такое волшебство. Голландские мужики с коровами, мешками, лодками, мельницами, погруженные во влажный теплый туман. Чудной, наивный Аполлон с Пифоном, написанный, вероятно, каким-то ремесленником в XVI веке в Венеции. В столовой Piazza Signoria с Palazzo Vecchio, с маленькими фигурками конца восемнадцатого века. Милый гофмановский мир, в котором немного отдыхаю и забываюсь.

Два дня заседания правления О-ва. Можно сделать бесконечно много и ясно как, но где же силы, время, люди? Вчера весь вечер отравил Зубов, жаловавшийся на судьбу, на Бруевича и описывавший глубокую, противную людскую склочную помойную яму. Отвратительная «внутривидовая борьба». Кругом Митины, Лысенки.

20 июня, Мозжинка. Воскр[есенье]

Троицын день, о котором никто не помнит. Пока что здесь совсем отрезанный от прочего мир. Олюшка, внук Сережа. Соня. Паша, зеленые ели, даль через речку, земляника, ветер гуляет и играет оконными рамами и ничего больше. Оторванность такая, словно принял какое-то зелье.

Философия чудная, не поддающаяся словам и формулам и только урывками чувствуемая. С одной стороны, «все во мне и я во всем», с другой – это самое совершенный пустяк, какое-то ухищрение природы вроде волосков и пушинок у тополя, летающих сейчас по Москве.

Жизнь – мучительная, напряженная, хлопотливая. Склоки, Бруевич, Зубов, новый управ. дел[ами] Соколов – прямолинейно военного образца, Фрумкин, Гальперин[1] и пр. и пр. И почти ничего не могу сделать в этой очень мутной, зловонной среде.

Для науки ничего не остается. Воскресенье в Мозжинке потрачено на просмотр тимирязевско-цейтлиновской истории российской физики[2] и философии Егоршина, всего около 1000 страниц.

26 июня. Москва. Субб[ота]. Утро

Дергание. Рассмотрение плана Академии на 1948 г. Уч[еный] Совет по I-му Упр[авлению] Шпильки в «Правде» по поводу «Природы»[1]. Жизнь телефонного автомата. «Я» – какая-то математическая точка, в которой пересекаются случайно пространственно-временные линии. Декорации: картины итальянцев и голландцев в золоченых рамах на синей стене. Музыка радио. Как мучительна эта гипертрофия рефлексии: природа, вылезающая сама из себя.

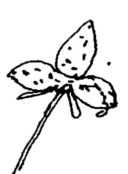
Жара стоит нестерпимая. Люди потеют.

В понедельник был с Бруевичем у В.М. Молотова, который торопился в Варшаву (о чем мы узнали дня через два из газет). В четверг Сов. Мин. с разбором плана Академии. Президиум с разносом И.Э. Грабаря.

Для физики, для творчества времени нет совсем.

27 июня. Мозжинка. Воскр[есенье]

Холодно. Ветер. Дождь. Нашел редкостную тройную землянику: Это первый раз в жизни. Утром составлял доклад для 1-го управления. Потом редактировал сочинения Ломоносова[1] (упражнения вольфианского студента) и читал книжку о Лейбнице. На день оторвался от московского омута.



30 июня. Ленинград. Среда

Вырвался из Москвы, из совершенно страшной энтропийной заседательской обстановки (вчера две диссертации, президиум, общество, бумаги, отъезд).

Здесь, чувствую, что не зацепляюсь. Виктор сдал последний экзамен, завтра едет в Москву. Заседание в Академии по «Природе» (п[о]учительная статья Заславского в «Правде»). Вечером стонущий И.В. Гребенщиков. Сам я усталый, без мыслей и с полной безнадежностью (дикая смерть Л.Б. Модзалевского[1]).

2 июля. Ленинград. Пятница. Утро

Во вне: Юго-Славия, Берлин[1]. Война может случиться. Около: вчера плохенькая машина Цейсса для диф[ракционных] решеток, немецкое усердие, систематичность и бездарность. Корабль «Витязь» в торговом порту, переделанный из немецкого фруктового парохода. Лакированная коробка, пока без научного содержания. Прием в Академии: просят, а я беспомощен. Виктор вчера уехал в Москву. В квартире один. Все ближе подхожу к образчику автоматического телефона. Полный творческий, ⟨нрзб.⟩ паралич. Обрывки мыслей, подхватываемых на ходу чужими. Осматриваюсь кругом, все безотраднее примитивный эгоизм, стремление «утилизировать», работа за страх, а не за совесть. Нет «отзывчивых душ». «Кто жил и мыслил, тот не может в

душе не презирать людей»[2]. Пушкин это очень рано понял. Я только что начал понимать.

А кругом старенький Питер, с остатками прежней казенной чинности, прямолинейности и порядка, даже в порту. Сижу над редактированием Ломоносова. Так сразу погиб Модзалевский. Опять люди – облака.

Ленинград, 3 июля. Суббота. Утро

Полная оторванность и безразличие, исчезнувший внутренний стимул. Уходить из жизни совсем просто и легко. Книги, кресла, бронзовый Коллеони – все чужое, как булыжник. Единственная жизненная зацепка – творческий подъем, но его нет и нет для него времени, да и способен ли я к нему.

Очень трудно писать в таком «фоне» жизни. Но он во всем, в дурацкой музыке радио, в ненужных книжках, в скверных картинках, в мелких случайных людях, в непостижимой общей обстановке.

Может быть, это сумрачное небо виновато? Питерский стройный парад с итальянской торжественностью иногда кажется бумажной декорацией «над пучиной, где царствует тьма». Трагедия человека с его развивающимся сознанием и подавленными инстинктами и страстями, соскочившего с предписанной природой орбиты. Никто эту трагедию не изобразил. Примеров бесконечное число: Больцман, Ляпунов, Рождественский, Друде[1]. Неужели я туда же? Не хочу.

4 июля. Москва Воскр[есенье]. 12 ч.

Сейчас приехал. В глазах еще вечерний Питер с заходящим солнцем, озаряющим кирпично-красную ростральную колонну, играющим на окнах Зимнего. На Невском: радуга.

Здесь солнце, пыль и бездарность. В вагоне С.Л. Соболев, плоскость как плоскость. Сейчас должен ехать на Мозжинку.

Мозжинка, 8 ч. веч[ера]

Совершенно тихо. По голубому небу белые циррусы[1]. Зеленая долина Москва-реки. Ни одного человека. Душа усталая и пустая. Читаю бездарную биографию Гофмана, написанную каким-то Jean'ом Mis[t]ler'ом. Увлекающая творческая идея нужна как воздух. В этом смысл остающейся жизни.

6 июля, Москва, Вт[орник] ночью

Отвратительный калейдоскоп: «переаттестация» сотрудников в Физ[ическом] И-те, забаллотированный Мандельштам. Бракоразводные дела (жена С.С. Медведева), доносные письма Шулейкина, дележка наследства Н.А. Морозова, «сочинения» Комарова, написанные Б.Г. Кузнецовым, сателлиты М.Ф. Андреевой – директорша Дома Ученых, несчастный Лихтенштейн, с которого Госконтроль спрашивает отчета в ста тысячах, жалкий

оправдательный лепет «Природы». Распухшая голова, невозможность что-либо сделать.

Видение с того света: Гордейчук из телеграфной роты 25-го сап[ерного] батальона, с которым воевал в 1914–1915 гг. Седой, был тогда с роскошными черными усами. Вспоминает про меня: всегда за книжкой, беспомощный, еле волочивший ноги, под общий смех учившийся верховой езде.

Философский фон: полное чувство автомата без «свободы воли». Мной двигают, сознание не известно к чему. Психология, душа, ум, даже вера в Бога – средства в борьбе за существование, затеянной природой.

11 июля, Мозжинка, Воскр[есенье] (5 ч. дня)

На балконе. Москворецкий спокойный и ленивый пейзаж. Прячусь ото всего мира, даже от самого себя в воскресные часы.

Больше заседания, чем события. Но так много. Усталость и издерганность, доходящая до предела. Дома, люди, деревья, все начинает казаться плохими декорациями.

По-прежнему почти ничего творческого. Здесь отдыхаю, но как тяжелобольной. Опять влезть в жизнь. «С природой одною он жизнью дышал»[1]. Это совсем невозможно. Остались недодуманные большие мысли, большое искусство, несколько своих родных. Олюшка, сын, мои обязанности перед народом, государством, а «жизни» просто давно не осталось. С 15-го должен быть в отпуску. Что из этого выйдет?

15 июля, Москва. Утро

Сегодня вечером должен «уйти в отпуск». Сомневаюсь, удастся ли это. Завяз в «сферических» делах и отпуск может показаться бегством. Каждый день последнее время гуща гадостей. Вчера в И-те разговоры об А.Ф. Щеголеве, которого надо «освобождать» за «бытовое разложение». Вечером разговор с представителями гос. контроля о Бродянском, Резникове, Зубове и tutti quanti. Сегодня президиум, Сов. Мин. etc. Вчера на депутатском прием[е] появилась тень Вани Латышева. Фикция постоянства «я». На самом деле в сущности все давно умерло. В отпуске собираюсь отдыхать на работе маломальски приятной, писательской. Но едва ли что-нибудь выйдет из этого.

16 июля*, Мозжинка (пятн[ица])

Добрался вчера сюда в 1-ом часу ночи. Заседания, люди, бумаги, отвратительные дела, кляузы, доносы, глупость. Сегодня здесь на чистом прохладноватом воздухе сижу окаменевший, чувствуя только, что это ненадолго, что сзади там опять эта страшная бюрократическая лавина.

Центр здесь внук Сережа, которому 5-й месяц. Душа едва, едва просыпается, но и во мне души не намного больше. Телефон-автомат. Почти что игра в куклы.

---

* У Вавилова на 16, 24–26 июля ошибочно написано июнь.

Хочу сделать за время отпуска много. Думать, писать, пробудить душу. Но так мало на это надежды.

17 июля. Мозжинка. Субб[ота]

Пренеприятное название «Мозжинка». Что-то скверно московское.

Начинаю немного приходить в себя, просыпается душа и творчество. Но вот приехал шофер из Москвы с бумагами и опять это страшное колесо, превращающее в телефон-автомат.

Здесь все овраги, заросшие елью и орешником. Ходить трудно, но гуляем с Олюшкой. Я понемногу превращаюсь в старика и молодых осталось совсем немного.

18 июля. Мозжинка. Воскр[есенье]

Целый день дождь. Серо, сыро, мрачно. Сергиев день, первые именины внука.

Пишу, читаю. Но – странное окаменение, черствость, бесталанность. Неужели все кончается. В Берлине может начаться война.

19 июля. Мозжинка. Пон[едельник]. (Утро)

Дождь продолжается. Вчера окончил книгу Oppeln о Сиксте V.[1] Хорошая, настоящая фигура старика создателя, творца, понявшего, что живет не для себя, а для чего-то большего, общего, вселенского. Старик построил новый Рим с куполом Петра, с Aequa Felice, с Piazza del Popolo. Жизнь, действительно сливающаяся с миром, «я» и мир перестают противоречить друг другу.

Всматриваюсь в людей. Просты и элементарны, немного ушли от Сережи, у которого просыпается сознание. И удовольствия и горе – все автоматика. Человеку давно пора смириться, понять это. Жизнь и смерть будут простыми.

Боюсь, что в этом [приюте] тиши и одиночества совсем оторвусь от жизни.

Угадать и угодить. С жизни сдираются все покрывала. Обнажился примитивный механизм несмотря на все чудеса квантовой механики.

20 июля. Мозжинка Вт[орник]

Визитеры: Лина Штерн, Скобельцын, прибывший из Нью-Йорка, Дегтярь. Скобельцын словно приехал из Москвы, а не из Нью-Йорка. Все просто, элементарно и скучно.

Люди все больше падают в глазах, и сам, конечно, падаю. Камни, деревья, предметы. Сознание – облака.

21 июля, Мозжинка, Среда

Жизнь механическая. Пишу статьи. Читаю, но со скукой. Холодно, холодные ели на фоне перспективы москворецкой долины. Когда вспоминаю о московском modus vivendi*, берет оторопь. А вообще каждую минуту готов умереть без большого сожаления и без восторга.

22 июля, Мозжинка, Четв[ерг]

День мало приятный. Известили о заседании в С[овете] М[инистров] по делам Академии. Я не поехал, но душа целый день не на месте. Олюшка с Виктором привезла пачку газет за неделю. Не могу читать. День жаркий. Много писал. На душе какая-то тяжесть, никакой ясности. Трудно дышится (это без философии, а действительно так). Неуютные дачные комнаты.

Мозжинка, 23 июля Пятн[ица]

Был в Москве 8 часов. После здешней тишины и зелени впечатление больницы и сумасшедшего дома. Вернувшись, сижу усталый, дышать трудно. Гроза.

Мозжинка, 24 июля, Субб[ота]

Олюшкины именины. Не клеится с книгой «О свете»[1]. Приключения с электричеством, 400 вольт вместо 220. Вечером обывательские разговоры. А в целом как-то не складно и день пропащий.

Мозжинка, 25 июля. Воскр[есенье]

28 лет нашей свадьбы с Олюшкой. Ссоримся, имеем разные взгляды на вещи, но живем хорошо. Души могут «подгоняться» одна к другой и иногда почти сливаться.

Сегодня очень хороший июльский день. Жаркий, но не очень, без гроз. Первая длительная прогулка в этом году, лесная. В лесу больше всего дома, свое, природа, очевидно, главным образом готовила для леса. Свое родное. Так было в лесу в Йошкар-Оле, на Гусевой полосе, в Царёве, в Галиции, в Узком, так и здесь. Человек взрослый – то, что из него делают, шкаф, набитый тем, что в него вложили. Вынуть из 50–60-летнего человека то, что в него вложено, и что же останется? Машина с примитивными инстинктами самосохранения (во всех видах), размножения (тоже во всех видах). Человеческая смерть – это (с точностью до 99%) конец автомата.

На себя оглядываюсь и очень невысокого о себе мнения.

В лесу потерял бифокальные очки в погоне за грибами. Это – третий раз, в 1945 г. в Узком, в 1947 в Борке, а сейчас – здесь.

26 июля, Мозжинка, Понед[ельник]

По небу цируссы. Град. Холодно. Атаки визитеров, Лина Штерн со своими несчастиями, Хлебников с электронно-опт[ическим] преобразова-

---

* Образ жизни (*лат.*).

телем. К вечеру поехали на «Победе» в Саввин монастырь по дороге в Дютьково.

Белые монастырские стены с башнями еще целы и стоят в зеленой древней оправе многовековых дубов и вязов. Зашли в старые ворота, где перемешались века и стили, старорусские нефы 15-го века с барокко и даже готикой. Грубо намалеванные ангелы и угодники кем-то бесстыдно, вероятно во время войны, расстреляны в глаза, в рот. Грустно, все же здесь было стремление к самому высокому, здесь открывалась душа, сливаясь с зеленой природой. Глушь дютьковского леса. Забытые тропы. Опяты не вовремя. Все вместе.

Холодное голубое небо с большими облаками, белый монастырь с еще гордой русской золотой головой, вековые деревья и зеленая глушь. Здесь – дома.

27 июля. Мозжинка Вт[орник]. Утро

На Мозжинке раньше, по-видимому, никто не жил. Был лес. По участку, по старой привычке, до сих пор бегают зайцы, белки и лисы, из оврага заросшего с ручьем, в него очень трудно проникнуть человеку.

Каждый день, подымая[сь] в верхнюю «келью» дома с балконом, смотрю на ландшафт с рекой, лугами, лесом, облаками, елями на переднем плане и хочется прорваться и посмотреть, «а как на самом деле». Темно, мечутся молекулы с ⟨нрзб.⟩ ядрами, невидимый свет и неведомо почему и зачем сложные образования вроде человека. Это, конечно, «не на самом деле», а просто картинка, намалеванная теми же красками, которые раскрываются без всякой рефлексии. Высунуть свою голову из самого себя – нельзя. Наука со всеми молекулами и ядрами – это такая же биология, как вот эти видимые ели и зеленые луга. Такой же «фокус» природы, как электричество угря, люминесценция светляков, устройство глаза и пр. Сознание целиком на службе биологии. Круг замыкается.

Вчерашний монастырь старый и зеленые дубы днем не уходят из головы. Ночью снятся какие-то бюрократические, корректорские сны[1]. Прошла эпоха романтических снов со старыми замками, церквами, антикварными лавками, книгами, музыкой. Старение, тупение.

28 июля. Мозжинка. Среда. Вечер

Устал от писания («Флуктуации»[1]). Я был не прав, жалуясь на бюрократические, корректорские сны. Сегодня ночью какое-то грандиозное театральное здание с мраморными лестницами. Странный итальянский спектакль о Панталоне и пр. Как всегда в таких снах поражаюсь собственной художественной силой, «строющей» дворцы, рисующей великолепные декорации. В чем дело, не пойму. Это ведь мое, а не чужое, из моего мозга.

Еще ночью странное чувство. «Комплекс» того, что каждый день тебя могут вниз головою. Надо от этого освободиться.

29 июля, Мозжинка, Четверг. Вечер

Осмотр стройки. Котельня, поля орошения и т.д. Визит Дорофеева – московское зловоние. Приехал Юра. Могила Олега. Пишу «флуктуации». Жизнь покойная, но «за стеной» ожидает все то же. Холодно. Дождь. Солнце. Устаю и здесь, но без головной боли.

31 июля, Мозжинка, Утро, Субб[ота]

Вчера посетители, Дорофеев из О-ва, Соколов с Борисовым из Президиума, Хлебников из И-та 801. Прорываются московские флюиды. Умер бухгалтер Поярков – из тех людей, на которых земля стоит. Торжество Лысенки. Назначение Авакяна, Презента, Бушинского e tutti quanti. Холодно. Солнце. Ели на зеленом поле и бледно-голубом небе. Финские пейзажи. На душе тревога, грусть и готовность каждую минуту со всем этим кончить, несмотря на Солнце, воздух, реку, зелень и, иногда, хорошую музыку. Виктор уехал сейчас на охоту. Здесь Юра – племянник, Николай*, шалый, нелепый и неотесанный парень, но, по-видимому, с настоящей совестью. Как вспомнишь ушедший мир, и хочется самому уйти, вероятно, в ничто.

1 августа, Мозжинка, Воскр[есенье]

К вечеру холодная, острая тоска и грусть. Утром проводили Юру с рюкзаком. Вспомнился Николай, отец, мать. Никого больше нет, совсем нет. Alles vergänglich*. Я, все, земля, весь мир и почему-то неискоренимое желание «сохраниться» pour tous les temps[2*]. Если нет, то лучше уйти сразу, вот сейчас. А в действительности требуется промежуточное: уходить в свое время.

Уйдя в эти дни в дачный монастырь, почему-то предчувствую вскоре какой-то прорыв. Холодная тишина с зелеными елями.

Непонятна эта острая меланхолия. Окончил сегодня большую статью про флуктуации, а сейчас все кажется ни к чему.

В Крыму, в Алупке, в Мисхоре срубили кипарисы[1]. В радио пятая симфония. Читаю пустопорожнюю эстетику Муратова. Нужен какой-то творческий и человеческий подъем.

2 августа, Мозжинка, Пон[едельник]. Перед сном

Вести из Москвы привез Виктор, вернувшийся с охоты с 6 утками. В «Культуре и жизни» делается выговор за н[аучно-]п[опулярную] серию Академии, в Лит[ературной] Газ[ете] дифирам[б]ы Лысенке. Завтра сам еду в Москву. Сегодня болела голова и почему-то тошнило. Читал Муратова.

4 августа, Мозжинка, Ср[еда]. Перед сном

Вчера в Москве. Триумфы Лысенко. Вернулся усталый и простуженный. Сегодня почти не мог работать. Небо с тучами и как-то все нескладно.

---

* Описка С.И. Надо: "...племянник, сын Николая".

* Все проходит (*нем.*).

2* На все времена (*фр.*).

7 августа. Мозжинка. Субб[ота]

Жизнь и здесь становится утомительная и дергательная. Посетители с бумагами и без бумаг. Газет[ы], полные Лысенки. Писание нудных статей. Вчера к ночи из 801 инст[итута] с элект[ронно]-опт[ическими] преобразователями, вернулся во 2-ом часу ночи. И так почти все дни.

И к тому же какая-то необычайно низкая оценка самого себя. К чему эти писания? В целом – плоховатый отдых и плохие перспективы.

9 августа. Мозжинка. Пон[едельник]. Утро

Пишу под баховскую фугу. Сосны, луг, даль, небо с легкими облаками. Вчера – очарованый парк с дубами, липами, с прудами олсуфьевского Ершова, старый сожженный дом с колоннами. И никого, зелень, темная, старая, белые колонны, небо.

А сам – готов каждую минуту уйти со сцены в небытие. Никакого оправдания. В газетах извращенная лысенковская свистопляска. Вальпургиева ночь.

Стоят прекрасные дни. Вчера ходили километров за 6, Супонево, Ершово. Но покоя, спокойствия, сосредоточенности нет. И все время фон – посмертные оценки себя самого.

А Бах все гремит и солнце светит и запах сена.

К вечеру опять газеты с лысенки[а]дой. А так хочется, чтобы каждый день был полный, творческий, оправданный.

11 августа. Мозжинка, ночью

Два дня в Москве. Сегодня заседание в секретариате ЦК под председательством Маленкова. Доклады Кафтанова, Бенедиктова и мой – об «антимичуринцах» и конкретных мероприятиях по этому поводу. В Академии освобождение Шмальгаузена, Орбели, ликвидирована лаб[оратория] Дубинина и пр. Кафтанов помянул два раза Николая как зачинателя морганизма-менделизма, назвал Шмальгаузена учеником (!) Николая.

В воздухе страшная сырость, душно, трудно дышать.

12 августа. Мозжинка, четв[ерг]

Опять вызвали в Москву, в ЦК. Разговор с Маленковым и Шепиловым о том же. Жара, душно. Дышать трудно.

13 августа. Мозжинка. Пятница

Сегодня в Москву не съездил. На душе мутный, грязный осадок. Еще один жизненный перелом. Хочется вон из жизни. По-прежнему душно.

14 августа. Мозжинка. Суббота

Опять Москва. Совещание у Маленкова. Лысенко, Бенедиктов, Кафтанов, Орбели. Вспомнился мне момент в августе 1939 г. в Ленинграде, когда очень хотелось броситься в лестничный пролет вниз головой. Все же XX век.

Прошли и Галилей, и Ньютон, и Ломоносов. Такие вещи возможны только на религиозной почве. Естествознание!? Как будто бы вся жизнь прожита неизвестно зачем. Все заплевано и растоптано сапогом.

15 авг[уста]. Мозжинка. Воскр[есенье]

Прогулка с Олюшкой. Тарле. Штерн. Борис. Читал C.v. Chlęndowski Rom II: Urban VIII und Galilei.

16 авг[уста]. Мозжинка. Пон[едельник]. Утро

Надо сейчас в Москву на очередное мучение. Опять Шепилов и Лысенко. У Бруевича умерла жена. Внизу по саду Олюшка носит внука Сережу. Бедняга, неужели и ему такое же предстоит. А мне так хочется незаметно и тихо уйти из мира, без скандалов à l'anglaise*.

18 авг[уста]. Мозжинка. Среда. Утро

В понедельник и вчера – в Москве. В понед[ельник] секретариат Ц.К. Снова о Лысенке. Печальная история с Суворовым. Вчера похороны жены Бруевича. Холодно. Испорченная машина. Явно начинающаяся осень. Сейчас вот ассоциативный комплекс: зеленая трава, цветы, холодное солнце и свистки паровоза – ясно встало Ваганьковское кладбище со всеми похоронами: бабка Домна, Илюша, Лидия, матушка, Ал[ександра] Ивановна. Единственно постоянное за жизнь, за 50 лет.

Холодная солнечная даль с холодными финскими елями на переднем плане – сплошная элегия. Как мучительна фальшь, превращение людей в заводные аппараты. Все становится мелким, ненужным, поддельным. Плохое лицедейство вместо творческой живой деятельности.

19 авг[уста]. Мозжинка, четверг. Ночь

Плоское. Пустое. Действительно безо всякой мистики. Маленькая разница вот с рыжим котенком, родившимся два месяца назад и давящим мышей. Странно, что так можно жить. Без перспективы, без тайны.

Вчера ездили и ходили в Дютьково. Уютно. Зелено. Мало людей. Так близка старина.

История с Лысенко совсем расшатала и издергала.

21 августа, Мозжинка. Субб[ота]

Вчера был опять в Москве. Говорил с Орбели о надобности его отставки, Ковда намекнул, что есть желающие и моей отставки. Молю об этом судьбу. Задушенная жизнь, превращение в автомат. Хотелось бы дожить последние годы с тихой думой, и с лицом, обращенным ко Всему, а не к Лысенке.

---

* По-английски (*фр.*).

Хотел я в Мозжинке начать писать «воспоминания» (вернее, взгляд на себя самого назад), но в таком взбаламученном состоянии – это невозможно. Даже сны какие-то мучительные и отвратительные.

Стоят горячие «июльские» дни в августе. Через дверь балкона солн[ечные] дали долины москворецкой, черно-синяя стена леса. Казалось бы, «verweile doch, du bist so schön»*, а на самом деле в душе муть и тошнота. И работать по-настоящему и думать не могу.

Приехал Виктор, убивший 40 уток в Борке.

23 августа. Мозжинка. Понед[ельник]

Вся эта история совершенно выбивает почву из-под ног. Наука теряет смысл. А тогда что же? В возрасте под шестьдесят. Руки опускаются, пишу статью о принципе суперпозиции по работам, сделанным почти 30 лет назад, и путаюсь совершенно в азах. Как-то бесмысленно все стало. Ездили на BMW в Ершово.

Сегодня эти двухсотлетние липы, дубы и лиственницы напоминали кладбище, было сырое хмурое небо и хотелось плакать. Завтра президиум, в Москву.

25 августа. Мозжинка. Среда. Утро

Вчера в Москве с 1 до 6 президиум в стиле «Mea culpa»* с очень неудачным, с этой точки зрения, докладом Л.А. Орбели с намеками на «вину руководства», т.е. меня. Рассказали историю про смерть жены Благонравова в санатории в Сочи от электрического удара (заземление, лампа). Очень завидно. Сегодня продолжение президиума. Еду опять.

26 августа. Мозжинка. Четв[ерг]. Ночью

Вчера и сегодня опять в Москве и опять то же. Министры, Шепилов из Ц.К. Звонил из Ц.К. Мое заключительное слово. Все так грустно и стыдно[1].

27 авг[уста]. Мозжинка. Пятн[ица]. Утро

Серое, дождливое, холодное небо. Сижу наверху, словно побитый. У жизни почти полностью выбивается почва, чувство большого морального удара и полное непонимание, для чего все это нужно. Эпизод с G. куда боле понятен и оправдан.

28 авг[уста]. Мозжинка. Субб[ота]. Утро

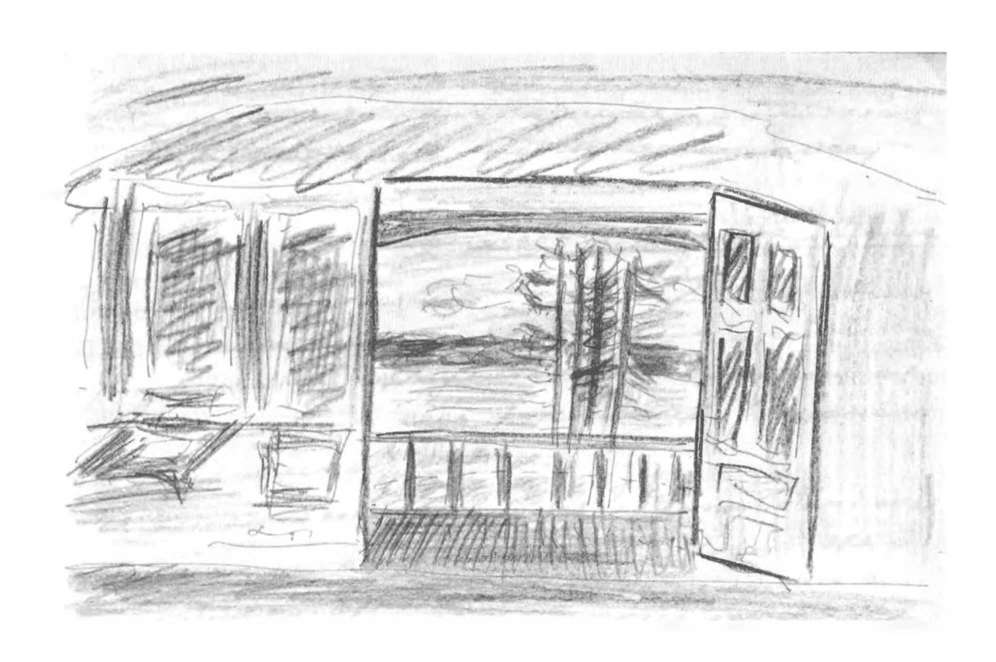
Осень вполне явная. Успеньев день. Английское радио играет «Dance macabre»* Сен-Санса. Кажется, что все главное на свете выяснил, не удовлетворился и сознанию пора кончаться за ненужностью.

---

* Помедли же, ты так прекрасно (*нем.*) (из «Фауста» Гёте).

* Моя вина (*лат.*).

* Пляска смерти (*англ.*).



29 авг[уста]. Мозжинка. Воскр[есенье]. Утро

Настоящая осень. Печальное, привычное тихое кладбищенское чувство – надо возвращаться в город. С давних лет так. Мальчишкой – в школу. После войны – опять в школу: учить. Только во время войны 1914 г. этого не было. Грустно, тяжко уходить от **своей** природы, елок, травы, реки – туда в каменный, грязный город. Начнутся мытарства. Хорошо бы затопить печки, огородиться от холода, сесть с книгами, думать, читать, немного гулять и незаметно умереть. Это особенно ясно сейчас после лысенковских триумфов.

Часа три [ходил] по лесу за осиновыми грибами. Солнце, дождь, лихорадочная, холодная больная погода. Из головы не выходит трофимизация.

31 августа. Мозжинка. Вторник. Утро

Сегодня вечером уезжаю. «Отпуск» кончился. Август был мучительным, оскорбительным и подвел какую-то черту в жизни, черту нехорошую. Может быть, из жизни выдернут весь фундамент. Бессмысленное «муравьиное» бытие.

Из сознания все проецируется наружу. Ландшафт с балкона кажется григовским. Природа перед умиранием. Черно-седые лохматые облака. Черно-синяя зелень дальних елок – словно траур. Желтые поля, желтые листья, поникшие от холода цветы.

Эти 1 1/2 месяца я много писал. Но все какое-то плоское, нетворческое. Оглядываюсь на себя назад. Были посулы, но сколько ошибок, сколько недодуманного. Не было школы, не было контроля.

В жизни радостное: свои, Олюшка, Виктор, внук. Музыка Баха и Бетховена. Старые живописные мастера, Леонардо, Дюрер. Как всегда спасительная Италия: «Когда я буду умирать и жизни путь к разверстой бездне меня вновь будет увлекать и говорить мне "О, исчезни", Тогда волшебной пеленой

о ниспади передо мной Италия, мой край родной». Стихи очень плохие, писались они сорок лет назад, но я их всегда помню. И этим трагическим летом Италия спасала.

2 сент[ября]. Москва. Четверг

Вечером 31-го по радио узнал о смерти А.А. Жданова. Вчера возлагали венки. Почетный караул. Сегодня похороны на Кр[асной] площади. Смерть становится таким простым делом. Стоял на трибуне и думал о сознании. Сон без сознания. Смерть без сознания. У шестимесячного Сережи почти еще не проснувшееся сознание. Люди слишком мало об этом думают.

У меня по-прежнему чувство человека, потерявшего почву. Голова болит каждый день.

5 сент[ября]. Мозжинка. Воскр[есенье]

Пять часов гуляли по лесу. Ясный, солнечный, но в тени холодный день. Осиновый гриб. За весь сезон нашел первый белый. И так не хотелось возвращаться из лесу к людям, к лысенкам.

Вероятно, со стороны я должен казаться сейчас очень мрачным. На самом деле я не мрачен, но порвались все связывающие нити. Смысл «я» для самого себя [стал] темой бессмысленной. Полная неуверенность в завтрашнем дне. Иногда приятно посмотреть на картину. Побыть одному в природе. Музыка. Научные мысли (их мало) и все. Остальное физиология или мираж.

8 сент[ября]. Москва, среда. Утро

Люди, предметы, природа – все начинает казаться миражом, театральной декорацией, которую вот-вот снимут и заменят другой. Ничего прочного, постоянного, ни в картине, жившей 400 лет, ни в бронзовой чернильнице, ни в сознании. Все бежит, меняется, диалектика, превращающаяся для «я» в безысходную, печальную элегию.

Бабье лето. В Академии «покаянные» заседания по поводу статей о научно-поп[улярной] литературе в «Культуре и жизнь», именующей Монжа и Клеро второстепенными персонами.

Вчера до ночи в с. Коломенском, теперешнем колхозе «Огородный гигант» – открытие колхозного лектория. Мичуринские доклады. Канонизация Мичурина и Лысенко идет вширь и вглубь. Сегодня должен уезжать в Ленинград, но все так неустойчиво и случайно нелепо, что ни в чем не уверен. Несколько дней [тому назад] несколько химиков сгорели при взлете самолета. Благонравова жена умерла от электрического заземления. Тонут маленькие дети etc. Почему-то вероятность случайностей кажется возросшей. Словно землетрясение.

9 сент[ября]. Ленинград. Четв[ерг]. Около полночи

Чудно́й город, в котором все старые и молодые цепляются за прошлое, за Исакия, за Сенатскую площадь, от которых веет совсем другим духом. Сегодняшний быстро проходящий день и остающееся прошлое.

В квартире тоже вспоминается прошлое недавнее, но большое и сильное, за 17 лет.

В оптич[еском] И-те общее оцепенение по поводу биологических дел со сплетнями и обывательщиной.

11 сен[тября]. Ленинград. Субб[ота]. Полночь

Удивительное душевное опустошение. Оскудение веры в себя, презрение к себе и полная прозрачность мира в его человеческом примитивизме. Замкнутый рабский круг барона Мюнхгаузена и за ним что-то «великое и прекрасное». Или – только Мюнхгаузен и больше ничего?

Сегодня в Пулкове и в Царском [Селе]. Страшная элегия Царского с тщетными академическими попытками вернуть старое. Восстанавливаемое Пулково для мичуринской астрономии. Стройные питерские громады, рассчитанные на столицу, а не на провинцию. Пестум[1] и декорация. Чудно́й город. Вчера в Обуховской больнице у Гребенщикова, старая литография первого обуховского главного врача – масона[2]. Тут же евреи в военно-морской форме. Все вместе – висение на ниточке над бездной.

12 сент[ября]. Ленинград. Воскр[есенье]

Целый день книжная пыль. N-ая супруга И.И. Гребенщикова принесла фолианты с Кеплером и Карданом. Роюсь в шкафах и доверху набитых полках. Больше – все хорошие книги, но в них тонешь, в могилу с собою не возьмешь.

А после, снова потащатся книги прямыми и кривыми путями на толкучку, в книжные лавки. Во всяком случае живут они много дольше хозяев. Странно: закристаллизовавшаяся мысль, которая существует только при наличии других. Я и все. Условность «я». А что же у человека лучше книг? Ничего. Лучший Пушкин и Ньютон – конечно в книгах. Это: фракционированная тонкая перегонка клубка, хаоса мыслей. Книжное «бессмертие». Хорошее бессмертие, понятное другим и приятное самому. Днем с Виктором ездили по книжным лавкам. Снова пыль, кристаллы прошлого. Journal des Savants[1], Андрей Белый, Волынский, да мало ли. Жизнь с книгами – странная жизнь, но реальная, настоящая, хотя и платоновская.

Город все же безысходная печаль. Вспоминаю смерть отца, 20 лет назад. Николай. Блокада. И это на фоне стройностей, бледного неба и широкой Невы. Завтра – уезжать.

13 сент[ября]. Ленинград. Понед[ельник]

Растерянность. Кончающаяся жизнь. Летняя история с наукой. Сладостное кладбище зданий и архивов Ленинграда (сегодня в Архиве и старой-престарой типографии на 9-ой линии со сводами внизу, как в театре). Отсутствие большого научного стимула. Неуверенность и разочарованность в себе. Примитив окружающих – ни одного настоящего человека с головой, душой, добротой и пониманием. Человек словно деревянный солдатик – из дерева что угодно можно выточить и как угодно выправить. Хотелось бы со-

рваться с этой орбиты, выскочить. Другим рекомендую «юмористическое» отношение к жизни и ко всему, что сейчас.

14 сент[ября]. Москва. Вт[орник]

Вернулся. Прошел день. Заседание Президиума. Бумаги. Бруевич. Как-то особенно тяжело и грустно. Сейчас провожал Соню и внука Сережу. Лето кончилось. А здесь пена и сероводородные пузыри на биологическом болоте.

19 сент[ября]. Мозжинка. Воскр[есенье]

Полный резонанс душевного состояния и начинающегося осеннего умирания в природе. Завядшие астры, осенние, ставшие несчастными розы, холодный туман, желтая седина деревьев. Из дачи все уехали. Мы с Олюшкой. И когда вспомнишь, что за 60 км Москва в ее теперешнем виде – не хочется жить и самое лучшее было бы вместе с астрами и желтыми листьями – уйти в небытие, превратиться в удобрение для будущего.

Самое грустное – остановлено творчество, воля, инициатива. Что же я ломовая лошадь, что ли? В голову лезут старые стих[и], написанные во время войны, кажется в 1916 г.

«Sub specie aeternitatis*
И все и вся пустейший нуль
Нам жизнь дана зачем-то gratis2*
И все равно живу, умру ль».

Тогда это было мальчишество, сейчас это плод размышлений убеленного сединами.

26 сент[ября]. Мозжинка. Воскр[есенье]

Ранняя осень. Ветер загибает облысевшие кусты. Мокрая, желто-зелено-серая природа. Грязь. Холодный дождь.

Еще неделя. Мучительная, когда отсчитываешь каждый прожитый день. Искатели идеалистов среди физиков. Мичуринцы вроде Бушинского, желающие занять директорские места. Строители. Бумаги. Несчастная старушка Академия, с которой требуют все, во многих случаях не давая ничего. При нажиме – наука – фундамент, а при реальных возможностях – надстройка, вроде оперетки. В Академии никого, кроме меня и Бруевича, который, как мышь с тонущего корабля, хочет вовремя уйти.

По радио жалкие, бессильные «Объединенные нации».

Становлюсь материалистом все глубже, все конкретнее. Ясна служебная, подсобная роль сознания, его страшная ограниченность, узость и пригодность только для узкого круга задач. Гении: Шекспир, Леонардо, Ньютон. Кругозор и у них всегда узкий и сумма сознаний, помноженная на историю, на массы людей, дает неизмеримо больше. В результате теперешний мальчишка стал бы свысока судить Ньютона.

---

* С точки зрения вечности (*лат.*).
2* Даром (*лат.*).

Сны: в них только отбросы бодрственного состояния, в сознании больше ничего нет. Это – убийственное доказательство ошибочности представлений о безмерности «божественности» сознания.

Так вот смотрю на людей, на историю и в результате гипертрофированное сознание начинает стремиться к самоуничтожению. Грустная философия – практическая.

Из этого широкого ничего не следует. Знания только для людей. Остальное – а какое дело до остального? Впрочем, коллективное, историческое сознание действительно развивается и здесь начинается то, что совсем не понято.

<u>**3 октября, Москва, Воскр[есенье]**</u>

Не просто грустно. Подавленность и беспомощность и бессмысленность.

В рамках «позитивного» жизнь, мир становятся все яснее и безотраднее, потому, конечно, прежде всего, что явно старею. В какой-то, во всяком случае очень большой, доле человек «телефон-автомат», сознающий происходящее, но все же действующий автоматически (по-видимому, так и надо понимать психо-физический параллелизм). В этом не было бы большой беды, если бы между сознанием и происходящим была бы гармония. Нет ее, и тут психо-физ[ический] параллелизм дает трещину. Эта «трещина» свидетельствует о какой-то ничтожной доле автономности сознания, о нарушении параллелизма. Неустанно, но и неразрешенно цепляется мысль о взаимоотношении естественных, эволюционных результатов развития живого, вроде, например, глаза с хрусталиком и сетчаткой и искусственных, изобретенных сознанием – фотографической камеры и других приборов. Достигается почти то же, но совсем иначе, иногда крайне быстро и очень тонко. Тягучая, медлительная эволюционная приспособительная лестница вдруг перепрыгивается и возникает радио и пр. Предполагаю, что самое сознание только кажется автономным. На самом деле и оно регулируется. Но зачем, к чему и такое глубочайшее качественное различие от «физического» мира? Выйти за пределы предположения о панпсихизме, о врожденности сознания у материи не могу. Но от панпсихизма до «я» так далеко и сложно. Монады? Психический атомизм? И снова сравнение естественных природных результатов и искусственных «изобретений». Влияние психического на физическое? Обратное несомненно, почему же не бывать и прямому? Все похоже на Лейбница.

Эти отрывки мысли не отвязываются нигде. На машине, когда еду мимо разваливающихся особняков у Собачьей площадки, бездарных современных домов, плохих ученических, тупоумных надстроек, на заседаниях. Вчера на юбилее Тр[офима] Денисовича. Тут по законам диалектики наука превращалась в свою противоположность. Это с ясностью раскрывалось в докладе академика Презента, вещавшего о новой лысенковской науке, не объясняющей, а изменяющей природу, о распоряжениях, совпадающих с законами природы. Густо наполненный зал. Гора кожаных адресов. Мичуринские яблоки. Одни и те же слова многие десятки раз.

Снова приходится повторить – почва выбита из-под ног и чувствую себя мухой, которая может прилипнуть к листу, или еще как-нибудь исчезнуть каждую минуту.

Олюшка сейчас уехала на Мозжинку. Слышен из радио Моцарт. На стене Кранах, Рейтерн на синем фоне, уютная бронзовая чернильница, но мир пуст. Вспоминаю первые проблески сознания. Мир полный приманок, с несомненным хозяином – богом, такой прочный, незыблемый. Сейчас мираж, туман, из которого можно уйти каждую минуту. Смерти кругом кажутся такими простыми и само собой разумеющимися.

7 октября, Ленинград, Четв[ерг]

С трудом, почти хирургически вырвался из Москвы. Надо бы оставаться. Предварительные разговоры по телефону с Вознесенским, Маленковым. Смета 1949 г. Землетрясение в Ашхабаде. Биологическое землетрясение.

На душе беспокойство, неуверенность ни в чем, усталость, бездарность и грусть. Это и в поезде и здесь. Город почему-то показался похожим на старый чиновничий, с пьяными, нелепыми людьми.

В поезде думал опять о сознании. Как это удивительно: среди предметов вдруг что-то вобравшее в себя весь мир, преобразованный, может быть, при[у]крашенный, «все во мне». И это «я» может менять, перестраивать мир – техника. Отсюда так близко до мысли о боге. Разница в объеме сознания, умении изменять и длительности, т.е. от ограниченности и ошибочности сознания, беспомощности во многом и скоротечности до всеведения, всемогущества и вечности. Утешительного для «я» здесь мало. Оно все равно развалится.

Еще одно. Для чего жил? Чтобы узнать и понять. И действительно, многое узнал и понял.

8 октября, Ленинград. Пятн[ица]

Ветер на Менделеевской и Биржевой линии, как в аэродинамической трубе между Невой и Невкой. Нева опять вздулась (дня четыре тому назад было маленькое наводнение). Дождь со снегом.

10 октября Ленинград. Воскр[есенье]

Собирался остаться на понедельник – но вчера позвонили, вызов на заседание к Берии. Вчера два визита в «большой дом». Надо было звонить к С.Н. Круглову (министру) по делам ашхабадского землетрясения. Претензии к Академии Наук. Можно думать, что предстоят новые неприятности.

Вчера ночью [шел] по Дворцовой набережной тихой, пустынной, чистой с дворцовыми громадами, с суровой Невой и петропавловским шпилем, с Летним садом. Город оторвался от людей и живет своей собственной трансцендентной жизнью. В Москве совсем не то. Там все органически срослось в весьма неприятное целое.

Сегодня в радио – Глюк. Книжечки – не особенно интересно и грустное ожидание отъезда от своих со всякими мрачными перспективами.

Надо сказать по совести, грустная жизнь. Смотрю на внука Сережу, у которого сознание еще не проснулось и просто радость жизни, заложенная от природы. На этом бы и надо останавливаться.

17 октября, Москва. Воскр[есенье]

Темное пасмурное октябрьское утро. Позади неделя, наполненная самой сложной мозаикой дел. У Круглова на Лубянской площади по поводу ашхабадского землет[р]ясения. Поспелов из «Правды» по тому же делу – статья для газеты. Звонок Маленкова. Наливкин, приехавший оттуда, из Ашхабада, и свидетель землетрясения. Комиссия из Заварицкого, Гамбурцева, Наливкина. Разговоры по В.Ч. с Ашхабадом. Старушка в вестибюле Сов.Мин. в Кремле: «вот от бог-то, захотел и в минуту стряхнул» (по поводу Ашхабада).

Визиты трехчасовые в Мин. Финансов по поводу бюджета (Послонов), к Вознесенскому по поводу средств на строительство, на оборудование и пр. Приходится доказывать, что Академия фундамент, а не надстройка. Сов. Мин. по поводу Щусева, желающего существовать независимо от Академстроя.

Президиум, опять с «биологией». Жена Шуры Ипатьева из Горок, там запрещают называть растения по-латыни. Письма изобретателей, сумасшедших, мошенников и неучей с угрозами устроить «дискуссию», как у Лысенко.

Трудности со строительством, денег нет. Какие-то фокусы вокруг векслеровских работ. Писание поздравительных и итоговых статей. Родственники за деньгами. Вчера вечером Борис Васильев, хорошо говорили часа два, не торопясь – проекция в прошлое. Философия? До нее не было времени. Читал «La mort» Метерлинка[1]. На первой сотне страниц там сказано много простого, очевидного, остальное просто чепуха. Перелистывал большой том Лобачевского, изданный Модзалевским перед смертью.

Олюшка сегодня должна приехать.

18 октября, Москва, Пон[едельник]. Утро

В радио органный Бах, фуги (Гедике). Хорошо. Полный резонанс. Какое чудо может делать музыка.

24 октября. Москва. Воскр[есенье]

Тяжелая, трудная неделя, каждый день с распухшей, никуда не способной головой. Заседания: семинары, профсоюз, юбилей Обручева, Общество. Бумаги. Телефон-автомат.

Так грустно смотреть на стариков (Обручев, Вера Павловна). Все становится элементарным, механическим и стоит ли такая жизнь продолжения. Входящая, начинающаяся жизнь (внук), а здесь уходящая. А середина?

Москва вся перерыта (газ, «прямые» телефоны), грязная, вонючая, серая, да еще октябрьский дождь и тучи.

31 октября. Москва. Воскр[есенье]

Пишу почти автоматически. К чему?

Снова мучительная неделя с юбилеями (Худтеатр, Комсомол), заседаниями (Ц.К – о Грабаре и Левановой), с лекцией (в Сов. Мин. РСФСР), статьями для газет, бесчисленной цеп[ью] неприятных дней. Усталость, а главное, такая ясность во взгляде на себя как на скверную машину.

Умерла жена у Миткевича, Евдокия Нифонтовна. Я удивляюсь не смерти, а как к этому элементарно просто сейчас относятся. Как на войне. Ев. Ниф. – была, кажется, верующей. Мне давно кажется, что религия биологически оправдана как средство самозащиты, она необходимое приложение к сознанию, иначе сознание могло бы привести к отчаянию. Этот тезис заслуживал бы большой книги, он мне кажется много умнее и правильнее, чем обычная теория страха перед молниями etc, как источника религии.

На улице мокрый снег.

В душе полная неустойчивость и неуверенность в завтрашнем дне. Был в Худ[ожественном] театре и вспоминал, как 47 лет назад сидел с мамой на «Слепых» и «Юлии Цезаре». Все ушло. Все пустяки. Но и сегодняшний день скоро станет пустяками. Пыльный вихрь.

5 ноября. Москва. Четверг

Неприятные тревожные, нервные дни. Почти каждый день назначалось заседание бюро Сов. Мин. с вопросом об Ашхабаде и об основных вопросах Академии. И каждый день откладывалось. Сорвалась поездка в Ленинград 3-го, 4-го, сегодня. Завтра [по]пытаюсь уехать.

Все больше убеждаюсь, что не похож на остальных. Оторвался от жизненных, земных нитей, самолюбия, собственничества и пр. Какой-то чисто созерцательный дух. Вижу, с ясностью вижу то, чего другие не замечают. Самое важное – обман сознания и такое ясное чувство, что все философия. Мюнхгаузен, извлекающий себя за косу из болота.

Отвратительная кислая грязно-серая погода.

7 ноября. Ленинград. Воскр[есенье]

Вчера после красно-золотого заседания в Большом театре с речью В.М. Молотова впопыхах заехал домой, пообедал, собрался и сегодня задами вдоль Обводного добрался на Васильевский. Здесь уютные картинки с растущим белокурым толстеньким Сережей и оторванностью от «большого» мира.

Сижу как после болезни в зеленом старом кресле, ни о чем не думая. Читаю Maria Medici (Giulia Datta de Albertis). Душно. В глазах туман, не обращаю внимания на предметы. Ехал по Николаевскому, справа видна башня на Кунсткамере.

8 ноября. Ленинград. Пон[едельник]

Почти весь день дома. Душно. Отупение, тяжелая голова. На улице мокрый снег, дождь. На час выезжали в город. Очень хорошо вышла башня кунсткамеры. Но сейчас это совсем не ко времени.

9 ноября, Ленинград. Вт[орник]

Позвонили. Завтра надо возвращаться в Москву. Положение вечного жида.

Смотрел сегодня кунсткамеру и глобус готторпский[1], висящий на блоке. Небо голубое, солнце, немного снега. Душа сжата, тревожна и безнадежна.

10 ноября, Ленинград. Среда

Уезжаю сегодня. Усталость, раздражаюсь от всякой пустяковины. Задергали совершенно Севченки e tutti quanti. Здесь свои, Олюшка, Виктор, Соня, Сережа. В Москве – один. И хочется расплыться в небытие.

12 ноября, Москва. Пятн[ица]

Вернулся вчера в хмурую мокро-снежную Москву. Вечером Сов. Мин. с моим докладом об ашхаб[адском] землетрясении под председ[ательством] Маленкова. Неудовлетворение работой сейсмологов и Академии. Не вовремя сообщили о землетрясении. Теряешь все нити, в воздухе в подвешенном состоянии.

14 ноября, Москва. Воскр[есенье]

Пересечение планов. Смешение точек зрения, перепрыгивание с одной на другую. И в конце концов отчаянное убеждение: найти абсолютную систему координат, «абсолютную» точку зрения нельзя. Папуас, обыватель, политик, философ, физик. Какая же система имеет преимущество?

К борьбе, перемене точек зрения в конце концов во многом сводится жизнь.

Калейдоскоп: ашхабадское землетрясение, несчастная Лина Штерн, которую почему-то штурмуют, В.И. Долгополов, подготавливающий к кончине Миткевича. Неопределенность положения Академии. Усталость. Тиски времени и сил. Неудовлетворенность годами. Вчера ошибочно купленный за 750 руб. швейцарский Коперник.

Олюшка в Питере. Один сейчас дома. На улице снег и маленький мороз.

21 ноября, Москва. Воскр[есенье]

Сон: Николай в гробу, просыпающийся, протирающий глаза и в ужасе вскрикивающий.

Отвратительная мокро-снежная погода всю неделю.

Спасение от юбилеев и похорон (ушел Б.Л. Исаченко).

Заседания. Усталость. Чувство, что все ненадолго. Один, спасаюсь в воскресные дни от людей. Хочется большой научной мысли, ее нет.

28 ноября, Мозжинка. Воскр[есенье]

Маленький мороз, маленький снег. Здесь в даче тепло. Никого. Тишина. Белый снег, черные еловые стволы, серое небо. В даче все белое, чис[т]ое, мало мебели, «стиль модерн». Все элементарно просто. Не отстающее чув-

ство материалистической элементарности, простоты, понятности всего заранее, скуки. Прошлое, свое, покойники также просто, как засохшая трава, скелеты Иван-чая и чертополоха.

Хочется заказать ex-libris и «герб» в виде Мюнхгаузена, пытающегося вытянуть себя из болота за косу. На этот агностицизм и бессилие наталкиваешься всюду.

Безнадежность, безразличие, апатичность, готовность умереть каждую минуту. И, кажется, что это у всех.

На этом фоне всюду жизнь, стараюсь держать академию. Жизнь для людей, конечно, в этом смысл и другого нет. Человек – один, чепуха ни для чего не нужная. Ни науки, ни сознания, даже физиология и та не нужна. А вместе с тем «я», без которого такая плоскость и еще большая бессмысленность.

Во времена оные в этой диалектике спасала религия. Сейчас просто жду смертельного толчка, который ее разрешит.

5 декабря, Москва. Воскр[есенье]

Недельный интеграл? Я – плохо, но много работающая машина с подавленным безотрадным настроением. Кругом? Политические волны. Китай, Берлин. С «наукой»? Штерн в Ц.К. «Физика» Львова в «Лит[ературной] газ[ете]». Потасовки географов, геологов, историков. Погода? Отвратительная. Сегодня – 4° тепла. Поддельная миниатюра с портретом Пушкина – выдал замазанный орден в петличке. Роскошный ломоносовский чайник. Мозаика. Ослабевающая память. Желудок не в порядке, поэтому больная, тупая голова. В И-те работа с Галаниным. Кругом ни одного человека, осталась одна Олюшка. Прошлое совсем ушло и как будто бы никогда не существовало. Матушка, Николай, Старая Пресня. Даже начальный Ленинград.

Практический, глубоко внедрившийся материализм в каждой мысли. Полная ясность временности, случайное сочетание человека с его философией и психологией.

Вчера еще покойник: Гроссгейм, 61 год. Совсем близко мне[1].

Спасаться надо в творчестве. Но как это сделать, когда в остающиеся от обязанностей часы только усталость и тупость? А надо жить.

Москва. 12 декабря. Воскресенье. Утро

Еще тяжкая неделя. Болен Бруевич и все академические кулисы на мне. Каждый день в каком-нибудь «присутствии». Мос. Совет в Колонном зале с выставкой пром. товаров. Спец. Комитет у Л.П. Берии. Госплан (заключения по плану). Каждый день Ц.К. (Шепилов, Кузнецов, Жданов) об отчетах Мэллеру и Г. Дэлю[1], об академике-секретаре, о самобичевательном физическом совещании. Лина Штерн, Шмальгаузен, Дубинин. Борьба за помещения (И-т автоматики). Муки с исторической сессией. Критика докладов. «Соображения» Кафтанова о сессии.

Олюшка уехала в Лгр. Заболел Сережа. Вчера пришли Борис Васильев и Ваня Латышев, кузены. Встреча лет через 40. Взгляд назад. Встречаемся на финише. Хорошие, приятные люди. Все просто и на положенной системе координат. Приходится изображать такого же простака. Хотя мои координатные системы скачут одна за другой и неизвестно, на чем остановиться. На-

строение тревожное. Все время чувство невыполненного. Вечный должник. Творческое оскудение. Усталость.

Погода почти все время на 0°. Гнилая осень. Впрочем, сегодня мороз 7°.

Хочется прожить последние годы тихо, сосредоточенно и с ясной мыслью уйти в небытие.

19 декабря. Воскр[есенье]. Москва

Вытягивается жизненная трагическая линия с очевидным концом (кругом сколько угодно таких концов). Неприятное неотвязчивое чувство, что все кругом «гробы повапленные». Люди, картины, книги, мысли.

Стоит странная тяжелая зима. До недавнего ниже 0° не было. Дня три морозы, градусов 15, но совсем без снега. Ветер подымает в Москве грязную пыль. Все серо-коричневое, холодное, дантов ад.

Олюшка в Ленинграде у наших. Я один. Поэтому безнадежная сосредоточенность.

Каждый день 10–12 часов непрерывной работы. Разговоры с живыми, по телефону, о чем угодно, о науке, о квартирах, об академических склоках. Вызовы в Ц.К. Собеседования с Шепиловым, Кузнецовым, Ждановым. В Академии приходится быть почти в единственном числе. Бруевич болен, остальные импотенты или хотят казаться таковыми.

Для творчества, науки, мысли почти ничего не остается. Пытаюсь думать о таких хороших вещах, засыпая, но ничего не выходит. Усталость берет свое.

Запутываюсь все больше. Назначили гл. редактором Большой Энциклопедии. Неужели не ясно, что это невозможно и что я выбиваюсь из последних сил.

22 декабря. Москва. Утро. Среда

Самый темный день этого високосного года. В душе очень мрачно. Все неотвязчивее мысль о том, как просто уйти в небытие, прервать навсегда «свое» сознание.

Один – Олюшка в Ленинграде. С ними только телефонные разговоры. Днем часами льются и в институте и в Академии и прямо, через бумагу и телефон неприятные вещи. Доносы сумасшедшего Шулейкина на Академию. Стоны и жалобы изобретателей, жаждущих славы и сталинских премий. Письмо Г. Дэля. Скверно изготовленные образцы медалей Менделеева и Горького. Борьба за площадь. Предстоящая физическая сессия и «историческая» сессия в Ленинграде. История с Ландсбергом и его женой. Хочется последний раз найти самого себя. Но за исключением сна остается 4 часа. В это время надо есть и пить, отдыхать и сидеть в окаменелом состоянии.

26 декабря. Москва. Воскресенье. Утро

Душно и мрачно. Давно так не было. Валятся на голову какие-то нелепые эпизоды. История с академстроевскими домами. Нелепый разговор с В.А. Малышевым по поводу изобретений Знойко[1]. Письмо Генри Дэйлю. Последствия ашхабадского землетрясения. История с Ландсбергом и Фридой Соломоновной. А главное, общее недовольство академической наукой наверху. Правда, слишком мало творческих открытий. Люди кругом превра-

тились в чиновников-хамелеонов, меняющих окраску по мере изменения «температуры и давления».

Из себя должен выдавливать «доклады» о физике, об истории науки. Хочется тишины, сосредоточенности, чтобы последние годы жизни оправдать существование на земле. В этом единственный смысл.

Но – один. Олюшка в Питере. Усталость, нервы и кажется так просто сразу, без раздумываний покончить жизнь.

Небольшой мороз. Следы снега. Один. На стене Лютер, Ньютон, перед глазами бронзовая чернильница с глобусом и небесной сферой. В радио – рождественские песни и музыка. Так это все далеко от меня.

Вырваться и[з] эпохи Ньютонов, Пушкина, Леонардо, родных – взглянуть совсем из другого мира. Нельзя. Опять Мюнхгаузен. А если так, не лучше ли заснуть и не просыпаться. Страшная вещь сознание.

27 дек[абря]. Пон[едельник]. Москва. Утро

Toccato и fuga re-minor Баха. Как хорошо бы постепенно сойти на нет под эту музыку.

28 дек[абря]. Вт[орник]. Москва. Утро

10 часов, но сумерки. Мерцают золотые рамы на синей стене и снова хочется незаметно исчезнуть. Может быть, уеду сегодня в Ленинград. Элегия и тревога.

29 декабря, Ленинград. Среда

В поезде поездка испорчена длинными разговорами с Е.Н. Павловским, пытающимся комбинировать мичуринскую науку со «стабилизирующим фактором». Здесь: оптический институт, поездка с И.В. Гребенщиковым к магнатам, Я.Ф. Капустину относительно сессии. В Академии Яковкин, Князев, Каплан. Для Питера сессия – событие. Вечером всем семейством в консерватории, где не был больше 40 лет и где сейчас идет бульварный фильм «Монте-Кристо». Город по-прежнему поразительный, по нему можно составить превратное и завышенное мнение о прежних владельцах.

31 декабря, Ленинград. Пятница

Кончаю год с тяжелой головой, растерянностью и стопроцентным материализмом. Порвались почти все нити, удерживающие в жизни. В Академии все больше чувствую себя тем ребенком в карете, дергающим за ленточки и воображающим, что он управляет каретой, о котором говорит Толстой в «В[ойне] и М[ире]».

0°. Все тает. «Весенняя» погода. В комнате жарко и душно. Никакого творческого подъема. Тупо и безразлично. А люди? Каждый сделал или готов к какой-то гадости. Кажется, за всю жизнь не кончил года так печально и безнадежно.

1949

Ленинград, 1 января. Суббота. Вечер

Печальный Новый Год. Тревожно в душе, смутно и неизвестно и в отношении Академии и себя и своих. Раньше всегда начинал с надеждой. Сейчас неуверенность, слабость, опускаются руки. Хотелось бы в этом году теснее опять подойти к науке, экспериментировать, думать, писать. Это бы вдохнуло опять душу живую в меня.

Сегодня с Олюшкой три часа были в Эрмитаже, показывал И.А. Орбели и М.А. Гуковский. Словно путешествие в четвертое измерение. Ушли люди, осталась одна красота, мысль и строгость (архитектурная). «Благовещение» Филиппино Липпи, «Сан Доменико» Боттичелли, мадонна Литта, мадонна Бенуа, Джорджоне. Гобелены. Тронный сияющий зал. Люминесцентные лампы в Эрмитаже[1]. Солнце в сумерках. Конечно, декорация, конечно, эти художники были несчастные люди, по картинам можно создать неправильное представление о людях. Но там хорошо, хотя бы и три часа. Такими часами начал год. В окна: Нева с Биржей и Кунсткамерой, Главный штаб и александровская колонна. Это щепотка счастья. От людей что-то надолго остается хорошее, большое, понятное для других.

Пишу «вступительное слово».

Ленинград, 2 января, Воскр[есенье]

Что-то немного эдиповское. Елена Ивановна со своими стонами сообщила, что завтра ложится в больницу, подозрение – рак. Маленький Сережа – воспаление уха. А я с «методологическим» докладом, вступительными словами. В комнате нестерпимо душно, мрачно, давка, слишком много книг и вещей. Сегодня еду в Москву, пятого должен вернуться.

Ленинград, 5 января, среда

Два дня был в Москве. Опять один, все больные. Дерганье со всех сторон. Сессия в Ленинград[е], совещание в Москве, на котором будто бы готовится выступление охотнорядцев из МГУ[1]. Усталость. Растерянность. Больная голова. Вчера в «Стреле» – противно, фальшивые разговоры с едущими на сессию Л. Герасимовым, В. Яковлевым, Опариным и всеми. Каждый врет, у каждого своя корысть. Вспомнила[сь] поездка в Питер 42 года назад

с И.Е. Евсеевым с мальчишками одноклассниками. Настоящие, живые, искренние люди [и] разговоры.

Здесь открытие ломоносовского музея в кунсткамере. В сущности трогательно, хорошо и нужно бы радоваться. Но опять люди, кляузы на Каплана, зависть и грусть. Вечером – Сессия[2]. Мое вступ[ительное] слово. Длинный «обтекаемый» доклад Митина. Попков, Лазутин[3]. «Щелкунчик», «Франческа да Римини». И опять усталость и больная голова.

<u>Ленинград, 9 января, Воскр[есенье]. Утро</u>

Обратился в автомат, заседающий перманентно, говорящий речи, подающий реплики, а внутренне совсем опустошивши[й]ся, усталый и измученный.

Сессия идет своим чередом с лошадиными порциями исторических докладов, с фальшивыми выкриками Данилевского. Питерское начальство относится очень хорошо. На собрании и Попков, и Капустин, и Лазутин. Погода самая страшная: все время почти дождь и мрак. Вчера вечером, окно, как хороший сон. «Спящая красавица» в Мариинском. Люди научили[сь] создавать себе в сказках, балетах, Эрмитажах такой опиум (в самом хорошем смысле). Иногда кажется, что такая «Спящая красавица» с феями, кавалерами, котом в сапогах, мальчиком-с-пальчик, людоедом и гипнотизирующей музыкой и есть настоящее, а прочее – неотвязчивый сон.

Часа через два надо на митинг – открывать мемориальные доски на старом академическом доме[1].

<u>Ленинград, 11 янв[аря]. Вторн[ик]. Вечер</u>

Тяжеловесная, не знаю нужная или не нужная сессия по истории науки кончилась. В ней много было фальшивого, но было хорошее, настоящее. Ломоносовский музей, например. До известной степени: «Ныне отпущаеши»[1].

Усталость невиданная для меня. Сижу в душном темном кабинетике, набитом вещами, кроватями и ставшим неуютным. Завтра с Олюшкой собираемся уезжать. Чувство страшной тяжести, а вовсе не большого хорошего сделанного дела[2].

<u>Мозжинка, 22 янв[аря]. Суббота 2 ч[аса] дня</u>

Непривычные и странные системы координат, «системы отсчета». «Я», «свое» приобретает совсем условный характер. А sub specie aeternitalis* все бесцельное броуновское движение.

Вернулись с Олюшкой из Питера 18-го после тяжеленной, утомительной сессии, котору[ю] в «идеологическом» отношении пришлось [провести] почти одному. От этого ни гордости, ни корысти, нет и удовлетворенности. Просто очень большие килограмм[-]метры. В Москве свистопляска с «физическим совещанием»[1]. Я основной докладчик. На «Моховом болоте» готовятся

---

* С точки зрения вечности (*лат.*).

к атакам всякие Кессенихи, Иваненки, Путиловы[2]. Прошлое воскресенье писал без разгиба, но доклад и по сей день не кончил. Совещание, к счастью или несчастью, откладываю[т] на февраль, а вернее, на март[3]. В Академии по-прежнему один, болен Бруевич и Бардин, а Волгин только делает вид, что работает. Визит к В.А. Малышеву в Кремль по изобретательским делам. Отложенное Заседание Совета Министров с утверждением плана Академии. Все неопределенно и чувство капитана, у которого нет уверенности в руле. Вчера вечером ленинское заседание в Б[ольшом] Театре. Доклад Поспелова. Сталин. Кино о Ленине.

Выбрались с Олюшкою сюда. Мягкий снег и вьюга. Необычайный воздух, от которого совсем отвык. Часовая прогулка по снегу. Конечно, на «пьязетте»[2*] Лина Соломоновна [Штерн], Волин etc. Так что эта «природа», «даль», «воздух» только тонкая перепонка. Рядом невеселое тоже. Потерял чувство самого себя. Автомат, да кроме того неуверенный в предстоящем часе. Пробуду здесь до завтрашнего дня. Вчера на ленинском фильме промелькнула вся жизнь. Пресненские баррикады, фронт в 1914–1918 гг. Первые революционные годы до сегодняшнего дня. В потоке, водовороте, водопаде. Себя не видно. Да видели ли себя и другие?

Мозжинка, 23 янв[аря]. Воскр[есенье]. Утро

Наконец мороз, градусов 14, ветер, снег. Зима. Воображаемая изоляция, хотя через 200 шагов Лина Штерн, Шмальгаузен e tutti quanti[*]. Финская белая дачка на белом снегу с могучими высокими елями. Раньше бы это показалось уютной сказкой, сейчас напоминает обстановку детективных романов. Где-то вдали.

Сижу над злосчастным «методологическим» докладом[1] вместо того, чтобы серьезно думать и делать нужное.

Хотелось бы в этой холодной вьюге заснуть. Ничего больше не знать, не видеть.

Морозное солнце. Не хочется уезжать. Как всегда, быстро врастаю в место. Становится частью «меня». Тишина, холод. Белый снег. Кругом старики накануне смерти.

Москва, 30 января, Воскр[есенье] 12 ч[асов]

Опять трудная неделя. С понедельника: бюро ЦК (энциклопедия, академик-секретарь[1], театр[альные] критики)[2]. Потом Совет Министров с рассмотрением плана Академии. В.А. Малышев с геофизикой. Разговоры, сплетни. Кругом больные. Умер Асафьев, арестован Парнас[3]. Пишу физический доклад, опять целый день. Усталость. Автоматизм. Все кажется машинами, у сознания диспе[т]черская роль. Так просто кажется умереть. Вчера

[2*] Вероятно, имеется в виду итальянское «piazzata» – *зд.* Лесная поляна (*ит.*).

[*] И другие (*ит.*).

М.И. Соколов мне по телефону сообщил о «благополучных» похоронах Асафьева. Dance macabre*.

Погода зловещая. Около 0° все время. Чем-то это кончится? На свете совсем непонятно. Пакты. Союзы. Китай. Хочется незаметно расплыться, как облако, без следов. Как-то странно устроила судьба. Я – философ, мечтатель и на этой горе, где так дует.

6 февраля, Москва, Воскр[есенье]. Вечер

Своей жизни почти нет. Автоматический аппарат в сложной академической машине. Перед глазами калейдоскоп. Кино из кадров совсем не связанных. Все время требуются решения. «Я» улетает. Февраль – зимний. Были мороз[ы].

А я – аппарат, а не человек, думаю даже, как машина.

11 февраля, Москва, Пятн[ица], Утро

Вчера письмо из Николаева от Нюниной (Голубевой) Варвары Ник[олаевны][1]. Старая Пресня. Я родился в доме Нюниных на Большой Пресне, оттуда переехал в Никольский пер[еулок], когда мне было года три. Но в памяти остался маленький деревянный дом и сад с огромным деревом. Раскрывался мир. Все казалось прочным, вековечным, маленькие домики, лавка Чернова, Лапшина, парикмахер Александер – лысый, булочник «столовер»*. Сады, зелень, тишина, воскресные пьяницы. Но вот скоро 58 лет. Вихрь, усталость от жизни.

13 февраля. Москва. Воскр[есенье]. Утро

Остановка. В радио – клавесин (очевидно, из Швейцарии). Перед глазами синяя стена с золотыми рамами, Лукой, Доменикино. В окно – снег, зады второвского дома[1], вроде усадьбы Лариных. Пауза. На улице мороз. Олюшка не вылезает из грип[п]а, на дачу не едем. Разбираю старые автохромы.

Читаю Александра Великого Т. Бирта[2]. Вот подлинная жизнь для человечества. Человек с греческим факелом пробежал тогдашний мир.

В Академии кроме меня по-прежнему все больные. Один я. Кругом слабые люди или плохие. На ком строить большую науку?

19 февраля, Ленинград. 10 ч. веч[ера]

Как-то уехал, хотя столько незаконченного в Москве. Но странно, словно стул переставили из одной комнаты в другую. Исчезает восприимчивость, чувствительность. Другой город, другие люди, другая комната. Но сейчас сижу в старом кресле так, как будто бы вчера сидел здесь. Ездил сегодня в Ц[арское] Село. Восстановленный лицейский зал, воскресающий Александровский зал, на белых стенах которого из фальшивого мрамора до сих пор

* Пляска смерти (*лат.*).

* Так в тексте, искаженное в просторечии слово «старовер».

похабные карандашные рисунки испанцев из «Голубой Дивизии»[1] и надписи. Но опять в голове почти ничего, тупость, бесчу[в]ственность. Какой-то сплошной павловский условный рефлекс.

Питер кажется рассыпающимся и ненужным, полным анахронизмом со своей стариной и классической стройностью.

Дома растет маленький Сережа. Но душа? Книги на пыльных полках, застывшие старые мысли.

Как хорошо бы незаметно заснуть навсегда.

20 февраля, Ленинград. Воскр[есенье]. Утро

Пасмурно, серо. Сижу дома. Тяжелая голова без всяких творческих мыслей. Усталость. С радостью отсчитываю каждый прожитый день, с радостью старею.

Царскосельские тени, Кунсткамера, но в недрах сейчас всякая гадость, о которой не хочется писать.

Вчера ГОИ. Как мало творчества. Серая середина.

21 февраля, Ленинград, Понед[ельник], 11 ч[асов] веч[ера]

Ясно, что наука имеет чисто биологическое происхождение, одно из средств для борьбы за существование. Ниоткуда не следует ее абсолютная ценность даже в асимптотическом, предельном смысле. Очень правильно, что ценность науки определяется «критерием практики». Это и ограничивает науку биологической, практической ценностью. (Это мысли при обходе лабораторий в ГОИ.)

Гнусная, теплая, хмурая, дождливая, сырая погода. ГОИ, где невесело. Прием в Академии со сплетнями. Вечером больная голова. Прострация и неспособность ни к чему. Копание в прошлом. Рисунок Махаева с изображением дома Ломоносова[1].

22 февраля, Ленинград, В[торник]
12 ч. вече[ра]

Невыразимо отвратительная погода, обращающая все в мокрую, теплую грязь. Оптический институт, десятки чужих интересов, хождение по громадному старому дому на Тучковой набережной. Комиссия историческая в Академии. Очень уютная*, о приоритете открытия лучей Рентгена (Каменский в Баку)[1], об издании сочинений А.Н. Крылова, о Лейбнице, Декарте, университетской физике. Дома почему-то грустно и тяжко. Маленький Сережа беспокойно плачет и не хочет спать. В радио итальянцы. Завтра – ехать.

23 февраля, среда, Ленинград

Сегодня уезжаю. Голова набита мелочью. Завод «Прогресс»[1], Академия со строителями, Ваниным, Федосеевым. Творчества ни следа. Опять питерский призрак. Туман. Дождь.

---

* Так у Вавилова.

27 февраля, воскр[есенье], Мозжинка

утро

Свет в окна. Восход солнца. Тонкий снежный покров, еле закрывающий землю. Прямые, сухие элементарные темно-зеленые ели. Людей нет. Один с собою. После длительного машинного существования пустота, усталость и какие-то маленькие боли всюду.

Бесконечные объемы работы, но по объему своему убегающие от меня. Свое? почти ничего не осталось.

Гуляли с Олюшкой по тонкому, но очень чистому снегу. Солнце. Небольшой мороз. Заячьи следы на ступенях нашей террасы. По дороге Митин с видом Канта на прогулке. В душе опустошение и каждую минуту готов без возражений уйти в небытие.

Стоит ли дальше писать. Большей частью вымученные и мучительные строки, никому не нужные. Люди, впрочем, об этом любят писать.

Вот сейчас доканчиваю тягучего, нудного, ноющего «Парацельса» Браунинга[1], которого раньше просто не мог читать.

Странную штуку выдумала природа с жизнью.

6 марта, Мозжинка, Воскр[есенье] 12 ч[асов]

Среди белых стен финского домика, на фоне снега и еловых стволов – чувство, как в больнице. Мало вещей, все просто и начинаю видеть себя насквозь. Это просматривание – неутешительное. Опустошение, примитив, вместо творческого подъема «житейский опыт» и «житейская тактика». Перед смертью хотелось бы сделать что-то большое, нужное людям, такое, что послужило бы основой дальнейшего прогресса.

Мне все яснее становится эфемерность «я» и сознания. Хитрейший, сложнейший фокус природы – возникновение сознания, появление «я» как могучего действенного признака движения. Физика до сих пор не знает важнейшего.

Прошедшая неделя? Комитет по сталинским премиям, часов по 6 ежедневно. Духота. Сутолока. Настоящих больших работ очень мало (едва ли даже они есть, если подходить совсем строго). Энциклопедия. В Академии все притихло в предчу[в]ствии перемен.

На дворе снег и 5°–7° холода.

Странное самообозрение природы (имею в виду «я» и сознание). В этом самообозрении, по-видимому, весь смысл бытия.

Начался март, роковой месяц, год рождений и смертей. Чем-то он теперь кончится. Жизнь идет по вейерштрассовской функции, не имеющей производной.

13 марта, Воскр[есенье] Москва. Вечер

Сталинский комитет. Сессия Верховного Совета. По-прежнему один в Академии. Усталость со[в]сем необычная и превращение в машину.

Постоянная погода. Каждый день утром 7°. Писать совсем не хочется, это становится совершенно бессмысленным. Опять за докладом для физического совещания.

20 марта. Воскр[есенье]. Москва. Утро

Олюшка в Л[енин]гр[аде]. Гнилая зима–весна. Нет разницы между январем и мартом. Обстановка – сейсмическая. Кулаки из Америки – с[еверо]-атл[антические] пакты[1]. Ругань по радио. Здесь – избиение космополитов[2]. В Академии тоже – кувырком: ученый секретариат с Топчиев[ым], Ждановым e tutti quanti[3]. У меня по-прежнему существование автоматического телефона по 12 часов ежедневно. Дома: в одурелом*, полуспящем состоянии. Могу только слушать радио или читать детективные романы.

Отрывки мыслей на ходу, во время переезда на ЗИС-110. Живые существа, в том числе и homo sapiens, какие-то случайные дырки-окна, которые протыкает в своем развитии вселенная, оглядываясь на себя самою. Совсем случайное сочетание влияний семейной обстановки, школы, исторической эпохи, слов, идей, трафаретов на почве естественной основы, звериной, которая выражается в желании питаться, утверждать свое место, расталкивая других и размножаясь. Так возникают готтентоты, англичане, принцы и нищие. Память скрепляет на долгий срок случайные воздействия. Феномен и фикция «я». Выскочить из себя невозможно. Агностицизм? Нет. Биологическая эволюция дает заглянуть за занавеску. Но в общем пренеприятно чувствовать себя сознающим автоматическим телефоном.

А в мире при помощи радио, авиа и т.д. пошла настоящая буря. Должен он перемениться и стать, вернее всего, коммунистическим.

22 марта, Москва, Вт[орник], Утро

Начало астроном[ической] весны. Хмурая снежная погода с морозом. Собираюсь сегодня в Ленинград. Тяжелое чувство неуверенности в каждом шаге. Кругом нежданно летят магнаты, Вознесенские, Попковы[1], обст[р]еливают с «оргвыводами»: «космополиты». За собой чувствую громады несделанных дел. Все так сложно, неопределенно. А самому хотелось бы сосредоточенной работы, сделав которую, можно бы спокойно уйти из жизни.

23 марта, Москва. Ср[еда]. Утро

Вчера не уехал. В 11 ч. вечера вызван на заседание ПБ*. Утверждение сталинских премий. Сталин в веселом настроении. Сомнения о геолог[ической] науке (Пфаффенхольц, Нейбург). Нелестные замечания о физиол[огическом] и[нститу]те, Орбели (⟨нрзб.⟩ работ)[1]. Сравнение книг Лященко[2*] и Вознесенского. Продолжалось почти два часа.

Днем президиум О[бщест]ва. Доклад Митина о космополитах. Потом в Кремле у А.И. Микояна по поводу теплохода «Витязь»[2]. Здесь скоро и просто. Спал плохо, во сне работала голова, и все сбилось «с панталыку». Собираюсь уехать сегодня.

---

* У Вавилова «одурелое».

* Политбюро.

2* Фамилия «Лященко» расшифрована неуверенно, возможно прочтение «Мещенко».

24 марта, Ленинград, Четв[ерг], Веч[ер]

В вагоне – один. Заходил Теренин, как всегда по-питерски reservé*. Сегодня солнце, тепло. Невский весенний. Был в лаборатории в опт[ическом] и[нститу]те. У Трофимова хорошие результаты с гадолинием. Разговоры о физич[еском] совещании, о «космополитах». Академия – строители. Сегодня Олюшкино и мое рождение. Ездил вечером по комиссионным магазинам за подарками. Сколько еще осталось жизни прежних питерских магнатов, продаваемых за копейки. Madonna della Saggiolla (понятно, копия) в роскошной резной раме. Хрусталь. Фарфор. Миниатюры. Долго светит солнце. А здесь, дома, все больные. Бегает только маленький годовалый Сережа.

26 марта Ленинград, Суббота, Вечер

Сидит во мне что-то вроде гриппа. Существую на стрептоциде с аспирином. Вчера был в Опт[ическом] и[нститу]те. Научные чиновники, homo homini lupus est*. Чехматаев поносит прежнее ленинградское начальство. Прием в Академии. Вечером с Олюшкой в Мариинском.

Глиэровский балет «Медный всадник». Популяризация пушкинского алмаза. Жирные штрихи, обведенные по тончайшему пушкинскому рисунку. Музыка Глиэра напомнила блаженной памяти таперов, аккомпанировавших старым немым кинофильмам. И все же через пошлость проглядывает очень большое. Особая душа Петербурга, в архитектуре, в Неве, в особой чинной печали.

Сегодня семинар в лаборатории. Визит к В.М. Андрианову в Смольный. Потом Михайловский дворец на Дворцовой набережной. Кого не побывало в этом несчастном дворце за 50 лет. Но крепко строен и стоят раззолоченные залы с видами на Неву, с унесенными Ленсоветом люстрами. Печально. Сижу сейчас в жару. Завтра надо уезжать. Голова совсем пустая и грустная.

27 марта, Ленинград, Воскр[есенье]. Утро

На полчаса остановился и оглядываюсь на самого себя, внутрь самого себя. Опустошение. 59-[ы]й год. Нет «большой идеи», случайность малого (это о творческой работе). А, уходя из жизни, хотел бы что-то оставить. В этом единственный смысл. Остальное пешка, «двуногий без перьев», которого могут с успехом заменить миллионы других. Кончать жизнь, ничего не понимая, грустно.

Чувствую, что уходят силы, а хотелось бы к концу творческого подъема и вспышки. А я заметил, что я совсем иной, на других не похожий и с точки зрения «замыслов природы» не следовало бы уходить, не оставляя следа.

Светит питерское солнце над каменными следами прошлого. Вот этот город – свое прошлое увековечил и вся судьба города почти личная драма или поэма Петра. Это Пушкин впервые почу[в]ствовал. А теперь это еще яснее.

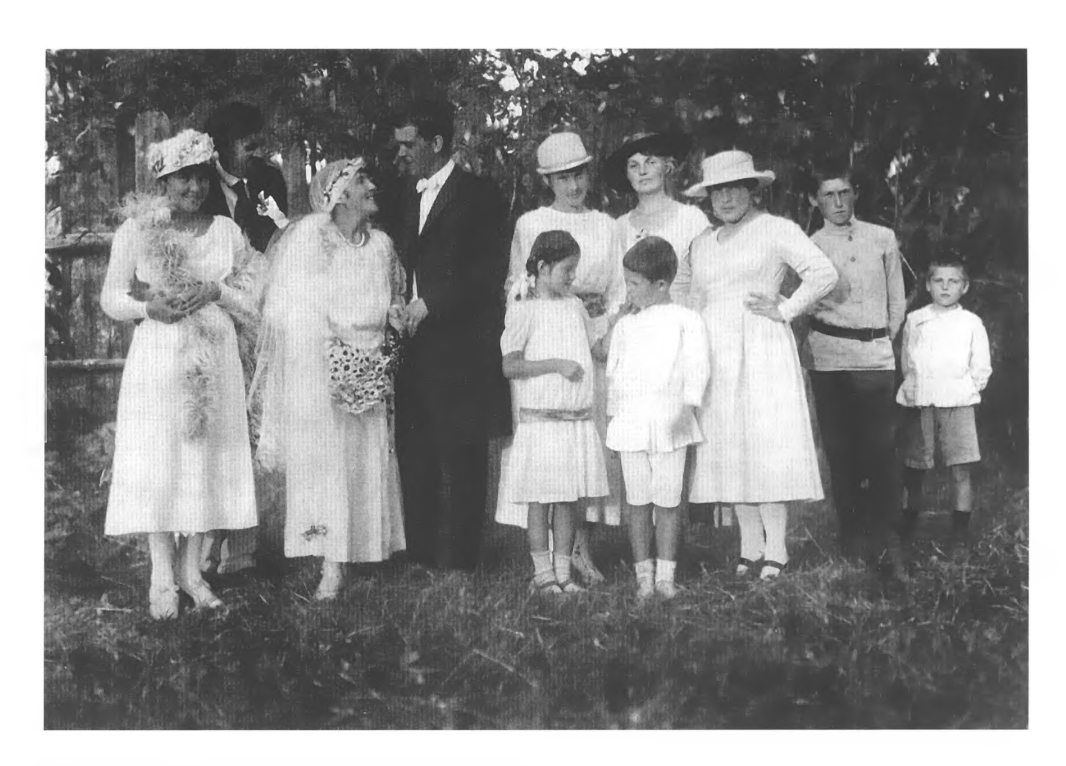
---

* Сдержанный (*франц.*).

* Человек человеку волк (*лат.*).



С.И. Вавилов в Подмосковье. 1920-е гг.

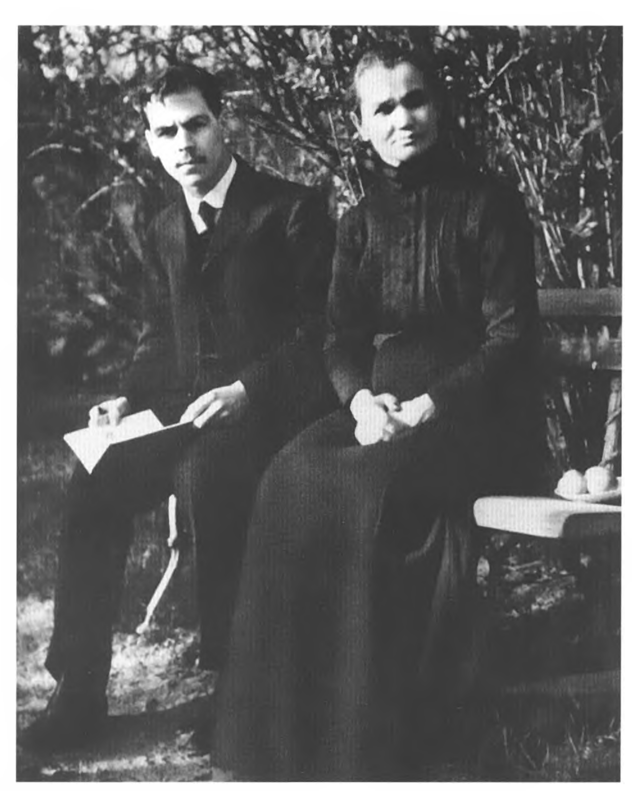


Свадьба С.И. и О.М. Багриновской.
Стоят слева направо: Н.М. Веснина,
В.А. Веснин, О.М. Вавилова,
С.И. Вавилов, Т. Сергеева,
Е.М. Багриновская, соседские дети.
Июнь 1920 г.



О.М. Багриновская (снимок
сделан С.И. Вавиловым).
Начало 1920-х гг.

С.И. Вавилов с матерью
А.М. Вавиловой на Пасху





О.М. и С.И. Вавиловы
с сыном Виктором. Лето 1923 г.
(Цветной позитив на стеклянной
пластинке. Одна из первых
цветных фотографий)



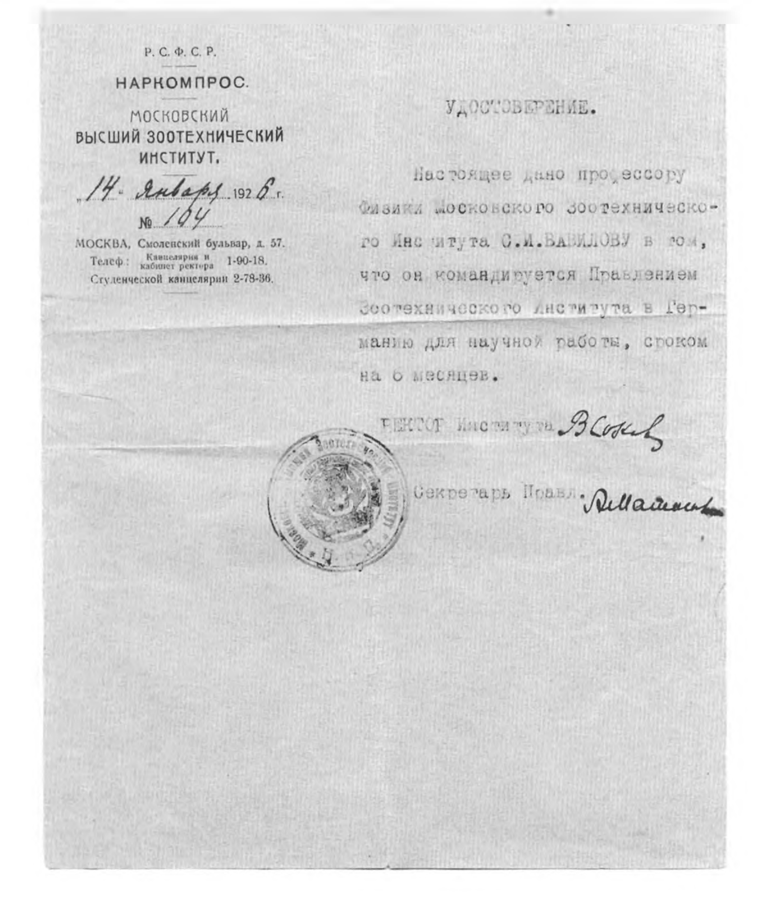
Группа сотрудников Института биологической физики (Института физики и биофизики). Сидят: Э.В. Шпольский, П.П. Лазарев, С.И. Вавилов, Е.Е. Сиротин. Стоят: П.В. Шмаков, Н.Т. Федоров, Т.К. Молодый, А.С. Предводителев, П.Н. Беликов. 1924 г.



О.М. Вавилова-Багриновская и С.И. Вавилов в московской квартире. Начало 1920-х гг.



В.И. Лёвшин
и С.И. Вавилов
1928 г.



Р. С. Ф. С. Р.

НАРКОМПРОС.

МОСКОВСКИЙ
ВЫСШИЙ ЗООТЕХНИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ.

„14“ января 1926 г.

№ 104

МОСКВА, Смоленский бульвар, д. 57.
Телеф.: Канцелярия и кабинет ректора 1-90-18.
Студенческой канцелярии 2-78-36.

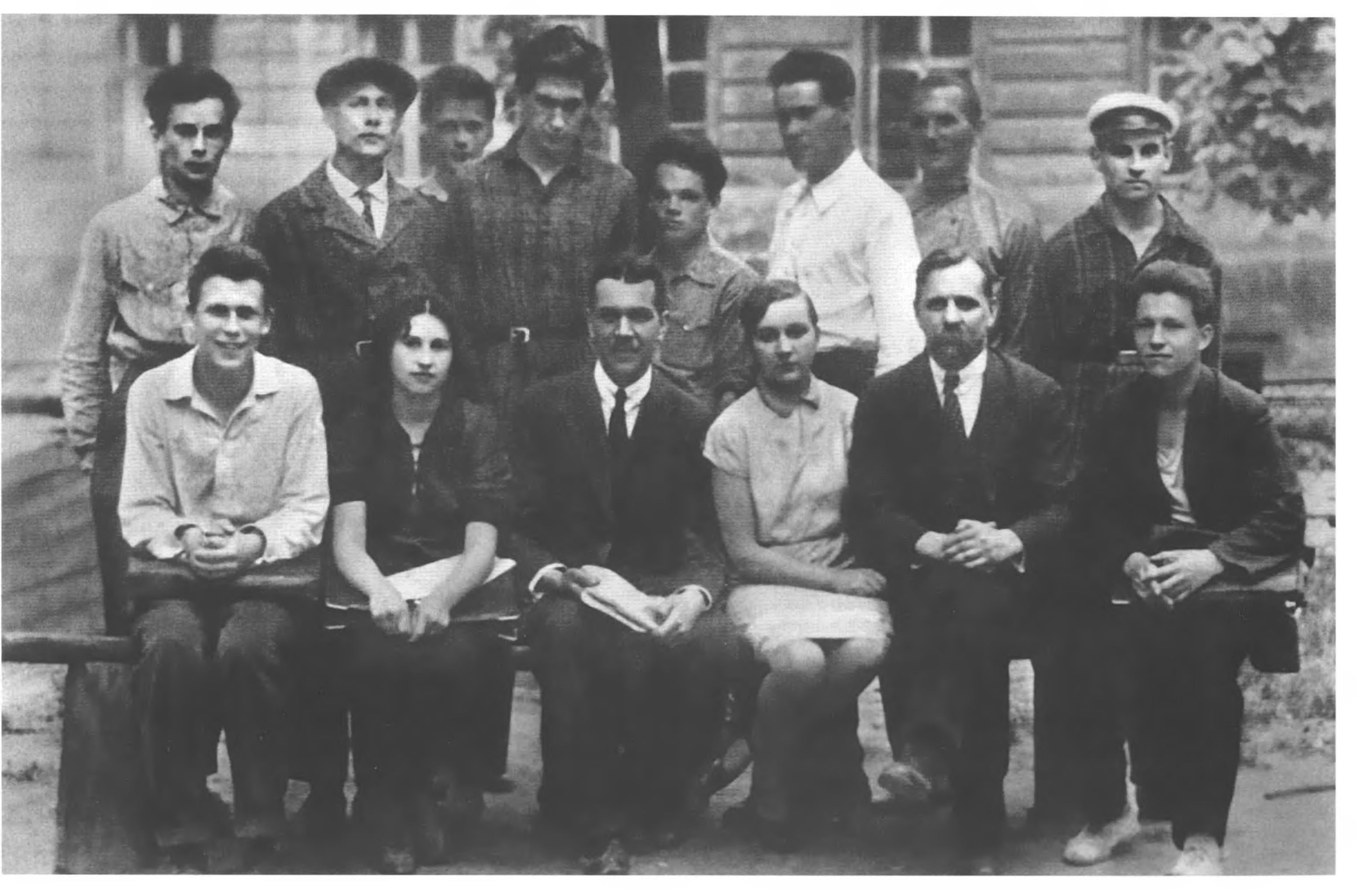
УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Настоящее дано профессору Физики Московского Зоотехнического Института С.И.ВАВИЛОВУ в том, что он командируется Правлением Зоотехнического Института в Германию для научной работы, сроком на 6 месяцев.

РЕКТОР Института

Секретарь Правл.

Командировочное
удостоверение
С.И. Вавилова
для поездки
в Германию. 1926 г.



С.И. Вавилов с группой студентов МГУ. 1929 г.



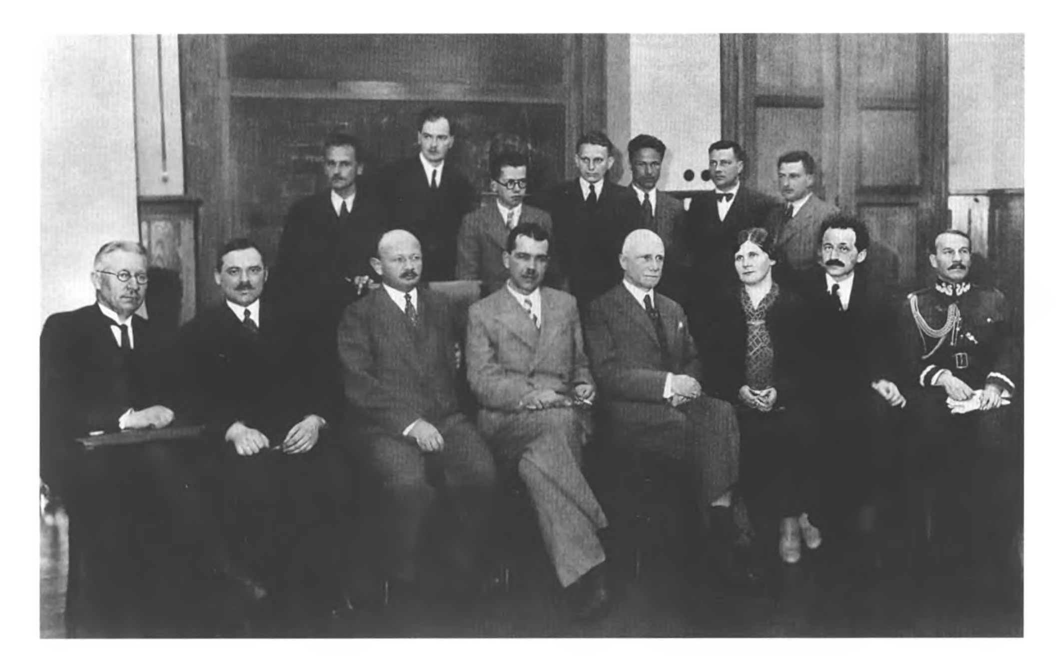
С.И. Вавилов среди исполнителей специального государственного задания. 1934 г.



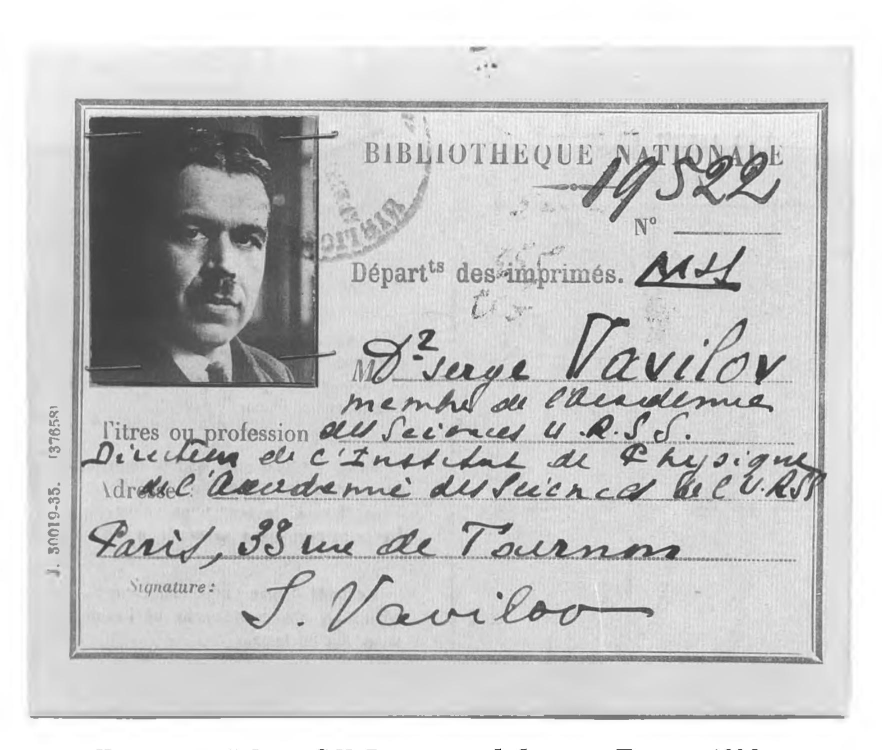
Президиум I Всесоюзной конференции по изучению атомного ядра. 1933 г.
Слева направо: А.П. Карпинский, А.Ф. Иоффе, С.И. Вавилов, С.Ф. Васильев, И.В. Курчатов



Президент Французской Академии наук Ж. Перрен во время посещения ГОИ.
Слева направо: И.В. Гребенщиков, Д.С. Рождественский, С.И. Вавилов, Г.Г. Слюсарев,
Ж. Перрен и др. Май 1934 г.



С.И. Вавилов среди участников научного семинара в Варшаве. 1935 г.



BIBLIOTHEQUE NATIONALE

N° 19522

Départ^{ts} des imprimés. M1

M. Dr Serge Vavilov

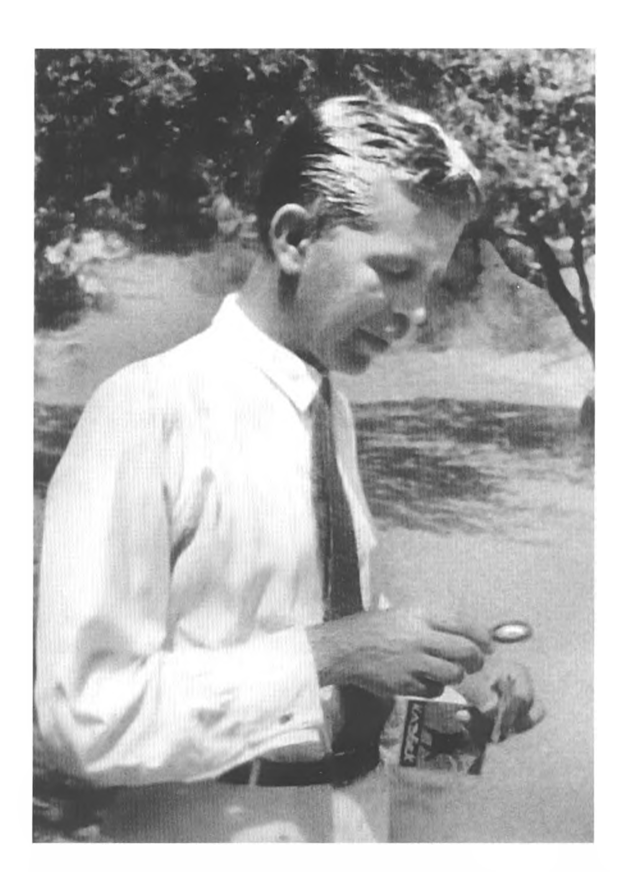
Titres ou profession membre de l'Academie des Sciences U.R.S.S. Directeur de l'Institut de Physique de l'Academie des Sciences de l'URSS

Adresse Paris, 33 rue de Tournon

Signature: S. Vavilov

J. 30019-35. (37658)

Читательский билет С.И. Вавилова в библиотеке Парижа. 1935 г.



С.И. Вавилов прикуривает папиросу с помощью увеличительного стекла. Бати-Лиман. 1936–1937 гг.

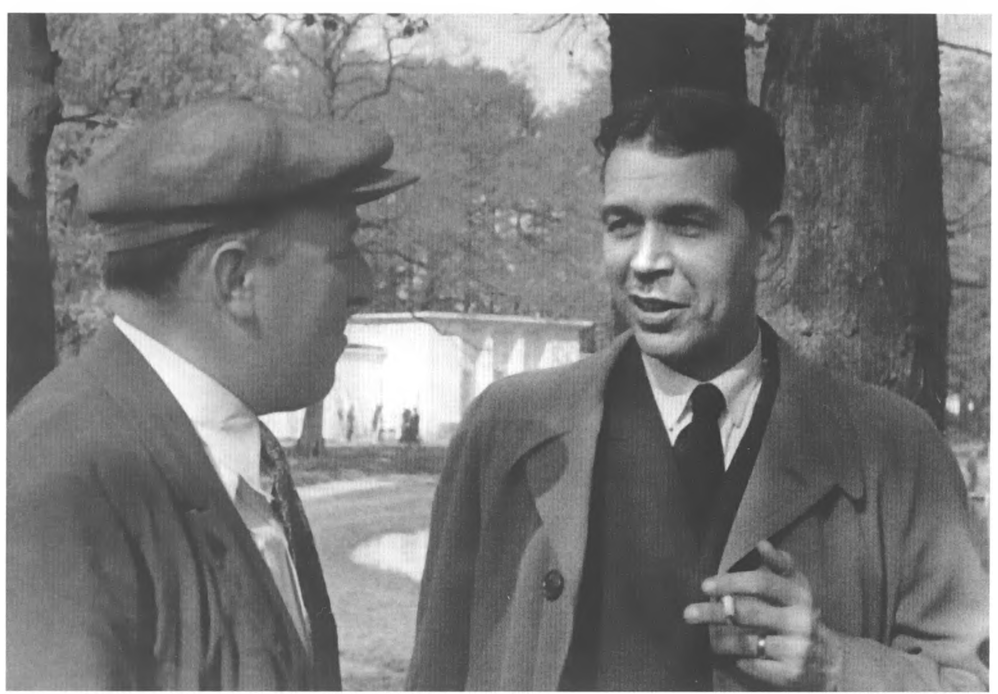
Президиум конгресса по изучению стратосферы. 1936 г. Сидят: С.И. Вавилов (третий справа), А.П. Карпинский (четвертый справа)



Мать С.И. Вавилова
Александра Михайловна
незадолго до кончины.
1938 г.



Кандидат в депутаты Верховного
Совета РСФСР академик
С.И. Вавилов с репортером
А.И. Бродским. 1938 г.





Н.И. Вавилов.
Фотография, подаренная сыну Олегу



С.И. Вавилов.
1940 г.



2 34 5

МЕЖДУНАРОДНЫ =И-ОЛА ОПТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ АКАДЕМИКУ ВАВИЛОВУ

МОСКВЫ 26102 17 3 2317

Жизнь и борьба французской компартии

=ПАПА УМЕР САРАТОВЕ 23ИЮНЯ СЕГО ГОДА ЕЛЕНЕ ИВАНОВНЕ

СООБШИЛ ОЛЕГ

Положение во... ся сейчас форс... ре-акционной буржуазии на народный фронт и нарастающей угрозой фашистской агрессии на границах страны.

Внутренняя и внешняя политика правительства вызывает беспокойство и недовольство народных масс, ибо они видят, что эта политика не отражает их воли.

ты и провело важные меры, облегчившие положение средних слоев населения.

В целом народный фронт значительно улучшил жизненный уровень трудящихся Франции. Новое социальное законодательство внесло глубокие изменения в экономическое и политическое положение страны. Эти изменения могли бы быть еще более эффективными, если бы прави-

Телеграмма Олега Вавилова С.И. Вавилову. 1943 г.

С.И. Вавилов. Фото
с автографом. 1939 г. (?)



С.И. Вавилов с альбомом
Леонардо да Винчи.
Йошкар-Ола, 1943 г.





Е.И. Барулина и Ю.Н. Вавилов. 1941 г.

Ученый совет ГОИ в Йошкар-Оле. 1943 г.



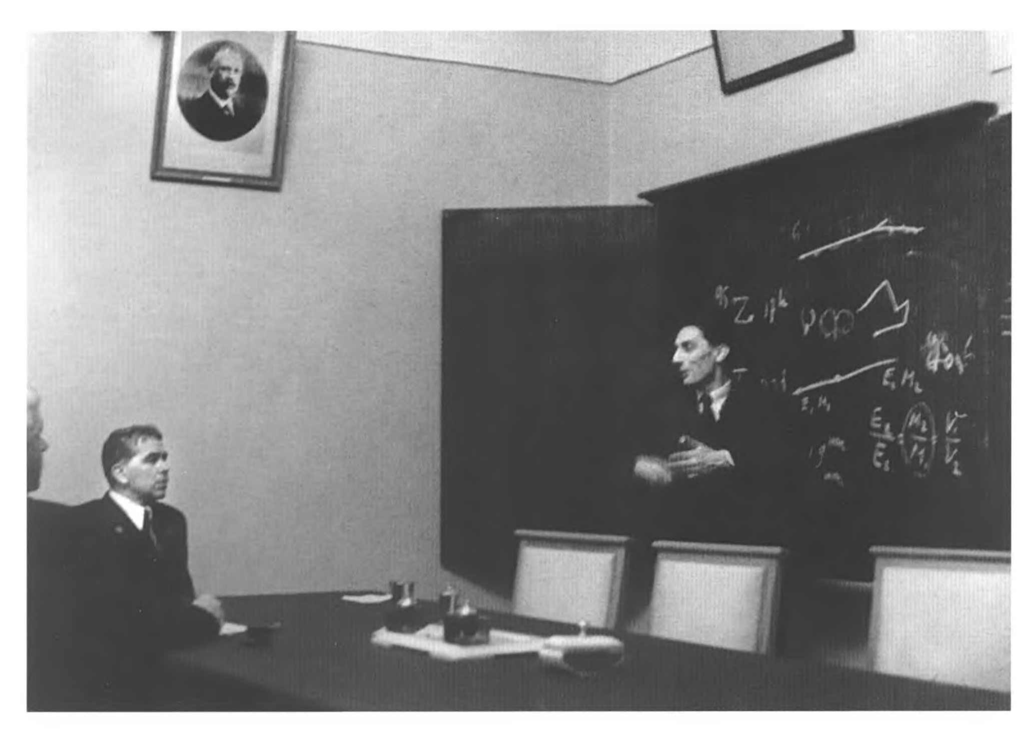
С.И. Вавилов в Йошкар-Оле. 1943 или 1944 г.



Юбилейная сессия АН СССР. Ирен Жолио-Кюри, С. Пеньковский, С.И. Вавилов, Н.Г. Бруевич
1945 г.



Группа участников Юбилейной сессии. 1945 г.



С.И. Вавилов и Ф. Жолио-Кюри на семинаре в ФИАНе.
1945 г.



С.И. Вавилов, С. Пеньковский, Г.С. Ландсберг, М. Борн. 1945 г.



Группа награжденных в Кремле. Июнь 1945 г.



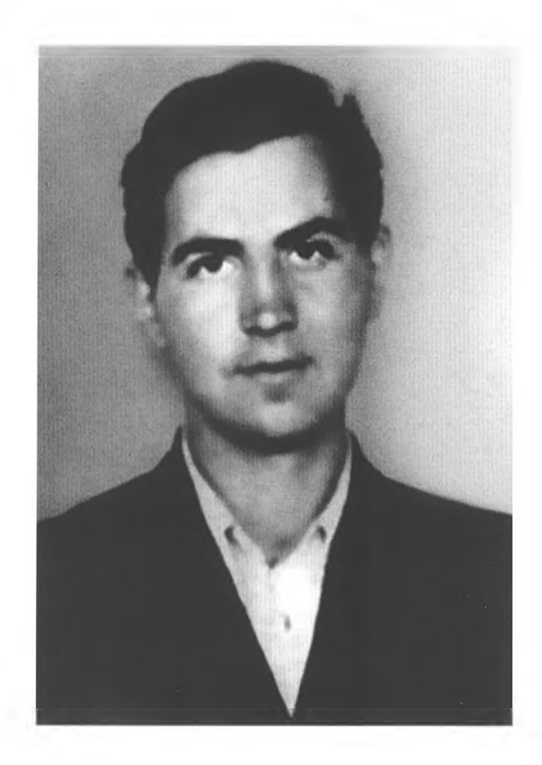
С.И. Вавилов ведет заседание Президиума АН. Июль 1945 г.



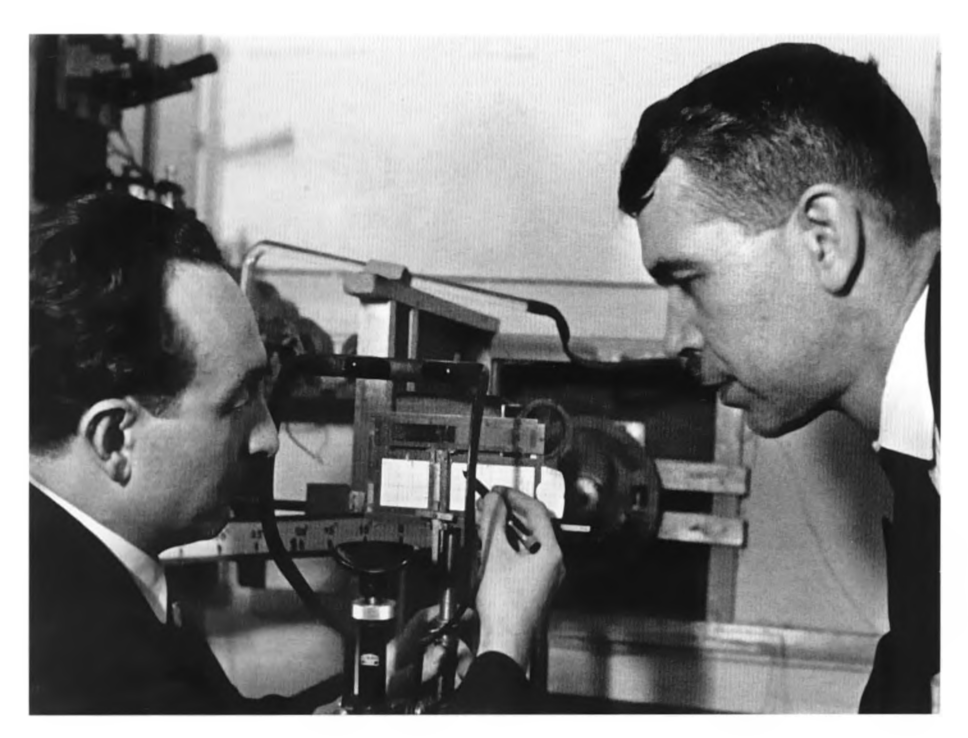
С.И. Вавилов со старейшими академиками. 1945 г.



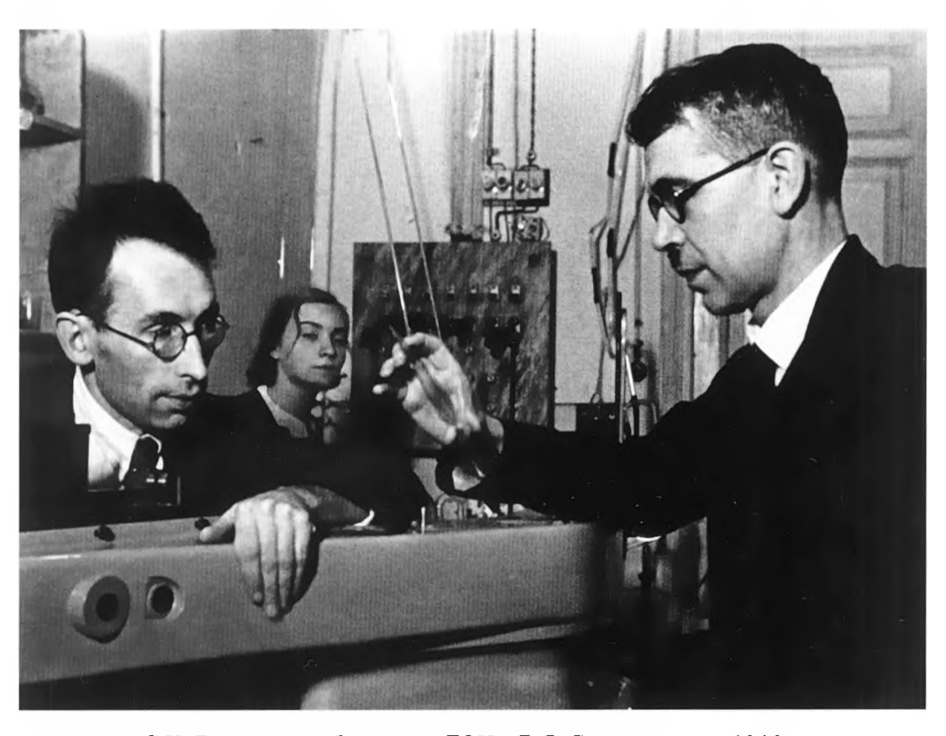
С.И. Вавилов. Семинар в ФИАНе



Олег Вавилов



С.И. Вавилов в лаборатории ГОИ с З.М. Свердловым



С.И. Вавилов в лаборатории ГОИ с Б.Я. Свешниковым. 1946 г.



С.И. Вавилов в ФИАНе. 1947 г.



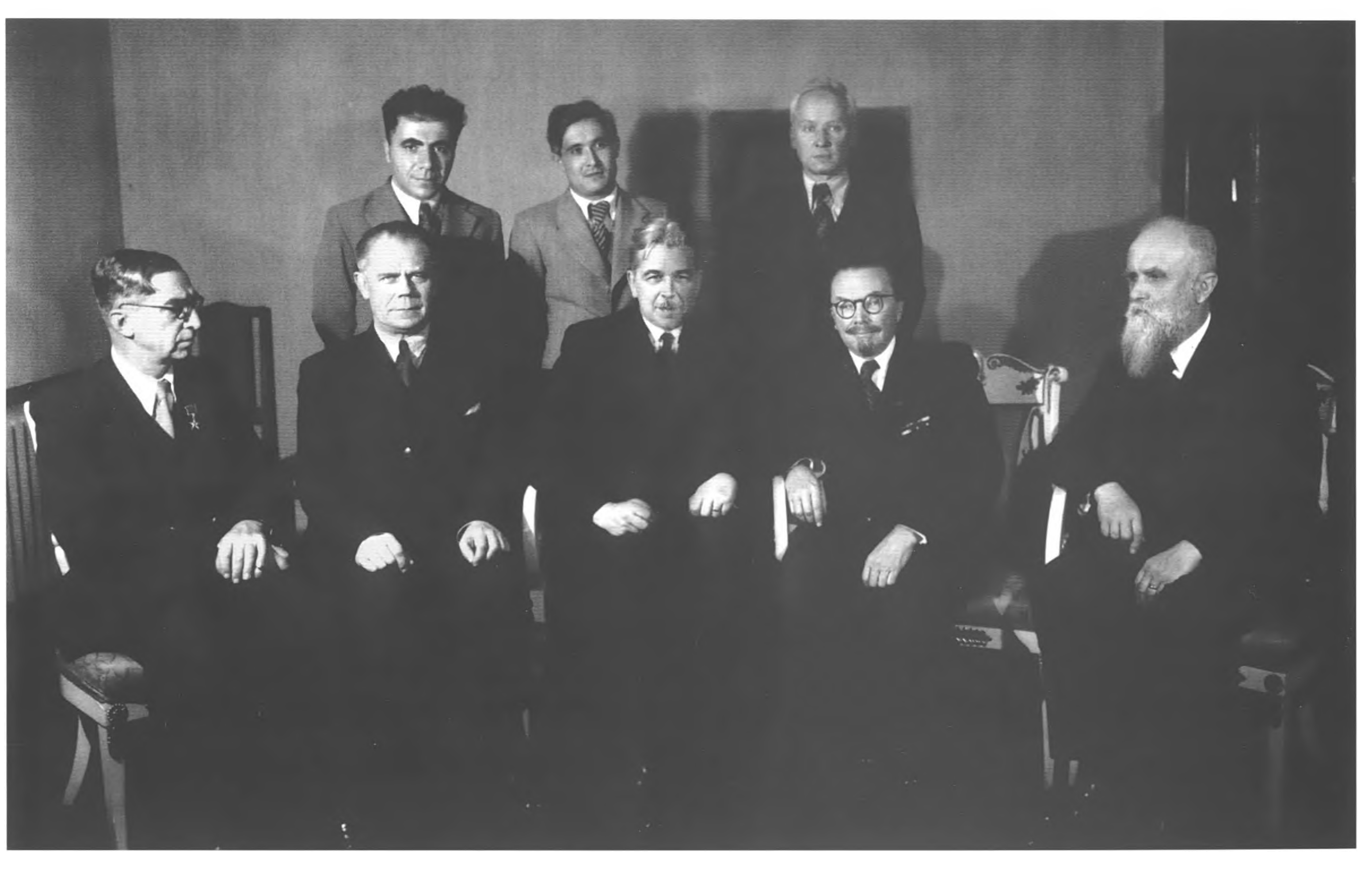
С.И. Вавилов и В.Л. Лёвшин. 1949 г.



На I Всесоюзной конференции по люминесценции. Слева направо: Р.А. Нилендер, С.И. Вавилов, В.А. Фабрикант. 1948 г.



С.И. Вавилов просматривает новые издания



С.И. Вавилов с президентами республиканских академий наук (Совет по координации)



С.И. Вавилов на осмотре объектов Пулковской обсерватории. 1945 г.



С.И. Вавилов под Ленинградом



С.И. Вавилов на юбилейных торжествах, посвященных А.С. Пушкину. 1949 г.



Н.С. Тихонов и С.И. Вавилов на торжественном собрании в Пушкинских Горах. 1949 г.

С.И. Вавилов и директор
музея-заповедника
«Пушкинские Горы»
С.С. Гейченко



С.И. Вавилов
в Александровском дворце
на выставке, посвященной
юбилею А.С. Пушкина.
Справа – М.М. Калаушин





С.И. Вавилов
и О.М. Вавилова в г. Пушкине
под Ленинградом

С.И. Вавилов в пионерлагере
АН СССР



С.И. Вавилов в деревне



О.М. и С.И. Вавиловы на прогулке. 1946 г.



С.И. Вавилов на отдыхе в Узком. 1946 г.



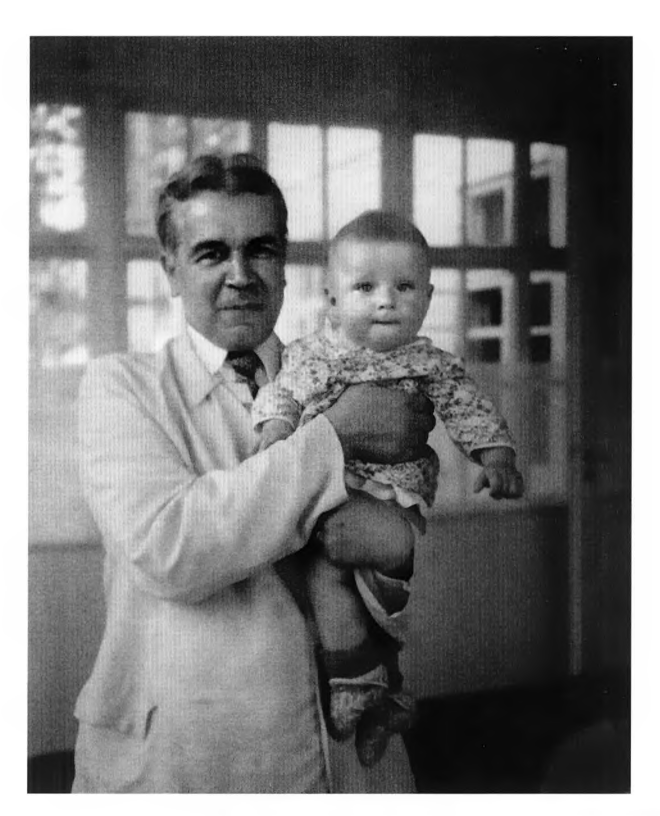
С.И. Вавилов на отдыхе. 1947 г.



С.И. Вавилов.
Узкое. 1947 г.



О.М. и С.И. Вавиловы с внуком Сережей.
Мозжинка. 1949 г.



С.И. Вавилов
с внуком Сережей

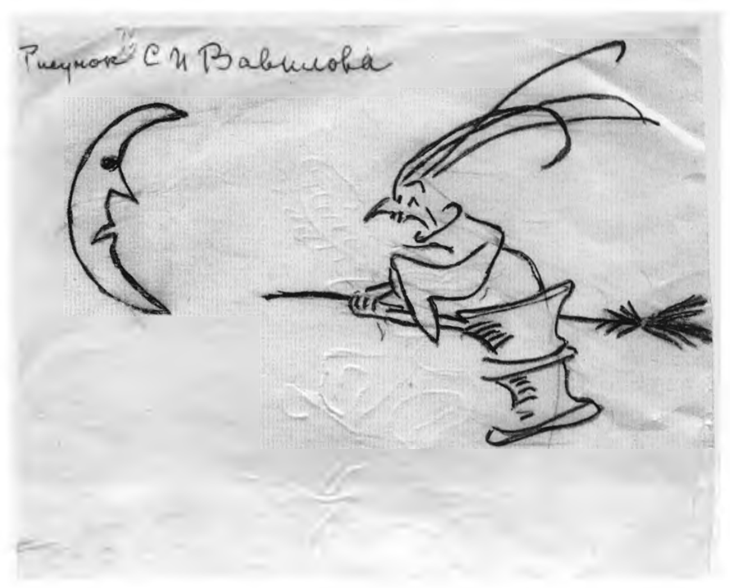
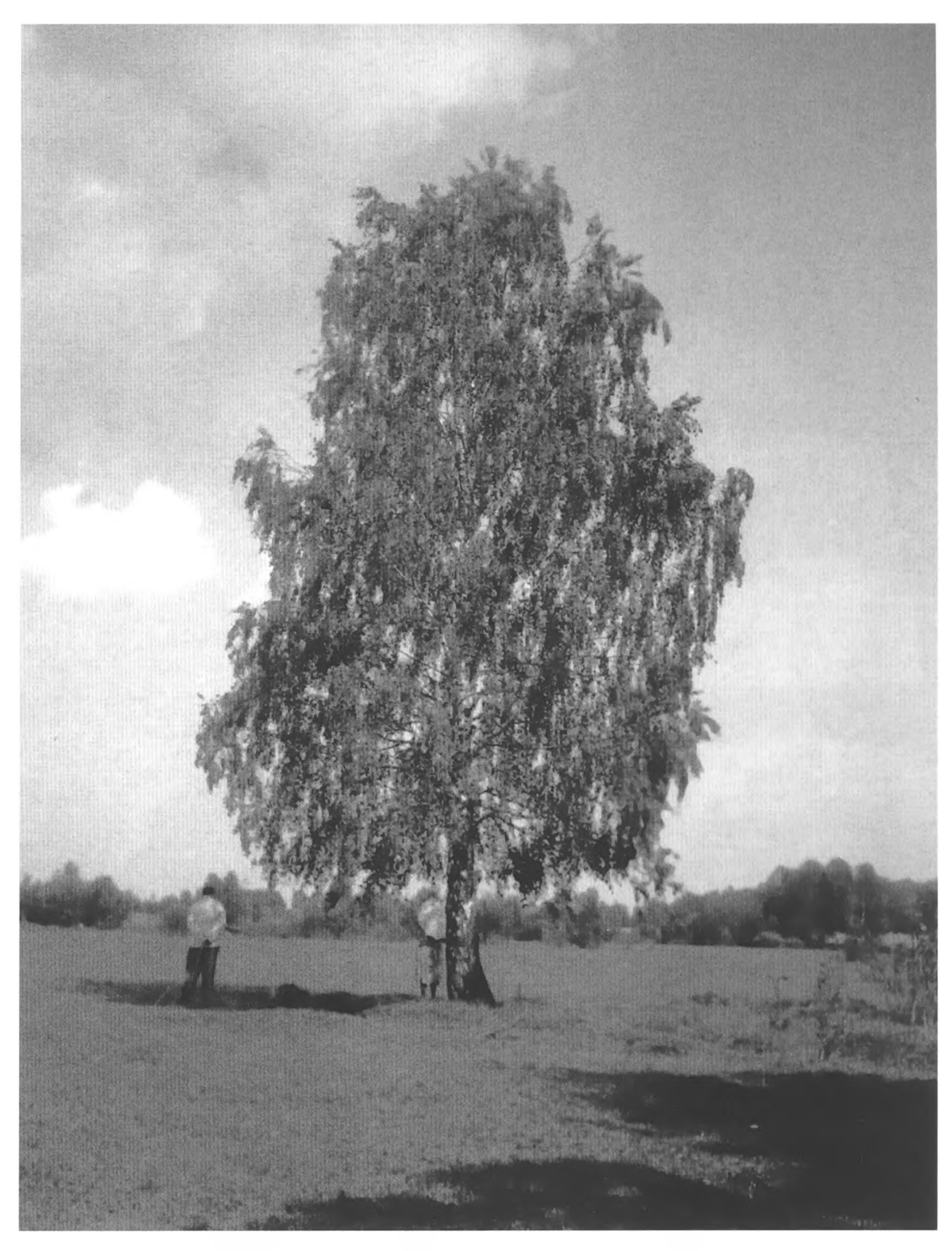


Рисунок
С.И. Вавилова
для внука Сережи

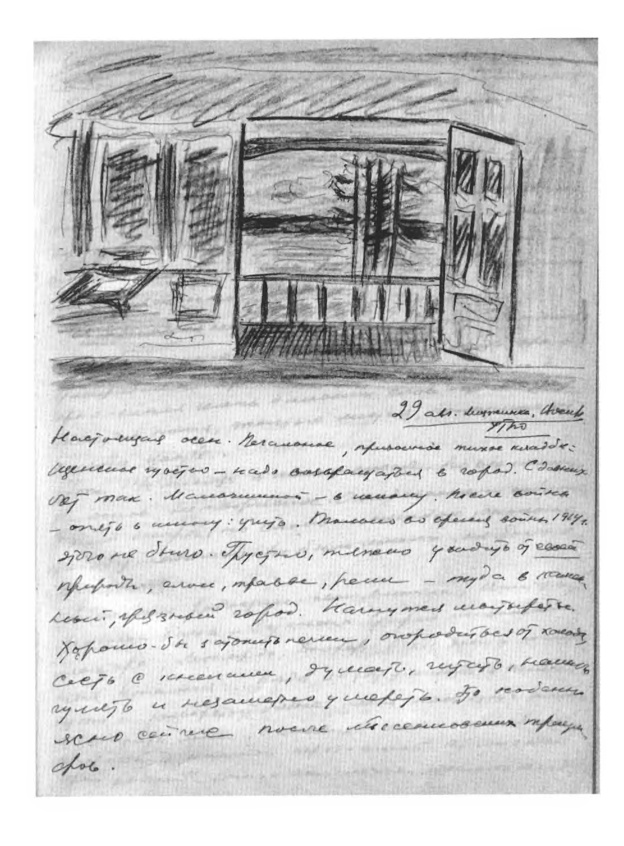


С.И. Вавилов в кабинете президента АН СССР



С.И. и О.М. Вавиловы на прогулке.
«На просторе»

Страница дневника с рисунком
от 28 августа 1948 г.



Последняя запись С.И. Вавилова в личном дневнике.
21 января 1951 г.



С.И. Вавилов в домашнем кабинете. 1950 г.

С.И. Вавилов дома
у статуэтки Коллеони.

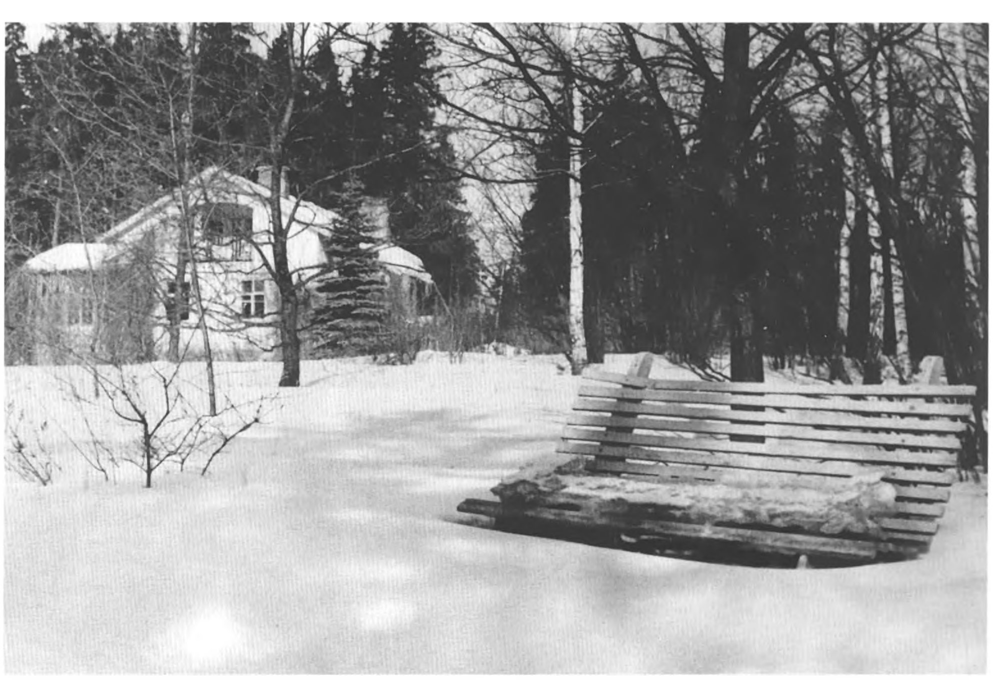


С.И. Вавилов с водителем
П.Д. Кабанковым.
Барвиха, 10 января 1951 г.





С.И. Вавилов.
(На фото надпись:
«Последние снимки, сделанные
О.М. Вавиловой»). 1951 г.



Дача С.И. Вавилова в Мозжинке. Фото, сделанное П.А. Черенковым
(1958 г.)

31 марта, Москва, Четв[ерг], Утро

Вернулись с Олюшкой в понедельник. Весна, солнце. Московский вихревой стиль. Скандалы с «космополитами». В их число попали Деборин, Минц и многие другие. Скандалы с Ландсбергом. Выступление на комсомольском съезде[1]. Смерть Гамалеи на 91-м году. Неопределенное положение в Президиуме в связи с «Ученым секретариатом»[2]. Отрывки, обрывки научных мыслей. Хорошие результаты у Галанина.

Содержание человеческого сознания, психики, даже у самых вершин, у Пушкина и Ньютона не таково, чтобы заслужена была «жизнь вечная». Все ограничено, условно, временно и естественно, по заслугам обречено на исчезновение.

3 апреля, Мозжинка. Воскр[есенье] 11 ч[асов], Утро

Солнце через окна на светлых стенах финского домика. Весенний тающий снег. Возвращающиеся птицы. Заячьи следы.

Приехали с Олюшкой вчера вечером. Вчера – именины (20 марта). Конспективно вспоминается вся жизнь. Детская кровать с сетками. Мама. Солнце. Ранняя обедня с молебном, подарки. По вечерам гости (еще в прошлом веке). Дамские рукава-шары. Апельсины. Ломберные столы, карты. Груда тортов. Потом смерть Илюши во время именин. Гроб с гиацинтами. Помню, как покупал для него по докторскому приказу шампанское у Чернова на Б[ольшой] Пресне. Другого послать нельзя было. Именины на фронте (Махновщина) после революции. 1938 – смерть мамы. 1939 – смерть Алек[сандры] Ив[ановны]. Именины все затухают, о них уже почти никто не знает, даже Олюшка забыла.

Мысли и чувства странные и малоприятные. Никчемность, случайность, эфемерность собственной жизни (готов с нею кончить каждую минуту). Это – на основе неискоренимого исконного материализма. Но он очевидно – упрощение. А что же иначе. Не знаю. Агностицизм. Уже одно это – доказательство никчемности.

И в то же время внутренние силы, побуждающие к работе, строительству на пользу людей, народа, страны. Несомненный фактор в истории общества, в котором живу. Все неясно, путанно.

А смерть? По Н.А. Морозову: сон без сновидений. Совсем не плохо, потому что сновидения*

прошедшая неделя: «космополиты». Сталинские премии по изобретениям (в Политбюро, которое 4 1/2 часа вел И.В. Сталин). Похороны Гамалеи. В голове мозаика, как в автоматическом телефоне. Так хочется покоя, тишины, сосредоточенности, новых мыслей, творчества напоследок. Или тихо, незаметно и для себя, и для других умереть.

10 апреля, Мозжинка, Воскр[есенье] 1 ч. дня

Весенний день. Снег почти сошел, по Москве-реке лед идет. Разлив ничтожный. Солнце. Воскрешающая[ся] жизнь. Человеческая машина в

---

* Далее в дневнике вырвана одна страница.

резонансе с солнцем, землей, птицами, травой. Этот резонанс отражается в сознании, отсюда совершенно субъективная, совершенно сознательно-биологическая «весна». Объективное, внешнее вполне мыслимо и очевидно без сознания. Сознание без объективного бессодержательно, пустое, несуществующее. В этом и смысл материализма.

Светлые, пустые, финляндские стены со стульями-модерн (на которые неприятно смотреть) наполнены светом. Радио, соната apassionata. Временный отрыв от московского вулкана, с космополитами, академическими большими и малыми делами, квартирными проблемами (Капица, Зелинский, звонок Л.П. Берия). Для творческого, своего не остается ни времени, ни сил.

Каждый день непрерывных 12–14 часов, после чего больная голова и только чтение одними глазами.

---

5 ч[асов] дня

Уровни сознания: сначала «сон без сновидений», потом воображаемые миры, внушаемые, воспитываемые родителями, няньками, книгами, все[й] средой, мир с Богом, ангелами, чертями, детский отчетливый, твердый игрушечный мир. Сменяется мир[ом] гимназическим, миром первых популярных книжек, à la Бюх[н]ер, затем мир ученого, тоже полный внушений, традиций, влияний. Существует ли, возможен ли мир сознания свободный, независимый от внушений, «sub specie aeternitatis»*?

По-видимому, невозможен потому, что сознание [–] явление биологическое, возникающее под влиянием среды и для среды. Опять Мюнхгаузен, не могущий прыгнуть выше себя самого.

Погода испортилась. Холодно. Дождь. Река свинцового цвета с белыми льдинами.

17 апреля, Мозжинка, Воскр[есенье] 12 ч[асов]

Вербное воскресенье. Весна холодная. Вербы еще зяблые. Река осела, оставив на берегу белые мерзлые льдины. Вчера снилось, хожу по базару, ларькам и лавкам со всякими безделушками. Во сне думаю, что это похоже на старый вербный базар. Как это странно. Не думал о вербе, о старом, а откуда[-то] из ⟨нрзб.⟩ подсознательного это вдруг воскресло.

Прошлое лежит про запас. Как это понять? Естествознанию еще очень далеко до понимания психики.

Дни проходят тяжелые, наполненные путанной мозаикой дел. Каждую минуту чувство виноватого, многого не выполнившего. Заседания об использовании ускорителей, о мерах и весах, о внедрении, о космополитах (в Физ[ическом] И[н]ституте), научные семинары. Топчиев. Трудности. Растет гора дел. Сегодня ровно 3/4 президентского пятилетнего срока.

---

* С точки зрения вечности (*лат.*).

Нет совсем времени для спокойной мысли. Больная голова, усталость, чувство невыполненного. Тяжело и больно и с удовольствием отсчитываю каждый прожитый день.

А здесь: холодное солнце. Еще снег пятнами, зяблые деревья, хотя поют жаворонки и зяблики.

В радио католическая и протестан[т]ская пасха: аллилуйа. В комнате бело и светло, но безмысленно и бесталанно. Хотелось бы, чтобы каждый прожитый час был созидательным, на пользу людей, земли, мира. А на самом деле усталость, беспомощность и чувство бездарности, а еще больше никчемности.

В пятницу был Борис Васильев. Счастливая, понятная натура. А за ним воспоминания о прошлом.

24 апреля. Воскр[есенье]. Мозжинка 12 ч[асов]

Еще неделя, снова мучительная. Часов по 13-ть ежедневно заседаний, выступлений, тяжелых разговоров. Скверная головная боль и полная автоматизация.

В четверг ездил в Иваньково на стройки. По-видимому, это «родовое» Иваньково, родина отца[1]. Сейчас серая, разваливающаяся деревня, которую переносят с места на место. А места красивые, древнерусские, хотя названия вроде «Икша», «Яхрома», пожалуй, финские. Сегодня пасха. Серый пасмурный день. Весна тягучая, холодная. Еще есть снег и деревья застыли.

Пишу сейчас (кажется в 5-[ы]й раз) на тему Ленин и физика. Сам я стал материалистом глубочайшим.

Москва 10 ч[асов] веч[ера]

Так просто и так печально. Из Ленинграда Соня передала – умер Кошин Мих[аил] Андреевич, истопник ГОИ, 30 лет там работал. Толковый русский человек, умный, честный, талантливый. И нет, память скоро исчезнет. Сделал свое дело на свете, хорошо или плохо – случай, и исчезай навсегда. А Кошин был значительнее многих.

26 апреля, Вт[орник], Ленинград

Солнечный теплый город. Совсем не то, что в Москве. Странно, какое-то другое измерение. Природа с плоскостью, Невой. Люди строем зданий, стройной формирующей стариной[*]. Кто создавал это целое? Никто. Ни цари, ни простые смертные, ни Росси, ни Растрелли. Как вышло это чудо? Совсем не похоже на русскую московскую душу. Но не немцы, не французы, не итальянцы, не чухонцы. Это задачдка[2*] и проблема. Не произведение природы,

[*] Так у Вавилова.

[2*] Так в тексте, по всей видимости, случайно «слившиеся» слова «задача» и «загадка».

дело рук человеческих, но ненамеренное, и вышедшее под каким-то подсознательным дирижерством. Как просто, какая-то временная игрушка из красного камня. Скорее бы уйти, не отсвечивая.

27 апреля, Ленинград. Среда. 12 ч. ночи

Пулково. Царское. Воскресающий Александровский Дворец и Лицей. Меланхолическая радость. Колдовство архитектуры (сильнее пейзажа), руки, сила и ум человека. Екатерина. Пушкин, последний дар* в последний раз вышедший из двери главного зала. Лицейская реставрация еще страннее. Но Пушкин[а] нет и не будет.

Воскресающее Пулково. Слабенькие астрономы. Дома душно. Виктор кончает Университет. Маленький беловолосый Сережа. У меня болит голова.

28 апреля, Ленинград, Четв[ерг]. 12 ч. н[очи]

Сегодня, как в Москве, непрерывных 11 часов. В конце в Кунсткамере, в Лом[оносовском] музее Ломоносовское собрание. Роются в Ломоносовском старье, зачеркнутые фразы в рукописях, деловые бумаги, раскопки в Усть-Рудице[1]. Круглый старый петровский зал в кунсткамере. Много декорации, философии старины, но великого нет. Между тем Ломоносов[а] образ – истинно-русский и достойный внимания. Дома поздно, опять больная голова, у Виктора почему-то меланхолия. Юра. Кричит Сережа, режутся зубы. А нужно высокое и прекрасное, иначе жить трудно.

29 апреля, Ленинград, пятн[ица] 10 ч. веч[ера]

Уезжаю сегодня. Каждый раз немного врастаю и опять в путь. Здесь все же больше «дома», чем в Москве. Хотя по существу бездомный. Опять набитый день: ГОИ, лаборатория, Чехматаев. Архив, старые бумаги, дневник К.С. Веселовского. Академия, Радиевый институт, мезоны Жданова[1]. Книжные лавки. Дальше здесь. Разговор по телефону с Андриановым и Лазутиным. Солнце, холодно, на ростральных колоннах веселые разноцветные флаги.

1 мая, Мозжинка, Воскр[есенье] 1 ч. дня

Вчера вернулся из Питера. В памяти еще ясны сияющие на солнце питерские громады, Ц[арское] Село, Кунсткамера, но тут сразу: вдовы, космополиты, умер Графтио. Спрятался на два дня в Мозжин[к]у. Тепло, солнце. Природа наконец просыпается по-настоящему. Но отношение у меня ко всему совсем иное, чем прежде, существа, теряющего и сознательно, и бессознательно я и постепенно сливающегося со всем. Слабнет память, впечатления теряют остроту как на матовом стекле фотограф[ической] камеры, не все ли равно, что изобразилось. Роль самого себя становится все меньше и случайней, «место красит человека». Духовное содержание не только меня, но и

* Так у Вавилова.

Ньютона, и Менделеева, и Платона совсем не бесконечное и не такое глубокое, как кажется со стороны. Неотвязчивый образ «телефона-автомата».

Потом ясна служебная роль науки. Ее ограниченность [–] естественное следствие этой служебной роли. Как когти, зубы и глаза. И снова в 1001 раз – выше себя не прыгнешь. Человек вовсе не мерило всех вещей, а очень немногого.

На свете, главное комм[унистические] победы в Китае. Это, по-видимому, начало конца капиталистического мира.

Два дня с самим собой.

2 мая, Мозжинка, Понед[ельник] 1 ч. дня

Сегодня холодно. Впереди московские перспективы. Пытаюсь отдыхать, читая детективный роман. Чувствую, что собственная машина все больше портится. С трудом дышу, с трудом хожу и по-прежнему хочется сделать большое. Но нужно время, силы. Нет этого.

Сам стал «телефоном-автоматом», но и другие люди такими же кажутся. С исчезновением богов и чертей из природы и жизни они становятся механикой.

8 мая, Мозжинка, Воскр[есенье] 12 ч.

Солнце, тепло, ветер, запаздывающая весна. Нет еще черемухи и многие деревья почти голые. На Мозжинку вчера приезжали Соня с внуком Сережей. Начался летний период. Смотрю на маленькое существо, в котором медленно развивается сознание. Прожив почти 60 лет, знаю, что получится. У людей преувеличенное представление о самих себе. Содержание сознания самых вершинных людей было всегда ограниченным, временным, обусловленным временем, местом, историей и пр. «Будете как боги»[1] – это слишком сильно сказано. Сила не в человеке, а в человечестве, в том, что культурное содержание сознания передается другим, изменяется, растет, налагается одно на другое. Бездарнейший студент физик и математик знает и может теперь больше Ньютона. Сила рода, общества, человечества в целом безгранична, удивительна и чем кончится не известно, если земля не погибнет в ближайшие тысячелетия. Мне все яснее, что роль «я», индивидуального сознания, роль дифференциала, близкого к нулю, но вместе с тем поистине потрясающим может стать неопределенный интеграл, все время растущий, культуры всего общества, совокупности людей во времени и в пространстве. Надо научиться жертвовать собою для этого целого. В этом единственный смысл существования.

Неделя: прием несчастных немцев во главе с президентом прусской Академии Штрукс'ом-эллинистом[2]. Прием китайцев. Академстрой. Бестолковщина с предстоящей сессией[3]. Замучен и затаскан, никакого «я» не осталось.

15 мая, Мозжинка, Воскр[есенье] 12 ч.

Начинает появляться растерянность, т.е. вылетают из-под ног точки опоры. Материалистические рентгеновские лучи, выходящие из собственной

головы и все просвечивающие и обнажающие, делают жизнь порой невыносимой. Снимаются условные красивые одеяния со всего, с цветов, людей, истории, культуры, науки.

Сегодня тепло, солнце. На балконе свежая зелень. Москва-река. Маленький Сережа, а на душе грустно, и даже [не] грустно, а пусто. В Москве умирает В.А. Веснин.

А по дороге на Мозжинку вчера вечером разбиваются о стекла машины майские жуки, поет соловей.

Неделя невыносимой мозаики. Закрытые президиумы, посвященные Академстрою и геол[огическому] И[нститу]ту[1]. Посещение Мехлиса. Фрумкин, прием чехов*.

Выступление в колонном зале: наука и практика[2]. Открытие баховской доски[3]. РИСО. Каждый день больная голова. Куда же тут до научной мысли. Уходит «интеллигентность» и старая интеллигенция. Это характернейший признак. «А мы мудрецы и поэты...»[4]. Таких остается ничтожное число и скоро совсем не будет.

Трудно тащить такую тяжесть по земле.

<u>Мозжинка 22 мая, Воскр[есенье] 10 ч. утра</u>

После мучительного существования тяжеловоза за неделю останавливаюсь, оглядываюсь. Самое главное, хочется, чтобы каждый день вносил какой-то кирпич для тех, кто останется жить. Невыносимо, нестерпимо биологическое существование, когда ничего не остается. Вероятно, объектив[н]о жизнь за неделю след большой оставляет, но никогда нет уверенности, что это действительно так, и боишься противоположного. В понедельник бюро ЦК – ругали за Общество, хотя делается очень много. Три дня: сессия совета по координации. Нужно это? Усталость, много стараний и трудно. Переговоры с Сусловым о пушкинском, павловском юбилее, о составе президиума. Вчера разговоры с горе-пушкинистами Еголиным, Бельчиковым о цитатах из Пушкина. Что не цитата – скандал. Пропущенные строки в Памятнике, Арион, «эхо русского народа». В воскресенье мечтаю о сосредоточенности, ясной голове, творчестве. Нет этого, подготовка выступлений, газетных статей, которые потом в редакции бреют по общему образцу.

Времени мало, жизнь проходит и хочется оставить людям настоящее. В этом единственный смысл и стимул. Перескакивание сознания за пределы, над природой – противоестественное и, вероятно, конец развития сознания. Но сейчас у меня так.

За неделю два отрадных момента. По утрам перелистывал Пушкина, разыскивая цитаты для юбилея. Какая красота, глубина, гармония сознания. Был ли другой такой поэт? А второе на ламповом заводе с Зелинским (однокомпонентный люминофор для люм[инесцентных] ламп). Дело, факт, переход в жизнь.

---

* У Вавилова «Чехов».

Здесь весна на полном ходу. Сирень, тюльпаны, птицы, кукушка. Воздух наполнен (после грозы) запахом листьев, сирени. Такое родное, свое в этих зеленых кустах, траве, птицах, воздухе, свете. И противоестественный город.

Ленинград, 27 мая, 10 ч. веч. Пятн[ица]

Оставшиеся камни. В них отразилась душа, или дух их собиравших. Давно, давно их нет, этих собиравших, а главное, в отдельности ни архитекторы, ни рабочие, ни заказчики-цари совсем не понимали, что получится, стройки затягивались на десятилетия, новые поколения не знали, что думали предшественники. А получилась архитектурная, зрительная своеобразная петербургская музыка, не похожая ни на Петра, ни на Николая I, II, ни на гоголевских, ни на фонвизинских героев. Выше людей и порознь и вместе. Удивительное дело. Совсем иначе, чем в Москве и в других городах на свете.

Сегодня из Москвы. Там каждый день по 12–13 часов. Превращение в машину идет гигантскими шагами. Смерти: Чернышев, Яновская, Щусев. Но почти не трогает, потому что сам готов умереть каждую минуту.

Здесь Опт[ический] И[нститу]т, Академия с остатком старой Академии, комисс[ионные] магазины, книги. И пустая гол[о]ва, чувство разбитой, брошенной машины. Здесь среди неразобранных книг, кавардака, неясности надо совсем забывать свое и переходить стопроцентно на государственное, внечеловеческое, сверхчеловеческое, без «я».

28 мая, в поезде, под Ленинградом, 12 ч. н[очи]

В окно холодная синева белой ночи. Проехал по Васильевскому, по Дворцовому мосту. Мертвенно-задумчивое волшебство. Полуциркуль Главного Штаба не то зал, не то сцена, не то плац-парад. Силуэты Исакия, новой-старой Кунсткамеры.

Днем – Ц[арское] Село, воскресший Александровский Дворец и Лицей. Старая зелень. Сирень. Потолок. Кваренги. Люстры. Рабочие – зачарованы. На Дворцовой набережной замысловатый, полный думы, силуэт Вас[ильевского] Острова. Над людьми, над историей – что-то еще. Как Эллада.

В Опт[ическом] И[нститу]те разговоры о науке. Дома тихая беседа с Виктором. И вот немного отдохнул. Завтра Воскресенье.

Но голова пустая, не творческая, а хотелось бы напоследок сделать хорошее и большое. В людях громадные возможности.

29 мая, Мозжинка, Воскр[есенье] 6 ч. веч[ера]

Здесь весенне[е], красивое, хорошее. Зелень, сирень, река, птицы, комнаты с гравюрами и картинами на стенах, внук Сережа, начинающий ходить и разговаривать.

У меня пустая, усталая голова. Сосредоточиться не могу. Философия чувства. Люди – облака, смерть – уход со сцены. «Я» – обязательный зритель, служба которого в том, чтобы смотреть. Служба кончилась, нет ни «я», ни смотрения.

Сильна сейчас только красота природы, картин, зданий. В глазах – колонны Александровского дворца и голубы[е] куртины из незабудок на могилах перед дворцом.

5 июня, Москва, Воскр[есенье] 11 ч. утра

Кажется, кончится тем, что я либо свалюсь как ломовая затасканная лошадь, либо сойду с ума. Клубок нелепой чертовщины. Академическая сессия с выборами Топчиева и Островитянова[1]. За день – «отставить». Собираю президиумы, разговариваю. Истерика Топчиева. Еще раз «отставить». Топчиева можно проводить, Островитянова отложили. Заседания с процедурами. Целая мучительная неделя часов по 13–14 ежедневно. Заседания в Академии, в Ц.К., в Сов[ете] Мин[истров]. К.П.Д.=0. Какая уж тут физика и творческая мысль. Сегодня – в Москве. Должен в 12 ч. выступать на Тверском бульваре у памятника Пушкина. И Пушкина можно замусолить так, что останется сальное пятно. Виктор болен. Воспаление легких, плеврит. Все летит, непрочно.

Мозжинка, 11 ч. вечера

Здесь так тихо, красиво, зелень, солнце, цветы, река. Соня с внуком. Просто и полная отрезанность. Выступал у пушкинского памятника, был растроган, потому что Пушкина люблю по-настоящему. Другие, по-видимому, меня поняли. Успех имела какая-то девица в надсоновском духе. Меня жарит и знобит. Выдавливаю из себя еще одно пушкинское слово для 7-го, для колонного зала. Мыслей никаких. Но здесь так хорошо и хорошо бы незаметно умереть.

В поезде, у Любани 9 июня 10 ч. утра

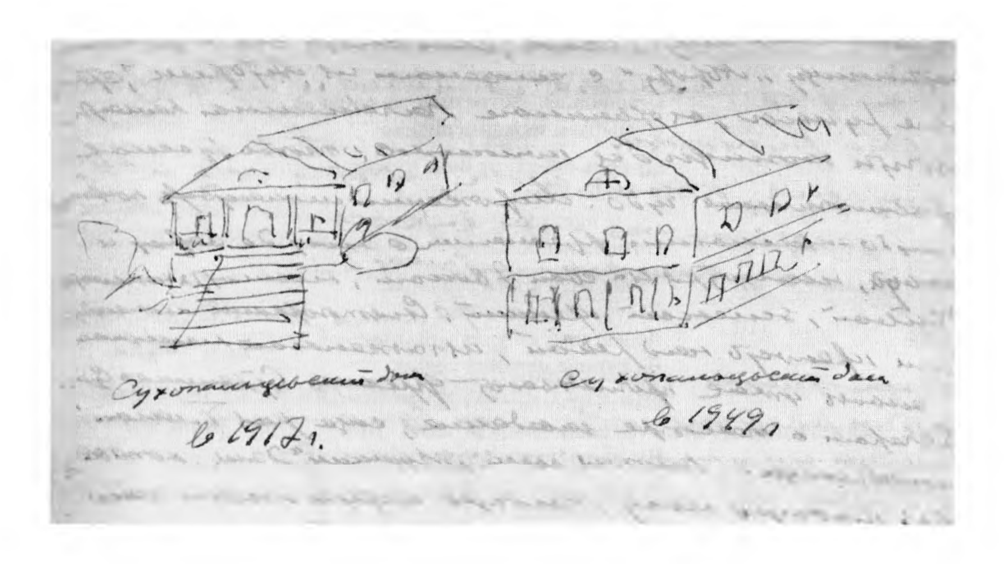
Непроходящая болезнь, не то простуда, не то отравление. Обрезанный бритвой палец. Задерганность главным образом пушкинскими торжествами до последних пределов. На юбилейном вечере Академии в Колонном зале, 7-го июня самое большое впечатление оставил вопрос проф[ессора] А.А. Соколова (теор[етическая] физика, сподвижник Иваненки[1], декан физ[ического] ф[акульте]та [МГУ]) после исполнения «Моцарта и Сальери» на концерте. «А чьи это слова»? обратился ко мне с вопросом А.А. Соколов. Пушкин, оказывается, ошибся, мечтая о тунгусах и калмыках. Сущий у нас язык проф[ессора] Соколова, оказывается, не в состоянии назвать Пушкина.

Составил 4 вступ[ительных] слова, остается еще 3–4. Но зато становлюсь сам себе все яснее. Действительно «телефон-автомат».

10 июня, Ленинград, Пятн[ица] 11 ч. вечера

Вчера приехал: ГОИ. Довольно просто и так, как нужно. Потом репетиция сегодняшней Пушкинианы. Ночью поездка в Царское. Белая ночь. Последняя развеска в музее. Болезнь еще не вышла. Усталость. Трудно дышать. Пот прошибает.

Сегодня, по-моему, трогательное и блистательное заседание в актовом зале Лицея, в стенах которого когда-то раздавался голос звонкий 15-летнего



Пушкина. Потом блеск Александровского Дворца. Кружево колонн. Зеленые дубы. Голубое небо. Торжествующий Пушкин. Кажется, хорошее дело сделано. О, если есть что-то схожее с душой Пушкина, где угодно. Неужели оно не отзовется. Сейчас усталый и с простудой, после 6-го продиктованного «слова» сижу как полутруп. Я стал материалистом в точности на 100%. И осталась одна красота, за которой тоже материалистические основы.

13 июня. Ленинград. понед[ельник] 8 ч. вечера

Трудно переносимый сгусток фактов, впечатлений, отрывков мыслей. Сегодня вернулись из пушкинских мест[1]. Псков, если снят[ь] все остальное: гостиницу «Аврору» с человеком из «Астории», ст[р]ашные руины, взорванные Паганкины палаты, разбиты[е] звон[н]ицы без колоколов [–] тихое русское археологическое чудо. Мирожский монастырь, покрытый голубо-красными фресками снизу доверху и живой, несмотря на свои 7 веков, несмотря на немцев. Живой, зеленый, крепкий. Святогорский монастырь[2] как крепость над рекой, изгаженной немцами. И сквозь ужас проглядывают фрески Страшного Суда. Вечером в театре заседание, еще раз Благой и иностранцы. Плохая пьеса «Пушкин» Дэля[3], хотя все ж через плохую пьесу, плохую игру и плохие декорации смотрит пушкинское чудо. Болезнь во мне сидит. На утро поезд перегнали в Остров. Казалось бы, столько воспоминаний. Поход пешком с Себенцовым[*] через Новогородку в Михайловское. Потом Сухопальцево. Дом сохранился, отломали балкон и лестницу и нет больше сада. Вспоминаю с трудом[2*] старые мои же строки

---

[*] Далее половина страницы вырезана, причем разрез слева проходит по начальным буквам двух строк, т.е. фрагмент был вырезан после того, как еще что-то было написано, а не ранее; на обороте – два наброска дома с подписями: «Сухопальцевский дом в 1917 г.» (возле одноэтажного) и «Сухопальц[е]вский дом в 1949 г.» (возле двухэтажного).

[2*] «С трудом» вписано над строкой.

Тебе губерния Псковская
Принес я давнюю[3*] любовь
Пришельца[4*] встретила ты вновь
С улыбкой нежною родная[5*]

От бурь своих, от бурь чужих
Я у тебя искал спас[е]нья
Душе настало пробужденье
И голос хаоса затих

Твоих озер круги стальные
Лазурь белесая небес
Да валуны, да дряхлый ⟨л⟩ес
Да купола церквей седые

Полей осенних паутина[6*]
Туманов нежная игра
Вы вдохновенье окрыляли
Всегда[7*] поэта моего
Душа осенняя его
Была чиста как эти дали

. . . .

Судьбу за все благодарю[8*]
И сухопальцевским пенатам
Души моей и квант и атом
Несу как жертву к алтарю.

Вот застрявшие в голове отрывки. Остальное пропало. Святогорье. Могила. Восстановленный монастырь, такой серьезный и старый. Разросшееся зеленое Михайловское с восстановленным домом. Сотня тысяч съехавшихся крестьян на машинах, на лошадях, пешком (Троицын день). Гроза во время митинга. Убитая молнией женщина. Речи, выступления. Болезнь, усталость. А надо всем волшебство пушкинской души. Вероятно, это был хороший, умный и тонкий человек. Сейчас из него делают бога-истукана, на него это не похоже. Человек всегда останется человеком, в этом и сила его и слабость.

Но очерствел я, где же чувства прежних лет? Совсем не то. Люди разложились на атомы. Сам стал автоматом. Даже научное творчество остановилось.

14 июня. Л[енин]гр[ад]. Вт[орник] 10 ч. утра

Тяжелое настроение. Серое небо. Холодно. Сегодня надо уезжать. Впереди московская «пещь огненная».

Был сегодня в Опт[ическом] И[нститу]те, в Архиве (разговоры о Ломоносове, об истории Академии), в Академии (строители, разваливающая Е.А. Толмачева), ездил по книжным и комиссионным лавкам. Старые вещи,

---

[3*] «Давнюю» над зачеркнутым «прежнюю».

[4*] Выше зачеркнутого, но затем вновь восстановленного пунктирным подчеркиванием слова «Пришельца» идет зачеркнутая строка «Как встарь пришельца».

[5*] Далее длинное отточие, слева от которого со знаком вставки вписаны позднее две следующие строфы.

[6*] Над словом «паутина» написано слово «рябина».

[7*] «Всегда» вписано над строкой.

[8*] Эта строка вписана позднее следующей строки.

старые книги. Все это несколько кладбищенское, совсем прошлое. Сидит во мне какой-то недуг и нет никакого стержня. Как воздух нужна творческая работа. Не знаю, как без этого прожить.

Сегодня с Олюшкой уезжаем в Москву.

Москва, 15 июня, среда 10 ч. вечера

Душно. Книги. Один. Олюшка уехала на Мозжинку. Прошла гроза. Душа от жизни улетает.

Мозжинка, 18 июня, воскр[есенье]. 12 ч. дня

Не был здесь две недели. Все разрослось. Буйствуют немецкие розы из Потсдама. Холодно. Болезнь из меня не окончательно улетела. Две калейдоскопических недели. Усталость. И неотвязчивая философия, это настоящий, глубочайший материализм. Но есть два вида материализма. Один «материализует» внешний мир, но не касается «я». Это «я» имеет материалистическую основу, но оно такое, как есть, как надо, анализировать его не надо, ему надо подчиняться. Отсюда все жизненные стремления и стимулы. Другой материализм, когда само «я» подвергнуто полному анализу, ясна его эфемерность, случайность. Такой второй материализм ⟨нрзб.⟩. Это болезнь, и самая страшная болезнь. Нет стимулов, нет смысла. Как удержаться и как жить?

На академических горизонтах какое-то затишье, надо думать, перед бурей. А здесь полная изоляция. Зелень, розы, дали, а радио играет И.С. Баха.

26 июня, Мозжинка, Воскр[есенье] 12 ч.

Сумею ли выдержать дальше? 12–13 часов ежедневно неприятнейшей мозаики, неожиданных решений, квартирных жалоб, столкновения самолюбий, человеческой подлости, очень мало науки, очень мало глубины, таланта и честности. «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»[1].

Невозможность вести прямую научную работу приводит к развитию сомнения и даже презрения к самому себе.

И философия, проникающая помимо всего, без дум. Жалкие стенки «позитивизма», пытающиеся вырвать у человека самое главное, к чему он пришел, понятие объективного мира. И вместе с тем все неясно и философия в рамках практических дел. Из этого позитивизма и прагматизма человек и хочет вырваться.

Две недели дождливых и холодных. Но здесь все буйно разрастается и хочется спрятаться в этой зелени и цветах и ни для кого не заметно сойти на нет. Растет внук. Сережа. Поразительно, как быстро появляются понятия, крепнет уверенность во внешнем мире (сегодня он по своей инициативе сажал растения в землю, возраст 1 год 4 месяца, постиг законы механики и так много уже знает).

Все бежит, течет, меняется, рвется, растет. Никакой уверенности в завтрашнем дне. Надо научиться стать таким динамичным, любителем этой динамики. Кончить со статикой, с «я», растечься, расплыться.

30 июня. Москва. Четв[ерг] 8 ч. утра

Три недели безысходного дождя. Грязное мрачное небо, сырость. Все время тяжелая, больная голова и чувство потерянных, порванных связей. Ушли все близкие, мама, Николай, ничего почти больше нет. Остались Олюшка, Виктор, да внук Сережа. «Свободное тело в пространстве без инерции», от малейшего толчка могу скатиться в бездну. Боюсь веселья.

3 июля. Мозжинка. Воскр[есенье] 12 ч.

Наконец через три недели – солнечный день. Река надулась, как Миссисипи, поднялась метра на два. Залиты водой все леса.

Каждый день сваливаются новые поручения. Попросил приема у И.В. Сталина. Поскребышев известил, что в ближайшие дни Сталин примет. Водоворот самых разнообразных дел. Новые люди, Топчиев, еще не понимающий, что надо делать.

Хожу среди здешних цветов, зелени на фоне москворецкой перспективы, но все едва задевает, почти не замечаю, мысли и заботы в другом. Хочется остановиться, отдохнуть, сосредоточиться. И эта угнетающая философия, когда все обратилось в облака, собирающиеся и разлетающиеся. А солнце греет так хорошо, зелень орешника такая добрая и споко[йная], голубые цветы цикория, заросли цикория, даль к реке, за рекой, маленький Сережа. Как же сделать так, чтобы жить, радоваться, и творить нужное людям без этого постоянного ада, интриг, доносов, невежества?

Всегда, как себя помню, был философом, добрым, и хотел сделать что-то для мира. Почему же все это так трудно осуществлять?

9 июля. Москва. Суббота 9 ч. утра

7-го вечером звонил И.В. Сталин. Сказал*, что надо встретиться, спрашивал, когда ухожу в отпуск, насчет дачи. Теперь каждый день жду, когда назначен будет прием. Это большое дело для Академии.

А я совсем задерган, каждый день заседания, выступления. Читал воспоминания С.Л. Толстого[1]. Л.Н. Толстой был человеком совсем отличным, чем такие, вроде меня. У него все на людей. Все мысли, все взгляды, все время оглядывается на них, всю жизнь и даже в минуты смерти. У меня все мысли над людьми, мир, природа над людьми.

Каждый день дождь, почти целый месяц.

10 июля. Мозжинка. Воскр[есенье] 7 ч. веч[ера]

Погода перерастает в несчастье. Целый месяц дождь каждый день. Гниет хлеб на корню. Никакого подобия июля.

Вчера уехал «на авось». Могли вызвать. Где-то в Таджикистане большое землетрясение[1], в Москве отклонение сейсмографа 1 мм.

«Отдых» [–] очередная компиляция «философского» доклада из прежних выступлений. Голова пустая, усталая и безнадежная.

---

* Вместо зачеркнутого «спро[сил]».

Прочел воспоминания С.Л. Толстого. В его изложении толстовская жизнь была серой и мало глубокой. Что же тогда говорить об обыкновенных, т.н. простых людях?

15 июля. В поезде, около Любани* пятн[ица] 9 ч. утра

13-го в 10 ч. вечера принимал меня И.В. Сталин в присутствии Г.М. Маленкова. Разговор длился около 1 1/2 часа, об Академии и Энциклопедии. Встретил довольно строго, без улыбки, провожал с улыбкой. Неприятные слова пришлось слышать о геологах, сказано было, что по словам министров Академия «шалит» и ничего не дает. Передал я более 15 бумаг. Не одобрил И.В. Сталин и «лебединую песнь» Щусева, проект Главного Здания[1]. Остальное принималось без возражений. В целом не знаю, хорошо, или плохо?[2*]

Настроение у меня очень тревожное. Надо идти в отпуск, а везде все не ясно, неопределенно, неустойчиво.

В окна вагона солнце, зелень, хороше[е] небо с маленькими кучевыми облаками на горизонте. Еду на два дня в Питер, больше для формы, чтобы какую-то черту провести перед отпуском.

Ленинград. 15 июля. Пятн[ица] 10 ч. веч[ера]

И снова, снова, не сосчитать в который раз удивляюсь городу, прямым линиям, старинной александровской красоте и четкости, зелени, Неве, красному дереву в комнатах. Рыскал по антиквариям с приставшим И.В. Гребенщиковым.

Для истории записываю разговор с И.В. Сталиным 13 VII 49 от 22 [ч.] до 23 ч. 45 [мин.] в присутствии Г.М. Маленкова.

1) Мой краткий доклад о работе А[кадемии] Н[аук]. Академия постепенно уменьшает долю работ «академических» в плохом смысле слова, остающихся на полке, не принципиальных и не практических. Растет связь с практикой, пересматривается идеология. Доклад об экваториальной экспедиции на «Витязе» по космическим лучам. Впечатление: т.т. Сталин и Маленков заинтересованы. Сталин спрашивает, кто был во главе экспедиции. Называю Н.А. Добротина. Затем в виде примера новых хороших работ сообщаю о совместной работе нефт[яной] промышленности и института мерзлотоведения о снижении глубины прокладки газопроводов с 2 м до 80 см. Встречается как будто благожелательно. Говорю совсем коротко о биологических работах (Элленгорн, витамины) – в мичуринском духе. Чуть-чуть о пушкинских работах. Кивают головами.

2) И.В. Сталин говорит о плохой работе геологов. Я подтверждаю. И.В. С. знает решение Президиума. Спрашивает, почему мы просим разрешения проводить Ученые советы, когда это наше право и обязанность. Указание на вредительство в геологи[и] (ак[адемик] Григорьев)[2]. «Вредительство или нет, а на три года затормозили работу. Сообщили обо всем простые люди, рабочие. А Академия ничего не знала». Нужен хороший Секретариат.

---

* Почерк всей этой записи очень неразборчивый, «дрожащий».

2* С новой страницы почерк становится устойчивым.

И.В. С. спрашивает, как работает секретариат Президиума, говорит, что по его сведениям недостаточно. Секретариат должен следить за исполнением решений Президиума, вовремя сигнализировать о положении дела. Секретариат надо увеличить, если надо до 10 человек, по отраслям. Следует хорошо оплачивать, желательно, чтобы целиком сосредоточились на этой работе. Говорю, что ученому трудно совсем оторваться от научной работы. Реплика остается без ответа. т. С. говорит, что президиум нужен, но президиум[у] трудно справиться с такой работой.

Министры, говорит т. С., жалуются, что Академия только «шалит», ничего не делает, ничего не дает: ничего не стоит. Я решительно возражаю, говорю, что утверждение министров неправильно. т. С. указывает на необходимость связи с промышленностью. «Мы, большевики, всегда организуем так: подбор кадров (бывают шляпы, заваливают дело) и проверка исполнения[»].

3) В связи с вопросом о связи А[кадемии] Н[аук] с промышленностью, я докладываю о недопустимом положении технического отделения, созданного 15 лет назад и работающего в невозможных в отношении площадей условиях. Т[ехническое] О[тделение] могло бы принести много больше пользы. «Затовариваем» кадры. Передаю с комментариями т. С. бумаги об увеличении капиталовложений на 1950 г. до 280 милл[ионов], о кандидате в нач[альники] Академстроя Чернопятове. Обещается поддержка, более определенного не говорится.

4) Докладываю последний предсмертный Щус[е]вский проект Гл[авного] здания Академии в 25 этажей. Проект т. С. не нравится. Не одобряется книгохранилище в башне, нужно в первый этаж или в подвале. Проект «похож на церков[ь]», указывается, что место для постройки можно подыскать другое, если надо. Я говорю о том, что хорошо бы передать в будущем Парк Культуры под Парк истории техники. «А где же будут отдыхать студенты, если рядом будет У[ниверсите]т?» Говорю, что лучше устроит за Калужской заставой. Аудитория на 2200 чел. в проекте мала, нужна аудитория на 4–5 тысяч. Строить надо, поможем. Дается совет посоветоваться с министерством гор. строительства по всем вопросам относительно гл[авного] архитектора (Симонов?) относительно проекта и места.

5) Прошу готовые площади, предлагаю передать здание ВЦПС*. Не ясно, т. С. не вспоминает теперешнее здание ВЦПС. Предложение о передаче НИИ № 1 и Цниитмаш встречается несколько скептически. Больше внимание обращается на предложен[ие] передать и[нститу]т № 108. Поддерживает т. Маленков.

6) Дальше говорю о том, что умерло 17 академ[иков]. Прошу разрешить «довыборы» 20 академиков. т. С. спрашивает: «Можно ли [и]сключать академиков, которые не работают?» Говорю, что по уставу нет, исключаются только за антисоветскую деятельность. Указывается, что хорошо бы такую статью ввести. Говорю о том, что Президиум перерабатывает проект нового устава, и что указание будет выполнено, т. С. рекомендует это сделать на том же «конгрессе», или как у вас называется, когда будут довыборы.

* Возможно, ВУПС или ВЦСПС.

7) Докладываю о ряде бюджетных дел: разрешение из эконом[ии] статьи зар[аботной] платы 6500 на другие нужды. Принимается одобрительно. Прошу 5 млн 700 тысяч на новы[е] легк[овые] машины. Вместо ЗИС 110 т. С. рекомендует новую машину типа БЮИК[3].

8) Докладываю просьбу об увеличении штата на 400 чел. Наши бумаги одобрительно принима[ю]тся.

9) Докладываю просьбу о новых 50 перс[ональных] ставках и о приравниван[ии] оплаты аппарата к аппарату М.В.О., о премиях инж[енерно-] техн[ическим] работникам автобазы. Принимается.

10) Докладываю о разрешении[и] отпуск[а] в 36 дней лицам, имеющим канд[идатскую] степень. Принимается.

11) Перехожу к дела[м] Больш[ой] Сов[етской] Энциклопедии. Прошу разрешения перепечатать на слово В.К.П. книгу т. Сталина: «Краткий курс». т. Сталин смеется, не согласен, говорит, что было бы достаточно перепечатать 1/20 книги, да и вообще не стоит, тем более, что есть время. Я внесу на съезде партии предложение переименовать партию в Ком[мунистическую] Сов[етскую] Партию, будет не на букву «В», а на букву «К»[4]. Хохочет.

12) т. Сталин одобряет макет тома, соглашаясь с моими доводами в его пользу; удивляется, что мог даже возникнуть вопрос о непомещении «отрицательных» лиц вроде Гитлера. «Ну и редакторы». «А Наполеон, ведь он же был мерзавцем»[2*]. Точно так же считает вполне возможным заказывать статьи раскритикованным авторам вроде Варги. Можно заказывать статьи иностр[анным] авторам из стран нар[одной] демократии. Принимает проект постановления с разными деталями. Говорит, что статьи должны содержать новый, современный материал.

13) Спрашивает о О.Ю. Шми[д]те. Говорю, что успешн[о] занимается теорией солн[ечной] системы. «Почему не выбрали в президиум». Говорю, что болен. «Он тогда обнаглел, сел на плечи Президенту (Комарову)»[5].

14) Говорю о необходимости пенсий ученым (50 проц[ентов]). Удивляется, почему до сих пор не так.

15) Говорю о необходимости распростр[анения] ставок науч[ных] раб[отников] со степенями на работающих в заводских лабораториях. т. С. удивляется, почему молчат министры? Считает самоочевидным.

16) На прощание спрашивает об отпуске. Предлагает 2 мес[яца] вместо 1 1/2 мес[яцев]. Спрашивает, почему не на юг. Говорит, что бумажка об отпуске будет готова.

На этом кончилось (как будто самого главного не опустил).

16 июля, Ленинград, Суббота

Цепь тяжелых разговоров в ГОИ со Свердловым, занявшимся коммерцией, с обезум[е]вшим Зелинским, с Крутковым. Люди-машины, скоро портящиеся и работающие не так, как надо. И сам я телефон-автомат. Ездил в Петергоф, первый раз после войны. Руины и жалкие попытки воскрешения. Дом отдыха, чья-то в старые времена дача в моветонно ампирном духе, смешанном с модерном и рококо. 100 детей, которые хором отвечают одни

[2*] Это предложение вписано сверху.

и те же слова. Книжные лавки, в которых ничего нет. Хочется отдохнуть. Но не будет ли это хуже работы? Сегодня возвращаюсь в Москву. 10 лет в этой квартире, вернее, 10 лет она за мной. Сколько смертей, сколько несчастий. Но есть ли разница между счастьем и несчастьем sub specie aeternitatis*.

17 июля. Мозжинка. Воскр[есенье] 7 ч. вечера

Непродуманная пробка* и клубок впечатлений. Ленинград, Петергоф с несчастным разбитым дворцом, огромными старыми кленами и елями. Москва, книжная лавка и зеленая Мозжинка с огромными разросшимися розами. Хочется все проинтегрировать и «понять».

Сегодня 4 года пребывания на президентском месте. Не думал, что высижу так долго. Хотел уйти в тишину и остаток жизни провести в «медитациях». Положим, кроме сократовского «знаю, что ничего не знаю», пожалу[й,] ни к чему не придешь. Жизнь есть обязанность, поэтому каждый день прожитый и каждый год провожаю с удовольствием: меньше осталось. Может быть, завтра удастся начать отпуск. Хотелось бы тихо поработать. Написать «Очерки по микрооптике»[1], брошюрку «Холодный свет»[2], стать[ю] для ДАН. Но кто знает, не повторилась бы прошлогодняя биология[3].

Дождя нет. Не слишком жарко. Солнце, но на душе почему-то минор.

19 июля. Мозжинка. вт[орник] 8 ч. в[ечера]

Сегодня первый день отпускного времени. Остановился. В голове мелькают сотни недоделанных дел, за многие из которых совестно (касается живых людей).

Давно уж установился обычай, что отпус[к] – время раздумий, медитации, писания, время работы по охоте. Начал писать статью для «Докладов». Читаю дамский русско-итальянский роман Ayn Rand: «Noi Vivi»[1], часа два гулял с Олюшкой по берегу р. Москвы. Дождя нет, но прохладно. Проехал Скобельцы[н] на американской машине, не знаю, вылез ли из грязи. Смотрю на внука. Чувство глухоты, еще совсем не опомнился.

21 июля. Мозжинка. Четв[ерг] 12 ч.

Сижу в комнате перед балконом. Солнце, холодно и ветер. Под ногами розы, табаки, сохнет сено, зеленые дали с металлическим поясом реки. В радио – Моцарт. Составляю статью о работе с Галаниным. В интервалы читаю «Noi Vivi». Три дня нет людей. Только свои, Олюшка, Виктор, Соня, Сережа да Паша с Нюрой. Закрылся сознательно от Москвы. Настоящий отдых и спокойствие (почти не думаю). Надолго ли это?

22 июля. Мозжинка. Пятн[ица] 9 ч. в[ечера]

Написал статью для «Докладов». Кажется вымученной, и наверное, частично ошибочной. Ворвались академические бумаги и опять водоворот

---

* С точки зрения вечности (*лат*).

* Так у Вавилова.

с исчезающим «я». Отдыхать не могу. Могу только работать. Скверно сплю. Опять холодная серая погода с дождем. Стало снова неуютно и тревожно. Смотрю на маленького Сережу и почему-то его наперед жалко.

23 июля. Мозжинка. Субб[ота] 11 ч. в[ечера]

Мутный день с дождем. Барометр 723, ниже, кажется, не был. Странное лето.

Пишу брошюрку «Холодный свет», читаю о Holbein'е[1]. Голова пустая. Чувства отдыха нет.

24 июля. Мозжинка. Воскр[есенье] 9 ч.

Олюшкины именины. 13 человек гостей. Говорю площадные фразы. Выбит из колеи. У людей не хорошо. Отвратительная лихорадочная погода.

25 июля. Мозжинка. пон[едельник] 11 ч. в[ечера]

Дни летят. Прошла отпускная неделя. Мысленной сосредоточенности все еще нет. Пишу – но механически, читаю, но механически. Сегодня 29 лет нашей свадьбы с Олюшкой. День ясный-ясный, немного холодный. Прогулка с грибами.

26 июля. Мозжинка. 10 ч. веч[ера]

Жизнь механическая. Очень мало мыслей. Прочел Holbein'а. Почти не человек, а фотографический аппарат. Ездили в Луцино[1], академический поселок с тем же стандартом, только елки растут, как хотят. Потом монаст[ыр]ь. Вокруг белой старой-старой стены. Четырехсотлетние вязы. И так жалко.

27 июля. Мозжинка. 11 ч. в[ечера]

Необычайно трудно представить себе полное прекращение собственного сознания, конец своего «я». На сегодня точка, в которой пересекаются явления мира, звезды, цветы, окрашиваясь в «мою» окраску музыки, жив[о]писи, архитектуры, мысли. Завтра ничего нет, может быть, есть в чужом сознании и остается мир «как он есть». Каждый день засыпаю и просыпаюсь, казалось бы, пора научиться. И вот все сильнее чувство «обмана», декорации, невсамделишнего ото всей жизни. Будто бы настоящий мир без сознания. Судорожные, хаотические поиски смысла. Ничего кроме статистического, среднего прогресса, в котором нет места «я», которое как «среднее» в ярком конфликте с «я».

Нужны отвлекающие очень большие мысли и дела. Нет их, и вырастает пренебрежение, презрение к себе (совсем не смирение, которое паче гордости). Очень просто умирать.

Сегодня почти весь день в Москве, академические разговоры и въявь, и по телефону. Суета, но после отдыха дается легко и совсем просто.

28 июля, Мозжинка, 11 ч. в[ечера]

Дни пролетают странно быстро. Пишу популярную книжку: «О “теплом” и “холодном” свете», без подъема. Голова запертая и бездарная. Погода странная, холодная, солнце, но [с] тучами и дождями. Все кругом красивое, но нет сосредоточенности и внутренней своей красоты. Настроение все время какое-то тревожное. Нет внутреннего покоя.

30 июля, Мозжинка, 12 ч. в[ечера]

Виктор уехал на охоту в Борок, Соня в Москве. Одни с Олюшкой да Сережей. Гуляли по реке, по остаткам старого екатерин[ин]ского тракта. Теплые небеса. Редкость этим летом.

Голова по-прежнему не раскрылась и опять какая-то постоянная тревога. Полное отсутствие удовлетворенности. Пишу книжку. Начал читать «Диалоги» Д. Бруно.

31 июля, Мозжинка, Воскр[есенье], 11 ч. в[ечера]

Для финиша июля безобразная погода. Дождь целый день, 11°, 715 мм давления. Компенсация за бесснежную, теплую зиму.

Целый день писал популярную книжку, механически, без вдохновения, отвратительным суконным стилем.

Приезж[а]л А.П. Комар[1], у Векслера машина пошла[2]. Грандиозное дело. Совсем иной стиль физической работы, чем в наши времена.

А голова по-прежнему на замке. Ничего нового. Ничего творческого.

1 августа, Понед[ельник], Мозжинка 10 ч. в[ечера]

Кончил книжку. Опять дождь, но барометр поднимается. Читаю Бруно. Сколько болтовни! Вот и все.

2 августа, Вт[орник], Мозжинка 9 ч. в[ечера]

Ильин день, на градуснике 13 °С. Дождь. В «Культуре и Жизнь» Дагер и Ньепс объявлены лилипутами. В мокром лесу нашел два маленьких белых гриба. Растет внук Сережа. Что-то с ним будет? Голова моя по-прежнему заперта на ключ. Сейчас небеса прояснились. Через дверь на балконе тихая природа без людей и так хочется незаметно слиться с нею и перестать быть.

3 августа, Среда, Мозжинка, 11 ч. в[ечера]

Наконец хороший день с солнцем, теплой [погодой], а ночью – луна, столбом отражающаяся в Москве-реке. Хожу, ищу грибы, редактирую, пишу, читаю, но голова не работает. Неужели она отучилась творчески работать.

4 авг[уста], Четв[ерг], Мозжинка 11 ч. в[ечера]

Был в Москве. Целый букет гадостей. Письмо из Тулы какого-то Пальцева о моем «преклонении перед Западом» в издании книжки о Вуде[1], история

с Алихановыми и Powell[2], Дагер – лилипут и т.д. Сижу сейчас один наверху и такое все чужое и где же найти покой. Не хочется ни писать, ни думать.

5 авг[уста]. Пятн[ица]. Мозжинка 12 ч. в[ечера]

Онемение и прострация после вчерашней поездки. Руки опускаются.

6 авг[уста]. Мозжинка. Субб[ота] 12 ч.

История с «Историей фотографии» разрастается[1]. Приезжал напуганный Лихтенштейн. Днем безрезультатно думал о «спонтанности» излучения. Погода холодная. Ночью полнолуние, как хорошо бы незаметно расплыться и исчезнуть в этих небесных далях. Сегодня грустный 9-летний юбилей 6 августа 1940 в Узком[2].

7 авг[уста]. Мозжинка. Воскр[есенье] 9 ч.

Дни летят. Московские дела расстроили, нет больше душевного спокойствия. Приехал Виктор с полсотней уток и гусей из Борка. Погода лихорадочная, налетающие тучи в ладонь с дождем*. Читаю Карлейля[1], помесь Гофмана с Б. Шоу.

8 авг[уста]. Мозжинка. Пон[едельник] 11 ч.

Прекрасный день. Солнце. Красивые облака на голубом небе отсюда с горы. Река. Утром Виктор с Юрой спускали байдарку. Внук. И так целый день. Читаю Карлейля. Удивительная книга и многое очень сильно резонирует. Просвет.

9 авг[уста]. Мозжинка. В[троник] 7 ч. в[ечера]

Опять солнечный сияющий день. Больше 4 часов ходили по лесу. Грибы, целая друза из пяти белых. Лесная тишь и чувство «дома». Свое, родное. Такой теплый грибной лес самое близкое, как старое кладбище.

По случаю жаркого дня чай пили в столовой, а не на террасе. Взглянул на себя в зеркало, в котором сидел*. Чесучевый просторный пиджак и явный старик. Это очень хорошо. Близко к концу, повторять не хочется.

Кончил Sartor resartus. Это – английский Фауст, с теми же достоинствами и недостатками. Та же тема о смысле человеческого бытия, о существе, закрытом одеждами разных портных. То же нагромождение ненужного, как во второй части «Фауста». Шекспировское кривлянье. А в целом одна из самых больших вещей на свете. Странно узнавать об этом на 59-ом году жизни.

10 августа. Мозжинка. среда 11 ч. в[ечера]

Сегодня наконец жаркий летний день. В тени 26°. Вечером, на заходе солнца бродили с Олюшкой по берегу Москвы-реки, дошли до крутого берега, заросшего соснами, где когда-то в старом помещичьем доме с колоннами

* Так у Вавилова.

* Так у Вавилова.

помещалась богадельня. Теперь там М.Т.С. Почти не осталось и следов от старого дома, строится что[-то] новое и несуразное. Fugit invida aetas*.

Утром читали тексты докладов Быкова и Кулакова к Павловскому юбилею. Диаметрально противоположное карлейлевскому Тейфельсдреку. Все одуряюще просто и примитивно, и делается вид, что все объяснено. Забыт факт сознания. Уйти от него нельзя, о нем мы знаем больше, чем о чем-либо другом. Что же это – случайна[я] мелочь! Очевидно не так, сам факт постоянной эволюции об этом ясно свидетельствует. Все это большое недоразумение и недодуманность.

11 августа, Мозжинка, Четв[ерг] 11 ч. в[ечера]

Опять жаркий день. После обеда скрываюсь в тени орешников и елей. Заснул, разбудил дятел своим стуком.

Гуляли с Олюшкой. Невеселые разговоры о младшем поколении. Встретился Волгин с женой. Погружение в московскую грязь. Завтра надо туда ехать.

Проглядел Pensées А. Франса[1], собранные его почитателями. Медвежья услуга. Все это больше острословие, чем мысли. Как хочется душевного покоя.

12 августа, Мозжинка, Пятн[ица] 12 ч. в[ечера]

В Москве. Опять целый спектр неприятностей. Строители. Злосчастная «История фотографии». Алихановский самогипноз. Чувство полной неуверенности за* завтрашний день.

А день опять прекрасный и через ели проглядывают звезды. Можно бы вообще покойно и философски жить на свете. Даже здесь кругом столько интересных книг. Лаборатория. Мысли. И оставивши хороший след на земле спокойно исчезнуть. Вместо этого.

13 августа, Мозжинка, Субб[ота] 12 ч[.] в[ечера]

Начинающаяся осень. Завтра первый Спас. Георгины, астры и желтые листья. Но дни прекрасные. Жалко, что сосредоточиться не могу, голова заперта по-прежнему. Много пишу, но это механика. И трудно сосредоточиться, остаться одному. Ходили гулять с Олюшкой. В сосновой роще около Дунино[1]. Скобельцын и, конечно, разговоры об Алихановых. А так надо подумать, жить немного осталось. Прочел биографию Боголепова[2] – бездарная, но трагическая книга. Россия открывает[ся] последних лет прошло[го] века, моих детских лет.

14 августа, Мозжинка, Воскр[есенье] 12 ч. в[ечера]

Хорошие дни, а проходят быстро и без творчества. Последние годы жизни. Хочется заглянуть куда-то дальше, чем кто-либо другой. Хорошо извест-

---

* Жизнь проходит зря («время ж завистное мчится» – Гораций (*лат.*)).

* Далее зачеркнуто «вчер».

но, что никто никогда всего не успевал за жизнь сделать. Другие видели больше и дальше. Но таково уже надувательство природы с «я», что кажется, что можно заглянуть в самые ее недра. На самом деле – странная машина, которая должна сделать свое дело и замениться другой.

Жизнь «просто» давно перестала быть интересной. Наука, искусство, «высоты» – но и это все мираж.

В радио dance macabre Сен Санса[1]. Подходящая музыка.

15 августа, Мозжинка, Пон[едельник] 12 ч. в[ечера]

Хочется, чтобы каждый день был «камнем» строящего[ся] здания и каждый день ложусь спать грустный: не вышло. Сегодня часа 4 ходили по лесу за грибами. В лесу роднее всего. Подготовка к завтрашней поездке в Москву и больше ничего. Оглядываюсь на себя с тоской и презрением. Нет творчества.

16 августа, Мозжинка, Вт[орник] 12 ч. в[ечера]

Из Москвы вернулся в 10-ом часу вечера. В Нескучном, где чувствовал себя мухой, попавшей на липкую бумагу. И главное – все время неприятные, тяжелые дела. А душа просится к творчеству, к раздумью, к настоящей работе. Президиум с рассмотрением тяжелов[е]сного, громоздкого плана, в котором при всей его громаде, к сожалению, не видно творческого научного огня. Строительство. Странная* история с «Историей фотографии».

Пушкинская выставка в Хрущовском доме на Пречистенке[1]. Совсем друг[ой] мир.

А здесь звездная теплая ночь. Ели. Даль через реку с огнями. Все это на миг. Хочется покоя, мысли, сосредоточенности и тихого асимптотического конца.

17 авг[уста], Мозжинка, Ср[еда] 12 ч. в[ечера]

Как-то совсем нехорошо. При писании книги запутался в расчетах. Приезжал Кравец и опять всплыла во всей красе «история фотографии»[1]. Олюшка неизвестно на что рассердилась. Виктору с Соней с нами, по-видимому, невыносимо скучно. А кругом прекрасный сад, а в душе почти ад, или, во всяком случае, чистилище.

18 авг[уста], Мозжинка, Четв[ерг] 12 ч. в[ечера]

Целый день безрезульта[т]но вычисляя, исправляя ошибки в старых работах. Пока безрезультатно. А время бежит. Душно. Летают бабочки и шершни. По небу ползут тучи. Вероятно, погода изменится.

---

* Возможный вариант прочтения: «страшная».

19 авг[уста], Мозжинка, Пят[ница] 12 ч. в[ечера]

Опять весь день считал, но удачнее. Вранья и у меня, и у Галанина оказалось немало. Но нашел кой-какие интересные следствия и немного ожил. Дождь, похолодало (10°), но барометр поднимается.

20 августа, Мозжинка, Субб[ота] 12 ч. в[ечера]

День беспорядочный и невеселый. Утром 8°, потом прояснело, но к вечеру опять холодно и дождь. Утром писал текст выступления в защиту мира[1]. Потом пробирались в Дюдьково. Сначала увязали в грязи, выволакивали слабосильную «Победу» из супоневских грязей[2] при помощи мальчишек. Потом вдоль реки Сторожки мимо осиротевшего, разломанного монастыря и скита к Дюдькову. Больше пешком. Вернулись, заболел маленький Сережа, уши, жар. Очень его жаль. Пошли с Олюшкой к Грековым с визитом отговариваться от понедельничной поездки в Москву. Тревожно все, невесело, неустойчиво, непостоянно. Дождь стучит по крыше, воет ветер и слышен отдаленный ночной гром.

21 августа, Мозжинка, Воскр[есенье] 12 ч. в[ечера]

Осенний грустный день. Тревога с больным малышом Сережей. В саду мокрые грустные георгины и на огромном горизонте грязные лохматые тучи. Опять целый день за расчетами. Грустно, не могу сосредоточиться, вру в знаках, квадратах, цифрах, ни одному своему расчету не верю. Так пролетает отпускной день. Их мало осталось и впереди тяжкие перспективы.

22 августа, Мозжинка, Пон[едельник] 12 ч. в[ечера]

Осень. Дождь. Холодно. Впереди Москва. Жутко и невесело. А чувствуется, что была бы возможность просидеть вот так еще два месяца – двинул бы горы.

23 августа, Мозжинка, Вт[орник] 12 ч. в[ечера]

Совсем зашел в тупик с расчетами. Ошибка на ошибке, глаза разбегаются, голова начинает болет[ь]. Осень настоящая. Весь день дождь.

24 августа, Мозжинка, Среда 12 ч. в[ечера]

Отпуск подходит к концу. Гуляли сегодня с Олюшкой и Виктором по реке, до бывшей Солдатенковской больницы[1], которая сейчас ⟨нрзб.⟩* со своими колоннам[и]. Ветер, ветер. Осень. Потом считал, считал, механика. Творчества нет. Завтра в Москву на три дня (конф[еренция] по Защите мира[2]). Грустно, что проходит лето. Хотелось бы большого, а сделал малое.

26 августа, Мозжинка, Пятн[ица] 7 ч. в[ечера]

Вчера весь день в Москве. Снача[ла] Президиум с самокритикой Островитянова[1] и соответственным обсуждением. Похоже на попытку решения

* Возможно – «комична».

квадратуры круга. Потом в Колонном зале Конференция сторонников мира с Фадеевым, Тихонов[ым], Джонсон[ом], Берналом, П. Ненни etc. До 10 ч. вечера. Вернувшись домой, провожал Виктора в Лгр. Ясно, что лето кончилось. Как-то особенно тяжело начинать новый сезон. Утром сегодня опять конференция. Итальянское выступление Ненни. Сидел и раздумывал над моими расчетами, где-то напутал и наврал. В окна московского дома холодно и вонь. Здесь не видно людей. Ясно, холодно и красиво и так хорошо бы асимптотически сойти на нет.

27 августа, Мозжинка, 12 ч. в[ечера]

Целый день в Москве. 10 часов заседаний*. 7 часов в колонном зале, 3 – в Зеленом театре (митинг). Московская тупая головная боль. А в голове[2*] теория миграции[3*] и ухода сознания.

28 августа, Мозжинка, Воскр[есенье] 11 ч. в[ечера]

Прелестный, теплый, ясный осенний день. Успенье. Гости. Борис, Мих. Мих. Багриновский. Крохи оставшегося времени, потраченные по-прежнему на расчеты. Минор перед концом лета и отпуска. Самому себе кажусь «преодоленной бездарностью», да и преодоленною ли?

29 августа, Мозжинка, Пон[едельник] 11 ч. в[ечера]

Целый день считал. Застрял на потерянной двойке. Ум заткнут. Великолепный осенний теплый день. Часа два ходили с Олюшкой по полям и лесам. Впереди тяжелые московские перспективы.

30 августа. Мозжинка, Вт[орник] 11 ч. в[ечера]

Старался сегодня отдыхать. Сравнительно удачные и недолгие расчеты. Ванна. Чтение детективного романа. Дюрер. Мысли самого широко[го] плана о мире, о несомненном проникании всего сознанием в разных стадиях, ступенях и формах. Вместе с материей неразделимо сознание усложняется, упрощается но, конечно, как целое остается. Непонятого здесь без конца. Удивительное дело, естествоиспытатели все время забывают о самом несомненном, о сознании. Эволюция трактуется жалостно элементарно. Надо обо всем этом думать. Это – вершина человеческого знания, этому надо посвятить оставшиеся годы.

Мозжинка, 31 августа 9 ч. в[ечера]

Сегодня кончается отпуск. Прелестный день. Ходили с Олюшкой часа три вдоль реки, по лесу – последние белые грибы. Сейчас за рекой оранжевая луна. Пишу на верхнем балконе.

---

* Далее зачеркнуто: «Тип».
[2*] Далее зачеркнуто: «неу».
[3*] Слово расшифровано неуверенно.

Грустно. Какой-то на редкость элегический минор, словно опять что-то родное, близкое отрывается. Пытаюсь писать воспоминания. Ушли люди, ничего не осталось и хочется сохранить, вернее, продлить хоть некоторые крохи уходящей жизни.

Я отдохнул, много читал, работал, гулял. Разуверился во многом, в самом себе, но стал спокойным, и главное желание незаметно и тихо уйти из жизни, оставив жить молодых. Мне понятно, что люди знают очень мало, только то, что на потребу, и философские широты – одно воо[б]ражение.

Мозжинка, 4 сент[ября], Воскр[есенье] 2 ч. д[ня]

С 1-го начал Московскую жизнь. В первый же вечер были звонки по вертушке. Бесконечный клубок запутанных, нелегких дел. Опять головные боли. Вчера трехчасовой прием англичан Bernall'a* и Crowther'a. Ответы на самые трудные вопросы. На основное ответил: «Советское государство за отделение церкви от государства, но ни в коем случае не за отделение науки от государства. Наука – основа советского государства и государство интересуется своей наукой и высказывает свое мнение о ней». Комплименты по поводу моего ньютоновского доклада[1].

На день прорвался сюда. Теплый день с туманом и солнцем, запах картофельного поля, желтые листья. Обычная осенняя кладбищенская меланхолия. По саду ходят 85-летняя Вера Павловна, Олюшка и Сережа 1 1/2 лет, прабабушка, бабушка и внук. Гуляли с Олюшкой по мозжинским рощам, остатки старых разоренных финских могил, им, наверное, не меньше тысячи лет.

Основное: ясное чувство собственной машинальности, сознание [–] только «сторонний наблюдатель».

Снова запутался в матем[атических] расчетах. Явные ошибки. Грустно.

Удивительное сопоставление: Веру Павловну явно покидает сознание, потеря памяти, странные, почти «сонные» сочетания слов, понятий и фактов. Это при полном здоровье и спокойствии. А рядом 1 1/2-годовалый Сережа, в котором сознание просыпается, запоминаются слова, появляется логика, возникает сознание. Это совсем не похоже на уходящую и входящую душу. Странный и великий и самый главный для человека процесс.

Мозжинка, 11 сент[ября], Воскр[есенье] 7 ч. в[ечера]*

Всегда волей-неволей стараешься в немногих словах сказать о своем «общем чувстве». Оно очень тяжелое за неделю. С воскресенья в больном состоянии, на «стрептопирине», кашель, насморк, горло etc. Но не в этом главное. «Миллион терзаний» крупных и мелких по Академии, по Институту, по Обществу, по Энциклопедии, даже по расчетам. Всюду смена лиц, боязнь ответственности, неграмотность. Руки опускаются.

А философия! Последовательный материализм. И не все ли равно, когда кончать [–] сегодня или завтра.

Здесь лучшие часы потратил на радищевское «вступительное слово»[1].

---

* Фамилия расшифрована неуверенно.

* Вся эта запись в дневнике сделана зелеными чернилами.

А природа так красива, так грустна и так тянет в философические мысли. Как хочется душевного спокойствия!

Ленинград, 13 сент[ября], Вт[орник] 12 ч. в[ечера]

Эти камни, река, линии, сохранившие то, чего не было и прежде, чего нет и теперь, петербургское архитектурно-пейзажное чудо действует независимо от людей. Потому и тянешься в кресла красного дерева и к старинным акварелям.

В Оптическом Институте тихая, осторожная, йошкар-олинская провинция. Не осталось буйного творческого духа Д.С. Рождественского. Все приглажено и аккуратно и добротно, но и только.

В Академии испуг, провинция, бездарные жулики в Академстрое.

А с лестницы Академии сияет город. Исакий, Адмиралтейство, Нева, Зимний, гранит. Широко, просторно, свободно, величественно.

Дома Виктор и Соня хозяйничают. В комнате почему-то невыносимо душно, от книжной пыли что ли?

Ленинград, 14 сент[ября], Ср[еда] 12 ч. в[ечера]

Странное чувство отсутствия дома, ни здесь, ни в Москве, ни на даче (здесь все же роднее всего).

Wir fahren hier,
Wir fahren her
Wir habe keine Heimat mehr*.

В ГОИ ловят на каждом шагу с какими угодно просьбами. Ездил в Пулково и в Царское по строительным делам. Желто-белый Александровский Дворец на фоне зелени похож на contes des fées[2*]. Опять – вне людей. Архитектурная краса. Старые, старые деревья зелены и голубое питерское сентябрьское небо.

Ленинград, 15 сент[ября], Четв[ерг] 10 ч. в[ечера]

Целый день – цепь неприятных вещей, малых и крупных, так что больно, неприятно, противно и болит голова. Последнее звено – книжные лавки, в которых больше не торгуют иностранными книгами. Сегодня в Москву.

Москва, 17 сент[ября], Субб[ота] 9 ч. у[тра]

Бабье лето. Холодное утро. Через окно уныло смотрит громадный старый тополь, с которого свалились все листья. Оставшаяся зелень покрыта вместо росы густой московской пылью и грязью.

---

* Мы едем сюда / Мы едем туда / И Родины больше нет у нас (*нем.*).

[2*] Волшебные сказки (*фр.*).

Вчера приехал и сразу как «за горло», почти до 12 ч. вечера. Что ни дело – проблема, неприятность, тупик. Стройка, книги, люди, всюду препятствия, всюду начинает болеть голова. Берет отчаяние и хочется покоя и смерти.

Мозжинка, 18 сент[ября], Воскр[есенье] 6 ч.

Вчера добрался сюда только в 11 ч. вечера. Радищевское Общее собрание[1]. Мало народу, концерт бетховенского концерта с Гайдном и Моцартом и грустно. За Радищева и за Академию.

Здесь тихий поэтический минор. Осень, ночью мороз, сразу завяли и георгины, и астры. Но днем солнце, ярко и довольно тепло. Собираются увозить Сережу в Ленинград, ходит совершенно впавшая в детство и все забывающая, путающая людей и десятилетия Вера Павловна, почти сумасшедшая. Так грустно, финал жизни, умирание заживо. И так просто и хорошо в таком состоянии умирать. Вместе помесь «Вишневого сада», осенней грусти и просто чего-то кладбищенского.

Кстати или некстати должны готовиться к Павловскому юбилею. Жизнь кажется скверной механикой, сознание – надувательством «природы». Болит голова, а в ней невеселый мучительный калейдоскоп.

Ленинград, 22 сент[ября], Четв[ерг] 12 ч. в[ечера]

Опять солнечный Невский с адмиралтейской иглой и старинными стройностями и широтой. Болтовня в лаборатории в ГОИ. Институт, кажется, совсем уходит от науки. Павловский музей-квартира, где когда-то в 23-ем году был у В.И. Павлова[1]. Профессорский кабинет конца XIX в. Плохие передвижники по стенам. Хорошие куда-то исчезли. Приехал сюда маленький Сережа. Начинается зимний сезон. Сегодня осеннее равноденствие. Вечером Эрмитаж с люминесцентным освещением, оживший Рембрандт, императорское золото, громада и бесчеловечность. Задерганный, замученный Орбели И.А. А у меня за весь день ни одной мысли и неизбывная усталость.

Ленинград, 23 сент[ября], Пятн[ица] 9 ч. в[ечера]

Неотвязчивый минор, тревожное состояние, полная атрофия самолюбия, вечная тень requiem'а.

За день непрерывная цепь неприятных вещей, Свердлов, Зелинский в ГОИ, Латышев с доносом на Иоффе[1], Тюрин с доносом на Ковду[2], Ванин жалуется на Соколова. А сам – машина. Усталость. На Волковом, венки на павл[о]вскую могилу. «Развеял миф о душе». Сплошной условный рефлекс, никаких категорических императивов. Солнце, могилы, осенние деревья. Громадные плиты, придавившие могилу у Рождественских. Сегодня – в Москву.

Мозжинка, 25 сент[ября], Воскр[есенье] 2 ч. д[ня]

«Меланхолия» в старинной синей раме. Из радио Бах, Сигети. За окном солнечная осень, предсмертное зелено-желто-красное одеяние природы.

На даче мы с Олюшкой, остальные кто в Питере, кто в Москве. Гуляли часа три по лесу, по полю, вдоль реки. Последние грибы. Грустные осенние разговоры, об умирающем Веснине, о Вере Павловне.

Задерган. Каждая минута неуверенность в сделанном, испуг за недоделанное и некогда думать. Творческая линия совсем захирела. Что же делать? Меланхолия сильнее, страшнее и безнадежнее дюреровской.

Москва 1 октября. Субб[ота] 12 ч. н[очи]

Сегодня ездил на ЗИС'е в Рязань открывать памятник Павлову. 183 километра. По дороге Бронницы, Коломна, допетровские и ампирные церкви, как осколки драгоценностей в комиссионном магазине. Рязань чистенькая, скромная ⟨нрзб.⟩*. Церемония открытия. Трогательно и большое дело. Памятник – очень средний, ремесленный. Приехал усталый и от Рязани, и от целой Павловской недели. Завтра утром на дачу.

Мозжинка 2 окт[ября]. Воскр[есенье] 6 ч. в[ечера]

Осенняя засуха. Москва-река невиданно обмелела, вся покрылась островками и сузилась. Блистают на солнце желто-красные осенние цвета природы. Розы уже больше не цветут. Кладбищенская природа.

Я – совсем усталый, задерганный. Редактирую Энциклопедию. Должен готовить доклад для МГУ и надо отдыхать, т.е. читать легкие книги. Тяжело, грустно и осень звучит как requiem.

В Москве мучительная картина вполне здоровой и довольной, но по существу умирающей Веры Павловны, потерявшей память, путающей прошлое с настоящим, сон с действительностью. Так ясна эфемерность «я» и его очень условная устойчивость. Душа умирает еще до телесной смерти.

Москва 7 октября. Пятн[ица] 12 ч. в[ечера]

Бесконечная ловля самого себя. Глупая, безнадежная игра как ловля собственной тени. Сознание – орудие жизни, существования, а вовсе не познания.

Среди безысходного, неумолимого конвейера обязанностей, заседаний, неприятных разговоров, телефонных звонков, положения свадебного генерала, усталый, с больной головой хватаюсь за книги пока жив. Вот всю жизнь тянет к одному, лет с восьми. Фауст, алхимическая игра с колбами, жидкостями, Леонардо, Джорджоне, Пьеро д[елл]а Франческо, Дюрер*. Через красоту к загадочной символике, науке, философии. Это – органическое, искони, с детства и с этим надо умирать.

---

* Далее неясный по смыслу фрагмент: «то-же с антиками».

* Слово «Дюрер» вписано над строкой.

Мозжинка, 9 октября. Воскр[есенье] 12 ч. д[ня]

Солнце, но недавно мокрый снег. Небо – смесь черных облаков и лазури. У природы жалкий вид поздней осени, листья облетели, но в саду есть еще цветы, табаки, петуньи. На душе почти то же самое. Сознание и чувство обманности «я», полная зависимость от всего. Жить надо только для всего, для целого, «я» должно быть полностью поставлено на службу целого, находиться в полном резонансе с целым, без всяких попыток объять необъятное. Стимулы к жизни как к «наслаждению» атрофируются все больше и больше. Много больше, чем в молодые годы, остается «созерцание и творчество». Кругом резонирующих людей нет. Никого. Пустыня. То, что вижу каждый день. Звериные интриги, глупость, подлость. Распад сознания заживо у старушки Веры Павловны – Все об одном. О фикции «я». И очень трудно и мучительно жить.

Ленинград, 16 октября. Воскр[есенье] 11 ч. в[ечера]

Октябрьская, «петербургская» погода с коричневым темным, сырым, теплым туманом. Гуляли с Олюшкой по пустынному саду за Михайловским Дворцом. Инженерный замок с задушенным Павлом, Михайловский Дворец, из которого в последний раз вышел Александр II. Черные стволы старых деревьев с остатками золотых кленовых листьев. Жуткий Петербург, совсем не тот, что последнее время. Надо всем питерским великолепием сейчас провинция.

Приехал автоматом. Чувство зоологического вида под влиянием среды, в лысенковском стиле переходящего в другой вид[1]. Потеря «я», ничего не остается. Зачем нужен свидетель «я» для таких превращений?

А здесь растет маленький Сережа, возникает «я», из которого потом все следствия.

Дело не в том, что многого не знаем, а что значение имеет только биологический смысл как средство борьбы за существование, и за эти рамки нечего и бессмысленно стремиться. Неприятно почему-то смотреть на самого себя, противно.

Ленинград, 17 окт[ября]. Пон[едельник] 12 ч.

Опять коричневый туман и дождь и так хочется залезть в темную комнату и заснуть. Лаборатория [–] за месяц почти ничего. Пришел Юра Вавилов – «не засекречивают»[1]. В Академии Н.А. Козырев со странными теориями. Гениальность или сумасшествие[2]?

Ленинград 18 окт[ября]. Вторн[ик] 12 ч. в[ечера]

Туман и дождь, помноженные на астрономическую темноту. С утра до вечера непрерывная цепочка неприятных, трудных и скучных дел. Скандалы в лаборатории в Опт[ическом] И[нститу]те со Свердловым. Дурацкие претензии директора Лензоса[1] к фарфоровому заводу. Коллекция претендентов в сталинские лауреаты (Коломиец, Гуревич, Ломоносовский завод). Поездка в Ботан[ический] И[нститу]т. Тоска и скука. Люди при засушенном гер-

барии, ни одной живой мысли. Обрадовались, когда предложил им заняться разведением белых грибов. Жалкая стройка в Бот[аническом] Саду и на Басковом переулке. Прием в Академии. Дочка Карпинского[2], у которой только что умер сын и которая тут же, на 8-ом десятке, хитрит и врет. Сумасшедший Перфильев. А здесь сижу в жаркой, душной комнате, раздавливаемый книгами, с больной головой, без всякого творческого подъема, со случайными книгами и скучными разговорами.

Москва, 21 октября, Пятн[ица] 9 ч. у[тра]

Вернулся из Л[енин]гр[ада] вчера. Впереди непреодолимое нагромождение обязанностей и обещаний. Усталость и философия полного растворения «я». Становлюсь предметом, как стул.

Здесь светит солнце и светло.

Москва, 23 октября, Воскр[есенье] 5 ч. д[ня]

Целый день один. Олюшка в Л[енин]гр[аде] еще, на дачу ехать одному как-то совсем чудно. Наконец разобрал один книжный шкаф с Леонардо, Дюрером, Кранахом, Гольбейном и пр. Там столько запрятано красоты! В окно осенний сад, но погода солнечная и теплая. Отдыхаю от недельной мучительной мозаики. А завтра с утра надо заводиться.

Эфемерность субъективного. Театр, декорации, условные язык[и], условные ценности. Сон. А вместе с тем в сущности полная неизвестность объективного. Электроны, нейтроны в виде горошин – это тоже субъективное. А на самом деле? В лучшем случае (в физике) формулы математические, выражающие только отношения. Мучительный агностицизм. Знание как практическое орудие, как биологический признак и только. Но философия, основанная на знании, – сомнительное дело. Самое мудрое и единственно[е] – диалектика. С ее гибкостью и широтой можно вместить многое.

Был в пятницу вечером Боря Васильев. Tempi passati*. Ничего от прежнего не осталось. Только тактичная милота да сдержанность. А в остальном скучная обывательщина.

Мозжинка, 30 октября, Воскр[есенье] 5 ч.

Постоянное стремление сорваться с обычной системы координат, входящей, по-видимому, в расчеты «природы» при формировании homo sapiens. Почти совсем исчезает само[со]хранение, самомнение, зависть и прочие биологические приметы, казалось бы, неизбежные для представителя определенного зоологического вида. Ясно, конечно, что нельзя остаться совсем без системы координат, и в новых системах волей-неволей появляются «человеческие» образы, понятия и представления. Но все раскатывается, все кажется декорацией, условностью, которая распадается, как только переходишь на другую координатную систему.

---

* Прошедшие времена, прошлое (*ит.*).

Громадное большинство людей всего этого не знает, живут уверенно и крепко. Уверенно страдают, уверенно радуются, твердо стоят на земле. Но есть немногие, срывающиеся с биологических позиций, больные. Я это знаю с давних пор, мальчишкой, когда, особенно по утрам, мир вдруг представлялся со[в]сем иным, будто бы просматривал его рентгеновски[ми] лучами, видел насквозь. Теперь это постоянно, настойчиво и трудно жить с другими. Чувствую себя марсианином.

Здесь предзимняя тишь. Первый снег, лежащий целый день. Ходили с Олюшкой часа два по лесу, по летним грибным дорогам. Солнце, градуса два мороза. Озонированный воздух. Тишина. Людей нет. Ревут собаки, которых развели академики для охраны своей недвижимой собственности.

Позавчера на новом лысенковском юбилее[1].

Дышится трудно. Отяжелел, растолстел. Неприятно смотреть на самого себя в зеркало.

Река еще движется, но начинает останавливаться. На столе в стакане еще стоят живые Анютины глазки и маргаритки. Последняя улыбка природы.

6 ноября. Мозжинка, 1 ч. д[ня]

Чувствую, что качусь по наклонной плоскости. Странная механика теперешнего научного администрирования превращает в плохую, истерзанную, уставшую машину, лишенную творческой инициативы. После 12-часовой «работы» возвращаюсь домой ни на что не годным, с больной головой. Способен только на кресле, почти засыпая, дотягивать до 1-го часа ночи, чтобы «законно» заснуть. Просыпаюсь в 7 ч. утра, часа 1 1/2 свежей головы. Механическое умыванье, завтрак по установленному ритуалу и – затем 12 часов непрерывная цепь тяжелых, иногда едва выносимых положений. Надолго это не хватит. И, может быть, страшнее этого: философия, которую очень трудно мне передать и формулировать. Это философия полной эфемерности, ничтожности, обманности «я». А отсюда все и для жизни, и для науки.

Здешние просторы. Солнце. Легкий мороз. Легкий туман. На столе все еще анютины глазки и маргаритки. Белые стены. Радио, скрипичный концерт Чайковского.

Для жизни нужен большой творческий толчок. Нет его, усталость, пустота, сомнение в себе самом. Но во что бы [то] ни стало хорошее творчество, без этого жить нельзя.

Москва, 12 ч. в[ечера]

Был в Б[ольшом] Театре на октябрьском заседании. Речь Г.М. Маленкова. Вихрь. Ясная победа коммунизма. В сущности так ясно сказано, старому миру конец пришел. Непо[бе]димое знамя революции. Начало новой истории для всего мира.

Мозжинка, 8 ноября 12 ч. дн[я] вт[орник]

Вчера – 6 часов на Красной площади. Солнце, но холодно. Продрог. Миллион людей. Реактивные самолеты, пронесшиеся над площадью со скоростью > 600 км/час. Флаги, портреты, рев музыки. Организованные людские скопления. Вечером заглянул на прием на Спиридоновке[1] с дипломатами во фраках и мундирах. Ночью добрался до Мозжинки.

Сегодня хмуро. Перед окном все еще зеленая поляна, река не замерзла. Заяц объел сирень. По радио концерт Бетховена. А голова усталая. А надо работать, надо многое делать. Больше чем когда-либо ясно, что жить надо для других, для своего общества и жить надо. Но силы иссякают, истрепанный, усталый, что же я еще сумею сделать?

Москва, 13 ноября 12 ч. в[ечера]

Машинная жизнь «без себя». Дерганье. Заседания. Неудачи в Сов[ете] Мин[истров]. По всем линиям Академии, Энциклопедии, Общества. Все время усталость и вынужденное бездумье.

Сегодня не поехали на дачу. Хотели ехать к Троице. Отвратительная погода – тающий снег. Целый день дома. Больная голова. Тяжкое писание юбилейной статьи.

Хочется творческого подъема, дал бы новый стимул к жизни. Нет как нет, да и некогда ему прийти. Zeitno – «закон Ломоносова»[1].

Мозжинка, 20 ноября 12 ч. в[ечера]

Механизация продолжается. Чего-чего не было за неделю. Дрязги премий. Бесконечный калейдоскоп академических дел, глупое, тупое, бездарное чиновничество. Череда неприятностей. Каждый день часов по 12. Тупая головная боль. Писание статей «по случаю». И никако[го] творчества. Какие-то минутные разговоры в лаборатории, начерно, эскизно.

Здесь осень глухая. 1° тепла, тающий снег, серое небо, мокрая земля. Но тихо, никого нет. Скит. Ѳиваида. Долго ли все это так будет. Хотелось бы действительно* творческой работы на пользу и благо людей, и так, чтобы сам был доволен.

Ленинград, 22 ноября 12 ч. в[ечера]

В поезде задерганный. Заседания премиальные (мандельштамовское[1], сталинская), сотни неоконченных дел, большие и малые неприятности. Серое, едва рассветающее утро. Дня почти нет.

Здесь тронул только маленький Сережа. В Опт[ическом] И[нститу]те страсти роковые, работают, но на фоне дрязг. Сверху академической лестницы гляжу на Неву, на дворцы, потерявшие смысл. Да и раньше имели ли они этот смысл?

Мысль, пробивающаяся, не могущая никак оформиться, это то, что через меня и вообще через людей говорит «природа», как из автомата спрятав-

---

* Слово «действительно» вписано над строкой.

шийся фокусник. Непонятно только, зачем нужно сознание со страданиями и прочим? Наука, изобретения и прочие «достижения» человеческие – быстрое повторение эволюционных процессов, которые привели к глазам с линзой, крыльям, ногам. Ускорение за счет сознания. Это несомненно, что сознание [–] ускоритель.

Ленинград, 24 ноября, 10 ч. в[ечера]

Сегодня опять в Москву. В Опт[ическом] И[нститу]те какие-то тревоги. В лаборатории история с деньгами у Свердлова. Сумасшедший Зелинский. В И[нститу]те тучи над Чехматаевым, который еле ходит и похож на живого мертвеца. И на этом фоне – наука. С Гребенщиковым был у В.М. Андрианова в Смольном. За спиной малахитовая триумфальная арка. Разговор о внедрении, о г. Пушкине. Вид у Андрианова тоже замотанный. Потом в Михайловском дворце у востоковедов и археологов. По-видимому, покойнее всего быть археологом. Дворцовые покои кой-где оклеенные клоповыми обоями.

Уезжаю с настроениями тяжелыми и привычными, а философский фон – дыра в небытие.

Мозжинка, 27 ноября, Воскр[есенье] 5 ч. в[ечера]

Вернулся достаточно истерзанный, хотя многие подозревают, что я езжу в Ленинград отдыхать. Здесь утопаю в бум[аг]ах, телефонных звонках, требующих моментальных решений и постоянных обещаний и векселей, в разговорах на ходу. Единственный отдых в машине во время переезда, если нет компаньона. К довершению нагрузки сталинский комитет, со всеми страстями и интригами желающих получить премию. Настоящего большого – нет, есть только «солидное».

Приехал вчера ночью с Олюшкой в виде истукана, пригодного только для чтения романов. Сегодня утром пошли гулять. Маленький мороз 2–3 градуса. Снега совсем чуть-чуть. Туман и сыро. По дороге сдела[ло]сь что-то вроде припадка сердечного при подъеме в гору. Стало трудно дышать, появилась какая-то странная тошнота, стал плеваться с кров[ь]ю. Еле домой добрались. Но на кресле и после рюмки портвейна отошло. По-видимому – «первый звонок», которому я по существу очень рад[1]. Хотелось бы умереть совсем нежданно-негаданно, во время работы.

Здесь на стене «Меланхолия» в синем обрамлении, радио: Бах, Гайдн, клавесин, Лоэнгрин. Тишина и ноябрьские элегические, печальные сумерки.

Сегодня день рождения Николая. Tempi passati*. Пресня. Коммерческое Училище. Пирожные у Савостьянова и мама, смерть которой казалась немыслимым событием. Все прошло и прошлого нет.

Мозжинка, 4 дек[абря], 12 ч. д[ня]

Время летит, дней не хватает. Усталый, механизированный и некогда оглянуться. И все больше углубляется и вживается чувство распада «я».

---

* Прошедшие времена, прошлое (*ит.*).

Вместо него какое-то фрагментарное скопление вещества, отзывающееся на окружающее, чувствующее и «сознающее» его. В результате этого «сознания» посредством какого-то непонятного механизма действую на мир, «изменяю» его. Отчетливое чувство космичности сознания хотя бы в элементарных формах. От «я» почти ничего не остается.

Неделя – сталинский комитет. Наскоро пропущенные тысячи работ, в которых, по-видимому, большого нет. Каждый день часов по 7. Напасти на Чехматаева, Левшина, Зубова. Подготовка к 70-летнему юбилею Сталина.

Опять 0°. Тающий снег. Тяжело дышать. Но тишина. Один и можно остановиться, превращаясь в homo sapiens в прежнем смысле.

5 декабря, Мозжинка, 12 ч. д[ня]

Вчерашний снег тает. Градуса два тепла. Тошнит, кружится голова. Завтра предстоит обычный конвейер.

Белая комната, синяя меланхолия, синяя скатерть. Радио выкрикивает из Парижа всякие новости, которые завтра потеряют всякий смысл.

И никакого творчества. Пусто. Трудно удерживаться на земле. Из моей жизни с каждым месяцем испаряется все обычное «человеческое». Зацепиться можно только за творчество – его нет. Грустно и тяжело.

11 декабря, Мозжинка, 10 ч. в[ечера]

Маленький мороз 2–5 градусов. Жить легче. Все дни мокрый снег, больная голова и настроение собирающегося направиться на тот свет.

Каждый день по 12 часов неприятных разговор[ов], писанин и телефонов. Творческой работы никакой. Остающиеся часы – клевание носом и читание детективных романов. Странно представить себя президентом Академии. Какая-то ломовая лошадь, выполняющая тяжелую, неприятную работу. Лошадь эта может скоро свалиться просто от усталости и непосильной работы.

Здесь писал (n+1)-ую юбилейную статью. Немного, меньше часа ходил по пустынному участку, в котором так мало снега, с щенком, глядел на серое небо и дышал немного морозным воздухом.

Москва, 18 декабря, Воскр[есенье] 11 ч. у[тра]

Один в Москве. Олюшка уехала в Ленинград. На улице 8° мороза.

Измочаленный, издерганный, усталый и почти больной за неделю. Вчера ночью (в 11-ом ч. вечера) едва добрался на заседание юб[илейного] сталинского комитета в Кремль, на третий этаж. Началась отвратительная боль в области аорты.

Все больше и очевидней срывается маска «я». Но утром в эту жуткую декабрьскую утреннюю темноту автоматически встаю, автоматически одеваюсь, умываюсь, ем – все с полной апатией. Машина. Затем книги, чужие мысли, отвлекающие (тоже род автоматики) и так мало инициативного, своего. Кругом: Puppenspiel*, тоже автоматика. Где люди с большим сознанием, перспективой и волей?

---

* Кукольный театр, спектакль (*нем.*).

Почему-то по-прежнему тянут старые книги, старые картины, во сне самое приятное сны – антикварные, копанье в старых книгах и поиски забытых Леонардо. Но ничего, ничего в этой старине нет, поиски разрешения загадок тщетные. Загадок нет. «Загадки нет и не было у ней»[1].

Хотелось бы в последние годы жизни разгадать в природе что-то большое, чего другие не замечали. Но – нет. И так пусто, тупо и безотрадно.

События? В Москве снят Попов, избран Хрущев[2], подготовка к юбилею в Академии. В Институте работа идет, большая, но на творчество времени у людей не остается.

Мир в болях и потрясениях рождает совсем новое. Старое ушло и только археологическая тень.

Хочется в летний солнечный лес, под дуб или березу, в тишину и в единение с природой. Земля еси и в землю отыдеши[3].

23 декабря, Москва, 10 ч. у[тра].

Вернулся в 2 ч. ночи с приема в Кремле по случаю Сталинского 70-летия. Днем вчера в Колонном зале юбилейное заседание Академии, шестичасовое, с музыкой Шостаковича, заговорившего не своим голосом. Накануне заседание в Большом Театре и прием у Вышинского. Сегодня и завтра несколько заседаний Академии. Издали огромный Festschrift* более 700 страниц.

На банкете вчера все 5 часов просидел как на иголках, в начале предупредили, что, может быть, придется выступать. Под гром музыки и банкетные разговоры пытался готовить речь. В два час[а] ночи дождь и еле дошел, опять аорта, больно и хочется остановиться и сесть, или лечь.

Сталинский юбилей стал очень внушительным политическим событием. От китайцев до финнов. Это – сила непобедимая. Коммунизм близок к мировой победе.

25 декабря, Москва, Воскр[есенье] 7 ч. в[ечера]

Неотвязное:* понимание полной условности, скоротечности «я» и сознания. Слова, люди, понятия, горе и радости [–] все зависит от «системы координат», которые меняются, бегут, летят. Как можно думать о бессмертии «я» – это просто contraditio in adjecto[2*]. Все равно что думать о бессмертии актера, играющего «Гамлета», в этой роли. Почему-то надо находиться в психическом «резонансе» с действительными материальными событиями, когда события совершаются ⟨нрзб.⟩ без этого. Конечно, это не так – психическое влияет, и в этом его смысл. Но от этого не легче. Роль психического все же совершенно вторичная, случайная, обманная.

---

* Юбилейный сборник (*нем.*).

* Далее зачеркнуто слово «сознание».

2* Противоречие в определении (*лат.*).

Вот в таком настроении приходится говорить с людьми на условном людском языке, будто бы глядя сверху вниз. Не начало ли это сумасшествия?

По пустому дому (Олюшка в Л[енин]гр[аде]) ходит Вера Павловна, совершенно потерявшая память. Жалкие остатки «я», неужели это должно оставаться и кому-нибудь нужно, чтобы оставалось бессмертным?

Прочел «Тысячу душ» Писемского[1], рассматривая все вот с такой точки зрения: Какая игра темных природных сил, прикрывающихся людскими масками. За романом – исторический материализм.

Вчера окончена сталинская сессия. Из всех этих докладов и слов сквозь их автоматизм и шаблон смотрит громадная историческая истина – приближение победы коммунизма на всем свете и начало полной перемены жизни.

Ленинград, 30 декабря, Пятн[ица] 12 ч. веч[ера]

Из Москвы вчера, трудности и скандалы в Физ[ическом] И[нститу]те, болезнь Левшина, неразбериха, строительные трудности. В Академии Президиум с посрамлением И[нститу]та русской литературы[1]. Совет Министров под председательством Булганина, план Академии на 1950. Передача в комиссию Сабурова[2]. Потом прием китайского академического вице-президента Чень-Бо до со всеми китайскими церемониями. «Я ничтожный ученик с благоговением внимаю моим учителям». И все в таком роде. Но человек – толковый, экономист. С ним какой-то китаец в юбке, с огромными очками и постным видом. Писарь, секретарь?

В Москве выше 20° мороза.

Ленинград мрачный и провинциальный. В оптическом институте – помойная яма. Попытки спихнуть Чехматаева. Счеты за старое. В нем много плохого, но для такого института он был подходящим директором, особенно для военного времени.

Потом Академия с красным деревом и благолепием. Строители. Перед сном разговор с Виктором о работе его у А.А. Лебедева. Невесело. Поди туда, не знаю куда.

В общем, грустно и тревожно. А по комнатам бегает маленький Сережа, которому нет еще двух лет. Хороший, умненький мальчик, просыпающееся сознание. Новая шутка природы.

Хочется свободно, спокойно, широко вздохнуть и начать последнюю творческую, удовлетворяющую работу.

Боже, ответь хоть в час смерти моей
Легче ль песчинки в деснице твоей
Воли людской quantum satis*?[2]

31 декабря, Ленинград, Субб[ота] 8 ч.

Сейчас ездил по Невскому. Огни, мороз, суетящиеся перед встречей нового года люди. Дома елка и маленький Сережа. То же, все повторяется.

---

* Сколько угодно, достаточное количество (*лат.*).

Но жизнь проходит. Это хорошо. Выполнение какой-то тяжелой обязанности. С каждым уходящим годом ближе к концу, к какому-то странному отдых[у], вечному, состоянию материи без души. Для прочих, для окружающего, для страны делал, работал. Несомненно, что-то останется нужное, если не разлетится земля.

Усталость, безмыслие. Едва пишу. Механически отвечаю людям. Давно не было такого опустошения, не зацепляюсь ни за что.

Нужно внутреннее воскресение для остатка жизни. Сошел с рельс людского трафарета и пока без орбиты.

1950

Сергей Иванович Вавилов
Москва, Дурновский пер., 16, кв. 2
тел. Г1-50-67
Ленинград В.О. Биржевая л., д. 4, кв. 5
тел. 81-45
«Di domań' non c'è certezza»*

Ленинград, 1 января. Воскр[есенье], 11 ч. у[тра].

Еле просветляется питерская зимняя тьма. В тесном кабинетике, стиснутый моими книгами, которые давно не имею никакой возможности читать. На шкафу с оттисками золоченый Кол[л]еони. На столе бронзовый Калиостро. На стенах римские акварели, восковые Ньютон и Франклин, символическая картинка Афанасьева. Один в зеленом старом кресле.

На белом свете в сущности исторический ураган. Меняется все, радикально и бесповоротно. Не приходится сомневаться в победе коммунизма всюду в ближайшие годы.

Нужна глубокая, проникающая все диалектическая, не признающая ничего остающегося, неподвижного точка зрения, чтобы не войти в столкновение с этим вихрем. Не осталось почти своих близких, только Олюшка, Виктор*, да вот маленький Сережа. Остающиеся годы жизни надо полностью отдать государству. А сил мало, хочется покоя, остановиться и медленно думать, оглянуться последний раз на мир, попытаться его понять. Но диалектический вихрь сбивает с ног, теряется твердая «система отсчета». Без опоры.

Хочется хорошего творчества, но нет ни времени, ни сил, нет уверенности в себе. Знаю, что не похож на других и часто вижу и понимаю то, чего не видят и не понимают другие. Но использовал это мало. В долгу перед Природой. Поэтому на душе грустная меланхолия.

Ленинград, 2 января. Вт[орник]*. 9 ч. в[ечера].

Опять темное, мрачное, долгое утро. Снег, которого здесь еще не было. В Оптическом институте «мутная среда» по поводу Чехматаева, райкомов-

* В день грядущий веры нет (строка-рефрен известного стихотворения Лоренцо Медичи, прозванного Великолепный).

* В дневнике – Викот.

* Описка Вавилова. Надо: понедельник.

ская комиссия, пересуды, сплетни. Если думают Чехматаева снимать, так и снимали бы, вместо этого дискуссии, голосования, а Институт расшатывается.

Радиевый институт, последние разговоры в Академии с благолепным Ваниным.

Замерзнувшая Нева, пушистый снег, огни. Какая-то тень старого Петербурга.

Сегодня с Олюшкой едем. Жаль расставаться с маленьким Сережей (жизнь без «я»).

От науки: семинар, производственное совещание и больше ничего.

Нагрузились картинами, портретом какого-то молодого человека, a la Рокотов, портретом Лейбница и безымянным романтическим пейзажем с башнями, мостом, лошадьми. Живые голоса с того света из XVII и XVIII веков.

Мозжинка, 8 янв[аря]. Воскр[есенье]. 12 ч. д[ня].

Трещат наконец морозы, которых не было уже года три. Тридцать градусов и ниже. В Москве из входных дверей метро выбиваются клубы конденсированного пара, похожие на дым пожара. Такой же «пар» стоит над Москвой-рекой. Здесь крепкий трескучий, скрипящий снег, заячьи следы, холодное небо, браконьеры, сваливающие ели на дрова. Живой голос природы, о котором забыли.

На день здесь, в снежном оазисе и в теплой даче, с «Меланхолией» и «Фаустом» на стене с хорошо слышимым радио. Но только на день. Завтра – опять дерганье, каждую минуту бумаги, звонки, новости, что-то требующие, чем-то недовольные.

Мучительно и в конце концов свалюсь, и все кончится катастрофой.

Совет министров: счетные машины, гидрофоны, гараж для Энциклопедии. Заседание у К.Е. Ворошилова по этим делам. Вчера звонок Ворошилова: виц-мундир и совместительство Зворыкина и намеки на меня самого. Новый Устав. Победные изобретатели. Склоки и доносы в академическом аппарате. В Физическом Институте недовольство Ландсберга, Мандельштама с tutti quanti.

Думать и работать некогда, да и сил нет. А это самое главное. И глубоко печальная философия – условности всего.

Мозжинка, 15 января. Воскр[есенье]. 1 ч. д[ня].

Опять воскресная пауза, на этот раз с исчезающим морозом (3–4 градуса) и легким снегом. Живое имеет какой-то особый смысл (пусть причинный) по сравнению с камнями и песками. Это неопровержимо и «математически» ясно. Сознание (от начатков до человеческого), борьба за существование, размножение. Теоретическое естествознание до сих пор построено целиком для «мертвой» природы. Попытки перебросить мост пока наивны и неудачны. «Количество переходящее в качество» – это или тривиальность (вроде кипения воды) или непостижимая мистика (по крайней мере с точки зрения естествоиспытателя, стремящегося либо модельно «понять», либо уложить в рамки математически[е]). Поэтому необходимо с самого начала постулиро-

вать качество сознания и principium individuationis*. Но что – начало? По Демокриту и Эпикуру – атомы? А не вернее – «целое», порождающее атомы? Науку ставить вверх ногами? До сих пор она строилась от атомов к верху и во многом удачно. Но вот все эти чудеса – Ungenauigkeitsrelation2*, элементарная статистика, сознание – не от целого ли это?

Несчастие, как перепрыгнуть!

За что держаться. Остается только широкая математическая форма. Но чем обоснована она, эта «математическая гармония»?

Вот небольшой намек на мысли, которые систематически не продумываются, но проскакивают в мозгу во время заседаний, высиживаний в антишамбрах Совета Министров, во время переездов на ЗИС'е.

Раздавлен делами Академии, Энциклопедии. Площади для Академии, выборы академиков, устав новый. Софья Ковалевская[1]. Истерические письма Шулейкина[2]. Истерика библиотекарши в Физ[ическом] и[нститу]те.

А творчества до сих пор никакого.

<u>Мозжинка, 22 января. Воскр[есенье]. 1 ч. д[ня].</u>

Солнце, двадцатиградусный мороз. Гуляли час с Олюшкой по трескучему бело-голубому снегу. По Мозжинке бегают одни собаки.

Вчера был в Б[ольшом] театре, траурное ленинское заседание. Сталин. Мао-Цзе-Дун. Красное с золотом. На свете в сущности началась мировая революция. Поднялся и побеждает коммунистический восток. Полная глупая растерянность на Западе. Французы по радио пытаются петь toujours l'amour*, Америка не знает что начать. Начало конца. Думаю, что войны не будет, коммунизм победит и без войны.

Человек не имеет права только думать и смотреть, он должен действовать, строить, бороться. А я, по природе моей, главным образом «философ». Смотрю, думаю. Действие мое [–] это творчество. А его нет и нет за последнее время.

Тишина в этих морозных снегах почти мистическая и чувствуешь и себя самого, и бегущее время, и начавшуюся старость, и условность служебную «я».

Для самого себя хотелось бы незаметно, асимптотически перестать быть «я» – умереть. Для мира, для людей, для будущего – надо жить, строить. Повидимому, люди пришли к самому интересному и важному моменту истории. Нужно попасть в резонанс, подчинить себя этому полностью. Появится и творчество и желание жизни.

А кругом, на привычном человеческом языке: глупый артилл-генерал Соколов, несчастный И.А. Орбели в Эрмитаже, предстоящие выборы, Опарин, у которого сразу стали наследоваться приобретенные признаки, нелепые авторские самолюбия в науке, глупости в Энциклопедии и каждый день усталость, превращающая в полено. Во сне сегодня почему-то кого-то поучал по

---

* Индивидуализирующий принцип (*лат.*).

2* Соотношение неопределенностей (*нем.*).

* Любовь всегда (*фр.*).

вопросу об организации военной связи, вспомнив свое прапорщицкое воплощение, которому минуло 32 года.

Мозжинка, 29 января. Воскр[есенье]. 5 ч. в[ечера].

Воскресная пауза, особенно ясная здесь в снег, в двадцатиградусный мороз далеко от людей. Но, превратившись в механический автомат, человек[ом] не становишься. Плохо это или хорошо еще не знаю, потому что бытие «человеком» с его излишней чувствительностью, радостью и слезами от пустяков – тоже не хорошо.

Оглядываюсь на прожитую неделю и очень трудно вспомнить калейдоскопическую череду неприятных разговоров в Академии, в Физическом институте, в Обществе, в Энциклопедии, дома. Кажется ничего не было радовавшего, творческого, оставлявшего удовлетворяющий след. Заседание у Вяткина по энергохимии с глупым, тупым упрямством Угоровца. Дележка площадей для ботанического сада и сельскохоз[яйственной] выставки у С[а]бурова. Совсем чеховские «Лужки»[1]. Центральная избирательная комиссия, юбилей шестидесятилетний Ландсберга с дерматиновыми адресами и одними и теми же словами двадцати человек, президиум с волгинскими шпильками, шоферские разговоры о Деборине, фиановская самокритика в партийной организации. Много людей и мало толку. Отсутствие настоящих талантливых людей, бедный Левшин. Каждодневные разговоры с Топчиевым. Каждый день «в присутствии» (считая переезды) почти ровно 12 часов. Дома, за исключением спанья, часа 4, которые поглощает окоченелое состояние, никуда не годное (часа два), еда и легкое чтение. Людей не вижу и стараюсь не видеть.

Самое грустное, что прошлого нет, что пережитое, громадная, разнообразная, пестрая жизнь ушла. Сам себе вдали кажусь чужим. Прошлое [–] только случайные клочки памяти, изредка выскакивающие.

Будущего тоже нет, а настоящее («реальной шириной» примерно в месяц) серое, машинное, нетворческое. Но вне меня мир живет, движется, мир меняется. Коммунизм переворачивает мир и, конечно, лет через 10 на свете будет совсем иное. Будет лучше, если мир найдет дорогу и случайно не сойдет с ума. Для этого стоит жить.

Когда иногда останавливаюсь и вспоминаю, что я «особа», так это кажется смешно. Ворона в павлиньих перьях.

4 февраля. Ленинград. Субб[ота]. 9 ч. в[ечера].

Почему-то сегодня вечером грустно поразила на Дворцовой площади хмурая кордегардия, потерявшая всякий смысл и стоящая царственным псевдоклассическим скелетом навсегда ушедшего прошлого.

В питерских Помпеях шевелится жизнь, малоприятная. В ГОИ выживают Чехматаева, тараканьи страсти, отместка за прошлое, за йошкар-олинский «комфорт». В Эрмитаже выживают Иосифа Орбели будто бы за многоженство, а вообще неизвестно за что. Свистопляска над наволявшим Латышевым с его тонкой структурой[1].

От науки остается «внедрение» и карьерные, премиальные диссертации, книги и статьи.

Сам я усталый, растол[с]т[е]вший, с седыми, выпадающими на пиджак волосами, с дряблым лицом – неприятен прежде всего сам себе. Творчества, свидетельства о «Человеке» нет как нет и времени для него нет.

Здесь маленький беленький Сережа, которому скоро 2 года. Еле-еле просыпающееся сознание.

Московская неделя: заседания, юбилей Ландсберга, годичное собрание с докладом Скобельцына, заупокойное заседание Папалекси. Люди, люди, мелочи, трудности, больная голова и вечно хмурое настроение.

5 февраля. Л[енин]гр[ад]. Воскр[есенье]. 10 ч. в[ечера].

Воскресенье теперешнего провинциального Питера. В академической книжной лавке, оставшейся почти единственным настоящим книжным островом, много лавок со старыми книгами закрылись. Иностранные книги продаются только в академической лавке. В комиссионных магазинах – остатки прежней роскоши. В Эрмитаже тревога и мрак. Ревизия, комиссия, обследования, над Рубенсом, Леонардо и Рембрандтом ходят тучи. В отчаянье Орбели. Мне суждено попадать в Эрмитаж в грус[т]ные его моменты. Эвакуация в 1941 г., сейчас – ревизия. Эрмитаж (в буквальном смысле) превращается в свою противоположность.

Я в состоянии воскресной депрессии. По комнатам бегает Сережа. Хрипит радио, заглушаемое «мешающим действием» (термин 1916 г.).

6 февраля. Л[енин]гр[ад]. Пон[едельник]. 12 ч. н[очи].

Семинар в лаборатории. Нудный доклад Степанова и Севченки об ураниловых солях. Гуревич, Линник – взбаламученное море по случаю директорского кризиса. Визит к Андрианову, о площадях, о Чехматаеве, об Эрмитаже. Прием почти до 9 ч. Тупая голова и ощущение неудачи. Снег. Замерзшая скалами Нева, по ней ходят. Грустно в Питере.

7 февраля. Л[енин]гр[ад]. Вт[орник]. 10 ч. в[ечера].

Сегодня в Москву. В Опт[ическом] Ин-те череда желающих поговорить о директорских делах, Кравец, Гершун, Гуревич, Л.И. Демкина. Теренин и tutti quanti*. Институт – взбаламученное море. У Чехматаева не хватает ума и характера для правильного решения дела. Архив – рукопись Д. Бернулли (петербургская гидродинамика). Невозможности издания Истории Академии Наук. Вечером опять люди, Иосиф Орбели, редколлегия «Природы». Помесь старого Питера и совсем новой жизни.

А я – пустой, без «я». Вижу как «я» зарождается у Сережи.

Бездарно. Мокрый снег. Теплеет, а я в шубе.

---

* И все остальные (*ит.*).

Мозжинка, 12 февраля. Воскр[есенье], 2 ч. д[ня].

Зима как будто бы кончилась, протянувшись полтора месяца. Сейчас +2°. Теплый, мягкий снег.

После возвращения из Ленинграда себя не видал, автоматическое, заводное состояние почти без спонтанной активности.

Прием в Кремле (Мао-цзе дун). Бывшие царские хоромы времен Александра III в «боборыкинском» стиле. Раззолочено без толку. Шелка и атлас. Канделябры с позолоченными купеческими Меркуриями. Мраморные нимфы в нишах словно из сандуновских бань. Разговоры о погоде, о миндале с солью к шампанскому. Ворошило[в]ский тост за науку.

Гла[в]ная редакция Энциклопедии [–] невозможные положения с географическими картами при такой динамике внешнеполитических событий.

Вчера заседание у Ворошилова о суворовском юбилее. Попросил снять меня с председателей предполагаемого юбилейного комитета, сославшись на то, что выше прапорщика не подымался, а здесь нужен маршал. Наметили Соколовского.

Прочел еще раз Омара Хайяма в немецком переводе. Омар в 11-м веке сказал почти все, что сказали потом все этические мудрецы вместе взятые. В пределах «обыденного» опыта он исчерпал вопрос. Он не догадался только до эволюции, которая придает смысл всем неприятностям человеческим, смысл не индивидуальный, а природный, родовой, космический.

Триста лет со дня смерти Декарта. Давно я его полюбил. Механицизм, доведенный до конца, до противоречия, до cogito ergo sum*. Замечательное лицо, остроумная математика. Надо бы о нем подумать и о нем написать.

Мозжинка, 18 февраля Субб[ота], 12 ч. в[ечера].

Безнадежные и все же неизбежные попытки выйти из самого себя, подняться над собой, посмотреть на все «сверхчеловечески». Это – постоянно, просыпаясь, на ходу, в машине, на заседаниях. Схватить, сказать, записать не могу то, что иногда удается «поймать», или кажется что удается. Не могу примириться с условным языком, понятиями, которым научили, которыми пользуются все. Не могу, потому что знаю условность всего этого. И вместе с тем эта условность в пределах жизни определяет все.

При помощи «я», заглянуть на самого себя невозможно, можно глядеть на мир, но взгляд получается относительный и условный. Только через биологию и историю можно что-то сделать и кое-что настоящее узнать.

На даче. Ночная тишина. 10° мороза. В комнате тепло. Хотя бы несколько часов покоя. Усталость, бездарность, задерганность.

* Мыслю, следовательно существую (*лат.*).

Мозжинка, 19 февраля. Воскр[есенье]. 5 ч. в[ечера].

Хочется жить так, чтобы от каждого дня оставалось хорошее и большое, дела, слова, написанное. А между тем дни летят трудные, мучительные, усталые и с нулем в итоге.

Здесь элегическая пауза. Ночью и первую половину дня валил снег. Проходить по саду трудно, утопаешь в снегу. Маленький «Пушок» в нем купается. 12–15 градусов мороза. В даче тепло, много книг. Но никакой сосредоточенности. Незаслуженный отдых. Погрязаю в людях, в перелистываемых книгах и журналах, но крепко ни за что не хватаюсь. Шел сегодня по мягкому пушистому снегу и думал как все легко сразу можно кончить, без философствования и промедлений.

---

8 ч. в[ечера].

Сегодня – Прощеное Воскресенье. Все говорят о старой широкой масленице, которую любили и ждали, но ничего не осталось. Как лепестки, слетают старые привычки и что же остается. Вспоминаю разные, разные годы еще в XIX веке. Веровал как в каменную стену, как в Солнце, зиму и лето, в Бога, чертей, ангелов, в масленицу и в Пасху. Все было твердо и прочно.

Прочел три одноактных пьесы Шницлера, удивительный резонанс. С тем, чем volens nolens* занята голова: «игра» и «действительность», «сон» и «явь».

Сейчас ходил по пушистому ночному снегу. «Замерзшая H_2O», «видимость» через дымку, «мичуринская биология» – все это в сознании совсем другое. Очень мало мы знаем. Знания, подпираемые опытом, – это только биология, как глаза и руки. Но все же только через биологию, эволюцию, историю можно добраться до истины.

Москва, 22 февраля, 10 ч. у[тра].

Трудная неделя. Вчера вернулся около 3 часов утра с заседания в Кремле, продолжавшегося более пяти часов под председательством И.В. Сталина. Утверждение сталинских премий в «овальном» зале с трафаретными дубовыми панелями. Налицо все политбюро, человек сорок министров и т.д. Пять часов без перерыва Сталин активно, часто выступая, вел заседание. Мне попало за указание, что М.А. Шателену – 84 года. Возраст и прочие побочные обстоятельства не должны влиять на присуждение. Это, конечно, – правильно. (В дальнейшем попало Несмеянову по тому же пункту за указание на то, что Пассек (археолог) – женщина). Сталин предложил учредить премии третьей степени по науке за труды обзорного, компилятивного характера. Предложение хорошее. Не повезло Топчиеву, которого хотели протащить химики «из-за уважения». Сталин очень хорошо и образно говорил о необходимости премировать за идею, пояснив это военным примером подсказа мысли о «боковом» ударе, подсказанным кем-то и в конце концов ре-

---

* Волей-неволей (*лат.*).

шившим судьбу операции, несмотря на то, что автор предложения операции не разрабатывал. Сталин был в хорошем настроении, шутил, грозил пальцем военным, которые принимают все без проверки. К концу заседания мне пришлось выступать с защитой регистратора космических лучей (Шафер, Муратов и пр.) от Паршина. Псурцева Сталин спросил: «Вы какой министр?». Сталин был в коричневой «сталинке», вид здоровый и крепкий. Вчера мое избирательное выступление в клубе У[правления] Д[елами] Сов[ета] Министров. Задерган я, некогда думать и оглянуться на себя самого. Олюшка уехала 20-го в Ленинград.

Москва, 26 февр[аля]. Воскр[есенье]. 5 ч. в[ечера]

Олюшка в Ленинграде. На дачу не поехал. Дни тяжелые, мучительные. Такого в прежние годы не было. Да я сам чувствую как изменяюсь, старею, слабею. Трудно дышать. Иногда совсем мучительно. Посмотрел на себя в зеркало, опухшее, желтое, плохо бритое лицо. Здесь сижу, как затравленный волк, в голубой комнате закрывшись, боюсь телефонных звонков, посетителей, безумной Веры Павловны, ходящей по дому. На даче одиночество лучше. Через окна простор, снег. Здесь все сжато и стиснуто и трудно дышать.

А главное, нет большой мысли, нет творчества. Для этого нужно спокойствие, лаборатория, время. Без этого жизнь – мука и странные приходят фантазии в голову. Сейчас во время обеда представилось, что бы произошло, если бы в результате проповеди [или] пропаганды все люди за исключ[ен]ием одного прибегли бы к самоубийству. Оставшийся, конечно, сделал бы то же самое.

События: карта Азии в Энциклопедии, из-за которой без конца хлопот, Устав Академии, несостоявшаяся сталинская премия Топчиеву, выборы, всюду в учреждениях не хватает денег и штатов.

Таким людям, как я, по-видимому, надо с 60 лет становиться анахоретом, философствовать и тихо умирать. Оглядываясь на себя, вижу, что я рос необычно, «философствовать» стал лет с 10, недаром отец еще тогда дразнил «философом». Надо бы писать воспоминания, но нужно время и спокойствие. Я не столько видел, сколько передумал в жизни.

Москва, 2 марта, 10 ч. у[тра]. Четв[ерг]

Окончательно теряю все точки опоры. От «я» остался только механизм, перемещающий деятельность от одного дергающего обстоятельства до другого. Эти дни что угодно: оплата рецензий у Ворошилова, карта Азии у Молотова, предвыборные собрания, смерть Н.Н. Лузина, РИСО, редакция истории отеч[ественной] науки, сталинские премии, защиты диссертаций в ФИАН'е, предстоящие выборы в Академию. Отвратительная погода с тающим снегом целую неделю. Так дальше нельзя. Сегодня на два дня поста[ра]юсь уехать в Ленинград. Но там ведь то же самое. Человеческое бытие доведенное до

абсурда*. Каждый день провожаю с облегчением, хорошо, что прошел. Как будто бы следующий день сулит другое.

Ленинград, 3 марта, Пятн[ица], 11 ч. в[ечера]

Опять противный клубок неприятных вещей: жалобное письмо академстроевцев на Курицына, чехматаевская история. Дома маленький Сережа нездоров, Олюшка тоже. А я тяжело дышу, усталый. Фон по-прежнему [–] случайность сознания, творческое оскудение. Нева еще во льду, по ней ходят. У города какой-то испуганный присевший вид. В ГОИ все же жизнь идет (астрограф Слюсарева).

В комнате душно, трудно дышать.

Ленинград, 4 марта, Субб[ота], 12 ч. в[ечера]

Утром спустился по грязной лестнице с какой-то неискоренимой вонью. Здесь когда-то, в дореволюционные времена была конфетная фабрика. За воротами питерская ширь, Невка, Пеньковый Буян. В Оптическом институте немного тише. Семинар, а потом дерганье по каким угодно вопросам. Лаборатория работает и неплохо. Потом архив, барахтанье в старине и испуг постоянный. Академия, старый кабинет «непременного»[1] со шкафами в стене. Визитеры, странные, глупые и ни одного «человека», каким он быть должен. В результате совсем больная голова, осколки мыслей и трудно жить. Завтра в Москву.

Ленинград, 5 марта, Воскр[есенье], 5 ч. д[ня]

Воскресенье. Тающий снег. На питерских улицах черный грязный снег и помойные лужи. На Невском толкучка по случаю сниженных цен. Книжная лавка с печальными торговцами, которым платят ничтожны[е] деньги. Цензора, «Галдарея»[1] с толстым бородатым Окуневым, рассматривающим галдарейные сокровища. Дома невыносимо жарко. В комнате чирикает маленький Сережа в платке по случаю простуды. Мне трудно дышать, жарко, усталос[т]ь. Вечером с Олюшкой в Москву.

Гордые питерские здания, когда-то прикрывавшие чиновничье убожество, теперь смотрят, как загробные призраки прошлого.

Мозжинка, 12 марта. Воскр[есенье]. 1 ч. д[ня]

Сюда приехали только сегодня, в 12-ом часу. В Москве – выборы в В[ерховный] С[овет]. Погода сияющая, небольшой мороз, недавний снег и солнце. 33 года назад – февральская революция. Луцк, антресоли, ночной вестовой с нешифрованной радио[граммой] из Берлина: «В[аше] благородие – нешифрованная передача». «В Петербурге революция. Тридцать тысяч душ присоединилось к восставшим. Родзянко – президент России» – это текст радио[граммы] из Hayen'а, переданный в ночь с 28-ого февраля на 1-ое марта. Начало совсем нового в мире.

---

* Слова «до абсурда» были написаны дважды, но повтор зачеркнут.

Отчетливое ясное чувство облака, собравшегося на минуту и разлетающегося. Сознание «я» – призрачное бытие такого облака как «целого». Все бежит, течет, меняется. Ничего прочного, начиная от электронов и протонов и кончая спиральными туманностями. Сомнительное постоянство «целого», о котором ни у кого никакого представления. «Я», свой мир, воспоминания, люди, близкие, знакомые, дом, квартира, книги, пейзажи, слова, сны, краски, картины, музыка, «история» – все мимолетное, субъективное, которое навсегда уйдет как растаявшее облако, вернее, вместе с ним.

Неделя после возвращения из Ленинграда – дергательная. Встречи с избирателями. Речи. Записки: «почему до сих пор не вступаете в партию?». Отсутствие денег в Академии, скандалы с Алихановыми. Тысячи мелочей, всегда неприятных в Академии, которую сейчас дергают со всех сторон.

Здесь тихий оазис. Белый снег, голубое небо. Солнце. Радио с Бахом, Бетховеным и Брамсом и душевная тишина.

Сам же пустею, иссякает творчество, пустышка; трудно дышать (комбинация сердца и эмфиземы). За что же цепляться, чтобы жить? Люди, государство, народ. Истина только здесь.

Рациональнее всего военный строй. Личное совсем уходит на задний план. Здесь яснее всего, как из «я» выходит «не я».

В радио Григ, смерть Азы*. Хочется под эту музыку и исчезнуть в небытие.

Мозжинка, 19 марта. Воскр[есенье]. 5 ч. д[ня]

Комната залита весь день солнцем. К Москве-реке белый тающий снег. Через три дня – астрономическая весна. Но «без руля и без ветрил», все кажется субъективным театром. Хочется схватиться за что-нибудь основное, незыблемое. А за что ни схватишься – условность. Даже сны в словах, в понятиях, в образах совсем условных, они могли бы и не быть и замениться другими. При этом полное практическое совпадение. Все кстати, все угадано. Человек ходит твердо по земле. Знания совсем не «отражение», а хитроумная биологическая машина, приспособляющая человека к природе. Это очень печально. Но выскочить из этого невозможно, так же как прыгнуть выше самого себя.

А за вычетом все же остается «печаль», налагающая фон на все существование.

За прошедшую неделю опять не видел себя самого за поездками в Кремль (каждый день, то к Ворошилову, то к Молотову, то к Сабурову), ворохом бумаг, приемами, разговорами по телефону. Скачущая, почти «броуновская» мозаика. А хочется твердой, ясной линии. Замытарился. Каждый день не

---

* Так у Вавилова. См. примеч. 1 к записи от 31 января 1941 г.

меньше 12 часов. Дома ни к чему не способный, кругом горы книг, на которые только взглянул. Больная голова, трудно дышать. Что же это такое? Как с этим кончить? А кончать надо. Долг человека обязывает. «Я» разлетается, даже прошлое мое же становится не своим.

Мозжинка, 26 марта. 12 ч. д[ня]. Воскр[есенье]

Гуляли с Олюшкой часа полтора. Утром было 10 градусов мороза, туман. Сейчас все сияет и тает. Жаворонки и другие поющие птицы. Снег исчезает, но река еще ледяная и кто-то катается на коньках, но где-то взрывают лед.

Со вчерашнего дня пошел 60-й год. Жизнь приближается к концу. Это не плохо. Последнее время каждый день вижу, что такое затянувшаяся жизнь. Вера Павловна, совсем потерявшая память, но сама крепкая. В сущности смерть при жизни. Нужно ли лучшее доказательство ошибочности* мечтаний о бессмертии. Сознание разрастается и завядает, как облако.

Бессмысленны попытки «полностью» понять мир. Вчера купил «Schriften zur Naturwissenschafts» Канта[1]. Наивный лепет по сравнению с тем, что знает теперь студент первого курса. «Понимание мира» распадается на части, эволюционирует, переходит от человека к человеку, к целому обществу, а Ньютоны и Канты в лучшем случае [–] кусочки эволюционной кривой.

Пролетела неделя по-прежнему с заседаниями, с каждодневно больной головой, с мозаикой больших и малых дел и по-прежнему с отсутствием творчества. Это самое грустное и тяжкое. Иногда шевелится предчувствие, что это навсегда, что творчество не вернется. Если так, пор[а] умирать.

Начинаю на себя оглядываться. Из глубоко индивидуального «нутряного» человека обращаюсь в человека-учреждение, работающего «периферически». Одно скажу про себя – в этом мое несомненное достоинство. Никому я лично не сделал зла, не делаю и не хочу этого. Совсем не толстовец и зачастую неспособен «любить ближнего», но не способен и ненавидеть. Для этого я слишком хорошо понял мир и тщету «я».

С каждым годом «прошлое» становится все больше выцветшей фотографией, никому не нужной. Это жалко. Поэтому, не откладывая, пока есть еще силы надо писать воспоминания и попытаться «интегрировать» самого себя. Иначе останутся только «избранные сочинения».

Дремал сегодня часа 1 ½ после обеда на балконе. Солнце, свежесть, весенний воздух. Жизнь, как она должна бы быть.

---

* Слово вписано над строкой.

31 марта, Ленинград, Пятница, 10 ч. в[ечера]

По дороге робкая, мерзлая весна. Снега по[ч]ти нет. По берегам замерзших ручьев красные вербы с меховыми почками. Колхозные девицы рвут вербу – завтра вербная суббота. На душе никакой весны. Устала[я], однообразная, бездарная тоска.

Питер, как заметил еще прошлый приезд, замер, испугался, осел и стал совсем провинциальным. В ГОИ продолжаются чехматаевские дрязги. В Академии желание уйти в прошлое. Заседание комиссии по истории ф[изико]-м[атематических] наук. Скучные, пустопорожные доклады Идельсона об Остроградском, Слюсарева и Юшкевича о Декарте. От восторга и остроты гения ничего не осталось. Ченакал сует вновь найденное в Тарту письмо Ломоносова к Эйлеру с благодарностями за похвалы.

Дождь, серо. Отрада [–] маленький Сережа, который хочет пить такую же белую водичку, как и дедушка. А в целом – элегия, усталость и беспомощность.

1 апреля, Ленинград, Суббота, 12 ч. н[очи]

День интегрируется к полуночи в виде серого, тусклого, дождливого бесформенного пятна с бесчисленными кляузами, нелепостями в Оптическом И-те и в Академии, с душной жарой здесь. Дышится трудно, усталость, больная голова и почему-то кажется, что скоро могу умереть. Впрочем, смерть кажется совсем простым и естественным делом.

Оптический Институт. Маленькие дела и большие самолюбия. Чехматаевская история. В архиве напуганный Князев, не знающий, что же можно хранить, а что нельзя. Ломоносов. Таинственное появление мозаичного портрета Ломоносова на толкучке (Ченакал).

Череда посетителей в Академии, Вологдин, Костенко, Тюрин, Струве, Купревич. Калейдоскоп и все не задевает самого главного.

Хочется молнии, которая прорезала бы эти сумерки, вновь пробудила жизнь и творчество. Сейчас почти умирание, притом бесцветное.

2 апреля, Ленинград, Воскр[есенье], 7 ч. в[ечера]

Старое 20-е марта. Именины. Очень грустно. Именинниц давно нет. Я один. И то сегодня всю ночь болело сердце и чувствую, что начинаю разваливаться. Так расплываются в небе облака. А здесь бегает маленький Сережа, который не знает ничего, ни бабушек, ни дедушек, ни прабабушек. Жизнь, как сыгранный спектакль.

По случаю именин поставил мне на стол стакан с гиацинтами. Печальные цветы. Запах их для меня навсегда связан со смертью маленького Илюши. Зал в Никольском переулке с опущенными занавесками и гиацинты, наполнявшие запахом всю комнату. Отчетливо помню смерть Илюши. Приступы были в воскресенье утром. Он лежал в той же кровати, в которой и я когда-то лежал. Потом перитонит. Черная жидкость изо рта. Вечером я бегал в лавку Чернова покупать прописанное шампанское. Расходятся облака.

С Виктором ездили по антикварным лавкам. Путешествие на машине времени. К вещественным остаткам. Серая, дождливая погода. В комнате невыносимо жарко и угнетает полное отсутствие творческой фантазии.

3 апреля, Ленинград, Пон[едельник], 10 ч. в[ечера]

Сегодня в Москву. Опять день туго набитый всякими просьбами в Инте и в Академии. Был в Пулкове, вид еще очень жалкий. Весеннее Солнце и тепло не радует. Сжатое сердце. Чувство бессилия, а хотелось бы помочь людям. В этом единственный смысл бытия.

Стары[е] питерские красоты, даже далеко на Обводном канале. Скелет прошлого, притом скелет обманчивый. Тело, державшееся на этом скелете, было беспомощным и бездарным. Это мне становится все яснее и яснее. Любовь к старому, это именно любовь к стройным скелетам.

9 апреля, Мозжинка, Воскр[есенье], 11 ч. утра

Весна. Сегодня Пасха. Река вскрылась, лед прошел, вода почти не поднималась. Сияет солнце. Снега нет. Цветут маргаритки, собираются цвести подснежники. Птицы. Неделя прошла для меня совсем больная. Насморк, слезящиеся глаза, температура. Все время на стрептоциде + аспирин. Но ходил «в присутствие». Кругом невесело. Бесконечная, пестрая мозаика ошибок, несчастий, отчаяний, безнадежности, глупостей. Пытаюсь не терять нить и не упускать из-за деревьев леса, видеть главное, большое, целое, вырастающую большую науку. Иногда это очень трудно.

Хочется проснуться, протереть глаза, вытянуться и начать новое, большое, нужное всем дело. Но не выходит это.

Перед глазами всякие «penseur'ы»*. Фауст – Рембрандта. Меланхолия – Дюрера. Медичи Микель-Анджело, которого только что подарила Олюшка. Задумались, но что придумали? В статуэтке Медичи – нашел засохшего клопа. Это реальность.

12 апреля, Москва, Среда, 10 ч. утра

Совсем без опоры. Как живу не знаю. Только инерция.

16 апреля, Мозжинка, Воскр[есенье], 12 ч. д[ня]

Прошли «мартовские иды» по юлианскому календарю. Боюсь я этих ид. Столько смертей родных. На этот раз иды закончились очень знаменательно.

Нарастают, по-видимому, еще большие социальные сдвиги, чем раньше. Весь мир зашевелился и идет volens nolens к коммунизму. Железная сосредоточенность и направленность коммунизма преодолевает все. Для спокойной, стройной жизни требуется полный резонанс «я» и этого потока.

Веду трудную жизнь. Побеждаю грипп с насморком, трудность дышать, высиживаю часов по 12 ежедневно «в присутствиях». На Академию все

* Мыслители (*фр*).

больше внимания и все больше к ней требований. Спрашивают обо всем на свет[е], о возникновении Солнечной системы, об учении Марра, о лесных делах, о нефти, о химических заводах, приборостроении, землетрясениях. Наряду с этим важным делом свистопляска предстоящих выборов в Академию. Ломятся все, а настоящие критерии совсем неоднозначны.

Жалобы, анонимные письма, «критика» без руля и без ветрил. Причина которой или повод – групповые склоки. Заседания то тут то там. В институте, в издательствах.

Встаю в восьмом часу, в 10-м утра в Институте и возвращаюсь домой около десяти, разбитый, никуда негодный, «живой труп».

С ужасом вижу, что еле цепляюсь за науку. Некогда думать, писать, сидеть за экспериментальным столом, остается кажущаяся авторитетность. А в этом – основной стимул существования.

В вечной тревоге и неуверенности за завтрашний день. Людей кругом нет – пустыня. Вижу изредка Борю, Б.М. Себенцова. Только Олюшка, и с ней никак не можем договориться.

Вот по всему это[му] трудно.

А здесь медленно наступает весна. 10° тепла, облака, прыгает много лягушек, птицы, природа просыпается. Скоро на дачу приезжает маленький Сережа. Как же вдохнуть жизнь в самого себя?

20 апреля. Москва. Четв[ерг], 9 ч. у[тра]

Вчера на немецком кладбище похоронили Анну Илларионовну Строгонову. Она была очень хорошим человеком, с которым всем легче жилось в Институте, жилось как людям.

Стоял над могилой, смотрел на черные мраморные немецкие памятники, и безотрадные мысли вставали и исчезали. Какой-то «неминучий» клубок. Обезумевшая Вера Павловна 80 лет, ходящая по дому. Труп Анны Илларионовны. Дома – приехали Соня с Сережей. Но даже Сережа кажется маленькой заводной игрушкой, впитывающей чужие слова, понятия и жесты. Смерть кажется простым, элементарным, совсем не страшным эпизодом.

Надо крепко зацепиться. Иначе повис в пространстве. Спасение только в творческой работе.

Собственная машина – слабеет и можно предполагать, что случится то же, что и с А.И.

23 апреля. Мозжинка. Воскр[есенье], 6 ч. в[ечера]

Неожиданное лето. Сегодня 20 градусов в тени, хотя зелени почти еще нет, природа еле просыпается.

Усталый, подавленный и, по-видимому, больной, еле движусь. Неотвязчиво сознание о крайней ограниченности этого сознания кругом. Собачка Пушок, оскаливающая зубы на маленького Сережу, лающая на него – просто декартовская машина. То же и щегол, которого выпустили из клетки в еловый лес в овраге, мало чем отличается от заводных игрушек. Сережа тоже почти в такой же фазе. Люди кругом и сам я стиснуты со всех сторон, и «душа» такая маленькая и вспомогательная, что ее почти не чувствуешь. Большая

душа, широкое сознание? У кого? У Гете, Леонардо, Ньютона, Пушкина? Шире несомненно, чем у других, но ограниченность налицо и здесь. Ступени, ступени и не очень высокие. Куда же они ведут? Думаю, сейчас никуда. Может быть, через тысячу лет «будете яко боги». А сейчас тяжело, все время сознание невозможности прыгнуть выше самого себя.

Первая, слишком ранняя гроза с большим дождем.

В душе совсем замерло творческое, и это для меня почти небытие.

30 апреля, Мозжинка. Воскр[есенье], 8 ч. в[ечера]

Вчера приехал сюда в 1-ом часу ночи. Нестерпимая мозаика дерганий, от самого себя почти ничего не остается. Автомат с «электрической памятью». Не рассматриваемые давно важные финансовые дела Академии. Склоки. Разгар самолюбий и животных страстей вокруг выборов в Академию. Три дня многочасовых заседаний в Обществе. Энциклопедия. Голова моя больная, беспо[мо]щная.

Сейчас усталость, прострация. Несмотря на зелень и Солнце холодает и чувствую, что пробирается озноб. Завтра утром поеду на демонстрацию. На даче съехались все. Виктор, Соня, Сережа, Наташа Строгонова, дочка Анны Илларионовны. Стол завален книгами о чем угодно. Механически читаю, но ничего творчески задевающего. Поддерживает хорошая музыка. Через нее какая-то связь с миром.

Мозжинка, 1 мая. Пон[едельник]. 8 ч. в[ечера]

В 4 часа вернулся с демонстрации на Кр[асной] площади. Поток намагниченных людей – непреодолимая сила. Разговоры с Г.М. Поповым – о строительстве, с Бенедиктовым – о Бошьяне и его чудесах[1]. С «философами» Александровым и Митиным совсем не о философских делах, с Горшениным о юридической Академии. Еле выбрался к машине при помощи Кафтана*. Солнце, но утром было 3°.

Сейчас усталый, ни на что не способный, за глупым, детективным романом, и слушаю глупую музыку по радио. «Жизненная сила» из меня уходит, обращаюсь в пустопорожнего человека с навыками и привычками, в машину.

Мозжинка, 2 мая. Вт[орник]. 11 ч. в[ечера]

Минор. Плохо дышится. Озноб. На улице ярко, солнечно, но холодно. Почему-то кажется, что жизнь моя скоро кончится. День грустный и пустой. Визит в «философский тупик» к Митину, прибывшему на праздники из Бухареста и угощающему румынскими и венгерскими винами. Тут же Г.Ф. Александров. Философия, к сожалению, в кавычках.

День прошел: детективный роман, разговоры, немного дела, совсем пустая голова и меланхолия.

---

* Так у Вавилова. Имеется в виду Кафтанов С.В.

Мозжинка, 7 мая. Воскр[есенье], 7 ч. в[ечера]

Вдруг довольно ясное чувство старости, приближения к концу. При этом полное спокойствие и, если не радость, то удовлетворение.

Человеческое сознание, оказывается, может (сужу по собственному примеру) стремиться поглядеть на все вне себя. Занять какую-то внешнюю к самому себе точку зрения. Мой вывод – важнейший, хотя совершенно простой и очень у меня старый (под елкой в Узком во время дождя). Он состоит в том, что 1) сознание несомненно существует и совершенствуется в живом мире, следовательно, биологически оно нужно и действенно. 2) Потому есть новый фактор воздействия в природе, в естествознании до сих пор не учитывавшийся. Отсюда не следует ни «души», ни «бессмертия», ни «Бога», но все же что-то важнейшее следует, чего до сих пор не принимали во внимание.

Дни мои влачу мучительно. Прежде всего физически. И потом целыми днями сплошные неприятные дела и разговоры. Перипетии с рекомендуемыми выборными списками в Академии. Хождения по заседаниям, высиживание в кулуарах. За исключением очень немногих «научных» разговоров в лаборатории – все остальное тяжко. Жизнь беспросветная. Интервал только сон.

Холодная, сухая солнечная весна. Маленький Сережа. Складывающееся сознание, пока самое элементарное.

Я не думал, что придется так трудно жить при внешнем архиблагополучии и почете. Спасение по-прежнему только в пробуждении творчества. Для этого нужно время и силы.

Мозжинка, 13 мая. Воскр[есенье]*. 8 ч. в[ечера]

Писать не хочется, потому что все не хорошо, сознание не удовлетворенное и встревоженное.

Неделя хлопот о сессии. Чаепития с академиками для согласования кандидатов. А затем 1½-часовой разговор с Г.М. Маленковым и выборы отложены. Языковеды. Физиологи. Химики с войной против резонанса.

Каждый день часов 12 непрерывная череда заседаний, разговоров, телефонных звонков простых и вертушечных. Без настоящих помощников. Люди кругом: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Оглядываюсь на прожитую жизнь. Как мало настоящих людей встречалось. За всю жизнь десятка два. Остальные [–] звер[ь]ки примитивные. Вчера такой разговор с Н.С. Державиным. И смешно и противно. Или Е.А. Толмачева с длинными сплетнями о В.И. Павлове. Доносы о «псаломщике» Бельчикове. Помои.

---

* Описка Вавилова. Должно быть «суббота».

Дома ходит древняя Вера Павловна, потерявшая память и разум. Страшная картина жизни с уходящим сознанием. Воплощенное доказательство беспочвенности мечтаний о бессмертии и о вторичности сознания.

Здесь на даче бегает маленький Сережа с медленно нарождающимся сознанием, еще без памяти, с репродукционным автоматизмом.

Между этими крайностями – я. Сознание налицо, но сознание, вырывающееся за дозволенные пределы, оглядывающееся само на себя, пытающееся тщетно оторваться от самого себя, ото всего и «объективно» на все взглянуть.

Проблема сознания, это основное и наиболее интересное, в чем хотелось бы разобраться перед смертью.

Холодная весна. У преждевременно расцветшей земляники черные, зловещие сердцевинки от морозных утренников.

В радио – Бах и так хорошо бы незаметно под эти звуки растаять, как облако.

20 мая. Москва. Субб[ота]. 10 ч. у[тра]

Вчера тихо сходящая с ума Вера Павловна сказала про себя: «Живу так, как будто бы меня нет». Такой же переход в «объективное» существование в сущности и со мной происходит. Летящий камень. Чуть-чуть сознающий свое падение. «Я», сознание – разлетаются, как дым.

21 мая. Мозжинка. Воскр[есенье]. 7 ч. в[ечера]

Жаркий день. На столе наконец сирень и ландыши. Птицы. Из радио – Бах. А на душе (которой нет) очень тяжело. Философия сознания, будто бы вырвавшегося из самого себя и на себя «сверху» оглядывающегося. Фактически: сошел с предуста[но]вленных рельс, по которым все движутся, и очень часто нужно большое усилие, чтобы найти общий язык. Совсем не «сверхчеловек», а просто «не-человек».

Прошла академическая сессия, на которой пришлось faire bonne mine à mauvais jeu* по поводу отмененных выборов. Опять повидал уважаемых коллег. Совсем мало настоящих, действительно куда-то совсем по-новому прорывающихся.

Ц.К. – предстоит биологическая сессия по поводу павловского учения. Два дня потогонного заседания непрерывно по 8 ч. Совета по координации. Что-то вроде церковной службы: «Помилое, помилое»…

Задавлен листами Энциклопедии, рукописями, письмами. Для творчества – пустое место и чувствую как оскудеваю, превращаюсь в болвана.

Ездил в «Абрамцево», где устраивает музей Н.П. Пахомов. «Все в прошлом», помесь помещиков, купцов, поэтов и художников. По дороге раз-

* Делать хорошую мину при плохой игре (*фр.*)

валивающиеся остатки старой Руси. Церкви, Хотьковский монастырь. Березки, ели.

Тут бегает маленький Сережа, Олюшка и я сижу отупелый.

Гроза. Сначала чиркнула в радио и понемножку находит.

Ленинград, 23 мая. Вт[орник], 11 ч. в[ечера]

Опять благородная ширина Невы. Золотая крыша и шпиль Петропавловской крепости. Я – совсем не тот. Чувство неустойчивости, изменчивости. «Di domań non c'è certezza»*. Тревога и никакой почвы.

«Вторая сигнальная система» Павлова. Всегда привычки, условности слова, образы, понятия, наяву, во сне. Но достаточно толчка, для того чтобы привычки эти разлетались бесследно. А кроме этого – ничего.

Виктор с Соней все переставили на квартире. Моя комната на месте прежней комнаты Виктора. Как будто здесь стало чужое. В бездарном, бессистемном раздумье.

Ленинград, 24 мая. Среда 11 ч. в[ечера]

Калейдоскоп людей в Опт[ическом] институте и в Академии. Все чего-то просят явно или скрыто, потому что «вельможа». К сожалению, в душе беспомощность и бессилие. Хотелось бы подняться, сделать большое-большое для людей, но получается мелочь. Ворона в павлиньих перьях.

Вечером был в книжной лавке. Много книг в изумительных переплетах, изумительной сохранности. Где-то тихо жили, надеясь на вечное спокойствие. Но вот буря. Революционная буря – это и есть смысл бытия. Нужно попасть в фазу этого вихря. Но так долго, трудно было понять и на каждом шагу [–] дрянь, мелочь, полное противоречие смыслу революции.

Сижу сейчас усталый, измученный, бессильный. В окно – петровские «двенадцать коллегий[»]. Если бы на вещах застревала душа прошедшего.

Ленинград, 25 мая. Четв[ерг] 11 ч. в[ечера]

Зацепилась мысль о громадном значении образов, понятий, слов в человеческом сознании. Роль этих, как будто бы совсем условных, случайных, человеческих элементов громадна даже в сравнении с китами познания, опытом и разумом. Критика чистого разума, критика чистого опыта, но ведь наряду с этой критикой должна быть критика образов, понятий, слов. Они и определяют особенность познания, его успехи и неуспехи, в них с громадною силою сказывается влияние общества, экономики и пр. В отличие от «чистых» разума и опыта, образы, понятия, слова совсем «не чистые», они относительные, меняются, разные у негра и европейца, ребенка и взрослого, образованного и необразованного.

---

* В день грядущий веры нет (*ит.*).

Ездил сегодня в Ц[арское] Село с воскресающим Александровским дворцом, Пушкинским музеем, прекрасной «солидностью», густой зеленью, кабинетом Николая II, какой-то сгусток поэзии, истории, трагедии. Чувство удовлетворения, что помог воскресению этой тени прошлого. Какая-то кажущаяся зацепка за вечность. На самом деле совершенно искусственный образ.

Воскресающее Пулково. Здесь мало веры. Бездарная фигура А.А. Михайлова, медленная стройка, грязь и глаз еще ни на чем не фиксируется.

Кирпичный завод Академстроевский. Допотопное сооружение, вокруг которого неумеющие люди. Здесь Елена Ивановна и опять тени прошлого, образы. Николай.

А в итоге в голове чудовищна[я] мозаика, механическая смесь, усталость и полное отсутствие творчества.

В окно холодна[я] белая ночь.

Ленинград, 26 мая. Пятн[ица]. 11 ч. в[ечера]

Ко всему здесь – особая меланхолия от людей и предметов. В домах, в людях слишком говорит прошлое, умершее.

Здесь на квартире вспоминаются Рождественский, Николай, Миша Хвостов, отец. Все предметы: стулья, картины из прошлого. Пресненский стол, который матушка покупала больше 40 лет [назад]. Маленький шкаф, в котором 50 лет тому назад укладывались книги Николая и мои. Прошлое в здании Академии, в улицах. В Москве этого нет.

Сегодня опять нескончаемая очередь тяжелых разговоров в Опт[ическом] Институте. Теренин, Чехматаев, Севченко-Переносица. Ловят на каждом повороте. Мозг все время вынужден переключаться. Архив со стариной, в которую проникают гаденькие страсти. Геол[ог]ический, почвенный музей в громадных сводчатых залах (и везде питерская элегическая грусть). Заседание комиссии по истории ф[изико]-м[атематических] наук с бездарным докладом старика Шателена о Якоби и доклад Спасского о счетах. Сегодня – в Москву.

Мозжинка, 28 мая. Воск[ресенье], 12 ч. д[ня]

Жалкое привидение Троицына дня. Давно перестали его праздновать. Впрочем, Сережина няня Паша пошла в Звенигород в древний собор на Городище к обедне.

Здесь кажущийся остров. Людей, кроме своих, не видно. Уютная зеленая стена кустов орешника, дубков, цветущей сирени, темных елок. Вдали мелкая, совсем обмелевшая Москва-река.

На столе толстая книга 1915 г. об истории прохоровской фабрики с фотографиями деда Никиты Васильевича Васильева, Теребина и многих пресненских людей. Словно через окно заглянул в прошлое полвека назад.

Радио – Гайдн из Швейцарии. Это все – занавес. А за занавесом книг клокочет Москва. Академические сложности и безвыходности. Финансы. Предложение выбирать министров в академики. Предстоящее судилище в

Сталинском комитете над Г.Д. Латышевым[1], институт, энциклопедия, общество. Все кружится, все тянет несчастную математическую точку – меня, потерявшего творчество, т.е. себя самого.

Мозжинка, 4 июня. Воскр[есенье]. 7 ч. в[ечера]

После недельного конвейера заседаний в Сталинском комитете по латышевским делам, в Ц.К. по орбелиевским, у Зверева по финансовым, усталый, разбитый, измученный читаю n+1 книжку о Джо[р]джоне Морасси вместо детективного романа. Май был весь холодный, по ночам от 0 до 4°. Июнь начинается так же. Цветы, сирень, тюльпаны стоят замороженными и неделями не отцветают. Все время здесь топят печки.

За неделю нового ничего по существу не прибавилось. Усугубилось и обострилось то, что намечалось раньше. Кажется мне, что я близок к концу (физически, сердце, дыхание).

Здесь несмотря на всю зеленую весеннюю красоту чувствуется меланхолия.

А между тем мне больше чем когда-либо для работы нужны силы, ум и выдержка. Задачи огромные. Наша наука может стать чудесной силой.

Мозжинка, 11 июня. Воскр[есенье], 12 ч. д[ня]

Льет с утра дождь. В даче – за книгами. Сад в цветах. В сознании зияющая пустота. Атрофируются все жизненные зацепки, стремления, желания. Осталось «объективистское» созерцание, не интегрирующее. Перелистываю новые физические журналы, старые книжки по истории, по искусству, читаю детективные романы и «все течет» – ничего не остается. Голое, не заинтересованное сознание, не переходящее в дело, в активность. Очень странное состояние. Таков диагноз.

Неделя: мозаика заседаний, непрерывных неприятных дел, усталости и полной творческой импотентности. Объективное бытие и не только у меня, но и у других. Нужна бы тишина, уверенность в завтрашнем дне, сосредоточенность мысли.

Мозжинка, 18 июня. Воскр[есенье], 11 ч. д[ня]

Каждое утро рано просыпаюсь, но не хочется начинать жить, перспективы тяжелые, тягучие и часто фальшивые. Наоборот, с облегчением каждый день засыпаю, выключаюсь на 7 часов.

* * *

На «ЗиС»е из Москвы сюда. Каждый раз «минувшее проходит предо мною»[1]. Кунцево, следы Богдановки. Жалкие следы пруда на шоссе, на котором купались с Николаем и дворником Павлом. В этом пруду научился плавать. 20-ая верста (теперешняя Баковка), старые деревья Гусевой Полосы, около которой целые облака «формировавших» воспоминаний. Научная философия, Борис, японская война, Цусима, 1906 год. Дальше: Голицыно, дорога в Звенигород, по которой когда-то ехали в монастырь из Гусевой Полосы.

* * *

Все время дождь и холод, с конца апреля. Лето еще не начиналось. Утром здесь весенний парадиз. Для глаз – свежая зелень, густая трава, цветы, начинающиеся розы. Для ушей – птицы, еще соловьи. Для носа – запах трав, деревьев и цветов. Все вместе прелестное целое. Но только дышать трудно и больная голова. Начинаю разваливаться.

* * *

Неделя: заседания в Верх[овном] Совете в меняющейся компании Российского, Тарасовой, Несмеянова, Леонова. Шагание через Кремль, от Спасских [ворот] до Дворца. То же минувшее, но только причесанное и принявшее новый смысл. В Академии подготовка к физиологической дискуссии и бесконечная цепь неприятных вещей, строительных, денежных. И очень мало науки. Надвигающаяся неприятность – путешествие в Берлин на 250-летний юбилей Прусской Академии.

Ленинград, 21 июня. Ср[еда]. 12 ч. н[очи]

В окно белая ночь со своим мертвенным холодом и бледностью, превращающими улицы в Помпею, а людей [–] в выходцев с того света.

Дома больной Виктор, повредивший ногу на мотоциклетке. В Опт[ическом] Ин[ститу]те болен Феофилов и в лаборатории разброд.

На квартире пустынно и очень грустно. В поезде – разговоры с Павловским и Гребенщиковым. Позади, в Москве все кипит. Статья Сталина об языкознании: «А король-то голый». Эту истину позволительно открывать великим людям и младенцам. На душе очень тревожно, никакой устойчивости и самые смутные перспективы.

Ленинград, 22 июня. Четв[ерг]. 12 ч. н[очи]

Девять лет назад в этих комнатах, повернув в 7 ч. утра радио, узнал о гитлеровской сумасшедшей авантюре.

В ГОИ – неуютно. Продолжается чехматаевская «трагедия». Надо бы ему уходить. В лаборатории кипят авторские самолюбия.

В Академии очередь «гуманитарных» академиков, начиная от Мещанинова.

Дома усталость, грусть, больная голова. Виктор с больной головой. Тишина. Старые книги, старые вещи, дыхание прошлого. В окно белая ночь. Готовлю физиологическое «вступительное слово» и нет времени и сил для настоящего.

Ленинград, 23 июня. Пятн[ица]. 11 ч. в[ечера]

Сегодня уезжаю опять усталый, задерганный, растревоженный. Пристают на каждом шагу. Звоню райкомше Цветиной, заступаясь за Демкину, которая наскандалила в Эстонии, пишу бесчисленные депутатские записки. Семинар, на ходу научные разговоры. Попытки Севченко выйти в люди.

Украденное пальто у Пантелли – целились украсть у меня. Жулик – высокого класса, в совокупности уже имеет 125 лет. Визит в Смольный, к Козлову и Алексееву. Осмотр мамонта. Питерские взрытые улицы (проводят газ). Жарко. Но как-то грустно в городе, словно он в болото опускается.

Мозжинка, 25 июня, Воскр[есенье]. 2 ч. д[ня]

Полно цветов, клубники, земляники. Бегает маленький Сережа, в которого ум влезает все больше.

А я искалеченный, еле дышу, проверяю «вступительное слово»[1], смотрю журналы, впереди Энциклопедия, бездарные казенные рукописи. Деквалифицируюсь, глупею, слабею. Философия? Павловская. Сегодня во сне ни с того ни с сего Цезарь Кюи в генеральском мундире. Где-то стало бы[ть] в недрах мозговых покоился. Вторая сигнальная система.

Будущее? Совсем туманно и совсем не заманчиво.

Мозжинка, 2 июля. Воскр[есенье]. 1 ч. д[ня]

Почти всю неделю, днем и вечером перед глазами наполненный зал Дома Ученых. Ломятся как на футбол. Физиологическая сессия. Утром (через многие часы) на сетчатке рельефные отпечатки человеческих лиц с глазами и ушами. [(] Это давнее мое наблюдение]. Многие сотни павловских систем, машин с условными рефлексами и сигнальными системами. Впечатление многоголовой бездарности. Вспоминаю 40 лет назад, «Благородное Собрание», 12-й съезд естествоиспытателей, я – студент первого курса – распорядитель. В задних рядах на эстраде. Павлов вроде седого льва. «Естествознание и мозг», новые обещающие, гениальные слова, которые тогда плохо понимал, но чувствовалась «молния». А сейчас бездарная, аморальная толпа без новых мыслей.

Вчера – «языкознание». Сначала у т. Маленкова, затем экстренный Президиум. Низложение «Аракчеевых» – Мещанинова, Сердюченко, Филина.

В голове у меня – хаос, усталость, меланхолия.

Сейчас ходили с Олюшкой по лесу, часа полтора. Безмысленно.

Приехал Виктор из Питера. Три поколения: маленький Сережа, молодые – под 30 и я – почти 60. Совсем разные взгляды на все. А впрочем – павловская машина. Не лучше ли приглушить все «свое» и что «случается, должно было случиться».

В газетах и по радио – Корея.

Жить осталось мало и хотелось бы дать, оставить большое, но жизнь тянет, волочит, превращая в автоматический телефон.

Мозжинка, 9 июля. Воскр[есенье]. 8 ч. в[ечера]

Еще неделя. Разбитый и одурелый. Физиологическая сессия. Языкознание. Востоковедение. Алихановы. Сотни неприятных мелочей и в голове ничего творческого.

Перед глазами постоянная картина: 86-летняя Вера Павловна, потерявшая разум, но живая и крепкая. Жизнь без здорового сознания, без надежды

его возвращения. Жизнь ничего не стоящая, мучительная для окружающих. Здесь на Мозжинке двухлетний Сережа. Сознание на том же уровне, но растущее. Я сам – в середине между этим концом и этим началом.

Вывод: необходимо творческое наполнение сознания. Без этого все мучительно и не нужно.

Через неделю мне дали отпуск. Испытание. Сумею ли встать на творческую дорогу?

Здесь – розы, синие дельфин[и]умы. Цветы, трава, небо. Но голова больная, тупая.

Виктор с Соней уезжают на Кавказ.

Москва, 12 июля. Ср[еда]. 9 ч. у[тра]

От Виктора с Соней до сих пор нет телеграммы (они улетели утром в понедельник). Во сне и сейчас мерещатся страшные вещи. Из жизни других составлена собственная жизнь.

Нестерпимо тяжело.

Мозжинка*, 16 июля. Воскр[есенье]. 9 ч. в[ечера]

Сегодня начался отпуск. Три дня небо облачное, ветер, дож[д]ь, холодно, сыро. Набухшие розы. Трудно дышется.

Вчера еле вырвался. Да и вырвался ли. Каждый день что-нибудь может произойти: вейерштрассовская кривая без производной.

Начинаю отпуск в разбитом, усталом, бесперспективном состоянии, но хочется в эти дни наверстать, работать, думать, вернуться к творчеству.

Сегодня прочел «Тимея». Бездарно. Материализм наоборот. Психея двух- или трехэтажная, созидающая все до кишок. Конкретное без выдумки, без остроумения, без предугадывания.

Вчера даже последние часы перед отпуском испор[ч]енные. Н.В. Цицын завозил в Немчиновку смотреть многолетнюю пшеницу. Примитивные с[ельско-]х[озяйственные] мысли и разговоры.

Мозжинка, 17 июля. Пон[едельник]. 9 ч. в[ечера]

В состоянии прострации. Отпускного настроения пока нет. Каждую минуту и здесь боюсь телефонного звонка или тревожной машины.

Творческая мысль пока не просыпается.

Утром хорошая погода. Ходили в лес, изредка попадаются грибы. Прохладно.

Сегодня de jure кончились мои президентские полномочия. Просидел на этом скользском месте ровно пять лет. Теперь остаюсь «сверхсрочником». С какой бы радостью ушел бы я сейчас в лабораторию и кабинет для выполнения в последние годы своих творческих обязанностей перед людьми. Сейчас дождь и опять холодно. Война в Корее.

* Слово «Мозжинка» вписано над строкой вместо зачеркнутого «Москва».

Мозжинка, 18 июля. Вт[орник]. 11 ч. в[ечера]

Солнечный, но прохладный с ветром день. Ходили с Олюшкой и Н.В. Милановской в Ершово. Старенькая березовая аллея. Зачарованный парк с трехсотлетними дубами и липами, разрушенным домом, как в сказке Перро. Получается совсем преувеличенное, поэтизированное представление о бывших владельцах Олсуфьевых, от которых, кажется, ничего, кроме этого парка и не осталось.

Потом разбирал книги наверху. Потом мучился над неприятной статье[й]. Но в целом машина без творчества. Грустно.

Мозжинка, 19 июля. Ср[еда]. 7 ч. в[ечера]

Странное, машинное состояние. Говорю, хожу, читаю, сплю. Но все механическое, трафаретное, словно не я, а кто-то другой за меня делает. Мечтаю о творческом прорыве этой стенки. Без него существование тягостное, розы не розы и вся прелесть летнего сада, неба, дали пропадает.

Сегодня выжимал из себя механическую статью. Олюшка уехала. Один да Сережа. На дворе идиллия. «Пушка» раздавила машина, а ее* потомок Топка двух месяцев играет с рыжим котом, а Сережа боится того и другого.

Метеорологи предсказывали жаркую погоду. Несчастная наука. Дождь, ветер, холодно. Холодная гроза.

Мозжинка, 20 июля. Четв[ерг]. 8 ч. в[ечера]

Целый день дождь, сумрачные тучи, 15 градусов. Невиданный июль.

Казалось, [стоит] уйти из города, из академического омута и творчество проснется. Пятый день – нет этого. Работаю, но механически. Сегодня до обеда перелицовывал старые энциклопедические статьи для нового издания Энциклопедии. А в остальном, в голове пустыня.

21 июля, Мозжинка. Пятн[ица]. 10 ч. в[ечера]

Тоже. Целый день возился с будущей физической книгой, которую начал в прошлом году[1]. Но никакого подъема – одни килограммметры.

День наконец солнечный и барометр подымается. В саду и вдали красиво и уютно.

Сон беспокойный. Мерещатся бездарные академические урывки, словно бестолковое звучание оркестра перед началом.

На свете что-то вроде детективного романа.

Отпуск. О нем мечтал весь год. Но пока бездарно, с усталостью и впереди невеселые перспективы.

22 июля, Мозжинка. Субб[ота]. 10 ч. в[ечера]

День сегодня сияющий (но без жары). Пробирались с Олюшкой часа три через леса и овраги за дачей. Льяносы и пампасы с сыроежками похожими на белые грибы.

---

* Так у Вавилова.

А в остальном день пустой, даже не отдыхательный. Немного, но плохо возился с книгой. Нового в голове нет. Ясное чувство собственной малоценности. Не будет – ничего не случится. Смотрю на написанное, большого духа живого нет. Много литературы и актерства. Жизнь кажется не загадкой, а такой примитивной, односложной. Немудреная механика. С такой философией так просто умирать.

На свете – тучи и может разразиться опять война.

Мозжинка, 23 июля. Воскр[есенье]. 3 ч.

Сияющий день. В тени 19°. Зелень, розы, синие дельфиниумы, голубое небо с перламутровыми облаками. Тишь. Никого постороннего. Олюшка да маленький Сережа. Никто не звонит. Пытаюсь что-то писать.

Verweite doch, du bist so schön*. Но несомненно, что вот-вот и все это изменится в дождь, в тучи, в деловых посетителей, в усталость и безнадежность.

Но в конце концов хорошо, что это есть и что это было.

Мозжинка, 24 июля. Пон[едельник]. 2 ч. д[ня]

Ольгин день. Олюшка именинница. Солнце снова сияет. В добавок к розам и дельфиниумам как по команде раскрылись маки красные. Уютная тихая даль за рекой. Зелено. Сияет. Dolce far niente*. ⟨Нрзб.⟩ сижу за книгой и правил корректуру статьи, будто бы написанной мной. Моего там не больше половины. Статью принес Г.Ф. Александров – верх и предел благонамеренности. Подарил Олюшке много питерских безделушек. С ними легче жить.

Часто задумываюсь о снах. Странная подсознательная психическая кухня. Сегодня, например, весьма детально и обстоятельно (с техническими подробностями) видел во сне акустическую запись соловьиного пения да еще horribile dictu2* в сопровождении скрипки. Длинно и последовательно. Значит вне «я» идет заготовление целых драматических произведений.

К вечеру грустно стало. Перед глазами ледяная бездонная пустота.

Мозжинка, 25 июля. Вт[орник]. 11 ч. в[ечера]

Сегодня 30 лет нашей свадьбы с Олюшкой. Целая жизнь прожита. В среднем, в основном, в главном прожили хорошо, помогли друг другу. Вместе жить было менее страшно. Помогли друг другу раскрыть себя самих. Вернее, стали другими под взаимным влиянием, лучше стали. Есть Виктор, есть Сережа. Что с ними будет не знаю, но помогали им расти куда надо.

---

* Остановись мгновенье, ты прекрасно (*нем.*).

* Сладкое ничегонеделание (*ит.*).

2* Страшно сказать (*лат.*).

Жаркий июльский день. Первый такой за все лето. Все красуется и так хотелось бы стать хорошим художником, чтобы все это удержать.

Гости – дамы, да Н.П. Пахомов. Они не мешали.

В общем: главное в жизни, по-видимому, сделано, остается доживать. Человек такой маленький перед громадой неизвестности будущего.

Мозжинка, 26 июля. Ср[еда]. 11 ч. в[ечера]

Был в Москве часов восемь. Умер Р.К. Карахан, книжник, директор книжного отдела. Лет 19 знал его в самые разные эпохи. Таких людей книжных теперь больше не осталось. Умер нежданно в Узком. Инфаркт. Просто «чик». Жизнь становится похожей на существование комара. «Я» действительно – облако. Часа три был [в] Институте. Тихо и бездарно, чудеса только у Мандельштама (периодические колебания фототока при больших освещенностях). В моей голове ничего нет. Только безнадежное отчаяние, апатия и пус[т]ота. Сейчас дождь и гроза.

Мозжинка, 27 июля. Четв[ерг]. 12 ч. в[ечера]

Хороший день, несмотря на дождь и тучи. Отдых от Москвы. Хорошие книги, которые привез из Москвы. Наконец справился с прошлогодними расчетами и нашел ошибку, путь дальше открыт. Радио – Бах, одно из счастий на земле. Тишина, цветы. Нужно ли что-нибудь еще? Нет, если бы не горизонты и совсем непонятное будущее. А кроме того, вспомина[ю] Карахана, миг и нет и все построение, все перспективы сразу ничто.

Мозжинка, 28 июля. 11 ч. в[ечера]

Последние дни довольно полные. Сегодня кое-что сделал еще по деполяризации. Прилетели из Гагр Виктор с Соней. Хорошая книжка о Palazzo Veachio. В радио все время Бах (200 лет со дня смерти). Под музыку Баха хотелось бы и жить и умирать. В XVIII веке она, конечно, воспринималась совсем иначе. Сейчас в ней самая поразительная размеренная элегия. Спокойно, равномерно шествуя, размышляя, приближ[а]ется к неизбежному концу. Соединение стройности, спокойствия, даже радости, с элегией, с неизбежностью – таков Бах для меня.

Мозжинка, 29 июля. 12 ч. в[ечера]

День холодный и снаружи и изнутри. Опять застрял в расчетах, снова убеждаясь в собственной слабости. Шатался бестолково, читал мало, думал мало. День, от которого следа не остается.

Мозжинка, 30 июля. Воскр[есенье]. 1 ч. д[ня]

Все наполнено, все пронизано светом июльским, но совсем не жарким. Ходили больше двух часов по лесу за оврагом. С трудом поднялся в гору, схватило в груди почти до тошноты (вероятно, первые признаки предстоящего конца). Темно-зеленые, серо-синие старые задумчивые ели, поляны, которые должны бы быть грибными. Лесная тишь и глушь, пронзенная солнцем.

Вернулись из леса. Бах. Чудное дело эта стройна[я], периодическая, размеренная безысходная печаль и меланхолия Баха. Звуки льются из-под дюреровской «Меланхолии» и спаиваются с нею в одно.

О самом себе не думаю. Все это отражение внешнего. Я только зеркало. Сам по себе почти ничто.

Мозжинка, 31 июля. Пон[едельник]. 12 ч. в[ечера]

Приехали всем семейством, намереваясь завтра направиться к Троице. Целый день дождь. Шансы на завтра малые.

Треть отпуска закончилась. Я много работал, много думал, сегодня закончил плохенькую статью для «Докладов».

Думы печальные. Ясна случайность самого себя, мог бы и не быть, могу быть каждую минуту раздавленным, как Карахан, как другие. Lebensfreude* отсутствует. Жизнь несу как долг, как обязанность и каждый прожитый день провожаю с удовольствием. Еще одним днем меньше. Трудно так жить. Да и машина собственная разваливается. Чувствую теперь это постоянно. Зачем навалились на меня все чины и звания. Ненужный, досадный котил[ь]он.

Мозжинка*, 1 августа. Вт[орник]. 9 ч. в[ечера]

Ездили на роскошном ЗИС'е к Троице, помимо меня Олюшка, Катюшка, Виктор и Соня. Сложное, странное, противоречивое впечатление. Воспоминания. Бывал здесь с матушкой с пяти лет, т.е. помню около 55 лет, все эти соборы, башню, трапезную. Потом теперь ясно, что Троица был фокусом московской «философии», религиозности и культуры чуть ли не пятьсот лет. Здесь русские культурные геологические слои от 15-го века до 20-го. Притом в самом совершенном виде. Эти «покрывала», «плащаницы», иконы, рукописи, кресты, митры – верх умения, искусства, духовности.

Сейчас искусственно воскрешенные монахи, которые бродят, как тени, среди подкрашиваемых и реставрируемых церквей. Помню лет десять назад мощи преподобного Сергия в виде кучки костей под стеклом музея. Теперь опять роскошная рака, лампады, монахи, прикладывающиеся. Спектакль? Нет, по-видимому, многи[е] несут сюда самое важное для них.

А кругом по-прежнему много грязи, хаоса, бестолковщины, нищих, как в XVI веке.

Из памяти не выходит покрывало с вышитым Преподобным половины XV века. Смотрит умное, доброе русское старое лицо.

Все плюсы и минусы русские. Вернулись усталые. Снова дождь, а в душе меланхолия.

Мозжинка. Среда, 2 авг[уста], 12 ч. в[ечера]

Ильин день. Лихорадочный день; дожди и солнце. Холодно. Сидел над книгой. Прислали обкурыженную статью для «Правды» – исправлял[1]. Олюшка вор[ч]ит и сердится. Почему-то очень тяжело, тяжело.

---

* Радость жизни (*нем.*).

* Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого «Москва».

Мозжинка, 3 августа. Четв[ерг]. 12 ч. в[ечера]

Опять лихорадочная погода, метание между солнцем и дождем. Словно вспомнив, что вчера был Ильин день, сегодня природа устроила минутную грозу. Не помню такого мокрого и холодного лета. Сейчас еще доцветают кой-какие весенние цветы вроде жасмина. Почти весь день писал книгу. Это все же творчество и остается хоть маленькое удовлетворение.

Для посторонних я странное чучело. Да и для самого себя.

В радио – Тарарабумбия из Монте Карло. А старый мир действительно при последнем издыхании.

Мозжинка, 4 августа. Пятн[ица]. 11 ч. в[ечера]

День без дождя. Солнечный и теплый. Работал над книгой целый день, немного читал Кардана. Завтра собираюсь ехать в Москву. Хочется так, чтобы каждый день отпуска был полный. Иногда кажется так, а на деле пустышка.

Мозжинка, 5 августа. Субб[ота]. 11 ч. в[ечера]

Часов восемь провел в Москве. Как и прошлый раз – покойник. Умер (тут же в Мозжинке) С.С. Наметкин, и опять это так просто.

В Москве трудно выносимые проволочные заграждения всяких безумных трудно[сте]й во всяком деле. В строительстве, в устройстве людей, в науке. Страшно трудно попасть в резонанс.

Ездил на стройку Института. Хорошего мало. Не основательно, не добротно. В Институте тоже невесело. Рыбье спокойствие Комара и Левшина. Звонил по вертушке на квартире в Общество, в Энциклопедию. Сумасшедшая Вера Павловна. Небо серое. Марево, к вечеру опять дождь. Читаю странную биографию Кардана. Помесь Челлини и Де Ла Порта. Гений – просто средний итальянский, который был у ⟨нрзб.⟩да и почти у всякого итальянца есть. Мыльный пузырь или что-то настоящее?

Мозжинка, 6 августа. Воск[есенье]. 12 ч. в[ечера]

Дождь целый день. Писал – написал страниц пять. С трудом читал Cardano. Гости: Шпольские, Грековы. Пустопорожние разговоры. Тяжелая голова. Безмыслие.

Мозжинка, 7 августа. Пон[едельник]. 12 ч. в[ечера]

В 8 ч. утра ходил на дачу Наметкина, выносили гроб. Сознание необычайно сложно, но ликвидируется оно просто. А вот вижу как оно понемножку зарождается у Сережи.

Смотрел листы Энциклопедии. Статьи по борьбе за существование, ботанике. Лысенко. Боже мой, как это грустно и стыдно. Имени Николая нет нигде. Это лучше.

Целый день небо серое, иногда с дождем. Писал книгу. Чувствую, как день за днем проходит отпуск.

Мозжинка, 8 августа. Вт[орник]. 11 ч. в[ечера]

Утром сквозь сырость, туман и дождь наконец пробилось солнце. Ходили в лес за грибами. Первый раз за лето нашел белые грибы, три штуки. Потом – книга. Она надоела и хочется скорее кончить.

К вечеру опять дождь, гроза. Мир здесь так сузился. Маленький, маленький.

Мозжинка, 9 августа. Среда, 12 ч. в[ечера]

Совсем как в октябре. Часов до 4[-х]. Холодно, облака, дождь. С четырех небо раскрылось – солнце. Сейчас 9 градусов. Дописывал книгу. До сих пор не могу понять, терпимо это или очень скверно. Итог 30 лет. Не велик «сухой остаток». У Олюшки болит голова. Маленький капризничает. Никакой философии.

Мозжинка, 10 августа. Четв[ерг]. 12 ч. в[ечера]

Еще нет одного дня. Холодно, топили печь. Солнце, дождь. Вечером вышел, проскользнула, задев, летучая мышь.

Занимался книгой. Чем ближе к концу, тем она мне кажется сомнительной, хотя в ней значительная часть научной моей жизни.

Мозжинка, 11 августа. Пят[ница]. 12 ч. в[ечера]

10° утром. Холодно. Дождь. Редкое, совсем осеннее солнце. В связи ли с сыростью или с чем другим, сегодня по дороге от Скобельцыных сделалось мне скверно, боль в груди (аорта?), тошнота, головокружение, кровохарканье. Еле доплелся. Сигнал, но встречаю его спокойно, не без удовлетворенности. Река надулась так, как не было и в половодье.

Опять сидел над книгой. Кончаю. Засел на предисловии. Читаю «Геро[е]в» Карлейля, иногда гениально, иногда декламация и пустословие.

Мозжинка, 12 августа. Суб[бота]. 8 ч. в[ечера]

По причине вчерашнего происшествия на положении полубольного и вдруг почувствовал себя стариком.

Писал предисловие, оглавление и выдумывал название для книги.

Вернулся Виктор с полсотней уток, настреляных в Борке.

По-прежнему холодно и сыро и почему-то безнадежно грустно.

Мозжинка, 13 августа. Воскр[есенье]. 10 ч. в[ечера]

Погода сегодня хуже, чем за все лето. Дождь все время, непрестанно. Москва-река невиданно вздулась. Все цветы грустно, предсмертно поникли головами.

Большую часть дня сидел наверху опять за книжкой. Рядом Виктор. В голове нового ничего. Читал Pompei[1]. Как много общего и в сущности как мало изменились.

Мозжинка, 14 августа. Пон[едельник]. 10 ч. в[ечера]

По-прежнему дождь непрерывный. Холодно (12°), сыро. Невольная меланхолия. Занимался Энциклопедией, «Глазом и Солнцем», приезжал М.И. Соколов из Академии. Философии никакой, да и мыслей никаких. Серый безнадежный день. Завтра должен в Москву.

Мозжинка, 15 августа. Вт[орник]. 11 ч. в[ечера]

Был в Москве с 10 ч. утра до 7 вечера. Мучительно. Докторша Муза Аполлоновна потащила в Кремлевскую больницу: рентген, кардиограммы, кровяное давление, выстукивание и прочие церемонии. Раздевания и одевания. Пустословие и в сущности никакой помощи.

Потом Институт. Все – дипломаты, все с затаенными мыслями, все не уверены в завтрашнем дне. А о науке почти ни слова. По телефону со всеми магнатами. Академия. Бездарно, пусто. Угодить начальству, большего ничего.

Книжная лавка, Дом Ученых, где уже нет Карахана. Устал, сижу среди новых книг с рад[о]стной мыслью, что завтра ехать не надо в Москву.

К счастью, с 3 ч. погода стала меняться, наконец появилось солнце.

Мозжинка, 16 августа. Ср[еда]. 12 ч. в[ечера]

День почти без дождя, но я после вчерашних докторских консультаций считаюсь дома вроде больного, порошки, микстуры.

Сидел наверху, занимался своей книгой (рисунками и литературой). Пора с книгой кончать окончательно. Она взяла весь отпуск и голова совсем пустая.

Мозжинка, 17 августа. Четв[ерг]. 12 ч. в[ечера]

Сегодня работал над книгой так, что к вечеру просто устал. Но сегодня кончил. Удовлетворения, впрочем, нет. Наоборот, ощущение больших претензий, в сущности многого совершенно не ясного.

День сегодня наконец хороший, довольно теплый и солнечный, хотя днем дождь был.

Над книгой работа почти механическая – мыслей нет.

А на свете – того гляди опять война. У меня чувство оканчиваемой службы.

Мозжинка, 18 августа. Пят[ница]. 11 ч. в[ечера]

Еще одного дня нет. Отдыхал после книги. Прекрасный солнечный, теплый день, в этом году их было всего не больше десятка. Ездили с Виктором и Сережей в Звенигородские лавки (в них много всякой элементарной всячины). Подъезжали к несчастному, излом[а]нному, заплеванному монастырю. Была врачиха Муза Аполлоновна, утверждавшая, что у меня будто бы кончается воспаление легких. Порошки, микстуры, термометры. Больным себя не чувствую, вот только дышать трудно.

Мозжинка, 19 августа. Субб[ота]. 12 ч. в[ечера]

Отдых. На положении больного. Прекрасный солнечный жаркий день, помидоры стали зарумяниваться. Занят «идеологической» переделкой «Глаза и Солнца». Когда-то тема книжки мне приснилась во сне. Потом «Воспоминания». Пора их писать[1]. Осталось, по-видимому, жить не долго. А молодые кругом совсем на меня не похожи. Никакой рефлексии и резиньяции.

Мозжинка, 20 августа. Воскр[есенье]. 12 ч. в[ечера]

День похож на другой. Опять великолепное Солнце. Ходил с Олюшкой в старый еловый лес с романтическим мхом, нашел два белых гриба. К прочим напастям угнетает запор. Опять «Глаз и Солнце». Все кругом довольны, dolce far niente*. У меня это скоро кончится.

Мозжинка, 21 августа. Пон[едельник]. 11 ч. в[ечера]

Снова великолепный день. Были два часа в лесу со старыми елями, мхом и белыми грибами. По телефону говорил Г.М. Маленков – предлаг[ал] продлить отпуск еще на месяц (слухи о моей болезни)[1]. Переделывал «Глаз и Солнце» безо всякого удовольствия. Меланхолия перед началом послеотпускных дел. А потом какое-то чувство финала. Надо написать завещание. В своих остается какая-то часть души.

Мозжинка, 22 августа. Вт[орник]. 9 ч. в[ечера]

Какое-то тревожное настроение. Все кажется эфемерным, «однодневным». В каждом человеке вижу возможного покойника. За всех страшно и всех жалко. Сам себе кажусь мелочью. Мог бы чем-то быть, но не стал, чего-то напористого, сильного не хватило.

Ездили неудачно смотреть Рождественский Собор в Саввином монастыре. Начальство уехало, а мы вернулись не солоно хлебавши. Жалко совсем разрушающегося монастырька.

Писал «Глаз и Солнце». Был[а] докторица, а в целом день какой-то неуютный и тревожный.

Все еще ясно и тепло. Сейчас луна смотрит сквозь ели. Сижу наверху.

Мозжинка, 23 августа. Ср[еда]. 11 ч. в[ечера]

Ездили в Луцино к Теренину, которого не застали. В лесу осенний запах. Похолодал[о]. Виктор и Соня собираются уезжать в Ленинград. Кончается отпуск. Грустно. Вчера, когда ходил по саду мимо георгин и роз, а вдали раздался паровозный гудок, вдруг, как живое, предстало Ваганьковское кладбище[1]. Давно я там не был.

24 августа, Мозжинка, 12 ч. в[ечера]. Четв[ерг]

Всегда приятно уезжать из Москвы сюда – так и сегодня. Утром был дождь, холодно. В Москве очередной покойник, Мих[аил] Вас[ильевич] Кол-

---

* Сладкое ничегонеделание (*ит.*).

динов – ассистент-препаратор физич. кабинета Московского университета. С ним много и дружно работали, когда я заведывал кафедрой в Университете. Ученик И.Ф. Усагина. Где сейчас найдут замену?

В Москве доктора, выслушивание, давление. Сердце начинает беспокоить. Поднявшись сегодня по институтской лестнице, чувствовал себя скверно. Опять беседа с Г.М. Маленковым по телефону. Получил разрешение (вернее, просил я ограничить меня) льготными субботами и понедельниками.

Везде расшатанность, тревога и полная неустойчивость. Надо учиться жить динамически, не оставаясь ни минуты на месте и моментально отбрасывая прошлое.

25 августа, Мозжинка. 12 ч. в[ечера]

Совсем осень. Весь день градусник на 10°. Дождь. Облака. На террасе холодно. Целый день, как зимой внизу в комнате. Олюшка в Москве, плохо Виктору Александровичу. Виктор с Соней собираются уезжать. Занимался деп[утатскими] письмами, Энциклопедией и «Г[лазом] и С[олнцем]». Безотрадно, бесперспективно.

26 августа, Мозжинка. Субб[ота]. 8 ч. в[ечера]

К вечеру прояснилось. В окно видно холодное, но ясное небо с синими облачными полосами. Ночью было 7°. Днем холодно. Осень. Олюшка в Москве, Виктор с Соней готовятся в Питер. Грустно, явно лето пролетело и опять сложившийся modus vivendi* распадается. Дальше, дальше. Ездили в монастырь. Наконец проникли в Рождественский собор. «Директор» музея, может быть, бывший монах или священник, седой сердито проворчал, что «это не музей, что здесь нет музея». Какой уж тут музея. Грустная и постыдная картина. Старинное благолепие за 500 с лишним лет, в котором выкристаллизовывалось только лучшее (хотя бы на конец) и боярами и мужиками – это благолепие заброшено, что-то забито фанерой, очевидно, где-то за этой фанерой спрятан Савва, если его не выбросили. Прошли по стенам, по монастырю. Все заплевано и, главное, даже нет «Травы забвения», которая есть в Риме. Что же сделать. Руки опускаются.

27 августа, Мозжинка, Воскр[есенье]. 7 ч. в[ечера]

Солнечный, сияющий, прохладный день и очень грустный. Уехали Виктор и Соня. Олюшки нет – в Москве. Остался с Сережей да нянькой Пашей. Разрушается жизнь. Кончается адиабатная летняя оболочка. И всех страшно жалко, словно навсегда. Не жалко только себя самого. Я как-то внезапно стал стариком – «все в прошлом» и единственный смысл бытия – в работе. Пока работаю – все ясно, а без работы опадаю, как вербный надутый черт и даже без писка. Все эти грусти начали отзываться на сердце. Наконец я стал понимать, что это такое. Очень больно и, может быт[ь], к концу близко.

---

* Образ жизни (*лат.*).

Сейчас сижу совершенно один, закатные солнечные лучи отражаются в зеркале, осеннее холодное небо и почему-то жалко все, страшно жалко. Слезы навертываются.

28 августа, Мозжинка, Пон[едельник]. 12 ч. в[ечера]

Вчера вечером приехала Олюшка и стало легче. Сегодня опять довольно хороший день. Я на положении болящего, хотя ничем не болею. Целый день полумеханическое занятие с «Гл[азом] и Солнцем». И это все.

29 августа, Мозжинка, Вт[орник]. 12 ч. в[ечера]

Осенний день с георгинами, с последним сеном и осенней грустью. В Москве умирает В.А. Веснин. Я подвожу итоги. Нового ничего. Веселится Сереженька с Тобиком. Я целый день за «Гл[азом] и Солнцем». По существу кончил.

30 августа, Мозжинка, 12 ч. в[ечера]

Тепло. Грозы. Целый день за окончанием «Гл[аза] и Солнца». Механическая работа. Самого себя просто нет.

31 августа, Мозжинка, 7 ч. в[ечера]. Четв[ерг]

Последний день отпуска. Просидел его здесь на откосе над Москвой-рекой, на этот раз не отвлекали. Подготовил две книги «Микроструктура света» и пятое издание «Глаза и Солнца». Ясно стало, что в моей собственной машине не в порядке. Стал не ходок, особенно в горы. Отношусь к этому совсем спокойно и даже не без удовольствия. Я стал понимать жизнь и всю театральность «я». Умру – мир останется, будет вертеться, будут умники и дураки.

Открывающиеся с завтрашнего дня перспективы очень мало привлекательны. Мне бы хотелось напоследок сделать что-нибудь очень нужное и большое для людей. Но сил и способностей нет, а кругом... Хочется уходить из жизни, приведя все в порядок, свои работы, свои обязанности перед страной, перед семьей, свои книги. Этим и намерен заниматься. Последний день опять хмурый, дождливый, сырой. Вчерашняя гроза пережгла предохранители в телефоне, пришлось заменить их гвоздями, чтобы вызвать монтера.

Олюшка в Москве. На даче я да внук Сережа. Скоро и он, как перелетные птицы, улетит в Питер. Ничего устойчивого.

3 сентября, Мозжинка, 7 ч. в[ечера]. Воскр[есенье]

Два дня в Москве. Начал высиживать и погружаться в бесконечные, большей частью неразрешимые трудности и в Академии и в Институте.

Попал на положение больного. Даже в Академию проник Виноградов с Музой Аполлоновной. Действительно, при быстрых подъемах на лестнице и тому подобных ускорительных процессах – получается гадость.

Поэтому здесь на два дня, на воскресенье и понедельник.

Здесь целый день хмурое, осеннее небо. Ходили с Олюшкой. Я нашел белый гриб, самый лучший за весь сезон.

В Москве медленно умирает В.А. Веснин. По дому ходят сумасшедшие бессмертные старушки Вера Павловна и Ольга Павловна.

Ничего твердого, все течет. В себе самом ничего большого ни сейчас ни в будущем.

Но надо работать – для других. В этом единственный смысл.

Ленинград, 8 сент[ября]. Пятн[ица]. 11 ч. в[ечера]

В Москве неприятная череда неприятных, безвыходных дел. Заседания РИСО, комиссий по служебным площадям, по финансам. Вчера у Сабурова по капитальному строительству. Взобрался на Кремлевскую гору, опять сердце.

Здесь дождь. «Петербургская погода». К вечеру просветлело, впрочем, и похолодало. Адмиралтейство на блестящем золотом фоне. В Опт[ическом] И-те драма Чехматаева, которого «уходят». В Академии приходят потерпевшие от кораблекрушений Орбели, Струве.

Невский красится, ремонтируется, но от провинциальности не уйти.

Ленинград, 9 сент[ября]. Субб[ота]. 10 ч. в[ечера]

В этот приезд тревожно мне, больно, холодно, отчужденно. Кругом явное или притушенное горе, несчастье, преступления и питерское великолепие кажется развалинами жалкого прошлого.

В себя никакой веры. Ни самолюбия, ни самоуверенности. На ходу растекаюсь в небытие. «Я» – жалкая чепуха.

В Оптическом Институте – чехматаевская агония. Термидо[р]чик. В Академии нелепости, или гроба повапленные. «⟨нрзб⟩» – подобие лаборатории, на ходу учатся, несчастные, сжавшиеся работники библиотеки. На приеме в Академическом кабинете что ни разговор – квадратура круга. Но «мужется сердце до конца». Жить надо. Жить надо для людей.

Ленинград, 10 сент[ября]. Воскр[есенье]. 6 ч. в[ечера]

Мрачная «петербургская» погода. Налетающие темные тучи с тяжелым пронизывающим дождем. Все мокрое, осевшее. Ездили на «Победе» по книжным лавкам и комиссионным магазинам. Остатки прежней жизни. Красные и синие марокены, шкатулки карельской березы. Осколки разбитого, надутого, внутри пустого и бездарного Петербурга.

Выехали к новому стадиону на Крестовском, у темной свинцовой «маркизовой лужи»[1] с парусами яхт. Хорошо, много деревьев, простор. Страшновата только перспектива наводнения.

Во время этих скитаний, работы и отдыха «мысленные эксперименты». Можно представить себе все и всех, выполняющих в точности то же самое, что они делали, делают и будут делать. С одной разницей – отсутствием у всех сознания «за ненадобностью», и без этого все выйдет, но вот на деле не так, даже у бегущей собаки есть упрощенное сознание. С этой точки зрения

«нужное ей как пятая нога». И только для этой пятой ноги ездим, смотрим книги и шкатулки. Исчезни сознание и всем до всего совершенно «все равно», как камню или луне.

Мозжинка, 17 сент[ября]. Воскр[есенье]. 11ч. у[тра]

Очень неприятно и даже страшно умственное одиночество. Спасаюсь в работе, в чтении, разговоры с другими людьми в большинстве невыносимо скучны.

Вернулся из Ленинграда во вторник. Начался конвейер квадратур круга, часов по 12 в среднем, а один раз 14. К большинству дел и просьб не знаешь, как подойти и как их разрешить. Строительство, «освобождения» по анкетным причинам (Сканави, Дубовицкий и tutti quanti*). «Пожар» в библиотеке. Каналы. Президиум. Не на кого опереться. В пятницу был Боря Васильев. Полтора часа человеческого разговора.

Вчера целый день схватывало сердце, было тяжело, неприятно и хотелось скорее умереть.

Здесь все сияет в сентябрьском солнце. Красно-желтые листья. Бегает Сережа, который скоро уедет в Ленинград.

Чувство скоротечности, временности всего. Всех и все жал[к]о. Сияющая осенняя природа, как кладбище.

---

11 ч. веч[ера]

К ночи по телефону узнали, что умер Виктор Александрович Веснин. Кончились его длительные мучения. Не стало очень хорошего и талантливого человека. Таких мало, на сотни тысяч один приходится.

21 сент[ября]. Москва. Четв[ерг]. 9 ч. у[тра]

Вчера похоронили. Тяжелая церемония в Доме Архитектора, в Крематории. Много одинаковых слов. Главное – сожгли. Человека нет ganz und gar*. Для самого себя, в своем сознании «я» – едва ли большая ценность. Так мне кажется. Для других же идеализируется и вырастают в Шекспиров[2*] и Пушкиных.

Надо тихо жить и тихо умирать. Сознание – привесок и все, простое духновенье в природе. «Мертвый в гробе мирно спи».

24 сентября. Мозжинка Воскр[есенье]. 11 ч. у[тра]

Сожженный В.А. Ничего не осталось в точном смысле. Сознание фиктивности, обманности собственного «я». Наконец, какие-то сигналы физиологические с сердцем, предупреждающие о том, что и я возможный недалекий

---

* И прочие (*лат.*).

* Совсем, совершенно (*нем.*).

2* У Вавилова Шекспировов.

кандидат на ничто. Все вместе создает неотвязчивый лейтмотив последних дней, желание сразу, без предупреждений умереть, очень сильное желание. Люди, вещи, книги – все кажется театральным представлением.

Лихорадившая погода, тучи, солнце, вихревой неустанный ветер. Облетающие деревья, кругом все поредело. Последние розы и георгины. В даче все осиротело, третьего дня уехал Сережа с Пашей. Осталась его комнат[а]. ⟨Нрзб.⟩ удивленный кот и Тобик. Ушла вырастающая жизнь. А вместе и сад и дача, пустая, молчаливая – усиливают кладбищенское настроение.

Минор, минор и тяга к небытию.

Я современный человек, читавший Шекспира, Гёте, Пушкина, Достоевского, Толстого, знающий квантовые законы, относительность, дарвинизм, учение Павлова – но общий итог такой же, как у Лукреция, 2000 лет назад.

Если осталось еще жить, то нужна увлекающая работа, творческая, вдохновенная, вызывающая самозабвение. Сейчас этого нет. И потому грустно как нико[г]да.

Прочел «Вяземы»[1]. Сидели князья в роскошном шато*, ни богу свечка, ни черту кочерга, прожирали чужие крестьянские средства. Гадость.

25 сент[ября]. Мозжинка. Пон[едельник]. 8 ч. в[ечера]

Вчера вечером пришлось поехать на geburtstag* С.В. Кафтанова в 9 ч. вечера. Громадная неуютная квартира в доме Правительства. Вечер с тостами, пением, музыкой, небольшими возлияниями и винегретом угощений. Возвращаться на дачу пришлось ночью, во 2-м часу. Уже при посадке схватило в груди (сердечный припадок), не прекращавшийся до Мозжинки и здесь длившийся часа два. Очевидно, комбинация моих сердечных болей и переполненного вздутого желудка. В результате доктора, лежание на постели, измерения кровяного давления, температура, кардиограмм[ы], напугивание инфар[к]том. Давно со мною, лет 6 не было такого медицинского приключения. Горюю очень мало. Отзвонил да к стороне.

В окно осень, грустная, тяжелая, серо-черные облака, облетающие желтые листья. Одним словом, Requiem.

27 сент[ября]. Москва. Ср[еда]. 8 ч. в[ечера]

На положении больного дома и вчера и сегодня. Положение страшное. Никаких болей не чувствую, но доктора угрожают «возможностями». Мне хорошо известны эти «возможности»: можно, просто поднявшись на лестницу, направиться на тот свет, а можно прожить еще лет 20. Пытаюсь думать и заниматься, но «изюминки» нет.

29 сент[ября]. Москва. Пятн[ица]. 11 ч. в[ечера]

Дома по-прежнему. Не привык я к этому совершенно. Чувствую себя нелепо. Время проходит бездарно.

---

* От *фр.* château – замок, дворец.

* День рождения (*нем.*).

30 сент[ября], Москва. Субб[ота]. 12 ч. в[ечера]

После понедельничного «звонка», смерти Веснина, сидение дома в качестве больного приучает к мысли, что жизнь – проживание в гостинице. Скоро кончающееся. Думаю о завещании, пытаюсь приводить в порядок книги, архив. Хочется уйти в небытие, оставив все в порядке.

3 октября, Москва, 12 ч. д[ня]

Все сижу дома, хотя чувствую себя здоровым. Неловкое, неприятное чувство виноватого. Ничем не заслуженное «ничегонеделание». Похоже на арест. А вместе с тем люди и вещи – как сон. Запугивание «инфарктом». С ужасом смотрю на книги, находящиеся в бессмысленном беспорядке. Работается плохо. От такой жизни лучше уйти.

4 октября, Москва, 1 ч. д[ня]

Дома. Олюшка на даче. Духовное опустошение. Почти никаких зацепок за жизнь, кроме привязанности к своим. Творческого огня нет, плюс приходят с самыми неприятными вещами. Завтра собираюсь начать работать, но работник я с трещиной.

6 октября, Москва, 12 ч. н[очи]

Сегодня пришлось сообщить Иоффе А.Ф. о необходимости его отставки[1]. Так грустно, тяжко. Перед глазами пролетели 40 лет с тех пор, как первый раз студентом увидал Иоффе, молодого, талантливого, задорного физика, казалось, с бесконечными перспективами. Тогда был Рождественский, Эренфест, Игнатовский, Иоффе. Двое первых – самоубийство, третий расстрелян, Иоффе – не знаю, хороший или плохой это конец. Я здоров, но существую, как тень, готовая каждый момент без сопротивления растаять.

8 октября, Мозжинка, Воскр[есенье]. 2 ч. д[ня]

Осень. Умирающие георгины. Золотой пояс около зеленой травы. Облетающие деревья. Нет здесь маленького Сережи. Сердце побаливает, напоминая о возможном финале. В радио 3-ья симфония Брамса. Так здесь все пусто и тихо.

Как загипнотизированный. Читаю жвачку Дюма «Salvator»[1]. Нужен бы творческий толчок, подъем. Нет его. В душе пусто, бездарно, бездарно и безнадежно.

Этого никогда еще в жизни не было. Несмотря на все удары всегда надеялся, всегда смотрел вперед. Главное – полная потеря веры в себя самого.

* * *

В Академии череда трудных, «безвыходных» дел. Чувствую себя мишенью, на которую со всех сторон валятся удары. Строительство, деньги, научные скандалы, Алиханьяны, Бошьяны. Вылепленные люди. Отсутствие на-

стоящих больших людей. Бумаги без конца. Доносы. Неграмотность. «И как преступник перед казнью, ищу кругом души родной».

Мозжинка, 15 октября, Воскр[есенье]. 8 ч. в[ечера]

Каждый день проходит очень тяжело. Небольшая передышка [–] научные разговоры и дела в Институте. Остальное конвейер «дел» из породы «квадратуры круга». Перевод Добротина, Комара, Алиханьяна. Скандалы и тупики с площадями и строительством. Болезнь моя попритихла, но чувствуется, что с сердцем не совсем так. Хожу осторожно.

Здесь сияющий прекрасный день. Еще розы, маргаритки. Красота желтых и красных листьев. В даче начали топить. Перед глазами хорошая акварельная копия с рафаэльского портрета Льва X с племянниками. Глаз отдыхает на этом красно-пурпуровом великолепии. Целый день составлял текст выступления на конференции сторонников мира. У Олюшки болит голова. На душе неспокойно, грустно и по-прежнему больше всего хочется нежданно и быстро умереть.

Ленинград, 21 октября, Субб[ота]. 8 ч. в[ечера]

Приехали с Олюшкой. Дождь, свежепокрашенный Невский. А у меня сердечные боли, возникающие от лестниц и без них. Если бы я не ожидал смерти со спокойствием, я бы, вероятно, волновался. Но неприятности только от боли.

Был припадок в ГОИ и дома. Ездил все же с Кузмичем на «Тандарелу». Купил какого-то подозрительного Серова. По комнатам бегает беленький Сережа. Виктора нет – на конференции по полупроводникам в Киеве. Мыслей у меня никаких. Вместо них сердечные боли. Сижу среди старых картин, смотрю на свою старую фотографию с матушкой и Николаем. Tempi passati*. Все разлетается, как дым. В точном смысле слова.

Ленинград, 22 октября, Воскр[есенье]. 11 ч. в[ечера]

Воскресный питерский день. Сердце не болело. Ездили по комиссионным магазинам и книжным лавкам. Дождь. Хочется уткнуться в кресло так, чтобы никто не видал. Мыслей нет. Приехал Виктор из Киева. Бегает Сережа. Памяти и сознания еще нет.

Ленинград, 23 октября, Пон[едельник]. 11 ч. в[ечера]

Смотрят, как на калеку. На елисеевскую лестницу в Опт[ическом] Ин-те поднимаюсь, отдыхая через каждые пять ступеней. Разговор с новым директором Института. В Академии все больше пострадавшие, Мещанинов, Орбели, кто умнее, кто глупее. Старые наглецы вроде Державина. А Питер, как всегда, кажется декорацией. Особенно Университет, вечером с освещенными окнами словно вырезанный из картона. Дома какая-то неуютная толчея.

---

* Время прошло (проходит) (*ит.*).

Ленинград, 24 октября, Вт[орник]. 10 ч. в[ечера]

Сегодня уезжаем. День упакованный очень плотно. Утром семинар в ГОИ и бесконечные разговоры с Терениным и пр. Архив, История Академии, Ломоносовские дела. Поездка в Колтуши, переданы Академии. Дрессированные мыши, несчастные дрессированные птицы и обезьяны – а в целом все кажется несерьезным и безвкусным. Потом Академия. Дома. По-прежнему чувствую себя калекой. Трудно сказать, временно это, или finis*. Против последнего ничего не имею, потому что чувствую себя дрессированным на условных рефлексах мышью.

29 октября, Мозжинка, Воскр[есенье]. 11 ч. у[тра]

Мне все яснее, что «я» какое-то легкое дуновение, налет на темную, движущуюся, изменяющуюся материю. При этом налет этот тоже полностью материальный, неразрывно связанный с «темной» материей. Уходящие близкие люди, которые стали «близкими» в случайных сочетаниях и встречах, собственное приближающееся разрушение (сердце), наваленные неразобранные книги. Странная цепь «дел» и событий: все это то же, что засохшие, желтые, грязные листья, которые ветер сейчас крутит на мозжинской горе.

Полная готовность каждую минуту уйти из жизни, т.е. к испарению «налета». Пусть мир крутится, но к чему эти «налеты», если они ни на что не действуют. «Естественный отбор», «приспособленность к среде, к миру». Неужели для этого нужен налет сознания.

Чем больше живу, чем больше читаю, узнаю, тем яснее, что люди главного не ухватили, не поняли, что теперешнее сознание только путь к чему-то совсем новому. Если не так – бессмысленное пробивание лбами стен.

Это «философский» фон. «Фактически» продолжающаяся, но очень сильно надломившаяся жизнь. «Юбилей» Иоффе с предстоящей принудительной отставкой, путаница в Энциклопедии, в Обществе, в Академии, в Институте. Отсутствие людей, т.е. инициативных, умных, честных, умеющих. Болезнь сердца, иногда схватывающая и ставящая в глупое положение. Доктора, усталость, пустая голова без творчества. Пролетающие, как ветер, дни.

По-прежнему ясно одно. Жить дальше можно только с творческим подъемом. А его нет. Все свое кажется слабым и неумелым.

Здесь все облетело. Хмуро, хотя барометр очень высокий. Почему-то чувство, словно в больнице.

6 ноября, Мозжинка. Пон[едельник]. 11 ч. в[ечера]

В этом году не в состоянии быть на октябрьских праздниках – вчера приехали на дачу.

---

* Конец (*лат.*).

Кончился период антициклона очень высоким давлением и сияющим солнцем. Сегодня целый день дождь, хмуро и сыро.

Во мне действительно что-то сломалось. Становлюсь калекой. Спокойно могу только сидеть. Всякие хождения вызывают боль и признаки боли в груди. И голова стала совершенно бесцветная и не творческая.

Я стараюсь не нарушать установленного modus vivendi*, но не то все это.

Предстоит здесь просидеть три дня. Один день уже пролетел. Занимался Энциклопедией, чтением, радио. Слушал речь Булганина.

7 ноября, Мозжинка, Вт[орник]. 1 ч. д[ня]

Дождь. Туман. Но сейчас пытается пробиться Солнце.

Здесь, как на зимовке за полярным кругом. Никого, кроме своих. Связь по радио. Мысли? Эфемерность всего. Передо мною старый стул «под красное дерево». Покупала его матушка больше сорока лет тому назад на Смоленском рынке. Стулья стояли в моей комнате, на антресолях дома на Средней Пресне. В 1918 г. переехали в веснинскую квартиру, где жил года три. Потом Еропкинский переулок. На стульях, как на кораблях и вагонах, ездил маленький Витоня, они потрескались, но жили и переехали на Васильевский Остров, пережили блокаду – и вот два из четырех вернулись из Ленинграда под Москву. Это противоположность эфемерности. Но никто, кроме меня, не знает истории этого стула. Не будет меня [–] сам он может быть выброшен в хлам на дрова, а память уйдет, исчезнет...

Вторая неотвязчивая мысль – постепенное ослабление всех связей с жизнью. И главное [–] творчества. Бездарное «стеклянное» рассматривание окружающего. Исчезли фантазия и сила, но вместе с тем осталась ответственность за каждый прожитый час. Остаются угрызения совести за неправильно прожитое время. Я все время – работаю, но работа механическая, не творческая и как будто бы ее нет.

Мозжинка, 8 ноября. Ср[еда]. 7 ч. в[ечера]

Последний праздничный день. Утром мокрый снег. Потом немного прояснело, хотя барометр падающий.

Внутри меня машина несомненно испортившаяся.

Редактировал перевод Прингсгейма[1] и отдыхал на детективном романе. Тихо, пусто и глухо. Не отстает одна мысль, о сознании и особенностях живого.

Мозжинка, 12 ноября. Воскр[есенье]. 5 ч. в[ечера]

Тающий снег на земле. Сумрачно, серо. Но зато тихо, тихо, ничего постороннего, ни звонков телефонных, ни писем, ни газет. Сам с собой.

Три дня: румыны, немцы, дурацкие письма, разговоры. Дома заболевшая Вера Павловна, докторски[е] звонки.

---

* Образ, стиль жизни (*лат.*).

В голове непрестанные «павловские» мысли, с итогом, правда, не совсем павловским. Удивительно одно, бедность, прозаичность, элементарность и даже грубость сознания. Несмотря на все поэтически[е] подпудривания со времен Гомера до Пушкина человеческое сознание, «Психея» было грубым – материалистическим. В этом, пожалуй, самый неопровержимый аргумент материализма.

Мозжинка, 19 ноября. Воскр[есенье]. 10 ч. у[тра]

Еще неделя. Постараюсь вспомнить, что было, и приходится память напрягать: заседание по поводу использования ускорит[ельных] машин, РИСО, универс[итетский] коллоквиум из «дипломатических» соображений, семинар в Институте, Президиум с докладом Иоффе о термоэлементах с обычной для него «материализацией идей». Вчера ВАК с присуждением проф[ессорского] звания 75-летнему Зубареву, одному из продолжателей традиций Никиты Попова, и 83-лет[нему] Жолтовскому. А между заседаниями О[бщест]во, Энциклопедия, где госконтролевцы обследуют Зворыкина, бумаги, бумаги, разговоры о самых неприятных вещах, а домой возвращаюсь в состоянии мочалки, сажусь на кресло и дотягиваю до постели.

Творчества – никакого, почти машинное существование. На свете тучи – Корея. Здесь мокрый снег, бело: но скоро растает незамерзшая река, бегает Тобик, похожий на лису, сменивший свою раздавленную мамашу, медленно движется рыжий кот философского вида. На душе мутно, а главное, пусто, нет живого, творческого гения.

Мозжинка, 25 ноября, Субб[ота]. 9 ч. в[ечера]

Полная тишина. Олюшка спит. Передо мною новые книги. Луна. Мороз градусов десять. Адиабатная оболочка. Жить все тяжелей. Эта неделя на стрептоциде с аспирином в комбинации с нитроглицерином. Никакого творческого подъема и не только у меня, а и у других. Опять румыны, разговоры с Топчиевым. Дипломатия с юбилеем Иоффе.

Философия жалкая агностической белки в колесе, не умеющей ни за что ухватиться. Прочел биографию Кеплера, написанную Каспаром[1]. Насмешка судьбы. Весь смысл мыслей и восторгов Кеплера попал в мусорную яму, остались формальные законы, таблицы, да диоптрика. Страшная трагедия, о которой никто не писал, но следовало бы написать.

Последнее время слышится мне все какой-то траурный марш. Тут и конец.

Москва, 28 ноября, Вт[орник]. 10 ч. в[ечера]

Странное, гробовое чувство полного оскудения. Словно деревянная кукла, которую по какой-то причине возят, сажают. В душе пустыня, холод, безразличие, готовность умереть когда угодно, цепляться не за что. Сердце – слабое, движусь и существую не без труда.

Принудительно, по постановлению С[овета] М[инистров] должен отправиться в отпуск в Барвиху[1].

Ленинград*, 2 декабря. Субб[ота]. 11 ч. в[ечера]

Сегодня приехал с Олюшкой и врачихой. Хожу каким-то рамоли[2*] в сопровождении, подымаюсь на четыре ступени и отдыхаю. Был в ГОИ, в Академии, как-то руки опускаются. Ни творчества, ни активности. Смотрю пустыми глазами на окружающее. Люди – куклы и все – картонные декорации. Город кажется разваливающимся.

Ленинград, 3 декабря. Воскр[есенье]. 9 ч. в[ечера]

Болезнь (вернее, возможная, чем настоящая) поставила в какую-то совсем иную плоскость. Словно навсегда отсюда ухожу. Конечно, может все случиться, но может и не случиться. Во всяком случае, надо жить так, чтобы ликвидационных настроений не было.

Милый, странный город. Созданный таким совсем для других целей. И в современных условиях со Строгоновским дворцом, площадью, Невой. Гигантский жест. А сейчас провинция, сплетни, напуганность и «однообразная» красивость. Ездили по комиссионным и книжным лавкам. Погружение в старину.

А из радио орет сегодняшний день с Кореей, Китаем, борьбой за мир.

Ленинград, 4 декабря. Пон[едельник]. 12 ч. в[ечера]

Со ступеней Академии заходящее Солнце, Нева, угрожающая наводнением. Словно старая расцвеченная гравюра.

А кругом стареющие люди: Гребенщиков, Каплан. В ГОИ «засорение». У всех свои «квадратуры круга». Решил остаться до завтрашнего дня. Завтра праздник[1]. Мир опять между миром и войной. Не на чем держаться, жизнь по инерции.

Ленинград, 5 декабря. Вт[орник]. 11 ч. у[тра]

Сижу в зеленом кожаном кресле, уткнувшись в него и сжавшись. Петербургский декабрьский сумрак. Мокрые крыши со снегом. Мыслей нет, только безысходная меланхолия. Хочется потонуть, исчезнуть в питерских болотах. Из радио – предвестники войны. Бегает маленький Сережа, в котором сознание просыпается понемножку. Сегодня – в Москву.

Мозжинка, 10 декабря. Воскр[есенье]. 5 ч. в[ечера]

Странные, неприятные дни. Предстоит послезавтра, после нескольких понуканий отправиться в Барвиху. Сердце действительно не в порядке, но Барвихой его не поправишь. А главное, имея в виду такую перспективу, ни за что не могу браться серьезно. Хочется покоя, сосредоточенности, хочется последний раз оглянуться на себя, если это вообще возможно.

---

* Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого «Москва».

[2*] От *франц.* ramoli – старчески расслабленный.

Здесь власть отдыха. Готовлю вступительное слово для заседания по поводу «Слова о полку Игореве»[1]. Несносно и глупо.

Кругом тихо, снег, мороз, собака, кот, радио.

Люди кругом кажутся заведенными игрушками. Их психика – только констатация (неведомо зачем) этого игрушечного заведенного состояния.

Барвиха, 12 декабря. Вт[орник], 6 ч. в[ечера]

Почти через 11 лет снова здесь. На этот раз внизу в «Люксе», на положении вельможи. Тогда устроили только по ходатайствам Шмидта. Номер в конструктив[и]стском стиле модерн, огромный, но куда менее эффектный, чем номер в отеле «Фридрих-Банхоф» в 1935 г. Отеля этого, вероятно, больше нет.

Приехал сюда с Олюшкой на ЗиС'е. Четвертый час сижу в нелепом состоянии прострации с детективным романом, примериваю пижамы и халаты, приноравливаюсь к кнопкам. К вечеру вышел погулять. Сердце сразу заболело. С трудом обошел кругом здания.

Вчерашнее заседание по поводу «Слова о п[олку] И[гореве]» в Консерватории, организованное, главным образом, писателями, вышло бездарное, холодное, казенное, никому не нужное. А само «Слово», конечно, чудо, которое еще никто по-настоящему не понял.

Барвиха, 13 декабря. Ср[еда], 6 ч. в[ечера]

Конструктивистское противоестественное здание с элементарной геометрией. Отдыхающие, лечащие[ся] чиновники, механизированные доктора и подавальщицы. Визит Лепешинской, одуревшей от успехов. Ни минуты уверенности в одиночестве – каждую минуту может открыться дверь для всякого рода сестер. Придется сидеть месяц.

Прогулки. Гололедица. Все как в 1940 г., когда сюда приезжал ко мне Николай, когда умирала Александра Ивановна. По-видимому, очередь скоро за мною. Прогулки к вечеру просто мучительны. Болит сердце, грудь и словно побитый. Пытаюсь думать, но пока тщетно. Читаю детективные романы и засматриваю в остальное. Машина сломалась.

В 1940 г. – помню захват Норвегии Гитлером. Сейчас Корея. Земля трясется, но надо всем тяжелый черный груз бездарности и буден.

14 декабря, Барвиха. Четв[ерг], 8 ч. в[ечера]

За прудом «замок» барона Мейендорфа[1] с фальшивой готикой выглядывает из-за сосен. Там сидят барвихинские бухгалтеры и счетоводы.

В парке есть белки и дятлы, а кругом отдыхающие или лечащиеся чиновничьи вельможи. Помесь казенных палат, будок и белок.

Редактирую перевод Прингсгейма, читаю детективы и немного думаю. На улице тает и гололедица. Гулял все же часа полтора. Сердце побаливает. Одолевают доктора и сестра. Чувствую себя механической куклой.

15 декабря, Барвиха. Пятн[ица], 8 ч. в[ечера]

За этот год полная потеря иллюзий и веры в абсолюты, все и вся превратилось в спектакль, декорацию, условность, котильон. Даже звезды, даже деревья. Не за что держаться и жить мучительно. Совершенно правильно – единственный смысл бытия – служба народу, патриотизм. Это существует, это факт, это много выше, чем «я».

Всего четвертый день здесь. Но кажется, дни тянутся медлительно и однообразно.

Была Олюшка. У нее куда больше энтузиазма и «зацепок».

16 декабря, Барвиха. Субб[ота], 8 ч. в[ечера]

Можно жить и так. Хожу часа два вокруг барвихинского инкубатора, в котором поправляются советские большие чиновники, меряю температуру, принимаю ненужные лекарства, веду пустые разговоры с докторами. В общем, баланс суток такой: Спанье 9 ч. Прогулки 2 ч. Работа 3–4 часа. Кино – 2 часа. Чтение всякого рода – 4 часа. Еда, телефонные разговоры и пр[очее] 3–4 часа.

Голова пустая, одервенелая, бесталанная.

Барвиха, 17 декабря. Воскр[есенье], 8 ч. в[ечера]

Сейчас болело сердце. Нитроглицерин. Почему, не знаю. Приезжала Олюшка, была часа два. Единственно свое, что осталось. И обоим грустно. Близок конец. Обоим.

А здесь все то же, прямолинейные сосны, конструктивистский инкубатор, люди типа «главрыбы».

Барвиха, 18 декабря. Пон[едельник], 3 ч. дн[я]

Сердце все время о себе дает знать. Финиш, по-видимому, серьезно не за горами. Ходил утром часа 1½ по сосново-еловому лесу. Тишь, но есть какие-то птицы и стучат дятлы.

Странно, многие старше меня, Николай, Лебедев – теперь оказались моложе. Я смотрю на них сверху вниз: молодежь.

Психическая загадка никем не разгадана. В естествознание сознание не укладывается. Утверждение, что несмотря на психику и сознание жизнь в среднем, статистически движется вполне закономерно, по законам естествознания – неверно. А самолеты, атомная бомба, радио? Это совсем не укладывается во второе начало. Психика, человеческое сознание – великий двигатель.

Можно ли разбить это матовое окно психики и заглянуть за него? Не знаю. Может быть, это попыт[к]а Мюнхгаузена. Но в мире не только то, что знает естествознание. Либо надо его в корне перестраивать.

А люди кругом средние, глупые, вроде старухи Лепешинской.

Барвиха, 19 декабря. Вт[орник], 6 ч. в[ечера]

Николин день. Об этом, кроме меня, по-видимому, никто не помнит. Сейчас ходил при луне по еловой аллее. Днем старые ели такие темно-зелено-

фиолетовые – траурные. На катке, на котором никто не катается, раздаются звуки вальса «Невозвратное время». Точно так же, как 55 лет назад на пруду Зоологического сада.

Существую в этих ничейных комнатах, в которых изобразилась только бюрократическая скука. А вещам ни до кого, никому до них. А дома вещи живут и имеют иной раз длинную историю.

Что же со мною будет дальше? Status quo? Не знаю. Спокойно смотрю и ко всему готов.

Барвиха, 20 декабря. Ср[еда], 6 ч. в[ечера]

Еле добрался сейчас в свою комнату. После вечерней прогулки при луне. После сотни шагов схватило сердце и, еле двигаясь, едва добрел сюда. Пришел в себя после нитроглицерина. Не весело.

Утром сердце болело, но ходил часа 1½ на солнце, забрался даже на какую-то гору около громадного песочного карьера. Но навстречу всякие печальные ауспиции*. В лесу – солдатские могилы. В лесу стонет далеко и жалобно треснувшая ель под ударами ветра. Траурная симфония alles zusammengenommen2*.

По чистой совести скажу только, как говорил еще 36 лет назад.

«Смерти я не боюсь
Неизбежность страха не стоит»

В радио «Valse triste»3* Сибелиуса. Кстати.

Барвиха, 21 декабря. Четв[ерг], 9 ч. в[ечера]

Кроме прогулок, почти весь день на людях. Приезжала Олюшка. Врачиха. Вот так, как будто бы и не было самого себя. Это, пожалуй, лучше. Но все же надо жить так, чтобы каждый день был стоящим, чтобы его прожить. Мороз градусов 10. Солнце.

Душераздирающий концерт с пением Алексея Иванова, с чревовещателями и фокусниками. Глав-рыбы в восторге. Разные измерения.

22 декабря, Барвиха, 8 ч. в[ечера]. Четв[ерг]*

Солнцестояние. 11° мороза. Солнце. Составляю предисловие к переводу Прингсгейма. 2 часа гулял – новых мыслей мало. А вообще оцепенение. Как будто бы за иофановскими стенами санатория и здешними елками и соснами ничего нет. Кино «Освобожденный Китай» – титанические дела там делаются.

---

* От Auspizien (*нем.*). – предзнаменования.
2* Всё вместе, одно к одному.
3* Грустный вальс (*нем.*).
* Описка Вавилова; надо: пятница.

23 декабря, Барвиха, 9 ч. в[ечера]. Субб[ота]

Снег. Мороз. Зеленые елки в снегу. Зима. В «Правде» речь Гувера[1]. Глупый крик отчаянья, но показательное знамение времени. Старый мир богатеев кончается. Это вопли римлян времен упадка. Но история должна найти путь к полному раскрытию души человеческой. Таятся в ней совсем не осознанные возможности.

24 декабря, Барвиха, 8 ч. Воскр[есенье]

Европейский Сочельник. В радио Бах и детские голоса. В газетах речь Гувера. Была Олюшка. Довольно противно сидеть в этой полутюрьме. Пошел гулять. Подсел один из отдыхающих. Я люблю одинокие прогулки, медленным философским шагом. Так – думается, так – просыпается творчество. При быстром ходе обращаешься в лошадь, все в механике и мысли только обрывками. Присевший отдыхающий – это испорченная прогулка. Тяжело. Сижу, думаю, но белка в колесе. Стена не пробивается.

25 декабря, Барвиха, 8 ч. Понед[ельник]

Noël! Noël[*]! Природа совсем рождественская[:] морозец, зеленые елки в снегу, белки бегают, дятлы стучат. На барвихинском катке мигает электрическими огоньками елка, но на катке никого нет и тоскливо смотрит сторож.

Звонок от Маленкова о выборах, о Капице. У меня опять схватило сердце. Нитроглицерин. Звонок от Топчиева насчет Борисова. Noël. Noël.

26 декабря, Барвиха, 11 ч. в[ечера]. Вт[орник]

Еще один день, плоский и как будто бы хороший. 2½ ч. на морозе в лесу. Часов 5 работы над Прингсгеймом. «Лермонтов» в кино, где весь центр на дуэли. В радио много хорошей музыки. Но нужно творчество ломающее, пробивающее стену людской ограниченности, но нет этого, только жалкие потуги.

27 декабря, Барвиха, 12 ч. д[ня]. Ср[еда]

Ходил около двух часов по свежо выпавшему густому снегу. Все же на здешних соснах и елях почиет глав-рыбий дух. Перед глазами образы, самые неожиданные, Н.С. Державин, какие-то чиновники из ведомств и не встает родное, свое, привычное[:] мать, отец, Николай, Лида, Олюшка, Виктор. В чем причина? Да, образы, а мыслей нет, какие-то отрывки. Понимаю одно, в жизни у меня очень мало интересов, не к людям, не к вещам, не к собственным успехам. «Мировые проблемы», старое искусство, книги, но «дурак ожидает ответа»[1].

28 декабря, Барвиха, 12 ч. ночи

Сегодня, как лошадь, работал над переводом Прингсгейма. В лесу, когда один среди елок и снег[а], чувствую себя тем, что нужно. Опять разговор с т. М[аленковым] по поводу К[апицы].

---

[*] Рождество (*фр.*).

29 декабря, Барвиха, 7 ч. в[ечера]

«Мороз и солнце – день чудесный». Хочется вырваться из трафарета и каждый день думать по-новому и узнавать новое. Этого нет. Утром схватило сердце – минут 40. Во время прогулки выправилось. Приехала Олюшка, говорили обо всем понемногу. Сегодня ничего не писал. Отослал толстый перевод Прингсгейма. Тихая прострация и никакого вдохновения.

30 декабря, Барвиха, 1 ч. д[ня]

Вернулся после двухчасового блуждания по лесу. Мороз, градусов 15, свежий снег, солнце и мало людей. Зашел в места, где только санные следы. Здесь в комнате тоже идиллия, через фрамугу залетела синица, погуляла по столу, очевидно, в надежде на хлебные крошки и опять улетела. Пожаловали все медицинские светила, нашли, что поправляюсь, хотя, по совести, сердце дает себя знать.

Боже мой, как бы хотелось «статистического» покоя на белом свете и как хочется перед собственным концом понять самое главное.

31 декабря, Барвиха, Воскр[есенье]. 12 ч. д[ня]

Вернулся с прогулки. Мороз 14°. Почему-то тошнит. Здесь «главрыбий парадиз».

Год прошел без руля и без ветрил. Понял только, что постарел, что подхожу к финишу, который принимаю как должное.

Никогда не чувствовал в себе «большого человека» и сейчас не чувствую. Так: ворона в павлиньих перьях. Всегда хотелось отойти в сторону, но в отличие от других жить не любил, а любил смотреть на жизнь и делать выводы. Люди, вообще, слишком о себе высокого мнения. На самом деле между ними, синицами и белками разница небольшая.

Новый год собираюсь «встречать» ехать домой, на Дурновский. А где дом? Дома в сущности нет нигде. Желаю, чтобы люди вышли наконец на спокойную дорожку, ведущую, где «eritis sicut Dei»*.

Москва, 10 ч. в[ечера]

Приехал Новый год встречать в Москву. Сижу на своем черном кресле. В груди боль и мрачно. Все кажется чужим. Приехали Виктор и Соня – за ними будущее. Но они слишком элементарно смотрят на вещи.

---

* «Будете как боги» (*лат.*).

1951

Барвиха, 1 января. Пон[едельник]. 2 ч. д[ня]

Приехал с Виктором из Москвы, сердце несколько раз принималось болеть. Первый раз начинаю перспективы нового года с перспектив собственной машины. Она под подозрением и может всякое случиться, но думать об этом, конечно, не к чему.

Вьюга, мороз градусов 17, по дороге видели жирную лису с пышным хвостом. В Москве все время играл органчик, купленный Виктором в комиссионном питерском магазине. Старина, елка, «По улице мостовой», «Марш под двуглавым орлом»[1] – словно 60 лет и не было прожито.

Барвиха, 2 января. Вт[орник]. 11 ч. в[ечера]

Трудно здесь становится высиживать. Есть только что у [с]ебя в мыслях. Остальное: надоевший трафарет, чужие люди. Писал статью для «Докладов» без всякого вдохновения.

Барвиха, 3 января. 9 ч. в[ечера]. Среда

С самим собой и в равновесии только в лесу с елками, снегом и дятлами, да в темноте в комнате под одеялом. Машинное бытие в инкубаторе становится нетерпимым. Окончил статью для ДАН[1], но безо всякого восторга. День занят полностью, «некуда деться». А хочется бежать.

Барвиха, 4 января. 12 ч. д[ня]. Четв[ерг]

Два часа ходил по морозу. Утром было 20°. Встречных почти нет. Бесшумно падает снег. Солнце через снежный туман. Снег скрипит. Гудит за лесом паровоз. Это романтика, начавшаяся еще на фронте в 1914 г. Тогда поезд казался несбыточной мечтой, увезет куда-то в рай. Вот и сейчас невольно эти гудки за лесом[*] напоминают о каком-то будто бы рае.

Вернулся. Сердце болит. Нитроглицерин. Впереди целый трафаретный санаторный день.

Кончил детект[ивный] роман Вейла «Mordsach Kowalsky». Это очень верная картина предвоенного Берлина. Почти исторический документ и очень сильный. Finis gumanire[2*].

---

[*] Слова «за лесом» вписаны над строкой.

[2*] Конец гуманизма (*лат.*).

Барвиха, 5 января, 7 ч. в[ечера]. Пят[ница]

Настроение совсем плохое. Отправил в Москву статью об антисток[с]е для «Докладов». Кажется мне, что грубо наврал. Приезжал И.П. Бардин, академические новости невеселые.

Ходил два часа по лесу, слышал как падают ветки и стучат дятлы. Вернулся сюда. Здешняя Regelmäßigkeit* становится нестерпимой. Пора уезжать. Главное – нет творческого подъема. Что таковым казалось – по-видимому, ошибка.

Барвиха, 6 января, 6 ч. в[ечера]. Субб[ота]

День какой-то тяжкий. Старый сочельник. Встал утром и все показалось неприятным в главрыбьем парадизе. Пошел гулять. Метель, снег. Сердце начало давать себя знать. Часто садился, но два часа проходил. На елках снег как на билибинских рисунках, падает с елок и оставляет «следы невиданных» зверей.

По дороге думал, но думы мелкие, неопределенные, а хочется для финала большего: взять и решить фундаментальный вопрос в науке. Всяких вопросов сколько угодно: заряженная и нейтральная масса, тождество атомов, набор элементарных частиц и, наконец, самое больное: психика, но схватиться не могу. С моделями ничего не выходит, математик я никакой. Вот и печально. Скорее бы хоть к очередной работе.

Приехала Олюшка. Жаловался я ей на здешнюю планомерную жизнь кино, главрыб, беспомощность медицины. Проводил до машины. И вот схватило сердце. Сидел, ждал, нитроглицерин, еле добрался сюда. Озноб, боль, компресс, опять нитроглицерин, грелки, электрокардиограмма. Отошло. Но, вероятно, как-нибудь и не отойдет, и так все кончится. Страшно[го] в этом нет. Всегда готов.

Барвиха, 7 января, 12 ч. д[ня]. Воскр[есенье]

Ходил сейчас часа 1 ½ по лесу. Тепло, перед оттепелью. Идет густой снег. В старом еловом лесу молчаливая музыка падающего снега. За лесом паровозные гудки. Вспоминается Ваганьково кладбище. Почему, в самом деле, впечатлениям не жить долго, долго, может быть, бесконечно. Живут же они в памяти у меня больше полстолетия и живут, как «живые». Достаточно зажмуриться, встает двор в домике на Никольском пер[еулке] с собакой Героем, с тополями, с дворницкой, с каретным сараем, садом с вишнями и жасмином, забором, на котором в возрасте 4–5 лет стоял и смотрел как привозили раздавленных на Ходынке. Воспоминания связаны с мозгом. Есть ли conditio sine qua non*? Ходил по лесу, думал о больших физических вопросах. Ничего мы еще не знаем. Атомы, люди [–] произво[д]ные сложные образования чего-то, о чем и понятия не имеем.

Сегодня старое Рождество. «Минувшее проходит предо мною»[1].

---

* Регулярность, правильность (*нем.*).

* Необходимое условие (*лат.*).

Барвиха, 8 января. Пон[едельник]. 1 ч. д[ня]

Прибавить мало что могу. Вчера, занявшись «Воспоминаниями», заглянул в свои дневники 1909 и 1910 г. Не понравились они мне. Хаос, схоластика, снобизм, глупые стихи. Под этим впечатлением прошел и вечер. Хотелось бы жизнь прожить иначе.

Сегодня опять гулял, опять болело сердце. Опять гудели паровозные гудки, как на Ваганьковском кладбище. Уезжать надо отсюда. Определенного дела не осталось. Домой нужно. Смотрю каждый день кино, и в сущности каждый день одно и то же. Одни и те же люди, одна и та же мораль.

Барвиха, 9 января. Вт[орник]. 12 ч. д[ня]

Вернулся с прогулки. Заблудился. Снег последних дней закрыл привычные дороги. В том «сердечном» состоянии, [в] котором сейчас нахожусь, заблудиться страшновато. Сидел на оснеженных сосновых пнях, выжидая, пока сердце несколько успокоится. Через леса и кустарники выбрался. Сейчас «псевдодома». Неуютно тут, словно в канцелярии. Скорее надо выбираться.

12 ч. ночи

Очень безотрадно, очень бесперспективно и безразлично.

Барвиха, 10 января. Ср[еда]. 12 ч. д[ня]

Размышления во время двухчасового хождения, стояния и сидения по санаторным барвихинским дорожкам – невеселые. Завтра отсюда, по-видимому, наконец уеду. Физическое состояние? Машина явно испорченная, не могу долго ходить, долго разговаривать, должен садиться и молчать. Но это не важно, скоро мне 60 лет – пожил достаточно. Печальнее самооглядывание назад и заглядывание вперед. Прожитое – если его схематизировать, приукрасить, пожалуй, может показаться не плохим. На самом деле не хорошо. Важен след, тобой оставленный. Но невелик этот след и в науке, да и в остальном. А впереди? Работать руками не могу. Мыслей больших нет. Просидел месяц один, было время сосредоточиться. Но мало что вышло. А так хотелось бы последнее время жизни что-то дать еще большое. А тут еще совсем некстати «юбилей», «перевыборы». Опять ворона в павлиньих перьях.

Увы, состояние и настроение такое, что хотелось бы полной тишины, отставки и искать новое в старом (в книгах прежде всего).

Барвиха, 11 января. Четв[ерг]. 12 ч. д[ня]

Сегодня к вечеру должен отсюда уехать. «Поправка» сомнительная. Сердце побаливает перманентно.

Сегодня чудесная погода. Солнце, 12° мороза, безветренно. Уютно улегся свежий снег, меж елей розовые солнечные тени, птицы чирикают. На кустах снегири. Минут 20 у пруда грелся на зимнем солнце.

Считается, что здесь верх покоя и комфорта. Может быть, это и так, но нужна творческая, вдохновляющая работа, ее у меня было мало.

С завтрашнего дня должен начать «нормальное» бытие. Что из этого (при сломанной машине) выйдет, не знаю, но хочется в свой угол.

Мозжинка, 14 января, Воскр[есенье]. 10 ч. у[тра]

Механически перешел на старые рельсы. Засыпая, все еще вижу барвихинские ели и снега и конструктивный, чиновничий схематизм с «кондиционированным» воздухом (последнюю ночь из кондици[онирующего] устройства несло ватер-клозетом).

Душевное состояние нехорошее. Холод, бесперспективность, все кажется мишурой, павлиньими перьями. Перед отъездом из Барвихи читал о лейбницовских монадах, сейчас – допрос Джордано Бруно. Пустая игра ума, логические бестолковые игрушки, разлетающиеся при первом дуновении. И в этом видели смысл бытия, за это шли на костер! Холодно, грустно, нужна конкретная работа или детективные романы. Среднее – невыносимо.

С пятницы начал ходить в Ин-т и в Академию. Все так сложно, всего так много и наука так перепутана с житейскими дрязгами, что теряюсь, сажусь дома на кресло почти в нирваническом состоянии.

Для чего все это писать, никому и ни для чего это не нужно.

Здесь полная изоляция, глубокие снега. Никого нет. Тобик и рыжий кот, на стене Лев X, а в голове плоско и бездарно.

Мозжинка, 21 января, 5 ч. в[ечера]

Трудная неделя. Самое тяжкое* эта неотвязчивая мысль об антистоксовом спектре. Написал в Барвихе статью для «Докладов» и теперь заметил ее ошибочность. Надо поправлять и пока не знаю способа. Думы всюду[:] на работе, дома, в машине, во сне. Никому не зримое острие меня пронизывающее и сказывающееся на работе центра.

Потом разговоры и посещения начальства. Отвык и никак еще не могу попасть в старую колею.

В Академии по-прежнему конвейер в стиле квадратуры круга: скандал на почве вычислительных машин (Бруевич, Лаврентьев, Брук, Паршин), скандал с востоковедением (Толстов, Крачковский и tutti quanti[2*]), строители, Добротин, выборы.

Сердце не в порядке. Вчера схватило опять в Кремле. Спится как-то неприятно, «потерял левый бок», не могу на нем лежать.

А здесь тишь, снег, носится Тобик и полная изоляция, но совсем не надолго.

Разуверился в себе. Неотвязчивый образ скверного автомата, зачем-то наблюдающего за собственными действиями и их сознающего.

---

12 ч. в[ечера]

Музыка Генделя. Ели в снегу. Снег. Луна в облаках. Как хорошо бы сразу незаметно умереть и улечься вот здесь в овраге под елями навсегда, без сознания.

«Земля еси и в Землю отыдеши»[1]. Жизнь кажется страшной тяжестью.

---

* В слове «тяжкое» исправлено сверху окончание на «ая».

[2*] И все остальные (*ит.*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1920

14(1) апреля 1920

[1] Дневник писался в переломный в личной жизни С.И. Вавилова период, когда решался вопрос о его женитьбе на Ольге Михайловне Багриновской. Они познакомились в 1919 г. в доме архитектора В.А. Веснина, где Сергей Иванович снимал комнату, а Ольга Михайловна жила у сестры – жены Веснина. Окончательное решение, судя по записям, было принято ими 8 июня, а уже 25-го июня состоялась свадьба.

17(4) апреля 1920

[1] П.П. – П.П. Лазарев в то время директор Института биологической физики (с 1925 – Институт физики и биофизики), руководитель группы молодых физиков, в которую входил С.И. Вавилов.

24(11) апреля 1920

[1] А.С. Предводителев, в то время коллега С.И. Вавилова по работе в группе П.П. Лазарева.

26(13) апреля 1920

[1] Слова из революционной песни Л. Радина «Смело товарищи в ногу..» (1897).

[2] Из стихотворения А.С. Пушкина (1829) «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Первая строка начинается так: «И пусть у гробового входа…».

9 мая н.с. 1920

[1] Вероятно, речь идет о потерянной Вавиловым книге А. Эйнштейна. Возможно: *Einstein A.* Über die spezielle und die allgemeine Relativitätstheorie (Gemeinverständlich). Braunschweig: Vieweg, 1917, которую С.И.Вавилов переводил: *Энштейн А.* О специальной и общей теории относительности. (Общедоступное изложение). Перевод с 5-го нем. изд. Под ред. А.П. Афанасьева. Пг., Научн. книгоизд., 1922, 128 с.

[2] 9 мая 1920 г. в результате пожара в помещении с динамитом и пироксилином произошел подрыв Хорошевских артиллерийских военных складов с разлетом неразорвавшихся снарядов до 3 км и вылетом стекол в некоторых домах в центре Москвы. Причиной взрыва в передовице газеты «Правда» была объявлена якобы диверсия польской разведки: «9-го мая в окрестностях Москвы произошел взрыв склада артиллерийских снарядов. Этот взрыв показывает, что польские паны являются талантливыми учениками и подражателями наших русских белогвардейцев и антантовских громил. ⟨…⟩ Почти с полной достоверностью установлено теперь, что этот взрыв есть дело заговора, организованного панами и ксендзами» («Паны поджигатели» // Правда, 11 мая 1920). Личные воспоминания об этом взрыве оставили Б. Черток в книге «Ракеты и люди» (в 4-х т., 2-е изд. М.: Машиностроение, 1999), В. Полонский в дневнике, см.: «Новый мир», 2008, № 1.

[3] Имеется в виду трагедия, случившаяся 14 мая 1896 г. на Ходынском поле в день коронации императора Николая II. Тогда огромная толпа желающих получить бесплатные подарки из-за неудовлетворительной организации этого мероприятия устроила давку, что привело к многочисленным жертвам.

[4] В декабре 1905 г. на Пресне происходили кровопролитные бои в ходе революционного восстания рабочих Москвы. В память этих событий в советское время район получил название «Красная Пресня».

8 июня н.с. 1920

[1] Из старинной рекрутской песни «Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья, а завтра рано, чуть светочек, заплачет вся моя семья...»

[2] Из арии Гренише из оперетты французского композитора Р. Планкетта «Корневильские колокола» (1877).

1935

[1] Задачи, которые стояли перед С.И. Вавиловым в этой командировке, были, в основном, связаны с его деятельностью научного руководителя ГОИ:

«1) Ознакомление с состоянием научного исследования и производства в области оптики в Италии, Франции и Германии…

2) На основании приглашения Польского Физического Общества Академия Наук С.С.С.Р. командировала меня в Варшаву для прочтения научных докладов и для участия в совещании по поводу организации международной конференции по люминесценции в Варшаве (состоялась в мае 1936 г. – *Ред.*).

3) Посещение физических институтов… в связи с моей работой в Гос. Оптическом Институте и в Физическом Институте Академии Наук.

4) В Париже предполагалось участие в некоторых заседаниях Международного Фотографического и Астрономического конгрессов.

5) Работа в итальянских и французских библиотеках в связи с порученным мне Г.Т.Т.И (Гос. Технико-Теоретическое издательство. – *Ред.*) редактированием русского издания сочинений Ньютона и с изучением вопроса об истории фотометрического метода гашения.

…Для обсуждения вопроса об участии профессора Венского университета Марка в Научной Эльбрусской экспедиции Академии Наук выяснилась необходимость остановиться на 2 дня в Вене. Кроме того, я получил приглашение от проф. Прингсгейма посетить его лабораторию в Брюссельском Университете (после прихода нацистов в 1933 г. к власти в Германии Прингсгейм был вынужден покинуть Берлин и переехать в Бельгию. – *Ред.*) для дискуссии по люминесценции» (*Вавилов С.И.* Отчет о поездке за границу (18 мая – 31 июля 1935 г.). – АРАН, ф. 596, оп. 2, № 30, л. 1).

19 мая 1935

[1] Речь идет о семинаре Физического института Варшавского университета.

20 мая 1935

[1] Иерусалимская аллея и Маршалковская – главные торговые улицы Варшавы.

[2] Торгсин (торговля с иностранцами) – организован в июле 1930 г. для торговли за валюту с иностранцами в Москве, а затем и во всесоюзном масштабе. В 1931–1936 годах уже сеть магазинов, в которых и советским гражданам за валюту, драгоценные металлы и камни, предметы старины можно было купить продукты и промышленные товары, отсутствовавшие в свободной продаже в СССР. Введение такого типа торговли имело целью «выкачивание» из населения страны и иностранных граждан средств для проведения индустриализации. См.: *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации. Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009.

21 мая 1935

[1] А. Яблоньский предложил (1935) принципиальную схему объяснения длительного свечения люминесценции (порядка нескольких минут), развитую впоследствии Г. Льюисом с сотрудниками (1944, 1945). См.: *Лёвшин В.Л.* Фотолюминесценция жидких и твердых веществ. М.; Л.: ГИТТЛ, 1951. С. 32, 112 и след.

22 мая 1935

[1] Эбулиометрия (эбулиоскопия) – метод определения молекулярного веса растворенных веществ, основанный на явлении повышения точки кипения раствора по сравнению с температурой кипения чистого растворителя.

[2] По контексту ясно, что речь идет о польском архитекторе Станиславе Владиславовиче Ноаковском.

23 мая 1935

[1] Доклад «Природа света и флуктуации светового потока», возможно, соответствует статье Вавилова «Флуктуации света и их измерения визуальным методом» (1936) //Вавилов. Собр. соч. Т. I. С. 415–423.

24 мая 1935

[1] Описка Вавилова: надо – Rostworowskiego.

[2] Драма Б. Ростворовского (написана стихами) «Иуда Искариот» стала знаковой в творчестве Р.: после 1913 г. (время первой постановки пьесы) его стали называть наследником классика польской драматургии С. Выспянского.

[3] У Леонардо да Винчи нет картины на этот сюжет. Видимо, речь идет о фреске «Брак в Кане Галилейской», принадлежащей кисти ученика Леонардо Марко д'Оджионо (~1440 – ~1530); сейчас хранится в музее Брера (Милан).

25 мая 1935

[1] Один доклад – «Теория ударов второго рода в жидкостях», второй – «Государственный Оптический Институт в Ленинграде», научным руководителем которого был Вавилов.

[2] В бывшей усадьбе «Узкое», ныне находящейся в черте Москвы, до наст. времени находится санаторий Академии наук.

26 мая 1935

[1] Вавилов, видимо, имел в виду Ч. Бялобжеского, а его фамилию транскрибировал по слуху. Правильно: Białobrzeskim.

27 мая 1935

[1] Доклад «Фотометрический метод гашения и его применения для изучения люминесценции», прочитанный Вавиловым, возможно, соответствует его статье, опубликованной в журнале «Природа» (1935, № 12. с. 8–16; Собр. соч. Т. IV. С. 356–367).

29 мая 1935

[1] Газетная вырезка отсутствует.

30 мая 1935

[1] В студенческие годы С.И. неоднократно посещал Италию; последний раз в 1913 г.

[2] Это строка из юношеского стихотворения С.И. Вавилова, навеянного впечатлениями от посещения Италии в 1913 г.

[3] Еще в 1923 г. журнал «Огонек» в заметке «Комсомольцы навыворот» писал: «Фашисты в Италии во многом пытаются копировать приемы и тактику коммунистического движения, в частности, привлекают в свои ряды молодежь. На снимке (который приводится в журнале. – *Ред.*) дана группа гимназистов, манифестирующих под знаменем реакции» (Огонек, № 2, 1923).

[4] Филотекника Сальмоираги – предприятие по производству прецезионной техники, основателем которого был А. Сальмоираги.

У Вавилова встречается разное написание этой фамилии. Мы сохраняем написание С.И.В.

31 мая 1935

[1] Формально А.А. Эйхенвальд не эмигрировал, а выехал за границу в Берлин с женой 3 сентября 1920 г. легально как представитель Научно-технического отдела при ВСНХ; в отставку вышел в 1922 г. и с 1923 г. жил в Праге, а в конце 1920-х гг. перебрался с женой в Милан, где и скончался 12 сентября 1944 г.

2 июня 1935

[1] А. Корреджо не был уроженцем Пармы, но много там работал.

[2] По-видимому, намек на факт сожжения на костре Дж. Савонаролы на пл. Синьории 23 мая 1498. С XIX в. место казни обозначено памятной плитой.

3 июня 1935

[1] В. Ронки (V. Ronchi) тогда было 37 лет. Опубликованы его краткие воспоминания об этих встречах с Вавиловым (см., напр., в кн.: Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 3. М.: Наука, 1991. С. 203–205).

4 июня 1935

[1] Речь идет о продукции двух оптических предприятий – К. Цейсса (Иена, Германия) и Сан-Джорджо (Генуя).

[2] Речь идет об обсерватории Маунт-Вильсон (Калифорния, США).

[3] Небольшой завод оптического стекла «Институт боросиликатов», принадлежавший князю Джинори, Вавилов не смог осмотреть из-за отсутствия во Флоренции его владельца.

[4] В институте, который возглавлял В. Ронки (находится в Арчетри, пригороде Флоренции), работало в то время 22 человека; институт состоял при Министерстве народного просвещения Италии. По оценке Вавилова, «это был скорее вуз, чем научно-исследовательский институт. Этот институт реформировал итальянскую оптико-механическую промышленность и являлся техническим дирижером оптико-механической промышленности» (*Вавилов С.И.* Отчет о поездке за границу (18 мая – 31 июля 1935 г.) – АРАН, ф. 596, оп. 2, № 30, л. 31–34).

[5] Старшая дочь Галилея Вирджиния (1600–1633) под именем Марии Челесты была монахиней францисканского монастыря в Арчетри. В Арчетри в своем имении последние годы провел под надзором инквизиции Галилей.

[6] Речь идет о Воспитательном доме для подкидышей (архитектор Брунеллески), который строился в 1421–1444 гг. Действовал до 1875 г. Сейчас там находится пинакотека и галерея приюта.

5 июня 1935

[1] Знаменитое кафе на пл. Республики (открыто в 1773 г.), в котором в начале XX в. собиралась богема.

[2] Картинная галерея Уффици во Флоренции; построена в XVI в. по проекту Джоржо Вазари.

6 июня 1935

[1] Basilica di Santa Croce – Базилика Санта-Кроче (Церковь Святого Креста) – францисканская готическая церковь XIII века в центре Флоренции, знаменитая фресками Джотто и гробницами великих людей Италии – Микеланджело Буонаротти, Галилео Галилея, Данте Алигьери, Энрико Ферми...

7 июня 1935

[1] Сын С.И. – Виктор Сергеевич Вавилов.

[2] В Академии наук по традиции существовало два места для академиков-астрономов. Одно из них с 1903 г. занимал А.А. Белопольский. На второе претендовал на выборах 1935 г. профессор МГУ, чл.-корр. АН СССР с 1927 г. В.Г. Фесенков (представление его в академики подписали А.А. Белопольский и В.И. Вернадский). После смерти почетного директора Пулковской обсерватории Белопольского 16 мая 1934 г., казалось, на выборах 1935 г. астрономам должно было бы быть предоставлено два места. И был выдвинут в действительные члены АН СССР дополнительно директор Пулковской обсерватории (с 1919 по август 1934 находилась в ведении Наркомпроса) проф. Б.П. Герасимович. Однако этого не случилось, и на одно место оказалось два претендента. Академиком был избран Фесенков.

[3] Речь идет о четырех скульптурах Микеланджело «Рабы» («Пленники»).

[4] Видимо, имеется в виду книга Л.Т. Мора (*More L.T.* Isaac Newton. A biography. 1934. 675 p.)

[5] Доклад «Визуальные наблюдения квантовых флуктуаций светового потока», возможно, соответствует по содержанию статье Вавилова «Флуктуации света и их измерения визуальным методом» (1936) // *Вавилов С.И.* Собр. соч. Т. I. С. 332–342.

8 июня 1935

[1] Koristka – Користка – оптический завод в Милане (о нем см. записи от 22 и 24 июня 1935 г.). Название дано по фамилии владельца.

[2] Имеется в виду Parco delle Cascine (парк Кашине), расположенный на правом берегу р. Арно.

[3] S. Maria del Fiore (Duomo) – кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре, купол создан по проекту Филиппо Брунеллески.

[4] Giardino di Boboli – сад Боболи, парковый ансамбль, примыкающий к дворцу Питти.

[5] Alceste Глюка – опера немецкого композитора К.В. Глюка «Альцеста».

[6] Palazzo Vecchio – Палаццо Векья (Старый дворец), Ponte Vecchio – Старый мост.

9 июня 1935

[1] Одно из старейших зданий города баптистерий, вид которого окончательно оформился в XI в., свидетельствует о приверженности его строителей идеалам античности.

10 июня 1935

[1] Инженер-электрик Франк Твайман (F. Twyman, 1876–1959) в 1916 г. получил патент вместе с Альфредом Грином на определенный тип призмы и линз, используемых в интерферометре, названного их именами.

[2] Б.Я. Свешников руководил в то время работами по изучению характера тушения люминесценции в ГОИ.

[3] Academia del Cimento (Академия опытов) основана в 1657 г. Леопольдо Медичи и распущена им же через 10 лет.

[4] Слова Фауста (Гёте И.В. Фауст, ч. I, сцена 4): «Мгновенье, прекрасно ты, продлись, постой» (перевод Н. Холодковского).

12 июня 1935

[1] У Вавилова здесь и далее ошибочно написано 12, 13 и 14 июля.

[2] Речь идет о церкви Sacro Nome di Gesu – главной церкви Ордена иезуитов.

13 июня 1935

[1] Э. Ферми поехал на время каникул в США для участия в работе летней школы в Анн-Арборе (штат Мичиган). Но общая обстановка в фашистской Италии, в частности, подготовка к войне с Абиссинией (Эфиопией) заставляла физиков думать об эмиграции. Подробнее см.: *Сегре Э.* Энрико Ферми – физик. М.: Мир, 1973. 324 с.

[2] Строка из незаконченной драмы А.С.Пушкина «Русалка»: «Знакомые, печальные места! Я узнаю окрестные предметы – Вот мельница! Она уж развалилась».

[3] Gianicolo (Джаниколо, или Яникул) – один из холмов, на которых расположен Рим.

[4] Кафе Греко (via Condotti, 86), недалеко от пл. Испании – старейшее литературное кафе Рима. Там бывали И.В. Гете, Н.В. Гоголь, Дж. Китс, Р. Вагнер, Ф. Лист.

[5] И.Е. – по-видимому, речь идет об Иване Евсеевиче Евсееве, преподавателе чистописания и рисунка в Коммерческом училище, который был «большой любитель культуры и искусства в широком смысле» (*Вавилов С.И.* Запись в дневнике 20 августа 1950 г.).

14 июня 1935

[1] Точный перевод: *Франсуа Мари* (францисканский монах, Париж). Новое открытие о свете относительно измерения и расчета его степеней. Париж, 1700. Русский перевод (*Ф. Мари.* Фотометрия) помещен в книге, изданной в серии «Классики науки»: *Бугер П.* Оптический трактат о градации света. М.: АН СССР. 1950. См. также запись от 3 июля 1935 г.

16 июня 1935

[1] Первые антисемитские законы были приняты в Италии в сентябре 1938 г., но реально они начали действовать раньше.

[2] Трастевере – район Рима, в наше время любимое место вечерних прогулок римлян, где много ресторанов, кафе, клубов, баров и т.д.

17 июня 1935

[1] Юноша редкой красоты Антиной был фаворитом римского императора Адриана. Он утонул в Ниле. На месте его гибели Адриан заложил город Антинополис, в его честь было названо созвездие. Желая угодить императору, многие заказывали скульптурные портреты юноши. Значительная их часть принадлежит к лучшим произведениям эпохи Адриана.

[2] Scuola d'Atene (Афинская школа) – роспись Рафаэля в станца делла Сеньятура (комната, в которой подписывались папские указы) в Ватикане.

[3] Моллирование – метод формования стекла, основанный на способности разогретой до пластического состояния стеклянной массы деформироваться под действием собственного веса.

[4] Парра-Мантуа – завод оптического стекла в Генуе.

[5] Лейтц – Ernst Leitz GmbH – прежнее название фирмы Лейка (Leica).

18 июня 1935

[1] Курфюрстендамм – улица Берлина, популярное место покупок, развлечений.

22 июня 1935

[1] Ныне в церкви Сан-Маурицио размещается Археологический музей. В церкви Santa Maria delle Grazie – фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря».

[2] Леонардески – картины учеников и последователей Леонардо да Винчи.

23 июня 1935

[1] Сант Амброджо – церковь святого Амброзия, самая старая и вторая по значению в Милане после Maria della Grazia; Castello – замок [Сфорцо].

24 июня 1935

[1] Доктор Дапертутто – персонаж повести Э.Т.А. Гофмана «История о пропавшем изображении» (от *ит.* dapertutto – повсюду, везде) – носитель, олицетворение зла.

[2] Видимо, речь идет о работах В.П. Линника, выполненных им самим или под его непосредственным руководством и участием в 1932–1934 гг.: 1) В 1933 г. он разработал микроинтерферометр, представляющий сочетание интерферометра типа Майкельсона с микроскопом; прибор предназначался для измерения с точностью до 0,03 мкм высоты микронеровностей на металлических и других поверхностях высокого класса чистоты обработки. Микроинтерферометр Линника получил широкое распространение в стране и за границей, так как имел преимущества перед интерферометром Тваймана. 2) Для испытания оптических систем Линник разработал интерферометр, основанный на новом тогда принципе «полупрозрачной щели». Этот метод является прообразом метода фазового контраста Цернике.

[3] Об этом см.: XV лет Государственного оптического института. Сб. статей под ред. С.И. Вавилова. Л.-М.: ОНТИ-ГТТИ. 1934. 279 с.

25 июня 1935

[1] Allocchio Bacchini – итальянская фирма по производству физических приборов.

27 июня 1935

[1] По-видимому, речь идет о книге: *Beltrami L.* Bibliografia Vinciana. Roma, 1919. 21 p.

29 июня 1935

[1] Имеется в виду Институт Франции (Французский институт) – крупнейшее научное учреждение страны, состоящее из пяти академий.

[2] Фоли-Берже – известное парижское варьете.

2 июля 1935

[1] Марокен – от maroquin (*фр.*) – сафьян, материал для переплетов книг.

4 июля 1935

[1] Международный конгресс писателей состоялся в Париже 21–25 июня 1935 г.

[1] Предполагалось издание собрания сочинений И. Ньютона (см.: *Вавилов С.И.* Впервые за два века в СССР издается собрание сочинений Ньютона // Известия. 1934. 24 мая, № 120), которое не было осуществлено.

[2] Grand Opera – Гранд-Опера, крупнейший французский театр оперы и балета в Париже. «Фальстаф» – опера Дж. Верди.

8 июля 1935

[1] Редактором перевода книги Ш. Фабри «Общее введение в фотометрию» (Л.-М.: ГТТИ, 1934. 199 с.) был сотрудник ГОИ А.А. Гершун.

[2] См. примеч. [1] к записи 14 июня 1935 г.

9 июля 1935

[1] Международный конгресс писателей состоялся в Париже 21–25 июня 1935 г.

[2] Дж. Кокрофт и Э. Уолтон (1903 – ?) сконструировали высоковольтную установку – каскадный генератор, на которой в 1932 г. осуществили первую ядерную реакцию с искусственно ускоренными протонами – трансмутацию ядер лития. В следующем году продолжили исследования (Нобелевская премия, 1951).

[3] Видимо, речь идет об экспериментах, которые привели к открытию П. Оже в 1938 г. широких атмосферных ливней (ливни Оже).

[4] Правильно – митогенетические лучи. Открыты в 1923 г. А.Г. Гурвичем, предположившим, что сверхслабое ультрафиолетовое излучение (λ = 1900–3250 Å) ряда живых тканей и химических реакций стимулирует деление клеток – митозы (отсюда название).

[5] В 1903 г. французский физик, член Парижской АН (1894) Р. Блондло (1849–1930) обнаружил особый вид излучения – *N*-лучи. Однако при более тщательных исследованиях «открытие» оказалось результатом ошибочных наблюдений.

10 июля 1935

[1] Одна из книг: *Fabri H.* Synopsis optica. Lugd. 1667; вторая, возможно: Physica....Lugd. 1669. Обе изданы в Лионе (Lugdumun).

11 июля 1935

[1] Кинамо – один из видов киносъемочного аппарата; использовался в 1920–1930-х гг. в документальном и художественном кинематографе.

12 июля 1935

[1] ВИМС – Всесоюзный институт минерального сырья.

[2] Фирма «Kipp & Zonen» (название с 1866 г.) по производству физических, химических и медицинских приборов основана в 1830 г. голландским фармацевтом Р.Я. Киппом (1808–1864).

[3] Речь идет о парижской церкви Св. Мадлен.

15 июля 1935

[1] Имеется в виду дворец Шайо на площади Трокадеро.

[2] Adam Hilger Ltd. – известная британская фирма по изготовлению оптического оборудования. Основана в 1874 г.

16 июля 1935

[1] См. примеч. 2 к записи от 7 июня 1935 г.; см. также: *Еремеева А.И.* Жизнь и творчество Бориса Петровича Герасимовича (К 100-летию со дня рождения) // Историко-астрономические исследования. 1989. М.: Наука, 1989. С. 252–301, особ. с. 282–297.

22 июля 1935

[1] С.И. Вавилов уделял большое внимание изучению длительности послесвечения люминесцирующих молекул. В 1934 г. он классифицировал люминесценцию по характеру ее кинетики (см.: *Вавилов С.И.* О законах затухания обратимых явлений люминесценции // Собор. соч. Т. I. С. 391–398; впервые статья опубликована на нем. яз. в журнале Physikalische Zeitschrift der Sowietuniuon, 1934. Bd. 5. S. 369–378). Все виды люминесценции он разделил на три класса: спонтанное (самопроизвольное), вынужденное (метастабильное) и рекомбинационное свечения. Затухание первых двух видов люминесценции описывается экспоненциальным законом, рекомбинационное свечение происходит по гиперболическому закону. Эта работа Вавилова дала толчок для исследования А. Яблоньского, который в 1935 г. предложил принципиальную схему процессов длительного свечения, развитую в дальнейшем Г. Льюисом с сотрудниками (1944–1945 гг.). Подробнее об этом см., напр.: *Лёвшин В.Л.* Фотолюминесценция жидких и твердых веществ. М.; Л.: ГТТИ, 1951. С. 32, 112 и сл.

Вавилов настаивал на классификации, основанной на законах затухания свечения, в то время как П. Прингсгейм остался на позиции традиционного для его научной молодости разделения люминесценции по признаку длительности свечения. См. также предисловие к русскому изданию книги Прингсгейма «Флуоресценция и фосфоресценция» (М., 1951), написанное Вавиловым.

23 июля 1935

[1] «Вече» – черносотенная газета, издававшаяся в Москве в 1905–1910 гг.

24 июля 1935

[1] А. Э. Г., A. E. G. – Allgemeine Elektricitäts Gesellschaft – Электротехнический концерн. Название с 1887 г.; современное название AEG – Telefunken Gruppe.

25 июля 1935

[1] М. Черни одним из первых попытался (работа 1932 г., совм. с Р.Б. Барнесом) обнаружить квантовые флуктуации света с помощью адаптированного в темноте глаза. Эта статья была критически проанализирована Вавиловым; она послужила толчком к десятилетним исследованиям в ГОИ, проведенным им и его сотрудниками Е.М. Брумбергом, К.Б. Паншиным, З.М. Свердловым и Т.В. Тимофеевой.

[2] «Мне все здесь на память приходит былое» – фраза из арии князя из оперы А.С. Даргомыжского «Русалка» по незаконченной драме А.С. Пушкина, у Пушкина: «Все здесь напоминает мне былое».

27 июля 1935

[1] УВП – Управление военных приборов при Главном Артиллерийском Управлении Красной Армии. Расформировано в 1937 г.

28 июля 1935

[1] В январе–мае 1926 г. Вавилов работал в Лаборатории П. Прингсгейма Физического института Берлинского университета.

[2] Картина Л. Синьорелли «Пан». Погибла во время Второй мировой войны.

[3] Амарна – поселение на восточном берегу Нила, вблизи которого расположены остатки одной из столиц Древнего Египта. Раскопки ведутся с 1891 г. Обнаружен большой архив (кли-

нописные таблички), позволяющий судить о положении дел в провинции и в сопредельных странах. Город просуществовал около 15 лет и после смерти его создателя Эхнатона (14 век до н.э.) был покинут жителями.

1936

26 июля 1936

[1] Бати-Лиман – урочище на Южном берегу Крыма. В 1924 г. там был открыт Дом отдыха Академии наук СССР на базе существовавшего с начала XX в. дачного кооператива писателей и юристов.

1937

27 июля 1937

[1] «Музыка сфер» – учение Пифагора о гармонии ритмов во Вселенной.

[2] Роман Г. Уэллса «Мистер Блетсуорти на острове Рэмпол» (Mr. Blettsworthy on Rampole Island, 1928).

1938

7 апреля 1938

[1] Далее в дневник были вклеены фотографии матери С.И. Вавилова и вложены вырезка из газеты о дате погребения А.М. Вавиловой, письма жены к С.И. Вавилову от 30, 31 марта 1938 г., см. Приложение.

31 июля 1938

[1] *Арнольд Цвейг.* Воспитание под Верденом. М.: Журнально-газетное объединение, 1937.

5 августа 1938

[1] Видимо, у Вавилова было парижское издание 1872 г. романа X.B. Saintine (1798–1865) "Picciola".

1939

8 июля 1939

[1] Алибек – альпинистский лагерь в Карачаево-Черкесии в районе Домбайской поляны.

[2] *Curie E.* Madame Curie. London: Heinemann, 1938, 414 p. Книга неоднократно переиздавалась на европейских языках. Первое издание на рус. яз.: *Кюри Е.* Мария Кюри. М.: Атомиздат, 1967. 352 с.

12 июля 1939

[1] «Tartarin sur les Alpes» (1888) («Тартарен в Альпах») – вторая часть трилогии А. Додэ о похождениях Тартарена из Тараскона. Переводилась на русский язык (1927, 1930).

[2] «Пространство Эвклида» – вторая часть книги воспоминаний К.С. Петрова-Водкина «Моя повесть» (Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия) издана в 1932; в ней он изложил свои теоретические взгляды на искусство.

15 июля 1939

[1] «И дурак ожидает ответа» – заключительная строка стихотворения «Вопросы» немецкого поэта Генриха Гейне.

19 июля 1939

[1] М. Мерлен – главный герой романа Л. Гийу «Черная кровь».

[2] Principia – «Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica» – трактат И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687).

[3] «Критика чистого разума» – основополагающий философский труд Иммануила Канта (1781).

[4] Возможно, перефразирование строки из стихотворения Ф. Тютчева «Волна и дума» (1851): «Дума за думой, волна за волной – / Два проявленья стихии одной: / В сердце ли тес-

ном, в безбрежном ли море, / Здесь – в заключении, там – на просторе, – / Тот же все вечный прибой и отбой, / Тот же все призрак тревожно-пустой».

21 июля 1939

[1] См. примеч. 2 к записи от 8 июня 1920 г.

3 августа 1939

[1] Немного видоизмененные строки из стихотворения И.В. Гёте «Блаженное томление» (1814).

8 августа 1939

[1] Поречье (Звенигород) – дом отдыха АН СССР в окрестностях г. Звенигорода.

[2] Глаголевская дача – дача, принадлежавшая соседям Вавиловых по Пресне – Глаголевым.

[3] Саввино-Сторожевский мужской монастырь, основанный во второй половине XIV в. в г. Звенигороде Саввой Сторожевским, учеником Сергия Радонежского.

18 августа 1939

[1] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891–1892. М.; Л.: «Academia», 1934.

[2] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 1–6. М., 1934–1937.

1940

10 марта 1940

[1] Речь идет о Второй мировой войне. Не исключено, что С.И. намекает и на закончившуюся мирным соглашением 12 марта 1940 г. советско-финляндскую войну (началась 30 ноября 1939 г.).

[2] Сын С.И. – Виктор был призван в Красную армию в 1939 г. с 1-го курса физического факультета ЛГУ и участвовал в войне с Финляндией, а затем в Великой Отечественной войне.

12 марта 1940

[1] Первая строка стихотворения А.С. Пушкина, названного Пушкиным в одном из автографов «Легенда», в сокращённом виде было включено в драму «Сцены из рыцарских времен»: «Жил на свете рыцарь бедный, / Молчаливый и простой, / С виду сумрачный и бледный, /Духом смелый и прямой».

[2] «Ворона в павлиньих перьях» – часто используемое С.И. выражение. Встречается у А.П. Чехова. Восходит к басне И.А. Крылова «Ворона» (1825). Аналогичный сюжет от древнегреческого философа Эзопа через французского баснописца XVII в. Лафонтена вошел в европейские литературы.

15 марта 1940

[1] Санаторий «Барвиха» расположен недалеко от платформы Барвиха по Усовской ветке, в 25 километрах от Белорусского вокзала г. Москвы. Там отдыхали и лечились известные писатели, артисты, ученые.

[2] Корчагинцы – артисты Ленинградского театра им. А.С. Пушкина; от фамилии актрисы Корчагиной-Александровской Екатерины Павловны (1874–1951). Е.П. Корчагина-Александровская играла преимущественно на сцене Александрийского театра (Ленинградский академический театр им. А.С. Пушкина). Народная артистка СССР (1936), депутат ВС РСФСР (1937–1946).

[3] Садовцы – речь идет об актерах Малого театра: от фамилии актерской династии Садовских; ее представители играли на сцене Малого театра с 1839 г.

[4] Описка С.И. См. примеч. 1 и записи от 10 марта.

16 марта 1940

[1] Сандор (Шандор) Кемери (наст. фамилия – Белени) – венгерская писательница, несколько лет была секретарем А.Франса, автор книги «Прогулки с Анатолем Франсом», а также «Книги страданий» – об ужасах и пытках, перенесенных ею в концентрационном лагере, где она оказалась после разгрома в 1919 году Венгерской Советской Республики.

17 марта 1940

[1] Немного видоизмененная строка из стихотворения А.С. Пушкина «Герой» (1830): «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман».

19 марта 1940

[1] Парафраз слов Фамусова из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824): «Возьмите вы от головы до пяток, / На всех московских есть особый отпечаток».

21 марта 1940

[1] Мейендорфовский «замок» в Барвихе – дом, построенный в псевдоготическом стиле в конце XIX в. в усадьбе баронов Мейендорф.

23 марта 1940

[1] Неточная цитата из стихов Ф.И. Тютчева «Смотри, как на речном просторе…» (1851): «О, нашей мысли обольщенье, / Ты, человеческое Я, / Не таково ль твое значенье, / Не такова ль судьба твоя?».

[2] Из арии Роберта из оперы «Иоланта» (1891) П.И. Чайковского (1840–1893), в основе которой либретто брата композитора Модеста Ильича.

24 марта 1940

[1] Цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (гл. 2, строфа 14): «Мы все глядим в Наполеоны; / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно».

28 марта 1940

[1] Вероятно, С.И. Вавилов читал книгу: «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции», пер. М. Лозинского, вступ. статья А.К. Дживелегова, М.; Л.: Academia, 1931. 736 с.

[2] Герои пьесы М.Горького «На дне».

4 апреля 1940

[1] Бержере – персонаж четырех произведений – «Под городскими воротами» (1897), «Ивовый манекен» (1897), «Аметистовый перстень» (1899) и «Господин Бержере в Париже» (1901), составляющих главы романа «Современная история». (В скобках указаны годы первых изданий в виде книг. Первоначально публиковались во французских газетах: 1 – в 1895–1896, 2 – в 1896–1897, 3 – в 1898, 4 – в 1899–1900).

[2] «Смертный, силе нас гнетущей, покоряйся и терпи, / Спящий в гробе мирно спи – жизнью пользуйся живущий» – строки перевода В.А. Жуковского (1828) пьесы Ф. Шиллера «Торжество победителей». Стихотворение на сюжет из «Илиады» Гомера: греки празднуют победу над троянцами, возвращаясь на родину с богатыми трофеями и уводя в плен троянских «дев и жен». *Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4-х т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 157–158, 465.

5 апреля 1940

[1] Перефразированные строки А.С. Пушкина из поэмы «Полтава»:

«...И грянул бой, Полтавский бой! / В огне, под градом раскаленным, / Стеной живою отраженным, / Над падшим строем свежий строй / Штыки смыкает».

[2] Речь идет о кинофильме «Петр I» (режиссер В.М. Петров). Главную роль исполнил Н.К. Симонов. Первая серия вышла в прокат в 1937 г., вторая – в 1938 г.

10 апреля 1940

[1] Фразы из стихотворений Г. Гейне: «Брось свои иносказанья…» и «Вопросы».

12 апреля 1940

[1] См.: *Дурылин С.* Ранние русские знакомства Гёте // Дурылин С. Русские писатели у Гёте в Веймаре / Литературное наследство. Т. 4–6, 1932.

1 мая 1940

[1] См. примеч. 1 к записи от 10 марта 1940 г.

14 июля 1940

[1] С.И. говорит о своем дневнике.

16 июля 1940

[1] См. примеч. к 1 записи от 13 июня 1935 г.

24 июля 1940

[1] С.И. давно интересовал вопрос о природе элементарных излучателей (диполь, квадруполь). Реально этой проблемой он занялся в марте 1940 г. (*Вавилов С.И.* Научные записи. 1935–1943 гг. // Исслед. по ист. физики и механики. 2006. М.: Наука, 2007. С. 116, 117, 120). См. также: *Вавилов С.И.* Природа элементарных осцилляторов и поляризация фотолюминесценции // Ж. экспер. и теор. физики. 1940. Т. 10, вып. 12. С. 1363–1371; Собр. соч. Т. 2. С. 58–70.

1 августа 1940

[1] *Шульгин В.В.* Дни: Записки. Белград: Изд-во М.А. Суворина, 1925. 310 с. В этом же году книга была выпущена в Ленинграде: *Шульгин В.В.* Дни: Записки / Вступ. ст., коммент. С. Пионтковского. Л.: Прибой, 1925, 223 с. *Шульгин В.В.* Дни: Записки. Л.: Прибой, 1926, 281 с. («Библиотека для всех»).

[2] Согласно сочинению римского историка Гая Светония Транквилла «Божественный Август», так императора Клавдия приветствовали гладиаторы, отправлявшиеся на арену.

7 августа 1940

[1] Сепия – темно-коричневая краска.

13 августа 1940

[1] Железо – небольшой дачный поселок на берегу р. Луга, недалеко от г. Толмачево Ленинградской обл.

20 августа 1940

[1] См. также запись от 6 июля 1943 г.

1 сентября 1940

[1] «Гробы повапленные» – окрашенные гробы; то, что прикрывается наружным блеском, а на самом деле ничтожно, пусто, никуда не годно. Из Евангелия (Матф. 23: 27), где лицемеры уподоблены повапленным, т.е. окрашенным, гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а «внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты». Выражение использовали в своих произведениях М.Ю. Лермонтов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Б. Савинков и др.

21 ноября 1940

[1] Опера Р. Вагнера «Валькирия» (1852–1856).

5 декабря 1940

[1] *Guyau J.* M. Vers d'un philosophe. Paris: G. Baillière, 1881, 208 p. 2-me éd. Paris: F. Alcan, 1896. 212 p. Русск. перевод: *Гюйо М.* Стихи философа / Пер. И.И. Тхоржевского. СПб., 1901.

19 декабря 1940

[1] День Николы-зимнего – день именин брата.

[2] «Пиковая дама» – опера П.И. Чайковского.

30 декабря 1940

[1] О.А. – Ольга Антоновна Добиаш–Рождественская, жена Д.С. Рождественского.

[2] Надежда Викторовна – жена В.Л. Комарова. С.И. Вавилов, очевидно, обращался к президенту АН СССР В.Л. Комарову с просьбой подписать ходатайство в защиту своего арестованного брата академика Н.И. Вавилова.

[3] Идет Вторая мировая война, но Вавилов получает из Италии только что вышедший очередной том «Собрания сочинений» Леонардо да Винчи.

1941

9 января 1941

[1] Нескучный Дворец – здание Президиума АН СССР в Нескучном саду.

[2] См.: *Вавилов С.И.* Главные пути современной физики // Природа. 1941, № 5. С. 3–17. (Собр. сочинений. Т. 4. С. 402–422).

[3] Это не фельетон, а рецензия Эрлиха на фильм «Макар Нечай» (реж. В. Шмидтгоф, Киевская ст., 1940), вышедший на экраны в первые дни января 1941 г. В фильме излагается под другими именами (академик Адамов и селекционер Нечай) история взаимоотношений Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко.

31 января 1941

[1] Смерть Озе – речь идет об одной из частей музыкально-драматической композиции по пьесе Г. Ибсена «Пер Гюнт» (музыка Э. Грига). Озе (Осе) – мать Пер Гюнта.

18 февраля 1941

[1] Cogito ergo sum является переводом с французского оригинального утверждения Декарта Je pense, donc je suis.

[2] С.И. Вавилов имел в виду гипотезы об изменении во времени гравитационной и других постоянных, появившихся в 1930-е годы (Э. Милн, 1934; П.А.М. Дирак, 1937).

[3] По-видимому, речь идет о пятой симфонии Бетховена.

[4] См. примеч. 1 к записи от 1 мая 1944 г.

[5] Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Тени сизые смесились... Сумерки» (1835): «Тени сизые смесились, / Цвет поблекнул, звук уснул – / Жизнь, движенье разрешились / В сумрак зыбкий, в дальний гул... Мотылька полет незримый / Слышен в воздухе ночном... / Час тоски невыразимой!.. / Всё во мне и я во всем...».

27 марта 1941

[1] Возможно, с просьбой ходатайства за брата. В.А. Веснин и С.И. Вавилов были женаты на родных сестрах.

2 апреля 1941

[1] Профессиональный революционер Н.Э. Бауман (1873–1905) был убит во время демонстрации в Москве 18 октября 1905 г. Его похороны прошли 20 октября при большом стечении народа и стали заметным политическим событием. Они произвели сильное впечатление на юного С.И. Вавилова. См.: «Начало автобиографии» (запись от 8.I.1951) // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 3. М.: Наука, 1991. С. 91.

3 апреля 1941

[1] Советский художественный фильм по повести Н.В. Гоголя режиссера Н.В. Экка (Ивакин, 1902–1976). Премьера состоялась в апреле 1941 г.

[2] Строка из стихотворения В.Я. Брюсова «Грядущие гунны» (1905).

20 апреля 1941

[1] Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium» («Молчание») (1830?)

8 мая 1941

[1] Профессор физического факультета МГУ А.К. Тимирязев, член РКП(б) с 1921 г. (принят в партию по решению ЦК без кандидатского стажа), вследствие этого, а также вследствие упоминания в работе В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма» (1922) занял в двадцатые годы целый ряд руководящих постов в советской физике. Начиная по меньшей мере с 1923 г. А.К. Тимирязев занимал противоположную С.И. Вавилову позицию в многочисленных организационных и научных конфликтах среди московских, а позже советских физиков. А.К. Тимирязев, в частности, выступал против теории относительности и квантовой механики, а позднее возглавил агрессивную группу «университетских» физиков, пытавшихся противопоставить себя физикам «академическим». О каком именно конфликте идет речь в этой конкретной записи, не выяснено.

18 мая 1941

[1] Полуда – слой чистого олова или смеси олова и свинца; используется в качестве антикоррозионного покрытия.

30 мая 1941

[1] См.: *Вавилов С.И.* Люминесцентные источники света. Доклад на Общем собрании Академии наук СССР 30 мая 1941 г. // Вестник АН СССР. 1941, № 7–8. С. 59–72. (Собр. сочинений. Т. 2. С. 71–86).

12 июня 1941

[1] Имеются в виду боевые действия мая–июня 1941 г. Средиземноморье: захват Крита Германией и захват Сирии войсками антигитлеровской коалиции.

15 июня 1941

[1] Выражение восходит к редакции Ф. Достоевским строки А. Пушкина из поэмы «Цыганы»: У Пушкина: «Оставь нас, гордый человек». У Достоевского: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве» (*Достоевский Ф.* «Речи о Пушкине»). Использовано в выступлении на пушкинских торжествах в Москве в мае 1880 г. в связи с открытием памятника А.С. Пушкину работы А.М. Опекушина.

[2] «Бытие определяет сознание» – это определение сформулировано К. Марксом в работе «К критике политической экономии» (1859).

18 июля 1941

[1] Отъезд в казанские леса, т.е. в эвакуацию: ГОИ эвакуировали в Йошкар-Олу, ФИАН – в Казань.

9 августа 1941

[1] Речь идет о геометрии Лобачевского, работавшего в Казани.

16 августа 1941

[1] Берендеевка – место действия пьесы А.Н. Островского «Снегурочка» и оперы Н.А. Римского-Корсакова по этой весенней сказке; здесь, по всей видимости, означает деревенскую идиллию.

[2] Несколько измененные строки из стихотворения Влад. Соловьева (1892): «Милый друг, иль ты не чуешь, / что одно на целом свете – / только то, что сердце к сердцу / говорит в немом привете?»

24 сентября 1941

[1] Видоизмененная строка из стансов Е. Баратынского «В глуши лесов» (1825): «Всех благ возможных тот достиг, кто дух судьбы своей постиг».

25 сентября 1941

[1] В 1867 г. Дж. Максвелл предложил мысленный эксперимент, якобы опровергающий второе начало термодинамики. В рамках эксперимента имелось две емкости с газом, разделенные дверью, и демон, который был способен открывать и закрывать эту дверь. Предполагалось, что демону известны скорости молекул – перед быстрыми он открывал дверь, а перед медленными, наоборот, закрывал. В результате одна из емкостей нагревалась, а вторая остывала. В это же время второе начало термодинамики утверждает, что самопроизвольный переход тепла от тела, менее нагретого, к телу, более нагретому, невозможен.

29 сентября 1941

[1] Метемпсихоза – переселение душ, реинкарнация (от греч. μετεμψύχωσις, «переселение душ»). Впервые идея метемпсихозы появилась у Диодора Сицилийского (1 в. до н.э.), затем была у Галена, Дж. Бруно; также важнейший элемент индийской философии.

12 октября 1941

[1] «Человек в ста масках» Эдгара Уоллеса (1875–1932) – известного английского писателя детективного жанра.

25 октября 1941

[1] Строка из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон».

[2] «Борода» – имеется в виду О.Ю. Шмидт. «Безбородый» – вероятно, Е.А. Чудаков (1890–1953), бывший вице-президентом АН СССР (25.II.1939 – 8.V.1942), как и О.Ю. Шмидт. Кречинский – герой пьесы Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского».

[3] 16 октября – паника в Москве в связи с предполагаемой сдачей города немецким войскам. См. также примеч. к записи от 1 июля 1942 г.

30 октября 1941

[1] Впервые о желании С.И. заняться переводом «Лекций по оптике» И. Ньютона мы узнаем из его дневниковой записи от 4 августа 1938 г. (*Вавилов С.И.* Научные записи. 1935–1943 гг. // Исслед. по ист. физики и механики. 2006. М.: Наука, 2007. С. 101). Это единственный полный перевод первого сочинения Ньютона по оптике на живой язык: *Ньютон И.* Лекции по оптике. Пер., коммент. и ред. С.И. Вавилова. М.: Изд. АН СССР, 1946, 293 с.

30 ноября 1941

[1] Повести Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832).

7 декабря 1941

[1] См. примеч. 2 к записи от 25 октября.

[2] В Куйбышеве с 15 октября 1941 г. находилось советское правительство.

23 декабря 1941

[1] Начальные слова из «Новой песни» («Рабочей марсельезы») известного революционера-народника П. Лаврова: «Отречемся от старого мира! / Отряхнем его прах с наших ног! / Нам враждебны златые кумиры; /Ненавистен нам царский чертог!» (1875) – на мотив «Марсельезы». Выражение восходит к словам Иисуса, которые приведены в Евангелии от Матфея:

«А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, оттрясите прах от ног ваших...» (Мф. 10:14).

28 декабря 1941

[1] Коппелиус – персонаж новеллы Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек».

1942

12 января 1942

[1] Шмид-Кремлевский – О.Ю. Шмидт, Арап Федорович – Абрам Федорович Иоффе.

19 января 1942

[1] См. прим. к 30 октября 1941.

22 января 1942

[1] Эмпедокл (ок. 490–430 до н.э.) – древнегреческий философ, сводил все разнообразие вещей к четырем элементам (стихиям): земле, воде, воздуху и огню. Их разделение и соединение он объяснял действием сил притяжения и отталкивания. Преобладание той или другой силы определяло различные стадии циклически происходящего развития вселенной. Эмпедоклу принадлежит также идея о закономерной эволюции живых существ в результате естественного отбора более жизнеспособных сочетаний.

7 февраля 1942

[1] Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно, и некому руку подать / В минуту душевной невзгоды...» (1840).

22 февраля 1942

[1] Возможно, С.И. Вавилов имел в виду книгу А.Н. Бенуа (см. примеч. 2 к записи от 18 ноября 1946 г.). См. также примеч. к записи от 2 июля 1935 г.

[2] Фильм «Goldrausch» («Золотая лихорадка», 1925) – приключенческая комедия Ч. Чаплина.

[3] В книге астрофизика Густава Стрёмберга «Душа вселенной» (1938, 1940) волновая механика и теория относительности привлекались для обоснования философских рассуждений о бессмертии души, о сущности живого и т.п. В тексте и списке литературы к статье С.И. Вавилова «Ленин и современная физика» (УФН. 1944. Т. 26. Вып. 2. С. 113–132) имя автора ошибочно дано как Strömgren.

15 марта 1942

[1] *Пинегин М.Н.* Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. Составил М.Н. Пинегин. СПб., 1890.

[2] К.В. Никольский с «психиатрической квантистикой» – это замечание С.И., по-видимому, связано с реакцией К.В. Никольского, известного своими работами по квантовой механике, на доклад Вавилова «Визуальные наблюдения квантовых флуктуаций светового поля», прочитанный им на Общем собрании Отделения физико-математических наук АН СССР, состоявшемся 10–11 марта 1942 г. Краткое резюме доклада см.: Изв. АН СССР. Сер. физ. 1942. № 6. С. 74–75; Собр. соч. Т. 2. С. 113–115.

24 марта 1942

[1] Блатмейстер – тот, кто использует связи, знакомства (блат) для получения чего-либо незаконным способом (разг.).

26 марта 1942

[1] 24 марта 1942 г. И.В. Сталин направил О.Ю. Шмидту (копия В.Л. Комарову) телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «...со стороны вице-президента О.Ю. Шмидта была сделана нелояльная попытка игнорирования и фактического отстранения от руководства президента Академии наук. Совнарком считает такое положение нетерпимым, а поведение О.Ю. Шмидта – дезорганизующим работу академии. Ввиду изложенных обстоятельств СНК СССР решил отстранить О.Ю. Шмидта от обязанностей вице-президента, исключить его из состава Президиума Академии наук» (*Матвеева Л.В.* Отто Юльевич Шмидт. М.: Наука, 1993. С. 170). См. также примеч. В.П. Волкова в кн.: В.И. Вернадский. Дневники. 1941–1943.

М.: РОССПЭН. С. 166–167, а также записи В.И. Вернадского от 15 и 23 мая 1942 г. (там же. С. 312, 314).

[2] Фраза, с которой обращаются к будущему римскому папе во время возведения его в этот сан, сжигая при этом перед ним кусок ткани в знак призрачности земного могущества. Выражение заимствовано из богословского трактата, принадлежащего знаменитому немецкому мистику XV в. Фоме Кемпийскому, «О подражании Христу», I, 3, 6: O quam cito transit gloria mundi «О, как скоро проходит земная слава».

30 марта 1942

[1] «Аладдин и волшебная лампа» – арабская народная сказка.

[2] «Созерцание и творчество» – самоцитата С.И. См. также запись от 11 июля 1939 г. и от 16 мая 1943 г.

3 апреля 1942

[1] «Подросток» – роман Ф.М. Достоевского (1875).

4 апреля 1942

[1] *"La sotto i giorni nubilosi e brevi / Nasce una gente a cui l'morir non dole"* – 49 и 51 строки из XXVIII канцоны Петрарки в память Лауры; эпиграф к 6 главе «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: «Там, где дни туманны и кратки 〈…〉 родится народ, которому не больно умирать». См.: *Лотман Ю.* Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. СПб.: Искусство, 1995. С. 666–667.

22 апреля 1942

[1] «Вся наша жизнь – игра» – перефразирование слов из арии Германа «Что наша жизнь – игра» из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама», автор либретто – брат композитора М.И. Чайковский, по мотивам повести А.С. Пушкина «Пиковая дама».

26 апреля 1942

[1] Общее Собрание Академии состоялось в Свердловске (ныне Екатеринбург) 3–8 мая 1942 г., на котором были избраны президент АН СССР В.Л. Комаров и шесть вице-президентов. В состав РИСО среди прочих вошел С.И. Вавилов (Вестник АН СССР. 1942. № 5–6. С. 4–89).

4 мая 1942

[1] «Савостьяныч» – Державин Николай Севастьянович.

7 мая 1942

[1] Из стихотворения «Полководец» (1835) А.С. Пушкина, посвященного герою войны 1812 г., М.Г. Барклаю-де-Толли (1761–1818):

«О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха! / Жрецы минутного, поклонники успеха!».

[2] Имеется в виду категорический императив И. Канта.

8 мая 1942

[1] Дисграсированного (от фр. disgracié), т.е. впавшего в немилость академика, философа Абрама Моисеевича Деборина (настоящая фамилия – Иоффе).

[2] См. примеч. к записи от 7 февраля.

[3] Ксантофилл (Xanthophyll) – желтый пигмент, присутствующий в зеленых листьях растений наряду с хлорофиллом.

[4] Правильно «Жизнь растения» – 10 общедоступных лекций К.А. Тимирязева; многократно переиздавались, начиная с 1878 г.

17 мая 1942

[1] С.И. Вавилов находился в Свердловске с конца апреля до 15 мая 1942 г. на Общем собрании АН СССР. Вероятно, в Свердловске он делал записи не в дневнике, и, вернувшись в Свердловск, 17 мая переписал их в свой дневник.

11 июня 1942

[1] Астрономическая обсерватория им. В.П. Энгельгардта при Казанском университете. Открыта в 1901 г., была снабжена инструментами, подаренными Казанскому университету астрономом В.П. Энгельгардтом (1828–1915), с 1903 носит его имя.

1 июля 1942

[1] Всеобщее бегство, английское производное от русского «драп». Вавилов имеет в виду общую панику в Москве 16 и 17 октября 1941 г. после начала экстренной эвакуации правительственных учреждений из Москвы в соответствии с Постановлением ГКО от 15 октября, подготовки к уничтожению более 1,1 тыс. объектов городской инфраструктуры. См. также запись от 25 октября 1941 г.

9 июля 1942

[1] Живая жизнь. Ч. 2. Аполлон и Дионис (О Ницше) В.В. Вересаева. Первое издание – 1915 г., второе – 1924 г.; включено также в том 8 Полного собр. соч. Вересаева. Драма «Человек из зеркала» Франца Верфеля издана в серии «Всемирная литература. Новости иностранной литературы» (Пб.–М., 1922. 224 с.).

11 июля 1942

[1] *h* – постоянная Планка, *g* – гравитационная постоянная, *c* – скорость света. С.И. Вавилов имел в виду концепцию *cGh*-физики, изложенную в статье Г. Гамова, Д.Д. Иваненко и Л.Д. Ландау (1927) и статьях и книгах М.П. Бронштейна «К вопросу о возможной теории мира как целого» и «Строение вещества» (1935).

19 июля 1942

[1] «Saggiatore» – «Пробирных дел мастер», книга Г. Галилея. Рус. пер. М.: Наука, 1987. 270 с.

22 июля 1942

[1] Bubikopf (*нем.*) – короткая дамская стрижка «под мальчика», появилась около 1920 г. Стиль послевоенной моды.

9 августа 1942

[1] С.И. Вавилов продолжил записи в другом месте той же тетради после страниц, на которых делал выписки из разных источников.

14 августа 1942

[1] К 14 августа 1942 г. немецкие войска захватили Минеральные Воды, Майкоп, Пятигорск и Кисловодск, освобождены в январе 1943 г.

30 августа 1942

[1] Речь идет о жене Олега Вавилова Л.В. Курносовой.

[2] Пьеса «Фронт» А. Корнейчука печаталась в «Правде» с 24 по 27 августа 1942 г. Текст пьесы был отредактирован и дополнен некоторыми ключевыми фразами лично Сталиным. Смысл пьесы заключался в том, чтобы переложить ответственность за тяжкие поражения летом 1942 г. на бездарных командующих фронтами, не желающих учиться военному искусству в условиях новой войны, и противопоставить им молодых талантливых командиров. Параллели с «Недорослем» Фонвизина отмечали независимо от Вавилова и различные литературоведы. См.: *Свирский Г.* На лобном месте. М., 1998. С. 484–485. *Печенкин А.* Искусство PR в исполнении Сталина // Независимая газета. 27 сентября 2002.

7 сентября 1942

[1] Сталинград – Новороссийск – Моздок – линия фронта на сентябрь 1942 г.

20 сентября 1942

[1] Eddington, Sir Arthur: The Philosophy of Physical Science. Lectures given to Trinity College, Cambridge, Easter Term 1938. Cambridge: Univ. Press, 1939. 230 p. (переиздана в 1949 г.).

[2] «Fliegende Blätter» («Летучие листки», *нем.*) – немецкий юмористический журнал, издававшийся в Мюнхене в 1845–1944 гг.

[3] Сборник, посвященный 300-летней годовщине со дня смерти Галилея / Под ред. А. Деборина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. 192 с. (статьи С.И. Вавилова, А.Н. Крылова, Н.И. Идельсона).

[4] Заведующий акустической лабораторией Физического института АН СССР член-корреспондент АН СССР Н.Н. Андреев возглавлял научно-техническую группу на Черноморском флоте (в г. Поти) по противодействию немецким бесконтактным акустическим минам с помощью разработанных в ФИАНе акустических тралов, подрывавших мины на глубине. Аналогичные группы фиановцев в 1942–1943 гг. успешно работали в Ленинграде – по разминированию акватории Балтийского моря у Кронштадта, Волги – под Сталинградом, и Ладожско-

го озера. Ю.М. Сухаревский в 1942 г. входил в состав группы В.И. Векслера (Е.Л. Фейнберг, М.Н. Аленцев, В.А. Хволес), разработавшей аппаратуру акустической локации самолетов на основе корреляции сигналов от разных датчиков и испытавшей ее на аэродроме в Кубинке. Метод получил в дальнейшем большее распространение в гидролокации. Также осенью 1941 г. под руководством Ю.М. Сухаревского при участии И.П. Жукова и М.Н. Аленцева в Казани была подготовлена, а в марте 1942 г. вывезена в Москву аппаратура для дистанционного подрыва мин. Подробнее см.: *Вул Б.М.* ФИАН – обороне Родины // Вестник АН СССР. 1975. № 4. С. 34–41; Физический институт им. П.Н. Лебедева в годы Великой Отечественной войны в эвакуации (Казань, 1941–1943 гг.) / Препринт ФИАН. 1995. 34 с.; *Сухаревский Ю.М.* В годы войны // Воспоминания о В.И. Векслере. М., 1987. С. 52–56.

[5] *«Не тыкай вилкой в омары... Это для генерала поставлено. Может, еще придет...»* – из пьесы-сцены А.П. Чехова «Свадьба» (1889). В 1944 г. по этой пьесе был снят известный фильм со звездным составом актеров.

[6] Улица Комлева в Казани, названа в честь А.П. Комлева (1879–1918), деятеля революционного движения, члена Казанского комитета РСДРП(б), одного из организаторов профсоюзов в Казани, ныне (с 1996 г.) улица татарского математика Х. Муштари.

25 октября 1942

[1] Его избрали членом-корреспондентом АН СССР только в 1946 г., в 1943 г. были избраны физики А.П. Александров, И.К. Кикоин и Т.П. Кравец.

[2] Так у Вавилова – видимо, эмоции захлестнули его и он не окончил фразу.

См.: Горлицкая операция. Сб. документов, М., 1941; *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918, т. 1, М., 1938; *Бонч-Бруевич М.Д.* Потеря Галиции в 1915, ч. 2. М., 1926.

[3] По-видимому, от глагола «перегодовать» в ныне утраченном смысле: прожить первый год, стать годовалым.

[4] «Доклады» – имеется в виду издание журнала «Доклады АН СССР».

«Биография Ньютона» – скорее всего, речь идет о статье для сборника к 300-летию И. Ньютона (Исаак Ньютон. 1643–1727) // Исаак Ньютон. 1643–1727. М.-Л.: АН СССР, 1943. С. 429–437.

«Оптика в военном деле» – книга, первое издание которой вышло в 1933 г. (М.-Л.: ГТТИ. 278 с.); второе, переработанное и дополненное (Л.-М.: ОНТИ ГТТИ. 424 с.) – под общей редакцией Вавилова в 1934 г. и третье, представлявшее уже фактически новую книгу – под редакцией Вавилова и М.В. Савостьяновой (иногда ошибочно пишут – Севостьянова) готовили к публикации. Оно вышло в двух томах: Т. 1. М.-Л.: АН СССР, 1945. 392 с.; Т. 2. М.-Л.: АН СССР, 1948. 388 с.

1 ноября 1942

[1] Речь идет об одной из четырех сестер Багриновских – Екатерине Михайловне. Она была репрессирована в 1936 г. После отбытия в 1942 г. срока заключения поселилась в семье у С.И. Вавилова. С ней она вернулась из эвакуации и жила на даче в Мозжинке, примерно в 60 км от Москвы, что было нарушением существовавшего тогда распоряжения селить бывших заключенных за пределами стокилометровой зоны от Москвы.

7 ноября 1942

[1] Юбилейный доклад «25 лет советской физики и Физический институт» – в списке публикаций С.И. Вавилова отсутствует. Возможно, текст частично вошел в публикацию: *Вавилов С.И.* Физический кабинет, Физическая лаборатория, Физический институт Академии наук СССР за 220 лет. М.; Л., АН СССР, 1945. 74 с. (Собр. тр. Т. III. С. 468–529).

25 декабря 1942

[1] Приклады – отрезы ткани (*устар.*).

[2] Н.И. Вавилов был избран членом Королевского общества 18 июня 1942 г. Протокол избрания см.: *Есаков В.Д.* Николай Иванович Вавилов. Страницы жизни. М.: Наука, 2008. Вскоре – 4 июля 1942 г. Н.И. Вавилов был ознакомлен с решением о замене расстрела 20 годами лагерей.

[3] До 1941 г. здание на Новинском бульваре, д. 20 (1817 г., архитектор О.И. Бове (1784–1834), выдающийся памятник русской архитектуры в стиле ампир), основное помещение Всесоюзной Книжной Палаты, полностью сгорело от попадания зажигательной бомбы в ночь с 22 на 23 июля 1941 г., не восстановлено.

27 декабря 1942

[1] См. примеч. 1 к записи от 16 августа 1941 г.

3 января 1943

[1] *Martha C.* Le poëme de Lucrèce.

7 февраля 1943

[1] См. примеч. 1 к записи от 15 июня 1941 г.

[2] Точное название книги К.И. Чуковского: «Люди и книги шестидесятых годов: статьи и материалы» (1934).

28 марта 1943

[1] Из стихотворения «Ермак» (1794) И.И. Дмитриева (1760–1837), описание поединка Ермака с сибирским богатырем Мегмет-Кулом. Иносказательно – о решающем, критическом моменте в каком-либо конфликте, противоборстве и пр.

24 апреля 1943

[1] Двести наших самолетов разбомбили Инстербург (ныне – Черняховск) в Восточной Пруссии.

9 мая 1943

[1] 6–7 мая 1943 г. города Тунис и Бизерта в Тунисе были заняты войсками союзников, 13 мая итало-немецкие войска в Тунисе капитулировали, к середине мая вся Северная Африка была очищена от итало-немецких войск.

16 мая 1943

[1] См. запись от 30 марта 1942 г.

20 июня 1943

[1] С.И. Вавилов вскоре был назначен уполномоченным ГКО по оптической промышленности.

6 июля 1943

[1] С.И. Вавилов перечитал книгу Ольги фон Герштфельдт и Э. Штейнмана «Паломничество в Италию» (1910 г.), которую впервые он читал еще в юности, и тогда написал приведенное ниже стихотворение, навеянное его путешествием в Италию.

11 июля 1943

[1] Описка С.И. Вавилова; должно быть 10-го.

[2] «Ridi, Pagliaccio, sul tuo amore infranto» – «смейся, паяц, над разбитой любовью» – слова из арии Канио (опера Р. Леонкавало «Паяцы»).

[3] Видимо, имеется в виду высадка 10 июля 1943 г. англо-американских войск на о. Сицилия.

14 июля 1943

[1] Вероятно, диплома лауреата Сталинской премии второй степени за работы в области люминесценции и квантовых флуктуаций. С.И. Вавилов был удостоен еще трех Сталинских премий – первой степени в 1946 г. за открытие нового вида свечения (явление Вавилова–Черенкова) вместе с И.Е. Таммом, И.М. Франком и П.А. Черенковым; в 1951 г. (посмертно) за разработку люминесцентных ламп (совместно с В.Л. Лёвшиным, В.А. Фабрикантом и др.) и в 1952 г. (посмертно) за выдающиеся научные работы в области физических наук, за книги “Микроструктура света” (1950) и “Глаз и Солнце” (1 изд. – 1927, 5-е – 1950).

1 августа 1943

[1] См.: Быт. 3, 19.

[2] Мадригал Монтеверди; ария из оперы «Ариадна».

15 августа 1943

[1] Слова Ивана из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Не Бога я не принимаю, Алёша, я только билет ему почтительнейше возвращаю».

26 августа 1943

[1] Duomo – кафедральный собор Милана; Cena – картина Л. да Винчи «Тайная вечеря» на стене трапезной монастыря Санта-Мария делле Грацие в Милане.

5 сентября 1943

[1] *Maugras Gaston.* Les demoiselles de Verrières. Paris: Calmann–Lévy, 1890. 266 p. (Барышни из Верье).

20 октября 1943

[1] Стогны – улицы (*устар.*).

24 октября 1943

[1] Возможно, вольная цитата из пьесы А.П. Чехова «Три сестры» (1901): «Для любви одной природа нас на свет произвела!»

31 октября 1943

[1] Речь идет о сборнике новелл Ж.А.Б. д'Оревильи «Дьявольские повести» (1874).

14 ноября 1943

[1] Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева (1803–1873) «О чем ты воешь, ветр ночной?» (ранее 1836).

21 ноября 1943

[1] *K.A. von Laffert.* Flammen aus dem Weltenraum («Огни из космоса»). Berlin, 1927.

28 ноября 1943

[1] Здание на Миусской площади строилось для лаборатории П.Н. Лебедева. Но закончено оно было уже после его смерти. После революции в нем разместился Институт физики и биофизики, который создал и возглавил учитель С.И. Вавилова П.П. Лазарев (1878–1942). В 1931 г. Лазарев был арестован. Вскоре после этого институт расформировали. В 1934 г. здание передали переведенному из Ленинграда ФИАНу. См. запись от 28 марта 1943 г., а также: *Франк И.М.* Дополнения // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 3-е изд. М.: Наука, 1991. С. 315–323.

Жена П.П. Лазарева в период его заключения покончила с собой 13 июня 1931 г.

[2] В. Лукашев был директором фантомного института спецзаданий, который возник на месте разогнанного Института физики и биофизики (после ареста его директора П.П. Лазарева). См. также: *Франк И.М.* Что мы хотим рассказать о Сергее Ивановиче Вавилове // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 3-е. М.: Наука, 1991. С. 31–32.

[3] См.: Лк. 23, 34.

[4] 632-й завод – в СССР предприятиям, выпускавшим продукцию военного назначения, в целях секретности, присваивали номера; «Электропром» – Наркомат электротехнической промышленности.

[5] Т.е. 27-го ноября, тогда как в БСЭ указано 13/25 ноября 1887 г. См. также запись от 28 ноября 1944 г.

5 декабря 1943

[1] Президиум АН СССР располагался в Нескучном дворце.

[2] *«Дядюшкин сон»* – спектакль МХАТа по повести Ф.М. Достоевского (1859).

14 декабря 1943

[1] Фантастический роман Ганса Доминика (Hans (Joachim) Dominik) (1872–1945) «Наследник Уранид» – о войне между империалистами и большевиками, приведшей к ядерному «тлеющему пожару», который распространяется по планете подобно раковой опухоли, и космической экспедиции с целью получения научного знания от инопланетян для спасения человечества.

15 декабря 1943

[1] «Ça ira!» – французская революционная и патриотическая песня (исполнялась на празднике Федерации 14 июля 1790 года) с призывом «Аристократов на фонарь!»

[2] Бержеретта, бержерета (фр. bergerette, букв. – маленькая пастушка) – французская лирическая песня (XVIII в.), текст которой повествует о пастухах и пастушках (еще ранее – французские быстрые инструментальные танцы и танцевальные песенки).

22 декабря 1943

[1] По всей видимости, вальс из оперы Ш. Гуно (1818–1883) «Фауст»

[2] Низина по р. Пресне, впадающей в Москву-реку.

31 декабря 1943

[1] Несколько измененная строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840): «и некому руку подать в минуту душевной тревоги». См. также примеч. к записи от 7 февраля и запись от 8 мая 1942 г., а также запись от 4 мая 1945 г.

1944

1 января 1944

[1] *Eichacker Reinhold.* Die Fahrt ins Nichts (дословно – «Поездка в ничто»), Munchen, 1924 (переведен на рус.: *Эйхакер Р.* Нигилий // Мир приключений. 1926. №№ 6–9) – роман, в котором описывается полет герметически закрытого снаряда с людьми в мировое пространство при помощи метеорита.

26 января 1944

[1] Строки из стихотворения (автоэпитафии) Андрея Белого (1884–1928) «Друзьям» (1907): «Золотому блеску верил, / А умер от солнечных стрел. / Думой века измерил, / А жизнь прожить не сумел».

[2] *«Лима, лима, совахвани»* – искаженное «Или, Или! лима савахфани!» (Мф. 27:46) (или «Элои! Элои! ламма савахфани» (Мк. 15:34)) – «Боже Мой, Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?», слова, произнесенные Христом на кресте перед смертью.

30 января 1944

[1] См.: *Вавилов С.И.* Ленин и современная физика. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Колонном зале Дома Союзов в Москве. М., [Лекционное бюро при Комитете по делам Высшей школы при СНК СССР], 1944. 25 с. То же в кн.: Общее собрание Академии наук СССР 14–17 февраля 1944 г. М.; Л., АН СССР, 1944. С. 38–56. Вестник АН СССР. 1944, № 3. С. 33–49. (Собрание трудов. Т. III. С. 63–84); Усп. физ. наук. 1944. Т. 26, вып. 2. С. 113–132. Под знаменем марксизма. 1944, № 2–3. С. 36–53; Электричество. 1944. № 4. С. 1–6, № 5–6. С. 3–7; Правда, 1944, 16/II, № 40; Известия, 1944, 15/II, № 38.

2 февраля 1944

[1] С.И. Вавилов попал в кратковременный (двухдневный) плен в феврале 1918 г. в результате наступления германских войск 18 февраля 1918 г. после срыва переговоров в Брест-Литовске.

[2] *«Шопениана»* – балет на музыку Шопена в постановке (1908) М.М. Фокина (1880–1942), *«Иоланта»* – опера (1891) П.И. Чайковского (1840–1893).

7 февраля 1944

[1] С.Н.К. – Совет Народных Комиссаров. Дом СНК

[2] Нимврод – библейский богатырь и охотник (в книге Бытия приводится поговорка: «сильный зверолов, как Нимврод, пред господом»).

[3] Кондак (вид церковного гимна): «Со святыми упокой, Христе, душы раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

17 февраля 1944

[1] По всей видимости, речь идет о ставке для академика В.А. Фока (1898–1974).

[2] Вероятно, доклад С.И. Вавилова «Ленин и современная физика», прочитанный на Общем собрании Академии наук (см. прим. к записи от 30 января 1944).

26 февраля 1944

[1] Спектакль по пьесе Нобелевского лауреата (1911) Мориса Метерлинка (1862–1949). Впервые поставлен на сцене Московского художественного театра 30 сентября 1908 г.

[2] Прощальная песня «Прощайте, прощайте, пора нам уходить...» из спектакля МХАТ'а «Синяя птица», музыка Ильи Александровича Саца (1875–1913), слова, возможно, поэта-эмигранта Константина Ивановича Оленина (1881 – после 1939).

[3] Используемый в мхатовской постановке «Синей птицы» сценический эффект.

[4] Лаборатория № 2 – секретный научный центр по разработке советского ядерного оружия, созданный в апреле 1943 г., впоследствии Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова, в настоящее время Российский научный центр «Курчатовский институт».

[5] Физик Н.С. Акулов, специалист в области ферромагнетизма, отличался крайней агрессивностью и беспринципностью в конфликтах 1930–50-ых годов среди ученых (физики МГУ против физиков Академии наук, нападки на работы академика Н.Н. Семенова по химической кинетике и пр.).

[6] Имеется в виду Леопольд Аркадьевич Ольберт, бывший директор ГОИ, хорошо знакомый С.И. Вавилову в 1930-е гг., «красный» заместитель, насильно приставленный в Институте Физических Проблем к Капице – см. о нем, например: *Рубинин П.Е.* Свободный человек в несвободной стране // Вестник РАН, 1994. Т. 64, № 6. С. 497–510.

4 марта 1944

[1] Речь идет о сестре Екатерины Николаевны, первой жены Н.И. Вавилова – Е.Н. Сахаровой-Вавиловой, матери Олега.

19 марта 1944

[1] Имеется в виду комитет по присуждению Сталинских премий. Премия Л.И. Мандельштаму и Г.С. Ландсбергу не была присуждена.

[2] «Багдадский вор» – британско-американский художественный фильм (1940) по мотивам арабских сказок.

26 марта 1944

[1] Сан Джорджо Маджоре, церковь в Венеции.

[2] «Lectiones opticae, annis 1669–71 in scholis publicis» (1729) «Лекции по оптике» И. Ньютона. См. прим. к 30 октября 1941.

15 апреля 1944

[1] Слова из поэмы М.Ю. Лермонтова (1814–1841) «Демон»: «В день томительный несчастья / Ты об них лишь вспомяни; / Будь к земному без участья / И беспечна, как они!».

[2] Вероятно, это книга «Общественное настроение времен римских цезарей» (П., 1915) Гастона Буасье (Boissier) (1823–1908), французского историка античности, автора фундаментальных работ по истории римского общества, языческой религии, христианству.

1 мая 1944

[1] См. примеч. 1 к записи от 23 марта 1940 г.

4 мая 1944

[1] Блокада Ленинграда была окончательно снята только 27 января 1944 г. и речь прежде всего шла о восстановлении промышленности и инфраструктуры города. Академические институты начали возвращаться в Ленинград с середины 1944 г. К концу 1944 г. в Ленинграде насчитывалось 96 научных учреждений, в которых работало около 3 тыс. сотрудников (Очерки по истории Ленинграда. Т. 5. М.; Л.: АН СССР, 1967. С. 575).

[2] Писатель А. Дюма.

5 мая 1944

[1] Фраза из философской повести Вольтера (1694–1778) «Кандид, или Оптимизм» (1759).

6 мая 1944

[1] См. примеч. к записи от 27 марта 1941 г.

9 мая 1944

[1] В мае 1944 г. решением ЦК ВКП(б) был запрещен третий том «Истории философии» (ред.: Г.Ф. Александров, Б.Э. Быховский, М.Б. Митин, П.Ф. Юдин) как содержавший грубые ошибки в оценке немецкой классической философии. С книги снята присужденная ранее Сталинская премия. См. «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX века» // Большевик. 1944, № 7–8; *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы). N.Y.: Chalidze Publicatios, 1981. То же // Вопросы философии. 1991. № 9–11.

[2] «Деловой двор» – комплекс конторских и гостиничных помещений в Москве (Славянская площадь, 2). Построен в 1911–1913 гг. архитектором И.С. Кузнецовым по заказу Н.А. Второва. В советское время там размещались ВСНХ, а затем различные главки и министерства.

19 мая 1944

[1] Одно из зданий по Биржевой линии, отданное ГОИ, до революции 1917 г. принадлежало членам известного купеческого рода Елисеевых.

[2] Квартиру Н.И. Вавилова передали прима-балерине театра оперы и балета имени Кирова (ныне Мариинский) Н.М. Дудинской (1912–2003).

[3] Строки из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник».

[4] См. примеч. к записи от 26 января 1944 г.

21 мая 1944

[1] Высокочастотная проводная правительственная связь.

[2] Имеется в виду пьеса А. Блока (1880–1921) «Балаганчик» (1906).

[3] Имеется в виду рассказ Ф.М. Достоевского (1921–1981) «Бобок» (1873), действие которого происходит на кладбище.

23 мая 1944

[1] Американский фильм «Книга джунглей» (1942, режиссер Золтан Корда (1895–1961)) по одноименной книге Дж.Р. Киплинга (1865–1936) о Маугли, один из первых цветных полнометражных приключенческих фильмов.

24 мая 1944

[1] Американский фильм «Багдадский вор: Арабская фантазия» (1940, режиссеры: Людвиг Бергер, Майкл Пауэлл, Тим Уилэн) о приключениях переодевшегося бедняком визиря.

[2] 14 декабря 1943 г. был принят новый государственный гимн СССР вместо Интернационала, впервые был исполнен в ночь на 1 января 1944 г., официально исполнялся с 15 марта 1944 г.

26 мая 1944

[1] Голодай – историческое название одного из петербургских островов, в 1920 г. переименован в остров Декабристов.

27 мая 1944

[1] За время блокады Ленинграда (с 8 сентября 1941 по 27 января 1944) по официальным данным от голода умерла 641 тыс. горожан (по подсчётам историков, не менее 800 тыс. человек), погибло от бомбежек и обстрелов около 17 тыс. жителей; к июлю 1942 г. население Ленинграда сократилось до 1,05 млн человек, а к январю 1944 г. уже в основном вследствие эвакуации – до 576 тысяч человек.

[2] Сборник № 6 «Существует ли внешний мир?» книжной серии «Новые идеи в философии» (под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. СПб.: Образование, 1913. 154 с.), в котором были опубликованы статьи В. Шуппе, И. Ремке и др.

5 июня 1944

[1] Последний роман А.К. Виноградова (1888–1946) «Хроника Малевинских» (1941) – семейная хроника рода уральских промышленников, доведенная до советского времени.

9 июня 1944

[1] НКВ – Наркомат вооружений.

[2] Речь идет об открытии «второго фронта» – высадке англо-американских войск в Нормандии.

24 июня 1944

[1] Вероятно, С.И. Вавилов писал статью для журнала «Природа», см.: Великий русский ученый [М.В. Ломоносов] // Природа. 1945, № 3. С. 74–78 (Собр. соч. Т. III. С. 582–587). Весной 1945 г. С.И. Вавилов выступил с популярными лекциями на эту тему, см.: *Вавилов С.И.* Ломоносов и русская наука. Читано для учащихся средних школ 29 марта 1945 года в Москве на «Ломоносовских чтениях». [М.]: «Мол. гвардия», 1945, 40 с.; Лекция на тему «М.В. Ломоносов и русская наука». М., «Мол. гвардия», 1945, 35 с.; *Вавилов С.И.* Ломоносов и русская наука. (Лекция, прочитанная для учащейся молодежи г. Москвы) // Комс. правда, 1945, 15/IV, № 89. См. также: *Вавилов С.И.* Ломоносов и русская наука // Большевик. 1945, № 6. С. 23–36 (Собр. соч. Т. III. С. 559–577).

4 июля 1944

[1] Статьи о М.В. Ломоносове и П.Н. Лебедеве отсутствуют в библиографическом указателе работ С.И. Вавилова за 1944 г. Возможно, речь идет о статье: *Вавилов С.И.* Великий русский ученый [М.В. Ломоносов] // Природа.1945, № 3. С. 74–78. (Собр. соч. Т. III. С. 582–587). Два очерка о них С.И. Вавилов написал и для книги: Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Т. 1. М.; Л.: ОГИЗ, Гостехиздат, 1948; *Вавилов С.И.*

Михаил Васильевич Ломоносов. (1711–1765) // Там же. С. 63–82 (Собр. соч. Т. III. С. 771–791); *Вавилов С.И.* Петр Николаевич Лебедев (1866–1912) // Там же. С. 241– 249 (Собр. соч. Т. III. С. 761–770).

[2] Имеется в виду вышедшая вскоре книга: *Сибрук В.* Роберт Вильямс Вуд. Современный чародей физической лаборатории / Пер. с англ.: В.С. Вавилов. Под ред. акад. С.И. Вавилова. М.; Л.: ГИТТЛ, 1946. 312 с.

14 июля 1944

[1] Именная книжка с талонами для получения нормированных продуктов.

[2] «Сидеть на пище святого Антония» (*устар.*) – голодать.

[3] Речь идет о письме академиков А.Ф. Иоффе, А.Н. Крылова, П.Л. Капицы и А.И. Алиханова заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову о ненормальной ситуации на физическом факультете МГУ («вместо передовой науки там получают возможность развиваться отсталые течения, часто переходящие в лженауку»); формальным поводом для написания письма стал обострившийся в 1944 г. конфликт вокруг кандидатур академика В.А. Фока и А.А. Власова на должность заведующего кафедрой теоретической физики. Подробнее см.: *Андреев А.В.* Физики не шутят. М.: Прогресс–Традиция, 2000. С. 280–281.

[4] До 1939 г. официальное русское название г. Вильнюса; 13 июля 1944 г. Вильнюс был взят войсками Третьего Белорусского фронта.

19 июля 1944

[1] 17 июля 1944 г. по Ленинградскому проспекту в Москве провели колонну из 57 000 немецких военнопленных.

30 июля 1944

[1] Тяжелое инфекционное заболевание, которое Т.П. Кравец перенес в первую ленинградскую блокадную зиму, давало о себе знать и в дальнейшем. Особенно тяжелый рецидив пришелся на июль–август 1944 г. в Йошкар-Оле, где он работал ученым секретарем ГОИ. Благодаря вниманию коллег, вызвавших из Казани специалистов, а затем обеспечивших круглосуточный уход за ним, Т.П. удалось спасти. Он умер 21 мая 1955 г.

12 августа 1944

[1] Правильно – Луара.

[2] «National Geographical Magazine» – журнал американского Географического общества.

7 сентября 1944

[1] 5–10 октября 1944 г. проходило Совещание по вопросам люминесценции. Вавилов С.И. трижды выступал там: с вступительным словом (Изв. АН СССР. Сер. Физ. 1945. Т. 9, № 4–5. С. 277–288; собр. соч. Т. II. С. 185–189); с докладом «О фотолюминесценции растворов» (Там же. С. 283–304; Собр. соч. Т. II. С. 190–217) и с вступительным словом на заседании, посвященном проблеме люминесцентного освещения (Там же. С. 487–488).

[2] См.: *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон. Изд. 2, просм. и доп. М.; Л.: АН СССР, 1945, 230 с. (Собр. соч. Т. III. С. 288–467).

[3] Самон и Авив – христианские священномученики из Едесса, принявшие смерть в конце III – начале IV в. День их поминовения – 15 ноября по ст. стилю.

[4] «Свете тихий» – древнейший христианский гимн, исполняется во время вечерни.

[5] О ней см.: *Вавилов С.И.* Начало автобиографии // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 3. М.: Наука, 1991. С. 98, 99.

[6] В результате Ясско-Кишиневской операции 21–22 августа 1944 г. советские войска в сентябре 1944 г. начали освобождение Румынии и Болгарии.

18 сентября 1944

[1] С.И. работал как редактор совместно с М.В. Савостьяновой над сборниками статей «Оптика в военном деле» и «Справочник по военной оптике».

23 сентября 1944

[1] Либо С.Я. Лифшиц, ученик А.С. Попова, либо С.Я. Лифшиц – классик советской архитектурной акустики, либо Семен Яковлевич Лифшиц (1881 – ок. 1932 ?), доктор физики Московского Высшего технического училища, увлекавшийся психиатрией (известен, в частности, тем, что в 1926 г. в Коктебеле провел 10 сеансов психоанализа с Максимилианом Волошиным – см. дневник Волошина 1926 г.: ИРЛИ (ф. 562. оп. 1, ед. хр. 395). Публиковался под псевдонимом В. Купченко в газете «Волошинский вестник» (г. Валка, Латвия) 8 марта 1991 г.,

с. 10–11, под названием «Сокровенные воспоминания поэта». Возможно, впрочем, что все три Лифшица – одно и то же лицо.

[2] То есть доклад А.Ф. Иоффе.

24 сентября 1944

[1] Спиридоновка, д. 17 (1893, архитектор Ф.О. Шехтель, 1859–1926), бывший особняк Саввы Тимофеевича Морозова, памятник архитектуры, в советские годы – Дом Приемов Министерства иностранных дел.

15 октября 1944

[1] 13 октября 1944 г. исполнилось 70 лет Президенту АН СССР В.Л. Комарову. См.: *Вавилов С.И.* Наш президент [В.Л. Комаров]. К семидесятилетию со дня рождения // Вестник АН СССР. 1944, № 10. С. 106–107.

[2] То есть в университет, до 1953 г. Московский университет располагался только на Моховой улице.

22 октября 1944

[1] См. примеч. 3 к записи от 14 июля 1944 г.

29 октября 1944

[1] *Бенуа П.* Завтрак Сусейрака. Paris, 1931. 313 p.

[2] Леруа (Le Roy) Эдуар – французский ученый и философ, последователь А. Бергсона, представитель католического модернизма. Приобрел известность своей попыткой переосмыслить традиционную католическую догматику в духе бергсонианства. Занимался также математикой, палеонтологией и антропологией.

3 ноября 1944

[1] Виктор Сергеевич Вавилов, в отличие от отца, вступил в ВКП(б); по уставу партии ее членом соискатель становился после годового кандидатского стажа.

8 ноября 1944

[1] См.: *Гершензон М.О.* Письма к брату. Избранные места. Вступ. ст. и примеч. М. Цявловского. М., 1927. 231 с.

[2] По-видимому, речь идет об издании наследия русского драматурга А.Н. Островского (1823–1886): Дневники и письма. – Театр Островского. М.; Л.: Academia, 1937. 431 с.

[3] Трилогия Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность».

12 ноября 1944

[1] «На рубеже двух столетий» (1930), первая часть трехтомных мемуаров Андрея Белого (1880–1934).

28 ноября 1944

[1] См. примеч. 5 к записи от 28 ноября 1943 г.

29 ноября 1944

[1] Строки из стихотворения Е.А. Баратынского (1800–1844) «На смерть Гёте» (1832): «Предстала, и старец великий смежил / Орлиные очи в покое; / Почил безмятежно, зане совершил / В пределе земном все земное! / Над дивной могилой не плачь, не жалей, / Что гения череп – наследье червей». *Зане* (церков.-книжн.) – так как, потому что.

3 декабря 1944

[1] 220-летний юбилей Академии был широко отмечен в июне 1945 г. 10 июня 1945 г. большая группа ученых АН СССР (1465 чел.) была награждена орденами СССР, см.: «О награждении работников Академии наук СССР»: Указ президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1945 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 46. 11 августа. С. 4. В 1946 г. существовал проект введения специальных орденов для ученых, см.: *Илизаров С.С.* Ордена для советских ученых (нереализованный проект 1946 г.) // ВИЕТ. 1999, № 4. С. 103–106. Вступ. ст. к публ.: Документы Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о проекте учреждения орденов имени М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, Н.И. Пирогова и И.П. Павлова (публ. С.С. Илизарова и Д.А. Шибаева) // Там же. С. 107–123.

10 декабря 1944

[1] См. также запись от 10 февраля 1945 г.

[2] Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Гляжу на будущность с боязнью» (1838?): «Гляжу на будущность с боязнью, / Гляжу на прошлое с тоской / И, как преступник перед казнью, / Ищу кругом души родной».

17 декабря 1944

[1] См. запись от 19 марта 1944 г.

[2] Остросюжетный роман Гастона Леру (1868–1927) «Призрак оперы» (1909–1910).

24 декабря 1944

[1] Труд И. Кеплера (1571–1630) «Гармония мира» (1619).

29 декабря 1944

[1] О них см. запись от 25 октября 1942 г.

30 декабря 1944

[1] Пульчинелло, Полишинель. Аналог русского Петрушки.

1945

1 января 1945

[1] Остросюжетный роман Гастона Леру (1868–1927) «Проклятое кресло» (1909) о серии таинственных и даже кажущихся мистическими убийств академиков в знаменитой французской Академии «Бессмертных».

5 января 1945

[1] Возможно, имеется в виду произведение: *Dalayrac N.-M.* Adolphe et Clara, ou les Deux prisonniers, comédie en prose en 1 acte (1799). (*Далайрак Н.-М.* Адольф и Клара, или два узника. Комедия в прозе в одном действии.)

11 января 1945

[1] См. примеч. 2 к записи от 10 декабря 1944 г.

14 января 1945

[1] *Bled V.* de. La société française du XVI siècle au XX-e siècle (Французское общество от XVI до XX века); *Roberty E.de.* Frederic Nietzsche: Contribution a l'histoire des idées philosophiques et sociales a la fin du XIX siècle (Фридрих Ницше: вклад в историю философских и социальных идей в конце XIX века). Фридрих Ницше (1844–1900), немецкий философ.

[2] Новалис «Фрагменты» – известный опубликованный посмертно сборник его различных работ.

[3] Имеется в виду собрание трудов Вильгельма Оствальда (1853–1932): *Ostwald W.* Abhandlungen und Vorträge allgemeinen Inhalts (1887–1903).

16 января 1945

[1] Кельцы, Корчнова, Хенцины – города в Польше. В этих местах воевал С.И. в Первую мировую войну.

[2] Всю войну 1914–1918 гг. С.И. возил с собой томик «Фауста» Гёте и «Фауста» Н. Ленау.

[3] Письма Л.Н. Толстого выходили в томах 22–24 его Полного собрания сочинений 1913 г. в издательстве Сытина и в томах 63 (1934), 64 и 65 (1953) (М.-Л.: Госиздат художественной литературы).

[4] См. *Крамской И.Н.* Письма. В 2-х т. К столетию со дня рождения. 1837–1937. Л.: Изогиз, 1937. Т. I. 1862–1875. 350 с. Т. II. 1876–1887. 492 с.

21 января 1945

[1] *«все равно живу, умру ль»* – литературный источник не найден, возможно, слова из юношеского стихотворения Вавилова. Повторяется несколько раз, см. записи от 18 февраля и 1 марта 1945 г. и 1 января 1946 г.

6 февраля 1945

[1] *«2-ой [Главк]»* – НКЭП – Народный Комиссариат электротехнической промышленности; ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

[2] Юбилей заседания РФХО 7 мая 1895 г., на котором как считается, А.С. Попов продемонстрировал прибор для приема электромагнитных сигналов. См. также запись от 9 мая 1945 г.

[3] 2 февраля 1945 г. на Поместном Соборе Новым патриархом был избран Алексий I (Симанский Сергей Владимирович) (1877–1970) в связи со смертью патриарха Сергия.

10 февраля 1945

[1] См. также запись от 10 декабря 1944 г.

18 февраля 1945

[1] Строки из стихотворения «И чувства нет в твоих очах...» (1836) Ф.И. Тютчева (1803–1873): «И чувства нет в твоих очах, / И правды нет в твоих речах, / И нет души в тебе. // Мужайся, сердце, до конца: / И нет в творении творца! / И смысла нет в мольбе!»

[2] См. прим. к записи от 21 января 1945 г.

24 февраля 1945

[1] *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон. Изд. 2, просм. и доп. М.; Л., АН СССР, 1945, 230 с. (Собр. соч. Т. III. С. 288–467).

[2] *Вавилов С.И.* Основоположник русской науки [М.В. Ломоносов] // Правда, 1945, 16/VI, № 143. (Собр. соч. Т. III. С. 578–581); То же. – Хрон. ест. и мат. 1945, № 9. С. 9–10; *Вавилов С.И.* Ломоносов и русская наука (Лекция, прочитанная для учащейся молодежи г. Москвы) // Комсомольская правда, 1945, 15/IV, № 89.

[3] Стихотворение 1914 г.; возможно, строки из напечатанной в «Сатириконе» пародии на поэта Федора Сологуба. («... Прежде, чем весна откроет Ложе Влажное долин, / Будет русскими войсками взят заносчивый Берлин.»)

1 марта 1945

[1] Речь, вероятно, об инсультах В.Г. Хлопина и А.Н. Крылова.

[2] См. примеч. к записи от 21 января 1945 г.

5 марта 1945

[1] Сухаревка (Сухаревская башня, Сухарева башня) – крупнейшая светская постройка Москвы (сооружена в 1692–1695 гг. по инициативе Петра I), в палатах Сухаревой башни некоторое время помещалась созданная Петром I Школа математических и навигацких наук; в 1934 г. башня была разобрана. Но в данном случае Вавилов имел в виду не столько Сухаревскую башню, сколько исчезнувший книжный рынок, располагавшийся около нее. Эти книжные развалы постоянно посещал С.И.; «Боголюбская» – возможно, имеется в виду храм Боголюбской иконы Божией Матери в г. Пушкино, закрытый в 1936 г. (сняты кресты и купол); «... гагаринский дом на Новинском ...» – вероятно, имеется в виду особняк Гагариных на Новинском бульваре (1817, архитектор Бове, 1784–1834), где какое-то время размещалась Книжная палата; в 1941 г. разрушен во время бомбежки.

[2] С.И. Вавилов имеет в виду приближенных к Президенту АН СССР В.Л. Комарову. См. также запись от 18 июля 1945 г.

[3] Основываясь на постановлении СНК СССР от 22 ноября 1944 г. об организации ИИЕ, президиум АН СССР вынес решение об открытии ИИЕ, который начал свою деятельность 9 февраля 1945 г. Директором был назначен президент Академии В.Л. Комаров. Подробнее см.: *Кузнецов Б.Г.* Из прошлого истории естествознания в СССР // ВИЕТ. 1993. № 4. С. 133–139.

[4] Возможно, отмечали 10-летие Института физических проблем.

[5] Видимо, речь идет о книгах: Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым. М., 1857. 395 с. и Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред., предисл. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914. 787 с.

25 марта 1945

[1] См.: *Вавилов С.И.* Очерк развития физики в Академии наук СССР за 220 лет // Физико-математические науки. М.; Л.: АН СССР, 1945. С. 3–29 (Собр. соч. Т. III. С. 530–552).

[2] Николай Евгеньевич Успенский (1885–1949), ученик П.Н. Лебедева и Г.В. Вульфа. Окончил Московский университет в 1910 г. Ездил с С.И. в путешествие по Италии в 1913 г. О семье Успенских см.: *Вавилов С.И.* Начало автобиографии // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 3. М.: Наука, 1991. С. 99–100.

1 апреля 1945

[1] *Jordan P.* Die Physik und das Geheimnis des organischen Lebens (1941). (*Иордан П.* Физика и тайна органической жизни).

16 апреля 1945

[1] Первый татарский национальный балет «Шурале» («Леший», или «Бес») по произведению поэта Габдуллы Тукая (1886–1913) (музыка Ф. Яруллина).

20 апреля 1945

[1] «Начало века» (1933) – вторая часть трехтомных мемуаров Андрея Белого (1880–1934).

22 апреля 1945

[1] См. примеч. к записи от 21 января 1945 г.

25 апреля 1945

[1] *«Лейка»* – известная марка фотоаппарата, здесь и далее слово используется в качестве синонима «репортажности» (мемуаров, дневниковых записей и т.п.).

[2] Военно-воздушная академия, образованная из Института гражданского воздушного флота, была эвакуирована из Ленинграда в Йошкар-Олу, а оттуда вернулась в Ленинград.

[3] Тегель – район Берлина, Schlesischer Bahnhof – Силезский вокзал там же (ныне Восточный вокзал).

29 апреля 1945

[1] Измененные пушкинские слова из поэмы «Медный всадник» («Прошло сто лет, и юный град, / Полнощных стран краса и диво, / Из тьмы лесов, из топи блат / Вознесся пышно, горделиво...»).

4 мая 1945

[1] Вероятнее всего, здесь имеется в виду Конференция по созданию ООН (Сан-Франциско, 25 апреля – 26 июня 1945 г.).

[2] Строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова; см. примеч. к записи от 31 декабря 1943 г.

9 мая 1945

[1] Имеется в виду состоявшееся в Большом театре заседание, посвященное 50-летию изобретения А.С. Поповым радио. День 7 мая постановлением Совета Министров СССР от 7 мая 1945 г. был установлен «Днем радио». Подробнее об этом см.: *Родовский М.И.* Александр Степанович Попов. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 296–299.

[2] В доме № 2 по Кирпичному переулку (угол Кирпичного пер. и ул. Гоголя, теперь Малая Морская) в Ленинграде с 1928 до своего ареста в 1940 г. жил Н.И. Вавилов. См. также примеч. 2 к записи от 19 мая 1944 г.

14 мая 1945

[1] Santa Maria del Fiore – см. прим. 3 к записи от 8 июня 1935 г.

[2] Речь идет об известной мозаике М.В. Ломоносова «Полтавская баталия» (1762–1764).

[3] *«СВД-9»* – «Супергетеродинный Всеволновый с Динамиком», один из первых качественных отечественных довоенных приемников.

18 мая 1945

[1] Н.М. Постниковым.

[2] См.: *Догель В.А.* Александр Онуфриевич Ковалевский. 1840–1901. М.; Л.: АН СССР, 1945. 154 с.

20 мая 1945

[1] Возможно, речь идет о фильме «Эдисон – человек» (Edison, The Man, 1940).

29 мая 1945

[1] Имеется в виду 220-летний юбилей Академии наук. Празднованию 200-летнего юбилея АН в 1925 г. предшествовала большая подготовительная работа, а в 1945 г. все делалось быстро. Решение отметить не вполне юбилейную дату – 220 лет – связано с победой СССР в Великой Отечественной войне.

[2] Известный тост И.В. Сталина «За русский народ!», произнесенный им 24 мая 1945 г. на приёме командующих Красной Армии по окончании Великой Отечественной войны, в котором отметил его терпение и способность к жертвенности. См.: Правда, 25 мая 1945. Текст этого выступления был воспроизведен также во многих изданиях – газетах, журналах различной тематики и т.п.

[3] Возможно, слова из старинной итальянской песенки «Quant'e bella giovinezza, / Ma si fugge tutta via...» («О, как молодость прекрасна, / Хотя спешит на убыль каждый час...»).

3 июня 1945

[1] Клуб им. Н.Г. Козицкого на Васильевском Острове (при заводе им. Козицкого, бывшем «Сименс и Гальске», выпускавшем наряду с техникой военного назначения и первые советские телевизоры).

[2] Мероприятие в Большом зале Ленинградской государственной филармонии в рамках отмечавшегося столетия Государственной службы мер и весов.

8 июня 1945

[1] Г.Б. Бюльфингер (1693–1750), Г.В. Крафт (1701–1754) возглавляли физический кабинет Академии в 1726–1730 гг. и в 1733–1744 гг. соответственно.

20 июня 1945

[1] Относительно многих крупных репрессированных деятелей, которые были расстреляны (Н.П. Горбунов, А.Г. Шляпников и др.), ходили легенды и появлялись «свидетели», которые их якобы где-то видели живыми; возможно, это была целенаправленная дезинформация.

27 июня 1945

[1] Симфоническая фантазия П.И. Чайковского (1840–1893) «Франческа да Римини».

8 июля 1945

[1] После окончания Великой Отечественной войны ряд соединений бывшего Ленинградского фронта, находившихся в Прибалтике, ГКО решил возвратить в Ленинград, в том числе и Ленинградский гвардейский стрелковый корпус. С утра 8 июля (воскресенье) 1945 г. он торжественно вошел в Ленинград. По пути следования гвардейцев были сооружены деревянные триумфальные арки. Войска прошли по Невскому проспекту на Дворцовую площадь, где состоялся митинг, а затем парад.

[2] Слова Пимена из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: «Минувшее проходит предо мною – / Давно ль оно неслось событий полно, / Волнуяся, как море-окиян? / Теперь оно безмолвно и спокойно...»

14 июля 1945

[1] Об обстоятельствах этого предложения см.: *Франк И.М.* Что мы хотим рассказать о Сергее Ивановиче Вавилове // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 3-е изд. М.: Наука, 1991. С. 43–50.

15 июля 1945

[1] Полнометражный мультипликационный фильм У. Диснея (1901–1966) «Бэмби» (1942).

18 июля 1945

[1] См. также запись от 5 марта 1945 г.

[2] Видимо, это темы разговора с В.Л. Комаровым. См. также примеч. 3 от 5 марта 1945 г.

22 июля 1945

[1] С.И. отказался от должности заместителя директора ГОИ по научной части (он занимал эту должность с 1932 г.) в связи с избранием его президентом АН СССР.

[2] Речь идет о копии знаменитой конной статуи Б. Коллеони. Слепок (в натуральную величину) этого памятника можно видеть в «Итальянском дворике» Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

7 августа 1945

[1] Сообщение об атомной бомбардировке Хиросимы 6 августа 1945 г.

[2] «Eritis sicut Dei» – слова змея, обращенные к Еве. В латинском переводе: «Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum» – («И будете, как Бог, знать добро и зло» или, в каноническом переводе: «...и вы будете, как боги, знающие добро и зло» – Быт. 3:5); эти слова были написаны Мефистофелем в альбом Фауста в драме Гёте (часть I, сц. 4. Пер. Н. Холодковского).

30 августа 1945

[1] См.: *Вавилов С.И.* Наука и новый пятилетний план // Известия, 1945. 8. IX. № 212.

[2] Роман Поля Феваля младшего (1860–1933) с соавт. «Д'Артаньян против Сирано де Бержерака» (Paul Feval fils et M. Lassez «d'Artagnan contre Cyrano de Bergerac») (1925).

19 сентября 1945

[1] Музей гипсовых слепков имени императора Александра III при Московском университете, позже – Музей изящных искусств, ныне Музей изобразительных искусств имени

А.С. Пушкина. Далее следует перечисление экспонатов Дрезденской галереи, попавших в 1945 г. в запасники музея. В 1955 г. там была организована выставка отреставрированных работ. В том же году они возвращены ГДР.

25 сентября 1945

[1] Александровский дворец в Царском Селе (тогда г. Пушкин) был передан Институту русской литературы (Пушкинский Дом), и там находился несколько месяцев.

[2] Институт располагался в крыле Александровского дворца, где находились личные покои Николая II и его семьи, отделанные красным деревом в стиле модерн. До наших дней дошли только две комнаты в первоначальном состоянии. В остальных помещениях деревянные панели были сорваны. См. также примеч. 1 к записи от 19 февраля 1948 г.

26 сентября 1945

[1] Имеется в виду метод ядерных толстых фотоэмульсий, разработанный физиком А.П. Ждановым из Радиевого института (см. также запись от 29 апреля 1949 г.).

20 октября 1945

[1] По всей видимости, речь идет о фильме «Солнечное племя» (1944) режиссера Б. Винницкого (сценарист М. Витухновский); «Солнечное племя» – фильм-победитель первого Каннского кинофестиваля (1946) в номинации «лучший научно-популярный фильм».

28 октября 1945

[1] Ольга Антоновна – жена Д.С. Рождественского.

31 октября 1945

[1] Пергамский алтарь – монументальное сооружение, посвященное Зевсу и Афине, было воздвигнуто ок. 180 г. до н.э. в г. Пергаме (совр. Бергамо – Турция). Раскопан немецким инженером К. Гуманном. Находится в Пергамском музее в Берлине.

Нафтарет – идентифицировать не удалось.

6 ноября 1945

[1] См.: *Вавилов С.И.* Ночезрительная труба М.В. Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. 2 / Под ред. А.И. Андреева и Л.Б. Модзалевского. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 71–87. (Тр. Ком. ист. АН СССР / Под общ. ред. С.И. Вавилова). (Собр. соч. Т.III. С. 664–685).

8 ноября 1945

[1] См. примеч. 1 к записи от 24 сентября 1944 г.

28 ноября 1945

[1] *Billard M.* Les tombeaux des rois sous la terreur. Paris: Perrin, 1907. 192 p. (*Биллар М.* Могилы королей в эпоху террора).

[2] См.: *Вавилов С.И.* Резонансная миграция энергии возбуждения во флуоресцентных растворах // Вестник ЛГУ. 1946. № 1. С. 5–12. (Собр. соч. Т.II. С. 252–260).

9 декабря 1945

[1] *Вавилов С.И.* Физика Лукреция // Общее собрание Академии наук СССР 15–19 января 1946 г. Доклады. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 147–165. (Собр. соч. Т.III. С. 646–663).

[2] *Вавилов С.И.* Советская наука на службе Родине. М.; Л.: АН СССР, 1946. 32 с.

23 декабря 1945

[1] Вероятно, имеется в виду посольство Ирана.

25 декабря 1945

[1] Книга профессора Дижонского университета Ж. Бьянки «Faust à travers quatre siècles». Paris: E. Droz, 1935. 370 p. (Фауст на протяжении четырех веков). Переиздана в 1955 г.

27 декабря 1945

[1] Гражданская жена А.Н. Крылова.

31 декабря 1945

[1] Словами героя поэмы Николауса Ленау (1802–1850) «Фауст» (Сцена вторая. Посещение) Вавилов подводит итог прошедшего года. Первые две строки даны в переводе А.Г. Гинецинского, остальные – в переводе А.Н. Анютина (псевдоним А.В. Луначарского). С.И. опустил последнюю строку: So lang dem Herz belieben seine Schläge – Пока не высох ключ существования.

1 января 1946

[1] *«Non omnis moriar»* зачин шестого стиха 30-й оды Горация, наиболее известный в версии А.С. Пушкина: «Нет, весь я не умру» («Памятник», 1836).

[2] Видоизмененная строка из стихотворения Ф.И. Тютчева (1803–1873) «Смотри, как на речном просторе...»: См. примеч. к записи от 1 мая 1944 г.

[3] *Вавилов С.И.* Об элементарных процессах излучения и поглощения света // Природа. 1945, № 4. С. 9–22 (Собр. соч. Т.II. С. 218–237).

[4] См. примеч. 1 к записи от 21 января 1945 г.

6 января 1946

[1] Как президент АН СССР Вавилов с 1946 г. до своей кончины был депутатом Верховного Совета СССР.

[2] Речь идет о докладе, прочитанном на Общем собрании АН СССР. См. также примеч. 1 к записи от 21 января 1946 г.

10 января 1946

[1] Диссертация А.М. Прохорова «Стабилизация частоты в теории малого параметра» (руководитель С.М. Рытов) была защищена в феврале 1946 г. В 1948 г. Прохорову была присуждена премия АН СССР им. Л.И. Мандельштама за создание теории стабилизации частоты лампового генератора.

[2] Как Президенту АН СССР С.И. Вавилову был предоставлен небольшой двухэтажный особняк (Дурновский пер. – ныне Композиторская ул., 1[б] – не сохранился), первый этаж которого занимал В.И. Вернадский с экономкой Прасковьей Кирилловной. После смерти Вернадского второй этаж занял Вавилов с семьей, а первый до смерти С.И. Вавилова оставался таким же, как и при жизни Вернадского. Там, в нижней квартире, проводил совещания С.И. См. также записи от 13 января, 18 и 24 ноября 1946 г.

13 января 1946

[1] Кадетское воспитание – намек на членство В.И. Вернадского в Конституционно-демократической партии (партии народной свободы). Вернадский – один из организаторов партии кадетов (1905) постоянно избирался в Центральный Комитет, причем единогласно. В 1920 г. вышел из ЦК, но оставался рядовым членом партии.

[2] Акад. Г.А. Надсон проживал по адресу: Дурновский пер., д.1“б”, кв.1, т.е. в нижней квартире, которую после возвращения из эвакуации занимал В.И. Вернадский. В 1937 г. арестован, в 1938 исключен из Академии, расстрелян в 1939 г. Точные дата смерти и обстоятельства гибели были выяснены только в 1990-е годы.

21 января 1946

[1] См.: *Вавилов С.И.* Вступительное слово // Общее собрание Академии наук СССР 15–19 января 1946 г. Доклад. М.; Л.: АН СССР. 1946. С. 9–11; *Вавилов С.И.* Перевыборы Президиума Академии наук СССР. Доклад // Там же. С. 140–143.

[2] См. книгу, указанную в примеч. 1. С. 147–165; Собр. соч. Т. III. С. 646–663.

[3] Строка из стихотворения А. Блока «Равенна» («Итальянские стихи», 1909).

[4] 21 января в день смерти В.И. Ленина (1870–1924) в советское время проходили траурные заседания его памяти.

10 февраля 1946

[1] Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833): «И он по площади пустой / бежит и слышит за собой – / Как будто грома грохотанье – / Тяжело-звонкое скаканье / По потрясенной мостовой».

[2] В своей речи в феврале 1946 г. И.В. Сталин сформулировал задачу «догнать и превзойти» достижения в науке других стран.

12 февраля 1946

[1] Сын Н.И. Вавилова физик Олег Вавилов трагически погиб в горах в 1946 г. при до конца не выясненных обстоятельствах.

[2] Иван Ильич Вавилов (1859–1928) после 1917 г. уехал в Болгарию, пытался там организовать дело, но потерпел в этом неудачу и вернулся на родину, но не в Москву, где его знали как достаточно успешного коммерсанта, а в Ленинград, к старшему сыну.

16 февраля 1946

[1] Подробности гибели О.Н. Вавилова см.: *Белоусова Т.* Непройденный маршрут // Совершенно секретно. 9 сентября 2008 г.

17 февраля 1946

[1] Одна из самых ранних построек на Васильевском острове – здание Двенадцати коллегий, возведенное в 1722–1742 гг. по проекту Доменико Трезини, предназначавшееся для размещения Сената, Синода и коллегий – высших органов государственного управления. Позже там был размещен Петербургский университет.

19 февраля 1946

[1] Виктор – В.А. Веснин, Наташа – Н.М. Веснина (рожд. Багриновская). См. примеч. к записи от 27 марта 1941 г.

24 февраля 1946

[1] В марте 1946 г. в Москве состоялась научная сессия, посвященная 10-летию со дня смерти И.П. Павлова.

2 апреля 1946

[1] То есть 20 марта по старому стилю. Это день смерти матери С.И. – А.М. Вавиловой (20 марта/2 апреля 1938 г.) и его сестры А.И. Вавиловой-Ипатьевой (20 марта/2 апреля 1940 г.).

[2] *Schrödinger E.* What Is Life? The Physical Aspect of the Living Cell (Cambridge: The University Press, 1943); русск. перевод: *Шредингер Э.* Что такое жизнь? С точки зрения физика / Пер. А.А.Малиновского. М.: ИИЛ, 1947. 146 с. Переиздана в 1972 г.

8 апреля 1946

[1] См.: *Вавилов С.И.* Слово у гроба академика В.Л. Комарова // Вестник АН СССР. 1946, № 1. С. 17–18. Слово у гроба академика А.А. Байкова // Там же. № 4. С. 62–63. Слово у гроба академика А.Н. Баха // Там же. № 5–6. С. 23–24. «Слово по случаю 350-летия Декарта» – в списке публикаций Вавилова отсутствует.

[2] См. примеч. 2 к записи от 26 января 1944 г.

24 апреля 1946

[1] Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Кинжал» (1837): «... / Гляжу на будущность с боязнью, / Гляжу на прошлое с тоской / И, как преступник перед казнью, / Ищу кругом души родной / ...»

[2] См. примеч. к записи от 19 сентября 1945 г.

27 апреля 1946

[1] См. примеч. 2 к записи от 22 июля 1945 г.

1 мая 1946

[1] См. примеч. 2 к записи от 28 ноября 1945 г.

5 мая 1946

[1] Слова из поэмы «Демон» (1829–1841) М.Ю. Лермонтова: «На воздушном океане / Без руля и без ветрил / Тихо плавают в тумане / Хоры стройные светил».

9 мая 1946

[1] *«Узкое»* – санаторий АН СССР (сейчас РАН). Ныне в черте Москвы.

25 мая 1946

[1] См. примеч. 3 к записи от 21 января 1946 г.

7 июня 1946

[1] С 1942 г. В.С. Вавилов учился в Военно-Воздушной Академии. В июле 1946 г., с третьего курса уволен в запас и направлен в США в качестве сотрудника Советской делегации Атомной комиссии ООН.

8 июня 1946

[1] Еще в 1952 г. в Пулкове погибло 17 чел. от неразорвавшихся мин и снарядов.

[2] Слова царя Бориса из трагедии «Борис Годунов» (1825, опубл. 1831) А.С. Пушкина: «Как молотком стучит в ушах упрек, / И все тошнит, и голова кружится, / И мальчики кровавые в глазах... / И рад бежать, да некуда... ужасно! / Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

14 июня 1946

[1] См.: *Vavilov S.* Newton and the atomic theory // Newton tercentuary celebrations. 15–19 July, 1946. Cambridge: Univ. press, 1947. P. 43–55. То же: *Вавилов С.И.* Атомизм И. Ньютона // УФН. 1947. Т. 31. Вып. 1. С. 1–15 (Собр. соч. Т. III. С. 715–729). Доклад был прочитан Г. Дейлом.

[2] По всей видимости, речь идет о романе «Il discepolo ignoto» (Неведомый ученик, 1940) итальянского писателя Фр. Перри (1881-?).

30 июня 1946

[1] Книга К. Вейцзекера «Физическая картина мира» неоднократно переиздавалась; 12-е издание вышло в Штуттгарте в 1976 г.

[2] Татьяна Николаевна Ипатьева (1909–1978) племяннница С.И., дочь его сестры А.И. Вавиловой-Ипатьевой. Работала ветеринарным врачом в лаборатории, где определяла качество мяса, поступающего в продажу. За то, что в это голодное время она вынесла обрезки мяса, была арестована. Благодаря вмешательству С.И. ее освободили. Но пока она находилась в заключении, умер ее годовалый сын.

7 июля 1946

[1] См.: Вступительное слово [на июльской сессии АН СССР] // Вестник АН СССР. 1946. № 8–9. С. 5–6.

[2] *Вавилов С.И.* Основные научные проблемы Академии наук СССР в ближайшее пятилетие // Вестник АН СССР. 1946. № 8–9. С. 7–16.

10 июля 1946

[1] Действие романа Херви Аллена (1889–1949) «Энтони несчастный» (1933) происходит в наполеоновские времена на Западе – один из бестселлеров 1930-х годов.

[2] См. примеч. к записи от 6 ноября 1945 г.

14 июля 1946

[1] См.: *Vavilov S.* Photoluminescence and thermodynamics (concerning P. Pringsheim's objections to my paper) // Journal of physics. Moscow, 1946. Vol. 10. N 6. P. 499–502 (Собр. соч. Т. II. С. 246–251).

28 июля 1946

[1] См. примеч. к записям от 14 июля 1946 г. и 6 ноября 1945 г.

6 августа 1946

[1] Скорее всего, шесть лет, а на семь, поскольку С.И. был в Узком в 1940 г., а не в 1939-м; кроме того, С.И. не раз в дневниках, говоря об аресте брата, ошибочно относит это событие к августу 1939 г., хотя брат был арестован 6 августа 1940 г. См. запись от 7 августа и примеч. к ней.

[2] В декабре 1945 г. между Л.П. Берией и П.Л. Капицей произошел конфликт: последний был не согласен с организацией работ по атомному проекту и с авторитарным стилем управления работами со стороны Берии. В результате 19 декабря 1945 г. Капица был выведен из состава Спецкомитета, а в августе 1946 г. И.В. Сталин подписал распоряжение о снятии Капицы с поста директора Института физических проблем АН СССР и назначении А.П. Александрова на эту должность. Подробнее см.: *Рубинин П.Е.* Капица, Берия и бомба // Наука и общество: ИСАП / Тр. международного симпозиума ИСАП-96. Т. 2. М., 1999. С. 260–279.

7 августа 1946

[1] Описка Вавилова – речь идет о 1940 г. Первая запись С.И., в которой он говорит о несчастье с братом, сделана им 13 августа 1940 г. на отдыхе в Железе. Об аресте Н.И. Вавилова он тогда еще не знал. Судя по записи от 20 августа 1940 г., к этому времени ему об этом уже стало известно.

12 августа 1946

[1] См. примеч. к записи от 7 февраля 1942 г.

[2] Почитаемый церковью преподобный Савва Сторожевский (XIV в.), в честь которого назван Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь вблизи Звенигорода.

18 августа 1946

[1] См. примеч. 1 к записи от 10 июля 1946 г.

[2] См. примеч. 2 к записи от 6 августа 1946 г.

1 сентября 1946

[1] Парафраз строки из стихотворения А. Блока «Петроградское небо мутилось дождем» (1914).

3 сентября 1946

[1] 2 сентября 1945 г. подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии, и 3 сентября в СССР был объявлен праздничным днем в ознаменование окончания Великой Отечественной войны.

15 сентября 1946

[1] Речь идет о Н.Д. Прянишникове (1898–1946), химике, профессоре, сыне акад. Д.Н. Прянишникова.

22 сентября 1946

[1] См. примеч. 2 к записи от 22 декабря 1943 г.

[2] Искаженная строка из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820): «... И вдруг сидит передо мной / Старушка дряхлая, седая, / Глазами впалыми сверкая, / С горбом, с трясучей головой, / Печальной ветхости картина. / Ах, витязь, то была Наина!»

[3] Искаженная строка «Что пройдет, то будет мило» из стихотворения А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» (1825): «Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись! / В день уныния смирись: / День веселья, верь, настанет. / Сердце в будущем живет; / Настоящее уныло: / Всё мгновенно, всё пройдет; / Что пройдет, то будет мило».

27 сентября 1946

[1] См. примеч. 2 к записи от 30 июня 1946 г.

5 октября 1946

[1] См. примеч. к записи от 14 июля 1946 г.

[2] ВИР – Всесоюзный Институт Растениеводства ВАСХНИЛ; был создан Н.И. Вавиловым.

9 октября 1946

[1] Вероятно, речь идет о докладе С.И.Вавилова «Эфир, свет и вещество в физике Ньютона». Опубл. в кн.: Московский университет – памяти Исаака Ньютона. 1643–1943. М.: Моск. ун-т, 1946. С. 3–26. (Собр. соч. Т.III. С. 209–234). Впервые прочитан 23 февраля 1943 г. в Казанском университете.

27 октября 1946

[1]Здесь «т» – время жизни.

6 ноября 1946

[1] Доклад А.А. Жданова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1946 г. в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции 1917 г. Жданов подчеркнул, что «советское государство придает особую важность развитию науки» и что количество научно-исследовательских институтов превысило довоенный уровень. См.: «Наука и жизнь». 1946, № 11–12. С. 1–10.

8 ноября 1946

[1] В.Г. Деканозов был в это время заместителем министра иностранных дел. См. также примеч. к 24 сентября 1944 г.

[2] По всей вероятности, речь идет о Максиме Дормидонтовиче Михайлове (1893–1971), певце (басе), народном артисте СССР (1940).

18 ноября 1946

[1] Речь идет о выборах в состав Академии наук СССР, состоявшихся 30 ноября 1946 г. См. также: *Шибаев Д.А.* Выборы в АН СССР 1943, 1946 и 1953 гг. в документах Отдела науки ЦК ВКП(б)/КПСС // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М.: Диполь-Т, 2004. С. 314–316.

[2] Речь идет о книге А.Н. Бенуа (1870–1960) «Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны» (СПб., 1910). Это отлично иллюстрированное подарочное издание большого формата (31 см × 26 см) в сафьяновом переплете.

22 ноября 1946

[1] В опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» (1836) нет такого персонажа, но есть Антонида; в одной из сцен в ворота монастыря стучит не она, а Ваня, приемный сын ее отца Ивана Сусанина.

24 ноября 1946

[1] Имеется в виду Вагнер, ученик Фауста – персонаж драмы В. Гёте «Фауст».

1 декабря 1946

[1] Академик А.Н. Колмогоров дал публично пощечину своему учителю академику Н.Н. Лузину после одного из закрытых совещаний в конце 1946 г., посвященных очередным выборам в действительные члены АН СССР (по версии, распространенной близкими к Колмогорову людьми, Лузин, якобы предварительно пообещав Колмогорову поддержать на выборах кандидатуру П.С. Александрова, этого не сделал). См. также: Письма Л.Ф. Понтрягина И.И. Гордону. Публ. и примеч. Е.И. Гордон // Историко-матем. исслед. Сер. 2. М., 2005. Вып. 9(44). С. 27–208, особ. с. 91. Как утверждал А.С. Понтрягин в своей книге «Жизнеописание Льва Семеновича Понтрягина, математика, составленное им самим» (М.: Прима В, 1998. 304 с.), после жалобы Лузина Вавилову Колмогоров на три месяца был переведен из заведующего отделом в старшие научные сотрудники.

8 декабря 1946

[1] *Haskell A.L.* Diaghileff, his artistic and private life (in collaboration with N.Nouvel). L., 1935.

15 декабря 1946

[1] В Петербургском филиале Архива АН хранится ящик-футляр деревянный с помещенными в нем *образцами* одной пары перчаток и одной пары чулок XVIII в. (ПФА РАН. Разряд XIV. Оп. 1. № 13).

[2] Каплан-Ингель как директор создаваемого Музея М.В. Ломоносова (располагался в здании Кунсткамеры) собирал для него экспонаты.

[3] См. примеч. 2 к записи от 22 июля 1945 г.

17 декабря 1946

[1] В связи с избранием С.И. Вавилова депутатом Верховного Совета СССР.

18 декабря 1946

[1] См.: *Козенко А.В.* Артур Стенли Эддингтон. 1882–1944. М.: Наука, 1997. С. 96–114.

24 декабря 1946

[1] См. примеч. к записи от 6 ноября 1945 г.

29 декабря 1946

[1] Речь идет о книге: *Fülöp-Miller R.* Macht und Geheimnis der Jesuiten. Berlin, 1929. (Власть и тайна иезуитов). Книга выдержала несколько изданий. Последнее вышло в 2008 г.

1947

1 января 1947

[1] Царский фаворит Г.Е. Распутин (Новых) был убит 17(30) декабря 1916 г.

[2] Слова «твердыня власти роковой» встречаются в известной шутливой надписи А.С. Пушкина на иллюстрации к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе» (1829): «Вот перешед чрез мост Кокушкин / Опершись ж...й о гранит / Сам Александр Сергеич Пушкин / С мосьё Онегиным стоит. / Не удостоивая взглядом / Твердыню власти роковой / Он к крепости стал гордо задом: / Не плюй в колодец милый мой».

12 января 1947

[1] НИИ 801 (электронной оптики и инфракрасной техники) был создан в 1946 г. при Наркомате электропромышленности СССР. С 1983 г. – НПО «Орион».

[2] См.: *Есаков В.Д.* К истории философской дискуссии 1947 года // Вопр. философии. 1993. № 2. С. 83–106; *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Дело академика Г.Ф. Александрова. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1. С. 134–146; *Кривоносов Ю.И.* Сражение на философском фронте. Философская дискуссия 1947 года – пролог идеологического погрома науки // ВИЕТ. 1997. № 3. С. 63–86; а также примеч. 2 к записи от 22 июня 1947 г.

[3] Вероятно, С.И. Вавилов имел ввиду статью: *Hudges F.* Incentives and the soviet Inventor // Discovery. 1947. № 1. P. 10–12, 32. В этом же номере в ежемесячном вводном разделе «The

Progress of Science» приводилась и высокая оценка Дж. Хаксли СССР как «одного из наиболии мощных и наиболее культурно развитых государств», а также параграф, посвященный П.Н. Лебедеву и его опытам, подтвердившим давление света, – открытию нобелевского уровня.

18 января 1947

[1] См. примеч. к записи от 12 января 1947 г.

[2] 17 января 1946 г. состоялось юбилейное заседание памяти Н.Е. Жуковского. Выдержки из речи на нем С.И. Вавилова см.: Из вступительного слова... // Труды ИИЕТ. Т. 17. М.: АН СССР, 1957. С. 93–95.

19 января 1947

[1] Имеется в виду копия картины «Рождество» известного итальянского художника-маньериста Ф. Бароччи (не ранее 1526–1612).

22 января 1947

[1] Речь идет о третьем издании книги Б.Н. Меншуткина «Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова», вышедшем с дополнениями П.Н. Беркова, С.И. Вавилова и Л.Б. Модзалевского (М.; Л.: АН СССР, 1947).

[2] Речь идет о Барулиной-Вавиловой.

2 февраля 1947

[1] *Вавилов С.И.* Вступительное слово [на Годичном собрании АН СССР 1 февраля 1947 г.] // Вестник АН СССР, 1947, № 3. С. 37–39.

4 февраля 1947

[1] «Прекрасная Елена» (1864) – оперетта французского композитора Жака Оффенбаха (1819–1880).

16 февраля 1947

[1] С.И. в оценке деятельности Н.И. Попова, видимо, опирался на единственную в то время статью о нем: *Веселовский К.С.* Никита Иванович Попов, профессор астрономии // Записки имп. АН 1893, прил. Т. 73, кн. I. С. 2–71. Объективную оценку его деятельности см.: *Невская Н.И.* Никита Иванович Попов. 1720–1782. Л.: ЛО Наука, 1977. 110 с.

9 марта 1947

[1] *Вавилов С.И.* Люминесценция и ее длительность // Академия наук СССР. Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 1. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 377–402 (Собр. соч. Т. II. С. 293–314).

16 марта 1947

[1] По всей видимости, имеется в виду изложенная в марте 1947 г. в послании президента г. Трумена конгрессу внешнеполитическая программа правительства США (так называемая доктрина Трумена), имевшая ясно выраженный антикоммунистический характер.

[2] См. примеч. к записи от 31 января 1941 г.

[3] Речь идет об Ин-те физической химии АН СССР, директором которого в 1945–1949 гг. был А.Н. Фрумкин.

20 марта 1947

[1] По-видимому, речь там шла о награждении сотрудников Радиевого института АН СССР (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б). 1922–1952. Составитель В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН. 2000. С. 343–344).

23 марта 1947

[1] *Вавилов С.И.* Флуоресценция растворов и концентрация // Первые чтения имени академика Д.С. Рождественского (22–24 марта 1947 г.). М.: Оборонгиз, 1950. С. 4–20. (Тр. ГОИ. Т. 20, вып. 132; Собр. соч., т. II. С. 261–280.)

2 апреля 1947

[1] Церковь святителя Николая Чудотворца в Новом Ваганькове на Трех Горах (район Москвы).

[2] Слова из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов»: «Достиг я высшей власти; / Шестой уж год я царствую спокойно. / Но счастья нет моей душе», приведенные в версии оперного либретто М.П. Мусоргского.

6 апреля 1947

[1] Видимо, первоначально Е.М. Брумберг представил диссертацию на соискание степени доктора физико-математических, а не технических наук.

16 апреля 1947

[1] Речь идет об одном из ярких эпизодов послевоенного конфликта между двумя группами советских физиков; на описываемом заседании Ученого совета, в частности, обсуждался вопрос о соответствии занимаемой должности заведующего кафедрой теоретической физики с 1944 г. А.А. Власова (см. комментарий ниже), сменившего, из-за интриг упоминаемых Вавиловым сотрудников факультета, на этой должности чл.-корр. АН СССР И.Е. Тамма и не уступавшего ее академику В.А. Фоку.

[2] Проф. физфака МГУ А.К. Тимирязев активно участвовал в описываемом конфликте. Здесь обыгрывается фамилия героя пьесы А.Н. Островского «Лес» актера Геннадия Демьяновича Несчастливцева.

[3] Акулов и Ноздрев отличались особой агрессивностью в конфликтах физиков сороковых и начала пятидесятых годов, оба были активными «борцами с космополитизмом», доходя до открытого антисемитизма, создавали своей деятельностью напряжение в сообществе физиков; в постановлении ЦК КПСС от 5 августа 1954 г. «О мерах по улучшению подготовки кадров физиков в Московском государственном университете» особо указывается необходимость «освободить от работы в МГУ т.т. Акулова Н.С. и Ноздрева В.Ф., мешавших установлению нормальных деловых отношений с учеными Академии наук и других научных учреждений».

[4] М.Г. Первухин принимал участие в создании советской атомной бомбы: в 1943–1945 гг. курировал этот проект со стороны Совнаркома СССР, в апреле 1946 г. назначен зам. председателя Научно-технического совета I Главного управления при СНК (СМ) СССР (см. примеч. 1 к записи от 15 июня 1947 г.). Отвечал за работу первых предприятий по получению тяжелой воды, фторида урана. См. также примеч. 2 к записи от 11 января 1948 г.

25 апреля 1947

[1] По всей видимости, имеется в виду проходившая в Москве с 10 марта до 26 апреля 1947 г. сессия Совета министров иностранных дел бывших стран-союзниц по антигитлеровской коалиции, призванная решить вопрос о судьбе Германии и Австрии.

[2] Дом на Спасопесковской площади, 10; с 1933 г. – резиденция американских послов, до революции – особняк сибирского промышленника Николая Александровича Второва (1914, архитекторы В. Адамович и В. Маят).

27 апреля 1947

[1] Видимо, речь идет о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. Этому было посвящено Общее собрание АН СССР 1–4 июля 1946 г. С вступительным словом и докладом «Основные научные проблемы Академии наук СССР в ближайшее пятилетие» выступил С.И. Вавилов. См. кн.: Общее собрание Академии наук СССР 1–4 июля 1946. М.; Л.: АН СССР. С. 9–10 и с. 11–24.

[2] См. примеч. 1 к записи от 15 июня 1941 г.

[3] Имеется в виду известный роман Д.С. Мережковского «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи» (1901) из трилогии «Христос и Антихрист». Роман издавался в двух книгах.

1 мая 1947

[1] Здание Главного штаба (архитектор К. Росси) на Дворцовой площади Петербурга.

6 мая 1947

[1] Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – Всесоюзное общество «Знание»), о создании которого якобы по инициативе семидесяти «деятелей науки, литературы и искусства» было объявлено 1 мая 1947 г. На самом деле произошло лишь переименование и существенное расширение деятельности работавшего с июля 1943 г. Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы, специализировавшегося на лекциях по международному положению и подобным чисто политическим вопросам. В мае 1947 г. начались регулярные заседания организационного комитета общества, в которых Вавилов принимал активное участие; на учредительном съезде (7–10 июля) С.И. Вавилов был избран председателем правления общества.

11 мая 1947

[1] То есть произведения христианского теолога и философа Аврелия Августина (354–430), изданные до 1501 г.

25 мая 1947

[1] То есть Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. См. примеч к записи от 6 мая 1947 г.

26 мая 1947

[1] *Ф.В.Й. Шеллинг* «Ideen zu einer Philosophie der Natur als Einleitung in das Studium dieser Wissenschaft» («Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки»).

[2] См. примеч. 2 к записи от 26 января 1944 г.

1 июня 1947

[1] Искаженное начало известного латинского изречения Горация (фрагмента оды «К Левконое»): «...Fugerit invida Aetas: carpe diem, quam minimum credula postero». – «...Время ж завистное мчится. Пользуйся нынешним днем, меньше всего веря грядущему».

15 июня 1947

[1] Первое главное управление (ПГУ) при СНК (СМ) СССР создано 20 августа 1945 г. постановлением Гос. Комитета обороны, ликвидировано в 1953 г. с передачей функций и всех подведомственных организаций и предприятий новому Министерству среднего машиностроения СССР. В 1945–1946 гг. в ведение ПГУ были переданы уже существовавшие лаборатории и предприятия и созданные научно-исследовательские организации и промышленные предприятия. Начальником ПГУ в 1945–1953 гг. был Б.Л. Ванников. (К истории мирного использования атомной энергии в СССР. 1944–1951. Документы и материалы. Сост. Л.И. Кудинова, А.В. Щегельский. Обнинск, 1994. 184 с.)

[2] Речь идет об активно работавшем летом 1947 г. организационном комитете по учреждению «Общества по распространению политических и научных знаний». См. примеч. к записи от 6 мая 1947 г.

[3] См.: *Вавилов С.И.* Задачи и цели Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний // Вестник АН СССР. 1947, № 8. С. 3–11.

[4] См. запись от 8 июня 1947 г.

[5] 8 июня 1947 г. И.В. Сталин подписал постановление СМ СССР «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». 10 июня оно опубликовано в газетах «Правда», «Известия» и др., после чего вступило в законную силу. Но там ничего не говорится о запрещении печатать незаконченные научные работы, хотя по существу Вавилов прав, так интерпретируя это постановление.

22 июня 1947

[1] См.: *Вавилов С.И.* Люминесценция и ее применения в светотехнике // Электричество. 1947. № 12. С. 3–8; Собр. соч. Т. II. С. 281–292.

[2] Первая дискуссия по книге Г.Ф. Александрова (1908–1961) «История западноевропейской философии» (изд. 2. М.; Л.: АН СССР, 1946), допущенной в качестве учебника для университетов, прошла в Институте философии в середине января 1947 г. и показалась членам Политбюро ЦК ВКП(б) «куцей, неэффективной» (см. указанную в примеч. к записи от 20 марта 1947 книгу, с. 344–345). Вторая дискуссия по этому поводу состоялась 16–25 июня 1947 г. под председательством А.А. Жданова, а 5 августа было принято соответствующее постановление (там же, с. 360, 541) – «О составлении новой книги по истории философии». В авторский коллектив по написанию этой книги включили и Александрова. В сентябре 1947 г. он был назначен директором Института философии АН СССР.

[3] См. примеч. 5 к записи от 15 июня 1947 г.

29 июня 1947

[1] См. запись от 25 июня 1940 г.

6 июля 1947

[1] Строка из уже цитировавшегося в дневнике от 29 ноября 1944 г. стихотворения Е.А. Баратынского «На смерть Гёте» (1832).

19 июля 1947

[1] 16 июля 1947 г. было принято решение ЦК ВКП(б) «О журналах Академии наук СССР "Доклады Академии Наук СССР", "Физико-химический журнал", "Журнал по физике", издающихся на иностранных языках» (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. С. 356–357), где отмечалось, что «издание советских научных журналов

на иностранных языках наносит серьезный ущерб советскому государству, предоставляет органам иностранной разведки в готовом виде результаты достижений советской науки».

[2] Роман Эмиля Габорио «La dégringolade» (Падение) 1872.

3 августа 1947

[1] Усадьба-имение Борок (Ярославская область; основана в середине XIX в.), в которой родился Н.А. Морозов и где он долгое время жил. В начале 1920-х гг. «Борок» был подарен Н.А. Морозову в пожизненное пользование «за заслуги перед революцией и наукой». В 1932 г. Морозов подарил имение АН СССР с целью создания в Борке научного учреждения его имени (в Борке долгое время работала биологическая станция). Там же располагался Мемориальный дом-музей Н.А.Морозова. Там он и похоронен. Н.А. Морозов умер 30 июля 1946 г., т.е. С.И. Вавилов фактически едет в Борок по этому поводу – приезжает туда через неделю после его смерти.

4 августа 1947

[1] Большая Волга – последняя ж/д станция на канале Москва–Волга (теперь – канал им. Москвы, в наст. вр. – район г. Дубны Московской обл.). Там создавался центр ядерных исследований, впоследствии – Объединенный институт ядерных исследований (г. Дубна).

7 августа 1947

[1] *Frank Ph.* Between Physics and Philosophy. 1941; см. также запись от 5 декабря 1947 г.

10 августа 1947

[1] *Poritzky J.E.* J.O. de Lammetrie. 1900.

[2] По всей видимости, имеется в виду пассаж «трюфельный паштет Ламеттри» из критического высказывания Фейербаха об этой философии (*Л. Фейербах.* О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли // Избр. философские произведения. Т. I. М., 1955. С. 508).

13 августа 1947

[1] См.: *Теренин А.Н.* Фотохимия красителей и родственных органических соединений. М.; Л.: АН СССР, 1947. 353 с.

15 августа 1947

[1] Имеется в виду римский форум.

17 августа 1947

[1] *Ronchi. «Storia della luce».* 1939. (*Ронки.* «История света»).

21 августа 1947

[1] Речь, видимо, идет об американском посольстве, точнее, возможно, имеется в виду резиденция посла – как образ: Уолтер Б. Смит с весны 1946 г. в течение трех лет был послом США в СССР.

31 августа 1947

[1] См.: *Вавилов С.И.* Восемь веков истории Москвы // Природа. 1947, № 10. С. 18–21; *Вавилов С.И.* Москва – центр науки и культуры // Гор. хоз. Москвы. 1947, № 8. С. 17–28.

7 сентября 1947

[1] 30 августа 1947 г. в «Литературной газете» и 2 сентября в «Правде» опубликованы статьи, инспирированные Т.Д. Лысенко и его сторонниками, в которых генетики А.Р. Жебрак и Н.П. Дубинин обвинялись в антипатриотичности, так как они не защищали Лысенко от нападок зарубежных ученых. Подробнее см.: *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001. С. 273–277.

14 сентября 1947

[1] Видимо, речь идет о приемах у первого секретаря обкома и Московского горкома ВКП(б) Г.М. Попова.

[2] См. примеч. 2 к записи от 22 сентября 1946 г.

22 сентября 1947

[1] В это время А.Я. Вышинский занимал пост заместителя министра иностранных дел СССР, а Дж.К. Маршалл – государственного секретаря США. Именем последнего назван план помощи США странам послевоенной Европы (план Маршалла).

12 октября 1947

[1] Слова Гамлета в переводе Александра Кронеберга (1844): «Кто поселял в народах страх, / Пред кем дышать едва лишь смели, / Великий цезарь – ныне прах, / И им замазывают щели!».

25 октября 1947

[1] 23 октября–1 ноября 1947 г. проходило Общее собрание АН СССР, посвященное тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, на котором Вавилов выступил с вступительным и заключительным словом. См.: Общее собрание Академии наук СССР, посвященное тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Доклады. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 13–21; 712–714. Также: Вестник АН СССР, 1947. № 12. С. 3–10; 11–13. См. также постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О проведении Общего собрания Академии наук СССР…» // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952. С. 363–364.

[2] См.: *Вавилов С.И.* О достоинстве советского ученого. Речь на выборах Суда части АН СССР 21 октября 1947 г. // ВИЕТ. 1991, № 2. С. 104–111. Публ. Л.Н. Простоволосовой. В Академии наук прошли выборы судов чести, но не состоялось ни одного заседания их. О «судах чести» см.: *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Сталинские «суды чести». Дело «КР». М.: Наука, 2005. 440 с.

[3] *Вавилов С.И.* Люминесценция и ее длительность // Общее собрание Академии наук СССР… 1948. С. 432–451; Собр. соч. Т. II. С. 315–333.

8 ноября 1947

[1] Речь идет о книгах: *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siege («Россия и Святой Престол»). Т. II. 1897; t. III. 1901; t. IV. 1907.

15 ноября 1947

[1] Комиссия по истории физико-математических наук создана 16 декабря 1943 г. во главе с А.Н. Крыловым. После его смерти через год с небольшим ее возглавил С.И. Вавилов, который руководил ее работой до конца жизни. 15 мая 1953 г. по решению Президиума АН СССР комиссия была включена в штат ИИЕТ; 11 марта 1955 г. ликвидирована постановлением Бюро Президиума АН СССР.

23 ноября 1947

[1] Семинары по люминесценции начали проводить в ФИАНе по инициативе С.И., во всяком случае, с середины 1945 г. по средам. Эта традиция сохранилась и по наст. время. См.: 1800-й семинар Отдела люминесценции (К истории ФИАН. Сер. «Знаменательные события». Вып. 1). Сост. В.М. Березанская. М.: ФИАН, 2003. 58 с.

30 ноября 1947

[1] Она действительно произошла в середине декабря 1947 г. См. также записи от 5, 14, 21 и 28 декабря 1947 г.

[2] См. примеч. 1 к записи от 18 февраля 1945 г.

5 декабря 1947

[1] Строки самого С.И. Вавилова, написанные в молодости.

[2] Слова Фауста из «Сцены из Фауста» А.С. Пушкина.

[3] Вавилов прочитал только что вышедшую книгу Ф. Франка: *Frank Ph.* Einstein, his life and times. 1947. Ранее в этом же году Вавилов прочитал другую книгу Франка: *Frank Ph.* Between Physics and Philosophy. 1941, см. запись от 7 августа 1947 г.

21 декабря 1947

[1] Юрий Андреевич Жданов, сын А.А. Жданова, был назначен руководителем Отдела науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) вместо занимавшего эту должность с 1943 г. С.Г. Суворова.

25 декабря 1947

[1] Возможно, перефразирование строк Ф.И. Тютчева «два проявленья стихии одной» из стихотворения «Дума за думой, волна за волной» (1851).

27 декабря 1947

[1] См. примеч. 2 к записи от 22 июля 1945 г.

31 декабря 1947

[1] Предполагалось издать «Историю Академии наук» в 3 томах. Были изданы только два тома, охвативших время до 1917 г.: т. I (1724–1803). М., 1958; т. II (1803–1917). М., 1964. В 1950 г. Комиссия по истории Академии наук опубликовала под редакцией С.И. Вавилова (который был ее председателем с момента ее организации в 1938 г.) «Материалы к истории Академии наук СССР». Это перечисление основных дат и событий в АН с 1917 по 1947 г.

1948

1 января 1948

[1] «Огненный ангел» – роман В.Я. Брюсова (1873–1924), написанный в 1907–1908 гг.

[2] На собственную научную работу у С.И. времени почти не оставалось. Подавляющее число его работ, начиная с 1946 г., – это статьи «по случаю» (юбилейные, вступительные речи и т.п.). См. также запись от 9 мая 1946 г.

[3] См.: *Вавилов С.И., Галанин М.Д.* Излучение и поглощение света в системе индуктивно связанных молекул (1949) // Собр. соч. Т. II. С. 358–366.

[4] Пятое издание книги «Глаз и Солнце» вышло из печати в 1950 г. (1 изд. – 1927, 4 – 1941).

[5] С.И. начал писать воспоминания летом 1949 г. Остались неоконченными. Опубликованы в кн.: Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 3. М.: Наука, 1991. С. 97–123. (Начало автобиографии).

4 января 1948

[1] См. записи от 26 сентября и 17 октября 1948.

[2] Лев Абрамович Тумерман арестован 27 декабря 1947 г. вместе с женой – театроведом Л.А. Шатуновской. Приговорен к 20 годам заключения по постановлению Особого совещания от 29 мая 1948 г. как участник «сионистского заговора». Полностью реабилитирован 25 октября 1954 г. Его жена провела 7 лет в одиночной камере. Тумерман в 1954 г. (как еще один сотрудник С.И. Вавилова – С.А. Фридман, проходивший по аналогичному делу) вернулся в ФИАН.

Сотрудники ФИАНа считали, что арест Тумермана связан с тем, что он с семьей жены жил в «доме на набережной» на одной лестничной площадке с Аллилуевыми. Обе семьи были дружны. Отчасти такое предположение оправданно, так как именно поэтому Тумерман попал в поле зрения «компетентных органов». Подробнее см.: *Шатуновская Л.А.* Жизнь в Кремле. N.Y.: Chalidze Publ, 1982. 350 p.

[3] См. примеч. 1 к записи от 15 июня 1947 г.

11 января 1948

[1] Возможно, в это время С.И. написано письмо, черновик которого обнаружен среди его бумаг в Архиве РАН (К истории мирного использования атомной энергии в СССР. 1944–1951. Документы и материалы. Сост. Л.И. Кудинова, А.В. Щегельский. Обнинск, 1994. С. 74–75). В нем С.И. пишет о необходимости отказаться от полного засекречивания работ в области атомного ядра и космических лучей, так как это затормозит развитие других наук. Неизвестно, было ли письмо отправлено И.В. Сталину. Документ, о котором говорит в дневнике С.И., был подготовлен и на заседании Спецкомитета при Совете Министров СССР был рассмотрен (Там же. С. 75–76).

[2] Это замечание относится к М.Г. Первухину и Н.А. Борисову. Первый был одновременно министром химической промышленности, членом Спецкомитета, в подчинении которого находился ПГУ, и зам. Председателя Научно-технического Совета ПГУ, Н.А. Борисов – зам. Начальника ПГУ, отвечавший за финансирование работ «по использованию внутриатомной энергии урана». До августа 1945 г. – зам. Председателя Госплана СССР, т.е. Н.А. Вознесенского. См. также примеч. 4 к записи от 16 апреля 1947 г. и примеч. 1 к записи от 15 июня 1947 г.

[3] Так С.И. называл Президиум АН СССР.

[4] Т.е. работ учеников венецианского художника XVI в. Джорджоне.

[5] Пифон – дракон, охранявший Дельфы, был убит богом света и искусств Аполлоном (антич. миф.).

18 января 1948

[1] См. примеч. к 24 сентября 1944 г.

[2] См. записи от 5 апреля 1940 г., 2 апреля 1941 г.

[3] Первоначально семья Вавиловых жила в небольшом доме по Никольскому переулку (район Пресни, с советского времени – Красной Пресни). И только летом 1905 г. И.И. Вавилов купил для семьи большой старинный деревянный дворянский дом по ул. Средняя Пресня (ныне ул. Заморенова), 15, который снесли в 1924 г.

[4] Лабзовы и Глаголевы – соседи Вавиловых; с последними они были дружны.

22 января 1948

[1] *Willamowitz–Moellendorff Ulrich von.* Plato. Berlin, 1920.

25 января 1948

[1] Речь идет о выступлении на съезде Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (с 1963 – общество «Знание»). Опубликовано в газетах «Правда» (№ 28, 28.I.1948) и «Известия» (№ 22, 28.I.1948).

1 февраля 1948

[1] Речь идет о троюродном брате С.И. – Б.Н. Васильеве. Сам Вавилов называл его иногда кузеном.

[2] М.К. Ганди, сторонник ненасильственных действий по изменению политического и общественного устройства Индии, был убит на митинге фанатиком.

8 февраля 1948

[1] Речь, видимо, идет об обсуждении работ Лаборатории ускорителей ФИАНа, которую возглавлял В.И. Векслер. В Постановлении Технического совета Спецкомитета при СНК СССР от 24 августа 1945 г. указывалось: «Построить модель ускорителя нового типа для получения электронов больших энергий (Руководитель работ – профессор Векслер)». Первый советский синхротрон (создан под руководством Векслера) пущен 28 декабря 1947 г.

[2] И.Г. Кабанов в это время – министр электропромышленности, Г.В. Алексеенко с 1945 г. представлял инженерную группу в проекте по использованию внутриатомной энергии урана. И, видимо, им принадлежало приводимое С.И. высказывание.

[3] *Вавилов С.И.* Вступительное слово на Годичном собрании Академии наук СССР 10 февраля 1948 г. // Вестн. АН СССР. 1948, № 3. С. 16–19.

19 февраля 1948

[1] После Великой Отечественной войны Александровский дворец был передан АН СССР; в 1947–1951 гг. прошла его первая реставрация, при которой был допущен ряд ошибок. Тем не менее, 6 июня 1949 г. в бывших личных комнатах семьи Николая II был открыт Всесоюзный музей А.С. Пушкина. На этом торжестве выступал и С.И. (Вестник АН СССР. 1949, № 7. С. 37–38). Сразу же после смерти Вавилова дворец передали в ведение военно-морского ведомства и до последнего времени там располагался закрытый научно-исследовательский институт. Ситуация стала меняться в 1990-е гг. В 1997 г. для широкой публики были открыты личные покои последнего императора, а к 300-летию Царского Села 23 июня 2010 г. – три парадных зала Александровского дворца. Реставрация остальных помещений продолжается.

[2] Намек на состояние полуразрушенного Римского форума.

20 февраля 1948

[1] Скифско-монгольский Тутанхамон – одна из находок в Пазырыкских курганах (урочище Пазырык, на правом берегу р. Большой Улаган на территории Улаганского района Горно-Алтайской АО), древних могилах родовых или племенных вождей. Исследовались в 1929 и 1947–1949 гг.

22 февраля 1948

[1] Речь идет о резиденции Чрезвычайного и полномочного посла США (Старопесковская площадь, 10). С начала 1946 г. С.И. жил по соседству в доме по Дурновскому пер., 1[6] (ныне ул. Композиторская). См. также примеч. 2 к записи от 25 апреля 1947.

[2] *Страхов Н.Н.* Мир как целое: черты из истории науки о природе. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1892. 582 с. Ср. с записью от 24 февраля 1948 г.

[3] То есть мыла «Товарищества парфюмерного производства Брокар и К°» (1893–1918), названного по фамилии ее основателя. После национализации – фабрика «Новая заря».

7 марта 1948

[1] Совинформ (Советское информационное бюро) создано специальным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 24 июня 1941 г. при Наркомате иностранных дел. В 1961 г. преобразовано в Агентство печати «Новости» (АПН).

[2] *C.v. Chłędowski.* Das Italien des Rokoko. 1919.

9 марта 1948

[1] Возможно, обсуждался только что вышедший перевод лекций Э. Шрёдингера, читанных им в феврале 1943 г. в Тринити-колледже (Дублин): *Шрёдингер Э.* Что такое жизнь? С точки зрения физика. М.: Иностр. лит., 1947. 146 с. Книга вызвала в СССР большой резонанс. По существу затронутых там проблем см. статьи: *Реутов В.П., Шехтер А.Н.* Как в XX веке физики, химики и биологи отвечали на вопрос: что есть жизнь? // УФН. 2010. Т. 180, № 4. С. 394–414 (особ. с. 396); *Иваницкий Г.Р.* XXI век: что такое жизнь с точки зрения физика? // Там же. С. 337–369. См. также запись от 2 апреля 1946 г.

21 марта 1948

[1] См. примеч. 1 к записи от 21 мая 1944 г.

2 апреля 1948

[1] См. примеч. 1 к записи от 2 апреля 1946 г.

11 апреля 1948

[2] Вероятно, вследствие убийства С. Михоэлса 13 января 1948 г. и начавшихся арестов евреев. Антисемитская кампания, развязанная по указанию И.В. Сталина, сопровождала роспуск Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), аресты членов Президиума ЕАК, расстрел их в августе 1952 г. и «дело врачей» в январе 1953 г. Кампания была прекращена сразу после смерти Сталина 5 марта 1953 г.

[2] См. примеч. к записи от 3 августа 1947 г.

[3] Секретариат ЦК ВКП(б) 2 апреля 1948 г. принял решение: «1. Разрешить Академии Наук СССР и Министерству высшего образования СССР направить в апреле 1948 г. в Чехословакию для участия в юбилейных торжествах, посвященных 600-летию Пражского университета, делегацию советских ученых... 2. Разрешить советским ученым: тт. Вавилову С.И., Трайнину И.П., Орбели Л.А.... принять звание почетных докторов наук, присвоенное им Пражским университетом» (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. Составитель В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 368–369).

[4] Возможно, речь идет о книге С.О. Сигштедта (S.O. Sigstedt) «Э. Сведенборг. Жизнь и труды».

[5] «Карл Иваныч, с очками на носу и книгой в руке, сидел на своем обычном месте» – фраза из повести Л.Н. Толстого «Детство» (гл. 1, «Учитель Карл Иваныч»).

18 апреля 1948

[1] Указанные слова – вырванный из контекста отрывок из фразы Фейербаха: «Там, где бог отождествляется или смешивается с природой или, наоборот, природа с богом, там нет ни бога, ни природы, но есть мистическая, амфиболическая смесь. Вот основной недостаток Спинозы». Этой фразой завершается книга Л.Фейербаха «История философии Нового времени от Бэкона Веруламского до Бенедикта Спинозы».

[2] Речь идет о заседаниях, на которых обсуждались работы по атомной проблематике.

[3] Сочинения П.П. Лазарева издавались в 1950–1957 гг. Вышло три тома. Вавилов написал предисловие (совм. с С.В. Кравковым) к книге Лазарева «Исследования по теории адаптации» (М.; Л., 1947) и к сборнику «Очерки по истории русской науки» (М.; Л., 1950). Он также редактор (совм. с М.П. Воларовичем) последнего сборника.

[4] В 1945 г. АН СССР отметила 2000-летие со дня смерти Лукреция. В 1946 г. в серии «Классики науки» издана поэма Лукреция «О природе вещей» параллельно на двух языках – латинском и русском, с послесловием С.И. Второй том, включавший работы о Лукреции, в том числе статью С.И. «Физика Лукреция», комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла, вышел в 1947 г.

[5] Элизиум – царство мертвых (антич. миф.).

25 апреля 1948

[1] По всей видимости, чей-то перевод «Оды к радости» Шиллера (1785): «Ihr sturzt nieder, Millionen? / Ahnest du den Schopfer, Welt? / Such‘ ihn übern Sternenzelt! / Über Sternen muβ er wohnen». «Ниц простерлись вы в смиренье? / Мир! Ты видишь Божество? / Выше звезд ищи Его; / В небесах Его селенья». Перевод И. Миримского.

[2] Речь идет о Комитете по присуждению Сталинских (Государственных) премий.

2 мая 1948

[1] Постамент памятника И.А. Крылова в Летнем саду окружают звери, персонажи его басен.

23 мая 1948

[1] Вавилов открывал и закрывал II Совещание по вопросам люминесценции и применению светосоставов (Москва, 17–22 мая 1948 г.), выступал с докладом (совм. с М.Д. Галаниным и Ф.М. Пекерман) и в прениях (Изв. АН СССР. Сер. физ. 1949. Т. 13. № 1, 2; Собр. соч. Т. II. С. 334–339, 340–357).

[2] Квиетизм – богословско-этическое учение, возникшее в конце XVII в. в католицизме, проповедовавшее пассивно-созерцательное отношение к жизни, примирение со всеми страданиями.

2 июня 1948

[1] Цитата из А. Блока; см. примеч. 3 к записи от 21 января 1946 г.

3 июня 1948

[1] То есть в Ленинградском Физико-техническом институте (ЛФТИ).

6 июня 1948

[1] В 1948 г. отмечалось 100-летие со дня смерти В.Г. Белинского: см. также запись от 9 июня.

13 июня 1948

[1] Речь идет о книге: *Contessa C.W. Salice.* «Märchen und Nachtstücke». 1922 («Сказки и ночные пьесы»).

20 июня 1948

[1] Отношения А.Е. Ферсмана и В.М. Гальперина и при президенте В.Л. Комарове были напряженные. См.: *Вернадский В.И.* Дневники 1941–1943/ Отв. ред. В.П. Волков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 478.

[2] Речь идет о книге «Очерки по истории физики в России» (М., 1949), вышедшей под реакцией А.К. Тимирязева в качестве пособия для студентов и учителей. Фамилия Цейтлина не упоминается в этом издании, что понятно – он был расстрелян в 1936 г.

26 июня 1948

[1] Речь идет о статье К. Демидова (псевдоним Д.И. Заславского) «Таким ли должен быть журнал “Природа”?» (Правда, 26 июня 1948 г., № 178 (10919), с. 3), в которой высказаны следующие претензии к журналу. 1. Второй номер журнала появился только в июне. 2. «Ни одного, решительно ни одного слова о социалистическом строительстве в книжке нет». 3. Представлены материалы в основном о работах иностранных ученых.

И вывод: «Журнал, издаваемый Академий наук СССР, не знакомит советского читателя с достижениями нашей отечественной науки. Он оторван от жизни и работы советских научно-исследовательских учреждений».

Журнал оказался «вне времени, вне пространства, вне народа, вне науки, а “должен быть боевым, воинствующим органом научного материализма, журналом, имеющим свое лицо, советское лицо”».

Просмотр журнала дает основание говорить о тенденциозном, заказном характере этого материала. А заказчик всегда у сотрудников «Правды» был один – ЦК ВКП(б).

27 июня 1948

[1] С 1938 г. С.И. – председатель Комиссии по истории АН СССР, под грифом которой, начиная с 1940 г., издавались сочинения М.В. Ломоносова (в 1948 г. вышел уже восьмой том) и посвященные ему сборники.

30 июня 1948

[1] 26 июня 1948 г. Л.Б. Модзалевский погиб в возрасте 46 лет. Он выехал в Москву на встречу с С.И. Вавиловым фирменным поездом «Красная стрела». Тело его нашли в районе

Вышнего Волочка. Экспертиза показала, что он умер от разрыва сердца, а не от удара о землю, когда его сбросили с поезда. Смерть Модзалевского при невыясненных обстоятельствах породила немало толков.

2 июля 1948

[1] В 1948 г. стали явными разногласия между руководством СССР и Югославии. В июне 1948 г. И.В. Сталин заявил о фашистском перевороте в Югославии, а Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ, наследник Коминтерна) исключило ее из своих рядов.

К этому времени относится и блокада войсками СССР Западного Берлина, находившегося под юрисдикцией Великобритании, США и Франции, но по условиям раздела Германии 1945 г. – на территории Советской зоны оккупации. Блокада началась 21 июня 1948 г. В ответ союзники СССР по антигитлеровской коалиции организовали доставку продовольствия и других необходимых для жизни города товаров по воздуху. Блокада была снята 11 мая 1949 г.

[2] Строка из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. I, XLVI).

3 июля 1948

[1] Вавилов перечислил фамилии крупных ученых, покончивших жизнь самоубийством.

4 июля 1948

[1] Ци́ррусы (от лат. cirrus) – перистые облака, предвестники приближающегося циклона.

11 июля 1948

[1] Строка из стихотворения Е.А. Баратынского «На смерть Гёте» (1833).

19 июля 1948

[1] *Oppeln–Bronikowski F. von.* Schlüssel und Schwert. Ein Papsleben aus dem Cinquecento. 1929 (Ключ и меч. Жизнь Папы Римского в XV в.).

24 июля 1948

[1] Речь идет о книге Вавилова «О “теплом” и “холодном” свете». М.: АН СССР, 1949 г.

27 июля 1948

[1] С.И. много занимался редактированием.

28 июля 1948

[1] См.: *Вавилов С.И.* Экспериментальные исследования световых квантовых флуктуаций визуальным методом // УФН. 1948. Т. 36, вып. 3. С. 247–283.

1 августа 1948

[1] По поводу массовой вырубки кипарисов в Крыму высказывались и высказываются различные предположения; но в любом случае эту акцию связывают с именем И.В. Сталина, которому то ли вообще не нравились кипарисы (как кладбищенские деревья), то ли ему сказали, что они являются рассадником москитов…

26 августа 1948

[1] Расширенное заседание Президиума АН СССР, посвященное итогам сессии ВАСХНИЛ, прошло 24–26 августа 1948 г. С.И. Вавилов открывал заседание и произнес заключительное слово. Было принято обращение к И.В. Сталину и постановление, в котором признавалась «серьезнейшая ошибка», допущенная Президиумом, оказания «поддержки менделевско-моргановскому направлению в ущерб передовому мичуринскому учению», а также приняты организационные решения, направленные на свертывание генетических исследований в АН СССР. См.: Правда. 27 августа 1948 г. С. 1–2.

11 сентября 1948

[1] Пестум – одна из туристических жемчужин Южной Италии. Город основан греческими колонистами ок. 600 г. до н.э., с 273 г. до н.э. – римская колония. В IX в. разрушен сарацинами. С XVIII в. место, посещаемое путешественниками благодаря сохранившимся греческим храмам и выявленным при раскопках великолепным образцам античных настенных росписей.

[2] Речь идет о Николае Федоровиче Арендте (1785–1859).

12 сентября 1948

[1] Journal des Savants – старейший французский научный журнал. Начал выходить с 1665 г. и, исключая 1797–1816 гг., издается до настоящего времени.

17 октября 1948

[1] *Maeterlinck M.* La mort. P., 1913.

9 ноября 1948

[1] Готторпский глобус-планетарий создан в середине XVII в. и хранился в замке Готторп, резиденции правителя небольшого северогерманского герцогства Гольштиния (ныне земля Шлезвиг–Гольштейн ФРГ). Подарен Петру I в 1713 г. и доставлен в Петербург в 1717 г. 10 октября 1725 г. передан в «дирекцию Академии наук». Хранился в Кунсткамере до пожара 1747 г., во время которого глобус очень пострадал. Восстановлен русскими мастерами под руководством Б. Скотта. Возвращен в Кунсткамеру в 1947 г., причем во время оккупации из г. Пушкина (Царское Село), где он хранился с 1901 г., был вывезен в Германию. В период борьбы с космополитизмом глобус стали называть Большим академическим глобусом. 31 октября 1948 г. глобус подняли на пятый этаж башни Кунсткамеры, при этом его обмотали тросами. После подъема глобус подвесили горизонтально, оперев концы оси на деревянные козлы. В таком состоянии он оставался в течение 8 лет. Только в июле 1958 г. закончены реставрация и монтаж глобуса. Подробнее см.: *Карпеев Э.П.* Большой Готторпский глобус. СПб., 2003. 92 с.

5 декабря 1948

[1] А.А. Гроссгейм был не только близок по возрасту С.И. Вавилову, он принимал участие в экспедициях в конце 1920-х гг., которые организовал Н.И. Вавилов.

12 декабря 1948

[1] Речь идет об ответах на 2 письма от 22 декабря – от Г.Дж. Мёллера и Г. Дейла. Письмо Генри Г. Дейла, занимавшего в то время пост президента Лондонского королевского общества, президенту АН СССР, т.е. С.И. Вавилову, было опубликовано в газете «Times» 27 ноября 1948 г., а его перевод на русский язык – в газете «Британский союзник» 12 декабря 1948 г. Переиздано в сб.: *Вавилов Ю.И.* В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. М.: ФИАН, 2004. С. 164–165. См. также запись от 11 января 1949 г. и примеч. 2 к ней.

26 декабря 1948

[1] В 1949–1954 гг. А.П. Знойко руководил особой полусекретной «Лабораторией № 15» при МГУ, созданной специально для разработки его запатентованной в 1947 г., но имеющей сомнительное научное значение «периодической закономерности свойств атомных ядер»; деятельность Знойко активно использовалась в качестве доказательства своей правоты обеими сторонами в конфликте «академической» и «университетской» физики в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Интересно, что первые научные публикации Знойко с изложением его периодической закономерности свойств атомных ядер были представлены для публикации в 1949–1950 гг. в «Докладах Академии наук» С.И. Вавиловым.

1949

1 января 1949

[1] Люминесцентные лампы в Эрмитаже впервые появились в дни празднования 220-летия основания Академии наук (1945). Ими была освещена картинная галерея героев войны 1812 г. Целесообразность такого освещения картин сейчас представляется сомнительной. См. также воспоминания химика-органика академика А.Е. Арбузова (Труды ИИЕТ. Т. 17. М.: АН СССР, 1957. С. 146).

5 января 1949

[1] Имеется в виду сходное по идеологической подоплеке с известной сессией ВАСХНИЛ 1948 г. Всесоюзное совещание физиков, которое активно готовилось с декабря 1948 г. по конец марта 1949 г., но затем было отменено. В ходе подготовки совещания все тексты будущих 12-ти больших докладов и многих из полусотни выступлений были предварительно заслушаны и обсуждены будущими участниками совещания в Министерстве высшего образования под руководством чиновников этого ведомства. Заседания проходили трижды в неделю – каждый понедельник, среду и пятницу – в течение трех месяцев. На этих заседаниях ясно оформилось противостояние некоторых ведущих физиков с группой маргинальных ученых, от-

рицавших теорию относительности и копенгагенскую интерпретацию квантовой механики, многие из которых в то время работали в МГУ.

[2] Сессия Академии наук СССР по истории отечественной науки, проходившая в Ленинграде 5–11 января 1949 г. См.: Вестник АН СССР. 1949. № 2.

[3] На открытии сессии присутствовали и лидеры ленинградской парторганизации П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин и Г.Ф. Бадаев, которые были избраны в президиум. П.Г. Лазутин выступил с приветствием «штаба советской науки» сразу после открытия сессии. Вскоре все они были арестованы по «ленинградскому делу» и расстреляны, какое-либо упоминание о них при публикации материалов этой сессии было исключено. См. запись от 22 марта 1949 и примеч. к ней.

9 января 1949

[1] 9 января 1949 г. на здании по 7 линии Васильевского острова, дом 2 участниками сессии, включая С.И. Вавилова, были открыты мемориальные доски десяти отечественным ученым – В.В. Петрову, М.В. Остроградскому, Б.С. Якоби, Я.К. Гроту, П.Л. Чебышеву, Н.Я. Марру, А.П. Карпинскому, И.П. Павлову, Ф.Ю. Левинсону-Лессингу, В.И. Вернадскому. «Это место – центр русской науки», – сказал на состоявшемся по сему случаю митинге С.И. Вавилов.

11 января 1949

[1] См.: Лк. 2, 29. Из молитвы праведного Симеона Богоприимца.

[2] Финалом сессии АН СССР, посвященной истории отечественной науки (5–11 января 1949) стало «единогласное под аплодисменты всех участников» исключение на общем пленарном заседании Академии наук 10 января почетного члена Академии наук СССР президента Английского королевского общества физиолога Генри Дейла (он написал письмо с отказом от членства в Академии после сессии ВАСХНИЛ) и членов-корреспондентов американского генетика Германа Дж. Мёллера и норвежского филолога Олафа Брока. Американский генетик Г. Мёллер в 1933–1935 гг. работал в СССР, но вынужден был уехать из-за политики подавления генетики. После сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. и массового увольнения генетиков из научных и учебных институтов в сентябре, Г. Мёллер в октябре 1948 г. направил письмо Академии наук СССР с протестом против гонений на генетику. Г. Дейл и Г. Мёллер были лауреатами Нобелевской премии по биологии (см. также примеч. к записи от 12 декабря 1948 г.).

22 января 1949

[1] См. примеч. 1 к записи от 5 января 1949 г.

[2] На Моховой улице до переезда на Ленинские (Воробьевы) горы располагался физический факультет МГУ, сотрудники которого крайне активно участвовали в подготовке Всесоюзного совещания по физике, в том числе В.Н. Кессених, Д.Д. Иваненко, Путилов.

[3] Это совещание так и не состоялось, см. примеч. 1 к записи от 5 января 1949 г.

23 января 1949

[1] На Всесоюзном совещании физиков (1949) С.И. Вавилов должен был выступить с основным докладом. См. примеч. 1 записи от 5 января 1949 г.

30 января 1949

[1] См. примеч. 3 к записи от 20 марта 1949 г.

[2] См. примеч. 2 к записи от 20 марта 1949.

[3] Академик Я.О. Парнас был арестован 28 января 1949 г., на следующий день в тюрьме скончался. 27 января была также арестована акад. Л. Штерн по «делу Еврейского антифашистского комитета».

11 февраля 1949

[1] В заметках «Начало автобиографии» С.И.Вавилов записал 31 августа 1949: «Родился 12 марта по с[тарому] ст[илю] на Большой Пресне в д[оме] Нюнина. Недавно получил письмо из Николаева от Голубевой, рожденной Нюниной. Вспоминает она, как девочкой 15 лет носила меня на руках» (Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 3. М.: Наука, 1991).

13 февраля 1949

[1] См. записи от 25 апреля 1947 г. и 22 февраля 1948 г.

[2] См.: *Birt Theodor.* Alexander der Grosse und das Weltgriechentum. 1937. (Александр Великий и мировой эллинизм).

19 февраля 1949

[1] «Голубая дивизия» – неофициальное название 250-й добровольческой дивизии Вермахта, сформированной в Испании в июле 1941 г. и получившей свое второе название благодаря голубому цвету рубашек фалангистов, составлявших значительную часть добровольцев. В ее состав вошли четыре пехотных полка общей численностью почти 12 тыс. солдат (с вспомогательными подразделениями, по разным данным, 17–18 тыс.), дивизия участвовала в боевых действиях у Ленинграда, Новгорода и Волхова. Формально распущена Франко 20 октября 1943 г.

21 февраля 1949

[1] Сохранился рисунок М.И. Махаева, выполненный в середине XVIII в., на котором изображен дом Ломоносова на берегу Мойки.

22 февраля 1949

[1] В майском выпуске (№ 28 за 1896 г.) еженедельного иллюстрированного журнала путешествий и естествознания «Природа и люди» продолжали публиковать сообщения о все новых претендентах из разных стран на открытие *X*-лучей, продемонстрированных В. Рентгеном. Среди прочих и такое: «...секретарь бакинского фотографического кружка А.М. Мишон уверяет, что икс-лучи были уже открыты много лет тому назад бывшим директором бакинского реального училища Ев. Сем. Каменским, который просто считал новооткрытые лучи "фотохимическими", а тот же Мишон одиннадцать лет тому назад получал при помощи их снимки, аналогичные с рентгеновскими. Но скромный русский ученый не дал, к сожалению, дальнейшего хода своему открытию, – и оно кануло в Лету забвения, как множество других русских открытий и изобретений» (с. 449).

23 февраля 1949

[1] Ленинградский завод «Прогресс» был основан в 1944 г. в составе Министерства авиационной промышленности, специализировался на изготовлении специальной технологической оснастки, необходимой для развития радиолокационной и приборостроительной техники.

27 февраля 1949

[1] Речь идет о поэме «Парацельс» (1835) английского поэта Роберта Браунинга (R. Browning).

20 марта 1949

[1] Речь идет о «североатлантическом пакте», НАТО, военно-политическом союзе, начавшем свою деятельность на основе Североатлантического договора, подписанного в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. представителями правительств 12 западных государств.

[2] Кампания по борьбе с космополитизмом, начавшаяся с редакционной статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», опубликованная в «Правде» 28 января 1949 г. (ей предшествовала в 1947–1948 гг. кампания по борьбе с низкопоклонством перед Западом). Статью в «Правде» написали А. Фадеев и журналист Д. Заславский, а отредактировал Сталин. Статья была одобрена на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 24 января 1949 г. Одновременно вышла аналогичная статья в газете Агитпрома ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь». В последующие недели кампания развернулась во всех газетных изданиях и «безродных космополитов» начали обнаруживать во всех областях культуры и науки. Кампания по борьбе с космополитизмом превратилась в государственную антисемитскую акцию, в ходе которой начались увольнения евреев из различных учреждений. Возможно, кампания была развернута с целью «шумового» прикрытия арестов членов Еврейского антифашистского комитета, большинство из которых было арестовано с 24 по 28 января 1949 г. С середины апреля газетная кампания резко пошла на убыль, но продолжалась в виде собраний против космополитов в разных институтах. Возможно, затухание кампании было связано с тем, что многие ученые-физики еврейского происхождения работали над созданием атомного оружия. См.: Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: МФД: Материк, 2005. *Томилин К.А.* Физики и борьба с космополитизмом // Физика XIX–XX вв. в общенаучном и социокультурном контекстах: Физика XX в. М.: Янус, 1997. С. 264–304.

[3] При Президиуме Академии наук по решению партийных органов вместо одного академика-секретаря 17 марта 1949 г. был создан Ученый секретариат в количестве 5 человек во главе с А.В. Топчиевым (в 1947–1949 – зам. министра Министерства высшего образования), в состав которого вошел зав. Отделом науки Агитпропа ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов. Та-

ким образом, ЦК ВКП(б) получило прямой инструмент влияния на Академию наук. См. *Есаков В.Д.* Мифы и жизнь // Наука и жизнь. 1991. № 11. С.110–118.

22 марта 1949

[1] Речь идет о так называемом «ленинградском деле»; неоднократно упоминавшиеся Вавиловым партфункционеры (Вознесенский, Попков, Капустин, Лазутин) были весной 1949 г. сняты со своих постов, арестованы и расстреляны в 1950 г.

23 марта 1949

[1] В июле 1950 г. появилось решение Секретариата ЦК ВКП(б), в котором Л.А. Орбели обвинили в извращении ряда важнейших положений теории И.П. Павлова, в препятствовании истинным последователям учения Павлова творчески развивать его идеи. Он был освобожден от должностей директора Института физиологии АН СССР и директора Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952. С. 466–468).

[2] См. также запись от 15 июля 1949 г.

31 марта 1949

[1] XI съезд ВЛКСМ проходил особенно торжественно, так как он состоялся через 13 лет после предыдущего съезда и на следующий год после 30-летнего юбилея этой организации. С приветствием к съезду комсомола как президент АН СССР обратился С.И. Вавилов: Мои молодые друзья! // Техника – молодежи. 1949. № 2. С. 7.

[2] См. примеч. 3 к записи от 20 марта 1949 г. См. также запись от 15 июля 1949 г.

24 апреля 1949

[1] Установлено, что родиной Вавиловых является деревня Ивашково бывш. Волоколамского уезда (Шаховской район Московской области). См.: *Франк И.М.* О родине и фамилии Ивана Ильича, отца Н.И. и С.И. Вавиловых // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 3-е изд. М., 1991. С. 306–309.

28 апреля 1949

[1] Имение Усть-Рудица (иногда – Усть-Рудицы) под Ораниенбаумом в 75 км от Санкт-Петербурга было пожаловано М.В. Ломоносову для строительства фабрики цветного стекла (1753–1754). Археологические раскопки в Усть-Рудице проводились в 1949–1953 гг.

29 апреля 1949

[1] См. примеч. 1 к записи от 26 сентября 1945 г.

8 мая 1949

[1] См.: Быт. 3: 5.

[2] Визит Штрукса, видимо, был связан с отмечавшимся в июле следующего года празднованием 250-летия Германской академии наук в Берлине.

[3] См. примеч. к записи от 5 июня 1949 г.

15 мая 1949

[1] Директор Геологического института акад. И.Ф. Григорьев (1890–14.V.1949) был арестован по «красноярскому делу геологов», см. примеч. 2 к записи от 15 июля 1949 г.

[2] См.: *Вавилов С.И.* Важное начинание [о всемерном укреплении связи науки с производством] // Вестник АН СССР. 1949. № 6. С. 14–23.

[3] По всей видимости, речь идет о мемориальной доске академика Алексея Николаевича Баха.

[4] Из стихотворения Валерия Брюсова «Грядущие гунны» (1905), в котором, в частности, есть такие строки: «А мы, мудрецы и поэты, / Хранители тайны и веры, / Унесем зажженные светы, / В катакомбы, в пустыни, в пещеры. / … / Бесследно все сгибнет, быть может, / Что ведомо было одним нам, / Но вас, кто меня уничтожит, / Встречаю приветственным гимном».

5 июня 1949

[1] 4 июня 1949 г. состоялась сессия Общего собрания АН СССР, на которой предполагалось избрание членами Академии доктора химических наук А.В. Топчиева по кафедре органической химии (с 17 марта 1949 г. по 20 июня 1958 г. главного ученого секретаря Президиума АН СССР) и экономиста чл.-корр. с 1939 г. К.В. Островитянова. Они оба были выдвинуты в действительные члены АН еще в апреле 1949 г., но из письма акад. Н.Д. Зелинского И.В. Сталину от 3 июня 1949 г. следует, что выборы А.В. Топчиева по какой-то причине откладыва-

ются. Видимо, это письмо сыграло свою роль и Топчиева на следующий день выбрали академиком, минуя член-корреспонденство. Островитянов же был избран академиком в 1953 г. (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952. С. 406–407). В тот же день по докладу Топчиева Общее собрание утвердило план научных работ Академии наук на 1949 год. См. примеч. 3 к записи от 20 марта 1949 г.

9 июня 1949

[1] См. запись от 22 января 1949 г.

13 июня 1949

[1] Торжества в связи с 150-летием со дня рождения А.С. Пушкина проходили в Москве, Ленинграде, г. Пушкине (Царское Село), Пскове, Михайловском.

[2] *Паганкины палаты, Мирожский монастырь и Святогорский монастырь* – архитектурно-исторические достопримечательности Пскова и Псковской области.

[3] Пьеса Л.С. Дэль-Любашевского (Д. Дэля) «Александр Пушкин» (1948).

26 июня 1949

[1] А.С. Пушкин «Евгений Онегин», Гл. I (XLVI).

9 июля 1949

[1] См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого. М.: Гослитиздат, 1949. 420 с. Книга переиздавалась в 1956, 1965 и 1968 гг.

10 июля 1949

[1] Сильнейшее землетрясение 10 июля 1949 г. (так называемое Хаитское), при котором 25 тыс. человек погибли под обвалами и оползнями, а райцентр Хаит был практически уничтожен.

15 июля 1949

[1] Проект Главного здания Академии наук в 25 этажей А.В. Щусева принят не был, это произошло вскоре после его смерти.

[2] Речь идет о «красноярском деле геологов», когда множество геологов было обвинено в сокрытии урановых месторождений на территории Красноярского края на основе ложного доноса корреспондентки газеты «Правда», увидавшей образец урановой руды в Красноярском музее, который был на самом деле из другого региона. В марте – июне 1949 г. около тридцати геологов было арестовано, в том числе чл.-корр. АН СССР А.Г. Вологдин, директор Геологического института академик АН СССР И.Ф. Григорьев, председатель техсовета Мингео проф. В.М. Крейтер и др. Осуждены ОСО МГБ СССР 28 октября 1950 г. за «неправильную оценку и заведомое сокрытие м-ний полезных ископаемых, вредительство, шпионаж, контрреволюционную агитацию» и приговорены к различным срокам заключения в ИТЛ (вплоть до 25 лет) с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет. 6 геологов, в том числе И.Ф. Григорьев, умерли во время следствия или в лагере, остальные освобождены в 1954 г. См. *Годлевская Н.Ю., Крейтер И.В.* «Красноярское дело» геологов // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб., 1994. С. 158–166; *Беляков Л.П.* «Красноярское дело» // Репрессированные геологи. М.; СПб., 1999. 3-е изд., испр. и доп. С. 422–427.

[3] Вероятно, речь идет об автомобиле ГАЗ-12 «ЗИМ».

[4] ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) была переименована в КПСС – Коммунистическую партию Советского Союза – в 1952 г. на 19 съезде партии.

[5] Речь идет о событиях начала 1942 г., в результате чего О.Ю. Шмидт с 24 марта 1942 г. был снят с поста вице-президента АН СССР. См. примеч. 1 к записи от 26 марта 1942 г.

17 июля 1949

[1] См.: *Вавилов С.И.* Микроструктура света. (Исследования и очерки). М.: АН СССР, 1950, 198 с. (АН СССР. Итоги и проблемы современной науки). (Собр. соч. Т. II. С. 381–544).

[2] См.: *Вавилов С.И.* О «теплом» и «холодном» свете. М.; Л.: АН СССР, 1949. 79 с.

[3] Очевидно, имеется в виду сессия ВАСХНИЛ 1948 г., имевшая в идеологическом плане много общего с готовившимся Всесоюзным совещанием физиков (см. примеч. 1 к записи от 5 января 1949 г.).

19 июля 1949

[1] *Ayn Rand.* Noi vivi. Milano, 1942 (Роман “Мы – живые”).

23 июля 1949

[1] *Waetzoldt, Wilhelm.* Hans Holbein. 1938.

26 июля 1949

[1] По всей видимости, деревня Луцино недалеко от Звенигорода в Московской области, на правом берегу р. Москвы, рядом – дачный поселок Академии Наук; монастырь – Саввино-Сторожевский.

31 июля 1949

[1] Академик АН УССР А.П. Комар в 1948–1950 гг. был заместителем директора ФИАНа (т.е. Вавилова) и зав. лабораторией там же. В 1950 г. он сменил А.Ф. Иоффе на посту директора ЛФТИ. См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952. С. 479–480.

[2] Речь идет об ускорителе (синхротроне?) В.И. Векслера.

4 августа 1949

[1] Книга В. Сибрука «Роберт Вильямс Вуд» (М.; Л., 1946) была переведена В.С. Вавиловым с предисловием С.И. Вавилова.

[2] Речь идет о мнимом открытии академиком А.И. Алихановым так называемых варитронов.

6 августа 1949

[1] Речь идет о книге: Документы по истории изобретения фотографии. Переписка Ж.Н. Ньепса, Ж.М. Дагерра и других лиц. Ред. и ввод. ст. Т.П. Кравца (Тр. Архива АН СССР. Вып. 7). М.; Л.: АН СССР, 1949. 509 с. Ее предполагали издать в связи с исполнившимся в 1939 г. столетием изобретения фотографии. Война задержала выпуск тома, и он вышел из печати в самое неподходящее для этого время – в разгар борьбы с космополитизмом, одним из проявлений чего было неприятие достижений мировой науки и техники, если они не были сделаны в России и СССР. Тогда же возник неофициальный лозунг: «Россия – родина слонов», вполне характеризующий ситуацию. См. также примеч. 1 к записи от 22 февраля 1949 г.

[2] В ночь с 6 на 7 августа 1940 был арестован Николай Иванович Вавилов. В дневнике С.И. Вавилова год 1939 – явная описка.

7 августа 1949

[1] Томас Карлейль (правильнее Карлайль; Thomas Carlyle), далее упоминается его роман «Sartor Resartus, жизнь и замечания проф. фон Тейфельсдрека из Вейснихтво» (1831). В досл. перев.: «заштопанный портной» и «проф. Чертоводерьмо из Нивестьгде». «Роман целиком посвящен проблеме "философии одежды", т.е. по существу философской проблеме о несходстве видимой личины, которую надевают на себя люди, с их внутренней сущностью». Цит. по интернет-версии «Литературной энциклопедии» (М., 1929–1939. Т. 1–11).

11 августа 1949

[1] См.: Pensées de A. France. Rassemblées et publ. Maud Laussel, Rene Ledoux–Lebard. Paris, 1925. 278 p. (Мысли А. Франса. Собраны и опубликованы Мод Лоссель, Рене Леду-Лебаром).

13 августа 1949

[1] Дунино – село недалеко от Мозжинки, в котором жил писатель М. Пришвин.

[2] Речь идет о книге: *Боголепова Е.А.* Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. М., 1912. 460 с. (Книга в продажу не поступала).

14 августа 1949

[1] «Пляска смерти», симфоническая поэма французского композитора Камиля Сен-Санса.

16 августа 1949

[1] Имеется в виду дом, принадлежавший боярам Хрущовым; сейчас там музей А.С. Пушкина (Москва, ул. Пречистенка, 12/2).

17 августа 1949

[1] См. примеч. к записи от 6 августа.

20 августа 1949

[1] *Вавилов С.И.* Советским людям дорог мир // Нов. время. 1949, № 18. С. 8–9.

[2] Супонево, деревня в Московской области недалеко от Звенигорода, Мозжинки и Дютьково.

24 августа 1949

[1] На деньги купца К.Т. Солдатенкова (1818–1901) было построено несколько больниц для бедных в Москве и Подмосковье. Ныне наиболее известная из них – Московская клиническая больница им. С.П. Боткина.

[2] Решение о создании Советского комитета в защиту мира было принято Политбюро ЦК КПСС в июне 1949 г. 25–27 августа 1949 г. состоялась первая Всесоюзная конференция сторонников мира, на которой выступал С.И.Вавилов. См.: *Вавилов С.И.* Советским людям дорог мир // Нов. время. 1949, № 18. С. 8–9.

26 августа 1949

[1] Президиум АН СССР признал работу Института экономики неудовлетворительной и отметил, что неудачно ведется печатный орган института журнал «Вопросы экономики». «А директору Института члену-корреспонденту К.В. Островитянову, неудовлетворительно руководившему Институтом и допустившему серьезные ошибки в его работе, предложено в ближайшее время обеспечить улучшение работы Института» (Вестник АН СССР. 1949. № 10. С. 93).

4 сентября 1949

[1] См. примеч. 1 к записи от 14 июня 1946 г.

11 сентября 1949

[1] См. примеч. к записи от 18 сентября 1949 г.

18 сентября 1949

[1] См.: *Вавилов С.И.* Вступительное слово [на Общем собрании АН СССР, посвященном 200-летию со дня рождения А.Н. Радищева] // Вестник АН СССР. 1949, № 10. С. 13–14.

22 сентября 1949

[1] Вероятно, у сына И.П. Павлова.

23 сентября 1949

[1] Возможно, это связано с историей присуждения Латышеву, работавшему в это время в Институте Иоффе, Сталинской премии I степени за 1948 год, которую он получил за экспериментальные исследования в области физики атомного ядра. Историю с лишением его звания лауреата и восстановлением его в этом звании см.: Академия наук в решениях Политбюро… 1922–1952. С. 475, 477.

[2] Речь идет о почвоведах И.В. Тюрине и В.А. Ковде. В это время чл.-корр. АН СССР Тюрин был только назначен директором Почвенного института имени В.В. Докучаева; однако Президиум АН СССР почти сразу после этого рассмотрел вопрос «О недостатках в работе Почвенного института» (Вестник АН СССР. 1949, № 10. С. 92–93).

16 октября 1949

[1] Имеется в виду «теория» Т.Д. Лысенко о наследовании приобретенных признаков.

17 октября 1949

[1] Ю.Н. Вавилов вспоминал об этом эпизоде 6 января 1989 г. Он учился на физическом факультете ЛГУ. На третьем курсе, в 1949 г., при выборе специализации он подал заявление на кафедру «Строение вещества» (ядерная физика). И получил отказ как сын репрессированного. «Вскоре в Ленинград приехал дядя Сережа. Я ему рассказал о своей неудаче с зачислением на кафедру Б.С. Джелепова, но ни о чем его не просил. Через полтора-два месяца меня вызвали в ректорат и сказали, что я могу учиться на кафедре "Строения вещества". Этого, как потом выяснилось, добился Сергей Иванович» // Братья Николай и Сергей Вавиловы. Вечер воспоминаний. Из цикла «Былое и думы» Ленинградского отделения Советского фонда культуры 6.I.1989. М., 1991. С. 34. Также: *Вавилов Ю.Н.* В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. М.: ФИАН, 2004. С. 317.

[2] Николай Александрович Козырев разрабатывал собственную «нетрадиционную» теорию времени, вызвавшую много нареканий среди физиков.

18 октября 1949

[1] ЛенЗОС – Ленинградский завод оптического стекла, открыт в 1924 г.

[2] Е.А. Толмачева.

30 октября 1949

[1] 27 октября 1949 г. Лысенко в связи с 20-летним юбилеем Всесоюзной академии с.-х. наук имени В.И. Ленина был награжден очередным орденом Ленина «за выдающиеся достижения в области сельскохозяйственной науки».

8 ноября 1949

[1] См. примеч. к записи от 24 сентября 1944.

13 ноября 1949

[1] В расхожей формулировке закон гласит: «ежели где чего-нибудь убудет, то в другом месте обязательно прибудет». Статья с таким названием была опубликована С.И. Вавиловым 5 января 1949 г. в «Правде».

22 ноября 1949

[1] После смерти Л.И. Мандельштама было решено увековечить его память, организовав две премии АН СССР – за лучшую работу в области физики и в области радио. Всего премии присуждались дважды в одной номинации и трижды – в другой.

27 ноября 1949

[1] Речь идет о болезни, ставшей причиной смерти Вавилова. Через год 25 октября 1950 г. А.В. Топчиев обратился к М.А. Суслову с письмом, где сообщал, что за последний год здоровье президента АН СССР академика С.И. Вавилова резко ухудшилось, хотя он утверждает, что здоров. Результатом этого письма явилось постановление от 25 ноября: «Предоставить Вавилову С.И. отпуск сроком на 1 месяц для лечения в санатории “Барвиха”» (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952. Сост. В.Д. Есаков. Изд-во РОССПЭН, 2000. С. 483–484).

18 декабря 1949

[1] Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Природа – сфинкс...» (1869): «Природа – сфинкс. И тем она верней / Своим искусом губит человека, / Что, может статься, никакой от века / Загадки нет и не было у ней.»

[2] Речь идет о должности первого секретаря Московского горкома и обкома ВКП(б).

[3] См.: Быт. 3, 19.

25 декабря 1949

[1] Роман «Тысяча душ» (1858) русского писателя А.Ф. Писемского.

30 декабря 1949

[1] См.: О научной деятельности, состоянии и подготовке кадров Института русской литературы (Пушкинский дом) // Вестник АН СССР. 1950. № 2. С. 92–94.

[2] В переводе А.В. Коваленского заключительные слова трагедии Г. Ибсена «Бранд»: «Боже! В смертный час открой –/ Легче ль праха пред тобой / Воли нашей quantum satis?» (*Ибсен Г.* Собр. соч. Т. 2. М.: Искусство, 1956. С. 380).

1950

15 января 1950

[1] 15 января 1950 г. исполнилось 100 лет со дня рождения С.В. Ковалевской.

[2] Возможно, Вавилов имеет в виду неоднократные просьбы В.В. Шулейкина освободить его от должности начальника Главного управления Гидрометслужбы при СМ СССР и возвратить в систему Академии наук СССР, что произошло только в сентябре 1950 г.

29 января 1950

[1] Отсылка к фарсовой ситуации, описанной в шутке в одном действии А.П. Чехова «Предложение» (1888).

4 февраля 1950

[1] См. примеч. 1 к записи от 23 сентября 1949 г.

4 марта 1950

[1] Речь, по-видимому, идет о кабинете С.Ф. Ольденбурга, последнего непременного секретаря АН (1904–1929).

5 марта 1950

[1] В XVIII в. так называли галерею.

26 марта 1950

[1] Труды по естествознанию. Сборник, выпущенный в 1838 г., уже после смерти Канта.

1 мая 1950

[1] Г.М. Бошьян был одним из тех, кто воспользовался ситуацией после победы Т.Д. Лысенко над «буржуазными течениями» в биологии, особенно над генетикой. Его главное «открытие» (1949), за которое он получил степень доктора биологических наук и звание профессора, – превращение бактерий в вирусы и обратно. Несмотря на работы крупных микробиологов, опровергавших «открытие» Бошьяна, он, поддержанный властью, продолжал отстаивать свою абсурдную позицию. Конец фальсификациям был положен, когда офицеры Советской Армии, узнав о «достижениях» Бошьяна, стали отказываться от вакцинации. Подробнее см.: *Киселев Л.Л., Левина Е.С.* Лев Александрович Зильбер. Жизнь в науке. М.: Наука, 2004. С. 382–396.

28 мая 1950

[1] См. примеч. 1 к записи от 23 сентября 1949 г.

18 июня 1950

[1] См. примеч. 2 к записи от 8 июля 1945 г.

25 июня 1950

[1] См.: *Вавилов С.И.* Вступительное слово [на сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной проблемам физиологического учения И.П. Павлова] // Вестник АН СССР. 1950, № 7. С. 70–73.

21 июля 1950

[1] Речь идет о книге «Микроструктура света». М.: Изд-во АН СССР, 1950.

2 августа 1950

[1] См.: *Вавилов С.И.* За творческое развитие советской науки // Правда. 1950. 7 августа. № 219.

13 августа 1950

[1] Речь идет о книге Amedeo Maiuri. Pompéi. 1943.

19 августа 1950

[1] См.: *Вавилов С.И.* Очерки и воспоминания. Изд-е 3. М.: Наука, 1991. С. 97–123.

21 августа 1950

[1] См. примеч. к записи от 27 ноября 1949 г.

23 августа 1950

[1] Ваганьковское кладбище г. Москвы расположено рядом с железной дорогой.

10 сентября 1950

[1]«Маркизова лужа» – ироничное название Невской губы (восточная часть Финского залива), подчеркивающее ее мелководность и малые размеры; дано по титулу морского министра 1811–1828 гг. маркиза де Траверсе, при котором российский флот был практически заперт в Финском заливе (отчасти из-за ненадлежащего его финансирования).

24 сентября 1950

[1] Речь идёт о книге П. Шереметева «Вяземы». 1916.

6 октября 1950

[1] В тот же день А.Ф. Иоффе написал заявление С.И. Вавилову: «Объем работ, связанных с руководством Физико-техническим институтом, превышает в настоящее время мои силы и лишает меня возможности вести научную работу. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой освободить меня от должности директора института, разрешив мне занять должность руководителя группы полупроводников. Академик А. Иоффе» (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952/ Составитель В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 480). Секретариат ЦК ВКП(б) 13 ноября 1950 г. принял предложение Президиума АН СССР об освобождении А.Ф. Иоффе от обязанностей директора ЛФТИ и утверждении А.П. Комара на эту должность (Там же. С. 479).

8 октября 1950

[1] Многотомное сочинение А. Дюма «Сальватор» выходило во Франции в 1854–1858 гг. Русский перевод: *Дюма А.* Собр. соч.: В 50 т. Т. 32. Сальватор. Ч. 1, 2. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997; Т. 33. Сальватор. Ч. 3, 4. 1997.

8 ноября 1950

[1] См.: *Прингсгейм П.* Флуоресценция и фосфоресценция / Пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. С.И. Вавилов редактор и автор предисловия к русскому переводу.

25 ноября 1950

[1] *Max Caspar.* Johannes Kepler. 1942.

28 ноября 1950

[1] См. примеч. к записи от 27 ноября 1949 г.

4 декабря 1950

[1] День Конституции 1936 г.

10 декабря 1950

[1] Вступительная речь на торжественном заседании АН СССР, Союза советских писателей и Комитета по делам искусств при Совмине СССР 11 декабря 1950 г., посвященном 150-летию первого издания «Слова о полку Игореве» // Вестн. АН СССР. 1951. № 2. С. 61–63; Собр. соч. Т. III. С. 252–255.

14 декабря 1950

[1] Рядом с санаторием Барвиха, где лечился С.И. Вавилов, находится дом в псевдоготическом стиле («замок»), построенный в конце XIX в. в бывшей усадьбе барона Мейендорфа.

23 декабря 1950

[1] Герберт Гувер 21 декабря 1950 г. произнес речь о политике США в отношении коммунистических режимов, текст которой был опубликован в «Правде». Гувер признавал поражение в Корее и предложил перейти от войны к политике «бдительного выжидания» с милитаризацией ряда некоммунистических стран для создания «надежной плотины на пути красного потока». «Мы можем надеяться на то, – сказал Гувер, – что придет время, когда пороки коммунизма и крах его контроля над расами приведут к его собственному распаду. Хотя это и не служит большим утешением, следует помнить, что дважды в истории мира орды азиатов пронеслись по большим пространствам, но их собственные империи распались в результате распрей между их народами» («Правда», 23 декабря 1950 г.).

27 декабря 1950

[1] См. примеч. 1 к записи от 15 июля 1939 г.

1951

1 января 1951

[1] «По улице мостовой» – русская народная песня; – Австро-венгерский марш «Орел» («Под двуглавым орлом») (в оригинале «Unter dem Doppeladler»). Ф.Дж. Вагнера (Franz Joseph Wagner).

3 января 1951

[1] Речь идет о статье, опубликованной посмертно: *Вавилов С.И.* О причинах снижения выхода люминесценции в антистоксовой области. Собр. соч. Т. II. С. 373–379.

7 января 1951

[1] См. примеч. 2 к записи от 8 июля 1945 г.

21 января 1951

[1] См.: Быт. 3, 19.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма, вложенные в дневники С.И. Вавилова 1936–1943 гг.

1

Письмо Ольги Михайловны Вавиловой на странице с оборотом из блокнота 16,5 × 12,8 см «в клеточку». Вклеено на стр. 396 дневника после записи от 7 апреля 1938 г. и вклеенных последних 5 фотографий матери С.И. Вавилова (стр. 392–395).

О.М. Вавилова – С.И. Вавилову

30 марта

Милый Сереженька! Вернулась только что от бабушки, где мы были все. Сегодня она выглядит гораздо лучше, чем в тот раз. Смотрит так, как будто она здорова, румяненькая и, по-моему, всех узнает. Говорит отчетливо «да» и «нет». Дыхание легкое, пульс хороший и температ[ура] нормальная. Спала ночь совсем спокойно без пантапона. Кушала бульон и курин[ую] котлету, но последнюю с сопротивлением. Мы им сказали, что она курятины не терпит. Лицо у нее стало, как всегда, а не необыкновенное, как тот раз. Болей нет у нее, а это самое главное, об операции доктора и слышать не хотят.

Николай уезжает 3-го. Я дождусь тебя, и если все будет в том же положении, думаю вернуться домой 3-го или 4-го. Алекс[андра] Ив[ановна] бывает там каждый день. Олег снял бабушку много раз.

31-го марта. Сейчас утро. Звонила Ал. Ив. Положение без перемен.

Звонила Гозенпуду (прости Господи!). Карточки готовы и сегодня мне доставят их.

Я ужасно о тебе грущу и беспокоюсь и умоляю тебя помнить, что она не страдает. Я спросила ее, она сказала «нет». Да и вид у нее совсем спокойный. Прошу тебя, милый, кушать что-нибудь и спать после обеда.

Сама я пока в порядке. Одну ночь только плохо спала. Раздумалась и разволновалась очень.

Вижусь с мамой и Наташей. Вчера Лиля и Таня Сах[аровы] были. Тетенек стареньких тоже повидала. Они все ездят любоваться природой за город и смотрят синими глазами мимо всей житейской суеты, несмотря на то, что нужда давит их. Священные старушки!

У нас снег повалил. Гадость на улице ужасная. Тем не мен[ее] иду сейчас раздышаться.

Очень соскучилась о Вас, мои миленькие. Как-то Вы там поживаете?

Целую Вас обоих нежно.

Викушенька! Я теперь скоро приеду, милый!

Пиши мне письмо, жду!
Ваша мама.
Вика! Спроси Наташу, не нужно ли рису привезти. Здесь есть.

2

Письмо Ольги Михайловны Вавиловой на бумаге из того же блокнота, что и первое. Вклеено на стр. 397.

О.М. Вавилова – С.И. Вавилову

Милый мой Сереженька! Сегодня приехал Николай – прямо ко мне. Звонили Александре Ив. и в больницу, но ничего не добились, и он поехал туда. Его пустили к матушке. Она его узнала. Он ее спросил, больно ли ей, она головой и рукой дала понять, что нет. Говорила что-то, но он ясно понял только «Олег». Лежит спокойно и не мечется. Он пробыл у нее час, потом приехал ко мне и поплакал, бедный. Говорил с доктором об операции, но тот сказал, что в таком возрасте это безнадежно. А я все думаю, может, рискнуть все-таки? Ведь без операции она не поправится, а с операцией вдруг станет лучше. И так, и так опасно, но в последнем случае хоть капля надежды будет. Завтра все пойдем туда. Поговорю сама с доктором и с Ал. Ив. Очень о тебе грущу, мой дорогой, и жалею, что не около тебя сейчас. Здоров ли сынок наш и как ты его нашел?

Я сижу сегодня дома. Вымыла голову и сохну. Вечером, вероятно, пойду в лечебницу и сейчас же напишу тебе, мой дорогой, как и что.

Умоляю тебя кушать, как следует, и поспать днем сегодня.

Очень соскучилась о сыночке.

Целую тебя, милый.

Твоя Оля.

3

Письмо Ольги Михайловны Вавиловой на развернутой странице с оборотом из отрывного блокнота 27,5 × 20 см. Вложено между страницами 449–450 дневника. Запись от 3 апреля 1940 г.

О.М. Вавилова – С.И. Вавилову

Дорогой мой Сереженька! Сейчас позвонила мне Анна Ил. и сообщила печальную весть.

Грустно, милый, бесконечно.

Последние вести твои и от Николая – обнадежили было меня, а вышло все так печально. Прошу тебя, если разволнуешься очень, позови меня – приеду. Сейчас выехать не могу, т.к. Викуша еще не в полном порядке. Горло у нее* не болит и температура нормальная – но ангина вещь коварная и надо еще подождать дня три, чтобы не было осложнения. Сама я здорова. И ноги и живот – все успокоилось. Даже толстеть начала.

* Так у Вавиловой.

Что это у нас за год этот вышел отчаянный. Прямо со всех сторон навалились беды.

Прошу тебя очень быть осторожным и серьезно подумать и предпринять что-нибудь радикальное, чтобы разгрузиться от своих дел и обеспечить себе посильное для тебя существование. Ведь мы уже немолоды и надо беречь силы. Вся беда в том, что Вы, Вавиловы, так сильны духом, что не верите, что Вы чего-то «не можете». «Но дух бодр, плоть же немощна» и надо очень и очень помнить это. Очень боюсь, что ты поедешь на похороны и простудишься. Если поедешь, не стой с открытой головой долго и оденься потеплее. Погода сейчас самая коварная, и все кругом хворают.

Желаю тебе всем сердцем мужества и здоровья. Крепко целую и люблю. Твоя Оля.

Викуша целует и шлет соболезнование.

Смотри на обороте.

Сереженька!

Сегодня твои именины. Поздравляю, хоть это очень грустно звучит. Ведь сегодня все Вы именинники, и матушка и сестра. Но числа месяцев в нашей семье выходят прямо роковые.

Телеграммы к тебе не принимают, да ввиду всех событий как-то невозможно посылать ее.

Целую, милый, и надеюсь на лучшие для нас времена.

Целую. Ольга.

4

Записка Виктора Сергеевича Вавилова на отрезанной полоске от страницы отрывного блокнота размером 1,7 × 27,5 см. Вложена вместе с письмом матери между страницами 449–450.

В.С. Вавилов – С.И. Вавилову

Дорогой папа! Сегодня с мамой узнали, что скончалась тетя Саша. Я страшно огорчен. Очень тебе сочувствую. Прошу не унывать и беречь свое здоровье – сейчас особенно. Сам я пролежал 5 дней, сейчас совсем почти поправился. Скоро, наверное, уеду к себе. Пока до свидания. Твой Виктор.

5

С.И. Вавилов – В.А. Веснину

24 августа 1940 г. Москва

Дорогой Викуша!

Пишу относительно ареста брата Ник. Ив. Его арестовали в ночь с 6-го на 7-е августа в Черновицах. Арест, по-видимому, никакого отношения к поездке в Буковину не имеет. Ездил он туда по поручению Наркомзема с представителем Украинского ЦК и правительства, выступал с рядом докладов и лекций и вообще провел поездку с большим успехом и результатами.

Чем в действительности вызван арест, – не знаю. Вчера говорил подробно с акад. Комаровым (Шмидт в Кисловодске). Тот тоже, по крайней мере, на словах ничего не знает, указывает на старые козни Яковлева и Лысенко, но все это, полагаю, приетые догадки. Брат в биологическом мире был настоящим крупным человеком и у нас, и за границей, [так] что, конечно, арестовывать его следовало подумавши. Именно по этой причине особенно приходится беспокоиться. Такого человека либо должны скоро выпустить с извинениями, либо обвинить бог знает в чем.

То, что брат настоящий советский человек, – очень многим известно. С первых же дней революции он работал, как лошадь, создав в сущности всю советскую агрономическую и научно-агротехническую сеть. За все годы ни разу не пользовался отпуском, а об материальных его успехах можно судить потому хотя бы, что, как выяснилось при обыске, на сберкнижке у него ничего не было.

Мне кажется, что твое письмо к т. Сталину или т. Молотову по поводу брата могло бы иметь некоторое значение. Но, конечно, решай как находишь более правильным. Событие крайне тяжелое, и я и Олюшка совсем выбиты из колеи.

Всем привет. Я был в Москве 24 и 25-го, сегодня уезжаю в Ленинград.

С. Вавилов

Научные заметки*

С.И. Вавилов
Москва. Дурновский пер. 16, кв. 2
тел. Г1-50-67
Ленинград. Биржевая л., д. 4, кв. 5
тел. 81-45

Мозжинка, 8 ноября 1950 г.

1. *Самоограничения современного естествознания.* В современном естествознании, несмотря на его общность, есть, однако, самоограничения. Не берусь перечислить сейчас их все. Но вот некоторые: I. Принимается, что мир однороден. Однородны пространственно-временные свойства, однородны элементарные частицы, однородны законы везде и всегда. На опыте это широко оправдывается. Но это не обязательно и должно рассматриваться только как эмпирический постулат. II. Из I почти как следствие вытекает атомизм, тенденция к построению мира, начиная от малого – в большое. Между тем возможно пытаться, как это стремится сделать Эйнштейн, идти в обратном направлении, от большего к малому, от мира к атомам. III. Совершенно исключается сознание и его рудименты, несмотря на полную, можно сказать максимальную (для человека) его несомненность. Сознание не может быть ненужным «невесомым» фактором, с которым можно не считаться. Сознание не может не быть физическим, т.е. влияющим фактором.

Мозжинка, 12 ноября

2. *О роли математики в современной физике.* Об особой, эвристической роли математики в современной физике я много раз писал. Сейчас я хотел отметить только чересчур большую гибкость и емкость математики. Посредством вероятностных функций, многомерных пространств, функций комплексного переменного она, оставаясь в пределах логики, точности – в состоянии заводить в явно метафизические области, причем, получающиеся выражения могут вполне соответствовать опыту. Где же критерий истины? Как будто бы все в порядке [–] и опыт и логика. Говорят, что есть еще один критерий – философский. Если разобраться в этом значении конкретно, то обнаружит-

* Основные фрагменты научных заметок 1950–1951 гг. были опубликованы В. Келером в журнале «Химия и жизнь», 1975, № 1. В данном издании они публикуются полностью.

ся требование модельности. Но ведь это требование привычки и житейского удобства.

3. *О «национальной» и «мировой» науке.* Следовало бы дать серию очерков таких характерных фигур, как Галилей (итальянец), Кеплер (немец), Спиноза (еврей), Декарт (француз), Ньютон (англичанин), Ломоносов (русский), на фоне мировой науки и национальных особенностей. Обнаружилось бы многое интересное и практически важное.

Мозжинка, 25 ноября

4. Общий принцип использования радиоактивных изотопов для фотографических целей.

1) Нужна твердая среда, содержащая светочувствительные молекулы.

2) Под действием света эти молекулы должны практически полностью терять растворимость в некоторых растворителях (напр., вода, спирт и т.д.).

3) В светочувствительные молекулы должен входить радиоактивный изотоп.

Бромистое серебро в фотогр[афической] пластине в желатине – частный случай, удовлетворя[ю]щий этим требованиям.

Москва, 7 декабря

5. Световой эталон для люминофоров с применением радиоакт[ивного] кобальта (для Тимофеевой).

a) Светящееся вещество – кристаллы уранил-калий сульфата.

b) источник γ-лучей – радиоактивный кобальт с хорошо изученной констан[т]ой распада и с градуир[ованной] кривой, выраженной в «абсолютном» земном времени.

c) экран и источник до измерений хранятся в хорошо защищенных (друг от друга) свинцовых сосудах. Действие источника начинается после установки в приборе.

Преимущества эталона: α) яркость, β) дешевизна.

Барвиха*, 14 декабря

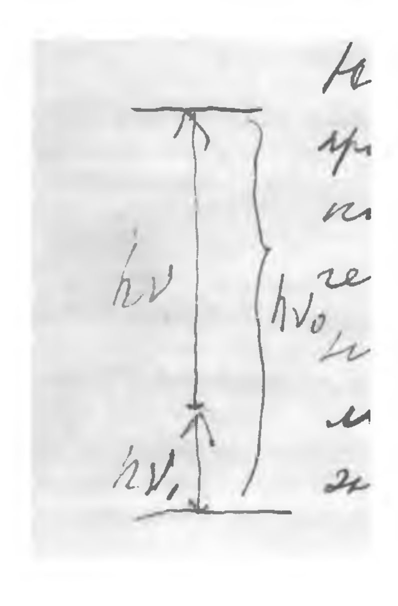
6. Выход флуоресценции в антистоксовой области спектра. При очень быстром, не стационарном возбуждении.

Падение выхода в антистоксовой области до сего времени имеет только термодинамическое объяснение, с которым Прингсгейм не согласен.

Выход может падать только за счет равновесных процессов. Что будет, если возбуждение очень быстро и равновесие не успеет установиться? Как будто бы следует ждать возрастания энергетического выхода. Следует сделать опыт с искровым возбуждением, или на флуориметре, воспользовавшись ультра-звуковым модулятором.

---

* Вавилов везде писал Борвиха.



Барвиха. 15 декабря

7. О кинематических причинах невозможности энерг[етического] выхода > 1 в антистоксовой области.

Обычное сомнение состоит в том: если в антистоксовой области возможно поглощение света, то почему же невозможно излучение с эн[ергетическим] выходом > 1.

Неправильность такого рассуждения, по-видимому, состоит вот в чем: поглощение мгновенно. Достаточно наличия тепловой флуктуации данной молекулы в данный момент, чтобы поглощение, приводящее к определенному возбужденному уровню, произошло. Наоборот, излучение может произойти только через некоторое конечное время, среднее значение которого τ. Если в течение этого времени, хоть на мгновение $hv + hv_1 < hv_0$, энергия возбуждения перейдет в тепло. Если $hv + hv_1 > hv_0$, то, по-видимому, в тепло перейдет только разница (но это еще надо доказать). С этой точки зрения, по-видимому, все понятно и вполне обще.

Барвиха. 18 декабря

8. *О сознании как предмете естественной науки.* Несмотря на намерения И.П. Павлова (о которых я сам слышал 40 лет назад), сознание не стало предметом естествознания. Учение Павлова верно, нужно, но это не все, совсем не все.

Вот уже больше пяти лет из факта биологического развития сознания (а следовательно, его «нужности») пришел я к выводу, что сознание [–] физически действующий агент. Не камень, сознающий, что он летит, и не могущий ничего сделать (такова обычная «теория» сознания), а камень, через сознание воздействующий сам на себя и на окружающее.

Рудиментарное сознание тоже действенно. Только в нем и особенность живого (все остальное можно имитировать и в неживом). Но действие его ничтожно. Сознание человеческое – могущественно. Если заключить в адиабатную оболочку Землю, то благодаря сознательной деятельности человека обнаружатся нарушения второго начала (одна атомная бомба чего стоит, таковы и железные дороги и пр.). Думаю, что я не ошибаюсь.

Но если так, надо создать особую естественную науку психики (не психологию, это что-то жалкое до сих пор). Психика 1) вне пространства, 2) для нее совершенно необходимо «я», хотя бы в самой элементарной форме. Но можно ли здесь ввести количество. По-видимому, да. Количественные измерения сводятся к утверждению равенства (напр., совпадение двух точек в пространстве) и счету. Можно ли изучать свое сознание? По Бору, нет. Своего рода «Ungena[i]ugkeit Relation». А чужую психику? Не будет ли это обычной психологией? Не ясно, но надо же с этим что-то сделать.

Барвиха, 19 декабря Вт[орник]

9. Еще о «физической» роли сознания.

Муравейник, пчелиные соты, паутина сама по себе механическая система и не больше, но создание таких систем «спонтанное», т.н. «естественное» запрещает термодинамика с ее «наиболее вероятными состояниями». Вчера по поводу декартовских взглядов на живое существо как машину прочел воспоминания какого-то француза по поводу электронной машины памяти. Конечно, эта машина действительно есть машина, но создать ее без миллионо[в] лет сотен тысяч поколений, мутаций, естественного отбора могло только человеческое сознание, направляющее, отбирающее «максвелловский демон». Все это к тому, что сознание не просто «свидетель физики», а физический фактор.

Нет сомнения, что само сознание во многом (может быть, во всем) зависит от физических факторов, но оно не сводимо, так же как электричество, вероятно, в еще большей степени. Самое замечательное, это чувство себя, «я». Это громадный творческий двигатель, именно «я» и определяет возможности «максвелловского демона».

И вместе с тем «я» совсем не «божественно». В большинстве случаев маленькое оно, примитивное, все на службе физиологии. Сознание и «я», бесконечно экстраполируя его развития, создававшим возможности, можно почти довести до «всемогущего» состояния. Но этот «конструированный бог» едва ли кому-нибудь для чего-нибудь нужен.

И наконец, последнее. Человек в клетке с зеркальными степенями ничего кроме себя не видит и цена нашей философии только прагматическая. Это одно из средств борьбы за существование.

Барвиха, 22 декабря

10. *Об антистоксовых изменяющихся спектрах* (к п. 7). Бывают случаи, когда при переходе к антистоксову возбуждению начинает удлиняться средняя длина волны излучаемого спектра. В этом случае все согласуется с термодинамикой, так как заведомо энергетический выход в лучшем случае = 1, а то меньше. Но разбирать этот случай математически неприятно, так как входит вероятность теплового состояния к его длительности, изменение формы спектра и пр. Много проще для разбора случай с сохраняющимся спектром. Тогда сразу из условия постоянства (условной) средней длины волны спектра следует, что по мере удаления в антистоксову область выход должен катастрофически падать.

Барвиха, 27 декабря

11. О свежевыпавшем густом снеге.

Ходить по полям, покры[ты]м этой свежей белой пеленой, по-видимому, великое благо. Снег унес пыль, микробов, унес механических, заключил в свою белую пелену. А потом *озон*, выделяющийся свежим снегом. Но медицинские savantissimi* об этом, по-видимому, мало знают.

Барвиха, 29 декабря

12. О популярных книжках, которые следовало бы написать.

Считаю это обязанностью. Темы такие:

I. *«Вещество»* (вариация на тему моей статьи «Развитие идеи вещества»). Осветить вопрос от электрона до человека. Полезно бы и для других и для себя.

II. *Пространство и время* (очень трудная и очень нужная тема про Ньютона, Лобачевского, Эйнштейна etc.).

III. *Действия света* (вариация на старую тему).

1951 г.

Барвиха, 5 января

13. Действие α-частиц, вызываемых нейтронами в жидкости.

Располагая источником нейтронов в растворе флуоресцирующих веществ, к которым добавлены борные соединения, можно во всей толще вызвать x-излучение и соотв. люминесценцию. Интересно изучить выход этой люминесценции, пространственное распределение и поляризацию (в вязкой среде).

14. Можно ли ожидать аналога черенковского свечения при прохождении пучка нейтронов через жидкость?

При прохождении нейтронов со скоростью большей фазовой скорости света в жидкости вследствие некоторого рассеяния нейтронов на ядрах и электронов можно ожидать видимого свечения. О величине его трудно что-либо сказать, но опыт интересен.

Барвиха, 7 января

15. О больших физических вопросах.

Физика завязла в установившихся понятиях массы, энергии, зарядов, элементарных частиц, сил. Это, конечно, неизбежно и перешло в физику из практики. Но сама та практика настолько сложна, вторична, третична и т.д., что основой для принципов физики служить не может. (Это не так при решении конкретных и технических задач).

Глубже всего на дело, по-видимому, смотрел Спиноза (основное: пространство, время и психика). По тому же пути пошел Эйнштейн (о последнем, т.е. психике, он просто молчит).

Итак, есть пространство-время (не ньютоновское, конечно, а что-то вроде эйнштейновского). Дальше на основании наглядных, модельных, привычных представлений, пожалуй, ничего не скажешь. Атом (или вообще э[лементарная] ч[астица]) – какой-то комок пространства-времени в пространстве-времени, деформирующий окружающее пространство-время, вызывающий поля ядерные, гравитационные, электромагнитные.

Почему образуются эти «клубки», почему они строго одинаковы, почему они подчиняются квантовым законам, как объясняются гравитационные, э[лектро-]м[агнитные] и прочие поля? Почему существуют такие-

---

* Ученейшие (*фр.*).

то элем[ентарные] частицы? Чем объясняются спонтанно-статистические свойства процессов в сложных эл[ементарных] частицах? (Важно, что эти статист[ические] свойства обнаруживаются только в сложных частицах – ядрах, хим. атомах, в системе ядро–фотон и т.д. Существуют ли статист[ические] свойства в действ[ительно] элем[ентарных] частицах. Статистический распад нейтронов и мезонов не свидетельствует ли об их сложности. Об этом следует подумать).

Наконец психика! Об этом еще у Эпикура и Лукреция и у Ибсена «Легче ль песчинки в деснице твоей воли людской "quantum satis"»? Очевидно не легче.

Наконец, все и атомы в их диалектической противоречивой связи. Всего этого в физике пока нет. Не знаю, какой путь ведет к решению. Математический? Экспериментальный? С моделями ничего не сделаешь.

Барвиха, 8 января

16. О «спонтанных» статистических процессах новой физики.

Вчера я отметил, что «спонтанные» процессы (одна из самых непостижимых загадок новой физики) наблюдались до сих пор только в сложных системах (атомные ядра сложного состава, возбужденные атомы, распад мезонов и т.д.). Это очень важно с принципиальной стороны. Система всегда допускает неодинаковость расположения частей в пространстве и во времени (расстояния, фазы и т.д.). Мы не знаем моделей структур, но то, что это структуры, а не элементарные частицы, по-видимому, несомненно. Чего-либо похожего на эпикуровский «камешек»*[3] физика не знает. Электроны сами по себе не ускоряются, заряды, массы элем. частиц «спонтанно» не изменяются. Поэтому статистическая спонтанность новой физики принципиально не отличается от хаотического беспорядка классической теории вещества. В последнем случае мы знаем только довольно достоверно, что дело идет о статист. беспорядке координат и скоростей. В случае же радиоактивного ядра или возбужденного атома до сих пор не известно, что в них хаотически распределено.

Барвиха, 9 января

19. К анализу памяти

Вернулся тут к писаниям воспоминаний. И вот развертываются в памяти большие страницы с многими мелкими подробностями о событиях, виденных 45–50 лет назад. Можно, конечно, пустить кинокартину, снятую полвека назад, для этого нужно только, чтобы она сохранилась и был проекционный аппарат. Но где то место в человеческом мозгу, полностью изменившемся за 50 лет, для хранения всех этих картинок более тонких и сложных, чем кинокартины? Эти картины памяти вовсе не отпечатки «сгущений» – это сложный комплекс понятий, слов, наблюдений, мыслей. Но замечательно вот что. В этих «картинах памяти» почти не осталось ничего личного. Ни самолюбия, ни восторгов, ни ненависти, ни любви. «Добру и злу внимая равнодуш-

---

* Слово распознано неуверенно.

но», память разворачивает эти картины прошлого с поразительной глубиной, реальностью. По этим картинам можно читать и даже рассматривать их «в лупу». Целого эти картины не составляют, они разрозненны, эти листы, произвольно завязанные в общую папку.

Сны, конечно, комбинируются из этих папок. Нет сомнения, что все «картины памяти» в живом человеке связаны с его машиной. Человек может забывать, терять память, пропадает ключ от папок. Мы веруем, что с распадом мозгового вещества данного человека навсегда исчезают «картины памяти», как при пожаре архива навсегда погибает написанное в документах, в нем хранившихся. Верна ли эта аналогия? Как представить себе безграничное разнообразие «картин памяти», опирающихся на дискретную клеточную мозговую структуру? Этого никто не знает, но теперь на это отвечают «машинками памяти», хотя им очень далеко до того, о чем идет речь.

«Картины памяти» при этом чисто психического характера. Они «поэтичны», «художественны», носят элементы обобщения, типизации и предназначены для данного «я».

Все это к вопросу о сознании.

Барвиха, 11 января

18. О снежной «пыли»

Сегодня чудесная погода. Солнце. Тишина, –12°. Воздух кажется чистым и далеко прозрачным, [на] солнце (в рассеянных солнечных лучах) видны довольно редко блистающие снежные кристаллики). Кристаллизующийся водяной пар. Старая проблема образования кристаллического из газообразной фазы. Здесь она особенно ясна и красива. Это – замена пылинок, играющих в солнечных лучах. Но настоящей пыли здесь нет. Да и откуда, после нескольких снегопадов. Образуются ли кристаллики на пылинках, или без них. Но это важное зрелище заслуживает внимания. Впервые его заметил.

19. О количестве, переходящем в качество.

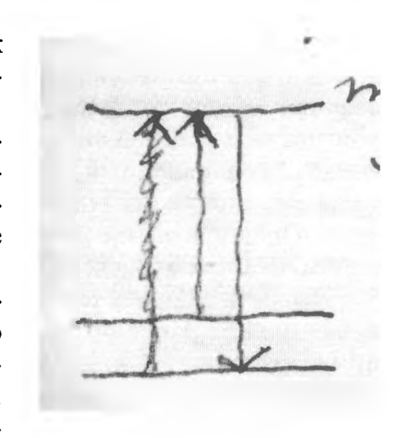
Изречение это ошибочное, но понимают его обыкновенно самым примитивным атомистическим способом (по способу построения башен и домиков из кубиков). Так, никакой глубины, тавтология и тривиальность. Но возможна ведь другая точка зрения: построение из целого частного, из вселенной – атомов. Вот при таком подходе переход количества в качество может иметь совершенно конкретное и специфическое значение.

Мозжинка, 14 января

20. Еще о гипотезе «флуктуирующего возбужденного состояния в антистоксовой области» (ср. п. 7 и 10).

Рассуждение п. 7 основано на гипотезе о возможности флуктуирующего возбужденного состояния, меняющегося в зависимости от теплового состояния молекулы. Обычные специально-энергетические схемы (ср. рис.) оставляют совершенно необъяснимым, что же на самом деле происходит при поглощении. Два разных вида энергии – электронная и колебательная энергия ядер – предполагается просто складывающейся. Происходит ли своего рода удар второго рода, превращение ядерно-колебательной энергии в энергию

электронного осциллятора или дело сводится к чисто кинематическому сложению двух движений?



Мне кажется, что для первого предположения нет основания в регулярной молекуле, второе же просто необходимо. Но если так, то в реальных температурных условиях возбужденное состояние обязательно.

В стоксовой области дело обстоит совершенно иначе. Так как это непосредственно следует из опыта, часть поглощаемой энергии переходит в тепло (разность $h\nu - h\nu_0$). Следовательн[о], здесь обмен энергии обязателен, и процессы, соответствующие ударам второго рода (внутри молекулы), должны иметь место. Тепловое состояние в момент излучения должно сказываться на излучаемой энергии, но это будет незначительное изменение спектра. В стоксовой* области никогда сумма энергии возбуждения + тепловая энергия не может оказаться меньше $h\nu_0$.

В отношении антистоксовой области необходимо еще заметить, что разумеется в том случае, когда удовлетворено условие $h\nu + h\nu' \geq h\nu_0$, излучение еще не обязательно, имеется некоторая вероятность перехода всей энергии в тепло.

<u>Мозжинка. 21 января</u>

21. Ошибочность замечаний 7, 10 и 20 и общее объяснение падения выхода в антистоксовой области.

Замечания 7, 10 и 20 не соответствуют опыту. Я забыл, что падение выхода в антистоксовой области не сопровождается одновременным уменьшением τ. τ остается постоянным. Между тем, если бы представления, набросанные в 7, 10 и 20, были верными, τ в антистоксовой области должна бы уменьшаться по мере спадания выхода. Постоянство τ подрывает всю концепцию.

Для удовлетворения условия постоянства τ необходимо принять, что решающим фактором при спадании выхода в антистоксовой области должен служить переход энергии возбуждения в тепло при поглощении, а не при излучении (как предполагалось в 7, 10 и 20).

Задача состоит в том, как доказать (помимо термодинамики) в общем случае, что 1) энерг[етический] выход в антистоксовой области всегда ≤ 1, 2) Энерг[етический] выход падает по мере углубления в антистоксову область.

При этом из опыта известно, что функция спадания выхода в зависимости от длины волны возбуждающего света не есть функция универсальная.

При* поглощении света люм[инесцентной] средой в стоксовой области и антистоксовой области при температуре выше абс[олютного] нуля в общем случае происходит обмен между поглощаемой световой и тепловой энергией частицы до окончательного установления возбужденного состояния.

* Первоначально было написано «антистоксовой», но «анти» зачеркнуто.
* В начале предложения было написано «Прежде всего», но зачеркнуто.

Необходимо предположить, что результат обмена определяется не только энергией поглощенного света $h\nu$ и мгнов[енной][*] энергией теплового состояния $h\nu'$, он имеет *статистический* характер, т.е. имеется некоторая вероятность p превращения всей или части[2*] поглощаемой световой энергии в тепло. Беспорядочный, статистический характер процесса может быть истолкован вполне наглядно через беспорядочность фазовых, тепловых состояний. Предположение о статистическом характере обмена соответствует экспериментальному факту (внутреннее тушение).

Вывести теоретически статистический характер обмена, по-видимому, невозможно. Это внутри пределов соотношения неточностей. Статистику приходится постулировать, как при излучении и поглощении.

В общем случае весьма правдоподобно предположение, что больше вероятность возрастания энергии при обмене той из обменивающийся энергий, которая относительно больше. Это значит, что в антистоксовой области вероятность излучения должна спадать по мере углубления в антистоксову область.

Наконец, из непрерывного изменения вероятности следует, что при бесконечном погружении в антистоксову область вероятность излучения должна стремиться к нулю, а наоборот, в начале антистоксовой области она должна иметь значение такое, как в стоксовой области.

На основании перечисленных предположений и положений (из которых самое главное о стат[истическом] характере, следующее непосредств[енно] из *независимых* опытов) вытекают оба указанных сначала основных свойства антистоксовой области.

Мозжинка, 22 января

22. Продолжение о выходе в антистоксовом спектре.

Основные физические предпосылки общего вывода:

I) Процесс обмена поглощенной световой энергии и тепловой энергии элемен[тарной] данной частицы имеет статист[ический] характер, приводя либо к возбуждению либо к полному переводу световой энергии в тепло. Беспорядочность, статистичность в классической интерпретации следовало бы связать с фазами, в квантовом толковании это особенность состояния внутри пределов соотношения неточности.

II) Переход тепловой энергии в энергию возбуждения физически равносилен переходу из состояния мало защищенного от внешних воздействий (тепловое состояние) в состояние хорошо защищенное (длительность возбужд[енных] состояний). Такой переход требует преодоления потенц[иального] барьера. В общем, необходимо предположить, что такой переход тем затруднительней, чем большая энергия должна быть переведена из одного состояния в другое.

Обозначим через $h\nu$ – возб[ужденный] квант, $h\nu'$ – мгновен[ную] тепловую энерги[ю], $h\nu_0$ – энерги[ю] возб[ужденного] состояния. Чем больше $h(\nu_0 - \nu)$, тем менее вероятен переход.

---

[*] Неразборчивое слово, предположительно «мгновенной», вписано над строкой.

[*] «Или части» вписано над строкой.

Естественно предположить (и, вероятно, можно доказать), что для осуществления возбужденного состояния недостаточно, чтобы

$$h\nu + h\nu' = h\nu_0$$

Необходимо, чтобы

$$h\nu + h\nu' > h\nu_0$$

Избыточная энергия необходима для осуществления перехода.

III. Из II необходимо следует, что при $h\nu \to 0$ вероятность возникновения возб[ужденного] состояния также должна $\to 0$.

IV. Переход из стоксовой области в антистоксову должен быть непрерывным, т.е. в начале антистоксовой области значение вероятности должно мало отличаться от ее значения в прилегающей стоксовой области.

Из всего этого обобщенный закон Стокса вытекает с необходимостью.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абетти Джорджо (Abetti G., 1882–1982) – итальянский астроном. Член Национальной академии деи Линчеи. В 1921–1952 гг. – директор обсерватории Арчетри (близ Флоренции), с 1921 г. также профессор Флорентийского ун-та. В 1952–1970 гг. – президент Национального оптического ин-та (Флоренция). 26, 27.

Абрикосов Алексей Иванович (1875–1955) – медик, патологоанатом. Академик АН СССР (1939), АМН (1944). Герой Социалистического Труда (1945). С 1939 г. – член Комитета по Сталинским премиям. 200

Авакян Артавазд Аршакович (1907–1966) – агробиолог, генетик, селекционер. Был активным сторонником Т.Д. Лысенко. 361

Августин Аврелий (354–430) – философ, проповедник, христианский богослов и политик. Святой католической и блаженный православной церквей. 310

Авербах Михаил Иосифович (1872–1944) – офтальмолог. Академик АН СССР, заслуженный деятель науки. Один из основателей Об-ва глазных врачей в Москве. Лауреат Сталинской премии СССР (1943). Премия им. М.И. Авербаха ежегодно присуждается АМН СССР за лучшую научную работу в области офтальмологии. 122

Адриан Публио (Adriano P.E., 76–138) – римский император с 117 г. 35

Айт Макс фон (Eyth M. Von, 1836–1906) – немецкий инженер, писатель, общественный деятель. 92

Акулов Николай Сергеевич (1900–1976) – физик, специалист в области ферромагнетизма. Академик АН БССР (1940). Сталинская премия (1941). После окончания МГУ (1926) работал там до 1954 г. (с 1931 г. – профессор). В 1955–1957 гг. – профессор Московского Ин-та химического машиностроения, с 1963 г. – в системе АН БССР. 199, 228, 236, 293, 306, 307

Александер – парикмахер, работавший в детские годы С.И. Вавилова на Пресне (Москва). 380

Александр Великий (Македонский) (356–323 до н.э.) – полководец и государственный деятель Древнего мира, царь Македонии с 336 г. до н.э. 85, 380

Александр I (1777–1825) – российский император с 1801 г. 280, 343

Александр II (1818–1881) – российский император с 1855 г. 412

Александр III (1845–1894) – российский император с 1881 г. 257, 426

* В указатель имен включены все упоминаемые в дневниках лица. Об известных людях даны только краткие сведения, если только они не важны для понимания событий, о которых идет речь в дневниках, о малоизвестных (тем более, если они имели отношение к С.И. Вавилову) – все, что удалось выяснить. Звездочкой отмечены фамилии тех лиц, данные о которых взяты из комментариев В.П. Волкова и А.А. Мурашева к изданию: В.И. Вернадский. Дневники 1935–1941. Кн. 1, 2. М.: РОССПЭН, 2006; Он же. Дневники 1941–1943. М.: РОССПЭН, 2010. Сведения о сестрах Сахаровых почерпнуты из книги: *Вишнякова М.А., Алимова Т.М.* Екатерина Сахарова: Жизнь на орбите Н.И. Вавилова. С.-Петербург, 2011. Сведения о многих сотрудниках ГОИ получены благодаря помощи Т.С. Юдовиной. Информацией о К.В. Никольском мы обязаны А.А. Печенкину.

Александр VI (в миру Родриго Борджа, 1430–1503) – папа римский с 1492 г. 32
Александра Ивановна – см. Ипатьева А.И.
Александра Никитишна – знакомая семьи Вавиловых. 88
Александров Анатолий Петрович (1903–1994) – физик. Академик АН СССР (1953, чл.-корр. 1943), президент АН СССР (1975–1986), трижды Герой Социалистического Труда (1954, 1960, 1973). Один из основателей отечественной ядерной энергетики. Основные труды в области ядерной физики, физики твёрдого тела, физики полимеров. 162, 338
Александров Георгий Федорович (1908–1961) – философ. Академик АН СССР (1946). В 1940–1947 гг. возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). 148, 158, 207, 228, 252, 270, 299, 313, 331, 435, 445
Александров Иван Гаврилович (1875–1936) – инженер-мостовик, специалист в области энергетики и гидротехники. Академик АН СССР (1932). Окончил Московское инженерное училище (в наст. время Московский гос. ун-т путей сообщения, МИИТ). Участник разработки плана ГОЭЛРО. Автор проекта Днепровской ГЭС, строитель Днепрогэса. Занимался также вопросами водопользования. 45
Алексеев – партийный деятель. Работал в Ленинграде в Смольном в 1950 г. 442
Алексеев – танкист, капитан. 128
Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) – филолог, специалист по литературе Китая. Академик АН СССР (1929, чл.-корр. 1923). С 1918 г. – профессор Петроградского (Ленинградского) ун-та. С 1935 г. в Ин-те востоковедения. 345
Алексеев Сергей (ум. в 1943 г. в Москве). 178
Алексеенко Геннадий Васильевич (1906–1981) – государственный деятель. Доктор технических наук (1964). По образованию инженер. В 1940–1947 гг. работал в наркомате (с 1946 г. – министерстве) электропромышленности. В 1947–март 1953 гг. министр промышленности средств связи. В последние годы (1965–1980) заместитель председателя Госкомитета СМ СССР по науке и технике. 340
Алексей Петрович, царевич (1690–1718) – старший сын Петра I. 90
Аленцев Михаил Николаевич (1909–1961) – физик. Кандидат физико-математических наук (1949). Образование среднее. С 1934 г. работал в ФИАНе, пройдя путь от лаборанта последовательно в лабораториях диэлектриков, атомного ядра, оптической до старшего научного сотрудника Лаборатории люминесценции. С 1947 г. работал под руководством С.И. Вавилова и стал одним из его ближайших сотрудников. После 1951 г. им также получены существенные результаты в области люминесценции. Много внимания уделял и практическим применениям люминесценции. 331
Алиханов Абрам Исаакович (1904–1970) – физик-экспериментатор. Академик АН СССР (1943, чл.-корр. 1939), академик АН Армянской ССР (1943). Окончил Ленинград. политехнический ин-т (1928). В 1927–1941 гг. работал в ЛФТИ АН СССР. В 1945 г. организовал ИТЭФ, директором которого был до 1968 г. Работы по ядерной физике, физике космических лучей, физике элементарных частиц, ускорительной технике. Сталинские премии (1941, 1948, 1953). Брат А.И. Алиханьяна. 403, 404, 430, 442, 457
Алихановы – см. А.И. Алиханов и А.И. Алиханьян.
Алиханьян Артем Исаакович (1908–1978) – физик. Чл.-корр. АН СССР (1946), академик АН Армянской ССР (1943). Окончил ЛГУ (1931). В 1930–1941 гг. работал в ЛФТИ, в 1943–1973 гг. – директор Ереванского физического ин-та и зав. кафедрой Ереванского ун-та. В 1946–1960 гг. также зав. кафедрой ядерной физики МИФИ и лаборатории элементарных частиц ФИАНа. Работы по ядерной физике, физике космических лучей и элементарных частиц, по теории и конструированию ускорителей. Брат А.И. Алиханова. 338, 403, 404, 430, 442, 457, 458
Алиханьяны – см. А.И. Алиханов и А.И. Алиханьян.
Аллен Херви (Allen H., 1889–1949) – американский писатель. 282, 283
Амальди Эдоардо (Amaldi E., 1908–1989) – итальянский физик-экспериментатор. Член Академии деи Линчеи (1948). Окончил Римский ун-т (1929), с 1937 г. – профессор там же. В 1945–1952 гг. – также директор Центра ядерной физики, в 1952–1960 гг. – Национального ин-та ядерной физики. 31

Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) – историк. Доктор исторических наук, профессор. 162

Андреев Николай Николаевич (1880–1970) – физик, основатель советской школы по акустике. Академик АН СССР (1953, чл.-корр. 1933). Окончил Базельский ун-т (1909). Работал в 1912–1918 гг. и 1924–1925 гг. в Моск. ун-те, Всесоюзном экспериментальном электротехнич. ин-те (1920–1926), Ленинградской физико-технической лаборатории (1926–1938) и в Ленинградском политехническом ин-те. С 1940 г. по приглашению С.И. Вавилова – зав. акустической лабораторией ФИАНа, с 1953 г. – зав. отделом Акустического ин-та АН СССР. 161, 185

Андреева Мария Фёдоровна (урожд. Юрковская, 1868–1953) – актриса, общественный и политический деятель. Гражданская жена Максима Горького. В 1931–1948 гг. – директор Московского Дома ученых. 356

Андрианов Василий Михайлович (1902–1978) – партийный деятель. С марта 1946 г. – член Оргбюро ЦК ВКП(б), заместитель начальника Управления по проверке партийных органов при ЦК ВКП(б), с февраля 1949 г. по 1953 г. – секретарь Ленинградского обкома партии, в 1952–1953 гг. – член Президиума ЦК КПСС. 384, 388, 416, 425

Анна Илларионовна – см. Строгонова А.И.

Анненков Павел Васильевич (1813–1887) – литературный критик, основатель пушкинистики. 238

Антиной (Antinoo, ?–130) – фаворит римского императора Адриана. 35, 44

Антоний (III–IV вв.) – христианский аскет, питавшийся в пустыне травами и кореньями. 215

Антоний Падуанский (1195–1231) – католический святой. Проповедник-францисканец. 351, 354

Аполлон – в греческой мифологии златокудрый бог – охранитель стад, света, наук и искусств, бог-врачеватель, предводитель и покровитель муз, предсказатель будущего, дорог, путников и мореходов. 28, 35, 361, 338, 340, 342, 351, 354

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – государственный и военный деятель, граф. Генерал от артиллерии. 442

Арап Федорович – см. Иоффе А.Ф.

Арбузов Александр Ерминингельдович (1877–1968) – химик-органик. Академик АН СССР (1942). Герой Социалистического Труда (1957). Сталинская премия (1943, 1947). 222

Аристотель (384 до н. э.–322 до н. э.) – древнегреческий философ и учёный. 112, 188, 318

Арнюльф Альберт (Arnulf A., 1898–1984) – французский физик-оптик. Ученик Ш. Фабри. В 1920–1922 гг. учился в Сорбонне и Ин-те оптики в Париже. С 1925 г. – руководитель практики в Ин-те оптики, параллельно работал в Сорбонне. Его исследование о разрешающей способности глаза 1937 г. сохранило свое значение до сих пор. 46, 47, 54

Артоболевский Иван Иванович (1905–1977) – механик, математик, инженер. Академик АН СССР (1946, чл.-корр. 1939). Окончил Московскую с.-х. академию (1926). В 1927–1930 гг. работал в различных вузах Москвы, в 1932–1936 гг. – в Военно-воздушной академии, в 1932–1941 гг. – в МГУ, в 1941–1977 гг. – Московском авиационном ин-те; один из создателей Ин-та машиноведения АН СССР, работал там (1937–1977 гг.). Работы преимущественно по теории машин и механизмов. 294

Архимед (ок. 287–212 до н.э.) – древнегреческий механик и математик. 170.

Асафьев Борис Владимирович (литературный псевдоним Игорь Глебов, 1884–1949) – композитор, музыковед, автор балетов. 379, 380

Афанасьев – не удалось установить, о ком из художников Афанасьевых идет речь. 421

Афанасьев Аполлон Павлович (1878–1940) – физик, профессор. Автор классического учебника общей физики. 94

Афина Паллада – древнегреческая богиня войны и победы, в то же время богиня мудрости, знаний, искусств и ремесел. В Риме отождествлялась с Минервой. 339

Ашингер (Aschinger) – владелец ресторана в Берлине в 1935 г. 58, 59

Багриновская Вера Павловна (1864–не ранее 1951) – мать О.М. Вавиловой. 201, 204–206, 317, 351, 371, 408, 410–412, 419, 428, 431, 434, 437, 442, 448, 454, 460

Багриновская Екатерина Михайловна – сестра О.М. Вавиловой-Багриновской, жены С.И. Вавилова. 164, 447
Багриновский Борис Михайлович – брат (?) О.М. Вавиловой. 407
Багриновский Михаил Михайлович (1885–1966) – композитор, дирижер. 407
Бадаев Георгий Федорович (1909–1950) – партийный деятель. Член ВКП(б) с 1925 г. Окончил Ленинградскую промышленную академию (1937). Был на партийной работе в Ленинграде: в 1939–1943 гг. – первый секретарь Московского райкома ВКП(б); в 1943–1946 гг. – секретарь Ленинградского горкома, один из руководителей обороны города. В 1946–1949 гг. – второй секретарь обкома ВКП(б). Арестован по так называемому Ленинградскому делу. Реабилитирован посмертно. 330
Байков Александр Александрович (1870–1946) – металлург и химик. Академик АН СССР (1932, чл.-корр. 1928), вице-президент АН СССР (с 6 мая 1942 г. по 25 мая 1945 г.). 159, 221, 269, 275, 276
Бальде Фернан (Baldet F., 1885–1964) – французский астроном. Работал в Алжирской, Парижской и Медонской обсерваториях. 54
Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844) – поэт.
Бардин Иван Павлович (1883–1960) – ученый-металлург. Академик АН СССР (1932), вице-президент АН СССР (1942–1960). Герой Социалистического Труда (1945). Сталинская премия (1942, 1949). 200, 337, 379, 469
Бароччи (Барокио) Федериго (Barocci или Barochio F., 1535–1612) – итальянский художник-маньерист. 32, 33, 299, 300, 329
Барулина Елена Ивановна (1896 или 1895–1957) – биолог. Доктор биологических наук. С 1921 г. в течение почти 20 лет работала во Всесоюзном ин-те растениеводства. Жена Н.И. Вавилова. 132, 136, 182, 377, 439
Басов Михаил Васильевич (1902–1950) – секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) и зам. председателя Ленсовета в годы войны, затем первый зам. председателя СМ и председатель Госплана РСФСР. Репрессирован по «Ленинградскому делу». Реабилитирован в 1954 г. 211
Басова – владелица имения в с. Богдановка (Подмосковье). 183
Бауман Николай Эрнестович (1873–1905) – профессиональный революционер, деятель большевистской партии. 116
Бах Алексей Николаевич (1857–1946) – основатель школы советских биохимиков. Академик АН СССР (1929). 279
Бах Иоганн Себастьян (Bach J.S., 1685–1750) – немецкий композитор и органист. 86, 115, 166, 170, 177, 192, 263, 293, 328, 333, 338, 340, 343, 362, 365, 371, 376, 395, 410, 416, 430, 437, 446, 447, 466
Бачинский Алексей Иосифович (1877–1944) – физик. Ученик Н.А. Умова. Окончил Московский ун-т (1899), работал там же (с 1918 г. – профессор). В 1930 г. потерял зрение и оставил преподавание. Работы относятся к молекулярной физике и термодинамике. 217, 218
Бевин Эрнест (Bevin E., 1881–1951) – политический деятель Великобритании. В 1945–1951 гг. министр иностранных дел лейбористского правительства. 304
Беккерель Антуан Анри (Becquerel A.H., 1852–1908) – французский физик. Член Парижской АН (1889), ее президент (1908). Окончил Политехническую школу в Париже (1874), с 1876 г. – лектор этой школы, с 1895 г. – профессор. В 1896 г. открыл явление естественной радиоактивности урана; удостоен за это Нобелевской премии (1903). 69
Беленький Б.С. (1888–1939) – торговый представитель СССР в Милане в 1934–1938 гг. 31, 33
Беленький Семен Захарович (1916–1956) – физик-теоретик. Д-р физ.-мат. наук (1946). Окончил МГУ (1938). В 1941–1943 гг. работал в Центральном аэрогидродинамическом ин-те (ЦАГИ), с 1943 г. – в ФИАНе (с 1948 г. – зав. сектором теоретического отдела). Область научных интересов – физика космических лучей, гидродинамика. Сталинская премия и премия АН СССР им. Н.Д. Папалекси (1948). 293
Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – литературный критик, публицист. 353
Беллио (Belliot) – французский физико-химик. Работы по физике фотографического процесса. 51

Беллини – итальянский инженер-оптик. Работал на заводе А. Сальмоираги в Милане в 1930-е гг. 40
Беллини Джованни (Bellini G., ок. 1430–1516) – итальянский художник, заложивший основы искусства Высокого Возрождения в Венеции. 32
Белобржецкий Ч. – см. Бялобжеский Ч.
Белый Андрей (наст. имя Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) – писатель, поэт, критик, один из ведущих деятелей русского символизма. 92, 117, 225, 226, 241, 367
Бельтрами Лука (Beltrami L., 1854–1933) – итальянский архитектор, историк искусства. 43
Бельчиков Николай Федорович (1890–1979) – литературовед. Чл.-корр. АН СССР (1953). Основные работы посвящены изучению русской литературы и общественной мысли XIX в. Участвовал как редактор в академических изданиях сочинений М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.И. Полежаева и др. 390, 436
Бенвенуто – см. Челини Б.
Бенедиктов Иван Александрович (1902–после 1950) – государственный деятель. С 1937 г. нарком совхозов РСФСР, затем зам. председателя Совнаркома РСФСР. С 1938 г. сначала заместитель, затем нарком земледелия СССР, с 1943 г. – первый заместитель наркома. В 1946 г. вновь нарком земледелия СССР, с февраля 1947 г. – министр сельского хозяйства СССР. 362, 435
Бенуа Леонтий Николаевич (1856–1928) – архитектор. Академик архитектуры (1885), действительный член Петербургской Академии художеств (1893). В его семье хранилась картина Леонардо да Винчи (?) – Мадонна Бенуа, которая в 1914 г. была куплена для Эрмитажа. 377
Бенуа Николай Александрович (1870–1960) – художник, историк искусств, художественный критик. Один из создателей объединения «Мир искусства», театральный художник. 46, 293
Бенуа Пьер (Benôit P., 1886–1962) – французский писатель, член Французской академии (1931). 224
Берг Аксель Иванович (1893–1979) – ученый в области радиотехники, радиоэлектроники и кибернетики. Академик АН СССР (1946, чл.-корр. 1943). В 1943–1944 гг. зам. наркома электропромышленности, в 1943–1945 гг. – зам. председателя Совета по радиолокации при Государственном комитете обороны. 186
Бергсон Анри (Bergson H., 1859–1941) – французский философ. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1927). 224
Бериташвили (Беритов) Иван Соломонович (1885–1974) – физиолог. Академик АН СССР (1939), АМН (1944). С 1919 г. – зав. кафедрой физиологии Тифлисского ун-та, в 1941–1951 гг. – директор созданного им Ин-та физиологии АН ГрузССР. Лауреат Сталинской премии (1941). 351, 353
Беритов – см. Бериташвили И.С.
Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – государственный и политический деятель. Заместитель Председателя СМ СССР (1946–1953), член ГКО СССР (1941–1945), с 1946 г. – член Политбюро ЦК ВКП(б). Курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности, в том числе разработки, касавшиеся создания ядерного оружия. 258, 284, 304, 313, 314, 344, 370, 374, 386
Бернал Джон (Bernal J.D., 1901–1971) – английский физик и общественный деятель. Член Лондонского королевского об-ва (1937). Иностранный член АН СССР (1958). В связи с кончиной С.И. Вавилова опубликовал в журнале «Nature» статью, в которой высоко оценил его научную и организаторскую деятельность. 407, 408
Бернулли Даниил (1700–1782) – швейцарский физик-универсал и математик. Один из создателей кинетической теории газов, гидродинамики и математической физики. 425
Бернштейн Сергей Натанович (1880–1968) – математик. Академик АН СССР (1929, чл.-корр. 1924). Академик АН УССР (1925). Труды по теориям функций, приближения, дифференциальных уравнений и теории вероятности. 351
Бертинов Альберт Иосифович (1906–1987) – ученый в области электромашиностроения. Доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1965). За-

ведовал кафедрой электромашин Московского авиационного ин-та. 184, 186, 199, 200, 206, 212
Бетховен Людвиг ван (1770–1827) – немецкий композитор. 50, 55, 86, 115, 142, 168, 170, 266, 338, 342, 365, 415, 430
Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) – художник, книжный иллюстратор и театральный оформитель, участник объединения «Мир искусства». 127, 469
Биллар Макс (Billard M., 1863–1916) – французский писатель и историк. 264
Биренцвейг Михаил Владиславович (1881–1937) – государственный деятель. Последнее место работы – начальник иностранного сектора Наркомтяжпрома СССР. Арестован 16.03.1937 г. по обвинению в шпионаже. Реабилитирован в 1957 г. 60
Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772) – политический деятель XVIII века, регент Ивана VI. 258, 264
Бирт Теодор (Birth T., 1852–1933) – немецкий филолог-классик, писатель. 380
Бисмарк Отто, фон (Bismarck O.E.L. von, 1815–1898) – германский государственный деятель, первый канцлер Германской империи. 58
Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) – литературовед. Чл.-корр. АН СССР (1953), действительный член Академии педагогических наук РСФСР (1947). 393
Благонравов Анатолий Аркадьевич (1894–1975) – механик. Академик АН СССР (1943), генерал-лейтенант артиллерии, дважды Герой Социалистического Труда (1964, 1974), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1940). С 1953 г. директор Ин-та машиноведения АН СССР. В 1957–1963 гг. академик-секретарь Отделения технических наук АН СССР. Действительный член Международной академии астронавтики. 364, 366
Благонравова – жена А.А. Благонравова.
Блок Александр Александрович (1880–1921) – русский поэт-символист. 26, 117, 297
Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – русский писатель. 426
Бобр И. (Bobr I.) – варшавский знакомый С.И. Вавилова. 20, 22
Бобровна – жена И. Бобра. 21–23
Боголепов Николай Павлович (1847–1901) – юрист, государственный деятель. Профессор римского права Московского университета, ректор (с 1891 г.), министр народного просвещения (с 1898 г.). Убит бывшим студентом Московского университета П.В. Карповичем. 404
Бойер (Boyer) – парижский знакомый С.И. Вавилова; возможно, совладелец оптического завода в Париже. 47, 49
Больцман Людвиг (1844–1906) – австрийский физик-теоретик. Член Австрийской академии наук (1895), чл.-корр. Петербургской академии наук (1899) и ряда других. 356
Бомбаччи Никола (Bombacci N., 1879–1945) – итальянский политический деятель и публицист. С 1901 г. – член Итальянской социалистической партии, в 1921 г. вошел в образовавшуюся Итальянскую компартию; с 1928 г. сотрудничал с фашистской партией Муссолини. 34
Бонч-Бруевич Алексей Михайлович (1916–2006) – физик, специалист в области квантовой электроники и физической оптики. Сын М.А. Бонч-Бруевича. Чл.-корр. АН СССР (1984). Доктор физ.-мат. наук (1957), профессор (1963). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1976). Работал в ГОИ. 331
Бонч-Бруевич Михаил Александрович (1888–1940) – специалист в области радиотехники. Чл.-корр. АН СССР (1931). Один из создателей отечественной радиоламповой промышленности. Исследования в области разработки и конструирования радиоламп, радиовещания и дальней связи на коротких волнах. 94
Бор Нильс (Bohr N., 1885–1962) – датский физик-теоретик и общественный деятель. Один из создателей современной физики. Член Датского королевского об-ва (1917) и его президент с 1939 г. Член более 20 академий наук мира, в том числе иностранный почётный член АН СССР (1929, чл.-корр. 1924). Лауреат Нобелевской премии по физике (1922). 92, 339
Борджиа (Borgia) – см. Александр VI.

Борис – см. Васильев Б.
Борисов – сотрудник аппарата Президиума АН СССР. 343, 361, 466
Борисов Николай Андреевич (1903–1955) – инженер, государственный деятель. В 1944 г. с должности главного инженера Краснопресненского машиностроительного завода (Москва) переведен в Госплан СССР руководителем отдела боеприпасов. С августа 1945 г. начальник Первого главного управления и зам. председателя Госплана. Герой Социалистического Труда (1949). 338
Борисяк Алексей Алексеевич (1872–1944) – палеонтолог и геолог. Академик АН СССР (1929, чл.-корр. 1921). Инициатор создания и первый директор Палеонтологического ин-та АН СССР. Сталинская премия (1943). 269
Ботвинник – сведений о нем обнаружить не удалось. 187, 230
Боттичелли Сандро (Botticelli S., 1445–1510) – итальянский живописец флорентийской школы. 35, 39, 377
Бошкович Руджер Иосип (Bošcovich R., 1711–1787) – сербский ученый, физик, математик, священник-иезуит. Создал оригинальную атомистическую теорию. Профессор оптики и астрономии в Миланском университете. Почетный член Петербургской АН (1760). 300, 337
Бошьян Геворк Мнацаканович (Георгий Матвеевич) (1908–?) – ветеринар. До 1949 г. заведовал отделом биохимии и микробиологии Всесоюзного ин-та экспериментальной ветеринарии. С августа 1949 г. – во главе Лаборатории по изучению изменчивости микробов НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи АМН СССР (НИИЭМ), несмотря на возражения директора ин-та. Деятельность лаборатории была засекречена. После закрытия лаборатории в связи с бесперспективностью выполняемых там работ с 1953 г. работал в одном из ветеринарных институтов. 435, 457
Брамс Иоганнес (Brahms J., 1833–1897) – немецкий композитор, пианист, дирижер. 430, 457
Браунинг Роберт (Browning R., 1812–1889) – английский поэт. 382
Бродянский – сведений о нем обнаружить не удалось. 357
Бруевич Николай Григорьевич (1896–1987) – учёный в области машиноведения. Академик АН СССР (1942, чл.-корр. 1939), академик-секретарь АН СССР (1942–1949). Генерал-лейтенант инженерно-технической службы. С 1951 г. работал в Ин-те машиноведения АН СССР. 259, 260, 293, 309, 329, 337–340, 344, 353–355, 363, 368, 374, 375, 379, 471
Брук – см. Меллер ван ден Брук Артур.
Брук Исаак Семёнович (1902–1974) – один из основоположников отечественной вычислительной техники. Чл.-корр. АН СССР (1939). С 1935 г. работал в Энергетическом ин-те АН СССР. В 1950–1951 гг. создал с учениками первую малогабаритную электронно-вычислительную машину М-1 (использовалась при разработке атомного оружия и ракетостроении). 471
Брумберг Евгений Михайлович (1907–1977) – физик-оптик, специалист в области оптического приборостроения. Доктор технических наук (1947). Лауреат Сталинской премии СССР (1942). В 1930 г. еще студентом МГУ был приглашен С.И. Вавиловым в Оптическую лабораторию Физического ин-та МГУ, в 1932 г. вместе с ним переехал в Ленинград для работы в ГОИ, где и проработал всю жизнь. Создал ряд оригинальных оптических приборов. Разработал метод контактной люминесцентной микроскопии, используемый при изучении микроструктуры гистологических срезов органов и тканей человека и животных. 52, 60, 241, 264, 291, 306
Бруно Джордано (Bruno G., наст. имя Филиппо; 1548–1600) – итальянский философ и поэт. Был осуждён католической церковью как еретик и сожжён на костре. В Риме на месте казни ему воздвигнут памятник (1889). 33, 402, 471
Брускальони – итальянский инженер. В 1930-е гг. работал в Национальном ин-те оптике В. Ронки (Флоренция). 25, 26
Брюхе Эрнст Карл Рейнольд (Brüche E.C.R., 1900–1985) – немецкий физик. До 1933 г. – лектор по экспериментальной и технической физике в Высшей технической школе Данцига. Возглавлял физические лаборатории концерна AEG (1928–1945), где в 1933 г. был создан

первый электронный микроскоп. С 1946 г. работал в Мосбахе. Редактор реферативного журнала «Physikalische Blätter» (1944–1972). 57
Буасье Гастон (Boissier G., 1823–1908) – французский историк античности. Иностранный чл.-корр. Петербургской АН (1894). 204
Будённый Семен Михайлович (1883–1973) – военный деятель. Маршал Советского Союза (1935). Трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968). 199
Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) – писатель. 180
Булганин Николай Александрович (1895–1975) – государственный и военный деятель. Маршал Советского Союза (1947). 419, 460
Буонаротти – см. Микеланджело.
Бурденко Николай Нилович (1876–1946) – хирург, нейрохирург, главный хирург Советской Армии. Академик АН СССР (1939), президент АМН (1944–1946). 293
Бурденко Мария Эмильевна – жена Н.Н. Бурденко. 293
Буслаев Федор Иванович ((1818–1897) – литературовед, лингвист. Академик Петербургской АН (1860, чл.-корр. 1852). Окончил Московский ун-т (1838), с 1842 г. работал там же (в 1861–1881 гг. – профессор). Основные работы по истории славянских языков, русской народной поэзии и древнерусскому искусству. 317
Бутурлин – один из владельцев имения. 98
Бушинский Владимир Петрович (1885–1960) – почвовед. Чл.-корр. АН СССР (1939), академик ВАСХНИЛ (1948). Основные труды относятся к разработке методов повышения плодородия почвы. 361, 368
Быков Константин Михайлович (1886–1959) – физиолог. Академик АН СССР (1946) и АМН (1944). Ученик И.П. Павлова. В 1920–1950 гг. работал в Ин-те экспериментальной медицины. С 1950 г. – директор Ин-та физиологии им. И.П. Павлова. Основные работы по изучению функциональных взаимоотношений коры головного мозга и внутренних органов, химической передаче возбуждения. 404
Бэкон Фрэнсис (Bacon Fr., 1561–1626) – английский философ, историк, политический деятель. Основоположник индуктивной методологии научного исследования. 64
Бьянки Женевьева (Bianquis G., 1886–1972) – французская писательница. 267
Бюльфингер Георг Бернгард (Bülfinger G.B., 1693–1750) – немецкий математик, физик, философ. Почетный член Петербургской АН (1731), возглавлял физический кабинет Академии в 1726–1730 гг. 248
Бюхнер Людвиг (Büchner L., 1824–1899) – немецкий врач, естествоиспытатель и философ. 326, 386
Бялобжеский Чеслав (Bialobrzeski Cz., 1878–1953) – польский физик-теоретик. Чл. Польской АН (1952). Окончил Киевский ун-т (1901), работал там же (в 1913–1919 гг. – профессор). В 1919–1921 гг. – профессор Краковского, в 1921–1953 гг. – Варшавского ун-тов, в 1931–1953 гг.– также директор Ин-та теоретической физики при Варшавском ун-те. Работы посвящены термодинамике, теории относительности, квантовой теории, астрофизике, философии и методологии физики. 21, 22

Вавилов Виктор Сергеевич (1921–1999) – физик. Сын С.И. Вавилова. Доктор физ.-мат. наук, профессор. В 1939 г. поступил на физический ф-т ЛГУ. В том же году призван в Красную Армию. Участник советско-финляндской войны. Военнослужащим оставался по июнь 1946 г.: части и соединения Красной Армии Ленинградского фронта, с 1942 г. учился в Военно-воздушной академии (г. Йошкар-Ола, Ленинград). В 1946 г. с III курса Академии уволен в запас и направлен в США в качестве сотрудника Советской делегации Атомной комиссии ООН: сотрудник МИДа июль–декабрь 1946 г. В декабре 1946 г. вернулся для продолжения учебы в ЛГУ. С октября 1948 г. – аспирант ГОИ. В декабре 1951 г. переведен в Лабораторию диэлектриков ФИАНа. В апреле 1952 г. защитил кандидатскую, в 1960 г. – докторскую диссертации по физике полупроводников. Заведовал кафедрой полупроводников физического факультета МГУ и лабораторией физики полупроводников ФИАН. Лауреат двух Государственных премий СССР и премии СМ СССР, награжден многими правительственными наградами. 27, 77, 79, 126, 141, 143, 144, 156, 175, 178,

179, 189, 190, 194, 195, 197, 203, 214, 218, 224, 228, 233–235, 237, 251, 252, 257, 259, 269, 271–274, 277, 280, 282–284, 289, 293–298, 300, 301, 304, 314, 315, 318, 321, 324, 329, 334, 336, 340, 343, 344, 346, 349, 350, 355, 359, 361, 364, 365, 367, 373, 388, 391, 392, 396, 400–403, 405–407, 409, 419, 421, 433, 435, 438, 441–443, 445–447, 449–452, 458, 460, 466–468

Вавилов Иван Ильич (1863–1928) – коммерсант. Отец С.И. Вавилова. Прошел путь от подмастерья до торговца тканями. Был гласным Московской городской думы (1908–1916). В 1918 г. покинул Россию, пытался наладить собственное дело за границей, но неудачно. В 1920-е гг. его старший сын – Н.И. Вавилов встречался с ним в Берлине в 1927 г. и тогда же начал хлопотать о разрешении отцу вернуться на родину. И.И. приехал в СССР в 1928 г. и жил в Ленинграде у Н.И. Вавилова. 60, 110, 198, 206, 211, 298, 306, 329, 245, 251, 255, 264, 272, 282, 287, 298, 343

Вавилов Илья Иванович (1898–1905) – младший брат С.И. Вавилова. 90, 116, 168, 251, 345, 363, 385, 432

Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – ботаник, растениевод, генетик, географ, организатор науки. Старший брат С.И. Вавилова. Академик АН СССР (1929, чл.-корр. 1923). Член Лондонского королевского об-ва (1942). Премия им. В.И. Ленина (1926). Арестован 6.08.1940 г., 8.07.1941 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу. Приговор не был приведен в исполнение. Умер в тюрьме 26 января 1943 г. 102–105, 109–111, 113, 114, 116, 118, 120–123, 126–129, 131–136, 138, 141, 143–145, 149, 152, 155, 156, 158, 160–163, 165, 168, 171, 173, 176–178, 180–191, 194–198, 202, 203, 205, 206, 208–211, 213, 220–222, 225, 227, 239, 243, 245, 249, 251, 258, 259, 264–266, 269–273, 275, 276, 282, 286, 298, 300, 306, 310, 314, 329, 335, 343, 345, 352, 361, 362, 367, 373, 374, 396, 416, 439, 440, 448, 458, 463, 464, 466, 527–529

Вавилов Олег Николаевич (1918–1946) – физик. Старший сын Н.И. Вавилова. Окончил МГУ (1941). Затем работал в ФИАНе. В декабре 1945 г. защитил диссертацию на степень кандидата физико-математических наук. Трагически погиб в горах Кавказа. 90, 116, 159, 180, 181, 186, 199, 271–273, 275, 276, 278, 280, 282, 283, 298, 301, 361

Вавилов Сергей Викторович (1948–1968) – внук С.И. Вавилова. 346, 350, 352–354, 357, 363, 366, 368, 371, 373, 374, 377, 381, 384, 388–391, 395, 396, 400–402, 406, 408, 410, 412, 414, 419, 421, 422, 425, 429, 432, 434–438, 442–445, 448, 450, 452, 453, 455–458, 462

Вавилов Юрий Николаевич (1928 г.р.) – физик. Сын Н.И. Вавилова. Доктор физико-математических наук (1987). Окончил ЛГУ (1952), аспирантуру ФИАНа (1955). Работает там с 1955 г. Основные работы по физике космических лучей, в последние годы и по истории науки. 361, 388, 403, 412

Вавилова Александра Михайловна (урожд. Постникова, 1868–1938) – мать С.И. Вавилова. 18, 60, 66, 88–90, 99, 102, 110, 116, 133, 152, 168, 172, 173, 185, 190, 195, 198, 201–203, 206, 220, 239, 240, 249, 251, 258, 263, 265, 272, 273, 285, 287, 298, 304–306, 310, 329, 334, 335, 343, 345, 347, 352, 361, 363, 374, 385, 396, 416, 439, 447, 458, 460, 466, 526–528

Вавилова Екатерина Николаевна (урожд. Сахарова, 1887–1963) – агроном, педагог, референт. Первая жена Н.И. Вавилова (1912–1921) и мать О.Н. Вавилова. Окончила Московский сельскохозяйственный ин-т (ТСХА, 1911?). С 1905 г. по 1918 г. (с перерывами) преподавала на Пречистенских курсах для рабочих (Москва). В эти же годы работала агрономом-практиком. В 1908–1910 гг. дважды арестовывалась за принадлежность к РСДРП(б). Переводчик, референт и аналитик по вопросам воспитания и просвещения (1921–1925), по различным проблемам агрономии и животноводства. Предполагаемое последнее место работы (после 1945 г.) – Научно-исследовательский дорожный ин-т НКВД. 173, 178, 184, 199, 227, 275, 316

Вавилова Лидия Ивановна (1893–1914) – микробиолог. Сестра С.И. Вавилова. Жена экономиста Н.П. Макарова. 90, 91, 110, 116, 123, 168, 172, 173, 178, 198, 202, 206, 239, 251, 258, 266, 272, 273, 298, 306, 326, 343, 363, 466, 528

Вавилова (урожд. Багриновская) Ольга Михайловна (1899–1978) – жена С.И. Вавилова. 46, 79, 102, 116, 127, 131, 138, 141, 147, 151, 160, 163, 165, 173, 175, 176, 178–183, 185, 189, 190, 194, 195, 198–201, 203, 213, 218, 220, 228, 233, 234, 237, 240, 242, 244, 250, 252, 253, 256, 257, 259, 262, 269–274, 277–281, 283, 285–287, 290, 293–296, 298–300, 303–305, 307,

310, 312, 313, 315–317, 321, 324, 325, 328, 329, 332, 333, 336–338, 340, 341, 343–345, 348–354, 357–359, 363, 365, 368, 370, 373–380, 382–385, 395, 396, 400–408, 411–414, 416, 417, 419, 421–423, 428, 429, 431, 433, 434, 438, 442, 444, 445, 447, 449, 451–454, 457, 458, 461–467, 469

Вавилова Софья Александровна (1924–2003) – врач по лечебной физкультуре. Первая жена В.С. Вавилова. Окончила Ленинградский институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта, работала в поликлинике АН СССР (Москва). 301, 304, 314, 315, 321, 324, 329, 336, 340, 343–346, 349, 353, 368, 373, 387, 389, 392, 400, 402, 405, 409, 434, 435, 438, 443, 446, 447, 451, 452, 467

Вагнер Рихард (Wagner W.R., 1813–1883) – немецкий композитор, дирижёр, философ. 263

Валлоттон Феликс (Vallotton, 1865–1925) – швейцарский график (известен как мастер гравюры по дереву) и живописец. Собрал коллекцию экслибрисов (ныне в Британском музее). Один из экслибрисов, изображающий человека с переносной настольной лампой в руках, бросающей тень на лицо, использовал С.И. Вавилов для книг своей библиотеки. 310

Ван Эйк Губерт (Eyck H. van, ум. 1426) – фламандский живописец. Учитель и, возможно, брат Яна Ван Эйка. 56

Ван Эйк Ян (Eyck J. van, ок. 1390–1441) – фламандский живописец. 56

Ванин Иван Андреевич – заместитель управделами АН СССР по Ленинграду в 1940-е гг. 329, 334, 381, 410, 422

Варга Евгений Самуилович (1879–1964) – экономист и политолог. Академик АН СССР (1939). Лауреат Ленинской премии (1963). В 1927–1947 гг. – директор Ин-та мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП) АН СССР. 399

Василий Иванович, голландец, садовник 322

Васильев Борис Н. (~1891 – после 1950) – троюродный брат С.И. Вавилова по материнской линии. 193, 288–290, 292, 298, 301, 311, 314, 315, 325, 331, 339, 363, 371, 374, 387, 407, 413, 440, 455

Васильев Никита Васильевич – выходец из крестьян. Впоследствии директор Прохоровской мануфактуры. Двоюродный дед С.И. Вавилова. Брат Д.В. Постниковой. 439

Васильевич, смотритель пристани 322

Введенский Борис Алексеевич (1893–1969) – радиофизик. Академик АН СССР (1943, чл.-корр. 1934). Сталинская премия СССР (1952). В 1927–1935 гг. работал во Всесоюзном электротехническом ин-те, с 1941 г. – в ФИАНе, с 1953 г. – в Ин-те радиофизики и электроники АН СССР. С 1951 г. – главный редактор БСЭ (второе издание). Основные работы посвящены изучению распространения волн метрового диапазона. 139, 237

Вегшайдер Рудольф (Wegscheider R., 1859–1935)– австрийский химик. Работал в Венском ун-те. 23

Веденеев Борис Евгеньевич (1885–1946) – энергетик и гидротехник. Академик АН СССР (1932). В 1920 г. участвовал в составлении плана ГОЭЛРО, один из руководителей Волховской и Днепровской ГЭС. 289

Вейцзеккер Карл Фридрих, фон (Weizsäcker C., von. 1912–2007) – немецкий физик-теоретик и астрофизик. Окончил Лейпцигский ун-т (1933). Работал там же, с 1937 г. – в Берлинском ун-те. В 1942–1944 гг. профессор Страсбургского ун-та; в 1946–1957 гг. работал в Геттингене, с 1957 г. – профессор Гамбургского ун-та. 281

Векслер Владимир Иосифович (1907–1966) – физик. Академик АН СССР (1958, чл.-корр. 1946). Сталинская премия СССР (1951), Ленинская премия (1959), Международная премия «Атом для мира» (1963). С 1930 г. работал во Всесоюзном электротехническом ин-те, с 1937 г. – в ФИАНе (по приглашению С.И. Вавилова), с 1949 г. – в Дубне (Объединенный ин-т ядерных исследований), где в 1954 г. возглавил Лабораторию физики высоких энергий. Исследования космических лучей, с 1944 г. разрабатывал методы ускорения заряженных частиц, проектировал и строил первый советский синхротрон (1947), синхрофазотрон (1957, Дубна). 162, 307, 310, 313, 317, 349, 402

Велазкес – см. Веласкес.

Веласкес Родригес де Сильва Диего (Velasquez Rodrigez de Silva, 1599–1660) – испанский художник. 33

Венельт – немецкий физик. И.о. директора Физического ин-та Берлинского ун-та в середине 1930-х гг. 58
Венера – богиня любви и красоты в Древнем Риме. 33, 37, 86, 257, 277, 350
Вера Николаевна – см. Сахарова В.Н.
Вера Павловна – см. Багриновская В.П.
Верди Дж. (Verdi G., 1813–1901) – итальянский композитор. 25
Вересаев Викентий Викентьевич (1867–1945, настоящая фамилия – Смидович) – врач, прозаик, литературовед, поэт-переводчик. 155
Вермеер Ян (Vermeer J., 1632–1675) – голландский живописец. 61, 277
Верн Жюль Габриэль (Verne J.G., 1828–1905) – французский географ, писатель. 254
Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель; создатель многих научных школ. Один из представителей русского космизма. С 1912 г. академик Российской АН (АН СССР). Один из основателей и первый президент (27 октября 1918 г.) Украинской АН. Сталинская премия (1943). 96, 100, 269
Веронезе Паоло (Veronese P., 1528–1588) – итальянский живописец Венецианской школы. 39, 262
Версель Роже (Vercel R., 1894–1957) – французский писатель, киносценарист. 78
Вертенштейн – польский физик. Руководитель лаборатории при Варшавском научном обществе в 1930-е гг. 22
Верфель Франц (Werfel F., 1890–1945) – австрийский поэт, романист и драматург. Один из организаторов общества пацифистов. 155
Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) – литературовед, историк литературы. Академик Российской АН (1880, чл.-корр. 1876). Окончил Московский ун-т (1858), где одним из его учителей был Ф.И. Буслаев. С 1870 г. работал в Петербургском ун-те (с 1872 г. – профессор) и на Высших женских (Бестужевских) курсах. Основные работы по истории средневековой литературы, по исторической поэтике. «Чем был Буслаев для предшествовавшего периода, тем стал Веселовский теперь – заглавным именем целой научной поэтики» (П.Сакулин, 1928). 317
Веселовский Константин Степанович (1819–1901) – экономист и статистик. Академик Петербургской АН (1852). Непременный секретарь АН (1857–1890). 388
Веснин Виктор Александрович (1882–1950) – архитектор. Академик архитектуры, первый президент Академии архитектуры СССР и ответственный секретарь Союза советских архитекторов (1939–1949). Муж сестры О. М. Вавиловой. 116, 206, 212, 252, 291, 317, 324, 327, 390, 411, 452–455, 457
Веснина Наталия Михайловна (урожд. Багриновская, 1891–198?) – сестра О.М. Вавиловой, жена В.А. Веснина. 116, 206, 212, 252, 291, 324, 327
Веснины – см. Веснин В.А. и Веснина Н.М.
Вивальди Антонио (Vivaldi A.L., 1678–1741) – итальянский композитор, скрипач, педагог, дирижёр. 214
Виктор, Викуша, Витяга – см. Вавилов В.С.
Виктор Александрович, Викуша – см. Веснин В.А.
Вилламовитц Ульрих, фон (Willamowitz–Moellendorf U., von, 1848–1931) – немецкий филолог-классицист. Работы по истории древнегреческой литературы. 338, 340
Вильгельм II (1859–1941) – германский император и прусский король в 1888–1918 гг. 30
Вильсон Чарльз Т. Рис (Wilson Ch., 1869–1959) – шотландский физик. Лауреат Нобелевской премии по физике за «метод визуального обнаружения траекторий электрически заряженных частиц с помощью конденсации пара» и разработку названной в его честь камеры Вильсона (1927). Окончил Кембриджский ун-т (1892). Работал там же в 1900–1934 гг. (с 1925 г. – профессор). 26, 31, 337
Вильямовиц – см. Вилламовитц.
Виноградов Анатолий Корнелиевич (1888–1946) – писатель, библиограф, музейный работник. В 1921–1925 гг. – директор Румянцевского музея (Государственной библиотеки СССР им. Ленина). 212, 453

Винтер Александр Васильевич (1878–1958) – инженер-электрик. Академик АН СССР (1932). Окончил Петербургский политехнический ин-т (1912). Работать по специальности начал в 1905 г. Один из разработчиков плана ГОЭЛРО. Начальник строительства Шатурской ГЭС (1917–1925), начальник Днепростроя (1927–1932). В 1932–1934 гг. во главе Главэнерго, в 1934–1938 гг. Главгидроэнергостроя НК тяжелой промышленности. В 1943–1949 гг. один из руководителей Технического совета Наркомата (министерства) электростанций СССР. С 1944 г. – директор Энергетического ин-та им. Г.М. Кржижановского АН СССР. В послевоенные годы участвовал в разработке перспективного развития производительных сил Восточной Сибири. Один из руководителей фундаментальных исследований в области энергетических ресурсов СССР. 45

Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – писатель, драматург, прозаик, журналист, сценарист. 344

Владимир Святославович (ум. 1015) – великий князь киевский (с 978 г.). В 988 г. принял християнство. 77

Власов Анатолий Александрович (1908–1975) – физик-теоретик. Окончил МГУ (1931), где работал (с 1944 г. – профессор физфака, в 1945–1953 гг. зав. кафедрой). Лауреат Ломоносовской (1944) и Ленинской (1970) премий, автор значительной работы по теории плазмы (1938); впоследствии также автор нескольких спорных и подвергнутых резкой критике работ. 307

Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950) – экономист, педагог, ректор Ленинградского университета (1941–1947), министр просвещения РСФСР (1948–1949). Репрессирован (1949). Брат Н. А. Вознесенского. 247, 383

Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950) – государственный деятель, экономист. Академик АН СССР (1943). Сталинская премия (1947). В 1942–1949 гг. – председатель Госплана СССР. В марте 1949 г. снят со всех постов, 27.10.1949 г. арестован, 30.09.1950 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно (1954). 238, 257, 258, 280, 295, 304, 309, 333, 337, 370, 371, 383

Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк. Академик АН СССР (1930), ректор МГУ (1921–1925), непременный секретарь АН СССР (1930–1935), вице-президент АН СССР (1942–1953). 238, 318, 379, 404

Волин – не удалось установить, о ком идет речь. 379

Волконский Михаил Дмитриевич, князь (1811–1875) – владелец усадьбы около биологической станции Борок. 322

Вологдин Александр Григорьевич (1896–1971) – геолог, палеонтолог. Чл.-корр. АН СССР (1939). До 1941 г. сотрудник Всесоюзного геологического ин-та, затем палеонтологического ин-та АН СССР, в 1941–1942 гг. – в Радиевом ин-те АН СССР, эвакуированном в Казань. Арестован по так называемому делу геологов в 1949 г., срок отбывал на Колыме (1949–1954). Реабилитирован. Вернулся к научной работе. 342, 432

Волынский Аким Львович (наст. фамилия Флексер, 1863–1926) – литературный критик, литературовед, искусствовед. 367

Волькенштейн Михаил Владимирович (1912–1992) – физико-химик и биофизик. Член-корр. АН СССР (1966). Окончил МГУ (1935). В 1941–1945 гг. работал в ГОИ (Йошкар-Ола, Ленинград). Зав. лабораторией Ин-та высокомолекулярных соединений АН СССР (1948–1967), профессор ЛГУ (1945–1953, 1963–1968), зав. лабораториями Ин-та молекулярной биологии и Ин-та биофизики АН СССР (с 1967 г.). Сталинская премия (1950). Основные работы по физике молекул, полимеров и молекулярной биофизике. Основал школу в области теории физики макромолекул. 233

Вольпе Джоакино (Volpe G., 1876–1971) – итальянский историк. Профессор, член и секретарь Итальянской академии. Труды по средневековой и современной истории Италии. Сторонник Б. Муссолини. 36

Вольтер (Voltaire, 1694–1778) – французский философ-просветитель XVIII века, поэт, прозаик, историк, публицист. 55, 262, 347

Вольтерра Вито (Volterra V., 1860–1940) – итальянский математик. Член Национальной академии деи Линчеи (1899), ее президент (1921–1926), член Папской АН (1936), Член Петербургской АН (1908), почетный член АН СССР (1926). 34

Вольфке Мечислав (Wolfke M. Wl., 1883–1947) – польский физик, член Польской АН (1932). В 1922–1939 гг. – профессор Варшавского политехнического института. Организатор Института низких температур (Варшава). Работы по физике низких температур и оптике. 22

Воронов Николай Николаевич (1899–1968) – военачальник. Главный маршал артиллерии (1944). Герой Советского Союза. Возглавлял артиллерию РККА в период Великой Отечественной войны. 167

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны. Маршал Советского Союза (1935). В 1925–1940 гг. нарком по морским и военным делам, в 1953–1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. 179, 422, 426, 428, 430

Вуд Роберт (Wood R.W., 1868–1955) – американский физик-экспериментатор, член Национальной АН, иностранный член АН СССР (1930), почетный член многих других академий наук и научных обществ. Основные работы по физической оптике. 196, 213, 402

Вул Бенцион Моисеевич (1903–1985) – физик. Академик АН СССР (1972, чл.-корр. 1939). Окончил Киевский политехнический ин-т (1928). С 1932 г. работал в ФИАНе (с 1933 г. – зав. лабораторией). Ленинская премия (1964). Герой Социалистического Труда (1969). 127, 128, 134, 174, 190

Вульфсон Николай Сигизмундович (1914–1994) – химик. Доктор химических наук (1953). Окончил Московский ин-т тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова (1939). В 1939–1947 гг. работал во многих химических ин-тах, во время эвакуации в 1941–1943 гг. инженер завода треста твердых сплавов (Свердловская область). Автор множества научных работ, в том числе разработал методы синтеза витаминов (А, Р, К) и химикатов для цветной кинематографии. 228, 236

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – государственный деятель. Доктор юридических наук. Академик АН СССР (1939). В 1925–1928 гг. ректор МГУ. С 1931 г. – прокурор РСФСР, с 1933 г. – зам прокурора, в 1935–1939 гг. – прокурор СССР. С 1940 г. на дипломатической работе (в 1949–1953 гг. – министр иностранных дел СССР). 325, 346, 418

Вюрмзер Рене (Wurmser R., 1890–1993) – французский физико-химик, биофизик. Сотрудник Физико-химико-биологического ин-та Ж. Перрена. Работы по ассимиляции углекислоты воздуха в живых растениях. 49

Вяткин Андрей Ерофеевич (1903–1970) – государственный деятель. Окончил МВТУ им. Н.Э. Баумана (1931). С 1931 г. работал инженером на заводах. С 1946 г. пред. Технического совета по механизации трудоемких и тяжелых работ при СМ СССР. В 1947–1951 гг. председатель СМ СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство. 424

Вятлин (Вяткин?) Павел Иванович 314

Габорио Эмиль (Gaboriau E., 1835–1873) – французский писатель, основоположник «сыщицкого» жанра. 126, 316, 317

Габричевский Александр Георгиевич (1891–1968) – искусствовед, литературовед, доктор искусствоведения, чл.-корр. Академии архитектуры СССР. Знакомый С.И. Вавилова (начало 1910-х годов). 329

Гавиола Энрико (Gaviola E., 1900–1989) – аргентинский физик. Учился в ун-тах Ла-Платы (1917–1920), Геттингенском (1922–1923), Берлинском (1923–1925). В последнем работал до 1927 г. под руководством П. Прингсгейма, где С.И. Вавилов работал в 1926 г. В 1928 г. работал в США, с 1929 г. – в различных ун-тах Аргентины и в Национальной астрономической обсерватории в Кордове (1937–1947, 1956). Работы по астрофизике и оптике, в частности по люминесценции. 49

Гайдн Йозеф (Haydn J., 1732–1809) – австрийский композитор, представитель венской классической школы. 275, 293, 410, 416, 439

Галанин Михаил Дмитриевич (1915–2008) – физик-оптик. Чл.-корр. АН СССР (1984). После окончания МГУ (1938) принят на работу в ФИАН. В ноябре 1938 г. призван в Красную Армию, участник Великой Отечественной войны. Восстановлен в аспирантуре ФИАН в сентябре 1945 г. Работал в ФИАНе, с 1948 г. также преподавал в МФТИ (в 1969–1989 гг. – зав. кафедрой квантовой радиофизики). Ученик С.И. Вавилова. Золотая медаль им. С.И. Вавилова (1976), золотая медаль им. П.Н. Лебедева (2001). Работы по люминесценции и нелинейной оптике. 374, 385, 400, 406

Галёркин Борис Григорьевич (1871–1945) – механик, инженер. Академик АН СССР (1935, чл.-корр., 1928). Инженер-генерал-лейтенант. Окончил Петербургский технологический ин-т (1899). В 1906 г. осужден за участие в революционном движении. С 1909 г. преподавал в Петербургском (Петроградском) политехническом ин-те, с 1920 г. – профессор ун-та и Ин-та инженеров путей сообщения (Петроград, Ленинград). В 1939–1945 гг. – директор Ин-та механики АН СССР. Основные работы по теории упругости, строительной механике. Консультант при проектировании крупных ГЭС (Волховгэс, Днепрогэс и др.). 114

Галилей Галилео (Galilei Galileo, 1564–1642) – итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания Нового времени. 26–29, 64, 67, 69, 123, 156, 181, 363

Галкин Илья Саввич (1898–1990) – историк, ректор МГУ в 1943–1947 гг. 222

Гальперин* Владимир Моисеевич (1904–?) – административный работник. С 1936 г. сотрудник АН СССР. В сентябре 1941 г. – июле 1943 г. – ученый секретарь Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. Лауреат Сталинской премии (1942). 147, 148, 354

Гамалея Николай Фёдорович (1859–1949) – врач, микробиолог и эпидемиолог. Почётный член АН СССР (1940), академик АМН СССР (1945). Сталинская премия (1943). 286, 385

Гамбурцев Григорий Александрович (1903–1955) – сейсмолог, один из основоположников сейсмической разведки в СССР. Академик АН СССР (1953, член-корр. 1946). Директор Геофизического ин-та АН СССР в 1946–1955 гг. 371

Гамов Георгий Антонович (1904–1968) – физик-теоретик, астрофизик и популяризатор науки. В 1933 г. покинул СССР, в 1940 г. получил гражданство США. Чл.-корр. АН СССР (с 1932 г. по 1938 г., восстановлен посмертно в 1990 г.). Член Национальной академии наук США (1953). 26, 27

Гамсун Кнут (Hamsun K., 1859–1952) – норвежский писатель. Нобелевская премия по литературе (1920). 353

Ганди Мохандас Карамчанд «Махатма» (1869–1948) – общественный деятель Индии, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. 339

Гарамон Арман де (Garamont A. de, 1879–1962) – французский предприниматель и ученый. Основал французский ин-т оптики (1917) и Высшую школу оптики. 47

Гарбассо Антонио (Garbasso A., 1871–1933) – итальянский физик. Окончил Туринский ун-т (1892), стажировался в Бонне и Берлине (1893–1894). Затем работал в Турине, Пизе. После 1902 г. – профессор физики и директор Ин-та физики ун-та Флоренции. Работы по оптике, электромагнетизму и другим областям физики, механики, астрономии. 26

Гарибальди Джузеппе (Garibaldi G., 1807–1882) – народный герой Италии. 32, 34

Гартунг Мария Александровна (урожд. Пушкина, 1832–1919) – старшая дочь А.С. Пушкина. 341

Гассовский Лев Николаевич (1895–1989) – физик-оптик, доктор физ.-мат. наук, профессор (1935). Окончил Петроградский ун-т (1919). Работал в ГОИ (1919–81): начальник лаборатории по вопросам офтальмологии и физиологии зрения. 207, 345

Гаусс Карл Фридрих (Gauss C.F., 1777–1855) – немецкий математик, астроном, геодезист. В1795–1798 гг. учился в Геттингенском ун-те. В 1799 г. работал в Брауншвейгском ун-те, с 1807 г. – в Геттингенском ун-те и одновременно директор университетской астрономической обсерватории. Работы по высшей алгебре, теории чисел, дифференциальной геометрии, геодезии, небесной механике, теоретической астрономии, теории электричества и магнетизма. 121

Гашек Эдуард (Haschek E., 1875–1947) – австрийский физик чешского происхождения. Работал в Венском и Пражском ун-тах. Занимался проблемами теории цветов, цветового зрения. 23
Гварди Франческо (Guardi Fr., 1712–1793) – итальянский художник, представитель венецианской школы. 39, 53
Гваренги – см. Кваренги.
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Hegel G., 1770–1831) – немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии и философии романтизма. 177, 206, 318
Гедике Александр Федорович (1877–1957) – композитор, органист, пианист. 166, 263, 371
Геккель Эрнст (Haeckel E., 1834–1919) – немецкий зоолог, философ, пропагандист учения Ч. Дарвина. 326
Геллер Франк (Heller F.) – см. Сернер М.Г.
Гельмгольц Герман (Helmholtz G., 1821–1894) – немецкий естествоиспытатель. Член Петербургской АН (1868), Берлинской АН (1871) и многих других академий и научных обществ. 17
Гельфанд Л.Б. (1900–?) – дипломатический работник. В 1933–1940 гг. последовательно советник полпредства СССР в Италии, временный поверенный в делах СССР в Италии. 36
Гельфонд – см. Л.Б. Гельфанд.
Гендель Георг Фридрих (Handel Fr., 1685–1759) – немецкий композитор, бóльшую часть жизни работавший в Англии. 275, 294, 471
Герасимов Л. 377
Герасимович Борис Петрович (1889–1937) – астроном. Директор Пулковской обсерватории (1933–1937). По обвинению в организации контрреволюционной группы пулковских астрономов («пулковское дело») арестован 28 июня 1937 г. и расстрелян 30 ноября 1937 г. Реабилитирован посмертно (1956). 27, 54, 56
Герляк – владелец оптической мастерской в Варшаве в 1930-е гг. 21
Герман (Herman) 54
Геродот Галикарнасский (484 до н. э. – 425 до н. э.) – древнегреческий историк. 62
Гершензон Михаил Осипович (1869–1925) – историк, литературовед, публицист. 225
Герштфельдт Ольга, фон (Gerstfeldt O., von) – немецкий историк искусств. 103
Гершун Андрей Александрович (1903–1952) – один из основателей советской светотехники. Доктор технических наук. Дважды лауреат Сталинской премии. Еще студентом I курса Петроградского ун-та поступил в 1920 г. в ГОИ, где проработал до конца жизни. Ему принадлежат многочисленные теоретические исследования и инженерные разработки по фотометрии и светотехнике. Во время войны разрабатывал теоретические и практические задачи светомаскировки. Под его редакцией издан труд П. Бугера «Оптический трактат о градации света» и книга Ш. Фабри «Общее введение в фотометрию», вышедшие в серии «Классики науки», во главе которой стоял С.И. Вавилов. 48, 181, 314, 425
Гершун Анна Даниловна (?–1947) – жена А.А. Гершуна. 314
Гёте Иоганн Вольфганг фон (Goethe J.W., 1749–1832) – немецкий писатель, основоположник немецкой литературы нового времени, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель. Почетный член Петербургской АН (1826). 55, 76, 82, 86, 93, 100, 178, 202, 223, 281, 435, 456
Гийу Луи (Guilloux L., 1899–1980) – французский писатель, переводчик, журналист. 74
Гилельс Елизавета Григорьевна (1919–2008) – скрипачка и музыкальный педагог. Жена Л. Когана и сестра Э.Г. Гилельса. 321
Гиляровский Владимир Алексеевич (1855–1935) – писатель, журналист. Книги очерков о дореволюционной России, нравах и обычаях старой Москвы. 144
Гиммлер Генрих (Himmler H., 1900–1945) – руководитель спецслужб Третьего рейха. 243
Гитлер Адольф (Hitler A., 1889–1945) – руководитель национал-социалистической партии Германии и Третьего рейха. 57, 60, 93–95, 100, 114, 117, 118, 122, 124, 133, 138, 143, 147, 153, 161, 168, 169, 177, 183, 191, 207, 211, 216, 244, 313, 399, 463
Глаголевы – соседи Вавиловых по Пресне. 76, 338
Гладковы – соседи Вавиловых по Пресне. 89

Глинка Михаил Иванович (1804–1857) – композитор, основоположник русской классической музыки. 168, 266, 292
Глиэр Рейнгольд Эрнест Морицевич (1874/1875–1956) – композитор, педагог, председатель Союза композиторов СССР. Народный артист СССР (1938). Сталинская премия СССР (1946, 1948, 1950). 384
Глюк Кристоф Виллибальд (Gluck C.W., 1714–1787) – немецкий композитор. 28, 370
Говоров Леонид Александрович (1897–1955) – военачальник. Маршал Советского Союза (1944). 260
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – писатель. 77, 117, 391
Годо М. (Godeau M.) – сотрудник Ин-та оптики (Париж) в 1930-е годы. 46
Гозенпуд* Ной Соломонович (1890–1948) – администратор. Имел незаконченное высшее медицинское образование. С 1935 г. – в аппарате Управления делами АН СССР. С 1945 г. – заведующий Лечебно-бытовым сектором УД. 525
Гойя Франсиско (Goya Fr., 1746–1828) – испанский художник, гравёр. 33
Голубева Варвара Николаевна (урожд. Нюнина, ~ 1876–после 1951) – дочь хозяина дома, в котором жила семья Вавиловых по Б. Пресне. 380
Гольбейн Ганс Младший (Holbein G., 1497–1543) – немецкий живописец. 295, 401, 413
Гольдберг Эмануэль (1881–1970) – фото-физик и фото-химик. Родился в Москве. Учился в Московском, Кенигсбергском, Лейпцигском и Геттингенском ун-тах, в Высшей технической школе (Берлин). С 1907 г. работал в Академии графических искусств в Лейпциге, с 1917 г. руководил Отделением Zeiss Ykon A.G. в Дрездене, в 1933–1937 гг. – представительством «Цейс» в Париже. В 1937 г. организовал Лабораторию прикладной оптики, в 1947 г. – фирму «Гольдберг инструмент ЛТД» (Тель-Авив). 56
Голдовский Евсей Михайлович (1903–1971) – ученый, изобретатель. Доктор технических наук (1939), заслуженный деятель науки и техники (1947). В 1924–1930 гг. работал в Гос. техникуме кинематографии, в 1930–1932 гг. – на кинофабрике «Союзкино». С 1930 г. преподавал во ВГИКЕ (с 1935 г. – профессор). С 1932 г. также научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута. Разрабатывал советские системы широкоэкранного и трехпленочного панорамного синематографа широкоформатной киноаппаратуры для съемок. 52
Гольдовский – см. Голдовский Е.М..
Гомер (Hómēros)– легендарный древнегреческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи». 30, 199, 461
Гоничев – сотрудник одного из райкомов ВКП(б) в Ленинграде в 1944 г. 211
Гордейчук – однополчанин С.И. Вавилова в 1915–1917 гг. 357
Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) – поэт. В 1912 г. стал одним из организаторов Цеха поэтов. 299
Горшенин Константин Петрович (1907–1978) – юрист, государственный деятель. Доктор юридических наук (1968). Окончил Московский ин-т советского права (1932). С января 1940 г. – нарком юстиции РСФСР, с ноября 1943 г. – прокурор СССР, с марта 1946 г. по февраль 1948 г. – Генеральный прокурор СССР. Руководил организацией и проведением многих судебных процессов на территории СССР над военными преступниками. Участвовал в подготовке Нюрнбергского и Токийского процессов. Министр юстиции СССР (1948–1956). 435
Горький Максим (наст. имя Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) – писатель. 92, 159, 375
Гофман Эрнст (Hoffmann E.T.A., 1776–1822) – немецкий писатель, композитор, художник романтического направления. 98, 145, 228, 278, 351, 356, 403
Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) – художник, искусствовед, музейный деятель. Академик АН СССР (1943), действ. член АХ СССР (1947). Один из основоположников музееведения, реставрационного дела и охраны памятников искусства и старины. Народный художник СССР (1956). Сталинская премия (1941). 276, 355, 372

Графтио Генрих Осипович (1869–1949) – учёный-энергетик и инженер, один из пионеров отечественного гидроэнергостроительства. Академик АН СССР (1932). Создал школу химии и физики силикатных и несиликатных систем. 388

Гребенщиков Илья Васильевич (1887–1953) – химик и технолог, один из основателей отечественного производства оптического стекла. Академик АН СССР (1932), член Президиума АН СССР (1947). Окончил Петербургский ун-т (1910). Один из основателей ГОИ, где проработал с 1918 г. по 1953 г. Сталинская премия (1942, 1952). 27, 40, 60, 125, 148, 167, 213, 226, 349, 355, 367, 376, 397, 416, 441, 462

Гребенщиков Илья Ильич (1912–1978) – подполковник, доктор физ.-мат. наук. Сын И.В. Гребенщикова. Работал в ГОИ. 367

Гребенщиков Сергей Ильич (ум. в 1941 г.) – сын И.В. Гребенщикова. 125

Гребенщиковы – семья И.В. Гребенщикова. 119

Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк. Академик (1935, чл.-корр. 1934). Сталинская премия (1943, 1948, 1952). В 1946–1953 гг. – академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР. Работы посвящены образованию древнерусского государства, становлению феодализма в России.

Грековы – семья Б.Д. Грекова. 290, 406, 448

Григ Эдвард (Grieg E., 1843–1907) – норвежский композитор, музыкальный деятель. 110, 304, 430

Григорьев – сотрудник торгпредства СССР в Италии в 1935 г. 38

Григорьев Иосиф Федорович (1890–1949) – геолог, специалист в области геологии рудных месторождений. Академик АН СССР (1946, чл.-корр. 1939). В 1939–1941 гг. и в 1942–1946 гг. зам. председателя Комитета по делам геологии при СНК СССР. Директор Геологического ин-та АН СССР (1941–1942, 1947–1949). Арестован 31 марта 1949 г. по «красноярскому делу геологов». Погиб в тюрьме 14 мая 1949 г. 397

Гримальди Франческо Мария (Grimaldi F., 1618–1663) – итальянский физик и астроном. Открыл дифракцию света (работа опубликована в 1665 г.). 50

Гринберг Георгий Абрамович (1900–1991) – физик. Чл.-корр. АН СССР (1946). Лауреат Сталинской премии (1949). Окончил Петроградский политехнический ин-т (1923), где работал до 1955 г. (с 1930 г. профессор). В 1918 –1930 гг. и с 1941 г. – ЛФТИ АН СССР. Автор научных трудов по электронике, распространению электромагнитных волн, математической физике. 162

Гроссгейм Александр Альфонсович (1888–1948) – ботаник. Академик (1946, чл.-корр. 1939). 374

Гувер Герберт Кларк (Hoover G.C., 1874–1964) – государственный деятель США. В 1919–1923 гг. возглавлял американскую администрацию помощи (АРА) голодающим Поволжья. В 1929–1933 гг. президент США от Республиканской партии. 466

Гуковский Матвей Александрович (1898–1971) – один из основоположников советской школы истории Возрождения. Доктор исторических наук (1938). Действительный иностранный член Международ. ин-та по изучению наследия Л. да Винчи (Милан). С 1937 г. работал в ЛГУ. Зам. директора Государственного Эрмитажа по научной работе (1947–1949), в 1957–1967 гг. – директор научной библиотеки Эрмитажа. 377

Гуно Шарль (Gounod Ch. F., 1818–1893) – французский композитор. Один из создателей и виднейший представитель французской лирической оперы. 55

Гуревич Исай Израилевич (1912–1992) – физик. Чл.-корр. АН СССР (1968). После окончания в 1934 г. ЛГУ работал в Радиевом ин-те АН СССР (Ленинград), с 1945 г. – руководитель лаборатории Ин-та томной энергии (с 1960 г. – им. И.В. Курчатова) и с 1946 г. также профессор Московского инженерно-физического ин-та. Основные труды по нейтронной физике, теории реакторов, исследованию свойств мюония. Сталинская премия (1949), Золотая медаль И.В. Курчатова (1980). 412

Гуревич Михаил Моисеевич (1903–1990) – физик-оптик. Доктор технических наук (1940), профессор (1944). Окончил ЛГУ (1928). Работал в ГОИ с 1922 г. по 1990 г. в должностях от лаборанта до начальника (с 1935 г.) Фотометрического отдела (лаборатории). 425

Гюйгенс Христиан (Huygens Ch., 1629–1695) – нидерландский математик, физик, астроном и изобретатель. 67
Гюйо Мари Жан (Guyau M.J., 1854–1888) – французский поэт и философ. 106

Д'Артаньян, Шарль Ожье де Бац де Кастельмор, граф (d'Artagnan, 1611–1673) – гасконский дворянин, сделавший блестящую карьеру при Людовике XIV в роте королевских мушкетеров. 168
Давтян Яков Христофорович (1888–1938) – разведчик и дипломат. В 1934–1937 гг. полпред СССР в Польше. Арестован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1957 г. 20, 23
Давыдов Александр Сергеевич (1912–1993) – физик-теоретик. Академик АН УССР (1964). Лауреат Ленинской премии (1966). Окончил МГУ (1939). Кандидат (1943), доктор физико-матем.наук (1949). В 1945–1953 гг. работал в Ин-те физики АН УССР, Физико-энергетическом ин-те в Обнинске (1953–1956). Профессор МГУ (1956–1964). В 1964–1966 гг. в Ин-те физики АН УССР, с 1966 г. – в Ин-те теоретической физики АН УССР (в 1973–1987 гг. – директор). Работы в области физики твердого тела, теории ядра, биофизики. 162
Дагер Луи Жак Манде (Daguerre L.J.M., 1787–1851) – французский изобретатель, один из создателей фотографии. 402, 403
Д'Агостино Оскар (D'Agostino O., 1901–1975) – итальянский химик. Работал в 1930-е годы в Римском ун-те в группе Э. Ферми. В отличие от большинства сотрудников группы Ферми, не эмигрировал, а остался работать в Италии. 31
Дамиан – см. Козьма и Дамиан.
Данилевский Виктор Васильевич (1898–1960) – историк техники. Академик АН УССР (1948). Сталинская премия (1942, 1948). 378
Данте Алигьери (Dante A., 1265–1321) – итальянский поэт, один из основателей литературного итальянского языка. 27, 28, 30, 237
Дарвин Чарльз Роберт (Darwin Ch. R., 1809–1882) – английский естествоиспытатель. Основоположник учения об эволюционном развитии органического мира (дарвинизм). 212, 249, 283, 320
Дашкова Екатерина Романовна (1744–1810) – литератор. С 1783 г. по 1796 г. директор Петербургской АН (при президенте К.Г. Разумовском). 352
Дебай Петер (Debye P., 1884–1966) – физик, химик. Директор Ин-та физики кайзера Вильгельма в Берлине и профессор Берлинского ун-та (1934–1939). В 1940–1950 гг. – профессор Корнельского ун-та в Итаке. Член многих академий наук и научных учреждений, с 1924 г. иностранный член АН СССР. Лауреат Нобелевской премии по химии за 1936 г. 291
ДеБенедетти Серджио (DeBenedetti S., 1912–1994) – итальянский физик, ученик Б. Росси. Работы по ядерной физике. 51
Деборин Абрам Моисеевич (наст. фамилия Иоффе, 1881–1963) – философ-марксист, один из создателей Ин-та философии АН СССР. Академик АН СССР (1929). В 1931–1935 гг. подвергся резкой критике со стороны молодых советских философов-марксистов и обвинялся в т. н. «меньшевиствующем идеализме». 149, 161, 162, 238, 385, 424
Дегтярь – сведений о нем обнаружить не удалось. 358
Дейез Ж. (Dayez G., 1907–1991) – французский художник. 45
Дейл Генри (Dale H.H., 1875–1968) – английский фармаколог и физиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1936 г. (совм. с О. Лёви) «за исследования химической передачи нервных импульсов». Почетный иностранный член АН СССР (1942); вышел из академии после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в знак протеста против гонений на генетику. Президент Лондонского королевского об-ва (1942–1946), член многих зарубежных научных институтов и академий. 374, 375
Деканозов (Деканозишвили) Владимир Георгиевич (1898–1953) – дипломат, сотрудник спецслужб. Расстрелян в конце 1953 г. вместе с Л.П. Берией. 292

Декарт Рене (Decartes R., 1596–1650) – французский математик, философ, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики. 67, 99, 168, 185, 275, 283, 297, 318, 381, 426, 432

Деккенбах – изобретатель-самоучка. 95

Де Ла Порта – см. Порта де ла.

Дёмкина Лидия Ивановна (1900–1994) – специалист в области оптического стекловарения. Доктор технических наук (1950). С 1922 г. лаборант ГОИ, совмещала работу с учебой в Ленинградском горном ин-те. В 1931 г. – руководитель цветовой группы (с 1932 г. – цветовой лаборатории ГОИ). В начальный период своей деятельности вместе с А.А. Гершуном и М.М. Гуревичем участвовала в создании первого советского эталона силы света. Создала ряд специальных колориметров. Одновременно занималась оптикой атмосферы и физиологической оптикой. В 1936–1939 гг. и с 1941 г. работала в оптико-механической промышленности; в 1939–1941 гг. заведует колориметрической лабораторией Всесоюзного ин-та метрологии. В 1946 г. возвращается в ГОИ. Работает там по 1994 г. С 1936 г. занималась проблемами технологии производства и физической химии оптического и цветного стекла. Жена Г.Н. Раутиана. Воспитала 8 детей. 425, 441

Демокрит из Абдеры во Фракии (ок. 470/60–360-е гг. до н.э.) – древнегреческий философ, основоположник атомистического учения. 62, 297, 423

Державин Николай Севастьянович (1877–1953) – филолог-славист. Академик АН СССР (1931). Работы по этногенезу славян, истории русской литературы, болгарской культуре и др. Сталинская премия (1948). 436, 458, 466

Де Роберти Евгений Валентинович (1843–1915) – российский социолог и экономист испанского происхождения. 234

Джаквинта Сальваторе (Giaquinta S.) – итальянский инженер-оптик. В 1930-е гг. работал на оптическом заводе Сальмоираги в Милане. 40

Джинори (Ginori) – итальянский предприниматель, князь. Создал в Милане завод боросиликатов. 25

Джинс Джеймс Хопвуд (Jeans J.H., 1877–1946) – английский физик и астроном. Член Лондонского королевского об-ва (1906). Президент Лондонского королевского астрономического об-ва (1925–1927). Работал в Великобритании и США. 233

Джонсон Хьюлетт (Johnson H., 1874–1966) – доктор теологии. Настоятель Кентерберийского собора (Великобритания) в 1931–1963 гг. С 1948 г. возглавлял Об-во англо-советской дружбы. 407

Джорджоне (Giorgione, ок. 1477–1510) – итальянский живописец, представитель венецианской школы, один из основоположников искусства Высокого Возрождения. 26, 46, 50, 61, 86, 257, 262, 277, 377, 411, 440

Джотти (Giotti) – итальянский оптик-вычислитель, профессор. Работал в 1930-е гг. в Оптическом ин-те В. Ронки. 25, 28

Джулио Романо – см. Романо Дж.

Диоклетиан (Diocletianus, 245–316?) – римский император в 284–305 гг. 36

Дисней Уолт (Disney W., 1904–1966) – американский режиссер-мультипликатор (аниматор), художник, продюсер. 252

Дмитриев – солдат, шофер С.И. Вавилова. 239

Дмитрий Сергеевич – см. Рождественский Д.С.

Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (1875–1939) – историк Средневековья и палеограф. Чл.-корр. АН СССР (1929). Профессор ЛГУ и научный сотрудник Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека, Петербург). Первая в России женщина, защитившая докторскую диссертацию по гуманитарным наукам, первая женщина-профессор вуза в дореволюционной России (1915). Жена Д.С. Рождественского. 107, 261, 264

Добровольская-Лазарева Елена Валерьяновна (1902–1977) – певица. Работала в опере Зимина, затем в лаборатории П.П. Лазарева. Вторая жена П.П. Лазарева. 263, 311

Добротин Николай Алексеевич (1908–2002) – физик. Профессор. Академик АН КазССР (1967). Ученик С.И. Вавилова. Окончил ун-т в Ростове-на-Дону (1929). С 1935 г. работал

в ФИАНе (в 1951–1967 гг. – зам.директора). Основные работы по физике космических лучей. Сталинская премия (1951). 50, 397, 458, 471
Довтян – см. Давтян Я.Х.
Дойл Артур Конан (Doyle A.K., 1859–1930) – английский писатель, врач. 90, 92, 319
Долгополов Виктор Иванович (1911–после 1963) – химик-технолог. С 1931 г. научный сотрудник Всесоюзного электротехнического ин-та им. В.И. Ленина (ВЭИ). С 1938 г. участвовал в разработке люминесцентных ламп под руководством С.И. Вавилова и В.А. Фабриканта. Сталинская премия (1951). Продолжил работу в этой области в 1950–1960-е гг. 373
Доменикино (Domenichino, 1581–1641) – итальянский живописец, представитель болонской школы. 289, 293, 294, 301, 303, 309, 380
Доминик Ганс Й. (Dominik H.J., 1872–1945) – немецкий пиатель-фантаст. 192
Домна Васильевна – см. Постникова Д.В.
Донати Джованни Батиста (Donati G.B., 1826–1873) – итальянский астроном. Директор Флорентийской обсерватории. Основал обсерваторию в Арчетри (вблизи Флоренции). 29
Доплер Кристиан (Doppler Ch., 1803–1853) – австрийский физик и астроном. В 1842 г. теоретически обосновал эффект изменения частоты световых или акустических колебаний, воспринимаемый наблюдателем, при движении источника колебаний и наблюдателя относительно друг друга (эффект Доплера). 21
Д'Оревийи Барбэ (d'Aurevilly J.A.B., 1808–1889) – французский новеллист. 188
Дорофеев – сотрудник Всесоюзного об-ва по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. об-во «Знание»). 361
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – писатель, чл.-корр. Петербургской АН (1877). 55, 99, 144, 209, 223, 255, 257, 353, 456
Друде Пауль (Drude P., 1863–1906) – немецкий физик. Профессор Лейпцигского (с 1894 г.), Гисенского (с 1900 г.) и Берлинского (с 1905 г.) ун-тов. Основные труды по приложениям классической электронной теории. 356
Дубинин Николай Петрович (1907–1998) – биолог, генетик. Академик АН СССР (1966, чл.-корр. 1946), Герой Социалистического Труда. В 1932–1948 гг. – зав. отделом генетики Ин-та экспериментальной биологии, в 1938–1948 гг. также зав. кафедрой генетики Воронежского ун-та. Вернулся к генетическим исследованиям в 1956 г. в организованной им Лаборатории радиационной генетики. 362, 374
Дубовицкий – сотрудник ФИАНа в 1940-е годы. 455
Дунаевский Исаак Осипович (1900–1955) – композитор. Народный артист РСФСР (1950). Сталинская премия (1941, 1951). 199, 248
Дурылин Сергей Николаевич (1877–1954) – литературовед, театровед, театральный критик. 93, 346
Душинский Ф. – польский физик-оптик. До 1918 г. работал в России, затем в Польше и в Бельгии. 57
Дэль – см. Дейл Г.
Дэль-Любашевский – см. Любашевский Л.С.
Дю Блед Виктор (Du Bled V., 1848–1927) – французский писатель. 234
Дюма Александр (Dumas-pere A., 1802–1870) – французский писатель (Дюма-отец). 45, 46, 84, 90, 92, 139, 205, 457
Дюрер Альбрехт (Durer A., 1471–1528) – немецкий живописец, график и гравер. 265, 273, 365, 407, 411, 413, 433
Дюфэ Жан (Dufay J.C.D., 1896–1967) – французский астроном. Директор обсерватории в Лионе (1933–1966) и первый директор обсерватории Верхнего Прованса. Исследовал туманности и межзвездную среду, кометы, новые звезды, свечение ночного неба. 54
Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) – театральный деятель, импресарио. Организовал «Русские сезоны» во Франции (с 1909 г.). Создал труппу «Русский балет Дягилева». 294

Евгений (Евфимий Болховитинов, 1767–1837) – церковный деятель, историк. Митрополит Киевский с 1822 г. 93

Евклид (ок. 340–ок. 287 до н.э.) – математик эпохи эллинизма. 64, 152, 297
Евсеев Иван Евсеевич (1865–после 1947) – учитель рисования в Коммерческом училище, где учился С.И. Вавилов. Известны экскурсионные поездки С.И. Вавилова с И.Е. Евсеевым в Новгород, Ярославль, Кострому, Крым; с ним же В. впервые посетил Италию. Евсеев активно сотрудничал с журналом «Известия об-ва преподавателей графических искусств», который выходил с 1907 г. В нем напечатано два очерка С.И. Вавилова о путешествиях в Италию: Города Италии, Верона (вместо фамилии автора – В.), а второй – Города Италии, Ареццо (1916), подписан уже – С. Вавилов. 32, 290, 298, 329, 377
Еголин Александр Михайлович (1896–1959) – литературовед. Академик АПН (1945), чл.-корр. АН СССР (1946). Зав. отделом художественной литературы ЦК ВКП(б). Один из авторов записки А.А. Жданову об идеологических просчетах ленинградских журналов (1943), подготовившей постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946). 390
Егоршин Василий Петрович (1898–1985) – историк и философ науки. По образованию физик. Работал в Ин-те красной профессуры (с 1924 г.), Коммунистической академии, Коммунистическом ун-те им. Я.М. Свердлова. В 1928–1929 гг. – ректор Донского политехнического ин-та, в 1930–1932 гг. – профессор МГУ. В 1936 г. исключен из ВКП(б), восстановлен в КПСС (1957). Много переводил классиков точных наук и философии. 354
Екатерина II (1729–1796) – российская императрица с 1762 г. 73, 295, 321, 388
Екатерина Николаевна – см. Вавилова-Сахарова Е.Н.
Екатерина Павловна – тетя О.М. Вавиловой. 178
Елена Ивановна – см. Барулина Е.И.
Елизавета Ивановна – см. Качалова Е.И.
Елизавета Петровна (1709–1762) – российская императрица с 1741 г. Дочь Петра I. 286
Елисеев Алексей Александрович (1908–1977) – историк физики. Окончил физико-технический факультет Калининского пед. ин-та (1931). С 1933 г. работал в Ин-те истории науки и техники АН СССР (Ленинград), с 1936 г. – в Архиве АН СССР (Ленинград), в 1938–1941 гг. и 1946–1952 гг. – ученый секретарь Комиссии по истории АН СССР при Архиве АН СССР (председатель Комиссии – С.И. Вавилов). В 1941–1945 гг. – участник Великой Отечественной войны. В 1953–1959 гг. – в ЛО ИИЕТ АН СССР, с 1953 г. преподавал историю физики в Ленинградском педагогическом ин-те. 335
Емельянов Василий Семенович (1901–1988) – учёный-металлург. Член-корр. АН СССР (1953), Герой Социалистического Труда (1954). В 1941–1945 гг. участвовал в организации производства танковых корпусов и литых башен. В 1946–1953 гг. начальник научно-технического отдела – зам. начальника Первого главного управления при СМ СССР, в 1953–1955 гг. – в министерстве среднего машиностроения СССР. С 1957 г. – начальник Главного управления по использованию атомной энергии при СМ СССР. Сталинская премия (1942, 1951). 346
Есенин Сергей Александрович (1895–1925) – поэт. 26

Жданов Александр Павлович (1904–1969) – физик-экспериментатор. Доктор физико-математических наук (1939). Окончил Ленинградский ун-т (1929). С 1925 г. – сотрудник Радиевого института (Ленинград). В начале 1930-х гг. совместно с Л.В. Мысовским впервые применил для регистрации и исследования продуктов радиоактивного распада толстослойные фотопластинки. В 1939 г. организовал лабораторию по изучению космических лучей методом ядерных фотоэмульсий. В 1931–1941 гг. работал также в ЛГУ. Сталинская премия (1946). 258, 388
Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – государственный и партийный деятель. В 1934–1948 гг. – секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1934–1944 гг. секретарь Ленинградского обкома и горкома. 218, 292, 293, 313, 342, 348, 351, 366
Жданов Юрий Андреевич (1919–2006) – химик, партийный деятель. Член-корр. АН СССР (1970). Сын А.А. Жданова. Окончил МГУ (1941). В 1947–1950 гг. – заведующий Отделом (сектором) науки Агитпропа ЦК ВКП(б), с декабря 1950 г. по июль 1952 г. заведующий Отделом науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б), одновременно с марта 1949 г.

по май 1952 г. ученый секретарь Президиума АН СССР. С 1953 г. работал в Ростовском ун-те (в 1957–1988 гг. ректор). С 1970 г. – председатель Совета Северо-Кавказского научного центра. 312, 333, 351, 374, 375, 383

Жебрак Антон Романович (1901–1965) – генетик и селекционер. Академик АН БССР (1940), президент АН БССР (1945–1948). Окончил сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева (ТСХА, 1925) и Ин-т красной профессуры (1929). В 1930–1931 гг. специализировался по генетике в Колумбийском ун-те и в лаборатории Т.Х. Моргана (1932–1935). Профессор и зав. кафедрой генетики ТСХА (1935–1948). На августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. выступил в защиту генетики, после чего был уволен из ТСХА. В 1948–1949 гг. профессор Московского лесотехнического ин-та, в 1949–1965 гг. Московского фармацевтического ин-та. 325

Жозефина Осиповна – знакомая семьи Вавиловых. 206, 215, 229, 251

Жолио-Кюри Фредерик (Joliot-Curie F., 1900–1958) – французский физик и общественный деятель. Член Парижской АН (1943), иностранный член АН СССР (1947) и многих других. 50, 51

Жолтовский Иван Владиславович (1867–1959) – архитектор, художник, просветитель. Один из авторов плана реконструкции Москвы (1918–1923). Сталинская премия (1950). 461

Жуков Георгий Константинович (1896–1974) – военачальник. Маршал Советского Союза (1943). В 1941–1945 гг. начальник Генерального штаба, зам. наркома обороны СССР и командующий различными фронтами. Министр обороны СССР (1955–1957). С марта 1958 г. в отставке. 167, 249

Жуковский Николай Егорович (1847–1921) – механик, основоположник современной аэродинамики, член-корр. Петербургской АН (1894). Организатор и первый руководитель (с 1918 г.) ЦАГИ. 299

Заварицкий Александр Николаевич (1884–1952) – геолог и петрограф, основатель петрохимии. Академик АН СССР (1939). Директор Ин-та геологических наук АН СССР (1939–1941). Организатор и директор лаборатории вулканологии АН СССР (1944–1952). Академик-секретарь отделения геолого-географических наук АН СССР (1946–1949). Сталинская премия (1943, 1946). 371

Зак – не удалось установить, о ком идет речь 57

Заславский Давид Иосифович (1880–1965) – публицист, литератор. Начал печататься с 1904 г. С 1928 г. работал в редакции газеты «Правда», выступая в основном с фельетонами, посвященными современным советским и международным темам. 355

Зверев Арсений Григорьевич (1900–1969) – государственный деятель. С 1938 г. нарком (с 1946 г. – министр) финансов СССР. 440

Зворыкин Анатолий Алексеевич (1901–1988) – экономист, социолог, историк науки и техники. Доктор экономических наук (1939). В 1949–1959 гг. первый заместитель главного редактора БСЭ (2-е издание). В 1957–1961 гг. – главный редактор журнала «Вестник истории мировой культуры», с 1968 г. работал в Ин-те конкретных социальных исследований АН СССР. 422, 461

Зеленина (Зеленкова?) Валентина – шофер С.И. Вавилова. 227, 230, 237–239

Зелинский В.В. (1908–после 1956) – химик. Сотрудник лаборатории люминесценции ГОИ. 300, 390, 399, 410, 416

Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953) – химик-органик, один из основоположников учения об органическом катализе. Академик АН СССР (1929), Герой Социалистического Труда (1945). Премия им. В.И. Ленина (1934). Сталинская премия (1942, 1946, 1948). Один из организаторов Ин-та органической химии (с 1953 г. – его имени), где и работал с 1935 г. 276, 386

Зернов Сергей Алексеевич (1871–1945) – зоолог. Основоположник гидробиологии в России. Академик АН СССР (1931). В 1931–1942 гг. директор Зоологического ин-та АН СССР. 237

Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988) – литературовед, искусствовед, коллекционер. Один из инициаторов издания и редактор сборников «Литературное наследство». 253

Знойко Александр Павлович (1905–?)– инженер, химик-технолог. 375
Зубарев 461
Зубов Иван Васильевич (1899–1980) – управленец. С августа 1942 г. по март 1948 г. – управделами АН СССР. 259, 290, 295, 303, 309, 312, 329, 330, 338–340, 344, 354, 357, 417

Ибсен Генрик (Ibsen H.J., 1828–1906) – норвежский драматург. 110
Иван Евсеевич – см. Евсеев И.Е.
Иван Грозный (1530–1584) – великий князь (с 1533 г.), русский царь (с 1547 г.). 143, 177
Иван Ильич – см. Вавилов И.И.
Иваненко Дмитрий Дмитриевич (1904–1994) – физик-теоретик. Доктор физико-математический наук (1940). Окончил ЛГУ (1927). Работал в ЛФТИ, в 1929–1931 гг. – в Харьковском физико-техническом ин-те, затем в вузах Ленинграда, Томска, Свердловска, Киева. С 1943 г. – профессор МГУ. Сталинская премия (1950). Область научных интересов – квантовая теория поля, теория атомного ядра, теория синхротронного излучения, единая теория поля, теория гравитации, космология, история физики. 293, 351, 379, 392
Иванов Алексей Петрович (1904–1982) – оперный певец (баритон). Народный артист СССР (1951). В 1938–1967 гг. – солист Большого театра. 465
Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971) – писатель, автор исторических повестей. 116
Иванов Лев Николаевич (1903–1957) – историк международного права, экономист. Академик АН СССР (1943, чл.-корр. 1939). Окончил МГУ (1923). В качестве эксперта участвовал в Парижской мирной конференции 1946 г. и на сессии Генеральной ассамблеи ООН (1946). 186
Ивон Густав (Ivon G.) – французский инженер. Окончил Нормальную школу. Совладелец оптико-механического завода «Ивон и Жобен» (Париж). Стоял во главе фирмы до 1961 г. 51, 52
Игнатовский Владимир Сергеевич (1875–1942) – математик, физик, специалист в области оптической техники. Чл.-корр. АН СССР (1932), доктор физико-математических наук (1934), профессор ЛГУ. Расстрелян вместе с женой в блокадном Ленинграде. 457
Игорь – князь. 463
Идельсон Наум Ильич (1885–1951) – астроном, историк астрономии. С 1926 г. – в ЛГУ (с 1933 г. – профессор). С 1946 г. руководил астрометрическим отделом Пулковской обсерватории. Основные работы посвящены вычислительной и теоретической астрономии. 121, 432
Илюша – см. Вавилов Илья Иванович.
Иордан – посол Румынии в СССР. 257, 260
Иордан Паскуаль (Jordan P., 1902–1980) – немецкий физик. Член Академии наук и литературы в Майнце. Окончил Геттингенский ун-т (1924). В 1928–1944 гг. работал в Ростокском ун-те (с 1935 г. – профессор), в 1944–1951 гг. – профессор Берлинского, с 1951 г. – Гамбургского ун-тов. Работы в разных областях физики, космологии, биофизики, геофизики, математики. Интересовался также философскими проблемами науки. 239, 333
Иофан Борис Михайлович (1891–1976) – архитектор. Академик Академии архитектуры СССР. Сталинская премия СССР (1941). Народный архитектор СССР (1970). 50, 465
Иоффе Абрам Фёдорович (1880–1960) – физик, организатор науки, один из создателей советской физической школы, пионер исследований полупроводников СССР. Академик РАН (АН СССР, 1920), вице-президент АН СССР (1942–1945). Организатор и первый директор Физико-технического ин-та, Ин-та полупроводников АН СССР. 114, 128, 131, 134, 136, 139, 149, 156, 160–162, 165, 167, 171, 174, 186, 200, 221, 252, 267, 287, 349, 353, 410, 457, 459, 461
Иоффе Цицилия Абрамовна (1902–1945) – сотрудница ГОИ. В 1930–1933 гг. – аспирант, затем научный сотрудник Химического сектора ГОИ. 17.05.193 г. утверждена в ученом звании научного сотрудника ГОИ. 244
Ипатьев Александр Николаевич (1911–1969) – биолог. Чл.-корр. АН БССР. Сын А.И. Ипатьевой (Вавиловой), племянник С.И. Вавилова. 371

Ипатьева Александра Ивановна (урожд. Вавилова, 1886–1940) – врач. Доктор медицинских наук. Окончила Московские высшие женские медицинские курсы П.Г. Статкевича и А.Б. Изачека, обучение в которых проходило по программе медицинских факультетов императорских ун-тов. С 1917 г. работала сельским врачом в Алабине (Подмосковье), с 192 г. в Москве. С этого времени предмет ее исследований – бактериология. Сестра С.И. Вавилова. Вторым браком за Василием Тимофеевичем Костиным. 17, 88–91, 95, 99, 102, 106, 110, 113, 116, 123, 129, 168, 172, 206, 239, 258, 272, 273, 298, 306, 310, 329, 347, 363, 385, 463

Ипатьева Нина Ивановна (ок. 1911–1978) – жена А.Н. Ипатьева. 371

Ипатьева Татьяна Николаевна (1909–1978) – дочь А.И. Ипатьевой. Окончила Ветеринарную академию. Работала в ветеринарной лаборатории на Пресне, затем на мясокомбинате им. А.И. Микояна. 90, 116, 281, 282, 289

Исайя – иеромонах. 76

Исаченко Борис Лаврентьевич (1871–1948) – микробиолог и ботаник. Академик АН СССР (1946, чл.-корр. 1929), академик АН УССР (1945, чл.-корр. 1929). 373

Исламов – сведений о нем найти не удалось. 346

Кабанков Петр Дмитриевич – шофер С.И. Вавилова. 347

Кабанов Иван Григорьевич (1898–1972) – государственный деятель. В 1922–1927 гг. на партийной работе. С 1932 г. в системе Наркомтяжпрома, затем работал на заводе «Динамо». С 1937 г. нарком коммунального хозяйства РСФСР, с 1938 г. нарком пищевой промышленности СССР, а 1939 г. опять на заводе «Динамо». В 1941–1951 гг. нарком (с 1946 – министр) электропромышленности СССР. В 1953–1958 гг. министр внешней торговли СССР. 236, 238, 340

Каврайский Владимир Владимирович (1884–1954) – астроном, геодезист, картограф. Инженер-контр-адмирал (1944). Окончил Харьковский ун-т (1916). С 1922 г. работал в Военно-морской академии (с 1935 г. – профессор). Основные работы относятся к математической картографии и астрометрии. Изобрел новые оптические приборы – пеленгатор и наклонометр; в 1918–1919 гг. изобрел поляриcкопы с удваивающей двупреломляющей призмой в качестве анализатора. 212

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – партийный и государственный деятель. 258

Казакова* Прасковья Кирилловна (1874–1958) – домашняя работница Вернадских; жила в их семье с 1909 г. до кончины В.И. Вернадского. 269

Казанова Джакомо (Casanova G., 1725–1798) – итальянский авантюрист, путешественник и писатель, автор мемуаров. 168

Калаушин Матвей Матвеевич (1904–1968) – музейный работник. Окончил ЛГУ (1926). С 1931 г. работал в Ин-те русской литературы (Пушкинский Дом). По его инициативе было создано 39 литературно-художественных музеев. 304

Калашников Алексей Георгиевич (1893–1962) – педагог, деятель образования, действительный член АПН РСФСР (1947), доктор физико-математических наук (1946), профессор (1926). В 1946–1948 гг. – министр просвещения РСФСР. В 1929–1930 гг. взгляды К. подверглись критике как «правый уклон в педагогике». 339

Калиостро Александр (наст. имя и фамилия Джузеппе Бальзамо, Balsamo, 1743–1795) – авантюрист, мистик родом из Италии. 352, 421

Каменский Евгений Семенович (вторая половина XIX в.) – педагог. 381

Камоэнс Луис (Camões L., 1524–1580) – португальский поэт, автор национального эпоса «Лузиады» (1572). 80

Канова Антонио (Canova A., 1757–1822) – итальянский скульптор-классицист. 52

Кант Иммануил (Kant E., 1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Иностранный почетный член Петербургской АН (1794). 177, 184, 206, 318, 382, 431

Капица Пётр Леонидович (1894–1984) – физик. Академик АН СССР (1939, чл.-корр. 1929), член Президиума АН СССР (с 1957 г.). Лауреат Нобелевской премии по физике (1978) за

фундаментальные открытия и изобретения в области физики низких температур. Один из основателей Московского физико-технического ин-та. Организатор и первый директор (1935–1946 гг. и с 1955 г.) Ин-та физических проблем АН СССР. 26, 27, 87, 135, 151, 165, 181, 200, 215, 228, 238, 248, 249, 284, 286, 287, 337, 386, 466

Каплан – см. Каплан-Ингель Р.И.

Каплан-Ингель Роберт Исаакович (1884–1951) – архитектор. С июля 1940 г. заведующий отделом оформления Музея антропологии и этнографии (МАЭ) (Кунсткамера). Во время блокады – Уполномоченный от Президиума АН СССР по МАЭ. Его привлекали к возведению оборонных сооружений на подступах к Ленинграду (Гатчина) и в Ленинграде, а также для ликвидации повреждений академических зданий. В 1944 г. как эксперт работал в Комиссии по определению убытков, причиненных немецкими оккупантами учреждениям АН СССР. По его проекту и под его наблюдением проведена реставрация и восстановление Кунсткамеры. Первый заведующий Музеем М.В. Ломоносова (открыт 4.I.1949 г.). Провел большую работу по сбору материалов для восстановления бытовой обстановки, библиографии, инструментария для этого музея. Подробнее см.: Из истории Кунсткамеры. 1941–1945. СПб.: АН СССР. Ин-т антропологии и этнографии. 2003. С. 73–74, 295, 312, 335, 349, 376, 378, 462

Капустин Яков Федорович (1904–1950) – государственный и партийный деятель. В 1934 г. окончил Индустриальный ин-т (Ленинград). С 1938 г. на партийной работе: секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) (1940–1945), затем второй секретарь горкома. В июле 1949 г. арестован – обвинен в связях с английской разведкой («Ленинградское дело»). Реабилитирован посмертно в 1954 г. 324, 330, 376, 378

Капучиньский Владислав (Kapuściński W., 1898–1979) – польский физик. С 1924 г. работал в Варшавском ун-те, в 1946–1950 гг. профессор там же. С 1950 г. в Медицинской академии в Варшаве. Работы по оптике (люминесценции) и биофизике. 22

Карамурза* (Кара–Мурза) Петр Макарович (1876–после 1953) – врач. С февраля 1936 г. до сентября 1953 г. – директор санатория «Узкое» АН СССР. Начальник военного госпиталя (август 1941 г. – июнь 1943 г.). 256

Карахан* Раф Карпович (1900–1950) – с 1935 г. возглавлял Книжный отдел АН СССР, находившийся в Московском доме ученых. 446, 447, 450

Кардано Джироламо (Cardano G., 1501–1576) – итальянский математик, механик, врач. 367, 448

Карлейль Томас (Carlyle T., 1795–1881) – английский публицист, историк, философ. 403, 449

Карпинская – см. Толмачева Е.А.

Карпинский Александр Петрович (1847–1936) – геолог. Академик Петербургской АН (1896), первый выборный президент Российской АН (1917–1925), президент АН СССР (с 1925 г. по 1936 г.). 413

Каспар Макс (Caspar M.) – немецкий исследователь творчества И. Кеплера. 461

Катков Александр Васильевич (?–1944) – шофер, служивший в Наркомате электропрома. 223

Катюшка – см. Багриновская Е.М.

Кафтан – см. Кафтанов С.В.

Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978) – государственный деятель, химик. В 1937–1946 гг. – председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР, в 1941–1945 гг. – уполномоченный ГКО по науке. В 1946–1951 гг. – министр высшего образования СССР. 164, 200, 206, 236, 257, 279, 329, 351, 362, 374, 435, 456

Качалов Василий Иванович – актер МХАТ. 82

Качалов Николай Николаевич (1883–1961) – специалист в области технологии силикатов. Чл.-корр. АН СССР (1933). С 1937 г. – научный консультант ГОИ. Труды посвящены изучению процессов оптического стекловарения, шлифовки и полировки стекла. 185, 249

Качалова Елизавета Ивановна – жена Н.Н. Качалова. 249

Кваренги Джакомо (Quarenghi G., 1744–1817) – итальянский архитектор. С 1780 г. работал в России. 278, 312
Кемери Сандор (наст. фамилия Белени, Kemeri S.) – венгерская писательница. Покинула Венгрию после разгрома революции 1919 г. Жила во Франции. 80
Кеплер Иоганн (Kepler J., 1571–1630) — немецкий математик, астроном, оптик и астролог. 124, 367, 461
Керр Джон (Kerr J., 1824–1907) – английский физик. Член Лондонского королевского об-ва (1890). Открыл явление двойного лучепреломления в веществе, помещенном в электрическое и магнитное поля (Керра эффект). 49, 57
Кессених Владимир Николаевич (1903–1970) – физик, инженер-радиофизик. Доктор физико-математических наук (1940). Окончил Северокавказский (Ростовский) ун-т (1924). Работал там до 1930 г., в 1930–1941 гг. – в Томском ун-те и Сибирском физтехе. В 1940–1943 гг. – в действующей армии. С 194 г. по 1952 г. – в Центральном НИИ связи Советской Армии, в 1944–1952 гг. также профессор МГУ. С апреля по декабрь 1947 г. – и.о. декана физического факультета. После демобилизации в 1953 г. – профессор Томского ун-та. Работы в области распространения радиоволн. 379
Кёлер (Köhler) – немецкий физик-оптик. Сотрудник фирмы «Цейсс». 59
Клейн (Klein, мадмуазель) – французский физик-оптик. В 1930-е гг. работала в Ин-те оптики в Париже. 47
Клеро Алексис Клод (Clairaut A.C., 1713–1765) – французский математик и механик. Член Французской АН (1731), почетный член Петербургской АН (1754). 366
Клодт Пётр Карлович (1805–1867) – скульптор. Наиболее известные работы: кони Нарвских ворот, статуи на Аничковом мосту, памятник Николаю I на Исаакиевской площади (Санкт-Петербург). 104
Клюев – изобретатель. Работал на Днепровской ГЭС. 346
Князев Георгий Алексеевич (1887–1969) – историк, архивист, доктор историч. наук. Окончил Петроградский ун-т (1916). Работал в Морском архиве (с 1913 г.), директор Архива АН СССР (Ленинград, 1928–1963), директор ЛО Архива АН СССР (1963–1969). 253, 305, 335, 376, 432
Ковалевская Софья Васильевна (урожд. Корвин-Круковская, 1850–1891) – математик и механик. Член-корр. Петербургской АН (1889). Профессор. 423
Ковалевский Александр Онуфриевич (1840–1901) – биолог и эмбриолог, один из основоположников сравнительной эмбриологии и физиологии, экспериментальной и эволюционной гистологии. Академик Петербургской АН (1890). 246
Ковда Виктор Абрамович (1904–1991) – почвовед, чл.-корр. АН СССР (1953). Окончил Кубанский сельскохозяйственный ин-т (1927). В 1931–1958 гг. работал в Почвенном ин-те АН СССР. С 1939 г. по 1988 г. (с перерывами) работал в МГУ. В 1969–1971 гг. по инициативе Ковды был создан Ин-т агрохимии и почвоведения АН СССР в Пущино. Автор классических трудов в области генезиса, эволюции и мелиорации почв, их роли в функционировании биосферы планеты. 363, 410
Ковский Пётр (Kowski P.) – варшавский знакомый С.И. Вавилова. 20
Кожон (Cojon) 55
Козлов – работал в Смольном в 1950 г. 442
Козловский Иван Семенович (1900–1993) – оперный певец (тенор). Народный артист СССР (1940). С 1926 г. – солист Большого театра. 238
Козырев Николай Александрович (1908–1983) – астроном. Доктор физ.-мат. наук (1947). Окончил ЛГУ (1928), работал в Ленинградском ин-те инженеров железнодорожного транспорта, в пединституте им. М.Н. Покровского (с 1931 г. – профессор). С 1931 г. сотрудник Пулковской обсерватории. С 1936 г. по 1946 г. находился в заключении. Реабилитирован в 1958 г. Золотая медаль Международной академии астронавтики (1970). Основные работы посвящены физике звезд, исследованию планет и Луны. Разрабатывал гипотезу о воздействии времени на энергию космических тел. 412

Козьма (Косьма) и Дамиан (IV век) – христианские святые, мученики, бессребреники. Лечили людей и животных. Претерпели за веру – были брошены в огонь, но он не причинил им вреда... Наконец им отрубили головы. Покровители дома Медичи. 26
Коккрофт – см. Кокрофт Д.Д.
Кокрофт Джон Дуглас (Cockroft J., 1897–1967) – английский физик. Создал (1932, совм. с Э.Уолтоном) первый ускоритель протонов и осуществил ядерную реакцию с искусственно ускоренными протонами. В 1939–1944 гг. руководил разработкой английского радара. Нобелевская премия (1951, совм. с Э. Уолтоном). 51
Колдинов Михаил Васильевич (?–1950) – ассистент-препаратор физического кабинета Московского ун-та. 451
Коллеони Бартоломео (Colleoni B., 1400–1476) – итальянский кондотьер. Большую часть жизни провел на службе у Венеции. По его завещанию и на его деньги в Венеции в 1496 г. ему был воздвигнут памятник (скульптор А. Верроккьо). Миниатюрная копия памятника – подарок жены – всегда находилась в домашнем кабинете С.И. Вавилова, о ней он часто упоминает в дневниках. 253, 255, 264, 277, 295, 334, 335, 341, 352, 356, 421
Колмогоров Андрей Николаевич (1903–1987) – математик. Академик АН СССР (1939). Профессор МГУ (с 1931 г.). Герой Социалистического Труда. 236, 294
Коломиец Борис Тимофеевич (1908–1998) – ученый в области физики и техники полупроводников. Создал научную школу. С 1930 г. работал в ЛФТИ. Для него характерно сочетание физических исследований с внедрением полученных результатов в промышленность. Работы в области фотоэлектрических явлений в полупроводниках привели к организации в 1934 г. производства селеновых фотоэлементов, в области внутреннего фотоэффекта – к промышленной разработке технологии фоторезисторов и организацией в 1948 г. их серийного производства. Сталинская премия (1951). Открыл (совм. с Н.А. Горюновой) новый класс полупроводниковых материалов – стеклообразных полупроводников и способствовал их внедрению в технику. 412
Кольченко – сотрудник Государственного технико-теоретического издательства (ГТТИ). 173
Комар Антон Пантелеймонович (1904–1985) – физик. Академик АН УССР (1948). Сталинская премия (1951). Окончил Киевский политехнический ин-т (1930). Работал в 1930–1936 гг. – в Ленинградском, в 1936–1947 гг. – Уральском физико-техническом ин-тах, в 1936–1947 гг. также в Уральском ун-те. С 1950 г. опять в ЛФТИ (1950–1957 гг. – директор), в 1951–1969 гг. также зав. кафедрой Ленинградского политехнического ин-та. Работы по ядерной физике, физике и технике ускорителей, физической электронике. 402, 448, 458
Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – ботаник, географ. Академик (1920), президент АН СССР (1936–1945). 107, 109, 146, 148, 149, 159, 186, 227, 238, 251–253, 259, 260, 265, 266, 286, 356, 399
Комарова Надежда Викторовна (урожд. Старк, 1886–1962) – ботаник. Преподавала на Высших женских курсах (Петроград). Ассистентка В.Л. Комарова, затем (с 1936 г.) его помощник как Президента АН СССР. Жена В.Л. Комарова (с 1930 г.). 107, 253, 286
Конан-Дойл А. – см. Дойл Конан.
Контесса К.В. (Саличе-Контесса К.В.) (Contessa C.W. Salice, 1777–1825) – немецкий новеллист, драматург, художник-пейзажист. 354
Коперник Николай (Kopernik M., 1473–1543) – польский астроном, математик. Создатель гелиоцентрической системы мира. 299, 373
Корбино Орсо Марио (Corbino O.M., 1876–1937) – итальянский физик. С 1909 г. – профессор, с 1918 г. – директор Физического ин-та Римского ун-та. Работы по оптике, электромагнетизму. 31
Корин Павел Дмитриевич (1892–19?) – художник, реставратор. 300, 329
Користка (Koristka) – итальянский инженер. Основатель и владелец одноименной фирмы по производству оптических приборов в Милане. 40
Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – драматург, государственный и общественный деятель. Академик АН СССР (1943). 159, 186
Корреджио – см. Корреджо

Корреджо (Corregio, наст. имя Антонио Аллегри, ок. 1489 или 1494–1534) – итальянский художник. 24, 33, 50, 335
Корти Эгон Цезарь, граф (Corti E.C., conte. 1886–1953) – австрийский историк и писатель итальянского происхождения. 284
Костенко Михаил Полиевктович (1889–1976) – электротехник. Академик АН СССР (1953, чл.-корр. 1939). Лауреат Сталинской премии (1949, 1951) и Ленинской премии (1958). После окончания Петроградского (Ленинградского) политехнического ин-та был оставлен там (с 1933 г. – профессор). С 193 г. работал в Энергетическом ин-те АН СССР, с 1951 г. – в Ин-те автоматики и телемеханики, в 1955–1966 гг. – директор Ин-та электромеханики АН СССР (Ленинград). 432
Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) – государственный деятель. В 1940–1946 гг. – заместитель председателя СНК СССР (с января по июль 1942 г. уполномоченный ГКО в Ленинграде), в 1946–1953 гг., 1954–1956 гг., с 1957 г. – заместитель председателя, в 1964–1980 гг. – председатель СМ СССР. 304
Коттон Эме (Cotton E., 1869–1951) – французский физик-экспериментатор. Член Парижской АН (1923), ее президент в 1938 г. Окончил Нормальную школу (1893), в 1900–1920 гг. профессор там; в 1920–1942 гг. – профессор Парижского ун-та. Работы по магнетизму, оптике, магнитооптике, акустике, атомной физики. 48, 51
Кошин Михаил Андреевич (1890–1949) – кочегар ГОИ (1928–1949). 387
Коштоянц Хачатур Седракович (1900–1961) – физиолог, медик. Чл.-корр. АН СССР (1939), академик АН АрмССР (1943). С 1936 г. работал в Ин-те эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова АН СССР. 256, 351
Кошуа Иветт (Cauchois Y., 1908–1999) – французский физик. Работы в области рентгеновской спектроскопии. 50
Кравец Торичан Павлович (1876–1955) – физик, ученик П.Н. Лебедева. Чл.-корр. АН СССР (1943). В 1926–1951 гг. работал в ГОИ и одновременно в ЛГУ (с 1934 г. – профессор). Сталинская премия (1946). Работы посвящены спектроскопии растворов, физике фотографического процесса, истории физики. 182, 186, 217, 220, 226, 405, 425
Крамской Иван Николаевич (1837–1887) – живописец, художественный деятель, педагог. 234
Кранах Лукас Старший (1472–1553) – немецкий живописец и гравер. 300, 301, 303, 311, 317, 329, 339, 370, 413
Краусс (Krauss) – руководитель Оптико-механического завода фирмы «Барбье, Бенар и Тюренье». 54
Крафт Георг Вольфганг (Kraft G., 1701–1754) – немецкий физик и математик. Академик Петербургской АН (1727). В 1725–1744 гг. работал в Петербургской АН. С 1733 г. заведовал Физическим кабинетом Академии. 248
Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – филолог-арабист. Академик РАН (АН СССР, 1921). С 1921 г. – профессор Петроградского (Ленинградского) ун-та. В 1922–1923 гг. – под арестом по обвинению в шпионаже. В 1941–1942 гг. – председатель комиссии Президиума АН СССР по руководству академическими учреждениями в блокадном Ленинграде. 471
Крейн Александр Абрамович (1883–1951) – композитор. Автор оперы, балетов, музыки к спектаклям. 347
Крети Донато (Creti D., 1671–1749) – итальянский художник. Работал преимущественно в Болонье. 32
Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959) – деятель революционного движения в России, советский государственный и партийный деятель; учёный-энергетик, экономист, академик (1929) и вице-президент АН СССР (1929–1939). 300
Крицман – представитель Наркомата тяжелой промышленности СССР во Франции. 55
Кроутер Джеймс (Crowther J.G., 1899–1983) – английский научный журналист, историк науки. Первый председатель Британского комитета защиты мира. 408
Круглов Сергей Никифорович (наст. фамилия – Яковлев, 1907–1977) – государственный деятель. С 1938 г. работал в Наркомате внутренних дел. В 1946–1956 гг. министр внутренних дел СССР. 370, 371

Крутков Юрий Александрович (1890–1952) – физик-теоретик. Чл.-корр. АН СССР (1933). Окончил Петербургский ун-т. Работал там же. С 1921 г. – профессор Петроградского (Ленинградского) ун-та. Основные работы по квантовой теории, статистической механике, теории вращения твердых тел. 399

Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) – кораблестроитель, механик и математик. Академик Петербургской АН (1916). Автор многочисленных основополагающих трудов по теории корабля. Герой Социалистического Труда (1943). Сталинская премия (1941). 86, 121, 126, 151, 158, 228, 238, 260, 261, 266, 267, 381

Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – писатель, драматург, баснописец. 350

Крылов Николай Сергеевич (1917–1947) – физик-теоретик. Окончил ЛГУ (1939) и аспирантуру у В.А. Фока. Кандидат (1941), д-р физ.-мат. наук (1942). Работал в ЛГУ. В 1943 г. был вывезен из блокадного Ленинграда в Казань, в 1944 г. вернулся в Ленинград. Его «Работы по обоснованию статистической физики» (1950) изданы благодаря В.А. Фоку. 314

Кудер Андре (Couder A., 1897–1979) – французский астроном. Член Парижской АН (1954), ее президент в 1968 г. Директор оптической лаборатории Парижской обсерватории с 1926 г., в 1943–1968 гг. астроном там же. 54

Кудряшёвы – кузены С.И. Вавилова. 145

Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950) – партийный деятель. На партийной работе в Ленинграде с 1932 г. Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) (1945–1946). Секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК партии в 1946–1949 гг.; в эти же годы начальник Управления кадров ЦК ВКП(б). С февраля 1949 г. секретарь Дальневосточного бюро ЦК партии. Арестован 13 августа 1949 г. по «Ленинградскому делу» и расстрелян в сентябре 1954 г. Реабилитирован в 1954 г. 374, 375

Кузнецов (Шапиро) Борис Григорьевич (1903–1984) – историк науки, экономист. Доктор экономических наук (1936), профессор (1936). Окончил Днепропетровский ун-т (1927). В 1930–1931 гг. – зам. нач. Сектора электрификации Госплана СССР, в 1931–1933 гг. – директор ВНИИ энергетики и электрификации. С 1933 г. работал в системе АН СССР. В 1930–1939 гг. – зав. кафедрой МЭИ. В 1930-е годы разработал первую схему единой высоковольтной сети СССР. В 1941–1942 гг. входил в состав Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. С 1942 г. – на фронте. В 1944 г., демобилизовавшись по ранению, принял участие в организации ИИЕТ АН СССР, где проработал по 1984 г. Академик Международной академии истории науки (1962), председатель Международного Эйнштейновского комитета (1963). Сталинская премия (1942). 147, 148, 238, 269, 356

Кузнецов Владимир Дмитриевич (1887–1963) – физик. Академик АН СССР (1958, чл.-корр. 1946). Герой Социалистического Труда (1957). Сталинская премия (1942). Окончил Петербургский ун-т (1910). С 1911 г. работал в Томском технологическом ин-те, с 1917 г. – в Томском ун-те, директор Сибирского физико-технического ин-та (1929–1933, 1937–1960). Работы в области металлофизики, физики твердого тела. 164

Кузнецов Д.Д. – почвовед. Сотрудник научно-исследовательской биологической станции «Борок» им. Н.А. Морозова. 322

Кузьмич – работал в ГОИ. 458

Кулаков 404

Купревич Василий Феофилович (1897–1969) – ботаник. Чл.-корр. АН СССР (1953). Академик и президент АН БССР (с 1952 г.). С 1938 г. работал в Ботаническом ин-те АН СССР (в 1949–1952 гг. – директор). Основные труды в области микологии, физиологии больного растения. 432

Курицын – сотрудник аппарата Президиума АН СССР. 429

Курнаков Николай Семёнович (1860–1941) – физико-химик. Академик Петербургской АН (1913) и АН СССР. Один из основоположников физико-химического анализа, основатель научной школы. Организатор отечественных металлургических производств, ряда научно-исследовательских учреждений. Сталинская премия (1941). 41, 96, 100, 115

Курносова Лидия Васильевна (1918–2006) – один из пионеров космических исследований, ученый в области астрофизики, физики космических лучей. Доктор физико-матем. наук

(1987), член Международной астронавтической академии (1969). Окончила МГУ (1941), тогда же начала работать в Ин-те машиноведения АН СССР. С лета 1946 г. – в ФИАНе, сначала в экспедиции на Памире (1946–1948), с 1949 г. проводила исследования на синхротроне ФИАНа, с 1958 г. во главе группы в рамках Межведомственного научно-технического совета (МНТС) осуществляла эксперименты на искусственных спутниках Земли (ИСЗ). М.В. Келдыш ввел ее в состав МНТС, где в течение 8 лет она была его помощником. С июня 1971 г. во главе сектора ФИАНа, продолжившего эксперименты на ИСЗ. Соавтор открытия радиационной аномалии на высотах 200–300 км. Жена О.Н. Вавилова. 159

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал. В 1898–1904 гг. военный министр России. В русско-японскую войну (1904–1905) главнокомандующий русской армией в Маньчжурии. В Первую мировую войну опять-таки неудачно командовал Северным фронтом (1914–1916). 41

Курочкин – сотрудник аппарата Президиума АН СССР. 286, 343

Курусов – комендант общежития АН в Казахстане в 1943 г. 175

Курчатов Игорь Васильевич (1903–1960) – физик, один из создателей ядерной физики в СССР, первый организатор и руководитель работ по атомной науке и технике в СССР. Академик АН СССР (1943). Основатель и первый директор Ин-та атомной энергии с 1943 г. по 1960 г. Трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954). Сталинская премия (1942, 1949, 1951, 1954), Ленинская премия (1957). 186, 198, 304, 338

Кюи Цезарь Антонович (1835–1918) – композитор и музыкальный критик, а также профессор фортификации. 442

Кюль (Kühl) – немецкий физик-оптик. Директор Оптического ин-та Иенского ун-та в 1930-е годы. Работы в области физиологической оптики. 60

Кюри Ева (Curie E., 1904–2007) – концертирующая пианистка, журналист. Дочь П. Кюри и М. Склодовской–Кюри, автор книги «Madame Curie» (1937), переведенной на многие языки, в том числе и на русский. 69

Кюри М. – см. Склодовская-Кюри Мария.

Кюри Пьер (Curie P., 1859–1906) – французский учёный-физик, один из первых исследователей радиоактивности, член Французской АН. Нобелевская премия по физике (1903). 69, 113, 114

Кюри Фр.-Ж. – см. Жолио-Кюри Ф.

Лаваль Пьер (1883–1945) – французский политик-социалист. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931–1932, 1935–1936). 221

Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980) – математик, механик. Академик АН СССР (1946), академик АН УССР (1939). Окончил МГУ (1922). С 192 г. работал в вузах Москвы, в 1935–1960 гг. также в Математическом ин-те АН СССР. В 1939–1941 гг. и 1945–1948 гг. директор Ин-та математики АН УССР, одновременно профессор Киевского ун-та. Вице-президент АН УССР (1945–1948) и АН СССР (1957–1975). Один из организаторов Сибирского отделения (СО) АН СССР. В 1957–1976 гг. председатель СО АН СССР. Исследования относятся к различным областям математики и механики. 471

Лаврищев А. – заместитель председателя Госплана при СНК (СМ) СССР Н.А. Вознесенского. 329

Лавуазье Антуан Лоран (1743–1794) – французский химик, один из основоположников современной химии. 181

Лазарев Пётр Петрович (1878–1942) – биофизик, физик и геофизик. Академик РАН/АН СССР (1917). Окончил Московский ун-т по двум специальностям – медицине и физике (1901, 1903). С 1903 г. работал в лаборатории П.Н. Лебедева ун-та, с 1907 г. также преподавал там. Работал и в других вузах Москвы. Ушел из ун-та вместе с более чем 100 профессорами и преподавателями в марте 1911 г. Остался в Лебедевской лаборатории, находившейся уже при Народном ун-те им. А.Л. Шанявского. В 1919 г. создал Ин-т биологической физики (впоследствии Ин-т физики и биофизики), закрытый в марте 1931 г. сразу после его

ареста. Вернулся в Москву в феврале 1932 г. и назначен зав. Биофизической лабораторией, переданной в 1938 г. из Всесоюзного ин-та экспериментальной медицины в ведение АН СССР. Организовал выпуск новых журналов, в частности в 1918 г. «Успехи физических наук». Стоял во главе Комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии (1919–1926). Создал советскую школу биофизиков, сыграл значительную роль в организации советской науки. 17, 157, 158, 172, 174, 178, 190, 191, 263, 264, 311, 348

Лазарева – см. Добровольская-Лазарева Е.В.

Лазарева Ольга Александровна (урожд. Баталина, ум. 1931) – первая жена П.П. Лазарева. 311

Лазутин Петр Георгиевич (1905–1950) – партийный и государственный деятель. С 1937 г. работал в Ленинградском горкоме ВКП(б). С 1944 г. первый зам. председателя, в 1946–1949 гг. председатель Ленгорисполкома. Один из главных фигурантов «Ленинградского дела». Реабилитирован посмертно в 1954 г. 290, 350, 378, 388

Ламетри Жульен Офре де (Lamettrie J.O, de, 1709–1751) – французский философ по профессии врач. 320

Ламздорф Владимир Николаевич (1844/45–1907) – граф, государственный деятель. Министр иностранных дел России в 1900–1906 гг. 77

Ландини (Landini) – итальянский инженер. Работал на оптическом заводе Користка (Милан). 39, 40

Ландсберг Григорий Самуилович (1890–1957) – физик-оптик. Академик АН СССР (1946, чл.-корр. 1932). Окончил Московский ун-т (1913). В 1920–1923 гг. работал в Ин-те физики и биофизики (Москва). В 1923–1945 гг. и в 1947–1951 гг. в Московском ун-те (с 1923 г. – профессор). Также с 1934 г. возглавлял оптическую лабораторию ФИАНа. В 1951–1957 гг. профессор Московского физико-технического института. Труды по оптике и спектроскопии. Сталинская премия (1941). 60, 134, 139, 161, 200, 375, 385, 422, 424, 425

Ландсберг Фрида Соломоновна – жена Г.С. Ландсберга. 375

Ланжевен Поль (Langevin P., 1872–1946) – французский физик и общественный деятель. Член Парижской АН (1934), АН СССР (1929), Лондонского королевского об-ва и др. научных учреждений. С 1902 г. работал в Коллеж де Франс (с 1909 г. – профессор). Одновременно с 1903 г. – профессор Школы физики и химии, с 1925 г. ее директор. В 1935 г. принимал участие в создании Народного фронта Франции. Работы посвящены квантовой теории, теории относительности, ультраакустики, магнетизму. 45

Лапшин – владелец лавки на Пресне (Москва) в начале XX века. 380

Латышев Георгий Дмитриевич (1907–1973) – физик. Чл.-корр. АН УССР (1945), академик АН Казахской ССР (1958). Окончил Ленинградский политехнический ин-т (1929). В 1930–1941 гг. работал в Харьковском, в 1941–1954 гг. в Ленинградском физико-техническом ин-те, в 1954–1958 гг. в Ленинградском ин-те инженеров железнодорожного транспорта. В 1958 г. организовал Ин-т ядерной физики АН Казахской ССР, его директор до 1965 г. В 1965–1970 гг. в Ин-те физики АН УССР, с 1970 г. в Ин-те ядерных исследований АН УССР. Работы по ядерной физике. 410, 424, 440

Латышев Иван – троюродный брат С.И. Вавилова 357, 374

Лафферт Карл-Август, фон (Laffert K.A., von, 1872–1938) – немецкий писатель-фантаст. 191

Лебедев Александр Алексеевич (1893–1969) – физик-оптик. Академик АН СССР (1943, чл.-корр. 1939). Герой Социалистического Труда (1957). Работал в ГОИ (с 1919 г.) и в ЛГУ (с 192 г. с перерывами). 162, 179, 184, 335, 419

Лебедев Петр Николаевич (1866–1912) – физик. Работал в Московском ун-те с 1892 (с 1900 г. – профессор). Его вступительная лекция по физике произвела глубокое впечатление на Вавилова-студента. Впервые измерил световое давление на твердые тела (1899) и на газы (1907), своей работой 1895 г. начал исследования физики субмиллиметрового диапазона. Создал первую школу физиков в России. 191, 213, 226, 248, 263, 347

Лебедева Александра Николаевна (1868–1943) – сестра П.Н. Лебедева. Окончила Высшие женские курсы Герье (Москва). Работала библиотекарем в библиотеке им. Н.А. Добро-

любова (1912–1919), Ин-та физики и биофизики (1919–1931), НИИ физики МГУ (1932–1941). 185
Лебедев-Полянский Павел Иванович (1881/82 – 1948) – литературовед. Академик АН СССР (1946, чл.-корр. 1939). 347, 464
Лев X (Leon X, в миру Джованни Медичи, 1475–1521) – папа римский с 1513 г. Сын правителя Флоренции Лоренцо Великолепного. Вел широкую продажу индульгенций. Отлучил М. Лютера от церкви (1520). Известный меценат. 458, 471
Леванова – не удалось установить, о ком идет речь. 372
Леви, мадам (Levy) – оптик-вычислитель. Первоначально учитель математики. Затем окончила Оптический ин-т (Париж). Владела оптической фирмой Буайе. 54
Леви, месье (Levy) – инженер точной техники. Работал на фирме Буайе. 54
Леви-Чивита Туллио (Levi-Civita T., 1873–1941) – итальянский математик и механик. Член Национальной академии деи Линчеи, чл.-корр. Петербургской АН (1904), почетный член АН СССР (1934), член Парижской АН (1911), Лондонского королевского об-ва и многих других научных учреждений. В 1918–1938 гг. – профессор Римского ун-та. В 1938 г. вследствие введения в Италии расовых законов был уволен оттуда. 34
Левшин (Лёвшин) Вадим Леонидович (1896–1969) – физик-экспериментатор, оптик. Окончил Московский ун-т (1918). Работал в Ин-те физики и биофизики (1922–1931), затем в ФИАНе (заместитель заведующего лабораторией люминесценции, а после смерти С.И. Вавилова заведовал этой лабораторией) и параллельно в МГУ. Сталинская премия (1951, 1952). Основные работы по люминесценции. 50, 87, 114, 153, 164, 174, 347, 417, 419, 424, 448
Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz G.W., 1646–1716) – немецкий философ, математик, физик, языковед, юрист, политический деятель. Основатель и председатель Бранденбургского научного общества (позднее – Берлинская Академия наук). 318, 355, 381, 422
Ленин Владимир Ильич (1870–1924) – политический деятель, публицист, теоретик марксизма. Основатель СССР. 379, 387
Ленотр Жорж (Lenotre G., 1855–1935) (настоящее имя Теодор Госселен) – французский историк. Член Французской академии (1932). 106
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci, 1452–1519) – итальянский художник, ученый, инженер. 22, 26, 28, 32, 38, 39, 43, 44, 46, 50, 61, 64, 71, 72, 75, 82, 86, 108, 109, 138, 166, 168, 202, 262, 264, 286, 308, 336, 348, 365, 368, 376, 411, 413, 418, 425, 435
Леонгардт (Leonhardt) – сотрудник фирмы «Цейсс» (Иена) в 1930-е гг. 59
Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – писатель, драматург, публицист. 273, 302, 441
Леонтович Михаил Александрович (1903–1981) – физик-теоретик. Академик (1946, чл.-корр. 1939). В 1929–1934 гг. работал в НИИ физики МГУ, в 1934–1941 гг. и 1946–1952 гг. в ФИАНе. С 1951 г. в Ин-те атомной энергии им. И.В.Курчатова. Одновременно в 1934–1945 гг. и 1955–1971 гг. – профессор МГУ. Ленинская премия (1958). Создал научную школу по радиофизике и физике плазмы. 311
Лепешинская Ольга Васильевна (1916–2008) – балерина, педагог. Народная артистка СССР (1951). С 1933 г. – в Большом театре. 463, 464
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – русский поэт, прозаик, драматург, художник. 140
Леру Гастон (Leroux G., 1868–1927) – французский писатель, автор детективных романов. 228, 232
Леруа Эдуард. (Le Roy E., 1870–1954) – французский ученый и философ. Член Французской академии (1945). Профессор Коллеж де Франс с 1921 г. 224
Лесков Николай Семенович (1831–1895) – писатель. 153, 154
Лида – см. Вавилова Л.И.
Лида – см. Курносова Л.В.
Лиловая Татьяна Львовна – заместитель директора Эрмитажа (1935). 51
Лиля Савельевна
Линник Владимир Павлович (1889–1984) – физик. Академик АН СССР (1939). Окончил Киевский ун-т (1914). С 1926 г. работал в ГОИ, одновременно в 1933–1941 гг. профессор ЛГУ, в 1930-е гг. – профессор Ленинградского ин-та точной механики и оптики

(ЛИТМО). Герой Социалистического Труда (1969). Сталинская премия СССР (1946, 1950). Основные труды по прикладной оптике. Автор ряда оптических приборов и методов исследования. 40, 60, 148, 195, 226, 335, 425

Линник Мария Абрамовна – мать В.П. Линника. 195, 287

Лист Ференц (Liszt F., 1811–1886) – венгерский композитор, пианист, дирижёр, педагог, музыкальный писатель, общественный деятель. 321

Литвинов Максим Максимович (наст. фамилия и имя – Валлах Макс) (1876–1951) – партийный и государственный деятель, дипломат. В 1921–1930 гг. – заместитель наркома по иностранным делам РСФСР (с 1923 г. – СССР). В 1930–1939 гг. – нарком по иностранным делам СССР. В 1934–1938 гг. представлял СССР в Лиге Наций. В 1941–1943 гг. – посол СССР в США. 199, 248

Литт, граф – владелец фамильной картинной галереи в Милане, который продал Эрмитажу в 1865 г. картину Леонардо да Винчи (Мадонна Литта). 125, 377

Лифшиц Самуил Яковлевич (1881–после 1945) – физик. Окончил Московский ун-т (1903), затем работал лаборантом (ассистентом) А.С. Попова в Электротехническом ин-те (Петербург). В 1904 г. продолжил исследования по беспроволочной телеграфии (радио) в Германии у Ф. Брауна (Страсбург), где в это время работали Л.И. Мандельштам и Н.Д. Папалекси. В 1920 г. – доцент Московского ун-та, преподавал во ВХУТЕМАСе (позднее Московский архитектурный ин-т). Пионер советской архитектурной акустики, с 1927 г. зав. соответствующей кафедрой МВТУ им. Н.Э. Баумана. Автор курса по архитектурной акустике. 31, 220

Лихачев Иван Алексеевич (1896–1956) – государственный и хозяйственный деятель. В 1926–1939 гг., 1940–1950 гг. – директор автомобильного завода АМО (в 1931 г. переименован в завод им. И.В. Сталина – ЗИС, с 1956 г. – завод им. Лихачева – ЗИЛ). В 1950–1953 гг. – директор Московского машиностроительного завода Министерства авиационной промышленности, в 1953–1956 гг. – министр автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР. Сталинская премия (1946). 302

Лихтенштейн Ефим Семенович (1908–1980) – книговед, многолетний ученый секретарь Комиссии АН СССР по изданию научно-популярной литературы, председателем которой в 1933–1951 гг. был С.И. Вавилов. В дальнейшем – заместитель директора – и.о. главного редактора Издательства АН СССР; ученый секретарь Научно-издательского совета (РИСО) АН СССР. 253, 356, 403

Ллойд Джордж Дэвид (Lloyd G.D., 1863–1945) – политический деятель Великобритании. В 1916–1922 гг. премьер-министр страны. 78

Лобачевский Николай Иванович (1792–1856) – математик. Ректор Казанского университета (1827–1846). Создатель неевклидовой геометрии (геометрии Лобачевского). 112, 143, 156, 185, 205, 260, 283, 339, 371

Логашев 314

Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955) – поэт и переводчик. 195

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – естествоиспытатель, поэт. Академик Петербургской АН (1745). 67, 124, 162, 213, 237, 239, 240, 245, 262, 282, 284, 296, 300, 302, 330, 349, 355, 356, 363, 381, 388, 394, 415, 432

Лоренцо Великолепный – см. Медичи Лоренцо.

Лосурдо Антонио (Lo Surdo A., 1880–1949) – итальянский физик. В 1910–1918 гг. работал последовательно в Римском ун-те, в Ин-те высших исследований во Флоренции. С 1919 г. профессор, с 1937 г. – директор Ин-та физики Римского ун-та. Работы по спектроскопии, сейсмологии, геофизике. Независимо от И. Штарка открыл явление воздействия электрического поля на спектр излучения газов (по сдвигу и расщеплению спектральный линий). 31

Л.Н. – автор книги “Этюды” (1915). 287, 288

Лузин Николай Николаевич (1883–1950) – математик. Академик АН СССР (1929). Профессор Московского университета (1917). Был членом многих иностранных научных учреждений. В 1930-х гг. во время очередной кампании преследования интеллигенции публично обвинен в идеализме. Основатель московской научной школы теории функций. 294, 428

Луини Бернардино (Luini B., 1480/90–1532) – ломбардский художник, ученик Леонардо да Винчи. 39, 50

Лука – апостол, автор одного из четырех канонических Евангелий. 380

Лукашев В. – директор фантомного Ин-та спецзаданий, созданного в 1931 г. на месте закрытого после ареста его директора П.П. Лазарева Ин-та физики и биофизики. Ин-т спецзаданий закрыт в 1934 г. 191

Лукреций Кар (Lucretius Carus, ок. 95–55 до н.э.) – римский поэт и философ-материалист. Дидактическая поэма «О природе вещей» – единственное полностью сохранившееся систематическое изложение материалистической философии древности, популяризирует учение Эпикура. 45, 167, 256, 257, 260, 265, 266, 269, 271, 276, 292, 311, 316, 326, 348, 350, 456

Луппол Иван Капитонович (1896–1943) – философ, литературовед. Академик АН СССР (1939, чл.-корр. 1933). 45

Лурье Соломон Яковлевич (1891–1964) – филолог, историк античности. Доктор исторических наук, доктор философских наук. Работал в ЛГУ, в 1938–1949 гг. в ЛО Ин-та истории АН СССР, в 1950–1952 гг. в Одесском ун-те, затем в Львовском ун-те. 305

Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – биолог и агроном. Академик АН СССР (1939), академик АН Украины (1934), академик ВАСХНИЛ (1935). Основатель и крупнейший представитель так наз. мичуринской агробиологии. С именем Лысенко связана кампания гонений против учёных-генетиков, а также против его оппонентов, не признававших «мичуринскую генетику». Герой Социалистического Труда (1945). 82, 109, 149, 150, 153, 200, 236, 269, 270, 293, 325, 329, 351, 353, 354, 361–363, 366, 369, 371, 448

Львов Владимир Евгеньевич (1904–2000) – писатель. Автор книг и публицистических работ, посвященных истории науки, философским и идеологическим проблемам науки и культуры. 374

Любашевский Леонид Соломонович (1892–1975) – драматург, сценарист. Публиковался под псевдонимом Дэль. 393

Людвиг Эмиль (Ludwig E., наст. фамилия Cohn, 1881–1948) – швейцарский писатель. 85

Лютер Мартин (Luther M., 1483–1546) – христианский богослов, инициатор Реформации. Его именем названо одно из направлений протестантизма. 48, 300, 301, 303, 304, 309, 311, 315, 328, 329, 339, 376

Ляпунов Александр Михайлович (1857–1918) – математик, механик. Академик Петербургской АН (1901, чл.-корр. 1900). Создал современную теорию устойчивости равновесия и движения механических систем с конечным числом параметров. 356

Мазон Андре (Mazon A., 1881–1967) – французский славист. Профессор Коллеж де Франс (1921–1952). Написал диссертацию о творчестве И.А. Гончарова и книгу об И.С. Тургеневе. 45

Мазур Юзеф (Mazur J., 1896–1977) – польский физик. Учился в Варшаве (1915–1921) и Лейдене (1931–1933). С 1926 г. работал в Высшей технической школе (Варшава). В 1943–1959 гг. профессор Польского университетского колледжа (Лондон), с 1959 г. в Ин-те физики Польской АН, с 1960 г. – в ун-те Вроцлава. Работы по диэлектрическим свойствам жидкостей и твердых тел. 22

Мазуркевич Стефан (Mazurkiewicz S., 1888–1945) – польский математик. Учился в Кракове, Мюнхене, Геттингене и Львове. С 1915 г. работал в Варшавском ун-те (с 1920 г. – профессор). Избирался проректором там же. Один из основателей журнала «Fundamenta Mathematicae». Работы по теории множеств, теории аналитических функций. 21

Мазуров 216

Майкельсон Альберт Абрахам (Michelson A.A., 1852–1931) – американский физик. Член Национальной АН (1888), ее президент в 1923–1927 гг. Иностранный член АН СССР (1926). Нобелевская премия по физике (1907). 67

Майн Рид Томас (Mayne Reid T., 1818–1883) – английский писатель. 139

Макарихин А.К. (ум. в 1942 г.) – начальник секретного отдела ГОИ. 151

Маковский Константин Егорович (1839–1915) – живописец. 144

Маколей Томас Бабингтон (Macaulay T.B., 1800–1859) – английский, государственный и политический деятель, историк и писатель. 205
Максвелл Джеймс Клерк (Maxwell J.C., 1831–1879) – английский физик. Член Эдинбургского (1855) и Лондонского (1861) королевских об-в. Создал теорию электромагнитного поля. Фундаментальные результаты также в молекулярной физике, механике, теории упругости. 130
Максимов Александр Александрович (1891–1976) – философ. Чл.-корр. АН СССР (1943). 186
Максутов Дмитрий Дмитриевич (1896–1964) – физик-оптик, специалист в области астрономических приборов. Чл.-корр. АН СССР (с 1946 г.). Окончил Военно-инженерное училище в Петербурге (1914). В 1921–1930 гг. работал в Одесском ун-те, в 1930–1952 гг. в ГОИ, где организовал и возглавил лабораторию астрономической оптики, ставшую вскоре центром астрономического приборостроения в СССР. С 1952 г. работал в Пулковской обсерватории. Сталинская премия СССР (1941, 1946). 51, 119, 252
Маленков Георгий Максимилианович (1901/1902–1988) – государственный и партийный деятель. Член Политбюро ЦК КПСС (1946–1957), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1939–1952), секретарь ЦК ВКП(б) (КПСС) (1939–1946, 1948–1953). Курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности, в том числе создание водородной бомбы и первой АЭС в мире. Фактический руководитель Советского государства в 1953–1955 гг. 179, 218, 238, 251, 258, 269, 299, 304, 362, 370, 371, 373, 397, 398, 414, 436, 442, 451, 452, 466
Малышев Вячеслав Александрович (1902–1957) – партийный, государственный деятель. Генерал-полковник инженерно-технической службы. В 1941–1956 гг. нарком танковой промышленности, министр транспортного машиностроения, председатель Госкомитета СМ СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство, министр судостроительной промышленности, министр транспортного и тяжёлого машиностроения, министр среднего машиностроения; одновременно в 1947–1953 гг. и 1954–1956 гг. заместитель председателя СМ СССР. Сталинская премия. Герой Социалистического Труда (1944). 314?, 375, 379
Малышев Ф.П. – генерал госбезопасности. Курировал в 1940-е гг. ряд важных работ ФИАНа оборонной тематики. 305, 314?
Мальцев Анатолий Иванович (1909–1967) – математик. Академик АН СССР (1958, чл.-корр. 1953). Окончил МГУ (1931). В 1932–1960 гг. работал в Ивановском пед. ин-те (с 1943 г. – профессор), в 1942–1960 гг. также в Математическом ин-те АН СССР, в 1960–1967 гг. – в Новосибирском ун-те и в Ин-те математики СО АН СССР. Сталинская премия (1946), Ленинская премия (1964). Основные исследования относятся к алгебре и математической логике. 287
Мандельштам Леонид Исаакович (1879–1944) – физик, один из основателей школы советских радиофизиков. Академик АН СССР (1929; чл.-корр. 1928). 87, 200, 226–229, 240, 301
Мандельштам Сергей Леонидович (1910–1990) – физик. Чл.-корр. АН СССР (1979). Сын Л.И. Мандельштама. После окончания МГУ работал в НИИ физики ун-та (1931–1935). С 1935 г. – зав. лабораторией ФИАНа, с 1968 г. – директор Ин-та спектроскопии АН СССР. Труды по атомной спектроскопии, спектральному анализу, спектроскопии плазмы. Государственная премия СССР (1946, 1977). 356, 422, 446
Мантенья Андреа (Mantegna, Andrea) (ок. 1431–1506) – итальянский живописец и гравер, один из крупнейших живописцев эпохи раннего Возрождения в Северной Италии. 44, 46
Мао Цзэ Дун (1893–1976) – китайский политический и государственный деятель, председатель ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) с 1943 г. В 1954–1959 гг. председатель КНР. 423, 426
Маракулин Дмитрий Федорович – партийный деятель. Работал в обкоме ВКП(б) Марийской АССР (г. Йошкар-Ола) в 1930–1950-е гг. 181
Мари М. – сведений о ней найти не удалось. 56
Мари Франсуа (Marie Fr., вторая половина XVII в.) – францисканский монах. Служил в Париже. Автор первой книги по фотометрии. 32, 36, 38, 45, 46, 48

Марк Аврелий (120–181) – римский император в 161–180 гг. 33
Марк Герман (Mark H., 1895–после 1958) – австрийский химик. С 1932 г. – профессор Венского ун-та, с 1938 г. – профессор Политехнического ин-та в Бруклине (Нью-Йорк), с 1945 г. – его директор. 23
Маркони Гульельмо (Marconi G., 1874–1937) – итальянский физик, инженер и предприниматель. Член Национальной академии деи Линчеи (1912), с 1930 г. – ее президент. Нобелевская премия (1909). 33
Марр Николай Яковлевич (1864/1865–1934) – языковед, филолог, археолог. Академик (1912). Вице-президент (1932–1934). 434
Марта Констан (Martha B.C., 1820–1895) – французский ученый, профессор Сорбонны. 167
Мартинец Джулио (Martinez G., 1870–1957) – итальянский инженер. Директор завода «Officine Galileo» (Флоренция). 27, 29, 39
Марто – французский издатель XVIII в. 168
Маршалл Джордж Кэтлетт (Marshall G., 1880–1959) – государственный и военный деятель США; генерал армии (1944). В 1947–1949 гг. государственный секретарь США. 304, 325
Маслов Петр Павлович (1865–1946) – экономист. Академик АН СССР (1929). 280
Матвеев – сведений о нем обнаружить не удалось. 230
Мах Эрнст (Mach E., 1838–1916) – австрийский физик, механик и философ. 320, 326
Махаев Михаил Иванович (1718–1770) – рисовальщик и гравер на меди. 381
Махнев Василий Алексеевич (1903–1965) – государственный деятель. Генерал-майор инженерно-технической службы (1943), Герой Социалистического Труда (1949). В 1941–1945 гг. заместитель Наркома боеприпасов СССР и заместитель члена ГКО Л.П. Берия. В 1945–1953 гг. начальник Секретариата Спецкомитета № 1 при СМ СССР, курировавшего работу по созданию атомной бомбы. 260, 352, 353
Медведев Сергей Сергеевич (1891—1970) – физико-химик, академик АН СССР (1958; чл.-корр. 1943), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1943). С 1922 г. до конца жизни работал в Физико-химическом институте имени Л.Я. Карпова. Заложил основы теории полимеризации. Сталинская премия (1946). 356
Медичи Козимо Старший (Medici C., 1389–1464) – правитель Флоренции с 1434 г. 34
Медичи Леопольдо (Medici L., 1617–1675) – князь. В 1657 г. основал Accademia del Cimento (Академия опытов). Распустил ее в 1667 г. В конце того же года возведен в сан кардинала. 26
Медичи Лоренцо Великолепный (Medici L., 1449–1492) – флорентийский государственный деятель. Покровитель наук и искусств, поэт. 433
Медичи Мария (Maria de Medici, 1575–1642) – королева Франции. 372
Мейсонье Эрнст (Meissonier E, 1815–1891) – французский живописец и график.
Меллони Мачедонио (Melloni M., 1798–1854) – итальянский физик. Член Лондонского королевского об-ва (1839), чл.-корр. Петербургской АН (1836). Работы по исследованию теплового излучения.
Мемлинг Ханс (Memling H., ок. 1440–1494) – нидерландский живописец. 56
Менделевич Александр Абрамович (1886–1958) – артист эстрады, конферансье. 238
Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) –ученый и общественный деятель. Одно из наиболее известных открытий – периодический закон химических элементов. 67, 99, 142, 162, 212, 260, 283, 297, 341, 352, 375, 389
Менделеева Ольга Дмитриевна (1868–1950) – дочь Д.И. Менделеева (?). 341.
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – писатель и критик. После 1917 г. эмигрировал во Францию. 308
Метерлинк Морис (Maeterlinck M.; 1862–1949) – бельгийский поэт, драматург и философ. Нобелевская премия по литературе (1911). 371
Мехлис Лев Захарович (1889–1953) – государственный и военный деятель, генерал-полковник (1944). С 1930 г. – зав. отделом печати ЦК, одновременно член редколлегии, а затем главный редактор газеты «Правда». В 1937–1940 гг. – заместитель наркома обороны и начальник Главного политуправления Красной армии. В 1940–1946 гг. нарком (в 1946–1950 гг. министр) Госконтроля СССР и заместитель председателя Совнаркома СССР. 390

Мечников Илья Ильич (1845–1916) – биолог, один из основоположников сравнительной патологии, микробиологии, иммунологии. Почетный член Петербургской АН (1902). С 1888 г. работал в Пастеровском ин-те в Париже. Нобелевская премия по физиологии и медицине (1908). 72, 74, 99, 326
Мещанинов Иван Иванович (1883–1967) – лингвист, археолог, этнограф. Академик АН СССР (1932). Длительное время был сторонником теории о языке Н.Я. Марра. 340, 441, 442, 458
Мещенко – сведений о нем найти не удалось. 383
Мёллер ван ден Брук Артур (Moeller van den Broeck A., 1876–1925) – немецкий историк культуры, писатель. 119
Мёллер Герман Дж. (Muller H.J., 1890–1967) – американский генетик, ученик Т.Х. Моргана, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1946 г. за экспериментальное доказательство возможности мутации под действием рентгеновских лучей. Иностранный чл.-корр. АН СССР (1939); вышел из академии после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в знак протеста против гонений на генетику. В 1934 г. по приглашению Н.И. Вавилова приехал в СССР для работы в ВИР'е. Покинул СССР в 1939 г. 374
Микеланджело Буонаротти (Michelangelo B., 1475–1564) – итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт. 27, 56, 86, 433
Микоян Артём Иванович (1905–1970) – авиаконструктор, академик АН СССР (1968), генерал-полковник инженерно-технической службы. Герой Социалистического Труда (1956, 1957). Сталинская премия (1941, 1947, 1948, 1949, 1952, 1953). 383
Милановская Н.В. – знакомая С.И. Вавилова. 444
Милановский Е.В. (ок. 1890–1940) – знакомый С.И. Вавилова. 105
Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, политический деятель. С 1907 – председатель ЦК конституционно-демократической партии. В первом составе Временного правительства – министр иностранных дел. С 1918 г. в эмиграции. 46
Минерва – римская богиня, покровительница ремесел и искусств. 329, 350
Минц Исаак Израилевич (1896–1991) – историк. Академик (1946, чл.-корр. 1939). Участник Гражданской войны. После окончания Ин-та красной профессуры в 1926 г. работал там же; в 1932–1949 гг. – в Московском ин-те истории философии и литературы и МГУ, а также в 1937–1949 гг. в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). Сталинская премия (1943, 1946). Ленинская премия СССР (1974). 385
Мислер Жан (Mistler J., 1897–1988) – французский писатель и политик. Постоянный секретарь Французской академии. 356
Митин Марк Борисович (1901–1987) – философ и общественный деятель. Академик АН СССР (1939). Сталинская премия 1943 г. за участие в создании «Истории философии» (1940–1943). 148, 173, 200, 206, 207, 354, 378, 382, 383, 435
Миткевич Владимир Федорович (1872–1951) – электротехник. Академик АН СССР (1929, чл.-корр. 1927). Сталинская премия (1943). Участвовал в составлении плана ГОЭЛРО. Возглавлял Особое техническое бюро по военным изобретениям Наркомата обороны СССР (1921–1937). С 1938 г. работал в АН СССР. 96, 372, 373
Миткевич Евдокия Нифонтовна (ум. в 1948) – жена В.Ф. Миткевича. 372
Михайлов Александр Александрович (1888–1983) – астроном, гравиметрист. Академик АН СССР (1964, чл.-корр. 1943). В 1918–1948 гг. – профессор МГУ, в 1919–1947 гг. – профессор Московского ин-та инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. С 1947 г. работал в Пулковской обсерватории (в 1947–1964 гг. – директор). 439
Михайлов Максим Дормидонтович (1893–1971) – оперный певец (бас), народный артист СССР (1940). Солист Большого театра с 1932 г. 292
Михайлов Николай Александрович (1906–1982) – партийный деятель. В 1938–1952 гг. – первый секретарь ЦК ВЛКСМ, с октября 1952 г. – секретарь ЦК КПСС, с марта 1953 г. – первый секретарь Московского комитета КПСС, с 1954 г. – на дипломатической работе. 239
Мичурин Иван Владимирович (1855–1935) – селекционер. Почетный член АН СССР (1935), академик ВАСХНИЛ (1935). 366

Мичурина-Самойлова Вера Аркадьевна (1866–1948) – актриса, народная артистка СССР. Играла на сцене Александринского театра (Ленинградский академический театр драмы им. А.С. Пушкина) с 1886 г. 303
Могра Гастон (Maugras G., 1850–1927) – французский историк, писатель. 185
Модзалевский Лев Борисович (1902–1948) – историк литературы, пушкинист, архивист. Сын известного историка литературы и генеалога Б.Л. Модзалевского. С 1919 г. работал в различных книгохранилищах и архивах Ленинграда. С 1933 г. – научный сотрудник Пушкинской комиссии АН СССР. 305, 335, 355, 356, 371
Моисеенко-Крылова Евгения Николаевна (1881–1975) – третья жена А.Н. Крылова. 267
Молóдая Евдокия Константиновна (1892–1975) – врач-протезист. Доктор медицинских наук. После окончания медицинского ф-та Высших женских курсов (1915 г., Москва) работала хирургом общего профиля. В период Великой Отечественной войны военный хирург. Профессор Центрального НИИ протезирования и протезостроения. Работала там с 1944 г. Жена коллеги С.И. Вавилова Т.К. Молóдого (1889–1929) и мать разведчика К.Т. Молóдого (1922–1970). 218
Молотов Вячеслав Михайлович (наст. фамилия Скрябин; 1890–1986) – политический и государственный деятель. Почетный член АН СССР (1946–1959). Глава советского правительства (1930–1941), нарком (министр) иностранных дел СССР (1939–1949 и 1953–1956). Герой Социалистического Труда (1943). 215, 251, 260, 262, 263, 270, 304, 313, 326, 355, 372, 428, 430
Монж Гаспар (Monge G., 1746–1818) – французский математик и механик, политический деятель. Член Французской АН (1783) и Национального ин-та Франции (1795–1814). 366
Морасси Антонио (Morassi A., 1893–1976) – итальянский историк искусств. 440
Морель Андре (Maurel A.) – автор популярной книги «Un mois a Roma» (1913) («Месяц в Риме»). 180
Морен Шарль (Maurain Ch., 1871–1967) – французский геофизик. Член Французской АН (1930). Директор Ин-та физики Земли (с 1921 г.). Основные работы по земному магнетизму, сейсмологии, метеорологии. 48
Моретти Ренато (Moretti R., 1863–1910) – итальянский художник-акварелист. 35
Морозов Николай Александрович (1854–1946) – революционер, учёный, писатель, почётный член АН СССР по химическому и физико-математическому отделению (1932). 100, 286, 300, 318, 319, 321, 322, 356, 385
Морозова Ксения Алексеевна (1880–1948) – журналист. Жена Н.А. Морозова. 286
Морозова–Рейнбот Зинаида Григорьевна (урожд. Резвая, 1867–1947) – владелица заводов и рудников на Урале, помещица Владимирской и Московской губерний. Хозяйка одного из знаменитых московских салонов. 221, 222, 263
Москвин Б.Н. (ум. в 1942 г.) – сотрудник ГОИ. 146
Москвин Иван Михайлович (1874–1946) – актер МХТ с момента создания театра (1898). Народный артист СССР (1936). Сталинская премия (1943, 1946). 82
Моцарт Вольфганг Амадей (Mozart W.A., 1756–1791) – австрийский композитор. 86, 122, 128, 277, 370, 400, 410
Мравинский Евгений Александрович (1903–1988) – дирижер, возглавлял (1938–1988) Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии. Народный артист СССР (1954). 250
Мрозовский – польский физик. Работы по спектроскопии. 21
Муза Аполлоновна – прикрепленный к С.И. Вавилову врач Кремлевской больницы (поликлиники?). 450, 453
Муратов – сотрудник НИИ ядерной физики МГУ в 1940–1950 гг. Механик «золотые руки». 428
Муратов Павел Павлович (1881–1955) – искусствовед, писатель. Автор трехтомника «Образы Италии» (1911–1912, 1924). 361
Мусоргский Модест Петрович (1839–1881) – композитор. 329
Муссолини Бенито (1883–1945) – глава фашистской партии Италии, диктатор (дуче) в 1922–1943 гг. 30, 32, 33, 36, 38, 44, 46, 143, 177, 182, 243, 244

Мэллер – см. Мёллер Г.
Мюнхгаузен – герой немецких рассказов о необыкновенных приключениях барона М. (народные книги конца XVIII в., сборник Р.Э. Распе и др.). 97, 111, 112, 114, 123, 130, 225, 233, 276, 304, 308, 311, 327, 333, 347, 348, 367, 372, 374, 376, 386, 464
Мюронеско (Muronesco) – французский физик. 49
Мюссе Альфред де (Musset A., 1810–1857) – французский поэт, драматург и прозаик, представитель позднего романтизма. 55, 320

Навозов Ф.Д. – сотрудник ГОИ в 1940-е гг. 242
Надежда Викторовна – см. Комарова Н.В.
Надсон Георгий Адамович (1867–1939) – микробиолог, ботаник, генетик. Академик АН СССР (1929). Заслуженный деятель науки РСФСР (1933). Директор Ин-та микробиологии АН СССР (1934–1938), редактор первого в России журнала по общей микробиологии (1914–1938). Арестован 29 октября 1937 г. Исключен из Академии 29 апреля 1938 г. Расстрелян 15 апреля 1938 г. вместе с несколькими микробиологами. Реабилитирован в 1955 г., восстановлен в Академии в 1956 г. 269
Наливкин Дмитрий Васильевич (1889–1982) – геолог и палеонтолог. Академик АН СССР (1946, чл.-корр. 1933). 371
Наполеон Бонапарт (Napoleon B., 1769–1821) – французский политический деятель и полководец. Император Франции (1804–1814 и 1815). 84, 85, 87, 158, 343, 399
Наметкин Сергей Семенович (1876–1950) – химик-органик. Академик АН СССР (1939). Сталинская премия (1943, 1949). 448
Наташа – см. Тимофеева Н.Л.
Нейбург Мария Федоровна (Фридриховна) (1894–1962) – геолог. Окончила Высшие женские курсы в Томске (1917). С 1921 г. работала в геологическом музее Петра Великого (с 1930 г. – Геологический ин-т АН СССР).
Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – поэт, писатель и публицист. 284, 295
Ненни Пьетро (Nenni P., 1891–1980) – один из лидеров Итальянской социалистической партии и Социалистического интернационала. В 1945–1947 гг. и 1963–1968 гг. входил в правительство. 407
Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980) – химик-органик. Академик АН СССР (1943, чл.-корр. 1939). Президент АН СССР (1951–1961). 351, 427, 441
Нестор Летописец (вторая половина XI в. – начало XII в.) – монах Печерского монастыря, вероятный автор «Повести временных лет». 134
Неуймин Григорий Николаевич (1885–1946) – астроном, специалист в области астрофотографии. Окончил Петербургский ун-т (1910). Тогда же начал работать в Пулковской обсерватории (с 1912 г. – в ее Симеизском отделении, в 1925–1931 гг. и 1936–1941 гг. возглавлял его). В 1944–1946 гг. – директор Пулковской обсерватории. 252, 295
Никитин Василий Петрович (1893–1956) – специалист в области электромеханики и электросварки. Академик АН СССР (1939). Окончил Петербургский политехнический ин-т (1914). С 1929 г. работал в Москве. Профессор Московской горной академии (с 1932 г. Московский ин-т стали) в 1929–1932 гг., Московского высшего технического училища им. Н.Э. Баумана в 1933–1950 гг., с 1950 г. директор там же. В 1939–1943 гг. работал также в Госплане СССР. В 1939–1942 гг. и в 1947–1953 гг. член Президиума АН СССР, в 1939–1942 гг. академик-секретарь Отделения технических наук. 91, 343
Николай – см. Вавилов Н.И.
Николай I (1796–1855) – российский император с 1825 г. 211, 290, 391
Николай II (1868–1918) – последний российский император (1894–1917). 230, 286, 319, 321, 322, 391, 439
Никольский Константин Вячеславович (1905–1978) – физик. Доктор физико-матем.наук (1934). В 1927 г. окончил Северо-Кавказский ун-т (Нальчик), в 1927–1928 гг. в аспирантуре там же. В 1929–1930 гг. работал в теоретическом отделе ГОИ. В 1930–1934 гг. выполнял докторскую диссертацию в Ин-те математики и механики ЛГУ (руководитель – В.А. Фок). Расширенный вариант ее опубликован в 1934 г. (Никольский К.В. Квантовая

механика молекулы. Л.-М.: ГТТИ, 1934). С 1935 г. – сотрудник ФИАНа. В 1946 г. арестован за «антисоветские высказывания» и был по постановлению суда направлен на принудительное лечение в психиатрической лечебнице. Затем находился под опекой сестры. Работы по квантовой механике, теории относительности, статистической физике. 143

Ницше Ф. (Nietzsche F., 1844–1900) – немецкий философ. 121, 156, 234

Ноаковский Станислав (Noakowski S., 1867–1927) – архитектор, рисовальщик, художник. Член Императорской Академии художеств. Обучался там в 1886–1894 гг. В 1899–1918 гг. преподавал в Строгановском художественно-промышленном училище (Москва), с 1906 г. профессор Училища живописи ваяния и зодчества (Москва), с 1919 г. архитектурного факультета Варшавского политехнического ин-та. Известность приобрел как педагог, лектор и автор импрессионистических фантазий на темы польской, русской, западноевропейской архитектуры. 21

Нобиле Умберто (Nobile U., 1885–1978) – итальянский дирижаблестроитель и полярный исследователь. 33

Новаковский – см. Ноаковский С.

Новалис (Novalis, наст. имя Georg Philipp Friedrich von Hardenberg, 1772–1801) – немецкий поэт-романтик. 178, 234

Ноздрев Василий Федорович (1913–1995) – физик-акустик. Доктор физико-математических наук (1950). Окончил МГУ (1937), работал там же, секретарь парткома МГУ (1943–1945). Профессор кафедры молекулярной физики физического факультета МГУ (1953–1957). Уволен оттуда по постановлению ЦК КПСС от 5 августа 1954 г. Затем работал в Московском областном педагогическом ин-те (МОГПИ), с 1960 г. – ректор. 293, 306, 307

Ньепс Жозеф Нисефор (Niepce J.N., 1765–1833) – французский изобретатель, один из основоположников фотографии. 402

Ньютон Исаак (Newton, 1642/43–1727) – английский физик, механик, астроном, математик. 27, 46, 47, 55, 64, 67, 69, 70, 72, 74, 82, 100, 101, 112, 121–123, 152, 162, 163, 167, 168, 170, 171, 174, 184, 185, 188, 196, 202, 208, 223, 228, 237, 239, 264, 273, 280, 281, 283, 308, 334, 336, 339, 341, 348, 350, 363, 367, 368, 376, 385, 389, 421, 431, 435

Нюнина – см. Голубева В.Н.

Нюнины – семья хозяина дома на Пресне, где в 1880–1890-е годы жили Вавиловы. 380

Нюра – работница в доме Вавиловых. 400

Образцов Борис Владимирович (1905–1975) – биолог. Кандидат наук. 344

Образцов Владимир Николаевич (1874–1949) – ученый в области транспорта. Академик (1939). С 1939 г. возглавлял секцию по научной разработке проблем транспорта АН СССР. 149, 172, 206, 221, 236, 254, 344

Образцовы – см. Образцов Б.В. и Образцов В.Н.

Обреимов Иван Васильевич (1894–1981) – физик-экспериментатор. Академик АН СССР (1958; чл.-корр. 1933). Окончил Петроградский ун-т (1915). В 1919–1924 гг. и в 1942–1944 гг. работал в ГОИ, в 1924–1929 гг. в Ленинградском физико-техническом ин-те, в 1929–1941 гг. в Украинском физико-техническом ин-те, в 1944–1954 гг. в Ин-те органической химии АН СССР, в 1954–1965 гг. в Ин-те элементоорганических соединений АН СССР, с 1965 г. – в Ин-те общей и неорганической химии АН СССР. Основные работы по физике кристаллов и молекулярной спектроскопии. Сталинская премия (1946). 162, 215

Обручев Владимир Афанасьевич (1863–1956) – геолог, географ. Академик АН СССР (1929, чл.-корр. 1921). С 1930 г. председатель Комиссии (Комитета) по изучению вечной мерзлоты, с 1939 г. – директор Ин-та мерзлотоведения АН СССР. В 1942–1946 гг. академик-секретарь Отделения геолого-географических наук. 371

Оже Пьер Виктор (Auger P.V., 1899–1993) – французский физик. Член Парижской АН (1977). Работал в Парижском ун-те (1927–1941, 1944–1969). В 1941–1944 гг. работал в США и Великобритании. Комиссар по атомной энергии (1945–1948), в 1948–1959 гг. – директор Департамента естественных наук ЮНЕСКО. В 1959–1962 гг. президент Французского комитета космических исследований, в 1962–1967 гг. – генеральный директор Европей-

ской организации космических исследований. Работы по атомной (эффект Оже, 1925) и ядерной физике, физике космических лучей (ливни Оже, 1938). 49, 248
Озерецкие – знакомые Вавиловых. Жена Озерецкого была подругой О.М. Вавиловой. 144
Ойстрах Давид Федорович (1908–1974) – скрипач, народный артист СССР (1953). 329
Оккиалини Джузеппе (Occhialini G., 1907–1993) – итальянский физик. Член Национальной академии деи Линчеи (1958). Окончил Флорентийский ун-т, работал там же в 1932–1937 гг. (в 1931–1934 гг. – в Кембридже), в 1937–1944 гг. – в ун-те Сан-Пауло (Бразилия), в 1945–1947 гг. – в Бристольском, в 1948–1950 гг. – в Брюссельском ун-тах, в 1950–1952 гг. – профессор ун-та в Генуе, с 1952 г. – профессор Миланского ун-та. Работы по ядерной физике, космическим лучам, физике высоких энергий. 26
Окунев 429
Олег – см. Вавилов О.Н.
Олсуфьевы – владельцы имения в с. Ершово. 444
Ольберт Леопольд Аркадьевич (Липа Айзекович) (1898–?) – административный деятель. В 1932–1935 гг. – директор ГОИ, в 1935–1936 гг. – зам. директора Ин-та физических проблем АН СССР (т.е. П.Л. Капицы). В 1937 г. репрессирован. 184
Ольга Александровна – см. Лазарева О.А. 191
Ольга Павловна – тетя О.М. Вавиловой. 178, 454
Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934) – востоковед, один из основателей русской индологической школы. Академик АН СССР (член Петербургской АН с 1900 г.), непременный секретарь АН в 1904–1929 гг. Министр народного просвещения Временного правительства (1917). В 1930–1934 гг. – директор Ин-та востоковедения АН СССР. 312
Олюшка – см. Вавилова О.М.
Омар Хайям (ок. 1048–после 1122) – персидский и таджикский поэт, математик, астроном, философ. Всемирно известен философскими четверостишиями-рубаи. 299, 315, 426
Опарин Александр Иванович (1894–1980) – биохимик и общественный деятель. Академик АН СССР (1946, чл.-корр. 1939). 344, 377, 423
Оппелн-Брониковский Фридрих, фон (Oppeln-Bronikowski F., 1873–1936) – немецкий писатель, переводчик, историк культуры. 358
Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) – востоковед, филолог, археолог, историк. Академик АН СССР (1935, чл.-корр. 1924). Директор Эрмитажа (1934–1951). 125, 262, 377, 410, 423–425, 454, 458
Орбели Леон (Левон) Абгарович (1882–1958) – физиолог. Академик АН СССР (1935; чл.-корр. 1932), генерал-полковник медицинской службы. В 1936–1950 гг. директор Физиологического ин-та им. И.П. Павлова АН СССР и Ин-та эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова АМН СССР. В 1956 г. организовал и возглавил Ин-т эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР. В 1939–1948 гг. академик-секретарь Отделения биологических наук. Вице-президент АН СССР с 6 мая 1942 г. по 19 января 1946 г. Был дружен с С.И. Вавиловым. 198, 270, 345, 362, 363, 364, 383
Орлов Александр Григорьевич (1898–1940) – военачальник, разведчик. В 1931–1933 гг. начальник Управления военных приборов Артиллерийского управления РККА, в 1935–1937 гг. военный атташе в Германии и Венгрии, руководитель военной разведки СССР в 1938–1939 гг. 60
Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) – литературовед, историк русской литературы. Академик АН СССР (1931, чл.-корр. 1921). С 1933 г. руководитель организованного им Отдела древнерусской литературы в Ин-те русской литературы (ИРЛИ). 303
Ортман – деятель нацистской партии (?), прикрепленный к Физическому ин-ту Берлинского ун-та. 58
Оствальд Вильгельм (Ostwald W., 1853–1932) – немецкий физико-химик и философ. Чл.-корр. Петербургской (1896) и Берлинской АН (1905). Нобелевская премия по химии (1909). 234
Островитянов Константин Васильевич (1892–1969) – экономист. Академик АН СССР (1953, чл.-корр. 1939). Вице-президент АН СССР (1953–1962). 392, 407

Островский Александр Николаевич (1823–1886) – драматург. 225, 346
Остроградский Михаил Васильевич (1801–1862) – математик, механик. Академик Петербургской АН (1830). Создал русскую школу прикладной механики. 432
Остроумов Борис Андреевич (1887–1979) – радиофизик, историк науки. Работал в ГОИ, затем в ЛО ИИЕТ АН СССР. 209, 253

Павел I (1754–1801) – российский император с 1796 г. 412
Павел Пустынник (Фивейский). Умер ок. 341 г. 351, 354
Павел – дворник на Пресне в начале XX в. 440
Павлов Владимир Иванович (1884–1954) – физик, доктор физ.-мат. наук. Окончил Петербургский ун-т, затем работал в лабораториях Дж.Дж.Томсона и Резерфорда. В 1920-е гг. выполнял обязанности секретаря отца – Ивана Петровича Павлова. С 1930-х гг. – профессор Ленинградского химико-технологического ин-та. Автор учебников по общему курсу физики. 410, 436, 441
Павлов Иван Петрович (1849–1936) – физиолог. Академик Петербургской АН (1907, чл.-корр. 1901). Нобелевская премия (1904). 261, 272, 411, 438, 442, 456
Павловский Евгений Никанорович (1884–1965) – зоолог, паразитолог. Академик АН СССР (1939) и АМН (1944). Директор Зоологического института АН СССР (1942–1962). Президент Всесоюзного энтомологического общества (1931–1965), Президент Географического общества СССР (1952–1964). Заслуженный деятель науки РСФСР (1935). Герой Социалистического Труда. Сталинская премия (1941, 1950). 404
Паллада – см. Афина Паллада.
Пальцев 402
Пантелли Людмила Антоновна (1905–1978) – многолетний секретарь С.И. Вавилова. Работала в ГОИ в 1933–1938 гг.: с 1934 г. – секретарь зам. директора по научной работе (т.е. С.И. Вавилова), с апреля 1936 г. – секретарь научного отдела, с июля 1937 г. – вр. исп. обязанности зав. общим отделом и архивом. С 1945 г. – секретарь в Ленинграде президента АН СССР С.И. Вавилова. 119, 210, 253, 442
Паншин К.Б. (1910–1942) – физик. Работал в Ин-те физики и биофизики (до 1931 г.), затем в ГОИ в Лаборатории люминесценции. 151
Папалекси Николай Дмитриевич (1880–1947) – радиофизик, один из основателей школы радиофизиков и радиотехников, академик АН СССР (1939). В 1923–1935 гг. вместе с Л.И. Мандельштамом руководил научным отделом Центральной радиолаборатории в Ленинграде. С 1935 г. работал в Москве в ФИАНе и в Энергетическом институте АН СССР. Председатель Всесоюзного научного совета по радиофизике и радиотехнике при АН СССР. Государственная премия СССР (1942). 256, 301, 425
Парацельс Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (Paracelsus P.A.Th. Bombast von Hohenheim, 1493–1541) – немецкий врач и естествоиспытатель. 145
Парнас Яков Оскарович (1884–1949) – биохимик, академик АН СССР (1942) и АМН СССР (1944). Арестован 28 января 1949 г., на следующий день умер от инфаркта во время допроса. 318, 379
Паршин – по-видимому, сотрудник НИИ ядерной физики МГУ, возможно, инженер. 428
Паршин Петр Иванович (1899–1970) – государственный деятель. Генерал-полковник инженерно-технической службы (1944). В 1946–1956 гг. нарком (министр) машиностроения и приборостроения СССР. Сталинская премия (1953). 471
Пассек Татьяна Сергеевна (1903–1968) – археолог. Сталинская премия (1950). 427
Паскевич Анна Ивановна, графиня Паскевич-Эриванская (1822–1901) – жена М.Д. Волконского. 322
Пауэлл Сесил Френк (Powell S.Fr., 1903–1969) – английский физик. Член Лондонского королевского об-ва (1949), иностранный член АН СССР (1958) и др. научных организаций. Нобелевская премия (1950) за развитие фотографических методов изучения ядерных процессов и открытие мезонов. Работы в области космических лучей, ядерной физики, физики элементарных частиц. 403

Паффенгольц Константин Николаевич (1893–1983) – геолог. Академик АН Армянской ССР (1943), заслуженный деятель науки Армянской ССР и Азербайджанской ССР (1963). В 1920 г. окончил Петроградский горный институт. С 1919 г. работал в Геологическом комитете (с 1939 г. – Всесоюзный научно-исследовательский геологический ин-т), в 1945–1952 гг. – профессор Ереванского ун-та, с 1959 г. в Институте геологических наук АН Армянской ССР. Основные труды посвящены изучению региональной геологии, гидрогеологии, магматизма, металлогении Малого Кавказа. Сталинская премия (1950). 383

Пахомов Николай Павлович (1890–1978) – искусствовед, литературовед, музейный деятель. По предложению С.И. Вавилова Пахомов в 1949 г. возглавил музей в Абрамцеве. Муж Татьяны Михайловны Багриновской, сестры О.М. Вавиловой. 111, 437, 446

Пахомовы – см. Пахомов Н.П.

Паша – няня внука С.И. Вавилова Сережи. 354, 400, 439, 452, 456

Пекерман Фаина Михайловна (1912–(?)) – физик. Работала в лаборатории люминесценции ГОИ. С 1944 г. – аспирантка С.И. Вавилова, с 1945 г. – младший научный сотрудник. Уволена из ГОИ 27.12.1951 г. 241, 324

Пеньковский Стефан (Pienkowski S., 1883–1953) – польский физик-экспериментатор, член Польской АН. С 1919 г. – профессор Варшавского ун-та (в 1925–1926 гг., 1933–1936 гг. и 1945–1947 гг. – ректор); с 1921 г. также директор организованного им Ин-та экспериментальной физики при Варшавском ун-те. В 1953 г. – директор Ин-та физики ПАН. Основные работы посвящены фотолюминесценции, рентгеноструктурному анализу, радиоактивности. 20–22

Первухин Михаил Георгиевич (1904–1978) – государственный деятель. Окончил Московский ин-т народного хозяйства (1929). В 1933–1939 гг. прошел путь от инженера Каширской электростанции до зам. наркома тяжелой промышленности СССР. В 1939–1940 гг. – нарком электростанций и электропромышленности СССР. В 1940–1944 гг. – зам. председателя Совнаркома СССР. В 1941 г. также нарком химической промышленности СССР. С 1950 г. – зам. председателя Совмина СССР, с декабря 1953 г. – одновременно министр электростанций и электропромышленности СССР. 307, 337, 353

Перрен Жан (Perrin J., 1870–1942) – французский физик и физико-химик. Член Парижской АН (1923), иностранный член АН СССР (1929). Нобелевская премия по физике (1926). С 1898 г. работал в Парижском ун-те (с 1910 г. – профессор). С 1938 г. жил в США. 49

Перрен Френсис (Perrin Fr., 1901–1979) – французский физик. Член Парижской АН (1953). В 1923–1941 гг., 1944–1945 гг. работал в Парижском ун-те (с 1935 г. – профессор), в 1941–1944 гг. – в США. В 1946–1972 гг. – профессор Коллеж де Франс, в 1951–1970 гг. – возглавлял Комиссариат по атомной энергии. Сын Ж. Перрена. Работы по оптике, атомной, молекулярной и ядерной физике. 49, 50, 248

Перри Франческо А. (Perri F.A., 1885–1974) – итальянский писатель и журналист. 280

Перро Шарль (Perrault Ch., 1628–1703) – французский поэт и критик, автор популярных сказок («Красная шапочка», «Мальчик с пальчик» и др.). 444

Перуджино (Perugino, наст. имя Пьетро Вануччи, ок. 1446–1523) – итальянский художник, учитель Рафаэля. 44

Перфильев – сотрудник лаборатории люминесцентного анализа ГОИ. 413

Петен Анри Филипп (Petain H.F., 1856–1951) – французский военный и государственный деятель. В июле 1940–августе 1944 гг. глава Франции с правительством в Виши. После освобождения Франции арестован и приговорен за сотрудничество с фашистской Германией к смертной казни, замененной на пожизненное заключение. 97, 243

Петр – апостол. 110, 305

Петр I (1672–1725) – русский царь (с 1682 г.), император (с 1721 г.). 90, 257, 286, 302, 330, 352, 384, 391

Петрарка Франческо (Petrarca F., 1304–1374) – итальянский поэт, гуманист. 274

Петренко (Лунин) Павел Иванович – атташе посольства СССР в Италии в середине 1930-х гг. 31, 37

Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) – живописец-символист, график, теоретик искусства, писатель и педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1930). 70

Пжиборский (Przyborski) – польский физик. Профессор. Работал в Харькове, после 1918 г. в Варшаве. 22
Пилат Понтий (Pilatus Pontius) – римский префект Иудеи в 26–36 гг. 297
Пилсудский Юзеф (Piłsudski J., 1867–1935) – диктатор Польши в 1926–1935 гг. 20
Пинегин Михаил Николаевич (1863–1935) – педагог, краевед, этнограф. 143
Пинтуриккио (наст. имя Бернардино ди Бетто Pinturicchio, 1454–1513) – итальянский художник. 32
Пирлинг Павел, отец (Pierling P., 1840–1922) – иезуит, автор ряда книг по истории России. 329
Пиранези Джованни Баттиста (Piranese G.B., 1720–1778) – итальянский гравер и архитектор. 275
Писемский Алексей Феофилактович (1820–1881) – писатель. 169, 419
Пифон – дракон, охранявший Дельфы и убитый Аполлоном (антич. миф). 338, 340, 342, 351, 354
Пичета Владимир Иванович (1878–1947) – историк-славист. Академик АН БССР (1928–1930, восстановлен в звании в 1940), АН СССР (1946, чл.-корр. 1939). Окончил Московский ун-т (1901). С 1905 г. преподавал в различных учебных заведениях Москвы, в 1910–1911 гг., 1917–1921 гг., с 1938 г. работал в МГУ (с 1918 г. – профессор). После открытия Белорусского ун-та его ректор (1921–1929). В 1930 г. арестован по т.н. «академическому делу». Освобожден в 1935 г. С 1937 г. также в Ин-те истории АН СССР, с 1946 г. – заместитель директора Ин-та славяноведения АН СССР. 314
Платон (428 или 427 до н. э.–348 или 347 до н.э.) – древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа, учитель Аристотеля. Ок. 387 г. основал в Афинах школу (Академия платоновская). Сочинения Платона – высокохудожественные диалоги. 290, 294, 297, 316, 318, 339, 348, 389
Плоткин Лев Абрамович (1906–1978) – литературовед. С 1938 г. зам. директора Ин-та русской литературы ИРЛИ. В 1945–1971 гг. преподавал в ЛГУ. 277
По Эдгар (Рое Е.А., 1809–1849) – американский писатель, поэт-романтик, критик. Родоначальник детективного жанра в литературе. 186
Понтекорво Бруно (Pontecorvo B., 1913–1993) – физик. Академик АН СССР (1964, чл.-корр. 1958). Окончил Римский ун-т (1933) и работал там с Э. Ферми. В 1936–1940 гг. во Франции, в 1940–1943 гг. – в США, в 1943–1948 гг. – в Канаде, в 1948–1950 гг. – в Великобритании, с 1950 г. – в Объединенном ин-те ядерных исследований (Дубна). 31
Попков Петр Сергеевич (1903–1950) – государственный и партийный деятель. В 1939–1946 гг. – председатель Ленсовета. Во время блокады города во главе Чрезвычайной противоэпидемической комиссии. В 1946–1949 гг. – первый секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП(б). В 1949 г. по «Ленинградскому делу» был снят со всех постов и расстрелян в 1950 г. Реабилитирован посмертно (1954). 291, 305, 346, 350, 378, 383
Попов Александр Степанович (1859–1906) – физик, электротехник. В 1945 г. Президиум АН СССР учредил золотую медаль им. А.С. Попова за выдающиеся достижения в области радиофизики. День 7 мая был объявлен Днем радио. 236, 244
Попов Г.М. (1906–1968) – партийный деятель. 325, 418, 435
Попов Никита Иванович (1720–1782) – астроном, качество работ которого неоднократно оспаривалось коллегами, и который был уволен из Академии в 1768 г. 302, 461
Порай–Кошиц Александр Евгеньевич (1877–1949) – химик-органик. Академик АН СССР (1935, чл.-корр. 1931). 256
Порицкий Якоб Элиас (Poritzki J.E., конец XIX– начало XX вв.) – немецкий историк искусств и литературы. 320
Порта Джакомо делла (Porta G., 1540–1602) – итальянский архитектор. Строил преимущественно в Риме. Ученик Микеланджело. 448
Поскрёбышев Александр Николаевич (1891–1965) – государственный и партийный деятель. Помощник и секретарь И.В. Сталина с 1924 г. 396
Посленов (Послонов) 371

Поспелов Петр Николаевич (1898–1979) – партийный, государственный и общественный деятель. Академик АН СССР (1953, чл.-корр. 1946). Главный редактор газеты «Правда» (1940–1949), член редколлегии журнала «Коммунист», директор Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1949–1952, 1961–1967). С 1967 г. – член Президиума АН СССР. 379
Постников Николай Михайлович – художник. Учился в Строгановском училище. Был заготовителем рисунков для ситцев. Брат А.М. Вавиловой, дядя С.И. Вавилова. 245, 246
Постникова Домна Васильевна (урожд. Васильева) – бабушка С.И. Вавилова по матери. 90, 116, 220, 363
Потемкин Владимир Петрович (1878–1946) – государственный деятель, дипломат. Академик АН СССР (1943). В 1934–1937 гг. полпред СССР во Франции. В 1937–1940 гг. первый зам. наркома иностранных дел. В 1940–1946 гг. нарком просвещения РСФСР. В 1943–1946 гг. также президент АПН. 45, 239, 272
Поярков – бухгалтер. 361
Пракситель – греческий скульптор IV в. до н.э. 170, 336
Прасковья Кирилловна – см. Казакова П.К.
Предводителев Александр Саввич (1891–1973) – физик. Чл.-корр. АН ССС (1939). Окончил Московский ун-т (1915). Работал там же (с 1930 г. – профессор). В 1937–1946 гг. также директор НИИ физики МГУ. В 1920-е годы работал у П.П. Лазарева в Ин-те биологической физики (с 1925 г. – Ин-т физики и биофизики). Работы в области молекулярной физики, физики твердого тела и др., истории и методологии физики. 18
Презент Исаак Израилевич (1902–1969) – биолог и философ, автор работ по марксистскому обоснованию «учения Лысенко», ближайший соратник Т.Д. Лысенко. Доктор биологических наук (1930), академик ВАСХНИЛ (1948). 361, 369, 399
Прилти (Prilty) не установлено, о ком идет речь. 289
Прингсгейм Петер (Pringsheim P., 1881–1964) – немецкий физик-оптик. В 1908–1933 гг. работал в Берлинском ун-те (с 1924 г. – профессор), 1933–1940 гг. – профессор Брюссельского, в 1941–1942 гг. – Калифорнийского (Беркли), в 1942–1944 гг. – Чикагского ун-тов, в 1947–1955 гг. – в Аргоннской национальной лаборатории (США). Один из пионеров в исследовании люминесценции. 39, 56, 57, 282–284, 305, 460, 463, 465–467
Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953) – композитор. Народный артист РСФСР (1947). Сталинская премия СССР (1943, 1946 – трижды, 1947, 1951). 264, 282
Прометей (греч. миф.) – один из титанов, похитивший огонь у богов и передавший его людям. 294
Прохоров Александр Михайлович (1916–2002) – физик, один из создателей квантовой электроники. Академик (1966, чл.-корр. 1960). Окончил ЛГУ (1939). Участник Великой Отечественной войны. В 1946–1982 гг. работал в ФИАНе, с 1982 г. – директор Ин-та общей физики АН СССР. С 1954 по 1955 гг. также профессор МГУ. Нобелевская премия по физике (1964). 269
Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948) – агрохимик, биохимик и физиолог растений. Академик АН СССР (1929), академик ВАСХНИЛ (1935). Учитель Н.И. Вавилова. 263, 288, 318
Прянишников – сын Д.Н. Прянишникова. 288
Псурцев Николай Демьянович (1900–1980) – военный и государственный деятель. Генерал-полковник войск связи (1945). В 1948–1975 гг. министр связи СССР. 428
Пурталес Ги де (Pourtales Guy de, 1881–1941) – французский писатель и музыкальный критик. 321
Путилов Константин Анатольевич (1900–1966) – физик, методист. Профессор. Окончил МГУ (1930). Работал в Горьковском (ныне Нижегородском) ун-те, в МАИ. В 1946–1952 гг. зав. кафедрой физики МВТУ им. Н.Н. Баумана. Специалист в области газовой термодинамики. Автор учебников для вузов. 379
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт, драматург, прозаик. Член Российской академии (1833). 71, 86, 92, 202, 220, 255, 257, 276, 336, 341, 350, 356, 367, 374, 376, 384, 385, 388, 390, 392, 393, 416, 435, 455, 456, 461

Пушкина Наталия Александровна (в замужестве – Гартунг, 1832–1919) – дочь А.С. Пушкина. 341
Пфаференхольц – см. Паффенгольц К.Н.
Пьеро делла Франческа (Piero della Francesca, ок. 1420–1492) – итальянский живописец и математик. 30, 39, 46, 181, 411
Пэтен – см. Петен А.Ф.
Пятницкий Митрофан Ефимович (1864–1927) – русский советский музыкант, исполнитель и собиратель русских народных песен; основатель и первый художественный руководитель русского народного хора своего имени. 247

Радищев Александр Николаевич (1749–1802) – писатель, философ, просветитель. 186, 410
Радовский Моисей Израилевич (1903–1964) – историк-техник, кандидат технических наук (1946). Окончил ЛГУ в 1931 г. Работал в Комиссии по истории знаний (Ин-т истории науки и техники АН СССР, 1931–1936). В 1936–1941 гг. доцент, заместитель начальника научно-исследовательского сектора Электротехнического ин-та инженеров сигнализации и связи (Ленинград). В 1942–1943 гг. – секретарь Комиссии Президиума АН СССР по ознаменованию трехсотлетия со дня рождения И. Ньютона, ученый секретарь Комиссии по истории физико-математических наук АН СССР (1944–1952). С 1952 г. в ЛО ИИЕТ АН СССР. 253
Разетти Франко (Rasetti F.D., 1901–2001) – итальянский физик-экспериментатор. Член Академии деи Линчеи (1937). В 1923–1926 гг. работал во Флорентийском ун-те, в 1927–1939 гг. – Римском. В 1939–1947 гг. – профессор Лавальского ун-та (Квебек, Канада), в 1947–1967 гг. – ун-та Дж. Гопкинса в Балтиморе (США). Работы в области атомной спектроскопии, ядерной физики, физики космических лучей. 31
Райнов Тимофей Иванович (1888–1958) – социолог и философ науки. Учился в Петербургском политехническом ин-те и в Петербургском ун-те, где получил диплом юриста. Участник Первой мировой войны. С 1923 г. – в Москве, работал в библиотеке Коммунистической академии, руководил отделом библиографической консультации (1924–1935). Впоследствии работал в ИИЕТ, в Институте востоковедения АН СССР, преподавал в МГУ. 238
Рамзауэр Карл (Ramsauer C., 1879–1955) – немецкий физик. В 1907–1928 гг. работал в Гейдельбергском ун-те (с 1915 г. – профессор), в 1928–1945 гг. – профессор Высшей технической школы в Данциге (ныне Гданьск, Польша), с 1945 г. – профессор Берлинского ун-та (в 1950–1951 гг. – ректор). Работы в области атомной физики. 58
Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) – ученый в области теплотехники. Один из организаторов Всесоюзного теплотехнического ин-та. В 1921–1930 гг. – его директор, с 1944 г. научный руководитель. В 1930 г. обвинен по сфабрикованному делу Промпартии. В 1936 г. освобожден по амнистии. С 1944 г. зав. кафедрой котлостроения МЭИ. 128
Ранд Э. – см. Рэнд А.
Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872–1916). 110, 298
Рассети – см. Разетти.
Растрелли Франческо Бартоломео (Rastrelli F.B., 1700–1771) – русский архитектор итальянского происхождения; граф, академик архитектуры (1770). 330, 387
Рафаэль Санти (Raffaello Santi, 1483–1520) – итальянский живописец, график и архитектор, представитель флорентийской школы. 35, 39, 44, 50, 218
Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943) – русский композитор, пианист и дирижёр. 173
Ребортович Борис Соломонович (ум. в 1942 г.) – архитектор. Работал в Ленинграде, в том числе в ГОИ. 142
Резерфорд Эрнест (Rutherford E., 1871–1937) – английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома, основатель научной школы. Открыл (1899) альфа- и бета-лучи и установил их природу. Создал (совм. с Ф. Содди) теорию радиоактивности. Предложил (1911) планетарную модель атома. Осуществил (1919) первую искусственную ядерную реакцию. Директор Кавендишской лаборатории (с 1919). Нобелевская премия (1908). 162
Резников П.П. – оформитель, дизайнер. 254, 357

Рейзен Марк Осипович (1895–1992) – оперный певец (бас), народный артист СССР (1937). Солист Большого театра СССР с 1930 г. 329
Рейтерн Евграф Романович (Гергардт–Вильгельм) (1794–1865) – живописец. Тесть В.А. Жуковского. 370
Рейхерт К. (Reichert K., 1883–1953) – австрийский физик. Окончил Венский ун-т (1909). Научный руководитель и председатель Совета по контролю C. Reichert Opt. Werke AG, Вена. 24
Рембрандт Харменс ван Рейн (Rémbrándt H. van Rijn, 1606–1669) – голландский живописец, рисовальщик, офортист. 262, 410, 425, 433
Рентген Вильгельм Конрад (Röntgen W.C., 1845–1923) – немецкий физик. 150
Репин Илья Ефимович (1844–1930) – художник. 121
Ржевкин Сергей Николаевич (1891–1981) – физик-акустик. Доктор физ.-мат. наук (1934). Окончил Московский ун-т (1914). Ученик П.П. Лазарева. В 1919–1923 гг. работал в Военной радиотехнической лаборатории (Москва), Петровской с.-х. академии и МВТУ. С 1924 г. – в МГУ (профессор – с 1935 г., основатель и зав. кафедрой акустики в 1943–1975 гг.). Работал также в ФИАНе (1934–1945 гг.), в 1945–1954 гг. – в Морском гидрофизическом ин-те АН СССР. Член, зам. председателя акустической комиссии АН СССР (1936–1950). Участник Первой мировой войны. 174
Риббентроп Иоахим фон (Ribbentrop J. von, 1893–1946) – один из главных военных преступников фашистской Германии. После прихода фашистов к власти (1933) возглавил специальное бюро, созданное для выполнения особых заданий нацистской верхушки в области внешней политики. В 1936–1938 гг. посол в Лондоне. В феврале 1938–1945 гг. министр иностранных дел Германии. 117, 221
Ритчи – см. Ричи.
Рихтер Андрей Александрович (1871–1947) – физиолог растений, академик АН СССР (1932; чл.-корр. 1929) и ВАСХНИЛ (1935). 306
Ричи Джордж Уиллис (Ritchey G.W., 1864–1945) – американский астроном и конструктор телескопов. Работал в США. В 1924–1930 гг. зав. лабораторией астрофотографии Парижской обсерватории. 47, 51
Роберти Е. де (Roberty E. de) см. Де Роберти Е.
Роден Огюст (1840–1917) – французский скульптор. 170
Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – политический и государственный деятель. Лидер партии октябристов. 429
Рождественские – см. О.А. Добиаш–Рождественская и Д.С. Рождественский.
Рождественский Дмитрий Сергеевич (1876–1940) – физик-оптик. Академик АН СССР (1929, чл.-корр. 1925). После окончания Петербургского ун-та (1900), где работал за исключением 1931–1938 гг. (с 1915 г. – профессор). В 1918–1932 гг. – директор ГОИ, созданного по его инициативе, в 1932–1938 гг. – руководитель Спектроскопического сектора. 96, 97, 100, 104, 105, 107, 118, 190, 255, 261, 264, 304, 309, 314, 315, 352, 356, 409, 410, 457
Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – прозаик, публицист, критик, эссеист, религиозный мыслитель. 186
Розенберг (Rozenberg) – немецкий физик. Работала в Германии в 1930-е годы. 59
Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) – советский военачальник. Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). 249
Рокотов Федор Степанович (1736–1808 или 1809) – живописец, портретист. 422
Романино (Romanino Girolamo da Romano, 1484/1487 – после 1562) – итальянский художник. 32, 50
Романо Джулио (Romano G., наст. имя Джулио Пиппи, Pippi, 1492–1546) – итальянский живописец и архитектор, наиболее значительный из учеников Рафаэля, один из зачинателей и наиболее самобытных представителей искусства маньеризма. 36
Ронки Васко (1897–1988) – итальянский физик-оптик. Окончил Пизанский ун-т (1919) и Флорентийский ун-ты. В 1920–1927 гг. работал в Ин-те физики Флорентийского ун-та; в 1927 г. организовал Национальный ин-т оптики (Флоренция – Арчетри) и был его директором в течение 50 лет. Основатель и с 1939 г. президент Итальянского оптического об-ва.

В 1957–1969 гг. – президент Международного Союза истории и философии науки. 24, 25, 26, 27, 29, 30, 35, 47, 322
Росси Бруно (Rossi B., 1905–1993) – итальянский физик, астрофизик. Член Национальной АН США (1950) и Национальной академии деи Линчеи (1959). В 1928–1932 гг. работал в ун-те во Флоренции, в 1932–1938 гг. – профессор Падуанского ун-та. С 1939 г. работал в США, в том числе в Лос-Аламосской лаборатории (1943–1946), в 1946–1970 гг. – профессор Массачусетского технологического ин-та. 34, 36, 51
Росси Карл Иванович (Rossi C., 1775–1849) – русский архитектор итальянского происхождения. 71, 308, 387
Российский Николай Алексеевич (1915–1960) – рабочий-новатор, инженер. В 1933–1952 гг. работал на заводе "Калибр" (Москва). В 1952–1955 гг. – слушатель Высшей партшколы при ЦК КПСС, с 1955 г. – директор завода деревообрабатывающих станков (Москва). Депутат ВС СССР (1950–1953). Сталинская премия (1948). 441
Россини Джоакино (Rossini G., 1792–1868) – итальянский композитор. 86
Ростан Эдмон (Rostand E., 1868–1918) – французский поэт и драматург. 45
Ростворовский Кароль Губерт (Rostworowski K.H, 1877 –1938) – польский драматург. 22
Рубенс Петер Пауль (Rubens P.P., 1577–1640) – фламандский живописец. 425
Рудольф Аксель (Rudolph A., 1893–1944) – немецкий автор детективных романов. Печатался также под псевдонимом H. Weiler. Казнен нацистами. 468
Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) – американский государственный деятель, в 1933–1945 гг. – президент США. 240
Рыжов – актер из династии Рыжовых в Малом театре. 346
Рыпка – пражский профессор. 332
Рэнд Айн (Rand Ayn, она же – Алиса Зиновьевна Розенбаум, 1905–1982) – американский писатель русского происхождения, публицист, философ. 400
Рюрик – варяжский князь, пришедший в 862 г. в Новгород вместе с братьями и дружиной. 174
Рябиков Василий Михайлович (1907–1974) – военный деятель. Генерал-лейтенант артиллерийской службы. С 7 мая 1944 г. зам. наркома вооружений СССР. 211, 238

Сабуров Максим Захарович (1900–1977) – партийный и государственный деятель. В 1947–1953 гг. – заместитель председателя СМ СССР, в 1949–1953 гг. – также председатель Госплана СССР. 419, 424, 430, 454
Савва Звенигородский (ум. 1406/1407) – основатель Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде. 285, 452
Савич Всеволод Павлович (1885–1972) – ботаник-лихенолог. Д-р биологических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РСФСР. 299
Савонарола Джироламо (Savonarola G., 1452–1498) – итальянский религиозно-политический деятель, проповедник, монах-доминиканец. В 1494–1498 гг. диктатор Флоренции. По приговору суда предан сожжению. 25
Савостьянов – владелец кондитерской в Москве в начале XX в. 416
Савостьянова Мария Владимировна (1894–1980) – физик-оптик, специалист в области коллоидной оптики и молекулярной спектроскопии. Доктор физ.-мат. наук (1940), профессор (1941). Старший научный сотрудник Лаборатории научной фотографии ГОИ. В августе 1941 г. – августе 1942 г. работала в филиале ГОИ в блокадном Ленинграде, затем в Йошкар-Оле, где по поручению С.И. Вавилова приняла участие в редактировании сборников «Оптика в военном деле» (изд. 3, 1945) и «Справочник по военной оптике» (1945). После войны до 1971 г. работала в спектроскопическом отделе ГОИ, с 1971 г. – консультант. 220
Салиас-де Турнемир Евгений Андреевич (1840 или 1842–1908) – писатель. Племянник А.В. Сухово-Кобылина. 160, 161
Салтыков (Салтыков-Щедрин) Михаил Евградович (псевдоним М. Щедрин) (1826–1889) – писатель-сатирик. 228

Сальмойраги Анжело (Salmoiraghi A., 1848–1940) – итальянский инженер. Организовал в Милане большое производство для изготовления оптических приборов и прецизионной техники. В 1912 г. был назначен сенатором. 40, 41
Саня – см. Ипатьева А.И.
Сахарова Вера Николаевна (1888–19?) – педагог. Из богатой купеческой семьи. Окончила гимназию Ю.П. Бесс (Москва). В 1906–1908 гг. член Московского комитета РСДРП(б). В связи с этим дважды арестовывалась (1908, 1910). Во время Первой мировой войны работала сестрой милосердия. Сестра Е.Н. Вавиловой–Сахаровой. 199
Сахарова Надежда Николаевна (1898–19?) – младшая сестра Е.Н. Вавиловой–Сахаровой. Была замужем за Н. Костюченко. 199
Сах[аровы ?] Лиля и Таня – не удалось установить, о ком идет речь. 526
Саша-завитушка – не удалось установить, о ком идет речь. 88
Сведенборг Эммануил (Swedenborg E., урожденный Emanuel Swedberg, 1688–1772) – шведский ученый-естествоиспытатель, теософ, изобретатель. Труды по горному делу, обработке металлов, математике, астрономии и др., ряд технических проектов. 347
Свентославский Войцех Алоизий (Świętosławski W., 1881–1968) – польский физико-химик. Окончил Киев. политехнический ин-т (1906), в 1911–1918 гг. – приват-доц. Моск. ун-та. Профессор Варшавского политехнического ин-та (1918–1939, 1946–1951) и Варшавского ун-та (1918–1929, 1947–1960), министр высшего образования (1935–1939). В 1940–1946 гг. работал в США. В 1955–1961 гг. директор Ин-та физической химии Польской АН. 21, 51
Свердлов З.М. (1908–?) – физик. Работал в Лаборатории люминесценции ГОИ. Автор приборов для исследования люминесценции. 399, 410, 412, 416
Свешников Борис Яковлевич (1901–1962) – физик-оптик. Доктор физ.-мат. наук (1951). Учился в МГУ, где начал научную деятельность под руководством С.И. Вавилова. По его предложению переехал в Ленинград, в ГОИ, где проработал до конца жизни. В 1934 г., еще будучи аспирантом, разработал теорию диффузионного тушения флуоресценции в растворах и показал ее полное согласие с опытом. Ряд следствий этой теории нашел экспериментальное подтверждение в 1950-е годы в результате развития флуорометрической техники. Им получены существенные данные о кинетике хемилюминесценции в растворах. В годы войны занимался оборонной тематикой. После 1945 г. им изучены основные характеристики и рассмотрена кинетика процессов фосфоресценции органических соединений. 29, 182, 232, 264, 291
Себенцов Борис Михайлович (1891–не ранее 1951) – одноклассник С.И. Вавилова по коммерческому училищу. 344, 393, 434
Севченко Антон Никифорович (1903–1978) – советский физик, ученик С.И. Вавилова. Академик АН БССР (1953). Заслуженный деятель науки БССР (1967). Один из основателей белорусской школы физики. Окончил Белорусский ун-т (1931). В 1934–1952 гг. работал в ГОИ, в 1953–1955 гг. – в Физико-техническом ин-те АН БССР, в 1955–1958 гг. – директор Ин-та физики и математики АН БССР, в 1957–1972 гг. – ректор Белорусского ун-та, в 1972–1978 гг. – директор Ин-та прикладных физических проблем АН БССР. Труды по спектроскопии, люминесценции. Герой Социалистического Труда (1971). 179, 182, 214, 217, 232, 264, 265, 324, 326, 335, 349, 425, 439, 441
Сегантини Джованни (Segantini G; 1858–1899) – итальянский художник-пейзажист. 52, 86
Сегре Эмилио (Segrè E.G.; 1905–1989) – итальянский физик-экспериментатор. Окончил Римский ун-т (1928), работал там же (1928–1935) в группе Э. Ферми. В 1936–1938 гг. – профессор и директор физической лаборатории ун-та Палермо. В 1938–1972 гг. работал в Калифорнийском ун-те, в 1974–1975 гг. – профессор Римского ун-та. Участник Манхэттенского проекта. Лауреат Нобелевской премии по физике (в 1959 г., совм. с О. Чемберленом «за открытие антипротона»). 31
Семёнов Николай Николаевич (1896–1986) – ученый, один из основоположников химической физики, основатель научной школы. Академик АН СССР (1932, чл.-корр. 1929). Дважды Герой Социалистического Труда (1966, 1976). Нобелевская премия по химии (1956, совм. с С. Хиншелвудом). 128, 165, 266, 328

Сенаторе – см. Сальмоираги А.
Сенека Луций Анней (Seneca L.A., ок. 4 до н.э.–65 н.э.) – римский политический деятель, философ и писатель. 204
Сенкевич Генрик (Sienkiewicz G., 1846–1916) – польский писатель. Нобелевская премия по литературе (1905). 92
Сен-Санс Шарль-Камиль (Saint-Saëns Ch.-C., 1835–1921) – французский композитор, органист, дирижёр, музыкальный критик и писатель. 364, 405
Сентин Ксавье Бонифаций (Saintine X.B., 1798–1865) – французский драматург и прозаик. Автор комедий и водевилей (под псевдонимом Ксавье). 67
Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, пятый сын императора Александра II. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Один из учредителей и председатель Православного палестинского об-ва. С 1891 г. – московский генерал-губернатор, одновременно с 1896 г. – командующий войсками Московского военного округа. Почетный член Московского ун-та (1877). Убит эсером И.П. Каляевым при взрыве бомбы в Кремле. 78
Сергий (Преподобный) – святой. 447
Сердюченко 442
Серебров
Сережа – см. Вавилов С.В.
Сережа – см. Гребенщиков С.И.
Сернер Мартин Гунар (Serner M.G., 1886–1947) – шведский писатель. Автор детективных романов. Публиковался под псевдонимом Ф. Геллер (F. Heller). В 1920-е годы переводы его книг издавали в СССР. 92
Серов Валентин Александрович (1865–1911) – художник. 458
Сибгатуллин Назиб Хайрулович – знакомый С.И. Вавилова по Казани. 164, 229, 240
Сибгатуллина Марго Камаловна – знакомая С.И. Вавилова по Казани. 164, 185, 240
Сибелиус Ян (Sibelius J., 1865–1957) – финский композитор 465
Сибрук Вильям Б. (Seabrook W.B., 1884–1945) – американский журналист, писатель. 213
Сигети Йожеф (Жозеф) (Szigeti J., 1892–1973) – венгерский скрипач. 410
Сикст V (Sixtus V, 1521–1590) – папа римский с 1585 г. 358
Симонов Григорий Александрович (1893–1974) – архитектор. Принимал активное участие в застройке Ленинграда в 1920–1930-х гг. С 1943 г. зам. председателя Госкомитета по делам архитектуры при СНК СССР, с 1945 г. – председатель этого комитета. С 1955 г. преподаватель Московского архитектурно-строительного ин-та. 398
Синьорелли Лука (Signorelli L., ок. 1445/1450–1523) – итальянский художник Умбрийской школы. 61
Сифоров Владимир Иванович (1904–1993) – специалист в области радиотехники. Чл.-корр. АН СССР (1953). В 1941–1952 гг. работал в Ленинградской военно-воздушной инженерной академии, в 1954–1966 гг. – в Ин-те радиотехники и электроники АН СССР. С 1966 г. директор Ин-та проблем передачи информации АН СССР. 174
Сканави Георгий Иванович (1910–1959) – физик. Доктор физ.-мат. наук. Профессор. Окончил Ленинградский политехнический ин-т (1931). Работал на заводе «Электросила», с 1935 г. в НИИ радиопромышленности. С 1940 г. в ФИАНе (зав. лабораторией физики диэлектриков). Профессор МГУ с 1949 г. Крупный специалист в области материаловедения и электротехники. Сталинская премия 1952 г. за создание новых керамических материалов. 455
Склодовская-Кюри Мария (Skłodowska-Curie M.; 1867–1934) – французский физик и химик польского происхождения. Дважды лауреат Нобелевской премии: по физике (1903) и химии (1911). Основала институты Кюри в Париже и в Варшаве. 22, 69
Скобельцын Дмитрий Владимирович (1892–1990) – советский физик-экспериментатор, специалист в области космических лучей и физики высоких энергий. Работал в Физико-техническом институте (1925–1939) и Парижской лаборатории Марии Склодовской-Кюри (1929–1931). Директор ФИАН им. П.Н. Лебедева (1951–1972). Чл.-корр. АН СССР (1939). Академик (1946). Эксперт по атомной энергии от Советского Союза при ООН

(1946–1948). Герой Социалистического Труда (1969). Сталинская премия (1951). 51, 289, 290, 344, 358, 400, 404, 425, 449
Скобельцына Вера Андреевна (1902–1996) – жена Д.В. Скобельцына. 449
Скрябин Александр Николаевич (1871–1915) – композитор. 329
Слюсарев Георгий Георгиевич (1896–1987) – физик-оптик. Доктор физ.-мат. наук, профессор. Окончил Петроградский ун-т (1921). Работал в ГОИ с 1918 по 1987 гг. 28, 167, 216, 429, 432
Слюсарева–Ильина Акилина Ивановна (1895–1974) – вычислитель, канд. технических наук (1948). Работала в ГОИ в 1928–1974 гг. сначала старшим вычислителем, с августа 1937 г. – старшим конструктором, с ноября 1946 г. – младшим, с мая 1957 г. – старшим научным сотрудником. Жена Г.Г. Слюсарева. 167
Смирнов Сергей Сергеевич (1895–1947) – геолог-минералог, академик АН СССР (1943; чл.-корр. 1939). 323
Смит Уолтер Б. (Smith W.B.. 1895–1961) – посол США в СССР с 22 марта 1946 г. по 25 декабря 1948 г. 232, 323
Собесский Ян (Sobesski J., 1624–1696) – польский полководец. В 1674 г. избран королем Речи Посполитой. 20
Соболев Сергей Львович (1908–1989) – математик, механик. Академик (1939, чл.-корр. 1933). 356
Содома (Sodoma) – итальянский художник. Ученик Л. да Винчи. 36, 39
Соколов Арсений Александрович (1910–1986) – физик. Доктор физ.-мат. наук (1942). Профессор (1945). Окончил Томский ун-т (1931). Работал в МГУ (декан физического ф-та в 1948–1954 гг., зав. кафедрой теоретической физики в 1966–1982 гг.). Лауреат Сталинской премии (1950), Государственной премии СССР (1976). Работы по классической и квантовой теории поля, математической физике, физике элементарных частиц. 392
Соколов М.И. – административный работник. Управделами Президиума АН СССР с 1948 г. 354, 361, 380, 410, 450
Соколов Сергей Федорович (1893–1960) – художник-портретист. 282, 284
Соколовский Василий Данилович (1897–1968) – военачальник, теоретик военного дела. Маршал Советского Союза (1946). Во время Великой Отечественной войны – начальник штаба различных фронтов, которыми командовал Г.К. Жуков. 426
Сократ (469–399 до н.э.) – древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики; учитель Платона. 339
Солей Жан-Батист Франсуа (Soleil J.-B.Fr., 1798–1878) – французский оптик. Работал в содружестве с О. Френелем, Араго, Фуко, Бабине, осуществляя практически их замыслы. Сконструировал фотоэлектрический микроскоп, гониометр, сахариметр. 51
Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – религиозный философ, поэт, публицист, литературный критик. 177
Сольский Людвиг (Solski L., 1855–1954) – польский актер и режиссер. 22
Соня – см. Вавилова С.А.
Спасский Борис Иванович (1910–1990) – историк-физик. Доктор физ.-мат. наук (1962). Участник Великой Отечественной войны. Окончил МГУ в 1938 г., работал там же (с 1965 г. – профессор). Зав. Кабинетом истории физики физического факультета МГУ. Автор многих работ по истории и методологии физики, «Истории физики» (в 2-х томах). 439
Сперанский Георгий Несторович (1873–1969) – медик-педиатр. Чл.-корр. АН СССР (1943). 149
Спиноза Бенедикт (урожд. Барух Спиноза; впоследствии лат. Benedictus de Spinoza, 1632–1677) – нидерландский философ-материалист, пантеист. Один из главных представителей философии Нового времени, оказал большое влияние на развитие атеизма и материализма. 318
Спондоне (Spondone) – итальянский инженер. В 1930-е годы работал на «Officine Galileo» (Флоренция). 28
Сталин Иосиф Виссарионович (наст. фамилия – Джугашвили, 1879–1953) – государственный, политический, партийный и военный деятель, секретарь ЦК ВКП(б) (1922–1952), пред-

седатель Совета Народных Комиссаров и Совета Министров СССР (1941–1953), Верховный главнокомандующий Вооруженными силами СССР (1941–1947), Председатель ГКО СССР (1941–1945), Народный комиссар обороны (вооружённых Сил) СССР (1941–1947). Почётный член Академии наук СССР (1939). Организатор массовых репрессий. 247, 248, 270, 301, 304, 305, 343, 379, 383, 385, 396–399, 417, 423, 427, 428, 441

Станкевич Николай Владимирович (1813–1840) – общественный деятель, философ, поэт. 238

Старик Иосиф Евсеевич (1902–1964) – радиохимик. Чл.-корр. АН СССР (1946). Участник советского атомного проекта. Сталинская премия. 304

Степанов Борис Иванович (1913–1987) – физик, ученик С.И. Вавилова. Акад. АН БССР (1953). Окончил Ленинградский ун-т (1936). В 1936–1953 гг. работал в ГОИ (с 1951 г. – руководитель лаборатории), с 1953 г. – в Ин-те физики АН БССР (с 1957 г. – директор) и Белорусском ун-те (Минск). Исследования посвящены спектроскопии, люминесценции, квантовой электронике. 425

Степанов Павел Иванович (1880–1947) – геолог. Академик АН СССР (1939). 324

Стивенсон Роберт Льюис (Stevenson R.L.; 1850–1894) – английский писатель и поэт шотландского происхождения. 167

Столбов 248

Стокс Джордж Габриель (Stokes G., 1819–1903) – английский физик и математик, член с 1851 г. и президент (1885–1890) Лондонского королевского общества. Фундаментальные исследования по гидродинамике. Труды по оптике, спектроскопии и люминесценции, гравиметрии, векторному анализу. 226, 227, 539

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) – философ, публицист, литературный критик. 342, 343

Стрёмберг Густав (Strömberg G., 1882–1962) – шведский астрофизик. 142

Строганова Анна Илларионовна (урожд. Бочарова, 1890–1950) – секретарь-референт С.И. Вавилова в ФИАНе (1934–1950). 153, 434, 435

Строганова Наташа – см. Тимофеева Н.Л.

Струве Василий Васильевич (1889–1965) – востоковед-египтолог, историк. Академик АН СССР (1935). 432, 434

Субботин Михаил Федорович (1893–1966) – астроном. Чл.-корр. АН СССР (1946). Выпускник Варшавского ун-та (1914). В 1930–1960 гг. работал в ЛГУ. С 1942 г. также в Ин-те теоретической астрономии АН СССР (в 1942–1964 гг. директор). Основные работы относятся к небесной механике и теоретической астрономии. Автор ряда исследований по истории астрономии. 121

Суворов Сергей Георгиевич (1902–1994) – философ. В 1940–1947 гг. – заведующий отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В 1954–1987 заместитель главного редактора журнала УФН. 182, 228, 252, 333, 363

Суйковская Нина Владимировна (1908–1997) – доктор технических наук (1961). Работала в ГОИ (1931–1982). Сотрудница И.В. Гребенщикова. 232

Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) – партийный и государственный деятель. С 1947 г. секретарь ЦК ВКП(б). зав. отделом агитации и пропаганды. В 1952–1953 и с 1955 г. член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС. 390

Сухаревский Юрий Михайлович (1906–2004) – физик-акустик. Закончил Московский энергетический ин-т (1930). В 1931–1938 гг. провел цикл работ по акустике радиостудий, разработал методики исследования микрофонов, громкоговорителей и усилительных устройств. С 1938 г. – старший научный сотрудник Акустической лаборатории ФИАНа, с 1943 г. – заместитель заведующего лабораторией. В ФИАНе в 33 года защитил кандидатскую диссертацию, через год докторскую. В годы войны под его руководством и при непосредственном участии развернулись широкомасштабные гидроакустические исследования. В 1953 г. во вновь созданном Акустическом ин-те АН СССР возглавил комплексную лабораторию. Затем создает Сухумскую научную станцию Акустического ин-та. 161

Сучков – инженер. Торговый представитель СССР в Милане в 1930-е годы. 41, 44

Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971) – советский физик-теоретик, основатель научной школы, академик АН СССР (1953, чл.-корр. 1933). Труды по ядерной физике, теории излучения, физике твердого тела, физике элементарных частиц. Один из авторов вместе с И.М. Франком теории излучения Вавилова-Черенкова. Труды по проблеме управляемого термоядерного синтеза. С 1934 г. работает в Физическом институте им. Лебедева АН СССР. Герой Социалистического Труда (1953). Сталинская премия (1946, 1953). Нобелевская премия (1958, совм. с И.М. Франком и П.А. Черенковым). 351

Тантал (греч. миф.) – царь Лидии. Был обречен богами на вечный голод и жажду в подземном царстве. 301

Таня – см. Ипатьева Т.Н.

Тарасова Алла Константиновна (1898–1973) – актриса, педагог. Народная артистка СССР (1937). Играла на сцене МХТ с 1916 г. Лауреат Сталинской премии (1945–1947, 1949). 441

Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк, академик АН СССР (1927). Сталинская премия (1942, 1943, 1946). 128, 139, 162, 200, 243, 250, 257, 270, 273, 363

Тарханов (настоящая фамилия – Москвин) Михаил Михайлович (1877–1948) – актёр, педагог и режиссёр, доктор искусствоведения (1939), народный артист СССР (1937). Брат И.М. Москвина. Работал во МХАТ (с 1922 г.). В 1942–1948 гг. художественный руководитель ГИТИСа. Сталинская премия (1943). 346

Татаринов Б.Н. 185

Текучев – сотрудник ГОИ в 1940-е годы. 300

Теребин – работал на Прохоровской мануфактуре. 439

Теребихина Л.В. – знакомая семьи Вавиловых по Пресне. 270

Теренин Александр Николаевич (1896–1967) – физико-химик, основал научную школу. Академик АН СССР (1939, чл.-корр. 1932). Окончил Петроградский ун-т в 1922 г., где начал работать (с 1932 г. – профессор). Одновременно работал в ГОИ (в 1945–1956 гг. – научный руководитель). Сталинская премия (1946). Золотая медаль им. С.И. Вавилова (1953). Исследования в области атомной и молекулярной спектроскопии, фотохимии и фотосинтеза. 148, 304, 321, 384, 425, 439, 451, 459

Тимирязев Аркадий Климентьевич (1880–1955) – физик, профессор. Окончил Московский ун-т (1904). В 1904–1911 гг. и 1917–1955 гг. работал там же. Сын К.А. Тимирязева. 120, 150, 307

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) – естествоиспытатель, один из основоположников русской школы физиологии растений. Чл.-корр. Петербургской АН (1890), член Лондонского королевского об-ва (1911) и других научных учреждений. 311, 326

Тимофеева Наталия Леонидовна (урожд. Строганова, 1925–2011) – дочь А.И. Строгановой. После окончания средней школы работала в Президиуме АН СССР (1941–1943), затем в лаборатории диэлектриков ФИАНа (1943–1945). В 1945–1951 гг. секретарь президента АН СССР С.И. Вавилова, затем референт, помощник президента АН СССР (1951–1986). 257, 272, 314, 435

Тимофеева Т.В. (1916–?) – физик-экспериментатор. Сотрудник Лаборатории люминесценции ГОИ. 531

Тиханова Мария Александровна (1898–1981) – историк, археолог. Работала в Ин-те истории материальной культуры (с 1957 г. – Ин-т археологии). 162

Тихомиров – сведений о нем найти не удалось. 39

Тихонов Николай Семенович (1896 – 1979) – советский писатель, с 1949 г. председатель Советского комитета зашиты мира 407

Тициан Вечеллио (итал. Tiziano Vecellio, ок.1476/77–1576) – один из величайших итальянских живописцев эпохи Возрождения. 39

Тищенко Вячеслав Евгеньевич (1861–1941) – химик-органик, технолог, историк химии. Академик АН СССР (1935, чл.-корр. 1928). Окончил Петербургский ун-т. Работал там же (с 1906 г. – профессор). С 1934 г. – директор Научно-исследовательского химического ин-та при ЛГУ. 115

Толмачева–Карпинская Евгения Александровна (1874–1963) – переводчик. Дочь А.П. Карпинского. Училась в Мюнхене. Работала в институтах АН СССР. Автор нескольких работ об отце. 394, 436
Толстов Сергей Павлович (1907–1974) – историк, археолог, этнограф, востоковед. Чл.-корр. АН СССР (1953). Окончил МГУ (1930). Начальник Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937–1974 гг.). В 1939–1951 гг. профессор МГУ (в 1943–1944 гг. декан исторического факультета), в 1942–1966 гг. директор Ин-та этнографии АН СССР. Основные труды по древней истории Средней Азии, проблемам этногенеза. 471
Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – писатель, общественный деятель, академик АН СССР (1939). Сталинская премия (1941, 1943, 1946, посм.). 45, 167, 237
Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – писатель. Почетный академик Петербургской академии наук (1900). 144, 185, 225, 226, 234, 376, 396, 456
Толстой Никита Алексеевич (1917–1994) – физик, общественный деятель. Сын А.Н. Толстого. Окончил физфак ЛГУ (1939) и аспирантуру там же (1941). Участник Великой Отечественной войны (1942–1945). Учился в докторантуре ФИАНа у С.И. Вавилова и был прикомандирован к ГОИ (1945–1948). Работал там с 1948 г. С 1962 г. – в ЛГУ. 167, 195
Толстой Сергей Львович (1863–1947) – композитор. Сын Л.Н. Толстого. 396, 397
Тон Константин Андреевич (1794–1881) – архитектор. По его проектам построены Большой Кремлевский дворец, Храм Христа Спасителя и др. 247, 248
Топчиев Александр Васильевич (1907–1962) – специалист в области органической химии, организатор науки, академик АН СССР (1949), главный ученый секретарь Президиума АН СССР (1949–1959), вице-президент АН СССР (1958–1962). Зам. министра высшего образования СССР (1947–1949). С 1958 г. – директор Ин-та нефтехимического синтеза АН СССР (ныне Ин-т нефтехимического синтеза им. А.В. Топчиева РАН). Сталинская премия СССР (1950). Основные труды в области нефтехимии, галогенирования, алканилования, химии углеродов. 383, 386, 392, 396, 424, 427, 428, 461, 466
Торел, чешский посол 332
Торричелли Эванджелиста (Torriccelli E., 1608–1647) – итальянский математик и физик. Ученик Г. Галилея. 26
Трофимов А.К. – научный сотрудник лаборатории люминесцентного анализа ГОИ. 324, 384
Трумэн Гарри (Truman, 1884–1972) – государственный деятель США, президент США в 1945–1953. Отдал приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Один из инициаторов создания НАТО. 304, 345
Тудоровская (урожд. Дивильковская) Ольга Авдеевна (18?–1940) – физик-оптик. Работала в ГОИ. Жена А.И. Тудоровского. 47, 95
Тудоровский Александр Илларионович (1875–1963) – физик, основатель советской школы вычислительной оптики и оптотехники. Чл.-корр. АН СССР (1933). Сотрудник ГОИ (с 1918 г.). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1956). Сталинская премия (1942, 1946). Труды по геометрической оптике, расчету и разработке оптических систем. 226
Тумерман Лев Абрамович (1898–1986) – физик-оптик. До 1947 г. и в 1954–1959 гг. работал в ФИАНе. В 1947–1954 гг. находился в тюрьме по «делу» Е.А. Аллилуевой. С 1959 г. – в Ин-те радиационной и физико-химической биологии (с 1965 г. – Ин-т молекулярной биологии). В начале 1970-х годов эмигрировал в Израиль. 134, 335, 337
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель. 283
Тутанхамон (Тутанхатон) – фараон Древнего Египта из XVIII династии, правивший приблизительно в 1333–1323 гг. до н.э. 314, 342
Тьеполо Джованни-Батиста (Tiepolo, 1696–1770) – итальянский живописец, гравер, представитель венецианской школы. 39, 53
Тюрин Иван Владимирович (1892–1962) – почвовед. Академик АН СССР (1953, чл.-корр. 1946). В 1919 г. окончил Петровскую с.-х. академию. В 1919–1930 гг. работал в Казанском ун-те, 1930–1941 гг. и 1944–1952 гг. в ЛГУ, с 1930 г. в Почвенном ин-те АН СССР (1949–1962 гг. – директор). Основные труды по проблеме повышения плодородия почвы и исследованию почвенного гумуса. 410, 432

Тюркин Петр Андреевич (1897–1950) – государственный и партийный деятель. В 1926–1929 гг. работал в Наркомпросе. С 1933 г. – директор Горьковского механико-машиностроительного (Индустриального) ин-та, в 1935–1936 гг. – директор Ленинградского индустриального ин-та, в 1937–1940 гг. – народный комиссар просвещения РСФСР, в 1940–1941 гг. – директор Ленинградского политехнического ин-та им. М.И. Калинина. В годы войны – генерал-майор, начальник политуправления Ленинградского фронта. В послевоенные годы – зам. председателя Ленгорисполкома, директор Института истории партии. В 1949 г. арестован («Ленинградское дело»). Реабилитирован в 1954 г. 109

Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – русский поэт и дипломат. 86

Уваров Сергей Семёнович (1786–1855) – граф, русский государственный деятель. Президент (1818–1855) Петербургской АН. В 1833–1849 гг. министр народного просвещения. 93

Угоровец – не ясно, о ком идет речь. 424

Уланова Галина Сергеевна (1910–1998) – балерина, народная артистка СССР (1951), дважды Герой Социалистического Труда (1974, 1980). Сталинская премия (1941, 1946, 1947, 1950). 247, 249, 250, 294

Уоллес Эдгар (Wallace E., 1875–1932) – английский писатель, драматург, журналист. 132

Урбан VIII (1568–1644) – папа римский с 1623 г. 363

Урбэн Жорж (Urbain G., 1872–1938) – французский химик. Профессор общей химии и директор Ин-та химии Парижского ун-та. Член французской АН (1921). Работы по химии редкоземельных элементов. 52

Усагин Иван Филиппович (1855–1919) – физик-самоучка. С 1875 г. – механик при мастерских, с 1882 г. – препаратор при физическом кабинете, в 1915–1917 гг. – старший ассистент кафедры физики Московского ун-та. Демонстратор опытов на лекциях и помощник в экспериментах А.Г. Столетова, П.Н. Лебедева. Создал трансформатор переменного тока, многие демонстрационные приборы, внес усовершенствования в машину Линде, цветную фотографию Липпмана и др. 452

Успенский Алексей Евгеньевич (1886–1957) – химик. Профессор. Работал в Москве. Брат Н.Е. Успенского и сын настоятеля храма Николы Ваганькова Е.П. Успенского, почитавшегося за строгость, благонравность и ум прихожанами, в том числе и Вавиловыми. 218

Успенский Николай Евгеньевич (1885–1949) – физик, ученик П.Н. Лебедева и Г.В. Вульфа. Окончил Московский ун-т (1910). Затем преподавал в Московском коммерческом ин-те (Ин-т народного хозяйства им. Г.В. Плеханова). Организовал там первую в Москве рентгеновскую лабораторию. Работы по рентгеноструктурному анализу. 239

Уэллс Герберт Джордж (Wells H.G., 1866–1946) – английский писатель и публицист. Классик научно-фантастической литературы. В 1920 г. и 1934 г посещал Россию, беседовал с В.И. Лениным. 65

Фабри Онорато (Fabri Onorato или Honoratus, 1606(7)–1688) – член Ордена иезуитов. Читал философию в Иезуитском коллегиуме в Лионе. Возглавлял Пенитенциарии Высшего трибунала Святой палаты (инквизиции) в Риме. Занимался вопросами оптики, геометрии, движения Земли. 50, 51

Фабри Шарль (Fabry Ch., 1867–1945) – французский физик, член Парижской АН (1927). В 1921–1937 – профессор Парижского университета и политехнической школы. Первый директор института оптики в Париже. Основные труды по приложениям спектроскопии к метрологии, астрофизики и др. Член Лондонского королевского общества (1931). 25, 39, 44–46, 48, 54

Фадеев – московский антиквар. 144

Фадеев (Булыга) Александр Александрович (1901–1956) – писатель. 407

Фарадей Майкл (Faraday M., 1791–1867) – английский физик, химик и физико-химик, основоположник учения об электромагнитном поле, член Лондонского королевского общества (1824). 162

Фариначчи Роберто (Farinacci R., 1892–1945) – один из лидеров фашистской партии в Италии. 243

Фауст Иоганн (Faust J., ок. 1480–1540) – доктор, чернокнижник, живший в первой половине XVI в. в Германии, легендарная биография которого на протяжении ряда столетий является темой многочисленных произведений европейской литературы. 75, 79, 145, 234, 235, 281, 294, 303, 304, 315, 316, 328, 403, 411, 433
Федорова Вера Ивановна (ум. в 1944) – знакомая С.И. Вавилова. 226
Федосеев Михаил Ефимович – административный работник. Член РКП(б) с 1918 г., политработник в РККА, затем на партийной работе. В конце 1930-х гг. направлен в АН СССР. В 1941–1947 гг. – уполномоченный Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям АН. 252, 253, 312, 314, 324, 326, 381
Федосеев Петр Николаевич (1908–1990) – философ, чл.-корр. (1946), академик (1960). В 1941–1955 гг. работал в аппарате ЦК ВКП(б). 206
Феофилов Петр Петрович (1915–1980) – физик. Чл.-корр. АН СССР (1964). Ученик С.И. Вавилова. Окончил Ленинградский политехнический ин-т (1939). С 1939 г. работал в ГОИ. Главный редактор журнала «Оптика и спектроскопия» с 1977 г. Исследования по физической оптике, спектроскопии конденсированного состояния, квантовой электронике. Сталинская премия (1949), Государственная премия СССР (1975). Золотая медаль им. С.И. Вавилова (1970). 441
Ферингер – сведений о нем обнаружить не удалось. 56
Ферми Энрико (Fermi E., 1901–1954) – итальянский физик. Член Академии деи Линчеи (1935), иностранный член АН СССР (1929) и многих др. академий и научных обществ. Окончил Пизанский ун-т (1922). С 1926 г. профессор Римского ун-та. В 1938 г. эмигрировал в США. Один из основоположников квантовой электродинамики и нейтронной физики. Нобелевская премия (1938). 22, 26, 31
Фернандец (Fernandez) – итальянский профессор. Работал на заводе «Officina Galileo». 29
Фесенков Василий Григорьевич (1889–1972) – советский астроном, один из основоположников астрофизики, академик АН СССР (1935, чл.-корр. 1927), академик АН КазССР (1946). Один из создателей и директор Российского астрофизического института (1923–1930), вошедшего в Астрономический институт им. П.К. Штернберга, его директор в 1936–1939 гг. В 1942 г. организовал Ин-т астрономии и физики при Казахском филиале АН СССР (с 1946 г. – АН КазССР), руководил им до 1964 г. 55
Физо Арман Ипполит Луи (Fizeau A.-H.-L., 1819–1896) – французский физик. Первым измерил (1849) скорость света земного источника. Определил (1851) скорость света в движущейся жидкости. 47
Филин Федот Петрович (1908–1982) – языковед. Чл.-корр. (1962). Директор Ин-та языкознания АН СССР (1964–1968), Ин-та русского языка АН СССР с 1968 г. Ленинская премия (1970). 442
Филиппино Липпи – Филиппо Липпи, прозванный Филиппино Липпи (Filippino Lippi, 1460–1505) – итальянский живописец эпохи Возрождения, сын Филиппо Липпи. Работал во Флоренции и некоторое время в Прато и Риме. 377
Фингалов С.И. – однокашник Н.И. Вавилова. 198
Фихте Иоганн Готлиб (Fichte J.G, 1762–1814) – немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма. 206
Фламмарион Камиль (Flammarion C., 1842–1925) – французский астроном, известный популяризатор астрономии. 54, 104
Флёров Георгий Николаевич (1913–1990) – советский физик-ядерщик. Академик АН СССР (1968, чл.-корр. 1953). Открыл новый тип радиоактивных превращений – спонтанное деление ядер урана – в 1940 г., работая в ЛФТИ, совместно с К.А. Петржаком. Сталинская премия (1946, 1949, 1975). 338
Флиер Яков Владимирович (1912–1977) – пианист, народный артист СССР (1966). 329
Фок Владимир Александрович (1898–1974) – советский физик-теоретик. Академик АН СССР (1939, чл.-корр. 1932). Фундаментальные труды по квантовой механике и электродинамике, общей теории относительности. Исследования по распространению радиоволн, математике, философским вопросам физики. Сталинская премия (1946). Герой Социалистического Труда (1968). 87, 198

Фрадкин – сотрудник тогрпредства СССР в Париже. 44
Франк Филипп (Frank F., 1884–1966) – философ и физик, член «Венского кружка». 320, 332
Франклин Бенджамин (Franklin B.; 1706–1790) – учёный, журналист, издатель, дипломат. Один из лидеров войны за независимость США. Первый американец, ставший иностранным членом Российской академии наук. 341, 345, 421
Франс Анатоль (France A.; настоящее имя Франсуа Анатоль Тибо, François-Anatole Thibault; 1844–1924) – французский писатель и литературный критик. Нобелевская премия (1921). 77, 80, 89–92, 144, 404
Франческа Пьеро делла – см. Пьеро дела Франческа.
Франчабиджо (Франческо ди Кристофано, прозванный Ф., Francesco di Cristofano, Franciabigio, 1482–1525) – итальянский художник. Работал во Флоренции. 61
Фрейберг Сергей Иванович (1887–1957) – специалист и организатор оптико-механической промышленности. Профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Начальник 2-го Главного управления НКВ. Гл. инженер Всесоюзного объединения оптико-механической промышленности (1930–1933), технический директор Ленинград. оптико-механич. завода (1933–1937). Работал также в Ленинград. ин-те точной механики и оптики (ЛИТМО). Главный инженер 9-го Главного управления Народного комиссариата оборонной пром-ти (1937–1947); зам. начальника 2-го Главного управления. Организовал и возглавил кафедру «Производство оптических приборов» МВТУ им. Н.Э. Баумана (1947–1957). 206, 212
Френель Огюстен Жан (Fresnel Au.J., 1788–1827) – французский физик, один из основоположников волновой оптики. 54, 55, 196
Френкель Яков Ильич (1894–1952) – советский учёный, физик-теоретик, чл.-корр. АН СССР (1929). Работал в Ленинградском физико-техническом институте (с 1921). Сталинская премия (1947). 162, 174
Фрида Соломоновна – см. Ландсберг Ф.С. 375
Фриш Отто Роберт (Frisch O.R., 1904–1979) – английский физик-ядерщик австрийского происхождения. Племянник известного физика Лизы Мейтнер. Работы посвящены ядерной физике, физике молекулярных пучков. Участник Манхэттенского проекта. 26
Фромм – сотрудник ФИАНа. 153
Фрумкин Александр Наумович (1895–1976) – советский физико-химик, организатор науки, автор основополагающих работ в современной электрохимии; основоположник электрохимической кинетики, один из основателей современного учения об электрохимических процессах, создатель советской электрохимической школы. Академик АН СССР (1932). Герой Социалистического Труда (1965). Сталинская премия (1941, 1949, 1952). 266, 304, 354, 390
Фултон Роберт (Fulton R., 1765–1815) – американский инженер и изобретатель. 85

Хансен (Hansen) – 60
Хвостов Михаил Вениаминович (ум. 1942) – музыкант, дирижер Театра им. Евг. Вахтангова. В 1938 г. был выслан из Москвы на 3 года («за анекдоты»). Его приютили у себя Вавиловы в Ленинграде. Двоюродный брат О.М. Вавиловой. 143, 144, 208, 245, 314, 352, 439
Хенкин Владимир Яковлевич (1883–1953) – актёр, народный артист РСФСР (1946). 238
Хеопс – египетский фараон (III тысячелетие до н.э.). 266, 268, 288
Хиршберг Александр (Hirschberg A., 1847–1907) – польский историк. 219
Хлебников – инженер-исследователь. Работал в НИИ 801. 359, 361
Хлендовский, фон (Chłendowski C., von) – немецкий историк искусств. 344, 363
Хлопин Виталий Григорьевич (1890–1950) – радиохимик, один из основоположников советской радиохимии и радиевой промышленности. Академик АН СССР (1939, чл.-корр. 1933), Герой Социалистического Труда (1949).. Получил первые отечественные препараты радия (1921); один из основателей Радиевого ин-та. 238
Хозяинов Тимофей Степанович (1895–1940) – управленец. Образование среднее. Последнее место работы – зам. начальника Центрального управления морского сухогрузного флота

Наркомфлота СССР. Арестован в 1939 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Расстрелян 26.01.1940 г. Реабилитирован в 1955 г. 59
Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) – литературовед, общественный деятель. Академик АН СССР (1966, чл.-корр. 1958). В 1939–1948 гг. председатель Комитета по делам искусств при СНК (с 1946 г. – СМ) СССР. 339
Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – советский партийный и государственный деятель. 418

Цвейг Арнольд (Zweig A., 1887–1968) – немецкий писатель. Президент Германской академии искусств (1950–1953). 67
Цветина – партийный работник. Секретарь Василеостровского райкома ВКП(б) г. Ленинграда. 441
Цезарь Гай Юлий (Caesar G.I., 100 или 102 до н.э. – 44 до н.э.) – римский государственный и политический деятель, полководец. 203, 315, 327
Цейс (Цейсс) Карл (Zeiss C., 1816–1888) – немецкий оптик, основатель известной фирмы оптических инструментов в Йене (с 1846 г.). 59, 355
Цицин Николай Васильевич (1898–1980) – ботаник и селекционер, академик АН СССР (1939), ВАСХНИЛ (1938; в 1938–1948 гг. ее вице-президент), дважды Герой Социалистического Труда (1968, 1978). Сталинская премия (1943). В 1940–1949 гг. – директор, зав. отделом Ин-та зернового хозяйства Нечерноземной полосы, в 1945–1980 гг. – директор Главного ботанического сада АН СССР. 286, 443
Цицын – см. Цицин Н.В.

Чайкин Александр – шофер С.И. Вавилова. 252
Чайковский Пётр Ильич (1840–1893) – композитор, дирижёр, педагог. 84, 115, 250, 297, 343, 414
Чаплин Чарльз Спенсер (Chaplin Ch. S., 1889–1977) – киноактер, кинорежиссер, сценарист, композитор. 142
Чапыгин Алексей Павлович (1870–1937) – писатель. Самоучка. 93
Чеботарёв Николай Григорьевич (1894–1947) – математик. Чл.-корр. АН СССР (1929). 315
Чезаре Марио де (Cesare M. de, 1895–?) – итальянский чиновник. С декабря 1946 по ноябрь 1947 гг. выполнял особые поручения в Риме. 325
Челлини Бенвенуто (Cellini B.; 1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир, живописец, писатель. 86, 87, 92, 448
Чемберлен Невилл (Chamberlain A. N., 1869–1940) – государственный деятель Великобритании, один из лидеров Консервативной партии. Премьер-министр Великобритании в 1937–1940 гг. Проводил «политику умиротворения» Германии. 93
Ченакал Валентин Лукич (1914–1977) – инженер-оптик, историк астрономии и приборостроения в России XVIII–XIX вв. Окончил техникум точной механики и оптики (Ленинград, 1933 г.), учился в ИТМО (1933–1935). Работал с 1933 г. на заводе № 350 Наркомата вооружений, где прошел путь от приемщика готовой продукции до руководителя группы и старшего инженера-исследователя Центрального конструкторского бюро (Ленинград, в 1941–1945 гг. Новосибирск), затем на заводе № 349 (1945–1949). В феврале–декабре 1946 г. командирован в Йену (Германия) в составе Комиссии Министерства вооружений СССР. По ходатайству Президиума АН СССР был переведен в ноябре 1949 г. в АН СССР. С 1949 г. зав. Музеем М.В. Ломоносова (в 1949–1953 гг. Ин-та этнографии, с 1953 г. ИИЕТа), с 1971 г. зав. сектором-музеем «Научное творчество М.В. Ломоносова», с 1973 г. – старший научный сотрудник ИИЕТ. Историей науки начал заниматься с 1939 г., и эта работа проводилась под руководством С.И. Вавилова. В 1950–1959 гг. член редколлегии 10-томного Полного собр. соч. М.В. Ломоносова. С января 1953 г. он также ученый секретарь Комиссии АН СССР по разработке научного наследия и изданию трудов М.В. Ломоносова. 432
Чень-Бо до – см. Чэнь Бода
Черепнев – сотрудник ГОИ. 159

Черкасов Николай Константинович (1903–1966) – актёр, народный артист СССР (1947). 248, 315
Черни Марианус (Czerny M., 1896–1985) – немецкий физик. Ученик Г. Рубенса. Учился в ун-тах Берлина и Фрайбурга (1918–1923). С 1928 г. работал в Физическом ин-те Берлинского ун-та, в 1938–1961 гг. – профессор экспериментальной физики и директор Физического ин-та ун-та Франкфурта-на-Майне. Работы преимущественно по оптике. 57, 58
Черников – сотрудник торгпредства СССР в Берлине в середине 1930-х гг. 59
Чернов* Андрей Григорьевич (1905–?) – административный работник. Начинал в Крымском обкоме ВКП(б) (1920–1921), затем в ОГПУ (1927–1931), был помощником директора МХАТ (1938), зам. начальника Дома культуры железнодорожников (1938–1941). В 1941–1945 гг. – помощник президента АН СССР В.Л. Комарова, начальник спецчасти Комиссии по мобилизации ресурсов Урала. 227, 252
Чернов Иван Иванович – купец, владел магазином колониальных товаров на ул. Б. Пресня (Москва) в начале XX века. 380, 385, 432
Черномордик Яков Исаевич – купец, владел антикварным магазином в Москве в начале XX века. 263
Чернопятов – сотрудник Академстроя в 1940-е годы. 398
Чернышев (ум. в 1949 г.) – сотрудник ГОИ. 94, 391
Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (Spencer-Churchill W.L., 1874–1965) – британский государственный и политический деятель. Премьер-министр Великобритании в 1940–1945 гг. и 1951–1955 гг. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1953). 202, 222, 223
Чехматаев Дмитрий Павлович (1903–1954) – физик-технолог. Кандидат технических наук (1933). Директор ГОИ с 1937 г. по 1950 г. 127, 153, 186, 202, 242, 330, 384, 388, 416, 417, 419, 421, 422, 424, 425, 439, 454
Чехматаев Павел (ум. 1944) – отец Д.П. Чехматаева. 202
Чехов Антон Павлович (1860–1904) – писатель, драматург, врач. 166
Чингисхан (ок. 1155–1227) – основатель единого Монгольского государства, полководец. 85
Чуваки – см. Чулаки.
Чудаков Евгений Алексеевич (1890–1953) – ученый в области машиноведения и автомобильной техники. Академик АН СССР (1939, чл.-корр. 1933). В 1939–1953 гг. директор Ин-та машиноведения АН СССР. В 1939–1942 гг. вице-президент, с 1940 г. член Президиума АН СССР. В 1949–1953 гг. член главной редакции БСЭ. 128
Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фамилия – Николай Васильевич Корнейчуков, 1882–1969) – поэт, публицист, критик, переводчик и литературовед. 169, 215
Чулаки Михаил Иванович (1908–1989) – композитор, педагог, музыкально-общественный деятель. Народный артист РСФСР (1969). 306
Чуприн Алексей Демьянович – заместитель директора ФИАНа по хозяйственной части в 1940–1950-е гг. 347
Чэнь Бода – секретарь Мао Цзэдуна с 1937 г.; с 1945 г. кандидат в члены ЦК КПК; с 1946 г. член ЦК КПК; в 1949 г. избран вице-президентом Академии наук КНР; с 1952 г. зам. зав. отделом пропаганды ЦК КПК; кандидат в члены Политбюро ЦК КПК 8-го созыва; в 1958 г. назначен главным редактором журнала «Хунци»; автор ряда работ по истории и социологии. Член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 9-го созыва, с июля 1966 г. руководитель группы ЦК КПК по делам культурной революции. С 1970 г. его судьба неизвестна. 419

Шалонж Даниель (Chalonge D.H., 1895–1977) – французский астроном. Предложил (совм. с Д. Барбье) классификацию звезд по спектральным характеристикам. 54, 55
Шампетье Жорж (Champetier G., 1905–1980) – французский химик. Работал в Париже. В 1928–1938 гг. ассистент Ж. Урбэна. Член французской АН (1960). Президент ин-та Пастера (1966). Для него была создана первая университетская кафедра по химии макромолекул (Сорбонна, 1953 г.). – 52
Шампольон Жан-Франсуа (Champollion J.-F., 1790–1832) – французский историк-ориенталист и лингвист, основатель египтологии. 35

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) – военный деятель и теоретик. Маршал Советского Союза (1940). 200
Шателен (Шатэлен) Михаил Андреевич (1866–1957) – электротехник. Чл.-корр. АН СССР (1931). Один из организаторов Петербургского политехнического ин-та, преподавал там в 1901–1957 гг. Принимал участие в составлении плана ГОЭЛРО. С 1929 г. президент Главной палаты мер и весов СССР, в 1929–1949 гг. член Международного комитета мер и весов. 45, 244, 427, 439
Шафер Юрий Георгиевич (1909–1991) – геофизик. Кандидат (1951, НИИ ядерной физики МГУ), доктор физ.-мат. наук (1971, Ин-т ядерной физики, Новосибирск). Лауреат Сталинской премии (1950). В 1935 г. окончил Томский ун-т. Участник Великой Отечественной войны. Один из организаторов Ин-та космофизических исследований и аэрономии СО АН СССР (г. Якутск). Работал в Ин-те в 1947–1991 гг. Директор с 1962 г. по 1987 г. (ныне ин-т его имени). 428
Шахурин Алексей Иванович (1904–1975) – государственный и партийный деятель. Герой Социалистического Труда (1941), генерал-полковник инженерно-авиационной службы. Нарком авиационной промышленности (1940–1946). 248
Шебеко – хозяин усадьбы около биологической станции Борок. 322
Шекспир Уильям (Shakespeare W., 1564–1616) – английский драматург и поэт. 120, 223, 368, 455, 456
Шелест Алексей Нестерович (1878–1954) – теплотехник и машиностроитель. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1933). В 1915 г. окончил Московское Высшее техническое училище и был оставлен там преподавателем (с 1932 г. – профессор). Здесь по его инициативе была создана кафедра тепловозостроения, которую он возглавлял до конца жизни. Основные труды посвящены вопросам тепловозо-, паровозо- и электровозостроения, а также двигателям внутреннего сгорания и компрессорам. Лауреат Сталинской премии (1943). 172
Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (Schelling F.W.J., 1775–1854) – немецкий философ. 311
Шенников Александр Петрович (1888–1962) – советский ботаник, чл.-корр. АН СССР (1946). В 1919–1962 гг. работал в Петроградском (Ленинградском) ун-те. Труды по луговедению и общей фитоценологии. 320, 322
Шенфер Клавдий Ипполитович (1885–1946) – ученый-изобретатель в области электротехники, один из создателей советской школы электротехников. Академик АН СССР (1932). Сталинская премия (1943). 122, 279
Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995) – политический деятель, ученый-экономист. Чл.-корр. АН СССР (1953, лишен звания 26.03.1959, восстановлен 22.03.1991). С 1947 г. на ответственной работе в аппарате ЦК ВКП(б): первый зам. нач. Управления пропаганды и агитации, зав. Отделом, инспектор. Член ЦК КПСС (1952–1957), секретарь ЦК КПСС (1955–1956, 1957). 351, 362–364, 374, 375
Шестакович – см. Шостакович Д.Д.
Шидловский Павел Григорьевич (1900–?) – административный деятель. С 1920-х годов работал в АН СССР. В 1934–1955 гг. зав. плановым отделом, начальник финансового отдела Президиума АН СССР, начальник планово-финансового отдела Президиума АН СССР (1955–1966). 136
Шиллер Фридрих фон (Schiller F. von; 1759–1805) – немецкий поэт, философ, историк, теоретик искусства и драматург. 327
Шмальгаузен Иван Иванович (1884–1963) – биолог, зоолог, теоретик эволюционного учения. Академик АН УССР (1922), академик АН СССР (1935), ученик А.Н. Северцова. Сын И.Ф. Шмальгаузена. 351, 362, 374, 379
Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – математик, геофизик, географ, астроном. Государственный и общественный деятель. Один из организаторов освоения Северного морского пути. Академик АН УССР (1934), академик АН СССР (1935, чл.-корр. 1933), вице-президент АН СССР (1939–1942), Герой Советского Союза (1937). 122, 127, 139, 145, 149, 171, 172, 399, 463
Шмид–Кремлевский – см. Шмидт О.Ю.

Шнейдер Р. 177
Шницлер Артур (Schnitzler A., 1862–1931) – австрийский драматург и прозаик. 427
Шомон (Chaumont) – 52
Шопен Фредерик (Chopin F.; 1810–1849) – польский композитор и пианист. 107, 115, 118, 150, 197, 294
Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) – композитор, пианист, педагог и общественный деятель. 171, 188, 250, 418
Шотт Отто (Schott F.O., 1851–1935) – немецкий химик. Д-р философии Йенского ун-та (1875). В 1884 г. основал в Йене фирму по производству оптического стекла «Шотт и товарищи», позднее ее технический директор. 60
Шоу Джордж Бернард (Shaw G.B.; 1856–1950) – английский писатель, романист, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1925). 403
Шпаро* Борис Александрович (1890–?) – юрист. Окончил Московский ун-т (1913). В 1910-е годы учился также в Московской консерватории. В годы революции и гражданской войны жил и работал при разных властях. С 1922 г. – в Москве. В 1934–1937 гг. – ответственный секретарь редакции «Вестника АН СССР», с февраля 1938 г. – референт президента АН СССР В.Л. Комарова, затем до января 1946 г. в той же должности, но в штате Ин-та истории естествознания АН СССР. В 1946–1948 гг. – начальник организационно-инспекторского отдела Академпродснаба (до упразднения этой структуры). Подробнее см. в кн.: В.И. Вернадский. Дневники 1941–1943. Отв. ред. В.П. Волков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 481–482. 227
Шпенглер Арнольд (Spengler O.A.G., 1880–1936) – немецкий философ-идеалист, историк, культуролог. 72
Шпольские – семья Э.В. Шпольского. 448
Шпольский Эдуард Владимирович (1892–1975) – физик, д-р физ.-мат. наук (1933). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1968). Окончил Московский ун-т (1913), работал в лаборатории П.П. Лазарева. В 1918–1930 гг. – в Ин-те физики и биофизики, в 1930–1932 гг. в МГУ. С 1932 г. зав. кафедрой Московского педагогического ин-та им. В.И. Ленина. Главный редактор журнала УФН (1936–1975). Основные работы по спектроскопии и применению спектральных методов в биофизике и биохимии, открыл эффект Шпольского. 133
Шредингер Эрвин (Schrödinger E., 1887–1961) – австрийский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Разработал волновую механику, сформулировал ее. Нобелевская премия по физике (1933). 274, 350
Штакеншнейдер Андрей Иванович (1802–1865) – архитектор. Строил императорские и великокняжеские дворцы, в частности Мариинский дворец в Санкт-Петербурге (1839–1844). 280, 290
Штаммрейх Ганс (Stammreich H.) – немецкий физико-химик. Работал в Берлине в 1920–1930-е годы. 56
Штейнман Эрнст (Steinmann E.) – немецкий историк искусств. 103
Штелльман – физик. Работал в России, после 1918 г. – в Польше. 22
Штерн Лина Соломоновна (1878–1968) – советский физиолог и биохимик. Академик АН СССР (1939) и АМН (1944). В 1903 г. окончила Женевский ун-т и работала там же (с 1917 г. профессор). С 1925 г. – в СССР. В 1925–1948 гг. работала во 2-м Московском медицинском ин-те, в 1929–1948 гг. также директор Ин-та физиологии АН СССР. В 1954–1968 гг. зав. отделом Ин-та биофизики АН СССР. Сталинская премия СССР (1943). 228, 353, 358, 359, 363, 373, 374, 379
Штрукс Йоганн (Stroux J., 1886–1954) – немецкий классический филолог. В 1946–1951 гг. президент, в 1951 г. вице-президент Берлинской АН. 389
Шуберт Франц Петер (Schubert F.P., 1797–1828) – австрийский композитор. 305
Шуйский Борис Иванович (ок. 1460–1537) – боярин. 186
Шулейкин Василий Владимирович (1878–1976) – советский геофизик. Академик АН СССР (1946). Организатор и директор Черноморской гидрофизической станции в Кацивели

(1929–1941) и Морской гидрофизической лаборатории АН СССР (с 1942 г.). В 1947–1950 гг. начальник Главного управления гидрометеослужбы СМ СССР. Один из основоположников советской школы физики моря. 185, 356, 375, 423
Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – русский политический деятель, публицист. Один из лидеров правого крыла 2–4-й Государственных дум, монархист. 100

Щеголев А.Н. (А.Ф. 1949) – сотрудник ФИАНа. 331, 338, 347, 357
Щусев Алексей Викторович (1873-1949) – архитектор, заслуженный архитектор СССР (1930), академик АН СССР (1943). Автор многих известных сооружений, в том числе мавзолея В.И. Ленина. Создал проект 25-этажного здания Президиума АН СССР, который не был одобрен Сталиным. 50, 333, 371, 391, 397

Эвклид – см. Евклид
Эддингтон Артур Стэнли (Eddington A.S., 1882–1944) – английский астроном и физик. Член Лондонского королевского об-ва (1914), иностранный чл.-корр. Российской АН (1923) и многих других академий и научных обществ. В 1906–1913 гг. работал в Гринвичской обсерватории, в 1913–1944 гг. профессор Кембриджского ун-та, в 1914–1944 гг. также директор университетской обсерватории. 161, 296
Эдисон Томас (Edison Th.; 1847–1931) – американский изобретатель, предприниматель, организатор и руководитель первой американской промышленной лаборатории. Автор свыше 1000 изобретений. 246
Эйзен И.М. – переплетчик. Работал в издательстве АН СССР. 190
Эйлер Леонард (Euler L., 1707–1783) – немецкий математик, механик, физик, астроном. В 1726 г. приглашен в Петербургскую АН и переехал в 1727 г. в Россию. 67, 124, 432
Эйнштейн Альберт (Einstein Al., 1879–1955) – физик-теоретик, один из создателей современной физики, иностранный чл.-корр. Российской АН (1922). Нобелевская премия (1921). 18, 67, 70, 106, 123, 223, 297, 332, 339
Эйхенвальд Александр Александрович (1863/64–1944) – русский физик и инженер. Академик АН Украины (1919). Окончил Петербургский ин-т инженеров путей сообщения (1888). С 1897 г. работал в Московском инженерном училище, в 1905–1908 гг. – первый выборный директор его. Преподавал также в других вузах Москвы, в частности в Московском ун-те (1906–1911 и 1917–1920). С 1920 г. жил за границей. Исследования по электромагнетизму, оптике, акустике. 24
Элиасберг Карл Ильич (1907–1978) – советский дирижёр, заслуженный деятель искусств РСФСР (1944). В 1937–1950 гг. главный дирижер Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета. 353
Элленгорн Я.Э. – эмбриолог. В конце 1940-х гг. работал в Среднеазиатском ун-те им. В.И. Ленина (Ташкент). 397
Эмар Гюстав (Aimard H., наст. имя – Оливье Глу (Gloux O., 1818–1883) – французский писатель. Автор обширного цикла историко-приключенческих романов. 139
Эмпедокл (ок. 492–ок. 432 до н.э.) – древнегреческий философ, поэт, врач, политик. 123, 140
Энгельгардт (Георг Рейнгольд) Егор Антонович (1775–1862) – российский писатель и педагог. Был на военной службе, в 1796 г. перешел в коллегию иностранных дел. С 1811 г. – директор С.-Петербургского педагогического ин-та, в 1816–1823 гг. – директор Царскосельского лицея. 286
Энгельс Фридрих (Engels Fr.; 1820–1895) – один из основоположников марксизма, друг, единомышленник и соавтор Карла Маркса. 159
Эпикур (342/341 до н. э.–271/270 до н. э.) – древнегреческий философ-материалист. 292, 297, 326, 350, 423
Эпинус Франц (Aepinus Fr., 1724–1802) – физик, член Петербургской АН (1756). 262
Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – писатель, поэт, публицист и общественный деятель. Сталинская премия (1942, 1948). 241–243, 344
Эренфест (Ehrenfest) – физик. Работал в 1930-е гг. в Ин-те Ротшильда (Париж). 49

Эренфест Пауль (Ehrenfest P., 1880–1933) – физик-теоретик. Окончил Венский ун-т (1904). С 1907 г. профессор Петербургского политехнического ин-та, с 1912 г. Лейденского ун-та. 457
Эррера Жак (Errera J., 1906–1977) – бельгийский физико-химик. Работал в Свободном ун-те (Брюссель). 57
Эспинель Висенте (Espinel V., 1550–1624) – испанский поэт и романист. 64

Юдин Павел Федорович (1899–1968) – философ и общественный деятель. Академик (1953, чл.-корр. 1939). Сталинская премия (1943). Директор Ин-та красной профессуры (1932–1938), Ин-та философии АН СССР (1938–1944). 148, 206
Юра – см. Вавилов Ю.Н.
Юрий Долгорукий, кн. (1090-е гг. –1157) – князь ростово-суздальский и великий князь киевский, шестой сын Владимира Мономаха. Основатель Москвы. 325
Юсупов 291
Юшкевич Адольф Павлович (1906–1993) – историк математики. Доктор физ.-мат. наук (1940). В 1930–1952 гг. работал в Московском высшем техническом училище им. Н.Э. Баумана. С 1940 г. – профессор МГУ, одновременно с 1945 г. работал в ИИЕТ АН СССР. 432

Яблоньский Александр (Jablonski A., 1898–1980) – польский физик. Член Польской АН (1956). В 1925–1938 гг. и 1945 г. работал в Варшавском ун-те, в 1943–1945 гг. – в Эдинбурге, в 1946–1968 гг. – профессор Торуньского ун-та. Ученик С. Пеньковского. Работы по фотолюминесценции, спектроскопии. 20–22
Яблочкина Александра Александровна (1866–1964) – драматическая актриса. Народная артистка СССР (1937). С 1888 г. – в труппе Малого театра. Сталинская премия (1943). 346
Якоби Борис Семенович (Мориц Герман) (Jacobi M.H., 1801–1874) – физик и электротехник. Член Петербургской АН (1847, чл.-корр. 1838). Окончил Геттингенский ун-т. С 1835 г. профессор Дерптского ун-та. С 1837 г. жил и работал в Петербурге. Работы в области электромагнетизма и его практического применения. 347, 439
Яковкин Иннокентий Иванович (1881–1949) – правовед, библиотековед, библиограф. Профессор ЛГУ, в 1929–1949 гг. – директор библиотеки АН СССР (БАН). 376
Яковлев В. 377
Яковлев Яков Аркадьевич (Эпштейн, 1896–1938) – государственный деятель. Учился в Ленинградском политехническом институте. В 1929 г. возглавил только созданный Наркомзем. Ему было поручено проведение коллективизации. С апреля 1934 г. заведовал сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). В 1937 г. арестован и в 1938 г. расстрелян. 129
Яковлев А.С. – физик. В 1943 г. защитил диссертацию «К теории радиоактивного распада». 174
Яновская (ум. в 1949 г.) – сведений о ней обнаружить не удалось. 391

G. – Галилей Г.

Abetti G. – см. Абетти Дж.
Allen H. – см. Аллен Х.
Amaldi – см. Амальди Э.
Arnulf – см. Арнюльф А.
Aschinger – см. Ашингер
Auger – см. Оже П.В.
Baldet – см. Балде Ф.
Barknel – см. Баркнел
Barocci (Barrochio) – см. Бароччи Ф. (Барокио)
Bellini G. – см. Беллини Дж.
Belliot – см. Беллио
Beltrami Z. – см. Бельтрами Л.
Benedetti – см. ДеБенедетти С.
Benôit P. – см. Бенуа П.
Bernall – см. Бернал Дж.Д.
Bianquis G. – см. Бьянки Ж.
Billard M. – см. Биллар М.
Bjałobyssky – см. Бялобжеский Ч.
Bobr I. – см. Бобр И.
Bombacci – см. Бомбаччи Н.
Bošcovich R. – см. Бошкович Р.
Boyer – см. Бойер
Brüche – см. Брюхе Э.К.Р.
Cardano – см. Кардано Дж.

Cauchois – см. Кошуа
Chalonge – см. Шалонж
Champetier – см. Шампетье
Chaumont – см. Шомон
Cojon – см. Кожон
Conte Corti – см. Конте Корти
Contessa – см. Контесса
Corbino – см. Корбино
Corregio – см. Корреджо
Cotton – см. Коттон Э.
Couder – см. Кудер
Creti Donato – см. Крети Донато
Crowther – см. Кроутер
D̓ Agostino – см. Д' Агостино
Dayer – см. Дейер
Descartes – см. Декарт Р.
Domenichino – см. Доменикино
Dominik Hans Joachim – см. Доминик Г.И.
Donati– см. Донати
Du Bled V. – см. Дю Блед В.
Duce – см. Муссолини
Dufay – см. Дюфе
Dumas – см. Дюма А.
Dunoyer (Dunoger) – см. Дюнойе (Дюнож)
Dürer – см. Дюрер
Errerà – см. Эррер
Eyth – см. Айт
Fabri H. – см. Фабри О.
Fermi – см. Ферми Э.
Fiori F. – см. Фьори Ф.
Franciobigio B.F.M. – см. Франчобиджо
Führer – см. Гитлер
Gaborian – см. Габорио
Gerstfeldt O. von – см. Герштфельдт О. фон
Geti – см. Гети
Giaquinta S. – см. Джаквинта С.
Ginori – см. Джинори
Giorgione – см. Джорджоне
Giorolamo – см. Джороламо
Giotti – см. Джотти
Godeau – см. Годо
Goethe – см. Гете
Gramont (правильно: Garamont) – см. Гарамон
Guilloux L. – см. Гюйу Л.
Guyau M. – см. Гюйо М.
Hansen – см. Хансен
Haschek – см. Гашек Э.
Heller – см. Геллер
Helmholtz G. – см. Гельмгольц Г.
Herman – см. Герман
Hirschberg – см. Хиршберг А.
Hoffmann – см. Гофман Э.
Holbein – см. Гольбейн
Ivon – см. Ивон
Jobin – см. Жобен
Joliot – см. Жолио–Кюри
Jordan P. – см. Иордан П.
Klein – см. Клейн
Köhler – см. Кёлер
Koristka – см. Користка
Kowski P. – см. Ковски
Krauss – см. Краусс
Kühl – см. Кюль
Laffert K.A. von – см. Лафферт К.А. фон
Landini – см. Ландини
Langevin P. – см. Ланжевен П.
Le Roy E. – см. Ле–Руа Е.
Lenotre – см. Ленотр
Leonardo da Vinci – см. Леонардо да Винчи
Leonhardt – см. Леонгардт
Leroux Gaston – см. Леру Г.
Levi – см. Леви
Levi Civitta – см. Леви Чивита
Ludwig E. – см. Людвиг Е.
Luther – см. Лютер
Marie F. – см. Мари Фр.
Marie M. – см. Мари М.
Martinez – см. Мартинец
Mason (правильно: Mazon) – см. Мазон
Maurain – см. Морен
Maurel A. – см. Морель А.
Medici Maria – см. Медичи Мария
Misler Jean – см. Мислер Ж.
Moeller van den Broech – см. Мёллер ван ден Брук А.
Muronesco – см. Мюронеско
Nietzsche F. – см. Ницше Ф.
Novalis – см. Новалис
Occhialini – см. Оккиалини Дж.
Oppeln – см. Оппелн-Брониковски
Ostwald W. – см. Оствальд В.
Perri – см. Перри
Perrin Fr. – см. Перрен Ф.
Perrin J. – см. Перрен Ж.
Pontecorvo – см. Понтекорво Б.
Prilty – см. Прилти
Przyborski – см. Пжиборский
Rand Ayn – см. Рэнд А.
Rassetti – см. Разетти Ф.
Rastworowski – см. Ростворовский К.
Roberty E. de – см. Роберти Е. де
Ronchi – см. Ронки В.
Rosenberg – см. Розенберг

Rossi – см. Росси Б.
Saintine X.B. – см. Сентин К.В.
Sandor Kameri – см. Кемери Сандор
Schneider R. – см. Шнейдер Р.
Schrödinger – см. Шредингер Э.
Seabrook – см. Сибрук В.
Segré V. – см. Сегре В.
Senatore – см. Сальмоираги А.
Solski – см. Сольски Л.
Spondone– см. Спондоне
Steinmann E. – см. Штейнман Э.
Urbain – см. Урбэн Ж.
Urbain VIII – см. Урбэн VIII
Strömberg G. – см. Стрёмберг Г.
Volterra – см. Вольтера
Wallace E. – см. Уоллес Э.
Weiler – см. Рудольф А.
Wegscheider – см. Вегшайдер
Weizsächer – см. Вейцзеккер К.
Wurmser – см. Вюрмсер Р.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ (краткий биографический очерк) 11

ДНЕВНИКИ 17

1920 17

1935 20

1936 62

1937 64

1938 66

1939 69

1940 79

1941 109

1942 139

1943 167

1944 195

1945 232

1946 268

1947 298

1948 336

1949 377

1950 421

1951 468

ПРИМЕЧАНИЯ 472

ПРИЛОЖЕНИЯ 526

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 540

Научное издание

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ
ВАВИЛОВ

ДНЕВНИКИ, 1909–1951

В двух книгах

Книга 2
1920, 1935–1951

(Научное наследство. Т. 35, кн. 2)

Утверждено к печати
Редколлегией серии
"Научное наследство"

Зам. руководителя НРЦ
Е.Ю. Жолудь

Редактор *Е.А. Жукова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Е.А. Желнова, Р.В. Молоканова,
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 18.09.2012
Формат 70 × 100[1]/[16]. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 52,8. Усл.кр.-отт. 54,4. Уч.-изд.л. 53,4
Тип. зак. №3294.

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28


ISBN 978-5-02-037640-3
9 785020 376403

Уточнение к стр. 500

Примечание 2 к записи от 31 октября 1945 г. следует читать так: Нафтарет – искаженное воспроизведение немецкой транскрипции имени египетской царицы Нефертити – Нофретете. Ее бюст из песчаника, как и Пергамский алтарь, был возвращен в Берлин в 1958 г.